Ген.-Лейт. М. А. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

9477
2/49
109
801-25
6652-0

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Съ картами и планами.

ТОМЪ II.

П.Р. 97

Типо-литографія В. В. Комарова
СПБ. Невскій, собств. д. 136.
1906.

Ген.-Лейт. М. А. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

V 49
109

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Съ картами и планами.

ТОМЪ II.

Типо-литографія В. В. Комарова
СПБ. Невскій, собств. д. 136
1906.

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ТОМЪ II.

ГЛАВА I.

СТРАН.

Свѣдѣнія о происхожденіи дунганъ и таранчей. Честолюбіе ходжей. Причины возстанія въ Западномъ Китаѣ. Отношенія наши къ Китаю передъ возстаніемъ. Мольбы китайцевъ о помощи. Наша система невмѣшательства. Мѣры, принятыя западко-сибирскимъ губернаторомъ. Попытка инсургентовъ войти съ нами въ сношенія. Нарушеніе нашихъ границъ калмыцкимъ хутухтой Чоганъ-Кегенемъ. Раздоръ между дунганами и таранчами. Опять ходжи. Занятіе Алтышара коканскими войсками подъ командою Якубъ-бека. Волненія и безпорядки среди нашихъ пограничныхъ киргизъ. Солоны и Сибо бѣгутъ къ намъ. Сношенія съ кульджинскимъ султаномъ Абиль-Огля. Баранты у нашихъ киргизовъ. Отвѣтные набѣги нашихъ отрядовъ. Занятіе Музартскаго прохода въ Тянь-Шанѣ. Высокомѣріе кульджинскато султана. Нападеніе разбойниковъ на маіора Здоренко. Посольство капитана барона Каульбарса въ Кульджу. Укочевка кызаевъ въ кульджинскія владѣнія . . . . . 1—24

ГЛАВА II.

Сношенія нашихъ пограничныхъ киргизовъ съ таранчами. Побѣгъ прапорщика Тазабека. Поискъ эсаула Герасимова. Поддержка, оказанная Тазабеку въ Кульджѣ. Мѣры ген. Колпаковскаго. Рекогносцировка путей въ ханство. Движеніе Борохудзирскаго отряда къ г. Мазару. Дѣло подъ Кетменемъ 8 мая. Движеніе полковника Михаловскаго къ Кетменскому перевалу, а маіора Балицкаго къ Акъ-Кенту. Безпечность Михаловскаго и ночное дѣло подъ Кетменемъ 21 мая. Стычки подъ Акъ-Кентомъ 3 и 4 іюня. Прибытіе въ городъ генерала Колпаковскаго . 25—38

ГЛАВА III.

Наступленіе войскъ. Составъ ихъ. Бой подъ Алимъ-Ту 16 іюня. Плѣнные несутъ службу въ ротахъ. Бой подъ Чинъ-чахо-дзи 18 іюня. Запрещеніе ходить на добычу. Паника жителей. Бой подъ Суйдуномъ 19 іюня. Прибытіе султана въ лагерь подъ Баяндаемъ. Вступленіе войскъ въ г. Кульджу 22 числа. Трофеи. Сестры милосердія. Прокламаціи Колпаковскаго. Пред-

СТРАН.

положенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Подозрительные поступки бухарскаго эмира. Просьба торгоутовъ о принятіи ихъ въ русское подданство. Переговоры съ китайскимъ уполномоченнымъ о передачѣ китайцамъ Кульджи. Численный составъ населенія занятаго края. Причины, по коимъ край этотъ оставленъ до времени въ вѣдѣніи русской администраціи. Задачи ея . . . . . 39—58

ГЛАВА IV.

Внутреннія дѣла Хивы. Отношенія къ туркменамъ. Ата-Мурадъ просится въ подданство Россіи. Причины самомнѣнія Хивы. Попытки Кауфмана войти въ соглашеніе съ Хивою. Ханъ не отвѣчаетъ на письма. Претензіи Хивы на лѣвый берегъ Сыра. Происки Англіи. Безпорядки среди киргизъ Оренбургскаго вѣдомства 1869 г. Прокламаціи хана. Нападенія на почтовыя станціи Орско-Казалинскаго тракта и на русскіе караваны. Дѣло подполк. бар. Штемпеля при оз. Джиты-Куль 20 мая 1869 г. Посланецъ Султанъ Бушаевъ съ письмомъ къ хану. Движеніе двухъ отрядовъ изъ Казалинска и Джизака. Занятіе Красноводскаго залива. Турецкій агентъ. Безпокойство персидскаго шаха. Трусость чиновника Юрковскаго и неразумѣніе пристава подполк. Рукина. Повтореніе ошибки Бековича. Гибель отряда. Подвигъ горсти русскихъ у мыса Чиграя 25 іюля 1870 г. Отрядъ полк. Саранчова. Преступная дѣятельность подполк. Байкова. Подвигъ эсаула Агапова. Смѣна Столѣтова. Движеніе полк. Маркозова къ хивинской границѣ и ген. Головачева къ Буканскимъ горамъ. Хивинцы ищутъ союзниковъ въ Оренбургѣ, Тифлисѣ и Остъ-Индіи. Походъ Маркозова въ Хиву 1872 г. Жары. Охота за верблюдами. Отчаянное положеніе двухъ ротъ безъ воды. . . . . 59—75

ГЛАВА V.

Осенняя рекогносцировка Маркозова. Захватъ верблюдовъ у туркменъ. Дѣло у колодца Джемала. Разрѣшеніе идти въ Хиву. Благовидные предлоги отступленія. Поворотъ къ текинцамъ. Разгромъ опустѣлыхъ селеній Бами и Беурмы. Отрицательные результаты. Предположенія на 1873 годъ. Съ трехъ сторонъ! Пути въ Хиву со стороны Кавказа. Усиленіе Мангышлакскаго отряда. Старанія добыть верблюдовъ. Нарушеніе персидской границы маіоромъ Мадчаваріани. Грустная необходимость ведетъ за границу и Маркозова. Командировка въ Чекишлярь полк. Золотарева. Маркозовъ спѣшитъ уйти. Составъ отряда. Неудачно выбранный путь. Сборъ верблюдовъ на Мангышлакѣ. Измѣна бія Кафара. Призывные огни. Прокламація хивинскаго хана. Сотня Ракузы-Сущевскаго. Опѣшенная сотня подполк. Квинитадзе. Галушки вмѣсто сухарей. Мирнымъ кир-

СТРАН.

гизамъ достается первымъ. Прошлогодній обманъ. Подробности снаряженія экспедиціи со стороны Каспія. Составъ Мангышлакскаго отряда. Спартанская простота. Инструкція Маркозову: не стѣсняться. Проектъ главнаго штаба. Замѣчанія Кауфмана и Крыжановскаго. Окончательный планъ похода . . . . . 76—112

ГЛАВА VI.

Движеніе красноводскаго отряда. Составъ его. Стоимость снаряженія. Верблюды не годны. Поискъ казачьяго полка къ колодцамъ Игды. Добыча. Конница заморена. Жары. Водоподъемныя средства отряда. Проводники. Неимовѣрная утечка воды изъ боченковъ. Совѣтъ проводниковъ свернуть на кол. Бала-Ишемъ—не принятъ. 52° R. Отчаянное положеніе казаковъ. 20-е апрѣля. Казаки бредутъ нагишомъ. Кабардинцы валятся. Часовые бросаютъ оружіе. Историческіе примѣры. Разсказъ маршала Сентъ-Арно. Александръ Македонскій въ Южной Персіи. Совѣтъ Непира. Взводъ годныхъ изъ 6-ти ротъ безсильныхъ. Офицеры загоняютъ барановъ и верблюдовъ съ пастьбы. Поворотъ на Бала-Ишемъ. Эшелонъ Козловскаго сбитъ съ дороги противорѣчивыми записками самого Маркозова. Казачій разъѣздъ на верблюдахъ собираетъ оружіе, одежду и замороженныхъ товарищей. Къ Орта-Кую дошло 6 человѣкъ. Колодцы не портятъ. Изобиліе воды послѣ воздержанія опасно лошадямъ. Можно ли было идти далѣе. Туркмены не опасны. Недостатокъ хлѣба. Военный совѣтъ. Рѣшеніе отступить въ Красноводскъ. Падежъ скота. Убыль лошадей и людей. Причины неудачи похода. Благодарность Маркозову, въ приказѣ по Кавказскому округу, за то, что отступилъ . . . . . 113—146

ГЛАВА VII.

Составъ туркестанскихъ отрядовъ. Что осталось на мѣстѣ. Скромная смѣта расходовъ и ея дополненія. Артиллерійское, инженерное и интендатское снаряженія. Медицинская часть. Щедрость общества попеченія о раненыхъ. Инструкція Кауфмана. За верблюдовъ, павшихъ отъ болѣзни, казна не платитъ. Пути въ Хиву. Планъ похода. Съ сухарями и верблюдами запоздали. Верблюдовъ не кормятъ на сборномъ пунктѣ. Ненужные грузы. Предложеніе интенданта Польмана устроить заранѣе склады въ степи. Отсутствіе иниціативы у ген. Головачева. Кауфманъ поощрялъ иниціативу въ подчиненныхъ. Кауфманки. Почтовая часть. Штабы отрядовъ. Выступленіе 28 февраля. Услужливость бухарскаго эмира. Падежъ верблюдовъ. Морозъ и буранъ 13 марта. Перемѣна маршрута. Разспросныя свѣдѣнія ротмистра барона Аминова предпочтены точнымъ съемкамъ прежняго пути. Короткій путь длиннѣе кружнаго. Просьба къ эмиру о хлѣбѣ. Подарокъ его къ Пасхѣ. Хивинскій ханъ возвращаетъ плѣнныхъ. Оправданіе крупныхъ эшелоновъ. Изъ-за чего казалинскую колонну перевели на новый и весьма круж-

СТРАН.

ный путь? Георгіевское укрѣпленіе на ключахъ Халъ-ата. Песчаные бураны и скорпіоны. Соединеніе отрядовъ 24 апрѣля. Снаряженіе казалинскаго отряда. Число пудовъ груза. Благовѣщенское укрѣпленіе. Нортоновскіе колодцы брошены. Приказъ идти не на Минъ-Булакъ, а на Халъ-Ата. Совѣтъ не исполнять приказа . . . . . 147—182

ГЛАВА VIII.

Составъ Оренбургскаго отряда. Роскошное снаряженіе. Расчетъ верблюдовъ. Продовольствіе. Смѣта расходовъ. Консервы. Экспедиціонныя вещи. Заботливость мѣстнаго общества попеченія о раненыхъ. Боевые припасы. Разсчетъ маршрутовъ. Приказъ Крыжановскаго. Выѣздъ эшелоновъ съ 13 февраля. Усердіе киргизовъ. Охрана тыла. Штабъ отряда. Капитаны съ правами начальниковъ дивизій. Инструкція начальнику отряда ген.-м. Веревкину. Сотня киргизской милиціи. Выступленіе съ Эмбы 26 марта. Порядокъ движенія. Морская вода, какъ питье. Стремленіе Веревкина удержать кавказскій отрядъ безполезными остановками и ненужными передвиженіями. Занятіе Кунграда 8 мая. Вѣроломное убійство киргизами офицера и 11 нижнихъ чиновъ, посланныхъ отъ флотиліи. Примѣръ доблестной службы киргиза Калъ-Ніаза. Дѣйствія аральской флотиліи. Въ полую воду на мели. Бой 28 апрѣля съ фортомъ Акъ-Кала на Улькунъ-Дарьѣ. Кавказцы отстали отъ Веревкина на цѣлый переходъ. Стычка у Кара-Байли. Форсированный переходъ кавказцевъ въ догонку за оренбуржцами . . . . . 183—208

ГЛАВА IX.

Движеніе мангышлакскаго отряда отъ залива Киндерли съ 14 апрѣля. Составъ отряда. Безводный переходъ въ 80 вер. Офицеры несутъ ружья усталыхъ солдатъ. Бурдюки изъ свѣжеснятыхъ шкуръ. Укрѣпленіе Бишъ-акты. Ловкость маіора Навроцкаго въ добываніи верблюдовъ. Распоряженія кн. Меликова. Сургучъ и стеариновыя свѣчи таютъ въ чемоданахъ. Порядокъ движенія. Усть-Уртъ. Редутъ у кол. Ильтедже. Поискъ къ Айбугиру 4 мая. Первый слухъ о Веревкинѣ. Предписаніе его. Стычка Скобелева у кол. Итебая 5 мая. Рядъ писемъ Веревкина. Страданія отряда при переходѣ Айбугира. Пруссакъ Штуммъ. Дань удивленія передъ русскимъ солдатомъ. Бисмаркъ проситъ вскрывать его письма. Соединеніе отрядовъ. Нищета кавказцевъ и зажиточный видъ оренбуржцевъ. Остроумный смотръ, чтобы заставить кавказцевъ идти позади. Дѣло у Ходжейли. Освобожденіе первыхъ рабовъ. Переходъ 12-й роты апшеронцевъ изъ Ильтедже назадъ, въ Бишъ-акты. Поручикъ Гриневичъ. Объявленіе Ломакинымъ амнистіи бѣжавшимъ съ Мангышлака киргизамъ . . . . . 209—228

СТРАН.

ГЛАВА X.

Выступленіе туркестанцевъ изъ Халъ-ата 27 апрѣля. Недостатокъ верблюдовъ. Негодность турсуковъ. Нападеніе на колонновожатыхъ. Ночное нападеніе на бивуакъ у кол. Адамъ-Крылганъ. Сожженіе залишняго имущества. Безводный переходъ въ 80 верстъ. Кауфманъ не хочетъ свернуть въ сторону на кол. Алты-Кудукъ. Варка пищи, когда вода на исходѣ. Жары. Падежъ верблюдовъ. Новые костры. Тюстюбай нашелъ колодцы въ 9 верстахъ отъ ночлега. Скрытый колодезь. Дохлая собака. Смерть нѣсколькихъ лаучей отъ жажды. Военный совѣтъ. Предложеніе бросить артиллерійскіе запасы. Караулы у колодцевъ. Разсказы полк. Полторацкаго, интенданта Касьянова и ген.-лейт. Королькова. Кому принадлежитъ совѣтъ отправить всѣхъ лошадей и верблюдовъ назадъ на Адамъ-Крылганъ? Нападенія 5 и 6 мая на верблюдовъ у кол. Адамъ-Крылганъ. Клубъ у Кауфмана. Пучекъ камыша съ озера Сардаба-Куля. Послѣднее залишнее оставлено на Алты-Кудукѣ. Ночные переходы гибельны для верблюдовъ. 11 мая увидѣли рѣку съ высокаго кряжа. Встрѣча съ непріятелемъ на ночлегѣ. Бережливость въ водѣ. Уральцы плывутъ къ обмелѣвшему каюку и берутъ его съ боя. Серенада на кауфманкѣ. Предписанія Веревкину, Ломакину, Ситникову и Маркозову. Прокламаціи. Рекогносцировка. Гребная флотилія. Артиллерійскій бой черезъ рѣку. Переправа 18 мая. Голодъ. Конина. Именины Кауфмана. Занятіе Хазараспа 23 мая. Отступленіе къ сел. Каравакъ. Смерть полк. Веймарна. Приказаніе „ждать“ никто не исполняетъ. Движеніе Веревкина изъ Ходжейли. Мирное вступленіе въ Мангытъ кончилось погромомъ. Случайная месть за Бековича, черезъ 150 лѣтъ. Стычка Скобелева. Письмо отъ хана. Извѣстіе отъ Кауфмана. Угонъ хивинцами верблюдовъ 27 мая. Авангардъ Скобелева. Приготовленія къ штурму Хивы . . . . . 229—249

ГЛАВА XI.

Штурмъ Хивы отрядомъ Веревкина 28 мая. Оправданія его. Кауфманъ торопится къ Хивѣ. Взятіе орудій апшеронцами. Неудача ширванцевъ, благодаря ошибкѣ маіора Буравцева. Забвеніе правила о необходимости рекогносцировокъ. Оставленіе ханомъ своей столицы. Провозглашеніе новаго хана. Рана Веревкина. Переговоры о перемиріи. Заложеніе осадныхъ батарей. Штурмъ это или рекогносцировка? Посланцы къ Кауфману съ изъявленіемъ покорности. Требованіе личной явки. Приглашеніе Веревкину явиться съ войсками къ туркестанскому отряду. Прекратить огонь, если... Оперетка 29 мая. Хивинцы спускаютъ къ намъ со стѣнъ пушку. Спускаются и рабы-персіяне. Отворить воротъ некому. Хивинцы кидаютъ намъ и кетмени для работъ. Брешь-батарея. Шахъ-абадскія ворота взяты какъ будто съ боя. Скобелевъ проникаетъ въ ханскій дворецъ, вопреки приказаній Веревкина. Новый ханъ встрѣчаетъ Кауфмана

СТРАН.

въ свитѣ своего дяди. Остановка въ 2-хъ верстахъ отъ Хивы. Приготовленія къ парадному вступленію. Слышны выстрѣлы. Записка Веревкину и отвѣтъ. Въѣздъ въ городъ. Визитъ къ Веревкину. Дознаніе объ опереткѣ. Представленіе Скобелева къ Георгію и резолюція Кауфмана. Телеграмма на имя государя. Числительность войскъ. Грабежи. Письмо къ хану. Свиданіе 2 іюня. Учрежденіе дивана. Освобожденіе рабовъ. Конфискація имущества Матъ-Мурада. Добыча во дворцѣ. Каракалпаки просятся въ подданство. Какъ наказать Хиву? Контрибуція съ туркменъ. Экзекуція. Предписаніе 6 іюля Головачеву. Обличитель Скайлеръ. Опроверженія Маева. Дѣйствія „въ черкесскомъ духѣ". Поджоги. Истребленіе женщинъ и дѣтей. Нападенія туркменъ 13 іюля и въ ночь на 15-е. Оренбургскій отрядъ не идетъ на выстрѣлы. Прибытіе Кауфмана. Защита Вейнберга. Левиты. Защита Гродекова. Почему контрибуція взыскивалась такъ строго? Въ кассѣ нѣтъ денегъ. Отпускъ Оренбургскаго и Кавказскаго отрядовъ 3 августа. Рекогносцировка Скобелева къ Орта-кую . . . . . 250—285

ГЛАВА XII.

Очищеніе ханства. Мирный договоръ. Итоги войны. Царское спасибо. Заложеніе Петро-Александровска. Отысканіе прохода изъ Аральскаго моря въ Аму-Дарью. Посольство въ Бухару. Договоръ съ Бухарою. Рабы въ Бухарѣ еще есть. Выступленіе туркестанскаго отряда 5 сентября. Гарнизонъ Петро-Александровска. Старый путь. Упраздненіе Георгіевскаго укр. Торжественныя встрѣчи Кауфмана бухарцами въ Халъ-ата и русскими въ Джизакѣ, Чиназѣ и Ташкентѣ. Благополучное возвращеніе оренбуржцевъ. Кавказцы везутъ съ собой пару хивинскихъ пушекъ и 828 рабовъ персіянъ. Забвеніе уроковъ прошлаго. Непростительныя ошибки Ломакина. Безводный переходъ въ 72 версты начатъ только въ 9 час. утра. Падежъ скота. Страданія людей. Муміи. Халаты—подарокъ Кауфмана. Памятникъ въ Киндерли о походѣ. Спускъ на Кавказъ. Встрѣча въ Петровскѣ. Результаты экспедиціи. Виды Петра I. Безопасность Закаспійской жел. дороги. Сравненіе съ Кавказомъ. Роль нашихъ аму-дарьинскихъ войскъ. Благовидные предлоги. Инструкція полк. Иванову. Военныя прогулки. Туркмены взыскиваютъ контрибуцію съ хивинцевъ. Значеніе передовыхъ отрядовъ. Набѣгъ на ту сторону въ 1874 и 1875 годахъ. Секретное предписаніе Кауфмана. Ивановъ желаетъ завоевать Хиву окончательно. Отпоръ министра иностранныхъ дѣлъ. Письмо Милютина 10 ноября 1874 г. Соперничество Кавказа съ Туркестаномъ. Ученыя экспедиціи. Тревоги хана. Набѣгъ 1877 г. Оригинальное прошеніе іомудовъ. Смѣна Иванова. Толки англичанъ. 1878 годъ. Приготовленія англичанъ и русскихъ. Посольства: Неудовольствіе англичанъ и расправа ихъ съ афганцами. Не ходите къ Мерву. Свобода дѣйствій. На каждый шагъ нашъ англичане отвѣчаютъ шагомъ же . . . . . 286—321

СТРАН.

ГЛАВА XIII.

Зарѣчье. Перечень завоевателей. Султанъ Баберъ. Первый ханъ Алимъ. Мадали. Ширъ-Али тряпка. Кипчаки—преторіанцы. Мусульманъ-Кулъ. Худояръ-ханъ. Избіеніе кипчаковъ. Казнь Мусульманъ-Кула. Налоги. Малля-ханъ съ 1858 по 1862 г. Алимкулъ регентъ. Худай-Кулъ кушачникъ. Снова Худояръ 1866 г. Посольство къ Романовскому. Новые налоги. Посольство къ Кауфману. Откровенная дипломатія. Переписка съ Кауфманомъ. Посолъ Мирза-Хакимъ. Брилліантовая звѣзда. Услуги хана. Сношенія черезъ него съ Кашгаромъ. Тамъ англичане 1868 г. Посольство капитана бар. Каульбарса 1872 г. Бунты Кипчаковъ 1871 и 73 гг. Совѣты Скайлера. Бунтъ 1875 г. Сынъ и братъ хана въ заговорѣ. Посольства Вейнберга и Скобелева. Бѣгство Худояра въ Ходжентъ, подъ прикрытіемъ конвоя русскаго посольства. Безпорядки въ Ходжентскомъ и Кураминскомъ уѣздахъ. 8-е августа. Нападенія на станціи. Подвигъ запаснаго стрѣлка Яковлева. Составъ и снаряженіе отрядовъ для похода въ Коканъ. Переписка съ новымъ ханомъ. Отправленіе Худояра въ Оренбургъ. Сборъ запасныхъ. Уѣздные начальники хотятъ командовать войсками. Нападенія на Ходжентъ съ 9 августа. Храбрые стекольщики. Летучіе отряды въ Курамѣ. Мѣропріятія въ Ташкентѣ . . . . . 322—349

ГЛАВА XIV.

Составъ отряда вторженія. Перестрѣлка 21 августа. Махрамскій бой 22-го. Роты Федорова и Ранау. Штурмъ. Дѣйствія кавалеріи. Трофеи. Посольство отъ хана. Занятіе столицы 29 августа. Телеграмма Государя. Визиты съ конвоемъ. Ненужный обозъ. Летучіе отряды Калитина и Абграля. Движеніе къ Маргелану. Погоня за Афтобачи. Занятіе г. Оша. Сдача Ата-Кула и Хаалыкъ-Назара. Печальное бѣгство Афтобачи. Священное знамя припрятано. Контрибуція припасами и лошадьми. Депутаты, въ сущности, шпіоны. Требованіе выдачи афтобачи. Возвращеніе Скобелева въ Маргеланъ. Сдача Мурадъ-бека. Пріѣздъ новаго хана. Договоръ 23 сентября. Россія пріобрѣла правый берегъ р. Нарына съ Наманганомъ. Выступленіе туда войскъ . . . . . 350—368

ГЛАВА XV.

Волненія въ Андижанѣ. Командировка Куна и Петрова. Былъ ли объявленъ газаватъ? Движеніе ген. Троцкаго къ Андижану. Афтобачи и Пулатъ-ханъ поджидаютъ. Рекогносцировка Скобелева. Неудачный выборъ позиціи. Трудное положеніе Скобелева въ лощинѣ городскаго арыка. Выручка гр. Борха. Ничтожныя потери. Штурмъ 1 октября. Барикады изъ аробъ. Нуд-

СТРАН.

жевскій и Хамичевскій. Колонна Меллера-Закомельскаго. Настойчивыя нападенія жителей на занятую нами цитадель. Отступленіе отряда. Аріергардъ Меллера отступаетъ съ огнемъ. Аріергардъ Скобелева и снова Меллера. Стычки въ сел. Муласы и Табылды. Ночной набѣгъ на с. Ханы-Хаватъ 5 октября. Выручка Кауфмана. Потери. Резолюція Кауфмана на реляціи Троцкаго. Наказаніе Андижана признано недостаточнымъ. Награды. Скобелевъ—генералъ и начальникъ Наманганскаго отдѣла. Отрядъ Пичугина. Новый переворотъ въ Коканѣ. Ханъ бѣжитъ въ Ходжентъ. Нападеніе на оказію Святополкъ-Мирскаго. Изъ Теляу помощи не даютъ. Телеграмма Кауфмана. Инструкція о разгромѣ кипчаковъ. Телеграмма Колпаковскаго. Выступленіе Скобелева изъ Намангана. Бунтъ въ Наманганѣ. Бомбардировка города. Штурмъ Балыкчи 12 ноября. Критика Кауфмана. Отвѣтъ Скобелева. Планъ зимней экспедиціи. Очищеніе наманганскаго отдѣла отъ шаекъ. Стычки подъ Ульджибаемъ и Испара. Бомбардировка Андижана 8 января 1876 г. и штурмъ. Занятіе г. Ассаке. Сдача афтобачи 24 января. Телеграмма его Кауфману. Отвѣтъ Колпаковскому. Почему Скобелевъ воротился въ Наманганъ. Рядъ телеграммъ его Колпаковскому . . . . . 369—396

ГЛАВА XVI.

Партизанская война. Баронъ Меллеръ-Закомельскій. Дѣло въ Учь-Курганѣ. Безпорядки въ Когистанѣ. Дѣла у Шаботки-Баля и подъ Обурданомъ. Движеніе *уратюбинскаго отряда*. Насръ-Эддинъ-ханъ покидаетъ столицу. Рѣшеніе правительства занять ханство. Телеграмма Скобелеву: „Миша, не зѣвай“. Почему не состоялась экспедиція Колпаковскаго. Коканъ занятъ 7 февраля, вмѣсто 19-го. Захватъ Пулатъ-хана джигитами. Движеніе къ г. Ошу и Гульчѣ. Стычки въ ущельяхъ. Бѣгство Керимъ-хана изъ Ходжента. Неудовольствіе Кауфмана противъ уѣзднаго начальника полк. барона Нольде. Слѣдствіе и судъ надъ нимъ. Алайская экспедиція. Царица Алая. Гвардеецъ Сполатбогъ. Алай и Памиръ. Посольство кап. Куропаткина въ Кашгаръ отложено. Абдулъ-Керимъ упрекаетъ насъ въ двуличіи. Договоръ съ Каратегиномъ. Вопросъ о границѣ съ Кашгаріей, куда и отправленъ Куропаткинъ. Успѣхъ переговоровъ. Абрамовъ критикуетъ новую границу. Выгоды ея. Участь Худояръ-хана и его сыновей. . . . . 397—426

ГЛАВА XVII.

Демонстрація противъ Остъ-Индіи въ 1878 г. Посольство ген. Столѣтова въ Афганистанъ. Смѣта Абрамова для ферганскаго отряда. Составъ отрядовъ. Демонстрація подъ секретомъ не можетъ достигнуть цѣли. Сборъ войскъ въ Джамѣ. Ферганскій отрядъ не можетъ одолѣть перевалъ. Роспускъ отрядовъ. Неудовольствія съ китайцами. Письма Столѣтова съ дороги.

СТРАН.

Книга доктора Яворскаго какъ дополненіе. Опасенія Столѣтова на ночлегахъ, среди афганскихъ солдатъ. Ночные переходы и невозможность съемки маршрутовъ. Посольство несетъ съ собою смерть и разореніе. Торжественное вступленіе въ Кабулъ. Столѣтовъ зналъ уже, что наступательный договоръ не нуженъ. Эмиръ вспоминаетъ Виткевича и несчастія, которыя онъ принесъ Достъ-Мухамеду. Недоразумѣніе изъ-за слова казакъ. Неудачные подарки. Эмиръ отвѣчаетъ деньгами. Отказъ посольства отъ денегъ. Куда онѣ дѣвались? Личные переговоры посла съ эмиромъ. Смерть наслѣдника. Вѣсть объ англійскомъ посольствѣ. Совѣтъ не принимать его. Почетный караулъ есть почетный арестъ. Договоръ 9 августа съ эмиромъ. Односторонность его. Внезапный отъѣздъ Столѣтова. Правдивость этого дипломата. Невыносимое положеніе полк. Разгонова. Мысль о протекторатѣ надъ Афганистаномъ. Высочайшее повелѣніе послѣ особаго совѣщанія въ Ливадіи 18 октября. Письмо Кауфмана Милютину. Шифрованная депеша и инструкція. Письмо Столѣтова къ афганскому визирю. Настойчивость Кауфмана и отвѣты Милютина. Увѣренность министра, что не мы ввели кабульскаго эмира въ заблужденіе . . . . . 427—466

ГЛАВА XVIII.

Письма Разгонова. Миссія наша мерзнетъ, страдаетъ отъ лихорадки и сидитъ безъ денегъ. Кауфманъ не вѣритъ. Разоблаченія дѣятельности Столѣтова. Вѣрность предсказаній Разгонова. *Отчаянное положеніе миссіи.* Разгоновъ также секретничаетъ. Пагубные совѣты его эмиру. Поведеніе переводчика Назирова. Характеристика Разгонова. Англійское посольство, съ конвоемъ въ 2000 чел. Переговоры 1877 года. Ультиматумъ и 14 дней срока. Почему Разгоновъ совѣтовалъ не принимать посольства, вопреки совѣту Кауфмана? Англійское золото, въ виду голоданія русской миссіи. Письмо эмира къ Государю, по совѣту Разгонова. Змѣиные совѣты Столѣтова. Умѣстны ли цвѣты краснорѣчія въ оффиціальныхъ бумагахъ? Вѣтвь мира. Поправки Разгонова. Отвѣтъ на ультиматумъ опоздалъ. Огорченіе эмира. Переводъ отвѣта. Начало войны 9 ноября. Подкупъ хайберцевъ. Удивленіе Разгонова. Нота его. Прокламація англичанъ. Телеграмма Кауфмана Милютину. Громадный обозъ англичанъ. Падежъ верблюдовъ. Три колонны. Освобожденіе сына эмира изъ-подъ ареста. Совѣтъ эмиру покинуть Кабулъ и ѣхать въ Россію. Ночное выступленіе изъ Кабула. Отказъ въ принятіи эмира. Вразумленіе Горчакова Кауфманомъ. Путаница, причиненная своеволіемъ сотника Булацеля. Согласіе на принятіе эмира въ Ташкентѣ. Непріятныя объясненія. Эмиръ не знаетъ, кому вѣрить. Сомнѣнія въ подлинности писемъ Кауфмана. Отказъ эмира отъ поѣздки въ Ташкентъ. Отъѣздъ миссіи изъ Мазаръ-и-Шерифа. Болѣзнь и смерть эмира. Ожиданіе междоусобій. Тайный отъѣздъ доктора Яворскаго и переводчика. Командировка полк. Матвѣева до Остъ-Индской границы и полк. Гродекова чрезъ Герать и Персію . . . . . 467—513

СТРАН.

ГЛАВА XIX.

Виды правительства по письмамъ Милютина и Горчакова. Предложеніе изъ Петербурга отправить Абдурахманъ-хана въ Афганистанъ. Перемѣна руководителей политики: Биконсфильда, Горчакова и Шувалова, на Гладстона, Гирса и князя Лобанова-Ростовскаго. Поддѣлка англичанами писемъ Кауфмана, будто бы захваченныхъ въ Кабулѣ. Провѣрка ихъ Кауфманомъ. Другъ Англіи. Депеши его по афганскимъ дѣламъ. Научная граница. Политика воздержанія и политика дѣйствія. Указаніе на Мервъ въ видѣ удара, въ отвѣтъ на ударъ. Переговоры о независимости Афганистана. Отвѣчать ли государю на письмо эмира? Депеша Горчакова 11 января 1879 г. Отвѣтъ Шувалова. Совѣтъ не трогать Мерва пока. Первыя неудачи англичанъ. Переговоры со стороны новаго эмира. Резидентъ Каваньяри. Недовольство афганцевъ. Бунтъ въ Кабулѣ. Истребленіе англійской миссіи. Робертсъ мститель. Бунтъ въ Кандагарѣ. Занятіе Кабула. Взрывъ въ цитадели. Казни. Пораженіе англичанъ на горѣ Кохъ-и-Асмай. Появленіе Абдурахманъ-хана. Пораженіе ген. Борроуза при Мейвандѣ. Выступленіе англичанъ обратно въ Индію. Гондри и Ли-Хунъ-Чанъ. . . . . 514—547

ГЛАВА I.

Свѣдѣнія о происхожденіи дунганъ (тунганъ) и таранчей. Честолюбіе ходжей. Причины возстанія въ Западномъ Китаѣ. Отношенія наши къ Китаю передъ возстаніемъ. Мольбы китайскаго губернатора о помощи. Наша система невмѣшательства. Взрывъ Кульджи. Мѣры, принятыя западносибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Попытки инсургентовъ войти съ нами въ сношенія. Нарушеніе нашихъ границъ калмыцкимъ хутухтой Чоганъ-Кегенемъ. Раздоръ между дунганами и таранчами. Опять ходжи. Занятіе Алтышара (Кашгаріи) коканскими войсками подъ начальствомъ Якубъ-бека, объявившаго себя независимымъ. Волненія и безпорядки въ средѣ нашихъ киргизъ, пограничныхъ съ отпавшими отъ Китая провинціями. Эмиграція въ наши предѣлы солоновъ и сибо. Сношенія семирѣченскаго губернатора съ кульджинскимъ султаномъ Абиль-Огля Баранты у нашихъ киргизовъ. Набѣги нашихъ отрядовъ за границей. Занятіе Музартскаго прохода въ Тянь-Шанѣ. Высокомѣріе кульджинскаго султана. Нападеніе разбойниковъ на маіора Здоренко. Посольство капитана барона Каульбарса въ Кульджу. Укочевка въ кульджинскія владѣнія кызаевъ.

Возмущеніе, охватившее въ началѣ шестидесятыхъ годовъ провинціи Западнаго Китая, поставило насъ въ весьма невыгодное положеніе: успѣхи мусульманъ въ сосѣдствѣ отражались на спокойствіи умовъ единовѣрныхъ имъ нашихъ киргизъ, а прекращеніе торговли и разореніе нашихъ факторій въ Чугучакѣ и Кульджѣ сразу уничтожило всѣ плоды долгихъ дипломатическихъ сношеній нашихъ съ манчжурскимъ правительствомъ. Инсургенты впрочемъ скоро раздѣлились на двѣ партіи: дунганъ и таранчей. Умѣстно будетъ сказать здѣсь о нихъ два слова.

Первые же признаки появленія Ислама въ Средней Азіи, въ VIII в. по Р. Х., побудили всегда предусмотрительное китайское правительство принять различныя мѣры для ослабленія безпокойнаго мусульманскаго элемента, производившаго безпорядки и частые мятежи.

Одною изъ такихъ мѣръ было выселеніе части жителей Туркестана во внутреніе провинціи Китая, именно въ Гань-су, къ югу отъ западной оконечности Великой стѣны. Отсюда переселенцы стали проникать въ остальныя провинціи Китая, гдѣ ихъ и прозвали „тун-гань-су“, т. е. „тѣ же, что въ Гань-су“. Таково преданіе и такъ объясняютъ названіе дунганъ нынѣшніе китайцы.

Это объясненіе принялъ и нашъ кульджинскій консулъ Павлиновъ, а съ его словъ и остальные наши писатели. Хуттонъ, въ своемъ сочиненіи „Central Asia“, увѣряетъ, будто названіе тун-

гани произошло отъ тургани (причастіе глагола турмакъ—стоять, ждать), данное въ 10 вѣкѣ тѣмъ уйгурамъ, которые не вернулись въ Самаркандъ, а остались въ окрестностяхъ Кашгара. Но если такъ, то отъ глагола дунмакъ—возвратиться еще легче получить прямо дунганъ безъ передѣлки коренной буквы, и тогда окажется, что измышленія Хуттона опрокидываются совершенно навыворотъ, и вмѣсто „оставшійся“ является „возвратившійся“! Вѣрнѣе будетъ произвести слово „дунганъ“ отъ названія Дунь-хуанъ, которое дали китайцы еще въ 111 году до Р. Х. ново-учрежденной области въ губерніи Гань-Су. Область эта въ 570 г. по Р. Х. была переименована въ округъ и получила названіе Манъ-ша-чжеу *). Переселеніе мусульманъ въ Гань-суйскую губернію произошло именно тогда, когда произошла эта перемѣна названія, а кто не знаетъ, что привычка не останавливается передъ оффиціальными именами, и если даже у насъ, наряду съ названіями: варшавскій округъ, привислянскія губерніи и т. п., упорно держится и „царство польское“, то у китайцевъ, людей привычки, и подавно должно было удержаться старинное названіе дунь-хуанъ. Переходъ отъ дунь-хуана къ дунгану—весьма естественъ, и потому составленіе такой фразы, какъ „тѣ же, что и въ Гань-су“ не оправдывается необходимостію. До сихъ поръ еще существуетъ уѣздный городъ въ провинціи Гань-су, подъ названіемъ Тунь-хуань.

Живя въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія среди болѣе образованнаго китайскаго народа, дунгане постепенно теряли отличительныя черты своей національности, приняли китайскіе нравы, обычаи, одежду и постепенно пріобрѣли почти всѣ права гражданства Срединной имперіи. Китайское правительство, съ своей стороны, приняло самыя дѣйствительныя мѣры для окитаянія переселенцевъ, воспользовавшись несоразмѣрностію численнаго отношенія между мужскимъ и женскимъ полами, вслѣдствіе чего мусульмане искали себѣ женъ въ китайскихъ семьяхъ. Правительство поощряло такіе браки, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго запретило китайцамъ жениться на мусульманкахъ. Такимъ образомъ китайской женщинѣ была предоставлена роль объединителя, роль просвѣтительницы дикихъ и необразованныхъ пришельцевъ, дѣйствительно отдавшихся обаянію красоты и моды Переселенцы скоро утратили и языкъ, и обычаи, и самую религію, сохранивъ только по преданію запрещеніе на вино и мясо нѣкоторыхъ животныхъ.

Сила укоренившейся привычки была такова, что даже во время революціи дунгане сохранили китайскій костюмъ, косы и бритье бородъ, оправдываясь передъ заѣзжими, чистокровнымъ

*) Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи: Іакинѳ

мусульманами, что это дѣлается съ цѣлію избавиться впослѣдствіи отъ преслѣдованія китайцевъ, такъ какъ сохраненная въ прежнемъ китайскомъ благообразіи внѣшность послужитъ лучшимъ доказательствомъ непричастности ихъ къ дѣлу революціи!

Роднясь съ китайцами, дунгане стали пренебрегать старыми родовыми связями и, мало-по-малу, перестали отдавать своихъ дочерей за сартовъ.

Съ своей стороны, китайцы какъ бы усыновили дунганъ и называютъ ихъ на оффиціальномъ языкѣ „хань-хой-ци“, т. е. китайцы-тюрки, въ отличіе отъ остальныхъ своихъ тюркскихъ подданныхъ или сосѣдей, которыхъ они зовутъ „хой-хой-ци“, т. е. тюркскіе тюрки. Точнѣе было бы передать гласный звукъ этого названія такъ: хоей хоей, причемъ первая гласная о весьма коротка. Поэтому нѣмецкіе писатели, какъ Рихтгофенъ, передаютъ это названіе въ видѣ: хвей-хвей.

Китайцы сами называютъ себя хань и хань-джинъ; русское же названіе произошло, по всей вѣроятности, отъ монгольскаго китатъ (рабъ)—презрительное названіе, данное ханямъ воинственными монголами. Слова: „китатъ-ци“ и китайцы дѣйствительно звучатъ почти одинаково. Персіяне называютъ Китай сходно съ нами: Катай. Есть одинъ киргизскій родъ, называющій себя Ктай, что также можетъ вызывать на разныя сближенія и догадки. Остальные народы зовутъ Китай—Шинъ, Чинъ, Хинъ.

Въ правахъ дунгане были сравнены съ китайцами, и только одно право—на высшія должности гражданскія и военныя—исключительно предоставлено было манчжурамъ и китайцамъ.

Въ составѣ арміи дунгане отдѣльныхъ частей не составляли, а служили вмѣстѣ съ китайцами въ войскахъ зеленаго знамени, т. е. провинціальныхъ, пограничныхъ. До водворенія манчжурской династіи, китайское знамя было желтое; затѣмъ манчжуры присвоили себѣ этотъ цвѣтъ, а китайцамъ дали зеленое знамя—цвѣтъ, присвоенный женщинамъ *).

Въ 1000 лѣтъ своего пребыванія въ Китаѣ, дунгане разрослись въ 30-милліонный народъ и изъ провинціи Гань-су, первоначальнаго мѣста поселенія, распространились по всему Китаю.

При Чинчисъ-ханѣ власть китайцевъ въ восточномъ Туркестанѣ пала, но по распаденіи Чагатайскаго царства была возстановлена. Потомъ сюда явились ойроты или калмыки, которые и владѣли страной до 1758 г., когда были разгромлены императоромъ

---

*) Кстати о цвѣтахъ: бѣлый цвѣтъ у китайцевъ есть цвѣтъ смерти и траура, поэтому китайскіе эмигранты, спасшіеся въ нашихъ предѣлахъ отъ кровавой расправы, въ оффиціальныхъ письмахъ своихъ величаютъ нашего государя не Бѣлымъ Царемъ, а Желтымъ.

Цянъ-Лунемъ. Впрочемъ китайцы оставили народу большую автономію: хотя страна и раздѣлена была на 7 амбаньствъ, подчиненныхъ кульджинскому дзянь-дзюню (ген. губернатору), но народъ управлялся своими старшинами и князьями. Въ 1825 году въ Кашгаръ явился изъ Кокана, съ небольшой шайкой нанятыхъ джигитовъ, Джегангиръ, внукъ кашгарскаго ходжи, владѣвшаго прежде Кашгаромъ. Это послужило сигналомъ для мусульманъ: китайцы были вырѣзаны, а частію изгнаны. На слѣдующій годъ сюда явился уже самъ коканскій ханъ съ войскомъ и покорилъ въ свою пользу весь Китайскій Туркестанъ. Джегангиръ, недовольный тѣмъ, что его именемъ воспользовались коканцы въ свою пользу, отдѣлился отъ нихъ и захватилъ Хотанъ. Между тѣмъ китайцы собрались съ силами и потѣснили коканцевъ. Ханъ поспѣшилъ заключить выгодный миръ, а Джегангиръ былъ разбитъ, бѣжалъ въ Кашгаръ, схваченъ тамъ новымъ ходжой Исхакомъ, назначеннымъ китайцами, выданъ правительству и самымъ звѣрскимъ образомъ казненъ въ Пекинѣ.

Послѣ этого на сцену выступаютъ киргизы, взбунтовавшіеся въ 1830 году, изъ-за ограниченія мѣстными китайскими властями района ихъ кочевокъ. Нѣсколько разъ они производили опустошительные набѣги то на Кашгаръ, то на Коканское ханство, и только присылка значичельныхъ военныхъ силъ положила конецъ бунту. Впрочемъ жалобы киргизъ были разобраны и стѣснительныя ограниченія отмѣнены.

Въ 1845 году, по вступленіи на коканскій престолъ, Худояръ-хана, киргизы и андижанцы сдѣлали набѣгъ на Кашгарію. Пользуясь безпорядками, явились сюда же въ 1846 г. и ходжи. Ихъ было семеро, и потому поднятый ими бунтъ извѣстенъ подъ именемъ хафтъ-ходжаганъ,—бунтъ семи ходжей. Старшій изъ нихъ Ишанъ-ханъ, или попросту Катты-Тюря (старшій князь), когда городъ Кашгаръ сдался ему на 14 день осады, объявилъ себя ханомъ, а родственникамъ роздалъ окрестные города и селенія.

Черезъ 75 дней однако китайскія войска, въ числѣ 12 тыс., нахлынули съ разныхъ сторонъ, разбили Катты-Тюрю, шедшаго на помощь Яркенду и, занявъ Кашгарію, немилосердно казнили всѣхъ главарей бунта и участниковъ въ истребленіи китайскихъ купцовъ.

Въ 1857 году вспыхнуло новое возстаніе ходжей, подъ начальствомъ Вали-хана, сына казненнаго Джегангиръ-хана. Выступивъ весною изъ Кокана съ горстью людей и усилившись по дорогѣ перебѣжчиками изъ китайскихъ отрядовъ, онъ выломалъ Песочныя ворота—Кумъ-дарваза и ворвался въ Кашгаръ на разсвѣтѣ, собралъ здѣсь 20,000 войска и послалъ Тилу-хана взять Яркендъ. Но черезъ 77 дней явились сюда китайскія войска изъ

Кульджи, Урумци и Карашара, опять въ числѣ 12,000 чел. Тилаханъ ограбилъ предмѣстье и отступилъ. Отдохнувъ 10 дней и присоединивъ къ себѣ Яркендскій гарнизонъ, китайцы двинулись къ Кашгару, разбили, высланныя на встрѣчу войска Вали-хана и остановились на четыре дня въ Кизилѣ. Валиханъ очутился безъ приверженцевъ: лютый нравъ и страшныя жестокости расхолодили кашгарцевъ. Не дожидаясь китайцевъ, онъ бѣжалъ въ Дарвазъ, но былъ схваченъ правителемъ Измаилъ-ханомъ и выданъ Худояру.

Китайцы заняли Кашгаръ въ августѣ 1857 г. и только къ августу 1858 г. кончили казни виноватыхъ...

Въ 1862 г., жившіе въ Ташкентѣ три сына Миръ-Ахмедъ-шаха съ партіей въ 300 человѣкъ, двинулись черезъ Коканъ въ Кашгарію, чтобы возвратить земли, принадлежавшія ихъ отцу въ Артышѣ. Кочевавшіе на границѣ киргизы, считавшіеся ихъ подданными, должны были помочь имъ въ этомъ дѣлѣ. Артышъ имъ дѣйствительно удалось поднять, но вся ихъ шайка была вскорѣ разбита китайцами, захватившими одного изъ братьевъ, который и былъ казненъ въ Кульджѣ.

Ослабленная войнами съ Англіей и Франціей, Небесная имперія едва справлялась съ возмущеніемъ тайпинговъ (аборигеновъ Китая). Эта очевидная слабость правительства, вмѣстѣ съ неопредѣленностію поборовъ, размѣръ которыхъ вполнѣ зависѣлъ отъ губернаторовъ, державшихъ провинціи какъ бы на откупу у правительства, надменность китайскихъ чиновниковъ, систематическая несправедливость въ рѣшеніи дѣлъ, всегда въ пользу китайца, и наконецъ, недопущеніе дунганъ къ высшимъ должностямъ—все это повело къ возстанію 1862 г. Возстаніе началось въ Саларѣ или Хочоу и быстро распространилось на Джунгарію и Кашгаръ. Въ 1863 г. возсталъ Яркендъ, гдѣ гарнизонъ состоялъ наполовину изъ китайцевъ и дунганъ. Амбань собирался уже приступить къ обезоруженію дунганъ, но наканунѣ назначеннаго дня, командиръ дунганскаго полка Махъ-Далай предупредилъ своихъ, что ночью будетъ тревога и чтобы они выскакивали съ оружіемъ. Ночью съ 50 солдатами, онъ напалъ на сонный караулъ у воротъ крѣпости и велѣлъ всѣмъ перерѣзать горла... Затѣмъ ворота были подожжены и дунгане забили тревогу... Китайскіе солдаты выскакивали безъ оружія и падали подъ ударами дунганъ. Такъ погибло 2,000 китайскихъ солдатъ. Затѣмъ принялись за жителей китайцевъ и вырѣзали до послѣдняго. Немногіе спаслись въ цитадель, гдѣ жилъ амбань и чиновники подъ охраной китайскаго конвоя. 6 мѣсяцевъ бунтовщики осаждали цитадель, и когда посредствомъ минъ успѣли произвести брешь, то амбань, потерявъ всякую надежду на спасеніе, собралъ въ пріемную комнату дворца все свое семейство и чиновниковъ, поджегъ

трубкою своею кучу пороха, насыпаннаго на полу, и погибъ со славою! Примѣру его послѣдовали и солдаты, взрывавшіе пороховые погреба и подземныя мины въ теченіе 3 дней... Вездѣ, гдѣ начиналось возстаніе, прежде всего истреблялись китайскіе купцы и переселенцы. Скоро возсталъ Кашгаръ. Амбань однако успѣлъ пробиться въ Янгишаръ (въ 7 верстахъ къ югу) и заперся тамъ. Призванный на помощь киргизъ Сыддыкъ принялся грабить Кашгаръ, но былъ выгнанъ. 3 мѣсяца осаждалъ онъ городъ и, наконецъ, обратился къ регенту Кокана Алимъ-Кулу съ просьбой прислать какого-нибудь ходжу.

Изворотливое китайское правительство, покончивъ дѣло съ европейцами и тайпингами, начало переговоры съ дунганами, дало имъ разныя права и преимущества, которыхъ они домогались, и тѣмъ прекратило возмущеніе дунганъ собственно въ Китаѣ.

Не таково было положеніе дѣлъ въ сопредѣльныхъ намъ китайскихъ провинціяхъ, гдѣ манчжурскій элементъ былъ слабѣе, чѣмъ въ центрѣ, и гдѣ мятежъ встрѣтилъ поддержку со стороны киргизъ и таранчей.

Слабость китайскаго элемента въ западныхъ провинціяхъ зависѣла отъ того, что до половины прошлаго столѣтія дзюнгары—аборигены этихъ провинцій пользовались полнымъ самоуправленіемъ, наравнѣ съ монголами, ихъ родичами, и потому ни китайскихъ чиновниковъ, ни китайскаго осѣдлаго населенія здѣсь не было. Въ половинѣ XVIII столѣтія, постоянныя усобицы калмыковъ, препятствовавшія правильному ходу китайской торговли, заставили пекинское правительство принять дѣйствительныя мѣры для водворенія здѣсь порядка и непосредственнаго подчиненія вассальной калмыцкой провинціи. Мѣры были радикальныя: въ 1758 году произведено обильное кровопусканіе, избіеніемъ болѣе милліона калмыковъ. Тогда же, для предупрежденія на будущее время самой возможности возстанія, вызваны были изъ Дауріи 16 суммуновъ (знаменъ, баталіоновъ) солоновъ и сибо, одноплеменныхъ правительству и вполнѣ ему преданныхъ. Люди эти разселены были среди калмыцкихъ кочевокъ *). Затѣмъ въ 1764 г. было основано илійское генералъ-губернаторство и заложенъ городъ Или (Кульджа), называемый также Хой-Юанъ-Дженъ. Въ числѣ китайскихъ гражданъ, поселившихся въ Илійской провинціи, были и дунгане, водворившіеся здѣсь, какъ торговое сословіе и чиновники. Почти весь таможенный штатъ состоялъ изъ дунганъ.

Въ 1825 г. возстаніе ходжей въ Кашгарѣ побудило пекинское

*) Каждый манчжуръ и дауръ числится въ китайской пѣхотѣ, а монголы и калмыки, также поголовно, числятся въ кавалеріи.

правительство, подавивъ мятежъ, въ 1829 году выселить въ окрестности Кульджи нѣсколько тысячъ кашгарцевъ (отъ 8 до 12 тысячъ), приговоренныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу. Эти-то каторжники, подъ названіемъ таранчей*), обработывали поля для китайскихъ войскъ и занимались разною черною работою.

Вѣсть о возстаніи хань-хойцевъ или дунганъ въ провинціи Гань-су не сразу подняла илійцевъ и, вѣроятно, не нашла бы сочувствія въ массѣ здѣшняго населенія, дѣятельно занятаго торговыми оборотами, но военныя дѣйствія на всемъ протяженіи отъ Кульджи до Ташкента, т. е. на сѣверномъ торговомъ пути изъ Китая въ Среднюю Азію, и вслѣдствіе этого застой въ торговлѣ, наконецъ, успѣхъ возстанія въ Кашгарѣ—все это побудило къ дѣйствію и урумційскихъ дунганъ, которымъ не трудно было собрать къ своему знамени разнородные элементы, ихъ окружавшіе. Кульджинскихъ таранчей легко было поднять надеждою на освобожденіе отъ каторги, сосѣднимъ киргизамъ достаточно было обѣщать богатую добычу въ китайскихъ магазинахъ.

Слѣдствіемъ заговора было почти повсемѣстное истребленіе китайцевъ и манчжуровъ, разрушеніе Чугучука, разграбленіе Урумци, Манаса, Хуркара-Усу и другихъ мелкихъ городовъ и селеній, и наконецъ, обложеніе Кульджи.

Въ это время, положеніе Китая было дѣйствительно весьма трудное: тайпинги и ніенъ-феи неистовствовали въ самой серединѣ Срединной имперіи съ 1860 года, доходили до самаго Пекина и отвлекли на себя всѣ военныя силы Китая. Энергичный, но жестокій главнокомандующій То-Та-Джинъ имѣлъ мало войска и съ большими потерями успѣлъ только оттѣснить инсургентовъ за восточные предѣлы провинціи Шензи. Въ 1866 г. То былъ убитъ въ сраженіи и на его мѣсто назначенъ Цо, съ подчиненіемъ ему и провинціи Гань-су. Отличившись прежде противъ тайгинговъ и ніенъ-феевъ, онъ спасовалъ передъ дунганами, которые снова захватили страну Шензи, отнятую у нихъ То-Та-Джиномъ. Въ 1870 г. назначенъ, наконецъ, знаменитый Ли-Хун-Чанъ. Онъ явился во главѣ 40 баталіоновъ, вооруженныхъ и обученныхъ по-европейски. Мятежники, видя передъ собой уже не фитильные самопалы и луки со стрѣлами, а штуцера, отступили безъ

---

*) Нѣкоторые переводятъ слово таранчи — „человѣкъ кроваваго пота“, но, кажется, это невѣрно. Всѣ названія народовъ Азіи мы заимствовали отъ ближайшихъ сосѣдей. Монголы окрестили ханейцевъ — китайцами, они же дали имя таранчи. Частичка чи, приданная къ названію предмета, производитъ новое слово: имя дѣятеля. Малчи—пастухъ, томорчи—кузнецъ, модунчи — плотникъ, таранчи - земледѣлецъ, — здѣсь нѣтъ даже намека на кровь или потъ. Вамбери и Будаговъ даютъ тотъ же переводъ.

боя въ Гань-су. Ли получилъ другое назначеніе и на его мѣсто назначенъ Ліу, который однако за ними не пошелъ въ Гань-су, гдѣ боролся съ ними одинъ Цо, имѣя подъ командой до 100,000 войска (на бумагѣ впрочемъ). Благодаря дурнымъ отношеніямъ къ Ліу, онъ не получалъ отъ него никакой поддержки и потому дѣйствовалъ крайне осторожно. Неудачи его объяснялись плохимъ вооруженіемъ. Присланы были европейскія ружья и ему, но почти всѣ были отбиты мятежниками. Въ концѣ 1871 года присланъ новый транспортъ, но и тотъ достался въ руки дунганъ.

На мѣсто Ліу назначенъ Цау и принялъ печати, какъ начальникъ 22 баталіоновъ Ли-Хунъ-Чана; съ остальными 18-ю Ліу долженъ былъ идти въ Тьензинъ; при немъ состоялъ и французскій генералъ Пинель, получившій уже за отличіе первый красный шарикъ на шапку *), въ качествѣ баталіоннаго командира. Цау привезъ однако императорскій указъ, по которому Пинель долженъ былъ воротиться и принять начальство надъ 6-ю баталіонами. Командиръ баталіона имѣлъ право назначать подчиненнымъ смертную казнь, но и это немного способствовало вкорененію воинскаго духа въ китайскихъ солдатъ.

Дунгане имѣли одну только кавалерію; главное ихъ оружіе составляло фитильное ружье, привѣшанное къ сѣдлу.

Очищая потихоньку отъ мятежниковъ ближайшія къ центру и столицамъ мѣстности, китайское правительство оставляло пока свои окраины на произволъ судьбы. Мы видѣли, какъ судьба распорядилась съ ними.

Китайцы и сами не были по отношенію къ намъ искренно дружественными и добрыми сосѣдями на восточной границѣ киргизской степи. Постоянно противодѣйствуя утвержденію нашей власти надъ киргизами, они привлекали къ себѣ русскихъ киргизъ интригами, ласками и заманчивыми обѣщаніями. Споры за границу не прекращались. Не далѣе, какъ въ 1863 году, споры эти, послѣ убійства одного изъ нашихъ офицеровъ (поручика Антонова, 31-го мая), коварно приглашеннаго подъ видомъ переговоровъ въ китайскій лагерь, привели даже къ вооруженнымъ столкновеніямъ нашихъ отрядовъ, выставленныхъ для охраненія

*) Въ порядкѣ постепенности, начиная снизу, т. е. съ 9 класса, шарики идутъ такъ: серебряный, золотой съ украшеніями, золотой гладкій, бѣлый матовый и синее перо, бѣлый хрустальный, синій матовый, синій сафировый и павлинье перо, красный коралловый и наконецъ, высшій—красный прозрачный или рубинъ. Каждому шарику соотвѣтствуетъ свой гербъ на платьѣ, причемъ у военныхъ иной, чѣмъ у гражданскихъ: у первыхъ звѣрь, у вторыхъ птица.—Носорогъ, тюлень, медвѣдь, барсъ, тигръ, леопардъ, левъ, единорогъ и въ параллель: сойка, перепелъ, утка, бѣлая цапля, серебряный фазанъ, дикій гусь, павлинъ, золотой фазанъ и журавль.

границы, съ китайскими полчищами, состоявшими изъ солоновъ, калмыковъ и чампановъ (каторжныхъ). Въ то же время консульство наше въ Кульджѣ, подвергавшееся всякаго рода стѣсненіямъ и придиркамъ отъ манджурскихъ властей, вынуждено было (21-го іюня 1863 года) покинуть факторію, опасаясь нападенія возбужденной китайскими же чиновниками черни. Торговыя права наши въ Кульджѣ были несравненно меньше, чѣмъ, напр., льготы коканскихъ подданныхъ. Нерѣдко торговцамъ нашимъ приводилось терпѣть всевозможныя придирки отъ высокомѣрныхъ манджурскихъ чиновниковъ, которые даже и оффиціальныхъ нашихъ агентовъ подвергали всѣмъ тонкостямъ стѣснительныхъ китайскихъ церемоніаловъ и всѣмъ хитростямъ, софизмамъ и обманамъ лукавой китайской политики.

Споры о границѣ, послѣ двухъ безплодныхъ съѣздовъ уполномоченныхъ въ 1862 и 1863 гг., если и были, наконецъ, покончены 25 сентября 1864 года чугучакскимъ протоколомъ, то единственно вслѣдствіе успѣховъ дунганскаго возстанія и опасенія китайцевъ возбудить противъ себя еще и непріязнь сильнаго сосѣда, на помощь котораго разсчитывали китайцы при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Отчаянное положеніе манджуровъ въ Западномъ Китаѣ, отрѣзанномъ отъ всякой помощи, смирило китайцевъ, и въ 1864 году илійскій дзянь-дзюнъ, забывъ вѣроломство, выказанное въ отношеніи къ намъ не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, обратился къ русскому пограничному начальству съ просьбою о помощи, во имя бывшей дружбы между Китаемъ и Россіей...

Дружба эта, по *нашей* оцѣнкѣ, была однакоже не настолько тѣсна, чтобы ради нея вовлекать себя въ неисчислимыя затрудненія; а потому, какъ первыя, такъ и повторившіяся въ 1865 и 1866 годахъ, съ возраставшимъ отчаяніемъ, мольбы китайцевъ о помощи, были отклонены.

Свято соблюдая заключенные съ Китаемъ трактаты и разсчитывая, что китайское правительство въ состояніи само подавить возстаніе, Россія рѣшилась держаться принципа невмѣшательства. Отчаявшись получить отъ насъ помощь оружіемъ, запертые въ Кульджѣ китайцы просили хоть только хлѣба, но какъ для конвоированія транспорта все-таки требовалось послать отрядъ, то и въ этомъ было отказано. У насъ даже какъ будто не вѣрили, что китайцы умираютъ съ голоду, а потому объясняли просьбу о хлѣбѣ намѣреніемъ залучить въ Кульджу хоть маленькій отрядъ нашихъ войскъ, который бы волей-неволей принужденъ былъ побить таранчей. Несчастнымъ китайцамъ грозила безславная смерть отъ голода или поголовное истребленіе кровожаднымъ и безпощаднымъ врагомъ...

Дзянь-дзюнъ (генералъ-губернаторъ) предпочелъ взорвать себя

на воздухъ, что и было исполнено 23 февраля 1866 года! Подъ ударами бунтовщиковъ погибло въ Кульджѣ до 175,000 жителей

Сидѣвшіе безъ дѣла въ Вѣрномъ, бывшій консулъ нашъ Павлиновъ и нѣсколько китайскихъ чиновниковъ укоряли наши власти, что они намѣренно содѣйствуютъ своимъ невмѣшательствомъ мусульманскому возстанію и что даже допускаютъ въ Вѣрномъ продажу китайскихъ плѣнныхъ!..

Наряжено было строжайшее слѣдствіе. Оказалось, что нѣсколько плѣнныхъ китаянокъ дѣйствительно были выкуплены вѣрненскими сартами отъ киргизовъ и дунганъ и взяты въ жены. Правда, выкупъ и купля одно и то же, но когда у сартовъ отобрали, по требованію Павлинова и китайскихъ чиновниковъ, этихъ женщинъ, то большая часть ихъ воспользовалась оплошностью китайскихъ караульныхъ и бѣжала назадъ, къ мужьямъ-сартамъ.

Не вмѣшиваясь сами въ дѣла Кульджи, мы, конечно, должны были удержать и своихъ дикихъ подданныхъ киргизовъ отъ вмѣшательства, и потому, чтобы остановить попытки ихъ вторгаться въ китайскіе предѣлы для грабежа, правительство наше, во-первыхъ, воспретило допускъ китайскихъ мятежниковъ на нашу территорію и, во-вторыхъ, приняло мѣры къ прекращенію всякихъ сношеній ихъ съ киргизами.

Всѣ киргизы, которые кочевали близко къ границѣ, зимою 1864—1865 года, пользуясь отсутствіемъ на границѣ нашихъ отрядовъ, выставлявшихся только на лѣто, присоединились къ инсургентамъ. Весною 1865 г. сюда были поспѣшно выдвинуты наши отряды, что и помѣшало остальнымъ киргизамъ пробираться массами въ китайскіе предѣлы.

Тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ, не желая упустить случая поживиться на счетъ китайцевъ и калмыковъ, собирались большими партіями съ самыхъ дальнихъ мѣстъ (напр., изъ-за Чу) и прорывались на Текесъ и Или, разыскивая несчастныхъ калмыковъ въ самыхъ недоступныхъ ущельяхъ, въ самыхъ непроглядныхъ дебряхъ.

Въ началѣ декабря 1864 г. догинцы, сегизъ-сарынцы и сарыбагыши разграбили буддійскій монастырь Сумбо, стоявшій на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Текесъ; монастырь и келіи ламъ были сожжены, идолы золотые, серебряные и мѣдные—расхищены, алебастровые поломаны, обитатели монастыря истреблены или разогнаны, такъ что бывшій на мѣстѣ грабежа чрезъ нѣсколько дней очевидецъ нашелъ тамъ только развалины и до тридцати израненныхъ престарѣлыхъ женщинъ, умиравшихъ съ голода. Правительство наше строго преслѣдовало грабителей и заставляло ихъ возвращать отбарантованный скотъ. Какихъ размѣровъ достигала баранта, можно судить уже по тому, что, напримѣръ, богинцы должны были заплатить калмыкамъ за 68,100

штукъ скота, но и этимъ не окончилось, потому что и въ 1869 г. они еще расплачивались по вновь поступившимъ претензіямъ.

Положеніе Семипалатинской области, граница которой на протяженіи 1,500 верстъ соприкасалась съ инсуррекціею, было весьма затруднительно. Малочисленные отряды, стоявшіе только въ четырехъ пунктахъ этого огромнаго пограничнаго пространства (Урджаръ, Коксу, Аксу, Чунджа) не могли услѣдить за мелкими партіями, и потому приходилось еще прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ, чтобы удержать въ нашихъ предѣлахъ киргизъ: подозрительныя волости подвергались строгому надзору, переводились въ отдаленныя отъ границы мѣста; вѣрность ихъ обезпечивалась аманатами; зоркіе агенты разсыпаны были на всемъ пространствѣ области и во-время предупреждали о намѣреніяхъ киргизъ; вліятельные люди удерживались въ благопріятномъ для насъ расположеніи то лаской, то угрозой. Мѣры эти были тѣмъ необходимѣе, что въ силу трактатовъ съ Китаемъ мы не могли преслѣдовать ихъ за границею, на китайской территоріи, а трактаты мы рѣшились сохранять свято, не смотря даже на то, что китайцы умоляли насъ не быть столь совѣстливыми...

Китай не соблюдалъ своихъ обязательствъ къ намъ, не выдавалъ бѣглыхъ и преступниковъ; тѣмъ не менѣе мы все-таки считали себя не вправѣ нарушить обязательства, заключенныя во времена его могущества. Мы обязаны были выжидать нѣкоторое время, хотя бы и съ ущербомъ для своихъ интересовъ, хода событій въ возмутившихся провинціяхъ. Такое строгое невмѣшательство дало полную возможность развиться возстанію и, погубивъ дѣло Китая въ Джунгаріи и Кашгаріи, погубило и нашу собственную торговлю въ этихъ странахъ. Образованіе же въ сосѣдствѣ безпокойнаго фанатичнаго мусульманскаго государства было во всякомъ случаѣ менѣе для насъ удобно, чѣмъ сохраненіе мятежныхъ провинцій за спокойнымъ, хотя и не всегда уступчивымъ Китаемъ. Результатами возстанія по отношенію къ намъ были: 1) уничтоженіе нашихъ консульствъ и факторій въ Кульджѣ и Чугучакѣ; 2) совершенное прекращеніе торговли, обороты которой достигли было порядочнаго развитія; 3) наплывъ эмигрантовъ въ наши предѣлы и 4) постоянные безпорядки на границѣ и нападенія на нашихъ подданныхъ.

Первые изъ инсургентовъ, пытавшіеся войти съ нами въ сношенія, были чугучакскіе дунгане. Тотчасъ послѣ возстанія въ Чугучакѣ (15 января 1865 г). и истребленія китайцевъ въ городѣ и его окрестностяхъ, предводитель инсургентовъ, чугучакскій имамъ, поспѣшилъ увѣдомить бѣжавшаго въ день возстанія вице-консула Вардугина, что факторія наша не тронута и охраняется дунганами; при этомъ имамъ приглашалъ вице-консула возвратиться и изъявлялъ желаніе продолжать торговлю съ нами

и поддерживать мирныя отношенія. Какъ это, такъ и всѣ послѣдующія письма имама остались безъ отвѣта, такъ какъ, конечно, правительство наше не могло вступать тогда въ сношенія съ мятежниками, осаждавшими въ 18 верстахъ отъ нашей границы крѣпость дружественной державы. Это настойчивое уклоненіе отъ сношеній, а также захватъ, посылаемыхъ къ нашимъ киргизамъ дунганъ, убѣждалъ ихъ въ нашей враждебности. Опасаясь за свою участь, дунгане, подъ вліяніемъ распускаемыхъ китайцами слуховъ о выступленіи противъ нихъ русскихъ войскъ, рѣшились оставить Чугучакъ и переселиться ближе къ Урумци. Въ концѣ іюня 1866 года дунгане съ семействами и всѣмъ имуществомъ дѣйствительно оставили Чугучакъ и вмѣстѣ съ союзными киргизами (байджигиты, кызаи, туртугулы и пр.) переселились за Манасъ, гдѣ образовали селеніе, подъ названіемъ Ктуй. Еще раньше ушли калмыки на Барлытогой, а затѣмъ и дальше, какъ только прослышали о взятіи Чугучака; поэтому пространство между нашею границею у Чугучака и Манаромъ (около 450 верстъ) совершенно обезлюдѣло и всякія сношенія наши здѣсь, а также и столкновенія съ дунганами прекратились.

Недостатокъ мѣстъ для кочевокъ и нападенія китайцевъ, бѣжавшихъ, послѣ возстанія дунганъ, въ горы Эрень-Кабырга и тамъ скрывшихся въ недоступныхъ мѣстахъ, заставили ушедшихъ къ дунганамъ байджигитовъ (до 1500 кибит.) возвратиться осенью 1869 г. изъ-за Манаса въ Семирѣченскую и Семипалатинскую области.

Дунгане, подавъ на западѣ сигналъ возстанія противъ китайцевъ, выказали во время войны замѣчательную энергію и храбрость; ежегодно предпринимали они походы противъ оставшихся не подвластными китайскихъ городовъ (Кумуль и Баркюль) и на помощь своимъ соплеменникамъ, во внутренній Китай, но подъ конецъ изъ Восточнаго Туркестана изгналъ ихъ Якубъ-бекъ, а въ Кульджѣ пріобрѣли первенство таранчи. Въ 1870 году возгорѣлась упорная борьба между дунганами и Кашгаромъ, начатая самими дунганами, занявшими принадлежащіе Якубъ-беку города Карашаръ и Куча. Война эта была неудачна для дунганъ, потерявшихъ нѣсколько городовъ.

Китайское правительство задумало сначала прекрасный планъ: воспользоваться племенной враждой обитателей своихъ окраинъ, обойти инсургентовъ черезъ Кобдо съ тыла, а въ то же время двинуть войска и съ фронта на Баркуль. Обходное движеніе возлагалось на калмыковъ, хутухта *) которыхъ Чоганъ-Кегень дѣйствительно разгромилъ киргизовъ въ Тарбагатайской про-

*) Воплощенный богъ по ламайскому ученію; въ настоящее время ихъ пятеро.

винціи, а затѣмъ въ 1865 г. перешелъ нашу границу и расчебарилъ киргизъ передъ столицей Урджарской. Другое подобное же нарушеніе нашихъ границъ было произведено тѣмъ же Чоганъ-Кегенемъ въ 1867 году: не получивъ просимаго имъ разрѣшенія перейти нашу границу для принятія эмигрантовъ, переселявшихся на Черный Иртышъ,—Хутухта все-таки перешелъ границу и расчебарилъ байджигитовъ въ Кокпектинскомъ округѣ.

Наше правительство потребовало отъ Китая полнаго удовлетворенія по этому поводу: письменнаго извиненія, возмѣщенія убытковъ, запрещенія переходить границу и наказанія хутухты, все это было исполнено за исключеніемъ наказанія хутухты, о чемъ боялись даже и думать сами китайцы. Мы впрочемъ и не настаивали, такъ какъ потерпѣвшіе отъ набѣга киргизы сами вызвали его участіемъ своимъ въ дѣлѣ инсуррекціи и потому наказаны по заслугамъ... Набѣги калмыковъ ни къ чему однакоже не повели, потому что не были поддержаны съ фронта: полчища нянь-феевъ, подступавшихъ почти къ самому Пекину, отвлекли китайскія войска на востокъ.

Возстаніе дунганъ, между тѣмъ, вступило въ новый фазисъ: таранчи, какъ земледѣльцы, оказались обладателями значительныхъ запасовъ хлѣба, наслѣдованнаго, по большей части, отъ истребленныхъ ими китайскихъ собственниковъ. На требованіе дунганъ подѣлиться хлѣбомъ — таранчи отвѣчали отказомъ, повлекшимъ за собою разрывъ и междоусобіе. Другими причинами вражды послужили—отказъ таранчей подѣлиться также и добычею, захваченною ими при разграбленіи 3 сумуновъ (въ сумунѣ до 10,000 кибитокъ) калмыковъ тугузъ-тараускихъ и непріязненныя дѣйствія таранчей противъ русскихъ, что было весьма нежелательно дунганамъ.

Дунгане, гордые своею китайскою образованностію, заявили свои права на завоеванныя страны; таранчи, только что освободившись отъ каторги, конечно, не захотѣли снова стать въ зависимое положеніе, какъ будто они дрались только изъ-за того, чтобы перемѣнить свои цѣпи, перемѣнить своихъ хозяевъ. Пользуясь численнымъ своимъ превосходствомъ надъ дунганами въ Кульджѣ, таранчи разбили ихъ у Баяндая и вырѣзали большую часть ихъ, немногіе спаслись за переваломъ Ташки въ Урумцинскій округъ. Въ февралѣ 1867 г. партія дунганъ въ 500 чел. явилась изъ Урумци въ Кульджу, подъ предлогомъ поздравленія съ освобожденіемъ отъ китайской власти, но таранчи, подозрѣвая какую нибудь хитрость, предупредили всякую случайность простымъ, но кореннымъ способомъ: зарѣзали всѣхъ до единаго!

Въ маѣ того же года, 2000 дунганъ явились для мщенія, но половина ихъ погибла въ неравной борьбѣ, и съ тѣхъ поръ междоусобія прекратились. Киргизы, награбивъ себѣ всякой вся-

чины и также не желая дѣлиться съ союзниками, дунганами, укочевали въ степь, откуда часть ихъ, преслѣдуемая калмыками, спаслась въ предѣлы Западной Сибири.

Мы говорили уже, что киргизскій предводитель Сыддыкъ, желая овладѣть Кашгаромъ, обратился къ коканскому правителю Алимъ-Кулу, съ просьбою прислать какого-нибудь ходжу, чтобы его именемъ переманить на свою сторону часть кашгарцевъ.

Желая въ свою очередь, воспользоваться смутами въ Кашгаріи, Алимъ-Кулъ послалъ туда Якубъ-бека, бывшаго во время неудачнаго штурма Бларамберга комендантомъ Акъ-Мечети. Вмѣстѣ съ нимъ послалъ и Ходжу, потомка Джегангира. Для Якубъ-бека набрана была въ Коканѣ дружина и рѣшено было возстановить правительство ходжей въ лицѣ посылавшагося затѣмъ Бзрукъ-хана. Искатели приключеній и престоловъ выѣхали изъ Ташкента въ концѣ 1864 года.

Дружина была однако невелика: коканскую границу переступило всего 68 человѣкъ! Однако, передъ именемъ ходжи отворялись всѣ ворота, и въ началѣ 1865 года, Бзрукъ-ханъ водворился въ Кашгарѣ, передавъ всѣ тягости управленія Якубъ-беку, который оставилъ на своемъ мѣстѣ бо̀льшую часть прежнихъ чиновниковъ, подчинивъ ихъ однако надзирателямъ изъ андижанцевъ. Успѣху первыхъ шаговъ его много помогло то обстоятельство, что въ началѣ февраля изъ Ташкента прибыла небольшая партія отъ Алимъ-Кула, съ извѣстіемъ о побѣдѣ его подъ Иканомъ (надъ сотней Сѣрова) и привезла 40 казачьихъ головъ... Трофей этотъ выставленъ былъ на показъ въ базарный день и возбудилъ сильный восторгъ.

Именемъ претендента, Якубъ-бекъ достигъ быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ, а затѣмъ сумѣлъ отстранить самого ходжу, который, благодаря своей бездарности, разгулу и неумѣнью держать себя на соотвѣтствующей высотѣ, утратилъ скоро свое значеніе. Якубъ-бекъ однако нуждался въ немъ, какъ въ знамени, и потому во всѣхъ походахъ возилъ его за собою.

Сыддыкъ, мечтавшій самъ управлять, т. е. наживаться и грабить именемъ Бзрука-ходжи, ушелъ изъ Кашгара, захватилъ Фаррашъ, вошелъ въ сношенія съ бадахшанцами и объявилъ себя ханомъ. Якубъ-бекъ выступилъ противъ него съ 4000 пѣшихъ и 400 конныхъ, набранныхъ на скорую руку, и занялъ Фаррашъ, откуда киргизы бѣжали. На слѣдующій день противники сошлись въ чистомъ полѣ и рѣшили споръ поединкомъ. Киргизскій великанъ былъ убитъ коканскимъ батыремъ и киргизы бѣжали. Въ началѣ іюня, послѣ 40 дней осады, палъ Янги-шаръ или цитадель Янги-Хиссара, выстроенная въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ города. 2000 китайцевъ было убито безпощадно, 250 взято въ плѣнъ. Якубъ-бекъ послалъ изъ нихъ 100 человѣкъ

въ подарокъ Алимъ-Кулу съ прибавкой 40 крѣпостныхъ ружей ты-фу, 100 ямбъ серебра (17,200 р.), 10 дѣвицъ, 50 шелковыхъ чепраковъ и т. п. Подакокъ этотъ не засталъ однако Алимъ-Кула, въ живыхъ, такъ какъ онъ былъ убитъ подъ Ташкентомъ въ битвѣ съ русскими. Медленно шедшіе на помощь къ Алимъ-Кулу притворявшіеся больными андижанскій и маргеланскій беки уже переправились было черезъ Чирчикъ, но узнавъ, о смерти Алимъ-Кула, выздоровѣли моментально, ускакали въ Той-Тюбе, собрали здѣсь остатки войска, назначили правителемъ Бегъ-Мухамеда, затѣмъ двинулись въ Тиляу, гдѣ остановился посланный Якубъ-бека съ барышнями и подарками, и безъ церемоніи раздѣлили все между собою.

Въ сентябрѣ 1865 г. палъ и Янгишаръ (нов. городъ) кашгарскій, благодаря измѣнѣ Хо-Далая, начальника гарнизона. Амбань же Чангъ-Таю зажегъ свой дворецъ и погибъ со всей семьей и приближенными. Не смотря на обѣщанія сохранить жизнь гарнизону, восемь дней шла рѣзня и грабежъ. 3000 семей приняли мусульманство и спасли жизнь. Въ походѣ на Яркендъ, Бзруку удалось бѣжать, при помощи Сыддыка, поступившаго къ нему на службу.

Ближайшимъ поводомъ для этого послужило неудачное покушеніе его на жизнь Якубъ-бека. Онъ воспользовался отлучкой Якубъ-бека, ушедшаго изъ лагеря для тайныхъ переговоровъ съ яркендскими дунганами, уговорилъ Сыддыка остаться въ лагерѣ для противодѣйствія Якубу, а самъ съ 2000 киргизовъ ускакалъ въ Кашгаръ съ Бегъ-Мухамедомъ, бывшимъ коканскимъ правителемъ. Всѣмъ имъ хотѣлось играть первую роль... Захвативъ кашгарскій Янгишаръ, они однако не были впущены въ самый Кашгаръ и встрѣчены выстрѣлами. Якубъ-бекъ поспѣшилъ за бѣглецами и узналъ дорогою, что онъ объявленъ уже мятежникомъ и что на его мѣсто назначенъ Бегъ-Мухамедъ. Встрѣченный торжественно народомъ и духовенствомъ въ Кашгарѣ, Якубъ-бекъ назначилъ ханомъ другого ходжу, брата Бзрука, Эшанъ-хана, или попросту Тюря-Каляна (въ переводѣ главный князь), а затѣмъ осадилъ Бзрука въ Янгишарѣ. На 17 день осады, Бегъ-Мухамедъ съ 17 человѣками отдѣлился отъ Бзрука и бѣжалъ въ Маргеланъ къ младшему брату коканскаго хана Худояра. Узнавъ объ этомъ, Худояръ велѣлъ казнить всѣхъ 18 человѣкъ. На 40 день осады, войдя въ тайныя сношенія съ киргизами Бзрукъ-хана, Якубъ-бекъ взялъ Янгишаръ и засадилъ Бзрука подъ стражу. Вскорѣ однако новый ханъ Тюря-Калянъ умеръ, и Бзрукъ началъ новыя интриги изъ своего заточенія. Якубъ выслалъ его на $1^1/_2$ года въ Янги-Хиссаръ, а затѣмъ отпустилъ на богомолье въ Мекку, но тотъ свернулъ на Бадакшанъ и черезъ Бухару пробрался въ 1869 г. въ Коканъ, гдѣ и поселился на содержаніи

Худояръ-хана. Такимъ образомъ Якубъ-бекъ сдѣлался полновластнымъ господиномъ Китайскаго Туркестана, или Кашгаріи.

Введя кое-какой порядокъ въ своихъ владѣніяхъ, организовавъ относительно сносную армію и подавляя всякое противъ себя неудовольствіе, съ неумолимою и одинаковою для всѣхъ сословій, племенъ и лицъ жестокостію, Якубъ-бекъ заслужилъ имя Аталыка и Гази, т. е. справедливаго и покорителя. Изъ всѣхъ правительствъ, возникавшихъ послѣ революціи въ Западномъ Китаѣ, одно только кашгарское обѣщало быть прочнымъ и сколько-нибудь долговѣчнымъ, всѣ же остальныя, обезсиленныя междоусобіями, не могли выдержать натисковъ китайскихъ войскъ, когда они, наконецъ, сюда явились черезъ двадцать лѣтъ.

Такимъ образомъ бывшее илійское дзянъ-дзюнство распалось на слѣдующія части: 1) города на югъ отъ Тяньшанскихъ горъ признали власть Якубъ-бека; 2) города Урумци, Манасы и окрестности по обѣ стороны Тяньшанскаго хребта остались за дунганами; 3) Чугучакскій край (Тарбагатай) остался за калмыками; 4) Кульджа и вся илійская провинція досталась каторжникамъ-таранчамъ, ставшимъ такимъ образомъ нашими ближайшими сосѣдями; собственно города Чугучакъ и Куръ-Кара-Усу съ окрестностями, были къ 1872 году совершенно покинуты вслѣдствіе развившагося тамъ тифа и долго посѣщались только дикими звѣрями, находившими тамъ обильную пищу въ грудѣ звѣрски зарѣзанныхъ людей.

Такъ кончилась кровавая драма, разыгравшаяся на нашихъ глазахъ и отодвинувшая нашихъ сосѣдей-китайцевъ болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ. Образовалась живая китайская стѣна, надолго отдѣлившая насъ отъ мирной Срединной имперіи, поддерживавшей съ нами болѣе 200 лѣтъ дружбу и миръ.

Не имѣя никакихъ сношеній съ дунганами, отстраненными отъ нашихъ владѣній обширнымъ, обезлюдѣвшимъ пространствомъ и вытѣсненнымъ изъ Кульджинской провинціи таранчами, мы довольно часто приходили, въ то же время, въ столкновенія съ Кульджею и Кашгаромъ. Въ Кульджѣ утвердились таранчи и выбрали одного изъ предводителей своихъ Абиль-Огля султаномъ. Въ качествѣ руководителя въ дѣлахъ, не касавшихся войны, состоялъ Алимъ-Ахунъ, высшее духовное лицо таранчей. Городскою стражею завѣдывалъ эмиръ. Войско имѣло достаточно китайскихъ ружей и пушекъ, но пороху оставалось такъ мало, что огнестрѣльное оружіе употреблялось крайне рѣдко, въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Дунгане терпѣли голодъ въ своемъ разоренномъ Урумци и, смиривъ свою гордость, стали переходить къ таранчамъ, богатымъ китайскими запасами, становясь въ подчиненное положеніе къ бывшимъ каторжникамъ. Кашгаръ въ это время почти весь

былъ подчиненъ Якубъ-беку. При всемъ желаніи нашего правительства не имѣть никакихъ сношеній съ мятежными подданными Китая, столкновенія съ таранчами и союзными имъ киргизами, какъ ближайшими нашими сосѣдями, были неизбѣжны. Прекратить сношенія кульджинскихъ киргизовъ съ нашими не было никакой возможности, потому что граница наша съ Кульджею тянется по обширной равнинѣ, а военныя средства наши позволяли держать здѣсь только небольшой отрядъ изъ роты или двухъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ (на Борохудзирѣ).

Результатомъ этого были постоянныя, со времени возстанія дунганъ, волненія и отсутствіе безопасности на приграничномъ пространствѣ. Баранты и даже укочевки киргизъ были весьма часты на границѣ съ Кульджею; даже трактъ между Копаломъ и Вѣрнымъ одно время былъ небезопасенъ. Барантачи изъ подданныхъ намъ киргизъ, увлекаясь примѣромъ заграничныхъ, дѣлались все смѣлѣе и вмѣстѣ съ кульджинскими наѣздниками грабили даже и въ нашихъ предѣлахъ. Такой хроническій безпорядокъ на пограничномъ съ Кульджею пространствѣ необходимо было прекратить, тѣмъ болѣе, что таранчи, нуждаясь въ помощи киргизъ, старались склонить ихъ на свою сторону прокламаціями о священной войнѣ противъ невѣрныхъ, и тѣмъ самымъ стали во враждебныя къ намъ отношенія. Защита и покровительство, оказанныя нами солонамъ и сибо, перешедшимъ въ наши предѣлы, а также слухи, распущенные китайцами, о движеніи нашихъ войскъ для усмиренія мятежа,—все это заставило инсургентовъ опасаться насъ, возбудило въ нихъ враждебныя къ намъ чувства, хотя въ то же время они старались держать себя весьма осторожно, чтобъ не подавать никакихъ предлоговъ для нападенія нашихъ войскъ. Поэтому, въ первое время возстанія, они по возможности удерживали союзныхъ киргизъ отъ грабежей въ нашихъ предѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ паденія Кульджи, почитая себя наслѣдниками всѣхъ китайскихъ земель, инсургенты заявляли свое право охранять эти земли отъ предполагаемыхъ нашихъ на нихъ покушеній. Такъ, одновременно со взятіемъ Кульджи, одинъ изъ таранчинскихъ шанбели*) прислалъ къ начальнику выставленнаго нами на Чунджѣ отряда письмо, въ которомъ спрашивалъ о цѣли выставленія отряда. Письмо это осталось безъ отвѣта. Послѣ стычекъ Борохудзирскаго отряда, выступившаго для прикрытія переселявшихся въ началѣ 1867 г. изъ Тургеня солоновъ, всякія сношенія съ таранчами прекратились до 1869 года. Таранчи постоянно заботились предупредить всякій поводъ къ непріязни: въ сентябрѣ 1868 года, узнавъ, что до русскихъ дошелъ слухъ о намѣреніи ихъ, въ числѣ до 40 т. на-

*) Начальниковъ округа.

пасть на Алматы, т. е. Вѣрное, поспѣшили увѣдомить пограничное начальство чрезъ киргизскаго султана Тезека о ложности этого слуха и желаніи ихъ жить съ нами въ мирѣ.

Съ 1868 и въ особенности въ 1869 году усилилось общее движеніе киргизовъ въ наши предѣлы. Грабить имъ было уже нечего и даже приходилось теперь возвращать долю добычи дунганамъ и таранчамъ, налетавшимъ на нихъ по временамъ для отбиранія своихъ долей. Кромѣ того и калмыцкій хутухта обѣщалъ повторить свой набѣгъ... Одни изъ прикочевавшихъ въ наши предѣлы, просили принять ихъ въ подданство, другіе искали только временнаго убѣжища и, напримѣръ, кызаевцы безцеремонно барантовали не только киргизскихъ же, но даже казачьихъ и казенныхъ лошадей. Въ видахъ охраны, жители пограничной полосы Сергіопольскаго уѣзда и льготные казаки были снабжены старыми ружьями съ 10 патронами каждое.

Такъ шло до марта 1869 года, когда начались частыя сношенія семирѣченскаго губернатора съ кульджинскимъ султаномъ, который началъ съ того, что прислалъ отъ себя двухъ посланцевъ. Въ письмѣ, доставленномъ ими 7 марта, султанъ увѣрялъ въ своемъ дружелюбіи и просилъ о розыскѣ разнаго скота, украденнаго нашими киргизами у его подданныхъ, въ 1866—1868 гг. Желая воспользоваться этимъ случаемъ для возстановленія порядка и безопасности на границѣ съ Кульджею, пограничное начальство отвѣтило султану увѣреніями въ миролюбивомъ расположеніи съ нашей стороны и просило его принять мѣры къ прекращенію грабежей со стороны подвѣдомственныхъ ему киргизовъ, увѣдомляя, что съ нашей стороны употребляются всѣ усилія къ прекращенію баранты. Въ іюлѣ мѣсяцѣ султанъ послалъ въ Вѣрный вторичное посольство, но на дорогѣ, не доѣзжая до нашей границы, посолъ былъ ограбленъ. Грабители оказались нашими киргизами, были отысканы и все ограбленное возвращено.

Между тѣмъ, несмотря на эти сношенія, грабежи въ нашихъ предѣлахъ усилились и распространились даже на почтовый трактъ. Въ сентябрѣ дерзость заграничныхъ барантачей-кызаевцевъ дошла до того, что они угнали пасшійся, въ 15 верстахъ отъ станицы Лепсинской, цѣлый табунъ 1-й сибирской конно-артиллерійской батареи. Для наказанія ихъ, въ октябрѣ посланъ былъ изъ станицы Лепсинской отрядъ войсковаго старшины Главацкаго, изъ 4 сотенъ казаковъ и 30 артиллеристовъ, который отбилъ у кызаевъ свыше 20 т. головъ разнаго скота. Одновременно двинутъ былъ и борохудзирскій отрядъ, силою въ 67 штыковъ, 104 коня при 2-хъ орудіяхъ, который дошелъ до г. Мазара, (Кургашъ) и захватилъ у киргизовъ 5 т. барановъ. Эти экспедиціи вызвали изъ Кульджи новое посольство, прибывшее въ Вѣрный въ началѣ ноября. Таранчинскій султанъ протестовалъ противъ

нападенія на кызаевъ и просилъ возвратить киргизамъ отбитый у нихъ скотъ. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, такъ какъ отнятіе скота представлялось единственнымъ средствомъ для чувствительнаго наказанія киргизовъ за ихъ постоянные грабежи въ нашихъ предѣлахъ. Такъ какъ для безопасности нашего пограничнаго пространства, кромѣ прекращенія набѣговъ барантачей, необходима выдача нашихъ бѣглыхъ и преступниковъ, то султану было предложено выдать намъ укочевавшихъ незадолго передъ тѣмъ волостнаго Алимбека съ 30 кибитками богинцевъ. Третьимъ пунктомъ требовался свободный пропускъ нашихъ купцовъ въ Кульджу, какъ было до мятежа.

Между тѣмъ, кызаи надумали добиться возвращенія скота другимъ способомъ: 6,000 кибитокъ изъявили покорность и просили принять ихъ въ наше подданство. Тогда на нихъ налетѣли таранчи и сувановскіе киргизы, въ числѣ 2,000 чел., и отбарантовали у нихъ 40,000 барановъ и 2,000 лошадей. Кызаевцы пустились въ погоню и такимъ образомъ откочевали изъ нашихъ предѣловъ. Въ январѣ 1870 года отъ кульджинскаго правителя вновь полученъ длинный перечень различныхъ случаевъ покражъ и грабежей, совершенныхъ въ его предѣлахъ съ 1867 года, причемъ султанъ предлагалъ сдѣлать съѣздъ подвѣдомственныхъ ему киргизъ съ нашими, для разсчета по совершеннымъ другъ у друга барантамъ. Принять такое предложеніе мы не могли, съ одной стороны потому, что на подобномъ съѣздѣ пришлось бы допустить участіе бѣглыхъ нашихъ киргизъ, а съ другой—и потому, что съѣздъ этотъ едва-ли могъ повести къ успѣшному результату, по давности грабежей и запутанности счетовъ между киргизами.

Въ концѣ мая и въ началѣ іюня мѣсяца таранчи, изъ пикета на Текесѣ, напали на пятерыхъ нашихъ киргизовъ, охотившихся за маралами, убили одного киргиза и троихъ захватили въ плѣнъ. Это дало поводъ Колпаковскому послать въ Кульджу переводчика семирѣченскаго областнаго правленія и потребовать отъ султана: 1) наказанія виновныхъ въ нападеніи; 2) денежной пени за одного охотника, отморозившаго себѣ руки; 3) возвращенія плѣнныхъ; 4) выдачи бѣжавшихъ изъ нашихъ предѣловъ киргизовъ.

Султанъ отвѣтилъ, что еще не слыхалъ ничего о нападеніи на охотниковъ и потому сначала произведетъ слѣдствіе, а что касается выдачи бѣглецовъ, то шаріатъ запрещаетъ выдачу гостей. Тогда генералъ-губернаторъ Кауфманъ предписалъ Колпаковскому немедленно подвинуть тяньшанскій отрядъ за границу, занявъ спускъ Музартскаго перевала, единственнаго прохода въ Тянь-Шань между Алтышаромъ и Кульджею. Этимъ достигалось обезпеченіе границы со стороны р. Текеса, и въ то же время

пресѣкался кашгарскому владѣтелю Якубъ-беку прямой путь на Кульджу, овладѣніе которою составляло давнее его намѣреніе.

Это казалось тѣмъ важнѣе, что Якубъ-бекъ уже началъ дѣйствія противъ дунганъ и отнялъ нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Карашаръ и Турфанъ.

Кромѣ тяньшанскаго отряда на Музартѣ, выставлены были на протяженіи 250 верстъ между Тяньшанемъ и Алатау еще два отряда: борохудзирскій и чунджинскій; послѣдній впрочемъ съ весны 1871 года.

Въ томъ же отвѣтѣ своемъ кульджинскій султанъ, подъ пустыми предлогами, не соглашался дозволить подняться по р. Или нашему судну для покупки и сплава каменнаго угля, хлѣба и дерева, увѣряя, что рудники испорчены, что угля едва хватаетъ для собственнаго употребленія, что вывоза и прежде не было и что, наконецъ, этого не желаетъ самъ народъ.

Занятіе Музарта, въ концѣ августа 1870 года, понудило султана перемѣнить тонъ, и въ концѣ сентября онъ поспѣшилъ освободить двухъ захваченныхъ охотниковъ. Султанъ протестовалъ противъ занятія Музарта, объявляя о принадлежности этой земли таранчамъ, и просилъ отозвать нашъ отрядъ, во избѣжаніе столкновеній, такъ какъ и онъ съ своей стороны будетъ вынужденъ выставить здѣсь свои войска. Но протестъ его остался безъ послѣдствій. Колпаковскій напомнилъ султану объ отказѣ его выдать нашихъ бѣглецовъ и потребовалъ освобожденія третьяго охотника, предостерегая въ то же время отъ выставленія къ Музарту таранчинскаго отряда, такъ какъ это неминуемо поведетъ къ столкновенію. Султанъ однако не испугался и все-таки выслалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ разъѣздъ изъ пограничнаго таранчинскаго отряда къ Музарту, подъ предлогомъ встрѣчи ѣдущаго изъ Кашгара важнаго сановника. Разъѣздъ этотъ былъ обезоруженъ нашимъ Тяньшанскимъ отрядомъ, и послѣ этого случая всякія попытки таранчей для возврата Музарта были оставлены.

Вообще переписка пограничнаго начальства нашего съ кульджинскимъ правителемъ не принесла никакихъ полезныхъ результатовъ. Главныя требованія наши: о наказаніи виновныхъ въ особо крупныхъ грабежахъ, о выдачѣ бѣглыхъ, о свободѣ торговли съ Кульджею, султанъ либо не исполнялъ, либо прямо отклонилъ; тогда какъ съ нашей стороны, по жалобѣ султана, виновные въ грабежахъ за границей были розысканы и наказаны; ограбленное ими отобрано и возвращено; мѣры къ прекращенію тайныхъ отлучекъ нашихъ киргизъ за границу для грабежа были приняты; замѣченные въ потворствѣ барантачамъ пограничные волостные управители смѣнены. Такимъ образомъ начала международной взаимности услугъ не существовало, а потому у насъ признано было за лучшее, до принятія какихъ

либо рѣшительныхъ мѣръ противъ султана, дѣйствовать на границѣ, такъ какъ будто бы султанской власти вовсе не существовало.

Въ интересахъ Россіи болѣе всего желательно было возстановленіе законной власти Китая, и если въ началѣ возстанія наше невмѣшательство имѣло хоть какую-нибудь благовидную подкладку, вродѣ ссылки на чугучакскій договоръ, запрещающій переступать китайскую границу даже одиночнымъ казакамъ и солдатамъ, то теперь, когда безсиліе китайскаго правительства предъ мятежемъ стало очевиднымъ, мы даже въ видахъ собственныхъ выгодъ, должны были помочь Китаю. Этого требовали заботы о нуждахъ нашей торговли, о спокойствіи пограничнаго населенія и наконецъ о нашемъ политическомъ значеніи. Переговоры, веденные въ началѣ 1870 года въ Петербургѣ съ китайскими посланниками: Бюрлинганомъ, Чжи и Суномъ не дали ничего опредѣлительнаго относительно нашего вмѣшательства въ дѣло усмиренія таранчей и дунганъ, но послы не пугались этой мысли, относились къ ней будто бы безразлично. Ясно, что они желали этого, а сказать о томъ боялись, чтобы не уронить достоинства великой имперіи...

Такимъ образомъ дѣло предоставлялось нашему великодушію и совѣсти... Между тѣмъ, грабежи на нашемъ пограничномъ пространствѣ не прекращались. Въ августѣ мѣсяцѣ шайка нашихъ и кульджинскихъ киргизъ напала, съ оружіемъ въ рукахъ, на проѣзжавшаго по почтовому тракту старшаго помощника Копальскаго уѣзднаго начальника, маіора Здоренко, нанесла ему 15 опасныхъ ранъ и ограбила значительную сумму денегъ; та же шайка, въ тотъ же день, разграбила почтовую станцію и угнала съ нея 15 лошадей.

Причины таились безпорядковъ таятся въ слабости таранчинскаго правительства, которое было совершенно не въ силахъ ни удержать своихъ подданныхъ отъ грабежей, ни наказывать ихъ строго, когда думало угождать намъ, и въ потворствѣ самого султана въ остальное время. Имя Шанъ-Беги-Тагалака, начальника пограничной части таранчинскихъ владѣній лѣваго берега р. Или, встрѣчалось почти во всѣхъ грабежахъ.

---

12 сентября, транспортъ съ лѣсомъ для построекъ въ бахтинскомъ отрядѣ, шедшій изъ горъ Барлыкъ, заблудился по случаю сильнаго тумана. Отправившіеся искать дорогу унтеръ-офицеръ и казакъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ транспорта, были схвачены напавшею на нихъ неожиданно партіею киргизъ-барантачей, которые избили ихъ, отняли 2 ружья, 2-хъ лошадей, все платье и бѣлье, но 15 числа отпустили. Люди эти дошли пѣшкомъ до ожидавшаго ихъ транспорта и прибыли вмѣстѣ съ нимъ въ отрядъ.

Посланный изъ отряда съ 15-ю казаками для преслѣдованія и наказанія барантачей поручикъ Поповъ, на разсвѣтѣ, 18 сентября, подвергся и самъ нечаянному нападенію партіи въ числѣ 60 человѣкъ, которые, впрочемъ, были отражены съ потерею одного человѣка убитымъ.

Поповъ преслѣдовалъ барантачей 18 и 19 числа, но догнать ихъ не могъ, и потому 20 числа, за дурною погодою, вернулся въ отрядъ.

Во время поѣздки въ тяньшанскій отрядъ, командующій войсками Семирѣченской области, узнавъ имена нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ нападеніи на маіора Здоренко кульджинскихъ киргизовъ, послалъ къ таранчинскому султану 23 ноября письмо съ требованіемъ о розысканіи указанныхъ имъ разбойниковъ и возвращеніи ограбленнаго у Здоренко имущества и денегъ. На это письмо султанъ отвѣтилъ, что онъ арестовалъ Керимкула съ товарищами и отобралъ у него забарантованныхъ почтовыхъ лошадей. Султанъ просилъ прислать описаніе примѣтъ лошадей и списокъ ограбленнымъ вещамъ, обѣщаясь продолжать розыски, относительно же выдачи грабителей умолчалъ.

Для уясненія, кто именно изъ нашихъ киргизовъ нападалъ на маіора Здоренко, а также, чтобы побудить султана настойчивѣе розыскивать ограбленное имущество, Колпаковскій нашелъ необходимымъ командировать въ Кульджу, для производства слѣдствія на мѣстѣ, начальника суднаго отдѣленія областнаго правленія Чистопольскаго, а для пополненія нашихъ свѣдѣній о малоизвѣстномъ Илійскомъ краѣ, послалъ вмѣстѣ съ Чистопольскимъ и генеральнаго штаба капитана барона Каульбарса, поручивъ ему, сверхъ того, еще и лично переговорить съ султаномъ о пограничныхъ дѣлахъ и настоять на исполненіи султаномъ нашихъ требованій, разновременно ему предъявленныхъ: о выдачѣ виновныхъ въ нападеніи на маіора Здоренко, о выдачѣ киргизъ, бѣжавшихъ съ копальской гауптвахты, о предоставленіи нашимъ купцамъ свободной торговли въ Илійской провинціи и, наконецъ, объ отмѣнѣ запрещенія на вывозъ хлѣба, риса и каменнаго угля, которымъ Верхнеилійскій край изобилуетъ. Посольство это не увѣнчалось успѣхомъ, хотя во время переговоровъ, султанъ и согласился на многія изъ нашихъ предложеній, обѣщавъ, напр., выдать участниковъ въ нападеніи на Здоренко; но потомъ этого обѣщанія не исполнилъ; точно также не выполнено имъ и ни одно изъ остальныхъ требованій нашихъ. Въ письмѣ, полученномъ вслѣдъ за возвращеніемъ посольства въ г. Вѣрный, султанъ даже требовалъ убрать нашъ тяньшанскій отрядъ, стоявшій на р. Уртень-Музартъ (долина Текеса), въ противномъ случаѣ грозилъ удалить его силою.

По полученіи объ этомъ донесенія, генералъ фонъ-Кауфманъ

находя, что коварный образъ дѣйствій таранчинскаго султана и угрозы его на счетъ тяньшанскаго отряда могутъ повести къ столкновенію, не счелъ однакоже возможнымъ дать разрѣшеніе на занятіе Кульджи, руководствуясь въ этомъ случаѣ указаніями на этотъ счетъ государя императора. Въ случаѣ же крайности, т. е. когда таранчинскія войска сами предпримутъ военныя дѣйствія противъ нашихъ пограничныхъ отрядовъ, Колпаковскому разрѣшено, не ограничиваясь пассивной обороной, перейти въ наступленіе, чтобы наказать таранчей и заставить султана уважать русскую власть и русское оружіе, но при этомъ рекомендовалось щадить, по возможности, дунганскія поселенія, не только не выказывающія, какъ по всему видно, ненависти къ намъ, но и готовыя войти съ нами въ мирныя отношенія.

Въ случаѣ занятія Илійской провинціи, приказано поддержать дунганъ или калмыковъ съ цѣлію умалить значеніе таранчинскаго элемента, а для этого предположено посадить султаномъ или ханомъ кого-либо изъ представителей поименованныхъ народностей.

Прибывшіе зимою 1869 — 1870 г. въ наши предѣлы изъ-за границы кызаи, въ концѣ декабря 1870 года, сдѣлали попытку укочевать съ приграничнаго урочища Карагачъ, гдѣ они были оставлены, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ, вдали отъ границы. По дорогѣ они разграбили нѣсколько ауловъ другихъ киргизскихъ родовъ. Выступившій 25 декабря, для преслѣдованія ихъ съ казачьимъ разъѣздомъ начальникъ южно-тарбагатайскаго отряда, нашелъ на Карагачѣ однихъ только почетныхъ кызаевъ, которыхъ и увелъ къ отряду; для преслѣдованія же и возврата остальныхъ посланъ имъ поручикъ Поповъ съ казачьей командой, который и воротилъ половину бѣжавшихъ, т. е. около 400 юртъ. Передъ бѣгствомъ, кызаи произвели двѣ большія баранты: одну у киргизъ Сергіопольскаго уѣзда, причемъ угнали 1,000 барановъ, а другую у киргизъ Зайсанскаго приставства, у которыхъ они угнали до 700 лошадей. Недостатокъ свободныхъ для кочевокъ земель, подговоры сородичей, оставшихся въ кульджинскихъ владѣніяхъ и подстрекательства таранчей—вотъ причины вліявшія на откочевку кызаевъ. Для защиты укочевавшихъ отъ насъ кызаевъ, таранчи выслали къ 10 января свой отрядъ изъ Кульжи. Мы, съ своей стороны, ради удержанія на мѣстѣ захваченныхъ кызаевъ, взяли отъ нихъ заложниковъ, которыхъ отправили до весны въ Сергіополь *).

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, рѣшено выдвинуть, съ

*) Заложники были необходимы также для обезпеченія взысканія съ кызаевъ за баранты у киргизъ Зайсанскаго приставства, у которыхъ въ разное время отбарантовано кызаями свыше 2,600 лошадей.

наступленіемъ весны, отрядъ въ центръ кызаевскихъ кочевокъ на р. Боротолу, или въ долину озера Сайрамъ-Куль.

Послѣ возвращенія посольства барона Каульбарса, кульджинскій султанъ продолжалъ переписываться съ Колпаковскимъ; но это, по обыкновенію, ни къ чему не вело, такъ какъ на наши требованія онъ отвѣчалъ ложно и разными увертками.

ГЛАВА II.

Сношенія нашихъ пограничныхъ киргизовъ съ таранчами. Бѣгство прапорщика Тазабека (волостного управителя). Поискъ эсаула Герасимова. Поддержка, оказанная Тазабеку кульджинскимъ султаномъ. Мѣры, принятыя генераломъ Колпаковскимъ. Рекогносцировка путей въ ханство. Движеніе борохудзирскаго отряда къ г. Мазару. Дѣло подъ Кетменемъ 8 мая. Движеніе полковника Михаловскаго съ Чунджи къ Кетменскому перевалу, а маіора Балицкаго съ Борохудзира къ Акъ-Кенту. Безпечность Михаловскаго и ночное дѣло подъ Кетменомъ 31 мая. Стычки подъ Акъ-Кентомъ 3 и 4 іюня. Прибытіе въ отрядъ генерала Колпаковскаго.

Въ началѣ весны 1871 года сформированъ былъ новый наблюдательный постъ на уроч. Чунджи (изъ состава войскъ Борохудзирскаго отряда), для охраненія границы нашей, по случаю волненій между киргизами восточной части Вѣрненскаго уѣзда. Подчиненность приграничныхъ киргизовъ всегда была сомнительна; киргизы имѣли своихъ родовичей въ кульджинскихъ предѣлахъ, а кульджинское правительство постоянно подстрекало киргизъ къ укочевкамъ и отказывалось выдавать бѣжавшихъ. Каждому приграничному киргизу, не желавшему платить долговъ или погрѣшившему противъ нашихъ законовъ, легко было бѣжать за границу, гдѣ таранчи принимали радушно своихъ бѣглыхъ единовѣрцевъ. Кульджинскій султанъ, хотя и сознавалъ, что такія дѣйствія могутъ вынудить русскихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, однакоже не смѣлъ идти противъ воли и симпатій окружающихъ его фанатиковъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ было получено свѣдѣніе о тайныхъ сношеніяхъ нѣкоторыхъ пограничныхъ киргизъ Вѣрненскаго уѣзда съ кульджинскимъ султаномъ. Указывали именно на волостного управителя Кетменской волости Джансерке, который будто бы тайно сносился съ Кульджею. О сношеніяхъ Джансерке произведено было Вѣрненскимъ уѣзднымъ начальникомъ строгое дознаніе. Но еще это дѣло не успѣло вполнѣ выясниться, какъ получено было извѣстіе объ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Кульджею прапорщика Тазабека и о намѣреніи его откочевать изъ русскихъ предѣловъ. Для дознанія, арестованія Тазабека и воспрепятствованія откочевкѣ киргизъ командированъ былъ старшій помощникъ Вѣрненскаго уѣзднаго начальника, есаулъ Герасимовъ.

По прибытіи, 12-го апрѣля, на урочище Актогой, Герасимовъ удостовѣрился, что Тазабекъ дѣйствительно посылалъ письмо

къ кульджинскому султану и намѣревался откочевать. Причина тому заключалась въ опасеніи отвѣтственности по двумъ уголовнымъ дѣламъ (по убійству), по которымъ обвинялись родственники Тазабека. На требованіе выслать обвиняемыхъ, Тазабекъ сперва отвѣтилъ, что они умерли, и сынъ его принялъ въ томъ присягу. Между тѣмъ оказалось, что преступники живы, но скрыты Тазабекомъ, который и самъ принималъ участіе въ преступленіи. Вѣроятно также, что на побѣгъ Тазабека вліяло и удаленіе его отъ должности волостного управителя Меркинской волости (въ сентябрѣ 1870 г.), за допущеніе подвѣдомственныхъ ему киргизовъ къ барантамъ въ таранчинскихъ предѣлахъ, на что и жаловался постоянно кульджинскій султанъ.

Тазабекъ Бусурмановъ, по родовому своему значенію, стоялъ во главѣ одного изъ сильнѣйшихъ адбановскихъ родовъ, отдѣленія Бузумъ; обладая немалымъ умомъ, ловкостью и хитростью, онъ имѣлъ большое вліяніе на киргизъ адбановскаго рода. Вліяніе его прежде было до того сильно, что онъ могъ стоять во враждебныхъ отношеніяхъ къ старшему султану Тезеку и занималъ всегда почетныя должности бія и волостного. Тазабекъ надѣялся возвратить свою власть, но, при выборахъ на трехлѣтіе 1871—1873 г., избраніе Тазабека было отклонено, и это, безъ сомнѣнія, послужило одною изъ главныхъ причинъ его откочевки въ кульджинскіе предѣлы, гдѣ онъ могъ возстановить вполнѣ свою прежнюю власть надъ родовичами, изъ которыхъ одна часть послѣдовала за нимъ, а другая откочевала еще въ 1865—1867 гг.

Узнавъ, что Тазабекъ собираетъ около себя вооруженныхъ сообщниковъ, Герасимовъ, не имѣя при себѣ вооруженной силы, не рѣшился ѣхать въ аулъ Тазабека и, собравъ до ста киргизъ, вытребовалъ съ Чунджинскаго поста 32 казака. На требованіе явиться въ русскій отрядъ Тазабекъ отвѣчалъ уклончиво, говоря, что онъ боится отвѣтственности и совѣстится показаться на глаза старшему помощнику уѣзднаго начальника. Послѣ вторичнаго, также неуспѣшнаго вызова, Герасимовъ пошелъ на аулъ Тазабека.

Тазабекъ встрѣтилъ русскій отрядъ значительною, вооруженною толпою, но держался первое время въ значительномъ отдаленіи. Такъ какъ наступалъ уже вечеръ, то Герасимовъ остановился на ночлегъ, на возвышенномъ берегу Актогоя. Ночью выставлены были пикеты изъ киргизъ и размѣщена цѣпь изъ казаковъ.

Въ часъ по полуночи киргизскіе пикеты извѣстили отрядъ о готовящемся нападеніи. При первомъ появленіи джигитовъ Тазабека, киргизы, находившіеся въ русскомъ отрядѣ, до 300 человѣкъ, изъ разныхъ адбановскихъ волостей, сѣли на коней и скрылись. Джигиты живо преслѣдовали бѣгущихъ; изъ числа ихъ аульному Джакубу при этомъ преслѣдованіи нанесено было

13 рань саблями и пиками. Остальная шайка Тазабека бросилась на казаковъ, которые встрѣтили нападающихъ выстрѣлами. Три атаки конныхъ и пѣшихъ джигитовъ Тазабека были отражены безъ всякой потери, и казаки поддерживали затѣмъ до утра постоянную, хотя не сильную перестрѣлку. Утромъ же шайка Тазабека, въ которой осталось только 140 человѣкъ, поспѣшно отступила. Двинувшись на аулъ мятежниковъ, Герасимовъ нашелъ, что онъ уже началъ откочевку, по направленію къ Чунджѣ, бросивъ вьюки и скотъ, которые и были захвачены казаками при преслѣдованіи. Одинъ изъ родственниковъ Тазабека показалъ, что Тазабекъ бѣжалъ на урочище Сюмбе. Плѣнные однако не ручались, что отрядъ застанетъ тамъ Тазабека; дѣйствительно, движеніе Герасимова къ Сюмбе не увѣнчалось успѣхомъ, а между тѣмъ окрестные киргизы разворовали отбитый нами скотъ, оставленный, по малочисленности отряда, безъ охраны на попеченіе нѣсколькихъ почетныхъ киргизъ, и сверхъ того забрали даже покинутыхъ женъ и дѣтей бѣглецовъ.

Возвратившись изъ Сюмбе, Герасимовъ узналъ, что одновременно съ Тазабекомъ откочевали за границу части волостей: Чунджинской и Темерлекъ-Кулутовской; откочевало всего до 1000 кибитокъ.

Въ то время, какъ Герасимовъ преслѣдовалъ Тазабека, двинулся съ чунджинскаго поста хорунжій Концовъ, чтобы съ сѣвера отрѣзать дорогу бѣглецамъ. Двухъ больныхъ казачьихъ лошадей, свое и казачье имущество хорунжій Концовъ оставилъ на храненіе кочевавшему вблизи киргизу Мурату. По возвращеніи же чунджинскаго отряда оказалось, что Муратъ откочевалъ, захвативъ съ собою и все, ввѣренное ему на храненіе, имущество.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ съ чунджинскаго поста, султанъ кульджинскій выслалъ на помощь Тазабеку отрядъ, человѣкъ въ 200. По полученіи донесенія отъ Герасимова, генералъ Колпаковскій распорядился тотчасъ же поставить, кромѣ чунджинскаго поста, еще одинъ постъ, изъ 50 казаковъ на урочище Кетмень, близъ Кетменскаго перевала. Этотъ постъ имѣлъ цѣлью препятствовать бѣгству въ Кульджу киргизъ Вѣрненскаго уѣзда, по кетменской дорогѣ, помимо долины р. Или. Для связи между тяньшанскимъ и кетменскимъ отрядами, поставлена полусотня казаковъ на урочищѣ Акъ-Джаръ. Кульджинскому султану послано требованіе о немедленной выдачѣ Тазабека и бѣжавшихъ съ нимъ киргизъ. Срокъ для исполенія этого требованія назначенъ былъ семидневный, т. е. до 3-го мая. Чтобы поддержать это требованіе, и въ случаѣ отказа султана, силою вернуть Тазабека, Колпаковскій принялъ слѣдующія мѣры:

Предписано вѣрненскому уѣздному начальнику, подполковнику Жданъ-Пушкину выступить съ отрядомъ изъ 140 казаковъ

за границу, для преслѣдованія и возвращенія откочевавшихъ киргизъ, но при этомъ тщательно избѣгать столкновеній съ таранчами и отнюдь не подавать повода къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Для подкрѣпленія отряда Жданъ-Пушкина, предписано 3-й ротѣ 12-го линейнаго Туркестанскаго баталіона двинуться по дорогѣ отъ уроч. Чунджи къ гор. Дубуну. Для поддержки отряда, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій таранчей, предписано начальнику тяньшанскаго отряда перейти съ Музарта по долинѣ Чолкады-су, на уроч. Кетмень и войти въ связь съ отрядомъ Жданъ-Пушкина. Мѣсто тяньшанскаго отряда, предъ Музартскимъ проходомъ, занято одною ротой и полусотней казаковъ изъ Каракола. Въ случаѣ же открытія военныхъ дѣйствій, борохудзирскому отряду предписано, для развлеченія силъ непріятеля, двинуться къ г. Мазару и ожидать результатовъ движенія отряда Жданъ-Пушкина въ полупереходѣ отъ этого города. 3-го мая, въ день срока, даннаго султану, всѣ названные отряды, т. е. борохудзирскій, чунджинскій и кетменскій, двинулись впередъ и произвели рекогносцировку, а затѣмъ возвратились на свои мѣста.

Откочевавшій въ Кульджу Тазабекъ и его киргизы были приняты султаномъ очень ласково; таранчи назначили имъ для кочевокъ мѣстность при Тогузъ-Торау (за Кульджею). Въ то же время поступки таранчей противъ русскихъ приняли явно вызывающій характеръ. Такъ, три казака, посланные изъ борохудзирскаго отряда съ приказнымъ Ереминымъ, для доставленія письма военнаго губернатора, подверглись оскорбленіямъ и угрозамъ. Таранчинскій отрядъ у Мазара найденъ значительно увеличеннымъ въ составѣ. Все это показывало, что таранчи стянули свои силы къ русской границѣ и принимаютъ явно враждебное положеніе.

6 мая Жданъ-Пушкинъ произвелъ рекогносцировку Кетменскаго ущелья и долины. Съ перевала видно было, что противъ Кетменя и Дубуна собраны въ значительныхъ массахъ кульджинскія войска. Получивъ свѣдѣніе, что Тазабекъ уже успѣлъ откочевать къ самой Кульджѣ, и опасаясь дальнѣйшимъ движеніемъ вызвать военное столкновеніе съ кульджинскими отрядами, Жданъ-Пушкинъ, согласно полученной имъ инструкціи, пріостановивъ дальнѣйшее движеніе, возвратился къ борохудзирскому отряду, который тѣмъ временемъ придвинутъ былъ съ прежней своей позиціи къ разрушенному китайскому городу Хоргосу (въ 12 верстахъ отъ Мазара).

3 мая, какъ сказано выше, борохудзирскій отрядъ, выступилъ изъ Борохудзира, въ составѣ одной роты, 90 казаковъ и двухъ орудій. Китайскіе эмигранты находились при отрядѣ въ качествѣ развѣдчиковъ и служили весьма усердно. 5 мая отрядъ, переночевавъ у развалинъ бывшаго китайскаго поста Акъ-Кентъ и пройдя верстъ 10, замѣтилъ показавшіяся впереди конныя кучки

киргизъ и таранчей, постепенно приближавшихся къ авангарду. Не останавливая однако нашего движенія, таранчи все увеличивались въ числѣ, но отступали предъ нами до самаго Хоргоса; тутъ намъ пришлось совершить переправу черезъ четыре разлившіеся рукава рѣчки этого имени, на которой отрядъ и ночевалъ. При движеніи 6 мая оказалось, что по пути всѣ арыки были отведены таранчами, такъ что, при недостаткѣ воды, движеніе въ знойный день было весьма тягостно. Силы таранчей и киргизовъ между тѣмъ прибывали. Не доходя $1^1/_2$ версты до гор. Мазара, отрядъ остановился на ночлегъ.

7 числа густыя толпы конныхъ вышли изъ крѣпостцы и города Мазара и двинулись на русскій отрядъ. Рота наша, направленная на встрѣчу, разсыпала цѣпь, которая и бросилась на таранчей съ крикомъ „ура“, а выдвинутое впередъ орудіе встрѣтило наступавшихъ таранчей картечью. Непріятель немедленно отступилъ въ городъ, бросивъ крѣпостцу на произволъ.

Направивъ взводъ пѣхоты на сады, окружавшіе городъ, а другой взводъ, съ двумя орудіями мимо оставленной крѣпостцы, въ погоню за бѣгущими, маіоръ Балицкій (начальникъ борохудзирскаго отряда) занялъ ее и, кончивъ дѣло, ночевалъ у стѣнъ, помѣстивъ внутри крѣпостцы обозъ отряда и кухни.

7 и 8 числа отрядъ занимался разрушеніемъ крѣпости и селеній. Самый городъ былъ очищенъ жителями за два дня до прихода туда русскихъ; въ городѣ найдено было лишь самое незначительное количество пшеницы, муки и проса.

8 числа толпы таранчей, занявъ сады и сакли, снова произвели нападеніе на отрядъ, стоявшій у крѣпостцы. Отбивъ ихъ ружейнымъ огнемъ, Балицкій направилъ одну роту для очищенія развалинъ города, но непріятель тотчасъ бѣжалъ оттуда, какъ только показались наши стрѣлки. Между тѣмъ таранчи и киргизы употребили всѣ усилія, чтобы отнять у отряда воду: всѣ ручьи и арыки были ими отведены, и отрядъ дѣйствительно остался безъ воды.

Подножнаго корму было также весьма мало, сообщенія съ Борохудзиромъ были прерваны, таранчи ежечасно получали подкрѣпленія. Вслѣдствіе всего этого малочисленный отрядъ нашъ долженъ былъ отступить къ нашей границѣ. 9 мая, по окончательномъ разрушеніи мазарскаго укрѣпленія, Балицкій двинулся къ разрушенному китайскому городу Хоргосу (12 верстъ отъ Мазара). На пути отряду пришлось выдерживать безпрерывныя и упорныя нападенія окружавшаго его со всѣхъ сторонъ непріятеля.

Переночевавъ въ Хоргосѣ, отрядъ, 10 мая, велъ цѣлый день перестрѣлку съ окружавшимъ его непріятелемъ. Въ тотъ же день, въ 10 часовъ вечера, таранчи сдѣлали общее нападеніе на нашъ лагерь, но были отбиты съ большимъ урономъ и бросили

6 крѣпостныхъ ружей и много мелкаго оружія. Уронъ этотъ заставилъ таранчей на слѣдующій день держаться въ почтительномъ отдаленіи, но отводъ непріятелемъ воды изъ всѣхъ рукавовъ Хоргоса и безкормица вынудили отрядъ продолжать 12 мая отступленіе къ г. Акъ-Кенту. На протяженіи 35 верстъ до развалинъ Акъ-Кента, пользуясь лѣсомъ, возвышенностями и лугами, пересѣкавшими дорогу, и всякимъ естественнымъ прикрытіемъ, таранчи не давали отряду отдыха непрерывными нападеніями.

Около Акъ-Кента нападенія таранчей прекратились, и отрядъ, простоявъ здѣсь нѣсколько дней, возвратился на Борохудзиръ, въ 40 верстахъ отъ Акъ-Кента. Въ теченіе семидневныхъ стычекъ съ таранчами, борохудзирскій отрядъ потерялъ только трехъ рядовыхъ р а н е н ы м и; убитыхъ не было *).

Одновременно съ перестрѣлкой у г. Мазара произошло вооруженное столкновеніе съ таранчами и въ предѣлахъ области, на Кетменскомъ перевалѣ. Жданъ-Пушкинъ, соединившись въ долинѣ р. Чолкады-су съ первымъ эшелономъ тянь-шанскаго отряда, направился на Кетменскій перевалъ, открывъ черезъ киргизовъ переговоры съ таранчами. Тѣ, по обыкновенію, отвѣчали уклончиво, не давая положительнаго отвѣта на наши требованія.

7-го мая прибылъ остальной эшелонъ тянь-шанскаго отряда, подъ начальствомъ подполковника Е л е н с к а г о, который и принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ, собраннымъ на Кетменѣ.

8-го числа таранчи и киргизы появились уже въ значительныхъ массахъ и устроили въ Кетменскомъ ущельѣ нѣсколько заваловъ. Еленскій рѣшился взять завалы, для чего сначала выдвинулъ впередъ стрѣлковъ и учебную казачью команду; но они, при входѣ въ ущелье, были встрѣчены сильнымъ огнемъ и вслѣдъ затѣмъ сами были атакованы превосходными силами непріятеля; штурмъ заваловъ не удался и перешелъ въ жаркую перестрѣлку, длившуюся съ 10 часовъ утра до 3 пополудни. Въ то же время другія толпы непріятеля стали спускаться съ высотъ, въ обходъ нашего отряда. Еленскій немедленно прислалъ въ цѣпь одно орудіе и нѣсколькими гранатами заставилъ непріятеля очистить гористую мѣстность передъ фронтомъ нашихъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, казаки и нѣсколько конныхъ стрѣлковъ взобрались на горы, въ обходъ заваловъ, которые тотчасъ же были покинуты непріятелемъ. Преслѣдованіе таранчей продолжалось до тѣхъ поръ, пока было возможно: крайне пересѣченная лѣсистая мѣстность и крутой спускъ не дозволили идти до самаго селенія Кетмень.

Потеря наша состояла изъ 3 у б и т ы х ъ нижнихъ чиновъ и 8

*) Сверхъ того, взятъ таранчами въ плѣнъ одинъ казакъ, посланный изъ Борохудзира къ находившемуся на Мазарѣ отряду съ почтою.

раненыхъ; кромѣ того, убито 4 лошади. Непріятеля, по слухамъ, было до 3 тысячъ; таранчи держались стойко, и потому потеря ихъ простирается до 200 человѣкъ. Малочисленность отряда, а также трудность чрезвычайно крутого и не разработаннаго спуска въ Илійскую долину, подъ выстрѣлами многочисленныхъ скопищъ таранчей, не позволяли отряду воспользоваться побѣдою и спуститься въ долину. Оставаться на перевалѣ въ 9,000 футовъ высоты, при снѣжныхъ мятеляхъ (въ ночь на 9-е мая замерзло въ отрядѣ нѣсколько лошадей и верблюдовъ) и при отсутствіи подножнаго корма, было также весьма затруднительно, и потому Еленскій 9-го мая спустился съ Кетменскаго перевала обратно въ долину Чолкады-су. Это передвиженіе отряда, принятое таранчами за отступленіе, ободрило ихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Переваливъ на нашу сторону и получивъ подкрѣпленія изъ Кульджи, таранчи, 14 мая, въ числѣ 3000 человѣкъ, произвели на отрядъ нападеніе всѣми своими силами. Нападеніе это было отражено съ большимъ для таранчей урономъ; но на другой день, когда отрядъ двинулся далѣе внизъ по долинѣ, чтобы занять болѣе выгодную позицію, таранчи снова окружили отрядъ своими скопищами и, засѣвъ за камни и въ лѣсу, открыли сильный огонь изъ фальконетовъ. Послѣ 6-часоваго упорнаго боя, тянь-шанскій отрядъ, нанеся непріятелю сильный уронъ, особенно удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, заставилъ таранчей очистить дорогу. Потери непріятеля были такъ чувствительны, что онъ не возобновлялъ уже нападеній на отрядъ и удалился за Кетменскій перевалъ; такъ что къ 16 мая долина Чолкады-су была совершенно очищена отъ непріятеля. Въ дѣлахъ съ 9-го по 15-ое число потери у насъ не было.

По полученіи извѣстій о непріязненныхъ дѣйствіяхъ таранчей, были немедленно сдѣланы распоряженія о сформированіи на Борохудзирѣ главнаго, и на Кетменѣ побочнаго операціонныхъ отрядовъ для наказанія таранчей и движенія къ Кульджѣ; но такъ какъ всѣ части войскъ могли собраться на Борохудзирѣ не ранѣе начала іюня, то находившіяся уже на границѣ войска, т. е. отряды Борохудзирскій и Тянь-шанскій, рота стоявшая на Чунджѣ, рота двинутая изъ укрѣп. Каракольскаго, полусотня на Музартѣ и рота, двинутая на Чунджу изъ ст. Софійской, были подчинены общему начальству артиллеріи полковника Михаловскаго, которому поручено было двинуться отъ Чунджи въ Кетменскую долину, занять тамъ позицію, дабы облегчить переходъ туда же Тянь-шаньскаго отряда чрезъ Кетменскій перевалъ; затѣмъ сдѣлать поискъ для наказанія Тазабека и, обезпечивъ тянь-шанскимъ отрядомъ позицію, съ остальными войсками переправиться чрезъ р. Или и соединиться къ 6 іюня съ главными силами на Борохудзирѣ.

Михаловскій 25 мая выступилъ съ Чунджи съ двумя линейными ротами (10-го и 12-го баталіоновъ), полусотнею Семирѣченскихъ казаковъ, урядницкою учебною командою и дивизіономъ 2-й батареи (два нарѣзныхъ и два гладкостѣнныхъ орудія).

Возлѣ бывшаго пикета Косъ-Агачъ замѣченъ былъ таранчинскій пикетъ, ускакавшій немедленно. На этомъ пунктѣ отрядъ имѣлъ ночлегъ. 26-го числа отрядъ свернулъ на кетменскую дорогу и скоро замѣтилъ непріятеля.

Толпы таранчей начали тотчасъ увеличиваться, такъ что отрядъ долженъ былъ выстроить боевой порядокъ, чтобы сбить таранчей и продолжать путь. Непріятель, не выдержавъ огня, разсѣялся; но лишь только отрядъ вытянулся по дорогѣ, непріятельскіе наѣздники снова начали насѣдать на арріергардъ. Полусотня и учебная казачья команда произвели удачную атаку, принудившую таранчей оставить отрядъ въ покоѣ.

Длинный переходъ по совершенно безводной мѣстности*) утомилъ войска, которыя однако же дошли къ ночи до рѣчки Санкаръ. Въ дѣлѣ 26 мая потеря съ нашей стороны состояла изъ 1 контуженнаго казака. Непріятель, при нашей кавалерійской атакѣ, оставилъ на мѣстѣ нѣсколько убитыхъ.

27 числа отрядъ продолжалъ движеніе. Приближаясь къ оврагу, пересѣкавшему дорогу, Михаловскій увидѣлъ, что противоположный берегъ оврага занятъ таранчами. Тотчасъ же была разсыпана по краю оврага цѣпь и выдвинутъ взводъ нарѣзныхъ орудій, а учебная казачья команда по дну оврага была направлена въ обходъ таранчей. Густыя толпы непріятеля начали рѣдѣть отъ удачнаго огня нашей артилеріи, и непріятель вскорѣ подался назадъ, за слѣдующую лощину. Но правый флангъ его завязалъ упорную перестрѣлку съ учебною казачьей командою и двинутымъ на подкрѣпленіе ея взводомъ 12-го баталіона. Части эти выбили однакоже непріятеля, такъ что когда артилерія была спущена Семирѣченскою полусотнею и перетащена чрезъ оврагъ, непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ и не держался уже за слѣдующею лощиною, пересѣкавшую дорогу.

За оврагомъ Багы-Кетмень, на которомъ расположено селеніе того же имени, таранчи впрочемъ попробовали было дать отпоръ, но были выбиты изъ построекъ удачнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Непріятель въ дѣлѣ 27 числа бросалъ своихъ убитыхъ, оружіе и порохъ. Съ нашей стороны потеря состояла изъ одного убитаго казака и одного раненаго пѣхотинца.

Отрядъ остановился на ночлегъ, не доходя до селенія Учь-Кетмень. Михаловскій, желая захватить селеніе врасплохъ, до

*) Горные ручьи уже пересохли.

разсвѣта 28-го мая двинулъ къ селенію есаула Герасимова съ ротою 12-го баталіона, учебною казачьею командою и 1 нарѣзнымъ орудіемъ. Но непріятельскіе пикеты не спали и открыли наше движеніе. Таранчи высыпали на позицію и завязалась ночная перестрѣлка. Съ прибытіемъ остальныхъ частей войскъ, когда уже разсвѣло, Михаловскій выдвинулъ 4 орудія и началъ обстрѣливать селеніе Учъ-Кетмень, замыкавшее Кетменское ущелье и лежавшее въ глубокой впадинѣ. Отдѣльныя высоты передъ селеніемъ были покрыты непріятелемъ.

Когда артиллерійскій огонь разстроилъ ряды непріятеля, полроты 10-го баталіона была двинута на селеніе, а полъ-роты 12-го баталіона отправлена въ обходъ справа. Непріятель оставилъ защиту высотъ и обратился въ бѣгство вдоль по оврагу, не рѣшаясь защищать долѣе селеніе и ущелье. Казаки и киргизская милиція, состоявшая при отрядѣ, преслѣдовали на протяженіи 10 верстъ непріятеля, бросавшаго раненыхъ, оружіе и лошадей. Въ дѣлѣ этомъ ранено съ нашей стороны 4 нижнихъ чина и 1 милиціонеръ.

29-го мая, отрядъ Еленскаго спустился съ перевала къ селенію и соединился съ Чунджинскою колонною Михаловскаго.

Войсками таранчей въ дѣлѣ подъ Кетменемъ начальствовалъ Тугулакъ. Въ тотъ же день, 29-го мая, былъ захваченъ въ сел. Кетмень мулла Исень, съ прокламаціями кульджинскаго султана. По его словамъ, всѣ главныя силы таранчей расположены были вблизи Хоргоса, на правомъ берегу р. Или.

Между тѣмъ начальникъ Борохудзирскаго отряда, маіоръ Балицкій, выступивъ 25 мая*) съ двумя ротами 11-го баталіона, Сибирскою полусотнею № 2 и взводомъ 1-й батареи, въ два небольшихъ перехода достигъ на слѣдующій день Акъ-Кента, гдѣ и остановился, согласно цѣли указаннаго ему движенія, не тревожимый непріятелемъ. 28-го мая, небольшая партія таранчей, старавшаяся скрытно пробраться лѣсистою мѣстностью, окружающею Акъ-Кентъ, была открыта нашими разъѣздами. Сотникъ Карташевъ, съ 30-ю казаками былъ посланъ захватить эту партію, обратившуюся въ бѣгство. Гоня бѣгущихъ, казаки врубились въ свѣжія толпы таранчей, спѣшившихъ на помощь. Видя живую схватку, начальникъ отряда маіоръ Балицкій лично направился съ конным Семирѣченскимъ резервомъ на мѣсто дѣйствія, но таранчи, не выждавъ его приближенія, поспѣшно удалились. Въ этой короткой, но упорной, рукопашной схваткѣ съ нашей стороны ранено два казака и безъ вѣсти пропало также два, занесшихся въ толпу непріятеля и, вѣроятно, попавшихъ въ плѣнъ.

*) Одновременно съ Михаловскимъ, который двинулся на Чунджу и Кетмень также 25-го мая.

Михаловскій намѣревался оставить въ Кетменѣ Еленскаго съ ротою пѣхоты, сотнею казаковъ и двумя нарѣзными орудіями, а съ остальною частью отряда идти къ Борохудзиру, на соединеніе съ главными силами.

Приготовляясь къ движенію на Борохудзиръ, Михаловскій оставилъ Еленскаго на старой позиціи у сел. Кетмень, а самъ перешелъ на ночь съ остальными войсками на другую сторону селенія, совершенно безъ всякой надобности раздѣливъ такимъ образомъ свой отрядъ. Дорого заплатили мы за эту капитальную ошибку..

Таранчи, получивъ подкрѣпленіе изъ Кульджи, рѣшились перейти въ наступленіе и воспользоваться ночнымъ временемъ для нечаяннаго нападенія на отрядъ, занимавшій сел. Кетмень.

Весь отрядъ нашъ (3 роты пѣхоты, учебная казачья команда, 1½ сотни казаковъ и 2 взвода артиллеріи: нарѣзнаго и гладкоствольнаго) занималъ позицію, какъ сказано, по обѣ стороны селенія, лежащаго при самомъ началѣ Кетменскаго ущелья.

Часть сакель селенія находится на днѣ глубокой лощины, часть разбросана по ея крутымъ склонамъ. Съ лѣвой стороны селенія небольшая высота, на сѣверо-востокъ отъ нея продолговатая сѣдловина съ двумя горками, правѣе послѣднихъ длинная и узкая гряда возвышеній; еще правѣе, на правомъ берегу горнаго ручья Кетмень, высокое плато, изрѣзанное безчисленными рытвинами. Лѣвый берегъ ручья въ топографическомъ отношеніи имѣетъ почти одинаковый характеръ съ правымъ: онъ также изрѣзанъ рытвинами и пересѣченъ вдоль и поперекъ широкими лощинами, входящими въ ущелье. Это пересѣченное плато лежитъ на западъ отъ указанныхъ горки и двухъ вершинъ съ сѣдловиною. На югъ отъ селенія, у начала ущелья, лѣвый берегъ рѣки возвышается въ видѣ отдѣльной высоты. Противъ ущелья, южнѣе селенія, бивуакомъ были расположены 2 роты пѣхоты, полсотни казаковъ, взводъ артиллеріи и учебная команда, т. е. та часть отряда, которую предположено было двинуть на Борохудзиръ; по сѣверную сторону селенія расположенъ былъ отрядъ Еленскаго. Кромѣ цѣпи часовыхъ, вокругъ бивуака были размѣщены на горахъ пять отдѣльныхъ пикетовъ.

30-го числа, казачій разъѣздъ донесъ, что на протяженіи 5 верстъ непріятеля не открыто. Нѣтъ надобности, конечно, и доказывать, до какой степени удовлетворительныя подобныя ближнія рекогносцировки... Михаловскій однакоже удовлетворился ею и совершенно успокоился. Наступившая ночь была темна и туманна, мѣстность же, окружавшая бивуакъ, изрѣзанная безчисленными рытвинами, избороздившими правый и лѣвый берегъ ручья Кетмень, дѣлала возможнымъ скрытное приближеніе непріятеля къ отряду.

31-го мая, передъ разсвѣтомъ, отрядъ, назначенный въ Борохудзиръ, поднялся съ бивуака. Полувзводъ 10-го баталіона, занимавшій пикетъ на горѣ, нависшей надъ селеніемъ, началъ уже спускаться къ своей ротѣ, какъ оба плато вдругъ покрылись таранчами, которые немедленно открыли огонь по нашимъ пикетамъ и принудили ихъ отступить. Отрядъ былъ охваченъ со всѣхъ сторонъ. Густыя толпы таранчей, пробравшись глубокими лощинами, впадающими въ Кетменское ущелье, бросились въ селеніе, лежавшее среди нашихъ бивуаковъ, и заняли его, разрѣзавъ наши силы пополамъ.

Отряды наши были отрѣзаны другъ отъ друга... Полтора взвода пѣхоты съ капитаномъ Грязновымъ, бросились на занятое таранчами селеніе и штыками выбили ихъ оттуда, послѣ горячей рукопашной схватки; затѣмъ одинъ взводъ былъ направленъ на южную отдѣльную возвышенность съ фронта, а Сибирская № 1 сотня, раздѣлившись, кинулась въ обходъ возвышенности съ обѣихъ сторонъ. Пока часть таранчей выдерживала фронтальную атаку пѣхоты, другая смѣло бросилась на казаковъ. Въ происшедшей здѣсь рукопашной схваткѣ командиръ сотни, есаулъ Александровъ, былъ раненъ, но несмотря на то, съ помощью подоспѣвшей еще роты пѣхоты опрокинулъ непріятеля и занялъ высоту.

Селеніе и высоты стоили намъ 11 человѣкъ выбывшими изъ строя.

Въ то же время горячій бой происходилъ и на лѣвой сѣверо-западной горкѣ, сосѣдней съ деревнею. Полувзводъ 3-й роты 10-го баталіона и вся 3-я рота 12-го баталіона съ поручикомъ Забнинымъ бросились на встрѣчу таранчинскимъ толпамъ и откинули ихъ назадъ; но непріятель началъ усиливаться у подошвы горы и стойко выдерживалъ нашъ ружейный огонь. Тогда на занятую высоту было вывезено одно нарѣзное орудіе, огонь котораго заставилъ непріятеля отступить; для преслѣдованія назначена была вся наличная кавалерія. Непріятель поспѣшно бѣжалъ, оставивъ въ лощинѣ 63 тѣла.

Вправо отъ деревни у Еленскаго шло не менѣе оживленное дѣло: взводъ стрѣлковъ былъ двинутъ съ двумя орудіями на узкую гряду, простирающуюся вправо отъ деревни; противъ этой части отряда непріятель, засѣвшій въ отдѣльныхъ строеніяхъ, открылъ огонь изъ крѣпостныхъ ружей на самомъ близкомъ разстояніи; однакоже стрѣлки и подоспѣвшая команда сибирскихъ казаковъ выбили непріятеля изъ строеній.

Тогда густыя толпы таранчей перебѣжали широкую лощину, образующую ложе ручья Кетмень и начали подыматься на возвышенности праваго берега. Стрѣлки и подоспѣвшая 3-я рота 12-го баталіона открыли огонь по стѣснившимся и замедляемымъ

подъемомъ въ гору, массамъ непріятеля, артиллерія также била гранатами. Наконецъ, для довершенія пораженія, вслѣдъ за бѣгущими направлены были казачьи части.

Въ бою, на этой сторонѣ селенія, непріятель понесъ самую большую потерю, потому что въ преслѣдованіи таранчей приняла участіе вся кавалерія отряда, послѣ того, какъ окончила свое дѣло на лѣвой сторонѣ селенія. Множество тѣлъ было брошено непріятелемъ, какъ на возвышенностяхъ, такъ и вдоль русла въ поперечныхъ ложбинкахъ.

Въ 8 часовъ утра, Михаловскій прекратилъ дѣло, вслѣдствіе полнаго утомленія войскъ, находившихся въ огнѣ 4½ часа. Пораженіе непріятеля было полное, окрестности завалены трупами. Самое разнообразное оружіе было разбросано во множествѣ. Уронъ непріятеля превышалъ 500 человѣкъ; въ числѣ убитыхъ, кромѣ таранчей, найдено много китайцевъ, калмыковъ, киргизовъ и дунганъ.

Въ дѣлѣ 31-го мая, таранчинское скопище, предводительствуемое Мердень-Минбеги, выказало рѣдкую стойкость. Энергія нападенія таранчей доказывается продолжительностію боя и рукопашными схватками ихъ не только съ кавалеріею, но и съ пѣхотою.

Наша потеря состояла: убитыми изъ 2 нижнихъ чиновъ, ранеными: изъ 2 оберъ-офицеровъ (одинъ изъ киргизской милиціи) и 34 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 2 милиціонера), итого 38 человѣкъ.

Послѣ дѣла 31-го мая, Михаловскій, оставивъ колонну подполковника Еленскаго, перешелъ къ Борохудзиру, куда и прибылъ 6-го іюня, переправивъ артиллерію и тяжести на паромѣ черезъ р. Или.

Часть разбитаго скопища таранчей, въ числѣ около 500 человѣкъ, явилась 2-го іюня передъ Музартомъ. Капитанъ Ветбергъ, извѣстясь о появленіи непріятеля, съ 26-ю казаками, 9-ю солдатами и 15-ю милиціонерами, выступилъ на рекогносцировку и, открывъ силы непріятеля, отошелъ къ казармамъ, отбивъ съ успѣхомъ, по дорогѣ, нападеніе, причемъ съ нашей стороны раненъ 1 казакъ. Что касается до киргизскихъ милиціонеровъ, то при первыхъ выстрѣлахъ ими овладѣлъ паническій страхъ; они бросились въ кусты и къ отряду уже не возвращались.

Дѣло это задержало движеніе колонны Еленскаго; но такъ какъ дальнѣйшихъ послѣдствій оно не имѣло, то колонна эта (изъ 2 ротъ пѣхоты и сотни казаковъ, при двухъ орудіяхъ), направилась 6-го іюня къ сел. Дабуню, которое, при ея приближеніи, было оставлено таранчинскимъ гарнизономъ. Наша кавалерія успѣла, впрочемъ, захватить 4 плѣнныхъ.

Въ раіонѣ Борохудзирскаго отряда, Балицкій, остававшійся

за Акъ-Кентомъ у Хунь-Чженя, былъ тревоженъ съ 28-го мая, почти ежедневно, мелкими таранчинскими шайками.

3-го іюня, сильная непріятельская конная партія, принудивъ къ отступленію нашъ пикетъ, показалась изъ лѣсу, находившагося на флангѣ нашей позиціи. Противъ нея былъ направленъ хорунжій Елгинъ, съ полусотнею Сибирской № 2, сотни и подпоручикъ Бритиковъ, съ полувзводомъ стрѣлковой и полувзводомъ 2-й роты 11-го баталіона, а въ обходъ лѣса направленъ сотникъ Карташевъ, съ Сибирскою № 1 полусотнею. Непріятель, не выдержавъ дружной атаки, отступилъ.

4-го іюня, непріятель, подкрѣпленный пѣхотою, вооруженною 200 крѣпостными ружьями, атаковалъ нашу позицію на Акъ-Кентѣ тремя толпами: двѣ конныя толпы обскакали нашъ лагерь, а третья пѣшая, заняла лѣсъ, лежавшій на флангѣ позиціи. Группы непріятельскихъ наѣздниковъ, подъѣхавъ ближе, открыли со всѣхъ сторонъ огонь по лагерю, а затѣмъ всѣ три толпы бросились на нашъ отрядъ, но мѣткій огонь, съ дистанціи 200 шаговъ, заставилъ таранчей отступить.

Полувзводъ стрѣлковой роты 11-го баталіона, съ портупей-юнкеромъ Поликарповымъ, ударилъ въ штыки на пѣшую толпу и съ помощью подоспѣвшаго къ нему на подкрѣпленіе полувзвода 2-й роты, послѣ короткой, но горячей рукопашной схватки, вогналъ ее въ лѣсъ. Въ это время вдали показался Боротольскій отрядъ, двигавшійся изъ Борохудзира, въ составѣ 1 роты, 1¼ сотни, при 4 орудіяхъ. Завидя приближеніе отряда, непріятель немедленно началъ отступать, бросивъ на мѣстѣ боя своихъ убитыхъ и раненыхъ. Отступивъ нѣсколько верстъ, таранчи выслали къ отряду конную толпу съ бѣлымъ знаменемъ, прося разрѣшенія похоронить убитыхъ и забрать своихъ раненыхъ, на что и было дано согласіе.

Въ дѣлѣ 4 іюня мы потеряли 1 убитаго и 2 раненыхъ нижнихъ чиновъ; потеря непріятеля довольно значительна, хотя и не приведена въ извѣстность; захвачено 7 человѣкъ плѣнныхъ, взято 11 крѣпостныхъ ружей и 2 знамени.

Скопищемъ непріятеля командовалъ Абдерахманъ-казначи.

8 іюня, Колпаковскій прибылъ къ дѣйствующему отряду въ Борохудзиръ. Въ виду того, что лѣвый берегъ р. Или былъ почти оставленъ непріятелемъ, Колпаковскій приказалъ Еленскому, отправивъ изъ Дабуна къ тургенской переправѣ, на присоединеніе къ нему, стрѣлковую роту 10-го баталіона и полусотню Семирѣченской № 6 сотни, съ остальною частью колонны идти на усиленіе Музартскаго отряда, надъ которымъ и принять начальство. Для усиленія же войскъ въ Борохудзирѣ направить туда изъ Копала 2-ю роту 12-го баталіона.

По слухамъ, въ началѣ іюня непріятель сосредоточилъ свои силы

въ Хоргосѣ, но численность таранчинскаго войска была неизвѣстна. Таранчи приготовились къ упорной оборонѣ: города Чинъ-ча-го-дзи и Суйдунъ были приведены въ оборонительное положеніе; укрѣпленія Кульджи усилены, вновь вырытымъ рвомъ, и всѣмъ жителямъ ханства приказано ополчиться поголовно.

Общее и рѣшительное наступленіе всѣхъ силъ нашихъ къ Кульджѣ подъ личнымъ начальствомъ Колпаковскаго, началось двѣнадцатаго іюня.

ГЛАВА III.

Наступленіе нашихъ войскъ. Составъ дѣйствующаго отряда. Дѣло подъ Алимъ-ту 16 іюня. Плѣнные несутъ службу въ ротахъ. Дѣло подъ Чинъча-хо-дзи 18 іюня. Запрещеніе войскамъ ходить на добычу. Паника жителей. Дѣло подъ Суйдуномъ 19 іюня. Прибытіе султана Абиль-Огля въ нашъ лагерь подъ Баяндаемъ. Вступленіе войскъ въ г. Кульджу 22 числа. Трофеи. Уходъ за ранеными сестеръ милосердія. Прокламаціи Колпаковскаго. Дальнѣйшія предположенія относительно нашихъ дѣйствій въ провинціяхъ Западнаго Китая. Подозрительныя дѣйствія бухарскаго эмира. Просьба торгоутовъ о принятіи ихъ въ русское подданство. Переговоры съ китайскимъ уполномоченнымъ о передачѣ китайцамъ Илійской провинціи. Численное отношеніе разныхъ народностей, населяющихъ Илійскую долину. Причины, по коимъ занятая нами провинція должна бы остаться до времени въ вѣдѣніи нашей администраціи. Задачи ея.

Отрядъ изъ 2-й и 3-й ротъ 10 баталіона, Семирѣченской № 2 сотни, половины Семирѣченской № 6 сотни, учебныхъ казачьей и пѣхотной командъ, части Сибирской № 2 сотни и дивизіоны 1-й батареи, выступилъ въ 3 часа пополудни по большой кульджинской дорогѣ, мимо разоренныхъ китайскихъ городковъ. Мѣстность, когда-то цвѣтущая, представляла одни запущенные и заглохшіе сады и довольно частый лѣсокъ. Первый переходъ былъ не великъ, и отрядъ, пройдя $12^{1/2}$ верстъ, остановился на ночлегъ на р. Усекѣ, мелкой и быстрой горной рѣчкѣ, противъ высотъ, на которыхъ лежатъ развалины бывшаго китайскаго поселенія Джаръ-кентъ.

13 іюня отрядъ продолжалъ движеніе и, въ виду развалинъ Акъ-кента, свернулъ по рѣчкѣ того же имени, къ урочищу Хунь-жень-су, гдѣ находился нашъ передовой отрядъ, состоявшій прежде подъ командою маіора Балицкаго и поступившій въ первыхъ числахъ іюня въ команду войскового старшины Гильде, какъ старшаго въ чинѣ. Здѣсь, не смотря на довольно скудные корма, Колпаковскій рѣшился пробыть два дня, съ цѣлью осмотрѣть передовой отрядъ, большая часть котораго была въ походѣ съ 6 мая, и сосредоточить всѣ силы, назначенныя для овладѣнія Кульджею: стрѣлковая рота 10-го баталіона и половина 6-й семирѣченской сотни, направленныя изъ Дабуня къ переправѣ на р. Или, у Борохудзира, еще не соединились съ главными силами. Противъ позиціи, на ружейный выстрѣлъ, находился лѣсъ, изъ котораго таранчи произвели нападеніе 4 іюня на войска Балицкаго. Лѣсъ этотъ былъ занятъ теперь нашею аванпостною цѣпью и осмотрѣнъ разъѣздами по всѣмъ направленіямъ. Дальній разъѣздъ, отправленный, въ

ночь на 14 іюня, по направленію къ р. Хоргосу, не открылъ присутствія непріятеля, вблизи расположенія нашего лагеря (19 1/2 верстъ отъ мѣста перваго ночлега на р. Усекѣ).

Чтобы провѣрить эти показанія, посланъ былъ вслѣдъ затѣмъ генеральнаго штаба капитанъ Пичугинъ съ половиною 2-й Семирѣченской сотни. Пройдя 19 верстъ, полусотня потѣснила передовые таранчинскіе пикеты и вслѣдъ затѣмъ увидала небольшіе отряды непріятельской кавалеріи, принявшіе выжидательное положеніе, но замѣтно усиливавшіеся. За рѣкою обозначилась линія непріятельскаго бивака, по бивачнымъ огнямъ. Съ наступленіемъ сумерекъ полусотня возвратилась въ лагерь.

15 іюня прибылъ изъ Борохудзира ожидаемый эшелонъ, съ лѣваго берега р. Или, и такимъ образомъ сосредоточилось здѣсь 6 1/2 ротъ пѣхоты, 4 1/4 сотенъ казаковъ и 10 орудій, изъ коихъ 7 нарѣзныхъ. Ко дню выступленія отряда, въ немъ было: генералъ 1, штабъ и оберъ-офицеровъ 63, строевыхъ нижнихъ чиновъ 1,785. Кромѣ того, къ отряду были присоединены 40 человѣкъ китайцевъ и калмыковъ *), подъ начальствомъ Быкыня—чиновника, изъ китайскихъ эмигрантовъ, и полусотня киргизскихъ милиціонеровъ, для усиленія развѣдочной и для почтовой службы.

Вечеромъ 15 іюня въ отрядъ былъ приведенъ киргизъ, захваченный при началѣ военныхъ дѣйствій таранчами и отпущенный султаномъ илійскимъ, для доставленія письма. Въ письмѣ этомъ султанъ весьма подробно старался объяснить причины взаимныхъ неудовольствій и высказалъ въ заключеніе, что онъ ждетъ на бой наши войска и надѣется на помощь Аллаха.

Получивъ извѣстіе, что передовые таранчинскіе отряды находятся по сю сторону р. Хоргоса, самое же скопище, силою не менѣе 4,000 съ артиллеріею, подъ начальствомъ Абдерахмана-казначи, расположено за рѣкою у с. Алимъ-Ту, рѣшено было на слѣдующій день двинуться къ таранчинскому лагерю и разсѣять непріятельскій отрядъ. Для ускоренія движенія Колпаковскій совершенно отдѣлилъ вагенбургъ, подъ начальствомъ подполковника Падревскаго, оставивъ ему въ прикрытіе одну роту, одну сотню и 2 гладкостѣнныхъ орудія; всѣмъ остальнымъ войскамъ приказано выступать только съ нѣсколькими повозками подъ больныхъ и раненыхъ. Отрядъ снялся съ позиціи, въ 3 часа утра, и двинулся кратчайшимъ путемъ, чрезъ лѣсъ, на большую дорогу, которая ведетъ отъ развалинъ бывшаго китайскаго селенія Акъ-Кентъ на таранчинскій поселокъ Мазаръ. Пройдя версты четыре лѣсомъ, отрядъ вышелъ на совершенно

*) Они служили проводниками и, по знанію мѣстности, назначались для уничтоженія запрудъ въ арыкахъ, если бы таранчамъ вздумалось отводить у насъ воду.

безводную, песчаную степь. Часто встрѣчавшіяся развалины селеній, сухіе, изсякшіе арыки и отдаленныя рощи по сторонамъ показывали, что мѣстность эта, нынѣ совершенно опустѣлая, была прежде населена и представляла всѣ удобства для осѣдлости.

Съ авангардомъ изъ роты пѣхоты, 1½ сотни казаковъ и 2 орудій посланъ былъ генеральнаго штаба капитанъ баронъ Каульбарсъ.

Не доходя верстъ 3-хъ до русла р. Хоргосъ, авангардъ открылъ непріятельскіе пикеты, занимавшіе почти тѣ же наблюдательные пункты, что и 14 іюня. Пикеты эти отступили, но пройдя до р. Хоргосъ, авангардъ увидѣлъ длинную линію непріятельской кавалеріи, которая разсыпалась по широкой равнинѣ, разстилающейся за рѣкою, встрѣтила крикомъ наши войска, но держалась на дальній ружейный выстрѣлъ и начала обычную здѣсь джигитовку, чтобы вызвать нашихъ казаковъ на одиночный бой.

Пройдя съ войсками 23 версты, въ палящій зной и по безводному пространству, Колпаковскій приказалъ авангарду остановиться, чтобъ дать короткій привалъ людямъ, на Хоргосѣ, который въ широкомъ каменистомъ руслѣ течетъ нѣсколькими быстрыми, но мелкими рукавами.

Потоки эти часто мѣняютъ свое направленіе, но 16 іюня не представили для перехода войскъ никакого затрудненія.

Послѣ полуторачасоваго отдыха, войска продолжали движеніе. Къ правому флангу авангарда, примкнулъ Михаловскій со стрѣлковою ротою 12-го баталіона и 2 орудіями 2-й батареи. Непріятель, не выжидая атакъ нашихъ, отступалъ съ позиціи на позицію, но, наконецъ, остановился и открылъ огонь. Фронтъ непріятельскаго расположенія образовалъ выпуклую дугу, концы которой упирались—одинъ въ полуразрушенное кладбище, другой въ рощицу.

Съ первыхъ же выстрѣловъ авангардной артиллеріи, въ рядахъ таранчей произошло замѣтное замѣшательство. Одновременное наступленіе нашихъ главныхъ силъ на оба фланга непріятеля (т. е. на рощу и кладбище) заставило его быстро отступить. Таранчи, бросивъ оба пункта, заняли крѣпкую позицію за оврагомъ.

Авангардъ двинулся впередъ на непріятельскій центръ. Несмотря на сильный огонь, открытый изъ-за оврага, стрѣлковая рота 11-го батальона (поручика Эмана), выбила непріятеля изъ оврага и отбросила его къ лагерю. Въ это время подоспѣла кавалерія, съ лѣваго крыла авангарда. Орудія не могли поспѣть за быстрымъ наступленіемъ конницы, и потому въ прикрытіе ихъ была выдвинута 2-я семирѣченская сотня, 1 сибирская полусотня

съ сотникомъ Карташевымъ, смѣло врѣзалась въ толпы таранчей, бросившіяся ей на встрѣчу изъ лагеря. Послѣ короткой, но кровавой свалки, таранчи пустились въ разсыпную, оставивъ весь лагерь, множество оружія и запасовъ пороху.

3-я семирѣченская сотня есаула Гринвальда, ворвавшись за полусотнею въ лагерь, обогнала сибирцевъ и неутомимо преслѣдовала бѣгущихъ. Непріятельская кавалерія успѣла спастись, но часть пѣхоты, у болотистаго мѣста, была настигнута. Казаки обскакали ее съ тыла и бросились въ атаку; послѣ упорнаго сопротивленія, пѣхота эта, числомъ около 100 человѣкъ, бросила оружіе и сдалась въ плѣнъ; но ружей оказалось всего 13. Въ этой лихой и вполнѣ молодецкой атакѣ принимали личное участіе начальникъ авангарда баронъ Каульбарсъ и командующій всею отрядною кавалеріею войсковой старшина Гильде.

Войска остановились на ночлегъ при сел. Алимъ-ту. Въ этотъ день 16 іюня они сдѣлали 25 верстъ, выдержали бой и затѣмъ гнали непріятеля на протяженіи 14 верстъ.

Въ дѣлѣ принимали участіе: 3 роты пѣхоты, $2^1/_2$ сотни кавалеріи и 4 орудія. Непріятель имѣлъ не менѣе 4,000 человѣкъ. Кавалерія его состояла исключительно изъ таранчей, пѣхота изъ разныхъ, подвластныхъ имъ, народностей. На полѣ сраженія осталось 50 непріятельскихъ труповъ и 21 раненый, которымъ было оказано медицинское пособіе. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи, оказалось, что чрезъ городъ Чинъ-чаго-дзи, вечеромъ, въ день сраженія, провезено было болѣе 60 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Не раненыхъ плѣнныхъ взято нами 125 человѣкъ. Исчисленіе ихъ по національностямъ весьма интересно: взято 102 китайца, 1 таранчинецъ, 13 сибо, 7 дунганъ, 1 калмыкъ и 1 киргизъ.

Трофеи наши, кромѣ плѣнныхъ, состояли изъ 1 значка, 23 крѣпостныхъ ружей, множества мелкаго оружія, огнестрѣльнаго и холоднаго; затѣмъ лагерь съ боевыми и съѣстными припасами и небольшимъ количествомъ скота.

Наша потеря состояла изъ 5 раненыхъ казаковъ; изъ нихъ двое осталось во фронтѣ. Одинъ сибирскій казакъ, Иванъ Дмитріевъ, отличился выходящимъ изъ ряда мужествомъ: всегда впереди всѣхъ, онъ первый врѣзался въ толпы непріятеля и крошилъ его направо и налѣво. Не смотря на множество сабельныхъ и пичныхъ ранъ (до 30), бравый казакъ не выходилъ изъ фронта до конца дѣла. За такое молодецкое поведеніе онъ былъ произведенъ въ урядники и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени, но, къ сожалѣнію, не вынесъ своихъ честныхъ ранъ и вскорѣ умеръ.

Послѣ пораненія, нанесеннаго скопищу Абдрахманъ-казначи при Алимъ-ту, Колпаковскій далъ отдыхъ отряду до полу-

дня слѣдующаго дня; надобно было дождаться вагенбурга, который невольно замедлился, двигаясь по весьма пересѣченной мѣстности, крайне неудобной для движенія тяжелыхъ парковъ. Кромѣ того, слѣдовало опросить плѣнныхъ и переломать доставшееся намъ оружіе, которое не стоило забирать съ собою. Разъѣзды безпрестанно отыскивали спрятавшихся таранчей и приводили, подобранныхъ по дорогѣ, раненыхъ; количество плѣнныхъ сперва нѣсколько затруднило отрядъ. Отдѣлить какую-либо часть, для конвоированія ихъ въ Борохудзиръ не было никакой возможности, отпустить же ихъ изъ плѣна было тоже неудобно. Поэтому приказано было всѣхъ здоровыхъ плѣнныхъ распредѣлить по частямъ войскъ для домашнихъ работъ, зачисливъ ихъ на провіантское довольствіе. Все время, пока плѣнные находились при отрядѣ, они служили чрезвычайно усердно и, привыкшіе къ лишеніямъ на родинѣ, были вполнѣ довольны своимъ положеніемъ и выдаваемою имъ дачею. Никакихъ попытокъ къ побѣгамъ не было, и всѣ командиры частей заявили, что плѣнные были очень полезны при передвиженіяхъ и на бивуакѣ. Раненыхъ непріятельскихъ приказано было оставить при походномъ лазаретѣ, съ тѣмъ, чтобы сдать ихъ въ первомъ занятомъ нами городѣ.

17-го іюня послѣ обѣда, въ 3 часа пополудни, отрядъ выступилъ къ крѣпости Чинъ-ча-хо-дзи, въ 16 верстахъ отъ ночлега, взявъ съ собою только самый необходимый обозъ и оставивъ вагенбургъ, съ прежнимъ прикрытіемъ, на позиціи подъ Алимъ-ту до слѣдующаго утра, вслѣдствіе усталости лошадей и воловъ. Дорога была очень удобна; по сторонамъ росъ рѣдкій карагачевый лѣсъ и скоро открылась крѣпость Чинъ-ча-хо-дзи, окруженная садами. Авангардъ (изъ 2-й Семирѣченской сотни) подъ начальствомъ Гильде открылъ непріятеля, не доходя верстъ четырехъ до крѣпости. Колпаковскій выдвинулъ впередъ стрѣлковыя роты 11-го и 12-го баталіоновъ, 4 орудія 2-й батареи и половину Семирѣченской № 6 сотни, поручивъ послѣднюю барону Каульбарсу. При приближеніи къ садамъ, замѣчено было, что густыя массы непріятеля, показавшись съ боковъ крѣпости, заняли все пространство между садами; въ то же время значительная толпа непріятельской кавалеріи показалась на дорогѣ. Мѣстность передъ садами, засѣянная хлѣбомъ и овощами, была въ такой степени изрыта арыками, что представила бы значительныя препятствія движенію отряда. Кромѣ того начинало уже смеркаться, а расположиться на ночлегъ въ виду непріятеля, имѣвшаго возможность произвести изъ садовъ нечаянное нападеніе, было бы весьма не удобно. Поэтому рѣшено было обойти крѣпость и расположиться по западную ея сторону, гдѣ мѣстность была до-

вольно открытая и представляла, кромѣ того, нѣкоторыя удобства для бивуака.

Выставивъ боковые авангарды, прикрывшіе фланговое движеніе отряда, Колпаковскій перевелъ войска на избранную позицію, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, на которые наша артиллерія отвѣчала живою канонадою. Разбитый наканунѣ Абдрахманъ-казначи получилъ подкрѣпленіе изъ Кульджи и еще ожидалъ прибытія свѣжихъ отрядовъ съ лѣваго берега Или, куда передъ тѣмъ были двинуты значительныя скопища къ сторонѣ Кетменя. Энергическія дѣйствія нашихъ отрядовъ въ этомъ пунктѣ, какъ видно, ввели непріятеля въ заблужденіе, заставивъ его ожидать рѣшительнаго наступленія русскихъ именно со стороны Кетменя, чрезъ Янгишеры на Кульджу.

Передъ разсвѣтомъ 18 числа, непріятельскіе всадники, подъѣзжая къ цѣпи парныхъ часовыхъ, начали стрѣлять по лагерю, но были отогнаны огнемъ нашей цѣпи. На разсвѣтѣ войска были выдвинуты изъ лагеря. Оставивъ для охраненія тяжестей 2-ю роту 10-го баталіона, Сибирскую полусотню № 1 и казаковъ Сибирской № 2 сотни при 2-хъ орудіяхъ, Колпаковскій построилъ остальныя войска въ двѣ линіи, противъ сѣверо-западнаго угла крѣпости Чинъ-ча-хо-дзи.

На лѣвомъ флангѣ сталъ войсковой старшина Гильде со 2-й Семирѣченскою сотнею, правѣе—стрѣлковая рота 12-го баталіона, дивизіонъ орудій 1-й и 2-й батарей; затѣмъ стали саперная команда и стрѣлковая рота 11-го баталіона, а на правомъ флангѣ 3-я Семирѣченская сотня. Начальство надъ войсками 1 линіи было поручено полковнику Михаловскому. Линейныя роты: 2-я 11-го и 3-я 10-го баталіоновъ и 2 орудія 2-й батареи составили вторую линію, начальникомъ коей былъ назначенъ полковникъ фонъ-Вартманъ.

Непріятель рѣшился дать полевое сраженіе, опираясь центромъ на крѣпость, а флангами на рощи, далеко выступавшія впередъ, что давало позиціи хорошую перекрестную оборону.

Густая линія непріятеля заняла все это пространство, безъ перерывовъ; на лѣвомъ флангѣ нашемъ и въ тылу, противъ аріергарда, охранявшаго тяжести, показались толпы непріятельской конницы. Она понеслась было съ гикомъ, съ двухъ сторонъ, на аріергардъ, но два полувзвода пѣхоты и сибирскіе казаки встрѣтивъ ее огнемъ, принудили повернуть назадъ. Послѣ этого конница до самаго конца дѣла держалась уже въ отдаленіи, а затѣмъ и скрылась окончательно.

Непріятель, видя наступленіе первой линіи, открылъ по всему фронту неумолкаемую пальбу изъ орудій, фальконетовъ и ружей, Сообразивъ, по напряженію непріятельскаго огня, что главныя массы таранчей группируются въ садахъ и за ними, Колпаковскій

рѣшился атаковать лѣвый ихъ флангъ, упиравшійся въ деревню и рощу. Выдвинувъ для этого правый флангъ нашей боевой линіи, онъ началъ наступленіе уступами.

Артиллерія, обстрѣлявъ непріятельскую позицію, выѣхала впередъ, за рытвину, и открыла усиленный огонь по рощѣ; стрѣлковая рота приняла вправо, и вся линія начала подвигаться впередъ, въ косвенномъ направленіи. Войсковому старшинѣ Гильде съ развернутою кавалеріею было приказано прикрыть фланговое движеніе отряда.

Толпа таранчей, замѣтивъ направленіе нашей главной атаки, бросилась въ свою очередь къ садамъ, какъ угрожаемому пункту; тогда на правый флангъ первой линіи были выдвинуты всѣ войска 2-й линіи. Артиллерійскій взводъ подъѣхалъ на близкій картечный выстрѣлъ къ садамъ и открылъ огонь. Вслѣдъ за тѣмъ начата атака: 3-я Семирѣченская сотня, принявъ вправо, обскакала сады; обѣ линейныя роты ворвались въ опушку, а а вслѣдъ за ними обѣ стрѣлковыя роты заняли слѣва часть садовъ и строеній, тянувшихся почти до крѣпостной ограды. Таранчи бросились бѣжать изъ садовъ, преслѣдуемые по пятамъ нашими войсками; но когда наша крайняя правофланговая рота (3-я рота 10-го баталіона), вышла изъ пересѣченной и заросшей мѣстности на равнину, то сама была атакована непріятельскою конницею, выскочившею изъ-за рощи. Чтобы отвратить угрожавшую правому флангу опасность, Колпаковскій приказалъ Каульбарсу, съ подоспѣвшею 3-ю Семирѣченскою сотнею есаула Гринвальда и учебною казачьею командою сотника Ишервуда, взятою изъ конвоя, ударить на встрѣчу непріятельской конницѣ. Послѣ горячей схватки, въ которой Каульбарсъ получилъ ударъ пикою въ лицо и въ грудь и рану въ ногу *), таранчи были опрокинуты и обратились въ бѣгство; тогда началось горячее преслѣдованіе, чѣмъ и закончилось дѣло нашего праваго крыла.

На лѣвомъ крылѣ боевой линіи разыгрался въ это время эпизодъ, принадлежащій къ числу интереснѣйшихъ въ цѣлой экспедиціи.

При обходномъ движеніи войскъ нашего центра и праваго фланга непріятель открылъ съ южнаго фаса крѣпости учащенный ружейный огонь, поражавшій продольно нашъ наступавшій фронтъ. Крѣпость Чинъ-ча-хо-дзи, составляя правильный четвероугольникъ съ турбастіонами, имѣетъ стѣны двухсаженной толщины въ основаніи и до 3-хъ саженъ вышины. Полагаясь на мужество войскъ и на впечатлительность азіятской натуры передъ смѣлымъ натискомъ, Колпаковскій приказалъ Михаловскому

*) Не смотря на рану, впрочемъ не тяжелую, офицеръ этотъ остался во фронтѣ.

остановить наступавшія три роты и, завернувъ ихъ правымъ плечемъ, идти на приступъ.

Роты двинулись тремя колоннами: первая подъ начальствомъ маіора Балицкаго, изъ 2-й роты 11-го баталіона, бросилась къ восточнымъ воротамъ крѣпости, вторая, съ полковникомъ фонъ-Гойеромъ, изъ стрѣлковой роты 12 баталіона, устремилась на южныя ворота, а третья, подъ начальствомъ капитана Пичугина, направилась къ западнымъ воротамъ крѣпости. Всѣ три роты ворвались одновременно въ крѣпость. Первая, осыпанная камнями и встрѣченная выстрѣлами, выбила двое воротъ и проникла въ городъ; вторая, послѣ непродолжительной и горячей перестрѣлки, выломавъ свои ворота, отбросила штыками защитниковъ крѣпости и овладѣла южнымъ фасомъ ея; третья, пройдя безъ выстрѣла вдоль западнаго фаса, до воротъ равелина, была встрѣчена здѣсь ружейнымъ огнемъ почти въ упоръ, но также разломала двое воротъ и, ворвавшись въ крѣпость, отбила два непріятельскія орудія (изъ нихъ одно было взято лично командиромъ роты поручикомъ Эманомъ). Толпа дунганъ, защищавшая артиллерію, была отброшена и положила оружіе. Гарнизонъ, видя, что русскіе ворвались съ трехъ сторонъ, положилъ оружіе.

Михаловскій, вслѣдъ за пѣхотою, ввелъ въ крѣпость свои орудія и казаковъ и приказалъ ударить сборъ. Замѣчательно, что разсѣявшіяся по городскимъ улицамъ войска тотчасъ-же собрались, не смотря на укоренившійся временемъ обычай предавать взятые штурмомъ города грабежу. Здѣсь-же не было произведено никакихъ безпорядковъ, исключая нѣсколько грабежей, совершенныхъ китайцами, пробравшимися въ городъ, вслѣдъ за нашими ротами. За подобное мародерство весь отрядъ китайскихъ эмигрантовъ на слѣдующій день былъ отправленъ назадъ, въ Борохудзиръ. Кромѣ похвальной дисциплины семирѣченскихъ войскъ, скорый сборъ объясняется еще и слѣдующими простыми соображеніями: крѣпость миніатюрна,—всего въ $^1/_2$ квадратной версты, улицы совершенно прямыя и весьма широкія, а это значительно облегчаетъ и сборъ, и наблюденіе за порядкомъ. Ничего подобнаго не представляетъ какой-нибудь сартовскій городъ и потому ставить Чинъ-ча-хо-дзи въ примѣръ на будущее время можно только при штурмѣ китайскихъ городовъ.

Оставивъ въ крѣпости необходимый караулъ и объявивъ перепуганному народу о пощадѣ, Колпаковскій вывелъ войска и расположилъ ихъ за крѣпостью, по суйдунской дорогѣ. Городъ только что взятый штурмомъ (въ 8 часовъ), вскорѣ (къ 10 часамъ) совершенно успокоился; городскія лавки были открыты и торговцы продавали разную мелочь русскимъ, не иначе впрочемъ пропускаемымъ изъ лагеря въ запертую крѣпость, какъ по письменнымъ дозволеніямъ.

Дунгане, ожидавшіе, что имъ придется испытать участь, обыкновенно постигающую всякій, взятый силою городъ въ войнахъ азіятцевъ между собою, были весьма удивлены, увидавши на этотъ разъ полное снисхожденіе со стороны русскихъ. Смѣлость русскихъ войскъ и умѣренность ихъ послѣ побѣды повліяли и на крѣпость Суйдунъ, которая сдалась на другой день безъ выстрѣла. Въ доказательство того, какъ недовѣрчиво къ намъ относились сперва дунгане, можно указать, кромѣ упорной обороны Чинъ-ча-го-дзи, еще и на слѣдующій фактъ: лишь только войска овладѣли городомъ и въ улицы въѣхала артиллерія, загорѣлось какое-то строеніе. Солдаты наши, посланные для тушенія пожара, нашли въ домѣ 8 мужчинъ и женщинъ мертвыхъ или умирающихъ, съ распоротыми животами. Отъ нихъ узнали, что цѣлое дунганское семейство, не желая отдаваться въ плѣнъ, подъ вліяніемъ опіума, совершило надъ собою обычное китайское самоубійство и подожгло собственный домъ. Примѣръ подобнаго отчаянія, къ счастію, былъ единственный въ городѣ.

Въ дѣлахъ 18 іюня, при Чинъ-ча-го-дзи, разбитъ былъ вторично Абдрахманъ-казначи, имѣвшій до 5,000 войска въ полѣ, не считая гарнизона въ крѣпости. Трудно совершенно точно опредѣлить численность этого гарнизона, потому что толпы плѣнныхъ дунганъ были отпущены къ своимъ семействамъ; но въ защитѣ крѣпости принимало участіе все мужское населеніе города, потому что между плѣнными, взятыми съ оружіемъ въ рукахъ можно было встрѣтить и дряхлыхъ стариковъ, и дѣтей.

Въ крѣпости найдено 45 тѣлъ защитниковъ, заколотыхъ штыками; по всѣмъ окрестностямъ, гдѣ происходило дѣло, были разбросаны во множествѣ мертвыя тѣла, оружіе, порохъ и одежда бѣжавшихъ.

Трофеи наши состояли изъ двухъ орудій на лафетахъ (одно мѣдное 6-фунтовое, другое чугунное 3-фунтовое), одного фалконета и одного значка. Кромѣ того, на крѣпостныхъ веркахъ взято до 40 крѣпостныхъ ружей, а въ городскомъ складѣ найдено 6 чугунныхъ и мѣдныхъ орудій безъ лафетовъ, большое количество пикъ, шлемовъ, кольчугъ, луковъ, свинца, пороху, снарядовъ и тому под. Артиллерійскія орудія и свинецъ начальникъ отряда приказалъ взять съ собою, равно и шлемы, вслѣдствіе ихъ оригинальности, все же остальное приказано переломать и перетопить.

Съ нашей стороны въ дѣлѣ 18 іюня у б и т о нижнихъ чиновъ 1; р а н е н ы 1 оберъ-офицеръ (баронъ Каульбарсъ) и 12 нижнихъ чиновъ; ушиблено камнями и к о н т у ж е н о 1 оберъ-офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ).

19-го числа, опять налегкѣ, отрядъ выступилъ въ 2 часа по полудни по суйдунской дорогѣ, которая не представила никакихъ

затрудненій для движенія. Впереди слѣдовалъ авангардъ изъ сотни Гильде. За авангардомъ шли главныя силы, а за ними вагенбургъ, въ прикрытіе коего были назначены 2-я рота 10-го баталіона, 2-я семирѣченская сотня и два орудія 1-й батареи.

Пройдя такъ называемое священное дерево, т. е. группу развѣсистыхъ деревьевъ, находящихся у самой дороги, Колпаковскій замѣтилъ на высотахъ постепенно разроставшіяся кучки всадниковъ, которыя тотчасъ разсѣялись, когда на нихъ двинулась сотня Гильде. Съ занятыхъ высотъ открылась вся позиція непріятеля, встрѣтившаго появленіе русскихъ на высотахъ громкими криками; затѣмъ по всей линіи началась пальба, хотя и не столь энергичная, какъ наканунѣ.

Пользуясь мѣстностью, командовавшею непріятельскою позиціею, Колпаковскій рѣшился вести дѣло преимущественно артиллеріей и приказалъ выдвинуть два орудія 1-й батареи на высоты, а два орудія 2-й батареи на дорогу, которая ведетъ вдоль высотъ къ крѣпости Суйдунъ. За артиллеріею расположились войска въ слѣдующемъ порядкѣ: на лѣвомъ флангѣ 1-я семирѣченская сотня и стрѣлковая рота 11-го баталіона, на правомъ флангѣ 3-я семирѣченская сотня и сборная казачья команда, а лѣвѣе стрѣлковая рота 10-го баталіона. Въ резервѣ, стоявшемъ по дорогѣ, за срединою боеваго порядка, остались стрѣлковая рота 12-го баталіона и 4 орудія. Вагенбургъ съ прикрытіемъ далеко отсталъ на пути.

Когда мѣткій огонь нашей артиллеріи произвелъ свое дѣйствіе и линія непріятеля замѣтно заколебалась, вся наша линія начала наступленіе. Взводъ 1-й батареи, спущенный съ высотъ по разработанному саперами спуску, выѣхалъ на позицію; затѣмъ выскакалъ на одну съ нимъ высоту и взводъ 2-й батареи.

Непріятель, думая воспользоваться малочисленностію войскъ, успѣвшихъ спуститься съ высотъ, внезапно перешелъ въ наступленіе и охватилъ наши фланги. Колпаковскій двинулъ роты 2-й линіи впередъ, чтобы остановить непріятеля съ фронта, сотни праваго фланга пустилъ на таранчей, обходившихъ насъ съ этой стороны, а противъ обхода киргизской конницы слѣва и въ тылъ выдвинулъ взводъ артиллеріи изъ резерва. Мѣры эти увѣнчались успѣхомъ.

Толпы непріятеля начали поспѣшно отступать, направляясь густыми массами къ юго-западному углу крѣпости. Вслѣдъ за бѣгущими Колпаковскій направилъ войска уступами съ праваго фланга; роты праваго крыла заняли опушку садовъ и наружный рядъ строеній, а лѣвое крыло подвинулось къ крѣпости.

Крѣпостная ограда покрылась массами защитниковъ, которые, однако, не открывали огня. Колпаковскій отправилъ къ нимъ одного изъ взятыхъ въ Чинъ-ча-хо-дги дунганъ съ требованіемъ сдачи; послѣ непродолжительныхъ переговоровъ комендантъ спу-

стился со стѣнъ на веревкахъ и явился въ отрядъ; затѣмъ жители начали сбрасывать со стѣнъ оружіе и крѣпость сдалась безъ выстрѣла.

За бѣжавшимъ непріятелемъ двинута была вся кавалерія съ двумя орудіями.

Кавалерія успѣла изрубить только нѣсколькихъ отсталыхъ и взяла нѣсколько плѣнныхъ.

Высланный ночью киргизскій разъѣздъ привезъ извѣстіе, что непріятельское скопище, бросивъ лагерь, лежавшій въ 10 верстахъ отъ Суйдуна, потянулось къ Баяндаю.

Разбитое ополченіе, захвативъ всѣхъ, попавшихся ему по окрестностямъ дунганскихъ поселянъ, перерѣзало ихъ и ушло ночью къ Кульджѣ, бросая по дорогѣ своихъ раненыхъ, съѣстные припасы и т. п.

Непріятель имѣлъ подъ Суйдуномъ до 6,000 войска *), но дѣйствовалъ безъ энергіи, такъ что одна артиллерійская пальба и огонь стрѣлковой цѣпи заставилъ его бросить крѣпкую позицію подъ Суйдуномъ.

Съ нашей стороны потери въ этомъ дѣлѣ не было.

На другой день утромъ (20 іюня) Колпаковскій имѣлъ въѣздъ въ г. Суйдунъ и былъ встрѣченъ жителями съ хлѣбомъ-солью.

Въ крѣпости найдено одно мѣдное 6-фунтовое орудіе, на красномъ лафетѣ, и разнаго рода военная добыча, уступавшая впрочемъ по количеству захваченной въ Чинъ-ча-хо-дзи.

Рядъ пораженій сломилъ, наконецъ, твердость султана илійскаго. Уронъ, понесенный его войсками въ дѣлахъ подъ Кетменемъ, Акъ-кентомъ и Алимъ-ту, совершенный разгромъ его ополченія подъ Чинъ-ча-хо-дзи и взятіе открытою силою этой важной для него крѣпости, наконецъ неудача подъ Суйдуномъ и сдача безъ выстрѣла второй значительной крѣпости произвели потрясающее дѣйствіе какъ на султана, такъ и на его войска.

20-го же числа утромъ явились въ отрядъ бѣжавшіе изъ Кульджи: минбеги Бушри-гаупи и бывшій аксакалъ Миръ-азимбай, пріѣзжавшій съ посольствомъ въ г. Вѣрный; оба они были заподозрѣны султаномъ въ измѣнѣ. Привезено было также письмо отъ султана, въ которомъ онъ выражалъ желаніе начать съ нами переговоры, просилъ не идти далѣе Баяндая, „чтобы не испугать женъ и дѣтей въ Кульджѣ“. Вмѣстѣ съ письмомъ были возвращены въ лагерь двое русскихъ плѣнныхъ: казакъ и солдатъ, захваченные при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій съ таранчами.

---

*) Въ ночь на 19 число къ Абдрахманъ-казначи, отступившему отъ Чинъ-ча-хо-дзи, прибыли свѣжія подкрѣпленія изъ Кульджи и 1,500 охотниковъ, прибывшихъ съ лѣваго берега р. Или.

20 іюня отрядъ имѣлъ дневку. Бѣжавшее таранчинское войско, между тѣмъ, дошло до села Баяндая и тутъ разошлось по домамъ, такъ что у Абиль-Огля, въ Кульджѣ, осталось всего на все до 2,000 человѣкъ. Близость русскихъ, неизбѣжное паденіе ханства, сдача дунганскаго гарнизона въ крѣп. Суйдунѣ и неосторожныя проявленія радости китайцами и дунганами, произвели въ ночь на 21 іюня страшный взрывъ ярости въ таранчинскомъ населеніи г. Кульджи. Таранчи бросились рѣзать и жечь калмыковъ, китайцевъ и дунганъ въ городѣ, предмѣстьяхъ и окрестныхъ селеніяхъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ обоего пола были звѣрски перебиты въ эту страшную ночь. Таково было послѣднее проявленіе власти таранчей въ при-илійскомъ краѣ, кончившееся какъ и началось,—кровавымъ насиліемъ.

21-го отрядъ выступилъ съ позиціи при Суйдунѣ на Баяндай, Только что войска вытянулись по дорогѣ, какъ дали знать изъ авангарда, что сынъ султана съ 4 почетными сартами и значительною свитою прибылъ для переговоровъ. Колпаковскій принялъ это посольство, которое привезло съ собою связаннаго по рукамъ и по ногамъ прапорщика Тазабека, главнаго виновника настоящаго столкновенія съ таранчами. Въ свитѣ принца, бойкаго мальчика лѣтъ 13-ти, между прочими лицами находился Абдрахманъ-казначи, командовавшій противъ насъ султанскими войсками въ дѣлахъ 16, 17, 18 и 19 іюня. Посланцы однакоже ничего новаго не привезли, а говорили то же, что было уже изложено въ письмѣ султана; поэтому Колпаковскій не счелъ нужнымъ продолжать съ ними переговоры и отпустилъ ихъ обратно. На маршѣ явилась депутація отъ сувановскихъ киргизъ и сибо съ изъявленіемъ покорности.

Пройдя 25 верстъ, войска остановились на ночлегъ у покинутой китайской крѣпости Баяндая, стѣны которой сохранились, впрочемъ, въ совершенной цѣлости. Отрядъ находился всего въ 12 верстахъ отъ Кульджи.

Передъ вечеромъ, часу въ седьмомъ, султанъ Абиль-Огля прибылъ на наши аванпосты. Приказавъ пропустить его за цѣпь пикетовъ, генералъ Колпаковскій, въ сопровожденіи всѣхъ, свободныхъ отъ службы, офицеровъ отряда выѣхалъ на свиданіе, за черту лагеря. Султана сопровождали человѣкъ 80: какъ онъ, такъ и его свита, были безъ оружія и дожидались начальника отряда пѣшими.

Освѣдомившись о здоровьѣ султана, Колпаковскій спросилъ его о причинѣ пріѣзда. Абиль-Огля отвѣчалъ, что пріѣхалъ узнать приказанія русскаго генерала. Колпаковскій возразилъ, что, считая себя лишь исполнителемъ воли его императорскаго величества и приказаній генералъ-губернатора, онъ объявляетъ,

что г. Кульджа долженъ быть сданъ, оружіе и казна выданы, а султанъ долженъ отказаться отъ своей власти.

Абиль-Огля покорно возразилъ: „если Богъ судилъ русскимъ владычествовать въ Кульджѣ, а ему не царствовать, то онъ покоряется Божіей волѣ и передаетъ свое султанство русскимъ“. Затѣмъ онъ прибавилъ: „я одинъ виноватъ въ войнѣ противъ васъ, народъ мой ни въ чемъ не виноватъ; накажите меня одного, но пощадите мой народъ“.

Успокоивъ смущеннаго султана, Колпаковскій передалъ ему, что завтра утромъ займетъ Кульджу, а потому всѣ пушки, ружья и проч. оружіе должно быть сложено заранѣе у какихъ-нибудь изъ крѣпостныхъ воротъ; ключи отъ крѣпости и арсенала также должны быть переданы намъ.

Абиль-Огля лично ничего не просилъ, но сановники его свиты обратились къ нашему генералу съ просьбою „не пугать своими войсками ихъ женъ и дѣтей, а если ему хочется видѣть городъ, то пусть онъ въѣдетъ въ него съ одними офицерами. Зная хорошо азіятское вѣроломство, генералъ вовсе не склоненъ былъ видѣть въ этой просьбѣ одну наивность и потому отказалъ.

22 іюня, въ 6 часовъ утра, султанъ прибылъ вторично въ лагерь, подалъ опись оружію, находящемуся въ крѣпости, и оставшись въ лагерѣ, слѣдовалъ за отрядомъ весь переходъ. Въ 8 часовъ утра войска тронулись. Дойдя до деревни Чинпанзи, отстоящей въ 5 верстахъ отъ Кульджи, высланъ былъ впередъ авангардъ изъ сотни казаковъ и двухъ орудій подъ начальствомъ Пичугина, для занятія предмѣстій и выбора въ городѣ или окрестностяхъ его удобнаго мѣста для лагеря.

Авангардъ этотъ, безъ всякаго сопротивленія, вступилъ въ предмѣстья и прошелъ городомъ подъ стѣнами цитадели, на валгангѣ коей не было видно ни души. На улицы высыпали толпы жителей, спокойно и вѣжливо встрѣчавшія вступавшія войска. Султанскіе сановники, провожавшіе авангардъ, выказывали крайнюю угодливость: когда бивуакъ былъ выбранъ въ двухъ смежныхъ обширныхъ садахъ, немедленно была пущена вода въ арыки, солдатамъ принесенъ свѣжій урюкъ и т. д.

За авангардомъ была направлена рота пѣхоты съ барономъ Каульбарсомъ, для принятія сложеннаго у крѣпостныхъ воротъ оружія.

Въ 2 часа пополудни, Колпаковскій, имѣя при себѣ султана, торжественно въѣхалъ съ частью отряда въ городъ и затѣмъ принялъ предложенный ему и сопровождавшимъ его офицерамъ завтракъ во дворцѣ султана. При въѣздѣ въ ворота дворца, его привѣтствовала султанская музыка, игравшая раздирающимъ образомъ во все время завтрака. Крѣпость была занята двумя ротами

и 1 сотнею; временнымъ комендантомъ города и крѣпости назначенъ маіоръ Балицкій.

Выдача крѣпостного оружія продолжалась до утра 23 іюня. Съ верковъ крѣпости намъ передано 13 мѣдныхъ орудій 6-фунтоваго калибра на красныхъ лафетахъ, 359 большихъ крѣпостныхъ ружей, самыхъ разнообразныхъ системъ, 1,681 обыкновенное фитильное ружье и 675 пикъ. Въ крѣпостномъ арсеналѣ найдены 2 мѣдныя мортиры, 44 мѣдныхъ и чугунныхъ орудій и 5 мѣдныхъ фальконетовъ,—всѣ безъ станковъ. Въ крѣпости найдены также большіе запасы казеннаго продовольствія; въ городѣ находилось два пороховыхъ завода, выдѣлывавшихъ въ годъ до 200 пудовъ пороху каждый. Всѣ приборы для производства пороха были уничтожены по приказанію Колпаковскаго.

Султанъ Абиль-Огля прислалъ и всѣ регаліи: саблю, большую и малую печати, зонтикъ и большое султанское знамя, которое выносилась въ торжественныхъ случаяхъ. Оно сшито изъ великолѣпной шелковой матеріи, изукрашенной золототканными надписями, и формою походитъ на наши церковныя хоругви. Кромѣ того, намъ передано еще 9 большихъ войсковыхъ знаменъ *), ключи отъ четырехъ воротъ Кульджинской цитадели, литавры, трубы, сабли разныхъ сановниковъ и т. п. Съ 23 іюня началось безостановочное обезоруженіе распускаемыхъ таранчинскихъ отрядовъ, остававшихся на лѣвомъ берегу Или. Предводитель ихъ Тугулакъ, 24 іюня, явился къ генералу Колпаковскому и сложилъ свое оружіе. Всѣ знамена и взятая артиллерія (во всю экспедицію намъ досталось 68 орудій и 14 фальконетовъ) отправлены въ г. Вѣрный. Знамя, зонтикъ и печати отправлены въ Петербургъ. Вся кампанія, считая за начало ея 3 мая, т. е. день выступленія рекогносцировочныхъ отрядовъ а концомъ—22 іюня, т. е. день занятія Кульджи—продолжалась ровно 50 дней. За это время мы потеряли: убитыми—12 чел., ранеными 75 чел. (въ томъ числѣ 4 киргиза), контуженными 7 чел., пропавшими безъ вѣсти 2 чел., а всего 96 чел.; значительная доля убыли а именно 38 чел., падаетъ на отрядъ Михаловскаго, благодаря странному азбучному промаху этого офицера.

Тяжелый трудъ ухода за своими и непріятельскими ранеными безвозмездно приняли на себя слѣдовавшія съ отрядомъ четыре сестры милосердія: жена хорунжаго Копцова и г-жа Трубина съ двумя дочерьми; въ особенности стали тяжелы обязанности медиковъ и сестеръ милосердія съ занятіемъ Кульджи, когда въ нашъ походный лазаретъ стало поступать множество тяжело раненыхъ туземцевъ. Изъ нихъ пострадавшіе въ ночь на 21 іюня были большею частію ужаснымъ образомъ обожжены.

---

*) Кромѣ того 5 обыкновенныхъ значковъ.

Сопровождавшіе отрядъ киргизы служили весьма усердно и имѣли случай принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Послѣ движенія отряда генерала Колпаковскаго отъ г. Суйдуна къ Кульджѣ, киргизы кызаевцы, кочевавшіе въ верховьяхъ Сары-Булака, отогнали съ пастбищъ на р. Пиличи значительное количество скота, изъ гуртовъ, принадлежавшихъ торговцамъ Ташкента, Самарканда и другихъ городовъ, и откочевали за хребетъ Талки, вмѣстѣ съ укрывшимися у нихъ главными виновниками нападенія на маіора Здоренко.

Узнавъ о намѣреніи кызаевъ идти въ Манасъ и не находя удобнымъ преслѣдовать ихъ, Колпаковскій ограничился письменнымъ предложеніемъ, посланнымъ къ родоправителямъ кызаевъ, о выдачѣ грабителей и возвращеніи отбитаго скота; вмѣстѣ съ тѣмъ правителямъ Манаса и Урумцы было предложено не пропускать кызаевъ на подвѣдомственныя имъ территоріи.

Письма въ Манасъ и Урумци поручено было доставить двумъ лазутчикамъ изъ кульджинскихъ дунганъ; но за переваломъ Талки они были ограблены киргизами и вернулись назадъ.

Для изслѣдованія всѣхъ путей новозанятаго округа и съемки маршрутовъ къ сторонѣ сосѣднихъ владѣній, направлено было нѣсколько рекогносцировочныхъ отрядовъ со съемочными партіями по всѣмъ главнымъ дорогамъ, ведущимъ къ границамъ бывшаго кульджинскаго ханства.

Войска кульджинскаго отряда усилились присоединеніемъ къ нимъ, 16 іюля, отряда подполковника Еленскаго изъ 4-й роты 10-го туркестанскаго линейнаго баталіона и 4-й сотни Семирѣченскаго казачьяго войска, прибывшихъ изъ Музарта чрезъ перевалъ Суа-шу.

Такъ какъ китайское правительство не въ состояніи было въ то время выслать своихъ войскъ для принятія отъ насъ занятыхъ провинцій, а высылать однихъ сановниковъ, безъ поддержки ихъ вооруженною рукою, весьма основательно опасается, то, во исполненіе высочайшаго повелѣнія *), дальнѣйшія дѣйствія наши рѣшено направить не для возстановленія маньчжурской власти, а лишь для утвержденія спокойствія и порядка на нашихъ границахъ. Цѣль же эта легко могла быть достигнута средствами одной Семирѣченской области безъ содѣйствія со стороны войскъ Западной Сибири, ибо спокойствію въ Илійскомъ округѣ не угрожала никакая попытка ни со стороны Якубъ-бека, который не рѣшался насъ затронуть, ни со стороны мѣстнаго населенія, враждебные элементы котораго были обезоружены.

Главная причина безпорядковъ, существовавшихъ на восточныхъ

*) Сообщено шифрованною депешею начальника главнаго штаба отъ 15 іюля 1871 года.

границахъ Семирѣченской области, заключалась въ томъ, что тотчасъ за границею кочевали киргизы, намъ не подвѣдомственные и не подвластные. Съ занятіемъ илійскаго раіона причина эта устранилась: даже кызаи, чрезъ нѣсколько дней послѣ откочевки на Баратолу, одумались, изъявили покорность и расплатились съ ограбленными ими торговцами.

Для болѣе прочнаго обезпеченія спокойствія новозанятаго края со стороны другихъ, отпавшихъ отъ Китая провинцій, необходимо было только выставить постоянный отрядъ около китайскаго селенія Шихо (въ 10 верстахъ отъ развалинъ Куръ-Кара-Усу). Отрядъ этотъ совершенно закрылъ киргизамъ путь къ Манасу и тѣмъ заставилъ ихъ подчиниться вполнѣ нашей власти, а въ то же время онъ служилъ и для защиты, изъявившихъ намъ покорность, китайскихъ селеній Шихо, Джинъ-хо и Такіянза. Что касается Кашгаріи, то трудность перевала черезъ Тянь-шанскій хребетъ, составляющій нашу границу, служила лучшимъ ручательствомъ за спокойствіе съ этой стороны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ войска экспедиціоннаго отряда, оставивъ, сколько нужно, для охраненія спокойствія въ Илійскомъ округѣ, возвратились въ свои штабъ-квартиры.

Съ началомъ кульджинской экспедиціи бухарскія войска были сосредоточены въ Шахрисябзѣ, а Заравшанскій округъ наводненъ разбойничьими шайками. Весьма вѣроятно, что это было послѣдствіемъ полученныхъ извѣстій о нашихъ первыхъ дѣйствіяхъ, имѣвшихъ въ глазахъ туземцевъ видъ неудачъ, такъ какъ наши рекогносцировочные отряды, послѣ поисковъ, отступали къ своимъ прежнимъ стоянкамъ.

Предположенія о внутренней связи между всѣми этими явленіями подтверждаются нѣсколько и тѣмъ, что эмиръ подвергъ опалѣ шахрисябзскаго бека Тохтамыша, блистательно заявившаго свою готовность служить интересамъ Россіи и даже принимавшаго личное участіе въ народныхъ играхъ, устроенныхъ въ Самаркандѣ по случаю прибытія туда командующаго войсками округа. Затѣмъ отступленіе бухарскихъ войскъ изъ Шахрисябза, исчезновеніе разбойничьихъ шаекъ изъ Заравшанскаго округа и вѣсть о взятіи Кульджи совпали также довольно подозрительно.

Для обезпеченія спокойствія среди населенія Илійскаго округа, признано было болѣе удобнымъ предложить султану Абиль-Огля переѣхать на жительство въ г. Вѣрный. Выѣздъ султана изъ Кульджи состоялся 17 іюня при сочувственныхъ проводахъ народа.

24 сентября къ генералу Колпаковскому явился посланный отъ торгоутскихъ родоправителей изъ горъ Юлдузскихъ съ письмомъ, о принятіи торгоутовъ въ русское подданство. Въ отвѣтъ на это имъ сказано, что просьба ихъ о подданствѣ будетъ предста-

влена на разрѣшеніе высшаго начальства, а до тѣхъ поръ имъ разрѣшается перейти на свободныя земли, въ занятой нами провинціи. Торгоутскій ханъ, выѣхавшій, еще предъ возстаніемъ дунганъ, въ Пекинъ, не могъ уже пробраться обратно въ Карашаръ и оставался послѣдніе годы въ Улясутаѣ. За отсутствіемъ его, управленіе торгоутами перешло къ его женѣ и родоначальникамъ, носящимъ различныя званія и титулы, пожалованные китайцами еще ихъ предкамъ. Послѣ взятія дунганами Урумци и Кульджи, торгоуты, державшіе сторону китайцевъ, нѣкоторое время спокойно кочевали на Юлдузѣ и вообще въ горахъ Карашарскаго Тянь-шаня вмѣстѣ съ родственными имъ хошотами (послѣднихъ 11 сумуновъ, а первыхъ 54). Осенью 1867 года, урумцинскіе дунгане напали внезапно на кочевки хошотовъ и торгоутовъ и отняли у нихъ множество скота.

Весною 1870 года, во время движенія на Кучи, дунгане разграбили всѣхъ торгоутовъ, кочевавшихъ между Карашаромъ и Кучи. Съ кашгарцами отношенія торгоутовъ были, напротивъ, дружественны; поэтому во время войны Якубъ-Бека съ дунганами, нѣсколько охотниковъ торгоутовъ ходили съ кашгарскими войсками. По окончаніи войны, возвращаясь въ Кашгарію, Якубъ-бекъ оставилъ для надзора за торгоутами особаго бека, по имени Аджи-Ходжу.

Бекъ этотъ поселился въ селеніи Курля, вытребовалъ къ себѣ правительницу торгоутовъ, двухъ ея сыновей и всѣхъ важнѣйшихъ родоначальниковъ, которыхъ и задержалъ при себѣ въ качествѣ аманатовъ. Прождавъ нѣсколько мѣсяцевъ освобожденія своихъ правителей, торгоуты, въ концѣ мая 1871 года, подступили въ значительныхъ силахъ въ Курля и съ боя освободили своихъ правителей. Опасаясь мщенія со стороны кашгарцевъ, торгоуты, въ концѣ іюня, бросили свои кочевки и даже обширныя пашни по Юлдузу, отпустили своихъ работниковъ и пастуховъ (изъ калмыковъ) и укочевали въ труднодоступныя горы Аму, находящіяся далеко къ востоку отъ Турфана.

Преслѣдуемые кашгарцами, торгоуты, не дожидаясь отвѣта на просьбу о принятіи ихъ въ подданство, перевалили черезъ Юлдузскія горы, спустились въ верховья р. Кунгеса. Посланецъ ханши съ извѣстіемъ о прикочеваніи ея въ наши предѣлы прибылъ въ Кульджу 29 сентября. Онъ объявилъ, что въ долину р. Кунгеса прибыло уже до 20 сумуновъ (ауловъ) и что остальные 34 сумуна слѣдуютъ за ними.

Таковы были ближайшіе результаты нашихъ быстрыхъ успѣховъ. Торгоуты, бѣжавшіе когда-то изъ Россіи, теперь снова просятъ подданства, спасаясь отъ притѣсненій сосѣдей.

Что касается до Кашгара, то содержаніе значительнаго войска и издержки войны съ дунганами въ конецъ разорили тамошнее

населеніе. Слѣдствіемъ этого было всеобщее неудовольствіе противъ Якубъ-бека. Человѣкъ 500 изъ числа его приближенныхъ и начальниковъ войскъ условились умертвить его въ мечети, во время моленія. Но заговоръ не удался, вслѣдствіе измѣны одного изъ участниковъ (зятя Якубъ-бека), родомъ китайца, начальствовавшаго надъ китайскими войсками въ Кашгарѣ.

Въ концѣ октября въ Ташкентѣ была получена телеграмма отъ нашего чрезвычайнаго посланника при пекинскомъ дворѣ о выѣздѣ изъ Уля-сутая дзянь-дзюня Жуна, для переговоровъ относительно передачи кульджинской провинціи китайцамъ. Генералъ-губернаторъ поручилъ генералу Колпаковскому принять китайскаго уполномоченнаго въ г. Сергіополѣ, и въ переговорахъ принять къ руководству слѣдующее:

1) Объяснить дзянь-дзюню нынѣшнее состояніе Илійской провинціи и то, что сдѣлано нами къ сохраненію ея для китайцевъ.

2) Заявить ему, что кульджинская провинція будетъ сдана китайскимъ властямъ не иначе, какъ по прибытіи китайскихъ войскъ.

3) Узнать отъ китайскаго уполномоченнаго, какія мѣры манджурское правительство намѣрено принять для управленія Илійскою провинціей, а главное, когда и какъ это можетъ состояться.

4) Денегъ отъ китайскаго правительства, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, не требовать *), стараясь, взамѣнъ того, выговорить для себя самыя широкія условія свободной торговли, и

5) Вопроса о проведеніи болѣе удобной для насъ границы съ Китаемъ не касаться, впредь до воспослѣдованія, по этому предмету, особыхъ указаній.

Для переговоровъ съ дзянь-дзюномъ присланъ былъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ полковникъ Богуславскій, но какъ китайскій чиновникъ не могъ поручиться за сохраненіе спокойствія въ провинціи, а вмѣсто регулярныхъ войскъ разсчитывалъ на поддержку нѣсколькихъ тысячъ оставшихся еще въ живыхъ солоновъ и сибо,—то переговоры были прекращены.

Ближайшее ознакомленіе съ занятою нами провинціею показало, что для охраненія въ ней спокойствія и предупрежденія новыхъ междоусобій,—власть должна обладать и силой, и энергіей.

Изъ 102,910 душъ обоего пола, составлявшихъ тогда, по не-

---

*) Генералъ Колпаковскій предполагалъ потребовать уплаты 1.000,000 р. и провести новую границу, которая отрѣзала бы все кочевое населеніе Илійской провинціи въ предѣлы Россіи.

точнымъ однако свѣдѣніямъ, населеніе этой провинціи считалось:

Таранчей	38,211	душъ.
Дунганъ	5,130	„
Китайцевъ	3,373	„
Манчжуръ	450	„
Монголовъ	17,954	„
Сибо	15,484	„
Киргизъ	22,344	„

Большинство населенія (именно 65,685 душъ) исповѣдывали мусульманство, остальные же были язычниками.

Ненависть между всѣми этими племенами была такова, что только численное превосходство мусульманъ могло сдерживать ихъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, но это же заставляло мусульманъ тяготѣть съ одной стороны къ Кашгару, а съ другой притягивать къ себѣ нашихъ пограничныхъ киргизъ.

Предоставить Кульджу, по прежнему, владычеству мусульманъ намъ было, конечно, неудобно.

Китайская власть была бы пока также не весьма желательнымъ для насъ сосѣдствомъ по ея безсилію: только опираясь на значительное регулярное войско, китайскій дзянь-дзюнъ могъ бы поддерживать порядокъ, не прибѣгая къ нашей помощи. Поддерживая же китайскаго губернатора нашими войсками, мы, очевидно, будемъ нести на себѣ всю тяжесть военнаго занятія страны, не пользуясь за то никакими выгодами. Но какъ пекинское правительство не въ состояніи было пока удѣлить для Кульджи значительной арміи, то намъ оставалось только сохранить Кульджу подъ сѣнію русскихъ знаменъ, до прибытія сильнаго китайскаго отряда.

Задача нашей администраціи поэтому сводилась къ охраненію внутренняго спокойствія и къ сохраненію между племенами такого равновѣсія и правоотношеній, какія только могутъ быть желательны китайскому правительству, дабы, въ противномъ случаѣ, не создать такихъ условій, которыя бы впослѣдствіи могли не нравиться китайцамъ и подвергнуться уничтоженію. Словомъ, наша администрація задала себѣ цѣлію дѣйствовать консервативно и, такъ сказать, въ китайскомъ духѣ.

Дзянь-дзюнъ Жунъ поселился въ Чугучакѣ и старался вкоренить въ умахъ жителей Кульджинскаго края убѣжденіе, что русскіе не оставятъ за собой Кульджи, а возвратятъ ее Китаю. Это впрочемъ и было обѣщано Кауфманомъ отъ имени правительства. Поэтому возвращеніе Кульджи прежней власти являлось вопросомъ лишь времени, и наша государственная честь обязывала насъ поступить по совѣсти.

Когда впослѣдствіи, черезъ десять лѣтъ, китайцы настолько

оправились, что могли прислать въ Кульджу достаточно войскъ для принятія страны и для смѣны нашихъ отрядовъ, съ ручательствомъ за сохраненіе царствовавшей при насъ тишины и порядка, то чрезвычайно странно было встрѣчать почти во всѣхъ нашихъ газетахъ патріотическіе вопли на счетъ униженія Россіи, отдающей безъ боя, да еще слабому противнику, великолѣпную, плодородную сторону, купленную цѣною русской крови и т. д.

Патріоты, очевидно, не знали, что занятіе Кульджи было временнымъ и что возвращеніе ея было обѣщано китайцамъ, когда они выполнятъ главное условіе. А разъ что они его выполнили, то наша честь и наша политическая совѣстливость обязывали насъ поступить такъ, а не иначе. Англичане бы такъ, конечно, не поступили; примѣръ—Египетъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ понимать государственную честь и политическую совѣстливость.

Съ купеческой точки зрѣнія мы поступили невыгодно и потому глупо. Англійскіе дипломаты старались даже увѣрить весь свѣтъ и въ особенности китайцевъ, будто мы уступаемъ Кульджу не добровольно, а подъ давленіемъ англійскихъ угрозъ... Кажется, это и разсердило нашихъ патріотовъ, предпочитавшихъ поступить несправедливо и безсовѣстно, лишь бы не дать англичанамъ повода хвастаться дипломатическою побѣдою.

Не слѣдуетъ однако забывать, что несправедливая, своекорыстная политика рано или поздно приноситъ горькіе плоды. Есть Богъ на небѣ, есть Немезида въ исторіи человѣчества! Когда нибудь англичане жестоко поплатятся за всѣ свои политическія продѣлки...

ГЛАВА IV.

Внутреннія дѣла Хивы. Отношенія къ туркменамъ. Ата-Мурадъ просится въ подданство Россіи. Причины самомнѣнія Хивы. Попытки Кауфмана войти въ мирныя сношенія съ Хивою. Ханъ не отвѣчаетъ на письма. Претензіи на лѣвый берегъ Сыра. Происки Англіи. Безпорядки среди киргизъ Оренбургскаго вѣдомства въ 1869 г. Прокламаціи хивинскаго хана. Нападенія на почтовыя станціи орско-казалинскаго тракта и русскіе караваны. Нарочный султанъ Бушаевъ съ письмомъ Кауфмана къ хану. Движеніе двухъ отрядовъ изъ Казалинска и Джизака. Занятіе Красноводскаго залива. Турецкій агентъ. Безпокойство персидскаго шаха. Хивинскіе отвѣты. Рекогносцировки Столѣтова. Оренбургскіе летучіе отряды. Трусость чиновника Юрковскаго и неразумѣніе пристава подпол. Рукина. Гибель его. Подвигъ горсти русскихъ у мыса Чиграя 25 іюля 1870 г. Преступная дѣятельность подполк. Байкова. Смѣна Столѣтова. Движеніе Маркозова къ хивинскимъ предѣламъ и Головачева къ Буканскимъ горамъ. Хивинскіе послы въ Оренбургъ, Тифлисъ и въ Остъ-Индію. Походъ Маркозова на Хиву въ 1872 г. Жара. Охота за верблюдами. Отчаянное положеніе 2-хъ ротъ безъ воды.

Во время послѣднихъ войнъ нашихъ съ Коканомъ и Бухарою, Хива благоразумно держалась въ сторонѣ, устраивая свои дѣлишки съ туркменами: въ 1866 г. она подчинила себѣ іомудовъ, а въ 1867 г., отведя протокъ Лауданъ, одинъ изъ рукавовъ дельты Аму-Дарьи, отняла воду у другихъ родовъ, поселившихся у нея подъ бокомъ, но не признававшихъ ея власти. Десять старшинъ явились къ хану съ покорностію и перевезли, по его требованію, семейства свои въ Хиву, въ качествѣ заложниковъ. Новые подданные, обложенные податями, считали теперь себя уже вправѣ пользоваться водой новаго отечества и поторопились разрушить плотину Лауданъ, не ожидая разрѣшенія, но въ происшедшей при этомъ схваткѣ съ хивинскими войсками, были разбиты и покорились безусловно... Ихъ разселили у Чимбая и Кубетау (въ 16 верстахъ отъ Кунграда), а болѣе мелкія подотдѣленія родовъ — между хивинцами. Одинъ только ханъ Ата-Муратъ, родственникъ хивинскаго хана, столько разъ дравшійся съ хивинцами и троихъ изъ хановъ отправившій уже къ праотцамъ, покориться не захотѣлъ и откочевалъ къ Каспійскому морю, гдѣ на островѣ Челекенѣ пріютились его сородичи. Чрезъ нихъ онъ вошелъ въ сношенія съ русскимъ начальникомъ Астрабадской станціи, котораго просилъ ходатайствовать о принятіи туркменъ въ подданство Россіи, а также о разрѣшеніи имъ поселиться въ Балханскихъ горахъ, возлѣ Красноводскаго

залива. Наше правительство, получивъ такое ходатайство, отклонило просьбу о подданствѣ, въ виду отдаленности края.

Покончивъ съ туркменами и будучи обезпечена со стороны Бухары, подвергшейся разгрому отъ русскихъ и потерявшей Самаркандъ, Хива возмнила о себѣ, что только она въ состояніи еще бороться съ Россіей. Неудача походовъ—Бековича въ 1717 и Перовскаго въ 1839 г., зыбучіе пески и безводныя пустыни, отдѣлявшія Хиву отъ русскихъ, вселяли въ хана увѣренность въ своей недоступности. Поэтому онъ безстрашно ввязался въ политику приключеній, сходившей ему и его предшественникамъ благополучно съ рукъ въ теченіе двухъ столѣтій, несмотря на ничтожность ханства въ 400 тысячъ жителей. Начались нападенія на наши кучеческіе караваны, захватъ нашихъ купцовъ и проѣзжающихъ на почтовыхъ. Плѣнныхъ волокли въ Хиву, гдѣ главнымъ покупателемъ ихъ являлся самъ ханъ...

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Ташкентъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ написалъ хивинскому хану Мухамедъ-Рахиму письмо отъ 19 ноября 1867 г., въ которомъ извѣщалъ о своемъ назначеніи, о высочайшемъ полномочіи, ему дарованномъ, вести со всѣми сосѣдними ханами переговоры, объявлять войну и заключать миръ. Писалъ также о движеніи нашего отряда за Сыръ-Дарью для наказанія разбойниковъ, грабившихъ наши караваны. Повидимому, письмо это было понято, какъ заискиваніе со стороны генерала фонъ-Кауфмана, и хивинцы сразу приняли высокомѣрный тонъ.

Начать съ того, что двадцатилѣтній ханъ, занятый соколиной охотой, даже не отвѣтилъ самъ, а поручилъ это своимъ приближеннымъ. Отвѣтъ полученъ былъ только въ февралѣ 1868 г. и превзошелъ всякую мѣру. Хивинскій кошъ-беги, напримѣръ, писалъ такъ: „Каждый государь владѣетъ своей землей и народомъ, издавна ему подвластнымъ, и войско его не должно переходить границы, нарушая этимъ миръ. Однакоже, выраженіе ваше, что обѣ стороны Сыръ-Дарьи принадлежатъ вашему управленію, похоже на нарушеніе прежнихъ договоровъ, такъ какъ южная сторона Сыръ-Дарьи принадлежитъ намъ... Если на южной сторонѣ Сыръ-Дарьи разбойники будутъ безпокоить караваны, то усмиреніе ихъ мы беремъ на себя, а если будутъ нападать по ту сторону Сыръ-Дарьи, то это уже ваша забота“. Наведенныя въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ справки указали однакоже, что никакихъ договоровъ съ Хивою о границахъ не существуетъ, и что хотя хивинцы возбуждали вопросъ о границахъ во время пребыванія у нихъ посланника нашего Н. П. Игнатьева, но онъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса, сославшись на невозможность точнаго опредѣленія пограничной черты между государствами, окраины которыхъ населены только кочевниками.

Между тѣмъ, именно наши казалинскіе киргизы и кочуютъ зимой по Куванъ и Яны-Дарьямъ до озеръ Акчи-Куль, а на лѣто оставляютъ тамъ игинчей—хлѣбопашцевъ. Для прикрытія этихъ киргизъ, съ зимы 1867 года, мы стали высылать изъ Казалы и Перовска отряды къ Иркабаю и высылали вплоть до покоренія Хивы, т. е. до 1873 г. Внезапная перемѣна тона бухарскаго эмира, а затѣмъ начавшіяся военныя дѣйствія противъ него, а главное, воздержаніе Хивы отъ предложеннаго ему эмиромъ союза противъ Россіи—все это обусловливало нашу снисходительность по отношенію къ Хивѣ. Разгромъ бухарскихъ полчищъ и занятіе нами Самарканда не только не произвели на Хиву должнаго впечатлѣнія, но она какъ будто даже еще выше подняла голову, считая себя, и справедливо, единственною мусульманскою державою, которая до сихъ поръ еще не была бита русскими.

Да и вообще чужая бѣда здѣсь никому не служитъ предостереженіемъ. Вѣра ли это въ предопредѣленіе или въ численное превосходство мусульманъ въ Средней Азіи, но только постояннымъ явленіемъ надобно считать разрозненныя и дерзкія попытки потягаться съ нами самыхъ мелкихъ даже, полунезависимыхъ владѣтелей: проучили мы Коканъ,—тотчасъ ввязывается Бухара; разгромили Бухару—тотчасъ являются на сцену шахрисябзскіе беки, за ними подымаютъ оружіе противъ насъ даже какія-то ничтожности, вродѣ кштутскаго и магіанскаго бековъ. Всѣ, недовольные самаркандскимъ миромъ, стекаются въ Хиву; простые разбойники, какъ Исетъ-Кутебаровъ, всѣ партизаны, прикрывавшіе до сихъ поръ свои разбои знаменемъ бухарскаго эмира, каковы Сыддыкъ, Назаръ и т. п., наконецъ, всѣ измѣнники, каковы корнетъ Атамкулъ съ братьями,—все это бѣжало въ Хиву, гдѣ нашелъ себѣ надежный пріютъ и взбунтовавшійся сынъ бухарскаго эмира Катты-Тюря.

Въ концѣ 1868 г. къ г. Алисону, англійскому послу въ Тегеранѣ, явились два депутата отъ туркменъ рода Текке и Джемшиди съ просьбой о принятіи ихъ подъ покровительство Англіи, въ виду угрожающаго положенія Россіи и постояннаго движенія русскихъ впередъ. Посолъ уклонился отъ прямого отвѣта, но это не помѣшало ему увѣрить депутатовъ, что русскіе не посмѣютъ идти за Аму-Дарью; онъ же посовѣтовалъ туркменамъ составить союзъ изъ всѣхъ народовъ лѣваго берега, начиная съ Хивы, для чего прежде всего совѣтовалъ склонить на свою сторону сильный родъ Ирзари, считающій у себя до 50,000 кибитокъ.

Въ это время и Ширъ-Али-Ханъ, эмиръ афганскій, успѣлъ уже одолѣть своихъ родственниковъ, изъ коихъ двое: Искандеръ-Ахметъ-Ханъ, гератскій принцъ, и Абдурахманъ-Ханъ спаслись въ наши предѣлы. По совѣтамъ англичанъ, эмиръ задумалъ

образовать въ Средней Азіи обширный союзъ мусульманскихъ владѣтелей противъ Россіи. Свѣдѣнія о дѣятельной перепискѣ бухарскаго эмира съ Кашгаромъ, Коканомъ, Хивой и Афганистаномъ стекались къ намъ со всѣхъ сторонъ; однакоже союзъ этотъ не состоялся, но зато сильно подбодрилъ Хиву.

Съ весны 1869 г. началась и активная роль этого ханства, по отношенію къ Россіи. Въ это время вводилось у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства новое положеніе, зловредно перетолкованное султанами и муллами, а потому возбудившее противъ себя общее неудовольствіе киргизовъ. Положеніе совершенно устраняло султановъ отъ власти: киргизамъ предоставлялось выбирать себѣ правителей, кого хотятъ. Муллы назначались до этого уфимскимъ муфтіемъ, а теперь и они выбирались народомъ, утверждались же гражданскимъ начальствомъ. Многіе султаны прежде не смѣли и показываться въ степь безъ казачьяго конвоя, до того были ненавидимы своими подвластными за взятки и несправедливость. Начались безпорядки въ Тургайской и Уральской областяхъ. Самые дикіе изъ этихъ киргизовъ были адаевцы, ни во что не ставившіе и своего султана-правителя, не смотря на конвой изъ 150 казаковъ, который ему придавался для охраны и почета. Они управлялись теперь двумя „дистаночными,“ по назначенію оренбургскаго начальства. Въ 1869 г. оба они были вызваны въ Уральскъ, и тутъ имъ разъясняли основанія новаго положенія. Къ концу года они возвратились вмѣстѣ съ новымъ приставомъ подполковникомъ Рукинымъ (передъ тѣмъ онъ служилъ комендантомъ форта Перовскій). Пошли толки и слухи о небывалыхъ намѣреніяхъ русскаго правительства, напримѣръ: „вотъ васъ перепишутъ, да и засадятъ, гдѣ застали; строй тутъ село или городъ, а кочевать, переходить въ другой уѣздъ не смѣй; потомъ перемѣнятъ вѣру, а потомъ въ солдаты“... Къ тому же дистаночные Маяевъ и Калбинъ были врагами, и когда Маяевъ объявилъ въ своей дистанціи, что новое положеніе распространяется и на адаевцевъ, то Калбинъ тотчасъ же объявилъ противное. Тутъ еще и внушенія уфимскихъ *указныхъ*, т. е. назначенныхъ указами нашимъ же правительствомъ муллъ, а затѣмъ и подстрекательство хивинскихъ сборщиковъ податей, явившихся за сборами съ нашихъ киргизъ,—и началась кровавая расправа.

Прокламаціи хана и его министровъ наводнили степи. Сами такъ *называемые народные* дѣятели, какъ волостные управители и помощники уѣздныхъ начальниковъ, дѣйствовали весьма уклончиво. Да и чего можно было ожидать отъ такихъ, напримѣръ, какъ Исетъ-Кутебаровъ, вчерашній барантачъ и разбойникъ, а сегодня помощникъ иргизскаго уѣзднаго начальника! Правда, что и уѣздный-то начальникъ былъ Вогакъ... Въ самую горячую и тре-

вожную пору онъ уѣхалъ въ Оренбургъ и оттуда пишетъ себѣ предписанія своему помощнику; будто и въ самомъ дѣлѣ это въ порядкѣ вещей!

Хивинскіе зякетчи, прибывъ на границу, требуютъ къ себѣ Исета,—ѣдетъ съ какимъ-то Ніазомъ. Спрашиваютъ: „на чьей вы сторонѣ?“ — Отвѣчаетъ: „на обѣихъ“. Интересно, какъ бы отвѣтилъ его начальникъ Вогакъ, кинувшій уѣздъ наканунѣ возстанія?

Въ одной изъ перехваченныхъ прокламацій, скрѣпленныхъ печатью хивинскаго хана, говорилось о томъ, что границею ханства былъ сначала Уралъ, потомъ Эмба и что движеніе русскихъ за Эмбу есть прямое нарушеніе договоровъ, а потому-де „отдѣляйтесь отъ невѣрныхъ и разите ихъ мечемъ Ислама, а я посылаю вамъ войска“.

Безпорядки въ оренбургскихъ степяхъ, косвеннымъ образомъ, отражались и на Туркестанскомъ округѣ, отрѣзывая почтовое сообщеніе съ остальной Россіей. Въ апрѣлѣ 1869 г., бунтари захватили приказчика Бурнашева, съ двумя товарищами и съ вымѣненными имъ у киргизовъ 1000 баранами. Въ маѣ, шайка дикарей напала, въ 75 вер. отъ уральскаго укрѣпленія, на 14 человѣкъ мастеровыхъ, ѣхавшихъ въ Ташкентъ. Изъ нихъ убито 6 и взято въ плѣнъ 8; послѣдніе впрочемъ были впослѣдствіи возвращены Исетомъ въ Уральское.

Нѣсколько почтовыхъ станцій орско-казалинскаго тракта были сожжены, лошади угнаны, а казаки, охранявшіе станціи, сданы въ Хиву. На Буканскихъ горахъ, на половинѣ пути изъ Казалы въ Бухару, также были ограблены наши купцы: Кекинъ, Быковскіе и трое другихъ.

Въ Оренбургѣ рѣшено было построить на р. Уилѣ укрѣпленіе, чтобы пересѣчь путь киргизамъ барантачамъ. Для постройки двинутъ былъ изъ Илецкаго города къ уроч. Казбекъ отрядъ изъ 2 сот. уральскихъ казаковъ и 1 роты губернскаго баталіона, при 2 орудіяхъ; громадный обозъ съ матеріалами для будущихъ казармъ и инструментами значительно стѣснялъ движеніе. Отрядъ, подъ начальствомъ подполк. барона Штемпеля, выступилъ въ походъ 6-го мая 1869 г., а къ 20-му числу едва дошелъ къ озеру Джиты-Кулю. Здѣсь на отрядъ напали до 15,000 киргизъ, захватившихъ 13 подводъ; обозъ сталъ вагенбургомъ. Съ навѣтра, отъ озера Джаманъ-сая, киргизы пустили палъ. Обычное въ такихъ случаяхъ средство, то есть пустить палъ позади себя и перейти на выгорѣвшее мѣсто, такъ какъ непріятельскій палъ, дойдя до голаго мѣста, остановится,— употребить было нельзя по недостатку времени для перехода вагенбурга. Поэтому казаки выкосили траву впереди вагенбурга со всѣхъ сторонъ, а телѣги покрыли мокрою кошмой. 23-го числа киргизы двинулись на штурмъ вагенбурга; завязался рукопаш-

ный бой и киргизы были отбиты. Позже полк. графу Борху поручено было захватить одного изъ главарей бунта Амантая. Съ 70 казаками, гр. Борхъ сдѣлалъ въ 2 дня 200 верстъ и ночью врасплохъ напалъ на аулъ Амантая и захватилъ бунтаря.

Не имѣя пока возможности круто поступать съ Хивою, генералъ фонъ-Кауфманъ попытался вразумить ее путемъ дипломатическихъ сношеній. Писалъ онъ хану два раза: 12-го августа и 20-го сентября 1869 г. Указывалъ на горькую участь, постигшую Коканъ и Бухару, благодаря подобному же поведенію ихъ, но все было тщетно. Ханъ даже не отвѣчалъ на эти письма. Нарочный, возившій первое письмо изъ Перовска, весьма толковый киргизъ, предназначавшійся въ волостные старшины, султанъ Давлетъ Бушаевъ, прибылъ въ Хиву на 14-й день и былъ встрѣченъ народомъ радостными криками „ильчи, ильчи“ (посолъ). Очевидно, что прекращеніе караваннаго движенія тяжело ложилось на народъ. Но въ разговорахъ съ министрами хана, Бушаевъ не стѣснялся высказывать свое мнѣніе и, напримѣръ, на вопросъ кушъ-беги *): „что думаютъ русскіе о Сыддыкѣ?“—отвѣчалъ, что у насъ его считаютъ своимъ проводникомъ: куда бы онъ ни явился, всюду привлекаетъ за собою русскихъ, которые и забираютъ города, порученные защитѣ Сыддыка; такъ коканцы обязаны ему потерей всѣхъ городовъ, отнятыхъ у нихъ Черняевымъ и Романовскимъ, бухарцы поплатились уже Самаркандомъ, „а теперь онъ у васъ“,—заключилъ Бушаевъ. За это у нашего гонца было отобрано оружіе и къ саклѣ его приставленъ караулъ. Такъ просидѣлъ онъ 3 мѣсяца.

Между тѣмъ волненія въ оренбургскихъ степяхъ все разрастались. Изъ-подъ Уральскаго и Эмбенскаго укрѣпленій были угнаны всѣ пасшіяся казенныя и казачьи лошади. Слухи о движеніи хивинскихъ войскъ становились все настойчивѣе. Въ виду всего этого, войска Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ были подчинены, ради единства дѣйствій, особо назначенному штабъ-офицеру и, наконецъ, изъ Казалинска и Джизака высланы были два рекогносцировочныхъ отряда: первый къ Яны-Дарьѣ, а второй къ Буканскимъ горамъ. Первый имѣлъ назначеніемъ загородить собою сыръ-дарьинскіе форты отъ Сыддыка, собиравшаго партію на Дау-Карѣ, а второй грозилъ его тылу, въ случаѣ выступленія къ Сыръ-Дарьѣ, и сверхъ того долженъ былъ произвести маршрутную съемку путей въ Хиву изъ Джизака, уже помѣченнаго, какъ починный пунктъ, и наконецъ произвести разграниченіе съ Бухарою. Отрядъ этотъ изъ двухъ надежныхъ уральскихъ сотенъ и съемочною партіей, подъ начальствомъ маіора Бергбома, выступилъ 25-го октября изъ Джизака, а воротился 22-го ноября, сдѣлавъ въ холодное время (морозы дохо-

*) Управляющій сѣверною частью ханства, онъ же главнокомандующій.

дили до—14° R) безъ кибитокъ на ночлегахъ, съ однѣми кошмами, до 800 верстъ. Помощникъ начальника этого отряда, ротм. Терентьевъ, составилъ подробную этнографическую карту междурѣчья и путей въ Хиву.

Провѣдавъ о движеніи этихъ отрядовъ, хивинскій ханъ тотчасъ же остановилъ всѣ приготовленія Сыддыка и хотѣлъ было отпустить нашего гонца, но тутъ подоспѣла киргизская депутація, во главѣ которой стояли наши бѣглые Азбергень и Канали, съ богатыми подарками для молодого хана, страстнаго охотника: 50 соколовъ, 100 иноходцевъ, 100 верблюдовъ и 50 бѣлыхъ войлоковъ. Киргизы просили его не сдаваться на требованія русскихъ, чтобы такою уступчивостію не уронить своего достоинства и не повредить дѣлу киргизовъ. „Мы воевали съ русскими по твоему ханскому приказу и за то лишились своихъ земель и народа, которымъ управляли; у насъ остались однѣ головы“. Ханъ было и послушался, даже принялъ противъ нашего гонца крутыя мѣры, такъ какъ двое джигитовъ послѣдняго бѣжали тайно изъ-подъ караула. Уже къ Бушаеву часовымъ поставленъ былъ палачъ, а это признакъ близкой расправы! Но тутъ получилось извѣстіе о высадкѣ кавказскихъ войскъ въ Красноводскѣ... Страшный часовой былъ снятъ, и Бушаева вслѣдъ затѣмъ отпустили.

Занятіе Красноводскаго залива было рѣшено, въ видахъ оказанія содѣйствія, въ случаѣ нужды, Туркестанскому военному округу. Совершилось это въ концѣ 1869 года, небольшимъ отрядомъ полковника генеральнаго штаба Столѣтова, которому предписано было, впрочемъ, отнюдь не вовлекаться въ военныя дѣйствія и даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, до послѣдней крайности, избѣгать враждебныхъ столкновеній съ сосѣдями, а заняться главнымъ образомъ изслѣдованіями края и въ особенности путей въ Хиву.

Отрядъ Столѣтова состоялъ изъ 5 ротъ и $1^1/_2$ сотни, команды саперъ и 16 орудій (изъ нихъ 8 горныхъ). Недостатокъ прѣсной воды заставилъ перейти изъ Красноводска на 150 в. впередъ къ Балханскимъ горамъ, а пристань перенести въ Михайловскій заливъ, въ 40 верстахъ отъ новой стоянки. Тутъ на берегу устроено укрѣпл. Михайловское, да на половинѣ пути отряда къ Балханамъ въ 20 верстахъ еще укрѣпленіе на уроч. Мулла-Кари.

Такимъ образомъ вмѣсто одного укрѣпленія выросло четыре, и потому отрядъ былъ усиленъ 2 ротами и 1 сотней.

Высадка Столѣтова произвела въ Хивѣ весьма сильное впечатлѣніе. Степные вѣстовщики-хабарчи обыкновенно преувеличиваютъ и прикрашиваютъ цвѣтами фантазіи полученное откуда-нибудь извѣстіе и летятъ сообщать новость въ ближайшую кочевку, разсчитывая на щедрое угощеніе, пропорціональное важ-

ности вѣсти. Немудрено, что въ Хивѣ скромный красноводскій отрядъ выросъ до готовой экспедиціи, пожалующей не сегодня—завтра въ гости. „Кто такой Столѣтъ? Неужли ему 100 лѣтъ? Бековичемъ пахнетъ!“ Переполохъ вышелъ огромный. Первымъ дѣломъ рѣшено завалить колодцы, такъ какъ кочевники уже ушли на зимовки—киргизы къ Хивѣ, а туркмены къ Атреку, и вотъ по дорогѣ къ Кизылъ-Су, т. е. къ Красной водѣ, посланы конныя партіи съ собаками, предназначенными изгадить своими трупами глубокіе колодцы, зарывать которые было или трудно, или жаль. Только колодезь Сагжа пощаженъ на время, но къ нему приставленъ конный пикетъ, чтобы испортить его только при появленіи русскихъ. Въ самой Хивѣ выстроили новую цитадель, въ видѣ огромной башни съ 20 пушками. Главный протокъ Аму-Дарьи, Талдыкъ, загражденъ плотиною и разведенъ по арыкамъ, чтобы русскіе пароходы не могли пробраться вверхъ. Близъ мыса Урге на Аральскомъ морѣ выстроена новая крѣпость Джанъ-Кала: другое укрѣпленіе начали строить на урочищѣ Кара-Тамакъ. Бѣжавшіе сюда оренбургскіе киргизы освобождены отъ податей, но зато обязались выставить по одному джигиту съ каждыхъ двухъ кибитокъ. Для поддержанія бодрости духа своихъ будущихъ ополченій, ханъ воспользовался пріѣздомъ какого-то турецкаго ефенди и выдалъ его за турецкаго посла, предлагающаго союзъ и помощь Турціи. На самомъ дѣлѣ это былъ дѣйствительно агентъ турецкаго правительства, но присланъ былъ только съ просьбой освободить персидскихъ рабовъ, чтобы расположить Персію, которая будто бы потому и не помогаетъ ни бухарцамъ, ни хивинцамъ, что ихъ подданные безпрерывно вторгаются въ ея предѣлы, забираютъ плѣнныхъ и продаютъ ихъ въ рабство.

Въ это же время прибылъ въ Хиву и бухарскій посолъ съ извѣстіемъ о покореніи эмиромъ Гиссара и жестокой расправѣ съ жителями:

—„Семь дней рѣзали мужчинъ и три дня дѣтей въ люлькахъ“.

Эмиръ писалъ, что онъ заключилъ миръ съ русскими, но что это только хитрость и что онъ никогда не забудетъ главной заповѣди корана: „уничтожай невѣрныхъ“, а потому тотчасъ примется за дѣло, какъ только придетъ время!

Получивъ оффиціальное увѣдомленіе о красноводской высадкѣ, персидскій шахъ написалъ собственноручно записку тогдашнему послу нашему, д. с. с. Бегеру, отъ 4 декабря, и просилъ исходатайствовать у государя удостовѣреніе, что укрѣпленіе Красноводска имѣетъ цѣлію т о л ь к о развитіе торговли съ Туркестаномъ, какъ ему объявлено, и что русскіе не будутъ вмѣшиваться въ дѣла туркменъ, кочующихъ по берегамъ Гургеня и Атрека, а также не будутъ строить никакихъ укрѣпленій, ни по берегамъ этихъ рѣкъ, ни въ устьяхъ ихъ. Бегеръ телеграфировалъ объ этой просьбѣ нашему министру иностранныхъ дѣлъ и получилъ

въ отвѣтъ, что „императорское правительство признаетъ владычество Персіи до Атрека и, слѣдовательно, не имѣетъ въ виду никакихъ укрѣпленій въ этой мѣстности".

Отвѣтъ этотъ былъ сообщенъ шаху 13 декабря и произвелъ такое благопріятное впечатлѣніе, что шахъ, на третій же день, разрѣшилъ нашимъ купеческимъ пароходамъ входить въ Мурдабъ и Энзели, наравнѣ съ парусными судами, чего наши дипломаты тщетно добивались нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Чтобы дать понять хивинскому хану, что занятіе Красноводска предпринято въ связи съ общими нашими мѣропріятіями для умиротворенія Средней Азіи генералъ фонъ-Кауфманъ написалъ, 18 января 1870 г., новое письмо хану, уже въ болѣе суровыхъ выраженіяхъ, причемъ напомнилъ, что „я трижды вамъ писалъ, но ни на одно письмо не получилъ отъ васъ отвѣта; вы даже позволили себѣ, вопреки всякому праву, задерживать послѣднихъ посланныхъ моихъ... Подобный образъ дѣйствій не можетъ быть болѣе терпимъ. Одно изъ двухъ: или мы будемъ друзьями, или мы будемъ врагами,—другой середины нѣтъ между сосѣдями". Далѣе хану совѣтовалось отвѣчать согласіемъ на предъявленныя прежде требованія, ибо „всякому терпѣнію есть конецъ, и если я не получу удовлетворительнаго отвѣта, то возьму его".

Черезъ мѣсяцъ возвратился, наконецъ, Бушаевъ и привезъ два письма: одно отъ диванъ-беги (вродѣ минист. иностр. дѣлъ), другое отъ кушъ-беги. Оба они только отписывались, а плѣнныхъ нашихъ соглашались отпустить лишь въ томъ случаѣ, если русскимъ войскамъ запрещено будетъ переходить границы и если киргизамъ будетъ уплачено за расчебаренное у нихъ имущество. 25 марта Кауфманъ снова написалъ письмо уже диванъ-беги, высказывая удивленіе по поводу уклоненія хана отъ непосредственныхъ сношеній. Снова было повторено, что гдѣ кочуютъ наши подданные киргизы, тамъ и земля наша,—значитъ, по Яны-Дарьѣ до озера Акчи-Куль. Буканскія же горы и весь путь отъ Красныхъ песковъ (Кизилъ-Кумъ) до моста Иркибая на Яны-Дарьѣ отошелъ къ намъ по мирному договору съ Бухарой, и потому никто, кромѣ насъ, не долженъ собирать здѣсь зякетъ съ купеческихъ каравановъ. Затѣмъ въ пятый разъ повторялось требованіе освободить всѣхъ, увезенныхъ въ Хиву русскихъ подданныхъ, прекратить покровительство нашимъ мятежникамъ и предоставить нашимъ купцамъ, на началахъ взаимности, тѣ же права, какими пользуются хивинскіе въ Россіи.

14 апрѣля полученъ былъ отъ кушъ-беги отвѣтъ на письмо отъ 18 января по поводу занятія Красноводска. „Съ основанія міра,—писалъ хивинецъ,—и до сихъ поръ, не было еще такого примѣра, чтобы одинъ государь, для спокойствія другого и для благоденствія чужихъ подданныхъ, устраивалъ на границѣ крѣ-

пость и посылалъ свои войска... Нашъ государь желаетъ, чтобы Бѣлый Царь, по примѣру предковъ, не увлекался обширностью своей имперіи, Богомъ ему врученной, и не искалъ чужихъ земель: это не въ обычаѣ великихъ государей. Если же, надѣясь на силу своихъ войскъ, онъ захочетъ идти на насъ войною, то предъ Создателемъ неба и земли, предъ великимъ Судіею всѣхъ земныхъ судей,—всѣ равны: и сильный, и слабый. Кому захочетъ, тому и дастъ Онъ побѣду... Ничто не можетъ совершиться противъ воли и предопредѣленія Всевышняго".

Видя изъ тона письма, что обаяніе Красноводскаго отряда уже ослабѣло и что наша настойчивость и угрозы, безъ поддержки ихъ вооруженною рукою, ничего не стоятъ въ глазахъ хивинцевъ, генералъ Кауфманъ представилъ военному министру свои соображенія относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ Хивы со стороны Туркестана и Кавказа, чтобы рѣшительнымъ ударомъ низвести Хиву съ того пьедестала, на которомъ она стоитъ, кичась своею недоступностію и нашими прежними неудачными попытками вразумить ее. Эти соображенія удостоились высочайшаго одобренія. Тѣмъ временемъ, весною этого года, Столѣтовъ произвелъ рекогносцировку Балханскихъ горъ въ 150 верстахъ отъ мѣста высадки и выбралъ здѣсь, у небольшого источника прѣсной воды Ташъ-Арватъ-Кала, мѣсто для отряда, куда и перевелъ его. Но войска не могли здѣсь развести огородовъ, все надо было привозить съ Кавказа, и все это иногда сильно запаздывало, по непостоянству и капризности сообщеній моремъ.

Къ зимѣ открылась цынга... Множество казачьихъ лошадей пришли въ негодность. Хивинскіе караваны не идутъ... Надежды, возлагавшіяся на Красноводскъ, не сбылись.

Всѣхъ туркменъ считалось до 225 т. кибитокъ, или болѣе милліона душъ. Въ предѣлахъ Персіи, между Атрекомъ и Гургенемъ жили постоянно только земледѣльцы (называемые чомра), а кочевники—чарва къ сѣверу отъ Атрека. Это и были ближайшіе сосѣди Красноводскаго отряда.

20 октября, утромъ текинцы напали на укр. Михайловское, гдѣ стояла всего одна рота. Нападеніе было отбито съ потерей 3 чел. убитыми и 4 ранеными.

Столѣтовъ, собиравшійся идти на Атрекъ, рѣшился сначала наказать текинцевъ и двинулся къ Кизилъ-Арвату съ 3 ротами, 2 сотнями и 3 орудіями (700 чел., 300 лош., 670 верблюдовъ) 30 ноября. Въ 10 дней сдѣлалъ 200 верстъ, дошелъ до Кизилъ-Арвата, не нашелъ тамъ ни единаго человѣка и вернулся ни съ чѣмъ.

Для рекогносцировки пути отъ Ташъ-Арватъ-Кала до Сары-Камыша, т. е. до границы Хивы, посланъ былъ шт. ротмистръ Скобелевъ съ 3 казаками и 3 туркменами. Онъ прошелъ до кол.

Узунь-Кую, болѣе 400 в., и произвелъ маршрутную съемку въ оба пути.

Это смѣлое предпріятіе не нашло подражателей и послѣдующія рекогносцировки производились огромными отрядами, стоившими громадныхъ денегъ, истребившими массу верблюдовъ, разорившими туркменъ, посѣявшими страшную вражду къ намъ этихъ дикарей и погубившими походъ на Хиву кавказцевъ.

Между тѣмъ безпорядки въ Оренбургскихъ степяхъ шли своимъ чередомъ. Отсутствіе энергіи, а главное, знанія характера дикарей и сообразительности въ разныхъ приставахъ и уѣздныхъ начальникахъ испортили дѣло новаго положенія въ самомъ корнѣ. Дерзость киргизовъ росла по мѣрѣ развитія смиренномудрія въ этихъ русскихъ народоправителяхъ.

Изъ Оренбурга двинуты были нѣсколько отрядовъ: графа Борха, Круторожина, Комаровскаго, Штемпеля и Рукина, который долженъ былъ соединиться со Штемпелемъ на р. Уилѣ. Это соединеніе не состоялось, потому что съ Рукинымъ, подъ конвоемъ 3 сотенъ, шелъ д. ст. сов. Юрковскій для разъясненія киргизамъ новаго положенія. Этотъ доблестный гражданинъ нашелъ конвой слишкомъ слабымъ и увелъ его назадъ на линію, гдѣ подалъ рапортъ о болѣзни и уѣхалъ въ Оренбургъ.

Киргизы напали на Штемпеля, отбили 13 подводъ съ продовольствіемъ и заставили отступить къ г. Калмыкову. Сюда же направленъ былъ и Рукинъ. Отряды были усилены и киргизы наконецъ смирились. Войска построили два укрѣпленія: Акъ-Тюбинское и Уильское при усердной помощи самихъ киргизовъ, вчерашнихъ бунтарей...

Наконецъ, 2 февраля 1870 г., Мангышлакское приставство было присоединено къ кавказскому намѣстничеству, а въ началѣ марта приставъ подполковникъ Рукинъ, по порученію еще уральскаго губернатора отправился съ двумя офицерами и 40 казаками вводить ненавистное дикарямъ положеніе у адаевцевъ, извѣстныхъ своею необузданностію и дикостью, а кстати и разорить на Усть-Уртѣ аулъ извѣстнаго разбойника Мынбая Аджибаева.

Отрядъ этотъ былъ окруженъ киргизами 25 марта, въ ста верстахъ отъ форта Александровскаго. Рукинъ вступилъ въ переговоры, принялъ приглашеніе перейти съ офицерами въ толпу почетныхъ киргизъ для чаепитія, затѣмъ, по просьбѣ вѣроломныхъ дикарей, приказалъ казакамъ сложить оружіе въ кучу, а то киргизы боятся, какъ бы чего не вышло... Казаки, видя своего начальника и офицеровъ какъ бы въ плѣну, отказались исполнить такое глупое приказаніе, такъ какъ отлично знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и держали ухо востро. Рукинъ пригрозилъ имъ разстрѣляніемъ за неповиновеніе въ военное время... Скрѣпя сердце, казаки послушались и сложили оружіе, а киргизы по-

крыли его кошмами... Немного спустя, они, по условному знаку, навалились сверхъ кошемъ, чтобы казаки не могли вытащить изъ подъ нихъ ружей, въ то же время налетѣла засада и частью перебила, частью забрала въ плѣнъ казаковъ. Рукинъ, поздно сознавъ свою преступную глупость, застрѣлился... Въ миніатюрѣ здѣсь повторена была отъ а до z вся трагедія Бековича Черкасскаго. Ничего не читаютъ, ничего не знаютъ эти господа!

Вслѣдъ затѣмъ киргизы напали 3 апрѣля на Александровскій фортъ, разграбили армянскій базаръ, сожгли Николаевскую станицу и прибрежные маяки; 6-го штурмовали фортъ, 8-го заняли сады у форта. Весьма возможно, что безъ содѣйствія съ Кавказа названный фортъ, съ его 14 орудіями, былъ бы взятъ. Присланный съ Кавказа отрядъ, подъ начальствомъ полковника графа Кутайсова, прибылъ на пароходѣ 9-го числа; онъ состоялъ изъ одного стрѣлковаго баталіона, 2-хъ стрѣлковыхъ ротъ, 2-хъ линейныхъ, 6 сотенъ и 4 орудій. Киргизамъ не давали уже ни отдыха, ни срока и къ концу апрѣля мѣсяца 5,000 кибитокъ покорились и приняли новое положеніе.

Все-таки взятаго съ Рукинымъ хорунжаго Ливкина и пятерыхъ казаковъ киргизы продали хивинскому хану, который и взялъ ихъ въ лакеи. Эсаулъ Логиновъ остался у киргизовъ, а Маяевъ былъ изрубленъ...

Изъ Оренбурга и Гурьева тотчасъ двинуты были подкрѣпленія къ степнымъ отрядамъ, а на Эмбу прибылъ и самъ Крыжановскій.

Гурьевскій отрядъ, поступившій, за болѣзнью прежняго начальника, капит. 1-го ранга Тверитинова, подъ команду подполк. ген. штаба Саранчова, напалъ 18 іюня у озера Масше на адаевцевъ, вѣроломно напавшихъ на Рукина, и отбилъ у нихъ до 3 тыс. головъ скота. Адаевцы изъявили покорность и представили Саранчову эсаула Логинова, двухъ казаковъ и 4-хъ поселенцевъ изъ-подъ форта Александровскаго. 7 іюля, Саранчовъ двинулся къ морю на джеменѣевцевъ, которые бросили на берегу дѣтей, верблюдовъ и вьючныхъ лошадей, а сами спаслись на острова. Лошади завязли въ илѣ. Очутившись безъ всякихъ припасовъ, киргизы сдались, выдали плѣнныхъ и все награбленное на армянскихъ базарахъ подъ ф. Александровскомъ.

Изъ другихъ отрядовъ заслуживаетъ упоминанія еще отрядъ подп. Байкова. Оставивъ тяжести на р. Чеганѣ, Байковъ съ ротой стрѣлковъ и 2 сотнями казаковъ выступилъ 28 іюня къ Чинку. Въ 23 дня, безъ дневокъ, прошелъ до 500 верстъ съ большими лишеніями по безводности песковъ Асмантай-Матай и Самъ, разчебарилъ кочевниковъ, отбилъ множество скота, который впрочемъ частью погибъ, частью былъ брошенъ, и наконецъ, воротился на р. Чеганъ. 21 іюля онъ перешелъ къ оз. Чушка-куль съ первымъ эшелономъ и послалъ назадъ 130 верблюдовъ, подъ прикры-

тіемъ 6 казаковъ и 14 донскихъ артиллеристовъ съ гладкостволь-ными пистолетами. 25 числа на эту команду напали киргизы у мыса Чиграя (выступъ Чинка). Казаки уложили верблюдовъ въ каре и связали имъ ноги. Одинъ донецъ Волошенковъ поскакалъ на Чеганъ за помощью. Киргизы были въ кольчугахъ и лѣзли пѣшими... Лаучи передались непріятелю... Видя, что пистолетныя пули наши не берутъ, казаки стали вырывать пики изъ рукъ киргизовъ и этимъ оборонялись... Трое нашихъ было убито, а 15 ранено... Тутъ подоспѣла помощь съ р. Чегана и киргизы ускакали. Байкову, вмѣсто нагоняя, подчинили еще часть отряда генерала Бизянова, котораго отозвали въ Оренбургъ, за то, что онъ не дошелъ до уроч. Мынъ-Су-Алмазъ и отклонился къ Сагызу, открывъ Эмбу... Байкову предписано употреблять оружіе только по указанію начальника уѣзда. Но Байковъ двинулся на р. Сагызъ и, не смотря на увѣренія уѣзднаго начальника, что тамъ сидятъ мирные, расчебарилъ ихъ. Его отозвали, предали суду и сослали на поселеніе...

Чиграйскіе герои заслуживаютъ внесенія въ лѣтописи исторіи: уральскихъ казаковъ было 3—Любимовъ, Соколовъ и Халимовъ за переводчика; донскихъ 14: фейерверкеръ Коржовъ, и казаки—Волошенковъ, Карташевъ, Богомазовъ, Кирѣевъ, Ерофѣевъ, Чеботаревъ, Кружилинъ, Кашлыковъ, Пономаревъ, Куликовъ, Сафроновъ, Моисѣевъ и Косоножкинъ; фамиліи 3-хъ оренбургскихъ казаковъ неизвѣстны.

Всѣ оставшіеся въ живыхъ награждены знаками отличія военнаго ордена. Волошенковъ сверхъ того, произведенъ въ урядники а Коржовъ въ хорунжіе.

Расправа съ Хивой назначена была въ 1871 г. средствами Туркестанскаго округа; Кавказскій же и Оренбургскій должны были выслать отряды—первый на Устъ-Уртъ, второй въ Барсуки чтобы сдержать кочевниковъ отъ вмѣшательства, а съ нашей стороны изъ киргизовъ организовались партизанскія партіи, которымъ предстояло не допускать хивинцевъ въ наши предѣлы. Но вслѣдствіе разрыва съ Кульджею, Хива отошла на второй планъ, хотя съ нею и велись еще переговоры, но черезъ бухарскаго эмира, такъ какъ Кауфманъ не хотѣлъ болѣе ронять своего достоинства, систематически игнорируемый ханомъ.

Въ маѣ 1871 года, полусотня оренбургскихъ казаковъ, подъ командой эсаула Агапова, была послана изъ отряда полк. Саранчева конвоировать отрядную кухню, шедшую обыкновенно впереди для заблаговременнаго приготовленія обѣда. Въ пескахъ Агаповъ наткнулся на партію киргизовъ, сопровождавшихъ отбитый ими табунъ лошадей. Бросивъ кухню на волю Божію, Агаповъ ударилъ съ казаками на барантачей, отбилъ табунъ и преслѣдо-

валъ киргизъ до 60 верстъ; но въ пылу успѣха не замѣтилъ, что далеко обогналъ свою команду и занесся съ тремя казаками въ самую гущу враговъ. Увидавъ, наконецъ, что онъ окруженъ непріятелемъ, Агаповъ, самъ-четвертъ, спѣшился и открылъ огонь... Киргизы отхлынули и наши удальцы отсидѣлись: вскорѣ прискакали остальные казаки на своихъ изморенныхъ лошадяхъ и выручили своего командира.

Преувеличенное уваженіе дикарей къ винтовкѣ, въ этомъ случаѣ, спасло Агапова. Иначе относятся киргизы къ саблѣ: 21 апр. 1870 г., начальникъ мангышлакскаго отряда возвращался къ освобожденному имъ Александровскому форту съ 57 всадниками Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка; въ 12 верстахъ отъ форта на нихъ напала толпа адаевцевъ; черкесы ударили въ шашки и пробились, но потеряли 24 человѣка.

Въ Красноводскѣ въ этомъ году произошла перемѣна: сильное развитіе болѣзненности побудило главнокомандующаго кавказскою арміею командировать туда нач. штаба генерала Свистунова, который нашелъ, согласно, впрочемъ, и мнѣнію самого Столѣтова, что на зиму отрядъ непремѣнно надо будетъ вывести съ Балханскихъ горъ. Предположеній же своихъ о будущихъ дѣйствіяхъ Столѣтовъ сообщить Свистунову не пожелалъ, пока ему не объявятъ категорически: будетъ ли въ скорости предпринятъ походъ на Хиву со стороны Красноводска. Самъ Столѣтовъ настаивалъ, что походъ не слѣдуетъ откладывать позже осени этого, т. е. 1871 года, увѣряя, что справится съ Хивой съ отрядомъ въ 1,100 челов., 300 коней и 6 горныхъ орудій, но что очищая Балханы, мы утратимъ возможность добывать верблюдовъ отъ кочующихъ въ сосѣдствѣ туркменъ. Походъ изъ Красноводска значительнаго отряда Столѣтовъ считалъ дорогимъ и труднымъ предпріятіемъ и потому полагалъ, что главная роль въ расправѣ съ Хивой должна быть предоставлена туркестанскимъ войскамъ, а кавказскія могутъ сдѣлать съ успѣхомъ только одну диверсію. (Столѣтовъ Кауфману, 20 января 1871 г.).

Неудачный ли выборъ мѣста подъ укрѣпленіе, выказанная ли Столѣтовымъ самонадѣянность, неимѣніе ли имъ вполнѣ разработаннаго плана военныхъ дѣйствій, о чемъ можно было судить по нежеланію его сообщить такой планъ начальству, или наконецъ, какія-либо особенности его характера и привычекъ,—неизвѣстно, что именно повліяло, и что именно доложилъ Свистуновъ главнокомандующему, — но только Столѣтовъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ подполковникъ генер. штаба Маркозовъ.

Прежде чѣмъ очистить позицію у Балханъ, ему приказано было воспользоваться выдвинутымъ положеніемъ отряда и произвести рекогносцировку пути къ хивинской границѣ, а затѣмъ перейти на югъ, къ р. Атреку.

Отнявъ силою верблюдовъ у туркменъ, Маркозовъ двинулся, въ сентябрѣ, къ хивинскимъ предѣламъ на Саракамышъ и черезъ мѣсяцъ дошелъ до колодца Декча, гдѣ начинался уже Хивинскій оазизъ. Хивинскій ханъ только что передъ тѣмъ охотился въ окрестностяхъ названнаго колодца, когда наши войска подходили къ Саракамышу. Можно представить, какъ онъ былъ перепуганъ и какъ онъ скакалъ въ Хиву, сѣя по дорогѣ тревогу! Наскоро стали собирать ополченіе и, наконецъ, двинули къ Декча конный сбродъ. Сбродъ этотъ, конечно, не засталъ уже русскихъ, которые воротились къ Балханамъ. Хивинцы же увѣряли, что они „прогнали невѣрныхъ“.

Обратный путь потребовалъ также мѣсяца времени. Снявъ посты на Балханахъ, Маркозовъ выступилъ на Атрекъ къ Чекишляру и прибылъ сюда 24 ноября.

Одновременно съ движеніемъ Маркозова, двинулся и со стороны Туркестана отрядъ генерала Головачева отъ Джизака, чрезъ Буканскія горы. И такъ оба отряда дошли до границы Хивы, и это сильно всполошило ханскихъ приспѣшниковъ. Прежняя увѣренность въ своей недосягаемости, какъ видно, поколебалась. На совѣщаніяхъ у хана почти всѣ его главари признали, что если только русскимъ удастся пройти пустыни, охраняющія Хиву, то ужъ нечего и думать о какомъ бы то ни было сопротивленіи, тѣмъ болѣе, что ополченія своего Хива долго держать въ сборѣ не можетъ по недостатку хлѣба. Рѣшено было отправить къ русскимъ пословъ, которые бы могли высмотрѣть, что нужно, протянуть время и поторговаться: нельзя ли отдѣлаться подешевле. Все-таки къ Кауфману посылать не хотѣли: смиренный и нѣсколько зависимый тонъ азіатскаго посла, чувствующаго себя въ рукахъ того, къ кому посланъ, какъ будто уже не шелъ къ нимъ послѣ массы невѣжливостей, которыя они себѣ позволили по отношенію къ Кауфману.

Пословъ снарядили къ намѣстнику Кавказа и къ оренбургскому генералъ-губернатору. Былъ же такой случай, что противъ одного сосѣдняго генералъ-губернатора азіатскіе дипломаты просили помощи у другого, можетъ быть, разсчитывая на ихъ соперничество и, понятно, мѣряя по своей мѣркѣ: здѣсь нерѣдкость встрѣтить бековъ, отлагавшихся отъ своихъ повелителей. На этотъ разъ хивинцы жаловались Кавказу и Оренбургу на Кауфмана, высказывали тѣ же притязанія на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи и грозили, что плѣнныхъ не выдадутъ, пока вопросъ о границахъ не будетъ улаженъ путемъ новаго договора. Какую еще грамоту везъ Баба-Назаръ-Аталыкъ и къ высочайшему двору, осталось неизвѣстно, такъ какъ посолъ былъ задержанъ въ Оренбургѣ по распоряженію министерства иностранныхъ дѣлъ. Другой посолъ Магометъ-Аминъ также былъ задержанъ въ Темиръ-Ханъ-

Шурѣ. Обоимъ объявлено, что ихъ не допустятъ ни къ высочайшему двору, ни къ намѣстнику, не примутъ отъ нихъ никакихъ доводовъ, ни писемъ, пока плѣнные не будутъ освобождены, и пока не будетъ послано такое же посольство и къ Кауфману.

Видятъ хивинцы, что русскія власти сговорились и крѣпко стоятъ другъ за друга, но все-таки уступить не хотятъ и къ Кауфману на поклонъ не идутъ... Послали посольство въ Остъ-Индію...

Отвѣтъ новаго вице-короля заключался въ совѣтѣ смириться передъ Россіей, исполнить всѣ ея требованія, да и впредь не подавать ей никакихъ поводовъ къ неудовольствію. Совѣтъ этотъ Хива слышала еще въ 1840 г. отъ Аббота и Шекспира. Англичане хорошо понимаютъ, что, доведенная до крайности, Россія, наконецъ, рано или поздно раздавитъ Хиву и, безъ сомнѣнія, станетъ твердой ногою на Аму-Дарьѣ, а это отнюдь не можетъ быть желательно для Англіи.

Упрямство хивинцевъ точно возрастало по мѣрѣ препятствій, встрѣчавшихся ихъ посламъ. Плѣнныхъ они рѣшили возвратить только въ крайнемъ случаѣ, когда бѣда будетъ у нихъ на носу. Обоихъ пословъ, поэтому, мы выпроводили обратно, а начальникамъ нашихъ отрядовъ въ Закаспійскомъ краѣ предписано, во время предположенныхъ осеннихъ рекогносцировокъ (1872 г.), не принимать посланцевъ для переговоровъ, пока плѣнные не будутъ выданы. Очевидно, что рекогносцировки замышлялись не шуточныя, если полагали, что Хива начнетъ разговаривать...

Это дѣйствительно, была, такъ называемая, усиленная рекогносцировка, которая, въ случаѣ удачи, обращается въ штурмъ, рѣшительную аттаку, а при неудачѣ остается скромною развѣдкою...

Подготовляться къ ней красноводскій и чекишлярскій отряды стали еще въ іюнѣ 1872 г., когда еще не было извѣстно, чѣмъ кончатся переговоры съ Хивою. Маркозова торопили, чтобы онъ былъ готовъ возможно скорѣе и чтобы по первому приказу могъ нанести Хивѣ рѣшительный ударъ въ томъ пунктѣ и въ тотъ моментъ, которые будутъ указаны главнокомандующимъ. При этомъ погибель Хивы считалась кавказскимъ начальствомъ лишь вопросомъ времени. Въ предписаніи Маркозову отъ 1 іюля 1872 г. начальникъ штаба генералъ Духовской писалъ, напримѣръ, чтобы онъ не забирался далеко, а только хорошенько бы поколотилъ хивинцевъ и загналъ бы ихъ куда-нибудь, но самъ бы внутрь ограды города Хивы отнюдь не входилъ и города бы не штурмовалъ, пока ему не пришлютъ изъ Тифлиса на то разрѣшенія! А то дѣйствительно, какая же это будетъ въ самомъ дѣлѣ рекогносцировка? Въ умиленіе можно придти отъ такого удивительнаго предписанія... Стой у стѣнъ города и жди разрѣшенія

штурмовать его изъ Тифлиса! Раньше мѣсяца никакъ его не получишь...

Маркозовъ началъ рекогносцировку въ концѣ іюля, отнявъ, по прежнему, силою верблюдовъ у кочевниковъ... Всего тронулось изъ Красноводска и Чекишляра 12 ротъ и 2 сотни и 10 орудій. Колонны должны были сойтись у кол. Топіатанъ. Первымъ выступилъ изъ Красноводска эшелонъ маіора Мадчавариани изъ 4-хъ ротъ и 4-хъ орудій, 27 іюля, захватывая по дорогѣ всѣхъ верблюдовъ. Все-таки ихъ набрали такъ мало, что пришлось гонять ихъ взадъ и впередъ для перевозки вьюковъ на передовой колодезь. При такомъ способѣ эшелонъ полк. Клугена изъ 3-хъ ротъ и 4-хъ горныхъ орудій, при 100 верблюдахъ прошелъ разстояніе между колодцами Карызъ и Кошъ-Агверлы въ $10^1/_2$ верстъ, только въ 8 дней!

Оставивъ Клугена за старшаго въ Красноводскѣ, Маркозовъ поѣхалъ моремъ въ Чекишляръ и первымъ дѣломъ выслалъ двѣ роты добывать ворблюдовъ у колодцевъ Таганъ-Клычъ, Чухуруку и Бугдайли. Одна рота должна была занять эти колодцы, а другая шла въ облаву, загонять сюда чарву съ верблюдами, отъ Хивинскаго залива.

Маркозовъ распорядился при этомъ, какъ несмысленный младенецъ: провіанта далъ на 6 дней, а воды велѣлъ взять въ манерки!

Жара доходила до 50°. Рота, шедшая на колодцы съ юга, почти поголовно легла... Люди въ отчаяніи пили собственную мочу! Нашлось нѣсколько человѣкъ болѣе выносливыхъ, которые дошли до Гемюшъ-Тепе и принесли полумертвымъ товарищамъ воду... Другая рота, шедшая съ сѣвера, также почти вся легла, но кто-то случайно нашелъ колодезь. Рота спаслась и потомъ еще захватила 200 верблюдовъ. Вотъ и вся добыча этой злополучной экспедиціи, которая поэтому и не состоялась. Осенью ее рѣшено возобновить.

ГЛАВА V.

Осенняя рекогносцировка Маркозова 1872 года. Захватъ верблюдовъ у туркменъ. Дѣло у колодца Джемала. Разрѣшеніе идти на Хиву. Благовидные предлоги отступленія. Поворотъ къ текинцамъ. Разгромъ опустѣлыхъ Бами и Беурмы. Отрицательные результаты. Предположенія на 1873 годъ.—Съ трехъ сторонъ! — Пути въ Хиву со стороны Кавказа. — Усиленіе Мангышлакскаго отряда. Старанія Маркозова добыть верблюдовъ. Нарушеніе персидской границы маіоромъ Мадчаваріани. „Грустная необходимость“ повела за границу и Маркозова. Командировка въ Чикишляръ полк. Золотарева для осмотра верблюдовъ. Маркозовъ спѣшитъ уйти. Составъ отряда. Неудачно выбранный путь. Сборъ верблюдовъ на Мангышлакѣ. Измѣна бія Кафара. Призывные огни. Прокламація хивинскаго хана. Сотня Ракузы-Сущевскаго. Опѣшившая сотня подполк. Квинитадзе. Галушки вмѣсто сухарей. Кто первый убѣгаетъ подальше отъ русскихъ въ случаѣ безпорядковъ? Для Маркозова собрано къ февралю мѣсяцу только 522 верблюда. Причины неудачи: обманъ въ прошломъ году. Подробности снаряженія экспедиціи со стороны Каспія. Составъ Мангышлакскаго отряда. Спартанское пренебреженіе къ излишней роскоши. Инструкція Маркозову: не стѣсняйся. Проектъ главнаго штаба. Замѣчанія Кауфмана. Возраженія Крыжановскаго. Окончательный планъ похода.

Для изслѣдованія путей, ведущихъ въ Хиву со стороны р. Атрека, рѣшено было осенью 1872 года перевезти на судахъ часть Красноводскаго отряда въ укр. Чекишляръ, устроенное въ концѣ 1871 года *), откуда отрядъ долженъ былъ двинуться правымъ берегомъ Атрека, въ направленіи текинскихъ земель, изслѣдовать пути, ведущіе оттуда на сѣверъ, мимо Асхабада, къ Хивѣ и затѣмъ возвратиться чрезъ Кизилъ-Арватъ.

23-го августа отрядъ изъ 3-хъ ротъ 80-го пѣхот. Кабардинскаго полка былъ посаженъ на суда и 25-го высадился въ Чекишлярѣ. Тутъ оказалось, что отъ надежды на большой сборъ верблюдовъ слѣдовало отказаться. Персіяне распустили слухъ, что за Атрекомъ, на ихъ сторонѣ, туркмены могутъ быть совершенно покойны, такъ какъ русскіе идти туда не смѣютъ, и что если туркмены вздумаютъ перейти къ русскимъ, то на ихъ земли будутъ передвинуты курды и гокланы, а р. Гургень будетъ отведена къ югу. Къ этому еще присоединилось и то обстоятельство, что не задолго до прибытія отряда въ Хиву, ушелъ за хлѣбомъ кара-

*) Верстахъ въ 26 отъ устья Атрека. Море у берега весьма мелко. Суда останавливаются за нѣсколько верстъ; отсюда грузы переносятъ на туркменскія лодки, но и тѣ не доходятъ на версту до берега, и здѣсь ждутъ люди по колѣна въ водѣ для переноски грузовъ на берегъ.

ванъ съ 5,000 верблюдовъ отъ Серебрянаго бугра (Гемюшъ-Тепе). Это дало возможность туркменамъ помѣститься безъ стѣсненія между Гургенемъ и Атрекомъ со всѣмъ остальнымъ скотомъ и, сверхъ того, давало хивинцамъ возможность захватить тотъ караванъ, въ случаѣ если бы туркмены согласились служить намъ своими перевозочными средствами.

Какъ бы то ни было, но попытки войти съ заатрекскими туркменами въ добровольныя соглашенія относительно доставки верблюдовъ остались безуспѣшными. Тогда полк. Маркозовъ рѣшился дѣйствовать силою и къ 10 сентября успѣлъ захватить на лѣвой, то есть на персидской сторонѣ Атрека до 200 верблюдовъ. Такое нарушеніе, нами же самими назначенной границы, вызвало, конечно, должный отвѣтъ со стороны туркменъ: каждую ночь къ нашей цѣпи подкрадывались партіи заатрекской чарвы, и только крайняя бдительность часовыхъ спасала отрядъ отъ хищничества и убійствъ. Зато у нашихъ туркменъ чарва успѣла отбарантовать до 1,000 головъ овецъ.

Тогда полк. Маркозовъ обратился, чрезъ посредство начальника Астрабадской морской станціи, къ нашему консулу съ просьбою предложить мѣстнымъ персидскимъ властямъ принять мѣры къ возстановленію порядка за Атрекомъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, перейти Атрекъ и самолично расправиться съ разбойниками...

Невозможность добыть нужное количество верблюдовъ заставила измѣнить первоначальный планъ и двинуть отрядъ уже не отъ Чикишляра, а отъ Красноводска. Въ началѣ сентября выдвинутъ былъ изъ этого укрѣпленія отрядъ изъ 4-хъ ротъ (2 дагестанскія и 2 ширванскія) и 4 горныхъ орудій къ колодцу Топіатану, на пути перекочевокъ туркменъ, съ цѣлію добывать отъ нихъ верблюдовъ. 13-го сентября, отправивъ одну роту кабардинцевъ въ Красноводскъ, Маркозовъ съ двумя другими (5-я линейная и 2-я стрѣлковая), выступилъ изъ Чикишляра къ колодцу Топіатанъ, куда долженъ былъ идти и отрядъ полковника Клугена изъ Красноводска. Къ 30-му сентября весь отрядъ былъ сосредоточенъ у Топіатана, кромѣ 3-хъ ротъ, бывшихъ еще въ пути. Здѣсь Маркозовъ получилъ окончательное приказаніе главнокомандующаго: „въ Хиву не ходить“,—значитъ, предстояло осмотрѣть дорогу, свернуть къ текинцамъ—и домой. Какъ только первые эшелоны отряда выступили въ дальнѣйшій походъ, какъ на оставшійся пока на мѣстѣ эшелонъ маіора Козловскаго (3 роты и 2 полев. орудія), налетѣла 7 октября конная партія человѣкъ въ 500, которая отбила 146 верблюдовъ, безъ особенной для себя потери. На другой день нападеніе произведено было и на главный отрядъ, перешедшій къ кол. Джамала и состоявъ-

шій изъ 9-ти ротъ и 12-ти горныхъ орудій (двѣ роты дагестанцевъ, двѣ роты кабардинцевъ и 5 ротъ ширванцевъ).

Въ 2 часа пополудни партія текинцевъ, ободренная вчерашнимъ успѣхомъ, сдѣлала попытку отнять своихъ верблюдовъ. Туркменъ было до 250 чел., предводимыхъ Софи-Ханомъ. Отрядъ сталъ въ ружье, а казаки (32 челов., при 3 офицерахъ) понеслись на встрѣчу туркменъ, которые между тѣмъ успѣли уже порубить 2 пастуховъ и погнать верблюдовъ. Казаки завязали перестрѣлку, а какъ только подоспѣла пѣхота,—бросились въ шашки. Часть туркменъ спѣшилась и засѣвъ, въ кустарникъ, покрывающій почти сплошь бугристые пески окрестностей Джамала, открыла огонь по нашей пѣхотѣ; остальные сцѣпились съ казаками. Стрѣльба однакоже скоро прекратилась, потому что пѣхота наша, добѣжавъ до непріятеля, стала дѣйствовать штыками. Верблюды были отбиты, а непріятель обратился въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ до 23 тѣлъ и потерявъ 10 чел. плѣнными, которые показали, что 15 тѣлъ туркмены успѣли увезти и что у нихъ, сверхъ того, болѣе 30 чел. ранено. Весь уронъ непріятеля доходитъ такимъ образомъ до 78 чел. Мы потеряли убитыми: 1 казака и 2 верблюдовожатыхъ, ранеными: 1 офицера (хорунжаго Теорова), 1 рядоваго и 1 верблюдовожатаго. Лошадей убито 2, ранена 1.

Въ Джемалы 9-го числа прибылъ и эшелонъ Козловскаго. Здѣсь построено укрѣпленіе, въ которомъ оставлена 7-я рота Кабардинскаго полка, слабые и 2 орудія—одно полевое и одно горное. Съ остальнымъ отрядомъ изъ 11 ротъ (2 Кабардинскія, 2 Дагестанскія и 7 Ширванскихъ), 35 казаковъ и 12 орудій, изъ коихъ одно полевое, Маркозовъ двинулся дальше, взявъ съ собою только 40-дневный запасъ продовольствія. Караванъ отряда состоялъ изъ 1,400 верблюдовъ, добытыхъ у кол. Топіатана. Цѣлью движенія была рекогносцировка пути чрезъ колодцы Игды и Орта-Кую, а если возможно, то и переходъ черезъ безводную степь между послѣднимъ колодцемъ и Хивою. Понятное дѣло, что такое движеніе не могло бы никакъ обойтись безъ драки, но, принимая во вниманіе, что отрядъ въ 11 ротъ и 12 орудій совершенно достаточенъ для самыхъ серьезныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, можно было не опасаться за его участь, а даже желать ему работы, такъ какъ это разсѣкло бы только гордіевъ узелъ нашихъ старинныхъ счетовъ съ Хивою.

Намѣстникъ Кавказа, получивъ эти свѣдѣнія, рѣшился снять съ Маркозова запрещеніе относительно дѣйствій противъ Хивы, которую разрѣшалось даже и взять, и послалъ это разрѣшеніе съ экстреннымъ курьеромъ, предупредивъ въ то же время, что если бы отрядъ вернулся и не достигнувъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, то это ему отнюдь не поставится въ вину, такъ какъ главная цѣль его движенія состоитъ лишь въ рекогносцировкѣ:

Обстоятельства однакоже сложились такъ, что еще до прибытія курьера къ отряду, Маркозовъ долженъ былъ отказаться отъ предпріятія. Видъ отряда, имѣвшаго мало сходства съ военною силою (по выраженію самого Маркозова,—рапортъ отъ 30 октября 1872 г., № 729), измученные верблюды, падавшіе десятками на каждомъ переходѣ, предпріимчивость отрекомендовавшихся уже текинцевъ—все это поколебало самоувѣренность Маркозова, и онъ сталъ подумывать объ отступленіи чуть не съ перваго шага впередъ. Дѣло стало только за тѣмъ, чтобы найти для этого самый приличный предлогъ и не уронить себя передъ начальствомъ, а также предъ текинцами и Хивою. Надобно сознаться, что согласить эти два требованія было не легко: предупредить нареканія со стороны русскихъ благовидными доводами и съ то же время увѣрить туркменъ и хивинцевъ, что на Хиву идти и не думалъ...

Благовидные доводы заключались въ слѣдующемъ: 1) въ Игды раздѣляются дороги—одна въ Хиву на Орта-Кую, а другая къ текинцамъ; поэтому продолжая путь на Орта-Кую, мы бы ясно показали, что цѣль нашихъ дѣйствій есть Хива, и тогда обязаны бы были во что бы то ни стало дойти до нея, а не то мы бы окончательно уронили себя въ глазахъ всей степи. 2) Верблюды наши, дошедшіе до страшнаго изнуренія, хотя и могли еще дотянуть насъ до Хивы, „но затруднили бы до чрезвычайности наше обратное движеніе“. 3) Многочисленная хивинская и текинская конница плоха только передъ наступающимъ противникомъ, и значитъ, при нашемъ отступленіи сдѣлалась бы нахальной, а потому отряду пришлось бы на каждомъ шагу отражать нападенія, а это тѣмъ затруднительнѣе, что 4) „отрядъ нашъ, при движеніи по страшнымъ здѣшнимъ пескамъ, вовсе не похожъ на военную силу“ и представляетъ собою караванъ въ 1,400 верблюдовъ, растягивающійся на 12 и 14 верстъ, подъ прикрытіемъ 1,200 штыковъ. Даже текинцы, прислав просить о возвращеніи ихъ плѣнныхъ, оправдывались тѣмъ, что они приняли наши войска за персидскія! 5) При такомъ положеніи дѣлъ оставалось одно—„идти впередъ и занять Хиву, что было и легко, и удобно“, но положительное приказаніе главнокомандующаго кавказскою арміею, переданное шт.-капит. Озеровымъ,—„въ Хиву не ходить“, исключало такой способъ дѣйствій.

Итакъ, изъ всѣхъ этихъ доводовъ видно, что Маркозовъ за дальнѣйшее движеніе впередъ и за успѣхъ не боялся, боялся только отступленія, и потому запрещеніе ходить въ Хиву было весьма кстати. Но если онъ думалъ, что верблюды затруднятъ обратное движеніе, то кто ему мѣшалъ перемѣнить ихъ въ Хивѣ, занять которую ему казалось такъ легко и удобно? Еслибы послѣ разгрома Хивы онъ все еще боялся бы отступать подъ ударами непріятельской конницы, то кто мѣшалъ ему оставаться въ Хивѣ до прибытія

помощи изъ Казалинска? Если уже гдѣ, то конечно въ Азіи старинный афоризмъ: „война кормитъ войну“—практикуется самымъ аккуратнымъ образомъ, и потому прокормить 11 ротъ не представило бы особыхъ затрудненій. Верблюдовъ онъ уже привыкъ брать не иначе, какъ силой; такимъ же дешевымъ манеромъ можно брать и хлѣбъ, и ячмень, и все прочее.

Таковы благовидные доводы. Посмотримъ теперь, какими средствами Маркозовъ думалъ увѣрить хивинцевъ, что о нихъ онъ и не думалъ?

По прибытіи въ Игды, въ отрядъ явились текинскіе посланцы съ просьбою возвратить имъ плѣнныхъ и съ извиненіями. Плѣнные все равно были въ тягость отряду, и потому ихъ отпустили съ большою охотою, но при этомъ выговорено было условіе, что не позже 3 сутокъ текинцы доставятъ 300 хорошихъ верблюдовъ, а если не доставятъ, то будутъ наказаны. Разсчетъ былъ ясный: туркмены, получивъ своихъ плѣнныхъ впередъ, конечно, верблюдовъ не доставятъ, и нашъ отрядъ свернетъ тогда съ хивинской дороги, будто для наказанія туркменъ за обманъ... „Верблюдовъ, какъ и слѣдовало ожидать текинцы не доставили“, сказано въ рапортѣ; поэтому 19 октября, на разсвѣтѣ, отрядъ повернулъ въ Кизилъ-Арватъ, куда и прибылъ 25-го, захвативъ по дорогѣ нѣсколько сотъ барановъ. Оставивъ тяжести въ Кизилъ-Арватѣ, отрядъ, вечеромъ того же числа, налегкѣ, двинулся вдоль по текинской линіи.

Укрѣпленія: Кодшъ-Зау, Кизилъ-Чешме, Дженги и Бами оказались покинутыми. Въ Бами, отстоящемъ отъ Кизилъ-Арвата на 50 верстъ, отрядъ пришелъ 26-го числа и здѣсь отдохнулъ нѣсколько часовъ, а затѣмъ, оставивъ тутъ одну роту, двинулся къ Беурмѣ на ночь, гдѣ засталъ еще нѣсколько жителей, но не могъ окружить за темнотою ихъ аулъ и потому ограничился 5—6 гранатами, пущенными въ отвѣтъ на нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Утромъ оказалось, что всѣ жители бѣжали въ горы; посланная за ними погоня воротилась ни съ чѣмъ, и потому отрядъ потянулся обратно въ Бами, предавъ огню оставленныя кибитки. Всего въ Беурмѣ и Бами сожжено 12,000 кибитокъ и захвачено 80 головъ рогатаго скота. Если считать каждую кибитку только въ 40 р., то на одномъ этомъ туркмены потеряли до 500,000 р. Конечно, съ ихъ точки зрѣнія Маркозовъ дѣйствовалъ въ высшей степени несправедливо, ибо, во-первыхъ, отнялъ у нихъ силою верблюдовъ; потомъ, когда имъ не удалось отбить свой скотъ и смѣльчаки попали въ плѣнъ,—онъ отпускаетъ ихъ съ условіемъ обмѣна на верблюдовъ и затѣмъ казнитъ встрѣчнаго и поперечнаго за неисполненіе въ срокъ этого условія.

Съ нашей точки зрѣнія все это дурная политика, отзывающаяся больше Хивою, чѣмъ Россіею... Правда и то, что

родъ Теке до сихъ поръ славился своими военными качествами и не зналъ неудачъ, а потому разгромъ этого рода долженъ произвести извѣстное впечатлѣніе у всѣхъ туркменъ. Помиримся хоть на этомъ.

Сдѣлавши свое дѣло, отрядъ возвратился 29 числа въ Кизилъ-Арватъ. На другой день изъ укрѣпленія выступилъ батальонъ фонъ-Клугена съ 900 верблюдовъ, для снятія укрѣпленія въ Джамалѣ и подъема всѣхъ тяжестей. Въ Кизилъ-Арватѣ осталось 6 ротъ, съ провіантомъ на 1½ мѣсяца и со 150 еле живыми верблюдами. Предполагалось еще обозрѣть одинъ изъ ближайшихъ проходовъ въ Кюрендагѣ и затѣмъ по р. Сумбору (притокъ Атрека) и Атреку идти въ Чекишляръ, куда войска и вернулись 18 декабря. Изъ 1,600 верблюдовъ дошло только 635, а къ веснѣ осталось только 500 головъ. Опытъ этого похода указалъ, что рота въ 120 штыковъ, для поднятія 2 мѣсячнаго довольствія, лагеря, запасныхъ патроновъ, кухни, аптеки и 7-дневнаго запаса воды требуетъ не менѣе 100—105 верблюдовъ; каждое орудіе нуждается въ 10 верблюдахъ, а каждый всадникъ въ 4, не считая еще воды для лошади. Оказалось также, что кавказскіе офицеры, какъ, напримѣръ, Маркозовъ, понятія не имѣли о степныхъ походахъ и дѣлали надъ людьми опыты. Казалось бы, чего проще: не знаешь самъ—спроси у знающаго. Профессоромъ въ этомъ дѣлѣ былъ, конечно, Оренбургъ, высылавшій болѣе ста лѣтъ отряды въ степи. Опытъ громадный, сослужившій службу оренбуржцамъ въ хивинскомъ походѣ 1873 г. Такъ вотъ самолюбіе не позволяетъ просить совѣта у какого-то Оренбурга! Наконецъ, если главная цѣль безтолковыхъ движеній Маркозова по горячимъ пескамъ состояла въ изученіи дорогъ, то выгоднѣе было бы поручить это дѣло штабсъ-ротмистру Скобелеву, который бы опять самъ-сёмъ, прошелъ бы всѣ эти дороги, сдѣлалъ бы съемку и стоилъ бы казнѣ по крайней мѣрѣ въ 1,000 разъ дешевле...

Эта усиленная рекогносцировка казалась не только хивинцамъ, но и самимъ англичанамъ рѣшительнымъ нападеніемъ на Хиву. Во время этого похода въ иностранныхъ, а въ особенности въ англійскихъ газетахъ упорно и долго держался слухъ, будто Хива уже взята, но это не произвело на англичанъ никакого впечатлѣнія: они отнеслись къ этому извѣстію совершенно равнодушно,—ясно, что къ такому исходу они уже успѣли привыкнуть и считали его только вопросомъ времени.

Итакъ, Хива снова уцѣлѣла и снова вздохнула свободно, а возвращеніе кавказскаго отряда, послѣ рекогносцировки, принято было хивинцами, да и ихъ сосѣдями за отступленіе послѣ неудачи...

Такимъ образомъ, благодаря стихіямъ и пустынямъ, держа-

лось разбойничье гнѣздо ничтожнаго во осѣхъ отношеніяхъ народца. Воздѣлывая плодоносный бассейнъ низовьевъ Аму-Дарьи руками плѣнныхъ персіянъ, ежегодно доставляемыхъ на рынки туркменами, хивинцы, со своимъ трехсотъ тысячнымъ населеніемъ, представляли какую-то странную аномалію, рядомъ съ такою могучею державою, какъ Россія, а ничего съ ними подѣлать было до сей поры не возможно.

Обезпечивъ свой лѣвый флангъ и тылъ занятіемъ Кульджи и мирными отношеніями съ Кашгаромъ, Туркестанъ могъ, наконецъ, поднять перчатку, давно брошенную намъ Хивою.

На Кавказѣ твердо стояли на томъ, что съ Хивой могутъ управиться одни кавказцы; другихъ округовъ тревожить не стоитъ, и развѣ ужъ, въ крайнемъ случаѣ, можно предоставить Оренбургу и Туркестану выставить небольшіе отряды, въ видѣ угрозы.

Несомнѣнно однакоже, что больное мѣсто обѣихъ рекогносцировокъ Маркозова,—верблюды, околѣвавшіе какъ будто изъ патріотизма,—заставило серьезно обдумать эту задачу и отказаться отъ единоборства Кавказа съ Хивою.

Императоръ Александръ II повелѣлъ двинуть на Хиву войска трехъ сопредѣльныхъ округовъ: туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго, съ такимъ разсчетомъ, чтобы они могли подойти къ Хивинскому оазису, по возможности одновременно.

Такъ какъ неудача постигла только одинъ красноводскій отрядъ Маркозова и такъ какъ виноватые всю вину свалили на солнце, которое палило не по весеннему положенію, и на небо, которое не копило тучъ и не давало дождя, то вопросъ о выборѣ дороги являлся, повидимому, второстепеннымъ, но если тутъ вся сила въ водѣ, при обиліи которой и жару одолѣть возможно, то удачный выборъ дороги пріобрѣтаетъ уже первостепенное значеніе.

За два года, т. е. 1871 и 1872, кавказскія войска исходили 3,600 верстъ, причемъ были изслѣдованы слѣдующіе пути:

Изъ Красноводска: 1) на Сарыкамышъ по Усть-Урту, со многими крутыми подъемами и спусками. Безводные переходы есть въ 87 вер. между Кубъ-Себшеномъ и Узунъ-Кую, и въ 116 вер. между Узунъ-Кую и Дахли. Кормовъ мало; въ 1871 г. былъ слухъ, будто Узунъ-Кую засыпанъ, а провѣренъ не былъ болѣе года. 2) На Сарыкамышъ по узбою удобенъ и не хуже, чѣмъ изъ Чекишляра по узбою же; безводные переходы 90 вер. въ самомъ началѣ у Красноводска, гдѣ вода вредная; кормовъ довольно.

Изъ Чекишляра: 3) по узбою—путь ровный, къ сѣверу встрѣчаются песчаные бугры, затрудняющіе движеніе; кормовъ довольно; безводно 96 вер. 4) По Атреку и Сумбару затруднителенъ, ибо идетъ довольно долго по гористой мѣстности, берега рѣкъ глини-

стые; въ дождливую погоду верблюды скользятъ и падаютъ. Безводно 100 вер. отъ Динара до Игды, гдѣ къ тому же бугристые пески. Всѣ эти пути, кромѣ Сарыкамышскаго, сходятся къ колодцу Игды.

Далѣе отъ Игды путь вовсе не былъ изслѣдованъ, а имѣлись только разспросныя свѣдѣнія. Итакъ, для всѣхъ путей дожди составляли благодать, а только для Атрекскаго погибель. Но всѣ эти пути добровольно никто бы не выбралъ, ибо всѣ они весьма трудны, въ разныхъ отношеніяхъ. Лучшій все-таки Сарыкамышскій, по которому Маркозовъ доходилъ въ 1871 г. до колодца Дехча и напугалъ хана.

Есть еще порядочный путь отъ залива Киндерли, мимо солончака Барса-Кильмасъ, на Кунградъ, который и предлагалъ Маркозову кавказскій штабъ, но онъ забраковалъ его на томъ основаніи, что его совсѣмъ не знаетъ, но послѣдствія показали, что онъ и, выбранный имъ самимъ, путь по узбою на Игды тоже не зналъ а между тѣмъ по рекомендованному штабомъ пути благополучно прошелъ отрядъ Ломакина, хотя также не зналъ его или не изучалъ ранѣе, не ходилъ по немъ. Этотъ путь былъ и самый короткій: отъ Порсу-буруна на заливѣ до города Кунграда всего 525 верстъ.

Отъ Красноводска черезъ Сарыкамышъ до города Куня-Ургенча около 570 верстъ.

Отъ Чекишляра оба пути черезъ колодезь Игды до Измукшира до 750 верстъ.

Но, кромѣ песковъ, безводныхъ пустынь и жары, путь къ Хивѣ преграждали еще ворохи бумаги, летѣвшіе къ намъ изъ Англіи. Еще въ началѣ 1869 года англійское правительство требовало согласія нашего на установленіе нейтральной зоны или пояса, черезъ который ни мы, ни англичане не должны переходить. Такимъ поясомъ долженъ былъ служить Афганистанъ. Когда мы согласились на это, англичане тотчасъ потребовали новыхъ уступокъ и заговорили уже не о поясѣ, не о буферѣ, предохраняющемъ отъ столкновенія,—такихъ буферовъ нѣтъ,—они стали торговаться о сферѣ вліянія, назначая себѣ чертою рѣку Аму-Дарью! Мы и на это согласились... Тогда они потребовали, чтобы мы не присоединяли къ своимъ владѣніямъ Хиву,—и это обѣщалъ имъ Горчаковъ. Переговоры велъ графъ Шуваловъ. Наши дипломаты, повидимому, уповали на нашихъ боевыхъ генераловъ, которые всегда сумѣютъ доказать, что военныя обстоятельства не позволяютъ въ точности исполнить обѣщанное.

Когда англичане, наконецъ, успокоились, торжествуя свою будто бы побѣду, наши войска были уже на пути въ Хиву.

Затруднительность добыванія верблюдовъ навела Маркозова на мысль собрать ихъ, для предстоявшей въ 1873 г. весенней экспедиціи противъ Хивы, на Мангышлакѣ и оттуда пригнать въ

Красноводскъ или же расположить весь отрядъ кордономъ въ маленькихъ укрѣпленіяхъ по Атреку, съ цѣлію не пропускать на правый, т. е. на нашъ берегъ ни одной кочевки иначе, какъ за предоставленіе въ нашу пользу извѣстнаго процента верблюдовъ. Невозможность держаться долго со скотомъ за Атрекомъ заставляетъ іомудовъ переходить на нашу территорію и, конечно, они рады будутъ пожертвовать частью скота, чтобы спасти остальную отъ голодухи. Главнокомандующій кавказскою арміею приказалъ избрать первый способъ и начальнику мангышлакскаго отряда предписано было купить или нанять отъ 4 до 5 тысячъ верблюдовъ. Тогда же (въ началѣ ноября 1872 г.) приказано было приступить къ сушкѣ сухарей въ 4-мѣсячной пропорціи на весь отрядъ, который предположено усилить, къ половинѣ февраля, 6-ю ротами пѣхоты (изъ Баку) и 2-мя сотнями кавалеріи, которую намѣревались высадить въ Александровскій фортъ и оттуда двинуть къ Сарыкамышу. Предвидя однакоже возможность неудачи у Маркозова по сбору верблюдовъ, кавказское начальство рѣшилось усилить мангышлакскій отрядъ, который и двинуть по пути къ Хивѣ... Красноводскій отрядъ теперь отступалъ на второй планъ.

Во исполненіе этого Маркозову предписано было выступить въ походъ лишь въ такихъ силахъ, которыя окажется возможнымъ вполнѣ обезпечить имѣющимися уже перевозочными средствами... По вопросу же объ усиленіи и снаряженіи Мангышлакскаго отряда приняты были слѣдующія мѣры:

1) Двѣ терскія сотни изъ Дагестана перевести въ Красноводскъ, чтобы не двигать туда назначенныхъ уже изъ Мангышлака въ конвой къ верблюдамъ.

2) Двѣ другія терскія же сотни перевести изъ Дагестана въ Мангышлакъ.

3) Туда же отправить 8 ротъ отъ Апшеронскаго и Самурскаго полковъ и 4 орудія.

4) Перевезти въ Александровскій фортъ продовольствіе на 1,500 человѣкъ и на 600 лошадей, въ двухмѣсячной пропорціи.

Ближайшею цѣлью Мангышлакскаго отряда было на первый разъ только—водвореніе спокойствія на Мангышлакѣ, а въ случаѣ нужды, и содѣйствіе Оренбургскому и Красноводскому отрядамъ.

Понятно и безъ объясненій, что такія распоряженія должны были вызвать въ чинахъ Красноводскаго отряда не весьма веселыя чувства. Нѣсколько лѣтъ лишеній... Изъ года въ годъ повторявшіяся степныя рекогносцировки, стоившія настоящаго похода... честолюбивыя мечты, готовыя разлетѣться изъ-за какихъ-то туркменъ, не дающихъ своихъ верблюдовъ...

Надобно было ожидать, что Маркозовъ употребитъ всѣ сред-

ства, чтобы выступить со всѣмъ отрядомъ. Вопросъ стоялъ только за тѣмъ: какія выберетъ онъ средства?

Есть для этого двѣ мѣрки: „всѣ средства хороши, если онѣ ведутъ къ цѣли“, другими словами, цѣль оправдываетъ средства,—это говоритъ Маккіавелли. „На войнѣ всѣ средства хороши... кромѣ дурныхъ“,—говоритъ Наполеонъ. Который изъ двухъ афоризмовъ болѣе подходитъ къ образу мыслей полковника Маркозова?—Этотъ вопросъ не долго томилъ слѣдившихъ за ходомъ событій.

„Съ первыхъ чиселъ января въ окрестностяхъ нашего бивака въ Чекишлярѣ стали появляться изъ-за Атрека партіи вооруженныхъ туркменъ съ намѣреніемъ отогнать у насъ верблюдовъ... а также съ цѣлью перехватывать людей, высылаемыхъ за хворостомъ, травою и проч.“ Такъ начинаетъ свой рапортъ Маркозовъ отъ 19 февраля 1873 г. Зная уже крайность, испытываемую чекишлярцами въ верблюдахъ, зная, что этихъ животныхъ за Атрекомъ непочатый край, читатель легко можетъ догадаться, что при нѣкоторой неразборчивости въ средствахъ, нашъ отрядъ вѣроятно двинется за Атрекъ наказать неугомонныхъ туркменъ и кстати попользоваться ихъ верблюдами! Нужды нѣтъ, что мы только наканунѣ сами проповѣдывали о святости границъ, о законахъ международнаго права и прочемъ, никакъ до сихъ поръ не укладывавшемся въ головѣ хивинца и туркмена; нужды нѣтъ, что мы сами назначили р. Атрекъ—предѣльною чертою нашихъ помысловъ и нашихъ предпріятій къ сторонѣ Персіи... Вся задача сводилась къ тому, чтобы представить начальству уважительныя причины и придать своимъ дѣйствіямъ благовидный смыслъ „вынужденныхъ злою необходимостію“... Весьма кстати для этого приспѣли старшины нѣкоторыхъ, преданныхъ намъ туркменскихъ родовъ, съ просьбой о защитѣ противъ атабаевъ и іомудовъ—племени Дьячи, отгоняющихъ у нихъ скотъ, перерѣзывающихъ верблюдамъ ножныя мышцы и проч., въ отмщеніе за преданность русскимъ. Маркозовъ тотчасъ выслалъ сильный патруль вдоль праваго, т. е. нашего берега Атрека изъ семи ротъ Ширванскаго полка, подъ начальствомъ маіора Мадчаваріани. Отрядъ выступилъ 31 января и на протяженіи 150 верстъ долженъ былъ отбивать набѣги мелкихъ партій, посягавшихъ на отрядныхъ верблюдовъ. Для поддержки патруля высланы были изъ Чекишляра еще 2 сотни казаковъ. Мадчаваріани устроилъ укрѣпленіе противъ переправы Баятъ-ходжи и выслалъ казачьи разъѣзды вдоль берега.

Очевидно, что Маркозовъ рѣшился испытать свое второе, неодобренное начальствомъ средство: стать на пути перекочевокъ у главной переправы и взимать за пропускъ натурою *).

*) Съ Мангышлака не могли доставить верблюдовъ, вслѣдствіе безпорядковъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Одинъ изъ разъѣздовъ, въ 15 человѣкъ, замѣтивъ, 10 февраля, вооруженную партію, погнался за нею, но туркмены успѣли переправиться черезъ Атрекъ и дали съ того берега нѣсколько залповъ, ранивъ у насъ одного казака Кизляро-Гребенскаго полка. Въ то же время получено было извѣстіе о сборѣ за Атрекомъ большой конной партіи. Маіоръ Мадчаваріани, „не сомнѣваясь въ зломъ умыслѣ туркменъ, призналъ, и совершенно раціонально, за лучшее не ожидать нападенія непріятеля“. Совершенно раціонально маіоръ рѣшилъ перейти персидскую границу, предоставляя уже самому начальству изворачиваться передъ персидскими властями, какъ оно тамъ знаетъ!

Обѣ сотни казаковъ, поддержанныя 120 штыками, начали переправу. Такъ какъ эта переправа совершилась по одиночкѣ и стрѣлять было запрещено во избѣжаніе несчастій, то туркмены не замедлили этимъ воспользоваться, считая себя почему-то вправѣ защищать персидскую границу!

Одинъ изъ первыхъ, переправившихся за Атрекъ, казакъ Лабазанъ Бактемировъ, получилъ немедленно урокъ международнаго права въ видѣ шестнадцати сабельныхъ ударовъ! Затѣмъ туркмены стали отступать, увлекая за собою, конечно, и нашъ отрядъ. Преслѣдованіе продолжалось до самаго вечера, причемъ „непріятель“ потерялъ нѣсколько человѣкъ и лошадей убитыми и ранеными. Трофеями этого дня были 430 верблюдовъ, отхваченныхъ по дорогѣ, и закованный въ цѣпи персіянинъ. Къ разсвѣту отрядъ переправился обратно.

Маркозовъ рѣшилъ отдать захваченныхъ верблюдовъ въ пользу нашихъ туркменъ изъ числа наиболѣе пострадавшихъ отъ набѣговъ. Это, конечно, могло доказать не только туркменамъ, но и персіянамъ, что при движеніи за Атрекъ имѣлось въ виду вовсе не „добываніе“ верблюдовъ, а единственно наказаніе враждебныхъ намъ туркменъ! Отбитый персіянинъ былъ препровожденъ къ начальнику астрабадской морской станціи, для возвращенія персидскому правительству. Это, конечно, должно было расположить персовъ къ снисходительности и показать имъ, чего стоятъ ихъ „подданные“ туркмены торгующіе персіянами! Такъ какъ шайки барантачей продолжали тревожить нашихъ туркменъ и даже имѣли дерзость показыватья около Чекишляра и такъ какъ подобное положеніе дѣлъ, „совершенно несовмѣстное съ достоинствомъ нашего государства“, не могло быть, по мнѣнію полковника Маркозова, терпимо долѣе, то онъ и донесъ помощнику главнокомандующаго кавказскою арміею что де „я не могу ограничиться урокомъ, даннымъ маіоромъ Мадчаваріани разбойничающимъ туркменамъ, и въ скоромъ времени предполагаю перейти Атрекъ для строгаго наказанія разбойниковъ“.

Полковникъ, какъ видитъ читатель, только увѣдомляетъ свое

начальство о намѣреніи перейти чужую границу, а не спрашиваетъ на то разрѣшенія. Можно подумать, что это разрѣшеніе уже было дано ранѣе... Изъ записки главнокомандующаго кавказскою арміею отъ 27 августа 1873 г., поданной императору Александру II, о причинахъ возвращенія красноводскаго отряда, видно, что въ случаѣ крайности это дѣйствительно было разрѣшено Маркозову 29 декабря его высочествомъ, передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, но въ серединѣ февраля изъ Петербурга пришла телеграмма, чтобы переходить Атрекъ избѣгали. Поэтому начальникъ кавказскаго штаба писалъ Маркозову, что переходъ черезъ Атрекъ создалъ бы намъ такія затрудненія и непріятности, что лучше ужъ заплатить лишнихъ 100 тысячъ за верблюдовъ.

Прежде чѣмъ донесеніе отъ 19 февраля могло дойти по назначенію, Маркозовъ уже выступилъ изъ Чекишляра. Ближайшимъ поводомъ къ этому рѣшительному шагу послужило слѣдующее обстоятельство: 20 февраля, около 9 часовъ утра, часовой, стоявшій у ружей, замѣтилъ двухъ конныхъ туркменъ у могилы Хаджибаятъ. Тотчасъ посланъ былъ разъѣздъ изъ 6 казаковъ и 2 джигитовъ туркменъ. Завидѣвъ разъѣздъ, маячившіе у могилы стали потихоньку отходить. Казаки наддали, увлеклись и наткнулись на засаду въ сто человѣкъ, притаившихся въ балкѣ, верстахъ въ двухъ отъ лагеря... Роли, конечно, перемѣнились и казаки стали утекать. За ними увязались до 30 самыхъ доброконныхъ туркменъ. Лошадь одного казака (Фомы Марханова) стала приставать, и онъ получилъ за это три раны пиками въ спину и руку. Товарищи его придержали лошадей и начали отстрѣливаться. Пикетъ, стоявшій на горѣ, замѣтивъ опасное положеніе своихъ, далъ выстрѣлъ и произвелъ тревогу въ лагерѣ, откуда немедленно двинулись три роты при 2-хъ горныхъ орудіяхъ. Партія немедленно ускакала по направленію къ переправѣ Чатыли.

Ночью, съ 20-го на 21-е число, та же партія снова подкралась къ лагерю, но была открыта часовыми, которые и встрѣтили ее огнемъ. Картечный выстрѣлъ довершилъ начатое цѣпью и непріятель скрылся. Утромъ однакоже разъѣздъ открылъ остатки партіи; цѣлый день туркмены вертѣлись около лагеря. Находившіеся при отрядѣ джигиты высказали предположеніе, что цѣль всѣхъ этихъ тревогъ заключается вовсе не въ желаніи отбить верблюдовъ, а въ томъ, чтобы отвлечь наше вниманіе и дать время кочующимъ за Атрекомъ переправиться со скотомъ у верховьевъ этой рѣки и перебраться въ степь незамѣченными черезъ Кюрендагское ущелье.

Туркмены не попались на удочку, и надежда набрать верблюдовъ на переправѣ оказалась напрасною. Увѣренность многихъ въ пригодности и успѣшности этой мѣры была такова, что оренбуржцамъ и туркестанцамъ пророчили прогулку „въ пустую“,

развѣ только затѣмъ, чтобы принять изъ рукъ кавказцевъ забранные города и трофеи...

Что оставалось дѣлать? Туркмены не идутъ къ намъ съ верблюдами, а верблюды нужны, какъ Богъ знаетъ что,—безъ нихъ нельзя идти въ походъ. Февраль на исходѣ, оренбуржцы и туркестанцы уже выступили... „Грустная необходимость заставила, наконецъ, меня положить предѣлъ дерзкимъ набѣгамъ заатрекскихъ туркменъ“,—начинаетъ свой рапортъ, отъ 11-го марта № 465, полковникъ Маркозовъ, для объясненія и оправданія своихъ дѣйствій. 27-го февраля были двинуты изъ Чекишляра 2 колонны: одна изъ 5 Кабардинскихъ ротъ, 3 Самурскихъ и 2½ Дагестанскихъ, съ 60 казаками, при 1 полевомъ и 2 горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ самого Маркозова, направились къ переправѣ Бекунъ-баши; другая изъ 3 Ширванскихъ ротъ, взвода дагестанцевъ и 40 казаковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою полковника Араблинскаго направилась къ переправѣ Гудрю-Оллумъ. Маіору Мадчаваріани также приказано было перейти Атрекъ съ 6-ю ротами, 1 сотней и 2 орудіями, оставивъ въ Баятъ-Хаджи одну роту ширванцевъ. 28-го февраля на разсвѣтѣ, всѣ три колонны одновременно перешли Атрекъ. Туркмены отстрѣливались и отступали; отдѣлившійся отъ главной колонны отрядъ майора Козловскаго (5 ротъ, 40 казаковъ и 2 горныхъ орудія) перешелъ вслѣдъ за туркменами и р. Гюргень... Такимъ образомъ русскіе внесли оружіе въ безспорные предѣлы Персіи.

Сами персіяне отнеслись къ этому, впрочемъ, довольно безразлично *): когда Козловскій на возвратномъ пути вздумалъ перейти Гюргень не въ бродъ, а по мосту въ персидской крѣпости Акъ-Кала, парламентеръ нашъ встрѣченъ былъ весьма дружелюбно и комендантъ даже выразилъ свое удовольствіе по поводу заданной туркменамъ гонки!—Если бы этотъ комендантъ, по примѣру нашего полковника Маркозова, счелъ такое положеніе дѣлъ (т. е. набѣги русскихъ на персидскую территорію) не совмѣстнымъ съ достоинствомъ государства и вздумалъ бы поддержать честь персидскаго имени, то „грустная необходимость“ заставила бы его встрѣтить майора Козловскаго не такъ дружелюбно.

Къ 6-му марта всѣ войска воротились изъ набѣга на правый берегъ Атрека, сдѣлавъ въ теченіе шести дней 279 верстъ. У насъ урона не было **). Результатомъ набѣга было, конечно, возстановленіе

*) За подобный поступокъ хутухты Чоганъ-Кегеня, въ 1867 году разграбившаго киргизъ бай-джигитовъ на нашей территоріи, мы потребовали у китайцевъ удовлетворенія.

**) Туркмены стрѣляли съ такой почтительной дистанціи, что пули, попадавшія не въ голову, не причиняли никакого вреда, но и попавшія въ голову двумъ солдатамъ—показались щелчками: ни раны, ни сильной контузіи не причинили.

достоинства государства, о чемъ такъ заботился полковникъ Маркозовъ, и кромѣ того къ отряду пристали какъ-то 2,200 верблюдовъ... Этого все-таки было весьма мало, ибо съ прежними составило только 2,800 штукъ. Маркозовъ обратился тогда къ бакинскому губернатору съ просьбой доставить моремъ съ Кавказа 2000 верблюдовъ, 500 ословъ и 200 арбъ. Понятное дѣло, что если бы и можно было устроить все по желанію Маркозова, то времени потребовалось бы, конечно, немало, и Красноводскій отрядъ выступилъ бы развѣ къ осени, когда его содѣйствіе было бы уже не нужно. Наивная просьба оставлена, конечно, безъ послѣдствій.

Въ Чекишляръ командированъ былъ помощникъ нач. штаба Кавказскаго округа, полковникъ Золотаревъ, которому поручено снарядить экспедицію только въ такомъ случаѣ, когда „вполнѣ надежныхъ перевозочныхъ средствъ“ окажется достаточнымъ не менѣе, какъ на 10—12 ротъ пѣхоты, съ соотвѣтствующимъ количествомъ кавалеріи и артиллеріи. Можно было подумать, что въ распорядительность самого Маркозова уже не вѣрили и прислали другого офицера, а можетъ быть, опасались, что Маркозовъ, чего добраго, рискнетъ на походъ даже и съ ненадежными верблюдами или съ недостаточнымъ числомъ ихъ...

Золотаревъ долженъ былъ отправить немедленно всѣ оставшіяся отъ экспедиціи войска на Мангышлакъ въ зал. Киндерли, туда же свезти и заготовленное для нихъ продовольствіе. Маркозову, смотря по силѣ способнаго къ движенію отряда, предоставить: или двинуться къ Хивѣ, или остаться въ Чекишлярѣ, откуда и произвести только демонстрацію похода и ни въ какомъ случаѣ не далѣе 6-ти переходовъ. Даже и при возможности идти къ Хивѣ, Чекишлярскій отрядъ осуждался на самую невидную роль: достигнувъ предѣловъ ханства, онъ долженъ былъ непремѣнно выждать тамъ дальнѣйшихъ приказаній отъ генерала Кауфмана или отъ генерала Веревкина. Зналъ ли Маркозовъ заранѣе о командировкѣ Золотарева, но онъ поспѣшилъ отправить верблюдовъ, не разбирая, который надеженъ, который нѣтъ...

Золотаревъ засталъ Маркозова только съ остатками отряда: первые два эшелона выступили уже 19 и 21 марта, то есть дня за три до его пріѣзда. Отрядъ состоялъ изъ 12 ротъ: 5 кабардинскихъ, 2 дагестанскихъ, 3 самурскихъ и 2 ширванскихъ; 16 орудій и 4 сотенъ Терскаго войска, изъ числа которыхъ 2 сотни, изъ Красноводска, должны были присоединиться къ отряду на кол. Дзоюрукѣ. Отрядъ шелъ на Бугдайли, Дзоюрукъ, Топіе-танъ Джамалу, Игды, Измыхширъ и т. д. Въ Игды разсчитывали прибыть 22 апрѣля, а въ Измыхширъ 9 мая. Такимъ образомъ въ Киндерли пришлось отправить только одну сотню конно-иррегулярнаго полка, 2 орудія и 8 ротъ Ширванскаго полка, которыхъ

захватилъ Золотаревъ. Нигдѣ, какъ въ военномъ дѣлѣ, не оправдывается такъ часто и такъ наглядно извѣстное правило: „на службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся“; нигдѣ не утѣшаетъ судьба такъ часто „послѣднихъ“ надеждою попасть въ первые!— Поставятъ кого-нибудь, за наказаніе, на самую невидную батарею, какъ Щеголева въ Одессѣ во время бомбардированія ея англичанами въ 1854 г., а непріятель, какъ нарочно, только о ней и заботится, точно хочетъ дать Георгія бѣдному, загнанному прапорщику! Недовольно начальство какимъ-нибудь неудавшимся маіоромъ, какъ Штемпель въ Самаркандѣ въ 1868 г., засадитъ оно его комендантомъ въ дрянное укрѣпленіе, а само пойдетъ далѣе пожинать лавры,—а смотришь, маіоръ попалъ въ осаду отсидѣлся благополучно, его подчиненные молодцами отбили штурмъ, и бѣленькій крестъ „по статуту“ красуется на маіорской груди!

Оставшіеся въ Чекишлярѣ ширванцы, конечно, отложили всякое попеченіе о славѣ и наградахъ, а между тѣмъ попали въ Хиву, да еще черезъ Мангышлакъ, тогда какъ двинувшіеся болѣе прямой дорогой вовсе не дошли!

Причиной послѣдующей неудачи движенія Маркозова прежде всего слѣдуетъ считать именно то, что онъ пошелъ не по Атреку и Сумбару чрезъ Уила-Чешме и Кизылъ-Арватъ, а степною дорогой, черезъ колодцы Бугдайли, Айдинъ и т. д., ближе къ Каспійскому морю. Боязнь опоздать заставила его выбрать болѣе короткій путь, но это-то и погубило все дѣло: по пути на Кизылъ-Арватъ и люди, и лошади, и верблюды шли бы съ водой и кое какимъ подножнымъ кормомъ, а потому сохранили бы еще свои силы для тяжелыхъ переходовъ къ колодцамъ Орта-кую и Измых-ширу, а по пути на Топіе-танъ они напрасно израсходовали эти силы заранѣе.

Да и выиграть можно было не Богъ знаетъ сколько верстъ: обѣ дороги сходятся у колодца Игды и далѣе идетъ уже одна на Орта-кую и т. д.

Верблюды были такъ слабы, что вьюки рѣшено было ограничить 5—7 пудами (обыкновенная тяжесть—16 пудовъ). Падежъ заставлялъ нѣсколько призадуматься, но, принимая во вниманіе, что съѣдаемое продовольствіе освобождаетъ ежедневно нѣсколько десятковъ верблюдовъ и что рекогносцировка 1872 года была произведена почти съ такимъ же, по силѣ, отрядомъ, а верблюдовъ было почти вдвое менѣе, — можно было еще разсчитывать на успѣхъ.

Роты выступили въ составѣ 120 штыковъ, оставшіеся отъ каждой роты 30—35 чел. слабыхъ, сведены въ 2 сборныя роты. Вообще санитарное положеніе Чекишлярскаго и Красноводскаго отрядовъ было довольно удовлетворительно (больныхъ 124 въ Чекишлярѣ и 40 въ Красноводскѣ), не смотря на неблагопріятныя

условія Чекишлярскаго укрѣпленія, каково, напримѣръ, неизбѣжность переносить на людяхъ по колѣни въ водѣ всѣ тяжести при нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ...

Изъ числа орудій пять 3-фунт. новаго образца (т. е. съ казны заряжаемыхъ) запряжены каждое парою лошадей; три 3-фунтовыхъ нарѣзныхъ старыхъ, три новыхъ и одинъ 1/4 пуд. единорогъ—запряжены верблюдами; двѣ новыя и двѣ старыя 4-фунт. пушки — отправлены на 6 лошадяхъ каждая.

Перейдемъ теперь къ Мангышлаку.

Получивъ приказаніе заготовить для Красноводскаго отряда до 3000 верблюдовъ, полковникъ Ломакинъ (начальникъ Мангышлакскаго приставства) сообщилъ свои соображенія о необходимости занять для этого уроч. Бишъ-Акты съ достаточными силами. Урочище это лежитъ въ 350 верстахъ отъ Александровскаго форта, въ центрѣ киргизскихъ зимовокъ. Предполагалось, что стада кочевниковъ обременены молодымъ приплодомъ и не въ состояніи скоро двигаться, — значитъ, отъ насъ не уйдутъ. Соображенія свои Ломакинъ сообщилъ еще 9 декабря 1872 г. (рапортъ за № 1731, къ команд. войск. Дагестанской обл.). Полученное по телеграфу одобреніе послужило поводомъ приступить „къ необходимымъ для сего приготовленіямъ“ (рапортъ его же отъ 6 февр. 1837 г. № 100). Приготовленія эти*) тянулись до 20 января, когда получено было по телеграфу уже категорическое приказаніе изъ окружнаго штаба. 21-го числа въ морозъ отъ 7 до 10°, Ломакинъ выступилъ, наконецъ, для сбора верблюдовъ съ отрядомъ изъ 2-хъ сотенъ казаковъ и 80 стрѣлковъ.

Такъ какъ времени оставалось уже мало, ибо верблюдовъ слѣдовало доставить въ Красноводскъ ровно черезъ мѣсяцъ, т. е. къ 20 февраля, то отъ прежнихъ „соображеній“ пришлось отказаться. На Бишъ-Акты Ломакинъ могъ придти только въ первыхъ числахъ февраля; затѣмъ потребовалось бы не менѣе трехъ недѣль для сбора верблюдовъ изъ болѣе отдаленныхъ пунктовъ (напр., изъ Бузачи), столько же времени надобно для доставки верблюдовъ отъ Киндерли и Бишъ-Акты въ Красноводскъ, куда, значитъ, они могли прибыть развѣ къ концу марта,—то есть довольно поздно.

Вотъ какъ распорядился Ломакинъ: пройдя зимовки баимбетовцевъ и табушевцевъ, онъ остановился на кол. Тарталы, созвалъ сардарей и біевъ и объявилъ имъ приказаніе доставить сверхъ выставленныхъ уже ими 500 верблюдовъ, еще 2500 штукъ. Одна казачья сотня тогда же была направлена на Бузачи съ та-

*) Посылка джигитовъ къ сардарямъ, біямъ съ извѣщеніемъ о мирныхъ цѣляхъ движенія и т. п.

мошними біями для оказанія имъ, въ случаѣ надобности, содѣйствія. Срокъ сбора верблюдовъ назначенъ 2-недѣльный, а срокъ доставки въ Киндерли—не позже 7-го февраля.

Всѣ сардари и біи, повидимому, приняли приказаніе съ подобающимъ благоговѣніемъ и готовностію немедленно его исполнить. Отдѣленія: Джиминѣево, Баимбетово, Джарово и Табушево, обязались выставить по 700 верблюдовъ, адаевцы—200. Біи обѣщали собрать, на всякій случай, и больше, съ тѣмъ, что излишекъ будетъ имъ возвращенъ. Табушевцы и баимбетовцы, на третій уже день, выставили по 800 верблюдовъ. Не то было на Бузачи.

27 января, пройдя Каратау, Ломакинъ сталъ на ночлегъ у кол. Катыкую. Здѣсь прискакалъ къ нему одинъ изъ посланныхъ имъ, за двѣ недѣли до этого, на Бузачи, бій Кабакъ-Эрмамбетовъ *) съ извѣстіемъ, что завѣдующій бузачинскимъ наибствомъ киргизъ Кафаръ-Караджигитовъ, явно перешелъ на сторону Хивы и взволновалъ народъ. Ломакинъ Кабаку не повѣрилъ, такъ какъ Кафаръ прислалъ сначала 18, а потомъ еще нѣсколько штукъ верблюдовъ...

По заявленію Ломакина, киргизъ этотъ, со времени назначенія его помощникомъ Мангышлакскаго наиба, отличался примѣрнымъ усердіемъ, былъ „правою рукою“ пристава „во всѣхъ важныхъ распоряженіяхъ по краю, какъ при сборѣ контрибуціи, податей, такъ и по разбору разныхъ запутанныхъ дѣлъ“. Сдѣлавъ этого киргиза своею правою рукою, русскіе пристава, естественнымъ образомъ, придали ему огромное значеніе въ глазахъ народа. Значеніе это усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Кафаръ былъ роднымъ братомъ тому бію Калбину, который служилъ при Рукинѣ дистаночнымъ, взбунтовалъ народъ въ 1870 году, бѣжалъ послѣ неудачи въ Хиву, исключенъ въ числѣ шести главныхъ виновныхъ изъ амнистіи и пользовался тогда въ Хивѣ громкою репутаціею. Назначенный въ послѣднее время правителемъ Ургенча, Калбинъ, все время подбивавшій брата къ измѣнѣ, успѣлъ, наконецъ, соблазнить его приманкою ханскихъ милостей.

До 26 числа все населеніе было спокойно, никакихъ подозрѣній относительно Кафара не возникало. Въ ночь на это число „правая рука“ зажгла призывные огни на священной горѣ Чапанъ-ата **). Кафаръ получилъ изъ Хивы настоятельныя требо-

---

*) Человѣкъ весьма намъ преданный: въ 1870 году онъ далъ знать въ фортъ объ опасности, угрожавшей Рукину, за что и награжденъ золотою медалью на георгіевской лентѣ. Осенью 1872 года, онъ почтилъ могилу Рукина своеобразною тризною: отпустилъ на волю двухъ своихъ рабовъ-узбековъ.

**) Того же названія гора есть подъ Самаркандомъ. Буквальный переводъ: отецъ пастухъ.

ванія отъ брата, отъ диванъ-беги и даже отъ самого хана, хлопотавшихъ о возбужденіи такихъ затрудненій въ предѣлахъ нашей территоріи, которыя бы отвлекли наши силы отъ самой Хивы.

Совершенно по-христіански лѣвая рука не знала, что творитъ правая, и потому нисколько не удивительно, что возмущеніе на Бузачи озадачило Ломакина, какъ „обстоятельство, которое,—по его словамъ,—менѣе всего можно было предвидѣть и которое поразило всѣхъ насъ своею неожиданностію".

Кафаръ объявилъ собравшемуся народу, что Ломакинъ подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ ему о намѣреніи своемъ собрать съ народа не три только тысячи верблюдовъ, какъ потребовалъ на первый разъ, а еще 9000, да столько же лошадей, да еще 6000 барановъ, и наконецъ, 1000 джигитовъ изъ лучшихъ семей, въ передовой отрядъ при движеніи на Хиву, чтобы гибли въ первую голову!

Чтобы придать еще болѣе вѣроятія этой выдумкѣ, Кафаръ приплелъ сюда еще одну тайну: Ломакинъ хочетъ взять съ киргизовъ купъ (штрафъ за пролитую кровь) за Рукина и за Маяева по 6000 барановъ, а за простыхъ казаковъ по 1000. Въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, кавказскія войска пройдутъ съ огнемъ и мечемъ всѣ аулы...

Единственнымъ средствомъ избѣжать этой напасти было, конечно, переселеніе въ Хиву, куда зоветъ самъ ханъ, обѣщая Кафару г. Порсу, а каждому сардарю и бію по 1000 тиллей и по участку земли. Несогласіе на призывъ хана повлечетъ за собою полное разореніе отъ высланныхъ хивинцами партій. Прокламація хана, съ его собственною печатью, была показана народу и не оставляла мѣста никакому сомнѣнію... Ханъ хлопоталъ, главное, о томъ, чтобы киргизы не давали верблюдовъ: „русскіе безъ верблюдовъ все равно, что птица безъ крыльевъ", писалъ онъ.

Малочисленность русскаго отряда и разбросанность его (одна сотня на Бузачи, а другая съ 80 стрѣлками на пути въ Бишъ-Акты), казалось, еще болѣе подзадоривали буйныхъ адаевцевъ попытать еще разъ счастья...

Множество кибитокъ поспѣшно снялось со стойбищъ и потянулось къ Усть-Урту. Посланные Кафаромъ вѣстники быстро разнесли принятое народомъ рѣшеніе по всему Мангышлаку, а джигиты Ломакина почти всѣ были задержаны. Нѣкоторымъ впрочемъ удалось спастись отъ преслѣдователей, и на другой день послѣ Кабака прискакали еще нѣсколько человѣкъ, подтвердившихъ полученное уже извѣстіе.

Чтобы не дать разгорѣться бунту и не попасть самому въ затруднительное положеніе, Ломакинъ рѣшился немедленно же отложить намѣреніе собирать верблюдовъ на Бишъ-Актахъ и свернуть на Бузачи, гдѣ кочуютъ самыя дикія, самыя буйныя отдѣ-

ленія адаевцевъ. Надобно было отрѣзать Бузачи отъ остального Мангышлака и выручить дагестанскую сотню, очутившуюся въ самомъ серьезномъ затрудненіи.

28 числа отрядъ выступилъ по новому пути и ночевалъ у кол. Куркрукты; 29-го, до свѣта, двинулся далѣе къ кол. Джангельды, причемъ вправо отъ колонны отправленъ былъ взводъ казаковъ съ нѣсколькими джигитами, на перерѣзъ караванамъ кочевниковъ, спѣшившихъ къ Усть-Урту. Хорунжему Кособрюхову приказано было отнюдь не употреблять оружія, а постараться подѣйствовать на киргизовъ увѣщаніями. Вслѣдъ за Кособрюховымъ двинуты были, съ половины дороги, и остальные взводы, которымъ и удалось дѣйствительно успокоить встрѣченные ими на ходу аулы. На привалѣ у Джангельды получено было извѣстіе, что по берегу Кара-кичу пробирается къ Усть-Урту множество ауловъ, стада которыхъ покрываютъ почти весь берегъ этого залива. Воротившаяся съ увѣщаній сотня немедленно послана была для новыхъ увѣщаній. 3 взвода (до 70 человѣкъ) съ сотникомъ Сушковскимъ-Ракузою пошли впередъ; остальной взводъ, прикрывая нарѣзное орудіе, шелъ подъ начальствомъ самого Ломакина слѣдомъ. Сотникъ Ракуза настигъ бѣглецовъ у могилы Туркменъ (подлѣ горы Кара-Тюбе); навстрѣчу ему отдѣлилось отъ 300 до 400 всадниковъ, вооруженныхъ дубинами, айбалтами топорами), пиками, саблями, а нѣкоторые и ружьями. Среди нихъ развѣвался красный значекъ, сдѣланный изъ большого платка, привязаннаго къ пикѣ.

На всякій случай Ракуза развернулъ фронтъ, остановилъ сотню и сталъ поджидать толпу. Выѣхавшій впередъ переводчикъ Косумъ напрасно тратилъ свое краснорѣчіе, напрасно увѣрялъ, что всѣ слухи ложны, что распущены они злонамѣренными людьми, что лучше бы сдѣлали киргизы, если бы воротились на мѣста, а то на Усть-Уртѣ морозы, скоту будетъ плохо...

Въ отвѣтъ на это раздались неистовые крики и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Сотня вынула изъ чехловъ ружья и съ гикомъ понеслась на толпу... Въ 25 шагахъ передняя шеренга сдѣлала залпъ, на который киргизы отвѣчали также выстрѣлами, а затѣмъ, пустивъ въ казаковъ дубинами и топорами, схватились въ рукопашную. Оставшіеся у казаковъ заряженныя ружья и пистолеты были разряжены въ упоръ. Схватка продолжалась не долго: замѣтивъ, что шашки не прорубаютъ ваточныхъ халатовъ, казаки выхватили кинжалы, чѣмъ и кончили бой. Киргизы бросились кто куда, казаки увязались было за ними, но были собраны по аппелю.

Окружающія высоты были усѣяны зрителями, не принявшими никакого участія въ бою. Разбитая партія, отбѣжавъ съ версту, стала снова собираться. Тогда сотня, зарядивъ ружья, пошла на

нихъ рысью. Киргизы не думали дожидаться встрѣчи и окончательно разсѣялись.

Потеря сотни состояла изъ 16 легко раненыхъ пиками людей (въ томъ числѣ оба офицера) и трехъ лошадей. Киргизы оставили 22 тѣла. Отбито до ста коней и десятка два рогатаго скота, которые и отправлены къ отряду подъ присмотромъ джигитовъ. Подобранныя пики и топоры были поломаны и зарыты въ землю.

Сотня сдѣлала въ этотъ день до 60 верстъ, выдержала атаку и еще должна была пройти до 30 верстъ къ ночлегу отряда.

Къ счастію, киргизы не преслѣдовали, а не то при наступившей темнотѣ, въ туманную и снѣжную ночь они могли бы сильно безпокоить усталыхъ казаковъ.

На другой день получено было извѣстіе, что потеря киргизъ простирается до 40 челов. убитыми и умершими отъ ранъ и до 100 ранеными. Пришла также вѣсть и о другомъ весьма непріятномъ происшествіи; въ предшествовавшую ночь (съ 28 на 29) у сотни Квинитадзе, посланной на Бузачи, отбиты были всѣ ея лошади и верблюды, а сами казаки сидятъ въ осадѣ...

Вотъ какъ было дѣло:

Отдѣлившись отъ отряда 24 числа съ кол. Тарталы, сотня направилась по колодцамъ: Усакъ и Кахпахты къ Мастеку, гдѣ ей назначено было ожидать привода верблюдовъ. Сотня состояла изъ 1 штабъ-офицера (подпол. Квинитадзе), 2 оберъ-офиц., 3 урядниковъ, 1 юнкера и 94 всадниковъ. Продовольствія съ собою имѣла на 20 дней. Лагерь ея состоялъ изъ 5 казенныхъ кибитокъ. Тяжести везлись на 64 верблюдахъ. У людей на рукахъ было по 120 патроновъ. Съ сотней шли два проводника и два сардаря съ Бузачи: Эрмамбетъ Туровъ, управлявшій джеменеевцами, и Аманджулъ (въ переводѣ „добрый путь“), управлявшій джаровцами. Съ перваго же ночлега сардари уѣхали въ аулы распорядиться сборомъ верблюдовъ.

26-го вечеромъ сотня пришла къ Мастеку и на другой же день утромъ сюда прибылъ помощникъ Эрмамбета Турова съ 4 баранами въ подарокъ отъ сардаря. Лошади сотни (казенныя, изъ степныхъ табуновъ киргизской породы) были отправлены на подножный кормъ, подъ присмотромъ 12 пѣшихъ казаковъ съ урядникомъ. Стреноженныя, онѣ паслись не далѣе 500 шаговъ отъ лагеря; 3 лошади, на всякій случай, были осѣдланы. Мѣстность была совершенно открытая, и табунъ видѣнъ, какъ на ладони. На ночь верблюды были положены около кибитокъ, къ которымъ прибавилось еще 3, принадлежавшія 24 лаучамъ. Три поста по 4 человѣка охраняли лагерь. Табунъ былъ оставленъ въ полѣ. Подполк. Квинитадзе расположился, какъ дома, нисколько не подозрѣвая, что съ киргизами, когда дѣло идетъ о какихъ ни-

будь поборахъ или стѣснительныхъ для нихъ мѣропріятіяхъ, надо держать ухо востро!

Теперь Квинитадзе это знаетъ: киргизы не долго оставляли его въ невѣдѣніи.

Въ полночь съ 28 на 29 число къ лагерю незамѣтно подобрались киргизы, условившіеся, какъ видно, заранѣе съ лаучами *). Есть вѣроятіе, что посты, какъ говорится, „проморгали“ хищниковъ. Хотя въ рапортѣ подполк. Квинитадзе (отъ 1 февраля 1873 г. за № 1) и сказано, что часовые открыли огонь, но это какъ-то не вяжется со слѣдующими затѣмъ словами: „старшій вахмистръ Іосифъ Егоровъ, который повѣрялъ въ это время посты, разбудилъ какъ меня, такъ и спавшихъ въ кибиткахъ всадниковъ“. Посты занимали кругъ во 150 шаговъ протяженія (по 50 шаговъ другъ отъ друга); значитъ, поперечникъ былъ въ 50 шаговъ,— едва можно помѣстить 8 кибитокъ и 64 верблюда; часовые, значитъ, стояли у самого уха.. странно, что пальба не могла никого разбудить, и только благодаря бдительности старшаго вахмистра вся сотня не попалась въ руки непріятеля живьемъ!

Люди выскакивали, кто въ чемъ былъ, захвативъ какое попало оружіе. Озадаченные неожиданностію, они дали-было увести верблюдовъ, „но послѣ строгаго приказа“, какъ выражается Квинитадзе, они, „не жалѣя себя, бросились въ догонку и, благодаря усиленному и не прекращаемому огню, верблюды были отбиты“. Слыша выстрѣлы въ табунѣ, Квинитадзе оставилъ въ лагерѣ одинъ взводъ, а съ остальными подбѣжалъ на выручку, но наткнулся на огромную толпу, заступившую ему дорогу и отступилъ къ лагерю. Выстрѣлы и гиканье нападавшихъ всполошили коней, которые, не смотря на стреноги, начали метаться изъ стороны въ сторону, пока не нашли свободнаго выхода въ степь. Всѣ сто три строевыхъ лошади достались дикарямъ. Лаучи, пользуясь суматохой, бѣжали, не успѣвъ увести своихъ верблюдовъ. Джигиты же Ирджанъ и Айтмагометъ дрались наряду съ казаками.

Лагерь приведенъ былъ въ оборонительное положеніе завалами изъ мѣшковъ съ овсомъ и мукою, и связанными верблюдами, уложенными въ каре.

Хищники отошли съ версту и развели огни. До утра мерзли казаки за своими завалами, а съ разсвѣтомъ пустились осматривать окрестности. Въ сотнѣ оказался только одинъ раненый пикою казакъ. На мѣстѣ схватки у кибитокъ замѣчено болѣе двадцати кровяныхъ лужъ и найденъ трупъ киргизки, приходившей за верблюдомъ. У табуна и на мѣстѣ встрѣчи сотни съ толпою

---

*) Вечеромъ къ сотнѣ пришла женщина просить возвратить взятаго у ней верблюда. Въ просьбѣ ей было отказано и она осталась у лаучей. Весьма возможно, что она и предупредила ихъ о заговорѣ.

замѣчено еще до 40 кровяныхъ лужъ; значитъ, киргизамъ нападеніе не прошло даромъ! Нападеніемъ руководили Ермамбетъ и племянникъ Кафара,—Самалыкъ.

Когда совсѣмъ разсвѣло, оказалось, что киргизы въ числѣ 500 челов. расположились вокругъ сотни четырьмя группами. Квинитадзе объявилъ людямъ, что онъ намѣренъ вести ихъ въ Киндерли на соединеніе съ отрядомъ, а какъ у нихъ сухарей не имѣется, то въ виду невозможности готовить дорогою пищу вслѣдствіе вѣроятнаго преслѣдованія, имъ остается только наварить теперь побольше г а л у ш е к ъ изъ пшеничной муки (родъ клецокъ).

Положеніе сотни было не изъ лучшихъ: до форта или до ближайшей поддержки было около 350 верстъ, морозъ и туманы затрудняли движеніе, а кругомъ зоркій врагъ, готовый воспользоваться малѣйшею оплошностію!

Весь день 29 числа происходила варка галушекъ и приготовленія къ тяжелому походу. 140 четвертей овса были ссыпаны въ колодезь и сверху заметаны пескомъ. Провизія, сѣдла, сумки съ вещами, бурки, казенныя кибитки, спиртъ и котелки были навьючены на верблюдовъ, и 30-го числа въ 9 часовъ утра сотня выступила во свояси. Туманъ былъ такъ непроницаемъ, что пришлось идти почти наугадъ, руководясь компасомъ. Скоро на сотню наткнулись два киргиза, которые и были задержаны. Они показали, будто вели на Мастекъ верблюдовъ, но узнали, что лошади у казаковъ отбиты, и, заключивъ по этому, что верблюды, значитъ, не нужны,—бросили ихъ въ степи. Къ вечеру сотня пришла въ Оторбай. Посланный на развѣдки объ отрядѣ Ломакина проводникъ, въ сопровожденіи одного изъ захваченныхъ киргизовъ, воротился ни съ чѣмъ. 31-го, при дальнѣйшемъ движеніи на югъ, замѣчены были какія-то конныя фигуры; тотчасъ переодѣты три казака въ киргизское платье и посланы добывать языка. Черезъ минуту они привели двухъ женщинъ, которыя и сообщили, что русскіе прошли въ Кочакъ, что онѣ сами были въ русскомъ лагерѣ, попавъ случайно въ руки казаковъ. Сухари и овесъ, который показали при этомъ жинщины,—служили подтвержденіемъ ихъ показаній. Тутъ кстати вернулся, посланный вторично, проводникъ Айтмагометъ, сообщившій, что на кол. Аузурбаѣ есть слѣдъ отряда. Проводнику этому была вручена записка къ Ломакину о всемъ случившемся съ сотнею и о томъ, что она идетъ къ заливу Кочаку по дорогѣ въ ф. Александровскій.

Между тѣмъ, послѣ стычки 29-го числа, Ломакинъ ночевалъ на Аузурбаѣ и до свѣта 30-го двинулся къ Мастеку; туманъ и его заставилъ прибѣгнуть къ помощи компаса.

Нарочные, посланные съ дороги къ сотнѣ Квинитадзе, не возвращались,—ясно, что они были перехвачены. Добравшись кое

какъ до Мастека, отрядъ не засталъ уже сотни и, сдѣлавъ тутъ небольшой привалъ,—двинулся къ Кочаку, догадавшись о вѣроятномъ направленіи туда же и спѣшенной киргизами сотни. Всю ночь и весь слѣдующій день 31 числа тянулся отрядъ по компасу, не имѣя о товарищахъ ни слуху, ни духу.

Ломакинъ рѣшился разослать во всѣ стороны казачьи разъѣзды и джигитовъ поискать слѣдовъ. Часу въ одинадцатомъ ночи разъѣзды вернулись съ радостнымъ извѣстіемъ, что сотня жива и здорова и что наткнулся на нихъ Айтъ Мамбетъ съ запиской.

Неутомимаго проводника снова погнали назадъ съ приказаніемъ сотнѣ идти скорѣе къ Кочаку. Въ полдень онъ доставилъ это приказаніе, а къ полночи съ 1-го на 2 февраля сотня присоединилась къ отряду, сдѣлавъ въ послѣдній день болѣе 40 верстъ! Бодрость духа и слѣпая надежда на„авось дойдемъ“, на этотъ разъ, вывезли.

На другой день пѣшіе казаки засѣдлали своими сѣдлами лошадей, отбитыхъ отрядомъ Ломакина въ стычкѣ 29 числа, и затѣмъ весь отрядъ потянулся къ форту, куда и прибылъ 4-го февраля, сдѣлавъ въ самый разгаръ зимы, при постоянныхъ морозахъ отъ 10 до 15-°, сопровождавшихся порывистымъ восточнымъ вѣтромъ,—слишкомъ 500 верстъ въ 15 дней.

Больныхъ въ отрядѣ не было *) и ранеными считались только двое, остальные же не выходили изъ фронта.

Быстрымъ наступленіемъ своимъ на Бузачи и рѣшительнымъ урокомъ, даннымъ терцами, Ломакинъ пресѣкъ безпорядки въ самомъ ихъ началѣ. Разосланные во всѣ концы біи успѣли вернуть большую часть откочевавшихъ киргизовъ.

Кафаръ еще три раза пробовалъ зажигать огни на Чапанъ Ата, но къ нему уже никто почти не являлся. Видя свое дѣло проиграннымъ, Кафаръ бѣжалъ съ семьею въ Хиву.

Народъ вообще отнесся къ затѣѣ Кафара довольно равнодушно: тысячи безучастныхъ зрителей смотрѣли на расправу терцевъ не думая вовсе спѣшить на призывные клики: „аламанъ, аламанъ“!

Кромѣ того, оставшіеся на зиму, въ зал. Кочакъ, русскіе рыбаки не только были доставлены въ фортъ киргизами, но даже рыболовныя снасти ихъ и лодки приняты киргизами на сбереженіе.

Бѣжали на Усть-Уртъ не бунтовщики, а просто бѣдняки, напуганные до паники, которые заботились только о томъ, чтобы

---

*) 31 января у Ломакина человѣкъ десять познобили себѣ ноги, но такъ какъ по его приказанію люди обернули ноги войлокомъ отъ кибитокъ, то ознобленія были не опасны.

остаться въ сторонѣ отъ затѣваемыхъ безпорядковъ и не подвергнуться разгрому, наравнѣ съ виноватыми.

Это предположеніе тѣмъ достовѣрнѣе, что подобный примѣръ уже былъ въ 1870 г., когда съ такою же поспѣшностью бѣжали отсюда даже и тѣ адаевцы, которые просили о причисленіи ихъ къ Уральской области, а бѣжали изъ-за того, совершенно вѣрнаго разсчета, что при расправѣ, при взысканіи контрибуціи, русскіе легко могутъ смѣшать ихъ съ прочими адаевцами.

Долгій опытъ научилъ дикарей беречься въ подобныхъ случаяхъ, потому что успокоительныя выраженія въ родѣ: „про то начальство знаетъ“ или „тамъ васъ разберутъ, кто виноватъ“ и проч.—мало способствуютъ къ утѣшенію невинныхъ, разоренныхъ до тла неразборчивой рукою мстителей.

Неудавшаяся попытка собрать верблюдовъ по наряду, охладила Ломакина окончательно къ этому дѣлу. Боязнь за дальнѣйшее спокойствіе края заставила его отказаться отъ повторенія попытокъ. Собранные ранѣе 522 верблюда онъ предлагалъ отправить въ Красноводскъ не сухопутно, а моремъ, чтобы не подвергать конвой опасности и не высылать изъ форта всю кавалерію какъ разъ въ то время, когда она нужна самимъ.

Виновныхъ Ломакинъ мечталъ наказать тѣмъ, что мы не станемъ у нихъ ничего покупать, не пропустимъ ихъ на лѣтовки въ Арка и будемъ содержать на свой счетъ въ фортѣ 60 заложниковъ.

Итакъ, для Красноводскаго отряда можно было собрать только 522 верблюда.

Остается удивляться энергіи и предпріимчивости Мангышлакскаго пристава, успѣвшаго-таки, не смотря на всѣ приведенныя имъ препятствія, собрать къ началу апрѣля до 1.500 верблюдовъ... Правда, что это дѣлалось уже не для Маркозова, а для самого себя: 14 апрѣля Ломакинъ выступилъ самостоятельнымъ начальникомъ (до встрѣчи съ оренбуржцами) противъ Хивы, столь долго испытывавшей терпѣніе его.

Причина неудачи сбора верблюдовъ для Маркозова была та, что въ прошломъ году онъ не заплатилъ за верблюдовъ, а у Ломакина тоже не было вначалѣ денегъ, пока полк. Филипповъ не привезъ ему изъ Тифлиса 30.000 р. Туркмены требовали деньги впередъ, не вѣря никакимъ обѣщаніямъ.

Гродековъ, на стр. 52 своей книги, приводитъ слѣдующія строки изъ письма туркменскаго наиба Мамедъ-Пана къ Ломакину: „Красноводскій начальникъ въ прошломъ году насильно взялъ у нашихъ людей верблюдовъ и, обѣщавъ за нихъ платить деньги, выдалъ только по семи пудовъ хлѣба и 10 руб. деньгами. Поэтому наши люди боятся, что и теперь будутъ брать верблюдовъ безъ денегъ, и потому они теперь намъ не вѣрятъ“.

Вотъ подробности снаряженія экспедиціи со стороны Мангышлака, Чекишляра и Красноводска: командированный для этой цѣли полковникъ Золотаревъ, на основаніи весьма точныхъ и обстоятельныхъ соображеній, завѣдывающаго перевозкою войскъ по Каспійскому морю генер. штаба подполк. Пожарова, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія относительно перевозки войскъ и грузовъ изъ Чекишляра въ Красноводскъ и Киндерли:

1) Компанейскія суда общества „Кавказъ и Меркурій", одинъ пароходъ и 3 шкуны должны идти изъ Баку въ Чекишляръ, причемъ пароходъ и одна шкуна зайдутъ прежде въ Ленкорань, чтобы забрать оттуда, сколько имъ будетъ по силамъ, мѣстныхъ киржимовъ съ тремя матросами на каждомъ. Пароходъ, сверхъ того, заберетъ и стоявшій тамъ компанейскій транспортъ.

2) Четвертая компанейская шкуна, ушедшая срочнымъ рейсомъ въ Ашуръ-аде, должна оттуда идти также въ Чекишляръ.

3) Три шкуны, стоявшія въ Петровскѣ, остаются на мѣстѣ для перевозки оттуда грузовъ и войскъ на восточный берегъ Каспія.

4) Шкуна, ушедшая срочнымъ рейсомъ въ Астрахань, должна была принять тамъ, на 9-ти футахъ *), заготовленное подрядчикомъ Каргановымъ, 2-мѣсячное довольствіе Красноводскаго отряда-но доставить его не въ Красноводскъ, а въ Киндерли.

5) Девятая шкуна доставитъ изъ Баку въ Киндерли заготовленную въ Баку пристань для болѣе скорой и удобной выгрузки войскъ и тяжестей.

6) Двѣ шкуны общества „Лебедь" законтрактованы и отправлены: одна въ Красноводскъ, а другая—въ Петровскъ.

7) Для обезпеченія скорой нагрузки войскъ въ Чекишлярѣ съ помощію туркменскихъ лодокъ и киржимовъ, начальникъ астрабадской морской станціи долженъ былъ выслать одинъ или два паровыхъ барказа въ Чекишляръ буксировать названныя лодки.

8) Казенная шкуна „Михаилъ", находившаяся въ распоряженіи Золотарева, должна была захватить изъ Чекишляра въ Киндерли сколько будетъ можно войскъ и грузовъ, но недостатокъ средствъ нагрузки и свѣжая погода помѣшали этому.

Изъ остальныхъ казенныхъ судовъ, годныхъ для перевозки грузовъ, имѣлись только два парохода и одна шкуна, но первые назначались для сопровожденія по Каспію шаха, собиравшагося путешествовать по Европѣ, а шкуна оставалась занятою однимъ подполковникомъ генеральнаго штаба для какихъ-то казенныхъ надобностей. Такимъ образомъ ни одно изъ судовъ каспій-

*) Такъ называется якорная стоянка морскихъ судовъ въ 150 верстахъ отъ Астрахани, къ которой, по мелководію Волги, они подойти ближе не могутъ.

ской флотиліи не могло принять участія въ транспортировкѣ войскъ...

Всего же занято для этой цѣли было: двѣ шкуны товарищества „Лебедь“, одинъ пароходъ съ большимъ транспортомъ на буксирѣ и десять шкунъ общества „Кавказъ и Меркурій“; рейсовое сообщеніе по Каспію съ двадцатыхъ чиселъ марта, конечно прекратилось.

Прибывъ въ Чекишляръ, Золотаревъ засталъ Маркозова только съ тремя послѣдними ротами, четырьмя орудіями и всею кавалеріею, которую предполагалось двинуть какъ можно позже, чтобы стравить на мѣстѣ еще часть фуража и тѣмъ уменьшить количество груза, слѣдующаго при отрядѣ. Чтобы кавалерія могла потомъ обгонять пѣхоту, не стѣсняясь своимъ транспортомъ, фуражъ былъ размѣщенъ по верблюдамъ, состоявшимъ въ ротахъ

Всѣхъ верблюдовъ чекишлярскій отрядъ имѣлъ 2,614 штукъ; распредѣлены они были слѣдующимъ образомъ:

при пяти кабардинскихъ ротахъ	950	штукъ
„ трехъ самурскихъ „	500	„
„ двухъ дагестанскихъ „	414	„
„ двухъ ширванскихъ „	390	„
„ артиллеріи	260	„
„ отрядномъ штабѣ	100	„
	2,614	штукъ

Изъ этого числа только 400 штукъ были доставлены туркменами добровольно, и это были наилучшіе, остальные же, добытые силою, были весьма слабы, какъ по причинѣ зимней безкормицы, такъ и по случаю обычнаго въ это время года приплода. Уже на мѣстѣ верблюды падали десятками; вся надежда была на пробивавшійся уже подножный кормъ. Тѣмъ не менѣе верблюды были облегчены до возможнаго предѣла: средняя величина груза доходила до 5 пудовъ, болѣе 7-ми вьючили рѣдко.

Поэтому всѣ эти верблюды едва подняли немного болѣе двухмѣсячнаго запаса довольствія людей (на 2 мѣсяца и 12 дней) и 3,600 пуд. ячменя, обезпечивавшіе кавалерію только до прибытія отряда на границу Хивинскаго ханства.

Такимъ образомъ, по числу дней пути (около 40), и по наличному числу лошадей въ сотняхъ, артиллеріи и штабѣ, на каждую лошадь приходилось въ сутки только до $5^1/_2$ фунтовъ ячменя, что, конечно, было недостаточно при тяжеломъ походѣ, иногда глубокими песками. Поэтому Золотаревъ уменьшилъ составъ кавалеріи отряда на одну сотню, которую предназначилъ перевезти въ Киндерли.

Въ чекишлярскомъ отрядѣ оставалось еще до 500 всадниковъ,

что можно было принять за минимумъ, въ виду предстоявшаго расхода кавалеріи на охранительную и развѣдывательную службы. Сокращеніе на одну сотню давало возможность увеличить дачу ячменя до 7 фунтовъ.

Къ перевозкѣ въ Киндерли назначено было: 8 ротъ ширванцевъ, 1 сотня конно-иррегулярнаго полка, 2 нарѣзныхъ 4-фунтовыхъ пушки стараго образца, безъ запряжки, и 3 ракетныхъ станка съ 66 ракетами. Кромѣ того, въ Киндерли посылались изъ Чекишляра — 1, а изъ Красноводска 3 нортоновскихъ трубчатыхъ колодца.

На людей и лошадей взять 4-мѣсячный запасъ продовольствія, чтобы пропорціею на 4-й мѣсяцъ подѣлиться съ остальными частями мангышлакскаго отряда и тѣмъ облегчить заготовленіе предположенной для нихъ пропорціи на 3-й мѣсяцъ.

Двѣ сборныя роты изъ слабыхъ, а также 6 орудій, оставшіяся въ Чекишлярѣ, назначены къ перевозкѣ въ Красноводскъ. Туда же назначены и всѣ тяжести покидаемаго укрѣпленія, весь оставшійся запасъ довольствія. Все это подняла одна шкуна, которой, затѣмъ, приказано было забрать въ Красноводскѣ сотню конно-иррегулярнаго полка и доставить ее въ Киндерли.

Всѣ остальныя суда, поднявъ въ Чекишлярѣ войска и грузы, назначенныя въ мангышлакскій отрядъ, направились прямо въ Киндерли.

Прибывъ въ Красноводскъ, Золотаревъ осмотрѣлъ назначенныя къ походу 2 сотни и нашелъ, что патроновъ у нихъ недостаточно (всего 25—30 патроновъ на каждаго), но что этому могутъ пособить кизляро-гребенскія сотни главнаго отряда, у которыхъ по 80 патроновъ на человѣка. Сотни выступали 1 апрѣля и въ 10-ти или 11-ти переходахъ соединялись у колодцевъ Бугораджи или Дзоюрукъ съ главнымъ отрядомъ. Весь запасъ фуража потребный на эти 11 переходовъ, сотни должны были поднять на своихъ лошадяхъ, за неимѣніемъ верблюдовъ, которыхъ уже поздно было собирать для этой цѣли. Въ облегченіе ихъ оказалось возможнымъ выдвинуть этотъ запасъ фуража, по крайней мѣрѣ, на два перехода: именно въ кол. Белекъ. Казенный пароходъ, находившійся въ заливѣ, и перевезъ на высоту этого колодца 9-дневный запасъ, сотни же взяли съ собою, при выступленіи изъ Красноводска, только 2-дневную дачу, стравили ее до Белека и здѣсь подняли выгруженный пароходомъ остальной запасъ. На каждую лошадь пришлось до 3½ пудовъ. Понятно, что казаки, на походѣ, должны были періодически спѣшиваться.

Между тѣмъ въ Петровскѣ сосредоточивались войска, назначенныя въ составъ мангышлакскаго отряда. 3 кампанейскія шкуны въ одинъ рейсъ перевезли, къ 24 марта, только 2 самурскія роты и 1½ сотни казаковъ. Чтобы ускорить перевозку, Золотаревъ

прибавилъ къ воротившимся шкунамъ еще двѣ: казенную, на которой прибылъ самъ, и вытребованную изъ Баку шкуну товарищества „Лебедь“. 31 марта всѣ пять шкунъ отплыли изъ Петровска, поднявъ остальныя войска, т. е. 6 ротъ апшеронцевъ, 1½ сотни казаковъ и 6 орудій (два орудія изъ Чиръ-Юрта опоздали). Взята была и музыка Апшеронскаго полка.

Доставленная въ Киндерли пристань и двѣ большія лодки (вмѣстимостію до 1,000 пудъ каждая), доставленныя изъ Астрахани по иниціативѣ управляющаго морскими дѣлами общества „Кавказъ и Меркурій“, капитана 1 ранга Эльфеберга, много облегчили разгрузку. Еще 29 марта Ломакинъ отправилъ къ кол. Бишъ-Акты двѣ роты и двѣ сотни съ транспортомъ въ 150 верблюдовъ, поднявшихъ 2.000 пудовъ отряднаго довольствія. Верблюды эти воротились 5 апрѣля и вмѣстѣ съ 700, высланными изъ форта, должны были еще разъ сходить въ Бишъ-Акты.

Въ видахъ обезпеченія отряда на третій мѣсяцъ, интендантству пришлось заготовить довольствіе только на 800 человѣкъ, на остальное же количество людей зачитывалось довольствіе, привезенное, какъ уже сказано, изъ Чекишляра, а на лошадей— фуражъ изъ Красноводска. Запасы эти предполагалось перевезти изъ Киндерли, при помощи освобождающихся верблюдовъ, и опорныхъ пунктовъ на Киндерли, Бишъ-Акты и Ильтыдже. Укрѣпленія, здѣсь воздвигаемыя, должны были вмѣщать 1 роту, ½ сотни и 1 орудіе, изъ числа перевозимыхъ изъ Чекишляра. Только въ Киндерли оставались двѣ роты на случай работъ по выгрузкѣ. По разсчету времени, довольствіе на 3-й мѣсяцъ могло быть доставлено въ Айбугиръ въ первой половинѣ іюня, какъ разъ къ тому сроку, когда 2-мѣсячный запасъ будетъ на исходѣ.

Къ началу апрѣля отрядъ былъ обезпеченъ 1,000 надежныхъ верблюдовъ, поднимавшихъ отъ 12—15 и даже до 20 пудовъ, такъ что эта тысяча стоила 3-хъ тысячъ чекишлярскихъ!

Количество верблюдовъ обусловливало силу отряда не болѣе какъ въ 12 ротъ и 6 сотенъ въ 400 всадниковъ. Роты, въ составѣ 110 до 120 чел., а сотни также въ отборномъ и, значитъ, уменьшенномъ составѣ, отъ 70—80 всадниковъ. Слабыхъ изъ ротъ рѣшено оставить въ гарнизонѣ одного изъ опорныхъ пунктовъ, а остатки отъ каждой сотни размѣстить по всѣмъ опорнымъ пунктамъ.

Такимъ образомъ въ Киндерли сосредоточилось 17 ротъ, 6 сотенъ, 8 орудій и 3 ракетныхъ станка. Изъ нихъ въ дѣйствующій отрядъ назначено 12 ротъ, 6 сотенъ, 6 орудій, 3 ракетныхъ станка и саперная команда въ 8 человѣкъ. Сверхъ того собрана была еще туземная конная милиція. Оставшіяся пять ротъ распредѣлялись: одна въ фортъ, а четыре по опорнымъ пунктамъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ, на Ильтыдже, рѣшено оставить и два ору-

дія. Всего: пѣхоты 1,438 чел., кавалеріи—420 чел., артиллеріи—108 чел., милиціи—120 чел., въ штабѣ—20 чел., а всего: людей 2,140, лошадей 650.

Начальникомъ отряда назначенъ полковникъ Ломакинъ, начальникомъ кавалеріи полковникъ Теръ-Асатуровъ, дивизіонъ конно-иррегулярнаго полка порученъ подполковнику генеральнаго штаба Скобелеву, а казаки—войсковому старшинѣ Климентову. Начальникомъ отряднаго штаба—подполковникъ генеральнаго штаба Гродековъ; третій офицеръ генеральнаго штаба подполковникъ Пожаровъ—командиромъ одного изъ ширванскихъ баталіоновъ.

Отрядъ снабженъ былъ, присланными изъ Петербурга, палатками французскаго образца и 50-ю сигнальными ракетами, заготовленными въ Дагестанѣ.

Общество „Кавказъ и Меркурій“ заслуживаетъ полной похвалы за свою исправность и усердіе въ дѣлѣ транспортировки казенныхъ грузовъ. Съ двадцатыхъ чиселъ марта до 10 апрѣля всякіе срочные рейсы этого общества прекратились, и понятно, что всѣ ежегодныя субсидіи, выдававшіяся правительствомъ до этого времени, потрачены не даромъ.

Всего перевезено моремъ на разстояніи отъ 400 до 500 верстъ, на 13 паровыхъ, одномъ парусномъ и одномъ транспортѣ,—свыше 3000 чел., 600 лошадей, 10 орудій и болѣе 30.000 пудовъ груза.

Нельзя не отдать также полной справедливости дѣльнымъ распоряженіямъ двухъ офицеровъ генеральнаго штаба: полковника Золотарева и подполковника Пожарова.

14 апрѣля мангышлакскій отрядъ выступилъ изъ Киндерли въ упомянутомъ выше составѣ.

Первоначальная смѣта для снаряженія кавказскаго отряда, какъ мы говорили, доходила до 465,414 руб. съ копѣйками.

Но какъ вмѣсто одного отряда въ 4400 человѣкъ и въ 900 коней, пришлось пустить два, причемъ у Маркозова было 2205 человѣкъ и 508 коней, а у Ломакина 2140 человѣкъ и 650 коней, а въ обоихъ отрядахъ 4345 человѣкъ и 1158 коней, то расходы на довольствіе должны были нѣсколько возрасти, на счетъ платы за верблюдовъ, которые, большею частью, взяты были даромъ. Ломакину было отпущено 85.000 руб. на верблюдовъ и другія потребности отряда, 19.237 руб. на барановъ, 5.000 руб. безотчетно, да онъ самъ взялъ изъ кибиточнаго сбора по Мангышлаку 30.000 руб.; всего значитъ у него было денегъ 139.237 руб., Маркозову было отпущено всего 205 тысячъ; да 40.000 руб. перевозка, итого оба отряда обошлись до 385 тысячъ.

Мангышлакскій отрядъ также не взялъ съ собой гороха, капусты, уксуса, а спиртъ хотя и взяли нѣкоторыя части въ уменьшенной дачѣ, но и тотъ вылили походомъ, когда не на чемъ было

его везти. Ни масла, ни сала тоже не взяли, чтобы даромъ не таяло, такъ какъ котловъ для каши везти было не на чемъ.

Лимонную кислоту въ кристаллахъ взяли по 1¾ золот. на человѣка въ день. Чаю назначили мало: по осьмушкѣ въ мѣсяцъ на человѣка и по 1 фун. сахара. Сухари были доставлены въ рогожныхъ куляхъ и походомъ сыпались сквозь протертыя мѣста, такъ что людямъ едва приходилось и по одному фунту въ день. Въ случаѣ необходимости бросить вьюкъ, за негодностью верблюда, — разрѣшалось кидать прежде всего крупу до ⅓ всего запаса, а потомъ и соль—до ½ запаса. Кислоты оказалось тоже мало: на безводныхъ переходахъ люди заглушали жажду кристаликами кислоты. Нортоновскихъ колодцевъ тоже не взяли, по тѣмъ же причинамъ, какъ и Чекишлярскій отрядъ: везти не на чемъ, а ждать воды изъ нихъ некогда. Не взяли даже лазаретъ на 25 человѣкъ и госпитальныя вещи на 50 челов., присланныя въ отрядъ съ Кавказа. Та же участь постигла и даръ Темиръ-ханъ-шуринскаго общества Краснаго Креста, за исключеніемъ, конечно, 150 руб. деньгами. Все это оставлено въ Киндерли и потомъ пошло для больныхъ въ опорныхъ пунктахъ. Наконецъ, брошены были и переносныя палатки, которыхъ прислали изъ Петербурга 520 штукъ, для доставки въ Хиву, въ распоряженіе Кауфмана. Взяли только по двѣ на роту для однихъ офицеровъ. Люди не имѣли даже кошемъ или войлоковъ для подстилки на ночлегахъ. На случай болѣзней и ранъ взяты были походныя полковыя аптеки, бинты, противохолерныя капли Иноземцева да большой запасъ хины.

Одно хорошо и заслуживаетъ подражанія: князь Меликовъ прислалъ, выписанныя имъ на почтовыхъ, изъ Терской области, кожи юфтовыя и сыромятныя и подошвы для башмаковъ и поршней, которыя много облегчили солдатъ, да и офицеровъ въ пустынѣ.

Какъ однако ни экономничали въ тяжестяхъ, все-таки надо было поднять:

Сухарей	4,336½	пудовъ
Крупъ	1,445½	„
Соли	390	„
Перцу.	5½	„
Чесноку.	5½	„
Лимонной кислоты	48	„
Овса	7,190	„
Спирта	113½	„
Всего . .	13,534½	„

Полагая по 12 пуд. на верблюда, надо было ихъ 1,127 головъ. Сократили еще: уменьшили дачу фуража, 4-дневный запасъ су-

харей роздали людямъ на руки, полумѣсячную пропорцію фуража—лошадямъ на спины. Все-таки нужно 930 головъ, а ихъ всего 900. Отрядъ имѣлъ 37 дрогъ и арбъ да 53 вьючныя лошади Апшеронскаго и Самурскаго полковъ—это и выручило. Водоподъемныхъ средствъ было куплено: 11 четырехведерныхъ, 48 семиведерныхъ, 3 девятиведерныхъ бочки и 80 бурдюковъ; да войска запаслись, по дорогѣ отъ штабъ-квартиръ, разною посудою на 513 ведеръ. Всего посуды было на 1193 ведра или по полъ-ведра на человѣка. Какъ повезли эту посуду, да еще съ водой, свѣдѣній нѣтъ даже у Гродекова, который былъ въ отрядѣ начальникомъ штаба. Ясно, что кинули еще что-нибудь...

Главнокомандующій кавказскою арміею совершенно справедливо замѣтилъ (отзывъ военному министру 12 ноября 1872 г. № 4535), что „снаряженіе экспедиціоннаго отряда отъ Каспійскаго прибрежья должно обойтись гораздо дешевле, чѣмъ снаряженіе таковаго же изъ Оренбурга или Ташкента“; но затѣмъ выразилъ мнѣніе, что „конечные благопріятные результаты, судя по всѣмъ даннымъ, могутъ быть достигнуты первыми скорѣе и легче, чѣмъ послѣдними“.

Эта увѣренность была всеобщею, но она поколебалась въ самомъ началѣ, какъ только пришлось снаряжать настоящую экспедицію со стороны Чекишляра, а не легкій поискъ. Дальнѣйшая судьба чекишлярскаго отряда показала, что и мнѣніе объ относительной легкости дѣла для кавказскихъ войскъ было преувеличено.

Инструкція Крыжановскаго была сообщена для свѣдѣнія кавказскому окружному штабу и почти въ тѣхъ же словахъ повторена Маркозову. Существенная разница заключалась лишь въ словахъ: „если бы обстоятельства воспрепятствовали вамъ сдѣлать маршъ на соединеніе съ Оренбургскимъ отрядомъ или въ ожиданіи его стоять на мѣстѣ въ Измыхширѣ (развалины крѣпости въ 60 верстахъ отъ г. Хивы), въ такомъ случаѣ предоставляется вамъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, по вашему усмотрѣнію, сообразно обстановкѣ, т. е. двинуться ли къ какому либо пункту теченія рѣки Аму-Дарьи на соединеніе съ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ... или же, если признаете совершенно необходимымъ,—сдѣлать наступленіе прямо къ гор. Хивѣ, и въ случаѣ надобности занять его“.

Не смотря на разныя, очевидно лишнія вставки, каковы: „сообразно обстановкѣ... если признаете совершенно необходимымъ... въ случаѣ надобности“,—смыслъ все-таки весьма ясенъ: не стѣсняйся ни предписаннымъ планомъ, ни инструкціей, подчинись въ предѣлахъ ханства, кому заблагоразсудишь,—если не Веревкину, то фонъ-Кауфману, а не то такъ и никому изъ нихъ!

Въ этихъ словахъ сказалась полная увѣренность, что чекишляр-

скій отрядъ пройдетъ свой путь скорѣе и легче чѣмъ оренбургскій и туркестанскій, а тогда, конечно, чего ему стоять въ степи на плохихъ колодцахъ, когда передъ нимъ „обѣтованная земля“?

Для осуществленія предположенной экспедиціи составленъ былъ въ главномъ штабѣ проектъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

1) Необходимо одновременное и концентрическое движеніе 3-хъ отрядовъ: Кавказскаго отъ р. Атрека, Оренбургскаго отъ р. Эмбы и Туркестанскаго отъ Нижняго Сыра.

2) Главный ударъ наносятъ кавказцы,—остальные отряды ограничиваются только содѣйствіемъ.

3) По соединеніи отрядовъ, руководство всѣми операціями остается за вел. кн. главнокомандующимъ кавказскою арміею.

4) По мѣрѣ движенія, отряды строятъ для себя опорные пункты или тыльныя укрѣпленія.

Проектъ этотъ вызвалъ со стороны прибывшаго тогда въ Петербургъ генерала фонъ-Кауфмана слѣдующія замѣчанія:

а) Согласовать движеніе трехъ отрядовъ, раздѣленныхъ тысячеверстными разстояніями и пустынями—невозможно, а потому лучше возложить все дѣло на одинъ какой-нибудь округъ—кавказскій или туркестанскій, причемъ другіе два только содѣйствуютъ. Оренбургскій отрядъ направить не съ Эмбы, а передвинуть его предварительно въ Казалинскъ. Это доставитъ, во-первыхъ, компактность и согласованіе дѣйствій отрядовъ двухъ округовъ, а во-вторыхъ, сократитъ количество войскъ, которыя нужно будетъ тронуть изъ Ташкента.

б) „Вспомогательные отряды, выступивъ одновременно съ главнымъ, замедляютъ затѣмъ ходъ и вступаютъ въ хивинскіе предѣлы только тогда, когда узнаютъ, что главный отрядъ уже разбилъ хивинцевъ и готовится брать столицу“... Другими словами: Кауфманъ желалъ, чтобы до окончанія дѣла главнымъ отрядомъ — вспомогательные не смѣли переступать границу и должны были сидѣть на ближайшихъ колодцахъ въ степи, подъ давленіемъ всѣхъ невзгодъ пустыни!

в) Въ случаѣ предоставленія первой роли туркестанскому округу, отъ него должны двинуться два отряда: одинъ изъ Казалинска и Перовска, чрезъ Иркибай на Дау-кару, а другой изъ Джизака, чрезъ Тамды и Минъ-Булакъ, или инымъ путемъ.

г) Въ случаѣ второстепенной роли, изъ Казалы и Перовска двигаются только части ихъ гарнизоновъ, и потому передвигать войска изъ Ташкента внизъ по Сыру не понадобится. Это было бы вредно въ томъ отношеніи, что такое передвиженіе „туземцы иначе и не поймутъ (будто бы?), какъ за движеніе наше назадъ—

родъ отступленія изъ занимаемой нами нынѣ позиціи въ Средней Азіи".

д) „Начальникъ того округа, на который возложится первая роль, долженъ лично присутствовать на театрѣ дѣйствій". Мысль совершенно вѣрная, но она какъ будто напоминала, что личное присутствіе стѣснительно для намѣстника Кавказа и, значитъ, первой роли кавказцамъ предоставить нельзя. Затѣмъ изъ другихъ двухъ округовъ на эту роль могъ претендовать только туркестанскій, какъ способный выставить отрядъ требуемой силы.

е) По мнѣнію генерала ф.-Кауфмана главный отрядъ долженъ былъ состоять: изъ 20 ротъ, 6 сотенъ и 20 орудій, а вспомогательные: изъ 10 ротъ, 4 сотенъ и 10 орудій. Если и второстепенная роль Оренбургскаго округа потребовала экстренныхъ мѣръ, въ видѣ формированія новаго линейнаго баталіона и командированія въ Оренбургъ изъ другого округа цѣлаго полка, для караульной службы, то, конечно, первенствующая роль Оренбургу была бы окончательно не по плечу.

Итакъ, очевидно, что первая роль должна принадлежать туркестанскому генералъ-губернатору.

На случай этого, генералъ фонъ-Кауфманъ развивалъ далѣе слѣдующій планъ: укрѣпленія для туркестанскихъ войскъ возводятся на Иркибаѣ и на Тамдахъ, гдѣ и располагается: въ первомъ 1 рота и 1/2 сотни, во второмъ—1 рота и 1 сотня.

Движеніе начать слѣдуетъ или въ концѣ февраля или не позже половины августа. Весною лучше, чѣмъ осенью, тогда придется вступить въ Хиву въ 1/2 апрѣля до жаровъ.

Такъ какъ число дней марша отъ Красноводска считается 40—45, а отъ Сыра до 40, то поэтому отряды должны имѣть съ собою продовольствія на 3 мѣсяца (туда и назадъ 80 дней, а въ ханствѣ можно подновить запасы). Въ тыльныхъ укрѣпленіяхъ имѣть еще запасовъ на 1 мѣсяцъ.

На содѣйствіе аральской флотиліи разсчитывать нельзя, потому что она можетъ ходить по морю только въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, то есть именно тогда, когда дѣло уже будетъ окончено (при весенней экспедиціи) или еще не начато. Такое понятіе о свойствахъ флотиліи оказалось однако ошибочнымъ: она преспокойно проплавала по морю во время экспедиціи и по мѣрѣ силъ содѣйствовала успѣху ея.

Для переправы черезъ р. Аму казалинская колонна везетъ 4 парома каждый изъ 2 составныхъ желѣзныхъ лодокъ; паромы подымали по 35 чел. въ разъ, а везлись каждый на 6 верблюдахъ.

На это замѣтимъ, что еще раньше было извѣстно, что по неимѣнію въ Казалинскѣ котельнаго желѣза требуемой тонины, нѣсколько лодокъ вышли тяжелѣе нормы, выносимой верблюдомъ.

Поэтому доставка ихъ должна была встрѣтить громадныя затрудненія и разсчитывать на нихъ, какъ на нѣчто непреложное, не слѣдовало.

Затѣмъ относительно участи Хивы, Кауфманомъ было заявлено, что намъ нѣтъ надобности присоединять даже и часть территоріи Хивинскаго ханства, такъ какъ это „повело бы только къ излишнему расширенію границъ и къ усложненію вообще дѣла". Извѣстно однако, какъ примѣненъ этотъ взглядъ на самомъ дѣлѣ!

„Мы можемъ ограничиться,—говорилось далѣе,—лишь нанесеніемъ удара: штурмомъ Хивы, столицы ханства, средоточія авторитета и силы его правительства, пораженіемъ главныхъ скопищъ хивинскихъ войскъ, слѣдуетъ осязательно доказать Хивѣ и ея досягаемость, и ея слабость"... Какъ видно, туркестанскій проектъ не предвидѣлъ одного обстоятельства: что дѣлать, если главныя скопища уклонятся отъ боя, а средоточіе авторитета и проч. сдастся безъ сопротивленія? Какія тогда понадобятся осязательныя доказательства?

Предполагалось затѣмъ взять большую контрибуцію,—если не хватитъ денегъ, то хлопкомъ, шелкомъ и др. товарами. А куда дѣвать такую оригинальную контрибуцію? Кому поручить продажу ея,—довѣренному купцу или чиновнику, — это въ проектѣ не разъяснено.

Войска должны были возвратиться по взысканіи всей контрибуціи или по обезпеченіи ея уплаты. Чѣмъ могъ бы ханъ обезпечить уплату: поручительствомъ, залогомъ? Кажется, въ такихъ случаяхъ возможно только одно обезпеченіе: занятіе страны или части ея. На приведеніе въ исполненіе этого плана исчислялось весьма немного: всего 287,300 р.

Въ засѣданіяхъ особаго комитета, съ участіемъ главныхъ начальниковъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ округовъ, средства и способы выполненія экспедиціи были окончательно выяснены.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій, прежде всего заявилъ, что время уже упущено и къ веснѣ приготовиться нельзя, что затѣмъ 4-го турк. стрѣлк. батальона отпустить не можетъ въ Казалинскъ, а то некому будетъ содержать караулы въ Оренбургѣ, что предложенный обмѣнъ стрѣлковаго батальона на пѣшій казачій батальонъ изъ Туркестанскаго округа не существенъ потому, что казачій батальонъ тотчасъ придется спустить на льготу, что единственное средство—сформировать новый линейн. батальонъ № 3, а до тѣхъ поръ прислать изъ Казанскаго округа какой-нибудь пѣхотный полкъ. Въ подтвержденіе необходимости усилить войска Оренбургскаго округа новыми частями приводилось слѣдующее: за высылкою отряда въ экспедицію и для возведенія Нижне-эмбен-

скаго укрѣпленія, въ Оренбургѣ остаются только 4 роты 1-го линейн. батальона и губернскій батальонъ, а для содержанія карауловъ необходимо имѣть сверхъ этого батальона не менѣе 8 ротъ. Что касается кавалеріи, то усилить нарядъ казаковъ невозможно потому, что и безъ того съ 1868 г. нарядъ составляетъ 40% всего числа служилыхъ, а съ 1871 къ тому же запрещено наряжать новоставочныхъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, и потому въ 1872 году пришлось нарядить 800 чел., не пробывшихъ на льготѣ должнаго числа лѣтъ!

На основаніи этихъ данныхъ оренбургскій округъ можетъ дать не болѣе 10 сотенъ. По вопросу о направленіи оренбургскаго отряда Крыжановскій находилъ, что движеніе отряда къ Казалинску, для присоединенія къ туркестанскимъ войскамъ, невыгодно въ томъ отношеніи, что оставляетъ открытымъ весь Орско-Казалинскій трактъ, куда, по проходѣ войскъ, легко могутъ вторгаться шайки туркменъ и киргизъ. Поэтому выгоднѣе двинуть отрядъ черезъ Усть-Уртъ, и по западному берегу Аральскаго моря. Близость нашихъ войскъ къ кочевьямъ удержитъ предпріимчивость дикарей въ должныхъ границахъ.

Эта, въ сущности справедливая мысль увлекла Крыжановскаго до требованія, чтобы не оренбуржцы шли на присоединеніе къ казалинцамъ, а наоборотъ. Для этого предлагалось: перевезти казалинскій отрядъ на судахъ аральской флотиліи на западный берегъ Аральскаго моря и затѣмъ двинуть этотъ отрядъ къ Каратамаку для присоединенія тамъ къ оренбургскимъ войскамъ.

Соображенія генерала Крыжановскаго были уважены (кромѣ послѣдняго пункта), и на мѣсто 4-го туркест. стрѣлк. батальона приказано передвинуть изъ Казанскаго округа 159 гурійскій пѣхотный полкъ, а въ Саратовѣ, подъ наблюденіемъ командующаго войсками казанскаго округа, сформировать 3-й орен. линейн. баталіонъ изъ 27 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,083 нижнихъ чиновъ, причемъ офицеровъ приказано назначить изъ неженатыхъ.

Затѣмъ окончательный планъ предположенной экспедиціи былъ выработанъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

Характеръ экспедиціи—такъ называемая „активная оборона“. Цѣль ея—только „наказаніе“ ханства.

Общій предметъ дѣйствія всѣхъ отрядовъ — столица ханства.

Планъ экспедиціи былъ утвержденъ государемъ императоромъ 12 декабря 1872 г. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1) со стороны Туркестанскаго округа идутъ 2 колонны: а) ташкентская изъ 10 ротъ, 3 сотенъ и 12 орудій, б) казалинско-перовская изъ 8 ротъ, 1—3 сотенъ и 4 орудій. На пути эти колонны строятъ укрѣпленія на Тамды и Иркибаѣ.

2) Оренбургскій округъ сосредоточиваетъ на Эмбѣ 8—9 ротъ, 7—8 сотенъ и 6 конныхъ орудій. Отрядъ этотъ идетъ черезъ Усть-Уртъ, вдоль западнаго берега Аральскаго моря и сосредоточивается снова на урочищахъ Касармѣ или Акъ-Суатѣ, гдѣ уже сообразуется съ движеніями кавказцевъ. На пути строитъ одно укрѣпленіе.

3) Кавказскій округъ сосредоточиваетъ въ Красноводскѣ или Чекишлярѣ, даже, наконецъ, въ Александровскомъ фортѣ (гдѣ признаетъ его императорское высочество за лучшее) 3 баталіона пѣхоты, 3—4 сотни кавалеріи и 16—20 орудій. Путь кавказскимъ войскамъ не назначенъ, но они обязаны были идти „такимъ образомъ, чтобы войти въ связь съ войсками Оренбургскаго округа еще до вступленія въ ханство“. На пути кавказцы строятъ 1 или 2 промежуточныхъ поста.

4) Срокъ прибытія на хивинскія границы обязателенъ къ 1 мая для всѣхъ отрядовъ, до этого же времени движенія ихъ производятся по усмотрѣнію каждаго округа.

5) Кавказскій и оренбургскій отряды, по соединеніи, поступаютъ подъ начальство старшаго въ чинѣ и, если вступятъ въ ханство раньше переправы туркестанскихъ войскъ, то прежде должны помочь имъ совершить эту переправу. Если хивинцы вышлютъ посланцевъ, то отсылать ихъ къ туркестанскому генералъ-губернатору, которому подчиняются всѣ войска, дѣйствующія противъ Хивы.

6) Приготовленія должны быть окончены къ концу февраля 1873 года.

7) Для усиленія войскъ Туркестанскаго округа передвинуть изъ Оренбурга въ Казалинскъ 4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ къ концу февраля, а на его мѣсто изъ Казанскаго округа въ Оренбургъ—159 Гурійскій пѣхотный полкъ, который по окончаніи похода возвращается въ свой округъ *).

8) На расходы ассигновать:

Туркестанскому округу	287.300	руб.
Оренбургскому „	200.000	„

а по снаряженію кавказскаго отряда расходы отнести на состоящія въ распоряженіи великаго князя 400.000 р. на непредвиденные расходы.

Относительно участи Хивы было указано слѣдующее: „госу-

*) Кромѣ того, усилены штатные составы уѣздныхъ командъ: Чимкентской на 149 чел., Ауліеатинской на 121 чел. и мѣстной Туркестанской на 115 чел.

дарь императоръ изволилъ неоднократно выражать, что ему ни въ какомъ случаѣ не угодно расширеніе предѣловъ Имперіи и таковая воля его величества вмѣняется въ неуклонное руководство при предстоящихъ дѣйствіяхъ противъ Хивы". Въ другомъ мѣстѣ сказано еще категоричнѣе: „по наказаніи Хивы, владѣнія ея должны быть немедленно очищены нашими войсками".

Покончивъ съ основными началами экспедиціи, мы будемъ держаться, при дальнѣйшемъ изложеніи, такой системы: сначала разскажемъ о неудачномъ движеніи красноводскаго или, вѣрнѣе, чекишлярскаго отряда, чтобы онъ уже намъ не мѣшалъ, потомъ перейдемъ къ туркестанскому, до соединенія его съ казалинскою колонною на урочищѣ Халъ-ата, затѣмъ къ оренбургскому до соединенія его съ мангышлакскимъ; потомъ разскажемъ о движеніи этого послѣдняго до соединенія съ оренбургскимъ, затѣмъ воротимся опять къ туркестанскому и прослѣдимъ его движеніе до переправы чрезъ Аму-Дарью. Самое движеніе къ столицѣ ханства будетъ разсказано параллельно объ оренбурго-кавказскомъ и туркестанскомъ отрядахъ. Это единственный способъ избѣгнуть повтореній и слѣдить за отрядами по мѣрѣ ихъ движенія.

ГЛАВА VI.

Движеніе Красноводскаго отряда. Составъ его. Стоимость снаряженія. Верблюды негодны. Поискъ своднаго казачьяго полка къ колодцамъ Игды. Стычка и добыча. Кавалерія заморена. Жары. Водоподъемныя средства отряда, въ виду безводнаго перехода въ 75 вер. къ Ортакую. Проводники. Неимовѣрная утечка воды изъ боченковъ. Совѣтъ проводниковъ свернуть на колодецъ Бала-Ишемъ. Оправданія Маркозова, почему не свернулъ. Жара въ 52°. Термометръ лопнулъ. Отчаянное положеніе казаковъ. Роковое 20 апрѣля. Казаки бредутъ нагишомъ. Кабардинцы свалились. Часовые бросаютъ оружіе. Состояніе полной невмѣняемости. Разсказъ маршала Сентъ-Арно о подобномъ же испытаніи въ Алжирѣ. Александръ Македонскій въ южной Персіи. Совѣтъ Непира. Взводъ годныхъ изъ 6 ротъ безсильныхъ. Офицеры загоняютъ барановъ и верблюдовъ съ пастьбы. Всѣ на Бала-Ишемъ! Эшелонъ Козловскаго сбитъ съ дороги самимъ Маркозовымъ противовѣчивыми записками. Казачій разъѣздъ на верблюдахъ собираетъ кинутое оружіе одежду и замороженныхъ товарищей. До Ортакую дошло 6 человѣкъ! Онъ былъ ближе, чѣмъ Бала-Ишемъ... Умышленная порча степныхъ колодцевъ не въ обычаяхъ дикарей. Изобиліе воды послѣ безводицы — гибельно для лошадей. Можно ли было идти далѣе? При какихъ условіяхъ можно было пройти по пути Маркозова? Колодцы въ бурдюкахъ, мелкіе эшелоны. Туркмены не опасны. У Маркозова не было не только воды, но и хлѣба. Прямая вина Маркозова. Онъ все-таки хочетъ идти далѣе. Военный совѣтъ. Рѣшеніе отступить въ Красноводскъ. Падежъ скота. Убыль людей. Можно ли хвалить Маркозова за то, что онъ отступилъ? Причины неудачи похода. Благодарность въ приказѣ по Кавказскому округу.

Мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ почему Маркозовъ предпочелъ болѣе короткую, хотя и безводную дорогу для движенія отряда. Всѣ росказни о томъ, будто вверхъ по Атреку и Сумбару идти было невозможно за какими-то сильными дождями, о которыхъ сообщали слухи какіе-то туркмены,—всѣ эти росказни, какъ неосновательныя ни на чемъ достовѣрномъ, не подтвержденныя рекогносцировками,— не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакой цѣны. Степная дорога на Бугдайлы и такъ далѣе, короче кизилъ-арватской—вотъ и все. А что для Маркозова даже и 25 верстъ лишнихъ составляли большой счетъ,— доказательствомъ служитъ отказъ его свернуть немного съ дороги на Орта-Кую, къ колодцу Бала-Ишему, чтобы напоить людей и животныхъ...

Составъ отряда, въ зависимости отъ числа верблюдовъ, опредѣлился въ 12 ротъ, 4 сотни, 16 орудій, 7 ракетныхъ станковъ и небольшой саперной команды. Такъ что было: пѣхоты 1505 чел., кавалеріи 457 чел., артиллеріи 243 чел., а лошадей: въ кавалеріи

457, въ артиллеріи 51 (семь горныхъ пушекъ везлось верблюдами). Итого, людей 2205, лошадей 508.

Первоначально предполагалось двинуть 4400 чел. и 900 лошадей, которымъ на 6 мѣсяцевъ похода приходилось: 792.000 порцій людскихъ по 18¼ коп. и 162.000 конскихъ (20 ф. ячменя и 5 ф. сѣна) при цѣнѣ въ 5 руб. 90 к. за четверть ячменя и 95 к. за пудъ сѣна. Это обходилось бы около 59 коп. на лошадь. Но какъ отъ прошлогодней рекогносцировки у Маркозова осталось 110 т. людскихъ и 32 т. конскихъ, всего на сумму до 39 т. руб. то смѣта измѣнилась такъ:

а) 680.000 людскихъ порцій	124.000	р.	— к.
б) 130.000 конскихъ (ячменя 11.818 четв.	69.727	„	26 „
и сѣна 16.250 пуд.)	7.962	„	50 „
в) экстраординарныхъ (веревки, бочки, переводчики).	44.000	„	— „
г) заготовка и перевозка сухарей до Петровска	8.000	„	— „
д) перевозка моремъ	31.624	„	88 „
е) наемъ 3000 верблюдовъ на 5 мѣсяцевъ (10—15 р. въ мѣсяцъ)	180.000	„	— „
Всего . . .	465.414	р.	64 к.

Такъ какъ отрядъ уменьшался почти на половину,— вмѣсто 4400 чел. шло въ походъ 2205, а лошадей, вмѣсто 900, только 508, то Маркозову, съ учетомъ 39 т., отпущено было на довольствіе только 116 т. р. Сверхъ того онъ получилъ 44 т. на экстраординарные и 6 т. безотчетно, всего 166 т., а съ зачтенными 205 т. р. Остальные расходы по статьямъ **г, д, е**, велись особо, и что касается верблюдовъ, то нельзя было уяснить себѣ, сколько именно было на это израсходовано, такъ что вопросъ этотъ остался темнымъ. Если ничего за нихъ не платили, то на отрядъ Маркозова пошло только 245 т.

Надобно замѣтить, что до 1872 г. интендантство довольствовало закаспійскія войска чрезъ подрядчиковъ, которые, изъ-за морской перевозки, часто были не аккуратны, и напримѣръ, за рекогносцировку 1871 г. остались должны войскамъ, на одномъ мясѣ, до 7.000 руб., что повело за собой незаконныя сдѣлки съ подрядчикомъ, получившимъ отъ частей чистыя квитанціи, а по нимъ деньги съ казны, и затѣмъ уже онъ расплачивался съ войсками.

По докладу Маркозова, кавказское начальство рѣшило возложить довольствіе на начальника отряда, которому предоставлялось увеличивать или уменьшать дачу, сообразно обстоятельствамъ, лишь бы не выходить изъ предѣловъ средней стоимости

содержанія человѣка или лошади. Благодаря добросовѣстности Маркозова, такой оригинальный способъ довольствія на хозяйскихъ началахъ далъ прекрасные результаты: отпуска были такъ значительны, что части безъ затрудненія принимали на счетъ все сжигаемое, и бросаемое въ походѣ, по случаю падежа верблюдовъ; образовалась даже экономія, выданная на руки людямъ въ размѣрѣ отъ 3 до 9 р. 50 коп. каждому.

Сухари и крупу поставляло интендантство, мясо промышляли сами войска, а на все остальное Маркозовъ договорилъ подрядчика. Цѣны и условія отдавались въ приказахъ.

Отступленія отъ нормальной раскладки состояли въ томъ, что гороха не взяли вовсе,—долго его варить надо; вмѣсто квашеной капусты отпускали сушеную; вмѣсто луку — чеснокъ; вмѣсто уксуса—лимонную кислоту въ кристаллахъ; вмѣсто спирта—по $^1/_4$ ф. чаю и $1^1/_2$ ф. сахару въ мѣсяцъ на каждаго.

Спирту взяли однако немного. Все это для уменьшенія вѣса и, значитъ, экономіи въ верблюдахъ. Нортоновскій колодезь взяли только одинъ, да и тотъ забили только разъ и чистой воды отъ него ждали 6 часовъ, что при 2-хъ переходахъ въ день невозможно.

Общества „Краснаго Креста"—петербургское, одесское и тифлисское—снабдили чекишлярскій отрядъ довольно щедро: первое прислало одну офицерскую, одну солдатскую госпитальныя палатки и по 100 бут. хереса и коньяку; второе: лимонную кислоту, карболку, соду, хину, опій, чай, сахаръ, кофе и перевязочныя средства; третье: уксусную кислоту, гипсъ, противухолерныя капли Иноземцева, кровь останавливающую воду Нелюбина, перевязочныя средства, набрюшники, холстъ и деньги на 100 бут. вина и на вату.

19-го марта двинулся въ походъ изъ Чекишляра первый эшелонъ изъ пяти ротъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, саперной команды, нѣсколькихъ казаковъ (для посылокъ съ приказаніями) и 4-хъ горныхъ орудій подъ начальствомъ маіора Козловскаго. Эшелонъ долженъ былъ остановиться на озерѣ Топіатанъ и ждать дальнѣйшихъ приказаній. 21-го числа выступилъ второй эшелонъ изъ одной дагестанской и трехъ самурскихъ ротъ, нѣсколькихъ казаковъ и 8-ми горныхъ орудій подъ командой маіора Панкратьева, такъ что полковъ. Золотаревъ, который могъ бы ихъ и не пустить,—не засталъ ихъ. 26-го двинулся и третій эшелонъ изъ одной дагестанской и двухъ ширванскихъ ротъ, команды казаковъ и 4-хъ полевыхъ орудій подъ начальствомъ полковника Араблинскаго. Тутъ шелъ и отрядный штабъ. Послѣдними выступили, 30-го числа, двѣ сотни Кизляро-гребенскаго полка подъ командою подполковника князя Чавчавадзе. Чтобы поменьше взять на вьюки фуража, сотни должны были подольше

оставаться въ Чекишлярѣ, а потомъ имъ легко перегнать пѣхоту. Двѣ другія сотни — сунженская и владикавказская, подъ начальствомъ подполк. Левиса офъ Менара и ракетная команда, посаженная на коней, были двинуты изъ Красноводска 2-го апрѣля,—забрали съ кол. Белекъ подвезенный имъ пароходами фуражъ и повезли его на своихъ лошадяхъ (верблюдовъ у нихъ не было) къ Топіатану.

Такимъ образомъ въ походъ двинулись: 12 ротъ, 4 сотни и 16 орудій, не обезпеченные верблюдами.

Какъ уже сказано, отрядъ былъ обезпеченъ на бумагѣ: провіантомъ на 2 мѣсяца и 12 дней, а фуражомъ только по 9-е мая. Везти его было почти не на чемъ, такъ какъ награбленные полудохлые верблюды, да еще безъ вожатыхъ, только на бумагѣ составляли будто бы караванъ.

Съ перваго же шага въ степь верблюды стали падать. Вьюки ихъ, конечно, пришлось оставлять на дорогѣ. Первый же эшелонъ Козловскаго бросилъ такимъ образомъ на первомъ же переходѣ въ 23 верстахъ отъ Чекишляра 138 вьюковъ сухарей, а это составляло болѣе чѣмъ двухнедѣльный запасъ всего отряда. Да и шелъ онъ въ первый день только 7 верстъ, во 2-й $8^1/_2$, а въ третій—$9^1/_2$. Хорошъ походъ! Задніе эшелоны подобрали брошенные вьюки, но зато изъ Чекишляра не взяли такую же пропорцію, чтобы имѣть свободныхъ верблюдовъ для поднятія этихъ вьюковъ. Послѣднія сотни Чавчавадзе подбирали, что могли, и, нагрузивъ лошадей до 6 пудовъ, шли пѣшкомъ, но зато сухарями кормили лошадей...

8-го апрѣля отрядъ благополучно прослѣдовалъ колодцы Айдинъ (238 верстъ къ сѣверу отъ Чекишляра) на старомъ руслѣ Аму, а къ озеру Топіатану прибылъ 11-го, присоединивъ къ себѣ передъ тѣмъ на кол. Бууражи обѣ терскія сотни, вышедшія изъ Красноводска. Тамъ же Маркозовъ составилъ сборную, а вѣрнѣе отборную роту по 20 челов. изъ каждой роты 3-хъ полковъ, чтобъ налегкѣ шли съ казаками.

13-го отрядъ продолжалъ движеніе, выславъ впередъ небольшой казачій отрядъ, по слѣдамъ уходившей конной шайки туркменовъ. Настигнувъ шайку, казаки завязали перестрѣлку, но непріятель, пользуясь наступившею темнотою, — скрылся. Ночью туркмены пытались было пробраться къ лагерю, но наткнулись на секреты и были отражены огнемъ подошедшей аванпостной цѣпи.

Съ разсвѣтомъ 14-го числа весь сводный казачій полкъ, подъ командою князя Чавчавадзе, выступилъ къ кол. Джамала, 42 версты сопровождаемый издали конными туркменами, внимательно слѣдившими за отрядомъ. Лишь только боковой патруль вздумаетъ перевѣдаться съ непрошеннымъ попутчикомъ,—туркменъ,

не долго думая, сворачиваетъ въ степь и его по неволѣ оставляютъ въ покоѣ!

Это молчаливое соглядатайство такъ надоѣло, что казакамъ приказано было 15-го числа идти прямо къ кол. Игды, гдѣ, какъ носились слухи, расположилось кочевье атабаевцевъ, со множествомъ скота. Переночевавъ на Джамалѣ, Чавчавадзе выступилъ 15-го числа, въ 6½ часовъ утра, съ казаками и ракетною батареей, на колодцы Халмаджи, Яныджи и наконецъ Игды. Пройдя 21 версту, кавалеріи былъ данъ пятичасовой отдыхъ (значитъ, отъ 9½ час. утра до 4 час. вечера). Второй отдыхъ пришелся ночью, не доходя 6-ти верстъ до кол. Яныджи. Поднявшись въ 2 часа утра 16-го числа, казаки двинулись на разсвѣтѣ къ Игды, получая на дорогѣ, отъ разсыльныхъ, подтвержденія слуха о присутствіи туркменъ на этомъ колодцѣ.

Вызвавъ охотниковъ и отобравъ доброконныхъ, Чавчавадзе составилъ изъ нихъ двѣ сотни, приказалъ имъ передать всѣ свои тяжести остающимся товарищамъ, поручилъ этотъ легкій отрядъ подполк. Левису и пустилъ его рысью къ кол. Игды.

Туркмены не спали. Пули и стрѣлы полетѣли на встрѣчу казакамъ. Выйдя на равнину, дивизіонъ развернулъ фронтъ и съ гикомъ, съ ружейной пальбой, маршъ маршемъ, понесся на злосчастныхъ туркменъ. Стрѣла и пика измѣнили имъ, въ виду грознаго строя съ обнаженными шашками. Дикари бросились на утекъ, кто куда, спасаясь въ безчисленныхъ котловинахъ среди песчаныхъ бархановъ.

Въ это время прибыли и остальные казаки. Чавчавадзе выставилъ ракетную батарею, подъ прикрытіемъ небольшой команды, а остальныхъ казаковъ послалъ подкрѣпить Левиса.

Преслѣдованіе продолжалось съ 5 ч. утра до 4 ч. вечера, не смотря на солнцепекъ и отсутствіе воды.

Такимъ образомъ кавалерія сдѣлала, менѣе чѣмъ въ сутки, 71 версту (отъ Джамалы до Игды), да еще потомъ гнала непріятеля верстъ 50.

Трофеями дня были: 1.000 верблюдовъ, 5.000 барановъ и наконецъ 288 человѣкъ плѣнныхъ, которыхъ, конечно, пришлось отпустить, такъ какъ кормить ихъ было бы нечѣмъ.

Непріятель потерялъ: ранеными 21 и убитыми 22.

Съ нашей стороны вся потеря ограничилась однимъ раненымъ офицеромъ (прапорщикъ милиціи Кубатіевъ), да 7-ю убитыми и 11 ранеными лошадьми.

Съ разсвѣтомъ 17 числа съ Игды высланы были 4 команды въ 60 шашекъ каждая, по направленіямъ: къ Ага-Яйла, Куртыму, Сонсычу и Кизилъ-Арвату.

Надо было показать туркменамъ, что казаки, не смотря на усиленный переходъ, еще способны къ энергическимъ дѣйствіямъ,—

обстоятельство, подвергавшееся у дикарей сомнѣнію, которое и подавало имъ надежду на успѣхъ при замышляемомъ ночномъ нападеніи.

Это движеніе на рысяхъ подорвало силы лошадей и впослѣдствіи горько отозвалось на казакахъ.

Разъѣзды наши дѣйствительно встрѣтили партіи туркменъ, тянувшіеся къ Игды, но онѣ, обмѣнявшись съ казаками нѣсколькими выстрѣлами, быстро уходили въ степь.

Съ выступленіемъ разъѣздовъ, къ Игды прибыла пѣхотная колонна (первый эшелонъ изъ 5 кабардинскихъ ротъ), а вечеромъ прибылъ и второй эшелонъ изъ 2 дагестанскихъ и 2 ширванскихъ ротъ.

Отсюда посланъ былъ первый нарочный пробраться къ оренбургскому или къ туркестанскому отрядамъ.

Оба эти дня, 16 и 17 числа, жара была очень сильная и прибывшія на Игды части были значительно утомлены.

Читатель припомнитъ, что съ этихъ же дней начались испытанія и мангышлакскаго отряда, шедшаго гораздо сѣвернѣе чекишлярцевъ, которымъ уже по одному этому должно было достаться сильнѣе. Такъ, 18-го у сѣвернаго отряда было 30°, а у южнаго 40°; у сѣверянъ до 40° доходило два раза: 28 апрѣля и 4 мая; у южанъ 19-го уже было 45°, а къ полудню 52°, — разница громадная.

Дальнѣйшее движеніе къ кол. Ортакую предстояло совершить по безводной степи. Разстояніе опредѣлялось разспросными свѣдѣніями, по которымъ оно выходило въ 3 мензиля *) или три дневныхъ перехода. Хотя величина такихъ „мензилей“ неопредѣленная, но принимая ихъ, на основаніи прежнихъ опытовъ, въ 20—25 верстъ каждый,—можно было разсчитывать, что разстояніе до кол. Ортакую не будетъ больше 60—75 верстъ.

Отрядъ долженъ былъ, значитъ, взять съ собою воды не менѣе какъ на три дня, да еще накинуть на усышку, на утечку и, наконецъ, на усиленную жажду по случаю наступившихъ жаровъ.

Посмотримъ, какія средства имѣлъ отрядъ въ этомъ отношеніи и все ли было принято въ соображеніе начальникомъ отряда?

На каждую роту было дано до 40 боченковъ, пятиведерной вмѣстимости; въ ротѣ состояло, считая съ нестроевыми, 140 человѣкъ; изъ этого Маркозовъ вывелъ, будто на каждаго приходилось почти $1^1/_2$ ведра или 24 бутылки. Съ такимъ запасомъ, по его расчетамъ, смѣло можно было идти даже и шесть-семь дней,

---

*) Мензиль значитъ станція, привалъ, и здѣсь, слѣдовательно, употребляется въ смыслѣ перехода.

то-есть перешагнуть наибольшее безводное пространство отъ Даудура до Измыкшира *), считавшееся въ 180 верстъ.

При этомъ на каждаго солдата пришлось бы, по разсчету Маркозова, по 4 бутылки въ день, что казалось тѣмъ болѣе достаточно, что въ частяхъ войскъ имѣлись еще бурдюки, подѣланные послѣ баранты на кол. Игды, и кромѣ того почти каждый солдатъ несъ при себѣ либо баклажку, либо бутылку, либо манерку.

Считая, что отрядъ въ 2.200 чел. поднималъ съ собою воды свыше 4000 ведеръ, конечно, можно было еще рискнуть, при хорошихъ условіяхъ, на три безводныхъ перехода, но на семь, какъ намѣревался Маркозовъ,—пройдя Ортакую, перемахнуть отъ Даудура до Измукшира, даже и по его вычисленію было бы плохо. Дѣйствительно: если въ 6 дней, по 4 бутылки на человѣка составитъ—52,800 бут. или 3.300 ведеръ, то на седьмой день потребуется еще 8.800 бутылокъ или 555 ведеръ, что дастъ за всѣ семь дней цифру въ 3,855 ведеръ. Затѣмъ остается 45 ведеръ на всѣхъ лошадей и верблюдовъ!

Итакъ, семь мензилей съ этимъ запасомъ воды пройти невозможно.

Предположеніе пройти ихъ въ 6 дней, полагая поить только артиллерійскихъ лошадей (ихъ 40, каждой по ведру въ сутки—всего надобно 240 ведеръ) а казачьихъ напоить только разъ, стараясь провести кавалерію форсированнымъ маршемъ въ два или три дня. Такое предположеніе можно было еще простить кабинетному ученому, а не офицеру, два года ходившему въ степныя экспедиціи...

Если при осеннихъ рекогносцировкахъ и расходовалось, можетъ быть, не болѣе 2-хъ бутылокъ на человѣка въ день, то надобно взять во вниманіе, что осенью, при менѣе высокой температурѣ, жажда, конечно, не такъ сильна, какъ лѣтомъ.

Затѣмъ какъ это упущена изъ виду усышка и утечка? Каждый интендантскій чиновникъ, каждый маркитантъ могъ бы опредѣлить, сколько именно слѣдуетъ скинуть на эти, всегда принимаемыя въ разсчетъ, обстоятельства.

Что казачьихъ лошадей нельзя было, при форсированномъ маршѣ, въ жаркое время оставлять безъ воды на два дня и что утечка въ разсохшихся боченкахъ можетъ расходовать воду усерд-

*) Въ «Русскомъ Инвалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ» неправильно употреблено названіе Змукширъ. Законы фонетики тюркскихъ нарѣчій не переносятъ двухъ согласныхъ въ началѣ слова. По этому даже русскія слова, вошедшія въ употребленіе у татаръ, киргизъ, сартовъ и т. д. пишутся съ элифомъ, (первая буква азбуки), если они начинаются съ двухъ согласныхъ. Никто изъ представителей этихъ народностей не скажетъ: столъ, стаканъ, староста, а непремѣнно истолъ, истаканъ, истароста.

нѣе жажды,—это теперь Маркозовъ знаетъ, но за это знаніе поплатились и люди, и лошади, и верблюды его отряда.

Обыкновенный порядокъ движенія былъ принятъ такой же, какъ и въ мангышлакскомъ отрядѣ: утромъ съ разсвѣта до 10 или 11 часовъ утра и вечеромъ съ 4-хъ до 8 и 9-ти часовъ.

На проводниковъ можно было вполнѣ положиться: почти всѣ они были непосредственно заинтересованы въ успѣхѣ нашихъ войскъ,—это были члены семействъ, ищущихъ на Хивѣ крови, жаждавшихъ мести за погибшихъ родственниковъ. Въ числѣ ихъ, напримѣръ, былъ и старикъ Ата-Мурадъ-Ханъ, бывшій правитель Кунграда и родственникъ хивинскаго хана. Но ихъ было мало, да и тѣ не весь путь знали твердо. Къ Маркозову не шли въ проводники потому что онъ имъ плохо платилъ. Гродековъ прямо это говоритъ на стр. 96 своей книги.

Въ 4 часа утра, 18 числа, выступилъ съ Игды первый эшелонъ, изъ 5 ротъ кабардинцевъ, одной сборной роты (она двигалась безъ верблюдовъ налегкѣ, чтобы всегда быть готовою къ встрѣчѣ непріятеля), саперной команды и 25 казаковъ, съ 6-ю горными орудіями.

Вечеромъ въ тотъ же день должна была выступить кавалерія съ ракетною командой. Къ Ортакую она должна была придти на другой день вечеромъ. При такой быстротѣ движенія—воды для лошадей, конечно, взять было нельзя. Прочіе эшелоны выступали 19, 20 и 21 числа. Все разсчеты, всѣ надежды—вся экспедиція разбились двумя роковыми днями: 18-го и 19-го апрѣля!

Окрестности кол. Игды представляютъ мѣстность весьма пересѣченную: высокіе песчаные бугры, холмы и барханы, съ крутыми подъемами, встрѣчаются на каждомъ шагу. Эти постоянные подъемы и спуски уже дали себя знать при движеніи къ Игды: множество верблюдовъ пало на послѣднемъ переходѣ, и только добыча, пріобрѣтенная на этомъ колодцѣ дала возможность пополнить убыль. Впереди, значитъ, предстояли такія же трудности.

Съ восходомъ солнца 18 апрѣля, палящіе лучи его тотчасъ начали оказывать свое дѣйствіе на войска. Пришлось остановиться уже въ 8 часовъ утра, едва сдѣлавъ 13 верстъ *).

Вечеромъ первый эшелонъ сдѣлалъ еще 12 верстъ и въ 9 часовъ остановился на ночлегъ. Этотъ вечерній переходъ былъ уже очень тяжелъ; верблюды падали, лошади приставали, люди томились жаждою и, не смотря на то, что пили воду бутылку за бутылкой, не чувствовали облегченія. Весь запасъ, выданный людямъ на утреннемъ привалѣ, былъ израсходованъ, а между тѣмъ

*) Разстоянія измѣрялись допотопнымъ способомъ, къ орудію привязывалась цѣпь, и человѣкъ, ѣхавшій у конца волочившейся цѣпи считалъ отмѣтки на пескѣ, сдѣланныя переднимъ по голосу задняго. Отчего не были взяты одометры?

сдѣлалось уже очевиднымъ, что воду надобно расходовать крайне бережливо, „такъ какъ при неимовѣрной жарѣ и сухости воздуха она сильно испарялась въ посудѣ и полно налитые въ Игды пятиведерныя боченки къ вечеру заключали въ себѣ воды уже не болѣе 3½ ведеръ *)."

Усышка въ 1½ ведра на боченокъ, то есть цѣлой трети налитой воды, невѣроятна. Только знойный самумъ можетъ пить такъ жадно изъ закупоренныхъ сосудовъ. Вѣрнѣе, что тутъ дѣйствовала утечка—весьма обыкновенный недостатокъ деревянныхъ посудинъ, въ особенности, если ихъ долго везли пустыми, безъ воды, подъ немилосердными лучами тропическаго солнца...

И такъ, въ первый же день запасъ воды уменьшился, непроизводительнымъ образомъ, на цѣлую треть. На слѣдующій день можно было ожидать, что изъ пяти ведеръ нетронутаго боченка солнце оставитъ уже только 2¼ ведра, а на третій лишь 1¾ ведра. Выходило, что отрядъ везъ воду не для собственнаго употребленія, и 40 боченковъ на роту въ сущности могли предложить воду не всей ротѣ, а только на 90 человѣкъ **) и то по прежнему разсчету, т. е. по 4 бутылки въ день на человѣка. Если же принять, что вслѣдствіе необычайнаго зноя и неутолимой жажды—порція воды должна была увеличиться почти вчетверо (вмѣсто 4 бутыл.—16 или ведро), то окажется, что 40 боченковъ могли напоить только 22 человѣка.

Увеличимъ эту цифру хоть впятеро, положимъ, что воды было бы довольно на 100 человѣкъ и на три дня,—все-таки 40 человѣкъ должны быть обречены на мучительную смерть...

Очевидно, что боченки никуда не годились. Кавалерія, выступивъ, какъ сказано, вечеромъ, отошла около 20 верстъ и къ 12 часамъ ночи, стала на ночлегъ. Переходъ этотъ, не смотря на страшную духоту, стоявшую въ воздухѣ даже и ночью, обошелся все-таки довольно благополучно.

Туркмены-проводники, хорошо знакомые съ условіями степныхъ безводныхъ переходовъ въ такую пору и при такой необычайной жарѣ, совѣтовали Маркозову свернуть съ прямой дороги и прежде зайти на кол. Бала-Ишемъ, чтобы дать вздохнуть и собраться съ силами людямъ и животнымъ. Колодезь былъ всего въ 15 верстахъ.

Такой благонамѣренный совѣтъ бывалыхъ и преданныхъ намъ людей былъ отвергнутъ...

---

*) Всѣ цитируемыя мѣста заимствованы изъ весьма обстоятельнаго и—что самое главное—вполнѣ отровеннаго отзыва главнокомандующаго кавказскою арміею къ военному министру (2 іюня 1873 года №1991).

**) Въ дѣлежъ надо считать 1⅓ ведра или 28 бутылокъ. Это хватитъ на 7 чел. въ день, а изъ 40 боч. на 280. Въ три дня надобно 420 дачъ, значитъ, 140 дачъ не хватило бы, т. е. на всю роту въ 3-й день.

Какіе же резоны имѣлъ Маркозовъ противъ колодцевъ Бала-Ишемъ?

Во-первыхъ, эти колодцы могли быть засыпаны. Но вѣдь и каждый степной колодезь могъ быть засыпанъ,—значитъ ли это, что отряду лучше по колодцамъ и не идти? Кромѣ того, сами кочевники такъ дорожатъ ими, что почти никогда ихъ не портятъ.

Во-вторыхъ, колодезь Орта-кую не глубокъ, всего 1½ сажени, и если бы даже былъ засыпанъ—его легко отрыть. Бала-Ишемъ имѣетъ 5 саж. глубины и отрыть его труднѣе; поэтому выгоднѣе идти 55 верстъ на Орта-кую, чѣмъ 15 верстъ на Бала-Ишемъ. Такъ думалъ Маркозовъ.

Въ третьихъ, движеніе въ сторону на промежуточный колодезь прибавляло на весь путь лишнихъ 25—30 верстъ. Что-жъ изъ этого? Лучше сдѣлать лишнихъ 30 верстъ и сберечь людей чѣмъ рисковать ими на „прямой“ дорогѣ.

Въ четвертыхъ, Маркозову казалось, что для облегченія пѣхотѣ движенія къ Орта-кую, можно было уменьшить дневные переходы, „такъ какъ воды, взятой изъ Игды, казалось, все-таки могло бы быть достаточно и на лишній день“. Это онъ говоритъ, не смотря на знаменитую „усышку“ въ ⅓ всего количества воды! Резоны, какъ видитъ читатель,—весьма слабые. Самый вѣскій изъ нихъ это третій—боязнь дать крюку въ 30 вер. Куда такъ спѣшилъ Маркозовъ?

Рѣшеніе продолжать движеніе къ Орта-кую погубило отрядъ. Войска шли на авось! 19 числа, съ разсвѣтомъ, первый эшелонъ выступилъ съ ночлега и на 5 верстѣ былъ обогнанъ кавалеріи, къ которой присоединился и начальникъ отряда со штабомъ. Казакамъ приказано было взять у кабардинцевъ лопаты на случай, если потребуется отрывать колодезь Орта-кую.

Первые же лучи показавшагося солнца предвѣщали зной, до тѣхъ поръ еще не испытанный. И дѣйствительно: пѣхота едва была въ состояніи пройти 12 верстъ; кавалерія, поднявшаяся въ 3 часа утра, хотя къ 10½ часамъ и сдѣлала около 25 верстъ но движеніе это было сопряжено уже съ большими затрудненіями. Люди были утомлены до крайности, не успѣвъ отдохнуть на ночлегѣ, продолжавшемся всего 3 часа, лошади едва двигались,—многіе казаки вынуждены были спѣшиться и вести коней въ поводу; сотни растянулись на 10 верстъ. На привалѣ около 11 часовъ термометръ Реомюра, имѣвшій на шкалѣ 55 дѣленій, показывалъ 52° и, наконецъ, не наблюдаемый въ теченіе нѣкотораго времени, около полудня лопнулъ!

Съ этого привала кавалеріи оставалось еще сдѣлать, какъ полагали, не болѣе 25 верстъ до Орта-кую. Приходилось торопиться: уже вся почти вода, взятая для людей, была выпита... Для лошадей же, какъ сказано, ее вовсе не брали...

Въ 4½ часа, при нестерпимомъ зноѣ, кавалерія тронулась съ мѣста.

Характеръ мѣстности скоро измѣнился. Въ 3-хъ верстахъ отъ привала высокіе песчаные бугры смѣнились еще болѣе высокими холмами, состоявшими изъ тончайшей, раскаленной известковой пыли, въ которой люди и лошади вязли по колѣна. Пыль эта, взбитая ногами, стояла въ воздухѣ неподвижной стѣной, затрудняла дыханіе и ложилась толстымъ слоемъ на двигавшихся въ ней всадниковъ. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго движенія. Съ каждымъ шагомъ впередъ, положеніе казаковъ становилось все болѣе и болѣе невыносимымъ: лошади падали на каждомъ шагу и съ трудомъ поднимались, люди видимо слабѣли, истрачивая послѣднюю бодрость, послѣднія силы... Нѣкоторые не могли уже держаться на конѣ и падали въ изнеможеніи на землю... Потерявшіе коней и шедшіе пѣшкомъ не могли слѣдовать далѣе... Медицинская помощь, конечно, не замедлила, но исправить дѣла не могла: прохлада и вода, въ которыхъ нуждался отрядъ, не значились въ каталогѣ походной аптеки! Нѣсколько бутылокъ коньяку изъ запаса, доставленнаго обществомъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, хотя и принесли нѣкоторую пользу, раздаваемыя глотками и каплями, но, конечно, не могли замѣнить ни воды, ни прохлады...

Почти половина казаковъ отстала отъ отряда, и вечеромъ, около 8 часовъ, пришлось оставить на дорогѣ нѣсколько офицеровъ чтобы подобрать отставшихъ. Не смотря на это, многіе такъ и остались на дорогѣ...

Наступила темная ночь, невыносимая по духотѣ, стоявшей въ воздухѣ. Отрядъ по разсчету прошелъ уже далеко болѣе 30 верстъ отъ привала, а колодцевъ все нѣтъ... Люди не только не могли уже двигаться, но даже и говорить могли только съ большимъ усиліемъ.

„Потерявъ физическія силы, они начали падать духомъ Проводники, не увѣренные, за темнотою ночи, не потерялъ ли отрядъ дороги на Орта-кую, не могли и приблизительно опредѣлить разстоянія до этихъ колодцевъ“...

Пришлось остановиться, — была уже полночь, и дальше на авось идти не рѣшился даже Маркозовъ.

На поиски колодца посланъ былъ одинъ изъ проводниковъ, туркменъ Ата-Мурадъ, въ сопровожденіи фейерверкера изъ татаръ и маркитанта-армянина, говорившихъ по-татарски.

„Три часа прошли въ напрасномъ и мучительномъ ожиданіи ихъ возвращенія. При неизвѣстности же, въ какомъ разстояніи и даже въ какомъ направленіи находятся колодцы, идти къ нимъ съ истомленными зноемъ и жаждою людьми и лошадьми было бы безразсудно“.

Положеніе кавалерійскаго отряда становилось опаснымъ...

Надобно было отказаться отъ дальнѣйшаго движенія и воротиться на встрѣчу кабардинцамъ, у которыхъ была еще вода, хотя послѣ такого дня ея, конечно, не могло быть очень много.

„Къ этому рѣшенію побудило и то соображеніе, что казаки въ истомленномъ состояніи, въ какомъ они находились въ то время, не имѣли бы возможности оказать ни малѣйшаго сопротивленія, если бы непріятель неожиданно появился передъ ними“...

Посланные разыскивать колодцы — точно канули въ воду... Явилось предположеніе, что они захвачены въ плѣнъ.

Очевидно было также, что и кабардинцамъ не дойти до Орта-кую, а въ такомъ случаѣ положеніе ихъ было бы еще отчаяннѣе, чѣмъ казаковъ, потому что имъ могли бы помочь только конные, подвезя воду на своихъ лошадяхъ, а для этого недоставало посуды, въ которую могла быть набрана вода.

Что значитъ „недоставало посуды“? Конечно, одинъ боченокъ въ пять ведеръ на лошадь не навьючишь,—надобно для равновѣсія два, а съ такимъ грузомъ измученная лошадь, конечно, не сдѣлаетъ и шагу. Но вѣдь можно было наливать боченки не дополна, а наконецъ, самъ же Маркозовъ доносилъ, будто люди надѣлали въ Игды множество бурдюковъ изъ отбитой баранты. Ничего бы лучше и не надо: два бурдюка на лошадь вьючатся удобно и сами по себѣ гораздо легче деревянныхъ боченковъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что фразу: „кавалерія не имѣла бы возможности оказать имъ (кабардинцамъ) дѣйствительную помощь водою, по недостатку посуды, въ которую могла быть набрана она изъ колодцевъ Орта-кую“—надобно понимать именно такъ, что недоставало и бурдюковъ?..

Плохо же рекомендуетъ это заботливость Маркозова о ввѣренномъ ему отрядѣ!

Сомнѣніе въ возможности для пѣхоты дальнѣйшаго движенія оправдалось весьма скоро. Сдѣлавъ обычный привалъ до 5 часовъ вечера, кабардинцы двинулись далѣе, но не могли дойти даже до мѣста, гдѣ былъ привалъ кавалеріи. Эшелонъ растянулся на цѣлый десятокъ верстъ, усѣявъ путь палыми верблюдами и баранами. Люди пили безъ мѣры: казалось, сколько ни дай имъ воды,—жажда ихъ не утолялась.

Къ этимъ-то несчастнымъ обращались теперь казаки съ надеждою освѣжить запекшіяся уста, пересохшее горло и горѣвшую грудь, хотя каплею воды. Это была мольба богача, обращавшагося къ Лазарю!

Казаки выступили съ ночлега еще до разсвѣта, выславъ впередъ команду изъ 30 человѣкъ, наиболѣе сохранившихся. Люди эти должны были спѣшить, сколько можно, къ пѣхотѣ и отвезти командиру эшелона приказаніе: выслать на встрѣчу кавалеріи

сколько-нибудь воды, а всѣ пустые боченки отправить съ верблюдами къ колодцамъ Бала-Ишемъ для подвоза оттуда воды въ лагерь.

Двадцатое апрѣля останется навсегда памятнымъ всѣмъ участвовавшимъ въ походѣ. Мы постараемся сохранить для грядущихъ поколѣній всѣ яркія краски, которыми такъ живо и такъ страшно обрисовано его высочествомъ ужасное положеніе отряда.

Пусть эта грозная картина служитъ предостереженіемъ будущимъ начальникамъ степныхъ экспедицій: не предпринимать похода на авось, безъ заботы о хлѣбѣ и водѣ, не торопиться перехватить лавры изъ-подъ рукъ другихъ отрядовъ, не жертвовать для этого удобнымъ, хотя и болѣе кружнымъ путемъ, и не ставить такимъ образомъ на карту честь отечества, славу оружія и жизнь подчиненныхъ.

Итакъ, казаки, еще почти ночью, съ трудомъ поднялись съ мѣста и кое-какъ тянулись до разсвѣта. Но съ первыми же лучами солнца почувствовался зной, едва ли не болѣе тягостный чѣмъ наканунѣ. Пусть припомнитъ читатель, что 16-го числа кавалерія сдѣлала до 120 верстъ, 17-го ходила на рекогносцировку, 18. и 19-го становилась на ночлегъ въ 12 часовъ ночи, а поднималась черезъ два—три часа, пусть припомнитъ, что кавалеристъ долженъ еще убирать лошадь, что отдыхъ съ 11 часовъ утра до 4-хъ вечера на солнцепекѣ—не отдыхъ... Припомнивъ все это, — легко будетъ представить себѣ степень усталости людей; о непоенныхъ лошадяхъ и говорить нечего!

Съ наступленіемъ жары послѣдній порядокъ исчезъ... „Люди падали въ изнеможеніи на каждомъ шагу, и многіе почти въ безчувственномъ состояніи... Помочь уже было нечѣмъ, коньякъ весь истощился... Тѣ, которые въ состояніи еще были двигаться, побросали по дорогѣ почти всю свою одежду и даже оружіе...“ Поснимали даже сапоги и шли въ однѣхъ рубахахъ... даже безъ исподнихъ. Нѣкоторые, совсѣмъ голые, рыли ямы и ложились, ища тѣни и влажности.

Нападни въ это время человѣкъ двадцать туркменъ,—и позорный плѣнъ ожидалъ всю эту когда-то лихую кавалерію. Этимъ позоромъ Россія была бы обязана Маркозову. Люди, оставленные по пути наканунѣ,—и теперь едва передвигались. Такъ въ разбродъ, еле-живые, съ потухшимъ взоромъ, съ поникшею головою, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, плелись нога за ногу бѣдные казаки, подъ мертвящими лучами безжалостнаго солнца...

Но вотъ показались верблюды: одинъ, два... одиннадцать. Это вода, высланная кабардинцами... Передніе прибавили шагу и, сойдясь съ караваномъ, бросились къ вьюкамъ... Тутъ Маркозовъ наконецъ, пригодился: онъ самъ сталъ раздавать воду, „употребляя всѣ усилія, чтобы сохранить при этомъ хотя какой-нибудь

порядокъ". Но вода и такъ-то была весьма дурного качества, а тутъ еще она согрѣлась чуть не до степени кипятка,—понятно, что она помогла мало. Положеніе кабардинцевъ было едва-ли не хуже. Выступивъ въ этотъ день съ разсвѣтомъ, они вынуждены были остановиться уже на седьмой верстѣ... Было только 7 часовъ утра, а ужъ изнуреніе было полное: весь отрядъ, какъ только стали на привалъ, повалился въ растяжку,—кто гдѣ стоялъ; съ трудомъ можно было расшевелить и поднять человѣка... „Лагерь и верблюды болѣе не охранялись: часовые, побросавъ оружіе, лежали безъ движенія на своихъ постахъ, болѣе крѣпкіе изъ нихъ возвращались въ лагерь, вымаливая воду, чтобы хоть нѣсколько утолить мучительную жажду, и оставались совершенно ровнодушными даже къ угрозамъ наказанія, по законамъ военнаго времени, за оставленіе часовымъ своего поста".

Всѣ знаютъ, какое это наказаніе: смертная казнь разстрѣляніемъ...

Что такое двѣнадцать пуль для человѣка, который и безъ того готовъ отдать жизнь за двѣнадцать капель воды! Прямой разсчетъ: смерть болѣе скорая и менѣе мучительная, чѣмъ отъ жажды, палящей всѣ внутренности и ничѣмъ неутолимой!

Дисциплина говоритъ: умри мучительною и медленною смертью. но только на своемъ посту. Да, она говоритъ это, она неумолимо караетъ за нарушеніе этого требованія, но она говоритъ это человѣку, говоритъ солдату, а есть предѣлъ, за которымъ уже нѣтъ ни человѣка, ни солдата,—это смерть!..

Скажите трупу: отчего ты лежишь въ моемъ присутствіи и не отдаешь мнѣ чести? Онъ не слышитъ, не понимаетъ и не боится... Дисциплина, одухотворявшая это тѣло, заставлявшая его двигаться, думать и не думать, какъ и когда прикажутъ,—эта вторая душа,—отлетѣла вмѣстѣ съ первой.

Не думаете ли вы, что всѣ эти часовые, лежащіе безъ чувствъ на своихъ постахъ и которыхъ никакъ нельзя даже растормошить, потому что для этого надобна медицинская помощь, а не встряска, не толчки,—не думаете ли, что это все живые люди? Не думаете ли, что они понимаютъ, сознаютъ свои дѣйствія, что они поэтому отвѣтственны? Горько или, вѣрнѣе, жестоко ошибаются тѣ, которые такъ думаютъ!

Кто эти жестокіе люди?—Это тѣ, которые испытывали въ жизни только одну жажду: передъ стаканомъ шампанскаго!

Кто самъ умиралъ въ знойной степи, рядомъ съ боченкомъ воды, которая уже не утоляетъ жажды,—тотъ смотритъ иначе: ни одинъ злосчастный часовой разстрѣлянъ не былъ. Люди, очевидно, находились въ состояніи полной невмѣняемости.

Намъ памятны тѣ разнорѣчивые и подчасъ красноорѣчивые

толки, которые обошли всѣ военные и не военные кружки, когда въ газетѣ „Кавказъ“ появилось подробное и правдивое, безъ всякаго сглаживанья и лицемѣрія, описаніе неудачнаго похода красноводскаго отряда.

Унынie однихъ, злорадство другихъ: „вотъ вамъ хваленая кавказская армія... вотъ какова новая дисциплина... позоръ, позоръ!“ „Русскій Инвалидъ“ отнесся къ дѣлу, какъ институтка: скромно потупилъ очи и краснорѣчиво умолчалъ о всѣхъ наиболѣе краснорѣчивыхъ фактахъ.

Время идетъ впередъ и никого не ждетъ: кто отсталъ,—перестаетъ понимать смыслъ событій.

Умалчивать о томъ до чего довели непосильныя испытанія даже такихъ молодцовъ, какъ кавказцы,—значитъ оказывать имъ медвѣжью услугу. Когда читаешь о казакѣ, бросающемъ почти всю одежду и даже оружіе, когда читаешь о кабардинцѣ, уходящемъ съ часовъ вымаливать себѣ каплю воды,—то ни одной секунды не думаешь о безнравственности этихъ людей, объ отсутствіи дисциплины и т. п.,—а напротивъ, содрогаешься отъ ужаса, представляя себѣ страшную картину бѣдствій, которыя были въ состояніи сломить даже терскихъ казаковъ, даже кабардинцевъ!

Не подумаетъ ли кто, что это единственный въ своемъ родѣ примѣръ? что только наши кавказцы „оплошали“?

Исторія рѣдко упоминаетъ о такихъ случаяхъ,—это правда; но тутъ виноваты разныя институтки, опасающіяся за „честь оружія“, если онѣ откровенно разскажутъ дѣло. Честь оружія не померкнетъ отъ тропическаго солнца.

Преклониться предъ неодолимыми стихіями—не значитъ преклониться предъ непріятеламъ, и слава кавказцевъ вынесетъ правдивый разсказъ, не прибѣгая къ уверткамъ! Сами же кавказцы и разсказали все, какъ было. Честный человѣкъ пойметъ и оцѣнитъ этотъ поступокъ.

Степныя экспедиціи такая рѣдкость въ практикѣ европейскихъ армій, что мы, конечно, не можемъ представить много примѣровъ, подходящихъ къ только что разсказанному. Однакоже въ числѣ немногихъ есть поразительно похожіе съ нашимъ. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь одинъ изъ нихъ:

Мѣсто дѣйствія—Алжиръ, герои драмы—французскія войска. Сентъ-Арно, командовавшій аріергардомъ при движеніи французовъ отъ Мостаганема къ Маскарѣ, разсказываетъ*) слѣдующее: „огненное солнце калило безводную степь... армія едва передвигала ноги... здѣсь я видѣлъ всю отвратительную картину слабости и упадка духа. Я видѣлъ, какъ цѣлые взводы

*) Lettres du maréchal de Saint-Arnaud. 1855.

бросали свои ружья и ранцы, ложились на землю и ждали смерти... Они вставали, когда обращали къ нимъ рѣчь, проходили шаговъ сто, опять ложились и прятались отъ меня у края дороги въ кустахъ и рвахъ... Я поспѣшалъ къ нимъ, приказывалъ моимъ зуавамъ отбирать у нихъ ружья и ранцы, даже тащить ихъ, сажалъ нѣкоторыхъ на мою собственную лошадь... Я видѣлъ солдатъ, которые со слезами умоляли меня убить ихъ, лишь бы не достаться въ руки арабовъ, распоряжавшихся съ отсталыми; другіе съ какимъ-то фанатическимъ наслажденіемъ приставляли ружье ко рту, но ни одинъ не лишилъ себя жизни, ни одинъ не остался позади, — умерли многіе отъ апоплексіи (отъ солнечнаго удара), но я въ этомъ не виноватъ".

Одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Степь ли кабиловъ, степь ли туркменовъ, — все равно; французъ ли, русскій ли, а прежде, чѣмъ умереть, онъ броситъ свои гяжести: ранецъ, ружье, патроны, одежду. Остановите такую измученную армію, и часовые упадутъ на землю въ ожиданіи смерти... Начальнику тутъ уже нечего дѣлать: остается терпѣть съ людьми и одинаково съ ними. Мы съ умысломъ подчеркнули слово „одинаково",—намъ пришло на память, какъ Александръ Македонскій отказался отъ воды, поднесенной ему въ шлемѣ преданнымъ солдатомъ, и выплеснулъ ее на землю: онъ не хотѣлъ пить одинъ, когда его подчиненные умираютъ отъ жажды. Это случилось въ степяхъ южной Персіи, при возвращеніи грековъ изъ Индіи.

Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, употреблялъ ли македонскій герой зонтикъ, о-де-колонъ и рисовую пудру?

Если употреблялъ, то въ примѣръ не годится.

Разныя удобства, которыми окружаютъ себя обыкновенно начальники частей, дѣлаютъ ихъ мало чувствительными къ лишеніямъ, усталости и страданіямъ солдатъ. Что мнѣ значатъ лишнія 50 верстъ, когда у меня лучшій конь въ отрядѣ, когда у меня запасъ вина и лимонада? Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь одинъ весьма характеристичный совѣтъ:

„Возьми когда-нибудь, благосклонный читатель, солдатскую суму съ шестьюдесятью патронами и взвѣсь ее; потомъ, если ты проникнутъ воинственнымъ духомъ (я пишу не для сибаритовъ)-надѣнь на себя ранецъ, возьми на плечо ружье со штыкомъ и прогуляйся въ такомъ нарядѣ тридцать англійскихъ миль, пожалуй, только десять, и въ заключеніе отмѣть въ своей записной книжкѣ то, что ты думаешь о подобной прогулкѣ... Или нѣтъ, не записывай, потому что ты и такъ никогда ея не забудешь, хоть бы прожилъ сто лѣтъ. Между тѣмъ вотъ что слѣдовало бы

тебѣ отмѣтить: „припоминать всегда чувства, нынѣ мною ощущаемыя, когда впослѣдствіи, сидя на добромъ конѣ, я буду приказывать утомленнымъ солдатамъ, что-нибудь ненужное“ *).

Отчего обыкновенно всѣ мы относимся съ бо́льшимъ довѣріемъ къ начальнику, который самъ, что называется „протеръ лямку“, самъ испыталъ нужду солдатскую, на собственныхъ плечахъ вынесъ непосредственный опытъ солдатской службы?

Оттого, что онъ знаетъ, к о́ г д а, ч т о и к а к ъ онъ можетъ требовать отъ подчиненныхъ,—знаетъ м ѣ р у своихъ требованій, знаетъ предѣлъ, за которымъ начинается уже невозможное.

Возвратимся къ отряду.

Въ лагерѣ кабардинцевъ, къ тремъ часамъ пополудни, воды уже не стало... Къ счастію, посланные съ верблюдами въ Бала-Ише́мъ, казаки дали знать, что колодцы всего въ 15-ти верстахъ и не засыпаны, что воды много и хорошаго качества. Туркменскій аулъ, сидѣвшій на этихъ колодцахъ, немедленно откочевалъ. Туда потянулись и всѣ казаки, обманувшіеся въ надеждѣ найти у пѣхоты воду... Путь къ Бала-Ишему представлялъ ту же картину борьбы послѣдней энергіи человѣка съ непрерывными препятствіями, подавляющимъ зноемъ и усталостію. Только къ 5-ти часамъ вечера начали подходить въ лагерь кабардинцевъ посланные за водою верблюды. Къ 9 часамъ подвезено было всего до 230 боченковъ и 50 бурдюковъ, т. е. до 1,300 ведеръ. Часть воды была тотчасъ отправлена на встрѣчу все еще подходившимъ казакамъ. Нѣкоторые изъ нихъ едва могли добраться до лагеря, другіе потянулись къ Бала-Ишему.

„Привезенная вода нѣсколько освѣжила людей; м о ж н о б ы л о п о к р а й н е й м ѣ р ѣ н а б р а т ь х о т я о д и н ъ в з в о д ъ, п р а в д а, е д в а с п о с о б н ы х ъ д е р ж а т ь о р у ж і е; взводъ этотъ былъ отправленъ къ Бала-Ишему на случай нападенія на потянувшихся туда казаковъ“.

Фактъ весьма краснорѣчивый: изъ ш е с т и р о т ъ пѣхоты и команды саперовъ, отдыхавшихъ съ 7-ми часовъ утра, едва набралось къ вечеру 60 человѣкъ, способныхъ къ движенію!

Составитель статей для Военнаго Сборника о хивинской экспедиціи, передѣлывая текстъ оффиціальныхъ донесеній и отзывовъ, изложилъ приведенную цитату такъ: „привезенная вода нѣсколько освѣжила людей. Тотчасъ же былъ сформированъ изъ наиболѣе сохранившихъ силы к а з а к о в ъ одинъ взводъ, который и направленъ къ Бала-Ишему, на случай нападенія на потянувшихся туда одиночныхъ казаковъ“.

Можетъ быть, такъ и лучше, но слѣдуетъ придержаться

*) Сэръ-Чарльзъ Непиръ. „Армія въ Индіи на походѣ“ (Воен. Журн. 1855 г. № 111).

оффиціальнаго сообщенія, тѣмъ болѣе, что въ лагерѣ оставались только тѣ казаки, которые совершенно не могли идти далѣе и преимущественно пѣшіе,—конные же, понятно, спѣшили къ колодцу, чтобы спасти лошадей. Ясно поэтому, что не изъ казаковъ набирали сборный взводъ. Заднимъ эшелонамъ, выступившимъ съ Игды 19 и 20 числа и шедшимъ также весьма неуспѣшно, приказано было вернуться назадъ, а кабардинцы должны были перейти къ Бала-Ишему.

21-го числа, около 4-хъ часовъ утра, кабардинцы, съ ночевавшими у нихъ пѣшими казаками, поднялись въ походъ. Но такъ какъ за верблюдами смотрѣли нижніе чины, по недостатку погонщиковъ, и какъ по случаю крайняго утомленія люди не загнали съ вечера верблюдовъ, то пришлось употребить немало времени, чтобы собрать разсѣявшихся животныхъ. „Многіе изъ офицеровъ вынуждены были сами собирать и загонять къ ротамъ ходившихъ на пастьбѣ баранту и верблюдовъ“.

Недостатокъ погонщиковъ происходилъ оттого, что большая часть верблюдовъ была добыта силою. Пришлось приставить къ нимъ солдатъ. Но какъ самое простое и немудреное дѣло можетъ быть болѣе или менѣе легкимъ, смотря по тому, какъ за него взяться, какъ приноровиться, то весьма понятно, что непривычные къ обращенію съ верблюдомъ, неопытные въ дѣлѣ вьючки солдаты тратили напрасно и силы, и время, гдѣ достаточно было какой-нибудь невѣдомой для нихъ сноровки.

Поднять упавшаго верблюда, поправить съѣхавшій вьюкъ, перетянуть арканы — все это повторялось на каждомъ шагу и страшно утомляло людей.

Казалось бы, отчего не добывать силою и погонщиковъ? Взятые на Игды 267 плѣнныхъ (раненые 21 чел. не въ счету)— вотъ бы и пригодились! Вся штука въ томъ, что отрядъ и самъ голодалъ, посѣявши дорогой множество провизіи, а 267 лишнихъ ртовъ—чистое разореніе.

Пока офицеры гонялись за баранами и верблюдами, время уходило, а для сбереженія силъ надобно было торопиться, пройти „холодкомъ“ какъ можно больше,—что ужъ за ходьба, когда взойдетъ солнце! Къ „лучезарному свѣтилу дня“, къ „величественному фебу“ люди относились даже съ ненавистію!

Пришлось выступать не всѣмъ частямъ вдругъ, а какая когда поспѣетъ: послѣднія роты тронулись только около 5 часовъ утра.

И такъ, волей-неволей Маркозову пришлось таки послѣдовать благоразумному совѣту туркменъ-проводниковъ! За его упрямство однакоже наказанъ не онъ... Съ восходомъ солнца наступилъ почти такой же палящій зной, какъ и наканунѣ; опредѣлить температуру было нечѣмъ: 20-го числа всѣ термометры, какіе были въ отрядѣ, полопались.

Около 8 или 9 часовъ эшелонъ добрался до благословенныхъ колодцевъ, растерявъ на пути болѣе ста человѣкъ, не имѣвшихъ силъ идти за другими, хотя дорога была несравненно легче прежней. Путь обозначался вереницей павшихъ наканунѣ казачьихъ лошадей.

Въ эшелонѣ Козловскаго отсталымъ не давали воды, въ видѣ наказанія за неразсчетливую трату воды... Въ кабардинскомъ батальонѣ, на привалѣ, дали по котелку воды, а въ сборной ротѣ по 9 крышекъ. Тутъ получена записка Маркозова: „идти на Бала-Ишемъ“. Пошли... На 9-й верстѣ новая записка: „идти на Орта-кую“. Свернули... но сбили проводниковъ поворотами вправо и влѣво безъ дорогъ. Они объявили, что ночью собьются. Стали на ночь, пройдя 10 верстъ. Оказалось, что кол. Бала-Ишемъ всего въ 15 верстахъ отъ ночлега! Туда маркитантъ и отправилъ своихъ верблюдовъ за водой. Эта вода и пригодилась отступавшимъ полуголымъ казакамъ. На встрѣчу имъ Козловскій послалъ сначала 12, потомъ еще 10 бурдюковъ, да по 2 челов. отъ роты съ водой и по 5 верблюдовъ для подвозки больныхъ. Сюда прибылъ и Маркозовъ. Сборная рота изъ лучшихъ людей имѣла только 6 человѣкъ, годныхъ на службу... Къ 10 час. вечера пришла съ Бала-Ишема стрѣлковая рота, посланная за водой. Люди ожили и на другой день потянулись къ Бала-Ишему.

Въ Бала-Ишемѣ была немедленно произведена перекличка казаковъ; не оказалось на лицо 15-ти человѣкъ. Тотчасъ послана была команда изъ 20 казаковъ, посаженныхъ на верблюдовъ и караванъ изъ 15 вьюковъ съ бурдюками, наполненными водою и съ различными медикаментами. Караванъ этотъ долженъ былъ прослѣдить весь путь казаковъ отъ лагеря до Орта-кую.

Часамъ къ 5-ти вечера, команда эта воротилась, но привезла съ собою только 11 человѣкъ, подобранныхъ на дорогѣ въ безсознательномъ и почти безчувственномъ состояніи. Привезено было и брошенное оружіе, не забыта и одежда.

Къ этому же времени вернулись къ отряду и тѣ трое „искателей воды“, Ата-Мурадъ и др., которые были посланы еще въ ночь съ 19-го на 20-е число искать колодца Орта-кую. Замучивъ на дорогѣ своихъ лошадей, изъ коихъ одна даже пала, они оставили остальныхъ на колодцѣ, а сами пошли назадъ пѣшкомъ, но придя къ мѣсту ночлега около 6-ти часовъ утра, не застали тамъ уже товарищей. Поэтому имъ пришлось снова пройтись до колодцевъ, чтобы забрать оставленныхъ тамъ лошадей. Вечеромъ 20-го тутъ собралось 6 человѣкъ—вотъ все, что дошло до Орта-кую изъ Маркозовскаго отряда.

Колодцы оказались приблизительно верстахъ въ десяти отъ мѣста послѣдней остановки сотенъ. Если бы знать да вѣдать,—не пришлось бы казакамъ тащиться съ непоеными лошадьми на-

задъ столько верстъ!—А знать и вѣдать обязанъ былъ Марковозовъ, хвалившійся, что этотъ путь онъ знаетъ!

У колодцевъ были видны слѣды туркменской кочевки, только что оставившей мѣсто. Колодцы, числомъ 4, засыпаны не были; воды въ нихъ достаточно и хорошаго качества.

Который уже это колодезь, откуда снимается туркменская кочевка передъ приходомъ русскаго отряда?

Отчего туркмены не засыпали ни одного колодца?

Надобно знать, что такое степной колодезь, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Колодезь—это спасеніе, это новая жизнь, это святыня, и никогда святотатственная рука кочевника не подымется на эту святыню! Только пришлый, чужой, которому не придется два раза въ жизни пить изъ того же колодца,—только тотъ, пожалуй, не пощадитъ этой святыни, обманувъ этимъ не одну надежду, погубивъ, можетъ быть, не одного несчастнаго, собиравшаго послѣднія силы, чтобы добраться до завѣтнаго урочища!

Кочевнику самому вода необходима. Рыть колодцы и обдѣлывать ихъ деревомъ въ совершенно безлѣсной странѣ—стоитъ иногда такъ дорого, что за дѣло принимаются почти исключительно только богачи и большею частью по обѣту.

Устроить въ пустынѣ колодезь есть дѣло богоугодное, святое, и потому предпринимается обыкновено по случаю какой-нибудь семейной радости: рожденія сына, выздоровленія любимаго человѣка, или по случаю удавшагося дѣла. Такой колодезь навсегда сохраняетъ имя своего строителя, и вотъ почему много колодцевъ носятъ одно и то же названіе.

Намъ случалось проникать въ такія мѣста степи, гдѣ до того времени ни разу не видали военную фуражку, и никогда ни одинъ колодезь не былъ засыпанъ, хотя нерѣдко мы заставали хвостъ снявшагося аула и страхъ кочевниковъ былъ очевиденъ.

Если кто зысыпаетъ иногда колодцы—такъ это буранъ. Цѣлые холмы песку переноситъ буря съ мѣста на мѣсто и случалось при этомъ видѣть заваленный, перекатившимся бугромъ, колодезь и множество погибшихъ около него барановъ, которыхъ отрывали изъ-подъ песку шакалы и волки.

За все время похода мангышлакскаго отряда, только одинъ колодезь былъ неисправенъ: это одинъ изъ 3-хъ колодцевъ Учъ-Кудукъ, изъ котораго вынули гнилого козла, но и то могла быть только простая случайность: козлы карабкаются на ограду колодца и легко могутъ свалиться сами. Такое предположеніе тѣмъ основательнѣе, что другіе колодцы рядомъ были исправны. Здѣсь рѣдко гдѣ встрѣтится одиночный колодезь,—развѣ ужъ очень глубоко копать и потому дорого обойдется другой (если саженъ 30, то это обходится отъ 3000 до 4000 рублей, т. е. въ 1000 тил-

лей), а то всегда цѣлая группа: иногда 6, даже 10. Понятно, что сюда и собираться можетъ больше народа. Въ другихъ отрядахъ колодцы попадались тоже не испорченные. Туркестанскій отрядъ на колодцахъ Алты-кудукъ (шесть колодцевъ) три дня пилъ изо всѣхъ, а при очисткѣ въ одномъ изъ нихъ нашелъ совсѣмъ гнилой, облѣзлый трупъ собаки... Это былъ единственный случай.

Это объясняли тогда тѣмъ, что хивинцы будто-бы насъ не ждали, недумали, что мы дойдемъ, и прочее, но, кажется, справедливѣе будетъ признать, что порча колодцевъ—не въ обычаѣ народа. Какъ у насъ многія средства почитаются безчестными (отравленіе припасовъ, подосланіе убійцъ къ непріятельскому полководцу и проч.), такъ и здѣсь кочевникъ не посягнетъ на колодезь. Онъ вѣроломенъ, поклянется вамъ на коранѣ въ вѣчной дружбѣ, будетъ ѣсть вашъ хлѣбъ и при первомъ случаѣ у к р а д е т ъ вашу голову, но колодца не отравитъ, не засыплетъ, и это по весьма простой причинѣ: колодезь нуженъ ему самому.

А чтобы въ пику врагамъ обречь себя на погибель,—до этого кочевникъ еще не возвысился.

Все это очень просто и, конечно, потому именно не пришло въ голову начальнику красноводскаго отряда, когда онъ высказывалъ опасеніе за существованіе кол. Бала-Ишемъ.

Возвратившіеся три „искателя“ Орта-кую сообщили также, что они нашли и тѣхъ 4-хъ казаковъ, которыхъ не хватало по списку. Несчастные лежали въ сторонѣ отъ дороги и не имѣли силъ подняться; имъ дали воды и хлѣба, но взять съ собою не могли, такъ какъ нести ихъ на себѣ были сами не въ силахъ, а посадить четверыхъ на двухъ лошадей, которыхъ и то приходилось тащить за поводъ,—было бы безразсудно... При нихъ оставили казака, который случайно набрелъ пѣшій также на Орта-кую.

Послана была новая партія съ верблюдами и водой для разысканія погибавшихъ, которые и доставлены въ лагерь утромъ 22-го числа, въ безчувственномъ состояніи: они были поражены солнечнымъ ударомъ *).

Пролежать трое сутокъ въ степи—не шутка!

Весь день 21 числа былъ посвященъ поданію помощи людямъ, пораженнымъ въ значительномъ числѣ солнечными ударами, а также страдавшимъ потерею силъ.

Изнуренію людей способствовало немало еще и то обстоятельство, что жара послѣднихъ четырехъ дней отнимала всякую охоту и всякую возможность къ принятію какой бы то ни было пищи.

---

*) До самаго Красноводска ихъ везли на верблюдахъ; одинъ скоро и умеръ.

Хотя найденная въ изобиліи вода и освѣжила истомленныхъ людей, но какъ жара нисколько не уменьшалась, то отправленіе караульной службы становилось весьма затруднительнымъ.

Въ видахъ сбереженія людей, смѣна часовыхъ производилась возможно чаще, и кромѣ того „найдено было необходимымъ выставлять на каждое смѣнявшееся звено ихъ по боченку воды".

Повѣрены были и лошади. Оказалось, что отъ Игды до Бала-Ишема пало 86 строевыхъ казачьихъ и много офицерскихъ лошадей. На самомъ Бала-Ишемѣ пало еще около 40 казачьихъ коней. Не поторопились ли казаки напоить ихъ? Послѣ долгой истомы ни одно животное не слѣдуетъ поить вволю. Какъ ни жаль отнять ведро отъ бѣднаго коня, этого вѣрнаго друга и товарища, умоляющаго васъ своими кроткими, впалыми глазами, но вы должны пощадить его и... отнять воду! Иначе—смерть...

Сомнѣніе въ возможности дойти до Измукшира, въ возможности продолжать движеніе къ Хивѣ—стало закрадываться въ душу большинства участниковъ экспедиціи. Безводный переходъ къ Ортакую, стоившій уже столькихъ жертвъ, затѣмъ пятьдесятъ верстъ до Даудура и, наконецъ, 7 мензилей до Измукшира, отнимали всякую охоту сдѣлать новый опытъ и всякую надежду на успѣхъ.

Неудачная попытка пройти къ Ортакую, между прочимъ, научила, какъ слѣдуетъ считать туркменскіе „мензили". Двигаясь по безводной пустынѣ, туркмены, какъ видно, увеличиваютъ переходы съ цѣлію пройти пустыню какъ можно скорѣе. Поэтому мензили не вездѣ одинаковой длины, и если бываютъ въ 20 верстъ, то бываютъ и въ 30. Принявъ эту норму, получимъ для разстоянія между Даудуромъ и Измукширомъ, по крайней мѣрѣ, 200 верстъ!

Но если и 90 верстъ отрядъ пройти былъ не въ силахъ при томъ количествѣ бурдюковъ и боченковъ, какое имѣлось въ его распоряженіи, то ужъ на 200 верстъ и посягать не стоило!

Потерявъ въ три дня четвертую часть кавалеріи, сколько бы пришлось потерять ея въ 10 или даже въ 12 дней марша? очевидно, что, не поя коней, потеряешь ихъ всѣхъ уже на пятый день. Для верблюдовъ также не въ чемъ было брать воды, и врядъ ли бы хоть одинъ изъ нихъ дошелъ до Измукшира.

На пути отъ Игды къ Ортакую ни лошадей, ни верблюдовъ не поили, воду берегли только для людей, а все-таки ея не хватило болѣе, какъ на 2½ дня!

Итакъ, изъ-за одного ужъ недостатка боченковъ и бурдюковъ надо было отказаться отъ дальнѣйшаго похода.

Скажетъ кто-нибудь: „да вѣдь ходятъ же тутъ туркмены и по той же безводной пустынѣ!"

Ходятъ, но зато запасаются вдосталь водою, чтобы ея хватило всѣмъ, не только людямъ, но и животнымъ. Вода не лакомство, а насущная необходимость, и потому туркменская кочевка, караванъ или партія барантачей возитъ съ собою колодцы... въ бурдюкахъ! Кромѣ того, если идетъ перекочевка, то при массѣ верблюдовъ всѣ они навьючены легко, а если идетъ караванъ, то берутся только хорошіе верблюды, а не калечъ.

Если бы и Маркозовъ раздѣлялъ этотъ взглядъ и считалъ бы воду не лакомствомъ, а предметомъ первой потребности, то каждый эшелонъ долженъ бы поднять съ собою по три колодца на каждый переходъ, слѣдовательно, на 7 или, вѣрнѣе, на 10 переходовъ отъ Даудура къ Измукширу надобно было бы везти съ собою около 30 колодцевъ. Такъ какъ набрать столько воды въ разъ съ одного Даудура невозможно, то понятно, что эшелонъ долженъ былъ бы раздробиться на мелкія части и выступать, напримѣръ, по-ротно. Особенной опасности предстоять не могло, потому что въ безводной пустынѣ и непріятелю сторожить насъ было бы трудно, а вдобавокъ туркмены съ своими стрѣлами всегда уступятъ „честь и мѣсто“ нашей винтовкѣ!

Самое же главное это—очевидное нежеланіе ихъ затѣвать ссору. Всѣ разсказы Маркозова, въ оффиціальныхъ донесеніяхъ его, что туркмены спѣшили на помощь къ Хивѣ и не пошли только потому, что онъ отнялъ у нихъ верблюдовъ, имѣютъ въ нашихъ глазахъ совершенно другой смыслъ: туркмены рады были уйти хоть къ чорту, именно потому, что у нихъ отнимали верблюдовъ! Персидская граница ихъ не спасла, они бросились въ степь и тутъ дѣйствительно нашли спасеніе. Нѣсколько оплошныхъ ауловъ, правда, попались, но это весьма слабая потеря для цѣлой массы народа.

Что ограбленный до нитки кочевникъ юлитъ и вертится вокругъ отряда, чтобы добыть назадъ своихъ верблюдовъ, это весьма естественно и совершенно законно: если мы практикуемъ съ дикими право силы, то должны помириться и съ правомъ частной войны. Каждый туркменъ велъ свою маленькую войну и самъ за себя. Если, при нападеніи на аулъ, мы встрѣчаемъ толпу, то это весьма понятно; если эта толпа защищаетъ своихъ верблюдовъ и барановъ, то это опять-таки совершенно понятно и законно. Какой, напримѣръ, мы имѣли резонъ отнять все имущество, „расчебарить“, какъ говорится, аулы, сидѣвшіе на Игды? Гдѣ же имъ сидѣть, какъ не на водѣ! А что они кочуютъ въ степи, когда въ ней есть кормъ, то это ихъ старинное право; самые колодцы они копали именно для этой цѣли, а никакъ не для русскаго отряда!

Итакъ, резонъ простой: „намъ нужны верблюды и бараны,—давай добромъ, коли честью просимъ, а не то...“

Туркмены теперь очень хорошо знаютъ, что слѣдуетъ послѣ „а не то“, и благоразумно снимаются съ колодцевъ при нашемъ приближеніи!

Это ли союзники Хивы?

Да мы собрали бы горящіе угли на голову хана, еслибы нагнали въ его ханство всѣхъ туркменъ и киргизовъ: со своими стадами они, какъ саранча, объѣли бы все ханство въ самый короткій срокъ! Кочевка есть вопросъ жизни и смерти. Вольный степнякъ вступаетъ въ подданство, платитъ подати—только не гони его съ пастбищъ. Зимой ему надо кочевать въ другомъ мѣстѣ, часто въ предѣлахъ другого государства, онъ и тамъ платитъ дань *), его уже поджидаютъ сборщики!

Никто никого на свою кочевку даромъ не пуститъ, и потому каждый родъ кочуетъ на своемъ мѣстѣ, закрѣпленномъ за нимъ „давностію“. Баранты, междоусобія и безконечное кровопролитіе явились въ степяхъ именно вслѣдствіе нарушенія границъ лѣтовокъ или зимовокъ. Родъ, права котораго нарушены, отгоняетъ скотъ—барантуетъ... и пошла усобица на много лѣтъ: счеты ростутъ и путаются.

Не то ли же самое дѣлается и у насъ: землевладѣлецъ, увидавъ на своихъ хлѣбахъ, на своихъ лугахъ чужую скотину, безъ дальнихъ околичностей загоняетъ ее въ свой хлѣвъ и требуетъ выкупа за потраву. Та же баранта и также нерѣдко сопровождается драками.

Заатрекскіе туркмены лѣтуютъ по сю сторону Атрека, т. е. въ нашихъ предѣлахъ. Они, значитъ, двоеданцы. Бить ихъ и грабить за то только, что они не остаются за Атрекомъ, не только несправедливо, но и противозаконно. Мало того—безчеловѣчно. За Атрекомъ нужда можетъ продержать ихъ всю зиму, да и то скотъ къ веснѣ еле живъ. Волей-неволей они д о л ж н ы искать новыхъ пастбищъ,—иначе весь скотъ ихъ погибнетъ, а затѣмъ придется гибнуть и имъ. Потянулись туркмены на лѣтовки, а на пути стерегутъ ихъ русскіе отряды—берутъ свою долю со скота! Туркмены перемѣняютъ путь, идутъ въ обходъ—новая бѣда: ихъ обвиняютъ въ намѣреніи перейти къ непріятелю!..

Несомнѣнно, читатель видитъ теперь, что всѣ обвиненія противъ туркменъ—явная натяжка, имѣвшая цѣлію, во-первыхъ, оправдать насильственныя мѣры, принятыя красноводцами для добыванія верблюдовъ и порціоннаго скота, а во-вторыхъ, найти въ этомъ особенную заслугу: туркмены-де отказались отъ союза съ Хивою, и потому задача оренбургскаго и туркестанскаго отрядовъ значительно упростилась!

---

*) Отсюда названіе д в о е д а н е ц ъ, т. е. подданный двухъ государствъ. Въ переносномъ смыслѣ это значитъ «и нашимъ, и вашимъ»; такъ еще называютъ старовѣровъ, которые ходятъ въ нововѣрныя церкви.

Въ глазахъ туркменъ красноводцы, а за ними, значитъ, и всѣ русскіе, просто-на-просто барантачи, и если, при отступленіи Маркозова, туркмены все время сопровождали отрядъ и безпокоили его, то это совершенно естественно: такъ слабыя ласточки преслѣдуютъ коршуна...

И такъ на большой безводный переходъ, если его начинаешь не съ рѣки, а съ колодца, — нельзя посягать большими эшелонами. Такъ какъ никакихъ средствъ не хватило бы тащить съ собою столько воды, сколько нужно, то пришлось бы всѣ боченки и бурдюки цѣлаго отряда отдать въ одинъ первый эшелонъ, который, перешагнувъ безводную пустыню, переслалъ бы эти сосуды назадъ ко второму эшелону и т. д. Это заняло бы много времени, но это единственное средство.

Отрядъ могъ бы это сдѣлать, но... у него не хватило бы хлѣба!

— Какъ, и хлѣба?—Да, такова дѣйствительность...

Казалось бы, какая простая задача: смѣряй циркулемъ разстоянія по картѣ, прикинь на невѣрности, на рельефъ мѣстности, разочти затѣмъ, сколько будетъ переходовъ, сколько надо дать дневокъ,—и получишь число дней марша. Ты знаешь, ты долженъ знать, коли носишь мундиръ генеральнаго штаба, сколько полагается сухарей, крупы и прочаго на каждаго солдата. Если въ пути надобно пробыть два мѣсяца и придешь прямо къ магазину,—бери продовольствія на два мѣсяца, а если придешь къ степному колодцу, гдѣ не достанешь ни зерна,—бери на три или на четыре. Далѣе—простая ариѳметика: по числу людей узнаешь число пудовъ продовольствія, по числу пудовъ узнаешь, сколько надобно верблюдовъ. Введи въ задачу, что верблюды слабы и что, кромѣ хлѣба, надобно еще везти съ собою воду, а для казаковъ еще овесъ, — число верблюдовъ и опредѣлится. Если ихъ не достаетъ, если боченковъ для воды мало, если провіанта только на два съ половиною мѣсяца, когда надо на четыре,—ясно, что идти нельзя, или придется уменьшить отрядъ на половину.

Маркозовъ хвалился, и всѣ были увѣрены, что онъ придетъ раньше всѣхъ,—значитъ, разсчитывать на чужой каравай было нечего. Въ Измукширѣ никто ему запасовъ не приготовитъ, — значитъ, и на дальнѣйшее движеніе онъ долженъ былъ имѣть свои собственные запасы. А между тѣмъ онъ беретъ: сухарей только на 2½ мѣсяца, а крупы только на 2 мѣсяца!

138 вьюковъ сухарей или двухнедѣльный запасъ былъ брошенъ первыми эшелонами тотчасъ по выступленіи изъ Чекишляра, и отрядъ имѣлъ уже всего довольствія по-ровну: какъ разъ на два мѣсяца!

Но въ два мѣсяца дойдешь только до Измукшира и то съ однимъ первымъ эшелономъ,—остальнымъ съ пересылкою сосу-

довъ пришлось бы сосредоточиться у этого колодца развѣ черезъ мѣсяцъ. Чѣмъ же кормить людей?

Отрядъ выступилъ изъ Чекишляра 19-го марта, 21-го апрѣля былъ на Бала-Ишемѣ; если бы 23-го онъ продолжалъ движеніе, то 26-го былъ бы на Орта-кую; здѣсь дневка. 30-го на Даудурѣ, и здѣсь надобно дождаться всѣхъ эшелоновъ, чтобы отобрать у нихъ боченки. Послѣдній эшелонъ могъ бы придти только черезъ 6 дней (ему вѣдь начинать отъ Игды),—значитъ, 6-го мая могъ бы тронуться первый эшелонъ и 19-го придти къ Измукширу. Какъ разъ въ этотъ день съѣдается послѣдній сухарь!

Что же дальше?

Кажется, ясно: голодная смерть!

Оренбургскій отрядъ въ этотъ день выходилъ изъ гор. Ходжейли къ тому мѣсту, гдѣ значится по картамъ никогда не существовавшая крѣпость Бендъ.

Туркестанскій отрядъ, только что началъ переправу чрезъ Аму-Дарью у Шейхъ-арыка.

Ни тотъ, ни другой отряды, очевидно, ничѣмъ бы помочь не могли: одинъ былъ въ трехъ стахъ, а другой въ четырехъ стахъ верстахъ!

Если нижніе чины не знали, насколько они обезпечены, то начальники частей, конечно, не могли этого не знать, а самъ Маркозовъ долженъ былъ знать еще въ Чекишлярѣ, что до Измукшира онъ не дойдетъ.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ разсужденія вслухъ о легкости предстоящей расправы съ Хивою были простою комедіею? Маркозову разрѣшалось выступить только въ такомъ случаѣ, когда онъ можетъ по числу наличныхъ верблюдовъ взять 10—12 ротъ, онъ и беретъ ихъ 12; позволялось выступить не иначе, какъ съ запасомъ довольствія на $2^1/_2$ мѣсяца, — онъ и беретъ такой запасъ. Если войска кинули тотчасъ же на дорогѣ полумѣсячную пропорцію,—онъ не виноватъ!

Кто же виноватъ, что съ такимъ числомъ и такихъ верблюдовъ, которыхъ едва хватило бы на отрядъ въ 4 роты,—двинуто было двѣнадцать ротъ?

Четыре роты съ артиллеріей и кавалеріей легко пройдутъ тамъ, гдѣ завязнетъ полкъ. А съ Хивой могли бы управиться и эти четыре роты.

И такъ, хлѣба въ отрядѣ не хватало на дальнѣйшій походъ. Оставалось возвратиться въ Красноводскъ, куда все-таки пришлось бы добраться развѣ къ 14-му мая, то есть только что въ пору.

Тутъ и разсуждать нечего,—дѣло было ясно, какъ день. Маркозовъ однако собирался идти дальше съ частію отряда и велѣлъ уже Левису отобрать доброконныхъ казаковъ, назначилъ

съ собою 5 ротъ и дивизіонъ горной артиллеріи, но противъ этого заговорили всѣ главные начальники его эшелона... (Гродековъ стр. 117).

Маркозовъ однакоже хотѣлъ соблюсти весь декорумъ. Собранъ былъ военный совѣтъ изъ наличныхъ начальниковъ частей перваго эшелона и чиновъ отряднаго штаба, — набралось 10 человѣкъ: подполк. кн. Чавчавадзе и Левисъ, маіоръ Козловскій, кап. Мерковскій, флигель-адъютантъ Милютинъ, кап. Ореусъ и шт.-ротм. Корсаковъ (обаадъютанты главнокомандующаго), врачъ Біейко и кап. Семеновъ.

Что можно было предложить при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился отрядъ?

1) Идти къ Орта-кую или Даудуру и послать оттуда нарочныхъ къ оренбургскому или туркестанскому отрядамъ, съ просьбою выслать воды и хлѣба.

2) Сосредоточившись у Даудура, выслать въ Измукширъ только двѣ роты при двухъ орудіяхъ, передавъ имъ всѣ боченки отряда и возложивъ на нихъ заботу, какъ выручить остальной отрядъ.

3) Оставаясь на мѣстѣ, дать знать въ Красноводскъ, чтобы оттуда подвезли продовольствіе.

4) Возвратясь на Игды, повернуть на колодцы Динаръ и отойти къ Кизилъ-Арвату, гдѣ снова приняться за реквизицію, добывая на этотъ разъ продовольственные припасы.

5) Возвратиться безъ дальнихъ околичностей въ Красноводскъ.

Но объ оренбургскомъ и туркестанскомъ отрядахъ не было никакого слуха *), и если бы ихъ что-нибудь задержало (какъ это и случилось), то красноводцамъ пришлось бы плохо на Даудурѣ, а ротамъ, посланнымъ въ Измукширъ, трудно было бы и отступить. Хлѣба уже не было бы ни крошки.

Въ Красноводскѣ невозможно было бы достать верблюдовъ для перевозки провіанта, — значитъ, и третье предположеніе не годилось.

На дорогѣ къ Кизилъ-Арвату приходилось одолѣть стоверстный безводный переходъ отъ Игды до Динара, по бугристымъ пескамъ. Съ людьми, сильно пострадавшими на переходѣ къ Орта-кую, рисковать еще на сто верстъ при такой жарѣ казалось безразсудно. Опасались потерять множество „верблюдовъ, остальныхъ лошадей и самыхъ орудій, которыя пришлось бы бросить на дорогѣ“. Кромѣ того, самая надежда на добычу

*) Первый былъ тогда на пути отъ Исенъ-Чагыла къ Касармѣ,—значитъ, еще далеко отъ м. Урге, второй въ Хала-Ата, т. е. въ 110 верстахъ отъ р. Аму. Въ „Воен. Сборникѣ“ ошибочно сказано, будто м. Урге лежитъ, не доходя Касармы.

въ окрестностяхъ Кизилъ-Арвата не имѣла никакихъ серьезныхъ основаній, да и съ пѣшими казаками за туркменскими аулами не угонишься.

Оставалось одно: возвратиться въ Красноводскъ. Вопросъ такъ и былъ поставленъ ребромъ: идти ли впередъ? Да или нѣтъ? Всѣ, кромѣ Мерковскаго, объявили нѣтъ.

Обратное выступленіе перваго эшелона къ Игды было назначено на 22-е апрѣля въ 4 часа вечера. По сборѣ отряда оказалось, что около 100 чел. казаковъ и болѣе 100 пѣхотинцевъ, вслѣдствіе потери силъ и солнечныхъ ударовъ, не могли уже двигаться... Ихъ пришлось уложить въ носилки и навьючить на верблюдовъ, а то и просто привязывать ко вьюкамъ безъ носилокъ.

И такъ, опытъ степнаго перехода безъ запаса воды не удался. Потеря отряда, не говоря о верблюдахъ и офицерскихъ лошадяхъ, состояла: изъ 126 павшихъ строевыхъ лошадей и до 200 выбывшихъ изъ строя людей.

Изъ числа этихъ больныхъ умерло въ пути только трое. Интересно бы знать, какъ отозвалась апоплексія на оставшихся въ живыхъ? Нельзя, конечно, отрицать, что ихъ здоровье тронуто. Нѣкоторый свѣтъ на это дѣло мерцаетъ у Гродекова: въ Красноводскѣ въ 3 мѣсяца изъ 3-хъ ротъ умерло 29 челов., о тѣхъ же, которые были отправлены на Кавказъ въ свои штабъ-квартиры, свѣдѣній нѣтъ.

Движеніе до кол. Игды нѣсколько замедлялось сильнѣйшимъ встрѣчнымъ вѣтромъ, поднимавшимъ цѣлыя тучи песку, которыми совершенно затмѣвалось солнце. Но это обстоятельство спасало людей отъ непосредственнаго дѣйствія палящихъ лучей, а движеніе воздуха было все-таки лучше неподвижной духоты предшествовавшихъ дней. Поэтому люди шли нѣсколько бодрѣе и не въ такой степени томились жаждою. Зато верблюды и лошади падали въ значительномъ числѣ; послѣднихъ брошено было еще 40 штукъ.

По дорогѣ валялось множество барановъ и верблюдовъ—слѣдъ проходившихъ тутъ ширванскаго, дагестанскаго и самурскаго эшелоновъ.

Усиленному падежу скота немало способствовало то обстоятельство, что показавшійся было въ изобиліи подножный кормъ весь выгорѣлъ въ послѣдніе дни. Много пало еще скота на трудныхъ переходахъ отъ Игды до Джамала. Затѣмъ остальную часть пути отрядъ, не смотря на зной и утомленіе, совершилъ уже довольно благополучно.

14 мая въ Красноводскъ вступилъ послѣдній эшелонъ. Походъ былъ конченъ.

Изъ 3,614 верблюдовъ едва дотащились до конца 800 штукъ;

у Гродекова показано однако 1,414; какая цифра вѣрнѣе? Изъ 457 лош. пало 143, да въ Красноводскѣ до іюня еще 34.

Всѣ части войскъ, по приказанію его высочества, были перевезены на Кавказъ и распущены по штабъ-квартирамъ. Въ Красноводскѣ оставленъ лишь небольшой гарнизонъ, около 3-хъ ротъ. Оставшееся залишнимъ отъ прежней заготовки довольствіе и пришедшихъ съ отрядомъ верблюдовъ, приказано было перевезти на судахъ въ Киндерли для доставки мангышлакскому отряду. Въ это время мангышлакскій отрядъ уже не нуждался.

Спрашивается теперь: для чего ходилъ Маркозовъ?

Если онъ думалъ дойти до Измыкшира, то ему надобно было взять меньше войскъ. Если думалъ сдѣлать демонстрацію,—незачѣмъ было такъ далеко заводить отрядъ. Каждый гимназистъ безъ труда разочтетъ, что со средствами, какими располагалъ отрядъ, *невозможно* было идти далѣе кол. Игды обыкновеннымъ порядкомъ,—а далѣе Даудура и *никакимъ* порядкомъ, за неимѣніемъ хлѣба, а также достаточнаго количества боченковъ и верблюдовъ. Ничѣмъ разумнымъ мы объяснить себѣ не можемъ этого крайне опрометчиваго и рискованнаго предпріятія. Развѣ предположить, что Маркозовъ надѣялся вызвать на себя какую-нибудь хивинскую партію, расчесать ее и вернуться не съ пустыми руками? Но вѣдь отступленіе даже и послѣ удачи наши азіятскіе дѣятели не уважаютъ.

Еще въ Маркозовѣ понятно это нетерпѣніе идти скорѣе и во что бы то ни стало: вѣдь онъ два года ждалъ экспедиціи, два года колесилъ по степи,—надо же вознаградить себя за это. Но какъ допустилъ это Золотаревъ, присланный именно для того, чтобы обуздать излишнюю предпріимчивость Маркозова и не дать ему двинуться, очертя голову? Вѣдь онъ засталъ еще въ Чекишлярѣ послѣдніе эшелоны отряда, видѣлъ, какъ плохи и ненадежны верблюды, зналъ, что боченковъ мало,—зачѣмъ же онъ деликатничалъ? Стоило ему проѣхать вслѣдъ за выступившими уже частями 23 версты и онъ увидалъ бы брошенные 138 вьюковъ!

Итакъ, къ чему же привели Маркозова всѣ несправедливости его относительно туркменовъ, всѣ хлопоты его уйти въ походъ какъ можно ранѣе, съ чѣмъ попало и какъ попало; къ чему привела торопливость движенія, не позволявшая ему сворачивать на попутный колодезь?

Упустивъ изъ виду самыя азбучныя требованія военнаго ремесла и чуть не погубивъ отрядъ, Маркозовъ имѣетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ту заслугу, что послушался голоса благоразумія и отступилъ... Гродековъ на стр. 113 второго изданія своего труда, говоритъ: „это рѣшеніе въ его положеніи было единственно возможное и потому должно быть постановлено въ заслугу Маркозову“. Очень странная похвала... Въ матеріалахъ на стр. 217 (о

туркестан. отрядѣ) сказано: „нельзя достаточно выразить удивленія и уваженія къ акту высокаго благоразумія—рѣшимости повернуть красноводскій отрядъ назадъ“...

Неужели это заслуга? Или ужъ Маркозова считали совершеннымъ идіотомъ, или не ожидали, чтобъ онъ послушался голоса благоразумія?

Конечно, отрядъ безпрекословно бы двинулся, если бы было приказано,—и все равно, въ какую бы сторону ни было. Другой вопросъ: дошелъ ли бы онъ?

Читатель припомнитъ, въ какомъ состояніи были люди, и самъ легко отвѣтитъ на вопросъ.

Повторяемъ: было бы чистымъ безуміемъ идти куда-нибудь, кромѣ Красноводска. Самое колебаніе, незнаніе, что дѣлать—уже дурная рекомендація.

Къ чему было созывать „совѣтъ десяти“? Надо было просто отдать приказъ по отряду о возвращеніи въ Красноводскъ.

Мы не можемъ не отдать должной справедливости войскамъ красноводскаго отряда, которые до конца исполнили свой долгъ, пока не легли на дорогѣ полумертвые! 200 человѣкъ, привязанныхъ, какъ неодушевленные предметы, по бокамъ верблюдовъ, служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ доблести кавказцевъ: одинъ переходъ стоилъ генеральнаго сраженія.

Но если поплатились люди и животныя, то дороже всѣхъ экспедиція обошлась бѣднякамъ-туркменамъ. Реквизиціи по ту сторону Атрека дали 2,200 верблюдовъ, примѣрно на 140 т. рублей, а нападеніе при Игды стоило туркменамъ худо-худо 90 т. руб. (за верблюдовъ 75 т., за барановъ 15 т.); имъ пришлось такимъ образомъ „въ чужомъ пиру похмѣлье“.

Въ выигрышѣ остался, кажется, одинъ только подрядчикъ Карганов.

Сгруппируемъ теперь всѣ причины неудачи похода чекишлярскаго отряда.

Первою слѣдуетъ считать плохую репутацію, заслуженную Маркозовымъ у туркменъ въ предшествовавшіе года: обѣщалъ платить за верблюдовъ и не платилъ, проводниковъ вознаграждалъ скупо. На это указано нами въ своемъ мѣстѣ со ссылками на Гродекова. Отсюда невозможность достать верблюдовъ по добровольному соглашенію и неимѣніе достаточнаго числа проводниковъ.

Второю причиною надо считать выборъ починнымъ пунктомъ похода Чекишляръ, а не Белекъ или даже Красноводскъ, какъ ему предлагало и начальство кавказское.

Третьею—необъяснимое стремленіе Маркозова, во чтобы то ни стало, идти въ походъ, а какъ это разрѣшалось ему только въ достаточныхъ силахъ, а достаточныя силы стояли въ зависимости отъ соотвѣтствующаго количества верблюдовъ, то онъ ставилъ въ

счетъ всякихъ верблюдовъ даже совершенно негодныхъ, лишь бы выступить изъ Чекишляра. Начальство, такимъ образомъ, было введено въ заблужденіе и отрядъ выступилъ въ болѣе сильномъ составѣ, чѣмъ это можно было допустить по количеству и качеству годныхъ верблюдовъ.

Четвертою—недостаточность заготовленныхъ водоносныхъ сосудовъ: бурдюковъ, турсуковъ и боченковъ. Да и тѣ, которые были заведены, везлись нѣсколько переходовъ пустыми, пока колодцы встрѣчались часто, чтобы не занимать напрасно верблюдовъ, а это повело къ тому, что боченки разсохлись, а мѣха на складкахъ потрескались и воду не держали.

Пятою, что дойдя въ 1872 г. до Игды и собравъ разспросныя свѣдѣнія о дальнѣйшей дорогѣ до границы Хивы, онъ не провѣрилъ ихъ рекогносцировками и потому не зналъ истиннаго разстоянія даже до слѣдующихъ колодцевъ Орта-кую.

То, что сдѣлалъ потомъ Скобелевъ, „самъ-шостъ“, проѣхавъ отъ Измукшира до Ортакую, могли сдѣлать и въ 1872 г. нѣсколько проводниковъ и офицеровъ. Маркозовъ считалъ такія рекогносцировки въ пустыняхъ непримѣнимыми, на томъ основаніи, что въ зависимости отъ степени усталости, разстоянія будутъ казаться то больше, то меньше. Про часы, значитъ, забылъ. И вотъ, не изслѣдовавъ вовсе этой дороги, онъ увѣрялъ кавказское начальство, будто дорогу эту знаетъ, а мангышлакской совсѣмъ не знаетъ, и потому предпочитаетъ идти изъ Чекишляра!

Шестою надо считать позднее начало похода. Оренбуржцы выступили зимою. По мнѣнію перваго красноводскаго начальника Столѣтова, безводное пространство до Измукшира надо проходить въ дождливое время никакъ не позже марта; значитъ, изъ Чекишляра надо выступить въ началѣ февраля. Самъ Маркозовъ, по возвращеніи изъ рекогносцировки 1872 г., постоянно твердилъ начальству, что если выступитъ позже начала марта, то рискуетъ вовсе не дойти до Хивы и все-таки, когда добываніе верблюдовъ вооруженною рукою задержало его долѣе предположеннаго времени, онъ выступаетъ въ концѣ марта и приходитъ къ безводному пространству въ самую жару во второй половинѣ апрѣля... Онъ зналъ, что ему предстоитъ 8 дней пути безъ воды, зналъ, что съ собой поднять воду на 8 дней не можетъ, и все-таки пошелъ на авось!

Седьмою слѣдуетъ признать неимѣніе верблюдовожатыхъ, но это уже вслѣдствіе самаго способа добыванія верблюдовъ силою. Поэтому вся тягость вьюченія, а главное, пастьба этихъ животныхъ, бѣготня за ними въ жару по песчанымъ буграмъ—ложилась на измученныхъ и безъ того солдатъ. Правда, что подъ довольствіе этихъ вожатыхъ потребовалось бы еще до сотни верблюдовъ, но ужъ это неизбѣжное зло. Уходъ за верблюдами

страшно изнурялъ людей: солнечные удары чаще всего и случались на пастьбѣ.

Восьмою причиною, довершившею злополучіе отряда, — это движеніе кавалеріи, по жарѣ рысью, на протяженіи 120 верстъ, для захвата верблюдовъ у туркменъ, прикочевавшихъ къ кол. Игды; послѣ этого чрезмѣрнаго напряженія силъ, лошади уже не годились почти на службу, при скудной дачѣ ячменя въ 5 фунтовъ и безъ воды по суткамъ, а то и по двое... Если бы не это, кавалерія могла бы сослужить отряду немалую службу, разыскавъ колодцы Орта-кую, которые и были-то всего въ 10 верстахъ отъ послѣдняго привала, а затѣмъ подвозя на встрѣчу пѣхотѣ воду.

Девятою, конечно, будетъ та, что Маркозовъ, считая отъ Игды до Орта-кую не болѣе 70 верстъ, „никакихъ особыхъ распоряженій относительно воды“ не сдѣлалъ (Гродековъ, стр. 108).

Десятою—что Маркозовъ ни за что не хотѣлъ и не позволялъ свернуть на Бала-Ишемъ и провелъ отрядъ до 60 верстъ почти безъ воды, что и доконало войска.

Одиннадцатою, и весьма важною причиною, по которой отрядъ не могъ бы идти дальше, надо считать страшный падежъ верблюдовъ: взяли ихъ во время перекочевокъ, заморенныхъ, голодныхъ, сѣдла для большей части ихъ смастерили, изъ чего попало, тяпъ да ляпъ, вьючить порядкомъ не умѣютъ... По пути разбросано было поэтому пропасть сухарей и крупы. Еслибы отрядъ дошелъ до Измукшира и остался бы тамъ въ развалинахъ ждать, какъ приказано, то ему угрожала тамъ голодная смерть. Когда отрядъ шелъ назадъ на Красноводскъ, то оттуда высылали ему на встрѣчу сухари и ячмень за нѣсколько переходовъ, хотя онъ по дорогѣ могъ еще и подбирать брошенные имъ припасы въ передній путь.

Двѣнадцатою, и главною, надо считать ту, что Маркозовъ мечталъ все о первенствующей роли своего отряда, а вторую и, тѣмъ менѣе, третью играть не хотѣлъ, торопился пожать лавры, къ которымъ тянулись другіе отряды, и заморилъ свои войска.

Словомъ, все дѣлалось на авось, шло на авось и притомъ съ лукавкой.

Тѣмъ не менѣе Маркозовъ получилъ благодарность... Въ приказѣ е. в. главнокомандующаго по кавказскому военному округу, 20 іюля 1873 г., № 159, между прочимъ говорилось о происках хивинскаго хана и возстаніи на Мангышлакѣ, помѣшавшихъ пріобрѣсти верблюдовъ для чекишлярскаго отряда, и что двумя смѣлыми переходами за Атрекъ „Маркозову удалось отбить у виновныхъ до 2,000 верблюдовъ, что съ прежде бывшими въ отрядѣ составило до 3,000 головъ, весьма слабыхъ отъ предве-

сенней безкормицы и безъ вожаковъ", что поэтому ему было предписано „движеніемъ по направленію къ Хивѣ исполнить лишь то, что окажется возможнымъ безъ риска и не подвергая отрядъ чрезмѣрнымъ лишеніямъ"; затѣмъ упоминалось о падежѣ верблюдовъ съ первыхъ же дней марта и неожиданной жарѣ... „Оказалось невозможнымъ при средствахъ, имѣвшихся въ отрядѣ, поднять запасъ воды въ размѣрѣ крайней потребности. Поэтому полковникъ Маркозовъ принялъ на себя весьма тягостное для него, для всего отряда и, долженъ сказать, для всей кавказской арміи, рѣшеніе направить ввѣренныя ему войска обратно въ Красноводскъ. Но рѣшеніе это въ данныхъ обстоятельствахъ было благоразумно и необходимо". Въ другомъ приказѣ по округу 5 октября 1873 г., № 208, говорилось еще категоричнѣе:

„Приказомъ по округу отъ 20 іюля сего года, № 159, я благодарилъ красноводскій отрядъ за заслуги его при движеніи минувшею весною до колодцевъ Игды, по направленію къ Хивѣ, нижнихъ чиновъ за самоотверженіе, твердость и энергію, съ какими переносились ими труды и преодолѣвались препятствія, а офицеровъ и всѣхъ начальствующихъ лицъ за то, что своимъ примѣромъ и участіемъ они поддерживали нравственныя силы подчиненныхъ и облегчали ихъ страданія. Въ томъ же приказѣ выражено, что принятое начальникомъ отряда, полковникомъ Маркозовымъ, рѣшеніе направить ввѣренныя ему войска обратно въ Красноводскъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился отрядъ, было благоразумно и необходимо.

„Полученныя нынѣ изъ Хивы, чрезъ экспедиціонныя войска наши положительныя свѣдѣнія еще болѣе и окончательно удостовѣряютъ, что степное безводное пространство, лежащее между колодцами Ортакую и Хивинскимъ оазисомъ, въ такія жары, въ какія пришлось двигаться полковнику Маркозову, надо считать безусловно непроходимымъ для отряда войскъ, какъ бы обильно и соотвѣтственно потребностямъ ни было его снаряженіе и въ какой бы степени ни были до того сбережены силы людей.

„Вполнѣ убѣждаясь такимъ образомъ, что отступленіе означеннаго отряда съ половины пути обратно въ Красноводскъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть поставлено въ вину полковнику Маркозову; напротивъ, обращая вниманіе на то, что принятіемъ рѣшенія повернуть отрядъ назадъ въ такое время, когда неизбѣжность возвращенія не успѣла еще фактически выясниться ни для войскъ, ни вообще для лицъ, издали слѣдившихъ за успѣхомъ движенія, названный штабъ-офицеръ обнаружилъ похвальную предусмотрительность и готовность, съ полнымъ самопожертвованіемъ, принять на себя тяжелую отвѣтственность, въ видахъ исполненія

долга и государственной пользы,—я считаю справедливымъ объявить въ особенности полковнику Маркозову мою искреннюю благодарность за объясненное выше рѣшеніе, чрезъ которое избавленъ былъ красноводскій отрядъ отъ тяжкихъ и безполезныхъ потерь, неизбѣжно предстоявшихъ ему въ случаѣ продолженія наступленія еще хотя на нѣсколько переходовъ, и сохранены были доблестныя войска, отрядъ составлявшія, для дальнѣйшей службы Государю и Отечеству.

Подписалъ: главнокомандующій кавказскою арміею, генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ".

Однако же, какъ мы видѣли выше, даже и эта заслуга, т. е. рѣшеніе вернуться назадъ, на принадлежитъ Маркозову: онъ, напротивъ, хотѣлъ идти дальше; рѣшеніе же отступать—принадлежитъ военному совѣту изъ чиновъ перваго эшелона.

ГЛАВА VII.

Составъ Туркестанскихъ отрядовъ. Что осталось на мѣстѣ? Первая скромная смѣта расходовъ и ея дополненія. Артиллерійское инженерное и интендантское снаряженіе. Медицинская часть. Щедрость общества попеченія о раненыхъ. Инструкція Кауфмана. Куна не платитъ за верблюдовъ, павшихъ отъ болѣзни. Пути въ Хиву. Планъ похода. Съ сухарями и верблюдами запоздали. Верблюдовъ не кормятъ на сборномъ пунктѣ. Ненужные грузы. Предложеніе интенданта Польмана выслать заранѣе къ пунктамъ предполагаемыхъ промежуточныхъ укрѣпленій въ степи запасы продовольствія. Отсутствіе иниціативы у Головачева. Кауфманъ поощрялъ иниціативу въ подчиненныхъ. «Кауфманки». Почтовая часть. Штабы отрядовъ. Выступленіе 26 февраля. Услужливость бухарскаго эмира. Падежъ верблюдовъ. Морозъ и буранъ 13 марта. Перемѣна маршрута. Разспросныя свѣдѣнія барона Аминова предпочтены двукратнымъ рекогносцировкамъ и точнымъ съемкамъ прежде избраннаго пути. Короткій путь длиннѣе кружнаго. Просьба къ эмиру о хлѣбѣ. Подарокъ его къ Пасхѣ Хивинскій ханъ возвратилъ плѣнныхъ. Оправданіе крупныхъ эшелоновъ. Изъ-за чего и казалинскую колонну перевели на новый и для нея весьма кружный путь? Георгіевское укрѣпленіе на ключахъ Халъ-Ата. Песчаные бураны и скорпіоны. Соединеніе отрядовъ 24 апрѣля. Снаряженіе Казалинскаго отряда; число пудовъ груза. Благовѣщенское укрѣпленіе. Нортоновскіе колодцы брошены. Приказъ идти не на Минъ-Булакъ и Хиву, а на Халъ-Ата. Совѣтъ притвориться, что приказа не получали.

Со стороны Туркестанскаго военнаго округа, согласно плану экспедиціи, должны были двинуться два отряда: одинъ изъ Джизака, другой изъ Казалинска. Въ составъ джизакской колонны назначено было: 12 ротъ пѣхоты, $5^1/_2$ сотенъ кавалеріи, 14 орудій и 4 ракетныхъ станка. Казалинскую колонну составили: 9 ротъ и $1^1/_2$ сотни, 4 орудія, двѣ картечницы и 4 ракетныхъ станка. Всего же 21 рота, 7 сотенъ, 20 орудій и 8 ракетныхъ станковъ.

Всѣ эти части войскъ взяты были изъ числа расположенныхъ въ Сыръ-Дарьинской области.

Изъ Семирѣчья взята была только одна сотня, молодого еще, недавно сформированнаго Семирѣченскаго казачьяго войска, а изъ Заравшанскаго округа не взято ни одной части. Семирѣченская № 5 сотня выступила изъ Вѣрнаго 10 февраля, прибыла въ Ташкентъ 8 марта, выступила въ качествѣ конвоя интендантскаго транспорта 11 марта и присоединилась къ отряду 25 мая послѣ взятія уже Хозаръ-аспа. На ея мѣсто изъ Каракола въ Вѣрное передвинута полусотня казаковъ. Спрашивается: для чего такія хлопоты, когда въ Ташкентѣ еще оставались 4 свободныхъ сотни?

Оффиціальный отвѣтъ: для того, чтобы въ походѣ участвовали представители отъ всѣхъ войскъ округа.

Неоффиціальный отвѣтъ заключается въ томъ, что этою сотнею командовалъ войсковой старшина фонъ-Грюнвальдъ, а Кауфманъ, хотя и былъ православнымъ, но нѣмцамъ вообще протежировалъ. Многіе изъ нихъ быстро при немъ выдвинулись, начиная съ его родственниковъ,—Берга и Принца.

Подробности о составѣ отрядовъ видны изъ слѣдующей вѣдомости:

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Откуда взяты.	Джизакская колонна.	Казалинская колонна.
		Роты.	
Пѣхота.			
Стрѣлковыхъ батальоновъ.			
№ 1	Изъ Ташкента.	2	—
№ 2	Изъ Ташкента.	2	—
№ 3	Изъ Ташкента.	2	—
№ 4	» Казалинска.	—	4
Линейныхъ батальоновъ.			
№ 2	» Ура-Тюбе.	3	—
№ 4	» Ташкента.	2	—
№ 8	» Казалинска и Перовска.	—	5
Саперная рота	» Ташкента.	1	—
Кавалерія.			
Уральскаго войска	» »	2 сотни	—
Оренбургскаго	» »	1½	1½
Семирѣченскаго	» Вѣрнаго.	1	—
Сборная сотня	» Ташкента.	1	—
Артиллерія.			
Взводъ 1-й батареи 1 Туркест. бригады	» »	2 орудія	—
Дивизіонъ 2 бат.	» Ходжента.	4	—
Батарея № 1 Оренб. казач. войска	» Ташкента.	8	—
Горный дивизіонъ	» Казалинска.	—	4
Ракетной батареи станковъ	Поровну изъ Ташкента и Казалинска.	4	4
Картечницъ	Изъ Казалинска.	—	2

Въ обоихъ отрядахъ такимъ образомъ состояло: 21 рота, 7 сотенъ, 18 орудій, 2 картечницы и 8 ракетныхъ станковъ. Кромѣ того при отрядахъ везлось по два орудія для укрѣпленій.

Изъ этого состава назначались въ гарнизоны опорныхъ пунктовъ:

1) На Иркибаѣ: 1 рота 8-го линейн. бат., 1 сотня и 2 единорога 3/4 пудовыхъ изъ парка.

2) На Тамды: 1 рота 2-го батал., 1/2 сотни Оренбургск. войска и 2 облегченныхъ пушки изъ парка.

Числительность этихъ частей была слѣдующая: въ ротахъ—316 челов., въ сотняхъ—225 чел., прислуги при орудіяхъ 19 чел., лошадей 250. Затѣмъ собственно дѣйствующій отрядъ заключалъ:

пѣхоты	2.904 чел.
саперъ	200 „
артиллеристовъ . .	650 „
казаковъ	925 „
Итого людей .	4.687 чел.

А съ командами при паркахъ, лазаретахъ и штабахъ 5.500 чел.

Лошадей казачьихъ . .	1,017
„ артиллерійск.	138
Итого лошадей . .	1.405

А съ парковыми и подъемными всего—1.650 коней.

За выступленіемъ этихъ войскъ въ Сыръ-Дарьинской области осталось:

1) Въ г. Ташкентѣ: 6 ротъ отъ 3-хъ стрѣлковыхъ батальоновъ, 2 роты 4-го Турк. линейн. батал., 4 роты 69-го Турк. губерн. батальона, 4 сотни казаковъ, 6 орудій 1-й батареи Туркест. артил. бригады, 1 рота Ташкент. крѣпостной артиллеріи.

2) Въ укрѣп. Теляу: 1 рота 4-го линейн. батал. съ 9-ю чел. артиллеристовъ.

3) Въ Чиназѣ: 1 сотня казаковъ Оренбург. войска, 1 рота крѣпост. артиллеріи, мѣстная команда.

4) Въ сел. Куйлюкъ: 1 сотня казаковъ Оренбург. войска.

5) Въ г. Ходжентѣ: 7-й Туркест. линейн. батальонъ, 1 сотня Оренбург. войска, 4 орудія 2-й батареи, уѣздная команда и 12 чел. крѣпост. артиллеріи.

6) Въ укр. Ура-Тюбе: 2 роты 2-го Турк. линейн. батальона и 20 чел. крѣпост. артиллеріи.

7) Въ укрѣп. Ключевомъ: 1 сотня Сибирскаго войска.

8) Въ фортѣ № 1 (Казалинскъ): 1 1/2 сотни Оренбург. войска, уѣздная команда и 28 чел. крѣпост. артиллеріи.

9) Въ фортѣ № 2: 1 сотня Оренбург. войска и 17 чел. крѣп. артиллеріи.

10) Въ фортѣ Перовскомъ: 1 рота 3-го пѣш. батал. Оренб. войска, уѣздная команда, 1 рота крѣпост. артиллеріи.

11) Въ укр. Джулекъ: 1 сотня Оренбург. войска и 19 чел. крѣп. артиллеріи.

12) Въ г. Туркестанѣ: 1 рота 3-го пѣш. батал. Оренбург. войска, 1 сотня Оренбург. войска, мѣстная команда и 8 чел. крѣп. артиллеріи.

13) Въ укр. Чимкентѣ: 3 роты 3 пѣшаго батал. Оренбург. войска, 1 сотня Сибирскаго войска, уѣздная команда и 16 чел. крѣп. артиллеріи.

14) Въ укр. Ауліе-Ата: 1 сотня Сибирскаго войска, уѣздная команда и 11 чел. крѣпост. артиллеріи.

Кромѣ того въ фортѣ № 1 сформирована 1 сборная рота изъ слабыхъ 8 линейнаго батальона и молодыхъ солдатъ, оставшихся отъ партій въ Казалинскѣ по болѣзни и по другимъ причинамъ.

Такимъ образомъ для охраненія спокойствія на пространствѣ всей области оставалось:

Пѣхоты — 26 ротъ, 5 уѣздн. командъ и 2 мѣстн. команды.

Кавалеріи — 14½ сотенъ.

Артиллеріи — 3 крѣпостныхъ роты и 10 полевыхъ орудій.

Штаты чимкентской и ауліе-атинской уѣздныхъ командъ были усилены: первая на 149, а вторая на 121 чел. Мѣстная туркестанская также усилена на 115 нижнихъ чиновъ.

На снаряженіе отряда исчислено было, въ походной канцеляріи командующаго войсками Туркестанск. округа въ Петербургѣ, всего 287.300 р. сереб.,—но эти исчисленія сдѣланы были весьма поверхностно и, кажется, имѣли главною цѣлію, возможно меньшую цифру, чтобъ неиспугать громадностію предстоящихъ издержекъ.

Вотъ подробности этого крайне неподробнаго разсчета:

1)	на наемъ верблюдовъ на 3 мѣсяца	132.000 р.
2)	„ „ лаучей по 8 руб. каждому, а на 3 мѣсяца	16.800 „
3)	„ подъемныя деньги чинамъ отряда (въ размѣрѣ ½ годоваго оклада, тѣмъ у кого есть верховыя лошади и ⅓ остальнымъ)	63.312 „
4)	Раціоны на сѣно на 3 мѣсяца	17.188 „
5)	На чай и сахаръ нижнимъ чинамъ	8.000 „
6)	Непредвидѣнные расходы	50.000 „
	Всего	287.300 р.

Въ число непредвидѣнныхъ расходовъ вошли и такія статьи, которыя не только можно, но и должно было предвидѣть.

Таковы: боченки для воды, турсуки (бараньи шкуры для воды), кибитки, палатки, походные вьюки для аптекъ и артиллерійскихъ запасовъ и т. п. Довольно сказать, что всѣ эти статьи были „предвидѣны“ оренбургскимъ окружнымъ штабомъ.

При первомъ же шагѣ въ міръ дѣйствительности оказалось, что вычисленія туркестанскаго походнаго штаба были весьма далеки отъ этой дѣйствительности и напоминали скорѣе инженерныя смѣты, нарочно составляемыя ниже дѣйствительной потребности, чтобы только работы были утверждены, а тамъ уже легко наверстать разные недочеты дополнительными смѣтами.

Дополнительная смѣта туркестанскаго генералъ-губернатора требовала еще 229.051 р. 40 к. (рапортъ военному министру 1873 г. № 1427), то-есть почти столько же, сколько было уже ассигновано.

Увеличеніе расхода по статьямъ видно изъ слѣдующей вѣдомости:

1) на наемъ верблюдовъ потребовалось еще . . .	105.290 р.	50 к.
2) на наемъ лаучей и караванъ-башей	7,068 „	— „
3) на пособіе генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ	4.688 „	— „
4) раціоны на сѣно	14.812 „	— „
5) на чай и сахаръ нижнимъ чинамъ	6.000 „	— „
6) на статьи, считавшіяся непредвидѣнными .	39.192 „	40 „
7) на дѣйствительно непредвидѣнное командированіе эскадры въ Аральское море	7.000 „	— „
	184.050 р.	90 к

Затѣмъ остальные расходы, не входившіе въ прежнюю смѣту составили сумму въ 45.000 р. 50 к.

Оправдывались всѣ эти сверхсмѣтные расходы слѣдующими доводами:

1) На верблюдовъ предполагалось вьючить до 15 пудовъ, оказалось же, что имъ едва по силамъ будетъ и 12 пуд., потому что весной верблюды всегда слабы и худы вслѣдствіе зимней безкормицы.

Какъ этого не предвидѣли бывалые уже люди, видавшіе верблюдовъ не на однихъ только картинкахъ, — сказать трудно.

2) Тяжестей оказалось болѣе, чѣмъ предполагалось прежде. Прибавилось не считанныхъ 300 пудовъ медицинскихъ запасовъ общества попеченія о раненыхъ, двѣ картечницы и т. п.

Но 300 пудовъ требуютъ только 25 верблюдовъ, картечницы въ 134 пуда съ патронами и того менѣе, всего 11 верблюдовъ, значитъ, и упоминать о нихъ не стоило, въ виду такой цифры, какъ 105.000 р.

Затѣмъ упоминается о ячменѣ для офицерскихъ лошадей, а также для казачьихъ и артиллерійскихъ взамѣнъ сѣна и, наконецъ, о мукѣ для лепешекъ верблюдамъ, въ случаѣ недостатка травы.

Первыя двѣ статьи также можно было предусмотрѣть заранѣе, такъ какъ давно уже всѣмъ извѣстно, что въ степи ничего ни у кого купить нельзя, и потому запасы надо брать съ собою. А если хотѣли избавить офицеровъ, какъ это водится при степныхъ походахъ, отъ необходимости дѣлать собственные запасы фуража на весь походъ, то разсчитать было нетрудно, сколько потребуется для этого верблюдовъ. Что при неимѣніи сѣна и подножнаго корма, слѣдуетъ замѣнять его какимъ-нибудь другимъ кормомъ,—это также не могло быть неизвѣстнымъ ранѣе.

3) Пришлось прибавить еще одну сотню въ виду большей потребности отряда въ кавалеріи, по большему числу верблюдовъ въ транспортахъ и проч.

Кавалерія въ степныхъ походахъ мало приноситъ пользы, а тяжести увеличиваетъ вчетверо. Транспорты и съ кавалеріей не дошли по назначенію къ сроку; отряды шли часто совсѣмъ безъ кавалеріи и весьма благополучно. Кавалерія здѣсь только привлекаетъ непріятеля, который ея не боится. У насъ на 21 роту пришлось 7, а потомъ и 8 сотенъ, т. е. въ пропорціи 1 : 3, а потомъ 1 : 2,6. Это черезчуръ роскошно.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ число верблюдовъ возросло до 8,800 штукъ. Затѣмъ увеличеніе суммы на пособіе офицерамъ произошло вслѣдствіе того, что взято въ походъ нѣсколько, не считанныхъ прежде офицеровъ саперныхъ и инженерныхъ, въ ожиданіи упорнаго сопротивленія хивинцевъ въ укрѣпленіяхъ и закрытіяхъ.

Чай и сахаръ былъ высчитанъ прежде въ меньшей, противу закона (27 іюня 1872 г.), нормъ.

Раціоны за сѣно высчитаны въ Петербургѣ были на 3 мѣсяца, а по возвращеніи изъ Петербурга въ Ташкентъ оказалось, что весь походъ займетъ по меньшей мѣрѣ 4 мѣсяца, а не то и 6 и 7.

Что касается лаучей, непредвидѣнныхъ смѣтой и аральской флотиліи, то расходъ на нихъ понятенъ и безъ дальнѣйшихъ объясненій*).

Затѣмъ цифра въ 45,000 явилась собственно по снаряженію казалинскаго отряда разными предметами.

Вотъ подробности смѣты, какъ она выяснилась къ 10 марта.

1) Экстраординарная сумма въ непосредственное распоряженіе командующаго войсками.	50,000	р. — к.
2) Подъемныя деньги (по ст. 2,538 кн. III, ч. IV С. В. П. 1859) офицерамъ и чиновникамъ .	68,000	„ — „
3) На покупку лошадей, походной одежды писарямъ, фельдшерамъ и кондукторамъ .	4,250	„ — „

*) Для флотиліи потребовалось 150,000 п. саксаула; изъ нихъ 50,000 п. должны были выставить за 12 к. съ пуда на Косъ-аралъ (островъ) жители Казалинскаго уѣзда, а 100,000 по 8 к. на Акъ-Джаръ—жители Перовскаго уѣзда, которые отказались отъ платы.

4) Наемъ джигитовъ	4,380	„ — „
5) Содержаніе проводниковъ (ст. 117 кн. IV, С. В. П. 1869 г.)	2,000	„ — „
6) Канцелярскіе расходы и юламейки для штабовъ	600	„ — „
7) Устройство полевой почтовой части (ст. 415, кн. IV С. В. П. 1869 г.)	6,600	„ — „
8) Устройство 2 походныхъ лазаретовъ (ст. 330, кн. IV)	5,484	„ — „
9) Покупка турсуковъ	2,000	„ — „
10) Снаряженіе ботанической экспедиціи . . .	750	„ — „
11) Покупка лошадей для горнаго дивизіона .	200	„ — „
12) Снаряженіе не штатной команды при артиллерійскомъ паркѣ	124	„ — „
13) Заготовленіе саксаула для эскадры и прочіе расходы	7,000	„ — „
14) Довольствіе мастеровыхъ при понтонахъ на 4 мѣсяца	380	„ — „
15) Устройство колодца Малекъ (тотчасъ за Чиназомъ)	30	„ 90 „
16) Покупка чая и сахара для войскъ (пол. воен. совѣта 27 іюня 1872 г.)	14,000	„ — „
17) Покупка уксуса для джизакскаго отряда (ст. 2,488 кн. III, ч. IV)	734	„ — „
18) Покупка подстилочной кошмы по 2 аршина для того же отряда (пол. воен. совѣта 27 марта 1868 г.)	3,600	„ — „
19) Снаряженіе Казалинскаго и Перовскаго отрядовъ	45,000	„ — „
20) Раціоны за сѣно (ст. 2,495 и 2,497 кн. III, ч. IV)	32,000	„ — „
21) Наемъ 6,591 верблюда подъ продовольственные запасы на 2 мѣсяца по 10 р. (прил. къ ст. 191, кн. IV)	131,820	„ — „
22) Наемъ 2,116 верблюдовъ на 4 мѣсяца подъ войсковыя тяжести	84,640	„ — „
23) Перевозку въ Тамды мѣсячнаго запаса для джизакскаго отряда и 4 мѣсячнаго для гарнизона этого укрѣпленія, примѣрно 25,000 пудъ	20,830	„ 50 „
24) Жалованье 82 караванъ-башамъ и 1,244 лаучамъ по 15 к. въ сутки на 4 мѣсяца . .	23,868	„ — „
25) Покупку лѣсенокъ для вьюковъ, веревокъ и др. матеріаловъ	8,000	„ — „
Всего . . .	516,351	р. 40 к.

Но и эта смѣта была ниже дѣйствительной. Повидимому, туркестанскій штабъ боялся озадачить военнаго министра слишкомъ крупными цифрами. Оренбургъ, знакомый со степными походами почти 150 лѣтъ, могъ бы, конечно, служить образцомъ и профессоромъ для туркестанскихъ юнцовъ, а онъ не стѣснялся и, напримѣръ, для своего отряда въ 3,461 чел. и 1,717 лошадей высчиталъ почти полтора милліона (1,475,558 р.), тогда какъ туркестанскій штабъ, для 6,500 чел. и 1,780 лошадей (считая съ опорными пунктами) просилъ всего полъ-милліона!

Перейдемъ къ другимъ видамъ снаряженія. Войска были снабжены тройнымъ комплектомъ патроновъ на каждое ружье и такимъ же комплектомъ боевыхъ зарядовъ на орудіе; кромѣ орудій на вооруженіе опорныхъ пунктовъ, гдѣ для единороговъ приготовлено было по 130, а для облегченныхъ пушекъ по 200 зарядовъ. Въ инженерномъ паркѣ, сверхъ полагаемыхъ по штату предметовъ, везлись 4 желѣзные парома, каждый изъ двухъ составныхъ лодокъ съ настилкою, и одна запасная лодка,—всего 9 лодокъ. Придуманныя самимъ генералъ-губернаторомъ, лодки эти были выполнены подъ наблюденіемъ бывшаго начальника аральской флотиліи Г а д д а въ мастерскихъ казалинскаго „порта“.

При каждой колоннѣ слѣдовало отдѣленіе военно-походнаго лазарета на 135 мѣстъ. По соединеніи отрядовъ составлялся общій лазаретъ на 270 мѣстъ. Въ опорныхъ пунктахъ учреждались временные лазареты на 15 мѣстъ. Сверхъ того, туркестанскій отдѣлъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ учредилъ военно-походный лазаретъ на 20 человѣкъ. Наконецъ, отъ главнаго управленія этого общества присланъ былъ большой запасъ медикаментовъ, госпитальныхъ вещей и хирургическихъ инструментовъ по иниціативѣ августѣйшей покровительницы общества государыни императрицы.

Такимъ образомъ, со стороны медицинской — отрядъ былъ вполнѣ обезпеченъ. Въ видахъ же возможнаго сбереженія силъ и здоровья людей, приняты были слѣдующія мѣры:

1) Отпущено въ войска ч а ю и с а х а р у въ размѣрѣ, опредѣленномъ закономъ (1 фун. чаю и 3 ф. сахару въ день на 100 чел.); 2) для казалинскаго отряда куплены кибитки. Джизакская же колонна должна была довольствоваться переносными палатками французскаго образца, такъ какъ морозовъ никто не ожидалъ въ первыхъ числахъ марта, на широтѣ Ташкента; 3) для подстилки нижнимъ чинамъ, на ночлегахъ, и вмѣсто одѣялъ, роздано каждому по 2 аршина кошмы; 4) куплены турсуки, баклаги и боченки для воды.

Предметами интендантскаго довольствія войска обезпечивались на 2¼ мѣсяца транспортомъ, слѣдовавшимъ при отрядѣ, и еще на мѣсяцъ запасами, которые интендантство должно было

выслать въ опорные пункты. Гарнизоны же этихъ пунктовъ снабжались продовольствіемъ на 4 мѣсяца. Мы увидимъ впослѣдствіи, какія затрудненія встрѣтило интендантство къ своевременному отправленію транспортовъ.

Устройство медицинской части туркестанскаго отряда заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ, которыя и послужатъ должною данью заботливости медицинскаго начальства и общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Въ джизакской колоннѣ состояло: 9 врачей, 1 ветеринаръ, 1 фармацевтъ и 18 нижнихъ медицинскихъ чиновъ. Въ казалинской: 5 врачей и 11 фельдшеровъ, а всего въ отрядѣ состояло: 14 врачей, 1 ветеринаръ, 1 фармацевтъ и 29 фельдшеровъ.

Лазаретъ казалинской колонны былъ снабженъ всѣми необходимыми принадлежностями на 135 чел., въ 4-мѣсячной пропорціи, а джизакской колонны въ 8-мѣсячной пропорціи и на 160 больныхъ, по каталогу подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ; медикаменты же отпущены для вьючной аптеки на 1,000 чел., въ 6-мѣсячной пропорціи. Для перевозки больныхъ приспособлены были особыя носилки-лежалки, по двѣ на верблюда. Дамскій комитетъ общества прислалъ 5,000 порцій мясного экстракта Либиха, 1 фунтъ хинина, бѣлье и перевязочныя вещи.

Туркестанскій отдѣлъ общества передалъ въ распоряженіе отрядныхъ лазаретовъ:

1) Большую парусинную палатку, подбитую сукномъ, на 20 мѣстъ,—съ полнымъ приборомъ, какъ-то: кроватями, носилками, тройнымъ комплектомъ бѣлья, одежды, обуви, двумя служителями и смотрителемъ. Для перевозки этого лазарета нанято было на всю экспедицію должное число верблюдовъ.

2) Отпущенъ значительный запасъ сгущеннаго молока, вина, чая, сахара, кофе, сухого бульона и т. п.

Главное управленіе общества, въ засѣданіи своемъ 4 января, выбрало своимъ уполномоченнымъ доктора медицины Гримма и ассигновало на организацію склада, на жалованье и путевыя издержки командируемымъ отъ общества лицамъ, 17,000 р. Помощникомъ своимъ Гриммъ выбралъ доктора Преображенскаго, взялъ еще 4 фельдшеровъ изъ гвардейскихъ полковъ и одного счетчика отъ главнаго интендантскаго управленія для надзора за складомъ.

Складъ былъ сформированъ къ 24 января, а 26-го уже отправленъ изъ Петербурга въ Саратовъ.

Кромѣ запасовъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ новаго образца, въ складѣ были еще: 2,200 порцій консервовъ Данилевскаго (борщу и щей), 1,500 порцій картофельной крупы, поддѣлка подъ саго Киттары, 600 бутылокъ вина и проч. Стои-

мость всего этого, не включая перевязочныя средства, составляла 3,800 р. Вѣсъ равнялся 300 пуд. Въ Саратовѣ заранѣе приготовлено было 12 саней. Ухабы и бураны чрезвычайно затрудняли слѣдованіе транспорта, который поэтому былъ раздѣленъ на 4 отдѣленія, посылавшіяся на почтовыхъ одно за другимъ. Въ Казалинскѣ Гриммъ снабдилъ изъ своего склада всѣми необходимыми запасами экипажъ эскадры, готовившейся къ отплытію, по числу 300 чел. Затѣмъ, во время бурана и мороза, на переходѣ отъ Иркибая къ Кизилъ-Каку, онъ роздалъ солдатамъ фуфайки и одѣяла, а въ укр. св. Георгія, на уроч. Хала-ата, оставилъ 3,700 порцій мясныхъ консервовъ. Падежъ верблюдовъ (изъ 27 ихъ пало отъ Хала-ата до Алты-Кудука 18) заставилъ раздавать средства запаса щедрою рукою и все-таки оставить на Алты-Кудукѣ палатку-шатеръ и часть склада.

Помощь общества, оказанная во-время и въ широкихъ размѣрахъ, помогла людямъ одолѣть неблагопріятныя условія степного похода и крайности климатическія. Безводіе, дневной жаръ, тончайшая пыль, рѣзкіе переходы къ ночному холоду, а въ началѣ похода морозы и бураны—вотъ враги, которыхъ приходилось побороть ранѣе встрѣчи съ хивинцами и туркменами! Враги эти разступились и дали дорогу выносливому русскому человѣку.

Замѣчательно малое число больныхъ въ отрядахъ, за все время похода слѣдуетъ отнести не къ одной только привычкѣ нашихъ войскъ къ степнымъ походамъ и лишеніямъ, но также и къ заботливости офицеровъ и врачей, а наконецъ, и къ щедрой помощи общества. Командующій войсками, съ своей стороны, счелъ нужнымъ преподать нѣсколько практическихъ, совѣтовъ начальникамъ частей войскъ и эшелоновъ касательно сбереженія силъ и здоровья людей.

Инструкція, напечатанная въ Ташкентѣ, указывала слѣдующія правила:

1) Въ началѣ похода, покуда еще не наступятъ жары, не поднимать людей ранѣе 4-хъ часовъ утра, а съ ночлеговъ не выступать ранѣе 6-ти. Съ наступленіемъ жаровъ поднимать до разсвѣта, чтобы успѣть сдѣлать переходъ до жара. Ночныхъ переходовъ избѣгать по ихъ утомительности для людей и потому, что легко сбиться съ дороги, такъ какъ колодцы даже и днемъ трудно бываетъ замѣтить.

2) Наблюдать, чтобы люди пили чай по крайней мѣрѣ два раза въ сутки—утромъ и вечеромъ, а если возможно, то и на привалахъ. Люди меньше будутъ пить сырой воды и тѣмъ избавятся отъ разстройствъ желудка и лихорадокъ. Чай и сахаръ выдавать на руки на извѣстное число дней. Опытъ показалъ, что люди сами составятъ артели по числу чайниковъ въ ротѣ.

3) Водку отпускать только въ крайнихъ случаяхъ: въ сырую, ненастную погоду, послѣ большихъ переходовъ, трудныхъ работъ. Не давать при подъемѣ съ ночлеговъ и передъ встрѣчей съ непріятелемъ.

4) Эшелоннымъ начальникамъ заботиться о томъ, чтобы къ безводнымъ переходамъ или гдѣ, на ночлегѣ, предстоитъ пользоваться дурною водою,—всѣ турсуки, баклаги и боченки были наполнены водою. Солдатамъ разрѣшается имѣть при себѣ бутылки, фляги или другіе сосуды.

5) При нарядѣ на сторожевую службу, въ прикрытія и въ помощь артиллеріи строго соблюдать очередь.

6) Въ видахъ предохраненія людей отъ вредныхъ послѣдствій быстраго перехода отъ дневного жара къ ночному холоду, наблюдать, чтобы люди во-время надѣвали шинели.

7) Озаботиться, чтобы у каждаго солдата была кошма для подстилки и покрышки.

8) На ночлегахъ у колодцевъ съ дурной водой ставить часовыхъ и не давать людямъ брать изъ нихъ воду.

9) Пищу варить 2 раза въ сутки: послѣ прихода на ночлегъ и предъ выступленіемъ.

Затѣмъ слѣдовали правила о сохраненіи въ цѣлости и порядкѣ вьючнаго обоза.

10) По приходѣ къ сборному пункту на р. Клы, войска принимаютъ отъ походнаго интендантства 30-дневный запасъ провіанта, фуража и чаю, а также и необходимое для поднятія всего этого количество верблюдовъ. Продовольствіе раздается по ротамъ, поступаетъ въ вѣдѣніе командировъ и слѣдуетъ въ составѣ ротнаго обоза. Завѣдуетъ ротнымъ обозомъ унтеръ-офицеръ, въ помощь къ которому поступаютъ 10 вооруженныхъ нестроевыхъ. На 7 верблюдовъ назначается по одному лаучу, изъ коихъ одинъ за старшаго. Въ каждой ротѣ верблюды должны быть отмѣчены какимъ-нибудь знакомъ (цвѣтными лентами или чѣмъ другимъ), чтобъ легче разбирать ихъ на ночлегахъ. Солдаты должны хорошо обращаться съ лаучами,—собственноручной расправы не допускается.

11) Всѣ ротные и прочихъ частей обозы въ одномъ эшелонѣ соединяются въ общій обозъ подъ вѣдѣніемъ надежнаго старшаго унтеръ-офицера съ 10 при немъ казаками. Казаки эти на ночлегахъ присоединяются къ своимъ частямъ. Всѣ лаучи въ эшелонѣ находятся въ вѣдѣніи караванъ-баша.

12) Такъ какъ отъ кол. Балта-Салдыръ, гдѣ начинается песчаная степь, каждый эшелонъ идетъ двумя колоннами, то въ каждой половинѣ назначается отдѣльный завѣдующій и отдѣльный караванъ-башъ. Разсчетъ эшелоновъ и обозовъ должно сдѣлать еще въ Темиръ-Кобукѣ, гдѣ весь отрядъ будетъ вмѣстѣ.

Казаки и артиллерія должны разсчитать все хозяйство повзводно съ самаго начала движенія, такъ какъ эти войска будутъ раздроблены по эшелонамъ.

Переходя затѣмъ къ указанію правилъ, какими слѣдуетъ руководствоваться при выступленіи съ ночлеговъ, слѣдованіи степью и вступленіи на ночлеги, инструкція упомянула прежде всего, что почти на всемъ протяженіи предстоящаго пути вода въ колодцахъ, ко времени ухода войскъ съ ночлега, будетъ вся вычерпываться, и для того, чтобы она снова накопилась въ достаточномъ количествѣ, необходимо для нѣкоторыхъ колодцевъ—нѣсколько часовъ, а для иныхъ—и цѣлыя сутки. Поэтому здѣсь весьма важно сохранить порядокъ слѣдованія эшелоновъ, чтобы въ противномъ случаѣ не пришлось имъ ночевать на пустыхъ колодцахъ или сходиться къ одному нѣсколькимъ колоннамъ.

13) Для этого всѣ эшелоны должны выступать въ одинъ и тотъ же часъ,—пока не получатъ новаго приказанія—то въ 6 ч. утра. Начальники эшелоновъ должны свѣрить свои часы съ часами начальника штаба, какъ только придутъ на сборный пунктъ. Людей поднимать за два часа до выступленія; они тотчасъ приступаютъ къ вьючкѣ, для чего верблюды еще съ вечера должны быть собраны и положены у своихъ частей.

14) Покончивъ вьючку, люди завтракаютъ и пьютъ чай; обозъ же тѣмъ временемъ (если непріятель не близко) вытягивается, выстраивается по частямъ и выступаетъ. При такомъ только раннемъ выступленіи можно разсчитывать, что обозъ придетъ на ночлегъ къ 3 часамъ пополудни и засвѣтло успѣетъ выпастись *)

15) Въ кавалеріи навѣшивать торбы за два часа до подъема людей; водопой начать до свѣта. На нѣкоторыхъ колодцахъ придется производить водопой всю ночь мелкими частями. При движеніи по колодцамъ кавалерія должна выступать одновременно съ пѣхотою, иначе послѣ нея эшелону воды не останется.

16) Порядокъ слѣдованія принятъ былъ такой: впереди джигиты и часть кавалеріи, за ними пѣхота съ артиллеріею, а затѣмъ обозъ съ прикрытіемъ. Въ прикрытіе назначать половину имѣющейся при эшелонѣ кавалеріи (а если ея только полсотни и меньше, то] всю, за отдѣленіемъ 10 казаковъ въ голову колонны) и роту пѣхоты, изъ которой одинъ полувзводъ идетъ впереди обоза, а три остальные сзади его, какъ аріергардъ эшелона. На пересѣченной мѣстности отдѣлять еще часть пѣхоты въ прикрытіе и средней части эшелона. Кавалерія слѣдуетъ по обѣ стороны обоза противъ его середины, высылая боковые разъѣзды.

---

*) Извѣстно, что верблюдъ не ѣстъ въ темнотѣ.

17) Вблизи непріятеля порядокъ измѣняется: пѣхота эшелоновъ раздѣляется на части, изъ которыхъ одна идетъ впереди фронта обоза, слѣдующаго въ нѣсколько веревокъ *), остальныя по флангамъ и въ тылу его. Артиллерія раздѣляется повзводно, если въ эшелонѣ дивизіонъ, и тогда одинъ взводъ идетъ съ передними войсками, а другой въ аріергардѣ. Если же въ эшелонѣ только взводъ, то онъ цѣликомъ идетъ съ передними частями. Кавалерія, если ея много, идетъ, какъ уже сказано, а если мало, то, не раздѣляясь по обѣ стороны обоза, идетъ только со стороны угрожаемой. Пѣхота не разсыпается между верблюдами, а слѣдуетъ сомкнутыми частями. На мѣстности пересѣченной, какъ уже сказано, часть пѣхоты идетъ противъ середины растянувшагося обоза, а по флангамъ высылаются усиленные разъѣзды.

При нападеніи непріятеля, эшелонъ, если можно, то отнюдь не останавливается и отбивается на ходу, а не то будетъ настигнутъ задними эшелонами и на ночлегѣ не хватитъ воды.

18) Обозъ идетъ отдѣленіями, чтобы верблюды, принадлежащіе одной части войскъ, не смѣшивались съ верблюдами другой. На мѣстности ровной, верблюдовъ вести колонною до 10 рядовъ по фронту и отъ 7 до 10 въ глубину. Между рядами разстояніе можетъ быть до 7 саженъ. Между отдѣленіями или колоннами — до 100 шаговъ. Такимъ образомъ обозъ въ 400 верблюдовъ, раздѣленный на колонны, во 100 верблюдовъ каждая, займетъ: по фронту до 50 саженъ, а въ глубину до 300 саж. Если мѣсто позволитъ, то колонны можно вести по двѣ рядомъ, и тогда обозъ займетъ по фронту около 150 саженъ, и столько же въ глубину.

Надобно замѣтить, что въ инструкціи разстоянія вычислены невѣрно. Между 10-ю рядами будетъ 9 промежутковъ, если каждый по 7 саженъ, то вотъ уже 63, а еще надобно прибавить на самихъ верблюдовъ со вьюками хоть по 4 шага, итого по фронту 76 саженъ. Нечего и говорить, что такія колонны можно выстроить только на плацу или нарисовать на бумагѣ. Но даже и на плацу—чуть тронулась колонна и порядокъ ея разстроился: то арканъ мурундука (палочка, продѣтая сквозь носовой хрящъ) отвяжется, то вьюкъ сползетъ, то самъ верблюдъ оступился и т. д

Дальнѣйшія вычисленія инструкціи даютъ: для колонны въ 5 рядовъ—50 саженъ по фронту (это уже по 12 саж. на каждый рядъ) и 400 саж. въ глубину. Колонна въ 2 ряда растянется до 2-хъ верстъ.

19) Понятно, что въ головѣ каждой линіи или каждой веревки слѣдуетъ ставить толковаго лауча, который бы умѣлъ ра-

*) Караванъ, въ которомъ верблюды идутъ одинъ за другимъ,—идетъ, значитъ, въ о д н у веревку; если дорога позволяетъ или опасность заставляетъ,—то верблюдовъ ведутъ въ нѣсколько рядовъ—въ двѣ, три и т. д. веревки.

вняться по фронту и придерживаться къ одному изъ фланговъ, то есть не отставать и не отрываться.

20) Офицеры и чины разныхъ штабовъ отнюдь не должны задерживать своихъ вьюковъ, чтобы ихъ верблюды не отставали отъ общаго транспорта. „Въ случаѣ потери офицерскаго вьюка, гг. офицеры, кромѣ утраты своего имущества, будутъ отвѣчать еще передъ закономъ, какъ доставившіе непріятелю случай взять, хотя и ничтожный, тѣмъ не менѣе, трофей“,—добавляетъ въ острастку инструкція. Слѣдуетъ однако замѣтить, что составители инструкціи напрасно упомянули „законъ“. Передъ закономъ офицеръ никакой отвѣтственности за свои чемоданы не несетъ. Даже и потеря орудія, за что прежде полагалось разстрѣляніе, теперь не влечетъ за собою никакой отвѣтственности: статья эта исключена изъ устава въ томъ вниманіи*), что въ сраженіи гораздо выгоднѣе потерять орудіе, дѣйствуя имъ противъ непріятеля до крайнихъ предѣловъ возможности и притомъ въ близкомъ разстояніи, нежели преждевременно снять артилерію съ назначенной позиціи изъ опасенія лишиться орудій. Осталась только одна статья: о потерѣ знамени и штандарта. За это—смерть.

21) Подходя къ ночлегу, эшелонъ высылаетъ впередъ части казаковъ для охраненія колодцевъ до прихода колонны. Если казаковъ много, то ихъ можно выслать съ послѣдняго привала. Съ казаками ѣдетъ офицеръ генеральнаго штаба и по одному строевому офицеру отъ каждой части. Колонновожатый пробуетъ воду и распредѣляетъ колодцы,—какіе для людей, какіе для лошадей и верблюдовъ, затѣмъ осматриваетъ мѣстность, выбираетъ мѣсто для ночлега, каждой части, назначаетъ пастбища верблюдовъ. Если колодцевъ много, то для каждой части назначается особый, даже если бы вода была и не одинаковыхъ качествъ во всѣхъ колодцахъ.

22) Начальники эшелоновъ получаютъ бланки изъ полевого штаба, для вписыванія въ нихъ своихъ замѣтокъ, относительно колодцевъ: качества воды, размѣръ колодцевъ и прочее. Бланкъ этотъ остается съ джигитомъ на колодцахъ и передается имъ начальнику слѣдующаго эшелона. Джигитъ же догоняетъ затѣмъ свой эшелонъ. Каждый эшелонъ оставляетъ свой бланкъ съ замѣчаніями, и послѣднимъ эшелонамъ уже легче будетъ распредѣлять воду, сообразно съ замѣчаніями, имъ переданными.

23) Порядокъ раздачи воды долженъ быть слѣдующій: прежде всего на варку, потомъ на питье, потомъ на чай. Гдѣ колодезь всего одинъ, тамъ верблюдовъ не поить, но зато наканунѣ они

*) Журналъ соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морского судовъ за мартъ 1868 года.

непремѣнно должны быть напоены. По приходѣ эшелона, къ каждому колодцу ставится одинъ часовой, а гдѣ колодцевъ мало и предвидится давка, то и по два. Раздачей воды завѣдуетъ одинъ унтеръ-офицеръ съ рядовымъ. При водопоѣ верблюдовъ присутствуютъ караванъ-баши и завѣдующіе обозомъ.

Чтобы лаучи, чего добраго, не вздумали поить даже и тогда, когда воды уже нѣтъ, въ инструкціи сказано: „когда вода въ колодцахъ вычерпается, то водопой прекращается на нѣкоторое время, покуда снова не наберется достаточно воды". Разрѣшеніе снова начать водопой зависитъ отъ дежурнаго по эшелону офицера, вообще наблюдающаго за порядкомъ.

24) По приходѣ обоза, верблюды развьючиваются у своихъ частей и отводятся на свои пастбища, подъ прикрытіемъ, величина котораго будетъ зависѣть отъ разстоянія пастбищнаго мѣста отъ ночлега. Съ верблюдами идутъ всѣ лаучи, караванъ-баши и завѣдующіе обозами.

Съ пастьбы верблюдовъ возвращаютъ передъ закатомъ солнца и укладываютъ ихъ рядомъ съ вьюками у своихъ частей.

25) Всѣ лошади на ночь должны быть стреножены; къ казачьимъ и артиллерійскимъ лошадямъ часовыхъ на ночь слѣдуетъ прибавлять.

26) Если извѣстно, что на самомъ ночлегѣ не имѣется топлива или корму, то люди, находящіеся при обозѣ, должны набрать и то, и другое дорогою. Необходимыя для этого свѣдѣнія помѣщены въ маршрутахъ.

Если топливо и кормъ имѣются невдалекѣ отъ ночлега, то высылаются фуражиры, не иначе, какъ при офицерѣ.

27) На привалахъ и ночлегахъ войска располагаются въ каре, внутри котораго помѣщаются тяжести. Если, по расбросанности колодцевъ, на водопой придется посылать въ сторону отъ колонны, то кавалерія посылается не иначе, какъ командами, причемъ половина людей остается на конѣ, какъ прикрытіе; верблюдовъ посылать также съ прикрытіемъ.

28) При движеніи вдали отъ непріятеля сторожевая служба ограничивается высылкою секретовъ передъ каждымъ фасомъ каре, или какъ признано будетъ лучше. Въ сферѣ дѣйствія непріятеля сторожевая служба ведется по уставу. На аванпосты, по недостатку кавалеріи, ставить пѣхоту, отъ казаковъ же и преимущественно на возвышенныхъ мѣстахъ ставить небольшое число пикетовъ.

Здѣсь можно замѣтить, что ночью вообще съ низкаго мѣста лучше видно, чѣмъ съ возвышеннаго,—значитъ, ставить часового „преимущественно на возвышенныхъ мѣстахъ", да еще конныхъ, то есть еще выше надъ мѣстностью,—совершенно непрак-

тично. Да наконецъ, самъ уставъ о сторожевой службѣ рекомендуетъ ставить кавалерійскіе пикеты: днемъ на возвышенныхъ мѣстахъ, а на ночь сводить внизъ.

29) Съ каждаго привала, а также по приходѣ эшелона на ночлегъ и при выступленіи съ ночлега, начальники эшелоновъ даютъ объ этомъ знать записками начальнику отряда и начальнику полевого штаба. Донесенія эти отвозятся джигитомъ въ ближайшій эшелонъ и пересылаются далѣе.

Казалось бы, что джигитъ, посланный утромъ съ извѣстіемъ о выступленіи съ ночлега, могъ бы доставить и тѣ бланки, съ которыми на колодцѣ оставленъ нарочный, и такимъ образомъ ежедневный расходъ джигтовъ уменьшился бы,—но, вѣроятно, составители инструкціи имѣли цѣлью вмѣстѣ съ тѣмъ и охраненіе колодцевъ, которые оставленный джигитъ, такъ сказать, сдавалъ съ рукъ на руки слѣдующему эшелону вмѣстѣ съ бланками.

30) Начальники частей должны вести отчетность о верблюдахъ. Обозначивъ принятое ими въ началѣ похода количество верблюдовъ, они должны отмѣчать ежедневно, сколько верблюдовъ освобождается изъ-подъ провіанта, сколько отстало, заболѣло, пало. Замѣтки эти на каждомъ ночлегѣ сообщаются начальнику эшелона, который вноситъ ихъ въ общую отчетность.

Если верблюдъ падетъ, то начальникъ эшелона долженъ лично на мѣстѣ удостовѣриться, „пало ли животное отъ тягости похода, или же верблюдъ пропалъ вслѣдствіе того, что онъ былъ поставленъ въ отрядъ слабосильнымъ и больнымъ,"—въ послѣднемъ случаѣ за верблюда казна ничего не платитъ, а за павшихъ отъ тягостей службы хозяинъ получаетъ по 50 руб.

Такое правило едва ли справедливо; слѣдовало бы не принимать въ обозъ такого верблюда, которому угрожаетъ смерть даже и безъ вьюка, а разъ что животное не забраковано, разъ что оно сдѣлало хоть шагъ подъ казеннымъ вьюкомъ, и за его гибель казна обязана вознаградить хозяина.

Сортируя, за какого верблюда платить, а за какого нѣтъ, мы создали такія злоупотребленія, которыя, конечно, не способствуютъ популярности нашихъ военныхъ предпріятій, и народъ неохотно отдаетъ въ отряды своихъ верблюдовъ. Хозяева рѣдко идутъ сами при своихъ верблюдахъ, а чаще выставляютъ и лаучей, которые, конечно, не весьма заинтересованы въ судьбѣ довѣренныхъ имъ животныхъ. Деньги за павшихъ верблюдовъ отсылались обыкновенно къ уѣзднымъ начальникамъ, а тѣми выдавались старшинамъ ауловъ, отъ которыхъ были выставлены верблюды. Спрашивается: какому хозяину дать, а какому не дать денегъ за павшихъ въ походѣ верблюдовъ? Начинаются споры, жалобы... Старшины нерѣдко рѣшали дѣло весьма просто: оставляли всѣ деньги себѣ! Казна-молъ никому не хочетъ платить, и конецъ! Убѣжденіе,

что какого верблюда русскимъ ни дай,—всякаго они сумѣютъ искалечить, а не то и вовсе извести, а затѣмъ еще увѣренность, что за верблюда можно будетъ получить развѣ только помѣсячную наемную плату,—повели къ тому, что добровольно ни одинъ киргизъ не даетъ своего верблюда, и такъ называемый „наемъ"—есть ничто иное, какъ нарядъ съ вознагражденіемъ, устанавливаемымъ самимъ начальствомъ. Понятное дѣло, что по наряду—всякій старается спустить верблюда не изъ лучшихъ...

Такъ различными переходами наша несправедливость при расплатѣ за верблюдовъ—обращается подъ конецъ на нашу же голову!

Послѣднее слово инструкціи заключалось въ указаніи правилъ для дѣйствій противъ непріятеля. Правилъ этихъ немного, и въ 14-ти страницахъ печатной инструкціи вся тактика заняла только 12 строкъ!

Мы приведемъ ихъ цѣликомъ:

„Отнюдь не тратить артиллерійскаго огня и не производить стрѣльбы изъ орудій по одиночнымъ всадникамъ, равно какъ и по разсѣяннымъ ихъ толпамъ. Снимать одиночныхъ всадниковъ, открывать огонь по разсѣяннымъ толпамъ ихъ предоставляется пѣхотѣ, лучшимъ изъ нея стрѣлкамъ, которые и открываютъ огонь, съ разрѣшенія начальника эшелона, или ближайшаго начальника части.

„Вообще въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, по возможности, избѣгать лишней траты патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ. Ослабляя собственную боевую силу, дѣйствія подобнаго рода не достигаютъ цѣли и, наоборотъ, ободряютъ противника.

„Артиллерійскій огонь слѣдуетъ производить по скученнымъ густымъ толпамъ непріятельскимъ и притомъ съ болѣе близкихъ дистанцій. Ружейный огонь по отдѣльнымъ всадникамъ и разсѣяннымъ ихъ кучкамъ открывать не ранѣе 600 шаговъ; по болѣе густымъ массамъ, огонь можно открывать и съ большаго разстоянія".

Эти совѣты дѣйствительно были необходимы и не столько младшимъ начальникамъ, сколько начальникамъ отрядовъ. Въ экспедицію 1868 года нарѣзная артиллерія наша, по приказанію начальствовавшаго Катты-курганскимъ отрядомъ генерала Головачева, открывала огонь по одиночнымъ людямъ съ разстоянія, не обозначеннаго даже въ таблицахъ, то есть навѣсно, при чемъ подъ хоботомъ орудія вырывалась ямка, такъ какъ винтъ уже бывалъ въ этихъ случаяхъ довинченъ вплотную!

Для поднятія войсковыхъ тяжестей въ отрядахъ Туркестанскаго округа требовалось 1,67 3верблюда, а для интендантскихъ требовалось 5,471 верблюдъ съ 1,008 лаучами; со штабными же всего исчислено 7,258 верблюдовъ.

Путь былъ избранъ тотъ, который былъ въ большей части

пройденъ пишущимъ эти строки въ рекогносцировку 1870 года и снятъ топографами маршрутно, а въ остальной части опредѣленъ имъ же по разспросамъ караванъ-башей, захваченныхъ на Буканскихъ горахъ, куда они только что пришли изъ Хивы. Тогда еще не знали, что противъ Хивы пойдутъ войска трехъ смежныхъ округовъ, и полагали, что расправа съ нею ляжетъ всею тяжестью на одинъ Туркестанскій округъ. Не знали также, какъ отнесется къ нашему движенію обиженная нами Бухара, и потому искали дорогу въ обходъ бухарскихъ владѣній. Въ 1871 году этотъ же путь былъ провѣренъ еще разъ и снова снятъ рекогносцировкой генерала Головачева. Путь этотъ шелъ отъ Джизака вдоль сѣвернаго склона Нуратынскихъ горъ на уроч. Тамды, далѣе чрезъ Буканскія горы на кол. МинъБулакъ, потомъ чрезъ г. Шураханы къ Аму-Дарьѣ. Хотя влѣво отъ этого караваннаго пути и есть дороги, выходящія также къ рѣкѣ, но, во-первыхъ онѣ шли по бухарской землѣ, а во-вторыхъ, это дороги перекочевокъ, когда верблюды идутъ налегкѣ и большая часть безъ всякаго груза. Кочевникамъ поэтому не страшны ни зыбучіе пески, ни большіе безводные переходы, такъ какъ дикари перекочевываютъ только раннею весной, а назадъ позднею осенью. Весной земля влажная, а осенью дожди. Отряду же, съ тяжело нагруженными верблюдами, нельзя рисковать идти по этимъ дорогамъ въ жаркое время, когда развивается сильная жажда, а воды нѣтъ.

Гдѣ же прошелъ тяжелый караванъ, тамъ, значитъ, можетъ смѣло идти и военный отрядъ, такъ какъ условія ихъ довольно близки. Поэтому путь чрезъ Минъ-Булакъ и былъ единственный для туркестанцевъ, обозначенный на составленной ротмистромъ Терентьевымъ для ген. Кауфмана картѣ всѣхъ изслѣдованныхъ путей въ Хиву, со стороны Кавказа, Оренбурга, Казалинска, Перовска и Джизака.

Казалинскій и Перовскій отряды должны были идти на Иркибай, устроить здѣсь укрѣпленіе для склада продовольствія, которое будетъ доставлено для нихъ на обратный походъ, а затѣмъ идти къ Буканскимъ горамъ, на соединеніе съ джизакскою колонною, которая, по дорогѣ, также строитъ укрѣпленіе въ Тамды, для интендантскаго склада, на обратный походъ свой.

Сюда предполагалось двинуть, особо отъ послѣдней колонны и сѣвернѣе ея, интендантскій транспортъ съ провіантомъ на 2 мѣсяца, чтобы отрядъ могъ взять отъ него мѣсячную пропорцію и идти далѣе.

Транспортъ долженъ былъ выступить изъ Ташкента 11 и 12 марта, а придти на Тамды не ранѣе 29-го и не позже 2-го апрѣля. Сдѣлать 500 верстъ въ 17 дней, т. е. по 30 вер. въ день,—задача не легкая! И это еще безъ дневокъ, а если сдѣлать хоть три, то верблюдамъ пришлось бы шагать по 36 верстъ и пройти весь путь въ 14 дней.

Понятно, что такая кабинетная натяжка ничуть не оправдалась на дѣлѣ: первая половина транспорта, правда, выступила 11 марта, а зато вторая вышла только 26 марта, такъ какъ 1,750 верблюдовъ для нея только что пришли изъ Туркестанскаго уѣзда, гдѣ были собраны по наряду.

Почему такъ поздно спохватились нанимать верблюдовъ, да кстати сказать, и печь сухари? Высочайшее повелѣніе о походѣ состоялось 12 декабря и тотчасъ сообщено въ Оренбургъ и Тифлисъ по телеграфу. Еслибы и Кауфманъ жившій тогда въ Петербургѣ послалъ телеграмму въ Вѣрное, а оттуда эстафету до Ташкента, то къ 20 декабря она дошла бы по назначенію. Но онъ почему-то предпочелъ послать курьера, да и назначилъ-то своего адъютанта, эсаула Колокольцова, который, несмотря на звонкую фамилію, пріѣхалъ въ Ташкентъ только 20 января, когда изъ Оренбурга выступилъ уже 1-й эшелонъ 4-го стрѣлковаго баталіона.

Да и верблюдовъ, противъ исчисленія, понадобилось гораздо болѣе: не 7,258, а 9,374, потому что верблюды къ веснѣ, послѣ зимней голодухи, вообще слабосильны и, вмѣсто 15 пудовъ, едва поднимали 12.

Ихъ къ тому же на сборномъ пунктѣ въ Ташкентѣ ничѣмъ не кормили нѣсколько дней, не смотря на заявленія и просьбы лаучей, ссылавшихся на опытъ съ караванами, которые весной всегда подкармливаютъ верблюдовъ кунжутными жмыхами. Кромѣ того не предвидѣли груза картечницъ, запасовъ Краснаго Креста, ячменя для офицерскихъ лошадей, ячменя взамѣнъ сѣна для казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей, муки для верблюдовъ, переносныхъ палатокъ и кошемъ для подстилки и покрышки нижнимъ чинамъ на ночлегахъ и, наконецъ, груза на довольствіе прибавленной къ отряду сотни въ 160 коней.

Везлось много и балласта, который былъ потомъ сожженъ дорогою, успѣвши сгубить немало верблюдовъ; таковы были: фашины и колья для подкладыванія подъ колеса въ артиллеріи, приспособленія для запряжки въ орудія и ящики верблюдовъ штурмовыя лѣстницы и т. п.

Верблюды, выставленные по обязательному найму, по 10 руб. въ мѣсяцъ и съ уплатой 50 руб., если верблюдъ падетъ, были въ большинствѣ негодны вовсе. За такую ничтожную плату никто хорошаго верблюда не отдастъ. Дорогой, на первый взглядъ, подрядный способъ есть въ сущности самый выгодный, такъ какъ можно требовать только хорошихъ верблюдовъ, за палыхъ платить не надо и грузъ жечь не приходится.

Сколько заплачено было Кауфманомъ за палыхъ верблюдовъ и чего стоилъ провіантъ, палатки, юламейки, офицерскія вещи и прочее, брошенное на дорогѣ и сожженное, трудно и сосчитать. Верблюдъ ночью и рано утромъ не ѣстъ, безъ воды можетъ про-

быть безнаказанно только двое сутокъ, ячмень ему вреденъ; весной его надо подкармливать кунжурой, — т. е. кунжутными жмыхами. Чомъ или сѣдло должно быть мягко, хорошо простегано, а то набьетъ на ребрахъ раны, которыя потомъ распространяютъ зловоніе гангрены; грузить на дальній походъ не слѣдуетъ болѣе 10 пудовъ; средній грузъ 8 пудъ; на четвертомъ или пятомъ переходѣ уже видно, что перегрузили; осенью можно грузить въ среднемъ и по 9 пудъ; веревки должны быть крѣпкія, а не то придется дорогой перевьючивать, что сильно утомляетъ верблюда. Все это надо знать и твердо помнить. Ничего этого не зналъ генералъ Головачевъ, предназначенный въ походъ и распоряжавшійся приготовленіями, въ качествѣ и. д. командующаго войсками округа, до прибытія Кауфмана изъ Петербурга. Коммиссія для осмотра верблюдовъ, за недостаткомъ времени, принимала ихъ снисходительно.

Окружнымъ интендантомъ былъ тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Польманъ. Это былъ человѣкъ умный, спокойный, головой выше Головачева и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ... 20 января получено предписаніе о походѣ, а 23 января 1873 года онъ представилъ уже докладъ, въ которомъ предложилъ, между прочимъ, такую мѣру: для уменьшенія обоза и расходовъ по найму верблюдовъ, отправить, за 2 недѣли до выступленія войскъ, 2-мѣсячную пропорцію продовольствія изъ Ташкента въ Тамды, а изъ Казалинска на Иркибай подъ конвоемъ, заподрядивъ доставку съ пуда. Войска же снабдить продовольствіемъ только на 1 мѣсяцъ, нанявъ верблюдовъ помѣсячно на весь походъ. Войска, дойдя до названныхъ складовъ, взяли бы тамъ опять на мѣсяцъ и двинулись бы дальше. Освобождавшихся отъ клади верблюдовъ войска высылали бы съ дороги въ тѣ же склады и получали бы оттуда подкрѣпленіе запасовъ. Это уменьшило бы число верблюдовъ на 2,000 головъ, и не пришлось бы увеличивать число войскъ, такъ какъ все равно рѣшено было устроить въ степи опорные пункты со складами и гарнизономъ.

Мѣра предлагалась весьма практичная, но Головачевъ, управляя округомъ, не рѣшился взять на себя отвѣтственность и отложилъ дѣло до пріѣзда Кауфмана.

Въ числѣ многихъ хорошихъ качествъ Кауфмана было, между прочимъ, и уваженіе къ распорядительности, къ иниціативѣ подчиненныхъ, если, конечно, она была дѣльною, оправдываемою обстоятельствами и пользою края. Но и этого не зналъ Головачевъ, ближайшій его сотрудникъ, не смотря на нѣсколько яркихъ примѣровъ... Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ ноябрѣ 1867 г. тотчасъ по прибытіи въ Ташкентъ, былъ командированъ обратно въ Оренбургъ шт.-ротм. Терентьевъ, для раздачи по пути пособій проѣзжавшимъ чинамъ вновь организованныхъ

гражданскихъ учрежденій; за растройствомъ почтоваго тракта проѣзжающіе сидѣли безъ денегъ по фортамъ и станціямъ. Терентьеву поручено было нанять лошадей, верблюдовъ, купить въ Оренбургѣ хомуты и сбрую, почтовые баулы и чемоданы, устроить правильное движеніе почтъ по тракту. На все отпущено было ему 7,000 руб. Уѣзднымъ начальникамъ и комендантамъ предписано исполнять всѣ его требованія безъ замедленія. Пользуясь этимъ полномочіемъ и узнавъ въ Туркестанѣ отъ коменданта подполковника Голова, что у него свирѣпствуетъ тифъ, что люди лежатъ на полу безъ постелей и одѣялъ, Терентьевъ распорядился употребить по 3 аршина солдатскаго сѣраго сукна на одѣяла, а изъ подкладочнаго холста пошить мѣшки для тюфяковъ, подушки и простыни. Неприкосновенный запасъ далъ къ тому средства. Терентьевъ донесъ о такомъ своемъ превышеніи власти эстафетой правителю канцеляріи генералу Гейнсу, заявивъ, что если ген. Кауфманъ не одобритъ этой мѣры, то расходъ, въ размѣрѣ до 400 р., онъ принимаетъ на свой счетъ. Кауфманъ не только одобрилъ такое распоряженіе Терентьева, но и объявилъ ему благодарность.

Въ Орскѣ, у чиновника, завѣдывавшаго туркестанской почтой, оказалось до 200 пудовъ посылокъ, накопившихся за 2 года и наполнявшихъ двѣ комнаты. Переслать ихъ не было возможности. Терентьевъ выдалъ ему деньги на наемъ 13 верблюдовъ, и транспортъ вскорѣ двинулся въ Ташкентъ. Тамъ же за городомъ Терентьевъ увидалъ какія-то громоздкія тяжести и узналъ отъ чиновника, что это разобранный пароходъ, заказанный въ Швеціи и сваленный здѣсь, за неимѣніемъ средствъ къ дальнѣйшей доставкѣ его въ Казалинскъ и за неисправностью подрядчика Мякинькова. Терентьевъ выдалъ деньги и на это, распорядившись устройствомъ или наймомъ саней, и пароходъ двинулся на верблюдахъ. Сумма была выдана немалая. Опять въ Ташкентъ пошла эстафета и опять получена благодарность. Безъ сомнѣнія Терентьевъ далеко вышелъ за предѣлы своихъ полномочій, но если бы генералу Кауфману, прибывшему въ Ташкентъ также въ ноябрѣ, но только не по оренбургскому тракту, а черезъ Вѣрное, были извѣстны тѣ факты, которые вызвали такія экстренныя мѣропріятія, то, безъ сомнѣнія онъ уполномочилъ бы Терентьева и на эти мѣропріятія.

Головачевъ это все забылъ. Точно также онъ не могъ рѣшиться на лишній расходъ,—на покупку жмыховъ для голодавшихъ верблюдовъ, хотя ему о томъ докладывали.

Кауфманъ пріѣхалъ въ Ташкентъ только 20 февраля. Выступленіе назначено было черезъ нѣсколько дней и, конечно, ничего уже поправить было нельзя. Еще до его пріѣзда, въ Кизилъ-Кумы былъ командированъ правитель канцеляріи Заравшанской области подполковникъ Ивановъ, съ сотнею казаковъ, для осмотра колод-

цевъ по маршруту джизакскаго отряда и найма вожаковъ и джигитовъ изъ тамошнихъ кочевниковъ.

Возвращаясь изъ Петербурга, Кауфманъ дѣлалъ, по дорогѣ въ фортахъ своего округа, соотвѣтствующія распоряженія о снаряженіи и выступленіи колоннъ. Въ Казалинскѣ, разспросивъ начальника Аральской флотиліи, капитана 2 ранга Ситникова, о качествахъ его судовъ, онъ измѣнилъ первоначальное предположеніе о назначеніи въ плаваніе только одного, считавшагося морскимъ, парохода „Перовскій“ и присоединилъ еще и рѣчной пароходъ „Самаркандъ“. Послѣдствія доказали, что плоскодонный „Самаркандъ“ выдержалъ морскую пробу во много разъ лучше „Перовскаго“, который не выгребалъ при волненіи, не имѣлъ устойчивости и потому далеко отставалъ отъ „Самарканда“, иногда на двое и болѣе сутокъ, такъ что рѣчное суденышко перещеголяло его морскими качествами. Начальникомъ казалинской колонны назначенъ былъ начальникъ Казалинскаго уѣзда полковникъ Головъ. Здѣсь же Кауфманъ осмотрѣлъ свои понтоны, построенные по его чертежу на верфи флотиліи. Каждый понтонъ состоялъ изъ 4 желѣзныхъ ящиковъ, свинчивающихся винтами; изъ 2 лодокъ составлялся паромъ. Постройка начата съ 1871 г. и первый паромъ, передѣланный изъ стараго дока, обошелся въ 394 р. 69 к., второй изъ матеріала, выписаннаго съ камско-воткинскихъ заводовъ, обошелся въ 417 р. 55 к. Каждый ящикъ вѣсилъ отъ 5 до 6 пудовъ. 8 человѣкъ легко его поднимали и спускали въ воду. Сборка занимала 2 часа. Къ началу 1873 г. были готовы еще 2 парома, но они вышли тяжелѣе. Въ походѣ ящики служили корытами для водопоя, а на Аму-Дарьѣ паромы служили настоящую службу исправно. Названы они „кауфманками“. Паромъ поднималъ два 4-фунтовыхъ орудія съ 16 человѣками прислуги. Образовался понтонный паркъ. Нортоновскихъ колодцевъ было 4, но взято только 2 съ казалинскимъ отрядомъ, да и тѣ были брошены по непригодности. Подъ инженерный паркъ шло 54 верблюда. Подъ понтонами въ казалинской колоннѣ шло 27 верблюдовъ, да въ джизакской 15. При понтонахъ находились 12 матросовъ.

Почтовое сообщеніе отряда съ Ташкентомъ и Казалинскомъ поддерживалось чрезъ чапаровъ и чрезъ первую почтовую станцію отъ Чимкента къ Туркестану, гдѣ открыто почтовое отдѣленіе. Это обошлось за 2 мѣсяца, до выхода на Аму-Дарью, въ 6,000 р.; послѣ этого установлено другое сообщеніе чрезъ Бухару на Самаркандъ. Эмиръ бухарскій самъ заботился о нашихъ чапарахъ, конечно, не безъ того, чтобы узнавать отъ нихъ свѣжія новости, давалъ имъ конвой для слѣдованія степью, угощалъ ихъ, давалъ свѣжихъ лошадей; вообще поступалъ, какъ вѣрный союзникъ.

27 февраля объявленъ былъ приказъ по округу о походѣ, причемъ объявлялось, что при туркестанскомъ отрядѣ изволятъ слѣдовать великій князь Николай Константиновичъ и князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. Начальникомъ полевого штаба назначенъ генералъ-маіоръ Троцкій, начальникомъ артиллеріи генералъ-маіоръ Жариновъ, начальникомъ инженеровъ полковникъ Шлейферъ, начальникомъ пѣхоты генералъ-маіоръ Бардовскій, начальникомъ кавалеріи подполковникъ Головацкій, полевымъ интендантомъ статскій совѣтникъ Касьяновъ, главнымъ врачемъ статскій совѣтникъ Суворовъ. Помощникомъ къ Голову—подполковникъ баронъ Каульбарсъ. Начальникомъ всего отряда генералъ-маіоръ Головачевъ. Начальникомъ топографической части полковникъ Жилинскій.

28 февраля отслуженъ напутственный молебенъ. Въ тотъ же день выступалъ 1-й эшелонъ транспорта къ р. Клы, съ мѣсячнымъ запасомъ довольствія, чтобы не задержать войска на переправѣ черезъ Сыръ-Дарью у Чиназа.

Войска двинулись изъ Ташкента 5-ю эшелонами 1, 2, 3, 4 и 5 марта, 4 орудія изъ Ходжента—8 марта, а 3 роты изъ Ура-Тюбе—10-го.

Безводный переходъ чрезъ голодную степь въ 118 верстъ (въ колодцахъ имѣлась-горько соленая вода, да и то въ небольшомъ количествѣ) сократился до 30 вер., благодаря тому, что жители провели арыкъ отъ рѣчки Джилакъ-Уты подъ Джизакомъ до 3-й станціи Агачлы. Погода была пасмурная. Къ утру 14 марта выпалъ снѣгъ и хватило морозомъ до—13° R. Первый эшелонъ транспорта пришелъ на Клы 6 числа. Сюда прибыли также депутаціи отъ сосѣднихъ городовъ, бухарское посольство съ богатыми подарками, а позже, къ 10 числу, и начальникъ Заравшанскаго округа генералъ-маіоръ Абрамовъ проститься съ Кауфманомъ, который пріѣхалъ 11 числа. Посолъ бухарскій Яхъ-я ходжа сообщилъ, что эмиръ приказалъ пограничнымъ бекамъ выставить на всѣхъ колодцахъ близъ границы клеверъ, солому и топливо, хотя не скрылъ своего удивленія: почему Кауфманъ предпочелъ кружный и длинный путь чрезъ Минъ-Булакъ прямому пути чрезъ Бухару?

Еще въ 1872 году, посланному въ Бухару дипломатическому чиновнику, Карлу Васильевичу Струве, эмиръ заявлялъ о своей готовности пропустить наши войска чрезъ свои владѣнія, въ случаѣ надобности. Все поведеніе эмира, во время войны съ Хивою, доказывало полную искренность его, а между тѣмъ ему не вѣрили и даже поручили Абрамову зорко слѣдить за Бухарою. Можетъ быть, горькая участь Бековича, довѣрившагося когда-то азіатамъ, можетъ быть, опасеніе, что эмиръ за услугу будетъ потомъ клянчить насчетъ Самарканда,—только услуга эта не при-

нята... А жаль: отрядъ сберегъ бы много цѣнныхъ грузовъ, не страдалъ бы такъ отъ голода и жажды, не стоялъ бы на краю гибели въ глухой степи... Съ такими силами, какими располагалъ Кауфманъ, не страшны никакія махинаціи, и въ случаѣ чего мы бы только кромѣ Хивы покорили бы и Бухару.

Принимая заравшанскихъ депутатовъ, Кауфманъ объявилъ имъ, что государь шлетъ имъ свое „царское спасибо“ за ихъ добропорядочное поведеніе и сбавляетъ подати на половину.

12 марта войска приняли провіантъ и раздѣлены на 4 эшелона: первый изъ 894 нижнихъ чиновъ и 728 верблюдовъ, подъ командою престарѣлаго полковника Колокольцова, долженъ былъ выступить 13 числа съ подполковникомъ барономъ Аминовымъ; второй изъ 759 нижнихъ чиновъ и 672 верблюдовъ полковн. Новомлинскимъ и Разгоновымъ выступалъ 14-го; третій изъ 606 нижнихъ чиновъ и 909 верблюдовъ съ подполковникомъ Терейковскимъ и полковникомъ Корольковымъ выступалъ 15-го; четвертый изъ 1139 нижнихъ чиновъ и 678 верблюдовъ, съ полковникомъ Веймарномъ и подполковникомъ Тихменевымъ выступалъ 16-го. Вторыя фамиліи въ эшелонахъ принадлежатъ офицерамъ генеральнаго штаба.

Еще до прибытія на р. Клы отрядъ потерялъ до 400 верблюдовъ, а теперь, благодаря морозу и отсутствію корма, верблюды стали валиться на каждомъ переходѣ десятками.

Первый эшелонъ выступилъ 13 числа при 12° мороза, потомъ поднялся буранъ *). Бывшій гвардеецъ, но долго жившій въ отставкѣ, Колокольцовъ велъ эшелонъ съ разными чудачествами и подраженіями Суворову, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его помощникъ В. А. Полторацкій („Историческій Вѣстникъ“ за февраль 1895 г.). На первомъ же переходѣ получилось 18 чел. ознобленныхъ. Изъ нихъ 2 солдата и 5 лаучей умерли. Запоздавшая на р. Клы уральская сотня захвачена бураномъ на полпути; верблюдовъ уложили въ кругъ, люди сѣли въ середину и развели костеръ изъ лѣсенокъ сѣдельныхъ! Этимъ и спаслись.

Отъ кол. Темиръ-Кабукъ, гдѣ эшелону назначена дневка, слѣдовало идти на кол. Тамды, куда 21 числа и посланъ авангардъ подъ начальствомъ Полторацкаго.

Другіе эшелоны шли уже съ меньшими терзаніями, такъ какъ погода стихла, но въ 3-мъ эшелонѣ съ артиллерійскими тяжестями, гдѣ тюки были по 8 пуд., т. е. 16 пуд. на верблюда, потеряли на первомъ же переходѣ 49 верблюдовъ.

---

*) Въ матеріалахъ, изданныхъ на правахъ рукописи подъ редакціей генералъ - маіора Троцкаго, говорится, будто утромъ было тепло и что 1-й эшелонъ выступилъ въ гимнастическихъ рубахахъ, а потомъ пошелъ дождь, градъ, снѣгъ. Слѣдуетъ предпочитать показанія Полторацкаго, шедшаго съ эшелономъ.

Въ ночь на 17-е, когда всѣ эшелоны были уже на ночлегахъ, поднялся страшный ураганъ, срывавшій кибитки и рвавшій палатки въ куски.

Въ Темиръ-Кобукѣ провѣрили верблюдовъ коммиссіей. Оказалось, что на 127 верстахъ пало ихъ 254, пришли въ негодность 102, признано слабыми 202. Итого къ исключенію 558 штукъ! Годныхъ осталось только 3110. Тутъ встрѣтили Кауфмана 2 бека— Нуратынскій и Зіаудинскій, съ подарками отъ эмира и угощеніемъ. Эмиръ велѣлъ имъ выставить на колодцахъ Балта-Салдыкъ и Комъ-байги: хлѣбъ, фуражъ и топливо. Изъ Темиръ-Кабука высланъ 20 марта, налегкѣ, летучій отрядъ изъ 1½ сотенъ уральцевъ, при 4 ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ подполковника Головацкаго, въ Тамды, гдѣ находился подполковникъ Ивановъ, доносившій со словъ лазутчиковъ, что извѣстный степной разбойникъ Садыкъ, или правильнѣе Сыддыкъ, обласканный ханомъ, собираетъ въ г. Шураханы большую шайку для движенія чрезъ Минъ-Булакъ на Тамды.

Опасеніе, что Сыддыкъ завалитъ колодцы отъ Минъ-Булака до Шураханы, и желаніе выгадать нѣсколько десятковъ верстъ, а можетъ быть, и щемящая мысль, что Маркозовъ упредитъ туркестанцевъ, заставили Кауфмана измѣнить маршрутъ своихъ отрядовъ... Онъ рѣшилъ дойти до кол. Арстанъ-бель и свернуть круто влѣво, по бухарской землѣ, на кол. Халъ-ата, полагая, что этотъ путь будетъ вдвое короче до Аму-Дарьи. Непонятно только одно: почему цѣлью движенія стала теперь не Хива, а рѣка Аму-Дарья?

А до Хивы, по точной съемкѣ, сдѣланной топографами во время похода и нанесенной на дорожную карту округа, считается: отъ Джизака чрезъ Минъ-Булакъ 690 верстъ, черезъ Арстанъ-бель-Кудукъ 640 верстъ. Отрядъ выигрывалъ только 50 верстъ, но зато долженъ былъ идти не по караванной, а по кочевой дорогѣ и, какъ увидимъ дальше, чуть не погибъ на этой дорогѣ... Самый выигрышъ въ два дня пути обратился въ проигрышъ 20 дней!

Кауфманъ положился, въ этомъ случаѣ, на разспросныя свѣдѣнія, собранныя въ Самаркандѣ и Джизакѣ отъ неизвѣстныхъ сартовъ подполковникомъ барономъ Аминовымъ (стр. 43 Матеріаловъ). Но какимъ родомъ упустили изъ виду, что разспросныя свѣдѣнія только тогда имѣютъ какую-нибудь цѣну, когда собираются на мѣстѣ, а не за 300 и 400 верстъ?

Какъ могли рисковать вести отрядъ по дорогѣ, по которой не прошла еще рекогносцировка?

Положимъ, Аминовъ, какъ молодой финляндецъ, едва справлявшійся съ русскимъ языкомъ, могъ не вполнѣ понимать, какую страшную услугу онъ хотѣлъ оказать русскимъ, но Кауфманъ

и Троцкій, безспорно люди умные,—какъ они-то поддались на басни Аминова?

Довольно было взглянуть на карту, чтобы видѣть, что по новой дорогѣ караваны въ Хиву ходить не могутъ съ береговъ Сыра, что для этого у нихъ есть другая, прямая дорога; а по этой могутъ идти только изъ Бухары.

Замѣчательно, что Аминова поддерживалъ бухарскій посолъ, увѣрявшій, будто онъ самъ ѣздилъ по этой дорогѣ, и всячески заманивавшій нашихъ воеводъ въ безводную пустыню...

Чѣмъ обошелъ Троцкаго Аминовъ—неизвѣстно, а только начальникъ штаба сталъ ярымъ поборникомъ новаго пути.

Для рѣшенія вопроса собранъ былъ военный совѣтъ изъ Головачева, Троцкаго, Иванова и Аминова; никого изъ офицеровъ генеральнаго штаба не пригласили. Головачевъ и Ивановъ, сами ходившіе по прежде выбранной дорогѣ и знавшіе ее хорошо, явились противниками новаго пути, но голосъ Кауфмана далъ перевѣсъ, и такимъ образомъ 23 марта вопросъ былъ рѣшенъ: казалинскую колонну заставили прошагать лишнихъ 385 верстъ; опорный пунктъ строить не на Тамды, а въ Халъ-Ата. Головацкому послано въ догонку приказаніе не идти на Тамды, а стать на кол. Аякъ-Кудукъ.

Отрядъ пришелъ на кол. Арстанъ-бель 30 марта и стоялъ здѣсь до 11 апрѣля въ ожиданіи казалинцевъ. Интендантскимъ транспортамъ тоже приказано было идти на Арстанъ-бель-Кудукъ. 1-й эшелонъ этого транспорта пришелъ на р. Клы только 17 марта, потерявъ 40 верблюдовъ, кромѣ того 175 штукъ признано коммиссіей негодными. 29-го эшелонъ пошелъ далѣе и 8 апрѣля, въ первый день Пасхи, на Арстанъ-бель-Кудукъ пришло только 230 лучшихъ верблюдовъ, высланныхъ подполковникомъ Хорошхинымъ отъ этого эшелона впередъ. Во многихъ частяхъ провіанта уже не было къ этому числу, такъ какъ много вьюковъ было брошено съ павшими верблюдами по дорогѣ... Привезенные сухари оказались негодными только въ 1-мъ и 3-мъ стрѣлковыхъ баталіонахъ.

Полторацкій, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, что по вскрытіи одного скоропостижно умершаго солдата, нашли въ его желудкѣ нѣчто вродѣ камня изъ сухарей. Назначили коммиссію: сухари оказались зеленые и съ червяками, ползшими въ стороны, такъ что сухари шевелились. Полторацкій доложилъ Кауфману, что для такихъ сухарей верблюды не нужны: сами доползутъ, куда надо, если дать имъ надлежащее направленіе!

Приписывали это дождямъ, но, кажется, вѣрнѣе будетъ отнести это къ скороспѣлой сушкѣ въ Ташкентѣ въ новыхъ, не просохшихъ печахъ, устроенныхъ инженеръ-полковникомъ Шлейферомъ изъ плетней, смазанныхъ глиной. Мы сами видѣли эти печи въ

дѣйствіи: сухари выходили мягкіе, не вполнѣ готовые, и досыхали на воздухѣ... Тутъ мухи и жучки клали въ нихъ яички. Времени было дано на эту операцію такъ мало, что приходилось надѣяться на русское „авось“.

Забракованные сухари пошли на угощеніе верблюдовъ. Кизилъкумскіе киргизы пригнали, по просьбѣ подполковника Иванова, 828 верблюдовъ, а ихъ надо было 1058, потому что дорогой отъ Ташкента, на 462 верстахъ, пало ихъ 874, да отпущено за негодностію 536, итого потеря равнялась 1410. Изъ наличныхъ многіе не могли нести болѣе 6 пудъ.

Крайнее положеніе отряда заставило послать въ Бухару энергичнаго хлудовскаго прикащика Громова за хлѣбомъ, яйцами и другими запасами. Чтобы не выдать эмиру критическаго положенія отряда, Кауфманъ написалъ къ нему просьбу о хлѣбѣ въ такихъ выраженіяхъ, что вотъ-де отрядъ простоитъ въ Халъ-Ата нѣсколько дней, и желательно было бы покормить людей свѣжимъ хлѣбомъ (сухой-то молъ уже надоѣлъ), а потому его высокостепенство окажетъ большую любезность, если прикажетъ своимъ купцамъ привезти на этотъ пунктъ тысячъ пять пудовъ муки... Ужъ одно количество это указывало, что дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы покормить людей свѣжимъ хлѣбомъ, а чтобы было съ чѣмъ идти и далѣе...

Эмиръ прекрасно зналъ, въ какомъ затрудненіи находился русскій отрядъ, и поспѣшилъ задобрить голоднаго льва: 400 батмановъ (3,200 пудовъ) муки, 50 батмановъ ячменя и 30 батмановъ рису были немедленно посланы имъ въ подарокъ Кауфману, съ предупрежденіемъ въ письмѣ, что плату за этотъ хлѣбъ онъ приметъ, какъ оскорбленіе.

О томъ, что впереди нѣтъ воды, Кауфманъ и Троцкій, повидимому, не знали, успокоенные самоувѣренностію Аминова, но что безъ хлѣба дальше идти нельзя, — это понимали всѣ до послѣдняго человѣка.

Весьма возможно, что не пришли эмиръ во-время хлѣба, отрядъ пришлось бы повернуть на Бухару... Этого, конечно, эмиръ желать не могъ. Болѣе или менѣе вынужденная любезность эмира была оцѣнена не по ея внутреннимъ побужденіямъ, а по цѣнности внѣшней. Вотъ что писалъ ему Кауфманъ отъ 23 апрѣля: „Любезное и широкое гостепріимство, оказанное вами войскамъ великаго бѣлаго царя, во время пути слѣдованія ихъ по вашимъ владѣніямъ, вызываетъ меня еще разъ выразить вамъ мою искреннюю признательность за ваши сосѣдскія чувства къ намъ“. Далѣе сообщалось, что на его землѣ построено теперь укрѣпленіе для склада тяжестей, но что оно будетъ защищать его владѣнія отъ хивинцевъ и прочее.

Громовъ также прикупилъ муки и прислалъ еще 8 тысячъ

яицъ и краски къ 7 числу. Полторацкій говоритъ, что и это былъ подарокъ эмира, приславшаго еще рисъ и муку. Началась спѣшная окраска, чтобы послать въ другіе эшелоны; но 3 и 4 эшелоны получили ихъ только на второй день Пасхи. Въ этотъ же день на Арстанъ-бель-Кудукъ прибылъ джигитъ изъ Ташкента, съ подарками Кауфману и Головачеву, въ видѣ пасхъ, куличей и т. п., а для войскъ 16 пудовъ чаю и 94 пуда сахару.

Между тѣмъ, когда дѣло было уже испорчено и отрядъ свернулъ на Арстанъ-бель, получена была, 28 числа, съ джигитомъ, телеграмма отъ начальника главнаго штаба, о неудачахъ по сбору верблюдовъ у Маркозова, о безпорядкахъ на Мангышлакѣ и сформированіи другого отряда въ Киндерли. Въ заключеніе было сказано: „едва ли самъ Маркозовъ можетъ принять своевременное участіе въ предположенной экспедиціи, и лучше на него вовсе не разсчитывать“. Однако изъ Тифлиса кн. Святополкъ-Мирскій телеграфировалъ отъ 27 марта (значитъ, въ сутки телеграмма эта попала изъ Вѣрнаго, гдѣ оканчивался телеграфъ, въ отрядъ! что-то невѣроятно, однако это красуется въ Матеріалахъ на стр. 57), что Маркозовъ выступилъ уже съ 12 ротами, 4 сотнями и 16 орудіями и что въ Измукширъ придетъ 9 мая, а Ломакинъ выступитъ къ 10 апрѣля. Эта послѣдняя телеграмма могла придти развѣ что къ 1 апрѣля и въ виду ея противорѣчія съ извѣстіями изъ главнаго штаба, вѣроятно, принята за апрѣльскую шутку... По крайней мѣрѣ Кауфманъ съ этихъ поръ пересталъ уже гнать отрядъ сломя голову и свободнѣе относился къ дневкамъ и невольнымъ остановкамъ.

Изъ Казалинска пришло извѣстіе, что хивинскій ханъ выслалъ 21 человѣка русскихъ плѣнныхъ съ посольствомъ. Въ числѣ плѣнныхъ вернулись купцы Бурнашевъ и Зайцевъ, захваченные въ 1869 году въ степи на мѣновой торговлѣ; казаки Штиновъ и Воротынцевъ, захваченные тогда же на станціяхъ Джулюсъ и Кара-Кудукъ, гдѣ они были смотрителями; казаки Долбленовъ, Гузиновъ, Солодовниковъ, Поповъ и Дурмановъ, захваченные въ 1870 г. при катастрофѣ съ подполковникомъ Рукинымъ; казаки Черныхъ и Сухоруковъ, взятые подъ Иргизомъ въ 1869 г., когда барантачи угнали табунъ лошадей. Казакамъ Кауфманъ велѣлъ дать лошадей и присоединить къ казалинскому отряду, а рыбаковъ и купцовъ отправить въ Оренбургъ, выдавъ всѣмъ по 15 рублей.

Пословъ приказано направить на Арстанъ-бель-Кудукъ, вслѣдъ за отрядомъ, но они явились къ Кауфману только по занятіи нами Хивы.

Праздникъ Пасхи былъ отпразднованъ, какъ подобаетъ, по крайней мѣрѣ въ первомъ эшелонѣ, гдѣ былъ церковный наметъ и единственный священникъ, знаменитый отецъ Маловъ. Пущено

три ракеты въ 12 час. ночи. Офицеры разговлялись у Кауфмана, потомъ всѣ пошли съ поздравленіемъ къ представителю царствующаго дома, князю Романовскому. Войскамъ, однако, запрещена была водка, опечатанная поэтому у маркитантовъ.

8 апрѣля, отъ полковника Иванова получено донесеніе, что авангардъ казалинской колонны придетъ 9-го на Тамды, всего въ трехъ переходахъ отъ джизакскаго отряда. Въ этотъ же день, какъ сказано выше, пришелъ и экстренный транспортъ съ гнилыми сухарями. Можно было уже, по мнѣнію Кауфмана, идти далѣе, не ожидая ни казалинцевъ, ни остальныхъ транспортовъ. Не провѣренные ничѣмъ разсказы Аминова, назначеннаго колоннановожатымъ, повели къ тому, что отрядъ пошелъ дальше большими эшелонами: джизакскій раздѣленъ на два, а казалинскій долженъ былъ идти цѣликомъ; всего, значитъ, три эшелона. Ни Кауфманъ, ни его начальникъ штаба и никто изъ его ближайшихъ сотрудниковъ не подумали даже, что при эшелонахъ, кромѣ людей идетъ масса лошадей и верблюдовъ, и что никакихъ колодцевъ для нихъ не хватитъ, такъ какъ ожидать наполненія ихъ водою, послѣ того какъ запасъ весь вычерпанъ, обыкновенно приходится по нѣскольку часовъ, а иногда и по нѣскольку сутокъ...

Замѣчательно, что Кауфманъ, не любившій вообще сознаваться въ ошибкахъ, въ этомъ промахѣ сознался... По крайней мѣрѣ въ матеріалахъ, напечатанныхъ въ 1881 г., значитъ, еще при его жизни и по его распоряженію, такое раздѣленіе на крупные эшелоны, признано не совсѣмъ удобнымъ (стр. 64), но мы шли, учась (стр. 63), то-есть сдѣлали это по молодости и неопытности и опасались встрѣчи съ непріятелемъ... Уходя отъ своей базы, мы должны были нести ее съ собою, и потому „раздроблять войска было бы въ этомъ случаѣ крайне неблагоразумно“ (стр. 64). Выходитъ такимъ образомъ, что начавши оправдываться, составители матеріаловъ пришли къ выводу, что иначе поступить было бы даже весьма глупо, и стало быть, еслибы имъ пришлось во второй разъ идти по той же дорогѣ весной, они, научась уже горькимъ опытомъ, снова поступили бы такъ же благоразумно и даже умно и погубили бы отрядъ...

Но такъ пишутся только реляціи, а не исторія. Ошибка, сознанная и указанная, остерегаетъ послѣдующихъ дѣятелей: они получаютъ въ наслѣдіе чужой опытъ и узнаютъ, какъ не надо дѣлать. Но если, указавъ на ошибку, вамъ говорятъ, что все-таки именно такъ всегда и дѣлайте, то это уже не исторія... Кауфманъ ни за что не хотѣлъ также сознаться, что во время своего самаркандскаго похода онъ сдѣлалъ большую и непростительную для него, какъ инженера, ошибку, оставивъ въ цитадели слабый гарнизонъ, не исправивши поврежденій въ стѣнахъ, не

приказавъ даже подобрать къ бухарскимъ пушкамъ снарядовъ и не уничтоживши лавченокъ, пристроенныхъ къ стѣнамъ снаружи цитадели, что привело потомъ гарнизонъ въ отчаянное положеніе... Его приближенные, кадившіе ему изъ-за наградъ и боязни быть обойденными при назначеніи въ экспедиціи, конечно, соглашались съ нимъ, что иначе поступать онъ и не могъ, что привести самаркандскую цитадель въ надлежащій видъ, требуемый наукою, было бы крайне неблагоразумно. Баснословная карьера Абрамова, не пропустившаго ни одной экспедиціи и проскочившаго изъ поручиковъ въ генералы въ четыре года, соблазняла почти всѣхъ, которые и кадили безъ конца начальству вообще, а Кауфману въ особенности...

Двигаться всѣмъ по одной дорогѣ и по пятамъ другъ друга, когда имѣлся и другой путь, также нельзя считать очень благоразумнымъ: вода выпита, кормъ съѣденъ передними. Основное правило: „ходи врозь, дерись вмѣстѣ“ — особенно важно соблюдать здѣсь, въ глуби Азіи. Вѣковой опытъ Оренбурга неужели не указъ туркестанскимъ, яко бы, стратегамъ? Если и на европейскихъ театрахъ войны не боятся ходить врозь, то здѣсь и подавно бояться этого не слѣдуетъ.

А между тѣмъ изъ-за чего казалинскую колонну притянули къ главнымъ силамъ, когда ей проще, удобнѣе, легче и скорѣе можно было идти чрезъ Минъ-Булакъ на г. Шураханы?

Полковникъ Головъ, недалеко отъ Буканскихъ горъ, на кол. Кизылъ-Какъ, получилъ 1 апрѣля отъ Кауфмана приказаніе остановиться на кол. Бакалы, въ этихъ горахъ, куда 1-й эшелонъ пришелъ 2 апрѣля. Здѣсь получено новое приказаніе идти не чрезъ Минъ-Булакъ къ Шурахану, а чрезъ Тамды къ Арстанъ-белю...

Теперь займемся ариѳметикой. Отъ Бакалы надо было пройти верстъ 40 до Юзъ-Кудука отъ котораго раздѣляются дороги: одна на Минъ-Булакъ, другая на Тамды. Значитъ, и считать будемъ отъ Юзъ-Кудука. Отсюда до Халъ-Ата, гдѣ Головъ догналъ Кауфмана—385 верстъ, а до Аму-Дарьи оставалось только 251 верста. Если казалинцы, выступивъ 6-го апрѣля съ Юзъ-Кудука, пришли въ Халъ-Ата 26 числа, то, значитъ, дѣлали по 19 верстъ въ день, то, значитъ, къ Аму-Дарьѣ пришли бы къ 20 апрѣля и были бы отъ Хивы всего въ 50 верстахъ. Скажутъ, что у нихъ было только полъ-сотни казаковъ и, стало быть, развѣдочная служба и обезпеченіе отъ нечаянныхъ нападеній были невозможны. Но и въ главныхъ силахъ эти виды кавалерійской службы, не смотря на избытокъ кавалеріи, были крайне плохи: отрядъ никогда ничего не зналъ о непріятелѣ, а нападенія хивинцевъ были довольно часты и всегда неожиданны. Свѣдѣнія о непріятельскихъ шайкахъ и колодцахъ доставлялись только джигитами, а этихъ молодцовъ и въ казалинскомъ отрядѣ было достаточно.

При томъ слѣдуетъ замѣтить, что здѣшніе азіаты ни во что не ставятъ казаковъ, если при нихъ нѣтъ ракетъ или пушекъ; къ пѣхотѣ же относятся съ великимъ почтеніемъ. Взводъ русскихъ стрѣлковъ для нихъ страшнѣе 3-хъ сотенъ казаковъ. Это было замѣчено и русскими военачальниками, какъ это будетъ видно далѣе. Туземцы говорятъ: „казакъ богачъ, у него все свое; поэтому онъ дорожитъ жизнью, а к ъ - г е м л е к ъ—бѣлая рубаха (такъ зовутъ здѣсь пѣхотнаго солдата)—б а й г у ш ъ, т. е. нищій, у него ничего нѣтъ, кромѣ ружья, да и то не собственное, а казенное; поэтому ему терять нечего и жизнью онъ не дорожитъ". Словомъ, казалинцы могли смѣло идти по прежде выбранному пути, не боясь дикихъ наѣздниковъ. Но они пришли бы на 40 дней ранѣе Кауфмана къ Хивѣ. Вѣроятно, этого Кауфманъ и не желалъ... 11-го числа началось движеніе туркестанцевъ съ Арстанъ-Беля. На первомъ же колодцѣ Манамъ-Джана пришлось убѣдиться что большіе эшелоны не годятся: вода быстро была вычерпана сразу... Пришлось приставить часовыхъ и съ вечера до утра не давать мѣсить въ колодцахъ грязь. 12 числа, на слѣдующемъ колодцѣ Каракъ-Ата, Кауфману приготовлено было угощеніе отъ новаго бухарскаго посла Якши-Бекъ-Удайчи; пловъ былъ приготовленъ и для людей его конвоя (1 рота и 1 сотня). Эмиръ прислалъ въ подарокъ муки, крупы и ячменя на 100 верблюдахъ, значитъ, всего до 1,600 пудовъ. Это было весьма кстати, такъ какъ войска шли только съ тѣмъ, что имъ далъ экстренный транспортъ съ гнилыми сухарями, а съ этимъ ихъ ожидалъ дальше прямо голодъ...

День былъ жаркій до +28° въ тѣни, а къ 9 час. вечера подпялся песочный ураганъ, длившійся нѣсколько минутъ, но сорвавшій почти всѣ палатки. Отрядъ собрался сюда 14-го апрѣля. Воды было вдоволь: прекрасный ключъ, къ которому приставили часовыхъ, чтобы солдаты не только не мылись въ немъ, не купались и не стирали бѣлье, но даже и не черпали воду,—для чего имъ предоставленъ былъ прудъ, питаемый ключомъ, а въ окрестности нѣсколько колодцевъ назначены были для водопоя. Саперы вырыли и другой прудъ для водопоя. Множество деревьевъ украшало благодатный оазисъ, но зато отъ песку и множества скорпіоновъ не было спасенія. Много людей познакомились съ ядомъ этихъ противныхъ насѣкомыхъ. Дѣло оканчивалось обыкновенно смертію... скорпіона, а люди терпѣли нѣсколько часовъ сильную боль въ опухоли. Позже, 17 апрѣля, когда здѣсь проходили казалинцы,—застрѣлился инженерный полк. Романовъ отъ тоски, его одолѣвшей, хотя самъ же просился въ экспедицію для изслѣдованія р. Аму-Дарьи и ея дельты. Человѣкъ онъ былъ богатый и семейный, но трудностей похода не вынесъ.

Отсюда войска двинулись уже тремя колоннами, а казалинцы

должны были составить еще 4 и 5-ю. 21 апрѣля 1 эшелонъ пришелъ на уроч. Халъ-Ата, гдѣ видны были слѣды осѣдлости, а къ 24 собрались и всѣ туркестанцы. Съ 22-го числа начали строить здѣсь Георгіевское укрѣпленіе и хлѣбопекарныя печи для приготовленія сухарей; печей было по 4 на роту. Жженый кирпичъ брали изъ зданія мечети или муллушки, здѣсь находившейся. Устроены были также нѣсколько прудовъ для воды, доставляемой ключемъ. Воды было довольно, но здѣсь во все время стоянки отряда, въ теченіе недѣли, дулъ постоянный буранъ, несшій такую массу песку, что по временамъ не видать было солнца, и въ воздухѣ стояла непроницаемая мгла. Крупныя песчинки разсѣкали лицо до крови.

Свѣже выпеченный хлѣбъ, поспѣвшій къ вечеру 23 апрѣля, встрѣченъ былъ всѣми, какъ дорогое лакомство. Этимъ обязаны были эмиру. Можно судить, каково было положеніе отряда, если онъ долженъ былъ самъ приготовлять себѣ сухари на дальнѣйшихъ походъ въ глухой степи и что ожидало бы несчастныхъ солдатъ, если бы Бухара не снабжала его, по временамъ, въ самыя трудныя минуты, продовольственными припасами?

Послѣ полуночи на 24 число, человѣкъ 15 конныхъ хивинцевъ наткнулись на казачій пикетъ и завязали перестрѣлку. Въ лагерѣ тотчасъ была поднята тревога, прискакалъ казачій патруль и хивинскій разъѣздъ скрылся въ темнотѣ.

Не смотря на мракъ отъ тучъ песку, жара доходила днемъ до 47°, а ночью спадала до 34, такъ что люди страдали отъ духоты не мало. Песокъ засыпалъ все толстымъ слоемъ.

24-го апрѣля, въ 10 часовъ утра прибылъ къ Халъ-Ата казалинскій отрядъ съ двумя картечницами, возбуждавшими общій интересъ и пылкія надежды. 4 стрѣлковый баталіонъ былъ товарищески принятъ старыми туркестанскими стрѣлками, угостившими его обѣдомъ.

Какъ уже сказано въ своемъ мѣстѣ, при казалинской колоннѣ шли транспорты общества Краснаго Креста, консервы для всего туркестанскаго отряда, 12 нортоновскихъ колодцевъ, картечницы и желѣзные паромы изъ кауфманокъ. 4 стрѣлковый баталіонъ пріѣхалъ въ Казалинскъ за 2½ недѣли до похода, потомъ пріѣхали доктора Гриммъ и Преображенскій съ 4 фельдшерами и вещами Краснаго Креста. 3-го марта прибылъ великій князь Николай Константиновичъ, со свитой, и полковникъ Романовъ. 4-го прибыли картечницы на 4 телѣгахъ, слѣдовавшія изъ Петербурга на почтовыхъ. Прислугу къ нимъ изъ 8 человѣкъ выбрали въ Казалинскѣ изъ 8-ю линейн. баталіона. 9-го прибыли на 6 телѣгахъ нортоновскіе колодцы, заказанные въ Ригѣ по приказанію велик. князя Николая Николаевича старшаго по 188 р. за каждый. Везли ихъ также на почтовыхъ, что вмѣстѣ съ жалованьемъ

вольнонаемному мастеру въ 1,500 р., укупоркой и санями обошлось въ 5325 руб., кинутыхъ на вѣтеръ... Изъ 61 ящика съ консервами, отправленныхъ изъ Петербурга, 26 января, на почтовыхъ цѣликомъ, а изъ Оренбурга 4-мя партіями, прибыли вовремя, т. е. къ 11 марта, только три партіи въ 43 ящика, остальные 18 опоздали и догнали отрядъ уже на Иркибаѣ. Ящики съ консервами вѣсили 356 пудъ и требовали 30 верблюдовъ; 14 нортоновыхъ колодцевъ (два было старыхъ)—264 пуда и требовали 22 вербл. Паромы—524 пуда и требовали 46 верблюдовъ. Каждое весло вѣсило около полупуда,—27 веселъ 12 пудовъ. Паромами завѣдывалъ флотскій унтеръ-офицеръ изъ разжалованныхъ Зубовъ, съ 8 матросами, вольнонаемнымъ механикомъ и мастеромъ. Продовольствіе вѣсило 23.496 п. 29 ф. и требовало 1787 вербл.; кошма по 2 аршина на человѣка вѣсила 375 пуд. и требовала 31 вербл.; солдатскія вещи 1286 пуд.; экспедиціонныя вещи, кухни и проч.—767 пуд.; 11 кибит.—1390 пуд.; съ остальными тяжестями набралось 32.938 пудовъ на 2747 верблюд. Сверхъ того подъ вещи Краснаго Креста надо было 35 верблюдовъ да 8 подъ 8 кибитокъ, нанятыхъ Гриммомъ, на каждый эшелонъ по двѣ. Подъ вещи великаго князя и его свиты шло 25 верблюдовъ; подъ штабъ 8, для 52 штабъ и оберъ-офицеровъ 36 верблюдовъ. Всего 2,859 верблюдовъ и 416 лаучей. Изъ Перовска везли 24 кибитки (12 пудовъ каждая), по 12 на роту на 24 верблюдахъ, 700 арш. кошмы на 350 челов., вѣсомъ 87½ пудовъ—на 7 верблюдахъ. Кухонную посуду по 30 пуд. на роту на 5 верблюдахъ. солдатскія вещи по 1 пуду на человѣка 350 пуд.—29 верблюдовъ, экспедеціонныя вещи по 31 пуд. на роту въ мѣсяцъ, а на 3½ мѣсяца—217 пуд. на 18 верблюдахъ. 12,000 патроновъ—на 3 верблюдахъ (а 18,000 несли люди, по 60 на строевого солдата). Продовольствіе вѣсило 3309 пуд. и везлось на 276 верблюдахъ. Всего изъ Перовска пошло 380 верблюдовъ съ 57 лаучей. Кибитки брались въ обоихъ фортахъ потому, что зима еще у нихъ не прошла. Полковнику Голову предоставлено было выступить когда пожелаетъ, лишь бы къ 3 апрѣля былъ у Буканскихъ горъ на кол. Бакали.

Въ казалинскомъ отрядѣ было всего 2040 человѣкъ, изъ коихъ 458 туземцевъ, т. е. 1 на 3, 4 русскихъ. Отрядъ раздѣленъ на 5 эшелоновъ. Первый выступилъ 6 марта, перейдя наканунѣ Сыръ-Дарью по льду. Съ 8 числа началась оттепель. 11-го числа изъ Казалинска вышелъ послѣдній эшелонъ. Предполагалось идти „столь поспѣшно, сколь возможно“,—выраженіе почтовыхъ правилъ относительно возки курьеровъ,—но верблюды были слабы и падали на каждомъ переходѣ. Пришлось дѣлать дневки, такъ что первый эшелонъ пришелъ на Иркибай только 18 марта. Въ этотъ же день сюда прибыла и перовская колонна. 24-го прибылъ

послѣдній казалинскій эшелонъ. Великому князю Николаю Константиновичу, какъ офицеру генеральнаго штаба, Головъ поручилъ выбрать мѣсто подъ укрѣпленіе и построить его. Оно было начато 21-го и освящено 25 марта, въ день, Благовѣщенія, почему и названо Благовѣщенскимъ. Вечеромъ, когда для достодолжнаго заключенія торжества пѣсенники пѣли народный гимнъ, а на переднемъ барбетѣ редута горѣлъ вензель государя, пріѣхалъ запоздавшій магистръ зоологіи М. Н. Богдановъ, командированный петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей.

Перовская колонна выступила 8 марта и прошла 250 верстъ въ 11 дней, безъ дневокъ, потерявъ только 9 верблюдовъ. Казалинская потеряла ихъ 98 штукъ.

Для осмотра колодцевъ на дальнѣйшемъ пути пущены были киргизы-джигиты, исполнившіе порученіе весьма успѣшно. Доставлены были ими и два захваченныхъ купца, которые сообщили преувеличенные слухи о высылкѣ, на встрѣчу русскихъ, трехъ значительныхъ хивинскихъ отрядовъ, противъ кавказцевъ, оренбуржцевъ и туркестанцевъ.

Готовясь къ дальнѣйшему походу, налили водой боченки, баклаги и турсуки, чтобы они успѣли размокнуть. Въ гарнизонѣ редута оставлены 2 роты, 1 сотня, два орудія. Здѣсь же оставлены были 4 нортоновскихъ колодца, оказавшихся негодными, потому что трубы ихъ ломались при забивкѣ или гнулись; но и взятыя съ собой остальные 10 были оставлены потомъ въ Тамды киргизскому бію на храненіе. Оставлены были въ редутѣ и кибитки, кромѣ одной на роту, такъ какъ стало уже тепло. Оставленъ и интендантскій транспортъ въ 112 верблюдовъ. Поэтому отрядъ вышелъ налегкѣ съ запасными верблюдами для замѣны негодныхъ и подвозки половины солдатъ (садили по 2 на верблюда). Взято всего въ дальнѣйшій походъ 1480 челов. русскихъ съ 220 лошадьми и 370 туземцевъ съ 50 лошадьми. Воды требовалось для нихъ, на 3 дня, 1720 ведеръ. Ее везли въ 200 боченкахъ—100 верблюдовъ.

1-й эшелонъ, наиболѣе сильный, подъ начальствомъ великаго князя, состоялъ изъ 3 ротъ, 2 горныхъ пушекъ, 2 картечныхъ и 26 казаковъ, и выступилъ 28 марта.

2-й эшелонъ, подъ командой подполк. Омельяновича, изъ 2 ротъ, двухъ горныхъ пушекъ и 15 казаковъ, выступилъ 29 марта.

3-й эшелонъ, подъ командой маіора Дрешерна, изъ 2 ротъ, 4 ракетныхъ станковъ и 15 казаковъ выступилъ 30 марта.

Люди ѣхали по очереди; неспокойныхъ, которые немилосердно погоняли и били верблюдовъ, ссаживали и заставляли идти пѣшкомъ. На первомъ ночлегѣ случился морозъ въ 3 градуса; люди 4-го стрѣлков. баталіона, понадѣявшись на тепло, не взяли съ собой мундировъ и дрогли. Великій князь предложилъ доктору Гримму снабдить ихъ одѣялами. Нашлось 60 штукъ, да выданы были

кошмы. На ночлегъ эшелоны составляли каре: передній фасъ изъ артиллеріи или ракетныхъ станковъ, остальные фасы изъ пѣхоты и казаковъ, прикрытыхъ спереди вьюками. Гдѣ не хватало людей, тамъ, въ углахъ, клали верблюдовъ въ нѣсколько рядовъ, за ними лаучи. Каре прикрывалось пѣшими постами, по 4 человѣка въ каждомъ. 30-го эшелонъ великаго князя пришелъ на кол. Кизилъ-Какъ, гдѣ былъ встрѣченъ старшинами кизилъ-кумскихъ киргизовъ, пригнавшихъ сюда барановъ для продажи и доставившихъ топливо, по распоряженію подполк. Иванова. Здѣсь сдѣлана была дневка, по приказанію присланному отъ Голова, такъ какъ остальные эшелоны сильно отстали. Оставивъ, освободившихся отъ провіанта, верблюдовъ для слѣдующаго эшелона, великій князь велѣлъ налить бочата водою и 1-го апрѣля выступилъ далѣе на Куланъ-Какъ, гдѣ также оставилъ до 40 верблюдовъ, которые могли хорошо подкормиться за 2 дня, т. е. до прихода слѣдующаго эшелона. Головъ пришелъ со 2-мъ эшелономъ на Кизилъ-Какъ 1 апрѣля и здѣсь получилъ приказаніе не идти далѣе кол. Бакали, а 2-го числа чапаръ-киргизъ привезъ почту, а съ ней приказаніе Кауфмана идти не черезъ Буканскія горы и Минъ-Булакъ на Шураханы, а на Арстанъ-бель-Кудукъ и Халъ-Ата...

Это сообщено было во всѣ эшелоны и произвело, конечно, весьма непріятное впечатлѣніе. Нѣкто изъ приближенныхъ къ великому князю предложилъ ему даже такую мѣру: чапара, привезшаго роковое предписаніе приказать истребить а самимъ продолжать идти на Минъ - Булакъ и т. д. на Хиву, будто никакихъ распоряженій о перемѣнѣ маршрута не получали... Великій князь не стѣснялся разсказывать объ этомъ, но только фамиліи совѣтчика не называлъ... Совѣтъ, конечно, жестокъ, но военная исторія даетъ нѣсколько примѣровъ, что по курьерамъ отъ высшихъ военныхъ властей приказано было аванпостамъ стрѣлять, а телеграфы, связывавшіе съ базой, нарочно портили для сохраненія себѣ полной свободы дѣйствій. Великій князь, понятно, отвергъ рискованный совѣтъ и вскорѣ разстался съ совѣтчикомъ. 3 апрѣля его эшелонъ прибылъ на Бакалы и остался здѣсь, въ качествѣ боковаго авангарда, пока остальные эшелоны придутъ стороною на Юзъ-Кудукъ. Сюда 6 числа собралась вся колонна, потерявъ 145 верблюдовъ; но кизилъ-кумскіе киргизы доставили 322 свѣжихъ. Здѣсь присоединился и подполк. Ивановъ, въ качествѣ колонновожатаго. Корма было въ изобиліи. 6-го же числа, въ страстную пятницу, 1-й эшелонъ великаго князя выступилъ далѣе и ночевалъ на Кокъ-Потасѣ, гдѣ его до полуночи трепалъ песчаный ураганъ.

7-го выступилъ поздно и ночевалъ безъ воды, не дойдя до Бишъ-Булака и здѣсь встрѣтилъ пасху... Разговѣться было нечѣмъ.

Крашеныя яйца, высланныя Кауфманомъ съ Арстана, конечно, не могли придти во-время. 9-го апрѣля великій князь прибылъ на Тамды; прекрасное урочище съ теплою водою, множествомъ деревьевъ, брошенною крѣпостцой и строеніями полуосѣдлыхъ киргизовъ. Въ одной изъ сакель устроена была казаками конвоя Иванова баня. 12-го сюда собрались всѣ эшелоны. Отпущено было, по негодности, 357 верблюдовъ въ аулы. Кинуты были и 10 нортоновскихъ колодцевъ за ихъ безполезностію: ихъ испытывали 5 разъ и все неудачно: которые не ломались и не гнулись, тѣ давали много песку (въ стаканѣ воды отстой песку былъ въ палецъ толщиною), песокъ стиралъ клапаны; если трубу опускали въ готовый колодезь, то въ часъ утомительнаго накачиванія получалось только до 100 ведеръ воды, а въ пескѣ колодцы быстро набивались пескомъ и не давали воды.

Отъ Тамды до Арстанъ-беля оставалось 55 верстъ, но Кауфманъ выступилъ отсюда 11-го числа. Поэтому Головъ старался догнать его и дѣйствительно догналъ, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, 24-го числа, но потерялъ множество верблюдовъ. Изъ 3497 штукъ, бывшихъ при отрядѣ, отпущено 1471 за негодностію, пало и брошено 894 и дошло только 1132 до Халъ-ата.

Здѣсь мы оставимъ соединившіеся отряды и перейдемъ къ оренбургскому.

ГЛАВА VIII.

Составъ Оренбургскаго отряда. Роскошное снаряженіе. Разсчетъ верблюдовъ. Продовольствіе. Смѣта расходовъ. Консервы. Экспедиціонныя вещи. Заботливость мѣстнаго общества о раненыхъ. Боевые припасы. Разсчетъ маршрутовъ. Приказъ Крыжановскаго. Выѣздъ эшелоновъ съ 13 февраля. Усердіе киргизовъ. Охрана тыла. Штабъ отряда. Капитаны съ правами начальниковъ дивизіи. Инструкція начальнику отряда генералъ-маіору Веревкину. Сотня киргизской милиціи. Выступленіе съ Эмбы 26 марта. Порядокъ движенія. Морская вода, какъ питье. Желаніе Веревкина задержать кавказскій отрядъ безполезными остановками и ненужными передвиженіями. Занятіе Кунграда 8 мая. Вѣроломное убійство киргизами офицера и 11 нижнихъ чиновъ, посланныхъ отъ флотиліи. Примѣръ доблестной службы киргиза Каль-Ніаза. Дѣйствія аральской флотиліи. Въ полую воду на мели. Бой 28 апрѣля съ фортомъ Акъ-кала на Улькунъ-Дарьѣ. Кавказцы отстали отъ Веревкина на цѣлый переходъ. Стычка у Карабайли. Форсированный переходъ кавказцевъ, въ догонку за оренбуржцами.

Оренбургскій отрядъ (9 ротъ, 9 сотенъ, 6 конныхъ орудій, 2 орудія для тыльнаго укрѣпленія и 4 мортиры, съ 89 челов. прислуги), въ составѣ 3461 человѣкъ и 1797 лошадей, былъ въ изобиліи снабженъ всѣмъ необходимымъ. Заботливость генерала Крыжановскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, казалось, не упустила ничего, что могло, такъ или иначе, облегчить солдату степныя невзгоды. Поэтому мы приведемъ здѣсь подробности снаряженія оренбургскаго отряда, какъ образецъ для будущихъ экспедицій.

Всѣ люди снабжены были отъ интендантства: 1) полушубками въ 3 р. 70 коп. на человѣка, 2) мѣховыми воротниками по 90 коп. 3) валенками, обшитыми кожею по 2 р. 35 коп. *), 4) третьей парой сапогъ съ голенищами въ 12 вершковъ, 5) кошмой для подстилки, по 1½ аршина на человѣка, 6) мѣдными чайниками, по одному на 10 человѣкъ, 7) юламейками, приблизительно по одной на 10 человѣкъ—всего 391 **). Сверхъ того войскамъ было отпущено: чаю по ¹/₃ фунта на 100 чел. въ сутки, сахару 1 фун. въ сутки на 100 чел.; а въ лѣтніе мѣсяцы, взамѣнъ спирта, давалось: 1 фун. чая и 3 фун. сахару въ день на 100 чел.; спирту по 2 чары на человѣка въ мѣсяцъ до 1-го мая и потомъ съ 1-го сентяб. по 1-е октября; на чайную посуду,

*) Теплыя портянки по 2 пары, варешки, по 2 гимнастическихъ рубахи и набрюшника были заготовлены средствами самихъ войскъ; котелки-манерки для воды обшиты кошмой, чтобы вода не нагрѣвалась.

**) Въ томъ числѣ для штаба и лазарета.

т. е. на чашки выдано по 3 коп. на человѣка; мяса по 1 ф. въ день (на счетъ приварочныхъ въ $6^3/_4$ коп.); затѣмъ небольшое количество солонины, сушеной капусты и 15,000 порцій консервовъ: картофельная крупа Китары, сухія щи Данилевскаго, сухари кн. Долгорукова и бульонъ Либиха; на случай порчи луку отъ морозовъ, отпущенъ лавровый листъ по 3 фунт. на 100 человѣкъ.

Мѣстное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ заготовило на свои средства: госпитальнаго бѣлья на 50 челов. и 3 повозки для больныхъ. Сверхъ того оно ассигновало своему довѣренному при отрядѣ 3000 р. Въ пѣхотѣ было устроено средствами войскъ по двое носилокъ на роту—всего 18.

Артиллерійское вѣдомство снабдило войска: 1) тремя комплектами боевыхъ патроновъ, и зарядовъ со снарядами; 2) 15 пудами пороха для минъ; 3) 20 саж. сосиса для зажиганія минъ. Кромѣ того въ оренбургскомъ артиллерійскомъ полуарсеналѣ заготовлены были сани и сбруя подъ свозъ 4-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона, отправлявшагося въ Казалинскъ, а также 16 складныхъ кроватей и вьючныхъ креселъ для возки больныхъ, по парѣ на батальонъ. Кровати скоро поломались.

Инженерное вѣдомство отпустило: 1) 8 трубчатыхъ колодцевъ забивныхъ Нортона и винтовыхъ Франка и Буксгевдена, 2) два моста—одинъ понтонный, а другой на козлахъ; 3) инструменты и матеріалы для возведенія укрѣпленій, а именно: 300 лопатъ желѣзныхъ, 100 кирокъ, 15 ломовъ, 50 плотничьихъ топоровъ, походную кузницу, 500 мѣшковъ для одежды крутостей, трамбовки, полосовое желѣзо, древесный уголь, шнуръ для трасировки укрѣпленій, веревки и т. п. Колодцы оказались негодными и брошены на Эмбѣ. Понтоны не были взяты, по неимѣнію къ нимъ дрогъ на зимнемъ ходу. Мостъ на козлахъ былъ распиленъ для удобства вьючки.

Медицинское вѣдомство снабдило войска лазаретными вещами по штату и сверхъ того учредило центральный подвижной лазаретъ на 50 человѣкъ, который былъ снабженъ всѣми припасами и противо-цынготными средствами на 6 мѣсяцевъ. Для помѣщенія же больныхъ отпущено 12 кибитокъ съ желѣзными печами, а лазаретъ Эмбенскаго поста увеличенъ на 15 мѣстъ. Для перевозки больныхъ отпущено по 2 троечныхъ фургона на батальонъ и 2-ю батарею, да общество Краснаго Креста дало 3 троечныхъ крытыхъ повозки на дрогахъ.

Пѣхота и артиллерійская команды были подвезены отъ Оренбурга и Орска до Эмбенскаго поста на 524 пароконныхъ подводахъ, на коихъ везлось и все путевое довольствіе этихъ войскъ до названнаго поста. За каждую подводу уплачено было 60 руб.

Продовольственныхъ припасовъ и прочихъ тяжестей доставлено изъ Оренбурга, Орска и Уральска въ Эмбенскій постъ 151,690 пудъ. Зимная доставка отъ Орска и Оренбурга обошлась по 1 р. 50 к. съ пуда, отъ Уральска же—1 р. 78¾ к. Лѣтняя перевозка (послѣ 1-го мая) по 42¹²/₁₀₀ коп.

Для поднятія отрядныхъ тяжестей и перевозки продовольственныхъ запасовъ, вслѣдъ за отрядомъ, потребовалось 10,319 верблюдовъ. На каждаго вьючилось до 17 пуд. ⅝ и на 5—7 верблюдовъ состояло по одному лаучу-вожатому.

4970 верблюдовъ, поднявшихъ тажести изъ Эмбенскаго поста, наняты были на 2½ мѣсяца по 23 рубля въ мѣсяцъ, а потомъ еще на полъ-мѣсяца за 9 рублей, т. е. за 3 мѣсяца по 66 руб. 50 коп. каждый верблюдъ. 1405 верблюдовъ, носившихъ продовольствіе вслѣдъ за отрядомъ, наняты тоже по 23 р.; 1590 верблюд., доставившихъ 2-мѣсячный запасъ изъ г. Иргиза и съ Эмбенскаго поста въ Ургу, наняты по 22 р. 90 к., другіе 1590 по 17 р. 75 к. въ мѣсяцъ. 764 верблюда, доставившіе мѣсячный запасъ довольствія для мангышлакскаго отряда изъ Иргиза въ Ургу, выставлены по наряду киргизами Иргизскаго уѣзда, съ платою по 20 руб. въ мѣсяцъ. 4000 верблюдовъ, оставленные при отрядѣ въ хивинскихъ предѣлахъ, наняты по 18 р. въ мѣсяцъ; цѣна понижена при разсчетѣ на дешевизну содержанія при подножномъ кормѣ.

Такимъ обр.	за 4,970	верблюдовъ	уплач. въ	3 мѣс.	330,305 р.
„	1,405	„	„	„	32,315 „
„	1,590	„	„	„	28,222 „ 50 к.
„	1,590	„	„	„	36,410 „
„	764	„	„	„	15,280 „
„	4,000	„	„	„	216,000 „
Всего за 14,319 верблюдовъ уплачено . . .					658,532 р. 50 к.

Изъ этого числа верблюдовъ 4,000 оставлено при отрядѣ прежнихъ, показанныхъ уже въ числѣ 10,319.

Продовольственныхъ припасовъ было заготовлено:

а) На путевое довольствіе войскъ до Эмбенскаго поста	сухарей	633	четв.
	крупъ	100	„
б) 80-дневный запасъ на дальнѣйшій походъ	муки	525	„
	сухарей	2,522	„
	крупъ	521	„
в) 30-дневный, высланный изъ Эмбенскаго поста вслѣдъ за отрядомъ	сухарей	913	„
	крупъ	162	„

г) 60-дневный на довольствіе въ хивинскихъ предѣлахъ и при обратномъ движеніи до Каратамака (до 1 сентября) . . . . сухарей 1,826 „
крупъ 324 „

д) 2-недѣльный запасъ на путь отъ Каратамака до Эмбенскаго поста съ 1-го сентября . . . . . сухарей 426 „
крупъ 76 „

е) 20-дневный на путь отъ Эмбенскаго поста до линіи . . . . . сухарей 608 „
крупъ 108 „

Всего же . . муки 525 четв.
сухарей 6,928 „
крупъ 1,291 „

ж) Для Мангышлакскаго отряда (въ 1,500 ч.) на 1 мѣсяцъ . . . . . муки 200 „
сухарей 450 „
крупъ 114 „

Стоимость всего количества провіанта . . . . . 81,544 р. 59 к.
Приварочныхъ денегъ на 3,374 чел. за 42 дня по $6^3/_4$ к. . . . . 9,565 р. 29 к.
На то же число за 185 дней (въ Хивѣ и обратно) . . . 42,132 „ 82 „
51.698 р. 11 к.

Спирту по 6 чаръ до 1 мая и по 2 чары съ 1 сентября по 1-е октября, а также 87 офицерамъ на все время похода 593 ведра *) . . . . . 3,706 р. 25 к.
Чаю 4,888 фунтовъ (по 79 к.) . . . . . 3,861 „ 52 „
Сахару 366 пудовъ (по 9 р. пудъ) . . . . . 3,294 „ — „
Капусты сушеной 136 пудъ **) . . . . . 2,927 „ $16^1/_2$
Консервы съ доставкой отъ Оренбурга до Казалинска и Эмбы ***) . . . . . 987 „ 88 „
Наувеличеніе приварочнаго довольствія казакамъ****) 675 „ — „
Итого . . 67,149 р. $92^1/_2$ к.

На продовольствіе 1,747 лошадей заготовлено:
а) до Эмбенскаго поста . . . овса 2,313 четв.
б) 80-дневный запасъ . . . . . 8,239 „
сверхъ того на случай замѣны сѣна еще . . . . . 1,500 „

*) Въ томъ числѣ 321 ведро, стоимостью въ 2006 р. 44 к., отпущено изъ 200,000 р. экстраординарной суммы, въ видѣ усиленной дачи въ холодное время.

), *), ****). Эти статьи уплачены изъ 200,000 р. экстраординарной суммы.

в) 30-дневный изъ Эмбенскаго поста	2,873	„
г) 60-дневный до 1 сентября . . .	5,746	„
и взамѣнъ сѣна	1,000	„
д) 2-недѣльный на путь отъ Карата-мака до Эмбы	1,340	„
е) 20-дневный отъ Эмбы до линіи .	1,914	„
Всего . . .	24,925	четв.

Овесъ обошелся въ 106,835 р. 10 к. На сѣно отпущено 41,322 р.; на 600 лошадей Мангышлакскаго отряда отпущено 1,300 четвертей овса на 7,124 р. Итого 155,281 р. 10 к.

Натуральные и денежные раціоны генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и класснымъ чиновникамъ *) 31,250 р.

Перевозка.

а) Изъ Оренбурга 60,290 пуд. $20^1/_2$ ф. по 1 р. 50 к. Мякинькову	90,435	р.	$76^3/_4$
б) Изъ Орска 36,024 п. 20 ф. по 1 р. 50 к. Мякинькову	54,066	„	75 к.
в) Изъ Уральска 4,091 пуд. 5 ф. по 1 р. $76^3/_4$ к. Мякинькову	7,231	„	$6^1/_4$
г) Изъ Оренбурга 279 пароконныхъ подводъ подъ войска	16,740	„	— „
д) Изъ Орска 245 пароконныхъ подводъ подъ войска	14,700	„	— „
е) За 10,319 верблюдовъ уплочено	442,532	„	50 „
ж) „ 4,000 „ „	216,000	„	— „
з) Изъ Оренбурга 2-мѣсячный запасъ 51,284 пуда 20 ф. по $42\frac{12}{100}$ коп. Попову	21,601	„	3 „
Всего . . .	863,478	р.	11 к.

Вещевое довольствіе.

а) На починку старыхъ и покупку новыхъ юламеекъ	17,175	р.	— к.
б) „ покупку подстилочной кошмы	7,170	„	54 „
в) „ баклаги для воды	21,742	„	32 „
г) „ прочія вещи и припасы	16,250	„	81 „
д) „ укупорку	1,137	„	50 „
е) 4-му Туркест. стрѣлк. батал. на теплую одежду и холщевые мѣшки	6,182	„	44 „
ж) Казакамъ на теплую одежду	10,487	„	55 „
з) Прочимъ войскамъ на то же	10,514	„	41 „
и) На деревянныя вещи для центральнаго лазарета и на усиленіе Эмбенскаго лазарета	691	„	5 „
Итого . . .	91,351	р.	62 к.

*) Эта статья уплачена изъ 200,000 р. экстраординарной суммы.

Денежное довольствіе.

а) На снаряженіе батальонныхъ лазаретовъ на 7 мѣсяцевъ	713 р. 75 к.
б) На лѣкарство казакамъ	209 „ 60 „
в) На прогоны и пособія разнымъ лицамъ . .	28,040 „ 11½
г) На ремонтъ и фуражъ вьючныхъ лошадей для одной батареи и 9 сотенъ на 7 мѣсяцевъ .	21,600 „ — „
д) Разность содержанія по усиленнымъ окладамъ противъ обыкновеннаго	13,206 „ — „
е) Чиновникамъ и нижнимъ чинамъ интендантскаго вѣдомства	5,242 „ 39 „
ж) На укупорку артиллерійскихъ припасовъ . . .	273 „ 67 „
з) Начальнику отряда на экстраординарные расходы	25,000 „ — „
Итого . . .	94,285 „ 54½
и) Сверхъ того на устройство понтоннаго моста, покупку шанцеваго инструмента, холщевыхъ мѣшковъ—выдано	1,797 „ 12 „
і) За сани и сбрую для 4-го Туркест. стрѣлк. батал., а также за кровати и кресла для раненыхъ и за вьючные ящики для зарядовъ	4,443 „ 68 „
к) На наемъ чабаровъ для полевой почты	8,303 „ — „
л) „ „ лазутчиковъ	4,000 „ — „
м) „ покупку подарочныхъ вещей	3,000 „ — „
н) „ довольствіе и награды джигитамъ	3,000 „ — „
о) „ канцелярскіе расходы походнаго штаба . .	600 „ — „
п) Топографамъ на тарантасъ для хронометра, верховыхъ лошадей и прочее	2,718 „ 48 „
р) Священнику на церковныя принадлежности .	143 „ 35 „
с) За подводы и топливо, выставленныя киргизами для 4-го Туркест. стрѣлк. батальона . . .	5,192 „ 70 „
т) На топливо киргизамъ Илецкаго уѣзда . . .	2,761 „ 56 „
у) „ „ и освѣщеніе въ Донгузѣ и Эмбенскомъ постѣ	1,766 „ 72 „
ф) На остальные расходы (эстафеты, сушеную капусту тыльнымъ отрядамъ и прочее)	1,793 „ 5 „
Итого	39,519 р. 66 к.
Всего же . .	1.475,558 р. 66 к.

Изъ этой суммы на счетъ Туркестанскаго округа падаетъ 20,499 р. 82 к. за передвиженіе 4-го Туркестанск. стрѣлковаго батальона и 29,800 р. на Кавказскій округъ за мѣсячное довольствіе мангышлакскаго отряда.

Перейдемъ къ подробностямъ снаряженія оренбургскаго отряда.

Юламейки разсчитаны были по одной на 10 челов. нижнихъ чиновъ, по одной на 3 офицеровъ, по одной каждому ротному и сотенному командиру, по 3 каждому батальонному командиру со штабомъ и 19 для отряднаго штаба.

Для продовольствія отряда на весь походъ отправлено было на Эмбу: муки 525 четвертей; сухарей 6,928 четвер.; крупъ 1,291 четвер.; овса 23,425 четвер.; спирта 593 ведра; чаю 4,888 фунтовъ; сахару 366 пуд.; сушеной квашеной капусты 136 пудовъ. Этотъ запасъ обезпечивалъ отрядъ: сухарями, крупой и овсомъ на 222 дня, чаемъ, сахаромъ и капустой на 180 дней, а спиртомъ по 1-е мая, т. е. на 30 дней, считая, что съ Эмбы отрядъ долженъ былъ выступить около 30 марта. Съ 1 мая по 1 сентября предполагалось спиртъ замѣнить чаемъ.

На случай, еслибы нельзя было достать мяса, выписаны были изъ Петербурга слѣдующіе консервы:

Картофел. крупа (суррогатъ саго) професс. Киттары .	4,000 порцій
Сухіе щи доктора Данилевскаго	663 „
Сухари-щи князя Долгорукова	5,577 „
Мясной экстрактъ Либиха	2,500 „

На случай, если бы лошадямъ пришлось давать усиленную дачу овса (при недостаткѣ подножнаго корма или сѣна), въ Эмбенскомъ посту заготовлено было 1,500 четвертей овса, изъ коихъ 1,000 четвертей должны были быть присоединены къ 80-дневному запасу, слѣдующему за отрядомъ, а 500 четвертей останутся на Эмбѣ.

Для предупрежденія цынги отпущено было, на основаніи составленной особою коммисіей табели:

Уксусной эссенціи 1,020 бутылокъ; круту *) 800 пудовъ; луку рѣпчатаго 306 пуд.; хрѣну сушенаго 15 пуд. 15 фун.; перцу стручковаго 10 пуд. 10 фунт.; перцу зернистаго 5 пуд. 5 фун.; соли поваренной 253 пуд.; табаку курительн. махорки 501 пуд.; мыла простого 253 пуд.

До 1868 года издавна отпускалось командиру оренбургскаго корпуса 25,000 рублей ежегодно на заготовленіе экспедиціонныхъ вещей для степныхъ отрядовъ. Въ 1867 г. отпускъ этотъ былъ прекращенъ, и вещи опредѣлено заводить на счетъ соотвѣтствующаго параграфа интендантской смѣты.

Благодаря этому оренбургскій отрядъ былъ снабженъ весьма роскошно и вещами. Такъ ему было отпущено: кухонный комплектъ по 6 на 150 челов. и 2 въ запасъ, всего на 1,950 челов.,

*) Крутъ—овечій сыръ киргизскаго приготовленія, въ видѣ весьма крѣпкихъ небольшихъ шариковъ. Если его растолочь и развести въ водѣ, то получается питье кисловатое.

кромѣ линейныхъ батальоновъ, которые завели на ротныя суммы по 2 котла на роту.

Котловъ чугунныхъ съ крышками, тагановъ желѣзныхъ, уполовниковъ, ковшей и вилокъ по 80 штукъ; топоровъ, мотыгъ и кирокъ по 136 штукъ; лопатъ желѣзныхъ 400 штукъ, лопатъ деревянныхъ 204 штуки, косъ-горбушъ для камыша и корытъ желѣзныхъ по 120 штукъ; вѣсовъ и ливеровъ бѣлой жести по 20 штукъ; ножей кухонныхъ 50; ложекъ деревянныхъ 1,000; баковъ деревянныхъ для казаковъ 100, ведеръ желѣзныхъ 160, бочатъ въ 3 ведра 34, чарокъ бѣлой жести 112, баклагъ для воды 4-ведерныхъ *) 3,723, воронокъ къ нимъ 163, чайниковъ мѣдныхъ (въ 6 фунт. каждый) 340, мѣдныхъ мѣръ въ 1¼ ведра 19, бредней для ловли рыбы 5, гвоздей однотесу 800, рогожъ 1,868, веревокъ 5,111 саженъ.

Казалось бы, нечего уже и придумать,—все есть. Однѣхъ веревокъ взято въ походъ болѣе десяти верстъ. Но оренбуржцы рѣшились превзойти самихъ себя, точно въ вознагражденіе за лишенія, испытанныя въ неудачную экспедицію Перовскаго. Мѣстное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ заготовило на свои средства госпитальнаго бѣлья на комплектъ въ 50 больныхъ, купило 3 машины для приготовленія льда, 3 тарантаса, устроило 50 носилокъ, 50 пологовъ отъ мухъ. Затѣмъ отпустило еще: чаю 97 фунтовъ, сахару 25 пудовъ, сгущеннаго молока 50 банокъ, клюквеннаго экстракта Жданова 61 большихъ бутылокъ, уксусной эссенціи 60 бутылокъ, карболовой кислоты 1 пудъ, табаку 1½ пуда, сигаръ 3,000 шт., папиросъ 4,000 шт., рому и коньяку по 30 бутыл., хересу 50 бутылокъ, штемпельныхъ конвертовъ и бланковъ открытыхъ писемъ по 500 штукъ.

Заботливость и вниманіе общества не упустили изъ вида не только предметовъ необходимости, не только канцелярскихъ принадлежностей для сношенія будущихъ раненыхъ съ родными, но и предметовъ развлеченія, какъ шашешницы, журналы, газеты. Уполномоченному своему общество выдало еще на экстраординарные расходы 3,000 руб. серебр.

По части артиллерійскаго вѣдомства было доставлено на Эмбу для артиллерійскаго парка:

Боевыхъ патроновъ къ игольчатымъ винтовкамъ **) . . . 334,800
„ „ „ 6-линейнымъ винтовкамъ . . . 23,200

*) Изъ этого числа полагалось: въ пѣхотѣ по одной на 20 человѣкъ, а въ конницѣ по одной на 10 человѣкъ.

**) Пѣхота отряда вооружена была винтовками системы Карле, 6 оренбургскихъ и 1 уральская сотни имѣли старыя 7-линейныя драгунскія ружья со штыками, 2 уральскія сотни—6-линейныя бельгійскія.

Боевыхъ патроновъ къ 7-линейнымъ драгунскимъ . . . 81,200
„ „ „ пистолетамъ 270
Капсюлей ружейныхъ 125,700

Снарядовъ къ 4-фунтовымъ скорострѣльнымъ пушкамъ:
гранатъ обыкновенныхъ 600
„ полу-пудовыхъ 600
„ зажигательныхъ 120
„ картечныхъ 190
шарохъ 530
картечи 120
зарядовъ для мортиръ 1,200
„ въ 1½ фунта 1,271
„ для навѣсной стрѣльбы . . . 480
боевыхъ ракетъ 750
„ „ 2-дюймов. съ приводами 220
Пороху артиллерійскаго . . . . . 15 пудъ.

Къ двумъ пушкамъ 4-фунтовымъ стараго образца:
зарядовъ съ обыкновенными гранатами . 140
„ „ картечными „ . 110
„ „ картечью 50

Все это закупорено въ ящики отъ 6 пуд. 20 ф. до 7 пуд. 35 ф. вѣсомъ, чтобы на верблюда пришлось не болѣе 16 пуд. Кромѣ этого войска получили полный комплектъ боевыхъ патроновъ и снарядовъ по закону.

Надобно замѣтить, что за исключеніемъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, вооруженныхъ берданками, остальныя войска имѣли, до послѣдняго времени, шомпольныя ружья. Только ради хивинской экспедиціи высланы были игольчатки Карле во всѣ восточные пограничные округа: въ Оренбургъ 8,245, въ Ташкентъ 7,279, а въ Сибирь почему то 26,960. Кромѣ того туркестанской саперной ротѣ дали драгунскія винтовки системы Крынка.

Для переѣзда въ Казалинскъ 4-го Туркестан. стрѣлковаго батальона, оренбургскій полуарсеналъ изготовилъ 235 саней, по 50 на роту, а для офицеровъ 11 крытыхъ возковъ. На каждыя сани размѣщались по 4 чел. нижнихъ чиновъ со всѣми батальонными тяжестями, путевымъ довольствіемъ и 169,000 металлическихъ патроновъ.

Изъ этого подробнаго перечня читатель можетъ заключить, что оренбургскому отряду предстоялъ не походъ, а пріятная прогулка, точно на пикникъ! Хочешь половить рыбу—есть бредни. Хочешь прохладиться чѣмъ-нибудь кисленькимъ — вотъ тебѣ 800 пудовъ круту, 1,080 бутылокъ уксусной эссенціи и „ждановская жидкость“, т. е. клюквенный экстрактъ въ вольномъ пере-

водѣ. Хочешь „побаловать чайкомъ“ — изволь: сорокъ три верблюда тащатъ до 5,000 фунтовъ китайскаго зелья и 391 пудъ сахару. Хочешь „воскурить фиміамы“—500 пудовъ махорочки къ твоимъ услугамъ, да еще 3,000 сигаръ и 4,000 папиросъ. Хочешь подразнить негостепріимную степь воронежскими щами—вотъ тебѣ сухія щи Данилевскаго. Надоѣла тебѣ картофельная крупа Киттары, сухари кн. Долгорукова и „топоръ“ Либиха *), можешь отвести душу солонинкой съ „рассейскимъ“ хрѣнкомъ! Да это не походъ —объѣденіе!

А если принять во вниманіе, что ни одинъ человѣкъ не двинулся пѣшкомъ, а либо на конѣ, либо въ саняхъ, то сходство съ пикникомъ будетъ еще ближе.

Вопросъ стоялъ за тѣмъ, какъ довести до мѣста всѣ эти затѣи?

Перовскій въ 1839 году двинулся было еще съ большими затѣями,—только, какъ морякъ, онъ склоненъ былъ считать степь—„моремъ“ песку, моремъ снѣгу и потому нагрузилъ свои „корабли пустыни“, т. е. верблюдовъ, лодками, канатами, фальшфейерами для морскихъ сигналовъ между сухопутными эшелонами и т. д. Все это по безпутицѣ пришлось сжечь,—корабли не вынесли! Этотъ разъ, положимъ рѣшено было попытать счастья не зимнимъ, а весеннимъ походомъ, но если для этого Перовскому приходилось выступать изъ Оренбурга, Орска и Уральска осенью, чтобы поспѣть къ зимѣ на Эмбу, то теперь приходилось выступать зимой, чтобы поспѣть къ веснѣ. 151,690 пудовъ не шутка, и для экономіи въ верблюдахъ, ихъ запрягали въ сани, на которыя грузили отъ 17 до 22 пудовъ, тогда какъ на спинѣ верблюдъ не унесетъ болѣе 16. Хуже всѣхъ отправленъ былъ инженерный паркъ: не на саняхъ или повозкахъ, а на вьюкахъ. Вьючка длинныхъ штукъ затруднительна и обозъ отставалъ постоянно. Отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста считается 543¼ версты, отъ Орска 406¼, отъ Уральска или, вѣрнѣе, отъ р. Барбастау, чрезъ Уильское укрѣпленіе,—584½ вер. Цѣна за провозъ съ пуда была назначена: изъ Оренбурга и Орска—по 1 р. 50 к., а изъ Уральска по 1 р. 76¾ к. Ко дню выхода отряда съ Эмбы (около 30 марта) контрагентъ Мякиньковъ обязанъ былъ выставить 4,970 верблюдовъ, для слѣдованія съ отрядомъ, и 1,405 для тыльнаго мѣсячнаго запаса, – въ предположенномъ къ устройству полевомъ укрѣпленіи у мыса Урги. Оборотъ съ верблюдами долженъ былъ произойти такой: 30 марта выступятъ съ Эмбы 4,970 верблюд. съ отрядными тяжестями, 10 апрѣля

*) Извѣстно, что Либиховъ экстрактъ самъ по себѣ не годится: онъ только приправа и, чтобы сварить изъ него бульонъ, надо положить въ котелъ: мяса, сала, перцу, соли, пожалуй, кореньевъ, картофелю и зелени. Если все это положено, то, конечно, вмѣсто Либихова экстракта можно положить и топоръ,—все равно супъ будетъ на славу!

выступятъ 907 верблюд., съ мѣсячнымъ запасомъ, для тыльнаго укрѣпленія на Ургѣ. Здѣсь, т. е. на Ургѣ, будутъ оставлены отрядомъ всѣ освобождавшіеся отъ тяжестей верблюды, которые и будутъ доставлять запасы отъ Урги къ отряду, а прибывшіе съ Эмбы 907 верблюд. возвратятся опять на Эмбу, откуда и перенесутъ еще 2-мѣсячный запасъ, выступивъ 25 мая—1 іюня. Транспортъ этотъ прикрывается казаками, а выходящій изъ Урги къ отряду конвоируется одною ротой, двумя сотнями и двумя орудіями.

Этими мѣрами отрядъ обезпечивался до 15 сентября. Чтобы дополнить картину заботливости генерала Крыжановскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, необходимо сказать еще о томъ, какія распоряженія сдѣланы были для доставленія людямъ на ночлегахъ всевозможныхъ удобствъ.

Весь путь отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста чрезъ Илецкую защиту (въ 543¼ вер.) раздѣленъ былъ на 20 переходовъ, а чрезъ Акъ-Тюбинское укрѣпленіе на 16 переходовъ; путь отъ Орска (въ 406¼ вер.)—13 переходовъ, отъ Уральска (въ 584½ вер.) на 22 перехода. Первый, второй и послѣдній пути давали каждый по одной дневкѣ: въ Илецкой защитѣ, въ Акъ-Тюбинскомъ и Уильскомъ укрѣпленіяхъ; на остальныхъ дневокъ не было. На каждомъ ночлегѣ киргизы должны были выставить, за извѣстную плату, отъ 30—40 кибитокъ, а топливо кизякъ—по 12 к. за пудъ, причемъ снѣгъ изъ кибитокъ долженъ быть выгребенъ, а полъ устланъ сѣномъ, стѣны кибитокъ снаружи должны быть завалены снѣгомъ. Топливо должно быть доставлено только на одинъ ночлегъ (съ 5 час. вечера до 8 утра), а на случай бурана аулы должны имѣть запасъ еще на сутки. Для продажи войскамъ киргизы должны выставить также скотъ и до 600 пуд. сѣна, а гдѣ запасовъ сѣна не окажется, тамъ замѣнять его овсомъ изъ запаса въ 1,000 четвертей, который везется при отрядѣ. Мясо продавалось по 25 к. фунтъ, а сѣно отъ 30—50 к. пудъ. Эшелоны встрѣчаются на ночлегахъ старшинами сосѣднихъ ауловъ, а на походѣ сопровождаются волостными управителями и другими должностными лицами изъ киргизовъ. Для указанія пути и для разныхъ порученій вызвано было отъ Тургайской и Уральской областей 100 чел. джигитовъ-волонтеровъ, изъ наиболѣе зажиточныхъ и надежныхъ киргизъ.

Надо отдать полную справедливость оренбургскому начальству: лучше этого нельзя было снарядить экспедицію; придумать что-нибудь еще для удобства людей тоже, кажется, нельзя. Честь и слава Крыжановскому!

Передъ выступленіемъ генералъ Крыжановскій отдалъ по округу слѣдующій приказъ: „Предписываю начальникамъ войскъ, входящихъ въ составъ отряда, высылаемаго отъ ввѣреннаго мнѣ

округа, къ берегамъ Аральскаго моря, обратить особенное вниманіе на знаніе всѣми подвѣдомственными имъ чинами правилъ сторожевой службы, равно и на строгое ихъ соблюденіе при походныхъ движеніяхъ и остановкахъ, ввѣренныхъ имъ войскъ, отъ Эмбенскаго поста далѣе по назначенію, какъ необходимаго условія для обезпеченія себя отъ нечаянныхъ нападеній со стороны хищниковъ и для сохраненія въ цѣлости своего обоза, продовольственныхъ припасовъ, транспортныхъ животныхъ и казачьихъ табуновъ.

„Въ то же время, имѣя въ виду, что для успѣха дѣйствій отряда, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, необходимо, чтобы войска дошли до него свѣжими и бодрыми, предписываю всѣмъ начальникамъ частей, не исключая и младшихъ, а равно и находящимся при войскахъ врачамъ, обратить самое строгое вниманіе на все, что можетъ сберечь здоровье и сохранить силы и бодрость духа ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Въ этихъ же видахъ принять надлежащія мѣры, чтобы пища нижнихъ чиновъ была сколь можно болѣе питательна и здорова, чтобы мясо давалось, непремѣнно, не менѣе одного фунта въ сутки на человѣка, не исключая и въ постные дни, а также, чтобы оно было всегда свѣжее и хорошаго качества.

„Вмѣняю также въ обязанность начальникамъ частей обращать должное вниманіе на сохраненіе въ надлежащей исправности, во ввѣренныхъ имъ частяхъ, какъ холоднаго, такъ особенно огнестрѣльнаго оружія, а равно и на умѣнье подвѣдомственными имъ нижними чинами обращаться съ своимъ оружіемъ.

„Дабы казачьи сотни во время похода находились постоянно въ возможно полномъ составѣ, предписываю какъ главному начальнику отряда и начальнику кавалеріи, такъ и сотеннымъ начальникамъ, имѣть постоянно наблюденіе, чтобы отъ казачьихъ сотенъ не дѣлался нарядъ вѣстовыми къ лицамъ и мѣстамъ, коимъ таковыхъ не положено имѣть по закону, а также и въ другія нестроевыя должности.

„Главному же начальнику отряда предлагаю, передъ выступленіемъ изъ Эмбенскаго поста, утвердить нарядъ вѣстовыхъ, какъ отъ пѣхоты, такъ и отъ казаковъ и батареи, въ отрядный штабъ, управленія онаго, и въ другія мѣста, ограничивъ его самою крайнею необходимостію и имѣя въ виду, что строевымъ офицерамъ дозволяется давать вѣстовыхъ изъ тѣхъ частей, въ какихъ они состоятъ, въ томъ случаѣ, если они не имѣютъ деньщиковъ. Для того же, чтобы чины, наряжаемые вѣстовыми, не отставали отъ фронта, требовать, чтобы они перемѣнялись, ежели не каждый день, то непремѣнно черезъ нѣсколько дней. Засимъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы, сверхъ утвержденнаго главнымъ

начальникомъ отряда наряда, вѣстовыхъ ни въ какомъ случаѣ никуда не наряжать.

„Предписываю также наказнымъ атаманамъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ обратить строгое вниманіе, чтобы всѣ строевые казаки, при выступленіи съ линіи въ степной походъ, имѣли вполнѣ способныхъ и надежныхъ къ службѣ лошадей. Для безотлагательной же замѣны на мѣстѣ строевыхъ лошадей, утраченныхъ въ походѣ казаками, по случаямъ, указаннымъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1870 г. за № 275, предлагаю наказнымъ атаманамъ отпустить изъ войсковаго военнаго капитала, въ вѣдѣніе командировъ сотенъ, на вышеупомянутый предметъ примѣрную сумму денегъ; издержанныя же на покупку утраченныхъ лошадей деньги будутъ возвращены, на основаніи вышеупомянутаго приказа № 275, изъ экстраординарной суммы.

„Для уменьшенія обоза, слѣдующаго при войскахъ, разрѣшаю имѣть въ походѣ офицерскихъ повозокъ: генераламъ не болѣе двухъ, штабъ-офицерамъ по одной, а оберъ-офицерамъ одну на двоихъ, причемъ предлагаю главному начальнику отряда, при выступленіи войскъ съ Эмбенскаго поста, повѣрить находящійся при нихъ офицерскій обозъ.

„Объявляя о вышеизложенномъ по войскамъ ввѣреннаго мнѣ округа, остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ чины экспедиціоннаго отряда, высылаемаго изъ оренбургскаго военнаго округа, при соблюденіи всѣхъ изложенныхъ выше условій и строгомъ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, окончатъ предстоящій имъ нелегкій походъ вполнѣ успѣшно и со славою, исполнивъ тѣмъ священную волю государя императора“.

Таково было напутственное слово заботливаго начальника.

Части войскъ оренбургскаго отряда предполагалось двинуть: 4-мя эшелонами изъ Оренбурга, 4 эшелонами изъ Орска и 1-мъ эшелономъ изъ Уральска. Движеніе изъ Оренбурга должно было начаться 13 февраля, изъ Орска 20-го, изъ Уральска 15-го. На самомъ дѣлѣ уральскія сотни выступили только 24 числа, „вслѣдствіе неготовности перевозочныхъ средствъ. Эшелоны должны были придти на Эмбу между 3 и 9 марта. Первымъ выѣхалъ въ походъ 4-й Туркестан. стрѣлков. батальонъ; 9 января двинулся обозъ его, а 20-го первый эшелонъ. Слѣдующіе три эшелона выступали черезъ два дня одинъ послѣ другого. Лошадей подъ свозъ батальона, по 118 штукъ, выставляли на каждой станціи до Орска мѣстные жители, а отъ Орска до Терекли, т. е. до границы между Оренбургскимъ и Туркестанскимъ округами,—киргизы Тургайской области, въ предѣлахъ же Туркестанскаго округа — киргизы Казалинскаго уѣзда. Кибитки, топливо и порціонный скотъ также выставлялся на ночлегахъ киргизами.

Киргизы такъ усердно служили въ этомъ случаѣ, что батальонъ,

не смотря на бураны и морозы, доходившіе до 30°, ѣхалъ отъ Орска, не отступая отъ маршрута. Въ этомъ отношеніи киргизы перещеголяли русскихъ, потому что въ промежуткѣ между Оренбургомъ и Орскомъ батальонъ встрѣчалъ постоянныя задержки въ казачьихъ станицахъ вслѣдствіе отсутствія полицейскихъ и всякихъ другихъ властей на пути слѣдованія, чрезъ что лошади выставлялись не своевременно.

19 февраля стрѣлки вступили въ Казалинскъ, оставивъ въ попутныхъ фортахъ только 3-хъ больныхъ и сдѣлавъ менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, переѣздъ въ 1,005 верстъ по степи!

Войска выступили, согласно маршрута, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго самимъ епископомъ. 13-го февраля первый эшелонъ изъ артиллерійскаго транспорта и мѣстной артиллерійской команды; 14-го второй, изъ 2-хъ сотенъ казаковъ и конной батареи; 15-го третій, изъ 2-хъ ротъ 1-го Ор. линейн. баталіона; 16-го четвертый, изъ 2-хъ ротъ 1-го Ор. линейн. баталіона.

Артиллерія состояла изъ четырехъ полупуд. мортиръ, двухъ 4-фунт. пушекъ и 6-ти ракетныхъ станковъ. Пѣхота и пѣшая артиллерія, на подводахъ, двинута была чрезъ Илецкую защиту на Акъ-Тюбя, а казаки съ конной артиллеріей вдоль р. Ховды.

24-го февраля выступили изъ Уральска 3 сотни казаковъ Уральскаго войска; наконецъ, изъ Орска съ 20-го по 25-е февраля, выступило также четыре эшелона (по двѣ сотни или по двѣ роты) чрезъ Акъ-Тюбя. Вышли всѣ 5 ротъ 2-го Оренбург. линейн. баталіона и 4 сотни Оренбургскаго казачьяго войска. Всѣ шли къ Эмбенскому посту; оттуда къ западному берегу Аральскаго моря до мыса Ургe, куда должны были придти къ 1-му мая.

Глубокіе снѣга, морозы, бураны и разбитая обозами дорога, представлявшая цѣпь ухабовъ, точно соединились еще разъ, чтобы выручить Хиву изъ бѣды неминучей, но не смотря на все, это войска прибыли на Эмбенскій постъ 18-го марта, не позноб ивъ ни одного человѣка и только съ 45-ю больными. Транспорты съ артиллерійскими и интендантскими тяжестями испытывали иногда неодолимыя затрудненія; по цѣлымъ часамъ сидѣли они на какомъ-нибудь ухабѣ, изнурили лошадей и верблюдовъ до того, что большую часть тяжестей пришлось оставить на дорогѣ... Едва-едва онѣ были собраны и доставлены на Эмбу къ концу марта, вмѣсто 10-го числа.

Сами войска сознались, что успѣшнымъ движеніемъ своимъ они обязаны усердію и заботливости киргизовъ, которые выставляли на всякомъ ночлегѣ даже больше кибитокъ, чѣмъ было назначено, сѣна накладывали на полъ до полуаршина, а сверху застилали кошмами и отказались отъ платы. Мало того: во время особенно холодныхъ или бурныхъ почей, размѣщали

эшелонъ по ауламъ или въ собственныхъ землянкахъ. Волостные и аульные старшины постоянно шли съ отрядами и транспортами, и когда сани съ тяжестями останавливались въ сугробахъ, отъ изнуренія лошадей и верблюдовъ, припрягали къ нимъ своихъ, не соглашаясь брать за это никакого вознагражденія. Такое поведеніе людей, еще недавно волновавшихся изъ-за новаго положенія, указываетъ, конечно, на извѣстную перемѣну въ ихъ образѣ мыслей и должно быть поставлено въ заслугу дѣятелямъ народнаго управленія, но прежде всего и ближе всего надо воздать должное самимъ киргизамъ. Генералъ Крыжановскій обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою испросить Высочайшее соизволеніе на объявленіе Царскаго „спасибо“ киргизамъ тѣхъ волостей и ауловъ, которые содѣйствовали успѣшному движенію отрядовъ. Кромѣ того, наиболѣе отличавшихся усердіемъ и энергіею, а также и нѣкоторыхъ чиновъ уѣздныхъ управленій представить къ наградамъ. Ходатайство это было уважено, и „царское спасибо“ разнеслось по степи, какъ справедливая награда народу, дѣлившемуся и кровомъ, и тепломъ, и запасами съ нашимъ солдатомъ.

Первый эшелонъ съ тяжестями и три орскихъ эшелона опоздали противъ маршрута отъ одного до трехъ дней. Прибывшія на Эмбу части, за исключеніемъ 1-го Оренбург. линейн. баталіона, размѣщены были на правомъ берегу въ кибиткахъ (14 на роту, сотню и батарею). Роты 1-го баталіона помѣстились въ конюшнѣ, приспособленной для жилья, но отъ вони вскорѣ переведены въ кибитки.

Люди вынесли походъ превосходно. Больныхъ всего 44 челов., изъ коихъ въ 1-мъ баталіонѣ было до 21, да и то семеро изъ нихъ схватили гдѣ-то сибирскую язву *), не имѣющую ничего общаго съ трудностями похода. Между офицерами и солдатами встрѣчалось воспаленіе глазъ отъ рѣзкаго свѣта въ снѣжныхъ степяхъ и дыма отъ костровъ въ кибиткахъ. Для охраненія тыла отряда и предупрежденія безпорядковъ въ степи, сдѣланы были слѣдующія распоряженія: а) на Самѣ, какъ центральномъ пунктѣ между Каспіемъ и Араломъ, поставленъ наблюдательный постъ изъ 1 сотни и 1 роты; б) на Джебыске, для закрытія орско-казалинскаго тракта, оставлена 1 сотня; в) въ распоряженіе начальника Иргизскаго уѣзда, для наблюденія за Мугоджарами и Барсуками,—дана 1 сотня. Кавалерійскія части составлялись изъ полусотенъ, назначенныхъ на смѣну или смѣненныхъ въ укрѣпленіяхъ Нижне-Эмбенскомъ, Уильскомъ, Акъ-Тюбе и Тургаѣ.

Въ ожиданіи выступленія съ Эмбы, замедлившагося за недоставкою въ срокъ верблюдовъ, люди говѣли, занимались ученьями,

*) Командиръ баталіона думаетъ, что отъ мѣховыхъ воротниковъ.

гимнастикой и стрѣльбой, чтобы только не засиживались на мѣстѣ.

Для конвоированія запасовъ сдѣланы были слѣдующія распоряженія: въ Эмбенскомъ посту оставлена сотня, которая препроводитъ тыльный запасъ до Каратамака. На этомъ пунктѣ она останется, сдавъ транспортъ другой сотнѣ, которую здѣсь для того оставитъ отрядъ и которая отведетъ транспортъ въ Ургу. На Ургѣ транспортъ перегружается на верблюдовъ, оставленныхъ отрядомъ, и слѣдуетъ къ войскамъ, подъ прикрытіемъ 1 роты, 2 сотенъ и 2 орудій. Сотня, прибывшая съ Каратамака, конвоируетъ своихъ верблюдовъ назадъ.

Начальникомъ отряда назначенъ былъ генералъ лейтенантъ Веревкинъ; начальникомъ штаба, онъ же начальникъ пѣхоты, генеральнаго штаба полковникъ Саранчевъ; начальникомъ кавалеріи состоящій при генералъ-инспекторѣ кавалеріи полковникъ гвардейской конной артиллеріи Леонтьевъ; начальникомъ артиллеріи полковникъ Константиновичъ; начальникомъ инженерной части капитанъ Красовскій; завѣдыв. интендантскою частію капитанъ Эсмонтовъ. Всѣ эти капитаны и полковники пользовались правами начальниковъ дивизій, а напримѣръ „дивизія“ Красовскаго состояла изъ одного прапорщика и 4 унтеръ офицеровъ, а „дивизія“ Эсмонтова изъ 2 чиновниковъ, одного писаря и нѣсколькихъ вахтеровъ! Самъ Веревкинъ получилъ права командира отдѣльнаго корпуса. Аудиторовъ ему не назначили ни единаго.

Веревкинъ получилъ отъ Крыжановскаго инструкцію, одобренную предварительно военнымъ министромъ. Согласно съ инструкціей, Веревкинъ долженъ былъ: во-первыхъ, употребить всѣ мѣры, чтобы отрядъ достигнулъ предѣловъ Хивинскаго ханства (примѣрно уроч. Урге) въ половинѣ апрѣля; во вторыхъ, въ случаѣ нужды дѣйствовать самостоятельно; въ третьихъ, не вести никакихъ переговоровъ съ непріятелемъ; въ четвертыхъ, не останавливать своихъ дѣйствій, въ ожиданіи приказаній отъ генерала ф. Кауфмана, даже если бы хивинцы соглашались на всѣ наши требованія. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь извлеченіе изъ инструкціи, касательно этого важнаго обстоятельства, въ видахъ уясненія вопроса о томъ, имѣлъ ли Веревкинъ право взять Хиву, такъ сказать, между глазъ туркестанскаго отряда?

„Если бы обстоятельства принудили васъ,—говоритъ инструкція, — дѣйствовать самостоятельно, а между тѣмъ никакихъ свѣдѣній о присылкѣ войскъ туркестанскихъ и никакихъ приказаній отъ генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана I вами получено не было, то предоставляется вамъ... сдѣлать наступленіе къ г. Хивѣ и въ случаѣ надобности занять его“.

Въ случаѣ прибытія посланцевъ—инструкція предписывала отсылать ихъ къ генералу фонъ Кауфману, но „въ ожиданіи могущихъ послѣдовать отъ него распоряженій, вы не должны останавливать тѣхъ дѣйствій, которыя будутъ признаны вами необходимыми, для достиженія той или другой, указываемой обстоятельствами, цѣли“.—Это было обязательно даже и въ томъ случаѣ, если бы заявленіе посланцевъ заключалось въ полной готовности хивинскаго правительства въ точности исполнить всѣ наши требованія.

Надобно отдать справедливость составителю инструкціи: онъ точно предвидѣлъ возможность пререканій между начальниками отрядовъ изъ-за лавроваго вѣнка. Что хивинцы будутъ присылать въ отрядъ лазутчиковъ подъ видомъ посланцевъ, не снабженныхъ никакими оффиціальными полномочіями,—это предвидѣть было не трудно, ибо такая уловка е с т ь общая всѣмъ азіатамъ стратагема. Что хивинцы будутъ стараться вступать въ переговоры съ отдѣльными отрядами помимо Кауфмана, передъ которымъ имъ тяжело было унижаться послѣ столькихъ нахальныхъ противъ него выходокъ,—это также не трудно было угадать. Но могло бы случиться, что главнокомандующій захотѣлъ бы оставить львиную долю и честь послѣдняго удара для себя, и тогда каждое энергическое дѣйствіе подчиненнаго онъ счелъ бы за интригу, за подкопъ... Военная исторія полна примѣрами, что начальствующіе генералы соперничали съ подчиненными... Разсматриваемая инструкція развязывала руки оренбургскому отряду и снимала съ его начальника всякій упрекъ, въ случаѣ, если дѣйствія отряда будутъ болѣе удачны и болѣе энергичны, чѣмъ то можетъ быть желательно туркестанскому генералъ-губернатору... Этимъ Веревкинъ впослѣдствіи и воспользовался.

16 марта назначена была коммиссія для пріемки верблюдовъ отъ подрядчика, при чемъ обращалось вниманіе на здоровье, силы животнаго, годность сѣдла и достаточность веревокъ. Пришлось быть снисходительными, а не то отложить выступленіе съ Эмбы на $1^1/_2$ мѣсяца. Всего набралось годныхъ до 4,500 верблюдовъ.

Такъ какъ войска задержались на Эмбѣ дольше, чѣмъ предполагалось, изъ-за верблюдовъ и съѣли часть 80-дневнаго запаса, то пришлось измѣнить нѣсколько порядокъ слѣдованія продовольствія: войска брали съ собой провіанта на $2^1/_2$ мѣсяца и овса на 2 мѣсяца, а черезъ 15 дней за ними долженъ былъ идти тыльный запасъ съ мѣсячнымъ запасомъ крупъ и овса и полумѣсячнымъ сухарей и муки. Черезъ мѣсяцъ выступалъ еще транспортъ съ $1^1/_2$ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія и 2-мѣсячнымъ овса къ Ургѣ, какъ объ этомъ уже сказано выше.

На Эмбѣ прибавилась еще къ отряду сотня конницы, набран-

ная изъ зажиточныхъ киргизовъ о дву-конь. Строилась фронтомъ отвѣчала на привѣтствіе „Алда-яръ“ (Богъ-другъ), снимая шапки. Употреблялась она на разъѣзды, развѣдки и боковые патрули У нѣкоторыхъ джигитовъ были револьверы Кольта, у другихъ ружья, но большая часть вооружена была пиками и саблями. Служили даромъ. Свинецъ и порохъ имъ отпустили изъ казеннаго склада; первое время и овесъ продавали имъ казенный до появленія травы. Наняты были проводники по 50 руб. въ мѣсяцъ и чабары (почталіоны) по 25 руб. Знаютъ хорошо дороги въ степяхъ преимущественно барантачи, воры и разбойники. Для дальнѣйшаго похода, отрядъ раздѣленъ на 4 части: 1) авангардъ изъ 2 оренбургскихъ сотенъ, 2 ракетныхъ станковъ и 25 человѣкъ саперной команды отъ 1-го Оренебург. линейн. батальона, подъ руководствомъ 4 саперныхъ унтеръ-офицеровъ и капитана Крассовскаго, подъ начальствомъ поручика гр. Шувалова, адъютанта великаго князя Владиміра Александровича; 2) главныя силы, подъ начальствомъ самого Веревкина: изъ 8 ротъ, 1 оренбург. сотни, 3 сотенъ уральскихъ, 2-й конной батареи, 4 мортиръ и части артиллерійскаго и инженернаго парковъ; 3) транспортъ съ продовольствіемъ, остальными частями названныхъ выше парковъ и центральнымъ лазаретомъ, подъ прикрытіемъ 1 роты, 2 оренбург. сотенъ и 2 пѣшихъ орудій, подъ начальствомъ полковника Новокрещенова и 4) тыльный транспортъ съ продовольствіемъ.

26 марта выступилъ авангардъ налегкѣ съ 396 верблюдами. Сначала глубокій снѣгъ, а съ 1 апрѣля распутица сильно задерживали верблюдовъ, такъ что на рѣку Чеганъ прибылъ только 6 апрѣля. Для переправы связали плотъ изъ баклагъ, но въ ночь съ 7 на 8-е вода вдругъ убыла, такъ что 9 числа авангардъ перешелъ рѣку въ бродъ. Главныя силы выступили 30-го, а транспортъ 31 марта. Порядокъ движенія въ оренбургскомъ отрядѣ принятъ былъ такой: въ 5 час. утра подъемъ, люди закусываютъ и вьючатъ; выступленіе—какъ часть готова; дежурная сотня въ авангардъ и арьергардъ, по полусотнѣ; при авангардѣ офицеръ генер. штаба для выбора ночлега и разбивки лагеря, съ нимъ вожаки; за авангардомъ въ верстѣ войска и обозъ, независимо другъ отъ друга. Арьергардъ помогаетъ обознымъ; съ нимъ нѣсколько запасныхъ верблюдовъ. Къ авангарду, передъ ночлегомъ, высылались жалонеры: отъ пѣхоты офицеры, отъ казаковъ урядники. Лагерь ставился четыреугольникомъ: передній фасъ изъ артиллеріи и парковъ, на батарею 250 шаг., фланки изъ стрѣлковыхъ ротъ, отступя 75 шаговъ отъ парковъ, по 80 шаговъ на роту; задній фасъ изъ казаковъ—по 100 шаговъ на сотню. Между частями 10 шаговъ для прохода въ полѣ; передъ фронтомъ сначала вьюки, потомъ ружья въ козлахъ, потомъ юламейки для

нижнихъ чиновъ, потомъ офицерскія, потомъ верблюды съ лаучами, а въ центрѣ штабъ. Въ одномъ углу задняго фаса маркитанты, въ другомъ складъ Краснаго Креста. Пастбище обставлялось постами и при нихъ взводъ казаковъ. На ночь верблюды и лошади загонялись въ каре. Вокругъ лагеря казачьи посты съ поддержкой готоваго взвода. Остальныя мѣры охраны обыкновенныя.

При выступленіи главныхъ силъ оказалось, что ослабѣвшіе верблюды уже не поднимаютъ груза въ 17 пудовъ. Пришлось оставить на Эмбѣ часть тяжестей на 550 верблюдовъ, а съ колонной пошли только 1,346 штукъ. Веревкинъ донесъ Крыжановскому что онъ „не убѣжденъ въ томъ“, что ввѣренный ему отрядъ „въ состояніи будетъ выполнить возлагаемыя на него обязанности“. Надежда придти въ Хиву раньше другихъ отрядовъ уступила мѣсто мечтѣ: хоть бы не очень опоздать... Утѣшались впрочемъ тѣмъ, что туркестанцамъ и кавказцамъ предстояло идти по пескамъ и безъ воды,—авось это ихъ задержитъ!

Дальнѣйшее движеніе оренбургскаго отряда до Исенъ-Чагыла обошлось безъ особыхъ приключеній, если не считать, что чрезъ засыпанную снѣгомъ ложбину рѣчки Аты-Джаксы пришлось устроить плотину изъ утрамбованнаго снѣга, что 3, 4 и 5 апрѣля сильная грязь измучила людей и животныхъ и что при переходахъ въ бродъ чрезъ овраги, люди, по поясъ въ холодной водѣ, самоотверженно помогали верблюдамъ. 16 апрѣля отрядъ пришелъ на Исенъ-Чагылъ; травы было довольно, топлива также, вода сносная. Здѣсь стали ждать транспорта, который и прибылъ 19-го числа.

Отсюда пошли 4 эшелона: 1-й въ качествѣ авангарда, подъ начальствомъ Веревкина изъ 2 ротъ, 2 уральскихъ сотенъ, 4 конныхъ орудій и инженернаго парка—двинулся 20 апрѣля; 2-й подъ командой полк. Константиновича изъ 3 ротъ, 1 оренбургской сотни, 2 конныхъ орудій и артиллерійскаго парка, выступилъ 21-го числа; 3-й эшелонъ, подъ начальствомъ полк. Леонтьева, изъ 2 ротъ и 2 оренбугскихъ сотенъ выступилъ 22 числа; 4-й изъ общаго транспорта полк. Новокрещенова выступилъ 23 числа. Верблюды перевьючены подъ 12 пудовъ, если тюки позволяли. 21 числа Веревкинъ получилъ изъ Киндерли донесеніе полк. Ломакина отъ 7 числа о вступленіи оттуда 14 апрѣля и послалъ отвѣтъ, что придетъ на Ургу къ 1 мая. При движеніи по берегу аральскаго моря, люди пили морскую воду. 2 мая подошли къ кр. Джаны-Кала, которая оказалась брошенною 2 дня назадъ. Не доходя 8 верстъ спустились въ Айбугиръ. Шли въ этотъ день 40 верстъ, при 40° жары, безъ колодцевъ. Морская вода въ баклагахъ только распаляла жажду, и потому стали смачивать ею головы, спасаясь отъ солнечныхъ ударовъ. Съ половины перехода пѣхота

стала приставать... Казаки при обозѣ брали на сѣдла вещи отсталыхъ, сажали людей на крупы своихъ лошадей.... и вдругъ передніе наткнулись на арыкъ, несшій аму-дарьинскую воду къ Джаны-кала! Никто не слушалъ приказаній и надо было силою оттаскивать людей отъ воды... Послали баклаги въ пѣхоту, а затѣмъ и въ слѣдующіе эшелоны. 2, 3 и 4 мая пришли къ Джаны-Кала остальные эшелоны. Всѣ баснословные разсказы киргизовъ, будто по берегу идти нельзя, что отъ воды сильно слабитъ, что верблюды дохнутъ отъ ядовитыхъ мухъ и ядовитой,—травы оказались вздоромъ.

Число баклагъ сильно уменьшилось: онѣ разбивались при паденіи верблюдовъ или разсыхались, такъ какъ были сдѣланы наскоро изъ сырого лѣса. Верблюдовъ пало 297, на протяженіи 600 вер. отъ Эмбы до м. Урги. Изъ нихъ подрядчикъ вскорѣ пополнилъ 197. Люди вынесли походъ хорошо: больныхъ было 181 умеръ 1, выздоровѣло 155.

Въ Джаны-Кала, вслѣдствіе разосланныхъ Веревкинымъ 26-го, апрѣля изъ Касармы прокламацій, явились съ повинною наши, откочевавшіе въ 1869 г., киргизы: эсаулъ Султанъ Арслановъ (Каналы), Азбергень Мунайтасовъ, родственникъ Исета Кутебарова и др. Эсаулу было объявлено, еще до явки, черезъ присланныхъ имъ киргизъ, что онъ подлежитъ военному суду за измѣну. Тѣмъ не менѣе онъ явился. Веревкинъ велѣлъ его арестовать, но Исетъ Кутебаровъ, убившій въ 1855 году отца его, Арслана Джантюрина, просилъ отдать султана ему на поруки. Оба названные киргиза сдѣлались вожаками отряда по Хивинскому ханству и оказали множество услугъ.

Отрядъ отдохнулъ, верблюды подкормились молодымъ и сочнымъ камышомъ, люди вымыли бѣлье и выкупались. Отсюда Веревкинъ рѣшилъ идти на Кунградъ не по западному, а по восточному берегу Айбугира, который давно уже высохъ; такимъ образомъ отрядъ избавлялся отъ ненужнаго и тяжелаго похода по степи въ обходъ Айбугира.

Предположенное содѣйствіе отряду со стороны аральской флотиліи не состоялось, потому что суда не могли поднять достаточно топлива. Отрядъ напрасно пускалъ по ночамъ ракеты и раскладывалъ на берегу костры. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что флотилія стоитъ въ устьѣ Талдыка и не можетъ подняться по случаю прегражденія его плотинами, Веревкинъ послалъ капитану 1 ранга Ситникову приглашеніе прибыть въ отрядъ для соглашенія въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а конвоя ему не послалъ. Это была важная ошибка, которая привела къ катастрофѣ...

Ломакину тоже было послано предписаніе остановиться у конца Айбугира, если онъ дошелъ туда, и выслать сильные разъѣзды на дорогу между Кунградомъ и Куня-Ургенчемъ, для связи

съ оренбургскими разъѣздами, направленными туда же или занять Куня-Ургенчъ и выслать сильный отрядъ къ Кунграду. Словомъ, Веревкинъ разыгрывалъ уже роль главнокомандующаго...

Требуя остановки кавказцевъ на Айбугирѣ или въ Куня-Ургенчѣ, а затѣмъ совершенно ненужнаго движенія къ Кунграду, Веревкинъ очевидно хотѣлъ помѣшать имъ придти къ Хивѣ раньше его. Только подойдя самъ къ Кунграду и убѣдившись, что кавказцамъ его не перегнать, онъ пишетъ Ломакину отъ 7-го мая за № 354, чтобы онъ шелъ прямо на Ходжейли во флангъ и тылъ собравшимся тамъ хивинцамъ, а въ концѣ письма измѣнилъ это приказаніе, на всякій случай, и приказалъ идти на Ходжейли не прямо, а непремѣнно черезъ Кунградъ... Все-таки вѣрнѣе, что кавказцы не свернутъ на Хиву...

Передъ выступленіемъ изъ Джаны-Кала, Веревкинъ заложилъ рядомъ въ 600-хъ шагахъ, на арыкѣ, квадратный редутъ, съ закругленными бастіонами на 2-хъ углахъ по діагонали, поставивъ тутъ 1 роту, 1 сотню и 2 ракетныхъ станка. Здѣсь оставлены были: большая часть баклагъ, юламеекъ, инженерные инструменты и матеріалы, кромѣ нужныхъ для мостовъ и осадныхъ работъ, кровати, столы, ушаты и т. п. вещи центральнаго лазарета и всѣ укупорочные матеріалы, отъ израсходованныхъ провіанта, фуража и прочаго. Верблюдовъ пошло съ отрядомъ далѣе 2.394, съ грузомъ въ 12 пудъ, а 700 отправлено на Эмбу, за провіантомъ, но они не дошли до Эмбы, вѣроятно отпущенные подрядчикомъ съ дороги, и потому за нихъ было впослѣдствіи удержано при разсчетѣ съ подрядчикомъ со дня отправки изъ Джаны-Кала. Отрядъ выступилъ 6-го мая. Хлѣбныя и клеверныя поля давали отличный кормъ. 7-го числа налетѣлъ сильный песчаный буранъ, произведшій большую путаницу въ обозѣ и безпорядокъ въ войскахъ; вожаки сбились съ дороги. Отрядъ остановился въ 13 верстахъ отъ Кунграда—около сада вожака Азбергеня. 8-го мая Веревкинъ двинулся къ Кунграду, куда ночью вошелъ хивинскій отрядъ въ 1.500 человѣкъ, подъ командою Джасаула Мамыта. Впереди нашего авангарда шла партія джигитовъ, которые скоро дали знать, что хивинцы строятся позади Кунграда для встрѣчи, опираясь лѣвымъ флангомъ на лѣсокъ, а правымъ на Кунградъ. Послышалась и перестрѣлка у джигитовъ. Отрядъ перестроился въ ротныя колонны въ двѣ линіи; въ центрѣ первой 6 конныхъ орудій, казаки въ резервѣ за центромъ. Въ лѣсокъ направлена стрѣлковая рота 1 оренбургскаго линейнаго баталіона, занявшая его безъ выстрѣла. Видя, что хивинцы слишкомъ почтительно относятся къ пѣхотѣ, Веревкинъ послалъ 3 сотни казаковъ съ ракетами въ аттаку. Но хивинцы ушли и отъ казаковъ, которые преслѣдовали ихъ верстъ 6 по дорогѣ на Ходжейли. Отрядъ, шедшій слѣдомъ, правѣе

Кунграда, повернулъ назадъ въ Кунградъ, а тѣ 3 сотни остановлены на дорогѣ, въ видѣ авангарда. Въ Кунградѣ оказалась пустота, жители разбѣжались, крѣпостная стѣна въ развалинахъ, городъ тоже.

Это слѣды войнъ Ата-Мурата съ Хивою. Оренбуржцы разрушили ханскій дворецъ и домъ храбраго Джасаула Мамыта. На ночлегѣ получено донесеніе Ломакина, что 12-го числа онъ придетъ въ Кунградъ съ 12 ротами, 4 сотнями и 4 орудіями. У Веревкина же было тутъ всего на все 8 ротъ и 6 сотенъ при 6 орудіяхъ. Извѣстіе до того ободрило его, что онъ рѣшился даже оставить въ Кунградѣ 1 роту и 1 сотню, чего прежде боялся сдѣлать, а Ломакину написалъ, чтобы онъ оставилъ здѣсь тоже 1 сотню и 2 горныхъ орудія. Комендантомъ оставленъ полковникъ Новокрещеновъ, а помощникомъ ему назначенъ бывшій разбойникъ Исетъ Кутебаровъ *)... съ думой изъ 4-хъ туземцевъ: киргиза, каракалпака, узбека и туркмена изъ Кунграда. Въ этотъ же день, еще на пути къ Кунграду, Веревкинъ узналъ отъ киргизъ и персіянъ, что къ нему была послана небольшая команда отъ аральской флотиліи, съ проводникомъ—киргизомъ чикликскаго рода (къ которому принадлежалъ и нашъ Исетъ), біемъ Утенемъ, и что тотъ выдалъ русскихъ хивинцамъ.. Это было слѣдствіемъ остроумнаго приглашенія Веревкинымъ начальника флотиліи. Теперь только Веревкинъ сообразилъ наконецъ, что надо послать сильный разъѣздъ къ мѣсту стоянки флотиліи. Это всего 50 верстъ. Разъѣздъ нашелъ 11 обезглавленныхъ труповъ нашихъ моряковъ, арестовалъ семейство Утеня: жену и 2 дѣтей, а заложниковъ взялъ изъ чужого, сосѣдняго аула, гдѣ наняты были для русскихъ лошади. Утень же со своимъ ауломъ укочевалъ подальше... Такъ какъ Утеня разыскать не могли, то впослѣдствіи всѣ три заложника были разстрѣляны... Наказаніе пало на невинныхъ, содѣйствовавшихъ русскимъ для сношенія съ отрядомъ Веревкина!

Оказалось, что самъ Ситниковъ, получившій 28-го апрѣля рану во время перестрѣлки съ крѣп. Акъ-Кала, не могъ ѣхать къ Веревкину и послалъ къ нему 7-го мая 9 матросовъ, 1 топографа, 1 унтеръ-офицера подъ начальствомъ прапорщика корпуса штурмановъ Шебашева 2-го. Киргизъ Утень Мусабаевъ нѣсколько разъ являлся на флотилію, услуживалъ то тѣмъ, то сѣмъ, втерся въ довѣріе къ Ситникову и взялся проводить команду. Ему повѣрили. Онъ нанялъ лошадей, зазвалъ команду къ себѣ въ аулъ, на берегу рѣки въ 10 верстахъ отъ Кунграда, угостилъ, а когда всѣ заснули, зарѣзалъ... Одного тѣла не оказалось, а чьего—не-

*) Онъ прощенъ еще въ 1858 г., явившись съ повинною къ Катенину, тогдашнему оренбургскому генералъ-губернатору.

извѣстно. Подозрѣваютъ, что русскіе были опоены и спали крѣпко; ихъ шестилинейныя винтовки, комплектъ патроновъ, по 60 на каждаго, и головы достались убійцамъ... Головы отвезены въ Хиву и выставлены на площади.

Какъ служили намъ киргизы-джигиты въ качествѣ почтарей и курьеровъ, можно судить изъ примѣра, оставленнаго намъ киргизомъ Калъ-Ніязъ-Туркестановымъ: онъ былъ посланъ изъ Киндерли о-двуконь съ почтой въ Хиву; дорогой онъ сбился и попалъ на сарыкамышскій путь, котораго не зналъ. Разыскивая колодцы и страдая отъ жажды, онъ наконецъ зарѣзалъ обѣихъ лошадей и кровью ихъ утолялъ жажду... Когда этотъ источникъ изсякъ,—онъ зарылъ почту въ песокъ, воткнулъ рядомъ палку, надѣлъ на нее шапку, чтобы указать мѣсто, и тутъ же легъ умирать... Весьма возможно, что и Утень почту бы доставилъ безъ ущерба для нея, а передъ искушеніемъ въ 11 головъ устоять не могъ.

Нельзя ставить дикаго человѣка въ такія положенія своею безпечностію и самонадѣянностію. Начальникъ аральской флотиліи, вѣроятно, никогда не читалъ и не слыхалъ ни про Бековича-Черкасскаго, ни про Рукина, погибшихъ вотъ также простодушно и довѣрчиво!

Съ другой стороны, 11 человѣкъ рѣшительныхъ и хорошо вооруженныхъ молодцовъ, идя слѣдомъ за побѣдоноснымъ отрядомъ и соблюдая правила военныхъ предосторожностей, легко могутъ догнать отрядъ безъ особыхъ приключеній. Не слѣдуетъ только заходить въ гости. Былъ примѣръ, что на третій день послѣ занятія Кауфманомъ Самарканда въ 1868 г. два офицера съ двумя казаками отдѣлились отъ оказіи, конвоировавшей провіантъ на предпослѣднемъ ночлегѣ, верстахъ въ 40 отъ Самарканда, и хотя на встрѣчу имъ попадалось много конныхъ и пѣшихъ туземцевъ, но они неизмѣнно привѣтствовали нашихъ офицеровъ кулдуками. Послѣ хорошаго погрома туземцы непремѣнно почтительны.

Тѣла убитыхъ привезены были въ отрядъ Веревкина и погребены съ надлежащею церемоніею вблизи дома, занятаго подъ гарнизонъ.

Флотилія наша узнала о гибели команды 9 числа, отъ присланнаго Веревкинымъ подпоручика Султанъ Байджанова, съ 15 казаками. Веревкинъ опять требовалъ къ себѣ Ситникова, а тотъ опять отказался ѣхать, ссылаясь на рану и настаивалъ на разрушеніи плотинъ, мѣшавшихъ флотиліи двигаться впередъ.

Веревкину, почему-то, жаль было портить работу хивинскихъ рабовъ и нарушать порядокъ орошенія полей непріятеля... Онъ все требовалъ, чтобы флотилія искала проходовъ по разливамъ и озерамъ праваго берега, чего безъ проводниковъ флотилія дѣ-

лать не рисковала. Причины, по которымъ Веревкинъ не хотѣлъ помогать флотиліи и расчищать ей путь къ отличіямъ, понятны: 1) она сама ему не помогала, когда онъ шелъ по берегу моря и нуждался въ прѣсной водѣ; 2) занявшись уничтоженіемъ плотинъ, онъ проморгалъ бы Хиву, къ которой стремились всѣ его помыслы, а также и туркестанцы... 3) содѣйствіе флотиліи было дальше не нужно.

Здѣсь кстати упомянуть о дѣйствіяхъ флотиліи съ начала кампаніи. Въ составѣ ея находились два парохода: Самаркандъ въ 70 силъ и Перовскій въ 40 силъ и три баржи. Экипажъ состоялъ изъ 8 офицеровъ, 1 врача и 259 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ были 2 топографа, присланныхъ изъ Ташкента. На Самаркандѣ находились: два 4-фунтовыхъ нарѣзныхъ орудія и два 10 фунтовыхъ единорога; на Перовскомъ—два 4-фунтовыя картечныя орудія и одинъ 10-фунт. единорогъ; на 2-хъ баржахъ было по два 4-фунтовыхъ нарѣзныхъ орудія, а на 3-й одинъ 10 фунт. единорогъ. Боевыхъ зарядовъ взято по 175 на каждое орудіе. Зима застала пароходы въ Перовскѣ. 14-го марта рѣка вскрылась и пароходы въ тотъ же день ушли въ Казалинскъ. Ледъ шелъ сплошной, и потому пароходы остановились на ночь у протока Караузяка. Ночью вѣтеръ погналъ ледъ назадъ, а рѣка обмелѣла до того, что пароходы очутились на мели... Послали въ Перовскъ за помощью. Прискакалъ уѣздный начальникъ со 100 казаками и 400 киргизами. Перовскаго стянули волокомъ на таляхъ, а Самаркандъ рвалъ веревки, ломалъ блоки и не шелъ... Вывели молы, а кругомъ парохода вырыли бассейнъ; вода хлынула и пароходъ снялся наконецъ, 26-го марта. Въ Казалинскъ пришелъ онъ 6-го апрѣля. 10-го числа отправлены двѣ баржи забрать въ устьѣ Сыра заготовленный саксаулъ; 13-го отправлена 3-я баржа; 15-го пошелъ Перовскій, а 17-го Самаркандъ. Къ вечеру того же дня онъ прибылъ къ острову Косъ-Аралъ на Аральскомъ морѣ. 18-го всѣ суда вышли въ открытое море, ведя на буксирахъ баржи. Перовскій велъ только одну, но за слабосиліемъ и массою льда постоянно отставалъ, и присоединился къ Самарканду черезъ двое сутокъ у о. Токмакъ-Ата, гдѣ тотъ его поджидалъ на якорѣ. Туманы мѣшали идти далѣе. 26-го туманъ разсѣялся и эскадра пошла къ заливу Талдыкъ искать баръ рѣчки Кечкине-Дарья, который съ 1859 года, т. е. съ рекогносцировки капитана 1-го ранга Бутакова считался самымъ удобнымъ для входа въ Аму-Дарью.

Послѣ сильной качки, познакомившей моряковъ съ морской болѣзнью, нашли баръ и кинули якорь на 2-хъ саженяхъ. 27-го спущены шлюпки искать прохода черезъ баръ. Нашли, обозначили вѣхами и захватили тутъ хивинца, который показалъ что на Улькунъ-Дарьѣ, въ 14 верстахъ отъ устья, выстроена

крѣпость Акъ-Кала съ 1.000 человѣкъ гарнизона и 5 пушками Въ этотъ день суда прошли баръ и вошли въ рѣку. Ночь провели у развалинъ форта Хіотъ, ждали нападенія и не спали. 28-го въ 3 час. утра эскадра пошла дальше, вышла черезъ часъ изъ Кечкине-Дарьи на Улькунъ-Дарью, увидѣла впереди фортъ Акъ-Кала. Приготовились къ бою... Самаркандъ съ двумя баржами шелъ впереди, Перовскій съ одной баржей за нимъ. Какъ только суда подошли на пушечный выстрѣлъ, фортъ открылъ огонь. Флотилія не замедлила отвѣтомъ. Скоро хивинскія пушки были подбиты, но послѣднимъ выстрѣломъ ихъ на Самаркандѣ пробитъ былъ лѣвый бортъ, разбита подушка орудія, отбита лапа якоря и осколками разбившагося ядра ранено 7 нижнихъ чиновъ (двое умерли впослѣдствіи) и начальникъ флотиліи капитанъ 1-го ранга Ситниковъ. Суда подошли на 75 саженъ и продолжали пальбу, пока хивинцы не очистили форта. Снарядовъ выпущено 68 и 1.658 ружейныхъ пуль. Раненъ пулею еще 1 матросъ на баржѣ. Высадки для овладѣнія крѣпостію или хотя бы трофеями флотилія не сдѣлала...

Дальнѣйшія занятія флотиліи состояли въ тщетныхъ попыткахъ отыскать съ рыбаками какой-нибудь выходъ изъ Улькунъ-Дарьи мимо плотинъ, да въ перевозкѣ съ 23 по 26 іюня, послѣ взятія Хивы, въ Казалинскъ, великаго князя Николая Константиновича, больныхъ, раненыхъ и курьеровъ. 2-го августа Перовскій отправленъ съ 1 баржей на Косъ-Аралъ за саксауломъ, а воротился 20 августа.

Между прочимъ самъ диванъ-беги Матъ-Мурадъ послѣ занятія нами Хивы разъяснилъ, что плотины начали строить еще въ 1860 г. послѣ посѣщенія Улькунъ-Дарьи Бутаковымъ и вовсе не для развитія хлѣбопашества, какъ увѣрялъ Веревкинъ, а для прегражденія пути нашимъ судамъ... Поэтому 29 іюля сюда были согнаны 2,000 узбековъ для уничтоженія плотинъ. 27 августа флотилія опять повезла въ Казалинскъ больныхъ, раненыхъ, штабныхъ, уволенныхъ въ запасъ и большую часть артиллерійскаго парка. Самаркандъ прибылъ въ Казалинскъ 30 августа, а Перовскій 2 сентября. Плотины были разрушены только къ половинѣ октября. Флотилія осталась въ Казалинскѣ.

Возвратимся теперь къ оренбургскому отряду. 11 мая авангардъ, подъ командой полк. Леонтьева посланъ впередъ, за 25 верстъ, къ истоку канала Угузъ изъ Талдыка. 12 мая двинулся и Веревкинъ туда же и сталъ на ночлегъ. Ночью хивинцы сдѣлали тревогу и добрались даже до вьюковъ и верблюдовъ, уложенныхъ почему-то передъ фасами; здѣсь хивинцы запутались и были отбиты огнемъ казаковъ. 12-го же числа въ Кунградъ пришли кавказцы, отставшіе такимъ образомъ отъ оренбуржцевъ, благодаря хитрой уловкѣ Веревкина, на цѣлый переходъ. Веревкинъ ихъ

заставилъ напрасно идти въ Кунградъ, а самъ не сталъ ихъ ждать и ушелъ.

Но кавказцы тоже дѣло-то понимали отлично: Ломакинъ немедленно погнался за Веревкинымъ и догналъ его въ тотъ же день на ночлегѣ подъ Огузомъ. Тотъ опять на хитрости: „кавказцы ваши устали, пусть отдохнутъ, оправятся и слѣдуютъ за оренбуржцами въ растояніи одного перехода“... Ломакинъ заявилъ на это, что перенеся столько трудовъ и лишеній, чтобы только добраться до непріятеля, кавказцы будутъ считать для себя такое движеніе позади оренбуржцевъ сущимъ наказаніемъ, а потому обѣщалъ сдѣлать форсированный переходъ и догнать Веревкина. Пришлось уступить.

13 мая Веревкинъ пошелъ дальше, оставивъ Ломакина на дневкѣ. Во время движенія къ протоку Карабайли, 14 мая на съемочную партію напали хивинцы, успѣвшіе угнать семь верховыхъ лошадей. Въ перестрѣлкѣ по этому случаю у насъ убить 1 и ранено 5 человѣкъ, въ томъ числѣ 1 офицеръ—прапор. Л о й к о. Вслѣдъ за тѣмъ, благодаря камышу и кустарникамъ, подкралась новая партія къ аріергарду (сотня есаула П и с к у н о в а) и понеслась въ атаку. Пискуновъ спѣшилъ казаковъ, сбатовалъ коней и открылъ огонь. Подоспѣла подмога изъ полувзвода пѣхоты, прикрывавшей обозъ, затѣмъ прискакали 2 сотни и 2 конныхъ орудія. Хивинцы бросились на утекъ, кидая вьюки, оружіе и одежду. Гнали ихъ 9 верстъ. У насъ убито 2 верблюда. На ночлегѣ у Карабайли подошелъ отрядъ Ломакина, сдѣлавъ усиленный переходъ въ 50 верстъ. У Веревкина составилось такимъ образомъ 16 ротъ, 8 сотенъ, 14 орудій и 8 ракетныхъ станковъ. Людей всего 4,450 чел. Силы непріятеля у Ходжейли считались въ 5,000 чел. при 3 орудіяхъ.

Здѣсь мы оставимъ пока соединившіеся отряды и раскажемъ, какъ шелъ и страдалъ мангышлакскій отрядъ.

ГЛАВА IX.

Движеніе мангышлакскаго отряда отъ зал. Киндерли 14 апрѣля. Составъ отряда. Безводный переходъ въ 80 верстъ. Офицеры несутъ солдатскія ружья. Бурдюки изъ свѣжеснятыхъ шкуръ. Укрѣпленіе Бишъ-акты. Ловкость маіора Навроцкаго въ добываніи верблюдовъ. Распоряженія кн. Меликова. Сургучъ и свѣчи таютъ въ чемоданахъ. Порядокъ движенія. Усть-Уртъ. Редутъ у колодца Ильтедже. Поискъ къ Айбугиру 4 мая. Первый слухъ о Веревкинѣ. Предписаніе его. Стычка Скобелева у кол. Итебая 5 мая. Рядъ писемъ Веревкина. Страданія отряда при переходѣ Айбугира. Пруссакъ Штуммъ. Дань удивленія передъ русскимъ солдатомъ. Бисмаркъ проситъ вскрывать его письма. Соединеніе отрядовъ. Нищета кавказцевъ и зажиточный видъ оренбуржцевъ. Остроумный смотръ, чтобы заставить кавказцевъ идти позади. Дѣло у Ходжейли. Освобожденіе первыхъ рабовъ. Переходъ 12-й роты апшеронцевъ изъ Ильтедже назадъ въ Бишъ-Акты. Поручикъ Гриневичъ.

12 апрѣля къ заливу Кайдакъ посланъ былъ маіоръ Навроцкій со сборною терскою сотнею и командою дагестанцевъ для сбора верблюдовъ съ адаевцевъ, еще не доставившихъ своей доли. Затѣмъ были посланы нарочные въ оренбургскій и красноводскій отряды съ извѣщеніемъ о выступленіи, и наконецъ 14 и 15 апрѣля мангышлакскій отрядъ (12 ротъ, саперн. команда, 6 сотенъ, 6 орудій, 3 ракетн. станка и милиція) выступилъ тремя эшелонами изъ Киндерли и сосредоточился 18 числа у кол. Сенекъ, блистательно выдержавъ пробу, заданную ему безводнымъ переходомъ въ 80 верстъ между Каундами и Сенекомъ. Какъ нарочно, во весь путь до самаго Сенека солнце пекло невыносимо. Термометръ показывалъ +37°R., песокъ былъ накаленъ до +42°,—ноги пѣшихъ людей испытывали особую „тоску“, понятную тому, кто ходилъ хоть разъ по раскаленному песку, да не ради развлеченія. Ко всему этому слѣдуетъ упомянуть объ удушливомъ, „какъ изъ печи“, южномъ вѣтрѣ, сходномъ отчасти съ сирокко и самумомъ. Достаточное при обыкновенныхъ условіяхъ количество воды, взятой войсками съ колодцевъ Каунды*), оказалось совершенно недостаточнымъ при неистовой жаждѣ, возбужденной палящимъ зноемъ и удушающимъ вѣтромъ. Воду несли люди на себѣ въ манеркахъ, бутылкахъ и т. п. Подъ бурдюки верблюдовъ не хватало. Кто-то увѣрилъ всѣхъ, что до Хивы дойдемъ съ однѣми манерками Вода въ баклагахъ, бутылкахъ и другихъ сосудахъ нагрѣлась до степени, дѣлавшей ее противною. Запахъ, чувствовавшійся и въ

*) Прежде тутъ было озеро, а теперь оно высохло.

свѣжей водѣ, еще болѣе усилился въ закупоренныхъ и нагрѣтыхъ сосудахъ. Но и эту противную воду люди выпили, не доходя половины пути, т. е. 40 верстъ до Сенека... Посланные впередъ казаки привезли воду и выручили товарищей изъ бѣды. Слѣдовавшій съ мангышлакскимъ отрядомъ поручикъ прусской службы Штуммъ*), разсказывая въ „Сѣверо-Германской Газетѣ“, №№ 261—277, свои впечатлѣнія, приходитъ въ восторгъ отъ выносливости русскаго солдата и отъ его великодушія.

Переходъ къ Сенеку останется надолго въ памяти участниковъ. Привычные уже къ степнымъ походамъ ширванцы, перевезенные изъ Чикишляра, а также апшеронцы, бывавшіе уже на Мангышлакѣ, выносили это тяжкое испытаніе сравнительно довольно бодро; самурцы же стали приставать и падали въ изнеможеніи. Пришлось побросать тяжести со всѣхъ повозокъ, чтобы уложить на нихъ приставшихъ солдатъ. Офицеры отдавали имъ своихъ лошадей, а сами шли пѣшкомъ; нѣкоторые даже и несли на себѣ солдатскія ружья!—Желалъ бы я знать: что сказали бы разные иноземцы о такомъ чисто-братскомъ отношеніи офицеровъ къ солдатамъ? Одобрятъ или осудятъ они такую „нѣжность“, нисколько не отвѣчающую суровымъ понятіямъ о „строгой дисциплинѣ“?

А между тѣмъ въ этомъ и весь нашъ секретъ: мало того, что офицеръ служитъ примѣромъ,—онъ облегчитъ и поможетъ солдату, гдѣ это нужно, собственными плечами! Заботы и попеченія не на словахъ только, а и на дѣлѣ, добрый примѣръ, братская поддержка—вотъ гдѣ корень этой дисциплины русскихъ войскъ, которой удивляются иностранцы! Только при такомъ духѣ корпуса офицеровъ возможны такіе „безоглядные“ походы, такія беззавѣтныя предпріятія, какъ наши степныя экспедиціи. Солдатъ слѣпо вѣритъ начальнику, который его ведетъ въ пустыню, солдатъ знаетъ, что этотъ начальникъ десять разъ подумалъ прежде, чѣмъ рѣшился вести за собою своихъ подчиненныхъ. Никакой карты у солдата нѣтъ, да онъ ею и не интересуется: „про то знаетъ начальство“. Сознаніе, что офицеры не покинутъ своихъ частей и, слѣдовательно, ужъ для самихъ себя постараются

---

*) Кромѣ этого офицера, дозволено было участвовать въ экспедиціи американцу Макъ Гахану, корреспонденту Нью-Іоркскаго „Times“. Никому изъ остальныхъ иностранныхъ подданныхъ, просившихъ позволенія участвовать въ экспедиціи,—этого разрѣшено не было. Одинъ изъ французскихъ бригадныхъ генераловъ Де-Курси также получилъ отказъ. Отставной капитанъ англійской службы Гарфордъ, живущій постоянно въ Алупкѣ, обѣщалъ даже ѣхать на собственный счетъ, повиноваться русскому начальству и не имѣть никакого сношенія съ редакціями газетъ и журналовъ, соглашаясь отдавать всѣ свои письма на прочтеніе въ штабъ отряда.. Но даже и эти лестныя для насъ условія приняты не были.

идти настоящею дорогой,—дѣйствуетъ, конечно, успокоительно. Эта вѣра въ начальника стоитъ того „огненнаго столпа“, который велъ евреевъ въ обѣтованный край!

Чтобы поддержать силы солдатъ,—имъ роздали всю зельтерскую воду, имѣвшуюся въ запасѣ (у Теръ-Асатурова 100 бут везли въ коржанахъ казаки). Ломакинъ поощрялъ всячески солдатъ и унтеръ-офицеровъ, ободрявшихъ своихъ товарищей. Одного рядоваго самурца, Василія Иванова, державшаго себя молодцомъ въ этой удушающей атмосферѣ и старавшагося ободрить своихъ пріунывшихъ товарищей,—Ломакинъ тутъ же на дорогѣ произвелъ въ унтеръ-офицеры. Унтеръ-офицеру Анфонусу подарилъ 10 рублей за то же. Въ особенности пострадалъ 1-й эшелонъ маіора Буравцова, привезшаго на верблюдахъ до 150 челов. къ кол. Сенекъ. Верблюды также приставали и падали. 150 вьюковъ было брошено на дорогѣ. Обманчивые миражи сильно обижали солдатъ, сердившихся на чорта, вытворявшаго такія штуки!

Къ вечеру 17 числа жара наконецъ спала, люди тотчасъ пріободрились и, когда ихъ подняли съ привала, затянули пѣсни.

Такъ съ музыкой и пѣснями шли они до Сенека, гдѣ 18 числа имъ и дана была дневка. Брошенный по дорогѣ провіантъ и фуражъ былъ подобранъ во время дневки. Переходъ этотъ показалъ что при подобныхъ условіяхъ на верблюдовъ, большею частію еще не оправившихся, не слѣдуетъ класть болѣе 8—10 пудовъ. Поэтому пришлось облегчить вьюки и тогда верблюдовъ не достало: много тяжестей не на чемъ было поднять. Ломакинъ рѣшился уменьшить отрядъ, оставивъ въ опорныхъ пунктахъ еще двѣ роты.

Вынесенный отрядомъ опытъ указалъ, что сосудовъ для воды у него мало. Люди чувствовали отвращеніе къ бурдюкамъ изъ сырыхъ козлиныхъ шкуръ, но послѣ мучительной жажды побороли свою антипатію и на другой же день по приходѣ къ Сенеку стали просить козловъ, „которыхъ прежде не принимали и изъ которыхъ теперь въ одинъ день подѣлали столько бурдюковъ, что каждая часть подымаетъ воды дня на три на всѣхъ людей и частью на лошадей“ *). Но бурдюки, плохо просоленные, загнивали на другой же день, вода обращалась въ вонючій кисель... Удивительно, какъ люди не нажили себѣ какой-нибудь чумы! Если теперь съ бурдюками отрядъ могъ обезпечить себя водою только на три дня, то ясно, что съ Каунды онъ выступилъ съ недостаточнымъ ея количествомъ, вопреки увѣренію Ломакина въ началѣ того же рапорта. 19 числа вечеромъ отрядъ передвинулся съ Сенека на Бишъ-Акты, гдѣ уже готовъ былъ редутъ. Укрѣпленіе это представляетъ правильный четыреугольникъ, фасы

*) Изъ рапорта полк. Ломакина 21 апрѣля 1873 года № 31.

котораго, длиною въ 100, а другіе въ 150 шаговъ, обнимаютъ пространство, на которомъ расположены 7 колодцевъ, весьма обильныхъ превосходною прѣсною водою.

Изъ кривулякъ саксаула и рогожъ люди подѣлали себѣ шалаши. Въ редутѣ оставлены 1 рота апшеронцевъ, 1 рота ширванцевъ и 1 сборная сотня казаковъ при 1 нарѣзномъ орудіи. Приспособленіе къ артиллерійской оборонѣ состояло въ двухъ туръ-бастіонахъ на двухъ противолежащихъ углахъ редута.

20 числа отрядъ продолжалъ движеніе тремя эшелонами на Камысты. Предполагалось пройти Каращикъ, Сай-кую и сосредоточиться 25-го въ Бусага. Первымъ эшелономъ командовалъ генеральнаго штаба подполковникъ Скобелевъ, вторымъ—генеральнаго штаба подполковникъ Гродековъ, третьимъ—артиллеріи подполк. Буемскій. Отъ Бусага предполагалось идти двумя колоннами по двумъ различнымъ путямъ: одинъ на Ильтедже, а другой на Акъ-Крукъ, Еркембай, Аланъ и Табынъ-су, гдѣ оба пути сходятся.

Въ день выхода съ Бишъ-Акты сюда прибылъ Навроцкій, доставившій 287 верблюдовъ, изъ коихъ 200 наровъ (одногорбыхъ), хорошо содержанныхъ и поднимавшихъ до 20 пудовъ. Кромѣ этого пригнаны 1,965 барановъ и 160 лошадей. Отправляя Навроцкаго „нанимать“ верблюдовъ и покупать порціонный скотъ, Ломакинъ приказалъ отнюдь не прибѣгать къ оружію и за все взятое заплатить. Дѣло однакоже не обошлось безъ стычки Выступивъ въ 4 часа вечера 12-го числа съ отрядомъ въ 193 шашки на Сепекъ, Навроцкій на третій день въ 10 часовъ утра былъ уже у редута Бишъ-Акты. Здѣсь онъ принялъ на 7 дней ячменя и на 10 дней сухарей а 14 выступилъ черезъ Чапанъ-ату къ кол. Богда, гдѣ кочевалъ одинъ изъ главныхъ подстрекателей—соучастникъ Кафара, Тахсенбай, отбившій у баимбетовцевъ нѣсколько десятковъ верблюдовъ, собранныхъ ими для отряда. Казаки заночевали, не доходя 5 верстъ до кол. Богды, и въ 2 часа утра безъ шума потянулись далѣе. Чтобы не выдать своего присутствія, казакамъ запрещено было курить. Аулъ Тахсенбая былъ оцѣпленъ въ карьеръ 25-ю казаками, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ очнуться.

Въ числѣ захваченныхъ 14 человѣкъ мужчинъ оказался самъ Тахсенбай и хивинскій посланный, подговаривавшій киргизовъ къ откочевкѣ въ Хиву. Отправивъ этихъ людей и забранныхъ здѣсь верблюдовъ, лошадей и овецъ въ Бишъ-Акты, подъ конвоемъ 28 казаковъ, Навроцкій, съ остальными, отдохнулъ въ аулѣ и затѣмъ двинулся къ кол. Утекъ. Здѣсь онъ повторилъ прежній маневръ: остановился въ полѣ безъ воды, простоялъ тутъ до 2 часовъ утра, не позволяя ни раскладывать костровъ, ни курить, затѣмъ въ 2 часа 17-го числа потянулся къ колодцу, гдѣ въ

это время не рисковалъ кого-либо застать и быть открытымъ, напоилъ лошадей, а затѣмъ оцѣпилъ аулъ въ карьеръ и потребовалъ отъ захваченныхъ врасплохъ кочевниковъ согласія поставить верблюдовъ и барановъ по назначенной цѣнѣ. Киргизы отказали и скотъ ихъ былъ тогда конфискованъ. Затѣмъ поручикъ Давлетъ-бековъ посланъ былъ въ слѣдующій аулъ, верстахъ въ семи отъ только что захваченнаго, но и тамъ киргизы не согласились выставить верблюдовъ, и потому скотъ ихъ былъ взятъ силою.

Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ аулѣ не удалось захватить киргизовъ врасплохъ и двое изъ нихъ ускакали, то Навроцкій рѣшился дѣйствовать уже открыто и не теряя времени, чтобъ не дать времени распространиться тревогѣ.

Посланы были одновременно три отдѣльныя команды: войсков. старшины Малюги, поручика Давлетъ-бекова и урядника Мехти-уллубій-оглы, остальные казаки (до 70 челов.) съ отбитымъ скотомъ отправились къ колодцу Дангара, у берега зал. Кайдакъ, куда и прибыли въ 10 часовъ утра. Не прошло и часу, какъ съ пикета замѣтили казака, скачущаго со стороны, гдѣ долженъ быть Давлетъ-бековъ, и машущаго папахой. По тревогѣ, команда въ 37 челов. понеслась на встрѣчу къ вѣстнику, который сообщилъ, что они захватили одинъ аулъ уже въ движеніи, и когда посланные съ нимъ, Боркинымъ, три казака*) стали заворачивать назадъ переднихъ верблюдовъ, толпа киргизовъ въ 14 человѣкъ напала на нихъ изъ засады въ сосѣднемъ оврагѣ. Первыми же выстрѣлами киргизы убили подъ тремя казаками лошадей; Боркинъ, у котораго уцѣлѣла лошадь пробился къ поручику, а пѣшіе казаки, держа ружья наготовѣ и только прицѣливаясь по временамъ въ разныя стороны, но не дѣлая ни одного выстрѣла, сдерживали враговъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Давлетъ-бековъ поскакалъ на выручку, а Боркина послалъ дать знать маіору о нападеніи. Цѣлыхъ 30 верстъ еще пришлось идти Навроцкому, пока онъ встрѣтилъ отступающаго Давлетъ-бекова, горячо преслѣдуемаго киргизами.

Изъ трехъ казаковъ, наткнувшихся на засаду, одинъ Назаренко былъ смертельно раненъ и остался въ рукахъ непріятеля... Двое другихъ были выручены; одинъ изъ нихъ раненъ саблей въ лицо.

Двадцать доброконныхъ казаковъ, изъ числа прибывшихъ съ Навроцкимъ, были брошены на встрѣчу насѣдавшей толпѣ киргизовъ. Тѣло Назаренко было отбито, честь отряда спасена!

Къ 10 час. вечера Навроцкій воротился къ колодцу Донгара, гдѣ уже собрались двѣ остальныя команды. Добычею дня были:

---

*) Ейскаго полка Артемъ Гондаревскій и Лука Петренко, владикавказскаго—Захаръ Назаренко.

119 верблюдовъ, 147 лошадей и 1,150 барановъ. У киргизовъ убито 5 чел., ранено 10. Нашъ уронъ состоялъ изъ одного убитаго, одного раненаго и одного контуженнаго.

Кромѣ того убито 4 лошади, ранено 3, которыя и брошены вмѣстѣ съ 6 другими, пришедшими въ негодность отъ изнуренія. Молодцы, отбившіеся отъ неожиданнаго врага, налетѣвшаго врасплохъ изъ засады, были награждены знаками отличія военнаго ордена.

Киргизамъ, у которыхъ отбирали скотъ, оставлено было по одной или по двѣ верблюдицы на семью, отъ 5 до 10 козъ и столько же овецъ, смотря по числу душъ. Народу объявлено было, что за отобранный скотъ хозяева могутъ получить деньги, если явятся въ Бишъ-Акты къ начальнику отряда.

Сдѣлавъ свое дѣло, Навроцкій сталъ отступать на отрядъ. Однако же слухъ о его набѣгѣ быстро распространился по сосѣднимъ ауламъ, которые тотчасъ всполошились. Стала уже собираться партія для преслѣдованія казаковъ, но Ломакинъ выслалъ съ Сенека подкрѣпленіе изъ сотни дагестанцевъ, которые и встрѣтили Навроцкаго въ 50 верстахъ отъ Бишъ-Акты. Въ 10 дней Навроцкій сдѣлалъ 640 верстъ.

Команда дагестанцевъ дѣйствовала въ особенности энергично, и ей преимущественно обязанъ отрядъ успѣхомъ набѣга. Всего захвачено было 323 верблюда, 161 лошадь и 2,350 барановъ, а за исключеніемъ павшихъ, брошенныхъ на пути и израсходованныхъ, въ отрядъ доставлено, какъ уже сказано: 287 верблюдовъ, 161 лошадь и 1,965 барановъ. Изъ этого числа 223 верблюда, 147 лошадей и 1,500 барановъ *) составляютъ трофей дагестанцевъ, которые, какъ видно, хотѣли загладить неудачу своей сотни на Бузачахъ въ январѣ этого года.

Удачный набѣгъ Навроцкаго обезпечилъ отрядъ перевозочными средствами настолько, что 200 верблюдовъ можно было даже удѣлить для опорныхъ пунктовъ. Въ мясѣ отрядъ также нуждаться не будетъ.

Оставленные верблюды вмѣстѣ съ освобождающимися изъ-подъ провіанта и фуража назначались для подвозки довольствія въ опорные пункты, для чего служилъ и конный транспортъ, освѣженный частью пригнанныхъ лошадей. Этихъ средствъ однакоже оказалось недостаточнымъ, и потому командующій войсками Дагестанской области ген.-адъют. князь Меликовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Предписалъ воинскому начальнику форта Александровскаго собрать всѣхъ верблюдовъ, брошенныхъ отрядомъ по дорогѣ изъ форта въ Кипдерли, нанять или купить въ окрестностяхъ форта,

*) Рапортъ Навроцкаго 28 апрѣля 1873 г. № 1.

сколько окажется возможнымъ, и отправить ихъ на шкунѣ въ Киндерли, а если всѣ не помѣстятся, то остальныхъ сухимъ путемъ.

2) Маіору Навроцкому, завѣдывавшему опорными пунктами, разрѣшено было добыть верблюдовъ, посредствомъ реквизиціи, отъ киргизовъ и туркменъ, которые еще не выполнили нашихъ требованій.

3) Послать въ Киндерли изъ Дагестана купленныхъ тамъ 25 паръ воловъ съ арбами и 3 пары запасныхъ безъ арбъ.

Какъ уже сказано, Мангышлакскій отрядъ двинулся съ Бишъ-Акты 20 числа, разсчитывая быть въ Бусага 25-го. Переходъ совершенъ какъ нельзя благополучнѣе; больныхъ и присталыхъ людей было очень мало, не смотря на чрезвычайные жары отъ 30 до 35°. Верблюды также вынесли этотъ переходъ безъ урона. Причины такого благополучія заключались главнымъ образомъ въ томъ, что по пути отрядъ имѣлъ въ изобиліи хорошую, почти прѣсную воду. Подножный кормъ также изобиловалъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ только верблюды начинаютъ замѣтно приставать и падать,—знакъ, что колодцы скупы, что эшелоны несоразмѣрно велики (относительно воды) и верблюдамъ, о которыхъ думаютъ послѣ всего, воды не хватаетъ. Изъ того же транспорта, который потерялъ на 80 верстахъ отъ Каунды въ Сенеку 150 верблюдовъ, теперь на 250 верстахъ отъ Бишъ-Акты до Иль-Тедже, при такой же почти жарѣ не потеряно ни одного животнаго. Напрасно думаютъ многіе изъ русскихъ „проводниковъ цивилизаціи“, что вода для верблюда „роскоши предметъ“!

Жара, между прочими непріятностями, умудрилась еще заглянуть во вьюки и распорядилась въ нихъ съ годными для нея предметами: сургучъ въ коробкахъ сплавился въ одну массу, а отъ стеариновыхъ свѣчей остались одни фитили! У кого свѣчи лежали съ бѣльемъ,—тому еще съ пола-горя: солнце подкрахмалило ему разныя принадлежности, правда безъ разбора, и только; но если по сосѣдству случился чай, сахаръ, сухари и т. п., что чаще всего попадаетъ въ одинъ чемоданъ со свѣчами,—тому завидовать грѣхъ.

Получивъ въ Бусага свѣдѣніе, что по пути въ Иль-Тедже воды хватитъ на весь отрядъ, Ломакинъ отказался отъ намѣренія раздѣлить отрядъ на двѣ колонны, для слѣдованія по двумъ параллельнымъ дорогамъ. По прежнему отрядъ шелъ тремя эшелонами, въ разстояніи полъ-перехода одинъ отъ другаго. На этотъ разъ всѣми эшелонами командовали офицеры генеральнаго штаба: Скобелевъ, Гродековъ и Пожаровъ.

Самое жаркое время отрядъ проводилъ на привалѣ, это съ 9 час. утра до 4 час. вечера; ночлегъ продолжался съ 8 час. ве-

чера до 3 час. утра. Такимъ образомъ на движеніе употреблялось утро—съ 3 до 9 час. утра, вечеръ—съ 4 до 8 часовъ. При этомъ порядокъ движенія былъ принятъ такой: первый эшелонъ выступаетъ съ дневки въ 3 часа утра, второй въ 4 часа вечера, а третій остается еще на ночь и выступаетъ на слѣдующее утро въ 3 часа, и затѣмъ всѣ эшелоны дѣлаютъ переходы въ два пріема, половину утромъ, половину вечеромъ, а разстояніе между ними сохраняется постоянное—въ полъ-перехода.

На всякій случай воду все-таки постоянно возили съ собою, колодезь могъ быть засыпанъ, испорченъ трупомъ барана или лошади и т. п. Предосторожность никогда не лишняя, а когда сосуды для воды не металлическіе и не стеклянные, а деревянные или кожаные, то надо ли, не надо ли воды, а наполнять ихъ все-таки слѣдуетъ, не то дерево разсохнется, бурдюки потрескаются; и потомъ не въ чемъ будетъ возить воды, когда то дѣйствительно будетъ нужно. Несоблюденіе этого правила въ туркестанскомъ отрядѣ обошлось не дешево и казнѣ, потому что съ дороги приходилось посылать въ Бухару за новыми турсуками, и казакамъ, снующимъ взадъ и впередъ, развозя оставшіеся турсуки отъ части, пришедшей на колодцы, къ части, готовящейся перешагнуть безводный переходъ.

Отъ Бишъ-Акты до Бусага дорога почти вездѣ ровная и мало песчаная. Только одинъ переходъ, верстъ въ 12, не доходя кол. Каращика, былъ довольно тяжелъ вслѣдствіе высокихъ бугровъ сыпучаго песку, но и тутъ артиллерія прошла, не прибѣгая къ помощи людей. Въ тотъ же день, по необходимости, одной ротѣ ширванцевъ (поручика Калиновскаго) пришлось сдѣлать по этимъ же мѣстамъ переходъ въ 50 верстъ! Рота прошла молодецки, не имѣя ни одного присталаго. Такіе переходы годятся въ примѣры выносливости людей.

Между Бусага и Каракыномъ отрядъ поднялся на Усть-Уртъ, по совершенно пологому, почти незамѣтному, подъему. Чинкъ въ этомъ мѣстѣ теряетъ свой характеръ обрыва, хотя и значительно возвышается надъ окружающею мѣстностью *). Плоская равнина Усть-Урта мало чѣмъ отличается отъ остальныхъ мѣстностей Мангышлака; та же полынь, служащая прекраснымъ кормомъ для лошадей и верблюдовъ, тотъ же саксаулъ, тотъ же гребенщикъ и та же пустынность,—только и встрѣчается живое, что огромныя ящерицы—хамелеоны...

Колодцы на Усть-Уртѣ вообще не очень глубоки, отъ 10 до 15 сажень и почти всѣ съ хорошей, прѣсной водой, только въ Кынырѣ глубина колодца оказалась въ 30 саженъ. Почти весь

---

*) Въ рапортѣ Ломакина отъ 1 мая, № 39, высота его обозначена въ 400 сажень или 2,800 футовъ, не описка ли это?

Усть-Уртъ, по главному караванному пути, протоптанъ сотнею верблюжьихъ тропъ,—единственное воспоминаніе о бывшемъ когда то большомъ караванномъ движеніи между Хивою и Мангышлакомъ.

Къ кол. Ильтедже отрядъ прибылъ 30 апрѣля и быстро возвелъ редутъ. Внутри его два большихъ колодца, а кругомъ достаточно корма и топлива. Сверхъ гарнизона, предназначеннаго въ этотъ опорный пунктъ, оставлена еще одна рота (12-я) Апшеронскаго полка, которая должна была двинуться вслѣдъ за отрядомъ, только вмѣстѣ съ транспортомъ, ожидаемымъ изъ Бишъ-Акты. При этомъ рота ширванцевъ, назначенная конвоировать этотъ транспортъ съ Бишъ-Акты, останется въ Ильтедже на мѣсто апшеронцевъ.

Кромѣ недостатка верблюдовъ, на увеличеніе гарнизоновъ въ обоихъ укрѣпленіяхъ имѣло вліяніе и слѣдующее соображеніе: въ караулы и секреты на ночь приходилось выставлять почти полъ-роты, днемъ же много людей расходовалось на прикрытіе пасшихся верблюдовъ и барановъ, а также на заготовленіе топлива, иногда за нѣсколько верстъ отъ укрѣпленія. Ясно поэтому, что одной роты на каждый пунктъ мало. Уменьшить же нарядъ опасно въ виду возбужденія умовъ окрестныхъ кочевниковъ, по случаю нашихъ реквизицій и вкоренившагося убѣжденія, что русскіе и на этотъ разъ (по ихъ счету, чуть ли не пятый) не дойдутъ до Хивы. Наконецъ, еще и то, что самостоятельный, отрѣзанный отъ поддержки пунктъ немыслимъ съ одною ротою, измученною караульною службою.

„По опредѣленію же нашихъ отношеній къ Хивѣ, я увѣренъ,—говоритъ Ломакинъ,—всѣ киргизы и туркмены, которымъ нечего уже будетъ разсчитывать на Хиву, явятся къ намъ съ поздравленіями и выраженіемъ преданности, и тогда только можно будетъ спустить съ каждаго пункта по одной ротѣ и даже поручить находящіеся тамъ склады однимъ киргизамъ“.

Не черезчуръ ли это?

1-го мая первый эшелонъ выступилъ далѣе, на колодцы Байляръ и Кизылъ-Ахаръ, гдѣ оказалось 4 колодца, глубиною въ 12 саженъ и съ хорошею прѣсною водою.

На Байлярѣ отрядъ получилъ свѣдѣніе, что близъ Айбугира собираются непріятельскія скопища. Поэтому Ломакинъ рѣшился сдѣлать въ эту сторону поискъ по кратчайшему, хотя и маловодному, пути чрезъ Мендали и Табынъ-Су къ Акъ-Чеганаку (юго-западная часть Айбугира). Для этого онъ взялъ съ собою налегкѣ всю кавалерію, 5 ротъ пѣхоты, ракетную команду, два горныхъ и одно полевое орудія. Обозъ же направилъ чрезъ Табынъ-Су и Итыбай тоже къ Акъ-Чеганаку подъ прикрытіемъ остальныхъ 4 ротъ при одномъ орудіи.

Въ то время, когда кавалерія подходила къ Табынъ-Су, 4-го мая, перехвачены были три киргиза, которые и сообщили, что оренбургскій отрядъ, дня три назадъ, стоялъ еще на Ургѣ. Это заставило Ломакина отказаться отъ поиска и остановиться на Табынъ-Су (кавалерія прошла къ Алану), въ ожиданіи приказаній отъ Веревкина, къ которому тотчасъ были посланы нарочные.

Поздно вечеромъ 5-го числа получены были одновременно запоздавшее предписаніе Веревкина отъ 18-го апрѣля (въ отвѣтъ на рапортъ, посланный еще изъ Киндерли) и донесеніе отъ Скобелева о стычкѣ подъ Итебаемъ. Предписаніе запоздало потому, что нарочный былъ задержанъ адаевцами, продержавшими его дней пять въ плѣну, пока онъ не былъ освобожденъ посланнымъ отъ Сардаря Эсергеба Досчанова. Веревкинъ приказывалъ идти къ Ургѣ, чтобы оттуда вмѣстѣ двинуться на Кунградъ, гдѣ легче будетъ достать продовольственные припасы, чѣмъ въ южной части ханства. Веревкинъ извѣщалъ также, что на пути къ Айбугиру, около кол. Аланъ, кавказцы встрѣтятъ кочевья Гафура Калбина и другихъ бунтовщиковъ, бѣжавшихъ съ Мангышлака. Донесеніе Скобелева заключалось въ слѣдующемъ: выступивъ въ 3 часа утра 5-го мая съ кол. Мендали къ кол. Итебай, онъ получилъ съ передоваго пикета извѣстіе о замѣченномъ караванѣ и тотчасъ двинулся на рысяхъ съ двѣнадцатью казаками и милиціонерами. Оказалось, что это шелъ аулъ изъ 6 кибитокъ при 60 верблюдахъ. Присоединивъ аулъ къ колоннѣ, Скобелевъ пошелъ далѣе, чтобы занять колодцы до прихода пѣхоты и охранить ихъ отъ всякихъ случайностей, которыя были тѣмъ возможнѣе, что у колодцевъ расположилось нѣсколько ауловъ съ 1,000 верблюдами. Такъ какъ вооруженные всадники начали со всѣхъ сторонъ обскакивать разъѣздъ, то Скобелевъ прежде всего занялъ колодезь и выслалъ переводчика (прапорщика Зейналъ-бекова) убѣдить толпу не затѣвать ссоры и дождаться прибытія начальника. Въ отвѣтъ посыпались выстрѣлы, и толпа человѣкъ во сто очевидно готовилась броситься въ атаку. Скобелевъ предупредилъ ихъ, разсчитывая на неожиданность. Дерзкая атака горсти русскихъ дѣйствительно озадачила дикихъ, и тѣ бѣжали, оставивъ 200 верблюдовъ и кибитки съ большимъ запасомъ продовольствія. Скоро однакоже они опомнились. Казаки вынуждены были прекратить преслѣдованіе, спѣшились и завязали перестрѣлку. Переводчикъ поскакалъ къ пѣхотѣ звать на помощь... Маіоръ Аварскій схватилъ 4-ю стрѣлковую роту Апшеронскаго полка, одинъ взводъ 8-й роты Самурскаго полка и нѣсколько саперъ и бросился съ ними на выручку. 4 версты бѣжали молодцы, задыхаясь въ тропическомъ зноѣ и поспѣли во-время: всѣ бывшіе со Скобелевымъ офицеры (ихъ трое) и самъ онъ были уже переранены, ранено также два казака, контужено

4, лошадей убито 4, ранено 2,—словомъ, разъѣздъ наполовину былъ перемѣченъ.

Съ прибытіемъ пѣхоты дѣло опять повернулось въ нашу пользу. Киргизы окончательно бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 11 тѣлъ.

Трофеями дня были 197 верблюдовъ *), 10 лошадей, 15 кибитокъ, до 800 пудъ рису и джугары (видъ сорго или китайскаго проса) много разнаго оружія и съѣстныхъ припасовъ. Скобелевъ получилъ 6 легкихъ ранъ пиками и саблями; штабсъ-капитанъ Кедринъ, прапорщики Зейналъ-бекъ и Середницкій, а также и казаки, раненные въ этой стычкѣ, дня черезъ два были уже на конѣ.

Раны, полученныя офицерами, громко свидѣтельствуютъ объ ихъ молодецкомъ поведеніи, и намъ нечего прибавить къ этому краснорѣчивому свидѣтельству.

Прибывъ къ авангарду, Ломакинъ нашелъ, что преслѣдовать шайки не стоитъ и въ виду полученнаго приказанія отъ Веревкина рѣшился идти форсированнымъ маршемъ на Ургу.

Самый фактъ встрѣчи съ мангышлакскими бѣглецами подъ Итебаемъ доказалъ, что никто въ Хивѣ не вѣрилъ въ возможность пройти военному отряду по пути, который, въ это время года, избѣгаютъ и сами кочевники.

Даже киргизы, находившіеся при отрядѣ, въ качествѣ проводниковъ, милиціонеровъ и лаучей, были увѣрены, что до Айбугира русскимъ не дойти и что они ограничатся постройкой какой-нибудь крѣпости и уйдутъ во-свояси.

7-го числа весь отрядъ собрался у Алана, близъ развалинъ укр. Давлетъ-Гирей, иначе Эмиръ-Темиръ-Аксакъ **), построеннаго едвали Бековичемъ Черкасскимъ. Воды здѣсь оказалось неисчерпаемое количество: семь большихъ проваловъ вулканическаго образованія, глубиною отъ семи до восьми саженъ и шириною отъ 6 до 9,—были полны.

Здѣсь получено было второе письмо Веревкина отъ 28-го апрѣля, въ которомъ онъ доказывалъ необходимость соединиться отрядамъ въ сѣверной части ханства для дѣйствія противъ Кунграда, гдѣ почему-то Веревкинъ ожидалъ встрѣтить сопротивленіе киргизовъ и туркменовъ и гдѣ легче заготовить довольствіе для кавказскаго отряда. Веревкинъ предполагалъ, что Кауфманъ

*) Это по рапорту Скобелева, въ рапортѣ же Ломакина отъ 21 мая № 44 показано только 170.

**) Аксакъ—хромой по-татарски, по-персидски Ленгъ. Дѣло очевидно идетъ о Тимуръ-Ленгѣ, или, по русскому произношенію, Тамерланѣ. Названіе „Давлетъ-гирей“—покоритель царствъ, киргизы, какъ видно, отнесли къ своему славному и дѣйствительно покорителю царствъ—Тамерлану. А нашъ Бековичъ шелъ по берегу моря, гдѣ построилъ укр. Девлетъ-Гирей, и едвали строилъ еще и здѣсь.

уже подошелъ къ Аму-Дарьѣ и на дняхъ возьметъ ее; стало быть, оренбуржцы и кавказцы запоздали. Надо, значитъ, что-нибудь сдѣлать и имъ. Поэтому онъ приглашалъ Ломакина идти къ нему на Ургу, гдѣ выстроена хивинцами крѣпостца Джанъ-Кала, и „было бы очень пріятно и лестно для насъ, если бы славныя кавказскія войска могли оказать при этомъ содѣйствіе". Напрасно однако боялся Веревкинъ, что Кауфманъ дойдетъ до Хивы раньше его: туркестанскій отрядъ въ это время сидѣлъ еще на Алты-Кудукѣ. 3-го мая Веревкинъ писалъ, что если кавказцы почему-либо не пошли на Ургу, то пусть остановятся на Айбугирѣ, войдутъ разъѣздами въ связь съ оренбуржцами или двинутся на Куня-Ургенчъ для дальнѣйшаго дѣйствія противъ Кунграда. Это письмо не дошло...

5-го мая съ Урги Веревкинъ пишетъ, что если придутъ на Ургу, то пусть идутъ слѣдомъ за нимъ на Кунградъ. 7-го мая онъ пишетъ уже съ дороги на Кунградъ, что по занятіи этого города идетъ на Ходжейли, куда и предлагаетъ идти кавказцамъ въ тылъ хивинцамъ. Получивъ такое предписаніе, Ломакинъ рѣшилъ торопиться на соединеніе съ оренбуржцами. Для этого мангышлакцамъ приходилось совершить форсированный маршъ въ обходъ солончаковъ Барса-Кильмасъ самое названіе которыхъ достаточно характеризуетъ степень ихъ проходимости: слово въ слово „барса-кильмасъ" значитъ: „если пойдешь—не вернешься". Солончаки эти, лежащіе на Усть-Юртѣ къ западу отъ Айбугира, представляютъ весною группу озеръ, а лѣтомъ подсыхаютъ съ поверхности, обманывая глазъ довѣрчиваго путника. Горе ему, если онъ вздумаетъ вступить на эту твердую съ виду почву!

Такъ какъ прямой путь отъ Итебая былъ въ данную пору безводенъ, а Айбугиръ уже десять лѣтъ, какъ высохъ (послѣ отвода отъ него рукавовъ Лаудана и Саркраука), къ тому же отъ нарочныхъ узнали, что Веревкинъ выступилъ уже съ Урги 6-го числа, то Ломакинъ направился и самъ прямо къ Кунграду, не заходя въ Ургe, а спустившись съ Усть-Урта на 30 верстъ южнѣе, у киргизской могилы Кара-Гумбетъ. Это было самое широкое мѣсто высохшаго Айбугира, и если бы Ломакинъ зналъ, какой сюрпризъ готовитъ ему Айбугиръ,—онъ вѣроятно предпочелъ бы лучше идти чрезъ Ургe, гдѣ Айбугиръ уже. 8-го числа отрядъ выступилъ 3-мя колоннами. 9-го числа, не доходя 4 верстъ до спуска въ Айбугиръ, казаки, ставъ на сѣдла, увидали море. Всеобщая радость!

Надобно сказать, что отрядъ уже прошагалъ почти 500 верстъ, имѣя на пути всего пять дневокъ и дѣлая среднимъ числомъ около 30 верстъ ежедневно. Трудность переходовъ по степи увеличивалась еще, главнымъ образомъ, отъ непомѣрныхъ жаровъ и недостатка въ водѣ, въ особенности послѣ кол. Ильтедже,—

когда на пути встрѣчались только одиночные колодцы и притомъ чрезвычайно глубокіе (наименьшая глубина 12—15 саженъ, и два колодца попались въ 30 саж.), да къ тому же и узкіе— отъ полуаршина до $^3/_4$ въ діаметрѣ. Напоить людей и животныхъ изъ такихъ колодцевъ, подчасъ еще кривыхъ, было дѣломъ чрезвычайно мѣшкотнымъ. Торопливость вела только къ лишней задержкѣ: при опусканіи заразъ нѣсколькихъ ведеръ веревки ихъ заплетались, ведра обрывались, и въ колодезь приходилось спускать человѣка; добываніе воды замедлялось! Если бы наши старые опыты на что-нибудь годились, а не пренебрегались каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ начальствующихъ, то способъ, употреблявшійся въ отрядѣ Перовскаго въ 1839 году— теперь былъ бы весьма кстати. Тогда на безконечный ремень (въ смыслѣ термина механики длинный ремень со связанными концами) прицѣпляли цѣлую вереницу ведеръ и опускали въ колодезь; по мѣрѣ того, какъ одну половину этого водочерпальнаго снаряда вытягивали на верхъ,—другая половина спускалась къ водѣ, — ведра поочередно черпали ее и выносили наверхъ. Получалась почти непрерывная струя воды и, конечно, дѣло шло скорѣе, чѣмъ при первобытномъ способѣ добыванія ее одиночными ведрами.

У насъ эти опыты, какъ перешедшіе въ область исторіи, уже необязательны! Таская воду по ведру, приходилось употреблять отъ пятнадцати до двадцати часовъ, чтобы напоить эшелонъ изъ трехъ ротъ пѣхоты при 30-саженной глубинѣ колодца, а какъ ночлегъ продолжался только съ 8 часовъ вечера до 3-хъ часовъ утра, то есть всего 7 часовъ, то и естественно, что верблюдовъ напоить не успѣвали. Повѣстку къ выступленію утромъ приходилось подавать въ то время, когда люди еще ужинали. Такимъ образомъ послѣ труднаго перехода люди не имѣли достаточнаго отдыха.

Въ довершеніе всего, вода иногда оказывалась недоброкачественною, содержа значительный процентъ поваренной соли, извести, а не то и глауберовой соли. Въ первыхъ двухъ случаяхъ вода не утоляла жажды, а еще возбуждала ее (о соли нечего и говорить, что же касается извести, то она сушила ротъ и глотку); въ послѣднемъ — всѣ безъ исключенія — и люди, и лошади, и верблюды — получали дисентерію... Природа точно съ умысломъ устроила тутъ аптеку, чтобы люди могли почерпнуть средства противъ апоплексіи!

Семидневный переходъ отъ Алана до Кунграда былъ самымъ тяжелымъ за весь походъ. Принявъ порядочную дозу слабительнаго изъ колодцевъ Табынъ-су и Итебая, отрядъ спустился на дно Айбугира, когда-то прѣснаго озера, и нашелъ здѣсь саксауловыя заросли, свидѣтельствовавшія толщиною пней, что

дно обнажилось уже съ добрый десятокъ годовъ. Найденные колодцы были, правда, не глубоки, но вода оказалась до того соленою, что отъ нея отказывались даже лошади. Съ такою-то „какъ будто водою“ приходилось идти еще 75 верстъ, пока не выберешься на берегъ хивинскаго оазиса, гдѣ многочисленныя водопроводныя канавы далеко разносятъ живительную струю Аму-Дарьи. Къ счастью, 9-го прошелъ дождь и люди высасывали воду изъ гимнастическихъ рубахъ.

Пруссакъ Штуммъ, заявлявшій до Ильтедже не разъ, что въ испытаніяхъ, выпавшихъ на долю отряда, нѣтъ ничего особеннаго и что пруссакамъ подъ Гравелотомъ было не легче,—подъ конецъ сдался, не вынесъ того, что вынесли русскіе офицеры и солдаты, серьезно заболѣлъ и тогда сознался, что выше русской пѣхоты ничего представить невозможно!

Это же заявилъ онъ и во всеуслышаніе въ письмахъ своихъ, напечатанныхъ въ „Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ“. Я позволяю себѣ привести здѣсь одну выдержку. „Переходъ, совершенный войсками въ теченіе трехъ дней по знойной песчаной пустынѣ (дѣло идетъ о движеніи по дну Айбугира), при совершенномъ отсутствіи воды, представляетъ собою, быть можетъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, когда-либо совершенныхъ пѣхотною колонною съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ арміи. Переходъ отъ Алана до Кунграда навсегда останется въ военной исторіи Россіи однимъ изъ славныхъ эпизодовъ дѣятельности не только кавказскихъ войскъ, но и вообще всей русской арміи и, въ особенности, безпримѣрно мужественной, выносливой и хорошо дисциплинированной русской пѣхоты“.

Чтобы дать понятіе объ испытаніяхъ, перенесенныхъ отрядомъ, приведемъ еще слѣдующую выдержку: „нужно представить себѣ, что вода, имѣвшаяся въ ничтожномъ количествѣ, была солона и, вслѣдствіе продолжительной перевозки, вонюча (вспомнимъ бурдюки изъ сырыхъ козьихъ шкуръ), мутна, нерѣдко черна и нагрѣта почти до степени кипѣнія; нужно принять въ соображеніе, что даже и такой воды было немного, при той невообразимо изнуряющей жаждѣ, отъ которой изнемогали люди, шедшіе подъ ружьемъ и въ амуниціи; надо еще прибавить къ этому, совершенное затишье въ воздухѣ и 38, а не то и 40° градусовъ, жару. Въ виду всего этого всякій принялъ бы за сказку или вымыселъ тотъ фактъ, что при подобныхъ условіяхъ, пѣхота, на второй день перехода, еще подѣлилась своимъ запасомъ воды съ изнемогавшею отъ жажды артиллеріею! А между тѣмъ—это истина!“

Конечно, приведенныя строки дѣлаютъ честь безпристрастію иностраннаго офицера, но для насъ самихъ тутъ нѣтъ ничего новаго, ничего удивительнаго.

Это совершенно обыденный случай въ жизни русскаго солдата, который и всегда поступаетъ одинаково въ подобныхъ обстоятельствахъ. Можно было бы привести тысячи примѣровъ тому, какъ солдатъ этотъ дѣлился послѣдней крошкой хлѣба, послѣднимъ сухаремъ, послѣднимъ глоткомъ воды изъ своей немудреной манерки и дѣлился не только съ товарищемъ, но и съ плѣннымъ врагомъ!

Залишніе сапоги еще чаще переходили къ какому-нибудь „босоногому супостату“; старый мундиръ, шинель, шапка быстро пополняютъ нарядъ какого-нибудь отрепанца. „На, братъ, таскай на здоровье“, — кинетъ мимоходомъ солдатикъ и затеряется въ толпѣ.

Никто у насъ объ этомъ не кричитъ, никто не славословитъ,— всѣ считаютъ, что такъ тому и быть слѣдуетъ!

Если нѣмецкій человѣкъ боится, чтобы нѣмцы не приняли его разсказы за арабскую сказку, если дѣлежъ воды при обстоятельствахъ, исключающихъ въ нѣмцѣ мысль о великодушіи, произвелъ на него такое впечатлѣніе, то, конечно, потому только, что ему въ первый разъ пришлось познакомиться съ русскими, въ первый разъ пришлось идти по степи, о которой ему не могли дать никакого понятія „военныя прогулки“ по желѣзнымъ дорогамъ Европы!

Мы не сомнѣваемся, что и нѣмецкій солдатъ, поставленный въ подобныя же условія, поступитъ точно такъ же. Общечеловѣческая доблесть у всѣхъ народовъ проявляется одинаковымъ образомъ, а военные люди, подъ давленіемъ тяжкихъ испытаній, проникаются обыкновенно такимъ самоотверженіемъ, такимъ самоотреченіемъ, которыя граничатъ зачастую съ самопожертвованіемъ. А тогда никто изъ нихъ не придаетъ никакой цѣны поступку, кажущемуся со стороны необыкновеннымъ подвигомъ!

Поручикъ 8-го гусарскаго Вестфальскаго полка Штуммъ съ вѣстовымъ своимъ, ефрейторомъ того-же полка Тебилемъ, вели себя и въ походѣ, и въ стычкахъ примѣрнымъ образомъ. Поручикъ награжденъ орденами Св. Анны 3 ст. и Св. Владиміра 4 ст., а ефрейторъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Штуммъ не считался корреспондентомъ; поэтому его переписка не подвергалась контролю.

Не всѣ чапары однако достигали до тыльныхъ укрѣпленій съ почтою: случалось, что ихъ убивали туркмены.

23 іюля, когда уже Штуммъ уѣхалъ изъ отряда, мѣсяцъ назадъ, получено было предписаніе воен. министра отъ 2 іюня за № 117, такого содержанія: „Прусской службы капитанъ Штуммъ, находящійся съ нашими войсками въ экспедиціи противъ Хивы, послалъ германскому канцлеру князю Бисмарку три письма, изъ коихъ только одно дошло по назначенію.

„Кн. Бисмаркъ, припоминая, что донесенія прусскаго офицера, во время Крымской войны, давали поводъ къ распространенію различныхъ ложныхъ слуховъ, и желая избѣжать этого въ настоящемъ случаѣ, проситъ сдѣлать распоряженіе, дабы всѣ донесенія вышеназваннаго кап. Штумма, какъ передаваемыя имъ самимъ въ штабъ мѣстныхъ войскъ, для отправленія по принадлежности, такъ равно и тѣ, которыя какимъ-либо другимъ путемъ могли бы попасть въ наши руки, вскрывать и задерживать до конца кампаніи, если это признано будетъ нужнымъ. Государь императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу, высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать зависящее распоряженіе къ исполненію вышеизложеннаго“.

На днѣ Айбугира провіантъ уже былъ на исходѣ... Осталось еще малость джугары, отбитой подъ Итебаемъ; ее толкли на камняхъ и пекли лепешки въ ладонь, а толщиною въ палецъ. За такую лепешку офицеры платили по 1 рублю. На ночь подошли къ кол. Бураганъ, гдѣ застали киргизское кочевье; поѣли по-человѣчески, подкормили лошадей, заплатили баснословныя цѣны и, наконецъ, 12-го числа, послѣ цѣлаго мѣсяца похода, кавказцы увидѣли текучую воду, обработанныя поля и осѣдлыя жилища. Высокая степень развитія, на какой стоитъ здѣсь земледѣліе, дѣлала еще болѣе рѣзкимъ переходъ отъ мертвенной степи къ живой, изобильной долинѣ Аму-Дарьи. Тутъ начались и рѣзкіе переходы отъ дневной жары къ ночному холоду. Въ первый разъ взялись за шинели. Первый эшелонъ кавказцевъ вступилъ въ Кунградъ въ тотъ день, когда оренбургскій отрядъ выступилъ изъ этого города по дорогѣ въ Ходжейли, т. е. 12-го числа. Такимъ образомъ кавказцы осуждены идти позади оренбуржцевъ въ 25 верстахъ. Въ тотъ же день Ломакинъ, по вызову Веревкина, съ конвоемъ изъ казаковъ догналъ его въ Огузѣ. Половина задачи была выполнена,—отряды вошли въ связь.

Поздно ночью 14-го мая, сдѣлавъ усиленный переходъ въ 50 верстъ, чтобы догнать Веревкина, кавказцы подошли съ музыкой и пѣснями. У оренбуржцевъ поднялась тревога и началась пальба. Кто говорилъ, будто они приняли бой турецкаго барабана за выстрѣлы (Городековъ стр. 254), кто увѣрялъ, что нѣсколько офицеровъ прорвались сквозь оренбургскую цѣпь къ маркитантамъ на чай... Войска чуть не подрались...

Въ Кунградѣ мангышлакскій отрядъ оставилъ, по распоряженію Веревкина, сборную сотню изъ худоконныхъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и 2 горныхъ орудій, въ подкрѣпленіе гарнизона изъ одной роты и одной сотни, выдѣленныхъ изъ оренбургскаго отряда. Дагестанцы должны были купить себѣ тутъ лошадей.

Со дня выступленія въ походъ изъ Киндерли, т. е. съ 14-го

апрѣля, и по день прибытія въ Кунградъ, т. е. по 12 мая, кавказцы прошли около 615 верстъ *), въ томъ числѣ до 160 верстъ безводною пустыней (отъ озер. Каунды до кол. Сенекъ—80 верстъ и черезъ Айбугиръ 75 вер.), и не смотря на необычайную жару, усиленные переходы, недостаточный отдыхъ,—люди вынесли походъ молодцами.

Сами кавказцы, однакоже, съ завистью смотрѣли на сытыхъ, хорошо и чисто одѣтыхъ оренбуржцевъ: у нихъ и палатки, и кровати, и походная мебель, и сытые кони, и даже экипажи... Кавказскій же лагерь представлялъ собой спартанскій таборъ: палатки ни одной, даже у Ломакина; кроватей ни одной ни у кого,—самъ Ломакинъ спалъ прямо на землѣ, подостлавъ кошомку; не только столовъ или стульевъ, но и вьюковъ не видать... Арбъ было только двѣ: у Теръ-Асатурова, да подъ денежнымъ ящикомъ. Изъ Киндерли взяли по 2 рубахи,—теперь онѣ держатся только на швахъ, а въ остальномъ сквозитъ тѣло... Не мало офицеровъ щеголяютъ въ поршняхъ, какъ и солдаты... У кителей, вмѣсто полъ, болтаются оборванные фестоны... На ушахъ, носахъ и скулахъ — пузыри, нажженные солнцемъ. Цвѣтъ кожи на лицѣ и рукахъ мало чѣмъ уступаетъ сапогу... Но за весь походъ умерло только 3 человѣка. Въ Кунградскомъ лазаретѣ оставлено 46 чел. больныхъ, въ томъ числѣ 6 внутренними болѣзнями и около 20 чел. съ потертыми ногами. За весь походъ до Кунграда отрядъ потерялъ до 400 верблюдовъ; пало лошадей 41.

Предполагая, что хивинцы, какъ и всѣ азіяты, будутъ стараться охватывать наши фланги и напирать на обозъ, Веревкинъ усилилъ прикрытіе послѣдняго на 15 мая, при движеніи на Ходжейли, назначивъ сюда 5 ротъ, 2 сотни и два орудія. Авангардъ составленъ былъ изъ остальной кавалеріи, т. е. изъ 6 сотенъ, съ 8-ю ракетными станками. Главныя силы шли въ трехъ колоннахъ, параллѣльно и равняясь головами—правая изъ 4 ротъ (три апшеронскихъ и 1 самурская), средняя изъ стрѣлковыхъ ротъ ширванскихъ и лѣвая изъ 2-го оренбургскаго баталіона. Артиллерія шла по дорогѣ,—конная впереди. Однако, такой порядокъ нарушилъ самъ же Веревкинъ, вздумавшій сдѣлать смотръ кавказцамъ, когда оренбуржцы уже выступили. Конечно, кавказцамъ пришлось-таки идти сзади оренбуржцевъ, шагавшихъ къ тому же по открытой мѣстности... Измученные кавказцы такъ и не догнали соперниковъ до самаго привала.

Пройдя 6 верстъ, апшеронцы, свернувшіе на дорогу по бе-

*) Нѣкоторымъ частямъ пришлось еще сдѣлать до 500 верстъ зимой для добыванія верблюдовъ, другимъ еще отъ форта до Киндерли и Карабугаза 1040 вер.

регу Аму-Дарьи были встрѣчены выстрѣлами съ праваго берега рѣки. Стрѣляли карапалкаки, пропустившіе колонну Веревкина безъ выстрѣла. У насъ ранено двое, изъ коихъ одинъ упалъ въ воду и унесенъ быстрымъ теченіемъ.

На половинѣ перехода передъ правымъ флангомъ отряда показалась хивинская конница, не принимавшая, однако, атакъ нашихъ казаковъ и манившая ихъ къ камышамъ, куда, однако, казаки за ними идти не собирались. По группамъ хивинской конницы пущено было нѣсколько ракетъ, подоспѣла конная батарея, кинула также нѣсколько гранатъ съ дистанціи 2-хъ верстъ. Словомъ, все, что нужно для реляціи, когда нѣтъ болѣе серьезнаго непріятеля, а есть только обозначенный противникъ для легкаго маневра... Не доходя 5 верстъ до Ходжейли, кавалерія наша остановилась дождаться отставшей пѣхоты, которая пришла такою усталою, что пришлось сдѣлать тутъ привалъ на $1^1/_2$ часа. Въ три часа пополудни войска поднялись. Черезъ 2 версты дорога развѣтвляется на двѣ: одна по берегу Аму-Дарьи, другая въ городъ; лѣвѣе послѣдней есть большое болото, за которымъ, по берегу рѣки, стоялъ хивинскій лагерь, а правѣе тянется большой арыкъ Суали съ двумя мостами. Веревкинъ направилъ на лагерь оренбургскую сотню кн. Багратіона Имеретинскаго съ однимъ ракетнымъ станкомъ, на городъ—оренбургскій отрядъ, а кавказцамъ поручилъ идти вправо въ обходъ, перейти черезъ арыкъ по мосту и, ворвавшись въ городъ, захватить другой городской мостъ на пути отступленія хивинцевъ. Въ чертѣ предмѣстій Веревкина встрѣтила депутація, сдававшая городъ. Кавказцамъ пришлось одолѣть множество арыковъ и вбродъ, и вплавь, такъ что они запоздали, но зато имѣли удовольствіе взять подъ свою защиту множество персидскихъ невольниковъ, выбѣжавшихъ къ нимъ на встрѣчу, а командиръ 10 апшеронской роты штабсъ-капитанъ Хмаренко разыскалъ въ разныхъ тайникахъ до 30 человѣкъ, прикованныхъ цѣпями.

Отряды соединились, прошли $1^1/_2$ версты за городъ и стали лагеремъ. Между тѣмъ кн. Багратіонъ нашелъ хивинскій лагерь брошеннымъ; осталось нѣсколько палатокъ, одна пушка и до 1000 пудъ муки и джугары. Хивинцы отступили невредимо. Подъ Ходжейли войска отдыхали 2 дня, жители открыли базары. Ломакинъ закупилъ здѣсь мѣсячную пропорцію довольствія для своего отряда; кавказцы успѣли поправить одежду и обувь. Лагерь, однако, былъ окруженъ даже днемъ пѣшею цѣпью, не пропускавшею никого въ окрестныя сакли, и вообще были приняты мѣры для охраненія посѣвовъ и садовъ отъ безцеремоннаго съ ними обращенія. Въ городѣ назначены разныя должностныя лица изъ туземцевъ со строгимъ наказомъ блюсти порядокъ и

съ угрозой жестокой расправы, если кто-нибудь изъ нашихъ людей подвергнется нападенію.

По занятіи съ боя города Ходжейли, Ломакинъ воспользовался двухдневнымъ отдыхомъ и закупилъ для своего отряда муки и рисовой крупы въ количествѣ мѣсячнаго запаса, а также и рогатый скотъ. Это было необходимо сдѣлать уже потому, что заготовленный оренбургскимъ вѣдомствомъ провіантъ ожидался въ Ургу лишь въ половинѣ іюня, т. е. черезъ мѣсяцъ, а кромѣ сотни Р а к у з ы-С у щ е в с к а г о, ни у кого никакихъ запасовъ уже не было.

Такимъ образомъ кавказцы были обезпечены на все время экспедиціи. Поэтому Ломакинъ счелъ излишнимъ держать запасы въ Ильтедже и продолжать транспортировку довольствія изъ Киндерли въ Бишъ-акты и далѣе. Довольно было одного бишъ-актинскаго склада, да и то лишь на обратное слѣдованіе отряда. Съ разрѣшенія князя Меликова, гарнизонъ Ильтедже, т. е. 12-я рота Апшеронскаго полка была передвинута назадъ въ Бишъ-акты, а въ укрѣпленіи Ильтедже оставленъ постъ изъ 25 джигитовъ-киргизовъ для поддержанія постоянныхъ сообщеній.

12-я рота имѣла запасовъ только по 21-е мая, и командиру ея, поручику Г р и н е в и ч у, было предписано еще 8-го числа, что если Навроцкій не пришлетъ ему продовольствія къ 18-му числу, выступить съ ротой на встрѣчу транспорта, хотя бы до Бишъ-акты. Навроцкій не пришелъ и ничего не прислалъ... Довольствія осталось на три дня... Идти надо 185 верстъ по жарѣ и по колодцамъ, набитымъ оборвавшимися въ нихъ манерками, котелками, желѣзными и кожаными ведрами съ обрывками веревокъ... Надо пройти не болѣе, какъ въ четыре дня, а не то голодная смерть... Гриневичъ предупредилъ людей, что на каждаго въ запасѣ имѣется менѣе 4 фунтовъ сухарей, значитъ, меньше чѣмъ по фунту въ день, если удастся сломать 185 верстъ въ четыре дня, что поэтому надо спѣшить въ Бишъ-акты, гдѣ всего получатъ въ изобиліи. Сказано было также, что если кто упадетъ, съ того снимутъ оружіе, обрѣжутъ пуговицы и оставятъ на дорогѣ... На первомъ переходѣ это и было продѣлано надъ однимъ солдатикомъ изъ жидковъ, но тотъ сталъ умолять не покидать его... Посадили на запаснаго верблюда и черезъ 10 верстъ онъ оправился. На привалѣ выдано по 1/2 фунта сухарей. 20-го числа на привалѣ умеръ одинъ солдатъ. 21-го на привалѣ раздѣленъ послѣдній пудъ сухарей: слабымъ выбирался сухарь побольше... Выступили въ 5 часовъ вечера и шли всю ночь. Утромъ увидали Камысты; оставалось верстъ 12 до Бишъ-акты. Въ 8 часовъ 22-го числа у Камысты съѣдены были послѣднія крошки... Спали до 3 1/2 час. пополудни. Въ 7 1/2 час. дошли до укрѣпленія, гдѣ стояли двѣ роты, угостившія голодныхъ товарищей ужиномъ и водкой. Но Гриневичъ три дня выдавалъ людямъ, 4 раза въ день, по 1/2 ф.

сухарей, и когда замѣтилъ, что люди ѣдятъ уже безъ жадности, сталъ выдавать обычнымъ порядкомъ.

30 мая рота эта передвинута въ Киндерли; на дорогѣ умеръ еще одинъ солдатъ.

Въ Бишъ-акты доставлено столько продовольствія, чтобы его хватило не только на гарнизонъ, но и на весь отрядъ при обратномъ движеніи его отъ Ильтедже до Киндерли. На встрѣчу отряду въ Ильтедже долженъ былъ выдти съ Бишъ-актовъ транспортъ, когда отъ Ломакина получится приказаніе.

По занятіи Ходжейли Ломакинъ разослалъ почетныхъ біевъ и старшинъ адаевскихъ и туркменскихъ, прибывшихъ съ нимъ изъ Мангышлака, съ объявленіемъ амнистіи нашимъ перебѣжчикамъ. На третій день, когда отрядъ 18 мая перешелъ въ Суюнды, посланные воротились съ депутатами изъ біевъ и старшинъ всѣхъ кочующихъ здѣсь киргизовъ и туркменъ поколѣнія Есенъ и родовъ: чаудыръ, игдыръ, бузачи, обдалъ и бургнчи. Они изъявили полную покорность и готовность сдать занятые ими города: Куня-Ургенчъ, Порсу, Кизилъ-Такиръ и Кокчеге. Явился въ числѣ прочихъ и Калбинъ. Сознали, наконецъ, дикари, что дѣваться имъ больше некуда.

ГЛАВА X.

Выступленіе туркестанцевъ изъ Халъ-ата 27 апрѣля. Недостатокъ верблюдовъ. Негодность турсуковъ. Нападеніе на колонновожатыхъ. Ночное нападеніе на бивуакъ у кол. Адамъ-Кирилганъ. Сожженіе залишняго имущества. Предстоитъ безводный переходъ въ 80 верстъ. Кауфманъ не хочетъ свернуть въ сторону къ колодцамъ Алты-Кудукъ. Варка пищи, когда вода на исходѣ. Жара. Падежъ верблюдовъ. Новые костры. Тюстюбай нашелъ колодцы въ 9 верстахъ отъ ночлега. Скрытый колодезь. Дохлая собака. Смерть нѣсколькихъ лаучей отъ жажды. Военный совѣтъ. Предложеніе бросить артиллерійскіе запасы. Караулы у колодцевъ. Безпорядокъ и драки. Разсказъ Полторацкаго, Касьянова и ген. Королькова. Кому принадлежитъ совѣтъ отправить всѣхъ верблюдовъ и лошадей назадъ на Адамъ-Кирилганъ. Нападеніе 5 и 6 мая на верблюдовъ у кол. Адамъ-Кирилганъ. Клубъ у Кауфмана. Пучекъ камыша съ озера Сардаба-Куля. Послѣднее залишнее оставлено на Алты-Кудукѣ. Ночные переходы гибельны для верблюдовъ. 11 мая увидѣли рѣку съ высокаго кряжа. Встрѣча съ непріятелемъ на ночлегѣ. 12-го къ озеру еще донесли въ бутылкахъ воду. Уральцы плывутъ къ обмелѣвшему каюку и берутъ его съ боя. Серенада на кауфманкѣ. Предписанія Веревкину, Ломакину, Ситникову и Маркозову. Прокламаціи. Рекогносцировка. Гребная флотилія. Артиллерійскій бой черезъ рѣку. Переправа 18 мая. Голодъ. Конина. Именины Кауфмана. Занятіе Хазараспа 23 мая. Отступленіе къ сел. Каравакъ. Смерть полк. Веймарна. Приказаніе ждать—никому не нравится. Движеніе Веревкина изъ Ходжейли. Мирное вступленіе въ Мангытъ кончилось погромомъ. Случайное мщеніе черезъ 150 лѣтъ за Бековича. Стычки Скобелева. Письмо отъ хана. Извѣстіе отъ Кауфмана. Угонъ хивинцами верблюдовъ 27 мая. Авангардъ Скобелева. Приготовленія къ штурму Хивы.

27-го апрѣля соединенный туркестанскій отрядъ окончилъ укрѣпленіе, а 27-го въ 4 часа пополудни двинулся изъ Халъ-ата далѣе къ колодцамъ Адамъ-Кирилганъ. Считалось тогда до Аму-Дарьи, по недостовѣрнымъ свѣдѣніямъ Аминова, около 120 верстъ; а по еще менѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ въ сочиненіи лгуна Вамбери, кол. Адамъ-Кирилганъ или, по киргизскому произношенію, Адамъ-Крылганъ, считался, согласно невѣрному переводу Вамбери, „погибелью человѣка“, тогда какъ слово кирилганъ значитъ еще „расчищенный, очищенный, освѣженный“. Если тутъ нѣтъ какой-нибудь легенды о погибшемъ человѣкѣ, то вѣрнѣе это будетъ „расчищенный человѣкомъ“ или „освѣженный человѣкъ“, а не погибшій *), а если и не такъ, то во всякомъ

*) Кирилганъ и таза равнозначущи; можно сказать: таза-арыкъ и кирилганъ-арыкъ—чистый, расчищенный, освѣженный арыкъ.

случаѣ колодцамъ слѣдовало бы дать другое названіе, а именно „спасеніе человѣка“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ воды здѣсь изобиліе и всего въ 3 или 4 аршинахъ отъ поверхности. Здѣсь впослѣдствіи колонна Бардовскаго выкопала 60 колодцевъ и снабдила водой погибавшій на Алты-Кудукѣ отрядъ, вдоволь напоивъ пригнанныхъ сюда обратно верблюдовъ и лошадей.

Передъ выступленіемъ особая коммиссія провѣрила транспортъ и нашла, что провіанта оставалось только на 21 день, т. е. до 16 мая, водоподъемныхъ средствъ только на 4,043 ведра, а годныхъ верблюдовъ только 2,412 штукъ. Воды, стало быть, хватило бы только на одинъ безводный переходъ и только верблюдамъ и лошадямъ, а если имъ не давать, то, значитъ, однимъ людямъ, принимая значительную утечку воды изъ неисправныхъ турсуковъ... Поэтому пришлось оставить въ Георгіевскомъ укрѣпленіи всѣ лишнія тяжести, т. е. тѣ, безъ которыхъ можно было обойтись на первыхъ порахъ. Здѣсь же оставлена одна рота въ гарнизонѣ, и временно еще шесть ротъ, 6 орудій, сотня казаковъ, половина походнаго лазарета и часть артиллерійскаго парка, за которыми предполагалось прислать верблюдовъ, когда остальныя войска дойдутъ до Аму-Дарьи.

Первый эшелонъ, подъ начальствомъ генерала Бардовскаго, изъ двухъ ротъ 1-го стрѣлковаго баталіона, одной роты саперъ, 4 горныхъ пушекъ и 2 картечницъ, выступилъ, какъ сказано, въ 4 часа дня 27-го числа, чтобы лунною ночью пройти, сколько успѣетъ, затѣмъ въ 10 час. утра сдѣлать привалъ до 4 час. дня и вечеромъ докончить переходъ къ Адамъ-Кирилгану. Запасъ воды данъ на 5 дней, на случай, если на Адамъ-Крылганѣ окажется мало воды. Полторацкій, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ: „необходимо было пустить въ ходъ, запасенные еще въ Ташкентѣ турсуки; къ сожалѣнію, они сплюснулись, разсохлись, потрескались, и когда налили въ нихъ воду, то многіе оказались негодными“. Колонновожатымъ въ первый эшелонъ назначенъ подполковникъ Ивановъ; за начальника штаба подполковникъ Тихменевъ; съ топографами—подполковникъ баронъ Каульбарсъ. Второй эшелонъ, изъ четырехъ ротъ стрѣлковъ и пяти линейныхъ, при 8 конныхъ орудіяхъ и полусотнѣ казаковъ, выступалъ 3 апрѣля. Всю же кавалерію съ ракетными станками рѣшено двинуть особо третьимъ эшелономъ налегкѣ, чтобы она догнала отрядъ на полупути отъ Адамъ-Крылгана до Аму-Дарьи. Вотъ лучшее под-тверженіе тому, что казалинцы могли бы идти на Минъ-Булакъи безъ казаковъ.

Впереди перваго эшелона шли 8 джигитовъ съ подполковникомъ Ивановымъ и 4 казака съ подполковникомъ Тихменевымъ; въ полуверстѣ за ними казачій патруль изъ 8 казаковъ; въ верстѣ за нимъ авангардъ изъ взвода стрѣлковъ, за ними остальныя

части съ верблюдами и, наконецъ, аріергардъ изъ взвода же стрѣлковъ.

Когда стемнѣло, на передовой разъѣздъ налетѣла, въ 18 верстахъ отъ Халъ-ата, конная партія непріятеля; наши спѣшились и сбатовали коней. Ружья были только у 4 казаковъ и два револьвера у офицеровъ. Стрѣляли только въ упоръ. Скоро Тихменевъ былъ раненъ тремя жеребьями (рубленый свинецъ) въ голову, Ивановъ пулями въ руку и ногу, ранены всѣ казаки и два джигита. Тутъ подоспѣлъ казачій патруль, а затѣмъ прибѣжали стрѣлки. 6 лошадей убѣжали и достались хивинцамъ. Два офицерскихъ сѣдла, вьюкъ Иванова и пальто его достались имъ же. Пальто нашлось по взятіи Хивы во дворцѣ хана, но безъ погонъ и пуговицъ, найденныхъ также на арбѣ какого-то туркмена послѣ разгрома 17 іюля *).

Заслышавъ выстрѣлы, эшелонъ остановился и заночевалъ. Получивъ донесеніе о стычкѣ въ 2 часа ночи, Кауфманъ послалъ въ первый эшелонъ подполковника Головацкаго съ тремя сотнями, ракетной батареей и тарантасомъ для доставки раненыхъ офицеровъ; онъ же доставилъ всѣмъ раненымъ казакамъ и джигитамъ знаки отличія военнаго ордена. Тяжело раненый проводникъ Молда-бай (пятью пулями и двумя шашками) вскорѣ умеръ. На утро въ 10 часовъ утра, какъ разъ наоборотъ противъ полученнаго приказанія, т. е. въ самую жару, Бардовскій выступилъ далѣе. Въ 6 верстахъ его догналъ Головацкій, отправилъ раненыхъ съ одной сотней въ Халъ-ата, а съ двумя остальными пошелъ къ Адамъ-Кирилгану, какъ ему было приказано. По приходѣ сюда перваго эшелона казаки тотчасъ должны были идти назадъ на Халъ-ата. Въ тѣни было 33 градуса. Идти въ такую жару по песку трудно. Верблюды стали падать. Къ закату солнца эшелонъ пришелъ, однако, на Адамъ-Кирилганъ. 30-го апрѣля, въ часъ ночи, выступилъ въ Халъ-ата и второй эшелонъ. Такимъ образомъ ни одно изъ прежде отданныхъ приказаній о порядкѣ движенія эшелоновъ не было выполнено. 1 мая должны были выступить и казаки.

Главныя силы остановились на привалѣ въ 10 часовъ утра, а поднялись въ 2 часа дня. Множество верблюдовъ, лишенныхъ ночного отдыха, пало; обозъ растянулся до того, что аріергардъ пришелъ къ Адамъ-Кирилгану только въ 2 часа ночи. Здѣсь вырыто было уже 20 колодцевъ.

До чего всѣ прониклись ложью Вамбери насчетъ этого урочища, видно, напримѣръ, изъ воспоминаній Полторацкаго, который говоритъ: „вся кругомъ мѣстность безъ всякаго признака расти-

*) За потерю этихъ «трофеевъ» офицерамъ однакоже не досталось, не смотря на строгій приказъ Кауфмана...

тельности, даже и колючки"; точно также въ матеріалахъ Троцкаго говорится, что „на всемъ видимомъ глазомъ пространствѣ здѣсь нѣтъ ни былинки растенія, ни одного признака животнаго міра". А между тѣмъ здѣсь было достаточно подножнаго корма. Даже въ тѣхъ же матеріалахъ, черезъ 75 строкъ, говорится, что „кормъ для верблюдовъ, отчасти и для лошадей, былъ вблизи бивака". Какъ согласить эти противорѣчія?

Усталость людей и верблюдовъ главныхъ силъ заставила сдѣлать здѣсь дневку на 1 мая, и потому въ Георгіевское послано приказаніе казакамъ выступить не 1-го а 2-го числа.

Въ ночь на 1 мая шайки туркменъ подкрались къ нашимъ аванпостамъ. Изъ секрета данъ былъ выстрѣлъ. Отрядъ поднялся по тревогѣ. На передніе барханы были высланы взводы стрѣлковъ. Когда разсвѣло, увидали, что съ юга и съ запада гарцуютъ толпы хивинцевъ внѣ выстрѣла. Нѣсколько кучекъ пробовали было подскочить поближе, но получивъ по залпу, улепетывали во всѣ лопатки. Наконецъ и совсѣмъ ушли, но часть ихъ повернула на дорогу, по которой наканунѣ шелъ отрядъ и на которой было брошено нѣсколько вьюковъ съ небольшимъ прикрытіемъ. На помощь туда послана была 1 рота стрѣлковъ, атакованная туркменами тотчасъ по выходѣ изъ лагеря. Рота дала залпъ, и туркмены поскакали за своими въ разсыпную, да ужъ больше и не показывались. Рота забрала брошенные вьюки.

Въ виду того, что въ отрядѣ на переходѣ къ Адамъ-Кирилгану пало много верблюдовъ и многихъ пришлось бросить за негодностію, а вьюки съ нихъ некому было оставить, кромѣ развѣ туркменъ,—рѣшено было сжечь залишнее... Очевидно, что жгли далеко не залишнее, ибо залишнее было уже покинуто въ Халъата... Запылали кибитки, сундуки, кошмы, мѣшки и разныя вещи. Здѣсь, вѣроятно, зарыты въ песокъ и всѣ кузнечные, слесарные, плотничные, столярные, каменщичьи и землекопные инструменты инженернаго парка. По крайней мѣрѣ въ вѣдомости парка все взятое изъ Ташкента и Чиназа отмѣчено въ графѣ „поломано на работѣ"—цѣликомъ. Осталось только 10 молотковъ, 10 лопатокъ для каменной работы и 150 лопатъ для земляныхъ работъ. Оно и понятно: инструменты, выведенные въ расходъ, ни разу въ походѣ не употреблялись. Обозъ, состоявшій изъ верблюдовъ, чинить ни топоромъ, ни пилой нельзя; дворцовъ также дорогой не строили, значитъ, каменьщикамъ работать не приходилось.

Отъ возвратившихся лазутчиковъ узнали, что отсюда до Аму-Дарьи еще 80 верстъ безводныхъ, но что въ сторонѣ есть глубокіе колодцы Алты-Кудукъ; если идти на нихъ, то путь удлинится на 20 верстъ. Кауфманъ рѣшился идти напрямикъ, не заходя на эти шесть колодцевъ. Онъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ ту же ошибку, что и Маркозовъ, миновавшій Бала-Ишемъ, чтобы

выиграть такія же 20 несчастныхъ верстъ. Послѣдствія были тѣ же: Кауфманъ чуть не погубилъ отрядъ и все-таки долженъ былъ свернуть на Алты-Кудукъ, какъ свернулъ по неволѣ и Марковъ на Бала-Ишемъ! Наказаніе даже превзошло вину: вмѣсто того, чтобы проскользнуть до Аму-Дарьи въ 2 дня, пришлось просидѣть въ пустынѣ 12 дней!

Выступили въ 2 часа утра 2 мая и пробились съ обозомъ въ темнотѣ до 4 часовъ, пока дошли до караванной дороги на Учъ-учакъ. Приказано было беречь только вьюки съ водой и артиллерійскими запасами, остальное жечь, если падетъ верблюдъ... Въ крайности разрѣшалось истреблять даже артиллерійскіе запасы...

Къ 9½ часамъ утра эшелонъ прошелъ 21 версту, т. е. по 2 версты въ часъ и сталъ на привалъ въ горячемъ пескѣ. Не смотря на то, что воды утекло изъ турсуковъ и прочаго весьма много, и что людямъ дали для питья только по чаркѣ и немного для чаю, все-таки стали варить пищу, что, конечно, было громадною ошибкой, такъ какъ на варку требуется очень много воды. Но Кауфманъ обнаружилъ въ хивинскомъ походѣ полнѣйшую неопытность и дѣлалъ ошибку за ошибкой.

Къ 2 часамъ жара дошла до 40 градусовъ. Изъ отставшаго обоза получены безотрадныя вѣсти, что верблюды падаютъ сотнями и что для спасенія артиллерійскихъ запасовъ и воды, сбрасываютъ провіантъ и вещи и жгутъ ихъ, а на освободившихся верблюдовъ вьючатъ эту воду и запасы, хотя все-таки часть ихъ пришлось оставить на дорогѣ съ прикрытіемъ. Изъ аріергарда отъ Головачева получилась также нерадостная вѣсть, что онъ придетъ развѣ ночью и что вода утекаетъ такъ, что ее не только на два дня, а даже и на эту ночь не хватитъ...

Привалъ обратили въ ночлегъ и послали лучшихъ верблюдовъ подобрать брошенныя тяжести. Воду провѣрили, оказалось ея на 1½ дня. Приказано растянуть ее на три дня. Къ 5 часамъ вечера пришелъ, наконецъ, измученный аріергардъ, люди несли на себѣ мѣшки съ порохомъ и снарядами, снятыми съ павшихъ верблюдовъ.

Здѣсь опять назначено было всесожженіе тучное... На этотъ разъ жгли офицерскія палатки, походныя кровати, шинели, мундиры, запасные сапоги, бѣлье, даже часть солдатскихъ рубахъ; лопаты, мотыги, доски отъ паромовъ, штурмовыя лѣстницы. Даже неудавшіеся по тяжести кауфманскіе понтоны приказано было зарыть. Этого послѣдняго однако не успѣли сдѣлать, потому что одинъ изъ лаучей Тюстю-бай нашелъ не подалеку колодезь. Ни Кауфманъ, ни его колонновожатые не догадались, конечно, послать джигитовъ искать колодцевъ, ни даже спросить лаучей, бывалъ ли кто изъ нихъ въ этихъ мѣстахъ. Когда саперы начали

на авось рыть колодезь, то имъ, какъ и на Адамъ-Кирилганѣ, сталъ помогать сильный и ловкій Тюстю-бай, прозванный саперами Василіемъ. Этотъ новый „саперъ Василій“ въ разговорѣ какъ-то упомянулъ, что бывалъ въ этихъ мѣстахъ и помнитъ, что недалеко отсюда, верстахъ въ 10-ти есть хорошіе колодцы. Саперы доложили своимъ офицерамъ, а тѣ Кауфману. Тогда только онъ догадался послать этого „Василія“ искать колодцы и привезти оттуда бутылку воды или иное доказательство, что вода найдена. Киргизъ воротился черезъ 2 часа, но безъ воды, а съ веретенемъ для добыванія воды изъ глубокихъ колодцевъ; веревка, взятая имъ съ собою, не достала до дна.

Послѣ этого для осмотра колодцевъ посланы были Аминовъ и Каульбарсъ съ 1 сотнею казаковъ и ротою. Аминовъ скоро воротился съ сотней и бутылкой воды. Разстояніе оказалось въ 9 верстъ. Глубина колодцевъ отъ 16 до 18 саженъ.

Въ часъ ночи на 3 мая отрядъ двинулся на эти колодцы безъ дороги и пришелъ въ 10 часовъ утра; шелъ, значитъ, по верстѣ въ часъ. Колодцы оказались узкіе и кривые, добывать изъ нихъ воду было весьма затруднительно. Толкотня, гамъ, споры и драки начались у колодцевъ; лаучи не могли ничего добиться и столпились у ставки Кауфмана, стали на колѣни и стали молить „су... су...“ (воды... воды). Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ такъ и умерли, не дождавшись ни глотка... Собаки выли такъ жалобно, что ихъ, наконецъ, стали убивать, чтобы избавить отъ мукъ. Лошади срывались съ приколовъ и мчались къ колодцамъ, а когда ихъ отгоняли, то они нападали на бочки и турсуки съ водою, которыя несли мимо нихъ, лизали мокрую землю возлѣ колодцевъ, глотали мокрый песокъ. То же дѣлали верблюды, ослы и порціонные быки.

Вмѣсто 6-ти, тутъ оказалось только 3 колодца, да еще два найдено въ верстѣ отъ нихъ. Одинъ былъ весьма хитро прикрытъ, будто засыпанный: туркмены перебрали его на половинѣ глубины сучьями, а сверху навалили сажени 2 земли. Саперы стали его расчищать. Полторацкій увѣряетъ, будто здѣсь два сапера задохлись на глубинѣ 20 саженъ; въ матеріалахъ объ этомъ однако нѣтъ ни слова. Когда сняли насыпку и переборку, то это оказался лучшій колодезь, дававшій до 800 ведеръ въ сутки. Его такъ и прозвали „сапернымъ“. Внизу у дна становились, спущенные туда, очередные два человѣка, наполнявшіе опускаемые къ нимъ турсуки; на половинѣ глубины въ особой нишѣ стоялъ еще одинъ человѣкъ, для передачи наверхъ приказаній снизу: „тащи“. Но какъ внизу было душно, то одинъ саперный офицеръ придумалъ простую и хорошую мѣру: онъ надувалъ очередной турсукъ воздухомъ, при помощи кузнечнаго мѣха и спускалъ его

внизъ. Рабочіе получали такимъ образомъ запасъ свѣжаго воздуха, и потому работа пошла живѣе.

На первой группѣ 3-хъ колодцевъ, гдѣ и стоялъ весь отрядъ, когда самый обильный былъ вычерпанъ и сталъ къ концу давать вонючую воду, вздумали его почистить; спустили на дно 2-хъ саперъ, которые и нашли тамъ разложившійся трупъ собаки съ облѣзлой шкурой... У многихъ, кто пилъ передъ тѣмъ воду изъ этого колодца, началась рвота.

Было очевидно, что всѣхъ верблюдовъ и лошадей невозможно напоить здѣсь и въ двое сутокъ, работая день и ночь. Даже и люди изнемогали отъ ожиданія очереди. У колодцевъ много солдатъ лежало уже безъ чувствъ и ихъ топтали дравшіеся за очередь и отнимавшіе у счастливцевъ воду...

Къ довершенію бѣды налетѣла кавалерія съ Халъ-ата, но ей дали только немного отдохнуть и выпроводили обратно на Адамъ-Кирилганъ.

Кауфманъ собралъ въ 4 часа пополудни военный совѣтъ изъ начальниковъ частей, для рѣшенія вопроса: что бросить? Рѣшено солдатскихъ вещей не бросать, а бросать послѣднія офицерскія. Кто-то, обозначенный у Полторацкаго буквою П* (а такихъ, кромѣ Полторацкаго, было всего двое: генералъ Пистолькорсъ и подполк. Папаригопуло), предложилъ бросить артиллерійскій паркъ, такъ какъ изъ нѣсколькихъ стычекъ можно было убѣдиться, что непріятель плохъ и пушечнаго огня не стоитъ. Число же верблюдовъ сократится на 600 штукъ. Одинъ изъ батарейныхъ командировъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ надо бросить и пушки, которыя безъ снарядовъ будутъ уже ненужными. Но Головачевъ обѣщалъ водворить должный порядокъ на колодцахъ и ручался, что къ ночи всѣхъ напоитъ, а турсуки наполнитъ. Поэтому Кауфманъ объявилъ выступленіе дальше въ 12 часовъ ночи, оставивъ здѣсь всѣ тяжести при 4 ротахъ и 4 орудіяхъ.

Хотя колодцы были распредѣлены между частями войскъ, а штабнымъ и вообще офицерамъ воду дозволялось брать только по списку у дежурнаго по колодцу, въ очередь, и не болѣе назначеннаго количества, хотя караулы у колодцевъ были поставлены еще ранѣе, но водворить порядка такъ и не удалось. Люди мѣшали другъ другу, задерживали спускъ посудинъ, каждый хотѣлъ спустить свою раньше, добываніе воды черезъ это замедлялось.

Колонновожатый Аминовъ въ 10 часовъ вечера доложилъ начальнику штаба Троцкому, что въ темнотѣ найти отсюда караванный путь будетъ трудно, а проводники, не получивши воды, просятъ отпустить ихъ домой. Поэтому слѣдуетъ отложить выступленіе до разсвѣта, тѣмъ болѣе, что воды на всѣхъ не хватаетъ. Чины штаба обошли колодцы по порученію Троцкаго и

сообщили ему, что идти далѣе, даже налегкѣ, будетъ рискованно. Далѣе показаніе матеріаловъ Троцкаго и воспоминаній Полторацкаго сильно расходятся, но какъ „матеріалы“ обошлись Кауфману въ 12,000 рублей, а за свои воспоминанія Полторацкій ничего не получилъ, ибо они напечатаны послѣ его смерти, то осторожнѣе было бы предпочесть его разсказъ... хотя онъ и выставляетъ себя всюду на первый планъ.

По его версіи, Троцкій шелъ къ нему и, заставъ его бесѣдующимъ съ княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ, просилъ пойти къ Кауфману и доложить ему, что выступленіе слѣдуетъ отложить. Взять это на себя Троцкій, повидимому, не рѣшался, не имѣя за собой боевой репутаціи, тогда какъ Полторацкій, получившій на Кавказѣ офицерскій георгіевскій крестъ, былъ извѣстенъ самому государю. Полторацкій предложилъ тогда Троцкому оставить здѣсь всѣ тяжести, людей и пушки, а всѣхъ верблюдовъ съ пустыми турсуками и лошадей отправить назадъ на Адамъ-Кирилганъ, напоить ихъ вдоволь, дать имъ тамъ отдохнуть и подкормиться и черезъ нѣсколько дней привести ихъ сюда съ водой, а къ этому времени подойдетъ и транспортъ съ провіантомъ. Въ матеріалахъ же говорится глухо, что Троцкій шелъ къ Кауфману, встрѣтился по дорогѣ съ княземъ Романовскимъ и Полторацкимъ и въ разговорѣ „упомянутыя лица пришли къ выводу, который, формулированный въ окончательномъ видѣ, начальникомъ штаба“ и т. д. Такъ что неизвѣстно, кто именно предложилъ такую дѣльную и богатую мысль, за которую бы слѣдовало дать Георгія на шею... По статуту, этотъ орденъ дается и за дѣльные совѣты.

Далѣе Троцкій увѣряетъ, будто съ докладомъ къ Кауфману пошелъ онъ, а Полторацкій говоритъ, что въ это время Кауфманъ позвалъ его, Полторацкаго, къ себѣ чрезъ адъютанта, и онъ доложилъ ему о своемъ планѣ. Бывшій полевой интендантъ Касьяновъ, касаясь этого вопроса въ своихъ воспоминаніяхъ (Средне-Азіатскій Вѣстникъ, 1896 г. іюнь, стр. 36), стоитъ за Троцкаго и въ доказательство приводитъ, во-первыхъ, то, что онъ самъ ни отъ кого, кромѣ Троцкаго, о такомъ предложеніи не слыхалъ, а во-вторыхъ, что Кауфманъ, собравъ совѣтъ и очертивъ положеніе отряда, продолжалъ: „начальникъ полевого штаба предлагаетъ слѣдующую мѣру“ и затѣмъ изложилъ эту мѣру.

Въ виду однако особыхъ семейныхъ отношеній между Касьяновымъ и Троцкимъ, мы не можемъ придавать похваламъ ихъ другъ другу серьезнаго значенія. Въ матеріалахъ, напримѣръ, Троцкій повѣствуетъ о подвигахъ Касьянова при завладѣніи хивинскими каюками на Аму-Дарьѣ, а самъ Касьяновъ, на стр. 47 тѣхъ же воспоминаній, сознается, что никакихъ такихъ подвиговъ съ пальбой онъ не совершалъ. Да и компанія съ нимъ была со-

вершенно мирная: зоологъ Богдановъ, аптекарь-ботаникъ Краузе, да топографъ подпор. Козловскій.

Просто нашли они затопленную лодку, отлили воду, привязали плѣнницу къ своей кауфманкѣ и отвалили. Если бы Касьяновъ хотѣлъ врать, то,—говоритъ онъ,—„ничего бы вѣдь не стоило разсказать, напримѣръ, что къ берегу прискакала толпа человѣкъ въ 20 или 25, а мы ее отбили и разсѣяли". Охотно вѣримъ Касьянову, доживающему свой вѣкъ въ отставкѣ, но о немъ въ матеріалахъ сообщается именно въ родѣ этого, что, по его же мнѣнію, „и правдоподобнѣе, и славнѣе".

Достовѣрно извѣстно однако, что мысль, которую всѣ себѣ присваиваютъ, принадлежала подполк. Тихменеву. Полторацкій тотчасъ подхватилъ брошенное имъ слово и понесъ къ герцогу Лейхтенбергскому. Только одну необычайно-дерзкую мысль приписываютъ Полторацкому: объявить Кауфмана сумасшедшимъ, смѣнить его и выбрать другого полководца. Мысль эту пропагандировалъ камергеръ князь Голицынъ, извѣстный своею недалекостію и страстію играть роль. Насмѣшки достались Голицыну, а Полтарацкій остался въ сторонѣ и даже самъ подтрунивалъ надъ „придворнымъ человѣкомъ".—Объ этомъ онъ въ своихъ запискахъ не упоминаетъ, оставляя читателя въ недоумѣніи: почему Кауфманъ охладѣлъ къ нему? Итакъ, Кауфманъ опять собралъ военный совѣтъ, около 11 часовъ ночи, и спасительный планъ былъ утвержденъ.

На разсвѣтѣ 4 мая всѣ верблюды съ пустыми водоподъемными средствами, порціонный скотъ, ослы и лошади отправлены на Адамъ-Кирилганъ подъ прикрытіемъ трехъ ротъ и команды саперъ.

Начальникомъ команды назначенъ Бардовскій. Почти всѣ лаучи отправились съ верблюдами. На Алты-Кудукѣ водворилась тишина. Для болѣе правильнаго и точнаго отпуска воды по спискамъ разставили возлѣ колодцевъ желѣзные ящики отъ кауфманокъ вмѣсто чановъ и наливали въ нихъ воду. Явилась возможность давать уже по ведру на человѣка, но все-таки при сильной испаринѣ и жаждѣ воды не хватало на умыванье. Да и вообще, какъ стали брести по скупымъ колодцамъ, такъ никто болѣе одного раза въ недѣлю и не мылся.

Солдатики прибодрились, а въ 4 линейн. баталіонѣ стали уже чинить сѣти, которыя сохранили отъ всесожженія, пожертвовавъ сапогами и рубахами... На разспросы Кауфмана люди объяснили, что „вотъ ужо, какъ выйдемъ на Аму-Дарью, такъ рыбу будемъ ловить, ваше превосходительство".

Колонна Бардовскаго прибыла на Адамъ-Кирилганъ 4-же мая въ $6^1/_2$ часовъ вечера, сдѣлавъ 25 верстъ. Верблюды шли почти безъ вьюковъ, а все-таки ихъ пало немало; погибло также нѣсколько лошадей. Животныя не пили уже третьи сутки...

Саперы тотчасъ приступили къ рытью новыхъ колодцевъ, благо вода не глубоко. 6-го числа было, съ прежними 17-ю, уже 60 колодцевъ. Въ большемъ числѣ и нужды не было, а то можно бы было накопать ихъ сколько угодно. Гдѣ же тутъ погибель человѣка

Еще 5-го числа, въ полдень, шайка туркменъ пыталась было отбить на пастбищѣ нѣсколько верблюдовъ, но прикрытіе заняло ближайшій барханъ и туркмены ушли. На разсвѣтѣ 6-го числа туркмены снова показались и стали подходить съ двухъ сторонъ, партіями въ 200 человѣкъ. Бардовскій не велѣлъ бить тревоги, а тихо поднялъ отрядъ и выслалъ два взвода стрѣлковъ на барханы; туркмены два раза кидались въ аттаку, но, встрѣчаемые залпами, отступали на почтительное разстояніе. Однако это все-таки мѣшало пастьбѣ, поэтому противъ нихъ были направлены казаки съ ракетными станками, которые и отогнали назойливыхъ туркменъ на 4 версты.

Перебѣжчикъ-туркменъ показалъ, что это была партія Сыддыка изъ 400 человѣкъ, ночевавшая на 5 мая въ 8 верстахъ отъ Адамъ-Кирилгана. Повѣривъ захваченному имъ лаучу нашему, будто здѣсь стоитъ всего 150 челов. русскихъ съ массой верблюдовъ, Сыддыкъ попытался было отбить ихъ... Впослѣдствіи это подтвердилось. Партія Сыддыка воротилась къ Аму-Дарьѣ въ половинномъ составѣ, да и тѣ пѣшкомъ, еле живые. Остальное все либо погибло безъ воды, либо разбѣжалось. Это по взятіи Хивы подтвердилъ и самъ Сыддыкъ, явившійся съ повинною. У него было 700 киргизовъ и 500 туркменъ; изъ нихъ убито всего 3 человѣка, а при отступленіи къ рѣкѣ безъ воды пропала почти половина отряда.

Пока наши перевозочныя средства отдыхали и упивались водою на колодцахъ, дѣйствительно „расчищенныхъ человѣкомъ“, главный отрядъ производилъ пробу артиллеріи: оказалось, что ударныя трубки гранатъ благополучно воспламеняются, попадая въ песокъ; картечницы же безпрестанно останавливали огонь: то патроны падаютъ изъ жестянокъ въ пріемникъ криво и вязнутъ тамъ, то ломается экстракторъ.

По вечерамъ офицерство собиралось „въ клубъ“,—къ ставкѣ Кауфмана, но каждый приносилъ свою бутылку воды. Чаю гостямъ не подавалось. Все-таки ставился столъ для любителей ераша, да музыка 3-го стрѣлковаго баталіона старалась не наводить унынія. О. Маловъ раскинулъ на одномъ изъ бархановъ церковный наметъ и служилъ всенощныя и обѣдни.

6-го мая колонновожатый Аминовъ разыскивалъ выходъ на караванную дорогу и наткнулся на хивинскій разъѣздъ, съ которымъ обмѣнялся нѣсколькими выстрѣлами. Вечеромъ наши джигиты наткнулись на десятокъ туркменъ подъ самымъ лагеремъ и отбили у нихъ одну лошадь. 7 мая воротился съ озера

Сардаба-Куля (по-персидски Сардъ-абъ значитъ холодная вода, а куль—озеро) близъ Аму-Дарьи, посланный туда лазутчикъ-джигитъ. Въ доказательство, что онъ былъ тамъ, онъ привезъ пучекъ камыша. Этотъ пучекъ произвелъ, конечно, такое же волненіе въ отрядѣ, какъ и вѣтка, принесенная голубемъ въ Ноевъ ковчегъ! Да и положеніе было почти одинаковое: у Ноя кругомъ вода,—всѣ ищутъ сухого мѣста; у Кауфмана кругомъ песокъ,—всѣ ищутъ вольной воды.

Пучекъ камыша живо расхватали на память о радостномъ извѣстіи, что до вольной воды дѣйствительно уже не далеко. А что возлѣ озеръ собралось огромное скопище непріятеля, то это даже было весьма пріятно.

Наконецъ, 9 мая, въ 7 часовъ утра, воротилась колонна Бардовскаго съ водой. Но къ общему огорченію, оказалось на лицо только 1240 верблюдовъ... Тутъ и откликнулись ночные переходы: верблюды ночью пережевываютъ запасъ проглоченныхъ вѣтвей, бурьяна и всякой невозможной снѣди, а ихъ начинаютъ вьючить чуть не съ 11 часовъ вечера! Всю ночь верблюдъ тащитъ тяжелый вьюкъ и выбрасываетъ жвачку при побояхъ, градомъ на него падающихъ... Жвачка требуетъ покойнаго положенія. На пастьбу его выгоняютъ въ самый жаръ, а воды не даютъ. На ночлегъ онъ приходитъ поздно, отставъ отъ отряда; кормить его некогда, да ночью онъ и не ѣстъ; вскорѣ затѣмъ начинается опять вьючка и его страданія... Никакой организмъ не выдержитъ. Очевидно, что въ степныхъ походахъ надо заботиться не о томъ, чтобы людямъ было хорошо идти по холодку, а о томъ, какъ лучше верблюдамъ. Сбережете верблюда—сбережете и воду и свое продовольствіе, которое онъ несетъ на себѣ, а съ водой человѣкъ отлично одолѣетъ походъ даже въ жаркую пору. Безъ воды и хлѣба человѣкъ обреченъ на гибель, и потому лучше быть живымъ подъ горячимъ солнцемъ, чѣмъ умирать отъ голода и жажды подъ покровомъ прохладной ночи.

Поневолѣ пришлось бросать на Алты-Кудукѣ всѣ отрядныя тяжести, кромѣ хлѣба насущнаго и воды, да развѣ еще кауфманокъ, съ которыми изобрѣтателю, конечно, трудно разставаться. Въ прикрытіе здѣсь оставлены 2 роты стрѣлковъ и 4 конныхъ орудія. Остальные счастливцы выступили 10 мая въ 3 часа послѣ обѣда, въ составѣ 10 ротъ, 1 сотни, 8 орудій и 2 картечницъ. Безжалостное небо заволокло тучками, повѣялъ вѣтерокъ. Верблюды несли только по 8 пудовъ, да и то, пока шли цѣлиною 8 верстъ, до караванной дороги, много ихъ пало... Дальше дѣло пошло уже гораздо лучше, и къ 8 часамъ вечера отрядъ сдѣлалъ 20 верстъ, т. е. по 4 версты въ часъ. На ночлегѣ варки не было—догадались наконецъ! Воду выдали только для питья и для чаю. Лошадямъ отпустили по ведру. Ночью изъ секрета раз-

дался выстрѣлъ подкравшейся къ отряду небольшой партіи, которая немедленно и скрылась. Тревоги не трубили, въ ружье сталъ, и то не надолго, одинъ передній фасъ.

Поднялись на этотъ разъ также не рано, а за полчаса до разсвѣта. Съ разсвѣтомъ тронулись. Къ полудню жара дошла до 45°. Разсказывать о томъ, какъ было жарко и какая томила всѣхъ жажда при постоянныхъ подъемахъ и спускахъ по волнистой мѣстности,—нѣтъ надобности. Кауфманъ выѣхалъ впередъ съ конвоемъ и свитой и, наконецъ, съ одного бархана увидалъ вдали три холма. Это вожделѣнный Учъ-учакъ. Тотчасъ послалъ онъ своихъ адъютантовъ въ колонны съ радостнымъ извѣстіемъ... Раздалось восторженное „ура“ во всю силу засохшихъ глотокъ. Подбодрились даже верблюды. Пройдя еще версты четыре, въ 12 часовъ, сдѣлали привалъ, чтобы собраться съ силами для перевала черезъ четвертый по счету и высокій кряжъ, до котораго оставалось 1½ версты и за которымъ могъ ожидать насъ непріятель. Посланъ былъ на рекогносцировку великій князь Николай Константиновичъ съ офицерами генеральнаго штаба. Съ вершины кряжа увидали далеко влѣво голубую ленту Аму-Дарьи.

Топографы опредѣлили засѣчкой разстояніе до Учъ-учака: оказалось 15 верстъ. Дойдемъ! Видно было, что съ трехъ холмовъ спускаются къ озеру Сардаба-кулю массы непріятеля. Это стало быть встрѣча съ поздравленіемъ! Напившись чаю съ сухарями и отдохнувъ 2 часа, войска поднялись для послѣдняго перехода. По дорогѣ стали попадаться безпрестано палыя лошади и верблюды, это былъ путь отступленія Сыдыка. Не доходя 8 верстъ до Учъ-учака и сдѣлавъ къ 6 часамъ вечера, т. е. въ 4 часа, только 7 верстъ, Кауфманъ рѣшилъ остановиться на ночлегъ въ виду крайняго утомленія людей и близости непріятеля, чтобы засвѣтло успѣть стянуться и устроиться боевымъ лагеремъ.

Тотчасъ подлетѣли смѣльчаки изъ непріятельскихъ скопищъ и открыли безвредную пальбу. На всякій случай высланы впередъ и къ правому флангу позиціи стрѣлковые взводы. Лагерь сталъ такъ, что фасы каре заняли барханы, а верблюды въ котловинѣ. Орудія, какъ всегда, на переднемъ фасѣ. Хивинцы окружили отрядъ съ 3-хъ сторонъ, но проученные нѣсколькими удачными выстрѣлами изъ берданокъ, не совались близко. На даровую томашу любовались не только наши лаучи, но даже и солдаты, забывшіе усталость. Заревую пушку зарядили гранатой и направили въ самую густую толпу непріятеля. Выстрѣла всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Какую томашу произвела граната у хивинцевъ, можно было судить только по тому, что толпа разсѣялась послѣ ея разрыва. Бивачные огни засвѣтились въ обоихъ лагеряхъ и всю ночь шла ружейная перестрѣлка. Съ разсвѣтомъ 12 мая протрубили у насъ подъемъ. Верблюдовъ уставили

въ нѣсколько рядовъ такъ, что вышелъ квадратъ войска, замкнули его со всѣхъ сторонъ и тронулись такой фалангой. За часъ до выступленія подоспѣла съ Адамъ-Кирилгана кавалерія и пошла позади аріергарда. Цѣпью стрѣлковъ командовалъ князь Евгеній Максимиліановичъ. Верблюды шли ходко: ни палыхъ, ни отсталыхъ не было, это несомнѣнно были лучшіе, выдержавшіе гедеоновскую пробу,—все слабое полегло въ пустынѣ...

Солнце было уже высоко, когда тронулись войска. Тотчасъ же, съ криками „уръ-уръ“ (т. е. бей), масса хивинцевъ бросилась на отрядъ. Наши цѣпи стрѣляли на ходу, только на 400—500 шаговъ и такъ успѣшно, что непріятель вскорѣ отсталъ и потянулся къ рѣкѣ. Къ 8 часамъ отрядъ вышелъ уже изъ песковъ на твердую почву и отпраздновалъ это событіе двумя гранатами, пущенными въ ближайшую конную толпу, которая немедленно ускакала. Отрядъ сталъ на берегу озера, но не смотря на жажду и соблазнительный видъ вольной воды, никто до команды не вышелъ изъ строя. Кауфманъ объѣзжалъ войска, благодарилъ за службу и поздравлялъ съ главнымъ успѣхомъ. У людей видны были полныя бутылки, сохраненныя до послѣдняго перехода, согласно приказанію Кауфмана. Воду эту вылили въ озеро. Молодой камышъ, какъ вкусный, сочный кормъ, и свѣжая вкусная вода тотчасъ поступили въ распоряженіе давно не видавшихъ такой роскоши верблюдовъ и лошадей. Люди напились и пріумылись, насколько позволялъ короткій привалъ, но затѣмъ здѣсь оставлены были только верблюды, ослы и скотъ подъ прикрытіемъ части пѣхоты и коннаго дивизіона. Кавалерія же и весь остальной отрядъ двинулись къ рѣкѣ, вслѣдъ за хивинцами, отступавшими къ Ичке-Яру, гдѣ у нихъ были собраны лодки для переправы на тотъ берегъ. Кавалерія была послана въ догонку, но за крайнимъ утомленіемъ лошадей, сдѣлавшихъ передъ тѣмъ около 75 верстъ, изъ коихъ послѣднія 15 верстъ на рысяхъ, преслѣдованіе окончилось въ Ичке-Ярѣ.

Здѣсь на берегу рѣки выставили ракетную батарею для дѣйствія по переправѣ. Одинъ изъ хивинскихъ каюковъ сѣлъ на мель въ 200 саженяхъ отъ берега. Вызвались охотники, конечно, уральцы, какъ рыбаки, состоящіе съ водой въ большой дружбѣ, раздѣлись донага, винтовки за спину, патронныя сумки на шею и бросились верхомъ вплавь. Съ ними и прапорщикъ Каменецкій. Хивинцы, спрятавшіеся отъ выстрѣловъ на дно лодки, видя бѣду неминучую, открыли огонь по пловцамъ, но никого не задѣли, а какъ только лошади выбрались на мель и казаки отправили ихъ назадъ на берегъ съ однимъ товарищемъ, то хивинцы, не ожидая далѣе, сами поскакали въ воду и поплыли къ своему берегу, но большая часть ихъ потонула. На каюкѣ оказалось 2 коровы, нѣсколько барановъ, лепешекъ и разная хурда-

мурда. Это былъ первый трофей, за который уральцы и получили тутъ же обѣщанныя имъ 100 р.

Кавалерія осталась ночевать на Ичке-Ярѣ, а весь остальной бивакъ перешелъ на Аму-Дарью. Люди немедленно стали купаться. Пошелъ въ ходъ и бредень 4-го баталіона. Моряки собирали и свинчивали кауфманки. Къ вечеру одна была готова, нѣсколько офицеровъ съ Зубовымъ и матросами отправились кататься съ пѣснями, а Колокольцовъ сынъ, адъютантъ Кауфмана, утѣшилъ всѣхъ, исполнивъ знаменитый ноктюрнъ Шуберта „Майская ночь“, на корнетѣ.—12-го была дневка и отслуженъ благодарственный молебенъ. Вечеромъ отправленъ былъ въ Ташкентъ джигитъ съ телеграммой государю, въ которой доносилось о приходѣ на Аму-Дарью и намѣреніи идти далѣе на Шураханъ. Джигитъ повезъ и приказъ по войскамъ округа, въ которомъ Кауфманъ благодарилъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, начальниковъ полевыхъ управленій, а также великаго князя Николая Константиновича и князя Евгенія Максимиліановича.

Плѣнный каюкъ былъ нагруженъ 400 пудами артиллерійскаго и инженернаго парка, освободивъ 55 верблюдовъ. Съ 3 кауфманками онъ составилъ ядро будущей флотиліи, подъ начальствомъ Зубова.

14 числа отрядъ перешелъ, все по правому берегу, къ развалинамъ кр. Мешекли. Отсюда посланы были четыре предписанія: Маркозову, Ломакину, Веревкину и начальнику аральской флотиліи Ситникову о намѣреніи занять 17 мая Шураханъ и переправу у Ханки, затѣмъ общими силами идти на Хиву. Требовалось увѣдомленіе также, гдѣ кто стоитъ, что уже сдѣлано, что думаютъ дѣлать дальше и не слыхали ли чего о другихъ отрядахъ. Дошло по назначенію только одно предписаніе Ситникову. Къ Маркозову оно и не могло дойти, потому что онъ отступалъ въ это время къ Каспійскому морю, но бумага, ему адресованная, попала въ руки Веревкина, который не замедлилъ отвѣтить Кауфману, по содержанію ея, за себя и за Маркозова. 15 мая туркестанскій отрядъ перешелъ на Базиргянъ-Тугай, откуда разосланы были прокламаціи къ народу, что мы ведемъ войну только съ ханомъ и его правительствомъ, и потому жителямъ совѣтовали сидѣть смирно по домамъ и въ дѣло не вязываться. Прокламаціи повезли и наши джигиты, и взятые нами въ плѣнъ хивинцы, изъ коихъ многіе воротились потомъ и служили проводниками и чапарами.

16 числа, перейдя на Акъ-Камышъ, удалось казакамъ отбить еще одинъ каюкъ. Кауфманъ произвелъ самъ рекогносцировку и въ 7 верстахъ далѣе увидѣлъ на противоположномъ берегу укрѣпленный лагерь, у выхода Шейхъ-арыка на уроч. Тюнюклю, 4—5 тысячами войска при 4 орудіяхъ. Коман-

довалъ тутъ диванъ-беги Матъ-Мурадъ. Ширина рѣки здѣсь 450 саженъ. Непріятель открылъ огонь изъ пушекъ и фальконетовъ, не причинившихъ намъ вреда. Это для многихъ изъ свиты было первымъ огненнымъ крещеніемъ. Одно изъ ядеръ чуть не попало въ великаго князя Николая Константиновича и князя Евгенія Максимиліановича, стоявшихъ рядомъ. На память объ этомъ, съ разрѣшенія государя, имъ подарено было по одной пушкѣ, изъ взятыхъ потомъ въ Хазаръ-аспѣ. Обѣ стоятъ теперь (въ 1903 г.) у дворца Николая Константиновича въ Ташкентѣ. Проѣхавъ еще 13 верстъ, Кауфманъ встрѣтилъ наконецъ, въ 20 верстахъ отъ лагеря, гребную флотилію, усилившуюся еще 9-ю захваченными каюками.

17-го числа ген. Головачеву приказано было разстрѣлять 8 орудіями отряда (4 конныхъ и 4 горныхъ) непріятельскій лагерь, чтобы наша гребная флотилія могла воротиться къ отряду безпрепятственно. На разсвѣтѣ эти орудія, съ небольшимъ прикрытіемъ изъ 2 ротъ и 1 взвода стрѣлковъ, расположились противъ лагеря хивинцевъ, изъ котораго тотчасъ же посыпались выстрѣлы. Черезъ 1½ часа нашего огня хивинскіе артиллеристы бросили свои пушки и разбѣжались, разбѣжалось и все скопище, успѣвъ однако увезти пушки. Съ нашей стороны выпущено было только 54 гранаты. Потеря наша состояла изъ двухъ лошадей. Къ концу канонады показалась и флотилія, успѣвшая захватить съ боя нѣсколько каюковъ на лѣвомъ т. е. непріятельскомъ берегу. Всего у насъ составилось 4 большихъ каюка на 80 человѣкъ каждый, 11 малыхъ на 10 чел. каждый и 3 кауфманки, итого 18 судовъ.

Въ этотъ день явился въ лагерь корреспондентъ американской газеты „New-Yorks Herald“ Макъ-Гаханъ, пробравшійся въ отрядъ изъ Перовска, вопреки запрещенію, а затѣмъ явилась депутація изъ Шурахана, изъявившаго готовность покориться тому, кто раньше придетъ; въ письмѣ такъ прямо и говорилось: „мы будемъ курами того, чье просо раньше созрѣетъ“. Вечеромъ же начальникъ штаба генералъ Троцкій доложилъ Кауфману о необходимости измѣнить принятый планъ движенія и переправиться здѣсь же на ту сторону, потому что непріятель оттуда сбитъ, а въ войскахъ во всемъ недостатокъ, который тотчасъ же можно пополнить послѣ переправы, тогда какъ до населенныхъ мѣстъ по пути на Шураханъ еще 25 верстъ; да и догонять отрядъ оставшимся позади войскамъ будетъ легче.

18 числа въ 10 часовъ утра у туркестанцевъ началась переправа черезъ Аму-Дарью противъ того мѣста, гдѣ былъ хивинскій лагерь. Къ этому дню въ нѣкоторыхъ частяхъ отряда сухари уже кончились, крупы давно не было, мяса также; но подрядчикъ Громовъ доставлялъ конину, которою всѣ и питались, начиная съ Кауфмана. 19 мая въ отрядъ явился посланецъ съ

письмомъ отъ дяди хана и сообщилъ извѣстіе, что оренбуржцы заняли уже Кунградъ и Ходжейли. Въ отвѣтномъ письмѣ Кауфманъ просилъ прислать хлѣба, ячменя и скота, въ „доказательство вашего мирнаго расположенія“. Дядя однако не прислалъ.

20-го переправа войскъ продолжалась. Жители стали доставлять разные припасы, но въ весьма малыхъ количествахъ. На Алты-Кудукъ отправлено 700 верблюдовъ для перевозки тяжестей къ переправѣ, да съ собой перевезли 300, а 200 за негодностію отпущены домой. 21-го Кауфманъ отдалъ приказъ, коимъ запрещалъ фуражировки и предписывалъ слѣдить за джигитами, у кого они есть, чтобы они не грабили, не обижали жителей, грозя виновнымъ полевымъ судомъ.

Отъ Шейхъ-арыка до Хивы тянутся непрерывные сады, а самый лагерь стоялъ на солнцепекѣ; поэтому произведена была рекогносцировка и рѣшено перевести отрядъ въ ближайшіе сады. Къ полудню на переправу пришелъ тыльный отрядъ полковника Веймарна—2 роты и 2 орудія. Кауфманъ былъ именинникъ и праздновалъ заодно и удачную переправу.

22-го, въ виду того, что жители уже второй день ничего не привозили на продажу, назначена была фуражировка, подъ прикрытіемъ 2 ротъ, 1 сотни казаковъ и 2 горныхъ орудій. Прикрытіе было встрѣчено выстрѣлами, причемъ у насъ раненъ подпор. Скворцовъ и 1 унтеръ-офицеръ. Въ этотъ день получены были два рапорта Веревкина, что къ 23 числу онъ будетъ въ Новомъ Ургенчѣ.

23-го для занятія Хазараспа двинуты въ 5 часовъ утра налегкѣ 9 ротъ пѣхоты, 8 орудій, 1 сотня и 2 картечницы, а въ лагерѣ оставлено 2 роты, да одна переправилась сюда въ теченіе дня, изъ числа пришедшихъ съ полковн. Веймарномъ. Кавалерія, воротясь изъ Шурахана, осталась не переправленною для охраненія флотиліи. На пятой верстѣ Кауфмана ожидали безъ шапокъ посланцы хана съ письмомъ его и просьбой остановиться для переговоровъ. Но Кауфманъ продолжалъ идти и послѣ небольшой перестрѣлки во время движенія, съ какими-то мелкими толпами у сел. Караватъ, нашелъ Хазараспъ покинутымъ на произволъ судьбы, не смотря на семисаженныя стѣны и вырытое кругомъ озеро. Въ крѣпости нашли 4 мѣдныхъ полевыхъ пушки съ запряжкою, тѣ самыя, которыя дѣйствовали по нашимъ войскамъ изъ лагеря у Шейхъ-арыка; найдено еще 43 фальконета, 1,000 пуд. пшеницы, 800 пуд. джугары и 680 пуд. рису. Потеря наша: 1 раненый рядовой. За два послѣднихъ дня у насъ выпущено было около 2,500 патроновъ и 7 гранатъ. Послѣ занятія Хазараспа, Кауфманъ приказалъ отступить къ сел. Каравакъ на ночлегъ. Это была большая ошибка: и дядя хана, и самъ ханъ приписали это своимъ письмамъ, сообщили объ отступленіи

туркестанцевъ Веревкину, а въ народѣ распространили слухъ, что Кауфманъ отступилъ даже къ Питняку, хотя въ крѣпости нами оставленъ былъ все-таки гарнизонъ изъ 3 ротъ и 4 горныхъ орудій. Каравакъ стоитъ на половинѣ разстоянія между Хозараспомъ и переправою. Сборъ арбъ для обоза шелъ вяло, и Кауфманъ простоялъ тутъ три дня.

Изъ хивинскихъ пушекъ составленъ дивизіонъ, съ хивинскими лошадьми и ѣздовыми. Вечеромъ изъ Каравака выѣхалъ на переправу полк. Веймарнъ, но дорогой лошадь его на всемъ скаку бросилась въ сторону, чѣмъ-то испуганная, а всадникъ, вылетѣвъ изъ сѣдла, ударился объ уголъ сакли, причемъ сломалъ себѣ три ребра; ночью онъ умеръ и погребенъ въ Каравакѣ.

Полагая, что Веревкинъ дѣйствительно въ Новомъ Ургенчѣ, Кауфманъ послалъ ему приказаніе перейти въ Ханки и ждать тамъ... Замѣчательно, что и Веревкинъ, и Кауфманъ, сносясь со вспомогательными отрядами, постоянно приказываютъ ждать, а тѣ ждать и не думаютъ!..

По занятіи Ходжейли, Веревкинъ рѣшилъ идти на встрѣчу Кауфману, по лѣвому берегу Аму-Дарьи, покрытому почти сплошь кустарниками и камышемъ. Онъ надѣялся здѣсь легче узнать что-нибудь о туркестанскомъ отрядѣ и скорѣе войти съ нимъ въ сношенія. 19-го числа отрядъ направился изъ Союнды въ Джелангачъ-Чеганакъ, причемъ хивинцы, пользуясь кустарникомъ по сторонамъ дороги, стрѣляли по цѣпи, охранявшей инженерный паркъ, посланный впередъ для устройства моста на козлахъ чрезъ глубокій и широкій арыкъ въ 6 саженъ. У насъ раненъ 1 дагестанецъ.

20 отрядъ двинулся къ Мангыту и повторилъ маневръ подъ Ходжейли: такъ же кавалерія ушла впередъ съ конной батареей, такъ же ее обсѣли конныя толпы, такъ же пришлось ждать пѣхоту. Но на этотъ разъ хивинцы ждать ее не стали, а понеслись на оренбургскую конницу Леонтьева. Тотъ спѣшилъ 3 оренбургскихъ сотни, встрѣтилъ хивинцевъ мѣткимъ залпомъ и отбилъ аттаку. Послѣ этого массы непріятеля бросились на обозъ, гдѣ произошла рукопашная схватка, въ которой убито два оренбургскихъ казака. Хивинцы были однако отбиты. По прежнему артиллерія послала нѣсколько гранатъ. По прежнему передъ городомъ Веревкина встрѣтила депутація, и войска вступили въ Мангытъ двумя колоннами. Все шло хорошо и никто не сказалъ бы, что черезъ нѣсколько минутъ Мангытъ будетъ разграбленъ.

Только что Веревкинъ прошелъ черезъ городъ съ головными частями своей колонны, какъ сзади раздались выстрѣлы: это какіе-то безумцы вздумали помѣшать саперамъ чинить мостъ черезъ арыкъ. Безумцы были немедленно истреблены, а въ это время и въ колонну Веревкина стали стрѣлять изъ домовъ.

Считая это вѣроломствомъ, люди бросились ломать калитки и ворота, нашли во дворахъ взмыленныхъ лошадей, что обличало ихъ хозяевъ, какъ участниковъ въ нападеніи на нашъ отрядъ, и началась расправа...

Тутъ подоспѣлъ еще и обозъ со своимъ безпорядкомъ и пылью, мѣшавшими надзору; разные нестроевые, джигиты, чапары и лаучи (верблюдовожатые) бросились грабить... Кто-то пустилъ и краснаго пѣтуха... Веревкинъ послалъ сильные патрули, и когда, наконецъ, удалось водворить тишину, 400 труповъ остались на мѣстѣ...

Лѣвая колонна, Ломакина, подошла къ своимъ воротамъ нѣсколько позже правой, когда въ городѣ шла уже перестрѣлка. Онъ остановился, стянулъ колонну и прошелъ городъ безъ приключеній съ музыкой и пѣснями.

Никто изъ русскихъ тогда не зналъ и не подозрѣвалъ, что предки мангытцевъ участвовали въ избіеніи русскихъ солдатъ Бековича Черкасскаго въ Порсу и потомъ переселились въ Мангытъ. Туземцы думали однако, что русскіе это знали и отомстили черезъ полтораста лѣтъ. Потери наши состояли: въ 1 убитомъ офицерѣ (капит. Кологривовъ), 2-хъ казакахъ и въ 4-хъ раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Ночлегъ былъ въ верстѣ за городомъ. На слѣдующій день, т. е. 21-го мая, войска тронулись къ городу Китаю, причемъ Скобелевъ, съ 2-мя сотнями, посланъ былъ разорить туркменскіе аулы по арыку Караузъ, за участіе въ нападеніи на нашъ отрядъ, что, по его словамъ, и исполнилъ не безъ сопротивленія. При переправѣ обоза чрезъ каналъ Аталыкъ, непріятель сдѣлалъ на него нападеніе, но былъ отбитъ, причемъ однако наши ракеты рвались преимущественно передъ самыми станками... Ночлегъ былъ въ 2 верстахъ, не доходя Китая. Сюда явились депутаціи отъ городовъ Янги-Яба, Гурлена, Китая и Кята, съ заявленіемъ покорности. Такимъ образомъ большая часть ханства покорилась уже Веревкину.

22-го мая отряду предстояло идти сплошными садами по узкимъ между ними, улицамъ, гдѣ ожидалось сильное нападеніе конныхъ ополченій. Поэтому на охрану обоза обращено особое вниманіе. Предположенія сбылись. Былъ случай, что хивинская засада встрѣтила самого Веревкина со свитой, залпомъ въ 25 шагахъ, и тотчасъ ускакала, не причивъ однако никому никакого вреда. Обозъ немного потрепали, захвативъ 3 арбы съ провіантомъ и двухъ верблюдовъ со вьюками, въ числѣ коихъ былъ инженерный съ принадлежностями для сборки мостовъ. У насъ убито 6 и ранено 3 нижнихъ чина; порублено также нѣсколько арбакешей. На ночлегъ стали у Янги-Яба, сдѣлавъ всего 16 верстъ. Сюда прибылъ ханскій посланецъ съ письмомъ, въ которомъ выражалось удивленіе: почему русскіе вторгаются въ его

владѣнія безъ всякаго повода? Ханъ просилъ остановиться на 3 дня для переговоровъ о мирѣ, какъ это сдѣлалъ, будто бы, и Кауфманъ. Веревкинъ отвѣчалъ, согласно инструкціи, что онъ не уполномоченъ вести переговоры и безъ приказанія Кауфмана остановить свои войска не имѣетъ права.

Здѣсь же получено извѣстіе, оказавшееся потомъ невѣрнымъ, будто Кауфманъ нѣсколько дней какъ занялъ г. Хазаръ-аспъ и идетъ къ Хивѣ. Веревкинъ, конечно, тотчасъ и самъ рѣшилъ свернуть къ Хивѣ.

26-го мая въ 6 часовъ утра отрядъ двинулся къ Хивѣ черезъ г. Кятъ. На дорогѣ широкій, въ 26 саженъ, каналъ Клычъ-Ніязъ-Бай остановилъ отрядъ, такъ какъ мостъ былъ сожженъ непріятелемъ. Къ 1 часу ночи новый мостъ на козлахъ былъ готовъ, благодаря энергіи инженеръ-капитана Красовскаго, но въ 3 часа стала прибывать вода и подмыла одинъ козелъ. Красовскій просилъ перевезти повозки и артиллерію на людяхъ, но его не только не послушали, но первое же орудіе пошло даже на рысяхъ, вопреки общему правилу... Мостъ былъ сразу испорченъ, и хотя поломка одной перекладины потребовала только полчаса, но распатанный мостъ приходилось уже чинить безпрестанно, хотя инженера теперь слушались и перевозили орудія на людяхъ. Войска же и обозъ предпочли идти въ бродъ.

Ночлегъ былъ у гор. Кята. Здѣсь получено письмо отъ Кауфмана отъ 21 мая. Онъ увѣдомлялъ, что туркестанцы переправляются съ 18-го числа у Шейхъ-Арыка и собираютъ арбы для движенія въ Хиву черезъ Хазараспъ. Веревкинъ отвѣчалъ, что также идетъ къ Хивѣ, но около нея остановится и будетъ ждать его приказаній. Это, конечно, была тонкая политика: ни одной минуты Веревкинъ не думалъ останавливаться передъ Хивой и, конечно, долженъ былъ радоваться, что онъ второе ближе къ ней, чѣмъ Кауфманъ.

25-го мая отрядъ двинулся къ г. Кошъ-Купыру, покинутому жителями по приказу хана, для защиты Хивы. Множество арыковъ со сломанными мостами нѣсколько задержали отрядъ, но непріятель уже не рисковалъ безпокоить войска. Ночлегъ въ полуверстѣ не доходя города.

26-го числа, наконецъ, отрядъ пошелъ къ своей главной цѣли— къ Хивѣ! Остановиться Веревкинъ рѣшилъ въ 6 верстахъ отъ столицы, на дачѣ хана Чинакчикъ, гдѣ садъ разведенъ и воздѣланъ русскими плѣнными, какъ то свидѣтельствовали европейскій характеръ сада и русскія надписи, кресты и имена, вырѣзанныя на корѣ деревьевъ.

Войска стали снаружи сада, на пашняхъ, вдоль арыковъ. Штабы, конечно, во дворцѣ. Авангардъ изъ 2-хъ сотенъ подъ начальствомъ Скобелева былъ выдвинутъ на 2 версты. Вскорѣ

оттуда послышались выстрѣлы: это отступалъ авангардъ, затѣявшій дѣло со скопищами хивинской конницы. На выстрѣлы прискакала остальная кавалерія съ Леонтьевымъ и Теръ-Асатуровымъ. Хивинцевъ преслѣдовали до Хивы и затѣмъ воротились. Потери наши состояли изъ 2-хъ раненыхъ казаковъ.

Въ 9 часовъ утра 27-го мая, хивинцы, пробравшись скрытно садами къ самой аванпостной цѣпи, прикрывавшей пасшихся верблюдовъ, бросились съ визгомъ и пальбой на цѣпь и, отхвативъ часть табуна, погнали его къ городу. Ближе всѣхъ къ верблюдамъ стоялъ баталіонъ полк. Гротенгельма, который первымъ и явился на тревогу; хивинцы бросили часть добычи, но до 500 штукъ все-таки угнали. По дорогѣ ихъ перехватила 3-я стрѣлковая рота апшеронцевъ пор. Алхазова, отпущенная изъ авангарда по случаю полковаго праздника, и сдѣлала нѣсколько весьма удачныхъ залповъ, сваливъ множество хивинцевъ. Прискакали и 2 сотни Леонтьева, но честь отбитія добычи все-таки досталась авангарду. Скобелевъ, услыхавъ позади себя выстрѣлы, оставилъ одну роту апшеронцевъ на мѣстѣ, а самъ, съ двумя сотнями и ракетными станками, быстро двинулся садами на перерѣзъ хивинцамъ. Пройдя съ версту садами на поляну, онъ увидалъ конную толпу въ 1,000 человѣкъ, гнавшую верблюдовъ, и пустилъ на нихъ казаковъ. Дагестанская сотня отбила большую часть верблюдовъ и завернула ихъ назадъ. Тутъ подоспѣли и казаки Леонтьева. Предоставивъ имъ докончить дѣло, Скобелевъ ударилъ на пѣшую толпу, которую прежде оставлялъ въ покоѣ, не смотря на ея пальбу. Большая часть этой толпы была вооружена пиками и разнымъ дреколіемъ. Дагестанская сотня съ фронта, уральская съ фланга быстро разсѣяли толпу, полѣзшую спасаться въ сады и арыки. Подоспѣла на помощь авангарду свѣжая оренбургская сотня; часть казаковъ была спѣшена и очистила сады.

Потери наши состояли: изъ 1 убитаго и 9 раненыхъ нижнихъ чиновъ, 12 раненыхъ лошадей и 70 убитыхъ и покалѣченныхъ верблюдовъ. Наученный опытомъ, Веревкинъ выставилъ впереди пастбища 1 роту отъ 2-го Оренбург. линейн. баталіона. Вечеромъ Скобелеву и капитану генеральн. штаба Иванову поручено было произвести рекогносцировку съ двумя сотнями и ракетными станками не далѣе 2 верстъ впередъ, чтобы выбрать для авангарда новую стоянку, въ видахъ предоставленія большаго спокойствія главнымъ силамъ. Мѣсто было выбрано не безъ перепалки. Когда же рекогносцировка стала отходить, то хивинцы до того смѣло напирали, что пришлось спѣшить часть казаковъ. Скоро на выстрѣлы явилась пѣхота авангарда, одно появленіе которой заставило хивинцевъ очистить сады по бокамъ дороги. Такъ какъ авангардъ былъ теперь въ полномъ составѣ, то и двинулся впередъ на новое мѣсто. Выйдя на избранную поляну Скобелевъ

увидалъ тутъ опять нѣсколько кучъ хивинцевъ и чтобы хорошенько проучить ихъ, положилъ двѣ роты въ засаду за валикомъ арыка при выходѣ на поляну, а кавалерія, мнимымъ отступленіемъ, должна была заманить сюда хивинцевъ. Это вызвался исполнить ротмистръ Алихановъ съ пятью казаками кизляро-гребенской сотни: они подскакали къ хивинцамъ и стали ругать ихъ самыми отборными татарскими словами; хивинцы бросились на нихъ, тѣ, конечно, на утекъ и, не доскакавъ ста шаговъ до засады, кинулись въ сторону, а хивинцы получили въ упоръ два добрыхъ залпа. Это охладило ихъ предпріимчивость; и они больше не тревожили авангарда, пока онъ устраивался на ночлегѣ. Ночью однако же они обстрѣливали стоянку изъ ружей и фальконетовъ. Къ утру сюда была прислана изъ главныхъ силъ еще одна сотня и два конныхъ орудія. Весь день 27 мая главныя силы готовили туры, фашины и штурмовыя лѣстницы, но матеріалъ былъ плохъ, ломокъ, тяжелъ (ве́рба и тополь), такъ что эту затѣю оставили. Веревкинъ рѣшился идти на Хиву безъ лишнихъ приготовленій...

ГЛАВА XI.

Штурмъ Хивы отрядомъ ген. Веревкина 28 мая. Оправданія его. Кауфманъ торопится къ Хивѣ. Взятіе орудій апшеронцами. Неудача ширванцевъ, благодаря ошибкѣ маіора Буравцева. Забвеніе правила о необходимости рекогносцировокъ. Оставленіе ханомъ своей столицы. Провозглашеніе новаго хана. Рана Веревкина. Переговоры о перемиріи. Заложеніе осадныхъ батарей. Былъ ли то штурмъ или рекогносцировка? Посланцы хана къ Кауфману съ изъявленіемъ покорности. Требованіе личной явки. Приглашеніе Веревкину явиться завтра съ войсками къ туркестанскому отряду. Прекратить огонь, если... Оперетка 29 мая. Хивинцы спускаютъ пушку къ намъ на веревкахъ. Спускаются рабы персіяне. Отворить ворота некому. Хивинцы кидаютъ нашимъ китмени для работъ. Брешь-батарея. Шахъ-абатскія ворота взяты какъ-будто съ боя. Скобелевъ проникаетъ въ ханскій дворецъ вопреки приказанія Веревкина. Кауфмана встрѣчаетъ новый ханъ въ свитѣ своего дяди. Остановка въ 2 верстахъ отъ Хивы, приготовленія къ парадному вступленію. Слышны выстрѣлы... Записка къ Веревкину и отвѣтъ. Въѣздъ въ городъ. Визитъ къ Веревкину. Дознаніе. Представленіе Скобелева къ Георгію и резолюція Кауфмана. Телеграмма на имя государя. Числительность войскъ. Грабежи. Письмо къ хану. Свиданіе 2 іюня. Учрежденіе дивана. Освобожденіе рабовъ. Конфискація имущества Матъ-Мурада. Добыча во дворцѣ. Каракалпаки просятся въ подданство. Какъ наказать Хиву? Контрибуція съ туркменъ. Экзекуція. Знаменитое предписаніе 6 іюля Головачеву. Обличитель Скайлеръ. Опроверженія Маева. Дѣйствія въ черкесскомъ духѣ. Поджоги. Истребленіе женщинъ и дѣтей. Нападеніе туркменъ подъ Ильясы 13 іюля и въ ночь на 15-е. Оренбургскій отрядъ не идетъ на выстрѣлы. Прибытіе Кауфмана. Защита Вейнберга. Левиты. Защита Гродекова. Почему контрибуція взыскивалась такъ строго? Денегъ нѣтъ! Отпускъ оренбуржцевъ и кавказцевъ 3 августа. Рекогносцировка Скобелева къ Ортакую.

Въ диспозиціи Веревкина на 28-е число ни слова ни говорилось о цѣли движенія; просто сказано, что „въ 11½ часовъ утра войска вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ, выступаютъ съ мѣста расположенія по направленію къ Хивѣ“; затѣмъ идутъ распоряженія о прикрытіи обоза...

Въ видахъ оправданія передъ Кауфманомъ Веревкинъ представилъ ему 6 іюня рапортъ, въ которомъ изложилъ, что нападенія хивинцевъ 26 и 27 мая указывали на возраставшую дерзость непріятеля, не дающаго войскамъ покоя, въ которомъ они сильно нуждались, послѣ 10 послѣднихъ дней похода съ боемъ. Эта же дерзость наводила на мысль, что туркестанскія войска еще далеко отъ Хивы и что слухи объ отступленіи ихъ отъ Хазараспа къ Питняку, вѣроятно, имѣютъ основаніе. Къ тому же на донесеніе отъ 26 мая, посланное въ 5 экземплярахъ, по разнымъ дорогамъ, не получено никакого приказанія отъ Кауфмана. Поэтому Верев-

кинъ рѣшился подождать еще до полудня 28 числа и затѣмъ произвести рекогносцировку Хивы. Итакъ, получивъ сначала свѣдѣніе, что Кауфманъ, занявъ Хазараспъ идетъ къ Хивѣ, Веревкинъ бросаетъ дорогу на Новый Ургенчъ и тоже идетъ къ Хивѣ; теперь, получивъ другое свѣдѣніе, будто Кауфманъ, занявъ Хазараспъ, отошелъ назадъ, что было вѣрно,—Веревкинъ торопится взять Хиву. Значитъ, какъ ни поверни, а вопросъ уже рѣшенъ безповоротно: не дожидаться туркестанцевъ.

Между тѣмъ 25-го присоединилась, наконецъ, къ туркестанскому отряду семирѣченская сотня Гринвальда. О транспортѣ, который она сопровождала, въ матеріалахъ нигдѣ не упоминается. Повидимому, ни одинъ интендантскій транспортъ не дошелъ до отряда, хотя Полторацкій увѣряетъ, будто одинъ подъ конвоемъ Гринвальда пришелъ на Алты-кудукъ, вмѣстѣ съ напоенными верблюдами съ Адамъ-Кирилгана, значитъ, 9-го мая. Но принимая во вниманіе, что 18 числа, т. е. черезъ 9 дней, во многихъ ротахъ съѣденъ былъ послѣдній сухарь, надо полагать, что никакого транспорта не приходило. Къ 26-му ждали прибытія съ Алты-Кудука колонны полковъ. Новомлинскаго, а къ 30—колонны маіора Дрешерна съ Халъ-ата, но онѣ прибыли: первая 4 іюня, а вторая 26 іюня уже въ Хиву.

26 мая явился посланецъ отъ хана, который писалъ, что онъ давно плѣнныхъ выслалъ и не понимаетъ, зачѣмъ нагрянули русскіе, да еще съ трехъ сторонъ; поэтому проситъ Кауфмана отойти назадъ и выяснить, чего онъ хочетъ... Кауфманъ не отвѣчалъ, а велѣлъ посланцу на словахъ передать хану, что переговоры будетъ вести въ Хивѣ. Затѣмъ получены два извѣстія отъ Веревкина отъ 23 и 25 числа о занятіи Мангыта, поворотѣ на Хиву и что 26-го онъ станетъ въ 10—12 верстахъ отъ Хивы, гдѣ и будетъ ждать приказаній.

Явился и новый посолъ отъ бухарскаго эмира съ поздравленіемъ по случаю выхода на Аму-Дарью.

Итакъ, Веревкинъ стоитъ уже въ 10 верстахъ отъ Хивы, а туркестанцамъ осталось еще отъ Каравака до 70 верстъ. Медлить дольше нельзя... До 500 арбъ уже собрано. Рѣшено выступить 27 мая въ 6 час. утра. На ночлегѣ въ 10 верстахъ за Хазараспомъ явился перебѣжчикъ изъ Хивы, разсказавшій, что городъ биткомъ набитъ жителями окрестностей, что народъ терпитъ недостатокъ въ припасахъ и водѣ и что наканунѣ русскіе имѣли бой съ хивинцами, которыхъ и разбили. На слѣдующій день, 28-го туркестанцы ночевали у Янги-арыка, гдѣ получено донесеніе Веревкина, что онъ хотѣлъ было послать разъѣздъ для связи съ туркестанскимъ отрядомъ, но узналъ, что тотъ отступилъ къ Питняку, и потому раздумалъ посылать. Кауфманъ отвѣчалъ, что его отряду осталось всего 20 верстъ до Хивы, что завтра, 29-го мая,

онъ остановится въ 7—8 верстахъ отъ Хивы, куда проситъ выслать колонну на встрѣчу.

28 числа, въ $11^1/_2$ часовъ утра, войска Веревкина тронулись отъ Чинакчика. Пройдя съ версту за позицію авангарда, отрядъ вошелъ уже въ улицы предмѣстья и перестроился въ глубокую колонну. Тонкая пыль растертаго въ порошокъ верхняго слоя немощеной улицы закрывала все передъ глазами. Порядокъ конечно, разстроился. Въ 600 саженяхъ отъ Хивы кошъ-купырская дорога пересѣкаетъ шахъ-абадскую, на которую и свернули войска круто направо, къ воротамъ того же имени. Хивинцы тотчасъ открыли артиллерійской огонь. Четыре конныхъ и 2 пѣшихъ орудія нашихъ немедленно развернулись и открыли огонь, а двѣ апшеронскихъ роты: 4-я стрѣлковая и 9-я линейная, подъ командой маіора Буравцова, пошли впередъ чрезъ сады. Подойдя къ мосту черезъ каналъ Палванъ-ата, закрытый кучей арбъ и увидавъ за мостомъ два хивинскихъ орудія, апшеронцы перебѣжали мостъ и, не смотря на ружейный и картечный огонь со стѣны города, въ разстояніи всего 120 саженъ отъ канала, овладѣли пушками. Озадаченные хивинцы даже прекратили пальбу.

Вскорѣ сюда прискакалъ Веревкинъ, получившій донесеніе о взятіи пушекъ, сюда же двинута и артиллерія. Буравцовъ доложилъ, что за кладбищемъ, въ 20 саженяхъ, стоитъ еще одно орудіе, которое апшеронцы просятъ предоставить ширванцамъ. Подоспѣвшія 4 конныхъ и 4 пѣшихъ орудія стали за каналомъ, прикрываясь его насыпью. Лѣвѣе сталъ 2 Оренбург. лин. баталіонъ, а 2-я и 3-я роты Ширванскаго полка, съ криками „ура“, бросились черезъ мостъ на оставленное имъ орудіе. Апшеронцы, имѣвшіе уже трофеи, пошли за ними для поддержки. Оказалось однако, что баррикада заграждавшая доступъ къ городской стѣнѣ, и высокія могилы кладбища ввели Буравцова въ заблужденіе, закрывъ отъ него стѣну, и что хивинская пушка стоитъ не впереди стѣны, а на самой стѣнѣ. Наши подбѣжали на 15 шаговъ, и тутъ на нихъ посыпался градъ пуль. Первыми ранены маіоры Буравцовъ и Аварскій и прапорщикъ Аргутинскій-Долгоруковъ. Люди было залегли за могилы, но это ихъ не защищало, такъ какъ со стѣны почти каждый былъ виденъ, да сбоку ихъ разстрѣливали еще изъ медрессе, стоящаго возлѣ кладбища. Капитанъ Бекъ-Узаровъ, командиръ 4-й стрѣлков. роты Апшеронскаго полка, съ 20 чел. бросился туда и перекололъ всѣхъ хивинцевъ. Тутъ раненъ въ обѣ ноги ротмистръ Алихановъ.

Наша артиллерія, обстрѣливая стѣны черезъ головы своихъ, попала гранатой въ уголъ медрессе, причемъ кирпичами контузило нѣсколько нижнихъ чиновъ и ранило подпор. Ѳедорова.

Не имѣя лѣстницъ и не зная, что не далѣе, какъ въ 200 ша-

гахъ, въ городской стѣнѣ былъ удобный и широкій обвалъ (объ этомъ узнали только черезъ два дня, 30 мая, послѣ занятія города), люди, конечно, должны были отступить, но какъ? Приказавъ отступать, Веревкинъ не могъ уже лично распоряжаться этимъ, такъ какъ былъ раненъ въ лицо, около глаза и передалъ команду начальнику штаба полковнику Саранчеву, который приказалъ артиллеріи и пѣхотѣ, стоявшимъ по сю сторону Палванъ-ата, открыть учащенный огонь по стѣнамъ, что значительно ослабило огонь хивинцевъ, направленный, главнымъ образомъ, на охотниковъ, увозившихъ черезъ мостъ взятыя апшеронцами пушки. Опасность положенія апшеронцевъ и ширванцевъ подъ стѣнами вынудила ихъ оставить своихъ убитыхъ на мѣстѣ; вынесли только раненыхъ. Отступленіе совершено въ порядкѣ и безъ преслѣдованія. Во время боя, ханъ выѣхалъ изъ города, будто бы съ цѣлію остановить своихъ, но когда подъ нимъ была убита лошадь и онъ, пересѣвъ на другую, хотѣлъ вернуться въ городъ, то нашелъ ворота запертыми и заваленными. Ничего больше не оставалось, какъ ѣхать къ гор. Казавату, къ туркменамъ. Сидѣвшій въ тюрьмѣ братъ его Атаджанъ-тюря, обвиненный матерью въ намѣреніи отравить брата, былъ освобожденъ сторонниками и провозглашенъ ханомъ; но власть его не признали оставшіеся въ городѣ главныя лица управленія и подчинились старику, дядѣ хана, Сеидъ-Эмиръ-Улъ-Омару, который немедленно выслалъ къ Веревкину депутацію.

Веревкинъ поручилъ вести переговоры Ломакину, который предложилъ слѣдующія условія, принятыя безпрекословно: 1) дѣйствія прекращаются на 2 часа, 2) черезъ 2 часа должна явиться депутація самыхъ почетныхъ лицъ и привезти пушки и оружіе, сколько успѣютъ собрать, 3) старшее въ городѣ лицо немедленно должно выѣхать къ Кауфману для переговоровъ и 4) если черезъ 3 часа не будетъ отвѣта, то городъ подвергнется бомбардировкѣ.

Послѣ отбытія депутаціи и размѣщенія войскъ въ новомъ лагерѣ внѣ выстрѣловъ, выбраны были мѣста для мортирной и демонтирной батарей—для первой въ 150 саженяхъ, а для второй въ 250 сажен. отъ стѣнъ города. Первая вооружена 4 полупудовыми мортирами, а вторая 6 конными и 2 пѣшими орудіями. Въ прикрытіе назначены 4 роты и 2 сотни. По окончаніи срока явился посланецъ изъ города съ просьбой перемирія до утра, такъ какъ часть жителей противится сдачѣ. Саранчевъ велѣлъ открыть огонь съ мортирной батареи. Брошено было 92 гранаты, произведшія три пожара. Затѣмъ бомбардировка прекращена на 3 часа.

Потери наши состояли: убитыми 4 нижнихъ чина, ранеными: ген.-лейт. Веревкинъ, маіоры Буравцовъ и Аварскій, ротмистръ Алихановъ, подпоручики Ѳедоровъ и Са-

ранчевъ и прапорщикъ Аргутинскій-Долгоруковъ; нижнихъ чиновъ ранено 34; контужено: офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 5; лошадей убито 4, ранено 7.

Что это было за дѣло такое?

Неудачный штурмъ? Но кто же штурмуетъ безъ лѣстницъ и обваловъ 3-саженныя стѣны? Усиленная рекогносцировка? Но никто ничего не осматривалъ; не замѣтили даже готовой бреши рядомъ съ кладбищемъ. Узнали, что стѣна города въ 120 саженяхъ отъ канала Палванъ-ата? Но это знали и безъ рекогносцировки, изъ плана Хивы, сдѣланнаго въ 1858 топографомъ капитаномъ Зелениным ъ. Узнали, что безъ лѣстницъ на 3-саженную стѣну не влѣзешь? Но это и такъ можно угадать, не тратя понапрасну людей и пороха! Очевидно, что Веревкинъ твердо вѣрилъ, что ночевать будетъ въ Хивѣ,—доказательство: приказъ идти за войсками всему обозу. А вѣдь ни на штурмъ, ни на рекогносцировку обоза не берутъ.

Веревкинъ на штурмъ и не расчитывалъ, даже въ диспозиціи сказано глухо: „войска идутъ къ Хивѣ“. Донельзя ясно, что Веревкинъ былъ убѣжденъ въ повтореніи исторіи предъидущихъ дней: „войска идутъ къ Кунграду“, передъ ними гарцуютъ конные халатники, а городъ высылаетъ депутацію; „войска идутъ къ Ходжейли“,—опять передъ ними халатники, опять пальба, а передъ городомъ опять депутація; „войска идутъ къ Мангыту“,—та же исторія и та же депутація; „войска идутъ къ Кяту“,—опять то же самое, но ужъ депутаціи являются сразу отъ 4 городовъ... Какъ не понадѣяться, что и на этотъ разъ хивинцы продѣлаютъ ту же комедію? Два дня, для очистки совѣсти, они приставали къ намъ,—теперь въ самый разъ сдать городъ,—и вотъ Веревкинъ идетъ со всѣмъ обозомъ, какъ на вѣрный ночлегъ...

Преступнаго въ такой ошибкѣ ничего нѣтъ, но сознаться въ ней онъ стыдится почему-то и придумываетъ для реляціи небывалыя причины и поводы, неосновательное названіе какой-то рекогносцировки, оправдывается и подрываетъ къ себѣ довѣріе... Наполеонъ—и тотъ ошибался, а Веревкину это и простительно, тѣмъ болѣе, что потери, въ сущности, были не велики и дѣло увѣнчалось трофеями.

Кто сплоховалъ, такъ это Буравцовъ, обманувшій и Веревкина, и ширванцевъ злосчастною пушкой. Что стоило послать одного—двухъ соглядатаевъ пробраться кладбищемъ и посмотрѣть, дѣйствительно ли эта пушка такъ же „плохо лежитъ“, какъ двѣ захваченныя? А пройди или проползи ловкій человѣкъ еще 200 шаговъ, — нашли бы и готовую брешь, а тогда бы Хива была взята честно и смаху въ этотъ же день. Не было бы ни укоровъ, ни насмѣшекъ, которыя вполнѣ заслуженно обрушились на оренбуржцевъ за слѣдующій день...

Въ самый разгаръ перепалки, подъ стѣнами Хивы, къ Кауфману, стоявшему бивакомъ у сел. Янги-Арыка, въ 20 верстахъ отъ Хивы явился двоюродный братъ хана, Инакъ-Иртазали, съ заявленіемъ покорности отъ имени хана, сдававшагося безъ всякихъ условій, на великодушіе Бѣлаго Царя, и даже готоваго принять подданство, лишь бы остановили военныя дѣйствія и прекратили бомбардированіе города.

Кауфманъ потребовалъ явки самого хана къ 8 часамъ утра слѣдующаго дня, на встрѣчу отряда, который будетъ въ 6 верстахъ отъ Хивы. Инаку была дана и записка для передачи Веревкину. Кауфманъ писалъ: „сейчасъ ханъ прислалъ ко мнѣ родственника своего для переговоровъ. Я отвѣчалъ, что завтра подойду къ городу, и если ханъ желаетъ мира, то пусть выѣдетъ самъ ко мнѣ на встрѣчу. Въ $4^1/_2$ часа утра, 29 мая, я выступлю; часовъ въ 8 буду верстахъ въ 6 отъ Хивы; тамъ остановлюсь. Прошу ваше превосходительство, со ввѣреннымъ вамъ отрядомъ передвинуться къ Палванъ-арыку, на мостъ Сары-купрюкъ. Посланный отъ хана увѣряетъ, что іомуды не слушаютъ хана и воюютъ вопреки его ханской волѣ. Я разрѣшилъ хану имѣть свиту до 100 чел.; приму его на своей позиціи. Было бы очень хорошо, если бы ваше превосходительство успѣли къ 8 часамъ быть у моста Сары-купрюкъ. Если изъ города противъ васъ не стрѣляютъ, то и вы до разрѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, также не стрѣляйте“.

Что видно изъ этой записки? Завтра будетъ большая томаша: всѣ отряды соединятся... Кауфманъ, наконецъ, въ роли настоящаго главнокомандующаго... передъ нимъ прежде кичливый, а теперь униженный ханъ, грубіянъ, не отвѣчавшій нѣсколько лѣтъ на его письма... съ ничтожной свитой, какъ и подобаетъ побѣжденному и презрѣнному врагу... Картина будетъ торжественная, способная вознаградить за всѣ огорченія, лишенія и страхи похода... Кауфманъ будетъ сначала суровъ, потомъ милостивъ... скажетъ войскамъ рѣчь... это все пропечатаютъ въ газетахъ...

Кто зналъ Кауфмана и его страсть къ почету и театральнымъ эфектамъ, тотъ согласится, что записка его переведена вѣрно. Обратите вниманіе: самое главное—прекратить огонь—стоитъ послѣднимъ и въ условной формѣ съ если.

Можно представить себѣ огорченіе Кауфмана, когда на другой день ни ханъ, ни Веревкинъ не явились къ нему украшать его тріумфъ, при торжественномъ вступленіи въ городъ!

Инакъ поѣхалъ обратно около 7 часовъ вечера. Записку Веревкинъ получилъ, когда бомбардировка уже кончилась. Артиллеріи запрещено отвѣчать на одиночные выстрѣлы съ крѣпости.

Веревкинъ счелъ для себя неудобнымъ исполнить приказаніе Кауфмана въ точности. Въ числѣ благовидныхъ предлоговъ вы-

ставлялось обиліе раненыхъ, которыхъ трудно было бы перевозить (прибавимъ: безъ всякой надобности)... Поэтому онъ послалъ на встрѣчу Кауфмана только 2 роты, 4 сотни и 2 конныхъ орудія, а вмѣсто себя—Ломакина и Саранчева. Съ остальными войсками остался на мѣстѣ. Утро 29-го мая застало Хиву въ мирномъ настроеніи: хотя пробоины въ воротахъ и были задѣланы, а сбитые зубцы стѣнъ подновлены глиной, но защитники сидѣли между зубцами, свѣсивъ ноги на нашу сторону, и мирно любовались томашей (развлеченіе), которую затѣвали русскіе. Русскіе стояли кучками подъ самыми стѣнами и завели разговоры съ любопытствующими со стѣнъ защитниками. Подобрали вчерашнихъ убитыхъ, которые оказались безъ головъ и съ распоротыми животами...

Кто-то крикнулъ наверхъ, чтобъ халатники сдали пушки,— и хивинцы очень охотно и весело спустили къ намъ два зембурека на веревкахъ. Веселому настроенію помѣшало нѣсколько то обстоятельство, что со стѣнъ стали спускаться къ намъ плѣнные персіяне, которыхъ хивинцы и провожали, безвредными впрочемъ, выстрѣлами. Эти персіяне разсказывали, что съ уходомъ хана, въ Хивѣ водворились безпорядки и что плѣнныхъ собираются вырѣзать, а между ними много и русскихъ. Эти разсказы взволновали у насъ многихъ. Можетъ быть, и это отчасти повліяло на дальнѣйшій ходъ событій.

Зная, что въ Хивѣ существуетъ сильная числомъ, воинствующая партія, и желая предупредить безпорядки, которые легко могутъ возникнуть, какъ это случилось въ Мангытѣ, въ самую минуту сдачи города, Веревкинъ приказалъ занять Шахъ-абадскія ворота и часть стѣнъ въ обѣ стороны. Если не сдадутъ добромъ, то взять силою.

Тутъ и началась оперетка...

Совершенно естественно и каждому понятно, что если хивинцамъ неоднократно уже было объявлено самимъ Веревкинымъ, что онъ не имѣетъ права трактовать о мирѣ, что это право предоставлено одному Кауфману, который и есть главный начальникъ всѣхъ войскъ, вступившихъ въ Хиву, то все хивинское начальство и потянулось къ Кауфману, подходившему уже къ мѣсту, назначенному имъ для встрѣчи, т. е. къ 6-й верстѣ. Ключи отъ городскихъ воротъ вездѣ въ Средней Азіи находятся въ рукахъ особаго чиновника к у р ъ - б а ш а, начальника ночного дозора, такъ сказать, ночнаго полиціймейстера. Въ мирное время ворота запираются только на ночь, а въ военное, конечно, и днемъ. Если дѣло идетъ о сдачѣ крѣпости, то понятно, и ключи повезли къ тому, кто имѣлъ право принять капитуляцію и трактовать объ условіяхъ, то есть къ Кауфману. Понятно поэтому, что жители, сидѣвшіе, свѣся ноги, на стѣнахъ, ничего другого и не могли отвѣчать на требованія, выкрикиваемыя нашими переводчиками:

„отворить ворота“,—какъ то, что ключей у нихъ нѣтъ, что всѣ начальники поѣхали къ Кауфману..

Тогда имъ крикнули, что если воротъ не отворятъ, то мы ихъ разобьемъ.

Со стѣны отвѣчаютъ, что-де какъ знаете, это молъ не наша забота и что одни ворота, а именно хазараспскія, отворены уже для ярымъ-патьши (для полу-царя или вице-короля, какъ назвали въ Средней Азіи Кауфмана), подходившаго со стороны Хазаръ-аспа.

Снизу опять кричатъ наши: „скиньте намъ нѣсколько лопатъ или китменей“ (родъ большихъ тяпокъ). Хивинцы немедленно исполнили эту просьбу и спустили нѣсколько китменей. Этими китменями наши начали долбить землю недалеко отъ воротъ и набросали брешь-батарею, а разстояніе до воротъ спокойно измѣрили шагами. Хивинцы сидятъ себѣ и любуются. Когда батарея была готова, то гранатами пробили въ воротахъ узкую щель, сквозь которую и полѣзли по одиночкѣ люди 2-хъ ротъ (одна Самурскаго полка, другая 2-го Оренбург. лин. батал.); во главѣ ихъ пошли Скобелевъ и шт. ротм. графъ Шуваловъ. Хивинцы нисколько этому не мѣшали, и такимъ образомъ Шахъ-абатскія ворота, съ прилегавшими стѣнами, были заняты нашими войсками, какъ будто бы съ боя, какъ будто бы открытою силою, а ужъ во всякомъ случаѣ насильно. Какъ разъ въ это время отрядъ Кауфмана строился въ колонну у другихъ воротъ для торжественнаго вступленія въ городъ съ музыкой!

Съ отъѣздомъ Саранчева къ Кауфману, за начальника штаба при Веревкинѣ оставался кап. Ивановъ. Посланный съ запиской къ Скобелеву: „стоять на мѣстѣ и не лѣзть впередъ“, онъ получилъ заявленіе, что на всякій случай необходимо прислать сюда два ракетныхъ станка. Ивановъ уѣхалъ и прислалъ взводъ ракетныхъ станковъ при запискѣ. Эту записку Скобелевъ представилъ потомъ Троцкому въ видѣ доказательства, что штабъ одобрялъ его дѣйствія. Услышавъ пальбу, Ивановъ снова ѣдетъ къ воротамъ, видитъ тутъ одного казака часового, узнаетъ, что Скобелевъ, съ ротами, вошелъ въ городъ, догоняетъ его на арыкѣ Палванъ-Ата, упрашиваетъ воротиться, напоминая, что онъ уже не исполнилъ одного приказанія... Скобелевъ отвѣчаетъ, что идти назадъ страшно, оставаться на мѣстѣ—опасно, остается идти впередъ и занять ханскій дворецъ... Ивановъ спѣшитъ съ этимъ къ Веревкину, тотъ ругается, велитъ передать Скобелеву, что если онъ тронется къ ханскому дворцу, то будетъ разстрѣлянъ... Ивановъ нашелъ Скобелева уже во дворцѣ, а Шувалова въ караулѣ съ нѣсколькими солдатами!

Кауфманъ выступилъ съ ночлега въ этотъ день въ 4 ч. утра. Въ попутныхъ селеніяхъ жители встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью. Въ 6 верстахъ отъ города ждалъ дядя хана Сеидъ-Эмиръ-Ультомъ II. 17

Омаръ со свитой, въ заднихъ рядахъ которой притаился братъ хана Ата-Джанъ-Тюря. Старикъ Сеидъ-Омаръ снялъ шапку и поклонился Кауфману, причемъ объявилъ, что ханъ бѣжалъ къ туркменамъ.

Тутъ Кауфманъ замѣтилъ нарядную одежду Ата-Джана и спросилъ: кто это? Омаръ отвѣчалъ, что это новый ханъ. Новый ханъ былъ сильно сконфуженъ и не зналъ, что ему говорить и какъ держать себя...

Кауфманъ двинулся далѣе и въ 2 верстахъ отъ города встрѣтилъ колонну, высланную къ нему Веревкинымъ.

Войска соединились фактически. Здѣсь у моста Сары-купрюкъ отрядъ сталъ бивакомъ, чтобы почиститься и приготовиться къ торжеству вступленія въ городъ. Кауфманъ потребовалъ безусловной покорности, приказалъ отворить ворота, снять со стѣнъ орудія и вывести ихъ къ Хазаръ-аспскимъ воротамъ, черезъ которыя вступаетъ его отрядъ. Сеидъ-Омаръ тотчасъ послалъ своихъ приближенныхъ исполнять эти приказанія.

Какъ разъ въ это время, въ 11 час. утра послышалась канонада въ сторонѣ оренбургскаго отряда, а затѣмъ прискакали вѣстники, что тамъ русскіе опять начали стрѣлять по городу...

Кому бы могло придти въ голову, что тамъ разыгрывается потѣшная опереткa штурма не защищающейся крѣпости, гарнизонъ которой даже помогаетъ атакующимъ строить брешь-батарею, спуская для работы свои шанцовые инструменты?—Понятно, что Кауфманъ и подумалъ тотчасъ, что Веревкинъ, безъ сомнѣнія, вызванъ на огонь какими-либо враждебными дѣйствіями со стороны жителей-тѣмъ болѣе, что вчера еще онъ просилъ Веревкина не стрѣлять иначе. Немедленно туда былъ посланъ самъ Сеидъ-Омаръ, для принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы жители тотчасъ же прекратили эти дѣйствія. Веревкину же послана была записка слѣдующаго содержанія: „Прибывъ на позицію, я былъ встрѣченъ полковникомъ Саранчовымъ и славными войсками, подъ вашимъ начальствомъ состоящими. Къ удивленію моему я слышу съ вашей стороны выстрѣлы. Пріѣхалъ ко мнѣ Матъ-Ніязъ; онъ увѣряетъ, что батареи ваши открыли огонь противъ города. Ханъ изъ города ушелъ вчера съ іомудами. Когда обозъ отряда стянется, я полагаю, съ частью отряда и съ войсками отъ васъ, войти въ городъ и занять цитадель и ворота. Грабежа не должно быть. Надѣюсь около двухъ часовъ выступить. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чѣмъ прежде. Я беру ваши роты, орудія и кавалерію, чтобы они были представителями кавказскаго и оренбургскаго округовъ. Поздравляю васъ съ побѣдою и съ раною, дай Богъ скорѣе выздоровѣть“.

„Съ побѣдою и съ раною“,—нѣтъ-ли тутъ шарады? Кауфманъ

вѣдь любилъ съострить, да и мода была такая въ Ташкентѣ. Въ отвѣтъ на это Веревкинъ прислалъ слѣдующее письмо: „Въ Хивѣ двѣ партіи: мирная и враждебная. Послѣдняя ничьей власти не признаетъ и дѣлала въ городѣ всякія безчинія. Чтобы разогнать ее и имѣть хотя какую-нибудь гарантію противъ вѣроломства жителей, я приказалъ овладѣть съ боя одними изъ городскихъ воротъ, что и исполнено. Войска, взявшія ворота, заняли оборонительную позицію около нихъ, гдѣ и будутъ ожидать приказанія вашего превосходительства. Всякіе грабежи мною строго воспрещены".

Изъ этого письма видно, во-первыхъ, что Веревкинъ считалъ ту партію, которая сидѣла на стѣнахъ съ его стороны, спустила ему двѣ пушки свои и помогла строить брешь-батарею,—за враждебную, такъ какъ отъ выстрѣловъ по воротамъ могла пострадать только она; а во-вторыхъ, всю эту затѣю съ воротами онъ считалъ боемъ... Взяли молъ съ боя и заслуживаемъ боевыхъ наградъ!

Письмо это Кауфманъ получилъ около 2 часовъ, когда уже вступалъ въ Хиву во главѣ войскъ.

Гродековъ, написавшій свою книгу довольно безпристрастно, осуждаетъ этотъ фарсъ Веревкина слѣдующими словами: „Какъ видно изъ предъидущаго, въ форсированномъ занятіи шахъ-абатскихъ воротъ не было никакой надобности, и оно можетъ быть объяснено единственно желаніемъ Веревкина фактически показать, что Хиву занялъ онъ, а не туркестанскій отрядъ".

Мы, съ своей стороны, добавимъ, что въ оправданіе своихъ послѣднихъ самостоятельныхъ дѣйствій, Веревкинъ могъ сослаться на инструкцію, дававшую ему право продолжать геройствовать, не смотря ни на какіе переговоры врага съ Кауфманомъ, а самому никакихъ условій не принимать, пока не соединится съ Кауфманомъ. Какъ мы видѣли, онъ лично съ большею частію своего отряда, дѣйствительно, пока не соединился еще съ главнокомандующимъ и, стало быть, не подчинился еще ему вполнѣ и безпрекословно, почему и считалъ себя вправѣ дѣйствовать по всей своей волѣ...

Получивъ извѣщеніе, что всѣ приказанія его хивинцами исполнены, и что улицы по пути къ ханскому дворцу очищены, Кауфманъ вступилъ въ городъ въ 2 часа дня, подъ звуки даргинскаго марша, исполненнаго музыкантами Ширванскаго полка. Съ нимъ вступили 9 ротъ, 7 сотенъ и 8 орудій. Самъ Кауфманъ ѣхалъ не впереди, а въ серединѣ отряда съ ихъ высочествами и штабомъ. Въ этомъ сказался эриванскій опытъ. Кауфманъ нерѣдко вспоминалъ и разсказывалъ, что во время вступленія Паскевича въ Эривань, когда всѣ были въ походной формѣ и только

одинъ оберъ-аудиторъ надѣлъ треуголку, какой-то фанатикъ, поклявшійся убить Паскевича и засѣвшій надъ воротами, принялъ аудитора за главное лицо въ отрядѣ и дѣйствительно убилъ его... У воротъ для встрѣчи Кауфмана стоялъ, впереди массы жителей, старикъ Сеидъ-Омаръ безъ шапки, а рядомъ свезенныя сюда хивинскія пушки. Всѣ площади и часть боковыхъ улицъ запружены были арбами съ разнымъ имуществомъ, женщинами и дѣтьми, спасавшимися сюда изъ окрестностей города.

Громкія привѣтствія народа, благополучно отдѣлавшагося отъ опасностей войны и радостные крики рабовъ-персіянъ, продиравшихся впередъ и показывавшихъ потертыя кандалами руки и ноги, сливались съ музыкой марша. Войдя въ цитадель, войска остановились передъ ханскимъ дворцомъ. Кауфманъ объѣхалъ войска, поздравилъ ихъ съ побѣдою и славнымъ походомъ, увѣнчавшимся достиженіемъ цѣли, и благодарилъ ихъ именемъ государя за службу, труды и подвиги.

Затѣмъ, одна рота послана во дворецъ для занятія караула, а слѣдомъ за нею въѣхалъ въ ворота и Кауфманъ со свитою. Остановившись передъ узкою и низкою дверью, въ которую уже нельзя было въѣхать, Кауфманъ слѣзъ съ коня и вошелъ во внутренній дворикъ, устланный коврами, гдѣ въ открытой галлереѣ стоялъ тронъ хана и гдѣ обыкновенно происходили офиціальные пріемы. Тронъ этотъ теперь хранится въ Московской оружейной палатѣ.

На террасѣ, въ галереѣ, Кауфманъ принялъ депутатовъ отъ города и его окрестностей, сказалъ имъ, чтобы они ничего не боялись и передали это народу: русскіе и сами ихъ не тронутъ, да и другимъ не дадутъ ихъ въ обиду.

Такъ какъ самъ Веревкинъ на соединеніе съ Кауфманомъ не шелъ, то по правилу, завѣщанному еще Мухаммедомъ (если гора къ тебѣ не идетъ, то самъ ты иди къ ней), — Кауфманъ отправился съ конвоемъ изъ одной сотни, чрезъ Шахъ-абатскія ворота, въ лагерь Веревкина... Здѣсь онъ также объѣхалъ войска, поздравилъ ихъ съ побѣдою и благодарилъ за службу.

Веревкинъ, вѣроятно, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Кауфманъ былъ сильно недоволенъ послѣдними его дѣйствіями и назначилъ разслѣдованіе. Допрошенъ былъ и диванъ-беги Матъ-Ніязъ, видѣвшій оперетку. Говорили, что идея послѣдняго, вродѣ какъ-бы боевого, занятія Хивы, принадлежала Скобелеву... Это на него похоже.

Вслѣдствіе отзыва начальника главнаго штаба 1873 г. № 4728 было запрещено представлять къ ордену Св. Георгія позже двухнедѣльнаго срока послѣ оказаннаго отличія; поэтому многіе изъ считавшихъ себя достойными награды подали рапорты съ описаніемъ своихъ подвиговъ...

Въ дѣлѣ № 128 полеваго штаба на л. 56—57 имѣется наградной листъ Скобелева, съ ходатайствами Ломакина. и Веревкина слѣдующаго содержанія: „Въ дѣлѣ подъ стѣнами Хивы 29 мая, устроивъ въ 200 шагахъ отъ оныхъ брешь-батарею, пробилъ въ стѣнахъ брешь, первымъ ворвался въ городъ, занялъ и отворилъ городскія ворота и удерживалъ ихъ все время до прихода главнаго отряда, за что полагаю наградить орденомъ Св. Георгія 4 ст.“.

Сбоку рукою Кауфмана надписано: „Эту штуку онъ сдѣлалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, вдвоемъ они штурмовали и заняли городъ“. Вмѣсто Георгія Кауфманъ назначилъ Станислава 2 степени...

30 мая, въ годовщину рожденія Петра Великаго, въ войскахъ отслужено благодарственное молебствіе и панихида за Петра I и за всѣхъ убіенныхъ въ войнахъ съ Хивою.—Въ этотъ же день въ Ташкентъ отправленъ, черезъ Бухару, джигитъ съ бумагами и телеграммой для отправки въ Петербургъ на имя государя. Въ ней сообщалось слѣдующее: „Войска оренбургскаго, кавказскаго и туркестанскаго отрядовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ пришлось совершить(?), храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить имъ путь къ цѣли движенія, къ гор. Хивѣ, и разбивъ на всѣхъ пунктахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно вошли и заняли, 29 сего мая, павшую предъ ними столицу ханства. 30 мая, въ годовщину рожденія императора Петра I, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе вашего императорскаго величества и панихида за упокой Петра I и подвижниковъ, убіенныхъ въ войнѣ съ Хивою. Ханъ хивинскій, не выждавъ отвѣта отъ меня на предложеніе его полной покорности и сдачи себя и ханства, увлеченный воинственною партіею, бѣжалъ изъ города и скрылся нынѣ въ средѣ іомудовъ, неизвѣстно, въ какой именно мѣстности. Войска вашего императорскаго величества бодры, веселы и здоровы.“ — Замѣчательно, что къ прибытію джигита съ этой телеграммой въ Ташкентъ, только что дотянули телеграфъ отъ Вѣрнаго до Ташкента, и первою пошла за № 1 именно телеграмма о взятіи Хивы! — На молебствіи, при возглашеніи многолѣтія государю императору и всему царствующему дому, салютъ производили хивинскія пушки, хивинскимъ же порохомъ.

На другой же день по занятіи Хивы туркестанскій отрядъ отошелъ на 1½ вер. назадъ по хазараспской дорогѣ и сталъ лагеремъ вокругъ сада Гендримьянъ. Оренбургскій оставленъ на прежней стоянкѣ по хазаватской дорогѣ, а кавказскій, отдѣленный отъ Веревкина, поставленъ въ промежуткѣ между этими

отрядами въ огромномъ саду, на ургенчской дорогѣ. Главные пути къ Хивѣ были такимъ образомъ перерѣзаны.

Въ день занятія Хивы у насъ здѣсь было: 291 офицеръ и 6,674 нижнихъ чина при 26 орудіяхъ и 11 ракетныхъ станкахъ. 4-го іюня пришла сюда колонна полк. Новомлинскаго въ 458 челов. при 4 орудіяхъ; 19-го числа подошла кавалерія, въ 602 челов. при 4 ракетныхъ станкахъ, а 26-го іюня и колонна Дрешерна (въ томъ числѣ послѣдняя, пришедшая съ Сыръ-Дарьи, сотня подполк. Есипова) въ 792 челов., при 4 орудіяхъ. Если прибавить къ этомъ гарнизоны въ Кунградѣ въ 424 ч. при 2-хъ оруд. и въ Джанъ-Кала въ 281 чел. при 2-хъ ракетныхъ станкахъ, да флотилію въ 257 чел. и 12 орудій, то всего на все, къ концу іюня, въ ханствѣ стояло русскихъ войскъ 9,778 чел. при 48 орудіяхъ и 17 ракетныхъ станкахъ. Въ тыльныхъ укрѣпленіяхъ оставлено было 2,470 человѣкъ при 8 орудіяхъ. Значитъ, мобилизованы были 12,248 чел., 56 орудій и 17 ракетныхъ станковъ.

Хотя войска сами и не грабили жителей, но лаучи и джигиты, считая себя какъ бы союзниками нашими, имѣющими право на свою долю добычи, отказываться отъ нея не желали... Освобожденные рабы персіяне стали расправляться со своими бывшими хозяевами... Чтобы прекратить убійства и грабежи, первые же двое пойманныхъ персіянъ были, по приговору полевого суда, повѣшены 31-го мая на площади.

Какъ всегда, къ побѣдителю стали являться разныя депутаціи, больше, конечно, изъ любопытства; между прочимъ и отъ туркменъ іомудовъ, но о ханѣ, который среди нихъ скрывался, они отзывались незнаніемъ.

Чѣмъ собственно не понравился Кауфману Атаджанъ-Тюря? Тѣмъ ли, что не выступилъ въ главной роли при переговорахъ о сдачѣ Хивы, какъ бы доказавъ этимъ недостатокъ иниціативы, или тѣмъ, что держался черезчуръ скромно, какъ бы въ роли „хана поневолѣ", готоваго немедленно уступить мѣсто старшему брату, или тѣмъ, что былъ высокъ, худъ и некрасивъ,—но только Кауфманъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ дѣла и требовалъ непремѣнно явки съ повинной бѣжавшаго хана. Весьма возможно, что безъ этой явки и униженія въ глазахъ народа законнаго властителя его, Кауфманъ считалъ побѣду неполною, такъ какъ въ своихъ прокламаціяхъ къ хивинцамъ онъ неоднократно заявлялъ, что ведетъ войну съ однимъ ханомъ, а не съ народомъ. Въ такомъ случаѣ, пока самъ ханъ не явился и не призналъ себя побѣжденнымъ, — война какъ будто и не кончена.

Весьма возможно также, что Кауфманъ сомнѣвался въ безповоротности отрѣшенія Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Хана отъ престола и въ прочности избранія его брата Атаджана, а въ такомъ случаѣ мирный договоръ, заключенный съ послѣднимъ, былъ бы необя-

зателенъ для перваго, когда онъ снова сядетъ на ханство. Въ Средней Азіи такая политика практикуется сплошь и рядомъ.

Ханъ вѣроятно думалъ, что его, по меньшей мѣрѣ, повѣсятъ за всѣ его продерзости, и боялся явиться, пока ему не дали успокоительныхъ обѣщаній. Только когда Кауфманъ написалъ ему 1-го іюня письмо, съ совѣтомъ возвратиться „къ власти, перешедшей къ вамъ отъ предковъ“, и обѣщалъ не дѣлать ему никакого зла, ханъ явился вечеромъ 2-го числа. Чтобы сохранить хоть тѣнь достоинства, онъ, хотя и подошелъ къ ставкѣ Кауфмана безъ шапки, но тотчасъ же, безъ приглашенія, сѣлъ на коверъ. Въ матеріалахъ сказано: „онъ опустился на колѣни“. Это напрасно: такъ здѣсь садятся.

Напомнивъ хану его провинности, указавъ на результатъ плохихъ совѣтовъ его плохихъ приближенныхъ, Кауфманъ обѣщалъ возстановить его на престолѣ и предложилъ отдохнуть въ приготовленномъ тутъ же въ саду шатрѣ. Начался почетный плѣнъ...

5-го іюня хану показали смотръ и ученье туркестанскаго отряда. 6-го плѣнъ окончился. Ханъ отпущенъ въ Хиву и тогда же ханству дана, нѣкоторымъ образомъ, конституція: ханъ вѣдаетъ только судебною частію, административная же переходитъ къ дивану, въ которомъ засѣдаютъ семеро лицъ,—четыре по назначенію Кауфмана и три отъ хана. Отъ насъ назначены въ диванъ: подполковники Ивановъ, Пожаровъ и Хорошхинъ, ташкентскій сартъ купецъ Алтынъ-бай, а отъ хана: диванъ-беги Матъ-Ніязъ, Иртазали-Инакъ и мехтеръ Абдула-бай. Хану пришлось проститься со своими главными совѣтчиками, заклятыми врагами Россіи: диванъ-беги Матъ-Муратъ и есаулъ-баши Рахметъ-Улла, бѣгавшій съ ханомъ къ іомудамъ, были арестованы и сосланы въ Калугу... Атаджанъ-Тюря отпросился въ Мекку, но дорогою одумался и въ Тифлисѣ, просился на службу въ Тверской драгунскій полкъ.

Первымъ дѣломъ дивана было обсудить вопросъ объ освобожденіи рабовъ-персіянъ, которые давно ждали русскихъ и теперь, въ большинствѣ, покинули своихъ хозяевъ, собрались въ шайки и начали кое-гдѣ расправляться со своими бывшими помѣщиками. Кто не успѣлъ или не могъ уйти изъ неволи, тѣ были запрятаны своими хозяевами въ разныхъ тайникахъ и прикованы къ стѣнамъ на цѣпь... Въ цѣпяхъ ихъ выводили и на работы.

11-го іюня Кауфманъ пригласилъ къ себѣ хана и убѣдилъ его поторопиться освобожденіемъ рабовъ, пока русскіе еще не ушли и потому могутъ оказать содѣйствіе. На другой же день диванъ составилъ постановленіе объ уничтоженіи невольничества, и ханъ разослалъ во всѣ концы слѣдующій манифестъ:

„ Я, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-Ханъ, въ знакъ глубокаго уваженія къ русскому императору, повелѣваю всѣмъ мо-

имъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу русскому".

„Эту волю мою повелѣваю исполнить во всей точности подъ опасеніемъ самаго строгаго наказанія. Всѣ бывшіе рабы, отнынѣ свободные, должны считаться на одинаковыхъ правахъ съ прочими моими подданными и подлежатъ одинаковымъ съ ними взысканіямъ и суду за нарушеніе спокойствія въ странѣ и за безпорядки, почему я и призываю всѣхъ ихъ къ порядку".

„Бывшимъ рабамъ предоставляется право жить, гдѣ угодно въ моемъ ханствѣ, или выѣхать изъ него, куда пожелаютъ; для тѣхъ, которые пожелаютъ выѣхать изъ ханства, будетъ объявлена особая принятая мѣра. Женщины-рабыни освобождаются на одинаковыхъ началахъ съ мужчинами; въ случаѣ споровъ замужнихъ женщинъ съ мужьями, — дѣла разбираются казіями по шаріату".

Самый слогъ манифеста обличаетъ его русское происхожденіе. Тѣмъ это и лучше. Въ ханствѣ считалось до 30,000 рабовъ и до 6,500 челов., освобожденныхъ ранѣе ханомъ и частными лицами. Эти 6,500 человѣкъ владѣли землей, въ количествѣ 44 десятинъ на всѣхъ или почти по полдесятины на 65 человѣкъ, т. е. по 16 квадратныхъ саженъ на душу!

Желавшіе возвратиться на родину должны были собираться въ базарныя мѣста (ихъ 37 въ ханствѣ) и записаться у старшины; затѣмъ они выбирали себѣ старшихъ и шли на сборный пунктъ въ садъ Катта-Багъ, а сѣверные въ Куня-Ургенчъ, откуда ихъ направляли партіями въ 500 — 600 человѣкъ въ Красноводскъ, гдѣ ждали ихъ русскія суда для перевозки въ Персію.

Такъ какъ сборы шли медленно, то успѣли уйти до сентября только 6,337 человѣкъ, а множество персіянъ не успѣли отправиться до выступленія русскихъ изъ ханства, и много ихъ потомъ погибло подъ ударами туркменъ... Въ слѣдующемъ 1874 году ушло еще 1,750 человѣкъ.

Имущество арестованнаго Матъ-Мурада было конфисковано. Деньгами нашлось 48,844 р. 40 к. мелкимъ серебромъ, а частію и нашею такъ называемою банковою монетою (рубли, трехрублевики въ 75 к., полтинники и четвертаки). Это все сдано было въ полевую кассу. Золотыхъ и серебряныхъ вещей съ дорогими камнями нашлось на 25,640 р. Во дворцѣ хана не нашлось ни того, ни другого. Тайниковъ во дворцѣ было такъ много, что напримѣръ однажды нашли въ какой-то каморкѣ ледъ, а черезъ полчаса никакъ не могли снова отыскать эту каморку! Говорятъ, будто во время смутъ 28-го мая, дворецъ былъ разграбленъ чернью, но еще вѣроятнѣе, что богатства были припрятаны же-

нами хана. Грабители не пощадили бы массу дорогого оружія, сѣделъ, оправленныхъ въ золото и серебро, уздечекъ, склада матерій, ковровъ и проч. Наиболѣе цѣнные конскіе уборы и оружіе были отправлены, вмѣстѣ съ ящикомъ драгоцѣнностей Матъ-Мурада, въ Петербургъ, для представленія государю и другимъ особамъ императорской фамиліи. Тронъ хивинскаго хана переданъ въ Грановитую палату Москвы. Остальное оружіе и ковры розданы офицерамъ, а матеріи и халаты войскамъ.

Въ числѣ депутацій явились 10-го іюня и представители каракалпаковъ, кочующихъ на правомъ берегу Аму-Дарьи при устьяхъ ея. Они просили принять ихъ въ подданство. Имъ приказано хорошенько обдумать это дѣло, но черезъ два дня они снова явились и повторили свою просьбу. Это было принято во вниманіе при заключеніи мирнаго договора и ихъ кочевки присоединены къ уступленнымъ намъ землямъ праваго берега.

Явился въ концѣ іюня и Ата-Муратъ, бывшій проводникомъ у Маркозова; отъ него и узнали подробности о неудачѣ, постигшей красноводскій отрядъ. По ходатайству Кауфмана, ханъ разрѣшилъ своему заклятому врагу поселиться снова въ предѣлахъ ханства, съ условіемъ сидѣть смирно.

Между тѣмъ, топографы производили съемки, астрономическія опредѣленія разныхъ пунктовъ; собирались разными лицами данныя по статистикѣ, зоологіи, ботаникѣ, этнографіи и исторіи края. Для прикрытія этихъ изслѣдователей и въ особенности рекогносцировки полк. Глуховскаго, а также для сближенія оренбургскаго отряда съ его запасами, прибывшими въ Кунградъ, и для пониженія цѣнъ подъ Хивою, отрядъ этотъ передвинутъ къ Куня-Ургенчу, откуда Глуховскій, съ кавалеріей, долженъ былъ идти къ Сары-камышу съ топографами. Масса изслѣдователей однакоже не сдѣлала самаго главнаго: никто не побывалъ на Порсу, гдѣ избивали въ 1717 году отрядъ Бековича Черкасскаго... Въ 4 мѣсяца можно бы, кажется, было успѣть это сдѣлать. Только въ январѣ 1874 г. начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла полк. Ивановъ воспользовался случаемъ, затѣялъ экспедицію, пришелъ на Порсу, отслужилъ панихиду и далъ три залпа.

23-го іюня отправились на пароходѣ „Самаркандъ“ въ Казалинскъ: великій князь Николай Константиновичъ, генералъ-лейт. Веревкинъ и посланный курьеромъ къ государю съ подробнымъ донесеніемъ подполков. Фанъ-деръ-Флитъ. Бухарскій посолъ Иссамединъ-Мирахуръ, сопровождавшій нашъ отрядъ весь походъ, отправился домой 20-го числа съ письмомъ отъ Кауфмана, благодарившаго эмира за сочувствіе и содѣйствіе, и съ богатыми подарками. 8-го іюля прибылъ новый посолъ эмира съ поздравленіемъ по поводу занятія Хивы и съ подарками.

Читатель помнитъ данное свыше приказаніе, что „по наказаніи Хивы владѣнія ея должны быть немедленно очищены нашими войсками“. Ханъ былъ наказанъ отобраніемъ отъ него всего найденнаго въ его дворцѣ цѣннаго имущества, Матъ-Мурадъ также лишился всего награбленнаго имъ состоянія и сосланъ въ Калугу вмѣстѣ съ Рахметъ-Уллой. Можно ли это считать наказаніемъ Хивы, разумѣя не городъ собственно, а все ханство? Жители, занимавшіеся земледѣліемъ и торговлею, относились къ намъ болѣе или менѣе спокойно, а кочевники, въ особенности туркмены, занимающіеся преимущественно скотоводствомъ и грабежами, составляли всегда ядро каждой партизанской партіи, тревожившей наши отряды. Ни разу намъ не удавалось задать имъ настоящій урокъ, ни разу не приходилось дать почувствовать всю тяжесть нашей руки. Кауфманъ, правда, нѣсколько разъ объявлялъ въ прокламаціяхъ, что воюетъ не съ народомъ, а съ однимъ ханомъ и его министрами, но какъ вразумить кочевника, котораго ханы и пріютили только на условіи выставлять ополченіе извѣстной силы въ случаѣ войны? Какъ проучить туркменъ за то, что они повиновались своему повелителю? Къ тому же къ іюлю мѣсяцу подошли и послѣднія войска, томившіяся въ бездѣйствіи на Халъ-Ата и Алты-Кудукѣ... да и главныя силы туркестанскаго отряда, въ сущности, не имѣли ни одного серьезнаго дѣла. Нельзя же считать обстрѣливаніе хивинскаго лагеря у Шейхъ-арыка, черезъ рѣку, за что-нибудь серьезное...

Туркменъ считаютъ до 35,000 кибитокъ или до 175,000 человѣкъ обоего пола. Грабятъ они и сосѣдей хивинцевъ, и другъ друга, а хана не слушаются. 3-го іюня Кауфманъ объявилъ явившимся къ нему туркменскимъ старшинамъ, что больше грабежей и неповиновенія ихъ хану не потерпитъ, въ противномъ случаѣ „пощады вамъ не будетъ“. Затѣмъ диванъ постановилъ, что все населеніе, не исключая туркменъ, должно по раскладкѣ доставить въ русскій лагерь провіантъ по назначенной цѣнѣ. Гдѣ взять этотъ провіантъ скотоводу, который не сѣетъ, не жнетъ и въ житницы не собираетъ, а въ случаѣ нужды отнимаетъ хлѣбъ у земледѣльца? Грабить же запрещено... Можно было заранѣе сказать, что даже и полуосѣдлые туркмены не исполнятъ такого требованія, такъ какъ, конечно, прошлогодній посѣвъ былъ почти весь съѣденъ ими самими, а новый еще не поспѣлъ.

Затѣмъ, 18-го іюня объявленъ былъ манифестъ хана объ освобожденіи рабовъ. Туркмены часть своихъ земель воздѣлываютъ преимущественно подъ джугару и клеверъ для корма скота и немного подъ хлѣбъ, но отнюдь не сами, такъ какъ даже арыковъ своихъ не хотятъ чистить и поправлять, хотя это составляетъ натуральную повинность. Землю воздѣлываютъ для

нихъ плѣнные рабы персіяне, за которыми имъ приходится охотиться Богъ знаетъ гдѣ, за тысячи верстъ! Туркмены не отпустили ни одного раба...

За такія два ослушанія, Кауфманъ наложилъ на нихъ денежный штрафъ, по такой раскладкѣ, „чтобы, не разоряя ихъ окончательно, достаточно ослабить ихъ силу и кичливость, поставить въ невозможность скоро оправиться и этимъ привести ихъ въ подчиненіе и зависимость отъ хана“, такъ говорится объ этомъ въ „матеріалахъ“, подъ редакціей Троцкаго.

Подъ выраженіемъ „наказать Хиву“ Кауфманъ и его сподвижники разумѣли: наказать туркменъ... Въ матеріалахъ такъ-таки прямо и говорится, что „иначе не была бы достигнута цѣль всей экспедиціи; и русскимъ войскамъ нельзя было бы выйти изъ предѣловъ ханства, что противорѣчило бы высочайшей волѣ: наказать Хиву“... (стр. 47-я. Пребываніе русскихъ войскъ въ Хивинскомъ ханствѣ).

Контрибуція наложена въ размѣрѣ 600,000 рублей. Половину должны были внести хазаватскіе туркмены. 100,000 они должны были внести въ 10 дней, съ 7-го по 17-е іюля, а 200,000 въ слѣдующіе 5 дней. То есть къ 22 числу все должно быть кончено... Вызваны были старшины и имъ это объявлено. Откладывать мы не могли, потому что въ августѣ надо уже выступать по домамъ. Старшины, и тѣ не всѣ, собрались только 5-го іюля и, стало быть, до 7-го едва ли бы успѣли даже объявить своимъ о наложенномъ штрафѣ. Пятерыхъ отпустили 6 іюля, а 12 оставили заложниками. Это также оригинальная мѣра: именно тѣхъ людей, которые должны были сдѣлать раскладку и собирать съ подчиненныхъ деньги, засадили подъ арестъ! Очевидно, что ничего не было упущено, чтобы только раздразнить туркменъ и вызвать у нихъ волненія... Можно думать даже, что и самое освобожденіе рабовъ направлено было противъ туркменъ же.

Для понужденія хазаватскихъ іомудовъ къ исправному и быстрому взносу пени, посланъ къ нимъ, такъ сказать, экзекуціонный отрядъ изъ 8 ротъ пѣхоты, 8 сотенъ, 10 орудій и 8 ракетныхъ станковъ подъ начальствомъ генерала Головачева. Кавалеріей командовалъ полк. Блокъ. Въ составѣ отряда были и всѣ, прибывшіе послѣ занятія Хивы: Новомлинскій, Дрешернъ, Есиповъ и Гринвальдъ; такимъ образомъ, въ видахъ справедливости, и имъ предоставлялась возможность „понюхать пороху“ и приложить руку къ „справедливому“ дѣлу. Странно конечно одно: туркмены еще не отказались внести контрибуцію, а ужъ къ нимъ послана экзекуція...

Головачеву дано было предписаніе отъ 6 іюля 1873 г. за № 1167, за которое, впослѣдствіи, Кауфману приходилось часто краснѣть, оправдываться, объяснять, будто роковыя слова предписанія были только фигуральныя выраженія для украшенія

слога, и не его вина, что исполнители поняли ихъ буквально... Сначала даже онъ было и вовсе отказался отъ этого предписанія.—Извѣстный писатель Скайлеръ, описывая въ рапортахъ къ американскому посланнику все, что видѣлъ и слышалъ въ Туркестанскомъ округѣ, написалъ между прочимъ, что Кауфманъ отдалъ 6 іюля приказъ по войскамъ такого-то содержанія; рапорты были напечатаны въ красной книгѣ офиціальныхъ донесеній дипломатическихъ агентовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ... Это произвело необычайное впечатлѣніе... русскихъ корили за варварство и жестокость, достойныя гунновъ и баши-бузуковъ...

Наши возраженія заключались въ томъ, что Скайлеръ вретъ, потому что такого приказа не было вовсе. И вѣдь дѣйствительно: приказа не было! Было предписаніе, но это совсѣмъ въ другомъ исходящемъ журналѣ!

Какъ разъ, когда Россія вопила о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи, въ Англіи появилось большое сочиненіе Скайлера: „Turkistan by Eugene Schuyler“. Онъ указывалъ и на звѣрства русскихъ въ Средней Азіи; факты ему давали: разгромъ туркменъ въ 1873 и Коканда въ 1875 годахъ. Русская печать была возмущена приводимыми фактами, а главное текстомъ приказа. Заподозрили и этотъ текстъ, и правдивость Скайлера, противополагая ему корреспонденціи другого американца, Макъ-Гахана, который о нихъ не упоминаетъ. Были и такіе, что вѣрили Скайлеру вполнѣ.

Редакторъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ Маевъ, самъ участвовавшій въ экзекуціонномъ отрядѣ, написалъ возраженіе весьма слабое, которое и началъ воскуреніемъ ѳиміама Кауфману, Троцкому, Головачеву и Скобелеву, которые-де не нуждаются въ защитѣ, ибо „это личности настолько свѣтлыя, настолько благородныя и талантливыя, что ихъ не могутъ запятнать брызги грязи, разлетающіяся изъ-подъ пера нѣкоторыхъ публицистовъ“, а Маевъ всталъ-де на защиту всей русской арміи.

Его защита помѣщена также въ „матеріалахъ“ и совершенно напрасно, такъ какъ остальные „матеріалы“ категорически подтверждаютъ то, что Маевъ отрицаетъ.

Конечно, у него сказано, что приказа не было, что войска ничего не знали и что Кауфманъ зналъ, кому давалъ предписаніе, зналъ, что Головачевъ не злоупотребитъ имъ. Не приложивши текста этого предписанія, Маевъ однако говоритъ: „что въ предписаніи генерала Кауфмана не требовалось непремѣннаго истребленія туркменскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, — показываютъ также и всѣ происшедшія во время экспедиціи событія“.—Событія эти вотъ какія: 1) послѣ первой же стычки Головачевъ отпустилъ на волю 15 плѣнныхъ;

2) Макъ-Гаханъ видѣлъ только одну убитую женщину, но это, конечно, прискорбно, но неудивительно; 3) офицеры и солдаты очень гуманно относились къ дѣтямъ и женщинамъ, „брошеннымъ“ туркменами на дорогѣ; 4) если Головачевъ поголовно истребилъ всѣхъ туркменъ, то кто же нападалъ на отрядъ въ ночь на 15-е іюля.

Кромѣ того, казалось бы, что послѣ жестокой расправы русскихъ съ туркменскими женщинами и дѣтьми, туркмены должны бы насъ ненавидѣть, а они, напротивъ, насъ предпочитаютъ хану и въ спорахъ съ нимъ тянутъ его на судъ къ начальнику Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Что касается Коканда, то и тамъ мы хотѣли только помочь хану и покорить, подъ нозѣ его, непослушныхъ подданныхъ, и всѣ розсказни о жестокостяхъ Скобелева — пустыя сплетни и враки.

Словомъ, защитилъ русскую армію!

Приведемъ теперь выдержку изъ знаменитаго предписанія: „Дабы ближе слѣдить за ходомъ сборовъ іомудовъ, прошу ваше превосходительство отправиться 7-го сего іюля съ отрядомъ въ Хазаватъ, гдѣ и расположить его на удобномъ мѣстѣ. Если ваше превосходительство усмотрите, что іомуды не занимаются сборомъ денегъ, а собираются съ цѣлью дать войскамъ отпоръ, а можетъ быть, откочевать, то я предлагаю вамъ тотчасъ же двинуться въ кочевья іомудовъ, расположенныя по хазаватскому арыку и его развѣтвленіямъ и **предать эти кочевья іомудовъ и семьи ихъ полному и совершенному разоренію и истребленію**, а имущества ихъ, стада и прочее—конфискованію“.

Кажется, достаточно ясно? Конфискація относится къ имуществу, а истребленіе—къ семьямъ туркменъ.

На бѣду копію съ этого предписанія Кауфманъ послалъ и полк. Саранчеву, заступившему мѣсто Веревкина, этого представителя Оренбургскаго округа, глава котораго Крыжановскій, конечно, такому документу былъ радъ, по особымъ отношеніемъ къ Кауфману.

Самому Саранчеву также было дано предписаніе отъ 6 іюля за № 1169, въ которомъ говорилось, что по возвращеніи Глуховскаго изъ Сарыкамыша, оренбургскій отрядъ долженъ идти не на Ходжейли, а на Кизилъ-Такиръ, и если увидитъ, что туркмены хотятъ дать отпоръ или уйти, „то ваше высокоблагородіе немедленно имѣете произвести движеніе по кочевьямъ іомудовъ и предадите **кочевья и семьи ихъ разоренію и истребленію**, а стада и имущество конфискованію“. Слова нѣсколько другія, есть даже „имѣете произвести

произвести движеніе", а смыслъ все тотъ же: семьи истребить, имущество конфисковать.

Сомнѣваться уже нельзя, что Кауфманъ именно хотѣлъ истребленія ненавистнаго народа отъ мала до велика... На стр. 51 матеріаловъ приведены слова Кауфмана старшинамъ: „наказаніе будетъ жестокое и виновниками гибели себя, вашихъ семействъ и всего имущества вы будете сами..."

Если бы и послѣ этого кто-нибудь сталъ бы еще сомнѣваться, то мы приведемъ еще одно предписаніе Кауфмана Головачеву отъ 10 іюля за № 1217, приложенное, какъ и первые два, къ „матеріаламъ".

Въ этомъ предписаніи Кауфманъ увѣдомляетъ, что онъ отпустилъ старшинъ, задержанныхъ въ лагерѣ, и „объявилъ имъ, что если жители не будутъ уходить съ мѣстъ своего жительства, а займутся сборомъ контрибуціи, ваше превосходительство пріостановитесь ихъ разорять, а будете наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ ихъ средѣ, и при малѣйшемъ покушеніи ихъ уходить, приведете въ исполненіе приказаніе мое объ окончательномъ уничтоженіи непокорнаго племени".

„Матеріалы", хотя и напечатаны въ 1883 г., послѣ смерти Кауфмана, но составлялись задолго до этого и, конечно, подъ главной редакціей его самого, и вотъ въ текстѣ разсказа, на стр. 49, строки 6 и 20, выраженія предписаній Головачеву и Саранчеву сглажены очень ловко: выпущены только слова „полному... истребленію... и семьи ихъ". Въ приложеніяхъ же эти слова не выкинуты... Это ужъ заслуга Троцкаго. Напомнимъ теперь, что пять старшинъ выѣхали изъ Хивы 6 іюля, значитъ, къ вечеру ихъ аулы, кишлаки или кочевки будутъ знать о штрафѣ, который завтра же, 7-го числа, надо начать вносить; кишлаки задержанныхъ старшинъ и не явившихся узнаютъ тоже вечеромъ,—это у нихъ дѣлается быстро. Надо же вѣдь дать время имъ сообразиться и посовѣтоваться. Кауфманъ именно этого-то и не желаетъ и 7-го же числа посылаетъ Головачева прямо для нападенія на туркменъ, зная заранѣе, что денегъ собрать они не успѣютъ, а можетъ быть, и не захотятъ. Что такое означаетъ фраза: „если вы усмотрите?" Значитъ ли это: если вы удостовѣритесь или убѣдитесь? — Конечно, нѣтъ... Тутъ значеніе простое: если вамъ покажется... Другими словами: если вы найдете подходящій случай, то и пользуйтесь имъ, чтобъ войска имѣли возможность вывести въ расходъ, на законномъ основаніи, растерянные дорогою артиллерійскіе запасы и получили бы право на награды не за перенесенныя лишенія труднаго похода, а за боевыя отличія...

Показная сторона военныхъ дѣйствій совсѣмъ не то, что закулисная. Служившіе въ штабахъ адъютантами во время войны хорошо это знаютъ. Не все, показываемое войсками къ скидкѣ,

какъ израсходованное или испорченное, можно принять на счетъ казны, если поле сраженія осталось за нами,— таковъ законъ. Слѣдовъ этихъ соображеній, при назначеніи частей въ бой, конечно, не найдешь, но всѣ начальники частей и безъ словъ это понимаютъ...

Теперь представимъ себѣ, что туркмены сосѣднихъ кишлаковъ собираются посовѣтываться, что имъ дѣлать. Откуда, по какимъ признакамъ Головачевъ можетъ узнать, что они не собираются откочевать? Собрались вкупѣ, — значитъ, разгоняй вооруженною рукою, бей, истребляй...

Итакъ, 7-го числа экзекуціонный отрядъ выступилъ въ 4 часа утра. 8-го числа лазутчики сообщили Головачеву, что туркмены собирались на Бузгуменѣ совѣтоваться и пришли къ такимъ выводамъ: откочевать имъ некуда, драться съ русскими страшно, а собрать въ 15 дней 300,000 рублей невозможно, потому что денегъ ни у кого нѣтъ, а продать имущество въ 15 дней тоже невозможно... Кто побогаче, тѣ рѣшились уйти подальше отъ русскаго отряда, къ Исмамутъ-ата, но отнюдь не въ голую, выжженную степь, гдѣ имъ грозила бы голодная смерть, а кто не имѣлъ перевозочныхъ средствъ, тѣ рѣшились остаться, но платить имъ не изъ чего.

Вины тутъ со стороны туркменъ пока никакой не видно. Но разъ что они собираются на Исмамутъ-ата, неизвѣстно съ какою цѣлію, Головачевъ счелъ себя вправѣ начать свою экзекуцію... Утромъ 9-го числа онъ выступилъ съ ночлега подъ Хазаватомъ и къ 8 часамъ утра пришелъ въ Бузгуменъ, гдѣ бѣжавшіе отъ туркменъ рабы-персіяне подтвердили, что іомуды уходятъ къ Исмамутъ-ата. Тотчасъ Головачевъ пустилъ Блока съ пятью сотнями въ догонку, отдѣливъ команды для выжиганія попутныхъ поселеній. Первымъ загорѣлось покинутое жителями громадное селеніе Бузгуменъ, занимающее нѣсколько верстъ въ длину и ширину. Скайлеръ увѣряетъ, будто Головачевъ сказалъ Блоку: „дѣйствуйте въ черкесскомъ духѣ“.

На стр. 359 тома II своей книги Скайлеръ говоритъ, будто Головачевъ, передъ началомъ дѣйствій, собралъ всѣхъ казачьихъ офицеровъ, объявилъ имъ о полученномъ отъ Кауфмана приказаніи не щадить ни пола, ни возраста, а кавказскимъ офицерамъ пояснилъ это такъ: „надѣюсь, что вы исполните приказаніе по черкесскій манеръ, безъ разсужденій, не разбирая ни пола, ни возраста... Убивайте всѣхъ“. Старый кавказскій полковникъ сказалъ на это: „конечно, исполнимъ въ точности ваше приказаніе“. Кавказскимъ дивизіономъ, т. е. двумя сотнями, командовалъ тогда полковникъ Квинитадзе; значитъ, дѣло идетъ о немъ. Маевъ называетъ это неудачною выдумкою нашихъ недоброжелателей. Но сами дѣйствія Блока именно доказываютъ, что ему приказано

было совершить нѣчто ужасное... Нельзя же допустить, чтобы онъ продѣлалъ всѣ гнусности „на черкесскій манеръ“ по собственному побужденію! Сотнями у него командовали, напримѣръ, князь Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, баронъ Криднеръ, фонъ-Грюнвальдъ. Развѣ это черкесы? Они, въ сущности, даже и не казаки, а двое послѣднихъ просто прицѣпились къ казачеству, благодаря протекціи, ради быстрѣйшаго производства...

На дворахъ покинутыхъ домовъ сложены были скирды необмолоченнаго еще хлѣба, ихъ и поджигали первыми. Загорѣлись селенія Янги-ябъ и Бедеркетъ, растянувшіяся вдоль арыковъ того же имени... Вскорѣ изъ авангардной сотни барона Криднера дано знать, что влѣво отъ дороги видна масса арбъ и скота, направляющаяся къ пескамъ. Блокъ тотчасъ полетѣлъ съ остальными сотнями къ авангарду. Туркмены шли къ озеру, соединенному протокомъ съ озеромъ Зайкешъ, на которомъ отрядъ ночевалъ еще 7-го числа. Озера эти—въ сущности разливы Хазаватскаго канала, имѣютъ быстрое теченіе, и хотя послѣднее, о которомъ идетъ рѣчь, не очень широко, всего въ нѣсколько десятковъ саженъ, но мѣстами очень глубоко. Туркмены хотѣли обойти озеро по берегу и затѣмъ выдти къ сел. Алманчи, за которымъ уже битая дорога къ Исмамутъ-ата, но замѣтивъ догоняющую ихъ кавалерію, бросили скотъ, выпрягли лошадей изъ арбъ и ускакали. На арбахъ съ пожитками остались, конечно, женщины, дѣти и дряхлые старцы, подъ покровительствомъ нѣсколькихъ бѣдняковъ, которымъ не хватило лошадей... Бросая все имущество и свои семьи на произволъ судьбы, туркмены, конечно, не могли и думать, что русскіе, объявившіе уже аманъ въ прокламаціяхъ, посягнутъ на беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Не знали они, что за ними скачутъ слѣпые исполнители грозной воли — „черкесы“ Блокъ, Криднеръ, фонъ-Грюнвальдъ и прочіе.

Приведемъ теперь слова „матеріаловъ“, со стр. 53: „Проносясь мимо этого каравана и не щадя никого, казаки особенно поражали вооруженныхъ людей, слѣдовавшихъ пѣшкомъ около арбъ“. Нѣкоторые изъ провожатыхъ, моля о пощадѣ, внезапно выхватывали, скрытыя подъ халатами кинжалы и шашки, но и такимъ способомъ успѣли убить только одного казака...

Доскакавъ до озера, гдѣ уже столпились туркменскія семьи ѣхавшія на переднихъ арбахъ... но лучше приведемъ опять слова матеріаловъ: „здѣсь казакамъ представилась страшная картина: глубокій и быстрый протокъ былъ буквально запруженъ туркменами: молодыми, стариками, женщинами, дѣтьми; все бросилось въ озеро отъ преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ, тщетно усиливаясь достигнуть противоположнаго берега. Туркменъ погибло здѣсь до 2 тысячъ человѣкъ разнаго пола и возраста; часть утонула въ самомъ озерѣ, часть въ окружающихъ его бо-

лотахъ"... Хотя картина и была страшная, но безстрашный Блокъ подбавилъ еще страху, приказавъ пустить нѣсколько ракетъ... Матеріалы увѣряютъ, что ракеты были пущены на тотъ берегъ, откуда будто бы ускакавшіе іомуды и ранѣе переплывшіе черезъ озеро открыли по казакамъ огонь. Но мы знаемъ уже, что матеріалы напечатаны черезъ 8 лѣтъ, послѣ обличеній Скайлера, видѣли уже, какъ матеріалы стараются сгладить ненужную жестокость Кауфмана, выпуская слова: „полному... истребленію... и семей ихъ..." Значитъ, особеннаго довѣрія въ этомъ случаѣ мы питать къ матеріаламъ не можемъ. Но пусть такъ: ракеты назначены не для сугубаго истребленія тонущихъ,—но кто же поручится, что онѣ летѣли по назначенію? Ракета наводитъ страхъ и ужасъ своимъ огненнымъ хвостомъ и ревомъ; набивка ея, отъ возки въ походѣ, на людяхъ ракетной команды, получаетъ трещины... Ракеты поэтому часто рвутся передъ самымъ носомъ спускающаго, рвутъ свои же станки и ранятъ своихъ же; такъ что, если онѣ рвутся, хотя и не долетѣвъ до цѣли, но лишь бы впереди станка и не задѣвая своихъ же, то это уже слава Богу!

Затѣмъ еще: вѣдь за озеромъ было болото и тамъ утонули, по словамъ матеріаловъ, тѣ, кто успѣлъ переплыть озеро... Кто же оттуда стрѣлялъ по казакамъ?

Выпустивъ 9 ракетъ и полюбовавшись на короткомъ привалѣ у озера „страшною картиной", Блокъ повернулъ назадъ собирать брошенный скотъ. Во время привала офицеры и казаки обходили раненыхъ туркменъ, подавали имъ воду, благо ея тутъ вдоволь, перевязывали раны, ими же нанесенныя... и затѣмъ оставили ихъ выздоравливать на солнышкѣ... На возвратномъ пути, хотя и встрѣчали еще уцѣлѣвшихъ бабъ и дѣтей, сидѣвшихъ возлѣ арбъ, но ужъ ихъ не трогали... Такое милосердіе едва ли отвѣчало приказанію истреблять семьи и Кауфманъ врядъ ли похвалилъ бы за это!

Въ предписаніи отъ 10 іюля, о которомъ мы уже говорили, Кауфманъ похвалилъ за это дѣло Головачева. Вотъ начало этого предписанія: „Находя дѣйствія вашего превосходительства благоразумными и энергичными, я полагаю однако, что хлѣбъ, сложенный въ скирдахъ, и запасы вообще можно бы не предавать пламени, а сохранять, такъ какъ запасы можно, по окончаніи наказанія іомудовъ, обратить, хотя частію, въ деньги, которыя намъ было бы все-таки желательно выручить"... Пересолилъ, значитъ, Головачевъ и не все сдѣлалъ благоразумно. Однако, пока дошло до него это предписаніе, онъ успѣлъ сжечь еще 13 селеній: Ишмая-Таванъ, Ефремъ, Алманчу, Бадаранъ, Карпешлы Акъ-теке, Пулла-салтанъ, Чанглы-ябъ, Б. Кара-кулакъ, М. Кара-кулакъ, Дирекли и Бишъ-киръ. Всѣхъ съ прежними 16. Скота захвачено: овецъ 1925, рогатаго 914, телятъ 355, верблюдовъ 18,

лошадей 3, ословъ 12. Свѣдавъ о такомъ погромѣ, туркмены уже не останавливались въ Исмамутъ-ата, а прошли къ Измыхширу, куда за ними 11 числа пришелъ и Головачевъ, но туркмены ушли уже въ Ильялы. 13-го туда пошелъ и Головачевъ; на ночлегъ сталъ, не доходя 3-хъ верстъ до Ильялы, возлѣ сел. Чандыръ. Здѣсь онъ получилъ отъ туркменъ письмо, въ которомъ они весьма основательно говорили: „мы намѣрены были уплатить деньги, продавъ наши пашни и скотину. Если бы вы оцѣнили вытоптанный вами нашъ хлѣбъ и захваченную скотину и дали мѣсяцъ сроку, то остальныя деньги мы представили бы; если нѣтъ, то у насъ не достанетъ силы оказать вамъ эти услуги".

Головачевъ отослалъ это письмо къ Кауфману, какъ адресованное на его имя, а самъ отвѣтилъ требованіемъ представить ему черезъ 3 дня 100 тысячъ рублей, а если завтра, т. е. 14-го числа, къ нему не явятся старшины съ докладомъ о начавшемся сборѣ денегъ, то онъ поступитъ съ народомъ, какъ съ ослушниками воли Кауфмана.

Въ этотъ же день, около 3-хъ часовъ пополудни, туркмены напали на отрядъ. Высланныя для встрѣчи 4 роты съ двумя картечницами отбили нападеніе съ фронта, а что касается обходныхъ массъ туркменъ, то ихъ приняли на себя боковые фасы лагеря-каре. За отступавшимъ непріятелемъ послана была кавалерія, преслѣдовавшая его до Ильялы, т. е. около $3^1/_2$ верстъ. Къ 7 часамъ вечера отрядъ вернулся въ лагерь. Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ храбрый прапорщикъ Каменецкій, объѣзжавшій казачьи пикеты, въ качествѣ дежурнаго по кавалеріи и бросившійся, съ уходившимъ отъ туркменъ пикетомъ, въ атаку. Съ нимъ убиты были 4 казака, а пятый тяжело раненъ. Тѣло Каменецкаго было совершенно искрошено. Это тотъ самый, что захватилъ первый хивинскій каюкъ на Аму-Дарьѣ.

Ночь прошла спокойно. На другой день 14-го числа, согласно требованію Головачева, явились старшины и по прежнему настаивали на мѣсячномъ срокѣ и зачтеніи въ контрибуцію всего уничтоженнаго и захваченнаго скота, такъ какъ иначе они не въ состояніи уплатить пеню. Видя въ переговорахъ только лишнюю проволочку, Головачевъ рѣшилъ продолжать наступленіе...

Оренбургскій отрядъ Саранчова вышелъ въ этотъ день изъ Куня-Ургенча и ночевалъ у канала Шамратъ. Утромъ 15-го онъ слышалъ пушечные выстрѣлы со стороны Головачева, но вопреки правилу „идти на выстрѣлы", Саранчовъ этого не сдѣлалъ, дѣйствуя вообще не какъ подчиненный Кауфмана, а какъ союзникъ... Истреблять туркменъ онъ также не хотѣлъ или, по крайней мѣрѣ, не торопился... Впослѣдствіи на запросъ Кауфмана, почему онъ не пошелъ на выстрѣлы,—онъ отвѣчалъ, что съ тяжестями не могъ, а дробить отрядъ считалъ ошибкою величайшею.

Головачовъ рѣшилъ выступить въ полночь, совершенно налегкѣ, оставивъ тяжести и верблюдовъ въ лагерѣ, подъ прикрытіемъ 2 ротъ съ картечницами.

Однако къ ночи замѣчено, по огонькамъ зажженныхъ фитилей (у туркменъ были фитильные самопалы) и ржанію коней, что вокругъ лагеря снуютъ туркмены. Два раза они натыкались на пикеты и поднималась тревога. Поэтому выступленіе отложено было до разсвѣта.

Около 3 час. утра до зари, въ полутьмѣ, войска тронулись. Впереди 2 сотни оренбургскихъ казаковъ съ ракетной батареей подъ начальствомъ Есипова, за ними 2 сотни, оренбургская и семирѣченская, князя Евгенія Максимиліановича, затѣмъ 2 сотни уральцевъ Криднера и, наконецъ, 2 сотни кавказскія Квинитадзе. За ними должна была идти также, по 2 роты, пѣхота съ 4 конными и 4 пѣшими орудіями.

Только что вытянулись первыя 2 сотни съ ракетами, какъ на нихъ налетѣли поджидавшіе туркмены. Сотни развернулись, ракетная батарея открыла огонь. Но изъ 30 ракетъ только 8 пошли, какъ слѣдуетъ, остальныя рвались или передъ самыми станками или даже и на станкахъ... 5 станковъ было разорвано, остались дѣйствовать только 3. Такая неудача, конечно, дѣйствовала на команду удручающе, но въ числѣ ея былъ разжалованный изъ гвардейскихъ артиллеристовъ Квитницкій, который и продолжалъ пускать ракеты, ободряя товарищей. Къ передовымъ сотнямъ живо пристроились остальныя.

Полторацкій говоритъ, будто оренбуржцы были опрокинуты, но матеріалы объ этомъ умалчиваютъ. Артиллерія, еще не успѣвшая выступить, двинута была вправо, откуда, судя по визгу и крикамъ туркменъ, грозилъ главный натискъ; туда же двинуты и 2 роты 3-го стрѣлковаго батальона.

Головачовъ повелъ пѣхоту къ злосчастной ракетной батареѣ, которая благоразумно уступила мѣсто стрѣлкамъ. Туркмены дрались съ дерзостію мести и отчаянія: подскакивая къ самому фронту по двое на одномъ конѣ, они соскакивали и, надвинувъ папахи на глаза, кидались на русскихъ съ саблями и топорами. Двѣ стрѣлк. роты 1-го стрѣлк. батальона, подъ командою капитановъ Батмана и Рейнау дѣйствовали, какъ на ученьѣ. Матеріалы о нихъ не упоминаютъ, а Полторацкій посвящаетъ имъ двѣ страницы.

Роты давали залпы съ выдержкой, почти въ упоръ. Раздастся ли послѣ команды „клацъ“ чей-нибудь нетерпѣливый выстрѣлъ раньше команды „пли“, тотчасъ раздается „отставь“ и слѣдуетъ вопросъ: „кто стрѣлялъ безъ команды? Кто это осмѣлился выстрѣлить?“ Затѣмъ опять: „клацъ“ и „пли“. Рядомъ, въ другой ротѣ, послѣ „клацъ“ слышно: „не суетись... цѣль хорошенько... пли“. А туркмены уже доскакали до фронта и валятся сотнями

отъ вѣрныхъ залповъ. Были однако же и такіе, что прорывались сквозь фронтъ и тутъ погибали подъ штыками: такихъ труповъ послѣ боя найдено до 80, позади фронта ротъ.

Оба эти офицера, шведы родомъ, воспитывались въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, жили, можно сказать, съ солдатами, ѣли изъ общаго котла и въ обществѣ почти не бывали. Зато знали своихъ людей, какъ свои пять пальцевъ, а люди знали ихъ, любили и боялись провиниться.

По мѣрѣ прихода пѣхоты, казачьи сотни отходили назадъ, уступая мѣсто стрѣлкамъ. Во время такого передвиженія толпа туркменъ прорвалась вслѣдъ за казаками Есипова, который былъ убитъ при первомъ же натискѣ. Въ рукопашной схваткѣ, позади боевыхъ линій, ранены были саблями: Головачовъ въ руку, начальникъ штаба подполк. Фриде и капитанъ Маевъ—въ головы, а состоявшій при его высоч. князѣ Евгеніѣ Максимиліановичѣ полковникъ фонъ-Мейеръ—въ голову и руку, когда указывалъ князю на подскакавшихъ туркменъ. Такъ сказано объ этомъ въ матеріалахъ на стр. 62, но самъ Мейеръ утверждалъ, что онъ раненъ, закрывая собою князя.

Артиллерія, выставленная на углу лагеря и составившая также уголъ, дѣйствовала во всѣ стороны картечью. Тутъ было 4 орудія пѣшихъ и 4 конныхъ; онѣ сдѣлали заѣздъ плечами повзводно, отъ каждаго дивизіона крайній взводъ, такъ что получилось построеніе покоемъ (въ видѣ буквы П); прикрывалъ ее 8 линейный батальонъ и не разъ отбивался штыками и залпами.

Вагенбургъ также отстрѣливался залпами и картечницами. Словомъ, весь отрядъ палилъ во всѣ стороны, не видя впереди ничего, а слыша только гиканье и конскій топотъ. Когда разсвѣло, туркмены уже стали отходить, провожаемые картечными гранатами. Все дѣло продолжалось нѣсколько минутъ. Туркмены, разсчитывая на свое многолюдство, обыкновенно хвалятся, что они „растопчутъ врага“, что, очевидно, равносильно и нашему: „шапками закидаемъ“, хотя наше звучитъ добродушнѣе. Здѣсь они и попробовали растоптать нашъ отрядъ, налетѣли, какъ ураганъ, но видя неустойку, улетѣли обратно.

Отрядъ нашъ, за исключеніемъ 2 ротъ и 4 орудій, оставленныхъ въ вагенбургѣ, пополнилъ патроны и снаряды и двинулся далѣе чрезъ Ильялы къ Кизилъ-Такиру за отходившими туркменами. 8 верстъ все было тихо, но какъ только вышли за черту садовъ г. Ильялы, туркмены снова стали насѣдать со всѣхъ сторонъ, встрѣчая отовсюду надлежащій отпоръ. Такъ пройдено, въ непрерывной перестрѣлкѣ, еще 8 верстъ до арыка Ана-Муратъ-бай, гдѣ сдѣланъ былъ привалъ въ 11 часовъ утра.

Потеря наша была слѣдующая: убиты—1 штабъ-офицеръ и 3 рядовыхъ; ранены: 1 генералъ, 2 штабъ-офицера, 2 оберъ-

офицера (кромѣ Маева, еще сотникъ Ивановъ) и 32 нижнихъ чина; въ томъ числѣ больше всего: 11 въ сотнѣ Есипова и 6 въ ракетной батареѣ, вѣроятно, своими же ракетами. Туркмены потеряли одними убитыми до 800 человѣкъ. На привалѣ получены отъ нѣсколькихъ персіянъ и грузина, бѣжавшихъ отъ туркменъ, свѣдѣнія, что послѣдніе собрались не впереди отряда, а позади и лѣвѣе. Поэтому выступленіе было отложено до завтра и къ Саранчову послано съ лазутчикомъ приглашеніе пожаловать къ отряду. Саранчовъ и пришелъ сюда на другой день, 16 числа, но значительно позже ухода отсюда туркестанскаго отряда, который воротился къ Ильялы, чтобы оттуда, пройти къ Кукчуку, куда потянулись туркмены. Дорогою Головачовъ получилъ предписаніе отъ Кауфмана съ извѣщеніемъ, что и онъ выступилъ на подмогу изъ Хивы 15 числа.

Головачовъ послалъ 6 сотенъ, съ ракетными станками, въ вагенбургъ привезти провіанта еще на 3 дня и по возвращеніи кавалеріи выступилъ отъ Ильялы къ арыку Ходжа-гельды-Ханъ, гдѣ и сталъ на ночлегъ. Ночью нѣсколько лошадей сорвались съ приколовъ и произвели фальшивую тревогу, сваливъ нѣсколько ружей, стоявшихъ въ козлахъ; ружья, при паденіи, выстрѣлили и убили одного урядника и одного джигита.

Какія это были ружья? Самопалами считались только игольчатки Карле, палившія, напримѣръ, на пріемѣ „къ но--гѣ“.

17 числа на разсвѣтѣ узнали, что туркмены потянулись частію къ Куня-Ургенчу, откуда ушелъ Саранчовъ, а частію къ Измых-ширу. Выступивъ на Кукчукъ и замѣтивъ впереди большую пыль, Головачовъ послалъ туда всю кавалерію, подъ начальствомъ Блока, который скоро и настигъ караванъ въ 300 арбъ. Двѣ уральскія сотни были спѣшены и послѣ короткой перестрѣлки овладѣли обозомъ, причемъ изрубили до 200 человѣкъ. Были ли это опять бабы и дѣти, въ матеріалахъ не сказано, но такъ какъ на арбахъ едва ли могли ѣхать такіе сорванцы, какъ нападавшіе на отрядъ ночью подъ Чандоромъ, и такъ какъ никакихъ военныхъ трофеевъ Блокъ не представилъ, увѣряя, будто „взятое сотнями оружіе, холодное и огнестрѣльное, казаки уничтожили на мѣстѣ схватки“ (стр. 67 матеріаловъ), то вѣрнѣе предположить, что тутъ опять поплатились бабы и дѣти.

Въ 7-ми верстахъ далѣе нагнали второй обозъ въ 400 арбъ, на которыя пущена только одна оренбургская сотня и легко справилась съ „непріятелемъ“, искрошивъ его, какъ слѣдуетъ. Проскакали еще 6 верстъ, догнали уже 1000 арбъ. На такую почтенную силу „непріятеля“ пущенъ былъ сначала дивизіонъ е. в. Евгенія Максиліановича (17-я оренб. и 5-я семирѣченская), потомъ дагестанцы и сунженцы. Караванъ былъ взятъ.

Во время атаки купецъ Громовъ убилъ изъ винтовки

туркмена, занесшаго саблю надъ головой его высочества, и тѣмъ спасъ ему жизнь. Захвачено въ этотъ день 119 верблюдовъ и 5237 головъ скота. Потеря наша состояла изъ 3-хъ раненыхъ семирѣченцевъ и 2-хъ джигитовъ.—„Непріятель“ потерялъ, конечно, великое множество. Арбы были сожжены. Прекративъ преслѣдованіе на границѣ песковъ, Блокъ остался ждать прибытія Головачова съ пѣхотою. Отсюда, послѣ привала до $3^1/_2$ часовъ, войска пошли обратно до арыка Куляни-яба, гдѣ были встрѣчены Саранчовымъ, и стали на ночлегъ; 18-го отрядъ перешелъ къ Ніязъ-шейху и сталъ тутъ ждать Кауфмана. Саранчовъ же дошелъ до Ильялы.

Кауфманъ выступилъ вечеромъ 15 іюля съ 10 ротами, конвойной сотней и 8-ю орудіями изъ Хивы, гдѣ остались 6 ротъ, полсотни казаковъ и 2 орудія. Кауфманъ 18-го ночевалъ у крѣп. Измыхширъ, а 19 прибылъ въ г. Ильялы, гдѣ уже стояли отряды Саранчова и Головачова. 22 числа оренбуржцы передвинуты къ Кизилъ-такиру, куда 31 числа къ нимъ пріѣзжалъ Кауфманъ проститься и отпустилъ ихъ домой. Съ прибытіемъ Кауфмана къ отряду Головачова дальнѣйшее избіеніе туркменъ прекратилось.

Разсказавъ всѣ подвиги доморощенныхъ черкесовъ, т. е. Головачова, Блока и компаніи, по подлиннымъ документамъ, мы приходимъ къ заключенію, что Скайлеръ не лгалъ.

Только 6 лѣтъ спустя, въ 1879 году, напечатано было, и то на правахъ рукописи, въ ряду приложеній, вслѣдъ за защитой Маева, записка, составленная Вейнбергомъ въ 1877 году: „объ отношеніяхъ туркменъ къ Хивѣ и къ русской власти въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ“. Вейнбергъ былъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ и заступилъ мѣсто Струве, получившаго видное назначеніе (посломъ въ Японію). Изъ этой записки мы впервые узнали еще одну подкладку туркменскаго разгрома. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу: „Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, прежде чѣмъ оставить Хиву, заключилъ съ ханомъ трактатъ, исполненіе котораго могло быть только тогда надежнымъ, если бы ханъ былъ хозяиномъ въ своемъ ханствѣ. Но ханъ сознался, что съ туркменами онъ только тогда можетъ справиться, если русскія войска помогутъ ему наказать туркменъ, т. е. по понятіямъ азіатцевъ, подвергнуть ихъ избіенію, хотя бы главнѣйшаго изъ племенъ туркменскихъ іомудовъ“. Выходитъ, что единственно въ угоду хану, Кауфманъ и наложилъ на туркменъ контрибуцію и, не ожидая даже первыхъ взносовъ, велѣлъ ихъ истреблять...

По словамъ Вейнберга, туркмены „съ давнихъ временъ привыкли, въ отношеніи къ Хивѣ, разыгрывать роль преторіанцевъ или янычаръ... Они возводили и низвергали хановъ и распоряжа-

лись, какъ настоящіе хозяева ханства". Далѣе, по его же словамъ, „Кауфманъ убѣдилъ настоящаго владѣтеля Хивы, Сеидъ-Рахимъ-Хана, уравнять положеніе туркменъ съ прочими народностями, населяющими хивинскій оазисъ, обложить ихъ правильною податью, не требовать болѣе на ханскую службу туркменскіе конные отряды и не считать ихъ исключительно военнымъ сословіемъ".

Откуда могъ знать Вейнбергъ содержаніе разговоровъ Кауфмана съ ханомъ? Только отъ самого же Кауфмана. Кто поручится, что это не сочинено, въ видахъ оправданія передъ исторіей, заднимъ числомъ? Вѣдь отсюда вытекаетъ рядъ посылокъ: „туркмены—преторіанцы и янычары; преторіанцы и янычары, въ свое время, были поголовно истреблены; слѣдовательно и туркменъ надо истребить. Истребленіе преторіанцевъ и янычаръ признано актомъ государственной мудрости,—слѣдовательно, и туркменъ никто жалѣть не будетъ"... Такимъ образомъ безпричинная и ненужная жестокость Кауфмана, по отношенію къ іомудамъ, превращается въ актъ государственной мудрости! Истребленіе исключительнаго военнаго сословія, умиротвореніе ханства—кстати примѣръ для всѣхъ другихъ хищниковъ и отплата за тысячи непріятностей, сдѣланныхъ ими Россіи... Соблазнъ великій!

Понятіе о жестокости есть понятіе условное. Когда директорія поручила генералу Бонапарте усмирить бунтовавшую парижскую чернь и кто-то изъ членовъ ея приказалъ было артиллеріи дать залпъ, для острастки, поверхъ головъ,—Бонапарте воскликнулъ: „Что вы дѣлаете? Пощадите народъ... жарьте въ самую середину!" Одинъ залпъ разсѣялъ толпу... бунтъ былъ усмиренъ сразу. А если бы стали нѣжничать, то Парижъ имѣлъ бы „свои три дня" и потерялъ бы вдесятеро болѣе людей. Поэтому одинъ добрый залпъ вначалѣ гораздо человѣколюбивѣе холостыхъ выстрѣловъ, которые неизбѣжно повлекутъ за собой десятокъ добрыхъ залповъ. Это мы испытали въ 1862—64 годахъ при усмиреніи Польши. Что касается исполнителей, то вѣдь дисциплина, да еще въ военное время, когда за все полагается только разстрѣляніе, не допускаетъ ни отговорокъ, ни отказа... Что такое солдатъ и вообще военный?—Это левитъ. Вспомнимъ главу 33 „Исхода", стихи 26—28: „Сталъ Моисей въ воротахъ лагеря и сказалъ: „кто Божій—ко мнѣ". И собрались къ нему всѣ потомки Левія. И сказалъ имъ: „Такъ глаголетъ Господь, Богъ израильскій: „Препояшься каждый мечемъ своимъ, пройди лагерь отъ воротъ до воротъ впередъ и назадъ и убивай каждый брата своего, каждый друга своего и каждый ближняго своего". И сдѣлали левиты, какъ приказалъ Моисей, и легло въ тотъ день изъ народа около трехъ тысячъ мужчинъ".

Такъ наказалъ пророкъ народъ свой за золотого тельца. Со-

временные Моисеи, съ аксельбантами и безъ нихъ, точно также могутъ разсчитывать на слѣпое повиновеніе современныхъ левитовъ. Посмотрите, какъ за границей расправляются не только съ бунтами, но даже съ простыми забастовками рабочихъ... Моисей, обшитый галунами, подаетъ сигналъ, и левиты идутъ искать брата, друга и ближняго, чтобы закласть ихъ въ жертву суровому богу „общественной безопасности“... Если Головачовъ сказалъ Блоку: „дѣйствуйте въ черкесскомъ духѣ“, а не „какъ левиты“, то, конечно, ради желанія быть понятымъ. Кто же помнитъ священные разсказы приготовительнаго класса?

Правда и то, что Моисей не упоминалъ про женъ, сестеръ и дѣтей, а левиты убивали только мужчинъ... Пожалуй, фраза Головачова вѣрнѣе передавала смыслъ Кауфманскаго предписанія... Какъ бы то ни было, а слѣпые исполнители воли начальства, несчастные казаки, вѣроятно, предпочли бы штурмовать самый адъ, чѣмъ крошить бабье и дѣтвору.

Въ ташкентскихъ архивахъ имѣется и откровенная похвала этой кровавой расправы съ туркменами: въ секретномъ дѣлѣ 1878—1880 годовъ № 34 („Объ отпускѣ полк. Гродекова“). Проѣхавъ изъ Ташкента черезъ Афганистанъ и Персію, онъ 18 марта 1879 г. представилъ объемистый докладъ въ главный штабъ о своихъ наблюденіяхъ и, рисуя безотрадную картину пограничныхъ владѣній Афганистана и Персіи, методически разоряемыхъ набѣгами туркменъ, настаиваетъ на истребленіи туркменъ-текинцевъ въ Ахалѣ и Мервѣ. По его мнѣнію, надлежащій результатъ получится „только при условіи дѣйствовать противъ текинцевъ такъ, какъ дѣйствовали противъ іомудовъ туркестанскія войска въ 1873 году, т. е. безпощадно истребить все попадающееся на пути и наложить на оставшихся отъ погрома тяжелую контрибуцію лошадьми и отчасти деньгами. Это будетъ одно изъ самыхъ человѣколюбивыхъ дѣлъ нашего императора... Туркмены—это черное пятно на земномъ шарѣ, это стыдъ человѣчеству, которое ихъ терпитъ. Если торговцы неграми поставлены внѣ законовъ всѣхъ націй, то и туркмены должны быть поставлены въ такое же положеніе. Что бы тамъ ни писали Скайлеръ и К° о жестокостяхъ русскихъ въ іомудскую экспедицію 1873 года, во всякомъ случаѣ приказъ генерала Кауфмана объ истребленіи іомудовъ есть, по моему мнѣнію, самый человѣколюбивый актъ, который когда-либо былъ изданъ, ибо онъ клонится къ спасенію и благополучію милліоновъ людей“.

Читая такую горячую защиту, приходишь въ выводу, что Гродековъ ставитъ приказъ объ истребленіи іомудовъ выше манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Конечно, это его личное мнѣніе, но по крайней мѣрѣ здѣсь виденъ человѣкъ, не прибѣ-

гающій къ уверткамъ, къ отрицанію факта, къ замалчиванью. Такой образъ мыслей встрѣтилъ, какъ видно, сочувствіе въ высшихъ военныхъ сферахъ Петербурга, и 27 марта начальникъ главнаго штаба графъ Гейденъ запросилъ Кауфмана шифрованной телеграммой: „не встрѣчается ли препятствія командировать полк. Гродекова въ распоряженіе кавказскаго начальства, согласно его желанію, для участія въ экспедиціи противъ Теке". Кауфманъ отвѣтилъ 28 числа, что „препятствія командировать полк. Гродекова, какъ сказано въ телеграммѣ нумеръ 815, не встрѣчается" (л. 9 дѣла № 34). Это былъ большой шагъ для Гродекова. Но, какъ извѣстно, текинцевъ поголовному истребленію не предавали и лошадей не отнимали.

Итакъ, кажется, мы доказали достаточно неопровержимо, что приказаніе истреблять іомудовъ поголовно было дѣйствительно отдано и неуклонно исполнено...

Оставшіеся въ живыхъ, конечно, подчинились требованію контрибуціи, но собрать ее въ назначенномъ размѣрѣ не могли.

Видя, что хазаватскіе іомуды не въ силахъ внести 300 т., Кауфманъ сбавилъ эту цифру на половину, вызвалъ на 21 число старшинъ остальныхъ родовъ, кромѣ іомудовъ, и приказалъ имъ внести 310,500 р., половину верблюдами, а половину деньгами или золотыми и серебряными вещами. Золотникъ золота цѣнился въ 4 р. 40 к., фунтъ серебра—въ 25 р., а верблюдъ съ сѣдломъ въ 50 р.

Первая половина должна быть внесена къ 27 іюля, а вторая ко 2 августа. Хотя въ матеріалахъ и проливаются крокодиловы слезы насчетъ того, что де „какъ ни тяжела была для всѣхъ, начиная отъ главнаго начальника до послѣдняго солдата, обязанность реквизиціи съ туркменъ, тѣмъ не менѣе дѣло это, во что бы ни стало, нужно было довести до конца". А почему нужно? Потому-де, что „малѣйшая уступка съ нашей стороны туркменамъ имѣла бы видъ... нашего безсилія и немощи"... Это конечно, парадная сторона, для реляціи... А проще сказать: это было нужно, потому что деньги были нужны. Интендантскіе транспорты сплоховали, два мѣсяца уже Кауфманъ теребилъ полевую кассу, покупая всякое продовольствіе, а тутъ надо готовить запасы и на обратный походъ. Денегъ было взято въ обрѣзъ: 107,175 р. 95 к. на снаряженіе войскъ и проч. и 430, 882 р. 19 к. отъ интендантства на жалованье, раціоны и приварочныя офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Но эти деньги составляли только 3-мѣсячный окладъ, а походъ тянулся уже пятый мѣсяцъ и денегъ въ кассѣ не могло быть...

По возвращеніи изъ экспедиціи была учреждена въ Ташкентѣ, подъ предсѣдательствомъ полк. ген. шт. Королькова особая коммиссія для распутыванія счетовъ полевой кассы. Работала коммиссія съ 9 окт. 1873 г. около 4 мѣсяцевъ и все-таки

не могла распутать клубка до конца. Тѣмъ не менѣе 8 вѣдомостей она составила. Въ архивномъ дѣлѣ хозяйственнаго отдѣленія окр. штаба Туркестанскаго военнаго округа за 1873 г. № 67 имѣются любопытнѣйшія данныя для освѣщенія вопроса.

Въ рапортѣ Кауфмана военному министру отъ 26 апрѣля 1874 г. № 1127, съ приложеніемъ упомянутыхъ вѣдомостей, сказано: „Смѣта расходовъ составлена была по разсчету 4 мѣсячнаго похода: самая же экспедиція продолжалась 7½ мѣсяцевъ". Не вошедшіе въ смѣту расходы по устройству Аму-Дарьинскаго отдѣла и на выдачу денежныхъ наградъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, согласно высочайшаго повелѣнія, составили 92,950 р. съ копѣйками. Сверхъ интендантской смѣты израсходовано еще 54.017 р. 19¾ к. Всѣхъ расходовъ исчислено было на 982.836 р. 8½ к., но такъ какъ жители Сыръ-Дарьинской области отказались отъ платы за верблюдовъ, которую имъ, впрочемъ, и не выдавали, обѣщая зачесть въ подати, то, скинувъ эти 365,000 р. да Аму-Дарьинскаго отдѣла 92.920 р. да потраченныя на Мангышлакскій отрядъ, Кауфманъ увѣряетъ, будто хивинскій походъ обошелся собственно казнѣ только въ 458.634 р. 35½ к. Не относящихся до Туркестантскаго отряда расходовъ полевая касса покрыла на 159.201 р. 72¾ к. Складывая эти послѣднія суммы получимъ 617.836 р. 8¼ к. что выдано изъ кассы, а получено ею въ началѣ похода только 538.058 р. 14 к. Значитъ передержано 79.777 р. 94¾ к.

Но изъ вѣдомости № 8 видно, что послѣ похода оказалось не уплаченнымъ разнымъ лицамъ и частямъ войскъ 145.411 р. 43 к. Значитъ, смѣтныя назначенія не только были исчерпаны, но еще и въ долгу осталась казна на солидную сумму. Не хватало, значитъ, 225.189 р. 37¾ к. Кауфманъ, однако, просилъ министра ассигновать только 166.108 р. 47½ к. и затѣмъ прибавляетъ: „Изъ всего вышеизложеннаго ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что какъ продолжительность похода, такъ и другія обстоятельства, выше изложенныя, поставили меня въ необходимость пользоваться всѣми представлявшимися способами къ увеличенію походной кассы, для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ Туркестанскаго отряда и для покрытія разныхъ другихъ расходовъ".

Итакъ, Кауфманъ былъ вынужденъ доставать деньги всѣми способами... Вотъ и объясненіе его жестокаго выколачиванія денегъ изъ несчастныхъ туркменъ.

Въ томъ же рапортѣ онъ приводитъ слѣдующую любопытную вѣдомость, указывающую отчасти способы, какими онъ добывалъ деньги.

1.	Ассигнованныхъ по первоначальной смѣтѣ . .	287.300 р.	— „
2.	Конфискованныхъ въ домѣ диванъ-беги Матъ-Мурата	48.844 „	40 „
3.	Привезеныхъ мнѣ въ подарокъ отъ Хивинскаго правительства, предъ вступленіемъ въ городъ .	1.900 „	— „
4.	Найдены при сломкѣ одной сакли въ Мангышлакскомъ отрядѣ	260 „	20 „
5.	Пени съ туркменъ поступило деньгами	69.827 „	30 „
6.	Выручено отъ продажи контрибуціонныхъ верблюдовъ	2.509 „	93 „
7.	Позаимствованы у частей войскъ и частныхъ лицъ, а также разныхъ другихъ мелкихъ поступленій	50.585 „	83¾ „
	Итого . .	461.227 р.	66¾ к.

Значитъ, досталъ онъ всѣми способами 173.927 р. 66¾ к.

Изъ цифръ этой вѣдомости заслуживаютъ поясненія только двѣ послѣднія. Верблюды принимались отъ туркменъ въ 50 р. съ сѣдломъ, а продавались въ Казалинскѣ, Туркестанѣ и Ташкентѣ въ первомъ по 10 р. 30 к., во второмъ по 10 р. 80 к., а въ третьемъ по 6 р. 20 к. Верблюдовъ получено было на 46.200 р., а выручено за нихъ 2.509 р. 93 к. Правда, часть ихъ пала въ пути подъ тяжестями отряда, а дошедшіе до аукціона были плохи. Всего продано 298 головъ, а получено было 924 верблюда.

Что касается до занятыхъ Кауфманомъ денегъ, то изъ общей суммы видно, что годились и ¾ копѣйки.

Изъ вѣдомости лит. **А** (л. 21, дѣл. № 67) видно, что у генерала Головачева занято 5.000, у купца Дюкова 12.500, у разныхъ частей войскъ экономическія 21.358 р. 39 к.; взяты оставшіяся послѣ застрѣлившагося полк. Романова 1.799 р. 37 к.; взяты всѣ взносы за ордена и чины, собраны съ офицеровъ и чиновниковъ, за пользованіе казенными верблюдами 2.700 р. 48 к. Въ числѣ расходныхъ статей есть и 3.000 р., выданныхъ поручику прусской службы Штумму, „на его расходы“ *), магистру зоологіи Богданову 1.000 р. Заимообразно выдано въ числѣ нѣсколькихъ лицъ „американцу Макъ-Гахану 750 р.“.

Въ вѣдомости лит. **Г** (л. 50) значатся поступившими въ счетъ пени отъ туркменъ ломомъ: серебра 28 п. 31 ф. 52½ зол. и золота 7¾ зол., да принято на храненіе изъ числа конфискованныхъ вещей (конечно, у злополучнаго Диванъ-беги) два браслета по 51 золотнику золота въ проволокѣ, слиткѣ и палочкѣ 20 зол., 14 тетрадокъ листоваго золота, двѣ тилли, 379 большихъ персидскихъ тенегъ, китайская серебряная ямба въ 4 ф. 53 зол., два

*) Ему былъ открытъ Бисмаркомъ въ Петербургскомъ международномъ коммерч. банкѣ кредитъ на 40.000 р.

серебряныхъ слитка въ 1 ф. 26 зол. Все это, за исключеніемъ двухъ женскихъ уборовъ, отосланныхъ въ музей, вѣсомъ въ 9 ф. 72 зол., сдано въ ташкентское областное казначейство.

Надобно замѣтить, что камни въ счетъ не шли, а между ними встрѣчались и драгоцѣнные...

Какая участь постигла всѣ эти вещи,—неизвѣстно, а слухи ходили разные и довольно неблагопріятные...

Какая участь постигла также знаменитую шкатулку диванъ-беги съ драгоцѣнностями, также неизвѣстно. На приходѣ нигдѣ эти вещи не значатся. Ни въ казенной, ни въ контрольной палатахъ въ 1897 году справокъ получить было нельзя; отвѣтъ одинъ: „дѣла полевой кассы уничтожены“.

Къ сроку туркмены, однако, пени не внесли въ учрежденныя коммиссіи. Пришлось срокъ продолжить. Ко 2 августу все-таки внесена только треть, на 46.200 р. верблюдами и 45.539 р. деньгами и вещами; при этомъ поплатились опять бабы: кольца, браслеты, монисты—все у нихъ отобрали мужья и передали въ русскія коммиссіи. Въ виду такого успѣха Кауфманъ, собравъ 2 августа всѣхъ старшинъ, объявилъ имъ, что разорять ихъ не хочетъ и откладываетъ срокъ на неопредѣленное время, а въ обезпеченіе уплаты возьметъ 26 заложниковъ. Для обезпеченія войскъ, оставляемыхъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, требовалось 48.000 батмановъ муки. Это было разложено на туркменъ за плату по 85 коп. за батманъ съ доставкою въ Ханки.

3 августа туркестанцы и кавказцы выступили съ Измыхшира обратно въ Хиву, куда прибыли 6 числа. По дорогѣ, возвратившимся на свои пепелища іомудамъ объявлено, что въ виду ихъ потерь (скотъ оцѣненъ въ 42.000 р.), съ нихъ будетъ довзыскано только 108 тысячъ рублей, а въ обезпеченіе взято 14 старшинъ заложниками.

Передъ выходомъ отряда съ Измыхшира въ Хиву, подполк. Скобелевъ вызвался произвести рекогносцировку отъ Измыхшира къ Ортакую. Это ему посовѣтовалъ флигель-адъютантъ Милютинъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій съ Кавказа. Кауфманъ разрѣшилъ. И вотъ въ ночь на 3-е августа 6 человѣкъ, повидимому, туркменъ, выѣхали въ степь. Настоящихъ туркменъ-проводниковъ было только трое: Назаръ, Нефесъ-Мергенъ и Дурды, служившіе еще въ Красноводскомъ отрядѣ при Столѣтовѣ въ 1870 г., гдѣ ихъ и зналъ Скобелевъ, остальные были переодѣтые: Скобелевъ, его слуга Мишка Игнатьевъ и льготный уральскій казакъ Андрей Лысмановъ. Партія была хорошо вооружена и кромѣ верховыхъ имѣла 4 вьючныхъ лошади съ сухарями и джугарой.

Пройдя колодцы Чагылъ и Кизилъ-Чакыръ (24 и 78 верстъ), партія запаслась здѣсь водою, наполнивъ 6 бурдюковъ, и прошла, не поя коней, 132 версты до колодца Доудура, гдѣ

воды не оказалось. Поэтому отсюда пошли не на Ортакую, до котораго оставалось 40 верстъ, а въ сторону къ Нефесъ-кули, всего въ 19 верстахъ. Здѣсь въ 2 верстахъ отъ колодца кочевалъ аулъ іомудовъ, бѣжавшихъ отъ Головачова. Отъ пастуховъ узнали, что аулъ этотъ былъ на Ортакую, но тамъ на него напали текинцы, убили 6 челов., многихъ поранили и увезли одну женщину. Іомуды зарыли колодцы Ортакую и перебрались сюда. Поэтому Скобелевъ не рѣшился идти къ Ортакую и пошелъ назадъ другой дорогой: на Якежде, разв. Ярти-кумбетъ и Кизилъ-чакыръ, куда прибылъ 7 августа, а въ Хиву 11 числа.

Полторацкій приводитъ, со словъ Скобелева, разсказъ о томъ, какъ во время отдыха его на одномъ колодцѣ сюда подъѣхала на водопой партія туркменъ въ 30 челов. Проводники уложили Скобелева на землю, укрыли кошмами, а на разспросы туркменъ отвѣчали, что это ихъ караванъ-башъ, схватившій жестокую лихорадку. Въ матеріалахъ упоминается только про 3 туркменъ, подъѣзжавшихъ къ кол. Чагылу узнать, что за люди пришли сюда, но Назаръ пошелъ имъ на встрѣчу, разсказалъ, будто онъ караванъ-башъ и догоняетъ со своими людьми караванъ, идущій къ кол. Сакаръ-ага. Туркмены повѣрили и удалились.

Далѣе Полторацкій говоритъ, будто на какомъ-то Имды-кудукѣ, котораго въ оффиціальномъ отчетѣ Скобелева вовсе и нѣтъ, разговоры нашихъ смѣльчаковъ подслушалъ мальчишка-пастухъ, бравшій при нихъ воду изъ колодца и расположившійся въ нѣсколькихъ шагахъ, будто-бы, спать... Мальчишка будто-бы побѣжалъ въ аулъ съ криками... Наши пустились на утекъ въ карьеръ, а за ними увязались до сотни іомудовъ и, конечно, не догнали, иначе Скобелеву не пришлось бы объ этомъ разсказывать.

Все это похоже на его реляціи о своихъ подвигахъ и, можетъ быть, потому именно не попало въ матеріалы... Положимъ онъ самъ и его бывшій крѣпостной „фолеторъ Мишка“ могли быть безпечными, вслѣдствіе неопытности, но какъ могли бы допустить соглядатая-мальчишку туркмены проводники и старый казакъ, видавшій виды? Какъ не догнать было верхомъ мальчишку и не охладить его усердія?—Подозрительно.

Какъ бы то ни было, а Скобелевъ тоже до Ортакую не дошелъ, но кроки изъ склеенныхъ листовъ представилъ, обозначивъ и Ортакую по разспросамъ. Если онъ, дѣйствительно, дошелъ до Нефесъ-Кули, то, значитъ, сдѣлалъ 253 версты, а всего съ обратнымъ путемъ до Хивы 600 верстъ, въ 7 дней. Мѣстная кавалерская дума ордена св. Георгія изъ наличныхъ кавалеровъ, признала его послѣ бурнаго засѣданія „достойнымъ по § 15 статута“. Добился-таки. Всѣмъ его спутникамъ дано по 50 руб. и пожалованы знаки отличія военнаго ордена.

ГЛАВА XII.

Очищеніе ханства. Мирный договоръ. Итоги войны. Переправа. Царское спасибо. Заложеніе Петро-Александровска. Отысканіе прохода изъ Аральскаго моря въ Аму-Дарью. Посольство въ Бухару. Договоръ съ Бухарою. Рабы въ Бухарѣ еще есть. Выступленіе туркестанскаго отряда 5-го сентября. Гарнизонъ Петро-Александровска. Старый путь. Упраздненіе Георгіевскаго укрѣпленія. Тріумфальныя встрѣчи Кауфмана бухарцами въ Халъ-Ата и русскими въ Джизакѣ, Чиназѣ и Ташкентѣ. Благополучное возвращеніе оренбуржцевъ. Кавказцы везутъ съ собой пару хивинскихъ пушекъ и 828 рабовъ персіянъ. Забвеніе уроковъ прошлаго. Непростительныя ошибки Ломакина. Безводный переходъ въ 72 версты начатъ въ 9 ч. утра. Падежъ скота. Страданія людей. Муміи. Халаты,—подарокъ Кауфмана. Памятникъ въ Киндерли о походѣ. Спускъ на Кавказъ. Встрѣча въ Петровскѣ. Результаты экспедиціи. Виды Петра I. Безопасность закаспійской желѣзной дороги. Сравненіе съ Кавказомъ. Роль нашихъ амударьинскихъ войскъ. Благовидные предлоги. Инструкція полк. Иванову. Военныя прогулки. Туркмены взыскиваютъ контрибуцію съ хивинцевъ. Значеніе «передовыхъ отрядовъ». Набѣгъ на ту сторону въ 1874—75 годахъ. Секретное предписаніе Кауфмана. Ивановъ желаетъ завоевать Хиву окончательно. Отпоръ мин. ин. дѣлъ. Письмо Милютина 10 ноября 1874 г. Соперничество Кавказа съ Туркестаномъ. Ученыя экспедиціи. Тревога хана. Набѣгъ 1877 года. Оригинальное прошеніе іомудовъ. Смѣна Иванова. Толки англичанъ. 1878 годъ. Приготовленія англичанъ и русскихъ. Посольства. Англичане недовольны. Наказаніе ими Афганистана. Не ходите къ Мерву. Свобода дѣйствій. На каждый шагъ нашъ англичане отвѣчаютъ шагомъ же.

Чтобы соединеннымъ отрядамъ успѣть дойти до своихъ постоянныхъ штабъ-квартиръ ранѣе наступленія холодовъ, надобно было торопиться выступленіемъ изъ Хивинскаго ханства, да и тифъ появился. Первымъ выступилъ оренбургскій отрядъ, обмѣнявшись съ туркестанскимъ 6-ю сотнями очередными на 3 льготныхъ. 6-го августа онъ былъ уже въ Куня-Ургенчѣ. 9-го выступилъ и мангышлакскій отрядъ, прибывшій въ Кунградъ 18-го.

Не надѣясь на прочность обѣщаній хана, на прочность достигнутыхъ результатовъ по отношенію обезпеченія нашихъ владѣній отъ вторженія по прежнему разныхъ барантачей, Кауфманъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на присоединеніе къ Россіи хивинскихъ земель праваго берега Аму-дарьи, что должно было избавить насъ отъ повторенія тяжкаго похода въ будущемъ.

Когда соизволеніе это воспослѣдовало, то 12-го августа Кауфманъ заключилъ съ ханомъ мирный договоръ, заключавшій въ себѣ 18 пунктовъ, по которымъ:

1) Ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою императора все-

россійскаго, и безъ разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи не можетъ ни заключать договоровъ съ сосѣдними владѣтелями, ни объявлять имъ войны.

2) Границею Россіи будетъ Аму-дарья отъ Кукертли до отдѣленія отъ нея послѣдняго протока (Талдыка), затѣмъ по этому протоку, до впаденія его въ Аральское море. Далѣе граница наша будетъ идти по южному берегу моря до мыса Ургу, оттуда вдоль подошвы южнаго чинка Усть-Урта по старому руслу р. Аму.

3) Всѣ хивинскія земли праваго берега отходятъ къ Россіи.

4) Если часть этихъ земель будетъ передана нами Бухарѣ, то ханъ долженъ признать эмира законнымъ владѣтелемъ этихъ земель.

5) Исключительное и свободное плаваніе по Аму-Дарьѣ предоставляется только русскимъ судамъ, а хивинскія и бухарскія допускаются только съ разрѣшенія русской власти.

6) Русской власти предоставляется право строить пристани и на лѣвомъ берегу; охрана ихъ лежитъ на отвѣтственности ханскаго правительства.

7) Русскимъ предоставляется также строить на лѣвомъ берегу и факторіи для склада товаровъ. Земля для нихъ отводится ханскимъ правительствомъ.

8) Русскіе купцы получаютъ право свободной торговли во всѣхъ городахъ и селеніяхъ ханства. За безопасность каравановъ и складовъ отвѣчаетъ ханское правительство.

9) Они не платятъ никакихъ пошлинъ и повинностей.

10) Они пользуются также правомъ безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ во всѣ сосѣднія земли чрезъ хивинскія владѣнія.

11) Они могутъ имѣть во всѣхъ городахъ ханства своихъ агентовъ (караванъ-башей) для сношеній съ мѣстными властями.

12) Русскіе подданные получаютъ право имѣть въ ханствѣ недвижимое имущество.

13) Торговыя обязательства между русскими и хивинцами должны быть исполняемы свято и ненарушимо.

14) Претензіи русскихъ къ хивинцамъ разбираетъ ханское правительство безотлагательно.

15) Претензіи хивинцевъ къ русскимъ разбирается русскимъ начальствомъ.

16) Ханское правительство не принимаетъ выходцевъ изъ Россіи безъ установленнаго вида, а русскихъ преступниковъ обязывается изловить и выдать ближайшему русскому начальству.

17) Уничтоженіе рабства и торга людьми остается въ полной силѣ.

18) Ханство уплачиваетъ 2.200,000 рублей пени за военныя издержки.

Контрибуція эта разсрочена на 20 лѣтъ до 1893 года. Бухарскому эмиру въ награду за добропорядочное поведеніе во время войны и неоднократную помощь припасами, отданы земли праваго берега отъ уроч. Кукертли до Мешекли.

Итакъ, война кончилась! Подведемъ же итоги.

Трофеи наши заключались въ 25 пушкахъ, 2 мортирахъ, 66 фальконетахъ, 265 ружьяхъ и ничтожномъ количествѣ сабель и проч. Все это было возвращено хану, кромѣ 8 пушекъ.

Выпущено:	патроновъ во всѣхъ отрядахъ . . .		116,015
	Артиллерійскихъ зарядовъ.		771
	Ракетъ		173
Потери:	убитыми	4 офицера и 29	ниж. чиновъ.
	Ранеными	19 „ 112	„ „

Миръ былъ подписанъ въ 12 часовъ 12 августа, а черезъ 2 часа Кауфманъ уже выступилъ съ войсками къ переправѣ у Ханки. Ханъ долго провожалъ войска, высказывалъ опасенія, что вслѣдъ за уходомъ русскихъ опять у него начнутся безпорядки и волненія...

13-го числа началась переправа черезъ 3 рукава Аму-Дарьи, значитъ, съ шестикратною перегрузкою съ арбъ на лодки, съ лодокъ на арбы. Переправа поэтому затянулась на 10 дней.

14-го числа сюда прибылъ курьеромъ Фанъ-деръ-Флитъ, пожалованный во флигель-адъютанты. Онъ привезъ Кауфману георгіевскую звѣзду 2-й степени, объявилъ, что офицерамъ пожалованъ годовой окладъ, нижнимъ чинамъ по 6 руб. каждому и царское спасибо. Войска были выстроены и новый флигель-адъютантъ, въ сопровожденіи Кауфмана и его свиты объѣзжалъ войска и передавалъ имъ царское спасибо за службу и труды.

Переправясь самъ 15-го числа, Кауфманъ произвелъ двѣ рекогносцировки: одну по берегу, другую къ г. Шурахану и, наконецъ, выбралъ мѣсто подъ будущее укрѣпленіе, названное, по предложенію Евгенія Максимиліановича, Петро-Александровскомъ въ память императоровъ Петра и Александра. 20-го числа произведена разбивка, а съ 21-го августа начата и постройка укрѣпленія. Тутъ по обѣ стороны избраннаго пункта идутъ два большихъ арыка, отъ переправы всего 9 верстъ, отъ г. Шурахана 4.

Больныхъ, артиллерійскіе и прочіе запасы, не нужные для строющагося укрѣпленія и для обратнаго похода, а также уволенныхъ въ запасъ—отправили 21-го числа, на 31 каюкѣ, внизъ по Аму-Дарьѣ, къ стоянкѣ аральской флотиліи, которая и доставила ихъ въ Казалинскъ 2-го сентября.

Въ этотъ же день, 2-го сентября, вступила въ Петро-Александровскъ стрѣлковая рота 8-го линейнаго баталіона, посылав-

шаяся къ флотиліи, а 12 сентября и 2 роты того же баталіона, стоявшія гарнизономъ на Иркибаѣ въ укр. Благовѣщенскомъ, привезя съ собой и взводъ 1/4-пудовыхъ единороговъ для строющагося укрѣпленія. Сюда же переданы и 4 лучшихъ хивинскихъ пушки. Начальникомъ вновь учрежденнаго Аму-Дарьинскаго отдѣла назначенъ былъ полк. Ивановъ. Въ двухъ участкахъ этого отдѣла: чимбайскомъ и шураханскомъ считалось около 109,585 душъ. Въ Петро-Александровскъ свезены были всѣ запасы, брошенные на Иркибаѣ и Халъ-Ата, а съ Ургу не взятая мангышлакскимъ отрядомъ часть продовольственныхъ припасовъ, заготовленныхъ для него оренбургскимъ округомъ.

Пока шла переправа, да строилось укрѣпленіе, нѣсколько партій топографовъ производили маршрутныя съемки, причемъ Каульбарсъ, изучавшій дельту, нашелъ проходъ изъ Аральскаго моря въ Аму-дарью, начиная отъ залива Туще-басъ чрезъ Янги-су, протокъ Кукъ, Даукаринскія озера, и протокъ Куваншъ-джерму. Онъ проѣхалъ по этому пути въ августѣ, измѣряя глубину, которая всюду оказалась доступною для нашихъ пароходовъ. Каменные пороги въ Янги-су, помѣшавшіе въ 1858 году пароходу „Обручевъ“ пройти въ Даукаринскія озера, оказались размытыми уже 5 лѣтъ назадъ. Свѣдѣнія, доставленныя Каульбарсомъ, оказались вѣрными: въ 1874 году пароходъ „Перовскій“, командиръ капитанъ-лейт. Брюховъ, прошелъ по пути, указанному Каульбарсомъ изъ моря въ Аму-дарью.

28-го августа въ Бухару отправлено посольство. Во главѣ миссіи назначенъ камергеръ Струве, при немъ подполковникъ Аминовъ, шт.-кап. Транзеге, шт.-кап. Жиляй, докторъ Садовскій. Конвой изъ 50 казаковъ семирѣченской сотни, съ войсковымъ старшиною Грюнвальдомъ и эсауломъ барономъ Штакельбергомъ. Лицъ русскаго происхожденія, значитъ, только двое: Жиляй и Садовскій. Съ ними поѣхали и нѣкоторые штабные, чтобы миновать памятные имъ Алты-Кудукъ и прочее. Отправился и бухарскій посолъ, который предварительно изучилъ вкусы Струве и закупилъ у маркитанта нѣсколько ящиковъ шампанскаго. Эта миссія была уже прощальною, такъ какъ Струве былъ назначенъ посломъ въ Японію. Эмиръ въ это время былъ въ г. Карши, а потомъ переѣхалъ въ Шаръ. Поэтому и карававановъ съ шампанскимъ пришлось отправить два... Въ Шаарѣ подписанъ былъ новый договоръ съ Бухарою, въ которомъ собственно новыхъ статей было немного: о присоединеніи къ Бухарѣ пустыни отъ Халъ-ата до Мешекли съ правымъ берегомъ Аму, о свободномъ плаваніи русскихъ судовъ, съ правомъ устраивать пристани на бухарскомъ берегу, о постоянныхъ дипломатическихъ агентахъ въ Бухарѣ и Ташкентѣ взаимно, о выдачѣ преступниковъ и объ уничтоженіи торга невольниками.

Надо однако сознаться, что, не смотря на увѣренія Струве, невольничій рынокъ въ Бухарѣ процвѣталъ и послѣ перваго договора, а послѣ этого втораго даже усилился, потому что перешелъ изъ Хивы, гдѣ было не совсѣмъ ловко продолжать операцію на глазахъ русскихъ.

Неправильность донесенія Струве обнаружена была въ 1872 г. Н. Ѳ. Петровскимъ (тогда агентомъ мин. финансовъ, потомъ консуломъ въ Кашгарѣ), которому удалось проникнуть на невиданный другими русскими базаръ. Скайлеръ былъ въ Бухарѣ какъ разъ въ августѣ 1873 г. и купилъ самъ на базарѣ одного персіянина, но у него отобрали невольника изъ политики; тогда онъ купилъ другого черезъ слугу и привезъ раба сначала въ Ташкентъ, а потомъ въ Петербургъ, произведя этимъ большой скандалъ.

1-го сентября отданъ приказъ объ обратномъ походѣ: пѣхота, артиллерія и 1 сотня должны были идти по старой дорогѣ на Учъ-учакъ, Халъ-ата, Темиръ-кабукъ и Джизакъ. Кавалерія же изъ 5 сотенъ и уцѣлѣвшаго взвода ракетъ—на Иркибай и Казалинскъ. Пѣхота брала провіанта только до Халъ-ата, а кавалерія до Иркибая, а тамъ ихъ уже ждали новые запасы. Верблюдовъ уже не нанимали и не брали по наряду, а по примѣру оренбуржцевъ получили 1,500 штукъ отъ подрядчика Громова по 22 руб. до Джизака. Кавалерія получила, впрочемъ, 619 штукъ изъ контрибуціонныхъ туркменскихъ. Верблюды несли по 14 пудовъ и дошли прекрасно.

5-го сентября выступила кавалерія и 1-й эшелонъ пѣхоты изъ 5 ротъ, 6 орудій и полусотни казаковъ. 6-го числа двинулся и 2-й эшелонъ изъ 6 ротъ, 4 орудій и полусотни.

Въ гарнизонѣ Петро-Александровска остались: 8-й линейный (5 ротъ) и 4-й стрѣлковый (4 роты) баталіоны, 4 сотни оренбургскаго казачьяго войска, всего людей 2,365 чел. при 4 пѣшихъ и 4 горныхъ орудіяхъ.

На вооруженіи форта стояли 2 нарѣзныхъ орудія, 2 единорога $^1/_4$-пудовыхъ и 4 хивинскихъ пушки. Впослѣдствіи каракалпаки привезли сюда изъ крѣпости Акъ-кала, стрѣлявшей по флотиліи, еще 2 пушки. Итого 10 орудій.

Со вторымъ эшелономъ отправился и Кауфманъ, рѣшившій лично довести войска до Ташкента. На ночлегѣ у Ичке-яра одинъ изъ арестованныхъ, въ качествѣ заложника, туркменскихъ старшинъ, отправившись будто бы набрать воды, кинулся въ рѣку и поплылъ, ныряя по временамъ отъ выстрѣловъ, но наконецъ въ него попали и тѣло его поплыло внизъ по рѣкѣ... Отъ Сардаба-куля отрядъ уже раздѣлился на 4 эшелона, чтобы легче одолѣть безводные переходы. Первый выступилъ 11-го числа. Сильные верблюды, достаточное количество водоподъемныхъ сосудовъ, какъ прямой результатъ тяжкаго опыта, сдѣлали то, что воды было

ые только достаточно, но аму-дарьинская дошла даже до Халъ-ата, гдѣ ею и наслаждались, распивая чай! Да и дни были сѣренькіе, прохладные; жажды прежней не было.

Въ Халъ-ата дана дневка, чтобы разобрать оставленныя здѣсь въ передній путь вещи и принять провіантъ до Каракъ-ата. Здѣсь Кауфмана встрѣтило бухарское посольство, поздравить съ прибытіемъ, и преподнесло обширную палатку съ постелью и разными походными принадлежностями. Нѣсколько малыхъ палатокъ получили и чины штаба. Кромѣ того Кауфманъ получилъ 10 лошадей, нѣсколько кусковъ разныхъ матерій и 1,200 халатовъ, которые онъ подарилъ солдатамъ, для покрыванія на ночь, запретивъ надѣвать ихъ днемъ.

Гарнизонъ укрѣпленія Св. Георгія присоединенъ къ 3-му эшелону, и 17 сентября укрѣпленіе было упразднено. Все, что еще осталось въ складахъ: провіантъ, фуражъ, спиртъ, турсуки,— все сдано подъ росписку купцу Громову для перевозки въ Петро-Александровскъ.

Отъ Джангельды до Джизака Кауфманъ со штабомъ и конвойной сотней, имѣя багажъ и продовольствіе на конскихъ вьюкахъ, отдѣлился отъ войскъ и, минуя Арстанъ-бель-Кудукъ, Аякъ и Балта-салдыръ, прошелъ 149 вер., либо по инымъ колодцамъ, либо напрямикъ степью до Темиръ-кабука; 27 сентября онъ прибылъ въ Джизакъ, откуда на почтовыхъ, отправился въ Ташкентъ и прибылъ сюда вечеромъ 28 сентября. Плестись съ пѣхотой ему надоѣло, какъ видно, довольно скоро.

Въ Джизакѣ его встрѣтили генераы Колпаковскій, Абрамовъ, множество офицеровъ, депутаціи отъ народа и городовъ. Отсюда началось тріумфальное шествіе. Въ Чиназѣ первая встрѣча отъ войскъ. Въ 4 верстахъ отъ Ташкента, въ роскошныхъ шатрахъ приготовленъ пиръ, а когда стемнѣло, сожженъ фейерверкъ съ вензелями Кауфмана и названіями его побѣдъ... У въѣзда въ Ташкентъ воздвигнута тріумфальная арка; по пути стояли войска шпалерами, держа ружья на караулъ и громкими „ура“ привѣтствуя покорителя Хивы.

Жители Ташкента выслали даромъ 300 арбъ въ Джизакъ, на встрѣчу отряду, который велъ Головачевъ. Войска вступили эшелонами 11-го, 12-го и 13-го октября, пробывъ въ походѣ ровно 7 мѣсяцевъ. Кауфманъ выѣзжалъ на встрѣчу каждаго эшелона. 16-го числа назначено было празднованіе успѣшнаго окончанія похода молебномъ и парадомъ, а черезъ часъ послѣ парада обѣдомъ въ знаменитомъ саду Минъ-урюкъ (тысяча абрикосовъ) *).

*) Садъ былъ старый, тѣнистый и большой... Впослѣдствіи задумали деревья срубить и развести новый садъ съ затѣями. Поручили это дѣло какому-то чиновнику-забулдыгѣ... Онъ деревья срубилъ, продалъ на дрова, а ничего не насадилъ... Такъ садъ и пропалъ ни за что.

Обѣдъ давало русское и сартовское городское общество. Въ ротондѣ сада сервированъ былъ завтракъ для офицеровъ, воротившихся изъ похода. Вечеромъ въ городскомъ клубѣ данъ былъ балъ. Въ этотъ же день отданъ былъ приказъ о расформированіи отряда.

Посмотримъ теперь, какъ шли домой оренбуржцы и кавказцы.

На Кизилъ-такирѣ Саранчовъ простоялъ съ 22 іюля по 4 августа, собравъ съ туркменъ 20,687 р. 50 к. деньгами, 7 пуд. 33 фунт. и 20 золот. серебра въ слиткахъ и 731 верблюда.

31 іюля Кауфманъ пріѣзжалъ проститься съ оренбуржцами. 6-го числа оренбуржцы перешли въ Куня-Ургенчъ, дождались, пока прошли кавказцы, и 19 августа выступили въ обратный путь на Эмбу, захвативъ по дорогѣ гарнизонъ, оставленный ими въ Кунградѣ. Жары не было, а противъ почныхъ холодовъ на Усть-Уртѣ имѣлись кошмы. Къ 25 сентября всѣ эшелоны собрались на Эмбенскомъ посту. 26-го отрядъ былъ расформированъ и разошелся тремя колоннами на Оренбургъ, Орскъ и Уральскъ знакомыми дорогами.

Оренбургская и орская колонны пришли на мѣсто 12 октября, уральская—17 октября.

Болѣзненность и смертность въ отрядѣ не только не превышала, но даже была менѣе, чѣмъ вообще въ Оренбургскомъ округѣ въ мирное время. Число больныхъ въ околодкахъ относилось къ списочному числу людей, какъ 1:3; въ лазаретахъ какъ 1:17½. Умерло 18 человѣкъ, т. е. 5 человѣкъ на 1,000, а въ округѣ, напримѣръ, въ 1868 и 1869 г.г. умирало по 12, а въ 1870 и 1871 г.г.—по 18 человѣкъ. Такимъ образомъ большіе расходы, потраченные на улучшеніе снаряженія и содержанія солдатъ оренбургскаго отряда, окупились съ лихвой.

Мангышлакскій отрядъ, воротясь съ туркестанцами въ Хиву изъ туркменской экспедиціи 7 августа, нашелъ здѣсь уже готовыми заказанные для него Кауфманомъ ватные халаты и сапоги. Годныхъ верблюдовъ было 444, недоставало 39, которые замѣнены арбами. Сухарный запасъ взятъ только до мыса Ургу, гдѣ ожидалъ транспортъ продовольствія, присланный для кавказцевъ изъ Оренбурга. 8 августа Кауфманъ простился съ кавказцами, а 9-го они выступили на Куня-Ургенчъ и Кунградъ, гдѣ захватили свои два горныхъ орудія. Кауфманъ отдалъ имъ и 2 хивинскихъ пушки, взятыя апшеронцами подъ Хивой. Одно было запряжено четверкою коней, а другое, болѣе тяжелое, четверкою верблюдовъ, которые не умѣли брать сразу и рвались въ разныя стороны. На первомъ же переходѣ верблюды стали, такъ что при пушкѣ осталась ночевать въ пескахъ рота изъ аріергарда и самъ Ломакинъ. Отсюда онъ послалъ въ г. Исабатъ купить лошадей, и пушка при-

шла къ отряду только въ полдень на другой день. — Отрядъ сопровождалъ командированный ханомъ чиновникъ Романъ-бай, оказавшійся весьма заботливымъ и распорядительнымъ. При отрядѣ шли 828 персіянъ. Были между ними полуголые бѣдняки. Ихъ прикомандировали къ каждой части войскъ по 20, 25 человѣкъ на довольствіе и 30 къ пушкѣ хивинской. Они должны были помогать вьючить верблюдовъ, собирать топливо и т. п. Имъ назначено было по 20 коп. въ сутки, но они покупали себѣ только лакомства. Поэтому деньги выдавались потомъ, начиная съ Кунграда, въ роты, которыя и кормили этихъ дураковъ.

Въ Куня-Ургенчѣ присоединился и бывшій „халифъ на часъ", Атаджанъ-Тюря, отпущенный въ Мекку. Въ Тифлисѣ онъ просился въ нашу службу и принятъ прапорщикомъ въ Тверской драгунскій полкъ, а возвратясь изъ Мекки, перешелъ въ конвой его величества.

Чтобы не идти въ Джанъ-кала на мысѣ Ургу за провіантомъ, Ломакинъ послалъ туда пріемщиковъ и взялъ не все, а только до кол. Кущата, гдѣ его ждали запасы, доставленные Навроцкимъ.

Пріемщики доставили провіантъ на 50 купленныхъ арбахъ къ озеру Ирала-кочканъ 21 августа, гдѣ уже стоялъ отрядъ съ полудня, запасшись въ Кунградѣ халатами, кому въ Хивѣ не хватило, баранами и рыбой, поражавшей своей дешевизной (за аршинаго икрянаго осетра платили всего 40 копѣекъ).

22-го отрядъ выступилъ далѣе двумя эшелонами. Предстояло до 72 верстъ безводнаго пути, а выступили, по совѣту лаучей и арбакешей только въ 9 часовъ утра, чтобы лошади напились до отвалу. Такъ де ходятъ караваны.

Изъ-за этого отрядъ чуть не погибъ... Къ полудню жара дошла до 40°. Запасъ воды былъ малъ, по недостатку бурдюковъ... Можно думать, что Ломакинъ не считалъ уже нужнымъ беречь людей, такъ какъ они уже все сдѣлали, что могли, и наградъ больше не получишь. Къ 8 час. веч. поднялись на Усть-уртъ. Въ нѣкоторыхъ ротахъ на лицо оказалось по 15 человѣкъ,— остальные пристали... Лошадей и верблюдовъ пало множество... Арбы брошены въ достаточномъ количествѣ.

Въ часъ ночи пошли далѣе и къ 9 ч. утра дошли до одиночнаго колодца Алибекъ. Здѣсь дали по ведру только лошадямъ, а людямъ весь остатокъ запаса изъ бурдюковъ. Этого было такъ мало, что люди дрались за воду, толпились у колодца... Многіе лежали уже безъ чувствъ.

До Кара-кудука оставалось всего 15 верстъ. Только къ 2 часамъ дня можно было, наконецъ, отправить туда артиллерію съ пѣхотой, а въ 4 часа и остальныя войска. На колодцѣ остались одни персіяне, которые бросились къ нему всѣ разомъ; ведра ихъ

перепутались веревками, и ни капли воды достать было нельзя. Къ тому же шестеро жаждущихъ спустились въ колодезь по выступамъ стѣнъ и ни за что не хотѣли вылѣзть оттуда... Наконецъ, къ нимъ спустили еще нѣсколько человѣкъ, которые привязали ихъ къ веревкамъ и дали знать наверхъ, чтобы ихъ тащили.

На послѣднихъ 15 верстахъ отъ Алп-бека къ Кара-кудуку пали всѣ быки, запряженные въ арбы, пало много обозныхъ лошадей и порціоннаго скота. Людей пристало опять множество.

Непростительныя и даже непонятныя ошибки Ломакина заключались въ слѣдующемъ: 1) выбирая путь, по которому шла и страдала колонна Пожарова, онъ нисколько не позаботился достать побольше бурдюковъ; 2) зная уже по опыту, что на безводныхъ переходахъ или при движеніи по одиночнымъ или глубокимъ колодцамъ нельзя идти многолюднымъ караваномъ, онъ двинулъ отрядъ двумя сильными эшелонами съ массой верблюдовъ, быковъ и лошадей; 3) зная по опыту, что во время жары слѣдуетъ отдыхать на привалахъ, а двигаться только вечеромъ и раннимъ утромъ, онъ именно выступилъ 22-го числа, когда началась уже жара, въ 9 часовъ утра, и шелъ въ самый разгаръ солнцепека.

Къ чему послужилъ этому господину опытъ похода въ передній путь?

Вода Кара-кудука изобилуетъ глауберовою солью. Это хорошее проносное средство. Люди, пострадавшіе отъ жажды изъ-за глупости Ломакина, неистово напали на эту микстуру. Тотчасъ появились сильные поносы, перешедшіе потомъ въ кровавые... Этому способствовали и холодныя ночи. Поэтому Ломакинъ приказалъ съ 5 часовъ вечера до 8 утра, если люди не въ движеніи,—надѣвать шинели или халаты.

На дневкахъ у этого колодца получено съ нарочнымъ письмо отъ Кауфмана, извѣщавшаго о заключеніи мира и поручившаго поздравить отрядъ, что съ подъемомъ на Усть-Уртъ, онъ идетъ уже по русской землѣ; затѣмъ слѣдовало „спасибо“ и не поминайте лихомъ!

Отсюда отрядъ выступилъ 3-мя эшелонами 24-го и 25-го августа. Проводникъ 1-го эшелона заблудился и колонна эта опоздала по назначенію къ кол. Суня-темиръ или Сумбетъ-темиръ, гдѣ назначена была опять дневка. Дорогою на Аланѣ кавалерія нашла множество мумій: это трупы, павшихъ еще въ маѣ, животныхъ въ передній путь отряда; солнце и сухость воздуха совершенно ихъ высушили. 28-го числа пошли опять тремя колоннами въ 3 часа утра. Шелъ дождь и было холодно; дорога твердая. Отсталыхъ не было, но лошади даже въ пустыхъ арбахъ приставали. Арбы брошены, а тяжести навьючены на верблюдовъ.

29-го, по пути къ колодцу Тюзембай, умеръ 1 казакъ и 1 апшеронецъ отъ тифа; ихъ и похоронили на привалѣ въ общей могилѣ. 31-го августа, весь отрядъ пришелъ на кол. Кущата, куда только наканунѣ пришелъ маіоръ Навроцкій съ транспортомъ продовольствія. Кавказское начальство позаботилось также приготовить запасы на 9 дней въ Бишъ-акты и на 12 дней или въ Ильтедже, или въ Кущата, какъ разъ на полупути отъ Аральскаго моря къ Бишъ-акты. Ломакинъ самъ не зналъ передъ выступленіемъ изъ ханства, по какой дорогѣ онъ пойдетъ: по новой, сѣверной на Кущата, или по старой, южной на Ильтедже, и потому послалъ Навроцкому изъ лагеря подъ Ильялы предписаніе, чтобы у него все было готово къ 20 августа въ Бишъ-акты, для доставки между 30 августа и 4 сентября либо въ Ильтедже, либо въ Кущата 2-недѣльнаго запаса довольствія на 1400 челов. и 400 лошадей, а также полушубки, бурдюки, боченки, 246 палатокъ и колесо съ воротомъ для глубокихъ колодцевъ. 2-го августа онъ окончательно избралъ верхній путь, такъ какъ получилъ извѣстіе, что нижній испорченъ разливами Сарыкамыша. Поэтому Навроцкому предложено къ 30 августа прибыть на кол. Кущата, что тотъ и исполнилъ въ самый разъ. Встрѣча была самая радостная, родственная; эшелоны подходили съ криками „ура“. 31-го вечеромъ офицеры собрались къ Ломакину и праздновали тезоименитство государя, бывшее наканунѣ. Музыка, пѣсни, здравицы за государя и салютъ 6 орудій, причемъ хивинскія плѣнницы палили хивинскимъ же порохомъ.

2-го сентября двинулись далѣе и 7-го пришли въ Бишъ-акты потерявъ одного казака, умершаго отъ тифа. Отсюда предстояло идти по мертвымъ безводнымъ станціямъ Сенекъ и Каунды, памятнымъ отряду по страданіямъ передняго пути. Поэтому отрядъ раздѣленъ былъ на 5 колоннъ. 1-я, изъ 2-хъ сотенъ казаковъ, сопровождавшихъ курьера, посланнаго съ донесеніями на Кавказъ, выступила 8-го, а прибыла въ Киндерли 9-го числа въ 4 часа вечера; 2-я, изъ 3-хъ сотенъ, вышла 9-го утромъ, пришла 10-го вечеромъ; 3-я, изъ 3½ ротъ, вышла 9-го послѣ обѣда, а пришла 12-го утромъ; 4-я, изъ 3-хъ ротъ при 3 орудіяхъ, вышла 9-го въ 2 часа послѣ обѣда, а пришла 11-го въ 3 часа послѣ обѣда, потерявъ одного самурца, умершаго въ дорогѣ. Эта колонна шла по новому, разработанному и болѣе короткому пути въ обходъ песковъ. Дорога эта шла отъ Сенека не на Онъ-Каунды, а на Артъ-Каунды, по скалистымъ горамъ съ крутыми спусками и подъемами. Князь Меликовъ приказалъ Навроцкому разработать ее, что тотъ, по обыкновенію своему, и исполнилъ весьма хорошо. Вотъ почему четвертая колонна обогнала третью на 15 часовъ; 5-я, изъ 5-ти ротъ съ 4 орудіями, выступила 10-го числа около полудня, шла также по новой дорогѣ и при-

шла въ Киндерли 12-го числа въ 3 часа послѣ обѣда. Погода стояла, все время пути, отъ Кущата, пасмурная, а ночи очень холодныя. Тутъ-то солдаты и поминали Кауфмана добромъ за халаты.

По приходѣ въ Киндерли, верблюдовъ переклеймили буквою К., что означало „казенный“, и затѣмъ сдали киргизамъ въ пользованіе, съ обязательствомъ представить ихъ, въ случаѣ надобности, по первому требованію, безъ отговорокъ, что они пали или больны. Такихъ клейменыхъ оказалось 826 штукъ, а какъ изъ Хивы взято было 483, да прикуплено потомъ 20, да Навроцкій привелъ 507, то значитъ, 184 штуки пало въ дорогѣ. Половина клейменыхъ имѣла большія раны на спинахъ и бокахъ; въ ранахъ копошились черви, которыхъ нельзя было извести за неимѣніемъ лекарствъ; смрадъ отъ несчастныхъ животныхъ былъ невыносимъ. Къ февралю 1874 г. изъ нихъ пало 403 штуки.

Персіянъ также отпустили въ персидскій таборъ, ставшій недалеко отъ лагеря. Тутъ имъ отпускали въ сутки по 2 ф. муки и 1/8 ф. коровьяго масла каждому взрослому, а малолѣтнимъ— половина дачи. 14-го сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня и ровно черезъ 5 мѣсяцевъ по выступленіи 1 эшелона изъ Киндерли въ Хиву, воздвигнутъ былъ большой крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ служился тогда напутственный молебенъ. Основаніемъ кресту послужила высокая, въ 5 саженъ высоты, пирамида, сложенная изъ камня солдатами и персіянами. Въ пирамиду вставлена доска съ надписью, гласившею, что 14-го апрѣля 1873 г., отрядъ кавказскихъ войскъ подъ начальствомъ полковника Ломакина (слѣдуетъ перечисленіе частей, вошедшихъ въ составъ отряда) выступилъ противъ Хивы, а возвратился 12-го сентября 1873 г. Упомянуто также, что Хива занята 29-го мая и что потеря убитыми и умершими составляетъ 23 человѣка.

Съ 22-го сентября началась отправка войскъ по штабъ-квартирамъ. Первыми отправлены на, 3-хъ прибывшихъ шкунахъ, 4 роты ширванцевъ, сотня Ейскаго казачьяго полка и всѣ георгіевскіе кавалеры, съ хоромъ музыки Апшеронскаго полка и хивинскими пушками. Съ этимъ рейсомъ отправился Атаджанъ-Тюря и Ломакинъ. 23-го ночью, шкуны входили въ Петровскую гавань. На берегу музыка играла маршъ, на что апшеронскій хоръ отвѣчалъ со шкуны вечерней зарей, молитвой „Коль славенъ“ и народнымъ гимномъ. Вышло очень хорошо и правдиво: не намъ слава, а Господу силъ и царю православному!

Всѣ стоявшія въ гавани суда освѣтились фальшфейерами, раздались пушечные выстрѣлы и полетѣли ракеты; громкое ура встрѣчавшаго народа сливалось съ отвѣтными кликами прибывшихъ. На слѣдующій день князь Меликовъ, столько потрудившійся для

—

обезпеченія отряду успѣха, благодарилъ прибывшихъ отъ имени государя за ихъ славную молодецкую службу. Затѣмъ отслужено благодарственное молебствіе, и войска пошли церемоніальнымъ маршемъ прямо къ столамъ для завтрака. Офицерамъ князь далъ парадный обѣдъ. При здравицахъ за государя, хивинскія пушки салютовали своимъ порохомъ.

Послѣдній эшелонъ прибылъ въ Петровскъ 7-го октября. 12-го октября изъ Киндерли отплыла въ Астару послѣдняя партія персіянъ, а караулившая ихъ сотня Кизляро-гребенскаго полка тогда же двинулась сухимъ путемъ въ фортъ Александровскій въ составъ гарнизона. Берегъ опустѣлъ.

Всѣ эшелоны встрѣчались и чествовались въ Петровскѣ такъ же, какъ и первый. Хивинскія пушки стоятъ теперь въ штабъ-квартирѣ Апшеронскаго полка на уроч. Ишкарты и честно салютуютъ въ торжественныхъ случаяхъ.

Самымъ важнымъ послѣдствіемъ хивинскаго похода 1873 года слѣдуетъ считать занятіе нами всего праваго берега Аму-Дарьи вдоль ханства. Отрѣзанная отъ нашихъ степей естественною границей, за которою виднѣются тамъ и сямъ грозные штыки, Хива совершенно примирилась со скромною долею вассальнаго владѣнія, которая ей, въ сущности, только и подъ стать, по незначительности и бѣдности населенія. До похода Хива была не болѣе, какъ пристанодержателемъ, куда всѣ степные разбойники и барантачи свозили добычу, дѣлясь съ ея правителями. Сюда же они укрывались отъ преслѣдованія русскими отрядами. Разъ гнѣздо разорено и къ нему приставленъ грозный караулъ, въ видѣ Петро-Александровскаго отряда,—разбойникамъ и барантачамъ приходится заняться чѣмъ-нибудь инымъ. Прошло ужъ болѣе 30 лѣтъ послѣ погрома, и степи наши совершенно притихли: столько лѣтъ не слышно ни разбоевъ, ни волненій.

Русскій отрядъ у воротъ Хивы можно разсматривать, какъ гвардію, приставленную къ хану по завѣщанію Петра I. Пусть вспомнитъ читатель, что отрядъ Бековича-Черкасскаго, по указу Петра Великаго, долженъ былъ *убѣдить* хивинскаго хана и бухарскаго эмира принять для охраны русскую гвардію. Бековичъ не убѣдилъ. Убѣдилъ Кауфманъ. Благодаря этой гвардіи, хивинскій ханъ сдѣлался, въ сущности, русскимъ уѣзднымъ начальникомъ, исполняя безпрекословно и быстро всѣ наши требованія; туркмены, державшіе въ страхѣ какъ самого хана, такъ и все населеніе, совершенно перемѣнились въ обращеніи. Этому, конечно, не мало способствовало также покореніе ихъ сородичей текинцевъ въ 1881 году и добровольное присоединеніе Мерва. Теперь туркменамъ податься некуда и добывать плѣнныхъ негдѣ, а если бы и нашлось такое злополучное мѣсто, то сбыть ихъ некуда.

Постоянная гроза, висящая надъ головой туркменъ въ Петро-Александровскѣ, безъ сомнѣнія, отражается и на безопасности желѣзнодорожнаго пути отъ Узунъ-ада, а потомъ отъ Красноводска до Самарканда. Кавказъ покоренъ давно, а между тѣмъ желѣзныя дороги тамъ безпрестанно подвергаются нападенію правильно организованныхъ шаекъ, вооруженныхъ берданками и магазинками! И это не потому, что тамъ власть русская слаба или что ближайшее начальство народное поголовно трусливые армяне, а потому, что тамъ всякая гора, всякое ущелье, всякій лѣсъ—даютъ вѣрное и надежное убѣжище разбойнику. Ищи его!

Здѣсь же природа не нагромоздила ничего подобнаго, скрыться негдѣ. Послѣднее пристанище—Хива стала мышеловкой и, по ст. 16 мирнаго договора, обязана разбойника изловить для выдачи русскимъ властямъ. „Изловить“ очень удачное слово!

Когда проектировалась закаспійская желѣзная дорога, то разные „знатоки“ Азіи предсказывали, что кочевники будутъ красть на дрова шпалы и телеграфные столбы, такъ какъ дерево представляетъ въ пустынѣ огромную цѣнность. Они же предсказывали, что изъ Средней Азіи военные сдѣлаютъ второй Кавказъ, съ хроническими экспедиціями ради наградъ... Шпалъ и столбовъ однако не воруютъ, а съ покореніемъ Кокана въ 1875 году и Ахалъ-Теке въ 1881 г. героическій періодъ занятія Средней Азіи, повидимому, кончился и про боевыя экспедиціи что-то не слыхать...

Въ томъ и вся задача, чтобы очаги безпорядка притушить, а пристанодержателей посадить на цѣпь...

Предчувствія хана, при разставаньи съ нашими войсками, относительно возможности безпорядковъ въ его владѣніяхъ по уходѣ русскихъ, оправдались довольно скоро. Едва нашъ отрядъ перевалилъ пески отъ Учъ-учака къ Халъ-ата, какъ появились на Аму-дарьѣ разбойничьи партіи туркменъ Теке и Сарыкъ (изъ-подъ Мерва). Одна партія стала хозяйничать подъ Хазараспомъ, другая напала на Питнякъ; наконецъ, разбойники стали переправляться и на нашу сторону, нападая на караваны и кочевья бухарскихъ киргизъ. Одна такая партія напала около Сардаба-куля, на караванъ Громова съ казенными тяжестями, поднятыми съ Халъ-ата и перевозимыми въ Петро-Александровскъ. Это случилось въ 100 верстахъ отъ послѣдняго. Полковникъ Ивановъ тотчасъ послалъ туда маіора Адеркаса съ 3 сотнями и взводомъ ракетъ. Выступивъ 24-го сентября, Адеркасъ настигъ разбойниковъ къ разсвѣту 26-го у переправы и отбилъ часть транспорта, которую еще не успѣли переправить. Человѣкъ 100 туркменъ при этомъ поплатились жизнію, частію отъ шашекъ казачьихъ, частію при спѣшной переправѣ вплавь.

Понимая нашъ аму-дарьинскій отрядъ, какъ свою гвардію,

приставленную къ нему для поддержанія порядка и усмиренія непокорныхъ подданныхъ, ханъ безпрестанно взывалъ къ Иванову о помощи, просилъ совѣтовъ, сознаваясь въ безсиліи водворить у себя порядокъ.

Туркмены, поразмысливъ на свободѣ, нашли, что контрибуцію слѣдовало взыскать не съ нихъ однихъ, а и съ другихъ жителей ханства. Желая поправить эту ошибку и несправедливость русскихъ, они разложили свои убытки на узбековъ и киргизъ и стали взыскивать съ нихъ контрибуцію... Не такъ громко, какъ Головачовъ, безъ пушекъ и ракетъ, но такъ же неукоснительно. Увѣщаній хана не слушаютъ, смирить ихъ ему нечѣмъ, а за рѣкой его гвардія, его даровая жандармская команда бездѣйствуетъ...

Дѣло въ томъ, что Иваповъ не хотѣлъ быть ни тѣлохранителемъ хана, ни жандармомъ. Потому ли, что можетъ быть онъ никогда не читалъ инструкціи Петра I, данной Бековичу; потому ли, что считалъ такую роль для себя унизительною; потому ли, что желалъ играть роль самостоятельнаго вершителя судебъ ханства; потому ли, что считалъ себя уже важнымъ дѣлателемъ исторіи, за которымъ ревниво слѣдятъ англичане, но только онъ все искалъ благовиднаго предлога, которымъ бы можно было прикрыться въ случаѣ возникновенія дипломатической переписки. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ, присылая начальникамъ пограничныхъ округовъ „довѣрительно“ литографированныя копіи съ безчисленныхъ запросовъ, нотъ и протестовъ безпокойныхъ и надоѣдливыхъ англійскихъ дипломатовъ, старающихся набросать побольше камней на пути нашего историческаго шествія,—также старается сдерживать нашихъ военачальниковъ и охлаждать ихъ воинственный пылъ... Еслибы не эта закорючка, не этотъ стопоръ, останавливающій весь механизмъ на полномъ ходу,—мы давно бы стояли на самой границѣ Индіи, несмотря на бумажную войну англичанъ, и надо полагать, что значительно облегчили бы и работу министра иностранныхъ дѣлъ.

Глядя на карту Средней Азіи, оцѣнивая разстоянія, отдѣляющія насъ отъ границъ Индіи, невольно прикидываешь въ умѣ: сколько еще нашимъ дипломатамъ придется исписать бумаги и пролить чернилъ, отписываясь по входящимъ нумерамъ? А вѣдь все равно отписываться придется...

Кауфманъ также не раздѣлялъ видовъ Петра Великаго и не хотѣлъ обратить аму-дарьинскій отрядъ ни въ преторіанцевъ, ни въ янычаръ, ни въ жандармовъ хивинскаго хана. Въ инструкціи, посланной имъ Иванову въ предписаніи отъ 12 сентября 1873 г., стало быть, съ ночлега у Сардаба-куля, на возвратномъ пути въ Ташкентъ, было сказано, что „главная цѣль, которую желательно достигнуть посредствомъ оставленія на правомъ берегу аму-дарьинскаго отряда, заключается въ охранѣ

и защитѣ населенія этого берега, нынѣ входящаго въ составъ русскихъ подданныхъ".

Посмотримъ второстепенныя цѣли. „Внутреннія дѣла ханства, о которыхъ, само собою разумѣется, слѣдуетъ стараться имѣть самыя ближайшія свѣдѣнія, должны вызывать наше участіе настолько, насколько они будутъ касаться интересовъ и спокойствія вновь подчиненной намъ страны и ея населенія". Это вотъ дѣйствительно выраженіе довольно туманное, какъ будто дающее право переходить отъ пассивной обороны къ активной и проникать на тотъ берегъ, въ предѣлы ханства, для вмѣшательства во внутреннія дѣла его... подъ благовиднымъ предлогомъ охраны и защиты населенія нашего берега.

Въ этомъ пониманіи разбираемой цитаты насъ утверждаетъ и слѣдующее мѣсто инструкціи: „Къ достиженію этой цѣли, т. е. охраны и защиты, должны быть направлены всѣ усилія и тѣ мѣры, кои, по обстоятельствамъ и ближайшимъ мѣстнымъ условіямъ вы сочтете нужнымъ предпринять". Значитъ: дѣйствуй по своему усмотрѣнію, какъ хочешь!

Для ознакомленія съ населеніемъ новаго отдѣла, рекомендовалось почаще дѣлать военныя прогулки. Это и жителей ознакомитъ съ русскими, да и знать они будутъ, что въ случаѣ чего, русскіе сейчасъ и придутъ для защиты ихъ или для наказанія.

Первую прогулку Ивановъ сдѣлалъ въ половинѣ октября 1873 г. въ дельту Аму-дарьи и на уроч. Даукара, сохранивъ въ глубокой тайнѣ какъ цѣль, такъ и направленіе движенія войскъ. На томъ берегу тотчасъ все притихло, ожидая переправы русскихъ и какого-нибудь необычайнаго, блоковскаго, злодѣйства... Ивановъ возвратился 12 ноября, выбравъ на берегу рѣки мѣсто для другого укрѣпленія на уроч. Нукусъ, при началѣ развѣтвленій дельты, гдѣ, кстати, и лучшая переправа чрезъ Аму-Дарью. Укрѣпленіе это, въ видѣ редута, возведено было въ 1874 г. и въ гарнизонъ поставлены 1 рота, 1 сотня и 2 орудія. Разстояніе между нимъ и Петро-Александровскомъ—175 верстъ, по колесной дорогѣ. Какъ только зарѣчные туркмены увидали, что напугавшее ихъ движеніе русскаго отряда было пустою прогулкою, они снова принялись за поправленіе своихъ дѣлъ на счетъ сосѣдей-узбековъ. Снова полетѣли къ Иванову просьбы хана усмирить туркменъ...

Въ инструкціи Кауфмана, какъ она приведена въ матеріалахъ, ни слова не сказано, что Иванову предоставляется право вторгаться въ предѣлы ханства и переходить рѣку. Глухо, въ видѣ шарады, что-то такое мелькало тамъ и сямъ, какъ мы уже разъяснили, но и то требовалось, чтобы „внутренія дѣла" или, вѣрнѣе, безпорядки ханства грозили опасностію нашимъ новымъ подданнымъ. Стало быть: пока туркмены рѣжутъ и грабятъ не

нашихъ подданныхъ,—Иванову нельзя мѣшаться во „внутреннія дѣла“ ханства.

Въ „матеріалахъ“ прямодушно излагается на стр. 117 между прочимъ слѣдующее: „Надо здѣсь замѣтить, что въ рукахъ начальника русскихъ войскъ, оставленныхъ на Аму-Дарьѣ, существуетъ поводъ къ непосредственнымъ отношеніямъ (т. е. мимо хана) къ самому безпокойному элементу въ Хивѣ—туркменамъ. Читатели припомнятъ, что ко времени очищенія русскими войсками хивинской территоріи, туркмены не кончили съ нами счетовъ по контрибуціи... Пользуясь этимъ прецедентомъ, полк. Ивановъ часто обращался къ хивинскимъ туркменамъ, и чрезъ посредство хана, и *непосредственно прямо отъ себя*, чрезъ своихъ людей, съ совѣтами и увѣщаніями, чтобы они успокоились и прежде всего позаботились о приведеніи ихъ счетовъ съ нами къ концу. Въ противномъ случаѣ, полк. Ивановъ грозилъ карою и новымъ погромомъ, если они не выполнятъ своихъ обязательствъ къ намъ, „*будутъ продолжать грабить и тревожить населеніе ханства*“.

Отлично вышелъ Ивановъ изъ затрудненія! Теперь *главная цѣль*, указанная ему Кауфманомъ, значительно расширилась: онъ становится на защиту не только нашихъ, но и хивинскихъ подданныхъ!

Его отрядъ, по понятіямъ туркестанскихъ военныхъ, являлся *передовымъ*, а передовой отрядъ, по тѣмъ же понятіямъ, долженъ представлять безпрестанные случаи къ отличіямъ, а стало быть и наградамъ. Поэтому всѣ неукротимые честолюбцы всегда и стремились въ передовые отряды. Случаи же къ разнымъ стычкамъ долженъ былъ искать самъ начальникъ отряда, оправдываясь потомъ разными, подчасъ и сочиненными послѣ стычки, благовидными предлогами... Все зависѣло отъ находчивости и остроумія чиновъ передового отряда, помогавшихъ придумывать *благовидные предлоги*. Не для того мы взялись за перо, чтобы скрывать что-нибудь, да наконецъ, такой зудъ въ передовыхъ отрядахъ приносилъ намъ до сихъ поръ только пользу: вспомнимъ хоть совершенно взбалмошныя дѣйствія Абрамова въ джизакскомъ передовомъ отрядѣ, послѣдствіемъ коихъ была война съ Бухарою и завоеваніе самой дорогой жемчужины Средней Азіи, Самаркандскаго округа. А это повело за собой полное подчиненіе Бухары и затѣмъ облегчило движеніе на Хиву и ея порабощеніе.

Надо же быть справедливыми. Говоря о настроеніи духа оставляемыхъ на Аму-Дарьѣ войскъ, на стр. 116 „матеріаловъ“ выражаются такъ: „встрѣчи съ непріятелемъ войска жаждали, такъ какъ вообще боевыя движенія ободряютъ духъ и возвышаютъ нравственныя силы нашихъ войскъ. „Это дѣйствительно вѣрно,

и военные это хорошо знаютъ, кто испыталъ на ссбѣ или видѣлъ на другихъ. Послѣдній негодяй перестаетъ негодяйствовать, когда смерть глядитъ въ глаза!

Итакъ, войска жаждали нанести непріятелю травматическія поврежденія... Но кто же непріятель? Хивинцы не дрались съ нами и бросали крѣпости на волю Божію, даже во время войны, а теперь стараются только сорвать подороже за всякую поставку. Они же молятъ постоянно о защитѣ ихъ отъ туркменъ. Дрались съ нами только туркмены и киргизы. Очевидно, это и есть „непріятель“, достойный получить еще нѣсколько шишекъ.

Въ январѣ 1874 года Ивановъ прослышалъ, будто туркмены собираются перейти Аму-Дарью по льду и порасчесать нашихъ подданныхъ. Матеріалы называютъ это попыткою „открыто возстать противъ насъ“, хотя эта попытка ровно ничѣмъ не выразилась... Ивановъ быстро двинулся, съ частью отряда, къ Нукусу, перешелъ рѣку по льду и сталъ жечь ближайшія къ Кипчаку кочевья туркменъ рода Кульчаръ (караджель-гелды). Это произвело всеобщую панику, и къ Иванову тотчасъ явились депутаціи отъ сосѣднихъ родовъ съ просьбой о пощадѣ... Онъ потребовалъ взноса недоимки, освобожденія задержанныхъ рабовъ и возвращенія сосѣдямъ-узбекамъ всего награбленнаго. Въ это время рѣка тронулась и волей неволей надо было удовлетвориться произведеннымъ впечатлѣніемъ, безъ всякихъ практическихъ, осязательныхъ результатовъ и спѣшить домой. Переправясь на лодкахъ обратно, Ивановъ воротился 29 января въ Петро-Александровскъ безъ потерь. Это одно уже доказываетъ, что „открытое возстаніе“ еще не успѣло созрѣть хорошенько въ умахъ туркменъ, и что Ивановъ отличился тутъ собственно даромъ угадыванія чужихъ мыслей.

Три или четыре мѣсяца туркмены послѣ этого просидѣли спокойно, собирая, хотя и довольно туго, недоимку контрибуціи, но ко времени начала кочевокъ, т. е. концу апрѣля, когда могли разсчитывать уйти изъ-подъ нашихъ ударовъ, они снова принялись за грабежи. Въ послѣдующіе мѣсяцы безпорядки иногда вдругъ прекращались—это, когда въ ханство дойдетъ извѣстіе о прибытіи къ русскимъ подкрѣпленій съ Сыръ-Дарьи. То были маршевыя команды изъ новобранцевъ и людей 8-го линейнаго и 4-го стрѣлк. баталіона, оставшихся въ Казалинскѣ и Перовскѣ при вещахъ. Пришли также новыя сотни на смѣну прежнихъ. Пришелъ также 3 стрѣлк. баталіонъ на смѣну 4-го. Новый баталіонъ шелъ до Кармакчей (фортъ № 2) изъ Ташкента сухимъ путемъ, а оттуда на пароходахъ и баржахъ. Съ нимъ отпущены были и туркменскіе заложники, не принесшіе своимъ плѣномъ ровнехонько никакой пользы. Правда, двѣ роты 4-го баталіона оставлены были временно до весны 1875 г. Ихъ и помѣстили въ Ну-

кусъ. Все это казалось туркменамъ подкрѣпленіями и вызывало догадки насчетъ какихъ-то грозныхъ замысловъ. Поэтому они и притихали на время, а когда узнали, что взамѣнъ прибывшихъ сотенъ и баталіона выступило столько же частей на Сыръ-дарью, то снова принялись за старое.

Мы не будемъ приводить больше „благовидныхъ предлоговъ“ Иванова, — за ними, конечно, у него дѣло не станетъ. Скажемъ только, что въ январѣ 1875 г., когда Аму-Дарья замерзла, онъ снова пошелъ „на ту сторону“. Отрядъ въ 1500 человѣкъ изъ 6 ротъ, 2 сотенъ, 6 орудій и 4-хъ ракетныхъ станковъ выступилъ 7 января, переправился 16-го у Ходжейли, а вернулся 1 февраля, переправясь у Ханки.—„Вся экспедиція произведена была безъ выстрѣла и отрядъ нигдѣ не встрѣтилъ сопротивленія“,—говорится въ „матеріалахъ“ на стр. 120. Туркмены внесли въ эти 15 дней, пока русскіе обходили ихъ съ визитами, 36000 рублей. О какихъ-нибудь погромахъ или поджогахъ оффиціальныя данныя не упоминаютъ.

Это второе по счету и спокойное шествіе русскаго отряда, точно по какой-нибудь Тамбовской губерніи, не могло не поселить въ туркменахъ убѣжденія, что русскіе чувствуютъ себя здѣсь какъ дома и что они дѣйствительно составляютъ опору хана, а если ихъ не трогать, то и они пройдутъ себѣ тихо и благородно!

Съ этихъ поръ туркмены примирились съ такимъ положеніемъ и прежнихъ поголовныхъ грабежей уже не производятъ, а ханъ превратился не только въ „покорнаго слугу императора всероссійскаго“ согласно 1 статьи мирнаго договора, но и въ покорнѣйшаго слугу начальника Аму-дарьинскаго отдѣла.

Такимъ образомъ, согласно изложенію составителей матеріаловъ, подъ главною редакціею Кауфмана, ревниво охранявшаго свою репутацію, глубокаго политика и мудраго государственнаго дѣятеля, выходило, что Ивановъ дважды переходилъ рѣку и вторгался въ предѣлы Хивинскаго ханства по собственному усмотрѣнію и на свою отвѣтственность. Однако же, въ виду замѣченной уже склонности составителей „матеріаловъ“ и ихъ руководителей, тщательно скрывать отъ будущаго исторіографа все рѣзкое или опрометчивое въ распоряженіяхъ Кауфмана, какъ это мы видѣли, напримѣръ, изъ пропусковъ въ знаменитомъ предписаніи объ истребленіи женъ и дѣтей іомудовъ,—мы приняли за правило: если матеріалы цитируютъ только выдержки изъ какого-либо предписанія, не приводя его цѣликомъ,—непремѣнно разыскать подлинникъ, въ томъ предположеніи, что именно въ опущенныхъ строкахъ и заключается самое главное, такъ сказать, ключъ къ разгадкѣ событій.

Документъ этотъ найденъ въ секретномъ дѣлѣ штаба Турке-

станскаго военнаго округа 1871 года подъ № 1 „Объ экспедиціи къ Хивѣ“, гдѣ на л. 171—174 подшито предписаніе отъ 12 сентября 1873 г. № 2637.

Приведемъ самое существенное изъ выкинутаго Кауфманомъ, оставляя въ сторонѣ его совѣты, относительно выполненія данной имъ программы.

Главная суть заключается въ слѣдующемъ: „Въ дѣйствіяхъ вашихъ на лѣвомъ берегу Аму, внутри Хивинскаго ханства, ваше высокоблагородіе ограничитесь наказаніемъ туркменъ-іомудовъ Байрамъ-Шалы, которые отказались внести наложенную на нихъ мною пеню, и Кара-Чоха, на которыхъ, въ бытность мою еще въ укр. Петро-Александровскомъ, поступила жалоба со стороны персіянъ, освобожденныхъ рабовъ, что кара-чохинцы произвели около Сарыкамыша нападеніе на ихъ партію, слѣдовавшую отъ Куня-ургенча, чрезъ Сарыкамышъ къ Красноводску“. Далѣе рекомендуется сначала убѣдиться, что персіяне не врутъ, что они сами не подавали повода къ нападенію и что виноваты дѣйствительно кара-чохинцы, а не другіе роды. Набѣгъ рекомендовался весенній.—Для разгрома же байрамъ-шалынцевъ рекомендовалась зима и переходъ по льду. Идти предлагалось на Хазаватъ и Змушкиръ (т. е. Измухширъ). Здѣсь опять встрѣчается мѣсто, которое необходимо привести цѣликомъ: „Проходя отъ Хазавата до Змушкира и обратно по землямъ туркменъ іомудовъ, ваше высокоблагородіе имѣете распорядиться, чтобы войска на пути своемъ предавали бы все и вся огню и мечу. Наказаніе должно быть примѣрное, жестокое, дабы дать почувствовать имъ всю тяжесть кары за неисполненіе нашихъ требованій и произвести впечатлѣніе на остальные роды туркменъ. Знакомство съ туркменами показало намъ, что они другого языка не понимаютъ“.

Итакъ, на повѣрку оказывается, что Ивановъ не самовольно громилъ туркменъ и вторгался въ предѣлы чужого государства, а дѣйствовалъ по точному предписанію Кауфмана. Несчастныхъ іомудовъ Кауфманъ, очевидно, хотѣлъ истребить до тла, приказывая предать мечу и огню „все и вся“...

Объ этомъ предписаніи зналъ, повидимому, только начальникъ походнаго штаба генералъ Троцкій, но копію не сообщилъ ни въ штабъ округа, ни генералу Колпаковскому, оставшемуся за Кауфмана управлять краемъ во время обычной поѣздки послѣдняго за тріумфомъ въ Петербургъ *). Ничего не зная о полномочіяхъ, данныхъ Иванову, Колпаковскій естественно недоумѣ-

*) Послѣ каждой своей экспедиціи, каковы Самаркандская, Хивинская и Коканская, Кауфманъ обязательно выѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ и сидѣлъ подолгу, вызывая нареканія въ русскихъ газетахъ.

валъ по поводу дѣйствій этого полковника, что выразилось и въ его донесеніяхъ военному министру.

По поводу этихъ донесеній Кауфманъ, наконецъ, вынужденъ былъ послать Колпаковскому изъ Петербурга (отношеніе походнаго штаба отъ 29 октябр. 1874 г. за № 1890) три копіи съ предписаній его Иванову.

Кауфманъ писалъ слѣдующее: „Усматривая изъ донесеній вашихъ г-ну военному министру, что ваше превосходительство не имѣете копіи съ инструкцій, данныхъ мною начальнику Амударьинскаго отдѣла въ прошломъ году, я считаю необходимымъ для свѣдѣнія и руководства вашего препроводить къ вашему превосходительству двѣ копіи съ предписаній моихъ полковн. Иванову отъ 12 и 20 сентября минувшаго года за №№ 2637 и 2748 и копію съ предписанія, отправленнаго ему, вмѣстѣ съ симъ, отъ 29 октября за № 1891“.

Отношеніе это съ приложеніями Колпаковскій получилъ только 3 декабря 1874 г. и передалъ въ штабъ, надписавъ слѣдующую резолюцію: „руководствоваться приложенными инструкціями, о содержаніи которыхъ мнѣ до настоящаго времени не было известно“.

Изъ предписанія Иванову отъ 20 сентябр. 1873 г. касательно разграбленія текинцами громовскаго каравана, интересно только слѣдующее мѣсто: „Разрѣшаю вамъ передать чрезъ Матніяза или сообщить отъ себя письмомъ хану, чтобы онъ объявилъ своимъ туркменамъ, что если они будутъ ему полезны и помогутъ ему уничтожить враждебныя шайки текинцевъ, то ханъ будетъ ходатайствовать предо мною о сложеніи съ туркменъ дальнѣйшей контрибуціи, вообще о прощеніи ихъ и о возвращеніи ихъ старшинъ. Сообщите хану, что я въ семъ случаѣ удовлетворю его ходатайство, такъ какъ вѣрная служба ему туркменъ будетъ служить мнѣ удостовѣреніемъ и успокоеніемъ за хорошее поведеніе туркменъ въ будущемъ“.

Изъ третьяго предписанія фонъ-Кауфмана отъ 29 окт. 1874 г. за № 1891 видно, что уже поднятъ былъ вопросъ о занятіи всего ханства.

„Мнѣ доложены начальникомъ штаба, представленныя вашимъ высокоблагородіемъ копіи съ письма вашего ген. Колпаковскому, перевода письма хана хивинскаго, вашего отвѣта къ нему и прокламаціи къ туркменскимъ родамъ Хивинскаго оазиса. Свѣдѣнія, заключающіяся въ упомянутыхъ документахъ, неблагопріятны. Положеніе дѣлъ въ ханствѣ—безотрадное; туркмены не успокаиваются. Годъ испытанія, какъ видно, не привелъ туркменскаго дѣла на Хивинскомъ оазисѣ къ желаемому результату. Ханъ открыто сознался въ своемъ безсиліи и невозможности привести къ порядку подвластныхъ ему туркменъ. Не отрицая вполнѣ пред-

положенія вашего выс-дія, выраженнаго въ письмѣ ген. Колпаковскому, что событія въ Хивинскомъ ханствѣ, быть можетъ, приведутъ насъ къ заключенію о необходимости прекращенія автономіи Хивинскаго ханства, я въ настоящее время нахожу возможнымъ возбудить этотъ вопросъ и представить его на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе верховнаго правительства.

„Въ какомъ смыслѣ вопросъ этотъ можетъ быть и будетъ разрѣшенъ высшимъ правительствомъ, я въ данную минуту не имѣю возможности сдѣлать даже и предположенія. На случай же разрѣшенія моего представленія въ положительномъ смыслѣ, я васъ прошу представить мнѣ ваши соображенія о томъ: какія потребуются военныя силы и средства, а также какимъ именно способомъ предполагали бы вы разрѣшить вопросъ о занятіи нами Хивы и всей остальной части Хивинскаго ханства.

„Я полагаю, однако, что во всякомъ случаѣ, если бы даже и разрѣшено было верховнымъ правительствомъ занятіе нами лѣваго берега Аму-дарьи, то исполненіе сего можетъ быть осуществлено не ранѣе осени наступающаго 1875 года. До тѣхъ же поръ, вамъ придется строго держаться, по отношенію къ дѣламъ на лѣвомъ берегу, системы дѣйствій, которая была преподана вамъ мною въ личныхъ указаніяхъ и письменныхъ инструкціяхъ и которую вы съ такимъ успѣхомъ практиковали до настоящаго времени, т. е.: если отправленныя вами къ туркменскимъ родамъ Хивинскаго оазиса прокламаціи не будутъ имѣть эффекта, останутся безъ послѣдствій, и они будутъ продолжать вести себя въ томъ же духѣ и направленіи, какъ прошлую зиму, тогда вашему выс-дію придется снова произвести набѣгъ на лѣвый берегъ, въ кочевья туркменъ, для разгрома и жестокаго ихъ наказанія. Въ дѣйствіяхъ вашихъ въ данномъ случаѣ, вы имѣете руководиться моими предписаніями по этому поводу и опытомъ поиска, вполнѣ успѣшно произведеннаго вами въ январѣ сего 1874 года.

„Быть можетъ, что подобный набѣгъ, если его нельзя избѣжать, дастъ такіе результаты, что не будетъ надобности торопиться занятіемъ ханства.

„Главнымъ поводомъ къ набѣгу вашему на лѣвый берегъ можетъ быть, конечно, переходъ грабительскихъ шаекъ на нашу сторону, какъ то изложено въ предписаніи ген. Колпаковскаго по сему предмету, но я допускаю возможность предупрежденія перехода этихъ шаекъ на нашъ берегъ, если бы вы могли положительно убѣдиться заранѣе въ рѣшимости туркменъ тревожить русскихъ подданныхъ. Въ такомъ случаѣ, вамъ разрѣшается дѣйствовать наступательно, имѣя этимъ въ виду всѣми мѣрами оградить населеніе праваго берега отъ тревоги и грабежей туркменскихъ шаекъ“.

Представленіе Кауфмана объ окончательномъ занятіи Хивы однакоже встрѣтило сильный отпоръ въ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, который прежде всего призналъ, что положеніе дѣлъ въ ханствѣ „не настолько критическо“, во-вторыхъ, сослался на высочайшую волю „о непремѣнномъ сохраненіи самостоятельности Хивы, хотя бы при помощи нашей военной силы для обузданія туркменовъ“. Сообщая объ этомъ въ письмѣ отъ 10 ноября 1874 г. за № 12, военный министръ генер.-адъют. Милютинъ пишетъ Кауфману еще слѣдующее: „съ своей стороны, я раздѣляю мнѣніе м-ва ин. дѣлъ. Я не могу не обратить прежде всего вниманія на тотъ фактъ, что собственно въ предѣлахъ нашего Аму-дарьинскаго отдѣла безпорядковъ почти совершенно не происходитъ. Возникающія же волненія внутри Хивинскаго ханства не имѣли до сихъ поръ характера общаго возстанія противъ хана или такого междоусобія среди хивинцевъ, въ которомъ были бы затронуты наши непосредственные интересы. Такимъ образомъ во многихъ случаяхъ, для насъ возможно было бы держаться болѣе нейтральнаго положенія относительно Хивы“. Далѣе Милютинъ приводитъ соображеніе, что даже „временные походы наши на лѣвый берегъ Аму-дарьи, все-таки для насъ будутъ менѣе обременительны, нежели присоединеніе Хивы къ предѣламъ имперіи, что-какъ вашему пр-ву извѣстно, противорѣчило бы видамъ правительства“.

Итакъ, злополучнаго хивинскаго хана отстояли два министра: Горчаковъ и Милютинъ, предоставивъ Иванову только наказывать туркменъ...

Мы видѣли уже, что Ивановъ не преминулъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ и положительно безъ всякаго основательнаго повода произвелъ набѣгъ въ январѣ 1875 года „на ту сторону“, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Туркмены очевидно сознали, что бороться съ русскими имъ не подъ силу, и присмирѣли. А послѣ пораженія текинцевъ Скобелевымъ и въ особенности послѣ присоединенія Мерва степные разбои вовсе прекратились. О текинцахъ у насъ стали заботиться съ 1875 г., когда они, вмѣсто 4-хъ хановъ и одного ишана, избрали одного главнаго Нурверди. Разграбленіе текинцами іомудовъ и нѣсколькихъ каравановъ, шедшихъ къ Каспію, дало мысль двумъ начальникамъ передовыхъ отрядовъ: Иванову и Ломакину вмѣшаться въ дѣла текинцевъ. Кавказское начальство задумало уже ахалъ-текинскую экспедицію и принимало мѣры чтобы устранить вмѣшательство туркестанскихъ властей...

Военный министръ на представленія Кауфманомъ соображеній Иванова о необходимости вмѣшательства во внутреннія дѣла

текинцевъ замѣтилъ, что мелкіе грабежи не представляютъ чего-либо исключительнаго и что „намъ нѣтъ никакой надобности принимать на себя роль полиціймейстеровъ среди сосѣдняго намъ кочевого населенія, что могло бы повести къ нескончаемымъ столкновеніямъ, которыя въ настоящее время правительство желаетъ избѣгнуть". (Предписаніе Кауфмана изъ Петербурга 23 янв. 1876 г. № 47. Дѣло № 12 строев. отд.).

Въ награду за свои заботы о Хивѣ Ивановъ былъ произведенъ 4 апрѣля 1876 г. въ генералы, но въ маѣ получилъ запрещеніе сноситься съ текинцами даже черезъ хивинскаго хана...

Зато, когда кавказское начальство затѣяло „съ ученой цѣлью" новую рекогносцировку отъ Красноводска, чрезъ Сарыкамышъ для нивеллировки стараго русла Аму-дарьи и разслѣдованія возможности повернуть Аму-дарью въ Каспійское море, Кауфманъ, въ свою очередь, протестовалъ противъ намѣренія кавказцевъ устроить свое укрѣпленіе на лѣвомъ берегу рѣки Аму, возлѣ Куня-ургенча. Понятно, что все вліяніе на Хивинское ханство перешло бы тогда къ Кавказу. Въ дѣлѣ № 12 нѣтъ копіи съ письма Кауфмана къ Милютину, и потому доводы противъ кавказскаго посягательства на Хиву „съ ученой цѣлью" остались намъ неизвѣстны покуда, но на листахъ 143—147 есть копія съ другого письма, отъ 25 сентября 1876 г., въ которомъ между прочимъ говорится:

„Не могу скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что по моему мнѣнію возбужденное состояніе хивинскаго хана и его недовѣріе къ своей силѣ есть послѣдствіе той мѣры, которая ему сдѣлалась извѣстною и противъ которой я имѣлъ честь высказаться въ письмѣ къ вамъ; я говорю о занятіи нами укрѣпленнаго пункта на территоріи ханства вблизи Куня-ургенча".

Еще въ концѣ 1875 г. Ломакинъ сходилъ изъ Красноводска на Атрекъ, но рекогносцировка обошлась безъ выстрѣла. Никакой ученой экспедиціи и въ проектѣ какъ будто не было. Но какъ только телеграфъ принесъ извѣстіе о присоединеніи Коканскаго ханства къ Россіи 8 февраля 1876 г., аппетиты „передовыхъ отрядовъ" красноводскаго и петро-александровскаго тотчасъ разыгрались. Иванову и Ломакину, конечно, могло показаться, что прежнее запрещеніе предпріимчивости снято. Полетѣли отъ обоихъ соотвѣтствующіе рапорты и письма по начальству. Ломакинъ писалъ 21 февраля за № 417 къ начальн. кавказскаго горскаго управленія, что необходимо исполнить, предначертанное намѣстникомъ Кавказа движеніе отряда въ Ахалъ-теке и ссылался на письменное заявленіе Сафи-хана, что „пока знамя великаго Акъ-падишаха не не будетъ развѣваться въ Теке, до тѣхъ поръ порядка и спокойствія въ этихъ степяхъ не будетъ и грабежи не прекратятся".

Когда экспедиція въ Ахалъ-теке не встрѣтила поддержки въ Петербургѣ, — кавказское начальство тотчасъ затѣяло ученую экспедицію къ Хивѣ. Первое извѣстіе о ней отъ Ломакина послано Иванову 1 мая, а 22 іюня посланы и подробности, съ просьбой заготовить въ Куня-ургенчѣ, для красноводскаго отряда, 1,600 п. муки, 500 п. рису, 40 п. масла коровьяго, 60 п. соли, 25 п. луку, 8 п. чесноку, 2,700 п. ячменя, 100 быковъ или 600 барановъ. Все это должно быть заготовлено къ концу августа. Толчекъ былъ данъ, повидимому, запиской ген.-маіора Стебницкаго о необходимости изслѣдованія узбоя. 23 мая Ломакинъ получилъ изъ кавказскаго окружнаго штаба слѣдующую телеграмму: „вамъ послана инструкція дѣйствій текущемъ году. Отрядъ: шесть ротъ, сотня, артиллерія. Цѣль: обводненіе пути до Сарыкамыша, выборъ мѣста укрѣпленія, нивеллировка стараго русла. Войска на зиму возвратятся Красноводскъ. Оказій пока не посылать. По приходѣ на мѣсто довольствіе будете пріобрѣтать въ ханствѣ“.

Въ инструкціи Ломакину предписывалось: „въ пространствѣ между Сарыкамышемъ и предѣлами ханства, приступить лично къ осмотру мѣстности для выбора пункта подъ укрѣпленіе и факторію“ (л. 121 об. дѣла № 12). Топографы и техники по бурeнію попутныхъ колодцевъ подчинены были полк. Петрусевичу. Ивановъ, конечно, строго попросилъ хана распорядиться насчетъ заготовки въ Куня-ургенчѣ продовольствія, а самъ задумалъ выступить съ предложеніемъ о присоединеніи Хивы къ Россіи.

30 августа 1876 г. онъ пишетъ, съ отмѣткою „оч. секретно“ письмо къ Кауфману за № 3305 (л. 138—141 дѣла № 12) такого содержанія: „Милостивый государь, Константинъ Петровичъ. Дѣла въ сосѣднемъ ханствѣ принимаютъ такой оборотъ, что весьма вѣроятно ожидать въ скоромъ времени или какой-нибудь катастрофы, въ которую намъ придется вмѣшаться, или заявленій съ различныхъ сторонъ о принятіи ханства въ русское подданство. Считая оба подобные исхода одинаково возможными, я нахожу нужнымъ заблаговременно испрашивать по настоящему вопросу указаній и приказаній вашего высокопревосходительства, такъ какъ взглядъ высшаго правительства на этотъ вопросъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ.

„Въ рапортѣ отъ 9-го августа за № 3100 я имѣлъ честь вамъ докладывать, что ханъ хивинскій настоятельно просилъ повидаться со мною и что я, дабы исполнить его желаніе, предложилъ ему выѣхать въ Ханки, куда и обѣщалъ подъѣхать на пароходѣ во время предстоявшей мнѣ рекогносцировки верхняго теченія Аму-дарьи. Свиданіе мое съ ханомъ состоялось 18-го числа этого мѣсяца. Первоначально ханъ завелъ разговоръ о дви-

женіи красноводскаго отряда къ Аму-дарьѣ, о предположеніи выстроить крѣпость съ русскимъ гарнизономъ въ его владѣніяхъ, о намѣреніи нашемъ пустить воду по старому руслу и т. д. Говоря объ этихъ вопросахъ, ханъ видимо старался дать понять, что ему не нравятся подобныя предпріятія, что пропускъ воды въ старое русло гибельно подѣйствуетъ на земли дельты и вообще сѣверной части ханства и т. п. Въ отвѣтъ я старался успокоить хана и заявилъ ему, что движеніе красноводскаго отряда производится по волѣ государя, съ единственною цѣлію устроить и обезопасить торговую дорогу, которою постоянно двигаются караваны, что если въ сѣверной части этой дороги и будетъ выстроена крѣпость съ нашимъ гарнизономъ, то только для того, чтобы спокойствіе на дорогѣ было полное; что о пропускѣ воды изъ Аму-дарьи по старому руслу, пока и разговора нѣтъ, а что съ красноводскимъ отрядомъ пріѣдутъ ученые люди, которые осмотрятъ рѣку и обсудятъ возможность пропуска воды по Лаудану, и что если это окажется возможнымъ и не принесетъ вреда землямъ ханства и нашего берега,—то во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ привести предпріятіе пропуска воды въ исполненіе, объ этомъ заявятъ хану и посовѣтуются съ нимъ.

„Покончивъ вопросъ по движенію красноводскаго отряда и ученой коммиссіи, ханъ перевелъ разговоръ на свое безсиліе, какъ хана, держать въ порядкѣ ханство, заявляя, что туркмены, въ особенности іомуды, его не слушаютъ, дѣлаютъ ему дерзости: не смотря на всѣ требованія и настоянія, не платятъ ни ему, хану, салгытной подати, ни тѣхъ денегъ, которыя остались за ними, по наложенной вашимъ высокопревосходительствомъ контрибуціи; заявилъ, что у него нѣтъ средствъ, чтобы заставить туркменъ слушать себя, нѣтъ денегъ, чтобы имѣть нужное количество войскъ, съ помощію которыхъ онъ могъ бы усмирить и подчинить себѣ туркменъ. Высказавъ подобныя фразы, ханъ добавилъ, что онъ лично душею и сердцемъ преданъ Государю и готовъ исполнять всѣ повелѣнія; что онъ вполнѣ понимаетъ и цѣнитъ ту милость, которая ему сдѣлана, когда послѣ того, какъ онъ убѣжалъ изъ Хивы въ 1873 г., ваше высокопревосходительство не только вызвали его назадъ и обласкали, но и оставили владѣтелемъ ханства, поддерживая его власть и значеніе силою оружія войскъ, расположенныхъ на правомъ берегу. Въ виду своего безсилія надъ туркменами, ханъ спрашивалъ моего совѣта написать письмо къ вашему высокопревосходительству, въ которомъ просить: или чтобы у него въ ханствѣ держали постоянно русскія войска, которыми бы онъ могъ наказывать туркменъ, или чтобы ему дали денегъ для той же цѣли, или наконецъ, чтобы его величество государь императоръ взялъ ханство въ свою полную власть, а ему, хану, съ его семействомъ назна-

чилъ содержаніе. На подобное заявленіе хана я затруднился дать отвѣтъ, кромѣ того, какъ „пишите и что отъ воли государя будетъ зависѣть исходъ вашей просьбы“.

„Не знаю рѣшился ли ханъ на подобный рѣшительный шагъ, но видимо, что высказавъ его, онъ испугался, потому что началъ меня спрашивать: „Если государю угодно будетъ взять ханство, гдѣ мнѣ разрѣшатъ жить? Оставятъ ли меня здѣсь? Какъ велико дадутъ мнѣ содержаніе? Достаточно ли оно мнѣ и семьѣ моей будетъ?“ и т. п. Понятно, что на всѣ подобные вопросы я могъ отвѣчать только одно: что русскій государь не обижаетъ даже такихъ людей, которые осмѣливаются идти противъ него, какъ, наприм., беки Шаара и Китаба, и что понятно, если его величеству угодно будетъ милостиво отнестись къ просьбѣ хана, то и онъ, какъ человѣкъ, преданный государю, не будетъ обиженъ.

„Видя волненіе хана и успокоивъ его, я счелъ полезнымъ посовѣтовать ему, прежде хорошенько обдумать свою мысль, но отнюдь не разглашать и не сообщать никому; если вздумаетъ писать подобное письмо, то чтобы и письмо это не довѣрялъ мирзѣ, а писалъ собственноручно, во избѣжаніе всякихъ лишнихъ толковъ и разговоровъ.

„Ханъ уѣхалъ, но до настоящаго времени письма, о которомъ выше была рѣчь, я пока не получалъ.

„Вернувшись изъ своей поѣздки вверхъ по Аму-Дарьѣ, 27 числа,—я нашелъ въ Петро-Александровскѣ двухъ туркменъ съ лѣваго берега, представившихъ мнѣ два письма отъ старшинъ туркменскихъ родовъ іомудовъ и имралы; копіи съ переводовъ этихъ писемъ при этомъ имѣю честь вашему высокопревосходительству представить. Одно изъ писемъ за 8 печатями старшинъ, другое печатей не имѣетъ. Содержаніе писемъ почти одинаково: въ одномъ жалуются на хана и его правительства за различныя притѣсненія, которыя имъ, туркменамъ, дѣлаются, и что русская власть допускаетъ дѣлать это, вѣря во всемъ только хану; просятъ разрѣшить имъ по дѣламъ обращаться ко мнѣ помимо хана и для этого ѣздить сюда; въ другомъ, болѣе кратко изложенномъ, но безъ печатей, просятъ: или дозволить имъ откочевать изъ ханства, или подчинить ихъ себѣ. Не отвѣчая на письма на бумагѣ, я поручилъ людямъ, доставившимъ письма, сказать отъ меня старшинамъ, что изложенную ими просьбу я представлю вашему высокопревосходительству, но что, такъ какъ туркмены подданные хана хивинскаго, котораго русская власть признаетъ, какъ хана, то я не имѣю права имѣть съ туркменами помимо хана никакихъ сношеній и что вслѣдствіе этого не могу дозволить имъ по дѣламъ обращаться прямо ко мнѣ; что туркмены, жалуясь на хана, и сами не могутъ сказать, что ведутъ себя справедливо

и честно, чему примѣромъ служитъ ихъ частое неповиновеніе хану и тѣ грабежи, къ которымъ они допускаютъ своихъ родичей.

„Вышеприведенный разговоръ съ ханомъ и заявленія въ письмахъ туркменъ, хотя весьма различныя между собою по тону, имѣютъ тѣмъ не менѣе большую связь и общность; и съ той, и съ другой стороны высказывается мысль одна: присоединеніе ханства къ Россіи; не слѣдуетъ ли воспользоваться этими обстоятельствами и теперь же порѣшить этотъ вопросъ, къ которому мы неизбѣжно должны рано или поздно придти, т. е. присоединить ханство къ имперіи и теперь же занять его?

„Смѣю высказать вашему высокопревосходительству, что настоящее положеніе ханства дѣйствительно не нормально; положимъ, жалоба туркменъ во многомъ неосновательна; если ханъ хивинскій и казнилъ нѣсколькихъ изъ ихъ людей, то не безъ причинъ; если чиновники хана перебрали деньги, то не такъ много, какъ они, туркмены, заявляютъ; тѣмъ не менѣе положеніе туркменъ тяжело; они не могутъ заставить себя покоряться тамъ, гдѣ они привыкли властвовать, подчиняться той власти (сартамъ, какъ они говорятъ, съ видимымъ презрѣніемъ въ письмѣ), которую они признаютъ безсильною, и не могутъ уважать потому.

„Ханъ безсиленъ, онъ самъ это сознаетъ и высказываетъ; если онъ все время справляется какъ-нибудь съ дѣлами, то только благодаря нашей силѣ и поддержкѣ. Періодическія движенія ввѣреннаго мнѣ отряда на лѣвый берегъ въ 1874 и 75 г. поддерживали его власть надъ туркменами; достаточно было въ нынѣшнемъ году не пойти, чтобы ханство расклеилось. Пойти снова отряду не трудно; нужно думать что и опять движеніе, если оно было бы предпринято, произвелось бы, какъ и въ 1875 году, безъ выстрѣла, но мнѣ кажется, что отъ подобныхъ движеній достигается не польза нашимъ интересамъ, а прямой вредъ. Умудренные горькимъ опытомъ, туркмены понимаютъ, что съ русскими войсками имъ тягаться не подъ силу, а потому съ 74 года они ни разу не позволили себѣ какой-либо дерзкій поступокъ прямо противъ насъ; наши войска, являясь въ ханство защитниками хивинскаго правительства, которое туркмены ненавидятъ,—волей-неволею озлобляютъ ихъ противу насъ,—насъ, которымъ они сами, охотно, какъ видно изъ приложенныхъ писемъ, желаютъ и готовы подчиниться.

„Такъ какъ присоединеніе ханства къ Россіи должно рано или поздно состояться и этотъ вопросъ не можетъ подлежать сомнѣнію, то остается только найти удобное къ тому время; время это, по моему мнѣнію, настало.

„Считалъ моимъ долгомъ высказать вашему высокопревосходительству свои взгляды на данный вопросъ, а затѣмъ ожидаю

указаній, какъ поступать, если заявленія, подобныя сдѣланнымъ туркменами, будутъ повторяться.

„Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга (подписалъ) Н. Ивановъ".

Въ отвѣтъ на это, Кауфманъ предложилъ Иванову снова сходить на ту сторону, а самъ написалъ военному министру письмо отъ 25 сентября, изъ котораго мы привели уже одну выдержку насчетъ Куня-ургенча. Кауфманъ писалъ еще, что не можетъ безусловно согласиться съ мнѣніемъ Иванова насчетъ присоединенія ханства, такъ какъ это вызоветъ большіе расходы.

Нѣтъ сомнѣнія, однако что присоединеніе Хивы въ данную минуту не вызвало бы никакихъ усложненій ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ, такъ какъ и самую иниціативу этого дѣла можно было предоставить хану. Расходы занятія покрыла бы сама Хива. Достаточно было бы перевести гарнизонъ Петро-Александровска въ столицу ханства, а на его мѣсто прислать изъ Самарканда новый баталіонъ.

Обошлось бы это не очень дорого, а сберегло бы намъ немало денегъ во время ахалъ-текинской экспедиціи, такъ какъ переставшая быть независимою Хива уже не поддерживала бы упорства туркменовъ.

Конечно, занимать Хиву въ 1877 г. было уже поздно, такъ какъ у насъ на рукахъ была уже война съ Турціей; но тѣмъ болѣе жаль, что этого не сдѣлано было въ 1875 или 1876 г., одновременно съ занятіемъ Кокана... Просьбу хана о занятіи его столицы русскимъ гарнизономъ слѣдовало поддержать. Это не было бы присоединеніемъ ханства къ Россіи, но мысль Петра I о русской гвардіи при ханѣ была бы осуществлена. Черняевъ или даже Абрамовъ не пропустили бы такого случая и, конечно, не стали бы спрашивать позволенія. Припомнимъ, что 1875—76 годы были временемъ политики „свободы дѣйствій" или развязанныхъ рукъ, провозглашенной кн. Горчаковымъ. Черняевъ взялъ Ташкентъ, Абрамовъ взялъ Яны-Курганъ, а знаменитый Невельской занялъ устье Амура совершенно безъ всякаго разрѣшенія и вполнѣ самовольно и что же? Одинъ получилъ брилліантовую шпагу, другой—слѣдующій чинъ, а Невельскому воздвигнутъ памятникъ! И великаго Суворова хотѣли предать суду за такое же самоволіе, но великая Екатерина сказала: „побѣдителя не судятъ" и наградила своего вѣрнаго слугу.

Англичане также многими своими пріобрѣтеніями обязаны частной предпріимчивости, а за нами такого же права признать не хотѣли.

Между тѣмъ красноводскій отрядъ выступилъ 5 августа, а 30-го вступилъ въ хивинскіе предѣлы, причемъ 130 верстъ безвод-

наго пространства молодые солдаты, изъ коихъ состоялъ отрядъ, прошли образцово. На кол. Дехча Ломакина ждало посольство отъ хана съ подарками и сластями на 50 верблюдахъ (это до 600 пудовъ). Ломакинъ роздалъ бухарскимъ посланцамъ и прислугѣ 150 червонцевъ и приступилъ къ буренію колодцевъ на безводныхъ переходахъ. 5 сентября онъ сталъ на кол. Салахъ-Бентъ, въ 35 верстахъ отъ Куня-ургенча. Сюда прибылъ къ нему, съ конвоемъ изъ 25 казаковъ, при 1 ракетномъ станкѣ, и генералъ Ивановъ.

Ученая экспедиція, какъ извѣстно, безводныхъ переходовъ не обводнила, Аму-дарьи не свернула и крѣпости на границѣ Хивы не воздвигла. Однако Ивановъ не преминулъ воспользоваться позволеніемъ и, сообщивъ по начальству о появленіи воровскихъ шаекъ на нашей сторонѣ, вопреки увѣренію полк. Петрусевича, что онъ никакихъ шаекъ не видалъ,—Ивановъ дождался морозовъ и 29-го января 1877 года перешелъ по льду на лѣвый берегъ Аму-дарьи, съ 4 ротами, 1 сотней, 4 орудіями и 4 ракетными станками. 1-го февраля, въ Газаватѣ, состоялось свиданіе съ ханомъ. Пройдя опять по іомудскимъ поселеніямъ, безъ выстрѣла, отрядъ вернулся 12 февраля въ Петро-Александровскъ.

Въ рапортѣ отъ 15 февраля № 727 Ивановъ изложилъ по поводу этого похода и своихъ впечатлѣній всѣ доводы въ пользу прежняго своего представленія. Это былъ, въ своемъ родѣ, обвинительный актъ противъ хана. Мы изложимъ обвиненія вкратцѣ: 1) Хана не слушаются и не боятся не только туркмены, но и высшіе его сановники. 2) Воровъ и грабителей хивинскіе чиновники не ловятъ. 3) Денежные расчеты хана съ туркменами невозможно распутать, благодаря нечестности сборщиковъ. 4) Безсильный сосѣдъ крайне вреденъ для насъ своею бездѣятельностію. 5) Расчетовъ по ограбленію нашихъ подданныхъ хивинцами добиться невозможно и нашъ авторитетъ падаетъ. 6) Если взять это дѣло въ свои руки „и безъ разбора бить и жечь всѣхъ туркменъ или тѣхъ, на кого укажетъ ненадежное и нечестное правительство Хивы, нашъ ореолъ справедливости, которымъ мы, русскіе, главнымъ образомъ и сильны въ Средней Азіи, упадетъ и потускнѣетъ въ глазахъ всего населенія". Изъ этихъ обвинительныхъ пунктовъ Ивановъ дѣлаетъ такой выводъ: „однимъ словомъ, съ которой стороны на дѣло ни смотрѣть, отовсюду исходъ одинъ – наивозможно скорѣйшее занятіе ханства, и это единственная мѣра, на которую я могу указать и которою можетъ устраниться настоящее ненормальное и тяжелое для всѣхъ положеніе".

При рапортѣ Ивановъ приложилъ и переводъ прошенія іомудовъ, полученнаго имъ во время прогулки на т о й с т о р о н ѣ. Оригинальныя сравненія соблазняютъ помѣстить его здѣсь, хоть ради курьеза:

„Просьба іомудскаго народа къ начальнику, поставленному отъ Бѣлаго Царя, слѣдующая:

„Нашъ ханъ сдѣлался подобенъ тигру, сановники—подобны свиньямъ, а старшины — подобны волкамъ. Защитите бѣдныхъ жителей, подобныхъ баранамъ, избавьте ихъ отъ этихъ взяточниковъ и хитрыхъ людей... Боясь вашего наказанія, мы дрожимъ, подобно камышу, не зная покоя... Окажите намъ справедливость,—и наши мысли будутъ подобны птицамъ, летающимъ на крыльяхъ“...

Представляя копію рапорта Иванова военному магистру, Кауфманъ оговорился, что „настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ таково, что я не рѣшаюсь предложить этой послѣдней мѣры, которая несомнѣнно потребуетъ и усиленія войскъ“, но что однако занятіе ханства не представитъ никакого затрудненія въ какое угодно время и потому можетъ быть предпринято въ каждую минуту, когда его величеству благоугодно будетъ повелѣть это“. Въ отвѣтъ на это 19 мая за № 185, военный министръ далъ Кауфману такое предписаніе:

„Содержаніе рапорта вашего высокопревосходительства отъ 23 минувшаго марта за № 2,469, о мѣрахъ, принятыхъ въ Амударьинскомъ отдѣлѣ къ обезпеченію спокойствія въ краѣ и въ предѣлахъ хивинскаго Ханства, доложено государю императору. При этомъ, въ виду представленнаго бывшимъ начальникомъ отдѣла ген.-маіор. Ивановымъ соображенія относительно занятія нами всего Хивинскаго ханства его величество соизволилъ повелѣть подтвердить тому лицу, которое замѣститъ его въ званіи начальника отдѣла, прежнее положительное высочайшее повелѣніе, чтобы не допускать никакихъ дѣйствій или распоряженій, которыя могли бы привести къ необходимости занятія Хивы нашими войсками, такъ какъ подобное дѣйствіе было бы совершенно противно видамъ государя императора въ настоящее время“.

Послѣ такого окрика: „руки прочь“, а главное, послѣ смѣны Иванова, аппетиты сразу исчезли и невозможное будто бы существованіе Хивы тянется благополучно вотъ уже третій десятокъ лѣтъ, даже безъ походовъ по льду на ту сторону!

Съ отозваніемъ Иванова и дѣла въ ханствѣ поправились, такъ какъ власть хана, подавляемая высокомѣріемъ сары-сакала (желтобородаго—такъ звали Иванова туземцы), опиравшагося на обширныя полномочія и довѣріе Кауфмана, — тотчасъ выросла. Преемники Иванова, въ виду непреложной воли Государя, не позволяли уже себѣ прежняго повелительнаго тона съ ханомъ, что, конечно, тотчасъ было замѣчено сановниками и перешло въ народъ.

Передовой отрядъ и его прогулки на ту сторону не сопро-

вождались почти никакими потерями, а награды вели за собой порядочныя: Ивановъ въ 1873 г. былъ подполковникомъ, а въ апрѣлѣ 1876 генераломъ.

Справедливость требуетъ указать, что предпочитая прямо занять Хивинское ханство, вмѣсто того, чтобѣ ходить на военныя прогулки, Ивановъ, хотя въ первую свою „прогулку“ и жегъ поселки іомудовъ, безъ милосердія и разбора, въ угоду Кауфману, но затѣмъ, когда туркмены стали встрѣчать нашъ отрядъ съ хлѣбомъ-солью и потому жечь ихъ, истреблять и палить изъ пушекъ было уже нельзя, — онъ не стѣснялся докладывать Кауфману, что жечь и бить всѣхъ туркменъ безъ разбора несправедливо, что самыя „прогулки“, даже и безъ выстрѣла, причиняютъ намъ только вредъ, такъ какъ мы являемся защитниками ненавидимаго правительства и напрасно озлобляемъ противъ себя народъ, умоляющій насъ принять его въ наше подданство... Ивановъ даже смотритъ на туркменъ, „какъ на будущихъ русскихъ подданныхъ“ (письмо къ Кауфману отъ 16 февраля 1877 г.), до такой степени онъ былъ увѣренъ, что Кауфманъ съумѣетъ убѣдить государя въ необходимости присоединенія ханства къ Россіи.

Ввязавшись въ войну съ Турціей и не зная еще, какъ будетъ держать себя Англія, наше правительство, естественно, не хотѣло усложнять свое дѣло и давать Англіи поводъ къ неудовольствію. Понятно также и выраженіе Милютина о видахъ государя въ настоящее время...

... Стоитъ ли приводить всѣ глупости, печатавшіяся въ англійскихъ газетахъ по поводу занятія нами праваго берега Аму-Дарьи? Вздорные запросы, дерзкія, придирчивыя ноты англійскихъ дипломатовъ, ссылавшихся на какія-то обѣщанія тогдашняго русскаго посла, графа Шувалова, задали-таки работу нашему министру иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ концовъ выяснилось, что Шуваловъ, ради успокоенія взбудораженныхъ лавочниковъ, заявилъ имъ, что въ Хивѣ мы не останемся: накажемъ ее и уйдемъ. Но вѣдь мы такъ и сдѣлали: въ самой Хивѣ не остались, возстановили дерзкаго хана на престолѣ, взяли съ него контрибуцію, приставили къ нему караулъ, въ видѣ Аму-дарьинскаго отряда въ Петро-Александровскѣ и дали ему дядьку-воспитателя въ лицѣ Иванова. Тутъ и толковать не о чемъ. Обычные результаты успѣшной войны англичане не могутъ допустить для Россіи!.

Лавочники эти ведутъ свою линію смѣло и рѣшительно, не спрашиваясь русскихъ дипломатовъ и потому не связывая себя никакими обѣщаніями, которыя прямо-таки нельзя выполнить. Первымъ шагомъ ихъ, въ отвѣтъ на покореніе Хивы, было заключеніе союза съ кашгарскимъ бадаулетомъ Якубъ-бекомъ въ 1874 году. Затѣмъ неожиданно ни для кого они захватили Кветту, —

эти ворота въ Индію со стороны Герата. Затѣмъ воспользовались смутами въ Египтѣ, бомбардировали Александрію безъ объявленія войны и заняли Египетъ, въ которомъ и распоряжаются десятки лѣтъ, вопреки увѣреніямъ, что очистятъ страну по возстановленіи въ ней порядка... А мы, или вѣрнѣе наши, будто бы, дипломаты изъ камеръ-пажей, болтаемъ всякую чепуху, трубимъ о своихъ предпріятіяхъ заранѣе на всѣ четыре вѣтра! Передъ послѣдней турецкой войной лавочники также торговались о послѣдней нашей цѣнѣ и заручились обѣщаніемъ, что Константинополя мы брать не будемъ... Рано или поздно мы все-таки его возьмемъ, но это потребуетъ опять новыхъ сотенъ милліоновъ и новыхъ десятковъ тысячъ человѣческихъ жертвъ.

Явная трусость, обнаруживаемая англичанами, при каждомъ нашемъ шагѣ, даже не прямо къ Индіи (Хива, напримѣръ, совершенно въ сторонѣ, но покореніе ея обезпечиваетъ дальнѣйшіе шаги впередъ), конечно, должна была привести русскихъ къ мысли, что наши вѣчные соперники кричатъ не даромъ и что, вѣроятно, они лучше насъ знаютъ, въ чемъ именно заключается для нихъ опасность. Отсюда прямой выводъ: если англичане станутъ, при какомъ-нибудь случаѣ, въ явно враждебныя къ намъ отношенія,—надо попробовать пощекотать ихъ въ Индіи... Англичане щекотки боятся въ этомъ мѣстѣ.

Случай такой насталъ въ 1878 г. во время нашей войны съ Турціей за Болгарію и Сербію. Враждебныя демонстраціи англійскаго флота сначала въ Безикѣ, а потомъ въ Мраморномъ морѣ, куда нейтральнымъ входъ запрещенъ существующими трактатами, развязывали намъ руки, такъ какъ одно уже появленіе тамъ англійскихъ военныхъ судовъ должно было считаться нарушеніемъ нейтралитета и явнымъ присоединеніемъ къ нашему врагу. Профессоръ Ф. Мартенсъ, ссылаясь на книгу герцога Аграйля „The Eastern question“, приводитъ на стр. 76, свидѣтельство его о томъ, что въ началѣ 1878 года индійское правительство приготовило 30,000 войска для нападенія чрезъ Афганистанъ на Россію. Два капитана Буттлеръ и Непиръ были командированы къ туркменамъ для поднятія ихъ противъ Россіи. Очевидно, что своими разглагольствіями о нейтралитетѣ Афганистана англичане думали надуть насъ, и теперь злятся, что это не удалось.

Еще въ 1876 году мы вынуждены были присоединить къ Россіи Кокандское ханство и, не слѣдуетъ скрывать, сдѣлали это весьма охотно. Въ своемъ мѣстѣ читатель узнаетъ, какія выгоды представляетъ намъ обладаніе этимъ ханствомъ. Здѣсь же скажемъ, что это былъ, дѣйствительно, большой шагъ къ Индіи, но по неожиданности своей для насъ самихъ, англичане не успѣли даже разинуть ротъ для протеста.

Ни туркменскія пустыни, ни Мервъ не были еще въ 1878 году

нами заняты, тѣмъ не менѣе, мы могли уже, безъ особеннаго риска, идти къ Индіи. На границахъ выставлены были, назначенные въ походъ отряды: въ Ферганской области, въ Хивинскомъ оазисѣ и въ Джамѣ 60 ротъ, 26 сотенъ, 50 орудій и 12 ракетныхъ станковъ. Число людей—20,000 съ небольшимъ. Это, конечно, немного, но самихъ-то англичанъ, на 300 милліоновъ задавленнаго ими населенія, всего на всего 70,000, остальныя войска, изъ туземцевъ, составляютъ большой вопросительный знакъ. Словомъ: мы англичанъ не боимся, а они насъ боятся.

Вмѣстѣ съ выступленіемъ отрядовъ на границы, отправлено было и посольство съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ. Это былъ человѣкъ рѣшительный, бравшійся завоевать Хиву съ баталіономъ пѣхоты, когда стоялъ въ Красноводскѣ, рисковавшій производить дальнія рекогносцировки путей однимъ офицеромъ,—правда, что офицеръ-то былъ Скобелевъ. Ко всему этому Столѣтовъ говорилъ по-персидски.

Объ этомъ посольствѣ и его цѣляхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но само собою разумѣется, что оно послано было не для прогулки.

Англичане немедленно снарядили и свое посольство. Это у нихъ правило: на каждый шагъ нашъ они отвѣчаютъ тоже шагомъ впередъ. Для насъ это выгодно.

29-го іюля Столѣтовъ выѣхалъ торжественно въ Кабулъ, а черезъ 12 дней, т. е. 11-го августа, выѣхалъ обратно, оставивъ остальную миссію въ Кабулѣ. Эмиръ отказался принять англійское посольство. Надо замѣтить, что русское посольство прибыло послѣ огорченія, причиненнаго эмиру англичанами занятіемъ Кветты. Поэтому неудивительно, что русскихъ афганцы приняли съ распростертыми объятіями, а англичанъ не пустили. Наша миссія выступила изъ Афганистана только черезъ полгода, когда эмиръ Ширъ-али, ѣхавшій съ русскими въ Ташкентъ, умеръ 8 января 1879 г., въ самый разгаръ войны съ англичанами, изъ-за отказа принять англійское посольство...

Въ сентябрѣ 1878 г., Столѣтовъ вызванъ изъ Ташкента въ Ливадію. Берлинскій трактатъ былъ уже подписанъ и приготовленія къ войнѣ съ Англіей прекратились.

Кажется, дѣло простое: если англичане готовятся воевать съ нами, то и мы должны готовиться; если они считаютъ себя неуязвимыми на моряхъ, то мы должны искать уязвимое мѣсто, такъ сказать, Ахиллесову пяту. Мы ее давно нашли,—это Индія. Понятно, что сюда должны быть направлены и главные удары наши, не смотря ни на какіе броненосные пояса и буферы. Англичане опоясываютъ и свои броненосцы, по ватеръ-линіи, массивными стальными поясами, но это не значитъ, что броненосцы застрахованы отъ нашей артиллеріи и минъ. Точно также ничего

не значитъ и всякій поясъ изъ чужого живого мяса, которымъ англичане думаютъ спастись отъ нашихъ ударовъ.

Англичане однако же смотрятъ на этотъ вопросъ иначе: „мы будемъ бить васъ (т. е. русскихъ) на всѣхъ моряхъ, будемъ бомбардировать, безъ объявленія войны, ваши приморскіе города, а вы въ Индію ходить не смѣйте“. Все-таки, на этотъ разъ, они не рискнули объявить Россіи войну, а порѣшили покончить съ Афганистаномъ...

Война началась въ ноябрѣ 1878 года и кончилась тѣмъ, что новый эмиръ Якубъ-ханъ отказался отъ права вести переговоры мимо Англіи, допустилъ въ Кабулъ постояннаго повѣреннаго англійскаго, уступилъ Англіи часть территоріи съ Хайберскимъ и Мишинскимъ проходами. Англія обѣщала платить эмиру 6 лакъ рупій, т. е. около 550 т. рублей. Эмиръ сталъ такимъ же покорнымъ слугой англійской королевы, какъ хивинскій ханъ—нашего государя.

Мы не будемъ приводить здѣсь всѣ выходки англійскихъ газетъ по нашему адресу, насчетъ того, что Россія обѣщала не вмѣшиваться въ дѣла Афганистана, не стараться вовлечь его въ сферу своего политическаго вліянія, а не сдержала обѣщанія. Достаточно отвѣтить на это такъ: въ мирное время — да, а въ военное—просимъ не взыскать!

Единственный солидный упрекъ, на который мы пока не отвѣтимъ, заключается въ томъ, что втянувши злополучнаго эмира Ширъ-али въ наступательно-оборонительный союзъ съ нами противъ англичанъ, мы не помогли ему войсками, когда англичане ворвались въ Афганистанъ и, такимъ образомъ, мы предоставили ему одному расхлебывать кашу, заваренную Столѣтовымъ. — На это мы отвѣтимъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же упомянемъ лишь о томъ, что потребовали англичане тотчасъ послѣ занятія нами части хивинскихъ земель по правому берегу Аму-дарьи? Тогдашній англійскій премьеръ лордъ Гренвилль, ссылался на категорическое заявленіе графа Шувалова, что „императоръ не только вовсе не желалъ завладѣвать Хивой, но и далъ положительныя приказанія предупредить возможность этого завладѣнія, и что были посланы инструкціи, предписывавшія наложить такія условія, чтобъ занятіе Хивы ни въ какомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ“. Ф. Мартенсъ въ своей брошюркѣ „Россія и Англія въ Средней Азіи“, приводя эту цитату, старается оправдать Россію тѣмъ, что она „не имѣла намѣренія завоевывать Хиву въ ту минуту, какъ была рѣшена военная экспедиція противъ этой страны“ (стр. 57). Такое оправданіе Россіи не нужно. Она твердо сдержала обѣщаніе и Хивы за собой не оставила. Она только заперла ворота, чрезъ которыя прорывались къ намъ ежегодно дикія орды хивинскихъ туркменъ и киргизовъ,

и приставила къ воротамъ караулъ. Такова собственно роль амударьинскаго отряда. — Хива же осталась полусамостоятельнымъ государствомъ съ наслѣдственными ханами и только лишена возможности вредить намъ. Съ нашей стороны это только законная самооборона,— и никто въ свѣтѣ не можетъ намъ запретить обороняться.

Въ Хивѣ мы простояли всего два мѣсяца и покинули ее. Пусть сравнятъ съ этимъ сами англичане занятіе ими Египта на короткій срокъ, растянувшійся въ десятки лѣтъ, пусть припомнятъ также, что Египетъ ничѣмъ передъ ними не провинился, тогда какъ Хива болѣе ста лѣтъ всячески задирала насъ.

Когда былъ опубликованъ мирный договоръ нашъ съ Хивой, лордъ Гренвилль, уступая давленію общественнаго мнѣнія, послалъ британскому послу въ Петербургѣ депешу отъ 7 января 1874 г., въ которой указывалъ на опасности, грозившія сердечному согласію двухъ правительствъ, если русскіе пойдутъ дальше, т. е. противъ туркменъ и Мерва. Другими словами: „ну, ужъ взяли Хиву — Господь съ вами, только дальше-то не идите“. Сами они указываютъ намъ, куда надо идти...

Горчаковъ отвѣтилъ, 21 января, что участь туркменъ зависитъ отъ нихъ самихъ, а мы имъ спускать не будемъ. Англичане получили отпоръ.

Въ февралѣ Гренвилль палъ. На его мѣсто сталъ жидъ Дизраэли, всѣми мѣрами старавшійся вредить Россіи. Депеши и меморандумы летали стаями. Наконецъ, Горчакову это надоѣло и въ депешѣ отъ 3 февраля 1876 г. онъ поручилъ графу Шувалову передать лорду Дерби (министру иностр. дѣлъ въ кабинетѣ Дизраэли), что переговоры о среднемъ поясѣ. „признанные мало практичными“, онъ считаетъ покончеными и вполнѣ присоединяется „къ тѣмъ заключеніямъ, въ силу которыхъ оба кабинета... вполнѣ сохраняя свободу своихъ дѣйствій, будутъ по обоюдному желанію принимать въ справедливое вниманіе ихъ взаимные интересы и нужды, избѣгая, по мѣрѣ возможности, непосредственнаго сосѣдства между собою“... Англія не возражала на этотъ разъ. Провозгласивъ полную свободу дѣйствій въ Средней Азіи съ обѣщаніемъ, насколько это возможно, не подходить къ границамъ Индіи, Горчаковъ, наконецъ, вышелъ на настоящую дорогу.

Первымъ актомъ нашей свободы дѣйствій было присоединеніе Кокандскаго ханства въ томъ же году *), черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія этой свободы.

---

*) Ф. Мартенсъ, на стр. 28, увѣряетъ, будто Коканъ присоединенъ въ 1866 г., но тогда взятъ былъ только Ходжентъ. Хановъ коканскаго и хивинскаго онъ называетъ эмирами также неправильно. Предметъ дѣйствій смѣшиваетъ съ базой, стр. 86.

Въ отвѣтъ на это англичане задумали присоединить къ Индіи Афганистанъ и, среди глубокаго мира, безъ всякаго повода со стороны афганскаго эмира Ширъ-али, завладѣли Кветтой, не смотря на энергическіе протесты эмира. Турецкому послу онъ сказалъ по этому поводу слѣдующее: „англичане поставили караулъ у задней двери моего собственнаго дома, чтобы ворваться во время моего сна". Англичане оправдываются договоромъ съ келатскимъ султаномъ, но какъ городъ принадлежитъ Афганистану еще со временъ Ахметъ-шаха-Дурани, то ихъ оправданія ничего не стоятъ.

Въ переговорахъ съ нами объ афганской границѣ, они сильно настаивали на присоединеніи къ Афганистану двухъ независимыхъ владѣній: Бадахшана и Вакхана, которые когда-то, во время оно, принадлежали предкамъ Ширъ-али. Мы согласились и благодаря этому Афганистанъ дотянулся до Аму-Дарьи. Почему же теперь, о Кветтѣ, англичане договариваются не съ афганскимъ эмиромъ, а съ келатскимъ султаномъ?

Затѣмъ послѣдовала извѣстная ссора въ 1878 году, о которой мы уже говорили, и присоединеніе къ Остъ-Индіи еще части афганской территоріи,

Дальнѣйшимъ шагомъ нашимъ, для противовѣса англичанамъ было покореніе туркменъ въ 1881 г. и занятіе Мерва въ 1884 г. Въ отвѣтъ на это англичане стали укрѣплять на свой счетъ Гератъ, сформировали афганскій отрядъ въ 4,000 чел. и руководили его дѣйствіями. Въ результатѣ бой при р. Кушкѣ, гдѣ афганцы были на голову разбиты ген. Комаровымъ, а подстрекавшіе ихъ англичане первыми бѣжали съ поля битвы, растерявъ свои доспѣхи.

Мы стоимъ теперь у самыхъ воротъ Афганистана... Недавно встрѣтились, наконецъ, съ англичанами на Памирѣ во время разграниченія... Пускай теперь разговариваютъ!

ГЛАВА XIII.

Зарѣчье. Перечень завоевателей. Султанъ Баберъ. Первый ханъ Алимъ Мадали. Ширъ-али тряпка. Кипчаки-преторіанцы. Мусульманъ-Кулъ. Худояръ-ханъ. Избіеніе кипчаковъ. Казнь Мусульманъ-Кула. Налоги. Малля-ханъ съ 1858 по 1862 г. Алимкулъ. Худай-кулъ кушачникъ. Снова Худояръ въ 1866 г. Посольство къ Романовскому. Новые налоги. Посольство къ Кауфману. Откровенная дипломатія. Переписка съ Кауфманомъ. Посолъ Мирза Хикимъ. Брилліантовая звѣзда Станислава. Услуги хана. Выдача шахрисябзскихъ бековъ. Поставка хлѣба нашимъ войскамъ въ 1871 и 72 годахъ. Сношенія черезъ него съ Кашгаромъ. Англійское посольство въ Кашгарѣ въ 1868 г. Посольство капитана бар. Каульбарса въ 1872 г. Англичане не уступаютъ поля: посольство 1873—74 годовъ. Бунты кипчаковъ въ 1871 и 73 годахъ. Совѣты г. Скайлера. Бунтъ 1875 г. Сынъ и братъ хана въ заговорѣ. Посольство Вейнберга въ Коканъ и Скобелева въ Кашгаръ. Бѣгство Худояра въ Ходжентъ подъ прикрытіемъ конвоя посольства. Безпорядки въ Ходжентскомъ и Кураминскомъ уѣздахъ. 8 августа нападенія на станціи. Подвигъ запаснаго стрѣлка Яковлева. Составъ и снаряженіе отрядовъ для похода въ Коканъ. Переписка съ новымъ ханомъ и отправленіе Худояра въ Оренбургъ. Сборъ запасныхъ. Уѣздные начальники хотятъ воевать. Нападенія на Ходжентъ съ 9 августа. Бравые стекольщики. Летучіе отряды въ Кураминскомъ уѣздѣ. Мѣропріятія въ Ташкентѣ.

Земли за Аму-дарьей, входившія когда-то въ составъ, основанной Киромъ и Даріемъ персидской монархіи, извѣстны были впослѣдствіи подъ арабскимъ названіемъ Мавераннагра, то есть „Зарѣчья“. По завоеваніи этой монархіи Александромъ Великимъ земли эти вошли въ составъ греко-бактрійскаго государства, разсыпавшагося въ концѣ II вѣка до Р. Х., подъ ударами парѳянъ и среднеазіятскихъ кочевниковъ. Затѣмъ явились арабы, занявшіе впрочемъ страну, сколько-нибудь прочно, лишь въ VIII вѣкѣ по Р. Х.; до тѣхъ поръ они дѣйствовали только набѣгами. Въ началѣ VIII вѣка арабскіе гарнизоны заняли твердо Бухару и Самаркандъ. Одновременно съ арабами сюда вторгаются и турки-сельджуки, но окончательно вытѣснить арабовъ имъ удалось только къ концу X вѣка... Затѣмъ въ началѣ XIII вѣка сюда хлынули узбекскія полчища Чингизъ-хана. Такъ какъ въ числѣ 92 родовъ узбекскихъ наиболѣе вліятельными были роды моголъ, татаръ и ногай, то у насъ всю орду прозывали то монголами, то ногаями, то татарами. Выраженія: „монгольское иго“, „татарское иго“ у насъ равнозначущи, а между тѣмъ татары, осѣвшіе у насъ въ Литвѣ, Крыму, Казани, Астрахани и на Кавказѣ—отнюдь не

монголы, а узбеки, которыхъ мы, въ свою очередь, покоряемъ теперь въ Средней Азіи *).

По смерти Тамерлана, громадное государство, сколоченное этимъ завоевателемъ изъ тысячи кусковъ, не просуществовало и столѣтія: черезъ 62 года правнукъ его Абу-саидъ-ханъ погибъ въ неудачной войнѣ съ Персіей, и тотчасъ началось распаденіе монархіи. На сѣверѣ отпалъ Ташкентъ, на югѣ Гератъ, на востокѣ Фергана. Сыну погибшаго эмира, султану Ахметъ-Мирзѣ осталась одна Бухара, а младшій братъ послѣдняго, отецъ знаменитаго султана Бабера, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ Ферганы. Въ Бухарѣ и Самаркандѣ, по смерти эмира султанъ-Ахмета, начались междоусобицы изъ-за власти, окончившіяся только въ 1500 году, когда Самаркандомъ овладѣлъ воинственный Шейбани ханъ, начавшій собою новую династію. Султанъ Баберъ, наслѣдовавшій отцу въ Ферганѣ, тщетно борется съ Шейбани-ханомъ, терпитъ пораженіе, уходитъ въ Гиссаръ и, бросивъ Фергану на произволъ судьбы, ищетъ счастія на югѣ. Тутъ ему повезло: онъ овладѣлъ Афганистаномъ и частію верхней Индіи. Фергану же захватилъ Шейбани-ханъ. Съ тѣхъ поръ эта область то освобождается отъ власти Бухары, то снова подпадаетъ подъ иго. Исторія ея не представляетъ ничего выдающагося, и потому мы перейдемъ прямо къ тому времени, когда Коканское ханство стало лицомъ къ лицу съ Россіей.

Владѣтели Ферганы назывались біями. Одинъ изъ нихъ, Абду-Раимъ-бій, построилъ въ 1732 г. крѣпостцу на мѣстѣ кишлака Иски-курганъ. По смерти его въ 1740 г. власть перешла къ его младшему брату Абду-Керимъ-бію, который переѣхалъ на житье изъ Ходжента въ Иски-Курганъ и назвалъ новую резиденцію Коканомъ. Титулъ хана, первымъ принялъ Алимъ въ 1808 г., по смерти своего отца Нарбута-бія. Съ этого же времени и старое названіе области „Фергана“ замѣняется новымъ названіемъ: „Коканское ханство“.

Въ 1821 г. ханомъ, по наслѣдству, дѣлается 12-лѣтній мальчикъ Мухамедъ-али, а сокращенно Мадали. Сдѣлавшись самостоятельнымъ въ такомъ возрастѣ и не зная ни въ чемъ отказа, мальчикъ скоро въ конецъ развратился, увлекаясь преждевременно и женщинами, и виномъ. Дѣвушекъ хватали всюду, но, не довольствуясь дочерьми своихъ подданныхъ, онъ наконецъ женился въ 1831 г. на вдовѣ своего отца—красавицѣ Ханъ-Падша-Аймъ, возбудивъ сильное негодованіе въ народѣ. На ропотъ подданныхъ, Мадали отвѣчалъ казнями. Въ 1840 году бухарскій

*) Того же мнѣнія держится и А. Хорошхинъ, стр. 490 „Сборникъ статей, касающихся до Туркест. края“; тоже и В. Наливкинъ стр. 11 „Кратк. ист. Кокандскаго ханства“.

эмиръ Насрулла, въ качествѣ главы туранскихъ мусульманъ, составилъ р и в а я т ъ (постановленіе), въ которомъ, на основаніи статей шаріата, объявилъ Мадали-хана кяфиромъ, то есть невѣрнымъ за незаконный бракъ съ женою своего отца. Риваятъ былъ посланъ къ Мадали-хану въ Коканъ. Посолъ былъ тотчасъ арестованъ, а черезъ нѣсколько дней выпровожденъ во-свояси, съ порученіемъ передать эмиру, что онъ д у р а к ъ... Мадали же немедленно двинулся съ войсками въ Джизакъ.

Послѣ разныхъ приключеній, Мадали попался въ руки бухарцевъ въ 1842 г. и былъ казненъ въ собственномъ дворцѣ. Присоединивъ коканское ханство къ бухарскимъ владѣніямъ, эмиръ оставилъ здѣсь своего намѣстника, но какъ только бухарскія войска ушли, въ ханствѣ началось броженіе въ пользу двоюроднаго дяди покойнаго хана—Ш и р ъ-а л и, жившаго на покоѣ, среди киргизъ-кипчаковъ, которые и составили главное ядро его дружины. Съ воцареніемъ ихъ ставленника Ширъ-али, кипчаки стали домогаться доходныхъ мѣстъ правителей, сборщиковъ податей и проч., въ ущербъ сартамъ, занимавшимъ до сихъ поръ эти мѣста. Отсюда рядъ кровавыхъ раздоровъ, приведшихъ наконецъ Коканъ къ потерѣ самостоятельности. Ширъ-али былъ единственнымъ изъ всѣхъ коканскихъ біевъ, а затѣмъ и хановъ, который питалъ отвращеніе къ ножу палача (здѣсь казнь совершается перерѣзаніемъ горла); за это народъ прозвалъ его „аталя, шавля, пустакъ“ (кисель, размазня, дубленая шкура или простакъ). Кипчаки, руководимые своимъ главаремъ Мусульманъ-Куломъ, отказались выставлять ополченіе и, напримѣръ, не пошли забирать кр. Ура-Тюбе и Джизакъ, по приказанію ходжентскаго хакима (вродѣ уѣзднаго начальника), считавшаго, что съ уходомъ бухарцевъ время воротить назадъ потерянные города теперь настало.

Ближайшіе совѣтники хана, да и самъ ханъ считали необходимымъ подтянуть кипчаковъ. Началась междоусобная война. Въ первой же стычкѣ ханскія войска были разбиты (это было лѣтомъ 1845 г.); минбаши, то есть главнокомандующій изъ сартовъ былъ убитъ, а сынъ хана Худояръ попался въ плѣнъ. Занявъ столицу, кипчакскіе старшины объявили, что ханомъ оставляютъ Ширъ-али, но главнокомандующимъ назначаютъ Мусульманъ-Кула. Вскорѣ новый минбаши отправился въ Ошъ усмирять киргизовъ, а безъ него на коканскомъ базарѣ, чрезъ глашатаевъ, объявлено было заговорщиками, что ханъ будетъ новый, также изъ ханскаго рода—Мурадъ-бекъ, жившій въ Ура-Тюбе... Тотчасъ влетаетъ и Мурадъ съ небольшой свитой; проскакавъ черезъ базаръ, толпа эта влетаетъ въ урду, то есть цитадель, гдѣ помѣщался ханскій дворецъ, захватываетъ хана и его семью и грабитъ дворецъ. На третій день Ширъ-али былъ зарѣзанъ. Завѣтнымъ желаніемъ Мурада было „поцарствовать хотя бы два дня“. Чрезъ 11 дней

онъ и самъ былъ зарѣзанъ Мусульманъ-Куломъ, воротившимся изъ Оша съ Худояромъ, котораго минбаши и объявилъ ханомъ, мимо двухъ старшихъ братьевъ. Кипчаки, при этомъ случаѣ, жестоко расправились съ ненавистными имъ сартами и разграбили ихъ лавки и дома. Малолѣтній Худояръ, понятно, довольствовался только почетомъ его окружавшимъ, а вся власть перешла въ руки регента Мусульманъ-Кула. Кипчаки начали просто безчинствовать: разгоняли учениковъ изъ школъ, жгли книги, отбирали дома и сады у сартовъ и т. д.

Неудачные походы регента противъ Ура-Тюбе и Ташкента повели къ тому, что кипчакскіе старшины, признавъ регента плохимъ полководцемъ, смѣнили его, дали ему небольшой уѣздъ, а на его мѣсто назначили другого, котораго вскорѣ тоже прогнали за неудачу подъ Ташкентомъ и воротили Мусульманъ-Кула. Все-таки уже среди кипчаковъ пошла рознь. Ташкентъ былъ взятъ. Подъ Ура-Тюбе регента опять смѣнили за неудачу, и вотъ такимъ образомъ, получая на кормленіе то Аблыкъ, то Чустъ, то Андижанъ, то снова призываемый къ власти, по волѣ кучки вліятельныхъ кипчаковъ, Мусульманъ-Кулъ дотянулъ до 1851 года, когда его кипчакское ополченіе въ войнѣ съ Ташкентомъ передалось къ непріятелю, вмѣстѣ съ ханомъ Худояромъ. Регентъ бросилъ все и бѣжалъ за р. Чирчикъ, отказываясь возвращаться въ Коканъ. Худояръ ханъ, ставши самостоятельнымъ, устроилъ съ сартами заговоръ и въ октябрѣ 1853 г. началось избіеніе кипчаковъ. Рѣзали ихъ повсюду. Кто успѣлъ спастись, потянулись къ Андижану. Сюда прибылъ и Мусульманъ-Кулъ, но скоро кипчаки были разбиты и разбѣжались. Поймано было однако достаточно для надлежащаго тріумфа, а главное—пойманъ и бывшій регентъ.

Плѣнныхъ привезли въ Коканъ и тамъ рѣзали на улицахъ, во время вступленія побѣдителей въ городъ, чрезъ каждыя 500 шаговъ. Мусульманъ-Кулъ былъ прикованъ къ площадкѣ на высокомъ столбѣ на базарной площади и три дня смотрѣлъ, какъ рѣзали плѣнныхъ на его глазахъ каждые два часа. Наконецъ и онъ былъ повѣшенъ. Во всѣхъ городахъ ханства сарты также рѣзали на базарахъ пойманныхъ кипчаковъ; этихъ преторіанцевъ Ферганы перебито было до 20.000. Править стали сарты и правили 8 лѣтъ. Худояръ развернулся: завладѣвъ всѣми землями кипчаковъ, онъ приказалъ сартамъ покупать ихъ за половинную цѣну, поощряя боязливыхъ палками... Передъ тѣмъ введены были еще новые налоги на металлы: золото, серебро и мѣдь, и, наконецъ, на вьючныхъ животныхъ: верблюдовъ иословъ. Жадность хана не знала границъ, а тутъ въ 1853 г. русскіе взяли Акъ-мечеть, нынѣ Перовскъ. Это возбуждало всеобщее неудовольствіе противъ хана, и когда въ началѣ 1858 года старшій братъ его Малля-ханъ, пользуясь замѣшательствами

вслѣдствіе войны Худояра съ Бухарою, выступилъ претендентомъ, то къ нему пристали, во-первыхъ, кипчаки, а во-вторыхъ и масса народа. Худояръ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Бухару.

Малля-ханъ велѣлъ сартамъ, купившимъ кипчакскія земли возвратить половину ихъ кипчакамъ, такъ какъ они и платили только полъ-цѣны, а затѣмъ и вторую половину возвратить, когда имъ уплатятъ стоимость ея. Это поселило такую путаницу, что и черезъ 20 лѣтъ, по занятіи ханства русскими, она распутана не была.

Постоянные походы, то противъ бухарцевъ, то противъ русскихъ, которые успѣли къ 1860 году овладѣть Алматами (нынѣ Вѣрное), Токмакомъ и Пишпекомъ, возбудили, наконецъ, неудовольствіе среди главныхъ приближенныхъ хана, какъ, напримѣръ, минбаши Алимкула и другихъ, которые вошли ночью во дворецъ хана и убили его соннаго. Это случилось въ мартѣ 1862 г. Ханомъ провозгласили 14-лѣтняго Ша-Мурада, племянника убитаго хана, а регентомъ объявленъ Алимкулъ. Тотчасъ зашевелился въ Бухарѣ и Худояръ. Поддержанный бухарцами, онъ занялъ Ташкентъ, Ходжентъ и Коканъ, гдѣ и воцарился снова, но Алимкулъ успѣлъ уйти къ Андижану, собралъ тамъ кипчакское и киргизское ополченіе и двинулся на встрѣчу наступавшему Худояру, котораго и разбилъ.

Между тѣмъ бухарскій эмиръ Музафаръ, вступивъ союзникомъ въ Коканъ, разграбилъ его и ушелъ. Столицу тотчасъ занялъ Алимкулъ, подчинившій вскорѣ себѣ все почти ханство. Эмиръ воротился. Алимкулъ ушелъ въ горы. Эмиръ объявилъ Коканское ханство присоединеннымъ къ Бухарѣ, а Худояру предоставилъ Ташкентъ. Когда же бухарцы ушли въ Самаркандъ, то Алимкулъ объявилъ ханомъ Султанъ-Сеида, несовершеннолѣтняго сына убитаго имъ Малля-хана, а самъ по прежнему остался регентомъ. Между тѣмъ русскіе шли впередъ и въ 1864 г. взяли Ауліе-ата, Туркестанъ и Чимкентъ и направились въ 1865 г. къ Ташкенту.

Алимъ-Кулъ тщетно боролся съ нами и наконецъ былъ смертельно раненъ въ дѣлѣ на уроч. Шуръ-тюбе подъ Ташкентомъ. Султанъ-Сеидъ успѣлъ выбраться изъ Ташкента наканунѣ штурма и направился въ Бухару, по приглашенію эмира. Однако гостепріимный владыка Бухары велѣлъ зарѣзать гостя по дорогѣ, что и совершено около Джизака. Бѣжавшіе изъ-подъ Ташкента кипчакскія скопища Алимъ-кула провозгласили ханомъ одного изъ юныхъ представителей дальнихъ отраслей династіи Мингъ. Это былъ простой лавочникъ, торговавшій кушаками, звали его Худай-Кулъ, а по избраніи въ ханы прозвали Бель-бакчи-ханомъ (бель-бакъ значитъ кушакъ, бель-бакчи—кушачникъ). Лавочникъ прежде всего потребовалъ съ народа 100.000 тиллей, т. е. 380.000 руб., подъ предлогомъ священной войны съ русскими. Поступленія шли туго; лавочникъ забралъ, что успѣли собрать и утекъ съ кипчаками изъ Кокана, вовсе и не собираясь

воевать съ нами! Снова явились бухарцы возстановили въ третій разъ Худояра, забрали въ Коканѣ 300 дѣвушекъ, по приказанію эмира, и ушли въ Самаркандъ. Явились новые претенденты, новыя усобицы. Немудрено, что всякій новый ханъ, первымъ долгомъ почиталъ здѣсь вырѣзать всѣхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ... Этому научилъ ихъ горькій опытъ предшественниковъ.

Въ 1866 г. русскіе взяли Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джизакъ, разъединивъ такимъ образомъ на вѣки Бухару и Коканъ. Худояръ былъ такъ доволенъ этимъ, что даже прислалъ къ генералу Романовскому посольство съ поздравленіемъ, хотя Ходжентъ передъ взятіемъ его русскими, принадлежалъ не Бухарѣ, а Кокану! Настала для Кокана пора долгаго мира, а для Худояра пора сугубыхъ стяжаній и накопленія богатствъ. Независимо отъ старыхъ податей, какъ з я к е т ъ—въ одну сороковую или въ 2½ процента съ цѣны имущества, коимъ обложены были скотъ, товары и капиталы купцовъ, или х е р а д ж ъ—подоходный налогъ на землевладѣльцевъ, взимавшійся пропорціонально урожаю, или т а н а п ъ—съ хлопка и огородовъ. Придуманы были и новые налоги: на всѣ посаженныя не фруктовыя деревья, на уголь, выжигаемый въ горныхъ лѣсахъ, на всякій бурьянъ, хворостъ, колючку, камышъ и чертополохъ, собираемый для топлива, на сѣно, ввозимое въ столицу; съ каждой купли и продажи на базарѣ взималось тоже по нѣскольку чекъ (½ копейки); все это, съ прежними налогами на металлы и вьючныхъ животныхъ, составило неисчерпаемый источникъ обогащенія жаднаго хана и столь же неисчерпаемый источникъ неудовольствія его, обираемыхъ до нитки, подданныхъ. Придумывалъ налоги нѣкто Иса-Аулія (въ переводѣ: святой Іисусъ), быстро выдвинутый за это изъ простыхъ писарей въ вельможи.

По пріѣздѣ въ Ташкентъ новаго генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана 1-го, коканскій ханъ сообразилъ, что по примѣру прежнихъ правителей, Кауфманъ немедленно начнетъ забирать плохо стоящіе города, и потому сталъ собирать на границѣ войска для отпора. На успокоительное письмо Кауфмана, ханъ отвѣтилъ посольствомъ, принятымъ торжественно 3-го декабря 1867 г. Въ письмѣ, представленномъ Кауфману, ханъ между прочимъ писалъ: „мы, рабы Божіи и молимся чистымъ сердцемъ. Всѣ люди происходятъ отъ Адама и потому да царствуетъ кротость между царями! Богъ указалъ намъ, прежде всего, жить въ мирѣ другъ съ другомъ. Исполнивъ заповѣдь Бога, создавшаго 18,000 народовъ, я начинаю: дружба и пріязнь есть вино,—кто попробуетъ одну каплю, тотъ забудетъ все горе, всѣ неудовольствія и развеселится“... Сборы войскъ ханъ объяснялъ тѣмъ, что „и у насъ есть обычай ежегодно смотрѣть войска и выдавать имъ: лѣтомъ—лѣтнія, а осенью—зимнія одежды“.

Кауфманъ еще въ бытность свою виленскимъ генералъ-губернаторомъ отличился и обратилъ на себя вниманіе твердою и откровенною рѣчью, открыто сообщая полякамъ намѣренія правительства, скрывавшіяся дотолѣ въ инструкціяхъ, съ надписью „секретно“. Этой же манеры, онъ рѣшилъ держаться и въ сношеніяхъ съ сосѣдними ханами. Въ отвѣтной рѣчи коканскому послу, онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „я не трону тѣхъ, кто дорожитъ дружбой великой русской земли, но горе тѣмъ, которые не поймутъ благодѣтельныхъ видовъ миролюбиваго Бѣлаго Царя; войска его величества всегда готовы, по знаку моему, наказать безпокойнаго сосѣда, и никакія крѣпости, никакія вооруженія не спасутъ тогда виновнаго“. Отпуская посла 19-го декабря, Кауфманъ снабдилъ его письмомъ къ хану и проектомъ договора о свободной торговлѣ и пошлинахъ. Статей было всего пять: 1-я, о правѣ нашихъ купцовъ пріѣзжать во всѣ города ханства; 2-я, о правѣ учреждать всюду караванъ-сараи; 3-я, о правѣ назначать всюду караванъ-башей; 4-я, объ уравненіи русскихъ купцовъ въ пошлинахъ съ мусульманскими и 5-я, о свободномъ пропускѣ черезъ Коканъ русскихъ каравановъ въ сосѣднія съ Коканомъ владѣнія.

Для веденія переговоровъ отправлено было въ Коканъ и наше посольство. Ханъ не согласился только на 1 и 5 статьи, подъ предлогомъ, что не можетъ поручиться за своихъ фанатиковъ подданныхъ и, стало быть, и за безопасность русскихъ купцовъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ непремѣнно договариваться въ Петербургѣ, а если ужъ нельзя этого, то просилъ исходатайствовать ему у Бѣлаго Царя грамоту, за его печатью, по примѣру хановъ Омара и Мадали, получившихъ такія грамоты. Въ этомъ ханъ видѣлъ залогъ неизмѣнности добрыхъ отношеній, независимо отъ частой смѣны губернаторовъ, ибо, при всемъ къ намъ уваженіи, онъ не могъ же не обратить вниманія, что въ теченіе 3-хъ лѣтъ ихъ смѣнилось четверо! Да еще каждый изъ нихъ предъявлялъ свои условія... Ханъ очевидно считалъ: Черняева, Романовскаго и Крыжановскаго.

Кауфманъ отвѣтилъ, что „тѣ изъ жителей, которые, вопреки вашихъ повелѣній, нанесутъ вредъ русскимъ купцамъ, должны будутъ подчиниться моимъ распоряженіямъ... Общее спокойствіе требуетъ подчиненія ихъ либо вашей, либо моей власти“. Послу Кауфманъ сказалъ: „если бы я хотѣлъ завладѣть ханствомъ, я не сталъ бы тратить времени и словъ, а приказалъ бы двинуться войскамъ и давно все было бы кончено“.

Чтобы коканцы и думать забыли о посольствѣ къ Высочайшему Двору, имъ показана была золотая книга съ государевой грамотой, уполномочивавшей Кауфмана и его преемниковъ рѣшать всѣ дѣла на мѣстѣ, заключать миръ и объявлять войну... Хану послана выписка изъ этой грамоты.

Такой тонъ подѣйствовалъ на хана и къ 24 февраля онъ прислалъ подписанные экземпляры договора.

Сообщая копію договора министру иностранныхъ дѣлъ князю Горчакову, Кауфманъ писалъ, что онъ вынесъ изъ опыта убѣжденіе, что въ сношеніяхъ съ азіятцами, главное условіе успѣха составляютъ: неизмѣнная правдивость, твердость и умѣренность. Горчаковъ, касаясь въ отвѣтномъ письмѣ этого мѣста, выразился такъ: „тѣмъ болѣе сочувствую этому убѣжденію, что оно всегда служило руководствомъ моей политической дѣятельности, въ сношеніяхъ, какъ съ востокомъ, такъ и съ западомъ".

Вскорѣ затѣмъ, наши отношенія къ Бухарѣ обострились до такой степени, что пришлось тупить ихъ нашими острыми штыками. Самаркандъ и Катты-Курганъ, при этомъ, пристали къ Россіи... Если коканское простанародье и бурлило противъ русскихъ, требуя вмѣшательства своего правителя для спасенія „лица земли", т. е. Самарканда, то самъ ханъ благоразумно удержался отъ соблазна и даже посылалъ два раза посломъ, съ поздравленіями, извѣстнаго мирзу Хакима, впослѣдствіи получившаго у насъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и принявшаго фамилію Умидова. Посолъ часто бывалъ по торговымъ дѣламъ въ Россіи, хорошо говорилъ по-русски, а главное, понималъ разницу между Коканомъ и Россіей.

Въ награду за хорошее поведеніе, онъ былъ допущенъ къ Высочайшему Двору, получилъ Анну 2 степ. съ брилліантами, а самому хану пожалованъ былъ орденъ Станислава 1 степ. съ брилліантовой звѣздой. Получивъ звѣзду, ханъ велѣлъ объявить о томъ въ базарные дни во всѣхъ концахъ ханства, „чтобы друзья радовались, а враги скучали", какъ писалъ онъ Кауфману.

Считая себя теперь признаннымъ оффиціально и какъ бы утвержденнымъ ханомъ, Худояръ не боялся уже никакихъ претендентовъ, а недовольныхъ подданныхъ своихъ успокаивалъ словами одного изъ первыхъ писемъ Кауфмана (отъ 29 января 1868 г.), что „великій русскій царь никогда не дозволитъ, чтобы въ сопредѣльныхъ съ нами государствахъ было разногласіе между ханами и народомъ". Разногласія не послѣдовало даже тогда, когда ханъ выдалъ намъ бѣжавшихъ въ Коканъ шахрисябзскихъ бековъ, Джура-бія и Баба-бія, нарушивъ тѣмъ законы гостепріимства. Впрочемъ и самъ Худояръ, и его предшественники, этими законами ни мало не стѣснялись: пригласятъ на пиръ, угостятъ и зарѣжутъ, не тратя много словъ.

Въ зиму на 1871 годъ, когда послѣ неурожая у насъ, цѣны на хлѣбъ поднялись до небывалыхъ размѣровъ, ханъ организовалъ доставку къ намъ хлѣба, а лѣтомъ 1871 г. и на весь 1872 г., принялъ даже на себя поставку провіанта на всѣ пограничныя съ Коканомъ войска наши. Дѣло это ему было знакомо, такъ какъ онъ занимался еще и торговлею.

Видимое смиреніе хана подало Кауфману мысль помочь ему заваевать Кашгаръ. Мы выигрывали при этомъ лишь то, что избавлялись отъ задорнаго сосѣда, каковъ былъ кашгарскій владѣтель Якубъ-бекъ и вмѣсто двухъ хановъ, имѣли бы дѣло только съ однимъ, да и то смиренно-мудрымъ. Однако нерѣшительность Худояра помѣшала осуществленію этого плана.

Весьма можетъ быть, что ханъ боялся вдаваться въ политику приключеній, въ виду крайней непокорности его подданныхъ: уйдешь въ Кашгаръ и потеряешь Коканъ... Это бы, вѣроятно, и случилось. Можетъ быть, это и входило въ хитрые разсчеты Кауфмана: посадить въ Кашгарѣ Худояра, а Коканъ взять себѣ!.. Худояръ, очевидно, сообразилъ, что мѣна его будетъ невыгодна, и предложилъ только свое посредничество, для завязки дипломатическихъ сношеній съ кашгарскимъ владѣтелемъ. Это была нѣкоторымъ образомъ жертва съ его стороны: онъ считалъ Якубъ-бека своимъ подданнымъ и признавать его не хотѣлъ равнымъ себѣ.

Дѣло въ томъ, что Якубъ-бекъ былъ коканскимъ генерало̀мъ и въ 1852 г. отбилъ штурмъ Бларамберга отъ Акъ-Мечети а затѣмъ былъ посланъ Худояромъ въ Кашгаръ, для возстановленія тамъ власти ходжей, въ лицѣ Бзрукъ-хана, котораго однако засадилъ въ тюрьму, а себя превозгласилъ ханомъ. Въ 1867 г. онъ принялъ титулъ а т а л ы к а - г а з и, а затѣмъ б а д а у л е т а, т. е. счастливѣйшаго. Притѣсненія нашихъ купцовъ вызвали нѣсколько писемъ со стороны Кауфмана, но это не привело ни къ чему. На письмо Худояра онъ отвѣчалъ рѣзко и грубо; Кауфмана же просилъ чрезъ Худояра не сноситься, а послать къ нему своего человѣка, хотя бы пастуха. Надобно замѣтить, что обмѣнъ посольствами здѣсь служитъ актомъ признанія независимости и, такъ сказать, законности власти. Съ Китаемъ мы считались на мирномъ положеніи. Мирное сосѣдство обязывало насъ не признавать Кашгаріи, на вѣки отторгнутою отъ Китая и независимою державою. Всякій шагъ нашъ къ сближенію съ Якубъ-бекомъ, конечно, вызывалъ бы неудовольствіе пекинскаго правительства, а между тѣмъ англичане преспокойно признали совершившійся фактъ, обмѣнялись въ 1868 году посольствами съ Якубъ-бекомъ, подарили ему батарею скорострѣльныхъ пушекъ и 10,000 такихъ же ружей. Этимъ они думали поднять свой престижъ, пострадавшій, по ихъ мнѣнію, послѣ завоеванія Ташкента и Самарканда. Затѣмъ послѣдовало признаніе новой державы и со стороны Турціи, приславшей также посольство. Турецкій султанъ пожаловалъ Якубъ-беку званіе эмира и принялъ его въ ленную зависимость: на кашгарскихъ монетахъ стали чеканить имя султана Абдулъ Азиса.

Всѣ притѣсненія нашихъ купцовъ и дѣлались для того, чтобы заставить туркестанскаго генералъ-губернатора завести сношенія съ непризнаваемымъ покуда владѣтелемъ.

Англійскій посолъ, правительственный коммиссаръ, Дугласъ Форсейтъ, былъ принятъ Якубъ-бекомъ весьма торжественно, добился разныхъ привиллегій для англійскихъ купцовъ и впослѣдствіи велъ въ Петербургѣ переговоры о признаніи Кашгаріи независимымъ и, главное, нейтральнымъ государствомъ. Опираясь на такую протекцію, Якубъ-бекъ сталъ относиться весьма надменно къ русскимъ властямъ и, напримѣръ, въ письмѣ къ генералу Колпаковскому обошелся безъ титуловъ и „на ты“. Посланецъ его и племянникъ Шади-мирза везъ письмо и къ Кауфману, который въ это время уѣхалъ въ Петербургъ, поэтому Шади-мирза былъ задержанъ въ Вѣрномъ.

Колпаковскій увѣдомилъ о томъ Якубъ-Бека, замѣтилъ ему невѣжливость тона и потребовалъ выдачи разбойниковъ, ограбившихъ токмакскаго уѣзднаго начальника маіора Загряжскаго и бѣжавшихъ, съ двумя плѣнными, въ Кашгарію. Якубъ-бекъ захватилъ разбойниковъ, но не выдалъ ихъ до возвращенія Шади-мирзы, а плѣнныхъ возвратилъ. Кауфманъ разрѣшилъ посланцу ѣхать въ Петербургъ и въ отвѣтъ на письмо, объяснявшее запрещеніе русской торговли тѣмъ, что страна разорена и не можетъ доставить русскимъ никакой выгоды,—предложилъ подписать взаимныя обязательства, тождественныя съ подписанными уже Худояръ-ханомъ. Затронутъ былъ и вопросъ о границахъ Семирѣченской области, согласно трактату съ Китаемъ въ 1864 г.

Письмо это осталось не только безъ послѣдствій, но даже и безъ отвѣта. Наша торговля по прежнему была запрещена, разбойниковъ не выдавали, а рядъ новыхъ успѣховъ Якубъ-бека противъ дунганъ придалъ ему еще болѣе гордости и самомнѣнія. Это и побудило Кауфмана предложить коканскому хану союзъ для разгрома Кашгаріи. Боязливость Худояръ-хана помѣшала осуществленію такого плана и дѣло ограничилось перепиской.

Когда окончательно выяснилось затаенное желаніе Якубъ-бека видѣть у себя русское посольство, Кауфманъ рѣшился послать къ нему капитана генер. штаба барона Каульбарса съ геодезистомъ капитаномъ Шарнгорстомъ. Отъ посольства особеннаго проку, въ политическомъ отношеніи, никто и не ожидалъ, но съемка пути была обезпечена.

Выступивъ изъ Токмака въ концѣ апрѣля 1872 г., посольство было встрѣчено 6 мая, въ 30 верстахъ за озеромъ Чатыркулемъ, посланными отъ Якубъ-бека. Пріемъ былъ блистательный, но переговоры затянулись. Однако 10-го іюня договоръ

былъ подписанъ заднимъ числомъ, по просьбѣ Каульбарса; дата выставлена 21-го мая, день именинъ Кауфмана. Самъ Якубъ-Бекъ, конечно, съ русскими святцами знакомъ не былъ.

Текстъ договора ничѣмъ не разнится отъ бухарскаго и коканскаго: право въѣзда для торговли, право имѣть склады, консуловъ или караванъ-башей, уменьшеніе пошлины до 1/40 стоимости товара, т. е. до 2½ процентовъ, и наконецъ, право транзита, т. е. провоза товаровъ черезъ Кашгарію въ другія страны.

Вмѣстѣ съ нашимъ посольствомъ, Якубъ-бекъ отправилъ и своего посла съ письмомъ. Характерно его начало: „наконецъ пришла и моя очередь“. Бадаулетъ очевидно считалъ наше посольство къ нему своею дипломатическою побѣдою.

Но этимъ ограничиться онъ отнюдь не желалъ и просилъ допустить его посла къ высочайшему двору: „это будетъ для меня великою милостію, вы бы довели меня, ничтожнаго, до солнца и на мою долю выпала бы капля изъ моря!“

Кауфманъ отвѣтилъ однако, что такую милость и честь надо еще заслужить дальнѣйшимъ поведеніемъ, и потому на этотъ разъ отказалъ.

Англичане, зорко слѣдившіе за всѣми нашими сношеніями, не хотѣли оставлять нашего хода безъ отвѣта и снарядили цѣлую экспедицію съ тѣмъ же Форсейтомъ. 11-го декабря 1873 г. англійская миссія была принята весьма торжественно, и бадаулетъ сказалъ цѣлую рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами: „королева англійская для меня какъ солнце—оно дѣлаетъ счастливыми подобныхъ мнѣ бѣдняковъ, когда обращаетъ къ нимъ лицо свое“. Сравненіе съ солнцемъ, кажется, любимое у кашгарскаго владыки.

Богато обставленная англійская миссія, конечно, затмила скромную русскую, а новый транспортъ старыхъ ружей окончательно закрѣпилъ дружбу и негласный союзъ бадаулета съ англичанами. Русская торговля снова попала въ опалу. 12-го февраля 1874 г. Форсейтъ заключилъ и формальный договоръ. Подчиненіе Кашгара англійскому вліянію было отвѣтомъ на завоеваніе нами Хивы.

Послѣ этого отъ насъ назначенъ былъ въ Кашгаръ, на основаніи нашего договора, въ качествѣ консула, артиллерійскій подполковникъ Рейнталь, который однако продержался тамъ недолго, за болѣзнью. Между тѣмъ внутреннія дѣла Коканскаго ханства хромали по прежнему: налоги все росли, сборщики податей собирали не мало и въ свою пользу, ханъ находилъ, что денегъ собираютъ мало, народъ же былъ какъ разъ противоположнаго мнѣнія.

Въ видахъ „фактическаго контроля“, придумана была довольно остроумная мѣра: когда серкеры (т. е. сборщики) возвращались

со сборовъ податей, то по дорогѣ имъ устраивали засады, грабили ихъ до послѣдней копѣйки и везли казну къ хану!

Получалось дѣйствительно гораздо больше денегъ, но и серкера можно поймать въ такую западню только одинъ разъ. Убытки же свои онъ все равно наверстаетъ...

Предпочтеніе, оказываемое сартамъ, при назначеніи на выгодныя должности, конечно, возбуждало и къ нимъ, и къ хану, ненависть со стороны обездоленныхъ. Хотя страдали и сарты, но у тѣхъ все-таки мелькала впереди надежда дождаться очереди и попользоваться на счетъ разныхъ доходныхъ статей; поэтому они терпѣливѣе сносили непомѣрную тяжесть налоговъ.

Чаще всего бунтовали кипчаки и дикокаменные киргизы. Весною 1871 г., по поводу чрезмѣрности налоговъ, начались серьезные безпорядки подъ руководствомъ Батыръ-хана, родственника Худояра, но одинъ изъ сообщниковъ заговора выдалъ имена 17 главныхъ руководителей, которые, вмѣстѣ съ Батыръ-ханомъ и познакомились съ глубиной прудовъ ханскаго дворца...

Въ 1873 г. вспыхнулъ новый бунтъ. Какой-то, никому невѣдомый Пулатъ-ханъ выдалъ себя за младшаго сына Алимъ-хана, и сталъ скликать охотниковъ пограбить, при добываніи ему престола. Наманганскіе киргизы тотчасъ и откликнулись. Самозванный троюродный дѣдушка Худояра дѣйствовалъ сначала успѣшно. Худояръ-ханъ просилъ содѣйствія русскихъ войскъ для усмиренія бунтарей, но въ этомъ ему было отказано. Онъ, правда, обошелся своими средствами, но зато нѣсколько охладѣлъ въ своемъ упованіи на русскихъ, которые, вмѣсто помощи дѣломъ, ограничиваются одними совѣтами, да и совѣты-то даютъ самые невозможные для хана: умѣрить свою алчность и сбавить налоги!

Ханскими войсками командовалъ афтобачи Абдурахманъ, сынъ казненнаго Мусульманъ-Кула*). Пулатъ-ханъ былъ оттѣсненъ въ горы.

Рѣшеніе предоставить Худояра его собственнымъ силамъ и судьбѣ, зависѣло оттого между прочимъ, что кромѣ пониженія ввозныхъ пошлинъ ни одна почти изъ остальныхъ статей нашего съ нимъ договора не исполнялась: караванъ-баша мы не имѣли въ ханствѣ ни одного, особенной безопасности русскіе купцы не ощущали, а главное, конечно, то, что имѣя на рукахъ войну съ Хивой, намъ нельзя было усложнять свое положеніе еще и Коканомъ.

Въ 1873 г., во время хивинской экспедиціи, секретарь американскаго посольства Скайлеръ, о которомъ мы упоминали уже

*) Афтобачи — придворная должность: подаватель рукомойника, для религіозныхъ омовеній.

въ предъидущихъ главахъ, побывалъ между прочимъ и въ Коканѣ, послѣ усмиренія тамъ бунта. Въ своей книгѣ о Средней Азіи онъ рекомендовалъ англійскій способъ для завладѣнія Коканомъ „тихо и благородно“, безъ лишняго шума и дипломатическихъ запросовъ или протестовъ со стороны Англіи: для этого, по его мнѣнію, слѣдовало бы „отправить русскаго резидента въ Коканъ, подъ охраною казаковъ и содержать его тамъ на счетъ русскаго или коканскаго правительства. Вокругъ естественно сгруппировались бы русскіе торговцы; коканцы присмотрѣлись бы къ русскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда бы не осмѣлились ни оскорблять, ни притѣснять ихъ; само коканское правительство привыкло бы, мало-по-малу, повиноваться волѣ генералъ-губернатора, чрезъ посредство присланнаго отъ него агента. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ такая политика вполнѣ облегчила бы возможность присоединенія, въ случаѣ нужды, Кокана къ имперіи, по смерти хана, или даже ранѣе“.

Совѣтъ былъ хорошъ, а примѣръ Англіи еще лучше, но такая вкрадчивая, іезуитская политика не въ русскомъ характерѣ. Святославское „иду на вы“ — намъ гораздо симпатичнѣе. Кромѣ того, все поведеніе Худояръ-хана, который, не смотря на постоянные бунты его подданныхъ, все-таки продолжалъ ихъ обирать, и бунтарей рѣзалъ, какъ барановъ,—все такое поведеніе прямо вело его къ катастрофѣ и намъ оставалось только ждать.

На ханъ-заде, то есть наслѣдника ханскаго престола, Сеидъ-Насръ-Эддина надежда была плоха: правда, онъ принадлежалъ къ передовымъ людямъ, среди своей дичи, ибо строилъ себѣ дома на русскій ладъ и довольно исправно тянулъ шампанское, но во время пріѣзда своего въ Ташкентъ въ 1872 году, посѣтивъ бывшихъ шахрисябзскихъ бековъ Джура-Бія и Баба-Бія, пожалованныхъ уже въ подполковники русской службы, онъ выразилъ имъ соболѣзнованіе о томъ, что отецъ его выдалъ ихъ русскимъ и тѣмъ опозорилъ себя въ глазахъ истыхъ мусульманъ... Такія разглагольствованія ничѣмъ не вынуждались и могутъ быть объяснены лишь намѣреніемъ пріобрѣсти популярность, хотя бы и въ ущербъ своему папашѣ...

А можетъ быть и то, что торжественный пріемъ и царскія почести, воздаваемыя ему въ Ташкентѣ, вскружили ему голову и онъ сталъ уже относиться къ русскимъ нѣсколько свысока. Въ пріемѣ дѣйствительно пересолили...

Итакъ, въ Коканскомъ ханствѣ шли непрерывные безпорядки. Не смотря ни на что, ханъ продолжалъ наживаться, а народъ все болѣе и болѣе ненавидѣлъ хана и его приспѣшниковъ...

Наступилъ 1875 годъ. На этотъ разъ крамола закралась въ самый дворецъ хана. Ближайшіе его помощники: Абдурахманъ-афтобачи и хитрый Иса-Аулія составили обширный заговоръ, къ

которому примкнулъ и наслѣдникъ престола, Сеидъ-Насръ-Эддинъ... Хорошъ, значитъ, былъ папаша, если даже его старшій сынъ и наслѣдникъ рѣшился поторопить его очистить тронъ! Хорошъ, конечно, и сынокъ...

Заговорщики вошли въ сношенія съ Пулатъ-ханомъ. У насъ, въ оффиціальныхъ донесеніяхъ его называютъ еще Фулатъ-бекомъ, но буквы *ф* и *п* туземцы употребляютъ безразлично: есть, напримѣръ, у подошвы сѣвернаго склона Нуратынскихъ горъ мѣстечко Паришъ, онъ же Фаришъ,—одно и то же. Пишутъ: фиво, вм. пиво. На этотъ разъ заговоръ удалось сохранить въ глубокой тайнѣ. Если ханъ ничего не зналъ, то мы и подавно. Поэтому вполнѣ простительно было, наканунѣ общаго возстанія, послать въ Коканъ дипломатическаго чиновника, коллежскаго совѣтника Вейнберга, для выраженія хану неудовольствія генералъ-губернатора за дурной и вредный, не только для него самого, но и для насъ, образъ его правленія, вопреки неоднократныхъ представленій и совѣтовъ измѣнить свою внутреннюю политику.

Безпрерывные безпорядки въ ханствѣ отражались и на нашихъ кочевникахъ въ пограничныхъ уѣздахъ. Большого труда стоило сдерживать ихъ и не допускать до прямого вмѣшательства въ распри, затѣваемыя ихъ коканскими соплеменниками. Это была добрая услуга хану, но онъ, повидимому, считалъ это ни во что.

Вейнбергъ отправился въ іюлѣ 1875 г., вмѣстѣ съ полковникомъ генеральнаго штаба, флигель-адъютантомъ Скобелевымъ, которому поручено было проѣхать далѣе въ Кашгаръ, подъ предлогомъ переговоровъ, а главное, для съемки пути. Для этого при немъ назначены состоять два топографа и конвой изъ 22 казаковъ. Посольство прибыло въ Коканъ 13-го іюля. Не подлежитъ теперь сомнѣнію, что появленіе русскихъ въ столицѣ ханства ускорило взрывъ: муллы-ишаны и дуваны открыто проповѣдывали, что всѣ бѣдствія идутъ отъ русскихъ, которые поддерживаютъ и заступаются за ненавистнаго хана, и что если бы не эта поддержка, ханъ не посмѣлъ бы такъ грабить народъ.. Прибытіе казаковъ казалось явнымъ доказательствомъ намѣреній хана окончательно задавить народъ при помощи русской вооруженной силы. Поэтому стали поговаривать о джихадѣ, т. е. всеобщемъ поголовномъ вооруженіи для священной войны противъ к я ф и р о въ (т. е. невѣрныхъ русскихъ). Ханъ, ничего не подозрѣвая, отправилъ противъ Пулатъ-хана своихъ надежныхъ слугъ Исауліэ и Абдурахмана афтобачи.

17-го іюля въ Коканъ прискакалъ гонецъ съ неслыханнымъ и неожиданнымъ извѣстіемъ, что оба командира, со всѣми войсками (4,000 человѣкъ), передались непріятелю... Мало того: передался и наслѣдникъ престола Насръ-Эддинъ со всѣмъ андижанскимъ гарнизономъ (въ 5,000 человѣкъ)! Города Ошъ, Наманганъ, Андижанъ

и Асаке уже въ рукахъ инсургентовъ, котрые идутъ теперь къ Маргелану... 20-го пришло извѣстіе, что и братъ хана, Мурадъ-Бекъ, правитель Маргелана передался... Какъ мы говорили выше, самъ Худояръ, въ свое время, чтобы избавиться отъ опеки Мусульманъ-Кула, брата мало его удивила. Измѣна афтабачи оправдывалась въ его глазахъ местью за отца, варварски казненнаго Худояромъ, при избіеніи кипчаковъ; но измѣна Исы-Ауліэ, всѣмъ обязаннаго хану и также ненавистнаго народу,—казалась необъяснимою загадкою...

Такъ какъ Маргеланъ всего въ какихъ-нибудь 76-ти верстахъ отъ столицы, то Худояръ немедленно сталъ укладываться.

Не смотря на волненія въ краѣ, Скобелевъ рѣшился выѣхать въ Кашгаръ 20-го іюля, но просьбы Вейнберга не покидать его въ опасности и не раздроблять и безъ того ничтожныхъ силъ, такъ какъ часть конвоя должна была остаться для охраны Вейнберга, заставили Скобелева отказаться отъ своего намѣренія и выждать дальнѣйшаго хода событій. Безъ всякаго сомнѣнія Скобелевъ не тронулся бы въ путь и безъ просьбъ Вейнберга, такъ какъ вся дорога въ Кашгаръ была занята войсками инсургентовъ и шайками грабителей, сопровождающихъ всякое народное волненіе, но ему надобно было „показать свою неустрашимость“, уступившую только просьбамъ осторожнаго дипломата. Обо всѣхъ этихъ событіяхъ Вейнбергъ увѣдомилъ генерала Головачева письмами отъ 19-го и 20-го іюля, прося выслать изъ Ходжента отрядъ для защиты хана, согласно его просьбѣ.

Оба письма получены въ Ташкентѣ 22-го числа и тотчасъ полетѣли телеграммы къ Кауфману, который былъ тогда въ Вѣрномъ. Не ожидая однако распоряженій Кауфмана, Головачевъ приказалъ ходжентскому гарнизону быть наготовѣ и, въ случаѣ опасности для посольства, при обратномъ его слѣдованіи, выступить на встрѣчу въ составѣ баталіона пѣхоты, одной сотни и дивизіона артиллеріи.

21-го іюля ханскіе джигиты ушли изъ квартиры нашего посольства, укравши часть посуды... Всю ночь на 22-е надъ городомъ стоялъ гулъ... Слышались звуки барабановъ и рожковъ. Половина ханскаго войска (около 4 тыс. пѣхоты) ушла къ инсургентамъ, со вторымъ сыномъ хана, Мухамедъ-Алимъ-Бекомъ... 22-го забунтовали и жители города Кокана. Ханъ нагрузилъ до 80 арбъ своею казною и выступилъ, подъ прикрытіемъ 8,000 войскъ, при 68-ми орудіяхъ, по дорогѣ въ Ходжентъ. Къ нему присоединилось и наше двойное посольство, т. е. Вейнбергъ и Скобелевъ, съ 22 казаками и 6 джигитами, да 9 купцами. За ними увязались коканскіе бунтари. Въ шести верстахъ отъ города ханъ хотѣлъ дать отпоръ и проучить своихъ вѣрныхъ подданныхъ, но все его войско съ пушками перешло къ бунтарямъ. Ханъ передался съ войсками ташкентцамъ. Поэтому измѣна сына и

бросился спасаться съ семьей къ Махраму. Не ожидая ничего подобнаго, наши послы очутились позади него и подвергнулись ружейному и артиллерійскому огню. Считая себя нейтральными, въ качествѣ пословъ, они отступали безъ выстрѣла, хотя нѣсколько разъ спѣшивались, въ видѣ угрозы, и тѣмъ дѣйствительно заставляли нападавшихъ останавливаться. Ханъ дожидался ихъ подъ выстрѣлами, а когда они присоединились черезъ полчаса, то уже шли не разлучаясь, то въ аріергардѣ, то въ конвоѣ хана. Преслѣдованіе прекратилось къ ночи и возобновилось на другой день, т. е. 23-го числа, хотя и довольно слабо, между Бишъ-Арыкомъ и Махрамомъ. У насъ убиты были только одинъ джигитъ и мальчикъ изъ купеческой прислуги; у хана убито 8 и ранено 9 человѣкъ, но зато двѣ арбы съ вещами пословъ и до 40 арбъ, съ ханскими деньгами, достались въ руки инсургентовъ. Съ дороги, еще 22-го числа, въ 12 верстахъ отъ Кокана, Вейнбергъ послалъ джигита съ запиской къ ходжентскому уѣздному начальнику подполковнику барону Нольде: „ханское войско все перешло къ мятежникамъ, по насъ стрѣляютъ и преслѣдуютъ. Высылайте хоть сотню на помощь, по дорогѣ въ Махрамъ и Бишъ-арыкъ. Отступаемъ съ ханомъ. 22-го іюля 1875 г., $3^3/_4$ въ 12 верстахъ отъ Коканда“.—23-го къ тому же Нольде пишетъ и Скобелевъ слѣдующее: „35 м. 8-го, подъ Махрамомъ. Приходится прикрывать ханское семейство, виднѣется погоня. Пришлите хоть сотню къ Махраму“. Обѣ записки получены были въ Ходжентѣ 23-го числа въ 10 и $11^1/_2$ час. утра. Согласно приказаній Головачева, баронъ Нольде тотчасъ послалъ къ Махраму 50 человѣкъ стрѣлковъ отъ 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, посадивъ ихъ верхомъ на лошадей, захваченныхъ у туземцевъ на базарѣ; съ конными стрѣлками онъ отправилъ еще до 20-ти своихъ джигитовъ и нѣсколько волонтеровъ изъ русскихъ жителей Ходжента. Что касается казаковъ, то во всей 6-й Сибирской сотнѣ оказалось на лицо только 4 человѣка Остальные были въ разныхъ командировкахъ, да полсотни спущено на льготу (рапортъ Нольде отъ 23-го іюля № 2132 л. 22—24 дѣла № 40 за 1875 г. окружнаго штаба).

Вслѣдъ за этой к о н н и ц е й, Нольде послалъ къ Махраму весь 7-й линейный баталіонъ и дивизіонъ 2-й батареи подъ общимъ начальствомъ командира той батареи полковника Савримовича, которому предложилъ принять хана и посольство подъ свою охрану и, при отступленіи, оставить по дорогѣ, въ 25 верстахъ, не доходя до Ходжента, въ сел. Костакозѣ, двѣ роты и два орудія, въ качествѣ нашего передового отряда. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Ура-Тюбе послано приказаніе перевести оттуда двѣ роты 2-го линейнаго баталіона въ Ходжентъ, — а командиру 4-го линейн. баталіона приказано послать изъ Ташкента одну роту за Чир-

чикъ въ укр. Тиляу, почти на полупути въ Коканъ. Въ этотъ же день 23-го числа ханъ съ семействомъ, свитой и нашимъ посольствомъ перешелъ границу и остановился на ночлегъ въ нашемъ селеніи Испассаръ. Преслѣдованіе ихъ прекратилось уже съ Махрама, такъ какъ мятежники прослышали, что на выручку къ хану идетъ изъ Ходжента русскій отрядъ. 24-го, въ 6 час. вечера въ Ходжентъ прибылъ бѣглый ханъ, съ семействомъ изъ 70 женщинъ и свитой въ 643 челов., пожитки и казна везлись на 40 арбахъ. Домъ уѣзднаго начальника послужилъ пріютомъ для семьи хана, а свиту расположили въ каравапъ-сараяхъ. Продовольствіе всѣхъ этихъ коканцевъ обходилось уѣздной казнѣ въ 200 рубл. ежедневно. Ханъ настоялъ, чтобы къ его казнѣ былъ приставленъ русскій караулъ, такъ какъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ онъ совсѣмъ не вѣритъ.

Вскорѣ получено было извѣстіе, что ханомъ провозглашенъ Насръ-Эддинъ, приказавшій немедленно усилить гарнизонъ въ Махрамѣ пятью тысячами сарбазовъ и 10 пушками, для противодѣйствія возвращенію своего папаши. Худояръ былъ до того увѣренъ, что Кауфманъ возстановитъ его на престолѣ, какъ это дѣлывалъ прежде бухарскій эмиръ, что не хотѣлъ и слышать о переѣздѣ въ Ташкентъ, куда его приглашали „честью“. Вейнбергу онъ заявилъ, что отдаетъ себя и свое ханство на милость государя императора („письмо Вейнберга л. 33 дѣла № 40“). Вейнбергъ говоритъ еще, что „переходъ въ 120 верстъ былъ трудный и небезопасный, но Богъ помогъ и мы не оставили законнаго владѣтеля Коканда, которому всѣ измѣнили. Честь русскаго имени и мундира поддержана, я полагаю, и на этотъ разъ“. Мы говорили выше, что и ханъ также не покинулъ посольства, когда оно отстало, и ждалъ нашихъ подъ выстрѣлами.

Вѣроятно, къ этому относится и слѣдующее мѣсто письма: „въ отношеніи насъ онъ велъ себя весьма благородно“.

Такъ какъ свободныхъ суммъ у Нольде было мало и долго кормить столько народу онъ не могъ, да и народъ-то разъѣзжалъ по городу съ заряженными ружьями, то, согласно представленія его, Кауфманъ приказалъ изъ Вѣрнаго, по телеграфу, 27 іюля, чтобы хана выслали въ Ташкентъ, ограничивъ свиту его до возможной крайности. Ханъ былъ потрясенъ предшествовавшими событіями и ему нездоровилось, да и выжидать своего возстановленія ему казалось лучше въ Ходжентѣ, по крайней мѣрѣ, ближе на 145 верстъ. Кромѣ того, удаленіе отъ границы, по его мнѣнію, сочтется за признакъ, что онъ болѣе въ Коканъ не возвратится, и потому мятежники тотчасъ разграбятъ все его имущество, дворецъ и прочее, чего пока изъ боязни не сдѣлали. Вмѣсто уменьшенія свиты, къ 27 числу, оказалось на довольствіи уже 643 чел., которые обходились намъ уже по 411 руб. въ сутки (рапорты

Нольде л. 66—69). Ханъ заявилъ, что гнать отъ себя насильно вѣрныхъ слугъ своихъ онъ не можетъ, но объявитъ имъ о разрѣшеніи возвратиться въ Кокандъ, кто пожелаетъ. Самъ же онъ не двинется съ мѣста, пока не получитъ отъ Кауфмана отвѣта на посланныя ему письма свои. Только 3 августа онъ заявилъ уѣздному начальнику, что черезъ день, т. е. 5 числа, онъ выѣзжаетъ въ Ташкентъ, куда 1-го числа вернулся изъ Семирѣченской области Кауфманъ...

8-го августа ханъ прибылъ въ Ташкентъ. Семья и свита превышали 400 человѣкъ. Конвоировала ихъ полусотня казаковъ въ 100 челов., высланная ранѣе изъ Ташкента, а въ виду полученныхъ тревожныхъ извѣстій, на встрѣчу выслано было еще 2 роты пѣхоты въ Той-Тюбе.

Коканцы, очевидно, слѣдили за ханомъ и прекрасно знали про сборы его въ дорогу на 5-е число, которые и не могли составлять секрета, если 400 сартовъ его свиты готовятся въ своихъ караванъ-сараяхъ. 5 и 6 августа нѣсколько сильныхъ партій кокандцевъ спустились съ горъ и наводнили ближайшія волости Кураминскаго уѣзда. Къ 5 часамъ дня одна партія заняла селеніе Аблыкъ, другая появилась передъ укрѣпленіемъ Теляу, гдѣ стояла одна рота 4-го линейн. баталіона и полусотня сибирскихъ казаковъ; множество болѣе мелкихъ партій, въ общемъ, однако, до 10,000 челов., разбрелись по селеніямъ долины р. Ангрена, чтобы поднять полукочевыхъ киргизовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Курамы и прервать почтовыя сообщенія Ходжента съ Ташкентомъ и Самаркандомъ. Ханъ какъ разъ ночевалъ, съ 6-го на 7-е, въ Бискентѣ (русскіе неправильно называютъ Пскентомъ, вопреки правиламъ тюркскихъ нарѣчій, не допускающихъ не только трехъ, но и двухъ согласныхъ въ началѣ слова), значитъ, верстахъ въ двадцати отъ искавшихъ его вѣрноподданныхъ шаекъ... Въ два часа ночи извѣстія изъ Аблыка и Теляу дошли до Ташкента, и черезъ 4 часа генералъ Головачевъ уже выступилъ къ Теляу съ $4^1/_2$ сотнями 1-го Сибирскаго казачьяго полка, а еще черезъ $2^1/_2$ часа, т. е. въ $8^1/_2$ ч. утра туда же двинулся 2-й стрѣлковый баталіонъ, съ дивизіономъ конныхъ орудій. Дальнѣйшее путешествіе хана было, такимъ образомъ, вполнѣ обезпечено и 8-го числа утромъ онъ прибылъ въ Ташкентъ.

Курама еще помнила погромы, производившіяся у нея кокандцами, во время безпрерывныхъ походовъ ихъ противъ Ташкента, и потому тотчасъ давала знать намъ о появленіи шаекъ, представляя по начальству и прокламаціи афтобачи о хазаватѣ или джехадѣ, т. е. о войнѣ за вѣру, которую русскіе вовсе и не трогали. Только пограничныя селенія, изъ страха мести, пристали къ коканскимъ шайкамъ.

Коканскія шайки, не смотря на свою разбросанность, дѣйство-

вали, очевидно, по строго обдуманному плану, имѣя, какъ видно, общаго распорядителя, въ лицѣ афтобачи и наманганскаго кипчака Зульфакара, командовавшаго наиболѣе сильнымъ отрядомъ въ 6,000 челов. и дѣйствовавшаго въ долинѣ Ангрена. Въ одинъ и тотъ же день 8 августа сдѣланы нападенія на разные пункты почтовыхъ сообщеній: между Ходжентомъ и Ура-Тюбе на станцію, возлѣ брошеннаго укрѣпленія Нау, затѣмъ между Ходжентомъ и Ташкентомъ, гдѣ сожжены три ближайшія къ Ходженту станціи Мурза-Рабатъ, Джанъ-Булакъ и Уральская. На Мурза-Рабатѣ старостой былъ состоявшій въ запасѣ стрѣлокъ 3-го стрѣлковаго баталіона Степанъ Яковлевъ (изъ крестьянъ Псковской губ.). Сосѣди-киргизы дали ему знать о появленіи шайки. Киргизы ямщики сѣли на почтовыхъ лошадей и ускакали, совѣтуя то же и Яковлеву, но тотъ рѣшился защищаться на станціи, окруженной высокими стѣнами съ двумя башнями по угламъ.

Это былъ маленькій фортъ, гдѣ рота могла бы отлично обороняться. Проникнуть во дворъ укрѣпленной станціи можно было только черезъ ворота. Яковлевъ былъ человѣкъ богатырскаго сложенія. Онъ заперъ ворота, завалилъ ихъ разными повозками и дровами, затѣмъ загородилъ окна и двери станціи также дровами и разною мебелью и сталъ поджидать непрошенныхъ гостей. На станціи было два ружья и одна винтовка. Яковлевъ влѣзъ на башню, обстрѣливавшую ворота, и когда коканцы подскакали сюда съ визгомъ и гамомъ, онъ встрѣтилъ ихъ въ упоръ тремя выстрѣлами, изъ которыхъ ни одинъ не пропалъ даромъ. Кокандцы отхлынули, засѣли въ разныхъ постройкахъ невдалекѣ отъ станціи и пустились въ переговоры. Яковлевъ парламентеровъ не признавалъ и сваливалъ ихъ одного за другимъ. Когда стало темнѣть, коканцы выбрались изъ закрытій и со всѣхъ сторонъ бросились на укрѣпленіе, помогая смѣльчакамъ влѣзть на стѣны. Заряженіе ружей требовало, конечно, времени и Яковлевъ, понятно, стрѣлялъ съ перерывами. Этими перерывами и воспользовались нападающіе, успѣвшіе сдѣлать проломъ въ воротахъ. Яковлевъ спустился съ башни къ пролому и закололъ здѣсь штыкомъ двухъ — трехъ смѣльчаковъ, пролѣзшихъ подъ повозками. Коканцы отбѣжали, но всю ночь стрѣляли по воротамъ, чтобы не дать возможности ихъ исправить. Утромъ на другой день они навезли сухого клевера и стали кидать зажженные снопы черезъ проломъ въ воротахъ и чрезъ стѣны. Яковлевъ укрылся въ станціонный домъ... Это была ошибка: лучше было оставаться на башнѣ, съ которой видна и внутренность двора и обстрѣлъ больше. Коканцы влѣзли на крышу дома, пробили потолокъ и закидали комнаты горящими снопами клевера. Яковлевъ рѣшился сдѣлать вылазку въ надеждѣ пробиться черезъ толпу къ роднику, надъ которымъ выстроенъ былъ куполообразный на-

весь съ однимъ только входомъ. Всего пробѣжать надобно шаговъ сорокъ. Богатырь нашъ пробился въ воротахъ, но не добѣжалъ до цѣли какихъ-нибудь 15 шаговъ и палъ подъ ударами сабель, успѣвъ и самъ уложить нѣсколько человѣкъ. Голову его отрубили и увезли...

Въ 1877 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ онъ геройскою смертію и гдѣ было погребено его тѣло, положена была плита изъ песчаника съ надписью: „Безсрочно отпускной 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона стрѣлокъ Степанъ Яковлевъ Яковлевъ.

Убитъ шайкою коканцевъ, защищая Мурза-Рабатскую почтовую станцію 6 августа 1875 года.

Доблестному туркестанскому воину на память, пожертвованіями проѣзжающихъ. 1877".

Какіе-то негодяи, безъ сомнѣнія коканцы же, разбили плиту на куски. Офицеры и солдаты 3-го стрѣлковаго баталіона устроили, въ складчину, новый и весьма изящный памятникъ изъ скалы серебристаго гранита съ мраморнымъ крестомъ и чугунною доскою, на которой золотыми буквами написано:

„Стрѣлку Степану Яковлеву.

„Доблестно павшему 6 августа 1875 года, послѣ двухъ-дневной защиты имъ станціи Мурза-Рабатъ противъ шайки коканцевъ.

„Офицеры и стрѣлки 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона. 1895 года".

Въ двадцатую годовщину славной смерти героя, сюда прибыла охотничья команда баталіона, съ нѣсколькими офицерами и священникомъ стрѣлковой бригады. Отслужена была панихида, освященъ памятникъ и дано три ружейныхъ залпа въ честь вѣрнаго и храбраго слуги царя и отечества. Прежняя разбитая доска склеена цементомъ и укрѣплена въ цоколѣ новаго памятника.

Послѣ нападеній на станціи 8 августа 1875 года, вечеромъ въ тотъ же день, до 15 т. коканцевъ напали и на самый Ходжентъ. Нѣсколько русскихъ ямщиковъ и старостъ было зарѣзано, нѣсколько попало въ плѣнъ. Проѣзжавшіе изъ Ура-Тюбе въ Ходжентъ врачъ 2-го линейн. баталіона Петровъ и казначей прап. Васильевъ были зарѣзаны, а шестилѣтняя дочь доктора увезена въ Коканъ. Ѣхавшіе изъ Ташкента въ Ходжентъ со станціи Мурза-Рабатъ два юнкера 2-го лин. баталіона Колусовскій и Эйхгольмъ захвачены также и увезены въ Махрамъ къ афтобачи, а ямщикъ ихъ зарѣзанъ. Всего захвачено русскихъ было 18 человѣкъ и всѣ они впослѣдствіи возвращены. Раньше всѣхъ, а именно на другой день, отпущенъ былъ Эйхгольмъ, остальные только послѣ Махрамскаго боя.

По выступленіи отряда Головачева, двинутъ былъ, на усиле-

піе Ходжентскаго гарнизона, стрѣлковый баталіонъ, съ другимъ дивизіономъ конной батареи.

При первыхъ извѣстіяхъ о коканскихъ волненіяхъ и нападеніи на посольство, Головачевъ приказалъ готовиться къ походу: изъ Чемкента—двумъ сотнямъ 3-го полка, изъ Ташкента—8 ротамъ стрѣлковой бригады, т. е. 1-му и 2-му баталіонамъ, 2 ротамъ 4-го лин. баталіона, ротѣ саперъ, пяти сотнямъ казаковъ, казачьей батареѣ, дивизіону 1-й батареи и ракетному дивизіону. Кромѣ того изъ Ура-Тюбе въ Ходжентъ передвинуты двѣ роты 2-го линейнаго баталіона, а изъ Чиназа въ Ура-Тюбе одна рота того же баталіона.

Начальнику артиллеріи предложено отпустить двойной комплектъ зарядовъ, снарядовъ и патроновъ; войскамъ заготовить, изъ экономіи холста, переносныя палатки. Отправленныя на льготу полусотни 3-го Оренбургскаго и 1-го Сибирскаго полковъ задержаны на пути въ г. Чимкентѣ и Ташкентѣ.

Самъ Кауфманъ телеграфировалъ изъ Вѣрнаго, 26 іюля, о заготовкѣ сухарей на 4,000 чел. на 3 недѣли, такъ какъ 3-недѣльный запасъ ихъ имѣлся въ магазинахъ Ташкента — 227 четвертей, и Ходжента—92 четверти; чаю и сахару велѣно заготовить на 6 недѣль. Сухари поручено изготовить 4-мъ ротамъ Ташк. губ. баталіона, 2 ротамъ 4-го линейн. и 4 ротамъ 4-го стрѣлковаго баталіоновъ, которымъ отпущена была мука и приказано выпекать въ недѣлю не менѣе 70 четвертей каждой ротѣ. Для перевозки провіанта и войсковыхъ тяжестей рѣшено нанять арбы по 30 руб. въ мѣсяцъ. Верблюдовъ брали только подъ ракеты и частію подъ провіантъ, въ самомъ незначительномъ числѣ. Спѣшность снаряженія и быстрота событій не позволили ждать окончанія операцій выпечки сухарей, и войска выступили, имѣя при себѣ 8-дневный запасъ провіанта и комплектъ патроновъ и зарядовъ. Второй комплектъ и провіантъ на 15 дней везлись въ обозѣ. Продовольствіе разсчитано было на 4,500 человѣкъ и 1,500 коней. Походный лазаретъ — на 150 кроватей.

Наемъ арбъ задержалъ выступленіе послѣднихъ частей до 12 августа. Нанято было 1,500 арбъ.

Между тѣмъ Кауфманъ получилъ отъ новаго хана письмо съ извѣщеніемъ о совершившемся переворотѣ и желаніи жить въ мирѣ съ Россіей. Кауфманъ отвѣчалъ, что онъ готовъ признать молодого хана въ его новомъ достоинствѣ, если онъ: 1) подтвердитъ съ своей стороны обязательство свято исполнять заключенныя съ его отцомъ мирныя условія и 2) удовлетворитъ нашихъ подданныхъ за убытки, понесенные ими во время послѣднихъ смутъ. Считая политическую роль Худояръ-хана оконченною, Кауфманъ предложилъ ему выѣхать въ Оренбургъ для постояннаго жительства. Единственное указаніе на это встрѣчается въ

письмѣ полковника Фриде генералу Бардовскому отъ 11 августа (л. 144): „Аминовъ съ эшелономъ выступаетъ завтра прямо въ Пскентъ. Константинъ Петровичъ Кауфманъ ѣдетъ также завтра, проводивъ хана".

Въ виду того, что съ выступленіемъ изъ Ташкента въ походъ большей части гарнизона, тамъ оставалось весьма мало войскъ *), а въ народѣ замѣтно было возбужденіе, и что даже одинъ рядовой былъ раненъ выстрѣломъ изъ ружья, вечеромъ 6 августа, близъ дома ташкентскаго градоначальника, приказано было раздать ружья и по 20 патроновъ всѣмъ писарямъ разныхъ управленій и сборной командѣ. Слѣдовавшимъ въ округъ партіямъ повобранцевъ высланы на встрѣчу также по одной винтовкѣ на 5 человѣкъ. Всѣхъ ихъ, числомъ въ 1,600 человѣкъ задержали въ Ташкентѣ. На всѣ почтовыя станціи отъ Ташкента, по тракту на Ауліе-Ата, на Ходжентъ и чрезъ Чиназъ, по трактамъ на Ура-Тюбе и на Джизакъ, также выслано по 7 и по 15 винтовокъ съ 20 патронами на каждую. Ружья и патроны, хранившіеся въ складѣ лабораторіи, построенной внѣ Ташкентской крѣпости, перенесены въ крѣпость. Наконецъ, рѣшено собрать всѣхъ безсрочно и временно отпускныхъ, но ружей имъ не давать, въ виду плохой репутаціи безсрочныхъ, до распредѣленія ихъ въ части войскъ. Ихъ собралось до 600 человѣкъ.

Шайки коканцевъ появились и въ предѣлахъ Ауліеатинскаго и Токмакскаго уѣздовъ. Уѣздные начальники, по тогдашнему положенію, становились, въ военное время, начальниками войскъ, въ ихъ уѣздахъ расположенныхъ, и потому весьма ретиво принялись командовать войсками... Каждый превращался изъ полицейскаго чиновника въ командира передового отряда и не хотѣлъ упускать случая, въ особенности когда семирѣченскій губернаторъ возбудилъ вопросъ объ охраненіи границъ со стороны Кашгара, Кокана и Кульджи. Ауліеатинскій уѣздный начальникъ маіоръ Геруа и токмакскій—полковникъ Лиссовскій тотчасъ двинулись на границу. Первый увѣрялъ, будто съ Чаткала идутъ къ нему 10,000 коканцевъ, и потому пошелъ на нихъ съ пѣхотой и кавалеріей, но пѣхоты было всего 70 человѣкъ и кавалеріи только 62 казака!.. Правда, онъ набралъ до 800 каракиргизовъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, но считалъ ихъ ненадежными.

Въ телеграммѣ своей отъ 21 августа Геруа пишетъ въ заключеніе: „если съ своимъ отрядомъ отброшу непріятеля съ Чаткала, надо наступить на тѣхъ, которые находятся за границей у перевала Чонашъ. Для такой экспедиціи мнѣ необходимо подкрѣпленіе".

Что касается Лиссовскаго, то онъ, того же 21 августа, донесъ семирѣченскому губернатору, что онъ идетъ съ полутора сот-

*) 2 баталіона, 1 рота, 1½ сотни и 6 орудій.

нями сибирскихъ казаковъ за границу навести панику на Андижанъ и Наманганъ, отхватить табуны афтобачи, а потомъ двинется далѣе на соединеніе съ главными нашими силами, т. е. въ Ходжентъ!

Командовавшій семирѣченскими войсками генералъ Михаловскій, телеграфируя объ этомъ 25 августа, прибавляетъ: „онъ ушелъ такъ далеко, что мои распоряженія не могутъ остановить этого, ни съ чѣмъ не сообразнаго движенія. За дѣйствія Лиссовскаго, не слушающаго ни меня, ни губернатора, не отвѣчаю".

Все это, конечно, похоже на оперетку, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ о несомнѣнной смѣлости этихъ людей. Геруа не нашелъ ни одной шайки и вернулся, а Лиссовскій сходилъ таки за границу и отбилъ 14,000 барановъ.

Ходжентскій уѣздный начальнихъ баронъ Нольде, тотчасъ послѣ появленія коканскихъ шаекъ подъ Ходжентомъ, объявилъ весь уѣздъ въ осадномъ положеніи и вступилъ въ права командира отдѣльнаго корпуса...

Коканцы начали нападеніе на Ходжентъ въ 2 часа утра 9-го числа, подкравшись къ городу совершенно неожиданно, не смотря на то, что съ вечера еще, наканунѣ засады, въ семи верстахъ по Коканской дорогѣ, выставлена была вторая рота 2-го линейнаго баталіона и 40 казаковъ, подъ командой капитана Арванитаки, а къ воротамъ города, по той же дорогѣ, выставлена вторая рота 7-го линейнаго баталіона. Впрочемъ эти мѣры, въ сущности, нисколько не отвѣчали своему прямому назначенію: не пропустить въ городъ вооруженныхъ шаекъ, такъ какъ старая городская стѣна, коканской постройки, давно осыпалась во многихъ мѣстахъ, кое-гдѣ и совсѣмъ обвалилась. Пробраться въ городъ, незамѣтно садами, а затѣмъ обвалами было не трудно. Небольшая партія коканцевъ пробралась въ 2 часа утра къ войсковому огороду и убила одного огородника, но остальные 20 человѣкъ огородниковъ уѣздной команды открыли огонь и прогнали шайку.

Съ разсвѣтомъ огромное скопище коканцевъ напало на роту капитана Арванитаки. Рота, стоявшая у воротъ, тотчасъ двинулась на выстрѣлы. Сюда же высланы еще двѣ роты 7-го линейнаго баталіона и дивизіонъ второй батареи. Весь отрядъ подполковникъ Нольде поручилъ командиру батареи полковнику Савримовичу, который тотчасъ началъ наступленіе и оттѣснилъ толпу далеко за сады.

Считать непріятеля, не имѣщаго регулярнаго строя и подраздѣленій на роты и баталіоны, а стоящаго толпою, конечно, трудно, а потому здѣсь, на глазомѣръ, опредѣлили толпу въ 10—15 тысячъ. Оно и не вредитъ: чѣмъ больше насчитаешь, тѣмъ больше славы!

Вслѣдъ за этимъ нападеніемъ, появилась большая коп-

пая толпа и на правомъ берегу Сыра, со стороны кишлака Самгара, занятаго коканцами еще 7-го числа. Толпа стремилась къ къ деревянному мосту черезъ Сыръ, устроенному полковникомъ Флавицкимъ на собственныя средства, ради выгоднаго помѣщенія капитала. Толпу и здѣсь считали глазомѣрно въ 6—10 тысячъ. Нольде послалъ на мостъ, бѣгомъ, стрѣлковую роту 2-го линейнаго баталіона прапорщика Хомичевскаго, а затѣмъ и стрѣлковую роту 7-го линейнаго баталіона, со взводомъ артиллеріи штабсъ-капитана Бѣлозерова.

Непріятель отхлынулъ, послѣ непродолжительнаго огня съ нашей стороны.

Говорятъ, что афтобачи выразилъ желаніе, по взятіи Ходжента, посидѣть на этомъ мосту и затѣмъ сжечь его. Сохраненіе моста, какъ единственнаго сообщенія, наступавшихъ отъ Ташкента главныхъ силъ нашихъ съ Ходжентомъ и Коканскимъ ханствомъ, было дѣломъ особенной важности.

Не успѣли покончить съ этой стороны, какъ услышали побѣдные клики непріятеля и въ тылу, со стороны воротъ, по дорогѣ въ укр. Нау. Сюда посланъ бѣгомъ—взводъ уѣздной команды подъ начальствомъ штабсъ-капитана Грязнова. Подбѣжавъ къ воротамъ, Грязновъ увидѣлъ, что онѣ заняты уже коканцами. Сдѣлавъ залпъ, Грязновъ ударилъ въ штыки и выбилъ коканцевъ изъ города.

Къ вечеру толпы непріятеля отступили, оставивъ на всѣхъ окрестныхъ высотахъ сильные пикеты. Войска наши остались на занятыхъ позиціяхъ и на ночь. Между тѣмъ мелкія шайки коканцевъ проникали чрезъ проломы въ стѣнахъ, угрожая русской слободкѣ, а резерва никакого не было, для ихъ отраженія и для защиты семействъ чиновъ гарнизона. Поэтому имъ предложено было перебраться въ цитадель. Воинскій начальникъ Ходжента, капитанъ Ваулинъ собралъ кашеваровъ, хлѣбопековъ, писарей и другихъ нестроевыхъ, которымъ уже розданы были ружья и подъ прикрытіемъ такой почтенной силы, семьи офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ переселились благополучно за надежныя стѣны цитадели.

Все-таки, въ качествѣ болѣе надежнаго резерва, на городскую площадь была поставлена стрѣлковая рота 7-го линейнаго баталіона, переведенная сюда изъ-за моста, а къ Наускимъ воротамъ поставлена 4-я рота того же баталіона и взводъ артиллеріи, переведенные сюда изъ отряда полк. Савримовича. Ваулинъ составилъ еще команду волонтеровъ изъ купцовъ, ихъ приказчиковъ и отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которымъ и раздалъ ружья, оставшіяся отъ некомплекта 7-го баталіона. Волонтеры эти должны были защищать цитадель, которая и приведена была въ оборонительное положеніе. На всѣхъ барбетахъ выставлены были орудія, а

полупудовый единорогъ выдвинутъ былъ, подъ прикрытіемъ полувзвода пѣхоты, къ госпиталю, на высокомъ берегу Сыра.

Вечеромъ въ этотъ день число защитниковъ увеличилось еще 16 человѣками: это были рабочіе со стекляннаго завода купца Исаева въ сел. Дигмай, въ 12 верстахъ отъ города. На заводъ напала шайка въ 300 человѣкъ, среди которыхъ рабочіе узнали и нѣсколькихъ жителей Дигмая. Рабочіе заперлись въ жилой комнатѣ завода и отстрѣливались до 5 часовъ вечера безъ потери. Нападавшіе, потерявъ около 20 человѣкъ, оставили рабочихъ въ покоѣ и занялись грабежемъ завода, а затѣмъ и сожженіемъ его. Рабочіе же благополучно выбрались и явились въ Ходжентъ. Ночь прошла спокойно. На другой день 10 августа шла только слабая перестрѣлка, со стороны Коканскихъ и Наускихъ воротъ. Въ 2 часа пополудни прибыла изъ Ура-Тюбе 4-я рота 2-го баталіона съ маіоромъ Скарятинымъ, отбивавшая нападенія коканскихъ скопищъ на протяженіи 25 верстъ. Роту эту поставили въ въ резервъ на площадь, а стоявшую здѣсь стрѣлковую 7-го баталіона перевели къ Савримовичу. 11-го числа коканцы снова пытались овладѣть мостомъ, но были отбиты. Съ разсвѣтомъ 12-го числа Савримовичъ двинулся впередъ къ сел. Костакозу, двинувъ влѣво на сел. Испассаръ 7-й баталіонъ подполковника Ефремова. Коканцы были опрокинуты удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи. Къ полудню дѣло было окончено, и къ вечеру отрядъ воротился въ Ходжентъ, сдѣлавъ въ этотъ день до 50 верстъ. Въ этотъ же день пришелъ изъ Ташкента 1-й стрѣлковый баталіонъ, съ дивизіономъ конныхъ орудій, подъ командой подполковника Гарновскаго, и черезъ день замѣнилъ усталыя войска гарнизона на всѣхъ угрожаемыхъ пунктахъ. Съ приходомъ подкрѣпленій прекратились и нападенія коканцевъ.

14-го августа изъ Ходжента къ Ура-Тюбе сдѣланъ былъ поискъ полутора ротами 2-го баталіона, съ 2 орудіями. Оказалось, что слухи о нападеніи непріятеля на Ура-Тюбе были ложны и хотя Нау, по прежнему было занято ими, но отрядъ прошелъ туда и обратно безъ выстрѣла. Между тѣмъ, кромѣ тревожныхъ извѣстій о нападеніи на Ходжентъ, до Кауфмана дошли слухи о движеніи коканскихъ партій и къ Паркенту, всего въ 40 верстахъ отъ Ташкента. Поэтому Кауфманъ приказалъ поторопиться съ арбами для транспорта, съ которыхъ намѣревался выступить и самъ, Голавачеву приказалъ поскорѣе очистить Кураминскій уѣздъ отъ скопищъ непріятеля, для обезпеченія сообщеній съ Ташкентомъ при дальнѣйшемъ движеніи войскъ, а къ сторонѣ Паркента выслалъ, въ ночь на 11 августа, летучій отрядъ изъ 2 сотенъ съ ракетнымъ дивизіономъ, подъ начальствомъ полковника Скобелева. Отрядъ этотъ обошелъ весь сѣверо-восточный уголъ уѣзда, не нашелъ никакихъ коканскихъ

шаекъ и вышелъ на станцію Кара-су, сдѣлавъ въ два дня 175 верстъ, въ томъ числѣ 50 по горамъ. 11-го числа Кауфманъ получилъ донесеніе Головачева о разбитіи имъ, безъ потерь съ нашей стороны, шеститысячнаго скопища Зульфакара, бѣжавшаго въ коканскіе предѣлы. Это извѣстіе о первомъ нашемъ успѣхѣ, тотчасъ было объявлено жителямъ Ташкента, Чимкента и Ауліе-Ата.

Собираясь въ походъ, Кауфманъ назначилъ вмѣсто себя командующимъ войсками округа — командира стрѣлковой бригады генералъ-маіора Бордовскаго, а начальникомъ военно-народнаго управленія своего правителя канцеляріи генералъ-маіора Гомзина.

Какъ уже сказано, транспорты поспѣли только къ ночи 11 числа; поэтому Кауфманъ выступилъ съ эшелономъ полковника барона Аминова, прикрывавшимъ транспортъ. Въ тотъ-же день злополучный Худояръ-ханъ, со своими женами и деньгами, отправился въ Оренбургъ. Интересна дальнѣйшая судьба этого пріобрѣтателя: отпросившись на богомолье въ Мекку, онъ былъ до чиста обокраденъ своимъ слугою уже въ Аравіи и остался въ Меккѣ, живя подаяніемъ!

Итакъ, Кауфманъ выѣхалъ 12-го августа. 13-го на бивакѣ у Кара-су, онъ приказалъ сформировать въ Кураминскомъ уѣздѣ два летучихъ отряда, по 1 ротѣ и по двѣ сотни въ каждомъ. Одинъ, изъ Теляу, долженъ былъ охранять почтовыя сообщенія со стороны горъ; другой, между станціями Келеучи, Бискентомъ и Джанбулакомъ, охранять почтовый трактъ непосредственно. Въ тотъ же день получено было новое донесеніе Головачева о томъ, что посланные имъ на поискъ четыре сотни сибирскихъ казаковъ, подъ начальствомъ командира 1-го Сибирскаго казачьяго полка подполковника Елгаштина, застигли врасплохъ ночью на 12-е число, въ горномъ ущельи, коканскую шайку изъ 800 чел. и почти всю ее уничтожили: 500 труповъ остались на мѣстѣ, захвачено много оружія. Это извѣстіе также было отпечатано въ Ташкентѣ на мѣстномъ нарѣчіи и разослано туземцамъ. 14-го августа на дневкѣ у Бискента, полученъ подробный рапортъ ходжентскаго уѣзднаго начальника о ходѣ обороны Ходжента противъ коканцевъ. Рапортъ этотъ привезла стрѣлковая рота Хамичевскаго, посланная на арбахъ, по 6 чел. на каждой. До первой разрушенной станціи Мурзарабатъ, 25 верстъ, рота все время отстрѣливалась отъ насѣдавшихъ на нее коканцевъ. Кауфманъ велѣлъ послать въ Ташкентъ, Самаркандъ, Чемкентъ, Ауліеата и Вѣрный слѣдующее объявленіе: „Коканцы, вторгнувшіеся въ наши предѣлы, въ Кураминскій и ходжентскій уѣзды, разбитые на всѣхъ пунктахъ, ушли обратно въ коканскія владѣнія. Въ Кураминскомъ уѣздѣ одна шайка уничтожена совершенно. Ходжентъ былъ атакованъ, съ разныхъ сторонъ, огромными непрія-

тельскими скопищами; но гарнизонъ Ходжентскій отбилъ всѣ нападенія непріятеля и, перейдя въ наступленіе, преслѣдовалъ коканцевъ до границы".

15-го августа эшелонъ Аминова прибылъ къ ст. Уральской и здѣсь соединился съ отрядомъ Головачева, прибывшимъ изъ Теляу, чрезъ Кара-су. Еще не сформированные два летучихъ отряда замѣнены однимъ изъ 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ, отданныхъ въ распоряженіе кураминскаго уѣзднаго начальника полковника Гуюса. Первые успѣхи наши, разглашенные печатными объявленіями, быстро успокоили жителей г. Ташкента и Кураминскаго уѣзда. Только въ одномъ Самгарѣ осталась еще значительная партія коканцевъ, благодаря отдаленности этого селенія отъ нашихъ войскъ и трудности доступа. 18-го августа туда посланъ былъ съ ночлега у Мурзарабата летучій отрядъ изъ 2-хъ сотенъ и ракетнаго дивизіона подъ командою Скобелева, но онъ засталъ тамъ только остатки партіи, да и тѣ немедленно ускакали къ переправѣ у Чилъ-Махрама, вслѣдъ за партіей, и перебрались на лѣвый берегъ, въ коканскіе предѣлы.

Главныя силы наши, обойдя на послѣднемъ переходѣ къ Ходженту, по почтовой дорогѣ, горы и выйдя къ рѣкѣ Сыру, остановились здѣсь, чтобы пропустить въ Ходжентъ весь обозъ. Отсюда по берегу рѣки влѣво двинуто было 2 роты и 4 конныхъ орудія, подъ командой флигель-адъютанта полковника графа Борха, также къ Самгару, на помощь Скобелеву. Мѣра эта оказалась ненужною, и оба отряда пришли въ Ходжентъ лишь поздно ночью, сдѣлавъ понапрасну — Скобелевъ 70 верстъ, а Борхъ 60. Кауфманъ вступилъ въ Ходжентъ въ часъ дня и, пройдя городъ, расположилъ войска на такъ называемомъ коканскомъ полѣ, въ 7 вер. отъ города, гдѣ стоялъ прежде отрядъ Савримовича.

Наканунѣ въ Ходжентъ вступили еще 2 сотни, съ ракетнымъ дивизіономъ, присланныя изъ Самарканда, подъ командой полковника Яфимовича. 280 вер. онѣ сдѣлали въ 3½ дня и пришли въ отличномъ состояніи. Дорогою онѣ тревожимы не были, да и видѣли непріятеля лишь въ окрестностяхъ Нау, гдѣ по горамъ раскинуты были коканскіе пикеты.

19-го августа всѣ войска имѣли дневку. Непріятель уже не показывался въ окрестностяхъ города и не безпокоилъ нашего лагеря.

Генералъ Абрамовъ послалъ изъ Самарканда также и въ укр. Ключевое (подъ Джизакомъ), одну роту пѣхоты, для усиленія гарнизона.

Въ Ташкентѣ, генералъ Бардовскій, озабоченный недостаткомъ казаковъ, приказалъ отобрать по 50 лучшихъ стрѣлковъ отъ каждой роты 4-го стрѣлковаго баталіона, а чтобы добыть для

пихъ лошадей, не придумалъ со своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Щетининымъ ничего лучше, какъ просить и. д. губернатора собрать 100 конныхъ джигитовъ, которые бы имѣли по 3 лошади: одну для себя, а двѣ для стрѣлковъ. Вольнонаемныхъ джигитовъ было по нѣсколько человѣкъ при полиціи, да у нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ народнаго управленія, но подъ видомъ ихъ, разъѣзжали по городу вооруженные туземцы весьма подозрительнаго свойства. Поэтому приказано было, чтобы джигиты не смѣли разъѣзжать партіями, а если посылаются въ разъѣздъ, то не иначе, какъ подъ начальствомъ полицейскаго чиновника. Нанимались въ джигиты обыкновенно люди не богатые, для которыхъ и одна-то лошадь составляла богатство, поэтому достать цѣлую сотню джигитовъ, съ тремя стами лошадей, было просто немыслимо. И. д. военнаго губернатора ген.-маіоръ Эйлеръ, соглашаясь съ мнѣніемъ кураминскаго уѣзднаго начальника полковника Гуюса, предложилъ, для передвиженія стрѣлковъ, въ случаяхъ командировокъ, слѣдующее: со стрѣлками идутъ волостные управители тѣхъ волостей, чрезъ которые стрѣлки должны будутъ слѣдовать, и доставляютъ на каждый переходъ нужное число лошадей и джигитовъ. На этомъ и согласились, но ни разу волостныхъ уже не тревожили, потому что порядокъ въ уѣздѣ не нарушался и почтовыя сообщенія съ Ходжентомъ возстановились.

Такимъ образомъ закончился первый періодъ совершившихся событій. Оборона наша окончилась, шайки непріятеля вытѣснены изъ нашихъ предѣловъ и теперь предстояло хорошенько проучить коканцевъ, чтобы и впредь имъ повадно не было задирать насъ воровскимъ образомъ, нападая врасплохъ на безоружныхъ и беззащитныхъ ямщиковъ и проѣзжающихъ.

ГЛАВА XIV.

Составъ отряда вторженія. Перестрѣлка 21 го августа. Махрамскій бой 22-го августа. Третьи роты 1-го и 2-го стрѣлковыхъ баталіоновъ — Федорова и Ранау. Штурмъ крѣпости. Дѣйствія кавалеріи. Трофеи. Посольство отъ хана. Занятіе столицы 29-го августа. Телеграмма отъ государя. Визиты Кауфмана къ хану и Мирзѣ-Хакиму 3-го сентября, въ сопровожденіи войскъ. Ненужный обозъ. Летучіе отряды Калитина и Абграля. Движеніе къ Маргелану. Сдача безъ боя. Летучій отрядъ Скобелева въ погоню за афтобачи. Брошенныя пушки. Занятіе Оша. Депутаціи отъ 4-хъ городовъ. Сдача Ата-Кула и Хаалыкъ-Назара. Печальное бѣгство афтобачи. Мекское знамя священной войны припрятано. Киргизы удивлены занятіемъ Оша. Контрибуція припасами и лошадьми. Депутаціи въ сущности шіоны. Требованіе выдачи афтобачи. Возвращеніе Скобелева въ Маргеланъ. Сдача Мурадъ-Бека. Пріѣздъ новаго хана. Договоръ 23-го сентября. Россія пріобрѣла правый берегъ р. Нарына съ Намангономъ. Выступленіе туда войскъ.

Войска, собранныя подъ Ходжентомъ, для вторженія въ Коканское ханство, состояли: пѣхота—изъ роты саперъ, 3-хъ ротъ 2-го линейн., двухъ ротъ 4-го линейн., двухъ ротъ 7-го линейн. баталіономъ и 8 ротъ 1-го и 2-го стрѣлковыхъ баталіоновъ; артиллерія — изъ дивизіона 1-й пѣшей батареи, 2-й пѣшей батареи, 3-ей конной казачьей Оренбургской, и ракетной батареи; кавалерія—изъ 8 сотенъ. Всего: 16 ротъ, 20 орудій, 8 ракетныхъ станковъ и 8 сотенъ.

Начальникомъ кавалеріи назначенъ былъ Скобелевъ, помощникомъ къ нему адъютантъ Кауфмана, подполковникъ Адеркасъ. Кавалерія раздѣлена на 4 дивизіона, по двѣ сотни въ каждомъ. По свѣдѣніямъ отъ жителей и лазутчиковъ, главныя силы афтобачи занимали укрѣпленную позицію у крѣпости Махрама, въ 44 вер. отъ Ходжента. Имѣя въ виду смѣлость непріятельской конницы и предполагая, что вся экспедиція ограничится разбитіемъ скопищъ афтобачи да занятіемъ Кокана, Кауфманъ рѣшилъидти налегкѣ, съ самымъ малымъ числомъ арбъ, только подъ лазаретъ, войсковыя кухни, да подъ патроны и заряды. Офицерамъ приказано взять только самое необходимое, и то на вьюкахъ. Провіантъ раздать на руки людямъ, только на 4 дня. Зарядовъ и патроновъ взять только одинъ комплектъ. На разсвѣтѣ 20-го августа войска выступили къ Махраму и, пройдя 22½ вер., остановились на границѣ, у берега Сыра. 21-го, съ разсвѣтомъ, войска продолжали движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: по дорогѣ шла пѣхота съ артиллеріей и обозомъ въ походной

колоннѣ; правѣе, безъ дороги, шла кавалерія съ дивизіономъ конныхъ орудій и ракетною батареей.

Впереди пѣхотной колонны шла рота саперовъ, за нею 1-й стрѣлковый баталіонъ, между ротами коего шла 2-я пѣшая батарея, далѣе шелъ 2-й стрѣлковый баталіонъ, за нимъ 3-я рота 2-го линейнаго баталіона, съ дивизіономъ конной батареи; затѣмъ обозъ лазарета и казачій, за ними двѣ роты 4-го линейнаго баталіона съ дивизіономъ 1-й пѣшей батареи. Въ хвостѣ колонны шли двѣ роты 7-го линейнаго баталіона. Пѣхота шла во взводныхъ колоннахъ, артиллерія по-дивизіонно. Обозы, съ кухнями и патронами, шли при своихъ частяхъ.

Кавалерія шла, какъ сказано, правѣе и равняясь съ пѣхотой. Въ первой линіи шли четыре конныхъ орудія, между двумя дивизіонами во взводныхъ колоннахъ, на правомъ флангѣ шла ракетная батарея. Во второй линіи шли остальные два дивизіона въ полковой колоннѣ. Разстояніе между линіями 500 шаговъ.

Первые пикеты непріятельскіе показались въ 6 вер. за границей. Отрядъ тотчасъ перестроился въ боевой порядокъ: 2-я батарея Савримовича развернулась; справа и слѣва стали, во взводныхъ колоннахъ, по двѣ роты 1-го стрѣлковаго баталіона подполковника Гарновскаго; 2-й стрѣлковый баталіонъ, подполковника Андросова, выдвинутъ вправо и загнутъ подъ прямымъ угломъ къ фронту. Обозъ ото всѣхъ частей сведенъ въ одну колонну; передъ нимъ стала саперная рота и рота 2-го линейнаго баталіона, полковника барона Меллеръ-Закомельскаго, съ дивизіономъ конныхъ орудій; двѣ роты 4-го линейнаго баталіона полковника барона Аминова и двѣ роты 7-го баталіона, подполковника Ефремова, съ дивизіономъ 1 пѣшей батареи — составили аріергардъ.

По перестроеніи въ боевой порядокъ, высланъ былъ, отъ уральской сотни, бывшей въ первой линіи (во 2-мъ дивизіонѣ) одинъ взводъ въ цѣпь наѣздниковъ, для обезпеченія отряда отъ нечаяннаго нападенія непріятельской конницы; но потомъ оказалось необходимымъ усилить цѣпь, и потому ото всѣхъ четырехъ Сибирскихъ сотенъ, второй линіи, вызвано было также по взводу. Цѣпью назначенъ командовать подполковникъ уральскаго войска Хорошхинъ *).

Въ такомъ порядкѣ войска двинулись впередъ. Около 8 часовъ утра завязалась живая перестрѣлка между непріятельскими и нашими наѣздниками. Вскорѣ коканская конница охватила правый флангъ и тылъ кавалеріи, напирая, главнымъ образомъ, на вторую линію, гдѣ не было страшной для коканцевъ артиллеріи

*) Александръ Павловичъ, извѣстный многими прекрасными статьями о Туркестанскомъ краѣ.

и ракетъ. Скобелевъ тотчасъ сдѣлалъ перемѣну фронта направо и открылъ артиллерійскій и ракетный огонь, не пуская казаковъ въ шашки, для сбереженія силъ лошадей, въ виду предстоявшей на завтра работы въ рѣшительномъ бою подъ Махрамомъ. Достаточно было пяти гранатъ и четырехъ ракетъ, чтобы весь конный коканскій сбродъ въ безпорядкѣ ускакалъ къ горамъ. Тогда наша кавалерія снова перемѣнила фронтъ, въ прежнемъ направленіи, и продолжала движеніе впередъ, усиливъ только боковыя цѣпи къ сторонѣ непріятеля, который потомъ еще разъ попытался огромною массою насѣсть на флангъ и тылъ ея, но снова былъ прогнанъ четырьмя гранатами и тремя ракетами. Послѣ этого коканцы уже не бросались въ атаку и, съ почтительной дистанціи, открыли по казакамъ совершенно безвредный ружейный и фальконетный огонь.

Между тѣмъ пѣхотная колонна, безъ выстрѣла, подошла къ канавѣ передъ кишлакомъ Карачкумомъ, гдѣ предполагалось стать на ночлегъ. Оказалось, однако, что ни въ этой канавѣ, ни въ другихъ арыкахъ кышлака, воды не было ни капли: коканцы задержали воду у Махрама, и какъ мы узнали на другой день, затопили водой почти всю мѣстность, впереди воздвигнутаго ими длиннаго вала съ водянымъ рвомъ.

Поэтому у Карачкума поставленъ только аріергардъ, а остальныя войска прошли еще полторы версты и стали на берегу Сыра, куда отозвана была и кавалерія, отступившая уступами, подъ прикрытіемъ наѣздниковъ. При переходѣ чрезъ глубокую канаву у Карачкума, естественно произошло нѣкоторое замѣшательство, чѣмъ и хотѣли воспользоваться конныя толпы коканцевъ, не знавшія, что сады кишлака заняты скрытымъ въ нихъ аріергардомъ и ротою 1-го стрѣлковаго батальона. Двѣ толпы получили по доброму залпу берданокъ и ускакали безъ оглядки, бросивъ своихъ убитыхъ... Другія толпы, заскакавшія въ тылъ Скобелеву, попались на прицѣлъ аріергардным ротамъ Аминова и также разсѣялись моментально. Такимъ образомъ первая встрѣча съ непріятелемъ имѣла исключительно характеръ кавалерійскаго дѣла. Къ часу дня маневры нашей кавалеріи окончились. Потерь у насъ не было. Выпущено 9 гранатъ, 7 ракетъ и 2,795 патроновъ; въ томъ числѣ казаки потратили, болѣе или менѣе напрасно, 1,860 патроновъ.

Когда кавалерія перебралась черезъ канаву и прошла на отведенное ей на ночлегѣ мѣсто, аріергардъ, съ ротой 1-го стрѣлковаго батальона, также перешелъ на общій бивакъ.

Къ пяти часамъ вечера, конныя толпы показались было у Карачкума, но какъ только замѣтили поднявшуюся по дорогѣ отъ нашего лагеря пыль, тотчасъ убрались по добру, по здорову. Это шли два нашихъ отряда: пѣхотный изъ четырехъ ротъ и

двухъ орудій и кавалерійскій—изъ шести сотенъ и ракетной батареи. Не найдя уже непріятеля, оба отряда воротились въ лагерь. Ночь прошла спокойно.

Съ ночлега на берегу рѣки можно было идти къ Махраму двумя дорогами: одна вела прямо на крѣпость, другая вела вправо на кишлакъ того же имени, въ обходъ коканской укрѣпленной позиціи. И безъ лазутчиковъ можно было сообразить, что если вода не пропущена отсюда въ Карачкумъ, то у Махрама должны образоваться разливы. Какъ видно изъ донесеній, ни Кауфману, ни Головачову, ни начальнику штаба Троцкому это не пришло въ голову, но тѣмъ не менѣе отрядъ нашъ не попалъ въ приготовленныя коканцами лужи, благодаря рѣшенію Кауфмана вести отрядъ не на фронтъ окоповъ, вооруженныхъ, по словамъ лазутчиковъ, 24 орудіями, а въ обходъ лѣваго фланга коканской позиціи. Поэтому, выйдя къ Карачкуму, войска тронулись вправо боевымъ порядкомъ, по направленію на сопку, виднѣвшуюся впереди далекаго хребта горъ. Кауфманъ и Троцкій постоянно слѣдили за вѣрностію направленія отряда. Обходнымъ движеніемъ этимъ предполагалось достигнуть двухъ цѣлей: избѣжать напрасныхъ потерь отъ непріятельскаго артиллерійскаго огня, неминуемыхъ при атакѣ съ фронта, и, въ случаѣ успѣха, припереть непріятеля къ рѣкѣ. Цѣли эти были достигнуты вполнѣ.

Къ 5 часамъ утра, 22-го августа, войска снялись съ бивака у Карачкума и перестроились въ боевой порядокъ. Въ первой линіи, 2-я батарея Саврімовича, развернутымъ фронтомъ, на тѣсныхъ интервалахъ; правѣе ея 1-й стрѣлковый, лѣвѣе 2-й стрѣлковый батальоны. Саперы за батареей; за ними двѣ роты 2-го линейнаго батальона съ дивизіономъ 1-й батареи; потомъ обозъ, въ колоннѣ по семи повозокъ по фронту, въ 12 рядовъ; тутъ же и вьюки; за обозомъ рота 2-го линейнаго батальона, затѣмъ 2 роты 4-го линейнаго батальона, съ дивизіономъ конныхъ орудій и, наконецъ, аріергардъ изъ двухъ ротъ 7-го батальона.

Кавалерія, по вчерашнему, шла правѣе главной колонны и и въ томъ же боевомъ порядкѣ, только равнялась не съ головою колонны, а съ аріергардомъ.

Какъ только отрядъ двинулся съ мѣста, на встрѣчу ему потянулись огромныя толпы, забирая влѣво (если смотрѣть отъ насъ, то вправо). Ясно было, что коканцы намѣревались повторить вчерашній маневръ обхода праваго фланга нашей кавалеріи. Отрядъ продолжалъ движеніе, не обращая вниманія на то, что значительныя массы коканцевъ не только охватили правый флангъ, но заскакали въ тылъ и оттуда обогнули даже и съ лѣвой стороны. Только передъ фронтомъ еще не было видно непріятеля, а со всѣхъ остальныхъ сторонъ, куда только ни взгляни, все пространство было усѣяно многочисленными всад-

никами. Гуще было все-таки около праваго фланга: казаковъ нашихъ азіятскіе наѣздники боятся менѣе пѣхоты. Дикое визгливое гиканье, ревъ допотопныхъ, а можетъ быть и іерихонскихъ трубъ, трескотня ружейныхъ и фальконетныхъ выстрѣловъ—такова была музыкальная сторона коканскаго привѣтствія.

Ободренные тѣмъ, что имъ не отвѣчаютъ, коканцы собрались съ духомъ и стали подскакивать къ нашимъ поближе. Покружатся, повертятся около отряда, повизжатъ и разсыплются въ разныя стороны. Противъ наиболѣе дерзкихъ, у насъ иногда вышлютъ звено стрѣлковъ, а если собиралась толпа и подскакивала на вѣрный пушечный выстрѣлъ, то ей посылали шароху или ракету, послѣ чего толпа моментально поворачивала назадъ и разсыпалась.

Только разъ показалась толпа и передъ фронтомъ. Батарея Савримовича тотчасъ снялась съ передковъ, но успѣла сдѣлать всего четыре выстрѣла, какъ толпа разсыпалась и улетѣла за три версты.

Такимъ образомъ, отстрѣливаясь на всѣ четыре стороны, отрядъ нашъ медленно и стройно подвигался впередъ, останавливаясь по временамъ, чтобы дать улечься страшной пыли, густо висѣвшей въ воздухѣ и мѣшавшей не только дышать, но и видѣть сопку, на которую направлялся отрядъ. Надобно было также стягивать обозъ, которому приходилось одолѣвать пустые арыки съ крутыми берегами.

Наконецъ, влѣво отъ своего направленія, отрядъ увидѣлъ, на берегу Сыра, крѣпость Махрамъ, а правѣе ея укрѣпленную позицію, тянувшуюся отъ крѣпости до садовъ кишлака Махрамъ, къ которому подходили скаты горъ. Здѣсь, конечно, коканской конницѣ стало тѣсновато, и потому она, поневолѣ, столпилась въ густую массу, причемъ и натиски ея на нашъ правый флангъ стали болѣе настойчивыми и стремительными. Тогда Скобелевъ выдвинулъ кавалерію впередъ, на уровень съ головой пѣхоты, и принялъ на себя всѣ атаки кипчаковъ, каракиргизовъ и тюрковъ (горное племя). Гранаты и ракеты, по вчерашнему, дѣлали свое дѣло, и держали непріятеля на благородной дистанціи. Аріергардныя роты 7-го батальона разсыпали цѣпь, которая и била заскакивавшихъ въ тылъ отряда, а роты 4-го линейнаго и 2-го стрѣлковаго били заскакивавшихъ слѣва. Обозъ былъ прикрытъ справа, слѣва и съ тыла шестью ротами, по двѣ съ каждой стороны.

Дойдя до мѣста, откуда предполагалось круто повернуть налѣво, во флангъ непріятельской позиціи, Кауфманъ велѣлъ войскамъ заходить правымъ плечомъ впередъ. Коканцы тотчасъ открыли огонь изъ орудій, стоявшихъ за амбразурами фланка ихъ окоповъ. Топографы быстро провѣшили базу и, съ двухъ ея кон-

цовъ, засѣчками, опредѣлили разстояніе до позиціи: оказалось 1.015 сажень. Непріятельскія ядра до насъ не долетали. Видя, что мы собираемся атаковать не съ фронта, а съ фланга, непріятель перетащилъ на фланкъ своихъ окоповъ нѣсколько орудій съ фронта, такъ что могъ уже дѣйствовать изъ 10 орудій, а къ концу дѣла перетащилъ сюда еще три.

Нашъ отрядъ, миновавъ фронтъ атакуемой позиціи перемѣнилъ свой фронтъ налѣво, на четверть круга; дивизіонъ 1-й батареи вызванъ изъ аріергарда и сталъ рядомъ со 2-й батареей. Двѣнадцать орудій открыли затѣмъ огонь по окопамъ. Послѣ первой очереди, огонь прекратили и два стрѣлковые баталіона двинуты на штурмъ, подъ руководствомъ Головачева. Артиллерія взяла въ передки и слѣдовала со стрѣлками. Два раза она выѣзжала еще на новыя позиціи и обстрѣливала непріятельскіе окопы. Во ста саженяхъ отъ нихъ, Головачевъ перестроилъ стрѣлковъ въ ротныя колонны и пустилъ ихъ на штурмъ. Командиръ 1-го стрѣлковаго баталіона направилъ 2-ю и 4-ю роты правѣе укрѣпленія, черезъ сады, а 1-ю и 3-ю, подъ командой маіора Калитина, на фронтъ. Однако, командиръ 1-й роты капитанъ Іоновъ разсудилъ, что и ему садами идти лучше, а потому и свернулъ туда. Въ донесеніи сказано, будто это сдѣлано имъ, чтобы не мѣшать дѣйствію нашихъ орудій, съ послѣдней позиціи, во ста саженяхъ. Едва ли артиллерія могла стрѣлять, когда впереди нея идутъ штурмовыя пѣхотныя колонны... Какъ бы то ни было, но Іоновъ, самовольно отошедшій въ сторону, предоставилъ этимъ 3-й ротѣ штабсъ-капитана Федорова справляться одной. Рота эта, не стѣсняясь одиночествомъ, перебралась черезъ водяной ровъ, вскочила въ укрѣпленіе, перебила прислугу при орудіяхъ и взяла 13 орудій!

2-й стрѣлковый баталіонъ, двигаясь лѣвѣе перваго, и прикрывая его лѣвый флангъ, подошелъ къ правому фасу атакованной батареи и бросился на штурмъ. И тутъ первою взошла 3 рота съ маіоромъ Ранау. Въ наши руки досталось еще 8 орудій. Все это совершилось, собственно, въ четверть часа.

Какъ только замолкли непріятельскія пушки, Кауфманъ догадался, что штурмъ увѣнчался успѣхомъ, и тотчасъ двинулъ остальныя войска съ обозомъ.

Между тѣмъ Головачевъ послалъ 1-й стрѣлковый баталіонъ взять самую крѣпость Махрамъ. Разсыпавъ густую цѣпь стрѣлковъ, баталіонъ двинулся общей колонною вдоль южнаго и восточнаго фасовъ крѣпости, подвергаясь сбоку сильному ружейному огню съ крѣпостныхъ стѣнъ. Не развлекаясь этимъ, баталіонъ обошелъ крѣпость, выломалъ наружныя и внутреннія ворота ея и, не смотря на огонь въ упоръ изъ сакель, быстро пробѣжалъ по главной улицѣ къ барбету, вслѣдъ за показывавшимъ дорогу непріятелемъ, вскочилъ на барбетъ, занялъ вправо и

влѣво фасы крѣпости и открылъ частый огонь по толпѣ непріятеля, бѣжавшаго къ берегу. Весь берегъ скоро былъ заваленъ трупами; искавшіе спасенія въ рѣкѣ потонули... Черезъ часъ въ крѣпости не осталось ни одного живого врага, и на стѣнахъ ея выставлены были жалонерные значки баталіона. Огонь былъ прекращенъ. Фланговое движеніе этого лихого баталіона мимо двухъ крѣпостныхъ фасовъ вызвало наибольшую потерю, сравнительно съ остальными частями отряда. Укрѣпленная позиція взята, напримѣръ, безъ потерь, а штурмъ Махрама обошелся 1 баталіону въ два убитыхъ и пять раненыхъ стрѣлковъ. Во время канонады, во всемъ отрядѣ убитъ только 1 рядовой и 1 джигитъ.

По осмотрѣ занятыхъ позицій оказалось, что въ окопахъ было 24 орудія, да въ крѣпости 16. Вся мѣстность передъ фронтомъ позиціи и передъ крѣпостью была затоплена; были и сухіе промежутки, какъ бы перешейки, по которымъ можно бы пробѣгать рядами саженъ двѣсти, но сдѣлать это, подъ огнемъ сорока пушекъ и сильнымъ ружейнымъ, безъ огромныхъ потерь, было бы чудомъ. Такимъ образомъ мысль Кауфмана дѣйствовать въ обходъ позиціи спасла не мало русскихъ жизней.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ кавалеріи. Какъ сказано выше, кавалерія вынеслась впередъ, для обезпеченія праваго фланга штурмующей пѣхоты и сначала обстрѣливала, артиллеріей, укрѣпленную позицію во флангъ, а ракетами—конныя толпы кочевого сброда. Съ началомъ штурма Скобелевъ рѣшился двинуться въ тылъ коканской позиціи, чтобы отрѣзать путь отступленія пѣхотнымъ войскамъ афтобачи. Оставивъ изъ первой линіи полусотню, для прикрытія артиллеріи, онъ, со вторымъ дивизіономъ (1 Оренбургская и 2 Уральская сотни) поскакалъ къ Махрамскимъ садамъ, перебрался черезъ широкій и глубокій арыкъ и, замѣтивъ, что вдоль берега Сыра, чрезъ поле джугары, тянется масса, отступавшей непріятельской пѣхоты и конницы, со множествомъ развѣвавшихся значковъ и бунчуковъ, и нѣсколькими орудіями, онъ бросился на эту толпу, не смотря на огромное неравенство силъ *). Первыми врубились въ оторопѣвшую толпу: Скобелевъ, командиръ дивизіона войсковой старшина Рогожниковъ и старшій вахмистръ Крымовъ, выхватившій тутъ же изъ рукъ коканца бунчукъ. При Скобелевѣ, по принятому здѣсь обычаю, было нѣсколько тѣлохранителей, а въ томъ числѣ и бѣглый драгунъ Минъ Греченко **).

Скоро прискакала и ракетная команда капитана Абрамова,

---

*) Скобелевъ доносилъ, что по достовѣрнымъ извѣстіямъ одной конницы тутъ было до 6.000.

**) Онъ бѣжалъ еще въ 1855 году въ Коканъ и, во время отступленія посольства нашего съ Худояромъ, предупредилъ нашихъ о намѣреніи народа напасть на нихъ.

которой было послано приказаніе идти за 2 дивизіономъ слѣдомъ. 1-й же дивизіонъ полковника Шубина, которому также приказано было идти, задержался на арыкѣ и пошелъ искать болѣе мелкаго мѣста... Ракетная команда рубилась рядомъ съ казаками.

Коканцы совершенно не ожидали такого быстраго появленія русской кавалеріи, которую они только-что видѣли на горахъ и потому сначала приняли казаковъ за своихъ, благодаря пыли и крайне пересѣченной мѣстности. Только, когда эти „свои“ врубились въ толпу и начали крошить ее шашками, со всѣхъ сторонъ раздались крики „джау“, то есть непріятель. Пользуясь переполохомъ, казаки захватили тутъ двѣ пушки; одна взята группой казаковъ, опередившихъ товарищей, и Скобелевымъ съ его тѣлохранителями, а другая эсауломъ Жигалинымъ съ уральцами. Казаки гнали толпу еще верстъ 10, нашли еще одну брошенную пушку, безъ упряжи, и за невозможностію увезти ее, сбросили съ берега въ рѣку. Замѣтивъ подъ кручей, на осыпи берега, человѣкъ 200 пѣшихъ, старавшихся переправиться черезъ рѣку, Скобелевъ послалъ на нихъ часть казаковъ, которые лихо слетѣли съ кручи и вмигъ изрубили большую часть этой толпы.

Между тѣмъ, къ 3 часамъ дня, утомленіе людей и лошадей становилось все замѣтнѣе. И наши, и коканцы скакали въ разсыпную, нерѣдко рядомъ... Съ горъ спускались, къ бѣгущимъ, свѣжія толпы на помощь... Бѣгство прекратилось, надо было ожидать, что бѣглецы и сами перейдутъ въ наступленіе. Тутъ только Скобелевъ увидѣлъ, что съ нимъ только три сотни, считая въ томъ числѣ ракетную команду, и что 1-го дивизіона нигдѣ нѣтъ... Протрубивъ сборъ, Скобелевъ остановилъ преслѣдованіе. На сборъ пришелъ, наконецъ, и 1 дивизіонъ. Скобелевъ тотчасъ послалъ изъ него 5-ю Оренбургскую сотню вдоль рѣки для окончательнаго истребленія, разбѣжавшейся по берегу непріятельской пѣхоты, а самъ съ тремя сотнями (1-я и 2-я Оренбургскія и 2-я Уральскія) и ракетною батареею поскакалъ далѣе. Сдѣлавъ еще версты три, частію по вязкому солончаку, гдѣ лошади вязли иногда по брюхо, онъ вдругъ увидѣлъ, въ верстѣ передъ собою, до 12.000 (впрочемъ это по „его“ счету) непріятельской конницы, которая тотчасъ и двинулась на измученныхъ казаковъ, обхватывая ихъ со стороны рѣки, чтобы загнать въ горы... Скобелевъ остановился въ нерѣшительности... Настала критическая минута... Вдругъ командиръ ракетной батареи вылетаетъ съ нею впередъ безъ приказанія и, подскакавъ къ коканцамъ на ближній выстрѣлъ, выпускаетъ по нимъ 15 ракетъ. Коканцы тотчасъ повернули назадъ.

Послѣ этого можно было уже отступать „съ честію“, и кавалерія, прикрывшись наѣздниками, стала медленно отходить къ Махраму.

Не зная ничего о Скобелевѣ, Кауфманъ послалъ къ нему на помощь вторую линію кавалеріи (1, 2, 4 и 6-ю Сибирскія сотни) съ двумя ракетными станками, подъ начальствомъ Адеркаса. Идя вдоль горъ, Адеркасъ разгонялъ толпы, заскакивавшія въ тылъ, шедшей впереди первой линіи, къ которой и присоединился, когда та окончила уже преслѣдованіе.

Казаки потеряли убитыми: подполковника Хорошхина *) и одного казака, и ранеными—3-хъ казаковъ, изъ коихъ одинъ тяжело. Скобелевъ также былъ легко раненъ шашкою, выше колѣна.

Съ казаками ходили и два бывшіе шахрисябзскіе бека: Джура-Бій и Баба-Бій, а также и бывшій кштутскій бекъ Сеидъ-бекъ, которыхъ Кауфманъ, по ихъ просьбѣ, взялъ въ походъ и назначилъ состоять при начальникѣ кавалеріи. Они и не отходили отъ Скобелева все время.

Трофеями нашими были: 39 орудій, не считая одного, сброшеннаго въ рѣку, болѣе 1,500 ружей, много фальконетовъ, сабель, батиковъ; болѣе 50 бунчуковъ, знаменъ и значковъ; въ крѣпости найдены большіе склады пороху, снарядовъ и свинцу, 1,910 п. муки, 837 п. рису, 320 п. джугары; взято также 224 лошади.

Вся потеря наша состояла: убитыми 6 человѣкъ (одинъ штабъофицеръ, 4 рядовыхъ и 1 джигитъ) ранеными 8 чел. (1 штабъ-офицеръ и 7 нижнихъ чиновъ). Потери непріятеля можно считать въ 1,200 чел.

Израсходовано: 149 зарядовъ, 29 ракетъ и 9,387 патроновъ.

Послѣ боя Кауфманъ послалъ, черезъ Ташкентъ, на Высочайшее имя телеграмму съ извѣстіемъ о побѣдѣ, трофеяхъ, и нашихъ потеряхъ; заключительныя слова телеграммы были слѣдующія: „непріятель понесъ полное пораженіе; впечатлѣніе побѣды на населеніе ханства огромное, но всѣ послѣдствія боя подъ Махрамомъ теперь нельзя еще опредѣлить. Выжду транспорта изъ Ходжента и буду продолжать движеніе на Кокандъ. Войска вашего императорскаго величества вели себя славно, молодецки. Дѣло сдѣлано чисто“. Содержаніе телеграммы было объявленно по всему округу, а въ Ташкентѣ Кауфманъ приказалъ отслужить благодарственный молебенъ и произвести съ крѣпости 21 пушечный выстрѣлъ.

Впослѣдствіи, по показаніямъ самихъ кипчаковъ, оказалось, что ихъ однихъ, съ каракиргизами, было подъ Махрамомъ до 50,000 чел. Это подтвердилъ и ханъ. Если прибавить къ этому

*) О его смерти извѣстно только то, что въ пылу преслѣдованія, не вполнѣ ясно сознавая обстановку боя за пылью, онъ отдѣлился отъ своей цѣпи, обогналъ казаковъ и попалъ въ самую середину непріятельской толпы, гдѣ тотчасъ былъ изрубленъ..

пѣхоту, артиллерію и всякій сбродъ, то смѣло можно считать все махрамское скопище въ 60,000 чел. Самъ афтобачи держался все время внѣ выстрѣла и бѣжалъ одинъ изъ первыхъ къ Кокану. Однако, по дорогѣ, отъ него отставали, понемногу, его сподвижники, а съ ничтожными остатками въ 500 чел. онъ не рискнулъ забѣжать въ столицу и поплелся мимо...

Въ крѣпости Махрамѣ устроенъ нашъ опорный и складочный пунктъ. Въ гарнизонѣ оставлено двѣ роты и 20 казаковъ. Комендантомъ назначенъ капитанъ Радзіовскій. На вооруженіи поставлены коканскія пушки, отбитыя 22-го числа. Здѣсь же оставлена часть походнаго лазарета, съ 8 больными и 3 ранеными. Выждавъ на бивакѣ три дня, т. е. до прибытія изъ Ходжента интендантскаго и артиллерійскаго транспортовъ, для пополненія комплекта зарядовъ и патроновъ, отрядъ выступилъ 26-го августа къ Кокану, опять налегкѣ, съ четырехдневнымъ запасомъ сухарей на людяхъ и комплектомъ патроновъ. Обозъ увеличенъ только на 50 арбъ, подъ двухдневный запасъ сухарей и крупъ; офицерскій багажъ на вьюкахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Махрама, Кауфманъ былъ встрѣченъ посольствомъ отъ новаго хана, съ подарками и письмомъ. Подарковъ Кауфманъ не принялъ и на письмо съ наивными извиненіями не отвѣчалъ, а велѣлъ послу Фазиль-Ахмету-Магзуму передать хану на словахъ, что съ нимъ будетъ вести переговоры лично и не иначе, какъ подъ Коканомъ. Къ посольству пристроился, по дорогѣ, и хитрецъ Исса-ауліе, котораго Кауфманъ жестоко разнесъ за интриги и велѣлъ арестовать, такъ какъ въ письмѣ хана о немъ не упоминалось и, слѣдовательно, посломъ неприкосновеннымъ его считать нельзя.

Этотъ сартъ, очевидно, былъ гораздо умнѣе кипчака афтобачи Абдурахмана: онъ сразу увидѣлъ, что дѣло ихъ проиграно и явился съ повинною. Если махрамская позиція, укрѣпленная по русскому образцу, да еще съ обиліемъ воды, взята въ четверть часа, не смотря на 60,000 защитниковъ, то надѣяться имъ было не на что*). Жителямъ Кокана велѣно объявить, чтобы они встрѣтили войска съ хлѣбомъ-солью, и что въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій пощады городу не будетъ.

Считая махрамское бекство завоеваннымъ навѣки, Кауфманъ распорядился сборомъ податей хераджа и танапа, поручивъ это дѣло постоянному коканскому послу Мирзѣ-Хакиму, слѣдовавшему при отрядѣ, въ довольно неопредѣленной роли: не то предателя своего отечества, не то вѣрнаго слуги русскаго царя, ни то глубокаго политика, провидѣвшаго, что все спасеніе вражду-

*) Исса-ауліе былъ вскорѣ высланъ на житье въ одну изъ сѣверныхъ губерній Россіи и все-таки выгадалъ, сравнительно съ Пулатъ-ханомъ...

ющихъ разноплеменностей ханства заключается въ подчиненіи ихъ твердой и могучей русской власти, ни то простаго сарта, радовавшагося избіенію кочевниковъ... Самое назначеніе его сборщикомъ податей указываетъ, что его считали у насъ человѣкомъ надежнымъ и вѣрнымъ. Это и было такъ въ дѣйствительности. Въ помощь ему назначены были надворный совѣтникъ Кунъ и Мельгуновъ.

Первый переходъ въ 20 верстъ, съ ночлегомъ у кышлака Шайданъ-Мазаръ. Второй въ 25 верстъ, съ ночлегомъ у Бишъ-арыка, откуда оставалось всего 35 вер. до Кокана, почти сплошными садами и деревнями, точно паркомъ. Съ 23-го по 27-е августа, до остановки у Бишъ-арыка, въ отрядъ являлись окрестные жители съ фруктами и сластями (мѣстная хлѣбъ-соль). Имъ раздавали печатныя прокламаціи Кауфмана, съ приглашеніемъ сидѣть смирно и заниматься своими дѣлами.

28-го августа, на переходѣ отъ Бишъ-арыка къ Хошъ-купыру, походъ превратился въ торжественное шествіе: жители, почти непрерывною шпалерою, встрѣчали войска съ подношеніями; явилась и депутація отъ купцовъ города Кокана, съ которою ханъ прислалъ обильный достарханъ (т. е. угощеніе) и всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ послѣднее время на почтовыхъ дорогахъ и станціяхъ.

Изъ распроса ямщиковъ со станціи Нау, гдѣ зарѣзаны были Петровъ и Васильевъ, оказалось, что эти несчастные были окружены на станціи шайкою коканцевъ и долго отстрѣливались, пока хватало патроновъ. Затѣмъ они были связаны разбойниками и зарѣзаны. Малютка дочь доктора Петрова видѣла, какъ ея отцу отрѣзали голову. Испуганную крошку вытащили изъ тарантаса и перевезли верхомъ въ Коканъ. Также верхомъ ее привезли и въ отрядъ. Со времени страшнаго для нея событія прошло 20 дней, а все еще она не могла опомниться отъ страха: ей все казалось, что и ее сейчасъ будутъ рѣзать...

Послѣ доктора осталось еще двое малютокъ, моложе еще этой дѣвочки. Государь велѣлъ принять ихъ на казенный счетъ въ одинъ изъ столичныхъ сиротскихъ институтовъ.

Плѣнные наши показали, что въ Коканѣ ихъ содержали хорошо, благодаря заботливости самого хана и старика Инака Турсунъ-Мухамеда, у котораго помѣщены были мужчины. Женщины и дѣти содержались на женской половинѣ, во дворцѣ хана.

Переходъ до Хошъ-купыра былъ всего 18½ верстъ. До столицы ханства оставалось еще менѣе. Въ отрядѣ имѣлся точный планъ Кокана и его окрестностей на 5, а по нѣкоторымъ дорогамъ и на 10 верстъ отъ города; вся городская стѣна, съ ея барбетами, всѣ ворота, всѣ дороги, ведущія въ городъ были сняты. Это была работа Скобелева и его топографовъ, которые не теряли

времени даромъ, пока сидѣли съ посольствомъ въ Коканѣ, не смотря на возбужденное состояніе жителей. По этому плану и приложенному къ нему военному описанію, наивыгоднѣйшимъ пунктомъ атаки была часть городской стѣны у Сары-мазарскихъ воротъ. Въ трехъ верстахъ находился кышлакъ Джиръ-Мечеть, куда Кауфманъ и направилъ отрядъ 29 августа, проселочною дорогою, чтобы не идти близко мимо стѣнъ города подъ выстрѣлами. Предварительно дорога была осмотрѣна еще разъ Скобелевымъ, съ двумя сотнями и ракетнымъ дивизіономъ для сравненія съ другою, указанною жителями, которая оказалась хуже и длиннѣе на 4 версты. 29 августа, наканунѣ тезоименитства императора Александра II, войска сдѣлали 12 верстъ и стали подъ Коканомъ.

Головачеву, съ шестью ротами и дивизіономъ девятифунтовыхъ орудій, приказано тотчасъ занять Сары-мазарскія ворота и часть стѣны въ обѣ стороны. Вслѣдъ за нимъ двинулся къ городу и Кауфманъ, съ двумя сотнями и дивизіономъ конныхъ орудій. Головачевъ занялъ ворота ровно въ полдень и безъ выстрѣла.

Подходя къ Кокану, Кауфманъ получилъ телеграмму отъ государя, съ выраженіемъ, какъ ему лично, такъ и войскамъ, благодарности за махрамскую побѣду. Кауфманъ тутъ же у воротъ Кокана, въ присутствіи хана, только что выѣхавшаго на встрѣчу, прочелъ эту телеграмму войскамъ и передалъ имъ „царское спасибо“, на что войска отвѣтили восторженнымъ и громогласнымъ ура!—Затѣмъ, Кауфманъ въѣхалъ въ городъ, вмѣстѣ съ ханомъ, проѣхалъ немного по улицѣ и вернулся назадъ къ биваку, куда пригласилъ и хана. Этакъ, конечно, дѣло было вѣрнѣе. Въ минуту отчаянія вѣроломные азіяты способны на самыя неожиданныя и гнусныя злодѣйства, а главный начальникъ края былъ весьма соблазнительнымъ трофеемъ...

У занятыхъ воротъ оставлены 4 роты, со взводомъ орудій. Одна рота стала въ воротахъ, раскинувъ въ обѣ стороны по стѣнамъ шаговъ на 700, посты часовыхъ; остальныя три роты, съ орудіями, стали передъ воротами, внѣ города.

Отрядъ простоялъ на бивакѣ, у Джиръ-мечети, съ 29 августа по 1 сентября. Со втораго же дня на бивакъ стали приходить жители города и окрестностей со скотомъ, мукой, лепешками и фуражемъ. Имъ отведено было мѣсто подъ базаръ. При полномъ спокойствіи населенія, наши топографы обошли и сняли всю городскую стѣну и окрестности къ сѣверу и востоку на пространствѣ около 65 квадратныхъ верстъ.

Насръ-Эддинъ-ханъ, почти ежедневно, пріѣзжалъ къ Кауфману съ докладомъ о благополучіи въ городѣ, какъ простой полиціймейстеръ; но это благополучіе и спокойствіе разумѣлись сами

собой, когда войска наши стоятъ подъ стѣнами. Важно было знать, что дѣлается въ другихъ отдаленныхъ городахъ ханства, а оттуда не было никакихъ извѣстій. Въ Маргеланъ, Наманганъ Шари-ханъ, Асакэ, Андижанъ, Ошъ и др. города Кауфманъ разослалъ прокламаціи съ вызовомъ старшинъ и почетныхъ людей, но никто оттуда не являлся... Наконецъ 30 августа получено было письмо отъ дяди хана султанъ Мурадъ-бека, правителя Маргелана. Онъ увѣрялъ въ своей преданности и просилъ относиться къ нему по прежнему дружественно. На другой день пришло коллективное письмо, покрытое 70 печатями представителей кипчаковъ, киргизовъ и т. д., а въ томъ числѣ и самого афтобачи. Эти господа, вмѣсто требовавшейся отъ нихъ личной явки съ повинною, предпочли „отписаться“. Въ письмѣ выражена была мысль, что велѣніями судьбы русскимъ досталась побѣда, а мусульманамъ пораженіе, но если русскіе пощадили городъ Коканъ, то и они просятъ даровать имъ такой же миръ, тишину и спокойствіе. Кауфманъ отвѣтилъ на это письмо новымъ вызовомъ старшинъ для переговоровъ, но никакого отвѣта на это не получилъ, а между тѣмъ появились слухи, что неугомонный афтобачи, захвативъ Маргеланъ, собираетъ тамъ новыя полчища. По дорогѣ къ Кокану выставлены имъ караулы, прекратившіе всякія сообщенія.

Молодой ханъ не могъ самъ ни усмирить своихъ подданныхъ, ни поручиться за дальнѣйшее ихъ поведеніе, относительно насъ. Поэтому ни въ какіе переговоры съ нимъ и вступать не стоило, пока не сокрушена гидра мятежа.

Прежде, чѣмъ выступить далѣе, отрядъ долженъ былъ притянуть свои транспорты изъ Махрама и дождаться втораго отдѣленія артиллерійскаго парка, со вторымъ комплектомъ зарядовъ и патроновъ, выступившаго изъ Ташкента 26-го августа, подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Разгонова, которому поручено было доставить отряду и 91,000 рублей. 29-го августа, паркъ этотъ прибылъ въ Ходжентъ, подъ конвоемъ Кураминскаго летучаго отряда, а какъ въ Ходжентѣ не было свободныхъ войскъ для замѣны этого конвоя, то Разгоновъ удержалъ Кураминскій конвой изъ одной сотни и взвода орудій, съ коими и привелъ паркъ 1-го сентября къ Кокану.

Для сбереженія сухарей, на случай движенія по ненаселеннымъ или покинутымъ жителями мѣстностямъ, приказано было найти подрядчика-туземца, который бы доставлялъ войскамъ ежедневно свѣжія лепешки. Ихъ выдавалось каждому солдату по шести въ день; такая дача признана была достаточною и потреблялась охотно. Сартовскими лепешками войска довольствовались и подъ Маргеланомъ, также отъ подрядчика-туземца.

Холодныя осеннія ночи и возрастаніе числа больныхъ, на би-

вакѣ, подъ Джиръ-мечетью, заставили притянуть изъ Ходжента обозъ съ палатками, кошмами для подстилокъ и офицерскими вещами.

Обозъ отряда, такимъ образомъ, значительно увеличился. Въ числѣ больныхъ, подъ вліяніемъ низменной и сырой мѣстности бивака, появились и тифозные. Въ журналѣ военныхъ дѣйствій говорилось, что отрядъ стоялъ тутъ уже пять дней и что при скопленіи значительной массы людей и лошадей на сырой мѣстности, воздухъ въ лагерѣ портился, заражался міазмами и развивалъ болѣзненность. Надо сознаться, что комендантская часть на походѣ у насъ всегда хромала. Сравненіе нашего лагеря съ какимъ-нибуть бухарскимъ, относительно душистости, даже невозможно: то, что у насъ остается открытымъ по недѣлямъ, тамъ зарывается немедленно самимъ насорившимъ.

3-го сентября, Кауфманъ перевелъ войска на новую стоянку, за Кагатанскія ворота, на урочище Сары-талъ, занявъ названныя ворота, также какъ прежде Сары-мазарскія. Выборъ бивака возложенъ былъ наканунѣ на Скобелева, который и прошелъ черезъ городъ, съ четырьмя сотнями казаковъ, при четырехъ конныхъ орудіяхъ и ракетной батареѣ. Это былъ первый значительный русскій отрядъ, прошедшій черезъ столицу ханства. Жители были предупреждены о цѣли движенія, и потому все обошлось благополучно. 3-го сентября всѣ войска перешли на новое мѣсто, также черезъ городъ; обозъ же протянулся вдоль стѣнъ, подъ прикрытіемъ 3-хъ ротъ и взвода орудій.

На площади передъ дворцомъ, войскамъ сдѣланъ привалъ, и Кауфманъ сдѣлалъ хану визитъ, со свитою и штабомъ. Пріемъ былъ приготовленъ торжественный. Принявъ угощеніе и осмотрѣвъ дворецъ, Кауфманъ возвратился къ войскамъ и двинулъ ихъ дальше. По дорогѣ онъ еще заѣхалъ въ домъ Мирзы-Хакима, также съ визитомъ, и затѣмъ безъ остановки направился въ новый лагерь.

Повидимому, переходъ на новый бивакъ и затѣянъ былъ собственно ради этихъ визитовъ и военной прогулки для войскъ: на новомъ мѣстѣ войска и стояли всего полтора дня! На полтора дня уходить съ не очень засиженнаго мѣста не стоило.

4-го числа, съ бивака отправлены въ Махрамъ 17 человѣкъ больныхъ и часть обоза, безъ которой можно было обойтись, при движеніи къ Маргелану налегкѣ. Спрашивается: для чего же тащили арбы и тяжести изъ Ходжента и Махрама къ Кокану, когда онѣ не нужны?

Налегкѣ, такъ налегкѣ, но это надо обдумать заранѣе, а не мотать обозъ взадъ и впередъ 160 верстъ. Обозъ конвоировалъ до Бишъ-арыка летучій отрядъ маіора 1 стрѣлковаго батальона, Калитина, изъ роты стрѣлковъ, 2-хъ сибирскихъ сотенъ

и взвода орудій, сформированный 4-го же числа, для разогнанія шайки коканцевъ въ 1,000 человѣкъ, появившейся въ горахъ, около нашего пограничнаго селенія Испары, между Махрамомъ и Канабадамомъ. За Бишъ-арыкомъ, при обозѣ, оставалась одна сибирская полусотня, посланная независимо отъ летучаго отряда.

Калитина однакоже предупредилъ въ Испарѣ летучій отрядъ высланный изъ Ходжента, подъ начальствомъ помощника уѣзднаго начальника, маіора Абграля. Унего было всего 106 конныхъ стрѣлковъ 2-го линейнаго баталіона, 12 казаковъ и нѣсколько джигитовъ. 4 сентября онъ выступилъ изъ Ходжента и, въ ночь на 6-е, настигъ въ одномъ изъ ущелій около Испары шайку въ 300 киргизовъ, которую и растрепалъ.

Маіоръ Калитинъ остался съ отрядомъ въ Испарѣ, а маіоръ Абграль, 9 числа, получилъ приказаніе выдти мимо Кокана на Маргеланскую дорогу, къ сел. Багдадъ.

5 сентября, изъ-подъ Кокана, выступилъ къ Маргелану и главный нашъ отрядъ. Непріятельскіе караулы, въ 100—200 человѣкъ, выставленные въ разныхъ пунктахъ, по всѣмъ тремъ дорогамъ, ведущимъ изъ Кокана въ Маргеланъ, отступали, по мѣрѣ движенія нашихъ войскъ, не дожидаясь столкновенія. 8 сентября войска наши подошли къ Маргелану и стали бивакомъ въ полуверстѣ отъ городской стѣны, съ юго-востока. Афтобачи геройски стоялъ въ 4-хъ верстахъ, впереди Маргелана, до 7 числа, но когда, въ часъ дня, узналъ, что русскіе становятся на бивакъ въ 25 верстахъ отъ него, то геройство его вмигъ испарилось: бросивъ часть лагеря и палатки и заботясь только о 4-хъ пушкахъ своихъ, онъ поспѣшно и неблагородно ретировался, по направленію къ гор. Асаке. Съ нимъ ушли только кипчаки, въ числѣ 3—5 тысячъ, остальной сбродъ разбрелся по домамъ. Маргеланцы тотчасъ отправили къ Кауфману депутацію, съ просьбой о пощадѣ. Поэтому на другой день, къ полудню, наши и стали въ полуверстѣ отъ стѣны Маргелана. Бивакъ еще не устроился, какъ слѣдуетъ, а маргеланцы уже притащили на себѣ изъ города девять пушекъ и поставили ихъ передъ палаткой Кауфмана, въ знакъ смиренія и покорности.

Въ 9 час. вечера выступилъ отсюда летучій отрядъ, подъ начальствомъ Скобелева, изъ шести сотенъ, двухъ ротъ на арбахъ, четырехъ конныхъ орудій и ракетной батареи. Въ случаѣ ухода впередъ кавалеріи съ ракетами, остальнымъ отрядомъ командовалъ маіоръ 8 линейнаго баталіана Родзянко. Цѣль отряда—преслѣдованіе афтобачи, черезъ кишлакъ Кокандъ и Ніязъ-батыръ, къ Асаке. Кавалерія сразу пошла крупнымъ шагомъ и въ 8 часовъ времени, сдѣлавъ 48 верстъ, пришла въ Ніязъ-батыръ, къ 5 часамъ утра, далеко опередивъ пѣхоту. Оказалось, что афтобачи пошелъ не въ Асаке, а вправо къ горамъ, на урочище

Минъ-тюбе. Повернула туда и кавалерія на рысяхъ. Скобелевъ повѣрилъ проводнику Греченку, что до Минъ-тюбе всего 12 верстъ, оказалось 20. Лошади порядкомъ уже устали, сдѣлавъ, къ 7 часамъ утра, 68 верстъ, отъ Маргелана, съ двумя остановками по 10 минутъ.—Поэтому впередъ посланъ былъ только одинъ 3-й дивизіонъ подполковника фонъ-Бреверна (изъ 1 и 2 Сибирскихъ сотенъ), подъ начальствомъ Адеркаса, а Скобелевъ, съ двумя дивизіонами, пошелъ шагомъ.

Адеркасъ засталъ въ кышлакѣ Кашкарѣ аріергардъ непріятеля, задержанный отставшими арбами. Пыль на улицѣ стояла непроницаемая. Въ эту пыль направленъ былъ казаками ружейный огонь, затѣмъ произведена атака, давшая въ результатѣ 4 значка, 25 ружей, много сабель и пикъ, нѣсколько лошадей и до 10 арбъ съ имуществомъ. У насъ потери не было. Непріятель оставилъ до 40 тѣлъ.

Крайнее утомленіе лошадей заставило прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе,—тѣмъ болѣе, что афтобачи успѣлъ отлично выкормить своихъ лошадей, а главный обозъ, съ артиллеріей, отправилъ въ г. Ошъ, раньше своего выступленія. Значитъ, догнать ихъ было теперь невозможно. Поэтому Скобелевъ остался въ занятомъ кышлакѣ до полуночи. Лошади и люди отдохнули, подкрѣпились, и въ полночь на 10 сентября отрядъ двинулся къ гор. Ошу, куда направлялся, согласно посланному ему приказанію, и Родзянко съ пѣхотой и артиллеріей.

Дорогою, казачій разъѣздъ наткнулся, на разсвѣтѣ, на непріятельскій пикетъ и захватилъ языка. Отъ послѣдняго узнали, что афтобачи ночуетъ въ Курпе-кышлакѣ и что при немъ осталось только 400 джигитовъ и 4 орудія. Скобелевъ тотчасъ пошелъ туда на рысяхъ, со 2-мъ дивизіономъ Рогожникова, который такъ отличился подъ Махрамомъ. Остальной кавалеріи и ракетамъ приказано идти вослѣдъ, шагомъ. Пройдя 12 верстъ, казаки нашли первое брошенное непріятелемъ орудіе, затѣмъ подобрали еще два. Въ самомъ Курпе найдено много измученныхъ лошадей, брошенныхъ шайкой. Желая предупредить афтобачи въ Ошѣ, гдѣ находилось его семейство, Скобелевъ, безъ остановки, двинулся туда и къ 9 часамъ утра подошелъ къ городу, который сдался безъ боя. Дождавшись прихода остальныхъ сотенъ, Скобелевъ, въ 10 часовъ утра, прошелъ черезъ базаръ ко дворцу, гдѣ и принялъ должностныхъ лицъ города, отъ имени Кауфмана.

Черезъ два часа кавалерія прошла черезъ городъ и стала бивакомъ на Карасуйской дорогѣ. Афтобачи дѣйствительно не попалъ въ Ошъ, а прошелъ мимо, къ Карасу; съ нимъ оставалось только 100 джигитовъ...

Занятіе Маргелана безъ боя и лихой поискъ Скобелева къ

Минъ-булаку, а затѣмъ къ Ошу, произвели громадное впечатлѣніе на народъ: авторитетъ афтобачи рухнулъ, а съ нимъ рухнули и послѣднія надежды на отпоръ русскимъ. Съ 9 сентября къ Кауфману стали являться депутаціи онъ Андижана, Балыкчи, Шарыхана и Асаке. 10-го явились и сдались два главныхъ сподвижника афтобачи: Ата-Кулъ-батыръ-баши и Хаалыкъ-Назаръ. Послѣдній стоялъ, вмѣстѣ съ афтобачи и муллою Исса-ауліе, во главѣ джехада (т. е. священной войны) противъ насъ.

Положеніе самого афтобачи было довольно непріятное: ничтожная свита изъ 100 человѣкъ не внушала попутнымъ жителямъ ни уваженія, ни страха; всесильному недавно временщику жители отказывали въ клеверѣ и лепешкахъ... перестали даже выходить на встрѣчу съ достарханомъ! Аксакалы изъ Кара-су, прибывшіе 10 числа на поклонъ къ Скобелеву, разсказывали, что на разсвѣтѣ они услышали топотъ лошадей и увидали, вправо отъ дороги, афтобачи, скакавшаго посреди толпы; почти половина людей его сидѣла по двое на одной лошади. Афтобачи уже припряталъ свой знаменитый м е к к с к і й значекъ *) и скакалъ безъ него. Говорили даже, что онъ его прямо бросилъ, какъ негодную тряпку, приносящую насчастіе. Весьма возможно, что значекъ, въ числѣ многихъ другихъ, попалъ въ руки казаковъ, не придававшихъ уже имъ особаго значенія, и красуется теперь, въ числѣ трофеевъ въ какомъ-нибудь складѣ, если не пошелъ на портянки...

Кипчаки и киргизы очень дорожили Ошемъ. Это была ихъ столица, гдѣ никогда не стояли сарбазы коканскаго хана. Явившійся къ Скобелеву, въ день занятія Оша, киргизскій бій Суранъ заявилъ, что кочевники удивлены чрезвычайно такимъ страннымъ событіемъ...

Скобелевъ наложилъ на городъ контрибуцію: 6600 сноповъ клеверу, 4700 лепешекъ, 60 батмановъ ячменя, 3 быка и 114 лошадей. Потребовалъ также выдачи оружія. Относительно лошадей, которыя были нужны для перевозки забранныхъ орудій и для замѣны загнанныхъ въ кавалеріи, Скобелевъ предложилъ городскимъ властямъ забрать и передать въ отрядъ лошадей тѣхъ изъ жителей, которые сражались съ нами подъ Махрамомъ или вообще ходили съ афтобачи въ походъ. Понятно, что это были самые лучшіе кони, выдержавшіе къ тому же и строгую пробу.

Затѣмъ Скобелевъ объявилъ народу и его представителямъ,

---

*) Въ 1874 г. онъ ѣздилъ въ Мекку и за большую сумму пріобрѣлъ часть стараго шелковаго покрова съ гроба пророка и тамъ же объявилъ всѣмъ, что этотъ лоскутъ онъ употребитъ на знамя священной войны противъ невѣрныхъ русскихъ.

что городъ съ 10-го сентября безусловно зависитъ отъ воли главнаго начальника русскихъ войскъ и потому, даже и послѣ ухода нашей кавалеріи, долженъ исполнять всѣ приказанія русскаго начальства, а если они желаютъ мира и спокойствія, то должны выдать Абдурахмана афтобачи. Такое же объявленіе послано и въ Узгентъ, чрезъ одного изъ кипчакскихъ біевъ, но передалъ ли онъ, сказанное ему, по назначенію или нѣтъ—неизвѣстно. Да и вообще всѣ эти депутеціи азіатскія, всѣ эти, иногда самозванные старшины, въ сущности, шпіоны. У насъ никакихъ мѣръ противъ соглядатайства не принимаютъ: привезетъ пять сноповъ клевера, нарочно ломитъ за нихъ несуразную цѣну и ѣздитъ спокойно по всему лагерю; масса мелкихъ торговцевъ съ лепешками, яйцами, молокомъ и т. п. наводняютъ наши биваки. Джигиты, арбакеши и лаучи безпрепятственно отлучаются и возвращаются въ лагерь, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями. Когда-нибудь мы за это поплатимся...

Одобривъ объявленіе Скобелева о выдачѣ афтобачи, Кауфманъ, и съ своей стороны, послалъ нарочныхъ въ Кара-су и Узгентъ съ объявленіемъ, что въ случаѣ исполненія этого требованія жители получатъ полный аманъ, т. е. пощаду. Народъ однако прекрасно понималъ, что ему и такъ ничего не сдѣлаютъ русскіе, если имъ не сопротивляться, и потому нисколько не торопился ловить и вязать своего полководца. У насъ въ рукахъ было болѣе могучее средство противъ афтобачи: захватить семью его въ Ошѣ. Почему Скобелевъ не воспользовался этимъ,—указаній въ архивѣ нѣтъ.

Между тѣмъ пѣхота летучаго отряда, оставленная на дорогѣ въ Ошъ, у кышлака Неймане, замѣтивъ 10 сентября небольшую непріятельскую партію, разсѣяла ее и взяла четырехъ плѣнныхъ.—Не имѣя надежды изловить афтобачи, запрятавшагося въ какую-то щель, и помня приказаніе Кауфмана не увлекаться въ преслѣдованіи слишкомъ далеко, Скобелевъ покинулъ Ошъ 11-го сентября и 13-го привелъ отрядъ чрезъ Асаке, въ Маргеланъ. Дорогою народъ встрѣчалъ отрядъ довольно радушно, какъ вѣстниковъ избавленія отъ афтобачи, бравшаго всѣ припасы даромъ.

Вслѣдъ за отрядомъ, 14-го числа прибылъ со свитой и султанъ Мурадъ-бекъ, съ изъявленіемъ покорности. Такимъ образомъ изъ числа главныхъ дѣятелей мятежа оставались пока на свободѣ только афтобачи, да Пулатъ-ханъ (или Фулатъ-бекъ), о которыхъ ничего не было извѣстно. Казалось, что мятежъ потушенъ. Настало затишье. Отовсюду тянулись въ Маргеланъ многочисленныя депутаціи, съ изъявленіемъ покорности и удовольствія, по поводу признанія нами ханомъ Насръ-Эддина.

Полагая, что цѣль экспедиціи достигнута и что теперь можно уже начать переговоры о мирныхъ условіяхъ, Кауфманъ пригла-

силъ хана въ Маргеланъ. 23 сентября договоръ былъ подписанъ. Къ Россіи отошла сѣверная часть ханства по правому берегу Нарына (такъ называются верховья Сыръ-Дарьи) съ Наманганомъ, куда въ тотъ же день войска и выступили. Договоръ былъ утвержденъ государемъ 17 октября и новоприсоединенная часть ханства названа Наманганскимъ отдѣломъ.

Переправясь черезъ Сыръ, у Минъ-булака, 25 сентября, войска подошли 26-го къ Намангану стоящему въ 12 верстахъ отъ рѣки, и расположились неподалеку бивакомъ, занявъ немедлено цитадель города.

ГЛАВА XV.

Волненія въ Андижанѣ. Командировка Куна и Петрова. Былъ ли объявленъ газаватъ? Движеніе ген. Троцкаго къ Андижану. Афтобачи и Пулатъ-ханъ приготовились къ пріему. Рекогносцировка Скобелева. Неудачный выборъ позиціи. Скобелевъ пробуетъ проникнуть въ городъ по лощинѣ арыка Андижанъ-сая. Графъ Борхъ его выручаетъ. Ничтожныя потери. Штурмъ 1 октября. Пѣшіе казаки берутъ 1 завалъ съ пушкой. Еще три. Барикада изъ арбъ. Нуджевскій и Хамичевскій. 5 заваловъ для колонны Меллера-Закомельскаго. Занятіе урды, т. е. цитадели. Оборона ея. Настойчивыя нападенія жителей. Отступленіе нашего отряда. Аріергардъ Меллера поджигаетъ сакли. Дальнѣйшее отступленіе. Аріергардъ Скобелева. Ночлегъ въ 7 верстахъ. Аріергардъ Меллера. Стычка въ сел. Муласы и Табылды. Ночной набѣгъ къ сел. Ханы-хаватъ 5 октября. Встрѣча съ Кауфманомъ, спѣшившимъ на помощь. Наши потери. Резолюція Кауфмана на реляціи Троцкаго. Наказаніе Андижана признано недостаточнымъ. Награды. Генералъ Скобелевъ начальникъ Наманганскаго отдѣла. Отъѣздъ Кауфмана. Отрядъ Ничугина. Новый переворотъ въ Коканѣ. Ханъ бѣжитъ въ Ходжентъ. Нападеніе 11 октября на оказію Святополкъ-Мирскаго. Изъ Теляу помощь не идетъ: далеко. Телеграмма Кауфмана. Инструкція его Скобелеву о разгромѣ кипчаковъ. Телеграмма Колпаковскаго. Выступленіе Скобелева изъ Намангана. Бунтъ въ Наманганѣ. Бомбардировка. Штурмъ Балыкчи 12 ноября. Критика Кауфмана. Отвѣтъ Скобелева. Планъ зимней экспедиціи. Очищеніе Наманганскаго отдѣла отъ шаекъ. Стычка подъ Ульджибаемъ и Испара. Бомбардировка Андижана 8 января 1876 г. и штурмъ. Занятіе Асаке. Сдача афтобачи 24 января. Телеграмма его къ Кауфману. Отвѣтъ Колпаковскому. Почему Скобелевъ воротился въ Наманганъ? Рядъ телеграммъ его къ Колпаковскому.

Какъ только войска наши ушли за рѣку, очистивъ остальные вилаеты ханства, тамъ немедленно началось новое волненіе, центромъ котораго сталъ городъ Андижанъ, всего въ 60-ти верстахъ отъ лагеря нашихъ войскъ, подъ Наманганомъ. Такой дерзости, да еще послѣ неоднократныхъ увѣреній разныхъ депутацій въ покорности, никто ожидать не могъ. Кауфманъ до того вѣрилъ въ необычайное впечатлѣніе, произведенное, по его мнѣнію, его Мархамской побѣдой, до того вѣрилъ низкимъ поклонамъ и льстивымъ рѣчамъ шпіоновъ, подъ маскою депутатовъ, что даже, наканунѣ возстанія въ Андижанѣ, послалъ туда изъ Маргелана, для собиранія старинныхъ рукописей и статистическихъ данныхъ Куна, а для глазомѣрной съемки штабъ-капитана Петрова, подъ охраной нѣсколькихъ джигитовъ изъ ханской свиты и нашихъ. Насръ-Эддинъ снабдилъ Куна ярлыкомъ, т. е. открытою грамотою ко всѣмъ бекамъ городовъ, предположенныхъ

къ посѣщенію, хотя ханъ предупреждалъ не очень увлекаться въ глубьстраны, не ручаясь за Узгентъ и Ошъ...

Осмотрѣвъ благополучно Асаке, мирные путешественники отправились въ Андижанъ разными проселками, чтобы избѣжать встрѣчи съ шайками Пулатъ-хана, бродившими по главнымъ дорогамъ. Городскія власти отнеслись къ Куну и Петрову весьма предупредительно и отвели помѣщеніе въ домѣ серкера (сборщика податей). Однако на третій день имъ сообщили, что въ городѣ возстаніе, и потому, воспользовавшись первою суматохой, они благополучно выбрались изъ города, подъ охраной бековъ*). Кунъ однако ни слова не говоритъ, будто они были свидѣтелями объявленія въ Андижанѣ газавата, а въ реляціи или рапортѣ Троцкаго отъ 15-го октября № 4 (л. 399—428 дѣла № 40) именно такъ и сказано, что были свидѣтелями. Это нужно было для правданія нашего новаго вмѣшательства, подъ предлогомъ, что андижанцы возстали противъ насъ, а не противъ хана и его новыхъ бековъ, какъ утверждаетъ очевидецъ событія Кунъ (см. 2 и 3 строки на стр. 433 Воен. Сборн.). Не смотря на мирный договоръ съ ханомъ, Кауфманъ рѣшилъ наказать его подданныхъ андижанцевъ за лицемѣріе и вѣроломство, которыми они такъ удачно его провели...

Въ 7 часовъ утра 28-го сентября, изъ лагеря подъ Намангономъ, выступилъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Троцкаго, отрядъ изъ пяти ротъ, команды саперовъ (86 чел.), 3½ сотенъ, конной батареи и ракетнаго дивизіона; всего 1,400 чел., при 8 орудіяхъ и 4 ракетныхъ станкахъ. Пѣхоту двинули на арбахъ (по 6 на каждой). Взятъ комплектъ патроновъ и зарядовъ и провіанта на 8 дней. Аробъ всего было 230 и телѣгъ 20.

До сихъ поръ Троцкому не приходилось распоряжаться самостоятельно: подъ Махрамомъ бой велъ Головачевъ и частію Скобелевъ, далѣе упоминается все одинъ Скобелевъ, а между тѣмъ „чающихъ движенія воды“ въ отрядѣ было немало. Отъ милости Кауфмана зависѣло дать ходъ, а слѣдовательно открыть путь къ отличіямъ и повышенію тому или другому изъ смотрѣвшихъ ему въ глаза подчиненныхъ, не справляясь съ его талантами. А смотрѣли всѣ необычайно почтительно.

Быстрое окончаніе военныхъ дѣйствій остановило намѣченную очередь самостоятельнаго командованія отрядами, и потому весьма понятно, что Кауфманъ призналъ „невозможнымъ оставить безнаказаннымъ вѣроломное поведеніе андижанцевъ“. Очередь дошла до Троцкаго. Переправясь въ бродъ у Капы, черезъ два рукава Нарына, а у Балыкчи черезъ Кара-дарью, Троцкій

*) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Ферганской долинѣ. А. Кунъ. «Воен. Сборникъ» 1876 г. № 4.

остановилъ отрядъ у кышлака Чинавата. Весь переходъ составилъ 30 вер. Слѣдующій ночлегъ, послѣ перехода въ 24 версты, былъ у кышлака Кара-калпакъ, въ 6½ вер. отъ Андижана. Всѣ признаки враждебнаго отношенія жителей были на лицо: попутныя селенія были пусты; кое гдѣ виднѣлись непріятельскія шайки; джигиты наши, посылаемые изъ авангарда неизбѣжнаго Скобелева, подвергались преслѣдованію; одинъ даже былъ раненъ батикомъ въ голову; наконецъ, передъ ночлегомъ, авангардъ встрѣченъ былъ партіей въ 300 чел. и завязалъ съ нею перестрѣлку.

Съ отрядомъ шли: бекъ города Шари-хана и четыре андижанскихъ пансада (пятисотенные), которые и сообщили полученныя ими на ночлегѣ свѣдѣнія о приготовленіяхъ Андижана къ надлежащему пріему нашего отряда: по двѣнадцати главнымъ улицамъ устроены завалы, изъ окрестностей согнано туда все мужское населеніе, способное сражаться, такъ что всего въ городѣ до 70,000 защитниковъ, въ распоряженіи афтобачи. Внѣ города стоитъ Пулатъ-ханъ съ 15,000 киргизовъ. Всѣ мосты черезъ громадные арыки, каковы: Мусульманъ-кулъ и Ханскій уничтожены.

Въ виду этихъ извѣстій, прежде чѣмъ идти къ городу, Троцкій послалъ Скобелева на рекогносцировку, съ 1½ сотнями и ракетнымъ дивизіономъ. Онъ долженъ былъ осмотрѣть дороги къ городу, выбрать мѣста для батарей и для вагенбурга. На разсвѣтѣ 30-го сентября Скобелевъ двинулся къ городу. Мостъ чрезъ Ханскій-арыкъ дѣйствительно оказался сломаннымъ. Поэтому Скобелевъ пошелъ по лѣвому берегу Кара-дарьи и вышелъ на сѣверную сторону города, гдѣ и нашелъ дорогу на городской базаръ. Проводники сказали ему, что далѣе, вверхъ по рѣкѣ, есть удобное мѣсто для обоза и что оттуда со стороны ручья Андижанъ-сая, удобно пройти въ городъ и на базаръ. Онъ тотчасъ пошелъ въ указанномъ направленіи и выбралъ мѣсто. По полученіи донесенія Скобелева съ джигитами, весь отрядъ тотчасъ перешелъ на выбранное мѣсто. Выборъ былъ неудаченъ. Скобелевъ полѣнился объѣхать городъ кругомъ и положился на вкусъ проводниковъ, военный авторитетъ которыхъ, конечно, былъ равенъ нулю. Когда впослѣдствіи, черезъ два мѣсяца, онъ самъ явился наказывать Андижанъ, то выбралъ мѣсто несравненно удобнѣе не на сѣверѣ, а на востокѣ отъ города, съ хорошей позиціей для артиллеріи, почему и успѣхъ былъ полный, да и потери во много разъ меньше...

До прихода Троцкаго съ отрядомъ, Скобелевъ вздумалъ пройти по лощинѣ арыка Андижанъ-Сая, поближе къ городу. Лощина эта узкая, по обоимъ берегамъ ея выстроены сакли, соединенныя глиняными заборами садовъ; ручей извилистый,

мѣстами глубокій, и потому затрудняетъ движеніе. Идти по дну лощины, когда сверху, изъ сакель и садовъ, будутъ сыпаться выстрѣлы, едва ли похвально. Эту-то дорогу рекомендовали проводники и выбралъ для Троцкаго Скобелевъ. По фигурѣ своей лощина напоминаетъ на планѣ бутылку, и послѣ непріятной прогулки здѣсь нашего отряда, ей сохранено это названіе.

Пройдя по ней съ полъверсты, Скобелевъ былъ встрѣченъ, у предмѣстья города, залпами въ упоръ и началъ отходить, подъ безпрерывными атаками непріятельской пѣшей толпы и конницы, которыхъ, по его счету, было, по крайней мѣрѣ, 6,000 чел. Отстрѣливаясь ракетами, безпрестанно переходя въ наступленіе, Скобелевъ держался въ щели, куда завелъ отрядъ свой, около двухъ часовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ и осыпаемый пулями изъ сакель и садовъ. Положеніе становилось уже затруднительнымъ, какъ вдругъ на помощь прибѣжали, на полныхъ рысяхъ, двѣ сотни, подъ начальствомъ графа Борха. Казаки спѣшились, выбили непріятеля изъ садовъ и сакель на берегахъ лощины и затѣмъ, пользуясь временнымъ ослабленіемъ натиска непріятеля сѣли на коней и ускакали, подъ защиту пѣхоты главныхъ силъ спѣшившихъ сюда на выручку.

Троцкій выдвинулъ сюда на позицію, въ карьеръ, дивизіонъ конныхъ орудій, подъ прикрытіемъ соскочившихъ съ арбъ: саперной команды и 1-й роты 4-го линейнаго баталіона. Дивизіонъ немедленно открылъ огонь и остановилъ напоръ непріятеля; сюда прибавлена была еще одна рота пѣхоты и весь постъ, оставленный здѣсь до вечера, порученъ графу Борху. Сотни благополучно выбрались изъ западни, отдѣлавшись въ сущности весьма дешево: вся потеря заключалась въ трехъ раненыхъ казакахъ, хотя непріятель не жалѣлъ на нихъ пуль, не только въ реляціи, но и въ дѣйствительности. Малая потеря въ нашихъ рядахъ, при перестрѣлкахъ съ туземцами, объясняется тѣмъ, что они обыкновенно очень аккуратно прячутся за своими закрытіями и часто не видятъ и сами, въ кого стрѣляютъ, твердо вѣря въ предопредѣленіе: „человѣкъ стрѣляетъ, а пули направляетъ Богъ“.

Съ разсвѣтомъ 1-го октября войска двинулись на штурмъ тремя колоннами: первая, подъ начальствамъ Скобелева, изъ всѣхъ казаковъ отряда въ пѣшемъ строю (значитъ, двѣ сотни) и 20-ти саперъ, при одномъ конномъ орудіи и одномъ ракетномъ станкѣ. Вторая подъ начальствомъ полковника барона Мелллера-Закомельскаго, изъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ 2-го и 4-го линейныхъ баталіоновъ и 20 саперъ, при одномъ конномъ орудіи и одномъ спѣшенномъ ракетномъ станкѣ. Главныя силы, подъ начальствомъ полковника барона Аминова, изъ двухъ ротъ тѣхъ же баталіоновъ и 40 саперъ, при четы-

рехъ конныхъ орудіяхъ. При этой колоннѣ слѣдовалъ и Троцкій. Общее начальство надъ штурмующими колоннами поручено флигель-адъютанту полковнику графу Борху. Настала и его очередь! Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что это начальствованіе было чисто фиктивное: штурмовыя колонны шли безъ него, а онъ ѣхалъ себѣ рядомъ съ Троцкимъ, въ главныхъ силахъ и ничѣмъ ровно не распоряжался. Колонна Скобелева, а за нею главныя силы, должны были идти по вчерашней лощинѣ къ базару, а колонна Меллера-Закомельскаго на двѣ версты правѣе, по другой дорогѣ къ базару же.

Вагенбургъ былъ оставленъ на бивакѣ, подъ начальствомъ подполковника Травло, съ прикрытіемъ изъ одной роты, двухъ конныхъ орудій и двухъ ракетныхъ станковъ. Только что тронулись колонны и отошли на 300 саженъ, какъ киргизы Пулатъ-хана бросились, съ неистовымъ визгомъ, на вагенбургъ, но тотчасъ были озадачены огнемъ двухъ орудій и отскочили назадъ, не тревожа болѣе, послѣ этого, нашъ вагенбургъ. Выйдя лощиною къ городу, Троцкій приказалъ артиллеріи обстрѣлять городъ, предупредивъ, что съ прекращеніемъ огня, по сигналу „отбой“,— штурмовыя колонны должны начать наступленіе. По отбою казачья колонна, съ густою цѣпью стрѣлковъ и охотниковъ быстро двинулась впередъ въ узкія улицы предмѣстья. Городъ не обнесенъ стѣною, а частные сады, окружающіе почти сплошь городъ, конечно, обнесены заборами въ ростъ человѣка и выше.

На планѣ, снятомъ нашими топографами и хранящемся въ архивѣ воен. топогр. отдѣла окр. штаба, никакой городской стѣны и никакихъ рвовъ не значится; воротъ и башенъ у нихъ также нѣтъ. Откуда взялись потомъ и стѣна, и рвы въ донесеніяхъ о второмъ штурмѣ Андижана 8-го января? Правда, донесеніе Скобелева Кауфману за № 19 написано только 12-го марта 1876 г., т. е. черезъ 2 мѣсяца, когда уже и самый Коканъ былъ занятъ. Можетъ быть, и въ памяти не удержалось это обстоятельство. Самому же Скобелеву едва ли нужно было прикрашивать журналъ военныхъ дѣйствій стѣнами, падавшими отъ удара тараномъ бревномъ въ 8 пудовъ вѣсу!..

Въ диспозиціи къ штурму Скобелевъ ни словомъ не упоминаетъ ни стѣнъ, ни рвовъ. Такія украшенія слога онъ уже переросъ, но штабные авторы журнала военныхъ дѣйствій и реляцій, непріятеля очевидно не жалѣли.

Передъ мостомъ, чрезъ большой арыкъ, казаки были встрѣчены огнемъ съ фронта и съ фланговъ. Особенно назойливо палилъ непріятель изъ-за стѣнки, охватывавшей правый флангъ колонны. Туда послано двѣ картечныхъ гранаты изъ единственнаго орудія, шедшаго съ колонною. За пороховымъ дымомъ казаки не замѣтили, что позади моста стоитъ высокій завалъ съ пушкой.

Казаки и охотники бросились на штурмъ, завладѣли пушкой и ворвались въ городъ. Первымъ вскочилъ на завалъ, со своими охотниками, подпоручикъ 2-го стрѣлковаго баталіона Нуджевскій. Колонну остановили, чтобы разобрать завалъ, что и было исполнено подъ сильнымъ огнемъ. За этимъ заваломъ виднѣлся, не далѣе 60-ти шаговъ, еще такой же. Овладѣвъ имъ, а затѣмъ и еще двумя завалами, казаки дошли до базара, но здѣсь наткнулись на новый завалъ изъ двухъ рядовъ арбъ, забранныхъ толстыми брусьями. Для уменьшенія потерь, опять было пущено нѣсколько гранатъ и въ этотъ завалъ. Густая толпа защитниковъ тотчасъ разбѣжалась, а казаки разобрали баррикаду, затѣмъ прошли чрезъ базаръ и заняли съ боя урду и дворецъ.

Главныя силы, идя слѣдомъ за первою колонною, также обстрѣливались съ боковъ и съ тыла непріятелемъ, мимо котораго прошли только что казаки. Явилась и конница, насѣвшая на аріергардъ нашъ изъ роты и двухъ орудій. Капитанъ Арванитаки остановилъ роту, повернулъ оба орудія и послалъ киргизамъ двѣ гранаты. Киргизы отхлынули, а рота продолжала движеніе подъ прикрытіемъ разсыпанной сзади стрѣлковой цѣпи.

Вслѣдъ за казаками, въ урду пришли и главныя силы, а черезъ полчаса и вторая колонна, свернувшая въ боковую улицу и овладѣвшая по пути также пятью завалами и однимъ редюитомъ. Что такое разумѣлъ Меллеръ-Закомельскій, а съ его словъ и Троицкій, подъ громкимъ именемъ редюита,—неизвѣстно. Въ рапортѣ послѣдняго перечисляются только пять заваловъ, изъ коихъ третій, самый большой, имѣлъ впереди глубокій и широкій ровъ и былъ вооруженъ пушкой. Первымъ на всѣ пять заваловъ вскакивалъ прапорщикъ Хамичевскій, извѣстный уже по защитѣ ходжентскаго моста. Повидимому, ключъ къ разгадкѣ таится въ слѣдующихъ словахъ рапорта: „во время пути, кромѣ пяти заваловъ, второй штурмовой колоннѣ пришлось брать съ боя еще много приведенныхъ въ оборонительное состояніе сакель и одну сильно укрѣпленную мечеть, въ которой непріятель защищался особенно упорно“. Вѣроятно эту мечеть и величаютъ редюитомъ.

По занятіи дворца, осмотрѣны были примыкавшіе къ площади дворы его и подвалы, въ которыхъ найдено болѣе 300 пудовъ пороха; большая часть его была затоплена, а часть пошла на изготовленіе тутъ же факеловъ для зажиганія построекъ, базара и всего, что поджечь было можно.

Для обороны подступовъ къ занятой нами урдѣ, выставлены были, по направленію трехъ улицъ, ведущихъ къ ней, три орудія; остальныя поставлены посреди площади, въ резервѣ. Площадь, урда и дворецъ распредѣлены между частями колоннъ, выславшихъ густыя цѣпи на крыши прилегающихъ строеній,

откуда и открытъ сильный огонь по насѣдавшему со всѣхъ сторонъ непріятелю. При этомъ приходилось не разъ переходить въ наступленіе и выбивать враговъ штыками изъ занятыхъ ими сакель. Вскорѣ обнаружилось, что во внутренныхъ дворахъ дворца также есть еще какіе-то вооруженные люди, съ которыми тотчасъ и учинена расправа. Они проникали сюда изъ города черезъ заднія ворота. Пришлось занять и эти ворота, въ которыя непріятель лѣзъ весьма упорно, не смотря на залпы въ упоръ и большія потери.

Простоявъ въ урдѣ еще съ полчаса, Троцкій рѣшилъ отступить обратно къ вагенбургу, не попытавшись даже овладѣть казеннымъ механическимъ оружейнымъ заводомъ *)... Было очевидно, что андижанцы, отнюдь не считаютъ себя ни наказанными, ни побѣжденными: пощады никто изъ нихъ не просилъ и, вмѣсто достархана, угощалъ пулями.

Назадъ пошли наши войска въ одной общей колоннѣ: впереди казаки, потомъ главныя силы и въ аріергардѣ колонна Меллера-Закомельскаго, на которую возложено было и поджиганіе строеній.

Непріятель провожалъ войска не умолкавшею пальбой, но въ особенности насѣдалъ на аріергардъ, какъ это и всегда бываетъ при отступленіи. Задержавшись съ поджогами, аріергардъ далеко отсталъ отъ средней колонны. Промежутокъ, конечно, былъ занятъ немедленно непріятелемъ, и потому проводникъ повелъ аріергардъ по другой улицѣ и вывелъ изъ города правѣе прочихъ войскъ. Преслѣдованіе, впрочемъ, постепенно ослабѣвало, такъ какъ жители спѣшили тушить пожары.

Черезъ два часа послѣ возвращенія къ вагенбургу, Троцкій послалъ къ городу 6 орудій, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ, для бомбардированія базара и пожарищъ, съ цѣлію помѣшать тушенію ихъ. Въ теченіе трехъ часовъ орудія выпустили по 14 зарядовъ каждое. Горожанамъ отвѣчать было нечѣмъ, и потому Троцкій считалъ себя вправѣ написать въ рапортѣ, что „во все это время непріятель уже не оказывалъ никакого сопротивленія и, видимо, былъ подъ впечатлѣніемъ нанесеннаго ему погрома“.

Трофеями дня были двѣ взятыя съ боя пушки. Потери наши состояли: убито 8 нижнихъ чиновъ, ранено 3 офицера **), 30 нижнихъ чиновъ и 5 джигитовъ, контужено 3 оберъ-офицера и 15 нижнихъ чиновъ. Всего 64 человѣка. Подъ Махра-

---

*) Заводъ устроенъ какимъ-то инженеромъ-афганцемъ, воспитывавшимся въ Остъ-Индіи. Свѣдѣнія о немъ были сообщены Куномъ по возвращеніи изъ Андижана (см. В. Сб. 1876 № 4, стр. 432).

**) Капитаны Матвѣевъ и Иваницкій и прапорщикъ Зайцевъ.

момъ потеря была только въ 14 человѣкъ, а результаты были во много разъ блестящѣе.

Ночью въ лагерь пробралось изъ города нѣсколько жидовъ, которые разсказали, будто потери у непріятеля громадныя, что большая часть защитниковъ разбѣжалась, а съ ними и самъ афтобачи, а когда началась бомбардировка, то разбѣжались и послѣдніе, въ особенности когда въ толпу маслахата (т. е. совѣта), обсуждавшаго вопросъ, что дѣлать дальше?—попала русская граната (это былъ заревой выстрѣлъ), убившая и ранившая 14 человѣкъ. На другой день, 2-го окрября, въ 11 часовъ утра, произведено новое бомбардированіе города изъ 4-хъ орудій, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ. Подходя ко вчерашней позиціи артиллеріи, Меллеръ-Закомельскій, которому поручено было бомбардированіе, увидѣлъ, что вблизи позиціи устроенъ новый завалъ, а ближайшія сакли заняты непріятелемъ, встрѣтившимъ нашихъ ружейнымъ и фальконетнымъ огнемъ. Пришлось выбивать его штыками. Сдѣлавъ по городу 40 выстрѣловъ, Меллеръ воротился въ лагерь, преслѣдуемый пѣшими и конными толпами, отъ которыхъ отбивался гранатами... Въ два часа пополудни, онъ возвратился на бивакъ, потерявъ 4-хъ нижнихъ чиновъ ранеными.

Разсказы жидовъ и другихъ перебѣжчиковъ, будто защитники города всѣ разбѣжались въ страхѣ, оказались чепухою. Тѣмъ не менѣе Троцкій счелъ свою задачу, т. е. наказаніе гор. Андижана, безусловно выполненною и 3-го октября выступилъ съ отрядомъ обратно, черезъ Балыкчи. На этотъ разъ въ аріергардѣ шелъ Скобелевъ съ казаками и ракетнымъ дивизіономъ.

Предчувствуя, что „разбѣжавшійся въ страхѣ непріятель“, несмотря на „безусловно выполненную отрядомъ задачу“, будетъ преслѣдовать наши войска, Троцкій не велѣлъ пѣхотѣ садиться на арбы, а идти пѣшкомъ въ строю. Предчувствіе оправдалось тотчасъ, какъ только войска тронулись съ бивака: массы непріятельской конницы закружились около отряда, насѣдая въ особенности на аріергардъ, состоящій только изъ казаковъ и ракетнаго дивизіона. Получивъ приказаніе отъ Троцкаго атаковать непріятеля кавалеріей, Скобелевъ взялъ одну 4-ю Сибирскую сотню Машина и врубился въ толпу, причемъ сразу потерялъ одного казака убитымъ и шесть ранеными. Въ реляціи Троцкаго сказано, будто сотня эта, „не смотря на чувствительный уронъ, опрокинула его“ (т. е. непріятеля), а вслѣдъ затѣмъ говорится, что сотня „послѣ удачной схватки, вынуждена была спѣшиться; чтобы подобрать одного убитаго и 6 раненыхъ казаковъ, и была снова со всѣхъ сторонъ охвачена непріятелемъ“. Можно думать, что раненые казаки тоже свалились съ коней, какъ и убитый; спѣшивать цѣлую сотню, чтобы поднять семерыхъ съ земли, совершенно не

нужно. Удачная кавалерійская схватка, послѣ которой „опрокинутый“ непріятель немедленно окружаетъ побѣдителя,—дѣло неслыханное. Во всякомъ случаѣ непріятель, какъ видно, особеннаго страха передъ Троцкимъ и Скобелевымъ не выказывалъ.

Злополучную сотню выручилъ графъ Борхъ, завѣдывавшій главными силами и аріергардомъ, и прапорщикъ Хамичевскій: первый прискакалъ съ казаками, а второй прибѣжалъ со своей ротой.

Такъ, отбиваясь шагъ за шагомъ, отрядъ шелъ 8 часовъ къ ночлегу, въ 7 верстахъ отъ Андижана, гдѣ онъ ночевалъ, и въ передній путь. Немедленно вокругъ бивака были разорены всѣ сакли, заборы садовъ и гумёнъ, чтобы лишить непріятеля возможности пользоваться закрытіями и тревожить отрядъ ночью. Послана также летучая колонна зажечь всѣ окрестныя деревни, что и было исполнено до заката солнца.

Потери наши въ этотъ день состояли: изъ 1 убитаго и 8 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2 раненыхъ офицеровъ *).

Для движенія на 4-е октября весь отрядъ раздѣленъ былъ только на авангардъ и аріергардъ. За авангардомъ шелъ обозъ казачій и отряднаго штаба, подъ конвоемъ полуторы сотни, съ двумя коканскими пушками. Этою силою командовалъ графъ Борхъ. Въ аріергардѣ шли: рота, за ней весь обозъ, затѣмъ двѣ сотни, далѣе еще рота, 40 саперъ и 4 конныхъ орудія; сзади всѣхъ еще рота и команда зажигателей Нуджевскаго съ факелами. Гдѣ шелъ ракетный дивизіонъ,—въ реляціи не сказано, а вѣроятно въ аріергардѣ при 2 сотняхъ. Начальникомъ аріергарда назначенъ былъ Меллеръ-Закомельскій. Скобелеву и Борху на этотъ день, повидимому, никакой роли не предоставлялось.

Дорога шла вдоль арыка Мусульманъ-Кула по правому его берегу, а на другомъ берегу тянулись заборы и сакли, не уничтоженные нами, по невозможности перейти въ бродъ глубокій арыкъ съ крутыми берегами. Непріятель притаился за этими закрытіями, пропустилъ авангардъ и обозъ, а затѣмъ открылъ сильную пальбу по аріергарду, съ разстоянія въ 50 шаговъ, считая себя за арыкомъ вполнѣ безопаснымъ отъ нашихъ штыковъ. Усиленная лѣвая боковая цѣпь и нѣсколько залповъ одной изъ ротъ аріергарда изъ-за насыпи арыка, заставили непріятеля прекратить огонь.

Далѣе дорога отходитъ отъ арыка и пролегаетъ сначала открытою степью, до кышлака Табылды, а затѣмъ втягивается въ улицы большихъ опустѣлыхъ кышлаковъ, между садами и полями высокой джугары. Съ самаго Табылды непріятель не тревожилъ войска, а тутъ опять насѣлъ на аріергардъ. Но самостоя-

*) Капитанъ Божовичъ и прапорщикъ Любомировъ.

тельный составъ аріергарда, изъ трехъ родовъ оружія, далъ возможность не только отбивать нападенія, но и переходить временами въ наступленіе. За Табылды устроена была нами засада, въ которую и попалась передовая конная толпа киргизовъ.

Во время привала, въ полуверстѣ за кышлакомъ Муласы, непріятель занялъ этотъ кышлакъ и открылъ огонь по отдыхавшимъ войскамъ. Послана была стрѣлковая рота Хамичевскаго и взводъ саперовъ, которые и выбили непріятеля. Скобелевъ, какъ начальникъ штаба отряда, никѣмъ не стѣсняемый, пристроился также къ ротѣ и, съ однимъ полувзводомъ ея, ворвался во дворъ караванъ-сарая, на берегу Кара-дарьи, нашелъ здѣсь множество спѣшенныхъ киргизовъ, стрѣлявшихъ изъ-за стѣнокъ и перекололъ ихъ, а кто увернулся отъ штыка, тѣхъ потопилъ. Какъ онъ это сдѣлалъ,—неизвѣстно,—въ реляціи сказано коротко: „перекололъ и потопилъ“.

Въ это время 4-я Сибирская сотня Машина и полусотня 5-я Оренбургской Авдѣева проскакали черезъ кышлакъ и налетѣли на кипчаковъ, а затѣмъ вернулись другою дорогой. Меллеръ-Закомельскій и Скобелевъ желая поддержать казаковъ, двинулись къ выходу изъ кышлака, но казаковъ нигдѣ не было видно. Не зная, что тѣ воротились, и полагая, что они увлеклись и зарвались въ преслѣдованіи, оба полковника, съ 140 человѣками пѣхоты, побѣжали къ Табылды и здѣсь наткнулись на значительныя массы конницы, выходившей къ нимъ на встрѣчу изъ кышлака. Конница эта тотчасъ бросилась, съ шашками на-голо, на горсть нашей пѣхоты... Подпустили ихъ на 150 шаговъ—и залпъ. Бросивъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, конница понеслась назадъ, подгоняемая новыми залпами. Тутъ подошла къ нашимъ сотня Машина и недоразумѣніе разъяснилось. Собравъ весь отрядъ на привалѣ, Троцкій перешелъ на ночлегъ къ кышлаку Сырмакъ, сдѣлавъ всего 15 верстъ. Потеря наша состояла изъ 1 убитаго и 4 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Чтобы проучить непріятеля, шедшаго по пятамъ за нашимъ отрядомъ, Троцкій рѣшился сдѣлать ночное нападеніе на его бивакъ, расположенный, по словамъ лазутчиковъ, въ кышлакѣ Ханы-Хаватъ. Это дѣло было поручено Скобелеву, съ сотней Машина и полусотней Авдѣева, и Меллеру-Закомельскому, съ ротой Хамичевскаго. Тихо собрались назначенныя въ набѣгъ части и въ 2 часа утра 5 октября казаки выступили на рысяхъ, а пѣхота бѣгомъ. Впереди шелъ сотникъ Машинъ, за нимъ Авдѣевъ со Скобелевымъ, далѣе Меллеръ съ ротой. Машинъ изрубилъ у входа въ кышлакъ пикетъ изъ четырехъ человѣкъ, а за кышлакомъ влетѣлъ на конный бивакъ и началъ рубку. Непріятель, застигнутый врасплохъ, не пытался даже обороняться и бросился въ разсыпную пѣшкомъ, такъ какъ лошади сорва-

лись съ приколовъ и разбѣжались. Тутъ подоспѣлъ Скобелевъ и довершивъ пораженіе, приказалъ трубить сборъ. За нимъ прибѣжала и рота, но дѣло было уже кончено въ нѣсколько минутъ. Трофеями нашими были: 1 бунчукъ, 19 значковъ, 4 большія мѣдныя трубы, 198 ружей, 250 шашекъ, 168 пикъ и 25 батиковъ. На мѣстѣ осталось до 100 тѣлъ и 2000 чалмъ. Чалмы эти реляція упоминаетъ въ числѣ трофеевъ, хотя эта принадлежность костюма могла служить только для точнаго исчисленія разсѣянной партіи. Реляція все-таки считаетъ непріятеля ровно вдвое, основываясь на словахъ джигита нашего, ѣхавшаго изъ Андижана къ Кауфману и попавшаго въ плѣнъ къ кипчакамъ. Онъ былъ съ ними въ ночь погрома и разсказывалъ, будто афтобачи бѣжалъ за Андижанъ, а половина его партіи лишилась лошадей. У насъ въ этомъ дѣлѣ потери не было. 5 октября весь отрядъ спокойно поднялся съ бивака и тронулся далѣе. Непріятеля нигдѣ уже не было видно. Въ 9 часовъ утра авангардъ увидалъ войска, шедшія на встрѣчу со стороны Намангана; это былъ отрядъ Кауфмана, спѣшившаго на помощь. Соединенные отряды стали бивакомъ у кышлака Джиты-Кашка, сдѣлали дневку 6 числа, а 7-го—переправились въ бродъ на правый берегъ Кара-Дарьи и чрезъ Балыкчи 8 числа воротились въ Наманганъ.

Общая потеря наша съ 30 сентября по 4 октября заключалась: въ 9 убитыхъ и 3-хъ умершихъ отъ ранъ нижнихъ чинахъ и 46 раненыхъ; сверхъ того, ранено 5 офицеровъ и 5 джигитовъ. Чѣмъ же наказаны, собственно, андижанцы? Уономъ? Пожаромъ? Но уронъ и у насъ стоилъ генеральнаго сраженія, по здѣшнимъ условіямъ, а глиняныя сакли, съ такими же крышами, не горятъ и, если дѣйствительно горѣло что-нибудь, то развѣ пустой базаръ, заготовленное на зиму топливо, скирды сухого клевера и необмолоченнаго еще хлѣба. Оружейный заводъ, конечно, остался невредимъ. Самый смирный народъ: лавочники и купцы, страдающіе при всякихъ безпорядкахъ и переворотахъ, обыкновенно чуютъ бѣду заранѣе, вывозятъ свой немудреный запасъ изъ лавокъ по домамъ, а лавки запираютъ. По этимъ признакамъ у насъ даже опредѣляютъ состояніе умовъ въ народѣ, какъ погоду по барометру. Разорять ихъ было не за что. Непріятель преслѣдовалъ отрядъ два дня, а это не служитъ признакомъ полной побѣды. Поэтому мы не можемъ считать, что задача отряда была безусловно выполнена. Замѣчательно, что и самъ Троцкій въ своей реляціи (л. 427 дѣла № 40), подъ конецъ, оцѣниваетъ болѣе скромно свои успѣхи и говоритъ: „Возложенное вашимъ высокопревосходительствомъ на отрядъ порученіе исполнено въ возможной степени". Это вотъ справедливо: что могли, то и сдѣлали. Войска не видовать, что рекогносци-

ровки были плохи, позиціи для артиллеріи выбраны неудачно, а въ аріергардъ, въ первый день отступленія, назначена одна кавалерія...

Не смотря, однако, на всѣ эти прорухи, Кауфманъ положилъ слѣдующую резолюцію на рапортѣ Троцкаго: „о славныхъ дѣлахъ молодецкаго отряда, дѣйствовавшаго по указаніямъ и подъ ближайшимъ руководствомъ начальника штаба моего, свиты его величества генералъ-маіора Троцкаго, коего распорядительность и спокойное мужество служило прекраснымъ примѣромъ всему, ввѣренному ему отряду, донести г. военному министру и просить о награжденіи начальника отряда орденомъ св. Георгія 3 класса; вполнѣ имъ заслуженнымъ“. Въ представленіи онъ, конечно, не скупился на похвалы, а такъ, „промежду себя“, считалъ штурмъ отбитымъ. Надо было не только пройти до базара, но насквозь, вдоль и поперекъ, да простоять дня два въ городѣ,— это понято было бы за удачу и туземцами. Въ предписаніи Скобелеву отъ 3 декабря (л. 56—62 дѣла № 40, т. II), онъ говоритъ слѣдующее: „Воспользоваться тогда предполагаемымъ движеніемъ, чтобы наказать и разгромить Андижанъ, было бы, конечно, желательно, такъ какъ въ минувшую октябрьскую экспедицію противъ этого города, по мнѣнію коканскаго народа, — „Андижанъ недостаточно нами наказанъ“. Но таково было мнѣніе и русскаго народа, служащаго въ Туркестанскомъ краѣ. Черняевъ получилъ Георгія 3 степени за взятіе навсегда Чимкента, а Троцкому дали тотъ же орденъ только за покушеніе взять Андижанъ... Скайлеръ доносилъ объ этомъ своему посланнику *), что телеграммы главнокомандующаго въ Петербургъ представили андижанское дѣло, какъ блестящій штурмъ, и потому генералъ Троцкій получилъ крестъ св. Георгія 3 степени и золотую саблю.

Вскорѣ получена была телеграмма о наградахъ за Махрамъ. Скобелевъ былъ произведенъ въ генералы съ назначеніемъ въ свиту его величества.

17 октября, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, присоединены къ Россіи уступленныя ханомъ земли праваго берега Нарына и Сыра, подъ названіемъ Наманганскаго отдѣла, начальникомъ котораго назначенъ генералъ Скобелевъ.

Андижанская неудача быстро разнеслась между кипчакскимъ населеніемъ новаго отдѣла. Кипчаки покинули свои кышлаки и собрались въ шайки, во главѣ которыхъ сталъ Батырь-тюря, бывшій бекъ наманганскій. Тщетно гонялись за нимъ высланные противъ него летучіе отряды наши: онъ ловко увертывался и перешелъ въ предѣлы ханства. Въ виду такого настроенія жителей, Кауфманъ занялся приспособленіемъ наманганской цита-

*) Turkistan. By E[illegible]uller, т. II, 295.

дели къ оборонѣ. Самаркандскій опытъ не пропалъ для него даромъ. Когда значительная часть работъ была окончена, а слухи о Батырь-тюрѣ замолкли, Кауфманъ выѣхалъ 16-го октября въ Ходжентъ, позаботившись, однако, еще 10 числа, обезопасить свой путь двумя отрядами: изъ Ташкента двинуты къ Самгару двѣ роты и три сотни, подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Пичугина, пѣхота на арбахъ. Изъ этого отряда двѣ сотни выставляются по дорогѣ въ Намангань, на зимовки Акъ-кудукъ, для разъѣздовъ, по направленію къ Намангану, Теляу и Самгару. Провіанта приказано взять на двѣ недѣли; далѣе довольствоваться отрядъ будетъ отъ ходжентскаго склада. Люди снабжены теплою одеждою. Уѣзжая изъ Намангана, Кауфманъ еще не зналъ о новомъ переворотѣ въ Коканѣ, о чемъ и въ Ташкентѣ узнали только 12-го числа, — а сообщенія съ Наманганомъ были прерваны.

Знаменателенъ для Ходжента былъ день 10 октября: почти одновременно сюда пришло: письмо отъ коканскаго хана Насръ-Эддина, что онъ спасается подъ защиту русскихъ, бухарское посольство съ подарками Кауфману и, наконецъ, явился самъ Коканскій ханъ со свитой въ 60 человѣкъ. Въ письмѣ, полученномъ въ 12 часовъ дня, ханъ увѣдомлялъ барона Нольде, что наканунѣ, т. е. 9-го числа утромъ, народъ въ гор. Коканѣ взбунтовался и напалъ на дворецъ. Ханъ отстрѣливался, въ теченіе трехъ часовъ, и, наконецъ, долженъ былъ спасаться, съ самою небольшою свитою. Черезъ два часа послѣ письма, прибылъ въ Ходжентъ и самъ ханъ. Онъ разсказывалъ, что бунтъ произошелъ вслѣдствіе прокламацій афтобачи, призывавшихъ народъ къ низверженію хана и къ борьбѣ съ русскими, до послѣдней капли крови.

Узнавъ о бунтѣ въ Маргеланѣ, ханъ послалъ туда съ войскомъ дядю своего, султана Мурадъ-бека, который разбилъ бунтовщиковъ, руководимыхъ бывшимъ ура-тюбинскимъ бекомъ Абдулъ-Гафаромъ *), но затѣмъ, повидимому, самъ присталъ къ бунту, ибо войска распустилъ и не возвратился къ хану, скрываясь въ окрестности столицы... Защищаясь во дворцѣ, ханъ увидѣлъ, что и среди его свиты закралась измѣна... Нѣкоторые отворили главныя ворота бунтовщикамъ. Тогда ханъ вынужденъ былъ бѣжать черезъ другія ворота, съ нѣсколькими вѣрными. Бѣжалъ онъ къ броду чрезъ Сыръ-Дарью выше Самгара, за нимъ гнались, по пятамъ, бунтовщики до самой рѣки, а тутъ уже отстали. Отдохнувъ въ Самгарѣ нѣсколько часовъ иославъ въ Ходжентъ письмо, онъ направился и самъ туда же. Прибылъ онъ

*) Этотъ человѣкъ жилъ въ Ташкентѣ на пенсіи отъ нашего правительства и тайно ушелъ въ Коканъ, во время безпорядковъ.

только въ чемъ былъ, не успѣвъ захватить съ собой даже денегъ.

Нольде тотчасъ послалъ въ Джизакъ предложеніе командиру 3-го стрѣлковаго баталіона, прибывшаго изъ Аму-дарьинскаго отдѣла, спѣшить на Ходжентъ, а джизакскому помощнику своему маіору Калугину приказалъ забрать всѣ, попадающія на глаза арбы подъ стрѣлковъ. Изъ Ура-тюбе притянулъ 1 роту 2-го линейнаго баталіона. 11-го октября пришло въ Ходжентъ извѣстіе о провозглашеніи въ Коканѣ ханомъ самозванца Пулатъ-хана, выдававшаго себя за дальнаго родственника Худояра, въ боковой линіи, а на самомъ дѣлѣ это былъ простой киргизъ.

Въ этотъ же день, на оказію изъ 12 казаковъ, выступившую 8-го числа изъ Ходжента въ Наманганъ, со штабсъ-капитаномъ 3-го стрѣлковаго баталіона Святополкъ-Мирскимъ, напала шайка, возлѣ села Пунганъ. Оказія отступила къ Теляускимъ горамъ. Святополкъ-Мирскій послалъ, съ тремя джигитами, записку къ воинскому начальнику укр. Теляу, подпоручику Александрову, который выступилъ было на помощь, съ 40 человѣками пѣхоты, но потомъ разсудилъ, что идти надо далеко и вернулся... 17-го октября изъ Ташкента въ Ходжентъ отправлены молодые солдаты для укомплектованія 3-го стрѣлковаго баталіона, а съ ними комплектъ боевыхъ патроновъ для него же и инженерный транспортъ, подъ прикрытіемъ роты 4-го стрѣлковаго баталіона и полусотни казаковъ. Пѣхота на подводахъ.

Итакъ, въ Кураминскомъ уѣздѣ снова появились шайки... Тотчасъ послана изъ Куйлюка (въ 8 верстахъ отъ Ташкента, гдѣ постоянный мостъ черезъ р. Чирчикъ) сотня казаковъ въ Теляу. Прибылъ сюда и Гуюсъ, съ летучимъ отрядомъ, и послалъ разъѣздъ отыскивать злополучную оказію *). 19-го октября, изъ Ходжента выступилъ, къ границѣ ханства, по дорогѣ на Махрамъ, отрядъ изъ 1-й роты 3-го стрѣлковаго баталіона и 2-й роты 2-го линейнаго, подъ начальствомъ капитана Ваулина.

Прибывъ изъ Намангана въ Ходжентъ, Кауфманъ приказалъ занять Махрамъ, что и исполнено безъ боя. Комендантомъ назначенъ маіоръ Родзянко. 28-го октября изъ Ташкента послана военному министру, полученная съ нарочнымъ изъ Ходжента слѣдующая телеграмма отъ Кауфмана: „оставивъ въ Наманганѣ генерала Скобелева съ сильнымъ самостоятельнымъ отрядомъ, расположеннымъ въ городахъ Наманганѣ и Тусѣ, я возвратился въ гор. Ходжентъ. Сообщенія между Ходжентомъ и Наманганомъ совершаются оказіями, впредь до успокоенія этой страны. Для обезпеченія Ходжентскаго уѣзда, занята безъ боя крѣпость

*) Только въ декабрѣ узнали, что Мирскій взятъ въ плѣнъ раненый и отвезенъ въ Коканъ.

Махрамъ. Ханъ со своею свитою проживаетъ въ Ходжентѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій въ ханствѣ. Не имѣю намѣренія помогать ему войсками возвратить престолъ".

Затѣвать новую экспедицію въ Коканъ Кауфману не хотѣлось по весьма простой причинѣ: пользуясь расположеніемъ Милютина, у котораго онъ долго былъ правителемъ канцеляріи, онъ умудрялся послѣ каждой своей экспедиціи, получать разрѣшеніе ѣхать въ Петербургъ; такъ онъ ѣздилъ послѣ Самарканда и Хивы, торопился и теперь. Понятно поэтому, какъ непріятны были для него всѣ эти безпорядки: все-таки, какъ-то неловко было главному начальнику покидать край, въ самый разгаръ событій...

У Скобелева въ Наманганѣ оставлены были слѣдующія войска: 1-й и 2-й стрѣлковые баталіоны, три роты 2-го и двѣ 7-го линейныхъ баталіоновъ; 1 конная батарея, 1 взводъ 2-й батареи, 1 подвижной взводъ и ракетный дивизіонъ; 2 сотни Оренбургскаго, 2 сотни Сибирскаго и $1^1/_2$ сотни Семирѣченскаго казачьихъ войскъ; 20 человѣкъ саперовъ, мастеровая и инженерная команды. На вооруженіи Наманганской цитадели поставлены 6 коканскихъ пушекъ. Всего 13 ротъ, три команды, 18 орудій, 4 ракетныхъ станка и $5^1/_2$ сотенъ казаковъ. Въ концѣ октября составъ войскъ усилился отрядомъ Пичугина изъ 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ, поставленныхъ на Акъ-джуской переправѣ, выше Самгара.

Передъ отъѣздомъ изъ Намангана, Кауфманъ далъ Скобелеву инструкцію на манеръ той, которою снабдилъ, послѣ хивинской экспедиціи, Иванова въ Петро-Александровскѣ: какъ тогда, онъ находилъ, что для собственнаго спокойствія надобно разгромить непремѣнно іомудовъ,—такъ теперь онъ требовалъ разгрома кипчаковъ и также зимою. Поэтому предлагалъ выступить, въ серединѣ декабря, въ мѣстности Ики-Су-арасы (среди двухъ рѣкъ, т. е. междурѣчье) между Нарыномъ и Кара-дарьей, гдѣ сидѣла главная масса кипчаковъ, разгромить ихъ съ семействами, потомъ ударить на Андижанъ или другой пунктъ, гдѣ они будутъ собираться, и затѣмъ воротиться домой. Инструкціи этой нигдѣ въ дѣлахъ не найдено, но что и здѣсь шло дѣло о варварскомъ истребленіи женщинъ и дѣтей, какъ въ Хивѣ, можно вывести изъ телеграммы Кауфмана къ Колпаковскому изъ Бузулука, отъ 22-го декабря. Узнавши изъ телеграммъ, ожидавшихъ его по дорогѣ въ Петербургъ, что Скобелевъ нашелъ кипчакскіе кышлаки пустыми, Кауфманъ отвѣчаетъ такъ: „если жители Ики-су-арасы отправили семейства, то польза, ожидавшаяся отъ движенія туда отряда, не будетъ достигнута; вѣроятно, Скобелевъ направится прямо Андижанъ. Казалось бы, не слѣдуетъ его стѣснять опредѣленнымъ указаніемъ" (дѣло

№ 40, томъ II л. 49). Колпаковскій тотчасъ послалъ въ Ходжентъ, для пересылки къ Скобелеву, телеграмму на нѣмецкомъ языкѣ (л. 144, а переводъ ея на л. 149), въ которой однако категорически стѣснилъ Скобелева приказаніемъ разбить скопища и тѣмъ закончить экспедицію, „weils, nach dem die Einwohner ihre Familien abgesand haben, der erwartende Nützen vom Feldzüge nach Iki-su-arasi Keinen Erfolg haben wird".

Кипчаки дѣйствительно играли въ коканскомъ ханствѣ такую же роль, какъ туркмены въ Хивѣ: распоряжались престоломъ возводили и низводили хановъ по произволу, грабили осѣдлыхъ жителей... Не мудрено, что и по отношенію къ нимъ Кауфманъ примѣнилъ ту же систему искорененія до тла.

Какъ только Скобелевъ остался въ Наманганѣ одинъ, полнымъ хозяиномъ, ввѣреннаго ему отдѣла, онъ воспользовался первыми же слухами о появленіи шаекъ въ сторонѣ города Чуста (онъ же Тусъ) и двинулся туда съ порядочнымъ отрядомъ (3 роты, $1^1/_2$ сотни и 4 орудія). Въ 12 верстахъ отъ Намангана онъ столкнулся, возлѣ городка Тюря-кургана, съ партіей Батыръ-тюри и разбилъ ее 23-го октября, разгромивъ при этомъ и городокъ. Потеря наша состояла всего изъ пяти раненыхъ и одного контуженнаго нижняго чина. На другой день отрядъ перешелъ къ Чусту. Въ этотъ же день, т. е. 24-го числа, пользуясь отсутствіемъ Скобелева и ослабленіемъ гарнизона въ Наманганѣ, жители его напали на гарнизонъ цитадели и на лагерь остальныхъ войскъ, близъ города, при поддержкѣ кипчаковъ, обступившихъ городъ въ значительныхъ силахъ. Три дня цитадель, еще не вполнѣ приведенная въ оборонительное состояніе, отражала отчаянныя нападенія непріятеля. Удачными вылазками, поддержанными изъ лагеря, удалось наконецъ, на третій день, т. е. 26-го числа, очистить базаръ съ его окрестностями. Тогда нападающіе перешли въ ту часть города, гдѣ начинается развѣтвленіе арыковъ, чтобы владѣть водой, и настроили въ улицахъ множество заваловъ.

Извѣстіе о бунтѣ дошло до Скобелева только въ полночь на 26 октября, подъ Чустомъ. Онъ тотчасъ поднялъ отрядъ и двинулся къ Намангану. Къ полудню 26 числа, онъ вошелъ въ осажденную цитадель, затѣмъ проѣхалъ въ лагерь, произвелъ рекогносцировку, выбралъ мѣста для батарей, для бомбардированія города, и велѣлъ готовиться къ штурму. 27-го числа началось бомбардированіе изъ 16 орудій той части города, гдѣ укрѣпились кипчаки и жители, которые и разбѣжались, такъ что штурмовымъ колоннамъ нечего было и дѣлать.

Непріятель потерялъ до 3,800 человѣкъ, по счету Скобелева (чего жалѣть бумагу и басурманъ!). Наши потери, за три дня

состояли: изъ 6 убитыхъ и 29 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 3 раненыхъ офицеровъ *).

Такія возстанія имѣютъ и свою хорошую сторону: во-первыхъ, народъ увидитъ, что шутить съ нами нельзя, а во вторыхъ, занятый уже съ боя, городъ теряетъ преимущества мирнаго занятія. Войска тотчасъ воспользовались уцѣлѣвшими каменными зданіями и расположились въ нихъ на зиму весьма удобно.

Урокъ этотъ, однако, мало подѣйствовалъ на кипчаковъ и, черезъ нѣсколько дней, они стали собираться на противоположномъ берегу Нарына, группируясь у гор. Балыкчи, гдѣ у нихъ заготовлены были склады продовольствія. Здѣсь ихъ собралось до 20,000, да въ окрестностяхъ стояло нѣсколько партій по 3 по 4 тысячи.

1-го ноября на нашу сторону перешелъ, чрезъ Нарынъ въ бродъ, значительный отрядъ конныхъ кипчаковъ; авангардъ его сталъ въ кышлакѣ Кепе, въ 12 верстахъ отъ Намангана. 2 ноября Скобелевъ двинулся противъ непріятеля и отбросилъ его за Нарынъ. Съ этихъ поръ кипчаки уже не выставляли пикетовъ на нашей сторонѣ и ограничивались одиночными шпіонами. 9 ноября, во время рекогносцировки въ одномъ изъ кышлаковъ, захваченъ съ оружіемъ, такой шпіонъ и тутъ же повѣшенъ, по приказанію Скобелева, съ пришитою на груди надписью: „такъ будетъ поступлено со всякимъ вооруженнымъ, который, служа непріятелю, попадется на русской землѣ“.

Наши лазутчики сообщали, что Батыръ-тюря идетъ къ Чусту, отъ Тоды, гдѣ осталась одна пѣхота, но это уже былъ не сбродъ съ палками, батиками и пиками, а нѣчто регулярное, вооруженное ружьями со штыками; этихъ сарбазовъ, или аламановъ, было до 4,000 и лагерь ихъ укрѣпленъ арбами, на манеръ нашихъ старинныхъ гуляй-городовъ или чешскихъ градовъ-возовыхъ. Скопищемъ подъ Балыкчи командовалъ Вали-ханъ-тюря. На Сырѣ у Минбулака стояло 4 тысячи кипчаковъ. Находя утомительнымъ и безцѣльнымъ гоняться за всѣми этими партіями, Скобелевъ рѣшилъ напасть на общій резервъ ихъ, т. е. на скопище Вали-ханъ-тюри. 11-го ноября въ 9 часовъ вечера онъ выступилъ съ отрядомъ изъ 4 ротъ, 4½ сотенъ, сотни конныхъ стрѣлковъ, 6 орудій и 4 ракетныхъ станковъ, взявъ сухарей, только на сутки и всего 3 арбы для раненыхъ. Переправа черезъ бродъ была совершена пѣхотой на крупахъ казачьихъ лошадей. Около 6 часовъ утра авангардъ, подъ начальствомъ Меллера-Закомельскаго, подошелъ къ мосту черезъ Кара-дарью и былъ замѣченъ непріятелемъ, который тотчасъ сталъ разбирать мостъ, но былъ немедленно отброшенъ и, по слѣдамъ его, 4-я рота 2-го линейнаго баталіона, вор-

*) Поручикъ Борисовъ, подпоручикъ Поповъ и прапорщикъ Федоровъ

валась въ городъ Балыкчи, захватила лагерь и обозъ непріятеля. Съ восходомъ солнца артиллерія, перейдя рѣку въ бродъ, открыла огонь по городу, а вскорѣ Скобелевъ повелъ на штурмъ одну 2-ю роту 2-го линейнаго баталіона и полсотни конныхъ стрѣлковъ, а всю кавалерію съ ракетами послалъ въ обходъ города, чтобы пресѣчь отступленіе непріятелю. Взявъ три завала, штурмовая колонна заняла затѣмъ базаръ и тутъ наткнулась, въ тѣсной улицѣ, на большую конную толпу кипчаковъ, задержанную собственнымъ заваломъ. Въ страшной давкѣ, подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ, съ разстоянія какихъ-нибудь 20 шаговъ, кипчаки падали рядами, запрудивъ своими тѣлами всю улицу. Кому удалось, наконецъ, выбраться изъ этого ада, тѣ были перехвачены обходной колонной казаковъ, рубившихъ ихъ безъ милосердія и гнавшихъ двѣ версты.

Потеря наша состояла: изъ 1 убитаго, 8 раненыхъ (изъ нихъ 3—тяжело) и 3 контуженныхъ нижнихъ чиновъ. Потерю непріятеля Скобелевъ опредѣляетъ въ 2000 человѣкъ.

Трофеи: 9 бунчуковъ, 25 значковъ, 5 большихъ трубъ, нѣсколько барабановъ и множество всякаго оружія. Отдохнувъ два часа у моста, отрядъ двинулся обратно. Большой гуртъ отбитаго скота и 150 арбъ, взятыхъ въ лагерѣ, нѣсколько замедляли движеніе. Переправясь благополучно на нашу сторону Нарына, отрядъ былъ встрѣченъ въ кышлакѣ Кепе толпами любопытствующихъ жителей. Здѣсь джигиты поймали скакавшаго отъ нихъ киргиза, который оказался нашимъ кураминцемъ, везшимъ прокламацію Батыръ-тюри. Скобелевъ тутъ же приказалъ повѣсить и этого патріота, съ тою же надписью на груди, что приведена выше. Балыкчинскій разгромъ навелъ на всѣ шайки порядочное уныніе: Батыръ-тюря оставилъ въ покоѣ Чустъ и убрался за Нарынъ; шайки стали безпрестанно мѣнять свои биваки, боясь ночныхъ нападеній.

Получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, Кауфманъ написалъ Скобелеву письмо „съ критикой“. Онъ находилъ, что не слѣдовало уходить такъ скоро изъ Балыкчи и что для причиненія наибольшого ущерба непріятелю слѣдовало забрать все его имущество, запасы и оружіе или истребить. Дѣйствительно, при первомъ же взглядѣ на планъ боя, видно, что всѣ завалы устроены были собственно для защиты базара,—ясно, что это самое чувствительное и дорогое мѣсто. Тутъ и слѣдовало ударить побольнѣе. Конечно, потери наши не велики, но и ихъ легко было избѣжать обходомъ по второстепеннымъ улицамъ. Вмѣстѣ съ критикой Кауфманъ послалъ Скобелеву въ подарокъ коня, только что полученнаго имъ отъ бухарскаго эмира. Ради характеристики Скобелева, не лишнимъ будетъ привести начало и конецъ отвѣтнаго письма его къ Кауфману отъ 22 ноября 1875 г. (л. 8—10 тома II дѣла № 40), съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

„Ваше Высокопревосходительство Константинъ Петровичъ.

Письма ваши отъ $\frac{18 \text{ и } 19}{\text{XI}}$ получены мною въ Чустѣ $\frac{12}{\text{XI}}$; доброе мнѣніе ваше обо мнѣ, конечно, для меня выше всего на свѣтѣ; я ни въ какомъ случаѣ не пожалѣлъ бы жизнью, чтобы поддержать себя въ глазахъ вашего высокопревосходительства.

„Критику“ вашу я принялъ съ сыновнею признательностію и къ непремѣнному руководству; пока я буду настолько счастливъ, что вы будете высказывать мнѣ, вашему ученику, то, что думаете, я буду силенъ духомъ и буду надѣяться оправдать ваше высокое ко мнѣ довѣріе.

„Находя, что ваше высокопревосходительство вполнѣ правы, въ своихъ замѣчаніяхъ о балыкчинскомъ дѣлѣ, скажу не въ оправданіе себя, а для разъясненія дѣла вообще, что тотчасъ же послѣ штурма, я сознавалъ необходимость остаться въ Балыкчахъ и забрать все. Объ этомъ я говорилъ, даже нѣкоторымъ офицерамъ, но соблазнъ для войскъ былъ слишкомъ великъ; я видѣлъ, что страсти все болѣе и болѣе разгорались... Во избѣжаніе столь ненавистнаго вашему высокопревосходительству, въ подобныхъ случаяхъ, безпорядка, а быть можетъ, и случайныхъ потерь, ночью, я рѣшился отойдти въ Наманганъ.

„Разъ ставши на точку зрѣнія необходимости въ тотъ же день уйдти въ Наманганъ, мнѣ не приходилось выбирать между оружіемъ, запасами и теплой одеждой, такъ какъ перевозочныя средства ограничивались отбитыми у непріятеля арбами. Я предпочелъ теплую одежду. Повторяю вашему высокопревосходительству, я не оправдываюсь, а только желаю объяснить, какъ все случилось. При большей опытности, вѣроятно, я разрѣшилъ бы вопросъ лучше“.

Далѣе сообщаются свѣдѣнія о передвиженіяхъ отрядовъ, слухи о непріятелѣ и т. п. Заканчивается письмо слѣдующимъ образомъ:

„Подарокъ вашего высокопревосходительства получилъ; конь прелесть—и ростъ, и кровь, и масть, а главное, дорогая отъ васъ память, дѣлаютъ это животное навсегда для меня цѣннымъ.

„Если Богъ доведетъ до горячаго дѣла, непремѣнно буду на вашемъ конѣ и убѣжденъ что буду на немъ счастливъ.

„Имѣю честь быть вашего высокопревосходительства почтительно преданный и благодарный М. Скобелевъ“.

Къ началу декабря этотъ „ученикъ“ Кауфмана представилъ обстоятельный планъ предположенной зимней экспедиціи.—Цѣлями экспедиціи онъ считалъ: 1) обложеніе всѣхъ кипчаковъ и киргизовъ контрибуціей, 2) требованіе выдачи вождей, 3) взятіе заложниковъ и 4) отобраніе оружія. Кауфманъ выкинулъ заложниковъ, такъ какъ содержаніе ихъ стоитъ дорого, а пользы не приноситъ. Контрибуцію опредѣлилъ по одной тиллѣ со двора.

Для достиженія этихъ цѣлей, Скобелевъ предполагалъ дви-

нуться прямо на Узгенъ, взять его, простоять 10 дней, пока собирали бы контрибуцію, и затѣмъ воротиться, разгромивъ по дорогѣ Андижанъ. Весь походъ занялъ бы такимъ образомъ 38 дней. Силы отряда состояли бы изъ 9 ротъ, 6 сотенъ, 10 орудій и 6 ракетныхъ станковъ. Всего: людей 2565 человѣкъ, лошадей 1071. Для продовольствія отряда предполагалось взять: сухарей на 20 дней, крупы только на 10 дней, чаю и сахару на 30 дней, фуража на 5 дней, порціоннаго скота тоже на 5 дней, остальное предполагалось отнимать у жителей. Вѣсъ этихъ припасовъ составлялъ: сухарей—2565 пудовъ, крупы—320 пудовъ, чаю—19¼ пудовъ, сахару—57¾ пуд., ячменя—1380 пудовъ.—Поэтому перевозочныя средства должны бы состоять; изъ 217 аробъ—подъ продовольствіе, 88-ми подъ юрты (по 3 на каждую); 25 подъ артиллерійскій паркъ, 3 для инженернаго парка, 25 подъ лазаретъ, 52 подъ полушубки и подстилочную кошму. Такимъ образомъ, не считая войсковыхъ тяжестей, какъ напримѣръ кухни, офицерскія вещи и т. п., отрядъ имѣлъ бы при себѣ 410 арбъ.

Кауфманъ нашелъ: 1) что уходить на 38 дней изъ отдѣла—опасно а потому ограничилъ походъ половиною разстоянія; 2) что для 9 ротъ охранять въ походѣ 410 арбъ будетъ затруднительно, такъ какъ онѣ растянутся на 5, а при дурной дорогѣ и на 10 верстъ; 3) что кошма на подстилку и одѣяло будутъ лучше юрты, да и помѣстить 260 юртъ на 88 арбахъ невозможно.

А между тѣмъ арбы играли въ походныхъ мечтаніяхъ Скобелева видную роль: онъ также хотѣлъ строить изъ нихъ укрѣпленія на ночлегахъ. Въ письмѣ, отрывки изъ котораго мы привели выше, объ этомъ онъ говоритъ такъ: „рѣшаясь представлять проектъ движенія за Нарынъ съ юртами, цѣлымъ городомъ, полагаю, что обезпеченіе войскъ отъ сырой и холодной погоды будетъ достаточно. Масса арбъ, до 300 (maximum) меня не пугаетъ; дороги есть, а на ночлегахъ онѣ вполнѣ обезпечатъ отрядъ отъ нечаяннаго нападенія непріятеля“.

Кауфманъ не дождался этой экспедиціи и 6-го декабря выѣхалъ въ Петербургъ, приказавъ телеграфировать ему, „до востребованія“, въ попутные города обо всемъ, происходящемъ въ краѣ.

Прежде чѣмъ выступить въ экспедицію, Скобелевъ позаботился очистить отдѣлъ отъ всякихъ шаекъ. Этимъ и занялись: Меллеръ-Закомельскій у Чуста, Пичугинъ у Акъ-джара, а самъ Скобелевъ у Намангана. Пичугинъ разбилъ 18-го ноября значительную шайку у горнаго кышлака Ашаба, который былъ уничтоженъ до основанія. Отрядъ, отправленный въ горы, состоялъ всего изъ 1½ роты и 1 сотни. Потеря состояла изъ 3 убитыхъ и 11 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Раздраженные этими неудачами, предводители кипчаковъ вздy-

мали выместить свой гнѣвъ на нашихъ плѣнныхъ. Можетъ быть, и разсчитывали поднять духъ своихъ пріунывшихъ войскъ. 21-го ноября въ Маргеланѣ устроено было торжество обращенія русскихъ въ мусульманство. Плѣнныхъ вывели на площадь; муллы приступили къ увѣщаніямъ черезъ переводчика; палачи стояли тутъ же...

Плѣнные наши остались глухи; но въ особенности рѣзко возражалъ унт.-оф. 2-го стрѣлковаго баталіона Ѳома Данилова. Товарищей его просто зарѣзали (кажется, въ ихъ числѣ былъ и Святополкъ-Мірскій и сотникъ Кузьминъ), а Данилова подвергли предварительно мучительной пыткѣ: отрубали по суставу каждаго пальца, вырѣзали изъ спины ремни, поджаривали на угольяхъ и т. п. Мученикъ все-таки остался непреклоннымъ...

Онъ былъ уроженцемъ села Кирсановки, Самарской губ. Бугурусланскаго уѣзда. Государь пожаловалъ его вдовѣ пенсію въ 120 р. въ годъ, а дочь принята на казенный счетъ въ учебное заведеніе. Самарское земство собрало по подпискѣ для вдовы 1,320 р.

Это не первый уже случай мученичества за вѣру среди нашихъ простыхъ и вѣрныхъ долгу и присягѣ людей.

Событіе это стало извѣстно русскимъ только два мѣсяца спустя.

29-го ноября Скобелевъ сдѣлалъ поискъ на лѣвый берегъ, къ кышлаку Гуръ-тюбе, занятому шайкой въ 2,000 человѣкъ. Но шайка была предупреждена, и нашимъ достался на жертву только хвостъ ея. Зато войска забрали весь скотъ и сожгли кышлакъ. Сдавъ скотъ въ Наманганъ, Скобелевъ вновь выступилъ 2-го декабря съ 1 ротой, конной полуротой, 3½ сотнями, 2 орудіями и 2 ракетными станками, черезъ Кепе, на ту сторону, къ зимовкѣ Ульджибай, за которою нашелъ баталіонъ сарбазовъ, въ красныхъ мундирахъ, прикрывающій арбяной обозъ, по дорогѣ на сел. Тауда. На арбахъ ѣхала также непріятельская пѣхота. Такъ какъ наша пѣхота и артиллерія отстали, то Скобелевъ пошелъ въ атаку съ одними казаками. Часть краснаго баталіона была изрублена, но многіе, даже не раненые, легли на землю, прикидываясь убитыми. Дѣйствительно, казаки пошли дальше, но когда подошла сюда конная полурота, то хитрость мнимыхъ убитыхъ была обнаружена и они были переколоты штыками...

Кончивъ съ сарбазами, казаки ударили на вереницу арбъ съ пѣхотой, которая также сильно пострадала отъ ихъ шашекъ. Забравъ скотъ и зажегши три кышлака, отрядъ благополучно вернулся домой, потерявъ въ этотъ день ранеными: 1 офицера (сотникъ Наливкинъ) и 21 нижняго чина (изъ нихъ 2 весьма тяжело). Трофеями были: 4 фальконета, 410 ружей, 8 значковъ, 4 барабана, 1 сигнальный рожокъ и много другого оружія, котораго не собирали.

Приготовленія Скобелева къ зимнему набѣгу не остались въ тайнѣ отъ коканцевъ. Они не знали только: ждать ли имъ вторженія только со стороны одного Намангана или и со стороны Ходжента? Поэтому наблюдательные отряды ихъ были раскинуты по всей границѣ. На одинъ такой отрядъ, силою въ 2,500 человѣкъ, наткнулся 4-го декабря махрамскій комендантъ Родзянко, недалеко отъ Испары, въ горномъ ущельѣ, и разбилъ ее, потерявъ только 3-хъ казаковъ ранеными и одного туземца. Въ этотъ же день прибылъ въ Испары младшій братъ Насръ-Эддина, Мухамедъ-Аминь, пробравшійся тайкомъ изъ Кокана съ однимъ слугой.

14-го декабря Пулатъ-ханъ торжественно въѣхалъ въ Кокапъ. Дорога отъ сел. Мазанникъ до дворца была устлана коврами и канаусомъ.

Отрядъ Скобелева выступилъ, наконецъ, 25-го декабря, въ числѣ 2,800 человѣкъ, имѣя съ собою юрты и 500 арбъ. Штабъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: помощн. начальника отряда ком. 2-го лин. баталіона полк. бар. Меллеръ-Закомельскій; нач. штаба—полк. Пичугинъ; нач. кавалеріи—войск. старшина Оренбургскаго каз. войска Смирновъ; нач. артиллеріи—командиръ 3-й батареи Оренбургской казачьей конной артиллерійской бригады подполк. Обромпальскій; въ качествѣ инженера—саперный капитанъ Церпицкій, а въ качествѣ офицеровъ генер. штаба причисленные къ нему: капитанъ 1-го Турк. стрѣлковаго баталіона Куропаткинъ и гвардейской кон. артиллеріи шт.-капит. Боголюбовъ.

Съ 26-го начались морозы въ 15°. Разоривъ по дорогѣ всѣ кышлаки, брошенные жителями и наконецъ, главный пунктъ населенія междурѣчья Пайтокъ, Скобелевъ отдѣлилъ сильную колонну въ горные кышлаки, куда кипчаки вывезли свои семейства и кой-какое имущество. Не видя спасенія, часть кипчаковъ выслала депутаціи, съ просьбою о пощадѣ. Скобелевъ потребовалъ выдачи вожаковъ газавата и взноса контрибуціи. Депутаціи приняли условія и ихъ кышлаки были пощажены. 2-го января, дойдя до арыка Мусульманъ-кулъ, начали строить мостъ. Здѣсь во время рекогносцировки раненъ въ грудь на вылетъ хорунжій Бояльскій. 4-го января Скобелевъ произвелъ рекогносцировку сѣверной и восточной, а 6-го и южной стороны Андижана. 7-го числа сюда переведенъ отрядъ и сталъ на командующихъ городомъ высотахъ Атъ-чикмазъ. По другимъ оффиціальнымъ источникамъ, эта же мѣстность называется „Акъ-чакмакъ“.

Городской стѣны, крѣпостнаго характера, Андижанъ не имѣетъ, но сады вокругъ города огорожены глиняными заборами въ 4 арш. высоты. Поэтому въ реляціи они величаются то „стѣнками“,

то „городскою стѣною *). Во время рекогносцировки 4-го января, Куропаткинъ даже измѣрилъ какой-то ровъ!

При передвиженіи на новое мѣсто съ бивака Миръ-рабатъ, Церпицкій устроилъ подвижные мосты чрезъ арыки изъ арбъ: 10 штукъ подвигаютъ вплотную одну на другую, впереди впрягаютъ 1 лошадь и везутъ на бродъ.

Въ ночь передъ штурмомъ Церпицкій приготовилъ 4 штурмовыхъ лѣстницы (въ 5 арш. длины, 1½ арш. ширины, вѣсъ 4 пуда); 8 тарановъ по 8 пудовъ въ каждомъ; 120 фашинъ въ 15 фут., а діаметромъ въ 15 дюйм. Въ штурмовыя колонны выдано по 20 топоровъ, 10 кетменей, 1 лѣстница, 2 тарана, 25 фашинъ; въ резервную дано: 30 топоровъ, 60 кетменей, 10 кирокъ, 2 сверла, 4 ф. гвоздей, 10 шпилей, 5 долотъ и 400 мѣшковъ.

Колоннамъ приказано имѣть зажигательные матеріалы, факелы и спички, а хвостъ каждой колонны долженъ былъ основательно зажигать сакли. Два раза городу предложено было сдаться. Второй джигитъ былъ даже зарѣзанъ. Поэтому 8-го числа утромъ, послѣ молебна, а затѣмъ залпа изъ 12 орудій взятъ штурмомъ пригородный кышлакъ Ескиликъ одною ротою и полутора сотнями подъ командой эсаула бар. Штакельберга и начата бомбардировка Андижана. Выпущено 500 снарядовъ. Ровно въ полдень конныя толпы напали на нашъ вагенбургъ, но командовавшій здѣсь маіоръ Ранау отбилъ нападеніе блистательно; въ то же время двинуты три штурмовыя колонны: полковника Пичугина, флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго и капитана 1-го стрѣлковаго баталіона Іонова, подъ общимъ начальствомъ полковника барона Меллеръ-Закомельскаго. За ними шелъ резервъ, подъ командой самого Скобелева. Очередь „отличиться“ предоставлялась Іонову, а потому и путь для его колонны избранъ кратчайшій, а цѣлью дѣйствій самый важный пунктъ—холмъ Гуль-тюбе.

Чтобы не опередить Іонова, Меллеръ-Закомельскій два раза останавливалъ колонну своего брата въ улицахъ города. Это рѣдкостный примѣръ въ туркестанскихъ войскахъ, гдѣ всякій старается обогнать товарища и выхватить у него изъ-подъ носа завидный трофей. Здѣсь дѣло разыгрывалось по нотамъ и всѣмъ предоставлена своя доля участія. Даже конвой Скобелева бралъ какой-то заборъ рядомъ со Штакельбергомъ. Изъ резерва Куропаткину дали одну роту, пробить сообщенія въ улицу Баба-Садыкъ; таранами и кирками онъ обвалилъ стѣнку кладбища Ходжа-Таке и вышелъ на указанную улицу.

---

*) „Воен. Сб.“ 1901 г. № 10. «Къ исторіи коканскаго похода». А. Серебренниковъ. Стр. 9'.

Колонны шли тремя разными улицами и встрѣтили нѣсколько баррикадъ. Непріятель однако ждалъ главнаго нападенія съ сѣвера, т. е. по оврагу Андижанъ-сая (бутылка), по которому шли штурмовыя колонны 3 мѣсяца назадъ, и потому всю энергію свою и всѣ матеріалы для заваловъ потратилъ въ томъ направленіи. Замѣтивъ свою ошибку, непріятель наскоро устроилъ нѣсколько баррикадъ противъ трехъ нашихъ колоннъ, но онѣ безъ труда одолѣли ихъ и затѣмъ овладѣли центромъ города и базарами, причемъ высота Гуль-тюбе неукоснительно досталась колоннѣ Іонова. Здѣсь саперный штабсъ-капитанъ Церпицкій тотчасъ устроилъ батарею на 11 орудій, съ которой въ 3 часа пополудни начата бомбардировка и тянулась всю ночь.

9-го числа колонны пошли далѣе въ городъ на рекогносцировку и фуражировку, но не встрѣтили уже сопротивленія. Съ вечера и на всю ночь снова начата бомбардировка. Потеря наша ограничилась: убитыми—2 нижнихъ чина; ранеными: 2 офицера (хорунжій Бояльскій и шт.-кап. Садыревъ), 6 нижнихъ чиновъ и 1 джигитъ. На этотъ разъ и рекогносцировка была обстоятельнѣе,—въ бутылку уже не лѣзли и городъ былъ взятъ основательнѣе. Правда, что отрядъ былъ ровно вдвое сильнѣе, чѣмъ у Троцкаго. Упомянуты въ реляціи, кромѣ уже названныхъ, прап. Хомичевскій, шт.-кап. Боголюбовъ, Ржепецкій, прап. Соловьевъ, есаулъ Дубровинъ, прап. Андреевъ, шт.-кап. Эвертъ, подп. Журавлевъ, но георгіевскій крестъ достался одному Іонову.

Скопища афтобачи и жители бѣжали въ Ассаке. 10 января Скобелевъ переѣхалъ во дворецъ, гдѣ и было отслужено благодарственное молебствіе. Срубивъ до 200 деревъ, мѣшавшихъ огню съ Гуля, Церпицкій возвелъ здѣсь новую батарею на 6 орудій, дѣйствовавшихъ чрезъ амбразуры. Вокругъ расчищена эспланада въ 60 саженъ, очищенъ прудъ, соединены два стрѣлковыхъ забора засѣками, и такимъ образомъ получился сильный редюитъ въ 17 орудій. 11-го числа въ Наманганъ послана была колонна полк. Меллера-Закомельскаго за провіантомъ и артиллерійскими припасами. Съ того же числа стали возвращаться въ городъ жители; началась и уплата контрибуціи.

18 января Скобелевъ двинулся къ Ассаке, съ двумя ротами, сотней конныхъ стрѣлковъ и пятью сотнями казаковъ, при 4-хъ конныхъ орудіяхъ и ракетной батареѣ. Обстрѣлявъ городъ, цитадель его и высоты къ востоку, сильно занятыя непріятелемъ, отрядъ перешелъ въ бродъ черезъ Сай (такъ называютъ рѣчки, текущія въ глубокихъ оврагахъ), полторы версты выше города, и полѣзъ на крутыя высоты. Впереди шли спѣшенные конные стрѣлки подъ начальствомъ ротмистра Меллера-Закомельскаго. Гребень высотъ былъ занятъ, втащена казаками артиллерія, затѣмъ явились казаки и роты Іонова. Скобелевъ погналъ кипча-

ковъ по Маргеланской дорогѣ. Въ четырехъ верстахъ отъ города открылась, за садами, колонна сарбазовъ въ 800 человѣкъ. Ее атаковали двѣ сотни казаковъ и разсѣяли. Преслѣдованіе остановлено въ 9 верстахъ, и затѣмъ отрядъ вернулся къ Ассаке, который и занятъ безъ боя, такъ какъ жители успѣли въ это время разбѣжаться. Наша потеря: р а н е н ы м и 10 нижнихъ чиновъ и 1 джигитъ.

Простоявъ здѣсь сутки, отрядъ вернулся вечеромъ 19-го числа въ Андижанъ. И вотъ что значитъ не покидать послѣ штурма взятаго города: Андижанъ взятъ нами 8-го числа, а къ 20-му, видя, что мы стоимъ тамъ твердою ногою, афтобачи счелъ свое дѣло проиграннымъ и прислалъ довѣренныхъ для переговоровъ о сдачѣ. 24 января онъ явился на свиданіе къ Скобелеву для личныхъ переговоровъ въ кышлакъ Гинду, въ 8 верстахъ отъ Андижана, и здѣсь сдался, вмѣстѣ съ Батыръ-тюрею, Исфандіаромъ, Нуръ-Мухамедомъ и другими вождями, въ числѣ 26 человѣкъ, съ конвоемъ въ 400 вооруженныхъ джигитовъ. „Критика“ Кауфмана за дѣло подъ Балыкчи принесла пользу его „ученику“.

28 января изъ Ходжента полетѣла въ Петербургъ къ Кауфману телеграмма отъ афтобачи такого содержанія:

„Чувствуя свое безсиліе противъ храбрыхъ и непобѣдимыхъ воиновъ Бѣлаго Царя, равно желая прекратить бѣдствія войны, разоряющей мое отечество, я сдался генералу Скобелеву, надѣясь на милосердіе могущественнаго во всемъ мірѣ Бѣлаго Царя. При этомъ съ полною надеждою обращаюсь къ вамъ, какъ доброму покровителю края, что вы меня не пустите на несчастный путь. Обѣщанію, данному мнѣ генераломъ Скобелевымъ, я вѣрю и надѣюсь, что вы не оставите обратить на это милостивое ваше вниманіе“. На подлинникѣ приложена печать афтобачи, а переводъ подписанъ сотникомъ Байтоковымъ.

Скобелевъ сообщилъ также телеграммой, что онъ обѣщалъ афтобачи только обезпеченіе его личности и семейства.

Въ отвѣтъ на это получена Колпаковскимъ отъ Кауфмана, 1-го февраля, слѣдующая телеграмма:

„По докладу государю императору дѣла Ассаке и сдачѣ афтобачи, его величество изволилъ остаться очень доволенъ. Передайте большое спасибо генералу Скобелеву и славному отряду. Ожидаю представленія за всѣ послѣднія дѣла. Абдурахмана-афтобачи съ семействомъ, какое выберетъ, и съ движимымъ имуществомъ, отправить, когда возможно Ташкента Россію, гдѣ, по волѣ государя, будетъ жить спокойно. Сдавшихся начальниковъ раздѣлить на разряды. Первый разрядъ измѣнниковъ, подобныхъ Батыръ-тюрѣ, Нурмагомеду. Второй разрядъ — находившихся въ открытой борьбѣ съ начала войны, подобно афтобачи. Третій разрядъ — кто изъ послѣднихъ можетъ оставаться въ краѣ на свободѣ и кто долженъ быть удаленъ. Прошу ваше превосходитель-

ство плѣнныхъ перваго разряда подвергнуть строгому аресту и донести для преданія суду; второго разряда прислать съ афтобачи Ташкентъ, съ третьимъ разрядомъ поступить по своему усмотрѣнію. Представленія къ наградамъ прислать въ окружный штабъ".

Оставалось еще поймать Пулатъ-хана. Пока этотъ человѣкъ былъ на свободѣ, нельзя было разсчитывать на спокойствіе. Кипчаки испытали уже тяжесть нашихъ ударовъ и покорились, а киргизы Пулатъ-хана пока еще нѣтъ. Какъ будто считая для себя достаточною добытую славу, Скобелевъ предоставилъ Пулатъ-хана Меллеру-Закомельскому, а самъ воротился 26-го января въ Наманганъ, распустивъ слухъ, будто онъ ѣдетъ туда для размѣщенія значительныхъ подкрѣпленій, идущихъ изъ Ташкента (письмо его къ генералу Колпаковскому л. 292—302 дѣла). Макшеевъ въ своемъ „Историческомъ обзорѣ Туркестана" на стр. 342 говоритъ, что Скобелевъ перешелъ съ легкимъ отрядомъ въ Наманганъ, „чтобы быть ближе къ Ходженту, на случай полученія приказанія по телеграфу". Въ оффиціальныхъ данныхъ, по коимъ составленъ краткій очеркъ коканской экспедиціи въ „Воен. Сборникѣ" 1876 г. № 3, вовсе объ этомъ не упоминается, и всѣ позднѣйшія дѣйствія Меллера-Закомельскаго приписываются въ очеркѣ распоряженіямъ Скобелева. Въ виду ненасытной жажды Скобелева къ отличіямъ и славѣ, а также его увертливости передъ начальствомъ, которому онъ кадитъ, пишетъ, что ждетъ отъ него приказаній и направленій, а самъ распоряжается, не ожидая этихъ приказаній,—можно полагать, что возвращеніе его въ Наманганъ обусловливалось слѣдующими причинами:

1) И Кауфманъ, и Колпаковскій, оставшійся за Кауфмана, категорически предписывали ему, по наказаніи Андижана, закончить экспедицію и воротиться въ Наманганъ. Онъ какъ будто и исполнилъ эти приказанія: самъ-то воротился, а почти всѣ войска оставилъ въ Андижанѣ, сдавъ командованіе Меллеру-Закомельскому. Начальству же сообщилъ, что онъ боится, „чтобы тѣ результаты, которые добыты послѣдними дѣлами съ непріятелемъ, не были потеряны". Поэтому оставлять занятую страну на произволъ судьбы было бы крайне нерасчетливо, а для умиротворенія ханства надо либо установить въ немъ твердое правительство, либо присоединить страну къ Россіи,—время для этого теперь самое подходящее...

Заискивая въ Колпаковскомъ, онъ пишетъ ему 24-го декабря: „смѣю надѣяться, что ваше превосходительство не откажете мнѣ въ указаніяхъ и совѣтахъ, которые мною будутъ цѣниться не только по долгу службы, но и по особому уваженію моему къ вашей отличной опытности въ дѣлахъ здѣшняго края".

Но эти льстивыя слова нисколько не помѣшали ему совершенно одурачить, или какъ потомъ говорили „околпачить" Колпаковскаго, выхвативъ у него Коканъ изъ-подъ носа... Отличная

опытность въ дѣлахъ спасовала передъ отличною опытностью въ „военныхъ хитростяхъ“.

Телеграммой отъ 19-го января Колпаковскій разрѣшилъ Скобелеву остаться въ Андижанѣ до разъясненія обстоятельствъ, въ виду прибытія въ Ходжентъ пссольства изъ Кокана, со просьбой о мирѣ. Такимъ образомъ зимняя экспедиція затянулась, но Скобелевъ въ Андижанѣ не остался.

2) Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Скобелевъ велъ дѣятельныя сношенія съ высшими сферами Петербурга по телеграфу и потому отлично зналъ, да къ тому же и раньше Колпаковскаго, что вопросъ о присоединеніи Коканскаго ханства рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Внукъ простого крестьянина, поступившаго по набору въ солдаты и выдвинувшагося, благодаря недюжиннымъ талантамъ въ генералы, Скобелевъ оказался, благодаря брачнымъ связямъ отца, племянникомъ графа Адлерберга и графа Баранова, а впослѣдствіи красавица сестра его Зинаида Дмитріевна, выйдя замужъ за герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, съ титуломъ графини Богарне, породнила его и съ царскою фамиліей... Связи, стало быть, онъ имѣлъ могучія. Къ тому же онъ былъ еще и крестникомъ государя.

Не имѣй онъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній о рѣшенномъ занятіи Кокана, онъ ни за что не уступилъ бы Пулатъ-хана своему помощнику. А что онъ зналъ даже и то, что занятіе Кокана рѣшено предоставить Колпаковскому въ награду за его долготерпѣніе, свидѣтельствуетъ письмо его къ послѣднему отъ 31-го января 1876 года (л. 292 — 302 дѣла), въ коемъ онъ сообщаетъ, что 1-го февраля онъ переходитъ изъ Намангана черезъ Сыръ-дарью у Киргизъ-кургана и занимаетъ сел. Гуръ-тюбе, откуда идетъ прямая и большая дорога на Коканъ.

Отрядъ онъ составилъ изъ 2-хъ ротъ 2-го стрѣлковаго баталіона, полуроты конныхъ стрѣлковъ, одной сотни и 4-хъ конныхъ орудій. Письмо оканчивается такъ: „Въ случаѣ, если бы вашему превосходительству угодно было приказать занять Коканское ханство нашими войсками, расположеніе нашихъ отрядовъ въ Махрамѣ, Акъ-джарѣ, Гуръ-тюбе и Андижанѣ, вполнѣ будетъ отвѣчать цѣли одновременнаго концентрическаго наступленія“. Какъ увидимъ впослѣдствіи, именно этого одновременнаго наступленія Скобелевъ и не желалъ. Чрезвычайно ловко и хитро онъ обманулъ довѣрчиваго Колпаковскаго, не знавшаго еще, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Теперь и ясно, почему Скобелеву надо было на всякій случай быть поближе къ телеграфной станціи въ Ходжентѣ.

Вслѣдъ за послѣднимъ письмомъ, онъ начинаетъ бомбардировать Колпаковскаго телеграммами черезъ Ходжентъ.

31-го января Скобелевъ телеграфируетъ ему между прочимъ: „Ханству угрожаетъ анархія, въ нашихъ интересахъ невыгодная. Настоящій моментъ наиболѣе удобный для подчиненія ханства видамъ высшаго правительства безъ борьбы. Осмѣливаюсь настоятельно просить разрѣшенія двинуться Коканду утвердить Насръ Эддина. Подобное рѣшеніе, гарантируя ханство отъ анархіи, даетъ намъ время. Отвѣтственность въ смыслѣ военномъ беру на себя".

1-го февраля онъ даетъ знать, между прочимъ, что „все ханство изъявляетъ покорность и ожидаетъ отъ вашего превосходительства рѣшенія своей участи. Присутствіе мое Андижанѣ необходимо, но, затрудняясь, какой образъ дѣйствій предпринять, буду ожидать Наманганѣ вашихъ приказаній"...

2-го февраля онъ телеграфируетъ слѣдующее: „Событія ханствѣ требуютъ рѣшенія. Средоточіе войскъ Андижанѣ, Наманганѣ, въ эту минуту, даютъ намъ полное господство во всемъ ханствѣ. Необходимо немедля установить правительство, подъ непосредственною нашею опекою или занять ханство нашими войсками. Опасаюсь, чтобы многочисленные сторонники партіи газата не перетолковали бы бездѣйствіе столь значительныхъ силъ, какъ Андижанскій отрядъ, и не исторгли бы изъ нашихъ рукъ столь неожиданно-блистательные результаты, добытые милостію Божіей и доблестію войскъ. Осмѣливаюсь просить ваше превосходительство приказать мнѣ, что дѣлать".

3-го февраля, наконецъ, онъ телеграфируетъ, что получилъ письмо отъ Насръ Эддина о вступленіи его 30-го января въ Коканъ, но что оттуда прибыла въ Андижанъ депутація узнать: принять ли хана или нѣтъ, и что къ отряду въ Гуръ-тюбе онъ присоединитъ 3-й стрѣлковый баталіонъ и 2-й подвижной взводъ, еще не бывшій въ дѣлахъ, какъ только они прибудутъ въ Наманганъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ съ одной стороны: „ханство ждетъ отъ васъ рѣшенія своей участи, рѣшайтесь скорѣе, я не смѣю ничего предпринять, жду приказаній", а съ другой—безъ всякаго приказанія онъ идетъ къ Кокану, съ сильнымъ отрядомъ и становится въ Гуръ-тюбе, почти на половинѣ разстоянія между Наманганомъ и Коканомъ!

Колпаковскій былъ еще не очень старъ, но рѣшительности не имѣлъ уже ни малѣйшей, опасался неудовольствія отсутствующаго начальства и не бралъ на себя ничего. 3-го февраля онъ получилъ, наконецъ, отъ Кауфмана телеграмму о присоединеніи Кокана и съ этихъ поръ прекратились приставанія Скобелева. Ясно, что и онъ получилъ отъ кого-нибудь изъ своихъ покровителей такую же телеграмму. Этотъ эпизодъ будетъ разсказанъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь слѣдуетъ перейти къ дѣйствіямъ Андижанскаго отряда и къ поиску, со стороны Самарканда и Ура-тюбе, въ горныя бекства и тумени.

ГЛАВА XVI.

Партизанская война. Баронъ Меллеръ-Закомельскій. Дѣло въ Учъ-Курганѣ. Безпорядки въ Когистанѣ. Дѣла у Шаботки-баля и подъ Обурданомъ. Движенія Уратюбинскаго отряда. Насръ-Эддинъ-ханъ покидаетъ столицу. Рѣшеніе занять ханство. Телеграмма къ Скобелеву: „Миша не зѣвай!"—Почему не состоялась экспедиція Колпаковскаго? Коканъ занятъ 7 февраля вмѣсто 19-го. Захватъ Пулатъ-хана джигитами. Движеніе къ Ошу и Гульчѣ. Стычки въ ущельяхъ. Бѣгство Керимъ-хана изъ Ходжента. Неудовольствіе Кауфмана противъ уѣзднаго начальника барона Нольде. Обнаруженныя слѣдствіемъ преступленія Нольде. Движеніе на Алай. Царица Алая. Гвардеецъ Сполатбогъ. Алай и Памиръ. Посольство Куропаткина въ Кашгаръ не состоялось. Абдулъ-Керимъ упрекаетъ насъ въ двуличіи. Договоръ съ Каратегиномъ. Вопросъ о границѣ съ Кашгаромъ, куда и отправленъ Куропаткинъ. Успѣхъ переговоровъ. Абрамовъ критикуетъ новую границу. Выгоды ея. Участь Худояръ-хана и его сыновей.

Пока Скобелевъ расправлялся съ Андижаномъ, мелкія шайки киргизовъ благополучно сновали у него въ тылу, подъ самымъ Наманганомъ. 16-го января одна изъ такихъ шаекъ напала возлѣ Самгара на караванъ купца Громова, возвращавшійся изъ Намангана, послѣ доставки туда для войскъ продовольствія. Шайка отхватила 300 верблюдовъ, со всѣми лаучами и джигитами, въ числѣ 50 человѣкъ. Другая партія, подъ начальствомъ Акбуты, сына Абдулъ-Гафара, о которомъ упоминалось уже, прошла со стороны Ура-тюбе, чрезъ Обурданскій перевалъ, къ верховьямъ Заравшана, въ горные тумени (волости), захватила въ кышлакѣ Аучи младшаго помощника уѣзднаго начальника, изъ туземцевъ, Муратъ-бека, посланнаго сюда стеречь Аучинскій перевалъ и басмактинскаго аксакала Файзы. Старшій помощникъ маіоръ Абграль погнался съ легкимъ отрядомъ за шайкой, но догнать ее не могъ. На дорогѣ онъ нашелъ обезглавленное тѣло Муратъ-бека и встрѣтилъ отпущеннаго шайкой Файзу. Ходили слухи, будто жители Мачи пригласили Акбуту къ себѣ бекомъ, на мѣсто Календарь-бека, казавшагося имъ неспособнымъ вести войну съ русскими. На Акъ-джарской переправѣ, выше Самгара, послѣ выбытія отряда Пичугина въ составѣ войскъ подъ Андижанъ, расположился 3-й стрѣлковый баталіонъ, подъ командою подполковника Комарова; мелкія стычки и погоня за переходившими въ бродъ шайками киргизовъ, происходили почти ежедневно, безъ потерь съ нашей стороны. Какъ только, съ отъѣздомъ Скобелева изъ Андижана, 26-го января, настала „очередь" полковника Мел-

лера Закомельскаго, онъ немедленно воспользовалса всѣми преимуществами начальника передоваго отряда.

За годъ до коканскихъ событій, выдвинувшихъ его впередъ, онъ былъ приговоренъ Ташкентскою военною судною коммиссіей къ каторжнымъ работамъ, за убійство своего гостя, уѣзднаго судьи Каргопольцева; но благодаря стараніямъ своего отца (генералъ-адъютанта и начальника 3-ей гвардейской дивизіи въ Варшавѣ), дѣло было перерѣшено главнымъ военнымъ судомъ, сообразно волѣ императора Александра II. Убійство было признано случайнымъ, во время стрѣльбы въ цѣль, не смотря на слѣды ожога на вискѣ и на засѣвшія въ кожѣ, вокругъ раны, пороховыя зерна, доказывавшія, согласно показаніямъ единственнаго посторонняго свидѣтеля, поручика князя Крапоткина, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ, а не сквозь двери. Меллеру, во что бы то ни стало, надо было заслужить оказанную ему милость... и примирить съ собою товарищей... Надо было выдвинуть и брата флигель-адъютанта, изъ-за котораго случилась та печальная исторія.

Пулатъ-ханъ, раздраженный сдачею афтобачи и главныхъ его сообщниковъ, велѣлъ зарѣзать въ Маргеланѣ Кудіаръ-мирзу, трехъ братьевъ афтобачи, его сноху и русскихъ плѣнныхъ и затѣмъ ушелъ изъ города, бросивъ тамъ почти всю артиллерію. Узнавъ объ этой варварской расправѣ въ день отъѣзда Скобелева, Меллеръ-Закомельскій тотчасъ послалъ въ Ассаке своего брата, поручивъ ему отрядъ изъ 2 ротъ, конной полуроты и 6½ сотенъ, при 4 орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ. Обозъ состоялъ изъ 70 арбъ. Продовольствія взято на 4 дня. Ротмистръ долженъ былъ идти оттуда въ Маргеланъ и захватить брошенныя пушки. 27-го января онъ оставилъ стѣснявшую движеніе, пѣхоту въ Ассаке, послалъ 150 джигитовъ въ Маргеланъ потребовать пушки, а самъ съ кавалеріею двинулся слѣдомъ.

По дорогѣ онъ узналъ отъ двухъ маргеланцевъ, везшихъ къ намъ письмо, что Пулатъ-ханъ пошелъ въ Алайскія горы и ночуетъ въ Учъ-курганѣ. Ротмистръ тотчасъ и самъ свернулъ влѣво къ горамъ и, сдѣлавъ въ этотъ день 84 версты, пришелъ въ 10 часовъ вечера, къ Учъ-кургану. Казаки тотчасъ были разставлены на вьючной и колесной дорогахъ, по которымъ могъ бы отступать непріятель въ Каратегинъ, и затѣмъ на укрѣпленный, съ цитаделью, кышлакъ направлена была спѣшенная полурота конныхъ стрѣлковъ и спѣшенная же сотня казаковъ, подъ начальствомъ причисленнаго къ генеральному штабу капитана Куропаткина. Проводникомъ этой колонны вызвался быть Исфандіяръ-датха, сдавшійся четыре дня назадъ, вмѣстѣ съ афтобачи.

Не отвѣчая на одиночные выстрѣлы проснувшихся сарбазовъ, безъ криковъ „ура“, быстро шла колонна и, послѣ нѣсколькихъ залповъ, по наскакивавшей на нее конницѣ, овладѣла урдой съ пятью мѣдными орудіями... Взятъ былъ также бунчукъ и щитъ

Пулата, 100 фальконетовъ, 20 барановъ, 200 верблюдовъ и все имущество хана. Къ сожалѣнію, въ темнотѣ трудно было преслѣдовать, по неизвѣстнымъ тропинкамъ, разсыпавшагося непріятеля, спасавшагося кто куда. Поэтому весь отрядъ введенъ на ночлегъ въ урду. Пулатъ-ханъ успѣлъ скрыться.

Потери наши заключались въ 6 раненыхъ (изъ нихъ 2 джигита) 5 контуженныхъ н. чинахъ.

28-го отрядъ вернулся, въ 11 часовъ ночи, въ Ассаке, а 29-го маргеланскій бекъ и джигиты привезли изъ Маргелана 15 орудій и 1 мортиру, а также ханскіе экипажи. Въ этотъ же день отрядъ вернулся въ Андижанъ со всей массой трофеевъ. Этимъ удалымъ дѣломъ собственно и закончились военныя дѣйствія пятимѣсячной кампаніи въ Коканскомъ ханствѣ. 29-го, вмѣстѣ съ пушками, прибылъ и одинъ изъ вождей газавата—Турсункулъ и сдался.

Горная страна верхняго теченія р. Зеравшана, такъ называемый Когистанъ (по персидски: страна горъ), присоединенная въ 1870 году и состоявшая изъ бекствъ Мача, Фальгаръ, Фанъ и Ягнобъ, благодаря своей недоступности, часто бунтовала противъ бековъ, поставленныхъ бухарскимъ эмиромъ: прогоняла ихъ, ставила своихъ и отбивалась съ успѣхомъ отъ бухарскихъ войскъ, въ своихъ горныхъ ущельяхъ. Поэтому зачастую эмиръ оставлялъ горцевъ въ покоѣ и независимости, а тѣ безпрестанно мѣняли своихъ бековъ, отыскивая наиболѣе подходящаго. Беки уступать власть безъ спора не хотѣли, начиналась междоусобица и сторонники стараго и новаго бековъ грабили и жгли кышлаки противной партіи. Все это вело къ нищетѣ, нищета вела къ разбойничеству и горцы пользовались незавидной славой.

За пять лѣтъ нашего управленія, съ прекращеніемъ безпорядковъ, горцы стали поправляться. Русская власть не приставала къ нимъ, не надоѣдала. Управляющій нагорными туменями жилъ себѣ въ Пенджекентѣ и разъ въ годъ объѣзжалъ свои тумени, чтобы выслушать жалобы и разобрать ихъ на мѣстѣ. Это было дѣло трудное и не безопасное, однако понемногу полудикое населеніе привыкло къ представителямъ русской власти, спокойно подчинилось сначала амлякдарамъ, соединявшимъ въ себѣ власть судебную и административную, а съ 1875 г. волостнымъ управителямъ и казіямъ (судьямъ), между которыми эти власти были раздѣлены.

Лѣтомъ 1875 г. управляющій, наконецъ, рискнулъ проѣхать по своимъ туменямъ, до Польдарака и Искандеръ-куля, только съ 20 казаками, и путешествіе обошлось благополучно. Подати вносились исправно, повиновеніе было образцовое. Натворитъ какой-нибудь бѣды тотъ или другой горецъ, за нимъ пошлютъ изъ управленія джигита и провинившійся безпрекословно идетъ за нимъ, зная даже, что его ожидаетъ строгая кара.

Въ августѣ 1875 года горцы получили изъ Кокана проклама-ціи о войнѣ за вѣру и немедля представили ихъ русскимъ вла-стямъ. Каратегинскій бекъ Ша-Мухамедъ-Рахимъ склонялъ гор-цевъ идти на Ура-тюбе, для чего собирался пройти въ Мачу, чрезъ Пакишскій перевалъ. Достаточно было проѣхать въ Мачу штабсъ-капитану Арендаренко, съ сотней казаковъ,—и все успо-коилось, а Ша-Мухамедъ прислалъ письмо съ увѣреніями въ преданности и жалобами на клевету.

Однако, 8-го ноября, самое своевольное изъ горныхъ населе-ній, мачинцы захватили волостнаго управителя Мирзу-Хакима, а въ Польдаракѣ казія Муллу-ходжу и, большимъ скопищемъ, ушли въ Коканъ, къ Пулатъ-хану и бывшему уратюбинскому беку Абдулъ-Гафару, о происках котораго и подсылахъ было извѣстно еще въ маѣ мѣсяцѣ. Послѣ вторичнаго занятія Махрама, сынъ Абдулгафара, Тохтамышъ, начальствовавшій въ Махрамѣ, послалъ 350 коканскихъ мачинцевъ въ Польдаракъ и тѣ вскорѣ подняли народъ. Мачинцы избрали бекомъ Календеръ-Мирахура (который и въ 1874 г. былъ 17 дней бекомъ), и тотъ разослалъ прокламаціи не только въ Фанъ, Ягнобъ и Фальгаръ, но и въ Магіанъ, Кштутъ, а наконецъ, подъ самымъ Самаркандомъ, въ Ургутъ. Поддались, однако, соблазну только ближайшіе къ Матчѣ поселки, которые и выслали наложенную на нихъ долю контри-буціи продуктами и деньгами. На случай появленія русскихъ войскъ изъ Самарканда, Календеръ заградилъ пути къ Обурдану и Вишабу, укрѣпивъ эти позиціи.

По полученіи объ этомъ извѣстій, начальникъ Зеравшанскаго округа, генералъ-маіоръ Абрамовъ, выслалъ въ горы, подъ началь-ствомъ Арендаренко, отрядъ изъ 3-й роты, 3-го линейнаго ба-тальона штабсъ-капитана Коневскаго и 10 казаковъ, при одномъ горномъ орудіи. Ранѣе выступленія отряда, посланы были 35 ка-заковъ изъ Пенджекента занять кишлакъ Урмитанъ, также когда то составлявшій независимое бекство. 14-го ноября, въ 8 часовъ утра, Арендаренко выступилъ изъ Пенджекента черезъ Вишистъ, Урмитанъ, Дардаръ, Сонгистанъ и Шаботки-баля (121 верста пройдена въ 6 дней). Погода была сухая и благопріятная походу.

Подъ вьюки и горное орудіе, съ десятью ящиками, наняты были 75 ословъ и 6 лошадей. Сухарей и спирта взято на 25 дней. Дорогой сорвалась въ пропасть только одна лошадь съ двумя ящиками, которые были вытащены поврежденными. Населеніе Фаль-гара было на своихъ мѣстахъ и радостно привѣтствовало нашъ отрядъ, такъ какъ мачинцы уже успѣли похозяйничать въ Вар-зиминорскомъ аксакальствѣ. Передъ Шаботки-баля, авангардъ, изъ полувзвода пѣхоты, былъ встрѣченъ выстрѣлами. Въ назван-номъ кишлакѣ осталось только до 15 жителей, остальные ушли съ коннымъ отрядомъ непріятеля, отступившимъ при появленіи

нашего отряда къ Вишабу, въ 4 верстахъ далѣе. Все ущелье было перерѣзано каменными завалами, а по горамъ размѣстились стрѣлки и камнеметы. Поэтому Арендаренко рѣшилъ идти по гребню высотъ и по мѣрѣ очищенія ихъ отъ непріятеля, подвигать обозъ и орудіе по тропинкѣ.

Пока взбирались на хребетъ, сбивая съ уступовъ непріятельскія засады, мы потеряли: убитыми 9 нижнихъ чиновъ, ранеными 2-хъ офицеровъ (штабсъ-капитанъ Арендаренко и поручикъ Гинглятъ) и 7 рядовыхъ; контуженными (камнями) 3-хъ нижнихъ чиновъ. Впереди, на самомъ хребтѣ, виднѣлся еще большой завалъ, защищаемый толпою въ 800 человѣкъ, къ которымъ уже подходили подкрѣпленія.

Длинный и крутой подъемъ сильно утомилъ людей. Оставшійся за старшаго, поручикъ Дѣтковъ далъ сигналъ отступленія... Непріятель тотчасъ выскочилъ изъ засады и бросился въ рукопашную. Но мѣткіе залпы и штыки дѣлали свое дѣло, и отрядъ присоединился къ резерву, потерявъ ранеными еще 2-хъ офицеровъ (Дѣткова и прапорщика Грюнталя) и 4-хъ нижнихъ чиновъ. Войдя снова въ кишлакъ Шабатки-баля, отрядъ укрѣпился въ немъ, отбилъ, въ ночь на 21-е число, штурмъ непріятеля и затѣмъ еще три ночи, на 22-е, 23-е и 24-е число, простоялъ подъ ружьемъ, ожидая штурма; но непріятель, понесшій чувствительныя потери на первомъ штурмѣ, не повторялъ попытки.

Узнавъ 21-го числа о неудачѣ отряда, Абрамовъ командировалъ изъ Пенджекента, на помощь, 35 казаковъ, съ капитаномъ Шпицбергомъ, которому приказалъ поторопить выступившій туда же утромъ транспортъ съ провіантомъ, подъ прикрытіемъ 50 человѣкъ пѣхоты.

Шпицбергъ пришелъ въ Шабатки-баля 23-го числа, сдѣлавъ по трудной горной дорогѣ 130 верстъ, меньше чѣмъ въ двое сутокъ. Наличность раненыхъ сильно стѣсняла бы отрядъ, при дальнѣйшемъ движеніи въ горы. Поэтому Шпицбергъ отправилъ 25-го числа всѣхъ, которые еще не оправились, въ Пенджекентъ.

Замѣтя съ горъ выступающую обратно колонну и полагая, что это начало отступленія всего отряда, непріятель кинулся со всѣхъ сторонъ на нашу позицію и потерпѣлъ страшный уронъ, не причинивъ намъ никакой потери.

26-го ноября прибыло новое подкрѣпленіе изъ сотни уральскихъ казаковъ, съ полковникомъ Яфимовичемъ, который и принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ. Туда же, по распоряженію Кауфмана, была двинута изъ Ура-тюбе небольшая колонна Абграля черезъ снѣжный перевалъ Обурданскій. Яфимовичъ зналъ, что Абграль идетъ, но дойдетъ ли и гдѣ онъ въ данную минуту,—этого знать не могъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было сообщеній между отрядами. А непріятель зналъ и бросилъ

свою позицію впереди Вишаба. Пользуясь этимъ, Яфимовичъ двинулся, 27-го числа утромъ, къ Вишабу, брошенному жителями, переночевалъ тутъ и 28-го пошелъ далѣе къ кишлаку Шамтичу, гдѣ хотѣлъ дождаться извѣстій объ Уратюбинскомъ отрядѣ. Тотчасъ по приходѣ сюда, онъ узналъ, что Абграль имѣлъ стычку, не доходя до Обурдана, и задержанъ въ горахъ. Яфимовичъ тотчасъ выступилъ на помощь, оставивъ обозъ въ кишлакѣ, подъ прикрытіемъ 50 казаковъ и полувзвода пѣхоты. Впереди Обурдана, непріятель устроилъ завалы по склону горъ, надъ дорогой, и ждалъ нашихъ, съ ружьями и камнями.

Полъ взвода съ 28 казаками посланы влѣво въ обходъ, полъ-взвода съ 25 казаками поставлены правѣе, а взводъ съ 50 казаками, подъ командой штабсъ-капитана Коневскаго, двинутъ по серединѣ, въ лобъ непріятельской позиціи. Конечно, армія не велика, но дѣло свое вела серьезно, такъ какъ съ непріятелемъ шутки были плохія.

Горное орудіе начало обстрѣливать гору. Затѣмъ двинутъ Коневскій на штурмъ. Посыпались сверху громадные камни, унося все встрѣчное въ пропасть, на днѣ которой извивался Зеравшанъ. Овладѣвъ нѣсколькими завалами изъ камней, выведенными ярусами, одинъ надъ другимъ, штурмующіе овладѣли двумя вершинами горы, гдѣ и остановлены на ночлегъ, чтобы остальные люди и обозъ могли спокойно перейти въ Обурданъ. Мы потеряли: убитыми 1 офицера *) и 3 рядовыхъ; ранеными 16 нижнихъ чиновъ. Непріятель понесъ такія потери, что покинулъ позицію, бросилъ Обурданъ и, наконецъ, очистилъ выходъ для Уратюбинскаго отряда, который и занялъ Обурданъ 29-го ноября, предъ разсвѣтомъ, а съ восходомъ солнца увидалъ внизу, на позиціи, самаркандскій отрядъ Яфимовича, не знавшаго еще, что Обурданъ пустъ. Такъ соединились оба отряда.

Посмотримъ, какъ шелъ сюда Уратюбинскій отрядъ. 24-го ноября, Абграль получилъ приказаніе взять 1-ю роту 3-го стрѣлковаго батальона поручика Бекчурина, 65 человѣкъ изъ 4-й роты 7-го линейнаго батальона капитана Панцырева и 20 сибирскихъ казаковъ и идти на Обурданъ. Въ ожиданіи прибытія этихъ частей изъ Ходжента, онъ собралъ 65 джигитовъ, купилъ топоровъ, взялъ изъ инженернаго склада нѣсколько ломовъ, кирокъ и лопатъ. Заказалъ нѣсколько четырехлапыхъ крючьевъ (вродѣ маленькихъ якорей) съ веревками, для спуска въ пропасти за сорвавшимися людьми и купилъ кошму для подстилки людямъ на ночлегахъ. 25-го числа, въ 3 часа утра, прибыла на арбахъ изъ Ходжента пѣхота, назначенная въ отрядъ, имѣя сухарей и крупы на 8 дней,

*) Штабсъ-капитанъ Коневскій былъ тяжело раненъ и умеръ на третій день.

чаю и сахару на 15 дней, патроновъ по 100 на ружье, овчинные туземные тулупы, суконныя портянки и вареги, 12 мѣдныхъ десяточныхъ котловъ, мѣдные же чайники, по одному на 5 человѣкъ, 2 ящика съ медикаментами, 1 съ хирургическими инструментами. Пообѣдавъ и отдохнувъ, отрядъ тронулся на арбахъ въ 10 часовъ утра того же числа къ сел. Аучи. Съ ночлега отрядъ поднялся на разсвѣтѣ 26-го числа, снялъ тяжести съ арбъ, навьючилъ заготовленныхъ ословъ, и двинулся далѣе, слѣдомъ за 40 рабочими, собранными съ кетменями, для расчистки дороги, заваленной снѣгомъ. На девятой верстѣ, за сел. Аучи, поднялась снѣжная мятель, заставившая остановить отрядъ на дорогѣ. Рабочіе рубили наверху арчу и спускали къ отряду, который разложилъ костры и сварилъ ужинъ.

Къ 8 часамъ утра, 27-го числа, мятель стихла и отрядъ двинулся далѣе горною тропинкою къ горному перевалу въ 11,000 футъ. Къ концу подъема, вслѣдствіе обледенѣлости тропы, оборвалось девять ословъ въ пропасть, сбитъ былъ ими съ ногъ и полетѣлъ туда же одинъ стрѣлокъ, который однако былъ спасенъ. До вершины оставалось только съ 1/4 версты, какъ Панцыревъ упалъ безъ чувствъ. Докторъ Блажіевскій также задыхался и помочь не могъ. Пришлось остановиться тутъ же на ночлегъ. Сюда втащили отставшихъ и ословъ. На перевалъ посланъ пикетъ изъ 20 стрѣлковъ. Костровъ разводить было не изъ чего, да и буранъ ревѣлъ неистово. Утромъ 28-го ноября, осмотрѣвъ отрядъ, Абграль нашелъ, что кромѣ Панцырева и Блажіевскаго не могутъ идти далѣе 30 человѣкъ (въ томъ числѣ 5 казаковъ). Пришлось отправить ихъ назадъ въ Ура-тюбе, снабдивъ ихъ 12-ю ослами и 15-ю рабочими. Въ отрядѣ осталось только 21 оселъ, остальные или подохли, или совершенно выбились изъ силъ. Провіантъ былъ брошенъ. На оставшихся ословъ навьючили только тулупы, уцѣлѣвшіе котлы и шанцевый инструментъ. Люди набрали въ карманы, сколько помѣстилось, сухарей изъ брошеннаго запаса. Такъ двинулись далѣе и, добравшись до вершины, гаркнули „ура!“

Спускъ казался уже пріятною прогулкою: люди кидались въ сугробы и съ хохотомъ катились внизъ „напрямикъ“. Отъ подошвы спуска, въ 4 верстахъ, есть нѣсколько рабатовъ, т. е. мѣстъ для отдыха, обнесенныхъ оградою. Тутъ отрядъ сталъ на ночлегъ, напился чаю и обсушился. Тулупы подъ мокрымъ снѣгомъ совсѣмъ раскисли, такъ что ихъ надѣвали люди только при остановкахъ, когда вѣтеръ пронизывалъ насквозь. До Обурдана оставалось только 8 верстъ, куда Абграль и двинулся въ 2 часа утра 29 ноября. Найдя кышлакъ пустымъ, онъ прошелъ его насквозь и соединился съ Яфимовичемъ. 5-го декабря, въ 2 часа утра уратюбинцы пошли назадъ чрезъ Вишабскій пере-

валъ и въ 7 час. вечера пришли въ Аучи, а 6-го числа прибыли въ Ура-тюбе безъ приключеній.

Мачинцы отступили къ Польдораку. Собственно говоря, ничего особеннаго, чрезъ свои перевалы въ 11,000 футъ и въ 9,500, какъ Вишабскій, они сдѣлать намъ не могли, но когда рядомъ идетъ война и сыплются щедрыя награды, Абрамовъ сидѣть спокойно не могъ. Съ умысломъ посылая слабые отряды, онъ получилъ въ ихъ неудачахъ и медленности движенія благовидный предлогъ двинуться туда и самому... 11-го января онъ писалъ, что думаетъ о б ъ ѣ х а т ь теперь же горныя волости и п о с ѣ т и т ь отрядъ Яфимовича въ Рарзѣ, повидимому, въ качествѣ попечительнаго губернатора и мирнаго путешественника. Его заботило опасеніе, какъ бы волненія горцевъ не проникли къ Самарканду и какъ бы бухарскій эмиръ, стоявшій съ сильнымъ отрядомъ въ Шахрисябзѣ, не вздумалъ вмѣшаться въ дѣла Кокана...

Подозрительное поведеніе эмира было поставлено на видъ бухарскому послу въ Ташкентѣ, который согласился, что одно уже присутствіе бухарскихъ войскъ на границѣ можетъ поддерживать въ коканцахъ и нашихъ горцахъ разныя нелѣпыя мечтанія, а слѣдовательно и волненіе. Эмиръ внялъ посланному къ нему письму и ушелъ съ войсками въ Бухару.

Между тѣмъ Абрамовъ прибылъ къ отряду, съ конвоемъ изъ 25 казаковъ, и пошелъ далѣе къ Польдараку. На ночлегѣ у Мадрушката, въ ночь на 20-е января, джигиты Арендаренка, при содѣйствіи жителей, напали на Календаръ-бека, пробиравшагося, съ небольшой свитой, внизъ по Зеравшану, и захватили его. Акъ-бута, узнавъ о прибытіи самого Абрамова, ушелъ назадъ черезъ Аучинскій (или Обурданскій) перевалъ.

Дальнѣйшее движеніе отряда нашего происходило безъ выстрѣла. Жители являлись съ покорностію и выдали оружіе. По полученіи въ Петербургѣ, 27 числа, телеграммы о захватѣ Календаръ-бека, Кауфманъ приказалъ повѣсить его въ Самаркандѣ, куда его повезли вслѣдъ за Абрамовымъ.

Такимъ образомъ, мелкими летучими отрядами, въ нашихъ предѣлахъ, возстановлено было относительное спокойствіе. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Коканскомъ ханствѣ: проживавшій съ октября мѣсяца, въ Ходжентѣ, Насръ-Эддинъ-ханъ, разсчитывая на поддержку русскихъ войскъ, вздумалъ воспользоваться зимнею экспедиціею Скобелева къ Андижану и выѣхалъ изъ Ходжента 2-го января, съ русскимъ конвоемъ, въ Махрамъ, занятый снова русскими войсками. Въ серединѣ января къ нему прибыла сюда депутація отъ сартовъ столицы, которымъ уже достаточно надоѣли киргизы Пулатъ-хана и Абдулъ-Гафара, распоряжавшихся съ ними на правахъ побѣдителей. 21 числа

Насръ-Эддинъ выѣхалъ съ ними изъ Махрама. Въ Бишъ-арыкѣ его встрѣтила новая депутація, приведшая на подставу свѣжихъ 50 лошадей и верблюда съ исторической бѣлой кошмой, на которой поднимаютъ хановъ при ихъ провозглашеніи. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, а кажется, по недостаточности собравшихся къ нему джигитовъ, ханъ не вошелъ въ Коканъ, а сталъ подъ его стѣнами въ кышлакѣ Найманча. Тутъ онъ пробылъ, въ бездѣйствіи, съ 23-го по 27-е января, когда наконецъ на него напали кипчаки и киргизы Абдулы-бека, поставленнаго въ Коканѣ Пулатъ-ханомъ. Насръ-Эддинъ былъ разбитъ, потерялъ до 200 чел. и бѣжалъ, съ 1,000 конными, въ Махрамъ. Однако на другой же день сарты сами, безъ хана, начали избіеніе въ городѣ кипчаковъ и киргизовъ и снова послали въ Махрамъ депутацію. 30-го января Насръ-Эддинъ вступилъ въ свою столицу. Виноватые противъ него и слуги Пулатъ-хана вышли на встрѣчу съ веревками на шеяхъ, умоляя о прощеніи. Ханъ даровалъ всѣмъ амнистію.

Видя однако, что русскіе открыто его не поддерживаютъ, а предоставляютъ его собственнымъ силамъ и умѣнью, ханъ сознавалъ въ то же время, что своею непопулярностію онъ обязанъ именно сношеніямъ съ русскими. Изъ желанія поправить дѣло и пріобрѣсти симпатіи народа, онъ принялъ къ себѣ на службу прежнихъ бунтарей и даже, говорятъ, письменно обязался, передъ фанатическимъ духовенствомъ, стать во главѣ джехада. Не зналъ онъ, что судьба его рѣшалась въ это время на берегахъ далекой Невы!

Мы высказывали уже, въ своемъ мѣстѣ, догадки о телеграфной корреспонденціи Скобелева съ Петербургомъ. Но кромѣ того онъ получилъ рѣшающее извѣстіе и оффиціально. Когда Колпаковскому телеграфировалъ Кауфманъ о рѣшеніи занять ханство, Скобелеву телеграфировалъ о томъ же начальникъ походнаго штаба Кауфмана въ Петербургѣ — Троцкій. Чья-то телеграмма оканчивалась словами: „Миша, не зѣвай“.—Говорятъ, это писалъ Троцкій. Въ оффиціальной исторіи похода сказано такъ: „свиты его величества ген.-маіору Скобелеву приказано было занять нашими войсками столицу ханства“. Это совершенно не вѣрно. Для возстановленія истины, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь полный текстъ телеграммъ, съ листовъ 306 и 312, тома 2, дѣла № 40.

2-го февраля, въ 10 часовъ 30 минутъ вечера, Кауфманъ послалъ изъ Петербурга Колпаковскому въ Ташкентъ слѣдующую телеграмму:

„Ташкентъ. Генералу Колпаковскому.

„Сниходя къ общему желанію всего коканскаго народа принять подданство Россіи, а также не видя возможности успокоить населеніе другимъ способомъ, государь императоръ повелѣть со-

изволилъ нынѣ же принять ханство въ подданство его величества, поручая вамъ самимъ занять ханство войсками такимъ способомъ: четвертый линейный баталіонъ и три роты седьмого баталіона, вторую батарею, четыре сотни казаковъ сосредоточить Бишъ-арыкѣ; оттуда направиться въ городъ Коканъ. Резервъ къ этимъ войскамъ направить немедленно туда же. Шесть облегченныхъ пушекъ изъ Ташкента съ такимъ числомъ казаковъ, какое найдется, съ частью саперъ и ротою четвертаго стрѣлковаго баталіона; заряды, патроны—одинъ комплектъ, другой свезти Ходжентъ. Въ Махрамѣ оставить роту, два орудія. Генералу Скобелеву направиться къ Кокану чрезъ Ассаке и Маргеланъ, объявляя народу о принятіи въ подданство великаго государя. Размѣръ отряда Скобелева предоставить ему, расположивъ гарнизонъ Андижанѣ, но въ составѣ отряда Скобелева долженъ быть весь третій стрѣлковый баталіонъ, который предлагаю оставить въ городѣ Коканѣ, вмѣстѣ съ четвертымъ баталіономъ, усиливъ двумя ротами седьмого баталіона.

„Возьмите съ собою полковника Богаевскаго для немедленнаго укрѣпленія Коканской урды. Поручите въ Ташкентѣ управленіе краемъ и войсками генералу Головачеву. Полагаюсь на вашу распорядительность. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ буду ожидать донесенія по расположенію войскъ.

„Бывшее Коканское ханство переименовать въ Ферганскую область. Начальникомъ области—Скобелевъ. Насръ-Эддина пока Ташкентъ.

Кауфманъ“.

Телеграмма эта получена въ 3 часа утра 3-го числа. Сдѣлавъ соотвѣтствующія распоряженія и не зная о томъ, что Скобелевъ получилъ такую же телеграмму отъ Троцкаго, Колпаковскій посылаетъ ему, черезъ Ходжентъ, 4-го числа, слѣдующую телеграмму.

„Ходжентъ. Свиты его величества генералу Скобелеву.

„Высочайше повелѣно мнѣ занять Коканское ханство, изъ коего образуется Ферганская область. Начальникомъ области ваше превосходительство. Спѣшу поздравить и увѣдомить, что движеніе Кокану предписывается произвести съ востока подъ вашимъ начальствомъ, такимъ числомъ войскъ, какое вы признаете нужнымъ, но съ тѣмъ, чтобы составѣ вашего отряда находился третій стрѣлковый баталіонъ, который съ 4 линейнымъ останется Коканѣ. Съ юго-запада направится четвертый линейный, три роты седьмого, вторая батарея, четыре сотни. Отрядъ этотъ соберется Бишъ-арыкѣ приблизительно 16 февраля. Обезпечьте гарнизономъ Андижанъ, слѣдуйте на Ассаке и Маргеланъ, расчитайте такъ ваше движеніе, чтобы 19 февраля, одно-

временно юго-западнымъ отрядомъ, подойти Кокану. Объявите народу о принятіи въ подданство великаго государя. Подробности Боголюбовымъ. Генералъ-лейтенантъ Колпаковскій".

Итакъ, изъ обѣихъ телеграммъ видно, что занять Коканъ поручено именно Колпаковскому, а не Скобелеву. Скобелевъ однако принялъ мѣры, чтобы не получать больше отъ Колпаковскаго никакихъ стѣснительныхъ приказаній: для этого онъ еще до полученія телеграммы Колпаковскаго, немедленно, 6 февраля въ 10 ч. утра ускакалъ съ казаками, конными стрѣлками и ракетами, (2 орудія подвижныхъ, 2 ракет. станка, 2 роты стрѣлковъ, 1/2 роты конныхъ, 1 сотня Семирѣченская, 1 сотня Оренб.), изъ Гуръ-тюбе къ Кокану, приказавъ спѣшить за собой пѣхотѣ своего отряда и конной артиллеріи. Въ день ухода, онъ послалъ Колпаковскому телеграмму о томъ, что получилъ 5 числа телеграмму отъ Кауфмана о присоединеніи ханства къ Россіи и, желая помѣшать коканцамъ организовать сопротивленіе, онъ намѣренъ выступить къ столицѣ ханства, чтобы прибыть къ Кушъ-арыку 12 февраля, противъ воротъ Нау-Бухара. Но когда думаетъ выступить, не сказалъ.

Телеграмма получена въ Ташкентѣ въ 9 часовъ вечера 6-го числа. Съ дороги Скобелевъ послалъ, не проставивъ числа, Колпаковскому еще одну телеграмму, полученную послѣднимъ 7-го февраля, что въ Андижанѣ—все спокойно, что по точнымъ свѣдѣніямъ тамъ погибло, подъ развалинами домовъ, во время нѣсколькихъ бомбардировокъ до 20.000 человѣкъ, трупы которыхъ, съ оттепелью, стали разлагаться и потому онъ выводитъ отрядъ въ лагерь, и наконецъ, проситъ разрѣшенія повѣсить двухъ киргизовъ разбойниковъ, попавшихся въ наши руки. О своемъ же выступленіи къ Кокану Скобелевъ не обмолвился ни полусловомъ. Всякій на мѣстѣ Колпаковскаго подумалъ бы, что Скобелевъ сидитъ себѣ тихо въ Наманганѣ и готовится къ выступленію, а онъ въ это время былъ уже въ Коканѣ!

Колпаковскій, очевидно, хотѣлъ пріурочить день занятія Кокана и объявленіе о присоединеніи ханства къ 19 февраля, т. е. ко дню восшествія на престолъ Императора Александра II, но въ виду торопливости Скобелева и самъ сталъ торопиться. Однако, при всей спѣшности похода, войска не могли бы поспѣть изъ Ташкента на Бишъ-арыкъ ранѣе 12-го числа. Поэтому онъ телеграфировалъ Скобелеву 8 января, чтобы тотъ не очень спѣшилъ и подошелъ бы къ Кокану не ранѣе 14-го числа. Самъ Колпаковскій думалъ выѣхать 10-го изъ-Ташкента и къ 12-му быть на Бишъ-арыкѣ. 9-го онъ просилъ Кауфмана, по телеграфу, объ исходатайствованіи кредита въ 133.650 руб., на трехмѣсячную экспедицію, въ томъ числѣ себѣ на экстраординарные расходы 30.000 и въ пособіе себѣ и другимъ офицерамъ 36,100.

Между тѣмъ Скобелевъ, успокоивъ Колпаковскаго тѣмъ, что

придетъ къ Кокану не раньше 12 числа, и будучи увѣренъ, что и Колпаковскій, въ свою очередь, начнетъ спѣшить, гналъ свой отрядъ, можно сказать, во весь духъ и 7 числа, сдѣлавъ переходъ въ 80 верстъ, былъ къ 11 часамъ утра уже въ 4 верстахъ отъ Кокана. Нашъ перебѣжчикъ Минъ Евграфовъ посланъ былъ къ хану съ извѣстіемъ о движеніи отряда. Ханъ выѣхалъ на встрѣчу въ кишлакъ Яки-мулла. Затѣмъ Скобелевъ безъ выстрѣла занялъ городъ Коканъ и его цитадель или урду. Немедленно арестованы были: шейхъ-уль-исламъ, казы-келянъ и Абдулъ-мумынъ, намѣстникъ Пулатъ-хана. Захвачена вся артиллерія изъ 73 орудій.

Къ вечеру 7-го числа, изъ Андижана прибыла кавалерія Меллера-Закомельскаго, 1 и 2 Оренбурскія, 1 и 2 Сибирскія сотни, 6 ракетн. станковъ, 6 конныхъ орудій и 1/2 роты конныхъ стрѣлковъ. Она сдѣлала 155 верстъ въ 2 дня.

8 февраля прибыли 2 роты 7-го лин. баталіона, 1 сотня Оренбурская и 2 Ор. пѣшія батареи.

9-го пришли изъ Андижана 5 ротъ и 1/2 сотни Семирѣченцевъ.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть Колпаковскаго и всѣхъ, готовившихся въ Ташкентѣ къ походу. Въ допесеніи своемъ Кауфману, отъ 9 февраля за № 42, Колпаковскій разсказываетъ весь ходъ обмѣна телеграммъ со Скобелевымъ и въ концѣ проситъ ходатайства все-таки выдать офицерамъ, предназначавшимся было въ походъ изъ Ташкента, пособіе, въ виду затратъ, ими сдѣланныхъ уже для похода. Экстраординарные же расходы для него самого и надежды на боевыя отличія, конечно, улыбнулись.

Того же 9-го февраля онъ получилъ отъ Скобелева слѣдующую телеграмму (л. 369—371), повидимому, посланную изъ Кокана 8-го числа.

„Имѣлъ честь почтительно доносить вашему превосходительству пятаго февраля образованіи двухъ отрядовъ, согласно воли генерала Кауфмана, и движеніи Кокану. Депешу вашу четвертаго февраля получилъ седьмого, къ сожалѣнію, шестнадцати верстахъ Кокана, когда узналъ, что ханъ выѣзжаетъ ко мнѣ на встрѣчу. Свиданіе произошло въ кишлакѣ Акъ-мулла. Бывшій ханъ, пораженный нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, повиновался, объявленной ему волѣ государя. Вчера доставилъ изъ Кокана 29 орудій, остальныя во власти войскъ въ Коканѣ.

„При движеніи отряда жителямъ кышлаковъ объявлялось о принятіи въ подданство великаго государя. Принимали объявленія съ восторгомъ. Въ кышлакъ Баульды пришли ночью, улицы освѣщены кострами, народъ повсемѣстно ликуетъ, узнавъ о присоединеніи къ Россіи. Вчера заняты ворота Нау-Бухара оренбургскою сотнею, полуротою конныхъ стрѣлковъ, двумя ракетными станками. 8-го февраля 11 часовъ вступилъ въ Коканъ. 4 роты пѣ-

хоты, 4 сотни казаковъ, рота конныхъ стрѣлковъ, ракетная батарея и 6 орудій. Занялъ урду, укрѣпился, принялъ всѣ военныя мѣры обезпеченія противъ возможныхъ случайностей. Комендантомъ Кокана назначилъ полковника Меллера-Закомельскаго. Начальникомъ города маіора Ястржембскаго".

„Населеніе Кокана встрѣчало на улицахъ съ меньшимъ выраженіемъ радости по случаю присоединенія. Приписываю такое настроеніе сближенію Насръ-Этдина со сторонниками газата, выразившемуся приглашеніемъ къ себѣ на службу людей наиболѣе враждебныхъ Россіи: Абду-Гафаръ-бека, Абду-Мумына, нынѣ скрывающихся въ Коканѣ и многихъ другихъ менѣе вліятельныхъ, сборомъ сарбазовъ, несомнѣнно враждебныхъ русской власти, хотя, можетъ быть, необходимыхъ для эксъ-хана".

„Завтра отправляю хана въ Махрамъ; туда будетъ отправленъ афтобачи: они будутъ сданы маіору Родзянко. Батыръ-тюря и сегодня схваченный въ Коканѣ Абду-Мумынъ арестованы. Считаю опасенія мои относительно возможности враждебныхъ дѣйствій Насръ-Этдина, если бы на то было дано ему время, основательными, не смотря на весьма вліятельную, многочисленную партію, сочувствующую присоединенію.

„Окончательное умиротвореніе ханства произойдетъ лишь тогда, когда ваше превосходительство, высшій представитель русской власти въ Средней Азіи, прибудете въ Коканъ.

„Прибытія вашего жду съ нетерпѣніемъ, дабы получить указанія для введенія прочнаго порядка въ Ферганской области".

„Кавалерійскій авангардъ Андижанскаго отряда подъ командою полковника Меллера-Закомельскаго, присоединился ко мнѣ вчера, пройдя 140 верстъ въ 31 часъ. Объявленія о присоединеніи къ Россіи въ Ассаке и Маргеланѣ принимались народомъ восторженно. Жители Маргелана просили отрядъ войти въ городъ, что и было исполнено. Улицы города и базаръ были иллюминованы. По дорогѣ жители кышлаковъ встрѣчали радостно; вездѣ достарханъ".

„Не менѣе замѣчательно движеніе подвижнаго № 2 артиллерійскаго взвода, поручика Шоболова, прошедшаго на соединеніе съ моимъ отрядомъ и вмѣстѣ съ нимъ болѣе 100 верстъ въ сутки".

„Пѣхота Наманганскаго отряда, подъ командою подполковника Комарова, выступивши въ Киргизъ-курганъ въ 9 часовъ утра 6-го февраля, задержанная переправою черезъ Дарью и Сарысу 8 часовъ, прошла 50 верстъ и прибыла въ Буальды въ тотъ же день въ часъ ночи".

„Акъ-джарскій отрядъ сейчасъ пришелъ. 5 ротъ Андижанскаго

отряда жду съ часу на часъ. Въ Ферганской области все спокойно".

Итакъ, Скобелевъ, „къ сожалѣнію", узналъ о запрещеніи подходить къ Кокану ранѣе 19 февраля только тогда, когда занялъ Коканъ за 12 дней до срока! Опоздала телеграмма или онъ поторопился.. Все-таки онъ великодушно предлагаетъ „высшему представителю русской власти въ Средней Азіи" прокатиться на почтовыхъ въ Коканъ, увѣряя, будто отъ этого произойдетъ окончательное умиротвореніе ханства! Плохо все-таки золотилъ свои горькія пилюли Скобелевъ...

Можно представить себѣ, какъ былъ золъ на Скобелева Колпаковскій! Онъ вздумалъ отомстить ему тѣмъ, что ни за одно дѣло, начиная съ 1-го декабря 1875 года, онъ не выдавалъ наградъ отличившимся нижнимъ чинамъ и не представлялъ къ наградамъ ни Скобелева, ни офицеровъ... Въ донесеніяхъ своихъ Кауфману онъ оправдывалъ свое воздержаніе въ этомъ случаѣ неимѣніемъ отъ него никакихъ указаній. На это Кауфманъ отвѣтилъ, что „мною не дано вамъ инструкцій, въ семъ случаѣ, на томъ основаніи, что законъ указываетъ права временно-командующаго войсками, и я полагалъ, что мои указанія въ данномъ случаѣ были бы излишними. Молодецкія дѣла генерала Скобелева, всего Наманганскаго отряда и пособниковъ генерала Скобелева составляютъ мою гордость и даютъ имъ всѣмъ право на горячее ходатайство о награжденіи отличившихся" (листъ 394 дѣла № 40).

Участники занятія Кокана разсказываютъ нѣсколько иначе объ этомъ событіи, чѣмъ Скобелевъ въ своей телеграммѣ: онъ прискакалъ къ городу только съ одной сотней казаковъ, полуротой конныхъ стрѣлковъ и двумя ракетными станками. Пѣхота и артиллерія значительно отъ него отстали.

Сознавая рискъ своего предпріятія, Скобелевъ скрывалъ цѣль своего наѣзда, и высланнымъ на встрѣчу посланцамъ, спрашивавшимъ о причинѣ его спѣшнаго движенія, объявлялъ, что ѣдетъ въ гости къ хану. Никакихъ пушекъ передъ Коканомъ ему не сдавали, такъ какъ ханъ ничего не подозрѣвалъ. Подойдя къ городу, Скобелевъ занялъ ворота Нау-Бухара, но ввести въ городъ такія ничтожныя силы не рискнулъ.

На другой день онъ отправился къ хану во дворецъ на торжественный пріемъ, когда получилъ извѣстіе, что авангардъ Андижанскаго отряда съ артиллеріей находятся въ 22 верстахъ.

Ханъ принялъ Скобелева въ тронной залѣ, предложилъ достарханъ и повелъ политичную бесѣду съ дорогимъ гостемъ. Присутствующихъ однако удивило, что гостю приносятъ, черезъ каждыя 15 минутъ, какія-то записочки, а онъ ихъ прочтетъ, да и спрячетъ въ карманъ... Это были условныя съ Меллеромъ и началь-

никомъ шедшаго изъ Гура-тюбе эшелона, донесенія о томъ, сколько верстъ еще осталось сдѣлать. Ханъ, наконецъ, спросилъ: что это значитъ? Скобелевъ отвѣтилъ, вродѣ того, что обозъ его съ подарками отсталъ, такъ вотъ онъ и ждетъ. Когда, наконецъ, пѣхота съ артиллеріей подошла къ самымъ воротамъ, Скобелевъ, получивъ о томъ записку, тотчасъ всталъ и громкимъ голосомъ объявилъ, что по волѣ государя императора, Коканское ханство присоединено къ Россіи.

Когда переводчикъ перевелъ эти слова „дорогого гостя", то ханъ неутѣшно зарыдалъ на своемъ престолѣ... Вскорѣ въ урду пришли и ожидавшіяся съ нетерпѣніемъ войска. Это было въ 11 часовъ утра. Стѣны были заняты, разставлены караулы и найдено 62 орудія, съ большими запасами пороха и снарядовъ.

Съ другой стороны, на стр. 71 Воен. Сборн. 1901 г. № 10, Серебряковъ удостовѣряетъ, будто „рѣшеніе судьбы коканскаго ханства Насръ-Эддинъ-ханъ узналъ 4-го февраля", т. е. стало быть, за 3 дня до прибытія Скобелева, узналъ раньше Скобелева, хотя телеграфа въ Коканѣ не было!

Какой версіи вѣрить,—неизвѣстно.

15-го февраля состоялся торжественный въѣздъ въ Коканъ генерала Колпаковскаго, который и объявилъ собранному для встрѣчи народу, извѣстное уже всѣмъ и каждому, высочайшее повелѣніе о присоединеніи ханства къ Россіи. Самое повелѣніе это объявлено въ остальной Россіи лишь 19-го февраля, въ двадцать вторую годовщину вступленія на престолъ Императора Александра II.

Вскорѣ затѣмъ Колпаковскій получилъ извѣстіе, что 30 джигитовъ нашихъ и конвой афтобачи, изъ кара-киргизовъ, сдавшихся вмѣстѣ съ нимъ, будучи посланы Скобелевымъ въ погоню за Пулатъ-ханомъ, настигли его въ ночь на 19-е февраля, въ Алайскихъ горахъ и, при помощи джигитовъ изъ Маргелана и Оша, захватили въ плѣнъ. Пулатъ-ханъ, по приказанію Кауфмана, былъ казненъ въ Маргеланѣ, т. е. на мѣстѣ его злодѣйской расправы съ нашими плѣнными.

23 февраля Колпаковскій послалъ Скобелева занять Ошъ съ 9 ротами, 6 сотнями, 2 конными ротами стрѣлковъ и 10 орудіями.

Насръ-Эддинъ высланъ былъ въ Европейскую Россію вмѣстѣ съ афтобачи.

На возвратномъ пути, въ Маргеланѣ, Колпаковскій получилъ 24 марта свѣдѣніе, что шайка кара-киргизовъ, въ 1,000 человѣкъ, собралась у Лангара и выбрала ханомъ одного дувану, жившаго при кладбищѣ сел. Шамардина и проповѣдывавшаго священную войну. Это былъ выходецъ изъ Бадахшана, звали его Худай-Кулъ (рабъ божій) и выдавалъ онъ себя за родственника

Шахъ-Мурата. Къ нему собрались уцѣлѣвшіе сподвижники Пулата. Колпаковскій далъ знать объ этомъ въ Ошъ Скобелеву, а самъ выслалъ 25 марта полковника генеральнаго-штаба Королькова, съ отрядомъ изъ 50 конныхъ стрѣлковъ, 1 сотни и 1 орудія.

Скобелевъ также послалъ изъ Оша, 26 числа, полковника Аминова, съ 1 сотней и ракетною батареей. На путь отступленія шайки выслана изъ Кокана 1 сотня эсаула Штакельберга. Шайка, свѣдавъ о движеніи Королькова, отступила къ Соху, куда шла отъ Кокана еще 1 сотня Леденева, высланная изъ Кокана полковникомъ Комаровымъ, временно-командовавшимъ войсками, за отсутствіемъ Скобелева. 26 марта, переваливъ черезъ горы и видя, что орудіе далѣе пройти не можетъ, Корольковъ послалъ его, съ 30 стрѣлками и 20 казаками, кружнымъ путемъ на Сохъ, а самъ, съ 25 стрѣлками и 42 казаками, продолжалъ движеніе къ Каракія, гдѣ и нашелъ шайку на сильной позиціи, прикрытой съ фронта топкими берегами ручья и упиравшейся однимъ флангомъ въ скалистый обрывъ, а другимъ въ укрѣпленіе съ фасами въ 50 саженъ, примыкавшее также къ отвѣсному утесу. Спѣшенные казаки и стрѣлки открыли огонь, а затѣмъ пошли въ атаку.

Первыми въѣхали на обрывъ Корольковъ съ трубачемъ и и сотникъ Десятовъ. Лѣвѣе ихъ влѣзли на обрывъ всѣ офицеры. Непріятель бѣжалъ къ сел. Маллутъ, гдѣ также встрѣтилъ отрядъ выстрѣлами и также не устоялъ и разбѣжался. Трофеями были: 3 бунчука, два фальконета и много оружія, тутъ же уничтоженнаго. У насъ потери не было. Непріятель потерялъ до 100 человѣкъ.

Это однакоже мало подѣйствовало на каракиргизовъ, не испытавшихъ на себѣ за свою кампанію серьезныхъ ударовъ и сильно надѣявшихся на недоступность своихъ горъ.

На урочищѣ Гульча, въ 65 верстахъ отъ Оша, собралась шайка разбойниковъ Худояръ-Хальпы *) и на всѣхъ дорогахъ въ Каратегинъ стояли киргизскія ватаги, успѣвшія захватить двѣ наши джигитскія команды Сарымсакъ-ходжи и Бекджана, высланныя Скобелевымъ для поимки Вали-Ханъ-Тюри, Абдуллы-бека и другихъ. Абдулла-бекъ, сынъ знаменитой Мармандань-датхи, богатой киргизки, которой подчинялись два племени, кочевавшихъ въ восточной части Алайской долины: Адыгинъ—въ 3,145 кибитокъ и Монгуши—въ 1,225 кибитокъ.

Мать нѣсколькихъ сыновей, славившихся удалью въ барантахъ и набѣгахъ, обладая громадными стадами, она, конечно, была вліятельною женщиной. Нуждавшіеся въ ея матеріальной и нрав-

*) Скоро онъ былъ пойманъ и казненъ.

ственной поддержкѣ или боявшіеся ея сыновей, конечно, являлись къ ней на поклонъ и какъ бы признавали ея силу и значеніе. Худояръ-ханъ далъ ей титулъ датхи, т. е. генерала или правителя. Самый неугомонный изъ ея сыновей и былъ Абдулла, явившійся съ своими киргизами на помощь самозванцамъ. Сарымсаку удалось захватить Вали-хана, но на обратномъ пути онъ былъ самъ захваченъ и зарѣзанъ. Та же участь постигла и Бекджана, послѣ захвата имъ стадъ Абдуллы-бека.

Надо было прекратить такіе безпорядки. Скобелевъ выступилъ на Гульчу 31-го марта, въ 11 часовъ вечера, съ 3 сотнями и 1 ротой, пришелъ на Гульчу вечеромъ 1-го апрѣля, но шайки уже не засталъ и вернулся назадъ, оставивъ на Гульчѣ 1 роту и 1 сотню, поручивъ имъ возвести здѣсь укрѣпленіе. Сюда тотчасъ прикочевали 600 кибитокъ мирныхъ каракиргизъ, подъ защиту строющагося укрѣпленія; но въ то же время главари не мирныхъ заняли крѣпкую позицію, въ 25 верстахъ, въ ущельѣ Янги-арыкъ, чтобы не допустить перекочевки другихъ мирныхъ. Скобелевъ перевелъ изъ Кокана въ Ошъ двѣ роты конныхъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ есаула Штакельберга, и взводъ ракетной батареи, а самъ почему-то отдалъ приказъ отъ 18-го апрѣля за № 51, что слагаетъ съ себя командованіе войсками.

Колпаковскій не утвердилъ приказа (л. 17 дѣла 22, 1876 г.), въ виду нарушенія ст. 6 временнаго положенія о военномъ управленіи въ Ферганской области. 22-го апрѣля названныя части двинуты изъ Оша въ Гульчу, куда отправился и самъ Скобелевъ. 24-го выступилъ онъ съ Гульчи, съ ротой 4-го линейнаго баталіона, въ 120 человѣкъ, рабочей командой изъ 30 человѣкъ, коннострѣлковою ротой изъ 129 человѣкъ, ракетнымъ взводомъ въ 23 человѣка, и 85 казаками, изъ коихъ 55 человѣкъ назначены коноводами къ стрѣлкамъ. Всего 387 человѣкъ. Ночевали на берегу р. Гульчи.

Въ часъ ночи на 25-е число, полурота стрѣлковъ, съ ракетнымъ взводомъ, двинулась, по боковой тропинкѣ, въ обходъ непріятельской позиціи; остальные начали движеніе въ $3^1/_2$ часа утра по большой караванной дорогѣ, оставили обозъ изъ 78 лошадей, подъ прикрытіемъ полувзвода пѣхоты, на двѣнадцатой верстѣ, гдѣ встрѣтилась широкая площадка и, къ 10 часамъ утра, подошли ко входу въ ущелье Янги-арыкъ. На рекогносцировку послано нѣсколько джигитовъ, а за ними причисленный къ генеральному штабу штабсъ-капитанъ Боголюбовъ. Въ двухъ стахъ шагахъ отъ ущелья непріятель встрѣтилъ рекогносцировку сильнымъ огнемъ. Оказалось, что весь хребетъ, замыкавшій ущелье, занятъ завалами.

Выставивъ цѣпь стрѣлковъ, Скобелевъ послалъ для охвата фланговъ: вправо Штакельберга съ 30 стрѣлками, а влѣво Боголюбова съ 15 рядовыми. Противъ Штакельберга, посланнаго ра-

пѣе, сбѣжалось отъ сосѣднихъ заваловъ масса народу. Скоро онъ самъ былъ сильно раненъ, но продолжалъ вести своихъ стрѣлковъ. На помощь ему посланы, въ два раза, 30 человѣкъ, а затѣмъ, когда вниманіе непріятеля было достаточно отвлечено къ флангамъ, Скобелевъ, съ остатками отряда, около 120 человѣкъ, пошелъ въ атаку съ фронта (въ резервѣ имѣли полувзводъ въ 30 человѣкъ). Камни катились внизъ со всѣхъ заваловъ, пули неслись на встрѣчу: первый гребень былъ взятъ штыками. За нимъ оказался, на второмъ перекатѣ, второй завалъ. Скобелевъ выждалъ, когда рабочая команда поднялась на гору, сбоку завала и выше его, и тогда двинулъ впередъ фронтальную колонну свою. Второй завалъ также былъ взятъ. За нимъ увидѣли третій завалъ и лагерь возлѣ рѣчки за мостомъ. Обстрѣлявъ съ горъ толпы, занимавшія лагерь, Скобелевъ двинулъ всѣ части впередъ и занялъ лагерь, а затѣмъ, пройдя нѣсколько верстъ впередъ, соединился съ обходной колонной, не имѣвшей серьезныхъ стычекъ. Въ дѣлѣ участвовало до 1,500 человѣкъ каракиргизовъ. Трофеи: 3 бунчука, 8 фальконетовъ, до 80 ружей. Потери наши: убитыми: 1 рядовой и 2 джигита, ранеными: баронъ Штакельбергъ (тяжело) и 8 нижнихъ чиновъ; ушиблены камнями: поручикъ Борисовъ и 12 нижнихъ чиновъ. Абдулла-бекъ бѣжалъ за Алай.

Абдулъ-Керимъ-бекъ, племянникъ бывшаго хана Худояра, проживалъ до безпорядковъ въ Ходжентѣ, а когда его имя стали упоминать, какъ одного изъ вождей каракиргизъ, Колпаковскій вытребовалъ его, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Кокана, къ себѣ и, найдя его непричастнымъ къ мартовскимъ безпорядкамъ, возвратилъ его назадъ въ Ходжентъ, приказавъ уѣздному начальнику, барону Нольде, учредить за нимъ строгій надзоръ. Абдулъ-Керимъ поселился въ Медресе и оттуда незамѣтно скрылся, — и дѣйствительно, сталъ во главѣ движенія, будучи провозглашенъ киргизами ханомъ. Скобелевъ, въ письмѣ къ Колпаковскому отъ 18 мая, какъ бы укоряетъ его въ неосмотрительной высылкѣ этого опаснаго авантюриста въ ближайшій отъ Ферганы городъ, настаиваетъ на высылкѣ всѣхъ, даже отдаленныхъ родственниковъ Худояра, въ отдаленныя мѣста Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаиваетъ на необходимости похода на Алайскій хребетъ, пограничный съ Кашгаріей, чтобы киргизы алайскіе знали, чьи они. Всѣ письма Скобелева подписываются имъ не по прежнему, а въ болѣе независимой формѣ: „вашего превосходительства покорный слуга Михаилъ Скобелевъ“... О прежнемъ почтеніи, преданности и уваженіи къ большой опытности начальства нѣтъ уже и помину...

Кауфманъ, получивъ 29 мая письмо Колпаковскаго, на дорогѣ изъ Петербурга въ Ташкентъ, по поводу Абдулъ-Керима, написалъ въ резолюціи между прочимъ: „Если баронъ Нольде

виноватъ, то я долженъ буду лишить его уѣзда, такъ какъ это уже второй случай упуска политически скомпрометированнаго лица изъ Ходжента. Непростительно со стороны мѣстной власти". Былъ слухъ, что Нольде взялъ съ арестованныхъ деньги и выпустилъ ихъ. Это вполнѣ возможно...

Когда началось слѣдствіе въ 1877 году, по жалобамъ туземцевъ на излишніе съ нихъ поборы то обнаружилось, между прочимъ, что Нольде отпускалъ арестованныхъ за участіе въ нападеніи на Ходжентъ, вмѣстѣ съ коканцами, всѣхъ, кто вносилъ наложенный имъ штрафъ, предназначенный на покрытіе его долга въ общественныя суммы, въ размѣрѣ 13,000 руб.; по раскладкѣ приходилось по 2 руб. 50 коп. съ дома и кибитки пограничныхъ жителей.

27 іюня 1878 г. онъ, съ соучастниками, былъ преданъ суду; главнымъ соучастникомъ былъ его помощникъ, поручикъ графъ Девіеръ. Операцію съ арестами бунтовщиковъ и выпускомъ ихъ всѣ объясняли такъ: когда Кауфманъ выступилъ съ войсками въ Коканъ, то Нольде собралъ пятидесятниковъ пограничныхъ селеній, объявилъ имъ, что они помогали коканцамъ и за это ихъ слѣдуетъ разстрѣлять, но что онъ беретъ ихъ грѣхъ на себя и просилъ за нихъ Ярымъ-патьшу, но что и они теперь должны показать свое усердіе; затѣмъ послалъ ихъ къ предсѣдателю хоз. управленія Шады-Мирзѣ, который объяснилъ имъ, что, хлопоча за нихъ передъ Кауфманомъ, Нольде долженъ былъ угощать его и такимъ образомъ израсходовалъ, скормилъ на него, 13,000 руб. Виноватые должны пополнить эти деньги. Выборные согласились и сдѣлали раскладку. Для сбора денегъ поѣхалъ Девіеръ и, когда встрѣчалъ несогласіе, то крикуновъ забиралъ и отправлялъ, на арбахъ, въ Ходжентъ. Жители смирялись, собирали деньги, и тогда арестованныхъ выпускали...

„Нуженъ и намъ хлѣбъ",—говорилъ Нольде и загребалъ серебряные коканы. „Благодаря афтобачи, дай Богъ ему здоровья, теперь такое удобное время".. и затѣвалъ новую штуку.

Областное правленіе приговорило его, 15-го февраля 1880 г. за подлоги, растрату 90,208 р. 25 к., вымогательство съ насиліемъ и проч. къ каторгѣ на 8 лѣтъ, Девіера къ поселенію, ротмистра Сурова на житье въ Томскую губ., коллежскаго регистратора Лидскаго въ Иркутскую губ., изъ туземцевъ: одного въ каторгу, двухъ на поселеніе, а трехъ въ арестанскія роты. Судебныя издержки исчислены въ 4,918 р. Представляя дѣло, въ ревизіонномъ порядкѣ, въ сенатъ, Кауфманъ ходатайствовалъ о смягченіи наказанія для Нольде, указывая на его полезную до этого времени и безпорочную службу, энергію и храбрость, выказанныя въ 1875 г., при вторженіи коканцевъ въ Ходжентскій уѣздъ, за что ему пожалована золотая сабля. Въ пользу Сурова приведено то соображеніе, что онъ самъ ремонтировалъ домъ, въ

которомъ жилъ, и представилъ счетъ съ подложными расписками для оправданія расходовъ, дѣйствительно совершенныхъ. Для Нольде онъ просилъ поселенія, а для Сурова тюрьмы. Сенатъ приговорилъ однако Нольде къ каторгѣ, Девіера къ поселенію, Сурова къ исключенію изъ службы, Лидскаго къ ссылкѣ на житье въ Иркутскую губ., а 6 туземцевъ къ тюрьмѣ на разные сроки. Государь утвердилъ приговоръ 10-го декабря 1884 г., а 18-го января 1885 г. сенатъ послалъ о томъ указъ областному правленію.

Интересны соображенія (л. 146 указа), по которымъ сенатъ отказалъ въ ходатайствѣ за Нольде:

„Военныя заслуги барона Нольде, въ виду которыхъ генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ ходатайствовать о смягченіи наказанія этому подсудимому, какъ дѣйствія, свидѣтельствующія о личной храбрости Нольде, не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствіями его же, относившимися до управленія ввѣреннымъ ему уѣздомъ, въ которомъ имъ допущены были злоупотребленія“...

Слѣдуетъ ли понимать, что энергія и храбрость должны имѣть что-либо общее съ преступленіемъ? Напримѣръ: разбойникъ храбро нападаетъ, казнокрадъ энергично тащитъ изъ казеннаго сундука и т. п.? Но въ такомъ случаѣ Нольде заслуживаетъ снисхожденія, ибо въ 4 года цапнулъ до 100,000!

Дальнѣйшая судьба его была плачевна: гордый своимъ прежнимъ баронствомъ, онъ не сносилъ безропотно грубаго обращенія... Его смиряли сначала розгами, а потомъ и плетьми... Такъ по крайней мѣрѣ онъ самъ писалъ людямъ, помогавшимъ ему и оставшейся въ Ташкентѣ семьѣ его. Умеръ онъ, не выдержавъ срока.

Воротимся къ Скобелеву.

Занявъ всѣ главнѣйшіе выходы изъ горъ на Ферганскую долину: Костакозъ, Исфару, Сохъ, Вуадиль, Учъ-Курганъ и Наукатъ небольшими отрядами, Скобелевъ сформировалъ изъ гарнизоновъ Андижана, Оша и Гульчи нѣсколько летучихъ отрядовъ, которые и поручилъ помощнику своему, флигель-адъютанту полковнику барону Меллеръ-Закомельскому, а самъ съ двумя ротами стрѣлковъ, полусотней казаковъ, при 1 горномъ орудіи и 2-хъ ракетныхъ станкахъ, двинулся изъ Оша къ ущелью р. Акъ-бура, направивъ двѣ обходныя колонны маіора Іонова черезъ Талдыкскій перевалъ справа и флигель-адъютанта полковника князя Витгенштейна, двѣ сотни казаковъ слѣва, отъ Кизилъ-Кургана; но непріятель ждать ихъ не сталъ и разсѣялся, бросивъ стада, когда Скобелевъ 18-го іюня думалъ начать уже атаку его позицій. Князь Витгенштейнъ гнался за каракиргизами по пятамъ. Абдулла-бекъ ушелъ на Памиръ и пробрался въ Афганистанъ. Мать его успѣла откочевать со стадами въ Каш-

гаръ, но тутъ ее порядкомъ пощипали туземцы, въ отплату за прежнія баранты ея сыновей. Ограбленная, она вернулась назадъ на Алай, наткнулась на отрядъ Витгенштейна и сдалась.

Отправленная къ Скобелеву, она была принята имъ весьма ласково и щедро одарена; причемъ изъявила готовность вступить въ подданство Бѣлаго Царя за себя, своихъ сыновей и за подвластныхъ.

Датха въ переводѣ значитъ „искатель правосудія“. Но Скобелевъ въ реляціи назвалъ ее громкимъ именемъ „царицы Алая“, хотя западные алайцы, т. е. племя Ичкиликъ, въ 70,000 душъ, ей вовсе не подчинялись. Такихъ царицъ, т. е. помѣщицъ, владѣвшихъ 20,000 душъ, у насъ въ Россіи до освобожденія крестьянъ было немало. Сыновья этой киргизки служили потомъ волостными и только старшій попался въ убійствѣ таможеннаго объѣздчика и былъ казненъ, по приговору военнаго суда.

Кромѣ разныхъ флигель-адъютантовъ *), пріѣхавшихъ помогать бѣднымъ туркестанцамъ доколачивать коканцевъ, было и еще нѣсколько гвардейцевъ, изъ которыхъ одинъ удостоился упоминанія о себѣ въ письмѣ Скобелева къ Кауфману отъ 7 іюля (л. 200 дѣла № 22). Приведемъ выдержку, касающуюся этого офицера: „Коснусь прискорбнаго для меня дѣла отряда капитана Сполатбога, какъ всегда передъ вашимъ высокопревосходительствомъ, безъ всякихъ недомолвокъ. Въ нѣсколькихъ словахъ, вотъ какъ мнѣ представляется дѣло: капитанъ Сполатбогъ, не дождавшись имъ же вызваннаго подкрѣпленія (40 человѣкъ подъ начальствомъ подполковника Рудановскаго), атаковалъ съ 80 человѣк. съ фронта трудно доступную и крайне сильно занятую непріятелемъ позицію; только ввязавшись въ дѣло, нашъ гвардецъ (sic) замѣтилъ, что не всегда, какъ онъ это высказывалъ со многими другими ему подобными, въ Туркестанѣ достаточно показаться, чтобы обратить непріятеля въ бѣгство. Наши не дошли до непріятельскихъ заваловъ, а незначительность понесенной ими потери служитъ доказательствомъ, что они и не особенно рвались къ этой цѣли... Возвратился отрядъ въ Сохъ, не сбивъ непріятеля“.

Кауфманъ велѣлъ объявить Сполатбогу свое неудовольствіе за его неосновательность и неразуміе.

Одновременно съ этою горною алайскою экспедиціею, въ Кашгаръ направлялось наше посольство, съ капитаномъ генеральнаго штаба Куропаткинымъ во главѣ, для переговоровъ о границѣ Ферганской области съ Кашгаріей. 17-го іюля, на дорогѣ изъ Оша въ Гульчу, Куропаткинъ съ братомъ своимъ, капитаномъ

*) Кромѣ князя Витгенштейна и ротмистра Меллера-Закомельскаго въ коканскомъ походѣ участвовалъ и князь Долгоруковъ.

артиллеріи, и 6 казаками отдѣлился отъ обоза посольства, при которомъ было еще 8 казаковъ и выѣхалъ далеко впередъ. Близъ уроч. Лангаръ на него напала шайка въ 40 киргизовъ, которые, сдѣлавъ залпъ, бросились въ шашки. Скакавшій впереди киргизъ былъ убитъ въ упоръ изъ револьвера Куропаткинымъ 2-мъ, но зато братъ его, посолъ, получилъ серьезную рану пулею въ правую руку. Кость впрочемъ задѣта не была. Посольство, на этотъ разъ, такъ и не состоялось.

Между тѣмъ Скобелевъ обратился съ прокламаціями къ кара-киргизамъ, требуя покорности и обѣщая пощаду, а съ Абдулъ-Керимомъ вошелъ въ сношенія черезъ его брата. На приглашеніе явиться съ повинною, этотъ новый претендентъ отвѣчалъ такъ: „Уповая на Бога и Его пророка, мы до сего времени собирали людей и принимали всякія мѣры для сопротивленія. Мы поступали такъ потому, что вы сами нарушили заключенныя условія: напримѣръ Ярымъ-Падша, отдавши Коканское ханство Насръ-Эддину въ полное его распоряженіе, потомъ отмѣнилъ все это и отправилъ его въ Сибирь, а вы, генералъ Скобелевъ, также когда заключали условія съ почитаемымъ въ народѣ афтабачей, то обѣщали устроить его въ Коканѣ, а потомъ тоже отправили его въ Сибирь, съ нѣсколькими нашими біями. Все это служило намъ поводомъ бояться и изъ боязни удалиться въ разныя стороны и въ горы.

„Не довѣряя ни одному вашему условію, мы порѣшили, на совѣщаніи съ нѣсколькими духовными, упорно сопротивляться... Если бы вы крѣпко держали свое слово, то и мы не занимались бы этимъ дѣломъ. Мы кочевники, намъ не нужна ни казна, ни имущество, питаемся чѣмъ Богъ послалъ...

„Начиная отъ Токмака, вы покорили киргизовъ, кипчаковъ и сартовъ, исполняя всегда данныя обѣщанія. А когда взяли Коканъ,—все измѣнилось, изъ-за этого и происходятъ всѣ волненія... ихъ бы не было, если бы стояли на одномъ“.

Такъ какъ Абдулъ-Керимъ и другіе киргизскіе вожди спасались въ Каратегинъ, то Скобелевъ сталъ приставать къ Кауфману и письмами, и телеграммами, чтобы тотъ разрѣшилъ ему идти въ Каратегинъ, состоявшій къ бухарскому эмиру въ такомъ же пополудчиненіи, какъ прежде Шахрисябзъ. Скобелевъ даже указывалъ на этотъ примѣръ для подражанія: завоевать Каратегинъ и отдать его эмиру въ полное подданство. Кауфманъ однако ограничился письмомъ къ эмиру о внушеніи каратегинскому беку, чтобы онъ не давалъ у себя пріюта нашимъ бунтарямъ и бѣглымъ преступникамъ.

Въ началѣ сентября летучіе отряды флигель-адъютантовъ полкозниковъ и князей, Витгенштейна и Долгорукова, охраняя выходы изъ горныхъ ущелій, двигались въ горы. 7 сентября

князь Витгенштейнъ имѣлъ дѣло съ шайкой муллы Ашара у сел. Мазаръ на р. Сохѣ, причемъ приходилось брать обычные завалы, подъ градомъ пуль и камней, скатываемыхъ съ горъ. Потеря наша состояла: тяжело ранено 8 нижнихъ чиновъ, легко ранено и ушиблено камнями—27 нижнихъ чиновъ, 18 джигитовъ и 4 офицера (Витгенштейнъ, капитанъ Церпицкій, есаулъ Байтоковъ и прапорщикъ Громбчевскій).—Непріятель оставилъ 51 тѣло. Трофеевъ не было. Захвачено много скота.

Подъ вліяніемъ ли внушеній эмира или внушительнаго движенія Скобелева къ Каратегину, будто бы „на встрѣчу вызваннаго имъ для личнаго свиданія бека“, но только бекъ выслалъ къ отряду крайне уступчиваго посланца, своего брата, Софи-хана, согласившагося на всѣ требованія Скобелева, даже по отношенію къ границѣ, которая и обозначена на картѣ соотвѣтственно тому, какъ она существовала при Худоярѣ. 28 августа Скобелевъ и Софи-ханъ составили договоръ о границѣ, къ которому и приложили печати. Недоразумѣнія съ Каратегиномъ были окончены и войска воротились на зимнія квартиры.

Представляя 9 ноября военному министру подробное донесеніе Скобелева объ алайской экспедиціи, Кауфманъ присовокупилъ: „я признаю походъ алайскій однимъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ Туркестанскихъ войскъ, какъ по трудностямъ, перенесеннымъ этими войсками, такъ по благоразумному веденію его начальникомъ отряда генералъ-маіоромъ Скобелевымъ, такъ и по важности добытыхъ результатовъ“ (л. 420 дѣла). Надо однако сознаться, что результатовъ не добыто ровно никакихъ... Ничего къ Ферганской области не приросло. Киргизы тоже пострадали мало.

О важности добытыхъ результатовъ могли говорить развѣ только флигель-адъютанты и гвардейцы... До какой степени ничтожны были результаты экспедиціи, видно уже изъ того, что не смотря на донесенія Скобелева, будто всѣ горные киргизы изъявили покорность, пришлось оставить небольшіе отряды во всѣхъ выходахъ изъ горныхъ ущелій въ равнину. Получилась какъ бы внутренняя граница съ безпокойнымъ сосѣдомъ. Подданство киргизъ являлось такимъ образомъ украшеніемъ слога, какъ и звонкое плѣненіе алайской царицы... Свита ея, одаренная халатами, не составляла депутаціи отъ народа, кочевавшаго лѣтомъ и за Алайскимъ хребтомъ, въ предѣлахъ Кашгаріи по склонамъ Тянь-шаня... Тѣмъ не менѣе, съ окончаніемъ алайской экспедиціи, фактическое присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи считалось поконченнымъ.

Долина Алая имѣетъ всего 120 верстъ длины и только 15—20 верстъ ширины, какъ корыто между двумя паралельными хребтами. Трава здѣсь мелкая, но богатая, безъ сорныхъ расте-

ній, и потому самыя худыя лошади поправляются въ двѣ недѣли. Высокіе снѣговые хребты окаймляютъ эту привольную долину и какъ бы сторожатъ ее исполинскою ратью. Самое названіе алай—значитъ строй, полкъ; у турокъ миръ-алай значитъ командиръ полка. Это не помѣшало Ѳ. Костенко окрестить Алай раемъ, будто бы по-каракиргизски [Изв. Имп. Геогр. Общ. 1877 г. стр. 249]. Впослѣдствіи и Памиръ перевели также раемъ; крышей міра и т. д., тогда какъ по-персидски па, а также пай значитъ нога, ступня, подножіе, по-турецки часть, удѣлъ, а миръ, меръ по-арабски значитъ человѣкъ; миръ—князь, господинъ, начальникъ [отсюда миръ-алай]. Если сравнить составное слово пайтактъ—столица [тактъ—значитъ престолъ] съ паимиръ, то вѣрнѣе будетъ перевести это слово: удѣлъ человѣка, слѣдъ господина, княжескій удѣлъ, мѣсто человѣка, а никакъ не крыша міра. Восточные писатели такъ и пишутъ паимиръ, а не памиръ.

Казалось бы, что можетъ быть лучше такой естественной границы, какъ Алайскій хребетъ? Въ смыслѣ обороны—да. Но въ смыслѣ наступленія—нѣтъ. Единственный по удобству перевалъ въ Кашгарію, а слѣдовательно и въ Индію по пути изъ г. Ошъ черезъ Гульчу, все-таки представляетъ значительныя трудности для движенія всѣхъ трехъ родовъ оружія, т. е. пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Слѣдуя иногда по узкимъ карнизамъ, въ одну нитку, вьючный обозъ неминуемо растягивается на десятки верстъ, такъ что при мало-мальски сильномъ отрядѣ авангардъ приходитъ на ночлегъ, когда аріергардъ еще не тронулся съ прежняго бивака... При такихъ условіяхъ, самый незначительный отрядъ непріятеля можетъ остановить наши войска и не позволить имъ выйти на плоскость. Поэтому Кауфманъ весьма дальновидно и основательно рѣшилъ занять выходъ съ перевала. Это и есть „научная“ граница, какъ окрестилъ ее Биконсфильдъ, а также „привиллегія не имѣть границъ“, по выраженію Раулинсона.—Въ этомъ мы опередили Англію. Основаніемъ для этого послужило то обстоятельство, что при Худоярѣ граница Коканскаго ханства шла нѣсколько за Алайскимъ хребтомъ, включая кочевья горныхъ киргизовъ. Въ послѣдніе годы однако Якубъ-бекъ преспокойно занялъ своими пикетами всю заалайскую мѣстность, не обращая вниманія на протесты Худояра, не поддержанные вооруженною силою. Отъ содѣйствія нашихъ войскъ Худояръ тогда отказался, какъ мы уже говорили выше.

Для переговоровъ о возстановленіи прежней границы и посланъ былъ капитанъ Куропаткинъ, съ которымъ комардированъ и штабсъ-капитанъ 11-го линейнаго баталіона Старцевъ, для съемки пути.

Какъ мы говорили выше, Куропаткинъ былъ сильно

раненъ 17 іюля и возвратился въ г. Ошъ. Только 7 октября онъ выступилъ, съ конвоемъ, изъ этого города и 13-го достигъ подошвы Терекъ-Дована. 14-го перевалилъ черезъ него, а 15-го былъ встрѣченъ кашгарскимъ пикетомъ на р. Кокъ-су, и ночевалъ на уроч. Ике-Икезякъ (два близнеца) въ юртахъ, выставленныхъ кашгарцами. Слѣдующіе ночлеги были: въ Иркештамѣ, Егинѣ, Улукчатѣ. Самый трудный путь былъ отъ Гульчи до Ике-Икезяка: нѣсколько лошадей пало, одна сорвалась съ карниза. Высота перевала, по барометрическимъ вычисленіямъ, оказалась въ 12,926 футовъ. Морозъ доходилъ до 15° по Реомюру, а ночевать приходилось въ палаткахъ. Начальники кашгарскихъ пикетовъ, на ночлегахъ, относились къ посольству весьма предупредительно: выставляли юрты, фуражъ, топливо и угощеніе.

Съ послѣдняго ночлега, еще 120 верстъ, пришлось идти горною страною, поднятою выше 7000 футъ. Одинъ изъ переваловъ,—Шуръ-булакскій,—достигаетъ 9,500 футъ. Выходъ изъ горъ лежитъ собственно въ 37 верстахъ отъ Кашгара, но послѣднія 95 верстъ дорога можетъ уже считаться колесною, при надлежащемъ исправленіи. Всего отъ Оша до Кашгара 373 версты, изъ нихъ отъ Гульчи до Кургашинъ-Кани, 210 верстъ, требуютъ огромныхъ работъ для проведенія колеснаго пути.

Въ Кашгаръ посольство прибыло 25-го октября, а 27-го представлялось сыну бадаулета, Бикъ-бачѣ, которому поднесены: револьверъ, золотые часы, кинжалъ съ поясомъ, 4 коврика и 7 халатовъ. Самого Якубъ-бека не было въ Кашгарѣ: онъ воевалъ съ ходжами Хакимъ-ханъ-тюря и другими, возставшими противъ него и собравшими значительныя скопища, недовольныхъ тяжелыми налогами. Кромѣ того и китайцы, наконецъ, собрались съ силами и заняли Манасъ, Шихо и Урумчи, къ которому Якубъ-бекъ и двинулся, почти со всѣми своими войсками. Двинувшись въ походъ, онъ оставилъ управлять Джиты-шаромъ Бикъ-бачу. Этотъ временный правитель былъ очень недоволенъ, что ему нѣтъ особаго письма отъ Кауфмана. Куропаткину говорилъ „т ы“, а переводчику штабсъ-капитану Сунаргулову сдѣлалъ замѣчаніе, чтобы тотъ сидѣлъ хорошенько. Посольство сидѣло на корточкахъ или, вѣрнѣе, на шпорахъ, испытывая довольно непріятное положеніе; Сунаргуловъ, съ позволенія Бикъ-бачи, перемѣнилъ было позу, но поза эта не понравилась...

Три дня Бикъ-бача приставалъ къ Куропаткину, чтобы онъ отдалъ ему письмо Кауфмана къ Якубъ-беку, увѣряя, что отецъ поручилъ ему вести переговоры; но Куропаткинъ на отрѣзъ отказалъ въ этомъ и требовалъ пропуска въ Аксу, для личнаго свиданія съ Якубъ-бекомъ, объявивъ, что въ противномъ случаѣ вернется назадъ, не приступая къ переговорамъ. На третій день Бикъ-бача самъ отправилъ отъ себя посольство къ Кауфману,

ничего не сказавъ Куропаткину, и оставилъ его въ покоѣ, хотя не особенно стѣснялъ въ посѣщеніи базара, бань, въ осмотрѣ казармъ, присутствіи на войсковыхъ ученьяхъ и т. п.

Наконецъ, 18-го ноября пришло письмо отъ Якубъ-бека, разрѣшавшаго проѣздъ къ нему посла, который 21-го числа и выѣхалъ въ Аксу. Этотъ городъ отстоитъ отъ Кашгара 440 верстъ. Посольство прошло это разстояніе къ 10 декабря, въ 20 дней, долиною Кашгаръ-дарьи, и нашло по дорогѣ, вмѣсто сплошныхъ песковъ, показанныхъ на картѣ 1875 г., сплошной лѣсъ по обѣ стороны пути, почти на 120 верстъ. 10-го января посольство прибыло въ гор. Курля, сдѣлавъ еще 490 верстъ, въ 19 переходовъ, а съ дневками—въ 24 дня. 11-го числа оно представилось Якубъ-беку, а черезъ нѣсколько дней начались переговоры о границѣ. Куропаткинъ потребовалъ, согласно инструкціи Кауфмана, чтобы отъ Семирѣченской области граница шла на укр. Улукчата, захвативъ, какъ это укрѣпленіе, такъ и посты позади него: Начрачалды, Шинъ и Иркештамъ. Якубъ-бекъ отвѣчалъ, что онъ хорошо сознаетъ свое безсиліе передъ могущественною Россіей и потому долженъ будетъ принять безпрекословно всякое рѣшеніе генералъ-губернатора, но проситъ, въ видѣ особаго снисхожденія, болѣе легкихъ условій. 31-го декабря переговоры окончились: Якубъ-бекъ сдался на требованія упрямаго капитана, но письменно увѣдомилъ, что пошлетъ вмѣстѣ съ нимъ и своихъ пословъ, „чтобы просить могущественнаго Ярымъ-падишаха сдѣлать мнѣ снисхожденіе и оставить въ моихъ рукахъ мѣста, объ устройствѣ которыхъ я заботился 14 лѣтъ. Если и на эту мою просьбу не будетъ согласія, то я совершенно предоставляю на усмотрѣніе туркестанскаго генералъ-губернатора назначать пограничную черту тамъ, гдѣ онъ признаетъ нужнымъ и пріиму всякое его рѣшеніе“.

На успѣхъ переговоровъ, безъ сомнѣнія, повліяло затруднительное положеніе бадаулета, отъ котораго безпрестанно перебѣгали къ китайцамъ даже его приближенные. Бѣжалъ, наконецъ, и казначей съ деньгами...

Откланявшись 6-го февраля, посольство выступило 7-го, но не черезъ Кульджу и Вѣрное, какъ предполагалось прежде, ради съемки нехоженнаго пути, а по старой дорогѣ. Зимой нѣтъ никакихъ сообщеній между Курля или Карашаромъ и Кульджею. Кромѣ того и бадаулетъ настоятельно просилъ ѣхать обратно черезъ Кашгаръ же, чтобы народъ зналъ о благополучномъ исходѣ переговоровъ, а иначе, не видя посольства, онъ подумаетъ, будто произошелъ разрывъ. Конечно, это все дипломатическія хитрости: Якубъ-бекъ отлично зналъ, что всѣ наши посольства производятъ попутно маршрутныя съемки и, понятно, желалъ помѣшать Куропаткину снять и другую дорогу. Тѣмъ не менѣе,

воротясь въ Аксу 24 февраля, Куропаткинъ отдѣлилъ отъ посольства Сунаргулова на Учъ-Турфанъ и Караколъ съ конвоемъ изъ 6 казаковъ и фельдшеромъ, а самъ пошелъ на Кашгаръ и Ошъ, старою дорогой, отдохнувъ 3 дня.

Еще въ Курля Куропаткинъ получилъ отъ какого-то турецкаго чиновника, присланнаго къ Якубъ-беку изъ Константинополя, интересныя свѣдѣнія о знаменитомъ нашемъ путешественникѣ Пшевальскомъ (его фамилію неправильно произносятъ и пишутъ у насъ русскими буквами Пржевальскій: несомнѣнно, что это польская передѣлка Перевальскихъ, но слогъ п р ж е произносится поляками, какъ „пше“). Чиновникъ-турокъ, по имени Заманъ-ханъ, прекрасно говорилъ по-русски и былъ командированъ Якубъ-бекомъ на встрѣчу Пшевальскому, когда тотъ прибылъ въ Курлю. Заманъ-ханъ очень сошелся съ нашимъ путешественникомъ, жилъ съ нимъ около двухъ мѣсяцевъ и сталъ горячимъ его поклонникомъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ доѣхалъ до озера Лобъ-Нора, къ Рождеству 1876 г., и тутъ разстался, убоясь зимней экспедиціи въ пустынныя горы, на охоту за дикими верблюдами.

Сунаргуловъ, къ 15 марта 1877 г., долженъ былъ пріѣхать изъ Каракола на почтовыхъ въ Ташкентъ, а самъ Куропаткинъ прибылъ туда же 6-го апрѣля. Письма его (въ дѣлѣ № 25 за 1876 г.) полны интересныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о регулярныхъ войскахъ Бадаулета, ихъ организаціи и вооруженіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, кромѣ англійскихъ пушекъ, заряжающихся съ казны и скорострѣльныхъ ружей Снайдера, подаренныхъ также англичанами, интересны еще китайскіе т а й ф у р ы: это легкія пушки, носимыя на плечахъ двумя человѣками, составляющими при выстрѣлѣ живой лафетъ; прислуга состоитъ также изъ двухъ человѣкъ—одинъ съ банникомъ, а другой съ пальникомъ, первый пробаниваетъ пушку и заряжаетъ ее, а второй наводитъ и стрѣляетъ. При китайцахъ тайфурчи имѣли собственное прикрытіе со значками, копьями и луками, одѣтое въ тигровыя шкуры, чтобы пугать лошадей. Якубъ-бекъ все это откинулъ и придалъ къ каждому тайфуру по одному стрѣлку съ фитильнымъ ружьемъ, а значки оставилъ только по одному на каждыя 5 тайфуровъ. Приблизительно такихъ батарей у него было до 28 со 140 тайфурами; по крайней мѣрѣ Куропаткинъ считалъ китайцевъ и дунганъ при тайфурахъ—всего 700 человѣкъ; значитъ, по пяти на пушку—выйдетъ 140, а по пяти пушекъ на значокъ—выйдетъ 28.

Посольство, отправленное Бадаулетомъ въ Ташкентъ, добилось одной важной уступки: Кауфманъ согласился отдать Кашгарскому владѣтелю укр. Улугчата, ограничившись Иркештамомъ, на 38 верстъ ближе къ перевалу. Посольство увезло съ собою проектъ договора и карту, но до самой смерти Якубъ-бека, въ

томъ же году, никакого отвѣта Кауфманъ не получилъ. Преемникъ Бадаулета, Бекъ-Кули-бекъ, также не отвѣтилъ Кауфману на его письмо, да ему было и не до того: ходжи, дрожавшіе передъ грознымъ коканскимъ выходцемъ, какимъ былъ его отецъ, — теперь возстали поголовно; а китайцы, пользуясь смутами, заняли наконецъ Кашгаръ. Кауфманъ не хотѣлъ вступать съ ними въ новые переговоры, будучи убѣжденъ, что они должны, почему-то, принять границу, установленную между нами и правительствомъ Якубъ-бека (рапортъ его военному министру отъ 8 іюля 1878 г. № 186, дѣло № 25 л. 142—145).

Китайцы однако смотрѣли на дѣло иначе и знать ничего не хотѣли о договорахъ нашихъ съ какимъ-то узурпаторомъ, котораго они никогда не признавали. Обычная китайская мѣра для понужденія насъ къ переговорамъ и уступчивости, — задержаніе нашихъ купеческихъ каравановъ и воспрещеніе торговать,—была принята и на этотъ разъ: прибывшіе въ Улучгата купцы наши были задержаны; купившимъ у нихъ что-нибудь приказано, подъ страхомъ смерти, возвратить купленное назадъ, а купцамъ велѣно возвратить деньги. Оправдывались китайцы тѣмъ, что подъ видомъ каравановъ, или съ ними, проникаютъ изъ Ферганы ихъ бѣглецы.

Кауфманъ немедленно распорядился выставить на Иркештамѣ отрядъ и построить тамъ укрѣпленіе. Губернаторомъ Ферганы былъ тогда Абрамовъ, такъ какъ Скобелевъ, узнавъ о приготовленіяхъ нашихъ къ войнѣ съ Турціей, поспѣшилъ уѣхать въ отпускъ, чтобы пристроиться въ Петербургѣ къ дѣйствующей арміи. Трудно сказать, чѣмъ бы кончились наши непріязненныя отношенія съ китайцами, если бы Иркештамская экспедиція была въ его рукахъ: весьма возможно, что онъ, не ожидая приказаній, поколотилъ бы китайцевъ и захватилъ бы Кашгаръ, предоставляя потомъ Кауфману отписываться, какъ знаетъ!

Абрамовъ двинулся въ Иркештамъ 3 іюля, съ 5 ротами, 3-мя сотнями и конногорной батареей; а на зиму долженъ былъ построить укрѣпленіе и оставить тамъ 2 роты, 1 сотню и 4 орудія, снабдивъ ихъ довольствіемъ по 1 мая 1879 года.

Прибывъ на мѣсто и пославъ нѣсколько съемочныхъ партій на разные перевалы, обозначенные на картѣ Куропаткина, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, Абрамовъ совершенно забраковалъ граничную черту. Въ длиннѣйшей телеграммѣ въ 1,039 словъ отъ 26 іюля (л. 157—165 дѣла № 25) онъ говоритъ о границѣ слѣдующее: „Проектированная Куропаткинымъ граница идетъ по хребтовой линіи отъ Суека до перевала Дунгарма; это не ясно: надо назвать всѣ перевалы, выговоривъ ихъ намъ. Перевала Дунгарма совсѣмъ нѣтъ, а есть въ верховьяхъ Дунгармы перевалъ Карачалъ. Затѣмъ по Дунгармѣ и Кокъ-су, до пересѣченія ея

Терекъ-даванской дорогой; это крайне неудобно, ибо проведя границу по рѣчкамъ, приходится долины этихъ рѣчекъ дѣлить пополамъ. Поведетъ къ стѣсненіямъ нашихъ кочевниковъ и недоразумѣніямъ.

„Далѣе граница идетъ по Терекъ-даванской дорогѣ до Иркештама,—то же неудобно; надо дорогу оставить въ нашихъ рукахъ, а границу отъ нея нѣсколько отдалить, ибо если одна сторона дороги будетъ наша, а другая китайцевъ, то тоже поводъ къ недоразумѣніямъ.

„Затѣмъ граница выходитъ на Иркештамъ и оттуда поворачиваетъ къ югу. Иркештама собственно теперь никакого нѣтъ, есть рѣчка Иркештамъ, по которой границу вести некстати, а самыя развалины бывшаго поста не имѣютъ значенія... На Иркештамѣ укрѣпленія поставить на двѣ роты и сотню — нельзя, по недостатку мѣста и другимъ причинамъ *). Возвожу небольшое укрѣпленіе для складовъ“...

Въ телеграммѣ отъ 7 августа Абрамовъ пишетъ, что и небольшого укрѣпленія для запасовъ строить не можетъ: грунтъ каменистый, одѣть укрѣпленія нечѣмъ; поэтому онъ рѣшилъ поправить брошенный кашгарскій постъ, а на одной изъ ближайшихъ высотъ поставить блокгаузъ—на два орудія.

Критикуя границу, Абрамовъ отлично зналъ, что Куропаткинъ въ ея грѣхахъ неповиненъ, такъ какъ онъ настаивалъ именно на лучшемъ пунктѣ для будущаго укрѣпленія и для стоянки сильнаго отряда, а именно на Улугчата, откуда теперь китайцы выгнали нашихъ купцовъ, а товары ихъ выкинули изъ лавокъ. Это грѣхъ Кауфмана, лично ведшаго переговоры въ Ташкентѣ и, на смиренномудріе Якубъ-бека, отвѣчавшаго крайне опрометчивымъ великодушіемъ...

Хотя нѣкоторые участки горной дороги отъ Гульчи были уширены взрывами еще при Скобелевѣ, но это было только началомъ, а тутъ еще, по спускѣ съ главнаго перевала, негдѣ поставить укрѣпленія...

Настоятельная нужда, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, настала для насъ въ 1878 году.

Мы уже говорили, вскользь, въ послѣдней главѣ хивинской экспедиціи о причинахъ, побудившихъ наше правительство пригрозить Англіи за ея поведеніе во время турецкой кампаніи 1877—79 годовъ. Теперь приведемъ нѣкоторыя подробности.

Присоединеніе богатѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ страны, какова Ферганская область, вполнѣ и даже съ избыткомъ окупающая издержки занятія, принесло и другую, весьма важную вы-

*) Крайне узкое ущелье, нѣтъ корма и топлива, тогда какъ въ Улугчатѣ все это въ изобиліи.

году: мы пріобрѣли превосходную базу для наступленія противъ Китая и даже противъ Остъ-индскихъ владѣній Англіи. Пріобрѣли и единственные съ этой стороны пути въ эти страны. Выгодами этими мы и воспользовались уже два раза: разъ въ 1878 году, при натянутыхъ отношеніяхъ съ Англіей, и разъ въ 1879 году, вслѣдствіе недоразумѣнія съ Китаемъ, по поводу возвращенія ему Кульджи. Наконецъ, черезъ Фергану мы перекинулись на Памиръ.

Въ заключеніе упомянемъ объ участи членовъ послѣдней ханской династіи. Худояръ-ханъ, высланный въ Оренбургъ, бѣжалъ оттуда при помощи стараго барантача Азбергеня въ Хиву.

Здѣсь его держать не стали и онъ пробрался черезъ Мервъ въ Гератъ, завелъ сношенія съ ферганскими киргизами, но вскорѣ умеръ.

Сынъ его Насръ-Этдинъ-ханъ умеръ въ Ташкентѣ, оставивъ 4 сыновей. Всѣ они получали въ 1899 году отъ русскаго правительства пенсію: старшій 1,164 р. въ годъ, второй—564 р., остальные двое по 360 р.; кромѣ того два внука отъ старшаго сына получаютъ также по 360 р. въ годъ; такимъ образомъ старшій сынъ получаетъ съ дѣтьми 1,884 рубля.

Въ 1898 г. потомство Насръ-этдинъ-хана возведено въ дворянское достоинство.

Одинъ изъ сыновей женился на дочери бывшаго шахрисябзскаго бека, нынѣ полковника Джура-бія, а внукъ на его племянницѣ.

Потомки прежнихъ династій, разные боковые родственники ихъ, и наконецъ, просто самозванцы безпрестанно объявляются въ Ферганѣ, мечтая, по примѣру своихъ прадѣдовъ, стать хоть на часъ ханами.

Приверженцевъ однако находятъ мало и дѣло ограничивается мелкими шайками, занимающимися грабежемъ и разбоями на проселочныхъ дорогахъ.

ГЛАВА XVII.

Демонстрація противъ Остъ-Индіи. Посольство генерала Столѣтова въ Афганистанъ. Смѣта Абрамова для Ферганскаго отряда. Составъ отрядовъ. Демонстрація подъ секретомъ не можетъ достигнуть цѣли. Сборъ войскъ въ Джамѣ. Ферганскій отрядъ не можетъ одолѣть переваловъ. Роспускъ отрядовъ. Неудовольствія съ китайцами. Письма Столѣтова съ дороги. Книга доктора Яворскаго, какъ дополненіе. Опасенія Столѣтова на ночлегахъ, среди афганскихъ солдатъ. Ночные переходы и невозможность съемки маршрута. Посольство несетъ съ собою смерть и разореніе. Торжественное вступленіе въ Кабулъ. Столѣтовъ зналъ уже, что наступательный договоръ не нуженъ. Эмиръ вспоминаетъ Виткевича и несчастія, постигшія его дѣда Достъ-Мухамеда изъ-за русскихъ. Недоразумѣніе изъ-за слова к а з а к ъ. Неудачные подарки. Эмиръ отвѣчаетъ деньгами. Отказъ посольства отъ денегъ. Куда онѣ дѣвались? Личные переговоры посла съ эмиромъ. Смерть наслѣдника престола. Вѣсть объ англійскомъ посольствѣ. Совѣтъ не принимать его. Почетный караулъ есть почетный арестъ. Договоръ 9-го августа съ эмиромъ. Односторонность договора. Внезапный отъѣздъ Столѣтова черезъ день. Правдивость этого „дипломата“. Невыносимое положеніе полковника Разгонова. Мысль о протекторатѣ надъ Афганистаномъ. Высочайшее повелѣніе послѣ о с о б а г о совѣщанія въ Ливадіи 18-го октября. Письмо Кауфмана Милютину. Шифрованная телеграмма и инструкція. Письмо Столѣтова къ афганскому везиру. Настойчивость Кауфмана и отвѣты Милютина. Увѣренность министра, что не мы ввели Кабульскаго эмира въ заблужденіе.

Крайне вызывающее поведеніе Англіи во время нашей войны съ Турціей въ 1877 году, а затѣмъ и на берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 г., естественно навело наше правительство на мысль воспользоваться нашими новыми позиціями въ Средней Азіи, относительная близость которыхъ къ англійскимъ владѣніямъ Остъ-Индіи давала возможность надѣлать англичанамъ достаточно хлопотъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ вмѣшательства въ чужія дѣла. Сильный съ виду флотъ изъ могучихъ броненосцевъ, маневрируя то у береговъ Греціи, чтобы удержать ее отъ объявленія войны Турціи, то у Дарданеллъ, чтобы не дать намъ занять Константинополя, вполнѣ достигъ обѣихъ цѣлей. Только по окончаніи войны съ Турціей, у насъ узнали, что Англія совершенно не была готова къ войнѣ и что, страшныя, по величинѣ и вѣсу, армстронговы пушки ихъ грозныхъ броненосцевъ, какъ напримѣръ 38-тонная пушка на броненосцѣ Thunderer, разрывались одна за другой, на учебной стрѣльбѣ, истребляя собственную прислугу.

Дошло до бунта: матросы отказались стрѣлять изъ этихъ орудій... Однако, англичане умѣютъ молчать, когда надо, и, затаивъ подъ броней страхъ передъ возможной бѣдой, продолжали пла-

вать съ прежнимъ грознымъ видомъ, разсчитывая, по примѣру китайцевъ, на одну декорацію.

Ни для кого не было секретомъ, что англичане помогали Турціи и деньгами, и боевыми припасами: нѣсколько сотъ тысячъ ружей и милліоны потроновъ, купленныхъ на англійскія деньги, переданы были Турціи въ долгъ; нѣсколько броненосцевъ, построенныхъ въ Англіи, сданы Турціи также въ долгъ. Англійскіе офицеры руководили карскою арміей Мухтара-паши. Это все, по англійскимъ понятіямъ, ничуть не противорѣчитъ международнымъ законамъ нейтралитета...

Въ отвѣтъ на англійскія демонстраціи флотомъ, у насъ рѣшено было произвести демонстрацію сухопутными войсками, къ сторонѣ Остъ-Индіи, какъ наиболѣе уязвимой части англійскихъ владѣній. Добраться до Индіи, съ тогдашнихъ нашихъ позицій, мы могли чрезъ бухарскія владѣнія и Афганистанъ. Бухарскій эмиръ давно уже примирился съ ролью русскаго губернатора и потому безпрекословно согласился пропустить наши войска къ афганской границѣ. Оставалось только условиться съ афганскимъ эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ.

Нейтралитетъ Афганистана, о которомъ столько хлопотали англичане, былъ нарушенъ, ими же самими, занятіемъ Келата и Кветты. Это возбудило, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, сильное неудовольствіе въ афганцахъ. Почва для переговоровъ была, значитъ, подготовлена.

Въ качествѣ посла, присланъ былъ изъ Петербурга генералъ-маіоръ генеральнаго штаба Николай Григорьевичъ Столѣтовъ, знакомый уже намъ по Красноводску.

Въ предписаніи отъ 26-го мая 1878 г. за № 4407, генералъ фонъ-Кауфманъ далъ Столѣтову нѣсколько указаній, причемъ цѣлью посольства опредѣлилъ скрѣпленіе съ афганскимъ эмиромъ нашихъ дружественныхъ отношеній, выясненіе ему „всѣхъ оттого для него происходящихъ выгодъ“ и заключенія, „если то окажется возможнымъ, съ нимъ союза, на случай вооруженнаго столкновенія нашего съ Англіей“. Упомянувъ затѣмъ о несогласіяхъ эмира съ индійскимъ правительствомъ изъ-за Келата и Кветты, Кауфманъ продолжаетъ такъ: „при такомъ положеніи дѣлъ, командированіе вашего превосходительства къ эмиру афганскому имѣетъ главною цѣлью поддержаніе въ эмирѣ недовѣрія къ дѣйствіямъ англичанъ и поощреніе къ дальнѣйшему сопротивленію попыткамъ ихъ утвердиться въ Афганистанѣ. Ваше превосходительство можете объяснить Ширъ-Али-хану, что императорское правительство, всегда смотрѣло на Афганистанъ, какъ на оплотъ противъ посягательствъ англійской политики на независимость Средне-азіятскихъ владѣтелей, и что оно расположено оказывать, съ своей стороны, поддержку стремленіямъ эмира, противодѣй-

ствовать такимъ посягательствамъ. Само собою разумѣется, что въ мирное время, поддержка эта можетъ состоять въ представленіяхъ съ нашей стороны лондонскому кабинету, о необходимости сохраненія независимости афганистанскаго владѣтеля, а въ случаѣ вооруженнаго столкновенія нашего съ Англіей, мы можемъ оказать поддержку фактически. Вслѣдствіе сего эмиръ не долженъ смотрѣть на сосредоточеніе нашихъ войскъ на Аму-дарьѣ, какъ на демонстрацію, враждебную Афганистану, а какъ на силу ему дружелюбную, на которую онъ можетъ смѣло опереться въ томъ случаѣ, если бы пожелалъ воспользоваться нынѣшними, крайне для него благопріятными обстоятельствами и положить предѣлъ дальнѣйшимъ посягательствамъ англичанъ, на вмѣшательство во внутреннія дѣла Афганистана". Далѣе Столѣтову рекомендуется разъяснить эмиру разницу между политикой Россіи и Англіи: мы не подкупаемъ ни самихъ владѣтелей, ни ихъ главныхъ совѣтниковъ, не стремимся поработить сосѣднія страны въ политическомъ и промышленномъ отношеніяхъ, напротивъ, мы поддерживаемъ законную власть хановъ, вошедшихъ съ нами въ дружественныя отношенія, и не обращаемъ ихъ въ пенсіонеровъ. Англійской щедрости надобно не только не довѣрять, но просто бояться ея. Афганистану предстоитъ сдѣлаться англійскимъ резиденствомъ, а если эмиръ съумѣетъ воспользоваться нашимъ столкновеніемъ съ Англіей, то можетъ стать главою могущественнаго мусульманскаго царства, унаслѣдовавъ роль и значеніе турецкаго султана, который потерялъ теперь свое мѣсто въ мусульманскомъ мірѣ, благодаря подкупу англичанами сановниковъ и совѣтниковъ послѣднихъ султановъ.

Но если мы считаемъ унизительнымъ для обѣихъ сторонъ подкупъ владѣтелей, то „это не значитъ, чтобы мы не захотѣли или бы не были въ состояніи помочь союзнику и денежными средствами, если въ томъ дѣйствительно представится ему нужда"... Въ случаѣ благопріятнаго исхода нашего столкновенія съ Англіей, эмиръ можетъ разсчитывать на возстановленіе старой восточной границы Афганистана и подчиненіе ему Белуджистана.

Затѣмъ шли второстепенныя указанія на необходимость уясненія себѣ значенія эмира въ странѣ, на необходимость заготовить для нашихъ войскъ провіантъ и фуражъ (на 30 тысячъ человѣкъ и 5 тысячъ лошадей) и, наконецъ, напоминаніе о собираніи свѣдѣній и справокъ, присущихъ всякой рекогносцировкѣ.

Столѣтовъ долженъ былъ подъискать людей, „которые были бы способны служить намъ эмиссарами для распространенія партіи враждебной англичанамъ".

Далѣе Столѣтову предписывалось „по прибытіи въ Кабулъ и по разъясненіи отношеній нашихъ съ эмиромъ.. вернуться для личнаго доклада мнѣ... затѣмъ, по всей вѣроятности, вамъ при-

дется возвратиться опять въ Кабулъ, чтобы, такъ сказать, не только удерживать, но и распространять тамъ наше вліяніе".

Ему разрѣшалось наконецъ не только подавать совѣты во вредъ Англіи, но и принять на себя командованіе афганскими войсками. Буквально въ предписаніи сказано объ этомъ такъ: „но и принять на себя завѣдываніе или командованіе тою частію средствъ или силъ страны, которая вамъ, по соглашенію съ эмиромъ, покажется болѣе всего важною въ оборонительномъ или наступательномъ отношеніи противъ Англіи".

Для обстановки и представительности, а также для подробнаго и обстоятельнаго исполненія порученія, въ составъ миссіи назначенъ полковникъ генеральнаго штаба Разгоновъ, врачъ Яворскій, классный топографъ Бендерскій, переводчики: подпоручикъ Назировъ, Заманъ-бекъ, чиновникъ Малевинскій, фельдшеръ и 22 казака. Кто изъ нихъ назначался для „обстановки", а кто для дѣла, угадать трудно.

Подъемныя назначены были нищенскія: Столѣтову 350 руб., Разгонову 250 руб. остальнымъ чиновникамъ по 200 р., фельдшеру 80 р., казакамъ ничего. Столѣтову суточныхъ по 10 руб., Разгонову по 5 р., остальнымъ по 3 р., фельдшеру и уряднику по 50 коп., казакамъ по 30 коп., Бендерскому, на часы дано еще 30 руб. На экстрадинарные расходы дано Столѣтову 3000 руб. и на подарки 1000 руб. Такимъ образомъ единовременно отпущено было на всю миссіи 5,460 руб., да прогоны по положенію.—Это для перваго посольства въ страну мало извѣстную, да еще съ цѣлію подорвать въ конецъ вліяніе богатой Англіи!

Какъ увидимъ впослѣдствіи, это нищенское снаряженіе русскаго посольства повело за собой вторженіе англичанъ въ Афганистанъ и всѣ бѣдствія этой злополучной страны.

Подчеркнутыя нами выраженія инструкціи, повидимому, ясно указывали Столѣтову, что онъ можетъ обѣщать эмиру всякую помощь съ нашей стороны только въ случаѣ нашего столкновенія съ Англіей, а въ случаѣ столкновенія съ нею самого Афганистана вся помощь наша ограничивалась совѣтами Столѣтова и въ крайности руководительствомъ его афганскими войсками...

Какъ понялъ эту инструкцію Столѣтовъ, видно будетъ изъ текста заключеннаго имъ съ Ширъ-Али ханомъ договора.

Въ письмѣ къ эмиру, которое долженъ былъ доставить Столѣтовъ, говорилось слѣдующее: „Настоящія наши отношенія къ Англіи имѣютъ такой большой интересъ для вашей страны, что не имѣя возможности видѣться съ вами, я посылаю къ вамъ довѣренное лицо, генералъ-маіора Столѣтова. Генералъ Столѣтовъ, издавна мнѣ отлично извѣстный, особенно отличившійся въ

послѣднюю турецкую войну, лично извѣстный нашему августѣйшему государю императору, передастъ вашему высокостепенству всѣ мои соображенія; прошу васъ сообразить все, имъ вамъ сказанное, вѣрить всѣмъ его словамъ, какъ моимъ собственнымъ, и дать мнѣ съ нимъ же, по всѣму этому, обязательный отвѣтъ. Здѣсь могу сказать вашему высокостепенству только одно, что если искреній и дружественный союзъ съ вами будетъ полезенъ для насъ, то такой союзъ много разъ былъ бы полезнѣе для васъ“ *).

Прежде всего посольство должно было исходатайствовать пропускъ нашихъ войскъ чрезъ афганскія владѣнія. Предполагалось сначала идти изъ Кокана чрезъ Кашгаръ, изъ Самарканда чрезъ Кабулъ, а со стороны Хивы и Красноводска чрезъ Мервъ, Гератъ и Кандагаръ. Самый трудный и длинный путь былъ послѣдній, но послѣ хивинскаго похода насъ уже не пугали ни разстоянія, ни безводныя пустыни, ни дикіе кочевники. Такъ какъ посольство наше завязло въ Кабулѣ на полгода, то для избѣжанія скачковъ въ изложеніи хода переговоровъ и событій въ Афганистанѣ, мы займемся сначала нашими военными приготовленіями къ походу въ Индію, которыя и начались, и стали не нужными ранѣе прибытія посольства въ Кабулъ. Въ сущности говоря, съ отмѣной диверсіи нашей къ сторонѣ Индіи, посольство становилось уже ненужнымъ, но если воротить его, за неимѣніемъ телеграфнаго сообщенія, было уже невозможно, то послать въ догонку новыя инструкціи—непремѣнно слѣдовало. Объ отмѣнѣ похода Кауфманъ узналъ 9-го іюля; посольство прибыло въ Кабулъ только 29-го; нарочные проходили разстояніе отъ Самарканда до Кабула въ двѣ недѣли: значитъ остановить дипломатическіе порывы Столѣтова было еще возможно.

Итакъ предположено было двинуть три отряда: къ Кашгару, Афганистану и Мерву. Первый изъ Ферганской области, чрезъ Алайскій хребетъ, второй со стороны Самарканда, чрезъ Джамъ, на Келифъ и Ширабадъ (на Аму-дарьѣ) и третій отъ Хивы, вверхъ по Аму-дарьѣ, черезъ Чарджуй. Всѣ предварительныя сношенія между главными распорядителями велись въ глубокой тайнѣ.

Кауфманъ переписывался, большею частію, собственноручно и гдѣ надо шифромъ. Въ это время Скобелева не было уже въ краѣ: какъ токько начались приготовленія къ войнѣ съ Турціей, онъ отпросился въ отпускъ въ Петербургъ и пристроился къ арміи, назначенной для дѣйствій въ Европейской Турціи. Новый военный губернаторъ Ферганской области генералъ-маіоръ

*) Вся переписка по поводу посольства Столѣтова заключается въ дѣлѣ канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора за 1878 г. № 63.

Абрамовъ, въ письмѣ отъ 20 марта 1878 г., сообщилъ Кауфману, что если походъ на Кашгаръ займетъ два мѣсяца, то для его отряда изъ 8 ротъ, 5 сотенъ, 8 конно-горныхъ орудій и дивизіона ракетной батареи, считая со штабомъ и прислугой 2,300 человѣкъ и 1,200 лошадей, потребуется:

Сухарей по 2 фун. на человѣка	6,900 пуд.
Крупъ по $^3/_{30}$ гарнца	1,725 „
Ячменя по 10 фун.	18,000 „

А всего продовольствія—26,625 пудовъ, на подъемъ которыхъ потребуется 4,437 лошадей. Затѣмъ подъ патроны, хозяйственныя принадлежности, лазаретъ и проч. потребуется до 470 лошадей. Итого 4,900 лошадей.

При движеніи по горнымъ дорогамъ, иначе слѣдовать нельзя, какъ въ одну лошадь, а считая на каждую лошадь, съ проводникомъ, около двухъ саженъ,—вьючный обозъ растянется на 20 верстъ. Такимъ образомъ половина отряда обратится въ прикрытіе обоза и, когда авангардъ придетъ на новый ночлегъ, аріергардъ только что тронется съ прежняго бивака. Очевидно, что такой порядокъ движенія совершенно невозможенъ, и потому Абрамовъ предлагалъ взять только мѣсячный запасъ для людей и, въ разсчетѣ на подножный кормъ, уменьшить запасъ ячменя даже и противу мѣсячной пропорціи, взявъ его только на 20 дней. Такимъ образомъ сухарей потребовалось бы только 3,450 пуд., крупъ 863 пуд. и ячменя 6,000 пуд., а всего 10,313 пудовъ, на 1,718 вьюковъ; а съ патронами, лазаретомъ и проч. 2,188 вьюковъ. При этомъ, конечно, имѣлось въ виду воспользоваться средствами Кашгаріи, для пополненія недостающихъ запасовъ; но для обезпеченія отряда отъ всякихъ случайностей надо двинуть, черезъ 7 дней, послѣ его выступленія изъ Гульчи, второй транспортъ изъ Оша, такой же силы, и сложить его въ укр. Улугчата, въ 133 верстахъ за Гульчей, гдѣ образовать опорный пунктъ, съ гарнизономъ изъ 1 роты, 1 сотни и ракетнаго дивизіона, которыя надо взять отдѣльно отъ отряда. На гарнизонъ этотъ, въ 350 человѣкъ и 200 лошадей, потребуется особо на 2 мѣсяца: сухарей 1,050 пуд., крупы—262 пуд. и ячменя 3,000 пуд.; всего 4,312 пудовъ на 717 вьюковъ. Такимъ образомъ второй транспортъ потребуетъ $1{,}718 + 717 = 2{,}435$ вьючныхъ лошадей. Для найма 2,188 лошадей отряда и перваго транспорта потребуется 65,000 руб. въ мѣсяцъ, а для найма 2,435 лошадей втораго транспорта, отъ Оша до Улугчата, считая весь ходъ его, съ нагрузкой, въ 18 дней—потребуется до 36,000 руб. Если бы потребовалось двинуть мѣсячный запасъ отсюда въ Кашгаръ, то за 6 дней ходу на 1,718 лошадей, потребуется еще 10,500 руб. Плата разсчитана была по 1 рублю въ день, какъ высшая норма въ Фер-

ганской области. При этомъ не принималось въ разсчетъ, что вьючныя лошади, освобождающіяся отъ клади ежедневно, вслѣдствіе потребленія отрядомъ дневной дачи, будутъ отпускаться, а такихъ, напримѣръ, въ отрядѣ и первомъ транспортѣ было бы приблизительно 57 лошадей.

Кромѣ того, на покупку веревокъ, мѣшковъ, войлоковъ и проч., для устройства вьюковъ,—требовалось отъ 10 до 15,000 рубл.

Въ видахъ равномѣрности распредѣленія будущихъ наградъ, Абрамовъ предлагалъ сформировать два сборныхъ баталіона, взявъ по одной ротѣ изъ 2-го, 7-го и 16-го и по двѣ роты изъ 4-го, 14-го и 15-го линейныхъ баталіоновъ; а казаковъ—по три сотни отъ 3-го Оренбургскаго и 5-го Своднаго казачьихъ полковъ. Считая, что всѣ эти части могутъ собраться на 15-й день въ Гульчѣ, послѣ полученія приказа, Абрамовъ просилъ дать ему приказъ за 17 дней до назначеннаго срока; а какъ въ магазинахъ Оша и Андижана имѣлось на лицо сухарей только 700 четвертей, т. е. до 3,600 пудовъ, то роты должны были взять мѣсячные запасы изъ своихъ частей, а чего недостанетъ,—взять изъ названныхъ магазиновъ, а части точасъ сами должны будутъ начать выпечку сухарей, для пополненія своего 8-дневнаго запаса, отданнаго въ роты, назначенныя въ походъ. Роты и сотни эти нанимаютъ вьючныхъ лошадей подъ провіантъ, фуражъ и прочее, въ мѣстахъ своихъ стоянокъ, чѣмъ облегчается и самая операція, такъ какъ одинъ Ошскій уѣздъ не ногъ бы выставить всего числа лошадей, за нормальную цѣну. Но такой порядокъ требовалъ дополнительнаго расхода на путь до Гульчи по слѣдующему разсчету:

1	рота	изъ	Кокана	за 14 дней ходу	1,050 руб.
1	„	„	Андижана	за 8 „ „	600 „
1	„	„	Намангана	„ 14 „ „	1,050 „
2	„	„	Оша	„ 5 „ „	750 „
4	„	„	Маргелана	„ 10 „ „	3,000 „
3	сотни	„	Маргелана	„ 10 „ „	1,800 „
3	„	„	Андижана	„ 8 „ „	1,440 „
				Итого	9,690 руб.

Къ числу дней хода, по маршрутамъ, прибавлено по 2 дня на приготовленіе къ походу. Артиллерійскія части получаютъ фуражъ и вьючныхъ лошадей въ Ошѣ.

Отъ Гульчи отрядъ идетъ двумя эшелонами до Улугчата складываетъ здѣсь лишнія тяжести, оставляетъ гарнизонъ, беретъ запасы на 17 дней, идетъ въ 6 переходовъ до Кашгара и тутъ, съ запасами на 7 дней, можетъ ждать подвоза изъ Улугчата, если въ Кашгарѣ не найдетъ продовольствія.

Чтобы не поднять сразу цѣнъ на ячмень, котораго въ интендантскихъ складахъ не было, Абрамовъ просилъ разрѣшенія начать покупку теперь же, понемногу, и въ трехъ пунктахъ: Ошѣ, Андижанѣ и Маргеланѣ; выпечку 3,500 пудовъ сухарей въ частяхъ войскъ также просилъ разрѣшить начать немедленно. Это все Кауфманъ и разрѣшилъ, но убавилъ 3 роты и 3 сотни; да въ зависимости отъ новыхъ указаній свыше, измѣнилъ и назначеніе отряда: Кашгаръ былъ оставленъ въ покоѣ и Ферганскій отрядъ, собравшись въ Маргеланѣ, долженъ былъ идти чрезъ Каратегинъ, также на Аму-дарью, въ сторону Афганистана. 10-го и и 13-го апрѣля Милютинъ увѣдомилъ о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи насчетъ сформированія и высылки отрядовъ къ Ширъ-Абаду и Мерву, усиленія войскъ Туркестанскаго края, заключенія договора съ Афганистаномъ и отправленія эмиссаровъ въ Афганистанъ и сѣверную часть Остъ-Индіи. Сдѣлавъ тотчасъ секретныя распоряженія о сборѣ запасныхъ и мобилизаціи, по первой телеграммѣ Милютина, отъ 10 апрѣля, Кауфманъ послалъ 7 мая начальнику главнаго штаба телеграмму объ усиленіи войскъ Туркестанскаго края Оренбургскими и Сибирскими казачьими полками и 13-го мая получилъ шифрованный отвѣтъ, что въ случаѣ надобности ему пришлютъ льготные полки: два Оренбургскихъ и три Сибирскихъ. На другой же день отданъ приказъ по округу о сформированіи трехъ дѣйствующихъ отрядовъ: главнаго — въ Самаркандѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Троцкаго; Ферганскаго — въ Маргеланѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Абрамова; и Аму-дарьинскаго—въ Петро-Александровскѣ, подъ начальствомъ полковника Гротенгельма.

Въ составъ главнаго отряда входили: 3-й, 5-й, 6-й 9-й и Сводный *) Туркестанскіе и 3-й Западно-Сибирскій линейные баталіоны; двѣ роты 17-го Туркестанскаго линейнаго, вся стрѣлковая бригада изъ 4-хъ баталіоновъ и саперная рота, затѣмъ 4-й сводный Оренбургско-казачій полкъ (по 4 сотни отъ 2-го и 3-го Оренбургскихъ и 1-го Сибирскаго казачьихъ полковъ); 1-я сотня отъ 5-го Своднаго казачьяго полка; 1-я и 3-я батарея и дивизіонъ 2-й батареи 1-й Туркестанской артиллерійской бригады, подвижная учебная батарея, 1-я и 5-я Оренбургскія конно-казачьи батареи и 1 ракетная.

Ферганскій отрядъ состоялъ: изъ шести стрѣлковыхъ ротъ разныхъ линейныхъ баталіоновъ, трехъ сотенъ 5-го Своднаго полка, шести орудій конно-горной и дивизіона ракетной батареи.

---

*) Изъ 4-хъ ротъ 14-го и 15-го линейныхъ баталіоновъ Ферганской области, по выбору Абрамова; стрѣлковые баталіоны имѣли также по 4 роты; линейные—по пяти.

Аму-дарьинскій отрядъ состоялъ изъ 6-ти ротъ, 2-хъ сотенъ и 4-хъ орудій.

Главный отрядъ идетъ къ Джаму (въ 64-хъ верстахъ южнѣе Самарканда); Ферганскій, чрезъ Вуадиль, въ долину Кизилъ-су, черезъ Каратегинскія владѣнія: наконецъ, Аму-дарьинскій къ Чарджую. Всѣмъ тремъ отрядамъ приказано идти затѣмъ „и далѣе по даннымъ имъ указаніямъ“, о которыхъ вслухъ говорить не хотѣли.

Войскамъ приказано взять первые мундиры, по двѣ пары запасныхъ сапогъ, кошмы по 1½ аршина на человѣка и сухарный запасъ на 8 дней... Англійская армія одѣта щегольски, нельзя и намъ идти къ ней отрепанцами, какъ въ Хиву.

Въ тотъ же день Гротенгельму предписано было идти правымъ берегомъ къ Чарджую, если въ Хивѣ все спокойно, а тяжести везти на пароходахъ „Самаркандъ“ и „Перовскій“ съ баржами. Отрядъ его долженъ былъ войти въ связь съ Красноводскимъ отрядомъ генералъ-маіора Ломакина, идущаго вдоль сѣверной границы Персіи къ Мерву. Если въ Чарджуѣ станетъ извѣстно о занятіи кавказцами Мерва, то Гротенгельмъ идетъ туда же; если кавказцы не дойдутъ, то Гротенгельмъ продолжаетъ идти вверхъ по Аму до Келифа и тамъ ждетъ приказаній. Для переправы чрезъ Аму у Келифа, пароходы должны взять съ собой на буксиръ всѣ кауфманки и, сколько могутъ вести, противъ теченія, каюковъ.

Вслѣдъ за этими распоряженіями, Кауфманъ обратился къ военному министру съ просьбой выслать телеграфныя принадлежности на 340 верстъ, для связи отряда съ Самаркандомъ. 19 числа онъ получилъ отъ Милютина шифрованную телеграмму слѣдующаго содержанія: „Предположенъ составъ Красноводскаго отряда всего: 4 баталіона и 6 сотенъ: онъ будетъ готовъ черезъ 1½ мѣсяца (начало іюля). Слабый отрядъ не можетъ предпринять дальняго похода, а потому о занятіи Мерва не можетъ быть теперь и рѣчи. Вообще цѣль дѣйствій отрядовъ: прикрытіе нашихъ предѣловъ и демонстраціи. Отряду Гротенгельма также не слѣдуетъ предпринимать дальнихъ рискованныхъ движеній. Въ особенности обратите вниманіе на сказанное въ отзывѣ моемъ 13-го апрѣля № 10 относительно Афганистана. Установленіе съ нимъ дружественныхъ отношеній испугаетъ Англію болѣе, чѣмъ всякія движенія нашихъ отрядовъ“.

Итакъ, всѣ хлопоты туркестанцевъ шли въ пустую... Прикрывать предѣлы было незачѣмъ, потому что англичане серьезно къ намъ не собирались, а для демонстраціи не для чего было секретничать и сноситься шифромъ. Наоборотъ, слѣдовало шумѣть какъ можно болѣе. Двадцать барабанщиковъ подъ Арколе надѣлали столько шуму, что дѣйствительно отвлекли вниманіе

австрійцевъ отъ настоящаго пункта атаки. „Десять человѣкъ, которые говорятъ, производятъ больше шуму, чѣмъ десять тысячъ, которые молчатъ“...—говаривалъ Наполеонъ I.

Для удешевленія затѣянной демонстраціи, Кауфманъ послалъ въ Карши, къ бухарскому эмиру, дипломатическаго чиновника Вейнберга, который долженъ былъ склонить эмира не только пропустить наши отряды чрезъ свои владѣнія, но и выставить запасы продовольствія и фуража, чтобы войскамъ нашимъ не для чего было тащить съ собою по горамъ огромные транспорты. А для установленія дружественныхъ отношеній къ Афганистану, послано туда посольство, съ генералъ-маіоромъ Столѣтовымъ во главѣ.

24 мая Кауфманъ телеграфировалъ Милютину, шифромъ же, слѣдующее:

„Командированный мною бухарскому эмиру дипломатическій чиновникъ Вейнбергъ доноситъ: Сеидъ-Музафаръ охотно соглашается исполнить всѣ мои требованія о свободѣ движенія отряда чрезъ его владѣнія и содѣйствовать снабженію провіантомъ и фуражемъ. Эшелоны начнутъ движеніе къ Джаму 1-го іюня, отъ Джама къ Аму, по сборѣ передового отряда,—перваго іюля; изъ Ферганы, чрезъ Алай, предполагается выступленіе 20 іюня, день выступленія Аму-дарьинскаго отряда еще не опредѣляю; флотилія, вверхъ по Аму-дарьѣ приготовлена; посольство въ Кабулъ генерала Столѣтова частію отправлено Самаркандъ; послѣдніе чины выѣзжаютъ сегодня“.

Какъ всегда, наши отряды сопровождала ученая экспедиція, на этотъ разъ изъ зоолога Ошанина и садовода Невѣскаго, каждому изъ которыхъ даны по три казака для конвоя и собиранія образцовъ.

Ферганскій отрядъ однако выступилъ не 20, а 16 іюня, согласно представленія Абрамова, что задержать 2600 вьючныхъ лошадей, на 4 дня, невозможно, по недостатку корма; а снѣгъ на перевалѣ Кара-казыкъ не дозволяетъ двигать ночью болѣе 600 лошадей заразъ. Кауфманъ сначала разрѣшилъ это, но черезъ девять дней послалъ другую телеграмму: „Насиловать перевала нельзя при дурной погодѣ. Весь отрядъ слѣдуетъ тотчасъ повернуть назадъ и лошадей распустить. Крайности нѣтъ. Ѣду завтра Самаркандъ. Будетъ нужно, притяну отрядъ къ Самарканду. Теперь можно обойтись. Расположитесь ближе къ Маргелану лагеремъ“.

Такая перемѣна вызвана была новыми свѣдѣніями о состояніи перевала. Для расчистки перевала посланы были туземцы, но вдругъ въ іюнѣ, особенно съ 17 числа, повалилъ снѣгъ—явленіе весьма рѣдкое—и за ночь уничтожилъ всю дневную работу. Идти было можно только отъ 3 до 7 часовъ утра; за это время можно было перенести на рукахъ до 300 вьюковъ. Для

всего отряда потребовалось бы 10 дней, и то, если не случится вьюга, которая, на высотѣ 14, 400 ф., могла бы повести къ катастрофѣ.

Абрамовъ осмотрѣлъ лично перевалъ Кара-казыкъ и нашелъ, что всѣ тяжести придется переносить на рукахъ съ крайнимъ утомленіемъ людей и потерей времени. Воспользовавшись двумя сухими днями, онъ перевалилъ только двѣ роты съ инженернымъ паркомъ. Остальной отрядъ повернулъ назадъ въ г. Ошъ, оставивъ по пути, въ Вуадилѣ, артиллерійскій паркъ и роту пѣхоты. Затѣмъ изъ Оша онъ выступилъ, согласно прежнему предположенію, по дорогѣ на Кашгаръ, черезъ Гульчу, чтобы построить укрѣпленіе въ Иркештамѣ. Это вызвано было враждебнымъ отношеніемъ китайскихъ властей на границѣ.

Кауфманъ прибылъ въ Самаркандъ 26 іюня и встрѣченъ былъ здѣсь сыномъ бухарскаго эмира, гузарскимъ бекомъ Тюря-джаномъ, съ надлежащій свитой изъ остальныхъ пограничныхъ бековъ.

Къ 5 іюля, къ Джаму пришли послѣдніе эшелоны, выступившіе изъ Ташкента и Маргелана въ началѣ іюня. Ташкентскія войска были нѣсколько задержаны подъ Чиназомъ, гдѣ устроена была паромная переправа: канатъ, натянутый воротомъ въ тугую лопнулъ, а паромъ унесло далеко верстъ на тридцать. Далѣе ташкенцы шли десятью небольшими эшелонами, чтобы пройти голодную степь отъ Чиназа до Джизака, безъ особыхъ затрудненій относительно воды. Пройдя степь и дойдя до почтовой станціи Агачты, куда проведенъ былъ арыкъ съ прѣсною водой, каждый эшелонъ отправлялъ, на почтовыхъ, данные ему бурдюки и боченки назадъ въ Чиназъ для слѣдующаго эшелона.

За несостоявшимся движеніемъ Ферганскаго отряда, къ Амударьѣ могли быть двинуты только изъ Джама и Петро-Александровска: 54 роты, 22 сотни, 6 батарей (44 орудія), ракетная батарея и мортирная полупудовая батарея. Походные лазареты сформированы были въ обоихъ отрядахъ: въ первомъ на 160, а во второмъ на 50 мѣстъ. Кромѣ того, въ Самаркандѣ—запасный, на 160 кроватей. Туркестанское общество краснаго креста выслало въ Самаркандскій госпиталь всѣ средства еще на 100 кроватей. Всего, значитъ, кромѣ госпиталей, къ услугамъ будущихъ больныхъ и раненыхъ имѣлось 470 кроватей. Патроновъ и зарядовъ состояло въ паркахъ и частяхъ войскъ по 3 комплекта; казаки имѣли по четыре комплекта. Вызванные изъ запаса нижніе чины составили 15 ротъ: въ Ташкентѣ и Петро-Александровскѣ—по двѣ, въ Самаркандѣ и Вѣрномъ по четыре и въ Ферганѣ—3.

Такимъ образомъ часть программы была выполнена. Пароходы, впрочемъ, оказались неспособными выгрести противъ теченія, съ нагруженными баржами, и задержали Аму-дарьинскій отрядъ до

15 іюля; да и то онъ повлекъ за собой каюки бичевою, вольнонаемными туземцами. Что касается сношеній съ афганскимъ эмиромъ и высылки нашихъ эмиссаровъ, то вотъ что писалъ Кауфманъ Милютину въ рапортѣ отъ 15 мая за № 4073 (л. 3—7 дѣла № 28):

„На-дняхъ я получилъ отвѣтъ на мое письмо, посланное еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ афганскому эмиру, съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, для поддержанія добрыхъ между нами отношеній. Отвѣтъ эмира очень любезный, но не заключаетъ никакого намека на отношенія его къ англичанамъ, несмотря на то, что въ январѣ мѣсяцѣ отправлено мною письмо къ Ширъ-Али-хану уже съ вопросомъ объ этомъ.

„Хотя Ширъ-Али получилъ январьское мое письмо, но отвѣтилъ лишь на сентябрьское, никакого вопроса не заключавшее. Такая медленность въ перепискѣ есть обычный пріемъ Ширъ-Али-хана: онъ иначе не отвѣчаетъ на посланія, какъ по прибытіи новаго посланнаго.

„Я полагаю, по пріѣздѣ сюда генерала Столѣтова, отправить его въ Кабулъ, поручивъ ему поставить категорическій вопросъ кабульскому эмиру о томъ, какія ему угодно будетъ установить отношенія къ намъ, выставить всѣ выгоды доброй дружбы съ нами и союза и, въ то же время полагаю двинуть отрядъ къ Ширъ-абаду или къ Аму-дарьѣ; если же отвѣтъ Ширъ-Али будетъ намъ неблагопріятный, то есть, если онъ отвергнетъ нашу дружбу и союзъ, то тогда мы имѣемъ могучее, повидимому, средство начать съ нимъ борьбу, въ лицѣ Абдурахманъ-хана; тогда для нравственной поддержки этого претендента, наше движеніе впередъ къ Ширъ-абаду, а затѣмъ, быть можетъ, и далѣе, получитъ еще большую важность. Имя Абдурахманъ-хана очень популярно въ Афганистанѣ, въ особенности въ сѣверной его части...

„Что касается посылки эмиссаровъ, то я долженъ заявить вашему высокопревосходительству, что въ краѣ нѣтъ такихъ людей, на которыхъ можно было бы возложить какія-либо серьезныя политическія порученія, въ сѣверо-западной части Индіи, съ шансами на успѣхъ. То другой міръ, почти невѣдомый для обитателей здѣшняго края.

„По всей вѣроятности, такихъ людей укажетъ Ширъ-Али, если онъ войдетъ съ нами въ дружескія отношенія; или же такіе, люди сами явятся, когда увидятъ наше грозное положеніе на Аму-дарьѣ.

„Я отправилъ двѣ партіи людей въ Афганистанъ, довольно надежныхъ, въ томъ отношеніи, что они будутъ знать о движеніяхъ и передвиженіяхъ войскъ, о сосредоточеніи таковыхъ и о слухахъ въ томъ краѣ; затѣмъ разсчитываю на наше посольство

въ Афганистанѣ, которому, быть можетъ, удастся сдѣлать что-либо въ требуемомъ вашимъ высокопревосходительствомъ смыслѣ".

Въ этомъ отношеніи англичане насъ перещеголяли: пока у насъ шли оффиціальные разговоры о томъ, что хорошо бы послать къ нимъ подстрекателей къ возстанію, да только некого,— двое англійскихъ эмиссаровъ давно уже разъѣзжали между текинцами, стараясь помирить ахальскихъ съ мервскими и склоняя ихъ принять англійское подданство. Сборы нашихъ отрядовъ они объясняли намѣреніемъ напасть на текинцевъ съ трехъ сторонъ и обѣщали прислать имъ на помощь 15.000 афганцевъ, если они согласятся стать подданными англійской королевы.

Въ Джамскомъ отрядѣ начальникомъ полевого штаба назначенъ былъ полковникъ Гродековъ, начальникомъ пѣхоты— генералъ-маіоръ Бардовскій, начальникомъ артиллеріи полковникъ Полубинскій, начальникомъ инженеровъ полковникъ Богаевскій, полевымъ интендантомъ полковникъ Николаевъ, полевымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ докторъ Суворовъ.

8-го іюля прибылъ изъ Бухары посланецъ эмира съ извѣстіемъ, что пограничнымъ бекамъ приказано выставить для русскихъ войскъ провіантъ и фуражъ безплатно; а 9-го числа получена отъ Милютина слѣдующая телеграмма: „по измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ, предполагавшееся наступательное движеніе отрядовъ Туркестанскихъ и Красноводскаго, вѣроятно, будетъ отмѣнено и вскорѣ послѣдуетъ высочайшее повелѣніе о роспускѣ этихъ отрядовъ".

19-го іюля получено было въ Самаркандѣ и это высочайшее повелѣніе.

Берлинскій конгрессъ окончился благополучно, благодаря нашей демонстраціи, но войска были сильно огорчены: надежда помѣряться силами съ болѣе достойнымъ противникомъ захватила всѣхъ отъ главнаго начальника до послѣдняго рядового. Сильные поносы, развившіеся въ Джамѣ, они считали даже полезными: легче будетъ идти по горамъ...

Теперь все вниманіе было обращено на Абрамова. Мы говорили уже, въ предыдущей главѣ, что Абрамовъ нашелъ невозможнымъ строить укрѣпленіе въ Иркештамѣ, и настаивалъ на занятіи Улугчата или, по меньшей мѣрѣ, Игеня. Правили улугчатскимъ населеніемъ, въ качествѣ бековъ, ферганскіе киргизы Омаръ и Рустамъ. По приказанію кашгарскаго дзянь-зюня они задержали караваны купца Никитина и другихъ, пять мѣсяцевъ назадъ и, такъ какъ сами просили позволить имъ воротиться въ Фергану и простить имъ старые грѣхи противодѣйствія русскимъ, при занятіи этой области, то въ оправданіе свое они прислали Абрамову подлинный приказъ китайскаго губернатора слѣдую-

щаго содержанія: „такъ какъ русскіе не выдаютъ нашихъ бѣглецовъ, то не пропускать, до выдачи, ни одного каравана и всѣ прослѣдовавшіе за Тонъ-Мурунъ вернуть“. Вскорѣ затѣмъ къ Абрамову явились и названные беки съ заявленіемъ, что назадъ къ китайцамъ не воротятся. Кауфманъ разрѣшилъ объявить имъ, отъ его имени, прощеніе. Но относительно предположеній Абрамова, насчетъ исправленія границы, онъ телеграфировалъ 18-го іюля, чрезъ Маргеланъ, слѣдующее: „Улукчата не занимать. Занятіе его было бы равносильно начатію войны Россіи съ Китаемъ, чего слѣдуетъ избѣжать. Другое дѣло, если бы китайцы сами вторглись въ наши предѣлы... Для рѣшенія вопроса о движеніи къ Улугчату и далѣе, буду ожидать донесенія о положеніи дѣлъ въ Кульджѣ и Кашгарѣ“.

Нѣсколько ранѣе, а именно 13 іюля, Кауфманъ телеграфировалъ въ Вѣрное Колпаковскому слѣдующее: „О возвратѣ Кульджи дѣло переговоровъ дѣйствительно поручено пекинскому посланнику нашему. Очевидно, что пока не будутъ исполнены всѣ наши требованія, кои, въ теченіе нѣсколька лѣтъ, оттягиваются и не исполняются, не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи Илійской долины.

„Что касается до Біанъ-ху, то я не могу смотрѣть на него, какъ на вора. Онъ явился въ главѣ цѣлаго населенія, которое искало спасенія у насъ. Все это населеніе было нами принято, уже устроено на мѣстѣ жительства и подчиняется, вмѣстѣ съ Біанъ-ху, нашимъ законамъ, а слѣдовательно никому зла дѣлать не можетъ. Ни законы наши, ни человѣколюбіе не позволяютъ мнѣ возвратить Біанъ-ху“.

Вотъ изъ-за невыдачи этого переселенца съ товарищами, китайцы наложили запретъ на нашу торговлю.

Купцы наши, не имѣя возможности вывести свои товары изъ Улугчата, по неимѣнію денегъ, такъ какъ все проданное ими было имъ возвращено, а покупатели наказаны палками, обратились къ Абрамову съ просьбой оказать имъ содѣйствіе.—Принимая во вниманіе, что вывозъ товаровъ изъ Улугчата, въ близкомъ присутствіи нашего отряда, и притомъ распоряженіемъ его начальника, могъ бы показаться и китайцамъ, и нашимъ киргизамъ, какъ бы признаніемъ своего безсилія и подчиненіемъ распоряженію китайскихъ властей, Абрамовъ отказалъ въ содѣйствіи и посовѣтовалъ оставить товары, какъ они есть, съ тѣмъ, что охраненіе ихъ должно лежать на самихъ же китайскихъ властяхъ. Кауфманъ одобрилъ это въ телеграммѣ отъ 27 іюля. Но относительно границы еще разъ подтвердилъ, чтобы Улугчата не занимать. Какъ бы оправдываясь передъ Абрамовымъ въ неудачномъ выборѣ крайняго пограничнаго пункта, онъ пишетъ: „на основаніи доклада Куропаткина, на главномъ пути въ Каш-

гаръ, пограничнымъ пунктомъ мною былъ назначенъ Иркештамъ", а въ концѣ телеграммы добавляетъ: „изъ донесенія вашего можно заключить, что Куропаткинъ впалъ въ ошибку при опредѣленіи границы съ Кашгаромъ. Ее можно будетъ исправить весною будущаго года, назначеніемъ пограничной коммиссіи изъ русскихъ и китайцевъ, подъ прикрытіемъ нашего отряда. Тогда уже можно будетъ опредѣлить и мѣсто для укрѣпленнаго пункта" (л. 140—141 дѣла № 25).

Китайцы, замѣстившіе Якубъ-бека, по мнѣнію Кауфмана „должны, на основаніи международнаго права, принять пограничную черту, установленную между нами и Якубъ-бекомъ. До тѣхъ поръ, пока уважаемъ установленную нами границу, мы будемъ стоять на законной почвѣ. Занявъ Улугчатъ, гдѣ уже фактически проявила себя китайская власть, мы теряемъ эту почву и можемъ быть причиною войны Россіи съ Китаемъ на всей нашей обширной границѣ отъ Иркештама до восточнаго океана, войны, которая можетъ тянуться многіе годы".

1-го октября Ферганскій отрядъ, не добившись, своимъ пребываніемъ въ Иркештамѣ, никакихъ уступокъ отъ китайцевъ, по отношенію къ нашимъ купцамъ, выступилъ обратно въ Фергану на зимнія квартиры. Это слѣдуетъ признать неудачей...

Покончивъ съ военной стороной нашей диверсіи противъ Индіи, мы перейдемъ теперь къ злоключеніямъ нашего посольства въ Кабулѣ.

На представленіи передъ отъѣздомъ, Кауфманъ сказалъ Столѣтову, что до прибытія въ Кабулъ самая главная задача его— съемка маршрута; поэтому ночью не идти, когда топографъ ничего не видитъ, да ночь нужна для отдыха людямъ и лошадямъ. Разгонова и Бендерскаго немедленно выслать назадъ: они поведутъ войска по снятой на планъ дорогѣ. Увидимъ, какъ это исполнилъ Столѣтовъ.

Миссія наша, прождавъ нѣсколько дней запоздавшаго Разгонова, выѣхала изъ Самарканда только 2-го іюня, черезъ Джамъ на Карши, гдѣ живетъ лѣтомъ бухарскій эмиръ. Верстъ за тридцать, эмиръ выслалъ на встрѣчу свою карету шестерикомъ цугомъ, съ упругимъ шелковымъ тюфякомъ, на которомъ и возлегли Столѣтовъ съ Разгоновымъ. 7 іюня посольство представлялось эмиру Сеидъ-Музафаръ-Эддину, приславшему потомъ, на квартиру бека, гдѣ угощалась миссія, богатые подарки.

Въ архивныхъ дѣлахъ окружнаго штаба и канцеляріи генералъ-губернатора имѣется только 6 писемъ Столѣтова съ дороги, и потому за подробностями мы будемъ обращаться къ сочиненію доктора Яворскаго „Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству" (два тома, изд. 1882 г.). Почтенный авторъ избралъ девизомъ извѣстное изреченіе: „amicus Plato,

sed magis amica veritas", то есть: Платонъ мнѣ другъ, но правда выше дружбы. Поэтому отъ него порядкомъ досталось и Столѣтову, и Разгонову, которые печатно не возражали; такимъ образомъ мы должны принимать всѣ показанія Яворскаго за чистую монету. Слова Яворскаго провѣрены разспросами Заманъ-бека и Бендерскаго, въ 1897 году. Въ своемъ мѣстѣ приведены будутъ ихъ варіянты по тому или другому обстоятельству.

8-го іюня посольство выѣхало въ Гюзаръ, отстоящій въ 50 верстахъ отъ Карши. На другой день, остановившись въ Гюзарѣ, Столѣтовъ выразилъ, присланному для пріема мирахуру, неудовольствіе свое за то, что мѣстный бекъ, второй сынъ эмира, не явился къ нему съ визитомъ. Не повѣривъ оправданію, будто бекъ боленъ риштой (гвинейскій червь, волосатикъ), Столѣтовъ послалъ Назирова посмотрѣть бека... Бекъ дѣйствительно былъ боленъ, какъ узнали впослѣдствіи, но рѣшился пріѣхать къ сердитому послу. Столѣтовъ принялъ его весьма сухо и немедленно распекъ за невниманіе и непочтеніе. Яворскій увѣряетъ (стр. 66 тома I), будто Столѣтовъ сказалъ между прочимъ: „я уже рѣшился было о вашемъ поступкѣ написать вашему отцу, эмиру, а вѣдь онъ не замедлилъ бы учинить за это примѣрное наказаніе", и будто при этомъ употребилъ слово ч у б у к ъ (палка). Заманъ-бекъ опровергаетъ эту прибавку, а Бендерскій подтверждаетъ, что самъ отлично это слышалъ. Такой грубый тонъ въ обращеніи съ сыномъ эмира, у котораго миссія была въ гостяхъ, могъ бы положить конецъ дальнѣйшей дипломатической дѣятельности посла... Яворскій увѣряетъ, будто при этихъ словахъ нѣкоторые изъ свиты бека схватились за рукоятки ножей...

Бекъ не оправдывался. За него извинился мирахуръ. Посолъ смягчился и одарилъ бека и его свиту почетными халатами. Послѣ угощенія чаемъ, бекъ уѣхалъ и прислалъ отвѣтные подарки. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Бендерскій удостовѣряетъ, что Столѣтовъ даже хвастался потомъ этимъ случаемъ: „надо ихъ учить". По его словамъ, Столѣтовъ былъ иногда весьма не сдержанъ, выходилъ изъ себя, набрасывался на человѣка ни съ того, ни съ сего и даже молчаливаго Разгонова нерѣдко ругалъ при всѣхъ трехъ-этажными словами... Лихорадка ли это, частые ли пріемы хинина съ коньякомъ, на которые намекаетъ и Яворскій, но мы положительно не узнаемъ Столѣтова, слывшаго всегда за человѣка мягкаго и вѣжливаго.

13-го посольство прибыло въ Ширъ-абадъ. Дорогой къ посольству пристроился, ѣхавшій изъ Ташкента въ Мекку, 80 лѣтній старецъ Джамадаръ, бывшій, до смерти Якубъ-бека въ 1877 году, начальникомъ кашгарской артиллеріи. Отсюда Столѣ-

товъ послалъ первое письмо Кауфману и Лой-набу*) Афганскаго Туркестана Ширъ-диль-хану. Послѣднему онъ сообщалъ, что слухъ, распространившійся въ его округѣ о томъ, будто ѣдетъ не мирное посольство, а претендентъ афганскій Абдурахманъ-ханъ, совершенно неосновательнъ. Кауфману же онъ предложилъ, ради секретности переписки, подчеркивать все не секретное а секретное не подчеркивать, но черезъ каждыя два слова вставлять ничего не значущее или лишнее; кромѣ того, написанное по французски понимать въ обратномъ смыслѣ.

Съ этого дня всѣ письма Столѣтова подчеркнуты сплошь, кромѣ заключительнаго увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и преданности, которому, согласно условію, слѣдуетъ, значитъ, вѣрить только на двѣ трети...

15-го миссія выѣхала изъ Ширъ-абада и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего помѣщенія, была встрѣчена тремя афганцами съ письмомъ отъ намѣстника Чааръ-вилайета Ширъ-диль-хана. Не смотря на просьбу подавшаго письмо посланца, Столѣтовъ отказался читать письмо немедленно и передалъ его нераспечатаннымъ переводчику.

На ночлегѣ, въ 20 верстахъ, письмо было вскрыто и оказалось, что афганскій намѣстникъ, узнавъ о посольствѣ, изъ письма самаркандскаго губернатора, генерала Иванова, послалъ донесеніе о немъ въ Кабулъ, но разрѣшенія на пропускъ посольства еще не получилъ и потому проситъ обождать 10 дней, на берегу Аму-дарьи. Столѣтовъ не согласился на это, припоминая, что въ 1873 году, такимъ же порядкомъ, былъ задержанъ на границѣ англійскій посолъ Дугласъ Форсайтъ, возвращавшійся изъ Кашгара, и что затѣмъ ему и вовсе было отказано въ проѣздѣ черезъ Бадахшанъ и Кабулъ. Поэтому нашъ посолъ передалъ афганскому посланцу письмо на имя Ширъ-диль-хана, въ которомъ изложилъ, что оставаться на берегу Аму-дарьи, въ ожиданіи разрѣшенія, онъ считаетъ постыднымъ для имени русскаго и потому даже готовъ ѣхать одинъ, безъ конвоя и свиты, не заботясь о томъ, что можетъ быть убитъ, ограбленъ или взятъ въ плѣнъ, такъ какъ въ этомъ онъ не видитъ для себя ничего постыднаго; но безъ собственноручнаго письма эмира, съ воспрещеніемъ дальнѣйшаго движенія посольства, онъ не остановится.

16-го числа посольство пришло на Аму-дарью, нѣсколько выше селенія Чушка-Гюзаръ. Отсюда былъ посланъ въ Мазари-Шерифъ, къ Ширъ-диль-хану, переводчикъ Назировъ, съ дубликатомъ предъидущаго письма. Но переводчика задержали на афганскому берегу, куда, вмѣстѣ съ нимъ, отправлены были, на бухарскихъ каюкахъ, и вьюки посольства. Утромъ 18-го числа получено

*) Луйнаибъ—великій намѣстникъ.

было афганцами разрѣшеніе пропустить наше посольство въ Мазари-Шерифъ, и Назировъ тотчасъ выѣхалъ туда съ письмомъ, а вслѣдъ затѣмъ переправилась, на афганскій берегъ, и наша миссія, прослѣдовавшая въ ближайшее селеніе. Сюда прибыли, къ 3 часамъ пополудни, для почетной встрѣчи: первый помощникъ Лойнаба, по гражданской части,—Мунши Мухамедъ-хасанъ-ханъ и комендантъ Тахта-пуля, съ конвоемъ изъ 150 человѣкъ регулярной кавалеріи. Яворскій говоритъ, что конныхъ было до 200 человѣкъ и пѣшихъ до 100, но далѣе, при описаніи порядка походнаго движенія, о пѣхотѣ ничего упоминаетъ. Возможно, что пѣхота была взята только для первой встрѣчи, съ пограничнаго поста; весьма естественно, что она не могла конвоировать посольство, ѣхавшее верхомъ и торопившееся.

Въ 4 часа, афганскіе генералы сдѣлали визитъ Столѣтову. Старшій изъ нихъ, Хасанъ-ханъ, по чину кемнабъ, а по должности дабиръ-уль-мулькъ *) сообщилъ между прочимъ, что посольство должно обождать два или три дня, чтобы дать время приготовить встрѣчу въ Мазари-Шерифѣ и успокоить народъ и войско, полагающіе, будто къ нимъ идетъ не посольство, а сильный русскій отрядъ. Ширъ-диль-ханъ прислалъ для миссіи нѣсколько ящиковъ вина, но Столѣтовъ отказался принять ихъ, увѣряя, будто русскіе не пьютъ... Дорогою его исправно попивалъ зато самъ почтенный кемнабъ.

Къ вечеру афганцы окружили помѣщеніе миссіи цѣпью часовыхъ, но Столѣтовъ, не довѣряя самимъ этимъ часовымъ, выставилъ и своихъ два поста отъ казаковъ, предложивъ остальнымъ членамъ миссіи распредѣлить между собою ночное дежурство, по полтора часа каждому...

Вообще во время движенія по афганской землѣ, Столѣтовъ обнаружилъ крайнюю заботливость о неприкосновенности миссіи: топографу Бендерскому онъ запрещалъ дѣлать черезчуръ явно отмѣтки въ его аспидной книжкѣ, которую тотъ выдавалъ за молитвенникъ; запрещалъ отходить на стоянкахъ въ сторону, для опредѣленія направленія пути по компасу, прицѣпленному Бендерскимъ, на одной цѣпочкѣ съ часами; становясь на ночлегъ засвѣтло, онъ приказывалъ къ ночи снимать палатки казачьяго конвоя и укладывалъ казаковъ вокругъ своей палатки, подъ открытымъ небомъ, что при ночлегахъ на горныхъ перевалахъ и на сырой землѣ, весьма вредно отразилось на здоровьѣ казаковъ; представленія по этому поводу доктора Яворскаго онъ считалъ нарушеніемъ дисциплины (стр. 248 т. I Яворскаго); все, что могло возбудить подозрѣніе въ афганцахъ, было по его мнѣнію „опасно“ (стр. 202 тамъ-же); Столѣтовъ боялся уже перечить въ чемъ-нибудь афганцамъ,—„что скажутъ они—то и хорошо“, (стр. 149); по-

*) Государственный секретарь.

сольство имѣло на вьюкахъ складную мебель, но Столѣтовъ не позволялъ распаковать ее, боясь задѣть самолюбіе афганцевъ, какъ бы „выставляя на видъ ихъ бѣдность“ (стр. 150, тамъ-же).

Все это какъ-то не вязалось съ георгіевскимъ крестомъ Столѣтова, свидѣтельствовавшимъ о его „храбрости“...

Вопреки приказанію Кауфмана идти только днемъ, Столѣтовъ, по настоянію афганцевъ, нерѣдко выступалъ въ 6 часовъ вечера и шелъ ночью, а съ ночлега, по афганской трубѣ, выступалъ до разсвѣта. Поэтому многіе участки маршрута были нанесены Бендерскимъ совершенно на угадъ и провѣрены только при обратномъ походѣ миссіи, когда Столѣтова съ нею не было и Бендерскій дѣлалъ свои отмѣтки вполнѣ открыто.—Уѣзжая изъ Кабула, Столѣтовъ взялъ съ собою всю ленту вычерченнаго, въ глубокой тайнѣ, маршрута и только черезъ два года, при посредствѣ главнаго штаба, эта работа была вытребована отъ него!

19-го числа Столѣтовъ отдалъ визитъ афганскимъ генераламъ, которые какъ-будто только того и ждали: кемнабъ объявилъ ему, что онъ можетъ готовиться въ путь и что выѣдутъ они въ 6 часовъ вечера. Сдѣлали 40 верстъ и стали въ пескахъ на короткій ночлегъ,—безъ палатокъ. Рано утромъ выступили далѣе. 23-го іюня; подходя къ Мазари-Шерифу, миссія была встрѣчена Фейзъ-Мухаммедъ-ханомъ, командующимъ войсками въ Чаарь-вилайетѣ, т. е. Афганскомъ Туркестанѣ, и кемнабомъ Хошъ-диль-ханомъ, сыномъ лойнаба и его вторымъ помощникомъ, по гражданскому управленію. Четыре баталіона афганской пѣхоты и батарея артиллеріи выстроены были для встрѣчи. Пѣхота взяла на караулъ, артиллерія произвела салютъ. Прибывшіе генералы извинились, что самъ лойнабъ, по болѣзни, не могъ выѣхать на встрѣчу.

24-го миссія представлялась Хошъ-диль-хану и Столѣтовъ заявилъ ему, что не можетъ долго ожидать выздоровленія его отца, который хотѣлъ сопровождать посольство въ Кабулъ. Хошъ-диль-ханъ немедленно послалъ курьера въ Кабулъ съ вопросомъ: кому ѣхать съ русскимъ посольствомъ, если болѣзнь его отца затянется?

26 іюня отецъ его умеръ. Это было мрачнымъ предзнаменованіемъ для афганцевъ: русское посольство несло афганцамъ рядъ несчастій... Дѣйствительно: на шестой день, по прибытіи посольства въ Кабулъ, умеръ наслѣдникъ престола Абдулла-Джанъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ и самъ эмиръ Ширъ-Али-ханъ; изъ-за русскаго посольства англичане вторгнулись въ Афганистанъ и отхватили нѣсколько провинцій...

Извѣщая Кауфмана о прибытіи въ Мазари-Шерифъ и смерти лойнаба, Столѣтовъ приложилъ придуманный имъ шифръ для

секретныхъ сношеній, но по прежнему подчеркиваетъ всѣ строчки своего письма.

4-го іюля, изъ Кабула пришло повелѣніе: лойнабомъ быть сыну покойнаго, а русское посольство сопровождать Мухаммедъ-Хасанъ-хану.

Просидѣвъ 10 дней подъ почетнымъ карауломъ, въ четырехъ стѣнахъ, и переболѣвъ лихорадкой, миссія наша выступила, наконецъ, 6 іюля далѣе. При выѣздѣ, новый лойнабъ провожалъ миссію за городъ, гдѣ опять выстроены были войска съ артиллеріей, произведшей установленный салютъ въ 16 выстрѣловъ.

Дорогою пришлось испытать и гярмъ-сиръ, т. е. горячій вѣтеръ, и теббадъ, т. е. тотъ же вѣтеръ, но еще несущій мельчайшій песокъ. Въ три часа пополудни температура дошла до 44° Цельзія, отъ чего всѣ сильно страдали, хотя везли съ собой ледъ и клюквенный экстрактъ, такъ что могли утолять мучительную жажду. Поэтому рѣшено было слѣдующій переходъ, къ гор. Ташъ-кургану, сдѣлать ночью, хотя и ночью все-таки было жарко и душно. Такая жара преслѣдовала путниковъ до самыхъ горъ, т. е. до сел. Гей-бекъ, откуда начинается ущелье того-же имени.

Здѣсь температура спустилась до 28, а позже и до 24° Цельзія; на перевалахъ же, достигавшихъ 9.000 футъ, было и совсѣмъ прохладно.

14 іюля, въ Руи, посольство было встрѣчено баміанскимъ губернаторомъ Ляль-Мухаммедъ-ханомъ.

20 іюля посольство спустилось въ баміанское ущелье и вступило въ Баміанъ, гдѣ отдыхало одинъ день. 22-го числа, продолжая путь, осмотрѣло знаменитыя баміанскія пещеры, высѣченныя въ нѣсколько этажей, въ отвѣсныхъ скалахъ и, еще болѣе знаменитыхъ, идоловъ, въ 140 футъ или 20 саженъ высоты, высѣченныхъ также въ особыхъ нишахъ скалъ. 27-го числа миссію встрѣтилъ министръ двора Абдулла-ханъ, а 28-го министръ иностранныхъ дѣлъ везиръ Шахъ-Мухаммедъ-ханъ, съ тремя слонами, назначенными для миссіи. На завтра предстояло торжественное вступленіе посольства въ Кабулъ, а въ этотъ день вечеромъ, въ самую пору, получена изъ Ташкента почта. Столѣтовъ, при письмѣ отъ Кауфмана, получилъ и телеграмму, полученную имъ изъ Петербурга о томъ, что Берлинскій конгрессъ закончилъ свои засѣданія и что въ результатѣ получилось: вассальное княжество Болгарія по Балканы, независимость Сербіи и Черногоріи, въ старыхъ границахъ, и 400 милліоновъ контрибуціи.

По этому поводу Кауфманъ писалъ: „если только телеграмма вѣрна, то она очень печальна“. Телеграмма была не вполнѣ

вѣрна, такъ какъ умалчивала о присоединеніи такихъ важныхъ пунктовъ, каковы Карсъ и Батумъ, а также о возвращеніи отнятыхъ у насъ, послѣ крымской войны, частей Бессарабіи.

Въ виду мирнаго исхода конгресса, Кауфманъ совѣтовалъ Столѣтову воздержаться, въ переговорахъ съ афганскимъ правительствомъ, отъ какихъ-либо рѣшительныхъ обѣщаній и вообще не заходить такъ далеко, какъ предполагалось прежде, на случай войны съ Англіей.

Получена была и посылка съ серебряными вещами для подарковъ, о чемъ Столѣтовъ просилъ съ дороги.

29-го іюля, въ 7 часовъ утра, посольство наше двинулось на слонахъ къ Кабулу. Пройдя 8 верстъ, оно было встрѣчено братомъ эмира, сердаремъ Хабибъ-Улла-ханомъ, на громадномъ слонѣ съ золочеными клыками и золотымъ сѣдломъ. Его сопровождалъ полкъ латниковъ. Столѣтовъ пересѣлъ къ сердарю и вся миссія размѣстилась по новому,—по двое на слона, причемъ въ парѣ былъ одинъ русскій, а другой афганецъ. Впереди города выстроены были всѣ войска гарнизона: въ центрѣ пѣхота, по флангамъ кавалерія, а впереди фронта разставлены орудія для салюта. Сдѣлано было 34 выстрѣла. Пѣхота взяла на караулъ; знамена преклонились. Словомъ, встрѣча, достойная представителя россійскаго императора. Затѣмъ раздались звуки персидскаго марша и войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Массы народа встрѣчали наше посольство различными привѣтствіями. Пройдя городъ, миссія остановилась въ Бала-Гиссарѣ, гдѣ ей приготовлено было помѣщеніе, рядомъ съ дворцомъ эмира. 30-го Столѣтовъ отправился къ эмиру, съ письмомъ Кауфмана, одинъ, даже безъ переводчиковъ, но вскорѣ вернулся, такъ какъ эмиръ пожелалъ видѣть всю миссію, въ полномъ составѣ, даже казаковъ.

На представленіи миссіи, эмиръ сказалъ, что весьма радъ видѣть у себя русскихъ, но опасается, какъ бы они не принесли съ собою огня и меча, какъ это случилось уже при его дѣдѣ, Достъ-Мухаммедѣ, когда, вслѣдъ за Виткевичемъ, явились англичане и разгромили Афганистанъ. Яворскій, на стр. 324, увѣряетъ, что это было сказано въ шутку одному Малявинскому, переводчику англійскаго языка, котораго онъ прозвалъ инглизомъ, но Заманъ-бекъ утверждаетъ, будто эта фраза относилась вообще къ миссіи. Осмотрѣвъ казаковъ, эмиръ пожелалъ видѣть наши ружейные пріемы. Казаки были подобраны молодецъ къ молодцу, рослые и крѣпкіе. По командѣ Назирова они продѣлали разные пріемы.

Въ письмѣ отъ 1-го августа Столѣтовъ сообщилъ Кауфману вкратцѣ весь разговоръ съ эмиромъ, на первой аудіенціи и, между прочимъ, вопросъ эмира:

— Всѣ ли у васъ войска русскія? Я слышалъ отъ англичанъ, что у васъ много казаковъ и что казаки другое племя.

На что Столѣтовъ, „показавши свою команду, убѣдилъ эмира, какъ это свѣдѣніе не вѣрно“.

Яворскій относитъ этотъ разговоръ къ 9 августа, когда со Столѣтовымъ былъ одинъ Малевинскій, и передаетъ, конечно со словъ послѣдняго, этотъ разговоръ нѣсколько иначе. При эмирѣ находился выходецъ изъ Пешавера, казій Абдель-кадеръ, прекрасно говорившіи по-англійски. Этотъ казій разговорился съ Малевинскимъ и между прочимъ спросилъ его, какіе народы живутъ въ Россіи и какіе по казалинскому почтовому тракту?

Малевинскій спросилъ Столѣтова: какъ отвѣтить на послѣдній вопросъ? Столѣтовъ отвѣтилъ, что здѣсь живутъ только русскіе. На дальнѣйшій вопросъ казія, какой они вѣры,—Столѣтовъ отвѣтилъ черезъ Малевинскаго, что они христіане. Эмиръ удивился и снова спросилъ черезъ казія: „давно ли киргизы сдѣлались христіанами?“

„Тутъ на Малевинскаго, а также и на генерала нашло нѣкоторое смущеніе“,— продолжаетъ Яворскій, считавшій ихъ отвѣты завѣдомою ложью, и прибавляетъ: „я указываю на этотъ мелкій эпизодъ единственно потому, что впослѣдствіи читатель нѣсколько разъ встрѣтится съ подобными же qui pro quo, но имѣвшими несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ это“ (стр. 342).

Другой переводчикъ Заманъ-бекъ объясняетъ дѣло простымъ недоразумѣніемъ: киргизы и сами себя называютъ казаками и другимъ азіатскимъ народамъ извѣстны подъ этимъ именемъ; названіе „киргизъ“ носитъ только одинъ изъ многочисленныхъ родовъ ихъ; отсюда и недоразумѣніе. Эмиръ и казій спрашивали про к а з а к о в ъ, разумѣя к и р г и з ъ-магометанъ, а Столѣтовъ отвѣчалъ про нашихъ казаковъ-христіанъ.

Все-таки странно: какъ это офицеръ генеральнаго штаба, да еще знакомый съ восточными языками, не зналъ, что подъ словомъ „казакъ“, на востокѣ, разумѣютъ киргиза?

1 августа, вечеромъ, городъ былъ иллюминованъ; кабульцы пускали ракеты, жгли бенгальскіе огни; на окрестныхъ горахъ горѣли костры.

2 августа, по свидѣтельству Яворскаго, а 31 іюля, по донесенію Столѣтова, эмиру поднесены подарки, довольно впрочемъ убогіе. Покупка подарочныхъ вещей въ Ташкентѣ была поручена экзекутору генералъ-губернаторской канцеляріи Николаеву. Тотъ и накупилъ дрянныхъ суконныхъ халатовъ, приличныхъ развѣ джигиту; прибавилъ нѣсколько кусковъ плохой парчи, за которую выставилъ однако цѣны по 50 и по 100 руб. аршинъ; прибавилъ нѣсколько халатовъ парчевыхъ и бархатныхъ; трость, облѣпленную биризою, и такой же поясъ. Пришлось прибавить сюда подарки, полученные отъ бухарскаго эмира: три коня въ богатыхъ уборахъ, парчевые халаты и нѣкоторыя вещи членовъ

миссіи: у кого взято охотничье ружье, у кого револьверы, да два ружья бердана—пѣхотное и кавалерійское... Всего можно было считать тысячъ на пять *).

На другой день, эмиръ прислалъ, съ везиромъ, 11 мѣшечковъ, наполненныхъ рупіями (монеты въ 60 коп.), по 1,000 рупій въ каждомъ,—всего, значитъ 11,000 рупій или по курсу до 10,000 рублей. Везиръ передалъ отъ эмира поклонъ всѣмъ членамъ посольства, казакамъ, джигитамъ и прислугѣ и просилъ принять подарокъ, для распредѣленія между всѣми. Столѣтовъ отказался и за себя, и за другихъ; но везиръ сослался на примѣръ самого эмира, принявшаго отъ англичанъ деньги, когда былъ у нихъ въ гостяхъ; увѣрялъ, что это, въ сущности, назначается на лакомства, плоды и т. п.; что наконецъ эмиръ будетъ обиженъ отказомъ... Словомъ, Столѣтовъ принялъ деньги и, хотя выразилъ намѣреніе пожертвовать ихъ на туземныя благотворительныя заведенія, которыхъ, кстати сказать, и въ заводѣ не было, но впослѣдствіи припряталъ ихъ къ себѣ,—размѣнялъ на золото, чтобы легче было везти, и увезъ съ собой, не подѣлившись ни съ кѣмъ... Объ этомъ онъ впрочемъ и въ письмахъ своихъ, и въ личномъ докладѣ своемъ Кауфману, благоразумно умолчалъ. Безъ сомнѣнія ему было извѣстно строгое воспрещеніе Кауфмана посламъ принимать денежныя подачки отъ азіятскихъ властителей, къ которымъ они посылались.

О томъ, что онъ наобѣщалъ эмиру, бесѣдуя съ нимъ одинъ на одинъ, безъ переводчика, онъ также умолчалъ, но въ своемъ единственномъ и послѣднемъ письмѣ изъ Кабула, онъ какъ бы намекаетъ на это слѣдующими словами объ эмирѣ: „жадности къ деньгамъ и какой-либо надежды получать ихъ отъ насъ я въ немъ не замѣтилъ, напротивъ, по этому онъ высказывалъ взгляды совершенно противоположные, тогда какъ на нашу помощь войскомъ, т. е. солдатами, надежда у него сквозитъ на каждомъ шагу“, а въ концѣ письма Столѣтовъ прибавляетъ: „не имѣя смѣлости разсуждать о высокихъ интересахъ государственныхъ, я тѣмъ не менѣе священнымъ долгомъ считаю доложить мое нижеслѣдующее мнѣніе: въ настоящее время въ Туркестанскомъ округѣ нужно имѣть значительные отряды войскъ (не менѣе, чѣмъ ваше высокопревосходительство предполагали собрать), на всякій случай наготовѣ, такъ какъ мнѣ кажется, что новыя отношенія налагаютъ на насъ новыя обязательства“.

---

*) Странно и выбраны были подарки для афганцевъ: халатовъ они не носятъ, папиросъ не курятъ, вина и водки гласно не пьютъ, а имъ надавали и халатовъ, и портсигаровъ, и бокаловъ, и кабачковъ... Послѣднее для мусульманъ казалось прямо неприличной насмѣшкой.

Столѣтовъ скрывалъ свои обѣщанія и отъ членовъ миссіи, такъ что только послѣ его отъѣзда, изъ вопросовъ эмира наши узнали, что Столѣтовъ обѣщалъ вскорѣ вернуться съ тридцатью тысячами солдатъ!

И это послѣ письма Кауфмана, полученнаго наканунѣ вступленія въ Кабулъ, послѣ категорическаго приказанія воздержаться отъ какихъ-либо рѣшительныхъ обѣщаній! Самъ Столѣтовъ пишетъ, по поводу этого письма, слѣдующее: „несказанно радъ я, что въ Калеи-Кази, предъ самымъ Кабуломъ, я получилъ письмо вашего высокопревосходительства и подарочныя вещи. Въ этомъ я вижу явную помощь Св. Провидѣнія".—Только этою помощью Св. Провидѣнія онъ плохо воспользовался...

Эмиръ просилъ передать Кауфману его просьбу „телеграфировать государю императору выраженіе чувствъ глубочайшей преданности и признательности". Кауфманъ исполнилъ эту просьбу и телеграфировалъ государю въ Ливадію слѣдующее: „генералъ Столѣтовъ, 1 августа, изъ Кабула, доноситъ: Ширъ-Али-ханъ проситъ телеграфировать вашему императорскому величеству выраженіе чувствъ глубочайшей его къ вамъ преданности и признательности. Пріемъ, оказанный Столѣтову и миссіи, весьма торжественный и радушный. Бесѣды идутъ, повидимому, искреннія, полныя уваженія къ вашему могуществу и правдивости" (л. 45 дѣла канцеляріи № 63).

Надобно замѣтить, что о „правдивости" Столѣтовъ нигдѣ въ своихъ письмахъ не упоминалъ. Эта прибавка принадлежитъ Кауфману, который былъ дѣйствительно человѣкъ правдивый. Телеграмма писана рукой Кауфмана, съ помарками и поправками и передъ словомъ „правдивости" стоитъ зачеркнутое „русской". Мы полагаемъ, что Кауфманъ хотѣлъ заручиться, такъ или иначе исполненіемъ возможныхъ обѣщаній Столѣтова, не зная, что этотъ дипломатъ наобѣщалъ кучу прямо невозможныхъ вещей.

3-го августа, около 4 часовъ пополудни, докторъ Яворскій былъ потребованъ, для поданія помощи внезапно заболѣвшему наслѣднику престола Абдулла-Джану, котораго засталъ въ безпамятствѣ и бреду. Оказалось воспаленіе брюшины. Не смотря на медицинскую помощь, принцъ скончался около полуночи. Яворскій приписываетъ болѣзнь и смерть наслѣдника отравѣ (стр. 291 т. II).

Эмиръ съ твердостію перенесъ эту потерю: „Ну, что же? Богъ далъ—Богъ и взялъ",—говорилъ онъ.

Вскорѣ онъ получилъ отъ англо-индійскаго правительства извѣщеніе объ отправленіи англійскаго посольства въ Кабулъ. Яворскій пишетъ (примѣчаніе къ стр. 335 т. I), что эмиръ Ширъ-Али-ханъ, прежде своего окончательнаго отвѣта на сообщеніе англо-индійскаго правительства, обратился за совѣтомъ къ генералу Столѣтову, спрашивая, какъ ему поступить въ данномъ слу-

чаѣ. Генералъ Столѣтовъ посовѣтовалъ эмиру не принимать въ Кабулѣ англійскаго посольства".

Можно бы понять это въ томъ смыслѣ, что англійское посольство слѣдовало принять только не въ Кабулѣ, гдѣ уже сидѣли взаперти русскіе, для которыхъ сравненіе съ богато обставленною англійскою миссіей, конечно, было бы невыгодно. Въ этомъ сказалось бы старинное русское посольское правило: не быть нигдѣ вмѣстѣ съ другими послами. Но въ такихъ вещахъ языкъ дельфійскаго оракула, конечно, не годился.

Сидѣла наша миссія взаперти по настоянію Столѣтова, боявшагося какой-нибудь оскорбительной выходки со стороны какого нибудь подкупленнаго англичанами агента или шпіона... Какъ это не похоже на Виткевича, явившагося сюда въ 1837 году, безъ конвоя, и свободно разгуливавшаго по городу, въ офицерскомъ мундирѣ!

Столѣтовъ ссылался, впрочемъ, на совѣты и предостереженія эмира. Афганцы такъ „берегли" наше посольство, что когда впослѣдствіи топографъ Бендерскій вышелъ на плоскую крышу дворца, отведеннаго для миссіи, то его чуть не застрѣлилъ афганскій часовой! Спрашивается: что было бы огорчительнѣе для русскаго достоинства—нападеніе ли со стороны презрѣннаго шпіона или со стороны почетнаго караула?

8-го августа получена была почта изъ Ташкента. Кауфманъ увѣдомлялъ Столѣтова, что наступательныя движенія, собранныхъ на Алаѣ, въ Джамѣ и Петро-Александровскѣ, отрядовъ отмѣнены и что ожидается приказъ о расформированіи этихъ отрядовъ.

Это однако же не помѣшало Столѣтову заключить съ эмиромъ, на другой день, т. е. 9-го числа, договоръ слѣдующаго содержанія:

„1) Россійское императорское правительство считаетъ государство Ширъ-али-хана, эмира Афганистана, государствомъ независимымъ и желаетъ, какъ съ другими независимыми государствами, имѣть съ нимъ дружественныя отношенія, по старой дружбѣ.

2) Считая Афганистанъ государствомъ, въ которомъ водворился настолько порядокъ и власть, что владѣтель страны имѣетъ достаточно силы, въ случаѣ надобности справиться съ внутренними врагами, россійское императорское правительство во внутреннія дѣла страны вмѣшиваться не будетъ. Только въ случаѣ, если бы государство эмира или его наслѣдника (когда онъ будетъ эмиромъ) отъ какого-либо внутренняго или внѣшняго врага подвергалось опасности, то тогда, по просьбѣ эмира или наслѣдника его (когда онъ будетъ эмиромъ) россійское императорское правительство можетъ вмѣшаться во внутреннія дѣла даже поданіемъ соотвѣтствующей помощи.

3) Россійское императорское правительство, по примѣру, суще-

ствующему въ другихъ государствахъ, охотно признало избраннаго эмиромъ наслѣдника афганскаго престола, сына его Сердаръ Абдулла-хана, о чемъ эмиръ торжественно сообщилъ туркестанскому генэралъ-губернатору, въ лицѣ котораго это торжественное извѣщеніе радостно было принято россійскимъ императорскимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ, во вниманіе дружественныхъ отношеній между Афганистаномъ и Россіею, императорскимъ правительствомъ избранный наслѣдникъ былъ признанъ, равно какъ и его наслѣдники, изъ рода въ родъ, изъ наслѣдія въ наслѣдіе.

А такъ какъ въ настоящее время, волею Божіею, означенный наслѣдникъ престола скончался, то императорское россійское правительство, по примѣру прошлому, даетъ по установленной формѣ признаніе наслѣдникомъ престола того, кого найдетъ достойнымъ эмиръ Афганистана.

4) Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо усложненій между Афганистаномъ и друимъ иностраннымъ государствомъ, россійское императорское правительство, если о томъ послѣдуетъ просьба эмира, употребляетъ къ устраненію несогласій и столкновеній тѣ мѣры и способы, какіе вслѣдствіе просьбы эмира Афганистана, признаетъ нужными, или своимъ непосредственнымъ вліяніемъ на угрожающее Афганистану иностранное государство или чрезъ посредство другихъ государствъ.

5) Въ случаѣ, чего Боже избави, какое-либо иностранное государство, съ вооруженною силою, войдетъ въ Афганистанъ и завладѣетъ его территоріею, тогда, если эмиръ Афганистана обратится къ императорскому правительству за вооруженною помощію, императорское правительство, въ случаѣ невозможности, посредствомъ миролюбивыхъ совѣтовъ и внушеній, отклонить вооруженное столкновеніе, во вниманіе дружбы между государствами Россіею и Афганистаномъ, подастъ вооруженную помощь. Тогда, если дѣло дойдетъ до войны, то съ упованіемъ на Всевышняго, Творца вселенной, при дружбѣ Афганистана и Россіи и при вооруженной помощи императорско-россійскаго правительства, путемъ побѣдъ и меча, могутъ вернуться подъ власть эмира афганскаго старыя его территоріи, еще прежде перешедшія подъ власть другого государства, путемъ захвата.

6) Въ случаѣ, излагаемомъ въ предъидущемъ § 5, эмиръ Афганистана, относительно вооруженной помощи отъ россійскаго императорскаго правительства во всемъ, что касается размѣровъ, способовъ и плановъ, съ подробнымъ всего изложеніемъ, относится къ туркестанскому генералъ-губернатору. Туркестанскій генералъ-губернаторъ отъ россійскаго императорскаго правительства имѣетъ надлежащія полномочія, касательно приведенія въ исполненіе означенныхъ представленій эмира.

7) Въ виду дружественныхъ отношеній между Афганистаномъ и россійскимъ императорскимъ правительствомъ, владѣтелю Афганистана предоставляется посылать въ Россію избранныхъ имъ лицъ, для изученія различныхъ спеціальностей, въ томъ числѣ и военной. Каждый разъ о командированіи таковыхъ лицъ эмиръ Афганистана сносится съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ.

8) Посылаемыя, согласно предъидущему § 7 изъ Афганистана въ Россію лица, вслѣдствіе даваемыхъ на то каждый разъ россійскимъ императорскимъ правительствомъ повелѣній, будутъ пользоваться содѣйствіемъ подлежащихъ военныхъ и гражданскихъ властей и вездѣ будутъ принимаемы и чествуемы (sic), какъ лица, избранныя владѣтелемъ дружественнаго государства.

9) Если бы владѣтелю Афганистана потребовались лица для разныхъ спеціальностей, въ томъ числѣ и военной, то императорское правительство по этому окажетъ всякое содѣйствіе.

10) Въ виду дружественныхъ отношеній между Россіею и Афганистаномъ, россійское императорское правительство, въ лицѣ туркестанскаго генералъ-губернатора, и правительство афганскаго государства, употребляютъ, съ согласія обѣихъ сторонъ, зависящія мѣры къ поощренію, облегченію и обезопасенію взаимныхъ торговыхъ сношеній.

11) Такъ какъ, вслѣдствіе дружбы между двумя государствами, взаимныя всякаго рода сношенія возрастутъ, то необходимо, чтобы между этими государствами было возможно частое другъ другу сообщеніе всѣхъ, могущихъ интересовать обѣ стороны, свѣдѣній и новостей.

Другъ Ширъ-али-хана эмира Афганистана долженъ считаться другомъ императорскаго россійскаго правительства и врагъ государства Ширъ-али-хана эмира Афганистана долженъ считаться врагомъ императорскаго россійскаго правительства, равно и на оборотъ.

А потому, на основаніи всего вышеизложеннаго, отнынѣ навсегда россійское императорское правительство считаетъ необходимымъ всѣми, по своимъ соображеніямъ, способами, и явными и не явными, и внѣшними и внутренними, признанными обоими государствами полезными и цѣлесообразными, оказывать эмиру государства Афганскаго помощь, содѣйствіе и поддержку. Изложенныя въ 11 предъидущихъ параграфахъ основанія дружественныхъ отношеній между россійскимъ императорскимъ правительствомъ, въ лицѣ туркестанскаго генералъ-губернатора, и Ширъ-али-ханомъ, эмиромъ Афганистана, какъ о томъ имѣлъ свѣдѣнія (sic), подробно написалъ и съ русскаго языка на персидскій языкъ, при помощи состоящаго въ распоряженіи туркестанскаго генералъ-губернатора титулярнаго совѣтника Заманъ-бека

Шихъ-алинскаго, перевелъ и съ приложеніемъ своей печати подписалъ службы его императорскаго величества генералъ-маіоръ Николай Столѣтовъ. Августа 9-го дня 1878 года, г. Кабулъ".

Со внѣшней стороны этотъ мертворожденный договоръ кажется пробой пера многоглаголиваго Аввакума. Слова „дружба" и „дружественныя отношенія" повторяются девять разъ роскошь совершенно излишняя. Кромѣ подписи Столѣтова и его азіатской печати на шнурѣ, документъ этотъ не носитъ никакихъ отмѣтокъ, свидѣтельствующихъ, что подлинникъ былъ утвержденъ подписью и печатью эмира. Къ письму отъ 9-го сентября на имя военнаго министра (л. 51—56) приложена копія съ этой конвенціи, значитъ приведенный нами документъ, подшитый вслѣдъ за отпускомъ съ этого письма (л. 57—66), есть подлинникъ, а ратификаціи эмира и скрѣпы не имѣетъ. Если же это копія, хотя въ заголовкѣ это и не обозначено, то во всякомъ случаѣ въ ней должны бы быть помѣщены и всѣ скрѣпы подлинника.

Со внутренней стороны эта конвенція представляетъ собою односторонній договоръ, въ которомъ всѣ обязательства падаютъ на одну Россію: она помогаетъ эмиру сокрушать враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, она обязуется признать наслѣдникомъ того, кого выберетъ эмиръ, она берется устранять столкновенія Афганистана съ другими государствами, она берется „путемъ побѣдъ и меча" возвратить эмиру отторгнутыя у него провинціи, она берется обучать афганцевъ разнымъ спеціальностямъ и присылать эмиру своихъ спеціалистовъ и вообще „отнынѣ навсегда" обязуется оказывать эмиру „помощь, содѣйствіе и поддержку". На началахъ взаимности построены только два послѣдніе параграфа 10 и 11 о поощреніи торговли и сообщеніи другъ другу новостей. Въ послѣднемъ параграфѣ есть и совершенно не идущее къ началу о новостяхъ, заключеніе о томъ, что и враги и друзья одной изъ сторонъ должны почитаться врагами и друзьями другой стороны. Никакихъ прямыхъ обязательствъ афганскій эмиръ на себя не принялъ, помогать намъ въ войнѣ съ англичанами не обѣщалъ, пропустить наши войска черезъ свои земли также не обѣщалъ. Такимъ образомъ эта конвенція представляетъ собою договоръ о союзѣ оборонительномъ, а не наступательномъ. Только въ случаѣ вторженія общаго врага въ предѣлы Афганистана или въ случаѣ внутреннихъ смутъ, мы могли бы прислать войска.

Но среди цѣлаго ряда обѣщаній, щедро разсыпанныхъ въ конвенціи, есть одно завѣдомо неосновательное, чтобы не сказать сильнѣе: это параграфъ 6-й. Столѣтовъ увѣряетъ эмира, что въ случаѣ „чего Боже избави", какъ сказано въ предъидущей статьѣ, на которую цитируемый параграфъ ссылается, — эмиръ, съ требованіемъ о помощи, противъ своихъ враговъ „относится

къ туркестанскому генералъ-губернатору", а послѣдній, конечно, и исполнитъ просьбу эмира, такъ какъ „имѣетъ на то надлежащія полномочія" отъ императорскаго правительства.

Это совершенная неправда и впослѣдствіи принесло Кауфману много огорченій и стыда.

На самомъ дѣлѣ его, такъ сказать, держали на привязи телеграфной проволокой: и сосредоточеніе отрядовъ, и расформированіе ихъ—предписывались ему по телеграфу изъ Петербурга и Ливадіи. Понятно, что такой важный вопросъ, какъ война съ англо-индійскимъ правительствомъ, которая неминуемо повлекла бы за собой и войну европейскую, не могъ быть предоставленъ благоусмотрѣнію одного туркестанскаго генералъ-губернатора Отсюда общее мнѣніе, что Столѣтовъ надулъ несчастнаго афганскаго эмира, который, вѣря ему, „какъ самому Кауфману", окончательно разсорился съ англичанами и пострадалъ, тщетно умоляя о присылкѣ обѣщанной ему, по договору и на словахъ, вооруженной помощи, со стороны не очень „полномочнаго" русскаго полу-царя...

Кромѣ того, договоръ противорѣчилъ самой инструкціи, данной Столѣтову: въ ней говорилось о союзѣ на случай нашего столкновенія съ Англіей, а въ договорѣ Столѣтова только и рѣчи, что о случаяхъ столкновенія Афганистана съ другимъ государствомъ.

Совершивъ свой дипломатическій подвигъ, накупивъ на афганскія рупіи шалей, парчи, атласу, бархату, шубъ и туфель, шитыхъ золотомъ, будто бы для ташкентскаго музея, Столѣтовъ внезапно, не предваривъ остальныхъ членовъ миссіи, выѣхалъ изъ Кабула 11-го августа, пробывши здѣсь значитъ, только 12 дней. Совершенно случайно, наканунѣ его отъѣзда, изъ вопроса посѣтившаго миссію военнаго министра: скоро ли Столѣтовъ вернется въ Кабулъ?—члены миссіи узнали о приготовленномъ имъ сюрпризѣ... По уходѣ министра, Столѣтовъ объявилъ имъ, что ѣдетъ одинъ, ради скорости и выигрыша времени, что вслѣдъ за нимъ отправляется афганское посольство со внукомъ эмира и что „остальные члены миссіи остаются въ Кабулѣ единственно затѣмъ, чтобы подождать сформированія этого посольства, такъ какъ въ настоящее время оно не готово" (Яворскій стр. 347 т. I). Эмиру сказалъ, что вскорѣ же вернется; миссіи сказалъ, что не вернется; наконецъ,—Кауфману доложилъ, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, какъ видно изъ письма Кауфмана къ военному министру (л. 53 дѣла 63), будто миссія оставлена временно въ Кабулѣ по просьбѣ самого эмира, такъ какъ „по мнѣнію Ширъ-Али-хана, пребываніе въ настоящее время русскихъ въ Кабулѣ возвышаетъ его въ глазахъ собственныхъ подданныхъ и въ глазахъ населенія Индустана". Когда Кауфманъ спросилъ его: для чего было

заключать такой стѣснительный для насъ договоръ, когда диверсія наша была уже отмѣнена?—Столѣтовъ отвѣтилъ, что письмо съ этимъ извѣстіемъ онъ получилъ послѣ заключенія договора, уже въ дорогѣ изъ Кабула въ Ташкентъ, — а между тѣмъ, какъ мы указывали выше, по удостовѣренію Яворскаго на стр. 340 т. I, письмо это было получено въ самомъ Кабулѣ, 8-го августа, за 3 дня до отъѣзда Столѣтова и за день до подписанія имъ трактата. Да и по разсчету времени выходитъ то же самое: Кауфманъ получилъ первую телеграмму объ отмѣнѣ диверсіи 9-го іюля, а вторую, съ высочайшимъ о томъ повелѣніемъ,—19-го іюля. Если даже онъ послалъ письмо Столѣтову только послѣ второй телеграммы, даже 20-го числа, то оно должно было дойти изъ Самарканда, гдѣ былъ тогда Кауфманъ, до Кабула на 14-й день, т. е. къ 3-му или 4-му августа. Джигиты возили почту даже иногда въ 10 дней, но беремъ крайніе сроки.

Изъ помѣтокъ Кауфмана, на поляхъ письма къ нему воен. министра, отъ 6-го декабря (л. 220 дѣла 63), видно, что всѣ несчастія Афганистана онъ приписывалъ запаздыванію его совѣтовъ эмиру и новыхъ указаній послу.

„Все дѣло,—писалъ онъ, — въ разсчетѣ времени. Сообщеніе военнаго министра, о роспускѣ отряда на южныхъ нашихъ границахъ, послѣдовало 8-го іюля. Сообщеніе мое генералу Столѣтову было получено имъ на обратномъ пути изъ Кабула“.

Откуда могъ знать это Кауфманъ, какъ не отъ самого же Столѣтова? Изъ записки по афганскому вопросу, приложенной къ письму воен. министра отъ 27-го октября изъ Ливадіи (л. 128—132 того же дѣла), видно, что 18-го октября состоялось, въ высочайшемъ присутствіи, особое совѣщаніе, для котораго вызванъ былъ изъ Лондона нашъ посолъ графъ Шуваловъ. Въ этой запискѣ, на оборотѣ л. 129, сказано, что Ширъ-Али-ханъ, „рѣшившись не уступать англійскому правительству, убѣдилъ генерала Столѣтова отправиться въ Ташкентъ къ туркестанскому генералъ-губернатору съ просьбою о заступничествѣ“, а нѣсколько далѣе, на л. 130, сказано, что вслѣдъ за отъѣздомъ Столѣтова „эмиръ отправилъ особое посольство въ Ташкентъ“.

А между тѣмъ, мы уже знаемъ, что выѣздъ Столѣтова былъ предрѣшенъ Кауфманомъ въ данной Столѣтову инструкціи и что никакого посольства, вслѣдъ за Столѣтовымъ, эмиръ не посылалъ. Когда же въ ноябрѣ началась война съ англичанами, и Ширъ-Али-ханъ бросилъ, 1-го декабря, Кабулъ на произволъ судьбы, а самъ уѣхалъ съ нашей миссіей въ Маза́ри-Шерифъ, то уже отсюда онъ послалъ, 19-го января 1879 года, особое посольство, вмѣстѣ съ нашей миссіей.

Значитъ, это особое посольство отправилось ровно черезъ три мѣсяца послѣ особаго совѣщанія въ Ливадіи и черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Столѣтова изъ Кабула!

Изъ этого видно, что Столѣтовъ не стѣснялся извращать факты, даже и въ высочайшемъ присутствіи, такъ какъ онъ былъ вызванъ въ Ливадію. Съ какими цѣлями дѣлалъ онъ это, — невозможно даже объяснить. Въ послѣднемъ случаѣ никакой и нужды въ этомъ „дипломатическомъ способѣ выраженія мыслей", не было. Просто болѣзнь какая-то.

Можно себѣ представить изумленіе эмира, когда испр. должность посла полк. Разгоновъ, недѣли черезъ двѣ, спросилъ его: когда ѣдетъ въ Ташкентъ афганское посольство? При дальнѣйшихъ объясненіяхъ Разгоновъ вынужденъ былъ разсказать, отъ кого онъ узналъ эту новость. Яворскій называетъ эту (на стр. 80 т. II) столѣтовскую выдумку qui pro quo.

Уѣзжая, Столѣтовъ взялъ съ собой половину конвоя и доктора Яворскаго, котораго обѣщалъ вернуть немедленно, въ виду его необходимости для оставшихся въ Кабулѣ и, по обыкновенію-также обманулъ... Такъ миссія и оставалась 4 мѣсяца безъ доктора,—а болѣли всѣ достаточно.

Когда англичане объявили эмиру войну, то онъ естественно потребовалъ отъ Разгонова, какъ представителя миссіи, исполненія обѣщаній Столѣтова. Яворскій на стр. 83 т. II говоритъ, по этому поводу, слѣдующее: „миссіи не было извѣстно, что обѣщалъ и чего не обѣщалъ генералъ Столѣтовъ эмиру. А между тѣмъ эмиръ утверждалъ, что генералъ Столѣтовъ обѣщалъ вернуться въ Кабулъ во главѣ тридцати-тысячнаго войска". Это также qui pro quo. Въ письмѣ Разгонова къ Кауфману отъ 15-го декабря (л. 226 обор. дѣла 63) сказано: „по словамъ везира, ген.-маіоръ Столѣтовъ, уѣзжая, обѣщалъ эмиру или устроить всѣ дѣла Афганистана дипломатическими переговорами или же придти на помощь съ войсками".

Положеніе Разгонова, которому Столѣтовъ не передалъ даже своей инструкціи и не знавшаго, въ какой мѣрѣ можно говорить эмиру правду, чтобы не разойтись съ правдой Столѣтова и не краснѣть за него и за себя,—было критическое. На отвѣты его „не знаю", эмиръ возражалъ:—Кто же будетъ знать? вѣдь вы—посолъ Россіи; вамъ именно и нужно это знать.

А когда отвѣтъ противорѣчилъ, сказанному прежде Столѣтовымъ, эмиръ спрашивалъ:

— Кто же изъ васъ говоритъ правду?

Со Столѣтовымъ эмиръ отправилъ „провожатыхъ": извѣстнаго уже кемнаба Мухамедъ-Хасанъ-хана, и адъютанта своего Гулямъ-Хайдеръ-хана съ двумя штабъ-офицерами. Въ дорогѣ казаки

опять укладывались на ночь вокругъ палатки Столѣтова, подъ открытымъ небомъ и выставляли двухъ часовыхъ.

„Ефрейторъ, одинъ на 10 человѣкъ казаковъ, бывшихъ съ нами, долженъ былъ не спать всю ночь“,—говоритъ Яворскій на стр. 359 т. I.—„Дѣлая распоряженіе, генералъ спросилъ: не одинъ ли онъ ефрейторъ на весь конвой? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „все-таки не спи ночью“. Караульную службу несли только 6 казаковъ, четверо вскорѣ заболѣли ревматизмомъ, двое вѣстовыхъ при Столѣтовѣ были освобождены отъ наряда, такъ что больные стояли на часахъ. За свое заступничество докторъ получилъ жестокій выговоръ...

31-го августа Столѣтовъ прибылъ въ Самаркандъ, гдѣ въ честь „провожатыхъ“ афганцевъ устроена была пышная встрѣча: выстроенныя на бульварѣ войска привѣтствовали ихъ дружнымъ „ура“, а артиллерія салютовала 30 выстрѣлами.

5-го сентября афганцы прибыли со Столѣтовымъ въ Ташкентъ и 6-го представлялись Кауфману.

Согласно личному докладу Столѣтова о томъ, что миссія ни въ чемъ будто бы не нуждается и живетъ припѣваючи, а самъ эмиръ будто бы желаетъ удержать при себѣ русскихъ въ видахъ увеличенія своего престижа,— Кауфманъ оставилъ миссію въ Кабулѣ на неопредѣленное время.

Совершенно основательно многіе призадумывались надъ участію нашей миссіи, и прежде всего она сама... Вотъ что пишетъ Яворскій (стр. 61 и 62 т. II) по этому поводу:

„Въ случаѣ рѣшительнаго отказа со стороны Россіи въ военной помощи эмиру Ширъ-Али-хану, и въ случаѣ—болѣе чѣмъ вѣроятномъ — рѣшительнаго пораженія афганской арміи, наша миссія могла разыграть роль „жертвы вечерней“ за грѣхи генер. Столѣтова. Эти грѣхи были тѣмъ болѣе неизвинительны, что онъ не имѣлъ никакого основанія давать эмиру положительныя обѣщанія военной помощи. Напротивъ. Извѣстіе объ окончаніи берлинскаго конгресса и соотвѣтствующая инструкція генерала Кауфмана получены были посольствомъ какъ нельзя болѣе кстати, именно за день до въѣзда въ Кабулъ, т. е. 28-го іюля“.

Не зная, какъ далеко зашелъ Столѣтовъ въ своихъ обѣщаніяхъ афганскому эмиру, такъ какъ о тридцати тысячахъ русскихъ солдатъ, ожидаемыхъ эмиромъ, Столѣтовъ благоразумно умолчалъ,— Кауфманъ тѣмъ не менѣе ухватился за мысль о протекторатѣ надъ Афганистаномъ и въ письмѣ отъ 9-го сентября просилъ военнаго министра „передвинуть въ округъ не менѣе 2-хъ пѣхотныхъ дивизій и 4 полка казаковъ, начавъ это передвиженіе настоящею же зимою“.

„Вотъ къ чему,—продолжаетъ Кауфманъ,—насъ обязываетъ протекторатъ надъ Афганистаномъ. Съ другой стороны—уклониться

отъ этого протектората значитъ отдать Афганистанъ не только англійскому вліянію, но, можетъ быть, и полному подчиненію. Нельзя не сознаться, что такой оборотъ дѣла повредитъ нашему положенію на востокѣ. Отказъ нашъ отъ протектората надъ Афганистаномъ на весьма долгое время сдѣлаетъ невозможнымъ какія либо сношенія съ этою страною, такъ какъ въ свою очередь англичане сумѣютъ обезпечить себѣ исполненіе тѣхъ обѣщаній которыя вынужденъ будетъ дать имъ эмиръ Ширъ-Али-ханъ.

„Все это покажетъ населенію Афганистана и Индіи англійскую силу и могущество и наше сравнительное безсиліе. Мы сами себѣ закроемъ въ этомъ случаѣ средне-азіятскій театръ дѣйствій при разрывѣ съ Англіей, а этотъ театръ дѣйствій, по моему убѣжденію, для нанесенія рѣшительнаго удара Англіи возможенъ только при условіи союза съ Афганистаномъ. Едва ли мы можемъ быть опасны для Англіи—иначе, какъ при условіи мирнаго пути отъ р. Аму до границъ Индіи; при этомъ условіи средне-азіятскій театръ дѣйствій пріобрѣтаетъ важность первостепенную. Обезпечить себѣ возможность дѣйствовать на этомъ театрѣ намъ необходимо въ виду будущаго окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса. Не имѣя возможности нанести Англіи рѣшительный ударъ въ Азіи, мы рискуемъ, что восточный вопросъ, когда настанетъ время продолжать его рѣшеніе, или опять затормозится или, при новой какой-либо комбинаціи европейской политики, рѣшится не въ нашу, а въ англійскую пользу“.

Начало письма, наполненное разсказами Столѣтова о его бесѣдахъ съ эмиромъ, мы не приводимъ, такъ какъ не можемъ, послѣ нѣсколькихъ указанныхъ выше примѣровъ, считать ихъ достовѣрными.

6-го сентября Кауфманъ получилъ отъ Милютина телеграмму съ высочайшимъ повелѣніемъ командировать Столѣтова въ Ливадію и, до разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, удержать афганское посольство у насъ, а наше въ Кабулѣ.

19 октября получена шифрованная телеграмма отъ него же слѣдующаго содержанія:

„По афганскому вопросу высочайше повелѣно во-первыхъ: такъ какъ имѣются положительныя свѣдѣнія, что не смотря на рѣзкій отвѣтъ эмира, Англія намѣрена вторично сдѣлать примирительную попытку, то посовѣтовать эмиру, чтобы онъ, во избѣжаніе несвоевременнаго столкновенія, пошелъ на примиреніе. Крайне необходимо, чтобы вашъ совѣтъ эмиру пришелъ ранѣе англійскаго предложенія. Во-вторыхъ: игольчатыя ружья, остающіяся отъ перевооруженія, съ патронами собрать въ такихъ пунктахъ, откуда удобнѣе отправить въ Афганистанъ, если обстоятельства потребуютъ. Цѣль этихъ распоряженій должна оставаться въ совершенной тайнѣ. Въ третьихъ: прибывшихъ теперь

въ Ташкентъ афганъ съ письмомъ къ государю, оставить въ Ташкентѣ или возвратить въ Кабулъ по вашему усмотрѣнію. Письмо отправить въ Ливадію, предварительно увѣдомивъ о содержаніи его по телеграфу. Въ четвертыхъ: объ остающемся въ Кабулѣ нашемъ посольствѣ ожидать особаго приказанія. Подробности сообщаю курьеромъ" (л. 71—72 дѣла).

Кауфманъ отвѣчалъ 22 числа слѣдующее: „Афганскій эмиръ пишетъ, что ожидаетъ войны, что самъ не начинаетъ, проситъ вниманія и дружеской помощи. Въ исторіи Афганистана видитъ сходство событій: посылка Виткевича и нынѣшняго посольства вызвали столкновеніе съ Англіей. Письмо посылаю съ курьеромъ".

21 числа посланъ и курьеръ—эсаулъ Машинъ. Кромѣ письма эмира, онъ повезъ и письмо Кауфмана къ Милютину (л. 76—77), Приведемъ наиболѣе любопытную выдержку изъ этого письма:

„Я такъ дѣло понимаю: мы можемъ угрожать Англіи, только состоя въ дружбѣ съ афганцами. Иначе Индія намъ не доступна; я и считалъ ее таковою, до тѣхъ поръ, пока не выразилась готовность Ширъ-Али, не только дружить съ нами, но даже просить нашего протектората.

„Этотъ протекторатъ очень соблазнителенъ. Съ нимъ мы все можемъ, и расположивъ здѣсь достаточныя силы, не болѣе двухъ дивизій, пѣхоты мы можемъ владѣть Англіею и можемъ обязывать ее исполнять волю государя.

„Само собою разумѣется, что протекторатъ безъ поддержки силы не имѣетъ полезнаго значенія и при первомъ неблагопріятномъ случаѣ, компрометируетъ насъ и самъ собою распадется Ширъ-Али человѣкъ умный, онъ понялъ, что мы не должны уступать англичанамъ, понялъ, что Индія является единственнымъ мѣстомъ, откуда мы можемъ угрожать Англіи, если онъ, Ширъ-Али, будетъ на нашей сторонѣ. Въ этомъ его сила, а ненавидя англичанъ и боясь ихъ всепоглощающей политики, онъ воспользовался случаемъ, чтобы прильнуть къ намъ.

„Я боюсь во всемъ этомъ одного: если результатомъ всего, что теперь совершается здѣсь, будетъ подчиненіе Афганистана вліянію Англіи, то мы потеряемъ то обаяніе, которое мы пріобрѣли въ Средней Азіи, потеряемъ безграничную вѣру въ насъ народовъ и правительствъ насъ здѣсь окружающихъ. А подобное уваженіе и довѣріе пріобрѣтаются медленною и выдержанною всегда ровною, всегда честною работою и политикою; но разъ пошатнувъ это довѣріе и уваженіе, не легко его поправить, да и никогда уже не достигнетъ оно той высоты, на которой стояло".

На это министръ отвѣчалъ шифрованной телеграммой отъ 14-го ноября изъ Ливадіи, въ которой по поводу справедливыхъ разсужденій Кауфмана написалъ только слѣдующее: „по общему ходу политическихъ дѣлъ, съ нашей стороны нужна крайняя

осторожность. Государь императоръ подтверждаетъ данную вамъ уже по сему предмету инструкцію".

Инструкція эта въ формѣ „Записки по афганскому вопросу", о которой мы уже говорили, была прислана съ курьеромъ въ дополненіе телеграммы отъ 18 октября. Опуская историческое изложеніе хода событій, приведшихъ съ столкновенію Афганистана съ Остъ-индскимъ правительствомъ, мы приведемъ только заключительную часть записки.

Упомянувъ, что предложенный намъ эмиромъ союзъ (хотя въ дѣйствительности не онъ намъ предложилъ, а мы ему), какъ вовсе не соотвѣтствующій интересамъ Россіи и направленію нашей политики, „его величеству угодно было отклонить", и что для обсужденія вопроса о дипломатическомъ воздѣйствіи на англійское правительство, для огражденія Ширъ-Али-хана, былъ вызванъ изъ Лондона графъ Шуваловъ, записка продолжаетъ:

„Въ совѣщаніи, состоявшемся въ присутствіи государя императора, вопросъ былъ разсмотрѣнъ, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи.

„Принявъ во вниманіе отдаленность Афганистана отъ нашихъ предѣловъ, невозможность скоро сосредоточить въ Туркестанѣ, для открытаго вмѣшательства, силы, огромные денежные расходы, потребные на приготовленіе для дѣйствія въ Афганистанѣ серіозныхъ военныхъ экспедицій, также и то, что раздѣляемая генераломъ Столѣтовымъ надежда эмира на возстаніе противъ англичанъ въ Индіи есть только вѣроятность, не отрицающая возможности тамъ и другаго оборота дѣлъ, и наконецъ настоящія политическія затрудненія наши въ Европѣ,—совѣщаніе пришло къ заключенію, что намъ никакъ не слѣдуетъ прямо идти на войну съ Англіею изъ-за настоящаго столкновенія ея съ Афганистаномъ.

„Негласная, тайная помощь Ширъ-Али-хану посылкою оружія также имѣетъ свои неудобства, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Она не ускользнула бы отъ вниманія англичанъ, а между тѣмъ въ глазахъ азіятцевъ была бы не согласна съ нашимъ достоинствомъ: въ Азіи всѣ привыкли къ тому, что въ противоположность скрытнымъ дѣйствіямъ англичанъ, мы дѣйствуемъ открыто; въ этомъ видятъ нашу силу и политическую честность. Поэтому, къ тайной помощи можно прибѣгнуть только какъ къ средству крайнему.

„При такихъ затрудненіяхъ остается одинъ путь для нашихъ дѣйствій: употребить всѣ усилія, чтобы привести къ мирной развязкѣ настоящее столкновеніе и затѣмъ поставить англичанъ въ прежнее уединенное положеніе *). Таковой развязкѣ благопріят-

*) Подчеркнуто Кауфманомъ съ вопросительнымъ знакомъ.

ствуютъ имѣющіяся свѣдѣнія, что несмотря на рѣзкій отвѣтъ эмира, Англія дѣлаетъ вторичную попытку къ примиренію.

„На основаніи всего вышеизложеннаго, государю императору благоугодно было повелѣть дать туркестанскому генералъ-губернатору по телеграфу приказаніе, чтобы онъ посовѣтовалъ эмиру, во избѣжаніе несвоевременной войны, идти на примиреніе, и постарался, чтобы этотъ совѣтъ дошелъ до Ширъ-Али-хана ранѣе англійскаго предложенія.

„Съ другой стороны генералъ-адъютанту гр. Шувалову высочайше повелѣно, не принимая иниціативы для объясненій по настоящему афганскому столкновенію, которыхъ англійскіе министры доселѣ избѣгаютъ, воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы заявить имъ, что мы искренно желаемъ уладить мирнымъ путемъ настоящее столкновеніе британскаго правительства съ Ширъ-Али-ханомъ, но что русскіе интересы въ Азіи безусловно связаны съ сохраненіемъ независимости Афганистана. Эта независимость составляетъ одно изъ главныхъ условій того положенія, которое, на основаніи прежнихъ переговоровъ нашихъ съ Англіей, обязались мы обоюдно сохранять относительно средне-азіятскихъ государствъ. Переписка съ лордомъ Дерби въ 1875 году представляетъ самые вѣсскіе доводы въ этомъ отношеніи.

„Находящемуся еще въ Кабулѣ посольству нашему рѣшено оставаться тамъ, пока не будетъ признано своевременнымъ, по ходу переговоровъ съ англійскимъ кабинетомъ, отозвать его окончательно.

„Наконецъ, въ сказанномъ совѣтѣ рѣшено: остающіеся за перевооруженіемъ войскъ Туркестанскаго военнаго округа игольчатыя ружья и патроны къ нимъ собрать въ такихъ пунктахъ, откуда удобнѣе отправить ихъ въ Афганистанъ, въ томъ случаѣ, если бы это потребовалось по ходу дальнѣйшихъ обстоятельствъ. Распоряженіе это должно оставаться до времени въ совершенной тайнѣ“.

Итакъ, тайная помощь посылкою оружія все-таки была разрѣшена, когда дѣло дойдетъ до крайности, а дипломатическое воздѣйствіе отложено до того времени, когда англійскіе министры сами заговорятъ съ Шуваловымъ объ афганскомъ столкновеніи...

Главный же результатъ совѣщанія состоялъ въ томъ, что трактатъ Столѣтова съ афганскимъ эмиромъ былъ забракованъ, какъ вовсе не соотвѣтствующій интересамъ Россіи и направленію нашей политики. А между тѣмъ бѣдный Ширъ-Али-ханъ, считая Столѣтова, конечно, съ его словъ, за важную персону, пользующуюся особымъ довѣріемъ русскаго царя, былъ твердо убѣжденъ, что договоръ, подписанный Столѣтовымъ, есть уже дѣло конченное и обязательное для Кауфмана!

Послѣ такого полнаго провала, Столѣтовъ пересталъ писать къ Кауфману и, конечно, не собирался возвращаться въ Кабулъ, гдѣ его уже раскусили... Да это было признано „неудобнымъ“ и самимъ государемъ, какъ это видно изъ телеграммы воен. министра отъ 26-го ноября (л. 138 дѣла). Весьма вѣроятно, что если бы въ Ливадіи знали, что не эмиръ предложилъ союзъ, а Столѣтовъ, и что послѣдній именемъ государя обѣщалъ и вооруженную помощь, то отнеслись бы къ вопросу иначе. Очевидно, что въ экземплярѣ конвенціи, представленномъ государю Столѣтовымъ, не было прописано, что текстъ ея составленъ по-русски Столѣтовымъ и имъ же переведенъ на персидскій языкъ. Если бы починъ шелъ отъ Ширъ-Али, то, конечно, текстъ былъ бы написанъ по персидски, а не по, русски и затѣмъ переведенъ бы былъ на русскій языкъ. Столѣтова принимали въ Афганистанѣ, какъ посла Бѣлаго Царя. Отъ Его высокаго имени, онъ велъ переговоры и предложилъ союзъ... И вдругъ оказывается, будто союзъ предложилъ Ширъ-Али, а русскій императоръ отклонилъ его!

Недовольный молчаніемъ Столѣтова, Кауфманъ послалъ ему телеграмму отъ 12-го ноября: „почему не пишете, не телеграфируете? ничего не знаю, что дѣлается. Кемнабъ тяготится, не понимаетъ, что значитъ молчаніе. Прошу отвѣчать телеграфомъ и письмомъ“. Но телеграмма эта не застала уже Столѣтова: онъ уѣхалъ въ отпускъ за границу. Вмѣстѣ съ приведенной выше инструкціей, Милютинъ прислалъ Кауфману и письмо, написанное Столѣтовымъ по его порученію на имя афганскаго визиря въ томъ же смыслѣ, въ какомъ состоялось рѣшеніе совѣщанія. Письмо было написано на персидскомъ языкѣ и до того переполнено ошибками, до того безграмотно, что его читали въ Кабулѣ цѣлую недѣлю соединенными силами—и наши переводчики, и афганцы. Объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь о событіяхъ въ Афганистанѣ ко времени полученія этого письма въ Кабулѣ.

Во всякомъ случаѣ это письмо было лебединою пѣснью неудавшагося дипломата и главнокомандующаго афганскихъ войскъ.

Намъ кажется, что и самъ Кауфманъ нѣстолько повредилъ дѣлу, требуя непремѣнно еще 2-хъ дивизій пѣхоты. Это просто испугало членовъ совѣщанія, которые и нашли, что передвинуть ихъ въ Туркестанъ скоро, невозможно и повлечетъ за собой огромные расходы.

Кауфманъ получилъ этотъ отказъ съ фельдъ-егеремъ 13 ноября и, сообразивъ свой промахъ, тотчасъ отказался отъ 2-хъ дивизій. 19 ноября онъ уже пишетъ военному министру, съ тѣмъ же фельдъ-егеремъ, что „у Ширъ али-хана есть свои шансы къ успѣху, конечно, при томъ условіи, что народъ останется ему

вѣренъ. А если, съ помощію Божіею, онъ сумѣетъ продлить борьбу до лѣта будущаго года, то этимъ онъ докажетъ свою силу и тогда мы могли бы отсюда рискнуть поддержать его съ меньшими средствами, чѣмъ тѣ, которыя исчислены были мною въ запискѣ, представленной по этому вопросу съ генераломъ Столѣтовымъ" (л. 137 дѣла).

Развивая свои прежніе доводы въ пользу болѣе твердой и наступательной политики, Кауфманъ пишетъ еще слѣдующее:

„Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я сказалъ, что успѣхъ англичанъ весьма для насъ не выгоденъ. И дѣйствительно, десять лѣтъ я не входилъ ни въ какіе переговоры съ афганскимъ владѣтелемъ. Во всѣхъ моихъ сношеніяхъ, какъ съ бухарскимъ эмиромъ, такъ съ покойнымъ Якубъ-бекомъ кашгарскимъ и съ ханомъ хивинскимъ, также въ разговорахъ съ ихъ повѣренными, я избѣгалъ даже произносить слова „Англія", „англичане". Я игнорировалъ ихъ существованіе; къ афганскому же эмиру я не писалъ другихъ писемъ, какъ только съ вопросомъ о здоровьѣ и съ увѣреніями въ томъ, что желаю сохранить съ нимъ дружескія отношенія.

„Въ понятіяхъ сосѣднихъ правительствъ и въ понятіяхъ народовъ составилось убѣжденіе, что намъ никакого дѣла нѣтъ до англичанъ, что хотя мы съ ними въ мирѣ, но что успѣхъ и не успѣхъ ихъ насъ не интересуетъ. Въ этомъ году впервые мы сдѣлали шагъ, который открылъ глаза азіятамъ; они догадались, что мы съ англичанами находимся въ антагонизмѣ и тутъ-то наши соперники въ преобладаніи въ Азіи сдѣлали, вопреки нашего желанія, такой шагъ впередъ, который, по понятіямъ всѣхъ, доказываетъ силу Англіи, другими словами, безсиліе наше. Я не могу судить о томъ, что еще возможно, чего невозможно достигнуть дипломатическимъ путемъ, чтобы не допустить Англію къ завоеванію Афганистана или къ обращенію его въ свое вассальное государство. Я не имѣю достаточныхъ данныхъ о ходѣ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, на которыя, ваше сіятельство, указываете въ телеграммѣ 14 ноября, но позволяю себѣ думать, что всѣ существующія и могущія еще быть новыя затрудненія въ дѣлахъ нашихъ въ Европѣ, идутъ отъ Англіи и всѣ они разрѣшались здѣсь. Будь мы во-время сильны въ Средней Азіи, мы могли бы достигнуть и на Балканскомъ полуостровѣ, и въ Малой Азіи всего, что намъ нужно. Между тѣмъ, если англичане устроятъ свои дѣла въ Индіи, вполнѣ себя здѣсь обезпечатъ отъ всякихъ внѣшнихъ случайностей, они и тамъ будутъ болѣе требова-

тельны и ужъ, конечно, ни въ чемъ намъ не уступятъ *).

„Очень бы я желалъ ошибаться въ этомъ; хотя здѣшнія дѣла мнѣ хорошо извѣстны, но мой кругозоръ не идетъ далѣе азіятскихъ границъ. Само собою разумѣется, что я во всей точности исполняю все то, что мнѣ Высочайше указано, а въ дѣлѣ этомъ не позволю себѣ ни на волосъ выйти изъ рамки строгаго исполненія священной воли государя императора; разсуждаю же я потому только, что ужъ очень наболѣло у меня сердце за все это послѣднее время, а частію и для большаго выясненія себѣ положенія вещей".

Въ заключеніе Кауфманъ повторяетъ просьбу о разрѣшеніи прибыть въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Какъ мало хлопоталъ гр. Шуваловъ о томъ, чтобы выручить Ширъ-Али-хана изъ бѣды, а Кауфмана изъ крайне тягостнаго и двусмысленнаго положенія, въ которыя оба они попали, благодаря непростительному поведенію Столѣтова, можно судить изъ того, что только 3 декабря Кауфманъ получилъ шифрованную телеграмму отъ канцлера кн. Горчакова, что наконецъ Шуваловъ удосужился замолвить слово за несчастнаго Ширъ-али, такъ какъ „англійскіе министры дали послу нашему въ Лондонѣ положительное завѣреніе, что независимость Афганистана будетъ ими сохранена".

Далѣе сообщалось повелѣніе государя объ отозваніи нашей миссіи и отправленіи афганскихъ посланцевъ. Сообщалось также, что „государь не будетъ самъ отвѣчать эмиру, предоставляя вамъ отправить къ нему съ нарочнымъ письмо, въ которомъ сообщите что Государь желаетъ остаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, избѣгая, впрочемъ, выраженій, могущихъ подать эмиру надежду на какую-либо съ нашей стороны матеріальную поддержку" (л. 157 дѣла).

26 декабря пришелъ и отвѣтъ Милютина, отъ 6 декабря, на послѣднее письмо Кауфмана, отъ 19 ноября. Милютинъ пишетъ, что прочелъ это письмо государю и передавалъ для прочтенія въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Далѣе приведемъ подлинныя слова Милютина: „Какъ его величество, такъ и государственный канцлеръ не отвергаютъ вѣрности соображеній вашего высокопревосходительства, относительно связи, существующей между совершающимися въ Азіи событіями и общимъ ходомъ политики Англіи; несомнѣнно, что успѣхъ англичанъ на границахъ Индіи сдѣлаетъ ихъ еще болѣе назойливыми въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе государь императоръ не измѣнилъ твердаго своего намѣренія поддерживать европейскій миръ до послѣдней

*) Все это подчеркнуто самимъ Кауфманомъ.

крайности и не допуститъ, чтобы поводъ къ рѣшительному разрыву съ Англіей былъ поданъ съ нашей стороны.

„Столкновеніе наше съ этою державою въ Азіи было бы сигналомъ общей и упорной войны, при обстоятельствахъ и обстановкѣ, крайне для насъ невыгодныхъ. Поддержаніе эмира афганскаго въ борьбѣ съ Англіей было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, еслибъ разрывъ съ Англіей сдѣлался неизбѣжнымъ. Это и имѣлось въ виду въ началѣ текущаго года, когда мы готовились къ войнѣ. Теперь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь активныхъ мѣрахъ съ нашей стороны; и если эмиръ, рѣшившись на войну съ Англіей, разсчитывалъ на матеріальную нашу поддержку, то полагаю, что н е м ы и не посольство наше въ Кабулѣ ввели его въ подобное заблужденіе“.

Здѣсь Кауфманъ поставилъ вопросительный знакъ и вполнѣ основательно: очевидно, что самъ Милютинъ находился на этотъ счетъ въ сильномъ заблужденіи, и мы не сомнѣваемся, что его ввелъ въ это заблужденіе тотъ же, кто ввелъ въ заблужденіе и Ширъ-Али-хана.

По поводу дальнѣйшихъ словъ Милютина о томъ, что со времени высочайшаго повелѣнія о роспускѣ отрядовъ и демобилизаніи войскъ, Кауфману постоянно сообщались высочайшія указанія отклонять эмира отъ столкновенія съ Англіей,—Кауфманъ сдѣлалъ на поляхъ длинную помѣтку о томъ, что всѣ эти указанія и совѣты немедленно посылались въ Кабулъ и постоянно опаздывали. Мы уже привели начало этихъ помѣтокъ насчетъ запозданія будто бы сообщенія Столѣтову о роспускѣ войскъ и доказали, что Кауфманъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ же неугомоннымъ мистификаторомъ, который, повертѣвшись недолго въ Ташкентѣ, Кабулѣ и Ливадіи, успѣлъ „ввести въ заблужденіе“ рѣшительно всѣхъ, кому сказалъ хоть одно слово!

Въ заключеніе Милютинъ увѣдомлялъ, что поѣздку Кауфмана въ Петербургъ государь находитъ неудобною до разъясненія афганскаго дѣла.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго въ этой главѣ мы видимъ, что посуливши афганскому эмиру устами Столѣтова, которому эмиръ долженъ былъ вѣрить, „какъ самому Кауфману“,— помощь войсками и содѣйствіе дипломатическимъ путемъ, мы предоставили Афганистанъ его собственнымъ силамъ и не только войсками, но и предстательствомъ за него передъ англійскимъ правительствомъ никакой помощи ему не оказали.

ГЛАВА XVIII.

Письма Разгонова. Миссія наша мерзнетъ, страдаетъ отъ лихорадки и сидитъ безъ денегъ. Кауфманъ не вѣритъ. Разоблаченія дѣятельности Столѣтова. Вѣрность предсказаній Разгонова. Отчаянное положеніе миссіи. Разгоновъ также секретничаетъ Пагубные совѣты его эмиру. Поведеніе переводчика Назирова. Характеристика Разгонова. Англійское посольство. Конвой въ 2000 чел. Переговоры 1877 года. Ультиматумъ и 14 дней срока на отвѣтъ. Почему Разгоновъ совѣтовалъ не принимать англійскаго посольства, вопреки совѣту Кауфмана? Англійское золото въ виду голоданія русской миссіи. Письма эмира къ государю по совѣту Разгонова. Змѣиные, т. е. мудрые совѣты Столѣтова. Умѣстны ли цвѣты краснорѣчія въ оффиціальныхъ бумагахъ? Вѣтвь мира. Поправки Разгонова. Отвѣтъ на ультиматумъ опоздалъ. Огорченіе эмира. Переводъ отвѣта. Начало войны 9 ноября. Подкупъ хейберцевъ. Удивленіе Разгонова. Нота его. Прокламація англичанъ. Телеграмма Кауфмана Милютину. Громадный обозъ англичанъ. Падежъ верблюдовъ. Движеніе англичанъ тремя колоннами. Освобожденіе сына эмира изъ-подъ ареста. Совѣтъ эмиру покинуть Кабулъ и ѣхать въ Россію. Ночное выступленіе изъ Кабула. Отказъ въ принятіи эмира. Вразумленіе Горчакова Кауфманомъ. Путаница, надѣланная своеволіемъ сотника Булацеля. Согласіе на принятіе эмира въ Ташкентѣ. Непріятныя объясненія. Эмиръ не знаетъ, кому вѣрить, кому нѣтъ. Сомнѣніе въ подлинности писемъ Кауфмана. Отказъ эмира отъ поѣздки въ Ташкентъ. Отъѣздъ миссіи изъ Мазаръ-и-Шерифа. Болѣзнь и смерть эмира. Ожиданіе междоусобій. Тайный отъѣздъ доктора Яворскаго и переводчика. Командировка полк. генер. штаба Матвѣева до Остъ-индской границы и полк. Гродекова чрезъ Гератъ и Персію.

Оставшись въ Кабулѣ во главѣ нашей миссіи, полк. Разгоновъ, произведенный 30 августа въ генералъ-маіоры, считая почему-то себя все еще подчиненнымъ Столѣтову, писалъ ему безпрестанно, надоѣдая напоминаніемъ объ его обѣщаніяхъ насчетъ доктора, лекарствъ, подарочныхъ вещей и отозванія миссіи, но Столѣтовъ не только не отвѣчалъ самъ, но даже и письма доктора Яворскаго, довѣренныя ему для отсылки въ Кабулъ, оставилъ у себя... На это докторъ жалуется на стр. 80 т. II. Только 10 сентября, въ день своего выѣзда въ Ливадію, Столѣтовъ отвѣтилъ, наконецъ, на 9 писемъ Разгонова, коротенькимъ письмомъ, что „Высочайше повелѣно до окончательнаго рѣшенія дѣлъ о сношеніяхъ нашихъ съ Афганистаномъ, вамъ съ прочими членами миссіи оставаться въ Кабулѣ, чтобъ удержать занятую нами позицію“. Это письмо получено было въ Кабулѣ въ концѣ сентября и Разгоновъ оставилъ Столѣтова въ покоѣ, обративъ теперь стрѣлы своего краснорѣчія противъ Кауфмана.

Первое его письмо отъ 4, а второе отъ 5 октября пришли въ

Ташкентъ 25 октября (л. 78—85 дѣла). Не придираясь слишкомъ къ вольностямъ орѳографіи, благодаря которымъ буква ѣ совалась всюду, гдѣ ее не спрашивали (какъ напримѣръ: блѣстящаго, всѣй, имѣнно, примирѣніе, преждѣ, пріѣмъ, не разумѣнъ и т. п.), слѣдуетъ сказать, что его письма во много разъ обстоятельнѣе и дѣльнѣе Столѣтовскихъ.

Возражая противъ мнѣнія, будто миссія должна оставаться въ Кабулѣ для удержанія за собой позиціи, Разгоновъ доказываетъ, что для пользы дѣла миссію, наоборотъ, слѣдуетъ отозвать какъ можно скорѣе. Наша позиція, говоритъ онъ, „останется за нами, но только до тѣхъ поръ, пока власть эмира не пошатнется. Она навѣрное пошатнется, если только англичане разовьютъ свои дѣйствія съ достаточной энергіей. Я всего менѣе боюсь англійскихъ войскъ, но крѣпко боюсь ихъ золота, я боюсь внутреннихъ смутъ, которыя они поднимутъ. Раздѣляй и властвуй— ихъ неизмѣнный девизъ, и конечно никто въ мірѣ не умѣетъ лучше ихъ примѣнять его къ дѣлу, особенно въ Азіи, когда имъ нужно посѣять и раздуть внутреннюю смуту. Слѣдовательно, удержать позицію значитъ, по моему мнѣнію, сдѣлать все возможное для поддержанія прочности власти эмира, устранить, избѣгнуть по возможности всего того, что могло повредить ей“.

„На этотъ разъ самое нужное—ослабить настойчивость и энергію дѣйствій англичанъ, ибо помощь наша еще далека. Наше же пребываніе въ г. Кабулѣ есть одинъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ, двигающихъ англичанами... Дня три назадъ визирь повторилъ мнѣ снова то, что говорилъ уже много разъ: „англичане прямо говорятъ намъ: удалите русскихъ изъ Кабула—и мы успокоимся“...

„Такимъ образомъ полезную дѣятельность миссіи въ Кабулѣ можно считать совершенно законченною. Дальнѣйшее пребываніе наше здѣсь въ настоящую минуту только вредитъ дѣлу, вызывая настойчивую, раздражительную дѣятельность англичанъ и ускоряя ихъ военныя и другія операціи, что вовсе не желательно“.

До какой степени Разгоновъ вѣрно понималъ дѣло и предсказывалъ событія, выяснилось не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, но Кауфманъ ему не вѣрилъ.

Рисуя участь злополучной миссіи, сидящей безъ всякаго дѣла въ заточеніи, Разгоновъ говоритъ: „Дома здѣсь совершенно не приспособлены для зимняго времени года: печей нѣтъ вовсе, да онѣ были бы безполезны, потому что вся четвертая стѣна каждой комнаты есть деревянный, сложенный изъ кусочковъ, ажурный ставень, отодвигаемый по частямъ кверху. Это очень удобно лѣтомъ, но зимовать удобнѣе въ порядочной юртѣ, чѣмъ въ та-

кихъ комнатахъ и гдѣ поэтому проводятъ цѣлые дни, закутавшись въ шубѣ, надъ жаровней съ углями".

Чтобы не возвращаться къ этому предмету, кстати приведемъ здѣсь выдержку изъ другого письма Разгонова отъ 8 ноября (л. 163 дѣла).

„Болото около нашего дворца замерзло и заболѣванія лихорадкою стали рѣже, но не прекратились. Зато вода мерзнетъ по ночамъ у насъ въ комнатахъ; жить въ квартирѣ можно только въ шубѣ; бѣлье и платье все просырѣло. Чтобы дать ясное понятіе о нашемъ помѣщеніи, скажу только, что свѣчи подаются на столъ не иначе, какъ въ подсвѣчникахъ со стеклянными колпаками; во время вѣтряной погоды иногда свѣчи гаснутъ на столѣ, работать же нѣтъ возможности; вѣтеръ свободно ходитъ по всѣмъ направленіямъ. Теперь же кромѣ того руки мерзнутъ такъ, что писать можно только съ трудомъ".

Воротимся теперь къ первому письму для дополненія картины.

„И вотъ,—продолжаетъ Разгоновъ,—среди такой обстановки придется провесть зиму людямъ больнымъ, истомленнымъ до послѣдней крайности злокачественной болотной лихорадкой и тифомъ, безъ всякихъ удобствъ для жизни; безъ доктора, безъ лекарствъ, почти безъ денегъ и даже безъ возможности моціона и движенія на свободномъ воздухѣ... Что же касается возможной пользы, которую могла бы принести миссія своимъ присутствіемъ здѣсь, то для этого необходимы деньги и вліяніе, которыхъ нѣтъ, и главное войска. Англичане для начала дѣятельности посольской миссіи ассигновали 300,000 рублей, имѣютъ здѣсь давно подготовленную почву и войска на самой границѣ, всего въ 300-хъ верстахъ отъ Кабула".

Упомянувъ, что Кабулъ находится на высотѣ 6,400 ф. надъ уровнемъ моря, что городъ окруженъ полукольцомъ изъ болотъ и только одной стороной припертъ къ горамъ; что болота надѣляютъ весь городъ болотной лихорадкой и тифомъ и что на самомъ берегу болота стоитъ дворецъ, отведенный для миссіи, Разгоновъ продолжаетъ: „Въ этомъ, правда, лучшемъ помѣщеніи г. Кабула, миссія заключена уже 10 недѣль, среди міазмовъ болотной лихорадки. Заключеніе это, правда, почетное, но тѣмъ не менѣе строгое, въ буквальномъ смыслѣ... Генералъ-маіоръ Столѣтовъ пробылъ въ г. Кабулѣ всего 11 дней. Ко дню его выѣзда переболѣли лихорадкою: онъ самъ, почти всѣ офицеры миссіи, докторъ, большинство казаковъ и деньщиковъ. Уѣзжая, ген.-м. Столѣтовъ взялъ съ собою 11 человѣкъ казаковъ изъ наиболѣе здоровыхъ и лучшихъ людей, доктора, часть аптечныхъ медикаментовъ и половину всей, оставшейся на лицо денеж-

ной суммы *)... Никакія мѣры предосторожности не спасали и не спасаютъ отъ заболѣваній. Давно уже потерянъ счетъ, сколько разъ переболѣлъ каждый изъ насъ". Далѣе Разгоновъ возражаетъ на невѣрный докладъ Столѣтова Кауфману о томъ, что миссія помѣщена прекрасно и пользуется вожделѣнныхъ здравіемъ: »Генералъ-маіоръ Столѣтовъ пробылъ въ Кабулѣ весьма недолго, всего 11 дней, поэтому отъ его вниманія легко могло ускользнуть, какъ велики неблагопріятныя условія, окружающія миссію; частые же случаи заболѣванія людей онъ, вѣроятно, объяснилъ себѣ какою-нибудь временною, случайною причиною". Возразивъ такъ мягко на грубую неправду Столѣтова, Разгоновъ проситъ усилить составъ миссіи однимъ докторомъ и вторымъ фельдшеромъ, а затѣмъ продолжаетъ: „Что же касается матеріальныхъ средствъ миссіи, то необходимо пополненіе: аптечными медикаментами, деньгами и подарочными вещами, которыхъ у меня совершенно нѣтъ. Уѣзжая, ген.-м. Столѣтовъ обѣщалъ мнѣ озаботиться высылкою доктора, денегъ и подарочныхъ вещей, но вѣроятно позабылъ объ этомъ.

„Уѣзжая, ген. м. Столѣтовъ взялъ съ собою для подарковъ по дорогѣ всѣ, имѣвшіяся у насъ подарочныя вещи, даже лучшія собственныя вещи нѣкоторыхъ членовъ миссіи, такъ что у меня рѣшительно нѣтъ ничего для подарковъ, за исключеніемъ однихъ золотыхъ часовъ и моего собственнаго охотничьяго ружья. Халаты есть, но они не пригодны, ибо ихъ можно дарить только мелкимъ служителямъ. Денежная сумма истощена: если удовлетворить миссію содержаніемъ за прослуженное уже время, то образуется дефицитъ; а между тѣмъ расходовъ предвидится много какъ во время обратнаго движенія, такъ еще болѣе, если придется зимовать въ г. Кабулѣ".

Бендерскій говорилъ намъ, что Разгоновъ даже заплакалъ, когда получилъ отъ Кауфмана въ отвѣтъ, что, по его свѣдѣніямъ, положеніе миссіи вовсе не такъ плачевно, какъ рисуетъ Разгоновъ...

Во второмъ письмѣ, послѣдній опять проситъ прислать Яворскаго, уже отъ имени эмира, который страдаетъ хроническимъ кашлемъ. При этомъ сообщаетъ еще, что „эмиръ афганскій приготовилъ воззваніе къ индійскимъ раджамъ и владѣтелямъ, въ которомъ въ заключеніе, между прочимъ, говоритъ, что англичане его не надуютъ уже болѣе и что онъ лучше предпочитаетъ быть растерзаннымъ тигромъ (намекъ на Англію) или раздавленнымъ слономъ (намекъ на Россію), чѣмъ ласкаться около собаки".

Ознакомившись съ матеріальнымъ положеніемъ миссіи, перей-

*) Дѣло идетъ объ остаткахъ отъ экстраординарной и суточныхъ для членовъ миссіи и нижнихъ чиновъ, а не о подаркѣ эмира...

демъ къ ея нравственному положенію. Въ письмѣ отъ 8-го ноября Разгоновъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Вашему высокопревосходительству извѣстно, что уѣзжая изъ Ташкента, я не получилъ никакихъ указаній, никакихъ инструкцій, тѣмъ паче никакихъ правъ и полномочій. Какъ велики были полномочія г. м. Столѣтова, какія онъ имѣлъ права и основанія для дѣйствій, это осталось для меня тайной. Для меня и для всѣхъ членовъ миссіи осталось тайной даже и то, что онъ говорилъ и обѣщалъ афганамъ, такъ какъ г. м. Столѣтовъ объяснялся съ ними безъ переводчика. Это обстоятельство повело впослѣдствіи ко многимъ весьма непріятнымъ случайностямъ и сдѣлало мое положеніе еще болѣе фальшивымъ. Только послѣ отъѣзда г. м. Столѣтова, визирь неоднократно говорилъ мнѣ, что генералъ обѣщалъ имъ очень много, но что именно,—мнѣ неизвѣстно до сихъ поръ. Г. м. Столѣтовъ уѣхалъ крайне поспѣшно, объявивъ, что вся миссія, кромѣ доктора, остается въ Кабулѣ подъ моимъ начальствомъ и будетъ отозвана обратно тотчасъ же по прибытіи его въ Ташкентъ; что докторъ, деньги и подарочныя вещи будутъ немедленно же высланы къ намъ на встрѣчу.

„На всѣ мои просьбы оставить мнѣ, на всякій случай, указанія и инструкціи, которыя мнѣ служили бы основаніемъ для дѣйствій, онъ отвѣтилъ: „совершенно не вмѣшивайтесь въ политику; по всѣмъ политическимъ вопросамъ рекомендуйте ожидать увѣдомленія и разъясненія изъ Ташкента, и болѣе вамъ никакихъ инструкцій не понадобится“. (л. 161 дѣла).

И вотъ Разгоновъ остался представителемъ Россіи, ея посломъ, но однако безъ полномочіи и даже съ указаніемъ отнюдь не касаться политики!

Безъ почвы подъ ногами, въ 1,000 верстахъ отъ Ташкента, съ возможностію получить оттуда отвѣтъ на свой вопросъ, въ лучшемъ случаѣ, только черезъ 36 дней и это среди обстоятельствъ быстро мѣняющихся... поистинѣ положеніе критическое, и Разгоновъ вполнѣ правъ, говоря, что „невозможно создать положенія болѣе невыгоднаго, чѣмъ то, въ которомъ находится наша миссія въ Кабулѣ“.

Въ письмѣ отъ 20 ноября (л. 182 оборотъ), онъ приводитъ разговоръ свой съ визиремъ по поводу отпуска миссіи изъ Кабула, на что эмиръ уже не соглашался. Въ числѣ прочихъ доводовъ визирь сказалъ слѣдующее: „генералъ Столѣтовъ наобѣщалъ намъ много и исчезъ, какъ рыба въ воду! Пока вы здѣсь, еще есть надежда на вашу помощь“...

Ясно, что миссія оставлена была въ видѣ залога! Кажется просто невѣроятнымъ, невозможнымъ, чтобы посолъ, уѣзжая, не со-

общилъ своему преемнику о заключенномъ имъ договорѣ, а между тѣмъ изъ словъ Разгонова прямо вытекаетъ, что онъ ничего объ этомъ не зналъ, не зналъ, какія обѣщанія въ договорѣ заключаются. Не зналъ, что отвѣчать на запросы, а сознаться въ незнаніи стыдился. Поэтому отвѣчалъ невпопадъ и часто попадалъ въ просакъ.

Вполнѣ понятна горькая иронія, съ какою Разгоновъ поминаетъ Ливадію, откуда шли телеграммы военнаго министра. Такъ, въ письмѣ отъ 26 октября (на л. 124 обр. и 125 дѣла) онъ говоритъ: „Въ Ливадіи, безъ сомнѣнія, не могутъ знать, что въ Кабулѣ дѣло поставлено безповоротно въ смыслѣ русскихъ интересовъ“, а черезъ пять строкъ: „Еще менѣе въ Ливадіи могутъ догадаться о тяжеломъ санитарномъ положеніи нашей миссіи здѣсь“. А въ письмѣ отъ 8-го ноября (на л. 162 дѣла) онъ говоритъ: „Распоряженіе изъ Ливадіи даетъ право думать, что тамъ считаютъ нашу миссію чѣмъ-то опредѣленнымъ, аккредитованнымъ, съ извѣстными полномочіями подобно англійскому посольству лорда Чамберлейна, и положеніе наше здѣсь предполагаютъ похожимъ на положеніе какой-либо миссіи въ Берлинѣ или Вѣнѣ. Тамъ не подозрѣваютъ, что ставятъ насъ въ положеніе пловца, выбивающагося изъ силъ и отталкиваемаго отъ борта собственнаго корабля“.

Въ письмѣ отъ 15-го ноября, когда началась уже война между Англіей и Кабуломъ, онъ пишетъ: „Принятіе русскаго посольства и продолжительное пребываніе русскихъ въ Кабулѣ до высшей степени раздражило англичанъ, истощивъ ихъ терпѣніе.... Во всѣхъ моихъ письмахъ я писалъ о необходимости убрать изъ Кабула миссію и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Я не беру на себя смѣлость проникать въ высшія государственныя соображенія, для чего именно необходимо пребываніе нашей миссіи въ Кабулѣ до настоящей минуты, но я боюсь, что упустивъ удобное время удалиться изъ Кабула съ полнымъ почетомъ, мы будемъ вытѣснены отсюда силой обстоятельствъ, и можетъ быть, при условіяхъ трудныхъ для насъ“... (л. 155 дѣла).

Въ письмѣ отъ 27 ноября (на л. 187) онъ пишетъ: „настоящее положеніе нашей миссіи весьма печальное: насъ рѣшительно не выпускаютъ отсюда, не смотря на всѣ мои заявленія и протесты. Я прямо сказалъ визирю для доклада эмиру, что подобный образъ дѣйствій съ нами можетъ отразиться очень дурно на хорошихъ отношеніяхъ между Россіей и Афганистаномъ, ибо не можетъ быть пріятенъ ни вамъ, ни императору. Визирь отвѣчаетъ постоянно, что до начала войны насъ легко можно было отправить обратно, но теперь совѣтники эмира и народъ не позволятъ этого сдѣлать; они говорятъ, что русскіе, накликавъ несчастіе на край, сами хотятъ уйти.

Самъ визирь высказывается за необходимость нашего немедленнаго отправленія въ Ташкентъ.

„Въ видѣ утѣшенія онъ сказалъ намъ, что мы можемъ быть спокойны, пока эмиръ живъ. Я же къ этому прибавлю: или пока эмиръ не убѣжитъ поспѣшно изъ Кабула, не успѣвъ захватить насъ съ собою. Въ обоихъ этихъ случаяхъ участь наша будетъ рѣшена... Настоящее положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ есть прямое послѣдствіе того, что 11 августа миссія была оставлена въ Кабулѣ... Мы безъ всякой надобности сидѣли въ Кабулѣ, какъ бы нарочно дразня англичанъ, и собственными руками нанесли ударъ своему же дѣлу... Что же касается настоящаго, безвыходнаго положенія нашей миссіи, то ваше высокопревосходительство, конечно, согласитесь со мною, что оно должно было явиться неизбѣжнымъ послѣдствіемъ распоряженія изъ Ливадіи: я предвидѣлъ это положеніе и умолялъ во всѣхъ письмахъ объ отозваніи миссіи изъ Кабула, „пока еще есть время, тѣмъ болѣе что присутсвіе наше здѣсь безполезно для дѣла“. Я ничего не могъ сдѣлать болѣе, прикрѣпленный къ Кабулу дважды подтвержденнымъ высочайшимъ повелѣніемъ. И если, чего не дай Богъ, миссію постигнетъ возможное несчастіе,—моя совѣсть будетъ спокойна. Народъ сильно возбужденъ противъ насъ, вѣроятно, подстрекаемый англійскими агентами; даже нашимъ джигитамъ-мусульманамъ не безопасно появляться въ городѣ: они подвергаются оскорбленіямъ“...

Надобно замѣтить, что это писано было уже послѣ полученія миссіей разрѣшенія свыше оставить Кабулъ. Теперь ее не пускали уже сами афганцы. Всѣ тревожныя предположенія Разгонова оправдались на дѣлѣ: нашему посольству вскорѣ пришлось бѣжать тайкомъ изъ Кабула ночью...

Слѣдовъ „высшихъ государственыхъ соображеній“, ради которыхъ оставлена была миссія въ кабульскомъ плѣну, въ архивахъ не встрѣчается, но Ливадія въ этомъ меньше виновата, чѣмъ полагаетъ Разгоновъ. Прежде всего въ этомъ виноватъ Кауфманъ, разрѣшившій Столѣтову, на прощальной аудіенціи, возвратиться немедленно изъ Кабула, оставивъ тамъ Разгонова и Заманъ-бека, а затѣмъ, по возвращеніи Столѣтова, предписавшій миссіи оставаться въ Кабулѣ до полученія распоряженія о выѣздѣ и невѣрившій ни одной жалобѣ Разгонова.

Большую часть писемъ Разгонова, Кауфманъ сообщалъ въ копіяхъ Милютину и Горчакову. Едва ли имъ были пріятны нареканія на приказы изъ Ливадіи, въ которыхъ именно они-то и были повинны.

Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что и Разгоновъ немало виноватъ въ ухудшеніи положенія миссіи. Онъ по столѣтовски секретничалъ съ миссіей, удалялъ ее изъ общей залы, гдѣ со-

бирались всѣ его сотоварищи по заключенію, какъ только являлся какой-нибудь афганскій министръ и оставлялъ только переводчика Назирова, точно остальные были шпіонами; Назировъ—кавказскій персіянинъ, нѣсколько разъ былъ уловленъ самими афганцами въ невѣрномъ переводѣ, такъ что эмиръ однажды отказался вести переговоры черезъ Назирова. Когда эмиръ приглашалъ всѣхъ,—Назировъ переводилъ Разгонову, что зовутъ только ихъ двоихъ, не смотря на протесты остальныхъ членовъ миссіи, начинавшихъ уже понимать по-персидски; эмиръ сердился и посылалъ вновь за остальными. Когда, послѣ бѣгства изъ Кабула въ Ташъ-Курганъ, гдѣ присоединился къ миссіи, командированный вторично докторъ Яворскій, этотъ докторъ былъ приглашенъ 29 декабря къ больному эмиру только съ переводчикомъ Малевинскимъ,—Назировъ перевелъ, что требуютъ всѣхъ,—то всѣ и набрались въ палатку больного эмира, который былъ очень этимъ недоволенъ.

Самое разрѣшеніе воротиться, Разгоновъ долго скрывалъ отъ товарищей, и велъ объ этомъ переговоры черезъ Назирова съ визиремъ, для доклада эмиру.

Окончательный отказъ въ пріемѣ англійскаго посольства, когда отношенія были уже сильно натянуты, послѣдовалъ также по совѣту Разгонова.

Такимъ образомъ послѣдній вполнѣ правъ, приписывая сильное раздраженіе англичанъ присутствію русской миссіи въ Кабулѣ: не будь тамъ нашей миссіи, не было бы и Разгонова, а значитъ, не было бы и погибельныхъ совѣтовъ. Все могло бы еще обойтись какъ-нибудь, если бы не эти мудрые совѣты.

Не имѣя никакихъ инструкцій, Разгоновъ говорилъ съ эмиромъ уклончиво, совѣты подавалъ на свой страхъ и только передъ самымъ отъѣздомъ своимъ получилъ отъ Кауфмана нѣчто вродѣ инструкціи, когда она была уже не нужна и когда рѣшительно все было сдѣлано, чтобы въ конецъ погубить Афганистанъ.

Незадолго передъ отъѣздомъ нашей миссіи изъ Мазари-Шерифа, куда она перебралась съ эмиромъ, Разгоновъ счелъ нужнымъ посвятить Яворскаго, оставшагося при больномъ эмирѣ, въ положеніе афганскихъ дѣлъ. Упомянувъ, что въ теченіе 4 мѣсяцевъ онъ не зналъ, „ни что мнѣ дѣлать, ни что говорить“, и что онъ не хочетъ, чтобы докторъ былъ поставленъ „въ такое же неловкое и непріятное положеніе“, Разгоновъ указалъ на одно письмо и прибавилъ, что „только недавно онъ получилъ отъ генер. Кауфмана нѣчто вродѣ инструкціи» (стр. 153 т. II у Яворскаго).

„Я долгое время,—продолжалъ онъ,—не зналъ и не могъ понять, чего хочетъ Россія: оставить ли Афганистанъ на произволъ судьбы, или поддержать его? И только въ послѣднемъ письмѣ генер. Кауфмана я нашелъ нѣчто опредѣленное“.

Послѣдніе переговоры велись уже черезъ Малевинскаго, а Назировъ оставался въ сторонѣ. Говоря объ этомъ на стр. 166 т. II, Яворскій не даетъ никакихъ объясненій этому факту, хотя неудобства двойного перевода съ русскаго на англійскій Малевинскимъ, съ англійскаго на персидскій казіемъ и обратно должны бы вызвать вопросъ: почему обходятъ теперь персіянина Назирова?

У Яворскаго сказано только, что не смотря на происходившія не разъ невольныя ошибки въ передачѣ рѣчей Малевинскимъ и Казіемъ, „генералъ Разгоновъ видимо предпочиталъ теперь этотъ способъ сношеній съ эмиромъ другому, т. е. черезъ Назирова".

Бендерскій свидѣтельствуетъ, что Назировъ и при Столѣтовѣ считалъ себя важной персоной, а при Разгоновѣ совсѣмъ уже возмнилъ себя настоящимъ посломъ, призваннымъ вести переговоры лишь въ присутствіи Разгонова... Онъ и отвѣчалъ эмиру, возражалъ ему, что-то доказывалъ, а ничего присутствовавшему при этихъ разговорахъ Разгонову не переводилъ и только на вопросъ послѣдняго: „что онъ говоритъ?" — отвѣчалъ весьма кратко о содержаніи разговора. Говоритъ полчаса, а Разгонову переведетъ десять словъ.

Въ связи съ прежними прорухами Назирова, котораго всѣ члены миссіи считали хитрецомъ, полное устраненіе его отъ переговоровъ становится понятнымъ. Жаль, что это не сдѣлано было ранѣе.

Въ довершеніе характеристики самого Разгонова слѣдуетъ прибавить, что Яворскій выставляетъ его человѣкомъ не изъ быстрыхъ... Въ самый разгаръ войны, потерявъ уже двѣ трети своихъ владѣній и засѣвъ въ Мазари-Шерифѣ, эмиръ какъ-то сказалъ Разгонову, что могущественная когда-то Франція теперь разбита Германіей и совсѣмъ безсильна, а все потому, „что у Наполеона III были дурные совѣтники". Эти послѣднія слова эмиръ особенно оттѣнилъ удареніемъ, какъ бы намекая на свое собственное положеніе.

Разгоновъ не понялъ намека и подтвердилъ слова эмира. Тогда эмиръ передѣлалъ сказанную фразу и въ болѣе понятной формѣ сказалъ такъ: „всѣ бѣды обрушились на Францію, благодаря дурнымъ совѣтамъ вѣроломныхъ друзей Наполеона".

„Но генералъ Разгоновъ и теперь не понялъ, повидимому, мысли эмира, такъ что эмиръ и его министры громко засмѣялись, когда генер. Разгоновъ снова согласился съ ними" (стр. 151 т. II у Яворскаго).

Такая медлительность въ соображеніи замѣчалась и въ дѣйствіяхъ: „чтобы онъ надумалъ передать эмиру что-либо, кромѣ оффиціальнаго саляма, требовалось немало времени" (стр. 158 т. II тамъ же). Афганцы составили себѣ невысокое понятіе о

его умственныхъ способностяхъ... Чего же еще надо, когда смѣются надъ нимъ въ глаза!

О нравственныхъ качествахъ Столѣтова они были еще худшаго мнѣнія и нерѣдко высказывали это членамъ миссіи.

Надо сознаться, что выборъ пословъ былъ крайне неудаченъ.

Перейдемъ теперь къ причинамъ отказа въ принятіи англійскаго посольства. Мы уже говорили выше, что наша миссія была обставлена самымъ нищенскимъ образомъ и къ началу октября, сидѣла совсѣмъ безъ денегъ. Между тѣмъ англичане, вѣрные своему исконному и постоянному правилу: отвѣчать на каждый шагъ русскихъ и своимъ шагомъ впередъ, немедленно снарядили огромное посольство, подъ начальствомъ генерала Чамберлейна, не спросивъ даже эмира, угодно ли ему будетъ принять это посольство. Поступили они такъ потому, что нѣсколько лѣтъ подъ рядъ эмиръ постоянно отказывалъ въ этомъ.

Посольство собралось на границѣ въ Пешаверѣ съ огромнымъ конвоемъ и массой прислуги. Легко можетъ быть, что слухи и преувеличили нѣсколько цифру, но въ Кабулѣ считали общее число собиравшихся „гостей“ въ 2,000 человѣкъ. Говорили также, будто конвой состоитъ не только изъ пѣхоты и кавалеріи, но даже и артиллеріи. Такой составъ конвоя не могъ не встревожить эмира и его министровъ, въ особенности по сравненію съ конвоемъ русской миссіи, состоявшимъ всего изъ 22 казаковъ.

Еще въ 1877 году въ Пешаверѣ шли переговоры между первымъ министромъ эмира Сеидъ-Нуръ-Мухамедъ-шахомъ и представителями индо-британскаго правительства о томъ, чтобы за увеличенную субсидію эмиръ согласился: 1) отказаться отъ непосредственныхъ сношеній и переписки съ другими государствами; 2) принять постояннаго англійскаго резидента въ Кабулъ, и консуловъ въ Гератъ и Кандагаръ; 3) уступить какой-либо пунктъ, по выбору англичанъ, на Аму-дарьѣ, гдѣ они собирались завести свою флотилію для поддержанія своего будущаго резидента въ Бухарѣ и для распространенія своего вліянія на Бухару и Хиву. Это былъ отвѣтный шагъ на присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи.

Однако афганскій министръ умеръ, не доведя переговоровъ до конца, а русско-турецкая война заставила англичанъ отложить на время свои планы насчетъ Афганистана, хотя войска уже собирались для поддержанія англійскихъ требованій оружіемъ.

Понятное дѣло, что когда пришли первыя извѣстія о намѣреніи англичанъ снарядить посольство въ Кабулѣ, эмиръ отлично зналъ, какія предложенія привезетъ съ собою генералъ Чамберлейнъ; зналъ также, что англичане явятся не просить, а приказывать; зналъ, что войска у нихъ наготовѣ и сосредоточиваются къ тремъ проходамъ черезъ Гиндукушъ, для вторженія въ Афга-

нистанъ. Изъ всѣхъ англійскихъ требованій, эмиръ боялся болѣе всего резидента, такъ какъ отлично зналъ, что съ водворенія англійскаго резидента начиналось обыкновенно порабощеніе всѣхъ индійскихъ независимыхъ государствъ.

Въ этомъ убѣжденіи его поддерживалъ и Столѣтовъ, къ которому эмиръ обратился за совѣтомъ. Столѣтовъ посовѣтовалъ не пускать англійскаго посольства... Объ этомъ онъ въ письмахъ своихъ къ Кауфману умолчалъ, но эмиръ нѣсколько разъ говорилъ о томъ Разгонову, въ присутствіи остальныхъ членовъ миссіи, такъ что фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію.

А когда эмиръ указалъ на военныя приготовленія англичанъ, какъ на угрозу въ случаѣ отказа, — Столѣтовъ обѣщалъ ему привести изъ Ташкента 30,000 русскихъ солдатъ. Это также не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Обнадеженный такимъ обѣщаніемъ и вѣря Столѣтову, по рекомендаціи Кауфмана, какъ самому Кауфману, эмиръ не сталъ уже церемониться съ англичанами и приказалъ не пропускать черезъ границу даже простыхъ посланцевъ англійскихъ съ письмами. По ошибкѣ пограничнаго постоваго начальника въ Кабулъ пробрался однако 22-го августа индіецъ Невадъ-Гуланъ-Гасанъ, принятый по совѣту Разгонова. Этотъ посланецъ привезъ отъ вице-короля и генералъ-губернатора Индіи дружеское письмо. Онъ прибылъ только съ 9 нукерами. Принятый 29-го августа, онъ былъ отправленъ назадъ 12-го сентября. Эмиръ отвѣчалъ, что у него трауръ по случаю смерти наслѣдника и потому посольства принять не можетъ, да еще съ такимъ огромнымъ конвоемъ и свитой. Такой отвѣтъ онъ далъ по совѣту Разгонова. 17-го октября изъ Симлы посланъ былъ эмиру уже ультиматумъ (л. 99—105 дѣла), начинавшійся такимъ обращеніемъ:

To
His Highness
Amir Scher Ali Khan
Wali of Kabul and its
Dependencies.

Мы приведемъ ультиматумъ въ переводѣ, а здѣсь обратимъ вниманіе читателя на титулъ „вали“, котораго англичане въ прежнихъ письмахъ къ эмиру не употребляли и который сильно задѣлъ самолюбіе Ширъ-Али-хана. Вали значитъ: намѣстникъ, генералъ-губернаторъ. Слово dependencies подчеркнуто дважды въ подлинникѣ.

Итакъ, вотъ переводъ англійскаго ультиматума.

„Его высочеству эмиру Ширъ-Али-хану, намѣстнику Кабула и зависящихъ отъ него странъ“.

„Уважаемый и дорогой другъ. Я получилъ и прочиталъ письма,

которыя ваше высочество послали мнѣ чрезъ посредство моего Наваба-Гулямъ Хассанъ-хана.

„Вѣроятно, ваше высочество сохранили въ памяти, что тотчасъ по прибытіи моемъ въ Индію, я предполагалъ послать къ вамъ дружественное посольство съ цѣлію убѣдить васъ въ добрыхъ намѣреніяхъ британскаго правительства и устранить прежнія недоразумѣнія, на которыя ваше высочество часто указывали.

„Оставивъ это предложеніе долгое время безъ отвѣта, вы, наконецъ, отвергли его на томъ основаніи, что не можете отвѣчать за безопасность какого бы то ни было европейскаго посольства въ своей странѣ и что принятіе британской миссіи могло бы дать поводъ Россіи принудить васъ принять и русскую миссію.

„Хотя такой отказъ принять дружественную миссію и противенъ практикѣ союзныхъ государствъ, но британское правительство, не желая стѣснять ваше высочество, приняло ваши извиненія.

„Однакоже ваше высочество приняли теперь въ своей столицѣ русское посольство, и въ такое время, когда считали неизбѣжною войну, въ которой Англія и Россія принадлежали бы къ противнымъ сторонамъ; такимъ образомъ ваши дѣйствія не только противорѣчили причинамъ, указаннымъ вашимъ высочествомъ, относительно непринятія британской миссіи, но и придавали вашему поведенію такой видъ, будто бы оно побуждалось непріязненными мотивами, по отношенію къ британскому правительству.

„При такихъ обстоятельствахъ, помня прежнюю свою дружбу съ отцомъ вашего высочества и все-таки желая сохранить съ вашимъ высочествомъ дружественныя отношенія, британское правительство рѣшило, по минованіи времени, требуемаго постигшимъ ваше высочество семейнымъ горемъ, послать къ вашему высочеству миссію подъ начальствомъ сэра Невилля Чамберлейна, довѣреннаго и отличеннаго офицера правительства, лично извѣстнаго вашему высочеству. Конвой, приданный его посольству, не превосходя 200 чел., уступалъ числительностію тому, который сопровождалъ ваше высочество на британскую территорію и не превышалъ потребности, обусловленной достоинствомъ моего посла. Такія посольства обыкновенны между сосѣдними дружественными государствами и никогда имъ не отказываютъ, за исключеніемъ случая, когда имѣются враждебныя намѣренія. Я послалъ чрезъ довѣреннаго посланца письмо, увѣдомлявшее ваше высочество, что миссія, аккредитованоая съ этою цѣлью, имѣла дружественный характеръ, что дѣла ея были спѣшныя и что она должна двинуться безотлагательно.

„Не смотря на это, ваше высочество, получивши мое письмо, не задумались приказать своимъ пограничнымъ властямъ отбросить посольство силою...

„На этотъ враждебный поступокъ и оскорбленіе, нанесенное императрицѣ Индіи, въ лицѣ ея посланника, ваши письма не представляютъ ни оправданій, ни объясненій; нѣтъ въ нихъ и отвѣта на мое предложеніе полнаго и откровеннаго соглашенія между обоими нашими правительствами.

„Вслѣдствіе этого враждебнаго поступка вашего высочества я стянулъ силы ея величества на вашей границѣ.

„Но я хочу дать вашему высочеству послѣдній случай предотвратить дѣйствія войны. Для этого необходимо, чтобы вами было представлено письменное полное и соотвѣтствующее оправданіе и чтобы оно было доставлено на британскую территорію офицеромъ достаточно высокаго чина. Далѣе, такъ какъ оказалось невозможнымъ сохранить удовлетворительныя отношенія между обоими государствами иначе, какъ если британское правительство будетъ представлено въ Афганистанѣ одинаково (разумѣть надо: съ русскими), то вашему высочеству необходимо будетъ согласиться принять въ ваши владѣнія постоянную британскую миссію.

„Далѣе существенно, чтобы вы распорядились о томъ, чтобы никакой обиды не было причинено тѣмъ племенамъ, которыя служили проводниками моей миссіи, и чтобы они получили вознагражденіе за убытки, причиненныя имъ вашимъ высочествомъ, и если ваше высочество причините имъ какое бы то ни было оскорбленіе, то британское правительство немедленно приметъ мѣры для ихъ охраны.

„Если эти условія не будутъ приняты вашимъ высочествомъ окончательно и полностію, и если увѣдомленіе о принятіи ихъ вами не будетъ получено мною до 20 ноября 1878 г. (по старому стилю 8) включительно, то въ такомъ случаѣ, я вынужденъ буду смотрѣть на намѣренія вашего высочества, какъ на враждебныя, и поступать съ вашимъ высочествомъ, какъ съ отъявленнымъ врагомъ британскаго правительства.

„Приношу выраженіе высокаго уваженія, которое я питаю къ вашему высочеству и подписуюсь,

вашего высочества искренній другъ

Литтонъ

вице-король и генералъ-губернаторъ Индіи.

Симла.
29 октября 1878 г.

Ультиматумъ этотъ полученъ былъ эмиромъ 25 октября, по нашему стилю, или 6 ноября, по новому; такъ что на отвѣтъ оставалось 14 дней съ доставкой. Хотя титулъ „ваше высочество“ и встрѣчается въ этомъ ультиматумѣ 24 раза, но это нисколько не позолотило поднесенную эмиру пилюлю, въ видѣ названія

его какимъ-то „вали“ и строгаго приказа принять четыре условія, да не опоздать съ отвѣтомъ. Въ письмѣ отъ 26 октября (л. 118—127) Разгоновъ пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Эмиръ не могъ не обратить вниманія, что англичане, именуясь его друзьями уже не называютъ его эмиромъ Афганистана, а какимъ-то „вали кабульскимъ“; что онъ, эмиръ, могъ быть другомъ императрицы Индіи, но никакъ не вице-короля и что намѣстникъ индо-британскій теперь уже говоритъ съ нимъ языкомъ властелина своему вассалу“.

Итакъ ультиматумъ Литтона раздражилъ эмира не только своимъ внутреннимъ содержаніемъ, но и внѣшнею формою.

Эмиръ опять обратился за совѣтомъ къ Разгонову... Настала критическая минута въ исторіи Афганистана: англійскія войска стоятъ у воротъ и ждутъ сигнала, за ними виднѣется многочисленное „дружественное“ посольство съ богатыми подарками, которыхъ не только не хочетъ, но прямо боится эмиръ по мудрому правилу: „бойся англичанъ даже и тогда, когда они являются съ дарами“... со стороны отдаленныхъ границъ Россіи не видно ни войскъ, ни подарковъ... Но прежній русскій посолъ обѣщалъ вооруженную помощь, даже подписалъ о томъ конвенцію и вручилъ экземпляръ ея эмиру. Къ кому же обратиться за совѣтомъ въ такомъ крайнемъ и рѣшительномъ случаѣ?

Въ письмѣ Кауфмана къ Разгонову, отъ 17 сентября, полученномъ въ Кабулѣ 11 октября, то есть за двѣ недѣли до полученія ультиматума и за мѣсяцъ до срока, даннаго Литтономъ, было сказано, что „эмиру слѣдовало бы принять англійское посольство, если этимъ можно избѣжать войны, тѣмъ болѣе, что по заявленію англичанъ, они посылали посольство для укрѣпленія дружбы, и что пока эмиръ еще не знаетъ, что отъ него потребуютъ. Не слѣдуетъ только заключать съ англичанами никакихъ обязательствъ“. Цитату эту мы заимствуемъ изъ отвѣтнаго письма Разгонова, такъ какъ Кауфманъ писалъ прямо набѣло и отпусковъ съ его писемъ къ Столѣтову и Разгонову въ архивахъ нѣтъ.

Изъ этого отвѣтнаго письма отъ 26 октября видно, что Столѣтовъ скрылъ отъ Разгонова извѣстное уже ему свѣдѣніе объ англійскомъ посольствѣ и свой совѣтъ эмиру не принимать его. Вотъ что пишетъ на стр. 122 Разгоновъ: „послѣ отъѣзда г. м. Столѣтова, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ о посольствѣ, снаряжаемомъ англичанами въ Афганистанъ“. Сначала Разгоновъ хотѣлъ было совѣтовать принять англійскую миссію, „но ознакомившись ближе съ положеніемъ дѣла, я убѣдился въ необходимости отклонить прибытіе англійской миссіи въ Кабулъ. Причины этому слѣдующія:

1) Уже 10 лѣтъ эмиръ упорно отказывалъ англичанамъ въ пріемѣ ихъ посланцевъ и это не повело къ войнѣ.

2) Условія, которыя посольство должно было предложить эмиру, были уже извѣстны. Эти условія были редактированы въ Пешаверѣ еще въ началѣ 1877 года, и тогда же была снаряжена военная экспедиція, дабы, въ случаѣ надобности, силою оружія заставить эмира принять эти условія, которыми Афганистанъ превращался въ вассальную территорію индо-британскаго правительства.

3) Наше присутствіе въ Кабулѣ едва ли могло измѣнить редакцію этихъ условій въ выгодную сторону, какъ для Афганистана, такъ и для насъ.

4) Разъ пріѣхавъ въ Кабулъ, англичане не уѣхали бы отсюда, не доведя дѣло до конца. А такъ какъ эмиръ не принялъ бы, въ чемъ я увѣренъ, ни одного пункта этихъ условій, то разрывъ послѣдовалъ бы чрезвычайно быстро и

5) Явившись въ Кабулъ съ запасомъ золота, имѣя здѣсь много агентовъ и, при существованіи недовольныхъ людей въ самомъ г. Кабулѣ, англичане непремѣнно подняли бы весьма серьезные внутренніе безпорядки и одновременно съ этимъ двинули бы войска въ предѣлы Афганистана. Такимъ образомъ, съ прибытіемъ англійской миссіи въ Кабулъ, разрывъ дѣлался бы еще неизбѣжнѣе и кризисъ наступилъ бы еще скорѣй. Только полнымъ, безусловнымъ принятіемъ условій и немедленнымъ удаленіемъ нашей миссіи изъ Кабула эмиръ могъ сохранить мирныя отношенія съ англичанами".

И вотъ, благодаря такимъ-то, мало основательнымъ причинамъ, Разгоновъ рѣшился посовѣтовать эмиру, какъ разъ наоборотъ противъ совѣта Кауфмана!

Мы видимъ, что даже послѣ угрозы эмира употребить силу оружія для остановки англійскаго посольства на границѣ, Литтонъ потребовалъ отъ него, въ сущности, справедливаго и не тяжелаго удовлетворенія. Перечислимъ снова условія ультиматума: 1) извиниться письменно; 2) прислать извиненіе къ 20-му ноября (по нашему стилю къ 8 ноября) не съ простымъ джигитомъ, а съ офицеромъ порядочнаго чина; 3) принять постоянную британскую миссію одинаково съ русскою, ради одинаковости представительства, и 4) не преслѣдовать хайберскія племена, помогавшія англійскимъ посланцамъ и служившимъ имъ проводниками при движеніи по знаменитому и грозному ущелью.

Что такого въ этихъ условіяхъ, чтобы изъ-за нихъ ставить на карту самое существованіе государства?

Когда Разгоновъ писалъ свой отвѣтъ Кауфману, онъ зналъ уже объ этихъ условіяхъ. Очевидно, Литтонъ воспользовался слу-

чаемъ и изложилъ въ ультиматумѣ то, что везъ его посолъ Чамберлейнъ въ дружескомъ письмѣ.

Бить набатъ и толкать эмира на войну съ англичанами изъза такихъ условій не было рѣшительно никакихъ основаній. Очевидно, должны были существовать еще и другія причины, которыхъ Разгоновъ не упомянулъ въ числѣ своихъ пяти. Да и что въ сущности эти пять причинъ? Что англичане не вели съ эмиромъ войны 10 лѣтъ изъ-за отказовъ принять ихъ посольство, такъ и теперь, Богъ дастъ, это сойдетъ благополучно?—Но вѣдь за всѣ эти 10 лѣтъ о русскихъ не было и помину, а теперь цѣлое посольство ихъ угнѣздилось въ Кабулѣ, сидитъ четвертый мѣсяцъ и, по догадкамъ англичанъ, обращается въ постоянное. Понятно и вполнѣ справедливо, что и англичане желаютъ послать туда также постоянную миссію. Уступить Афганистанъ исключительному вліянію Россіи они не хотятъ, собрали уже войска, предварили наконецъ, о войнѣ, а Разгоновъ все еще въ войну не вѣритъ!

Въ 1877 году составлены были пешаверскія условія; какое же основаніе предполагать, что и теперь, въ исходѣ 1878 года, англичане будутъ настаивать на тѣхъ же условіяхъ? Тогда Англія собиралась явно присоединиться къ Турціи и объявить намъ войну, а теперь, когда война наша съ Турціей окончилась и берлинскій конгрессъ завершился безъ новой войны,—какая надобность англичанамъ снова задирать Россію хотя бы занятіемъ пункта на Аму-дарьѣ и поднятіемъ своего флага на его водахъ? А Разгоновъ увѣренъ, что условія, по меньшей мѣрѣ, будутъ тѣ же... увѣренъ даже послѣ ультиматума, гдѣ эти условія помѣщены и оказались совсѣмъ не тѣ...

Сказанное нами въ этихъ строкахъ достаточно опровергаетъ первыя четыре причины Разгонова, послужившія основаніями къ его непростительному превышенію полномочій и совѣту отказать англійскому посольству. Остается „англійское золото“.

Столько уже говорено было на свѣтѣ про это золото, про тайные подкупы министровъ и пословъ чужихъ государствъ англичанами, про дворцовыя интриги, возбужденіе чужихъ подданныхъ противъ ихъ государей, дворцовые перевороты, открытые бунты и тайныя убійства, подготовляемыя англійскимъ золотомъ, что въ общемъ мнѣніе это стало уже безспорнымъ. Но вѣдь и „русскій рубль“ наши заграничные недоброжелатели видятъ въ каждомъ безпорядкѣ на балканскомъ полуостровѣ и въ Австріи. Не знаютъ они, что и въ Россіи-то этотъ загадочный рубль надо было въ то время, искать днемъ съ огнемъ!

Каково же было всеобщее изумленіе, когда знаменитый англійскій банкъ зашатался въ девятидесятыхъ годахъ истекшаго

столѣтія и его выручилъ изъ временнаго затрудненія русскій государственный банкъ! Чистая насмѣшка судьбы...

Крайняя нищета низшаго класса народа, рядомъ съ баснословнымъ богатствомъ нѣсколькихъ фамилій,—едва ли могутъ служить мѣриломъ богатства Англіи. Во всякомъ случаѣ возможно, что слухи о безостановочномъ потокѣ англійскаго золота во всѣ закоулки земного шара, гдѣ только можно обрѣсти и пріобрѣсти продажную душу,—значительно преувеличены.

Разгоновъ, однако, вѣрилъ въ этотъ потокъ и боялся его. Еще 4-го октября онъ писалъ Кауфману, что Чамберлейну ассигновано 300,000 рублей; теперь онъ уже пишетъ слѣдующее: „Легко представить, что надѣлало бы въ г. Кабулѣ многочисленное англійское посольство, располагающее, по крайней мѣрѣ, милліономъ рупій золотомъ (600,000 руб.) и недовольное эмиромъ и его политикою!“ Милліонъ рупій, по курсу нашего рубля въ 60 копѣекъ, составлялъ даже не 600 тысячъ, а милліонъ рублей. Убавивъ свиту и конвой, въ угоду эмиру, съ 2000 человѣкъ на 200, англичане, какъ видно, прибавили зато денегъ, что и вполнѣ резонно, такъ какъ за деньги они легко могли бы увеличить въ самомъ Кабулѣ число прислужниковъ посольства. Въ послѣдній день срока, даннаго ультиматумомъ, т. е. 8-го ноября, наканунѣ вступленія англичанъ въ Хайберское ущелье, наканунѣ войны, Разгоновъ пишетъ: „что англійское посольство есть замаскированная война (троянскій конь), въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Если первое посольство лорда Чамберлейна располагало однимъ милліономъ рупій, то второе, вѣроятно, будетъ располагать двумя со всѣми возможными полномочіями. Между нами и англичанами здѣсь постоянно дѣлаютъ сравненія во всемъ, даже въ бумагѣ, на которой пишутся письма къ эмиру; Афганистанъ есть все-таки Азія и внѣшняя сторона имѣетъ здѣсь значеніе. Ваше высокопревосходительство согласитесь со мною, что состязаться нашей миссіи съ англійской будетъ трудно... что понимаютъ афганы, сравнивая мое незавидное положеніе съ положеніемъ англійскаго уполномоченнаго?“ (Л. 162 оборотъ тамъ же).

Вотъ, наконецъ, мы нашли истинную и, въ сущности, единственную причину, по которой наши послы такъ настойчиво совѣтовали не пускать англійское посольство въ Кабулъ: состязаться нельзя! Дай-ка нашимъ тоже милліончикъ, они бы себя показали! Ужъ, конечно, не сидѣли бы взаперти, не мерзли бы въ ажурныхъ палатахъ и не голодали бы...

Говоря о послѣднихъ дняхъ заточенія нашей миссіи, Яворскій, на 96 и 97 страницахъ своего второго тома, приводитъ слѣдующее: „Въ своемъ дворцѣ наша миссія, хотя и не подвергалась пока открытымъ оскорбленіямъ со стороны туземцевъ, но зато

терпѣла почти такую же нужду въ продовольствіи, какъ и лаучи, какъ и вьючныя и верховыя животныя миссіи... Впрочемъ, надо полагать, что эмиръ отпускалъ довольствіе и теперь не скуднѣе, чѣмъ прежде, но, должно быть, разные „казначеи“, „чай-ханы“ и „ханъ-саманы“ далеко не все доставляли миссіи. Иногда миссія, съ своими лихорадочными больными, съ тифознымъ казакомъ на рукахъ, буквально голодала“.

Право можно подумать, что Разгоновъ хотѣлъ отомстить афганцамъ за свое заточеніе и нарочно совѣтовалъ имъ, какъ можно хуже! А можетъ быть, тутъ замѣшалось и такое соображеніе: въ письмѣ Кауфмана отъ 17-го сентября говорилось, что въ случаѣ открытія войны, миссія наша должна испросить разрѣшеніе эмира на отъѣздъ,—значитъ, чѣмъ скорѣе начнется война, тѣмъ скорѣе наше посольство вырвется изъ своего ужаснаго положенія.

Но оставимъ догадки въ сторонѣ: довольно съ насъ и того, что написано чернымъ по бѣлому: „нищетою богатая“ миссія, наша, брошенная на произволъ судьбы, сидѣвшими въ теплѣ петербургскими министрами, опасаясь послѣдняго удара русскому самолюбію со стороны дѣйствительно богатаго англійскаго посольства, настояла на отказѣ въ принятіи его...

Въ письмѣ отъ 1 октября Кауфманъ сообщилъ Разгонову приказаніе изъ Ливадіи сидѣть въ Кабулѣ до особаго приказанія. Письмо это получено было 17 октября, но Разгоновъ рѣшился игнорировать его, какъ видно изъ письма его 20 ноября (л. 180—184 дѣла 63). Ссылаясь только на первоначальное приказаніе—выѣхать съ началомъ войны,—онъ составилъ слѣдующую записку и передалъ ее визирю для доклада эмиру:

Въ письмѣ генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана сказано такъ: „Эмиръ-сагибу извѣстно, что зимою ему войсками помочь нельзя; поэтому надо всѣми мѣрами стараться избѣгнуть войны несвоевременной. Но если, не смотря на всѣ старанія эмиръ-саиба, англичане начнутъ войну, то вы должны будете спросить разрѣшеніе у эмиръ-сагиба на отправленіе въ Ташкентъ, какъ потому что ваше пребываніе въ Афганистанѣ будетъ безполезно для эмиръ-сагиба, особенно зимою, такъ главнѣйшимъ образомъ потому, что въ виду обстоятельства такой особо большой важности, какъ начало войны въ Афганистанѣ, нуженъ подробный и полный докладъ вашъ мнѣ о ходѣ и настоящемъ положеніи дѣлъ, дабы также подробно можно было донести императору, что совершенно необходимо для пользы общаго дѣла Афганистана и Россіи“. 1878 г. 20 ноября, г. Кабулъ. Подписано: генералъ-маіоръ Разгоновъ.

Такого письма Кауфманъ не могъ писать Разгонову. Это сочинилъ онъ самъ...

Итакъ, черезъ мѣсяцъ послѣ полученнаго приказанія не выѣз-

жать изъ Кабула до особаго разрѣшенія, Разгоновъ дѣлаетъ шагъ въ разрѣзъ этому приказанію...

Что за горькая судьба Кауфмана во всемъ этомъ дѣлѣ: посылаетъ онъ Столѣтову извѣстіе, что берлинскій конгрессъ кончился благополучно, и приказываетъ Столѣтову воздержаться отъ какихъ-либо рѣшительныхъ обѣщаній,—а тотъ, вопреки этого приказанія, полученнаго имъ какъ разъ въ самую пору, наканунѣ вступленія въ Кабулъ, наобѣщалъ эмиру цѣлую кучу, даже 30,000 войска и исчезъ, „какъ рыба въ воду!“ Посылаетъ Кауфманъ Разгонову приказаніе посовѣтовать эмиру принять англійское посольство, а тотъ вопреки этого приказанія, совѣтуетъ какъ разъ наоборотъ! Посылаетъ Кауфманъ тому-же Разгонову приказаніе оставаться въ Кабулѣ, до полученія особаго распоряженія, а тотъ, вопреки этого приказанія, собирается утекать, заваривъ въ Афганистанѣ кашу...

Эти доморощенные дипломаты вели свою собственную политику, нисколько не отвѣчавшую видамъ правительства.

Такъ, между прочимъ, въ концѣ сентября, Разгоновъ посовѣтовалъ эмиру написать письмо нашему государю. Письмо это надѣлало не мало хлопотъ: объ отвѣтѣ долго совѣщались, вели о немъ переговоры и въ Лондонѣ, и только 3 декабря Кауфманъ получилъ шифрованную телеграмму отъ канцлера кн. Горчакова, о который мы уже говорили и въ которой сообщалось, что „государь не будетъ самъ отвѣчать эмиру“. Еще больше хлопотъ надѣлалъ другой совѣтъ Разгонова эмиру: ѣхать въ Петербургъ, представиться государю и просить о созваніи конгресса для рѣшенія споровъ между Англіей и Афганистаномъ. Оба совѣта не привели ни къ чему, а послужили для эмира источникомъ большихъ и напрасныхъ огорченій. Ни въ одномъ письмѣ къ Кауфману Разгоновъ не проговорился, что оба эти шага эмиръ сдѣлалъ по его совѣту, но зато всячески уговаривалъ Кауфмана ходатайствовать объ отвѣтѣ государя и приглашеніи эмира въ Петербургъ.

Письмо эмира приведено Яворскимъ (на стр. 83—85 т. II) изъ англійскихъ оффиціальныхъ источниковъ *). Вотъ текстъ этого письма:

„Такъ какъ согласно потребностямъ дружбы и расположенія, необходимо увѣдомить ваше императорское величество о стеченіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ и происшествій, то и прошу васъ позволить написать вамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ двери дружескихъ сношеній открылись между могущественнымъ правительствомъ вашего величества и здѣшнимъ, покровительствуемымъ Богомъ правительствомъ и произошли дружескія сообщенія,—сердца

*) Central Asia, correspondence, inclosure № 36.

чиновниковъ британскаго правительства почувствовали себя оскорбленными. Давно уже они надоѣдали и безпокоили служащихъ богоданнаго правительства и проявили много непріятныхъ поступковъ, которые не согласуются съ условіями сосѣдства. Огонь ихъ зложелательства и лукавства еще не погасъ, когда миссія вашего величества прибыла въ мою столицу Кабулъ и стала нанизывать перлы дружескихъ чувствъ на нить государства. Это событіе увеличило ихъ (англичанъ) оппозицію и вражду: по прибытіи миссіи вашего величества, они выказали враждебное настроеніе публично и частнымъ образомъ, поступали безчестно и заявляли свою вражду множествомъ разныхъ способовъ. Прежде всего они пришли къ Джамруду, мѣстности на моей границѣ, со множествомъ спутниковъ, которыхъ они называли своими провожатыми,—повидимому съ какимъ-то порученіемъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы причинить зло богоданному правительству, и хотѣли безъ позволенія пройти въ столицу и удовлетворить своему желанію оскорбить миссію вашего величества.

„Когда же начальники передовыхъ постовъ и чиновники, покровительствуемаго Богомъ правительства поразили сердца ихъ желаній рукою отказа, говоря, что завязывать дружескія сношенія силой и посылать миссію съ такой толпой и бунтомъ противно обычаямъ каждой націи,—они возвратились въ Пешаверъ и теперь заняты организаціей похода въ Афганистанъ, разослали прокламаціи о войнѣ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ и прилагаютъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы подрыть основанія Афганскаго государства.

„Не смотря на все это, чиновники нашего богоданнаго правительства ничего еще не сдѣлали имъ не дружелюбнаго или враждебнаго и смотрятъ на первый ихъ враждебный актъ, какъ на неосмотрительный и неблагоразумный. Но это фактъ, что чѣмъ болѣе мы уступаемъ, тѣмъ враждебнѣе они дѣлаются.

„Британское правительство, въ настоящее время, стоитъ въ такомъ же положеніи къ Афганистану какъ, 40 лѣтъ тому назадъ, когда посланникъ славнаго русскаго правительства и агентъ британскаго правительства пріѣзжали въ Афганистанъ. Покойный эмиръ, руководимый здравымъ смысломъ, предпочелъ дружбу вашего императорскаго величества дружбѣ британскаго правительства, вслѣдствіе чего Афганистанъ и выстрадалъ то, что выстрадалъ.

„Короче: англичане рѣшились на войну и подданые богоданнаго правительства будутъ защищать свои границы, жизнь и имущество, какъ только позволятъ ихъ силы. Посмотримъ, чѣмъ закончитъ Провидѣніе эту войну и что оно дастъ, чтобы ее избѣгнуть.

„Вышеприведенное есть откровенное изложеніе положенія ве-

щей, отъ начала до конца, что я и пишу для извѣщенія вашего императорскаго величества. Я надѣюсь, что ваше величество будете столь любезны, пошлете мнѣ дружескую помощь, соотвѣтственную величію вашего императорскаго величества, для поддержанія спокойствія въ Афганистанѣ".

Содержаніе письма было сообщено вкратцѣ телеграммой Кауфмана въ Ливадію, а самое письмо послано туда же съ курьеромъ, когда извѣстное совѣщаніе по афганскому вопросу уже рѣшило вопросъ о помощи отрицательно.

Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, что Столѣтову было поручено написать въ Кабулъ письмо, согласное съ рѣшеніемъ совѣщанія. Яворскій пишетъ (стр. 85 т. II), что „оно читалось и у эмира, и въ миссіи, чуть ли не цѣлую недѣлю; все добирались смысла письма. Особенно не давалась понятію афганцевъ фраза: „наше правительство невинно, какъ голубь и мудро, какъ змѣя", такъ какъ ни голубь, ни змѣя не служатъ у нихъ эмблемами невинности и мудрости. Имъ понятнѣе были бы: новорожденный младенецъ—для невинности и Афлятунъ (Платонъ), для мудрости.

Столѣтовъ просилъ между прочимъ визиря передать его почтеніе эмиру. „Я занятъ день и ночь его дѣлами и, благодаря Бога, мои труды не остались безъ успѣха. Великій императоръ—вѣрный другъ эмира и Афганистана и его величество сдѣлаетъ все, что сочтетъ необходимымъ". Далѣе идетъ наборъ словъ о высокой горѣ, съ которой видна вся страна съ горами, долинами и рѣками: „поэтому все, что наше правительство посовѣтуетъ вамъ, вы должны исполнить. Истинно говорю вамъ, что наше правительство мудро, какъ змѣя, и невинно, какъ голубь". Далѣе Столѣтовъ увѣряетъ, будто „врагъ вашей славной религіи" хочетъ заключить съ афганцами миръ черезъ посредство турецкаго султана (о чемъ, къ слову сказать, и въ поминѣ не было)... „Поэтому вы должны слѣдить за вашими братьями, которые живутъ по другую сторону рѣки (разумѣть надо: за русскими). Если Богъ укрѣпитъ ихъ и дастъ имъ въ руки мечъ войны, тогда, призвавъ имя Божіе, выступайте; другими словами: вы должны быть подобны змѣѣ: наружно показывайте миръ, а тайно приготовляйтесь къ войнѣ"... Далѣе говорится, что хорошо было бы, если бы вражескій посолъ „захотѣлъ войти въ вашу страну" (точно онъ этого не хотѣлъ!) „и если бы вы въ свою очередь послали въ страну врага способнаго посла, владѣющаго змѣинымъ языкомъ, полнымъ лукавства, такъ чтобы онъ сладкими рѣчами опуталъ умъ врага и довелъ его до того, чтобы онъ отказался сразиться съ вами".

Что могли понять афганцы изъ этой белиберды? Русское правительство сравнивается по мудрости со змѣей, а змѣиная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы наружно прикидываться мирною,

а въ тайнѣ готовиться къ нападенію, опутывая врага змѣинымъ языкомъ, полнымъ лукавства. Нечего сказать: лестная рекомендація!

О какомъ успѣхѣ своемъ говоритъ Столѣтовъ? Конвенція его была забракована, а союзъ съ эмиромъ отвергнутъ.

По какому праву онъ рекомендуетъ афганцамъ ждать помощи отъ братьевъ, живущихъ по другую сторону рѣки? Почему совѣтуетъ начинать войну? Развѣ что-нибудь подобное поручалось ему министромъ? Развѣ это все вытекаетъ изъ заключенія совѣщанія?

Нѣтъ, все это столѣтовская политика, идущая въ разрѣзъ съ политикой высшаго правительства. Поистинѣ поведеніе его въ данномъ случаѣ возмутительно.

Какъ понялъ эмиръ безтолковое посланіе Столѣтова,—видно, изъ воззванія, съ которымъ эмиръ обратился къ войскамъ и народу:

„Мы получили письмо отъ генералъ-губернатора и генерала Столѣтова на станціи Сэръ-Чешме; Столѣтовъ, который былъ съ императоромъ въ Ливадіи, писалъ намъ слѣдующее: „Императоръ смотритъ на васъ, какъ на брата, и вы также, находящіеся на другомъ берегу рѣки, должны выказать такую же дружбу и братство. Англійское правительство желаетъ придти къ соглашенію съ вами черезъ посредничество султана и желаетъ чтобы вы приняли его совѣты, но императоръ не желаетъ, чтобы вы приняли въ свою сторону англичанъ, но какъ и въ прошлый годъ, обращайтесь съ ними посредствомъ хитрости и обмана, покуда не минуетъ холодное время года; тогда воля Всемогущаго будетъ объявлена вамъ, т. е. правительство произнесетъ: съ Богомъ! Богъ вамъ поможетъ“... Далѣе идутъ уже выборки, очевидно, изъ разговновскихъ „нотъ“, которыя онъ составлялъ изъ писемъ Кауфмана. Приведенное нами начало взято у Яворскаго (примѣчаніе къ стр. 146 т. II).

Впрочемъ письмо Столѣтова, полученное въ Ташкентѣ 13 ноября, попало въ руки эмира уже по выѣздѣ его изъ Кабула; поэтому разные мудрые, „змѣиные“ совѣты запоздали: война была въ самомъ разгарѣ.

Какъ персидскій писатель, Столѣтовъ никуда не годится. Кто это сказалъ ему, что въ дѣловыхъ бумагахъ необходимо разсыпать цвѣты восточнаго краснорѣчія, уподобленія и метафоры? Все это умѣстно въ простой болтовнѣ: повѣсить ухо на гвоздь вниманія, сѣсть на коверъ ожиданія, приложить палецъ недоумѣнія ко лбу размышленія и т. п., но въ серьезныхъ дѣловыхъ бумагахъ ничего этого не нужно. Пусть наши дипломаты возьмутъ за образецъ слогъ англійскаго ультиматума: все очень просто, очень понятно, недопускаетъ никакого не доумѣнія, никакихъ исканій иного смысла въ словахъ.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ къ эмиру, Кауфманъ посовѣтовалъ подать англичанамъ „вѣтвь мира“. Надъ этой метафорой афганцы бились тоже немало. О масличной вѣтви они, конечно, не имѣли понятія и потому искали тайнаго смысла въ кауфманскомъ совѣтѣ. Знали они, что есть такое дерево, вѣтви котораго употребляются факирами для усмиренія змѣй, такъ англичанъ ею не проймешь! Вотъ если бы отыскать такое чудодѣйственное дерево, которое бы обладало свойствомъ укрощать враговъ, да выломать изъ него добрую орясину, да испробовать бы ея дѣйствіе на англичанахъ,—это афганцамъ было бы и понятно, и пріятно. Только благодаря тому, что параллельно съ персидскимъ текстомъ писемъ Кауфмана къ эмиру всегда шелъ и русскій, эту вѣтвь мира разъяснили афганцамъ Разгоновъ и переводчики нашей миссіи. Все-таки вышло: „вѣтка съ дерева смягченія!“

Какое понятіе могли составить о насъ афганцы по сравненію съ англичанами?

Съ одной стороны праздные болтуны, а съ другой серьезный, дѣловой народъ: слово сказалъ,—топоромъ отрубилъ. Столѣтовъ наболталъ всевозможныхъ, то есть прямо-таки невозможныхъ обѣщаній. Разгоновъ не говоритъ ни да, ни нѣтъ, постоянно виляетъ между этими крайними точками, отвѣчаетъ уклончиво, какъ дельфійскій оракулъ. Понятно, что афганцы должны были разочароваться въ русскихъ довольно скоро.

Разгоновъ жалуется въ письмѣ отъ 8 ноября (на л. 161 дѣла) что не имѣя инструкцій и ничего не зная о переговорахъ и обѣщаніяхъ Столѣтова, онъ былъ поставленъ въ крайне тяжелое положеніе.

„Мнѣ оставалось одно: дѣйствовать на свой страхъ, по своему усмотрѣнію. Я старался поддерживать и развивать ненависть и недовѣріе къ англичанамъ; я постарался укоренить незыблемое убѣжденіе въ необоримомъ могуществѣ Россіи, въ величіи духа ея императора, въ прямотѣ и крѣпости его слова. Затѣмъ я постарался не связать себя никакимъ словомъ, никакимъ опредѣленнымъ отвѣтомъ или обѣщаніемъ... Выдерживать съ честью такое положеніе олимпійскаго оракула, среди такихъ серьезныхъ критическихъ обстоятельствъ возможно только короткое время, а не 15 недѣль“...

Хорошо: пусть нѣтъ инструкцій, пусть нѣтъ возжей, пусть нѣтъ у посла ни малѣйшей подготовки къ политической роли и дипломатическимъ обязанностямъ,—но здравый смыслъ-то гдѣ?

Вѣдь зналъ же Разгоновъ, что враждебныя отношенія наши къ Англіи такъ или иначе закончились соглашеніемъ; зналъ онъ, что военная диверсія наша отмѣнена, а войска воротились на зимнія квартиры; зналъ онъ, что отъ нашихъ границъ до Ка-

була болѣе 700 верстъ; зналъ онъ, что еслибы и хотѣли мы, то ни въ какомъ случаѣ ранѣе будущаго лѣта, когда сойдетъ снѣгъ съ высокихъ горныхъ перевaловъ, мы не можемъ прислать войскъ на помощь; зналъ, наконецъ, желаніе Кауфмана, чтобы англійское посольство было принято; зналъ, что затѣмъ легко будетъ затянуть переговоры, хотя бы на два мѣсяца, — такъ почему же онъ онъ взялъ „на свой страхъ совѣтовать эмиру совершенно противоположно съ совѣтомъ Кауфмана? Наконецъ, почему не посовѣтовался съ другими членами миссіи, напримѣръ, съ Бендерскимъ, Малевинскимъ, даже съ Заманъ-бекомъ? Это были люди знающіе и нисколько не глупѣе Разгонова. Былъ примѣръ, что самъ эмиръ просилъ его посовѣтоваться съ ними...

Приказаніе подать совѣтъ эмиру помириться съ англичанами самъ Кауфманъ получилъ 19 октября и, не зная еще, что ультиматумъ полученъ уже въ Кабулѣ, не очень торопился съ совѣтомъ и послалъ его только 22 октября. Письма его пришли въ Кабулъ довольно скоро — къ 6 ноября, но уже было поздно: въ этотъ день эмиръ долженъ былъ отправить уже отвѣтъ на ультиматумъ, чтобы посланный успѣлъ проскакать 300 верстъ къ вечеру 8 числа и не пропустить послѣдняго срока. Кауфманъ увѣдомлялъ, что письмо эмира къ государю онъ послалъ въ Ливадію съ курьеромъ, а затѣмъ продолжалъ такъ: „Считаю нужнымъ затѣмъ увѣдомить ваше высокостепенство, что англичане, какъ мнѣ точно извѣстно, намѣрены сдѣлать новую попытку примириться съ вами. Съ своей стороны я, какъ другъ вашъ, *думая о будущемъ*, совѣтую вашему высокостепенству, если англичане, какъ я увѣренъ, сдѣлаютъ шагъ къ примиренію, *дать имъ вѣтвь мира*“.

Разгонову Кауфманъ писалъ то же самое и прибавлялъ, что помочь эмиру войсками не можетъ, за неполученіемъ на то повелѣнія отъ государя, и приказывалъ посовѣтовать эмиру освободить изъ тюрьмы сына своего Якубъ-хана, чтобы привлечь на свою сторону его многочисленныхъ приверженцевъ.

Разгоновъ составилъ выписку изъ этого письма и передалъ ее, съ переводомъ на персидскій языкъ, визирю для доклада эмиру. Нота эта мало походила на категорическій слогъ Кауфмана, который Разгоновъ счелъ нужнымъ измѣнить, ради смягченія впечатлѣнія, какъ онъ самъ говоритъ въ примѣчаніи на стр. 164 дѣла. Вотъ эта выписка.

„По положительнымъ свѣдѣніямъ, Англія намѣрена сдѣлать примирительную попытку *); слѣдуетъ, во избѣжаніе несвоевременнаго столкновенія съ англичанами, пойти на примиреніе.

*) Разгоновъ не сообразилъ, что Кауфманъ говорилъ объ ультиматумѣ, который уже состоялся, пока шло письмо, и теперь увѣрялъ эмира, будто Англія сдѣлаетъ и еще одну попытку!

„Если бы англичане пожелали, чтобы было принято ихъ временное посольство, то, быть можетъ, можно и не отказать имъ въ этомъ, если посольство будетъ имѣть конвой въ 20—25 человѣкъ. И главное, чтобы эмиръ-сагибъ не связалъ себя какими-нибудь такими обязательствами, которыя бы ослабили его независимость, его самостоятельность.

„Если англичане рѣшатся на то, чтобы сдѣлать новый шагъ къ примиренію, то, значитъ, они войны не хотятъ. Но если они сдѣлаютъ этотъ шагъ, то, снизойдя къ нему и сдѣлавъ возможныя любезности, нѣтъ основанія идти на дальнѣйшія уступки.

„Слѣдовательно, надо сдѣлать такъ, чтобы эмиръ-сагибъ избѣжалъ несвоевременнаго столкновенія съ англичанами, но такъ однако, чтобы не связать себя какими-нибудь договорами, напр., пріемомъ постояннаго резидента или поставленіемъ англійскаго гарнизона въ какомъ-либо афганскомъ городѣ или что-либо подобное (sic).

„Пусть помнитъ эмиръ-сагибъ, что онъ есть и долженъ быть независимымъ государемъ Афганистана.

„Пусть помнитъ, что если англичанамъ дать палецъ, они руку откусятъ“.

Эта малограмотная нота, повторяющая фразы по 2 раза, конечно, мало располагала афганцевъ къ примирительному шагу. „Быть можетъ, можно не отказать“ совсѣмъ не то, что „слѣдуетъ принять посольство“.

Отвѣтъ на англійскій ультиматумъ былъ уже написанъ и содержалъ въ себѣ отказъ въ рѣзкой формѣ. Теперь приходилось передѣлывать его и смягчать выраженія... Это задержало отвѣтъ.

На другой день, т. е. 7 числа, еще до восхода солнца, визирь разбудилъ Разгонова и затѣмъ цѣлый день его тормошили разные сановники эмира, требовавшіе разъясненія загадокъ въ письмѣ Кауфмана. Оказалось, что персидскій текстъ былъ совершенно непонятенъ: до того плохо владѣлъ персидскимъ языкомъ переводчикъ Кауфмана (л. 158 обор.). Афганцы указали Разгонову, что его „нота“ съ пресловутымъ „быть можетъ, можно“ не похожа на слова Кауфманскаго письма и „что этого условнаго выраженія не чувствуется въ письмѣ къ эмиру“. Уличивъ такимъ образомъ Разгонова въ недобросовѣстности, они потребовали отъ него, какъ пишетъ онъ самъ, „и весьма настоятельно, дать имъ мое письменное заявленіе, что слова вашего высокопревосходительства ими вѣрно поняты и что англійское посольство будетъ принято ими, во исполненіе категорически выраженнаго желанія вашего высокопревосходительства. Я отказалъ въ этомъ“.

Разгоновъ объясняетъ свой отказъ тѣмъ, что, въ случаѣ бѣды

отъ англійскаго посольства, афганцы будутъ имѣть въ рукахъ „оправдательный документъ“ и свалятъ всю вину на русскихъ.

Далѣе онъ пишетъ, что „эмиръ Ширъ-Али крайне озабоченъ и глубоко опечаленъ сухостью и категоричностью вашего письма... онъ говоритъ: „Это письмо разбило мое сердце... хоть бы одно слово утѣшенія и одобренія, хоть бы мнѣ сказали — надѣйтесь, мы озабочены этимъ дѣломъ, мы сдѣлаемъ, что можемъ... Я цѣлую жизнь борюсь съ англичанами за независимость своего народа и до вашего прихода зналъ, что мнѣ дѣлать. Я всегда былъ вашимъ заочнымъ другомъ, хотя и не искалъ вашей дружбы, не звалъ васъ; но великій императоръ могущественной державы самъ предложилъ мнѣ дружбу, которую я поспѣшилъ принять съ сердечной радостью, и съ гордостью возвѣстилъ своему народу, что имѣю великаго, вполнѣ надежнаго союзника. Быть послѣ этого опозореннымъ въ глазахъ моего народа, стать посмѣшищемъ враговъ—вотъ чего я боюсь!“

— „А какъ вы думаете,—спросилъ онъ меня,—этотъ позоръ падетъ также на Россію или нѣтъ? Какъ смотритъ на это русскій императоръ?“

Эту же фразу эмиръ употребилъ впослѣдствіи и въ письмѣ къ Кауфману, примѣрно около 20-го ноября: „Дай Богъ, чтобы не случилось никакого несчастія съ государствомъ моимъ; если же случится, то не безъ того, чтобы пыль этого несчастія не сѣла на полы государства его императорскаго величества“ (Яворскій стр. 100 т. II). Письма этого нѣтъ въ архивныхъ дѣлахъ Ташкента, что можно объяснить только тѣмъ, что вся афганская переписка хранилась въ письменномъ столѣ у Кауфмана въ большомъ безпорядкѣ и собрана была, послѣ его смерти, чиновниками его канцеляріи съ немалымъ трудомъ.

Вслѣдствіе безплодныхъ споровъ съ Разгоновымъ, отвѣтъ на ультиматумъ Литтона поспѣлъ только къ утру 8-го ноября. Въ дѣлѣ № 63 имѣются два перевода этого отвѣта: одинъ сдѣланъ Назировымъ на л. 166—167, а другой Ибрагимовымъ на л. 176—177. Оба перевода совершенно безграмотны и значительно разнятся въ изложеніи, хотя смыслъ тотъ-же. Ибрагимовъ, послѣ смерти Вейнберга, былъ назначенъ вмѣсто него за дипломатическаго чиновника, имѣлъ уже десятилѣтнюю практику переводчика, и потому мы предпочтемъ его текстъ, который и приведемъ, исправивъ только грамматическія ошибки и слогъ:

„Мы разсмотрѣли отвѣтъ на письмо, отправленное мною съ посланцемъ вашимъ Навабомъ-Гулямъ-Хасанъ-ханомъ. Содержаніе его мы подробно поняли. Въ началѣ письма сказано о дружескомъ посольствѣ Британіи и о добрыхъ памѣреніяхъ англичанъ.

„Вы рабъ Бога, предъ вашимъ блистательнымъ умомъ и правдивостью преклоняются всѣ. Обращаюсь къ вамъ: будьте вы сами судьей и согласитесь, что вѣрить и полагаться на слова друзей, которые о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ только говорятъ,—нельзя; если же нужны доказательства на дѣлѣ, то можно сказать слѣдующее: въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ, вы предъявляли такъ много требованій и разнообразныхъ желаній, что рѣшительно не было никакой возможности исполнить ихъ. Укажите, прошу васъ, хоть на одинъ примѣръ, который бы служилъ доказательствомъ вашихъ добрыхъ намѣреній. Вы писали, напримѣръ, о подломъ, низкомъ сынѣ моемъ Мухаммедъ-Якубѣ, который не можетъ быть нашимъ наслѣдникомъ, что если онъ будетъ освобожденъ изъ-подъ ареста, то это утвердитъ дружбу вашу съ Афганистаномъ. Сколько ни разсыпали вы различныхъ цвѣтовъ, но отъ нихъ не слышно хорошаго запаха, которымъ бы можно дышать; поэтому и добрыхъ намѣреній подразумѣвать тутъ не приходится. Всѣми своими стараніями вы только возбуждаете подозрѣнія и опасенія въ государствѣ, дарованномъ намъ свыше.

„Далѣе въ вашемъ письмѣ значится: „несогласіе принять посольство Британіи докажетъ, что вы желаете начать войну".

„Да будетъ извѣстно вамъ, милостивѣйшій другъ, что отказываясь принять британское посольство, Афганистанъ нисколько не думалъ быть вашимъ врагомъ и начинать съ вами войну; мы нисколько не желаемъ ни враждовать съ правителями Британіи, ни оскорблять или унижать ея представителей. Мы только опасались, чтобы прибытіе британскаго посольства не ослабило власти правителя страны, который до сихъ поръ былъ полновластныхъ государемъ своего народа; мы боялись разрушить зданіе мира, существующаго много лѣтъ.

„Настоящія же намѣренія англичанъ мы узнали только изъ вашего письма. Боязнь и опасенія народа, вкоренившіяся съ давнихъ временъ, относительно пріѣздовъ британскихъ пословъ, нынѣ еще возросли до прибытія вашего посольства.

„Далѣе у васъ сказано: „на нашей обязанности лежитъ охранять тѣхъ людей, которые поѣдутъ при посольствѣ, и если имъ будетъ причиненъ какой-нибудь вредъ, то мы сами будемъ защищать ихъ *)".

„Если бы опасность была не велика, если бы отправка посольства не была обусловлена такими требованіями и такимъ шумомъ,

---

*) Можно думать, что этими словами Литтонъ оправдываетъ посылку многочисленнаго конвоя. Назировъ перевелъ это мѣсто такъ: „если тѣ племена, которыя въ качествѣ проводниковъ сопровождаютъ англійское посольство, будутъ наказаны или стѣснены эмиромъ, то защиту ихъ Англія тотчасъ возьметъ на себя.

то, конечно, мы не вправѣ были бы отказать въ его пріемѣ и приняли бы его, согласно обыкновенію другихъ государствъ.

„Откровенно говорю вамъ, милостивѣйшій другъ, и чистосердечно пишу вамъ, что Афганистанъ не питаетъ къ Британіи рѣшительно никакой вражды, нисколько не думаетъ заводить спора, отворачивать голову и выказывать сопротивленіе, а до сихъ поръ держится прежнихъ дружескихъ отношеній. Мнѣ кажется, что и представителямъ Британіи, знающимъ могущество своего государства, также слѣдовало бы избѣгать причиненія зла и огорченія своему преданному сосѣду и не предъявлять тяжкихъ требованій преданному другу, а держаться прежнихъ дружескихъ отношеній съ богоданнымъ намъ государствомъ. Это послужитъ къ укрѣпленію прежнихъ хорошихъ отношеній.

„Если, по существующимъ международнымъ порядкамъ, британское правительство захочетъ послать ко мнѣ дружеское посольство (у Назирова прибавлено: временное) съ конвоемъ въ 20—30 человѣкъ, по примѣру русскаго посольства, то оно будетъ принято нами, и ему отказа не будетъ“ (у Назирова прибавлено послѣ слова „принято: „на томъ мѣстѣ, гдѣ я буду находиться“).

„Кромѣ дружбы ничего не питаемъ. 25. Зулькаде 1295 года“.

Къ своему переводу Назировъ прибавилъ, какъ видно отъ себя, примѣчаніе, будто „эмиръ согласенъ имѣть у себя представителя интересовъ Англіи, только изъ мусульманъ Индіи“.

Между тѣмъ англичане, прождавъ напрасно отвѣта до конца срока, перешли афганскую границу утромъ 9-го ноября.

Ровно за мѣсяцъ до этого комендантъ афганской крѣпостцы Али-мечитъ, въ Хайберскомъ ущельѣ (въ 6-ти верстахъ отъ границы) получилъ отъ англійскаго повѣреннаго маіора Каваньяри, изъ гор. Пешавера, сообщеніе, что „въ скоромъ времени побѣдоносныя англійскія войска двинутся къ крѣпости Али-мечиту, для удаленія оттуда офицеровъ и войскъ эмиръ-сагиба. Поэтому прошу васъ, Фейзъ-Мамедъ-ханъ, по полученіи этого письма, очистить крѣпость Али-мечеть отъ офицеровъ и афганскихъ войскъ во избѣжаніе столкновенія ихъ съ англійскими войсками и племенемъ хейберскихъ афродитовъ, сопровождающихъ англійское войско...“

Комендантъ однако отвѣтилъ торопливому маіору, требовавшему сдачи крѣпости ранѣе объявленія войны, слѣдующее: „Желая пройти въ Кабулъ, вы предлагаете мнѣ сдать вамъ крѣпость Али-мечеть, прибавляя при этомъ, что войска ваши двигаются туда; на все это я сообщаю вамъ, что крѣпость Али-мечеть имѣетъ своего хозяина, и если вы рѣшаетесь придти, то идите“. Маіоръ не рѣшился... (л. 115—116 дѣла).

Эта странная выходка никому неизвѣстнаго маіора свидѣтель-

ствуетъ только о его самомнѣніи и заносчивости, вообще свойственныхъ англичанамъ, вслѣдствіе преувеличеннаго понятія о всемогуществѣ Англіи и ничтожности туземныхъ князьковъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ Каваньяри приготовилъ себѣ трагическую судьбу...

Англичане, очевидно, старались вызвать войну, но какъ афганцы не подавали къ тому никакихъ поводовъ, то и придумано было ловкое средство: снарядить такое дружеское посольство, чтобы его отнюдь принять не могли, хотя бы изъ-за того, что прокормить цѣлый отрядъ, по посольскому положенію, небогатая страна прямо не въ состояніи. Отказъ же въ принятіи посольства будетъ объявленъ обидой императрицѣ Индіи, а затѣмъ война.

Русскій военный агентъ въ Лондонѣ, свиты его величества ген. м. Горловъ, въ письмѣ къ военному министру отъ 28 сент. 1878 г. за № 29 (л. 87—89 дѣла) между прочимъ говоритъ: „въ Mémorial Diplomatique, отъ 23 сент. (5 октября), подтверждено представленное мною въ письмѣ за № 27 свѣдѣніе, что англійское правительство знало заранѣе, что его миссію не примутъ въ Афганистанѣ“.

Въ № 43 англійской газеты „Индійская Трибуна“, 19 октября того же года, помѣщена была статья „Предстоящая война“, гдѣ между прочимъ сказано: „война эта началась бы 18 мѣсяцевъ назадъ, тотчасъ послѣ неудачи пешаверской конференціи, если бы тогда въ Европѣ не открылась война между Россіей и Турціей. Военнымъ силамъ, сосредоточеннымъ въ Кохатѣ весной 1877 года, для принужденія Ширъ-Али-хана къ принятію договора, привезеннаго сэромъ Левисомъ Пелли, не было приказано двинуться на Кабулъ только потому, что русскіе напали на своего родоваго врага—турка.

„Люди, знавшіе настоящую причину назначенія вице-королемъ Индіи именно Литтона, были убѣждены, что выполненіемъ политики, продиктованной пешаверскою конференціей, займутся серьезно, тотчасъ по водвореніи мира въ Европѣ. И едва были покончены работы берлинскаго конгресса, министерство иностранныхъ дѣлъ объявило объ отправленіи посольства къ кабульскому двору.

„Объявленіе это ясно показывало, что правительство считало совершенно безразличнымъ,—согласенъ ли эмиръ или нѣтъ принять посольство. Его не спрашивали, приметъ ли онъ миссію, къ нему только послали эмиссара съ увѣдомленіемъ о ея приближеніи и просьбой сдѣлать надлежащія распоряженія о безопасномъ проводѣ ея чрезъ его территорію.

„Не ожидая отвѣтовъ эмира на письма вице-короля, миссіи дано было приказаніе перейти границу; вслѣдствіе чего, конечно, ей не дозволено было продолжать свой путь. Правитель-

ство получило ожидаемое имъ оскорбленіе, котораго оно добивалось, и согласно этому, война Афганистану будетъ объявлена, какъ только всѣ приготовленія будутъ окончены".

Мы прибавимъ отъ себя, что главныя приготовленія состояли въ подкупѣ хейберскихъ афганцевъ, племени афродитъ, чтобы они не только не истребили англійское посольство, какъ это сдѣлали съ англійской арміей въ 1841 году, но и помогли бы ему пройти знаменитое ущелье. Цѣли своей англичане и добились, какъ видно изъ приведеннаго выше письма Каваньяри храбрые горцы опустили свои булатныя сабли передъ англійскимъ золотомъ...

Хейберцы указали англичанамъ четыре горныя тропинки, въ обходъ крѣпости Али-мечеть, и провели ихъ. Разгоновъ сообщаетъ въ письмѣ отъ 20 ноября (л. 180—184 дѣла), что это сдѣлало племя мумыновъ, выставившихъ въ помощь англичанамъ 10,000 милиціи.

Нарочный, посланный 8 ноября съ отвѣтомъ эмира на ультиматумъ, подъѣхалъ къ Али-мечети только 10-го и засталъ бой въ полномъ разгарѣ. Не догадавшись выставить бѣлый парламентерскій флагъ, какой-нибудь бѣлый платокъ, а можетъ быть, не желая рисковать попасть подъ выстрѣлы, нарочный воротился съ письмомъ въ Кабулъ, но, по настоянію Разгонова, снова былъ посланъ и передалъ письмо лишь 19-го числа, то есть черезъ 11 дней послѣ срока...

Разгоновъ наивно удивлялся, что англичане начали войну, чего онъ никакъ не ожидалъ, хотя въ ультиматумѣ Литтона, кажется, ясно сказано было, что срокъ на отвѣтъ дается до 8 числа включительно, а затѣмъ онъ поступитъ съ эмиромъ, „какъ съ отъявленнымъ врагомъ".

Вотъ что пишетъ недовольный посолъ нашъ 15 ноября (л 153—156 дѣла): „трудно объяснить себѣ начало наступленія англичанъ 9 ноября; во всякомъ случаѣ неоспоримъ тотъ фактъ, что англичане сами открыли враждебныя дѣйствія еще до полученія отвѣтнаго письма отъ эмира".

Очевидно, что нашъ посолъ совершенно не понималъ тогда, что означаетъ срокъ въ ультиматумѣ. Это срокъ на размышленіе, рѣшеніе и отвѣтъ, а затѣмъ, смотря по отвѣту, начнется либо война, либо мирные переговоры.

Противъ этого мѣста, на поляхъ, Кауфманъ сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: „англичане во многомъ виноваты, но въ этомъ едва ли ихъ винить справедливо. Они дали ультиматумъ, коего срокъ исходилъ 8 ноября. Ихъ ультиматумъ полученъ былъ въ Кабулѣ 25 окт.; было время отвѣчать „да" или „нѣтъ". А между тѣмъ отвѣтъ отправленъ изъ Кабула 8 ноября.

Заманъ-бекъ увѣряетъ; будто въ запозданіи отвѣта виноватъ

Малевинскій, которому поручено было написать англійскій текстъ, а онъ не торопился. Но вѣдь если бы отвѣтъ послали ранѣе 6-го ноября, то мы знаемъ, что онъ заключалъ въ себѣ рѣзкій отказъ, и стало быть, война была бы и такъ неизбѣжна. Мы полагаемъ даже, что какой бы отвѣтъ ни составили афганскіе министры съ Разгоновымъ и Малевинскимъ, какъ бы рано его ни прислали,—все равно англичане перешли бы границу, подъ какимъ-нибудь самымъ неожиданнымъ предлогомъ.

Въ томъ же письмѣ Разгоновъ пишетъ еще слѣдующее: „по поводу начавшейся войны мнѣ остается только прибавить, что эмиръ болѣе, чѣмъ кто-либо, желалъ избѣгнуть столкновенія. На мои представленія о крайней необходимости сохранить мирныя отношенія съ англичанами, по крайней мѣрѣ до весны, онъ сказалъ: „да я совсѣмъ не хочу воевать съ ними—ни теперь, ни послѣ! но что же я буду дѣлать, когда англичане сами врываются ко мнѣ? не могу же я согласиться добровольно, чтобы они надѣли мнъ петлю рабства на шею".

Заваривъ кашу, Разгоновъ хотѣлъ оставить афганцевъ однихъ расхлебывать ее. Узнавъ, что 15 ноября эмиръ объявилъ священную войну, велѣлъ на базарѣ выдавать жителямъ оружіе, освободилъ множество арестованныхъ за разныя провинности, раздалъ не мало пособій бѣднымъ, приказалъ жителямъ городовъ отправить свои семейства въ горы, а свою семью отправилъ, на 9 слонахъ и 2000 лошадяхъ, подъ конвоемъ 1 баталіона пѣхоты и 2 полковъ кавалеріи, при 4 орудіяхъ, въ Мазари-Шерифъ,—Разгоновъ повелъ 18 числа весьма секретные переговоры съ визиремъ, котораго просилъ сохранить все въ глубокой тайнѣ, чтобы о нихъ зналъ, кромѣ переводчика Назирова, еще только одинъ эмиръ. При этомъ онъ вручилъ визирю „ноту", составленную изъ выписокъ изъ старыхъ писемъ Кауфмана объ испрошеніи разрѣшенія на выѣздъ миссіи въ Ташкентъ. Текстъ ея приведенъ уже нами, когда шла рѣчь о своевольствѣ пословъ, дѣйствовавшихъ вопреки данныхъ имъ указаній.

Таинственность съ которою передана была эта „нота" визирю породила въ немъ подозрѣнія. Вотъ что пишетъ Яворскій объ этомъ на стр. 98 т. II.

„Эта таинственность повела только къ тому, что визирь усумнился въ существованіи подлиннаго письма ген. Кауфмана къ Разгонову, съ подобнымъ содержаніемъ. Онъ потребовалъ отъ ген. Разгонова подлинное письмо ген. Кауфмана... но понятно, что это требованіе совсѣмъ нельзя было удовлетворить. Въ самомъ дѣлѣ: какъ же предъявить письмо, написанное еще два мѣсяца тому назадъ?.. Какъ отвѣчать на такой щекотливый вопросъ: отчего вы, г. Разгоновъ, не сообщили даннаго вамъ предписанія Кауфмана, въ то время, когда только что получили его?"

Полагая, не безъ основанія, что русскій посолъ просто струсилъ, эмиръ прислалъ къ нему на другой день всѣхъ своихъ приближенныхъ съ визиремъ, которые всячески старались ободрить злополучнаго посла, увѣряли его, „что миссія находится въ безопасности, что бояться ей нечего, что пока эмиръ живъ,— ему, генералу, нечего безпокоиться о своей безопасности и проч. и проч.“.

Послѣ этого эмиръ написалъ Кауфману письмо, въ которомъ высказалъ опасенія, какъ бы „пыль его несчастія не сѣла на полы русскаго государства“, и просилъ выслать изъ Ташкента „изъ имѣющихся въ вашемъ распоряженіи войскъ столько, сколько у васъ есть готоваго“, а въ заключеніе прибавилъ: „къ этому добавляю, что посланникъ знаменитаго государства, генералъ Разгоновъ, заявилъ мнѣ о полученномъ имъ приказаніи, что если война англичанъ съ афганцами будетъ сильная, то, испросивъ себѣ разрѣшеніе отъ эмиръ-саиба, онъ долженъ отправиться въ Туркестанскую сторону; и дѣйствительно, онъ просилъ у меня разрѣшенія на возвращеніе.

„Я, вашъ другъ, обсудивъ выгоды обоихъ государствъ и по нѣкоторымъ яснымъ обстоятельствамъ, не призналъ возможнымъ дать ему разрѣшенія“.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, эмиръ послалъ въ Ташкентъ письмо и къ своему послу Мухамедъ-Хасанъ-хану, которому сообщалъ, что онъ проситъ Кауфмана „не откладывать далѣе помощь войсками въ такое нужное время, согласно требованіямъ дружбы обоихъ правительствъ и... послать въ афганскій Туркестанъ 32,000 войскъ изъ Ташкента, которыя, какъ говорилъ ген. Столѣтовъ въ вашемъ присутствіи, готовы и могутъ быть высланы во всякое время, когда бы я ни потребовалъ ихъ. Я позволяю вамъ день и ночь напоминать русскому правительству Туркестана о помощи; не откладывайте этого дѣла“.

Съ началомъ войны англичане разослали, черезъ своихъ тайныхъ агентовъ, во всѣ города Афганистана, прокламацію, напечатанную на персидскомъ языкѣ. Въ ней говорилось, что десять лѣтъ назадъ эмиръ Ширъ-Али-ханъ, при денежной помощи англичанъ, утвердился на престолѣ, послѣ долгихъ стараній и войнъ. Власть его была не прочна, границы съ сосѣдями не опредѣлены. Онъ просилъ свиданія съ вице-королемъ, который сердечно принялъ его въ Амбалѣ, щедро одарилъ его и безъ всякихъ условій надѣлилъ его золотомъ и оружіемъ. Упрочивъ тѣмъ его власть, вице-король позаботился о границахъ и настоялъ на признаніи Россіей новыхъ границъ съ Бухарой и Коканомъ. Прославъ еще разъ оружіе, англійское правительство, не смотря на противодѣйствіе Россіи, присоединило къ Афганистану Ваханъ и Бадахшанъ. Афганскіе подданные свободно тор-

говали въ Индіи, пользуясь покровительствомъ британскихъ законовъ.

„За все это эмиръ отплатилъ черною неблагодарностію: 1) онъ отказалъ пропустить чрезъ Бадахшанъ, полученный имъ изъ рукъ Англіи, высокопоставленнаго офицера ея же, возвращавшагося во главѣ посольства изъ сосѣдняго ханства (дѣло идетъ о Форсейтѣ); 2) запретилъ въѣздъ въ Афганистанъ англійскимъ подданнымъ; 3) отнималъ у британскихъ подданныхъ купцовъ товары; 4) казнилъ смертію тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые подверглись только подозрѣнію въ сношеніяхъ съ британскимъ правительствомъ; 5) старался всѣми силами возбудить въ Индіи ненависть противъ англичанъ и вызвать возстаніе; 6) выслалъ изъ Афганистана британскихъ офицеровъ и резидента, 7) отказался принять британское посольство; 8) не отвѣчалъ на дружескія письма вице-короля; 9) отклонилъ всѣ старанія англичанъ возстановить добрыя съ ними отношенія: 10) принялъ въ Кабулѣ съ торжествомъ и почестями русское посольство, зная, что между Россіей и Англіей отношенія были натянуты и что Афганистанъ изъятъ изъ-подъ вліянія Россіи; 11) отказалъ во второй разъ принять британское посольство, не смотря на то что русская миссія пользовалась уже его гостепріимствомъ, 12) не отвѣчалъ, наконецъ, и на послѣднее письмо вице-короля, съ предложеніемъ условій миролюбиваго соглашенія.

„Эмиръ Ширъ-Али принялъ долготерпѣніе Англіи за признакъ ея слабости и самъ напросился на заслуженное наказаніе. Остальной народъ ни въ чемъ не провинился, и потому ему предлагается оставаться мирнымъ, если не хочетъ также подвергнуться бѣдѣ.

Далѣе сказано и на нашъ счетъ: „британское правительство не позволитъ также никакому другому государству вмѣшиваться во внутреннія дѣла Афганистана“; а въ заключеніе прибавлено: „выборъ вражды вмѣсто дружбы съ Англіей лежитъ на шеѣ эмира Ширъ-Али-хана“.

Получивъ письмо эмира, съ просьбой прислать войска, Кауфманъ телеграфировалъ о томъ Милютину 17-го декабря и кстати сообщилъ, что Разгоновъ просилъ эмира „отпустить въ Ташкентъ, полагая присутствіе миссіи безполезнымъ, въ виду начавшейся войны и основываясь на моемъ письмѣ, посланномъ до полученія первоначальнаго высочайшаго повелѣнія объ оставленіи его въ Кабулѣ, но эмиръ сообщаетъ, что ради пользы обоихъ государствъ не далъ ему разрѣшенія. Приготовляю отвѣтъ въ смыслѣ сообщеннаго ему уже послѣдняго высочайшаго повелѣнія, переданнаго мнѣ канцлеромъ. Повторяю совѣтъ помириться, сохранивъ свою независимость. Будетъ ли одобрено?“ Отвѣтъ получился на другой день съ одобреніемъ.

Итакъ, война началась. Англичане произвели вторженіе тремя колоннами *): 1) Пешаверская подъ начальствомъ ген.-лейт. Брауна, въ 16 т. человѣкъ, шла черезъ Хейберскій проходъ на Джелалабадъ и Кабулъ. Она перешла границу 9-го ноября. 2) Курамская ген.-маіора Робертса, въ 6 т. чел., шла отъ Когата (въ 36 верстахъ отъ Пешавера), чрезъ Пейварскій, затѣмъ чрезъ Шутургарданскій перевалы, лѣвѣе первой колонны, также на Кабулъ. 3) Южная ген.-лейт. Стюарта, въ 11 т. чел., шла отъ Кветты на Кандагаръ. Вторая двинулась 18-го ноября, а третья 20-го декабря.

Афганцы, по совѣту русскихъ, развили партизанскія дѣйствія на тылъ англійскихъ отрядовъ и причинили имъ большія затрудненія. Робертсъ потерпѣлъ пораженіе на Пейварскомъ перевалѣ и вздумалъ наказать племена долины Хостъ (влѣво отъ его пути), сжегъ у нихъ 11 деревень, но потерпѣлъ нѣсколько неудачъ, которыя до того его озлили, что онъ велѣлъ истребить 90 человѣкъ связанныхъ плѣнныхъ и до 400 женщинъ и дѣтей. Когда его впослѣдствіи, благодаря корреспондентамъ и общественному мнѣнію, притянули къ отвѣту, то онъ откровенно сознался во всемъ этомъ, только цифру перебитыхъ женщинъ и дѣтей уменьшилъ на одинъ нуликъ. Оправдывался онъ необходимостію строгаго примѣра и былъ оправданъ ближайшимъ начальствомъ.

Роскошное снаряженіе и масса прислуги, требовали огромнаго обоза. Продовольственная часть у англичанъ хромала и въ крымскую войну, хромала и здѣсь. Подножнаго корма уже не было для верблюдовъ; подвозили фуражъ изъ Индіи; но афганскіе партизаны не зѣвали; даже купленные мумыны исправно грабили обозы... Начался падежъ верблюдовъ. Въ 4 мѣсяца ихъ пало до 60,000. Въ войскахъ начался голодъ: провіанта нѣтъ. Случалось, что люди ничего не ѣли по 48 часовъ. Пришлось добывать его отъ жителей насильственно. Южная колонна, поэтому, была расформирована и до 7,000 чел. возвращено въ Индію. Съ остальными 4,000 Стюартъ все-таки продолжалъ двигаться къ Кандагару.

Нашъ военный агентъ въ Лондонѣ ген. Горловъ въ рапортѣ отъ 1-го января 1879 г. доносилъ главному штабу между прочимъ, что артиллерійскіе парки до того плохи, что нѣкоторыя батареи въ колоннѣ Робертса остались безъ фрикціонныхъ трубокъ и потому надѣлали сами старинныя тростниковыя, зажигаемыя фитилемъ! (л. 278—283 дѣла).

---

*) Все, что говорится ниже о военыхъ дѣйствіяхъ, мы почерпнули главнымъ образомъ изъ сочиненія Л. Соболева: „Англо-афганская распря“ 1882 г.

Плѣнныхъ изъ регулярныхъ войскъ англичане отпустили, давъ каждому по 5 рупій. Жителямъ объявили, что теперь они принадлежатъ Англіи и освобождаются отъ податей на 3 года (письмо Разгонова отъ 27-го ноября л. 186 — 189 дѣла). 25-го ноября эмиръ освободилъ изъ-подъ ареста сына своего Мамедъ-хана, согласно совѣту Кауфмана. Около этого времени получено было извѣстіе, что колонна Робертса, послѣ первой неудачи на Пейварскомъ перевалѣ, сбила 20-го ноября афганцевъ съ позиціи и перевалила черезъ хребетъ. „Подъ Кабуломъ,—продолжаетъ Разгоновъ,—еще имѣются 14 баталіоновъ пѣхоты: эмиръ намѣренъ дать послѣдній бой; я употребляю всѣ усилія отклонить эмира отъ этого гибельнаго намѣренія; не скрою, что имѣю мало надежды на успѣхъ".

На всѣ настойчивыя требованія объ отпускѣ посольства визирь отвѣчалъ Разгонову, что „до начала войны насъ легко можно было отправить обратно, но теперь совѣтники эмира и не позволятъ этого сдѣлать; они говорятъ, что русскіе, накликавъ несчастіе на край, сами хотятъ уйти". Въ выноскѣ Разгоновъ прибавилъ: „визирь говоритъ, что эмиръ не обращаетъ на это вниманія, но боится за нашу безопасность въ пути и поэтому хочетъ, чтобы мы были при немъ". Находя мало утѣшенія въ словахъ визиря, что русскому посольству нечего бояться, пока эмиръ живъ, и боясь, какъ бы эмиръ не убѣжалъ изъ Кабула, покинувъ посольство на произволъ судьбы, недовольнаго народа и еще болѣе недовольныхъ англичанъ, Разгоновъ придумалъ выходъ изъ этого положенія: онъ посовѣтовалъ эмиру отступить въ Афганскій Туркестанъ и затѣмъ ѣхать въ Россію для свиданія съ нашимъ государемъ. Такимъ образомъ миссія наша, не разлучаясь съ эмиромъ, какъ онъ того и желалъ, могла вполнѣ безопасно покинуть Кабулъ, какъ того желалъ Разгоновъ. Самый отъѣздъ, не дожидаясь приказанія изъ Петербурга, получалъ законный характеръ: по приказанію, дескать, эмира!

Нѣтъ сомнѣнія, что первое намѣреніе эмира—дать послѣдній бой англичанамъ подъ стѣнами Кабула, гдѣ былъ обширный укрѣпленный лагерь и нѣсколько фортовъ, увѣнчалось бы успѣхомъ: англичане въ это время терпѣли голодъ и едва двигались; афганцы били ихъ позже при худшихъ для себя условіяхъ, т. е. безъ укрѣпленій, въ чистомъ полѣ, и вдобавокъ, когда тѣ уже оправились отъ голодухи; били даже подъ Кабуломъ, когда всѣ форты были въ рукахъ англичанъ!

Наконецъ, самая мысль стать твердою ногою на защиту своей столицы вполнѣ достойна государя независимой страны. Но Разгоновъ, на этотъ разъ, былъ краснорѣчивъ... Онъ представилъ эмиру, съ какими царскими почестями его будутъ принимать по

всей Россіи; какъ будетъ радъ видѣть его государь; какъ дорого бы дали англичане, чтобы онъ ѣхалъ не въ Петербургъ, а въ Лондонъ... наконецъ, какъ будетъ хорошо притянуть англичанъ на судъ конгресса!

Въ письмѣ отъ 15 декабря (л. 224—227), Разгоновъ передаетъ слова эмира: „дружбу государя императора я цѣню такъ высоко, что не отступлюсь отъ нея, если бы даже еще десять разъ намъ пришлось бы подвергнуться разоренію". Тутъ же генералъ оправдывается въ представленіи ноты визирю съ требованіемъ отпуска посольства: „время было слишкомъ смутное, необходимо было быть наготовѣ къ выступленію, но этого невозможно было сдѣлать безъ разрѣшенія эмира. Англичане могли легко въ 4—5 дней быть не только въ Кабулѣ, но отъ Хоши могли выдти на Баміанскую дорогу между Серъ-Чешме и Герденъ-Диваромъ; времени оставалось въ моемъ распоряженіи очень мало; дожидаться же прихода англичанъ въ Кабулъ было неудобно по многимъ причинамъ; тѣмъ не менѣе я остался въ Кабулѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ эмира приказанія выступить 1 декабря".

Да, остался, но интересно бы знать: какъ же бы онъ не остался, если ему не даютъ разрѣшенія, а главное, конвоя? Заслуга, значитъ, не велика!

Да и времени онъ не потратилъ даромъ, склоняя эмира покинуть Кабулъ на произволъ судьбы, подъ предлогомъ поѣздки въ Россію. Онъ видѣлъ, что эта мысль нравится эмиру и что тотъ, если не сегодня, то завтра, рѣшитъ этотъ вопросъ, согласно совѣтамъ русскаго посла. Наконецъ, 27 ноября, визирь секретно сообщилъ Разгонову, что на-дняхъ эмиръ уходитъ съ войсками въ Афганскій Туркестанъ, оставляя Кабулъ англичанамъ. Наше посольство стало готовиться также. Лошадей ковали ночью, приводя ихъ для этого „въ помѣщеніе миссіи", какъ увѣряетъ Яворскій на стр. 101, т. II. Это дѣлалось ради соблюденія тайны отъ афганцевъ, такъ какъ въ народѣ замѣтно было сильное неудовольствіе противъ русскихъ, накликавшихъ имъ бѣду...

28 ноября эмиръ объявилъ народу, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ къ русскому императору, а регентомъ Афганистана оставляетъ сына своего Мамедъ-Якубъ-хана, которому и передаетъ 1.800,000 рупій. Объ отъѣздѣ своемъ онъ увѣдомилъ и англійскихъ генераловъ. Это былъ въ сущности хорошій ходъ: англичане объявили, что ведутъ войну только съ эмиромъ Ширъ-али, теперь Ширъ-али устранился отъ управленія и уѣзжаетъ въ Россію,—значитъ воевать англичанамъ не съ кѣмъ, и если они будутъ все-таки продолжать войну, то этимъ только докажутъ, что всѣ, насчитанныя ими провинности эмира—сущій вздоръ...

Миссію нашу афганцы выпроводили ночью на 1 декабря. Въ

три часа утра, по возможности безъ шуму, тайкомъ, подъ конвоемъ 2-хъ ротъ пѣхоты и 1 эскадрона кавалеріи, миссія покинула свою дворцовую тюрьму и боковыми улицами, осторожно выбралась изъ спящаго города. „Выступленіе миссіи изъ Кабула, говоритъ Яворскій (стр. 102 т. II), имѣло видъ настоящаго бѣгства; невольно при этомъ вспоминалось торжественное вступленіе въ Кабулъ той же миссіи въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года".

Эмиръ выступилъ также 1 декабря, но послѣ полудня, съ небольшимъ конвоемъ изъ пѣхоты, и соединился съ миссіей на первомъ ночлегѣ. Но Разгоновъ все время пути держался отдѣльно, далеко позади эмира, чтобы отдѣлаться отъ вопросовъ, на которые не умѣлъ отвѣчать быстро и впопадъ...

Объ этихъ событіяхъ Разгоновъ увѣдомилъ Кауфмана только 6 декабря изъ крѣп. Калу на Гинду-Кухѣ. Кауфманъ получилъ это извѣстіе 23 декабря и тотчасъ телеграфировалъ военному министру и канцлеру. На другой день получена отъ Горчакова слѣдующая телеграмма (л. 211 дѣла): „Поѣздка эмира въ Петербургъ была бы безполезна. Государю Императору угодно, чтобы вы постарались отклонить, подтвердивъ содержаніе моей телеграммы, отъ 2 декабря. Если же Ширъ-али уже переѣхалъ границу Афганистана, то предложите ему выждать въ какомъ-либо болѣе удобномъ пунктѣ по вашему усмотрѣнію. Увѣдомьте, гдѣ находится Разгоновъ. Конецъ депеши. Горчаковъ".

Телеграмма отъ 2 декабря, на которую ссылался канцлеръ, приведена нами въ концѣ предыдущей главы; напомнимъ здѣсь, что въ ней говорилось о завѣреніи англійскихъ министровъ, что независимость Афганистана будетъ сохранена и что государь самъ отвѣчать на письмо эмира не будетъ.

Кауфманъ былъ весьма огорченъ такимъ упрямствомъ устарѣлаго канцлера, заладившаго одно и то же слово „нѣтъ" на всякое представленіе изъ Ташкента. Онъ и задумалъ вразумить почтеннаго старца, пережившаго уже свою славу. Приведемъ наиболѣе существенныя выдержки изъ письма его къ кн. Горчакову отъ 25 декабря:

„Эмиръ, видимо, ищетъ посредничества его императорскаго величества. Какой можетъ быть исходъ его ходатайства, я не берусь судить, но то обстоятельство, что Ширъ-али-ханъ видитъ единственное спасеніе для себя въ участіи къ нему нашего державнаго монарха, становитъ государя императора въ глазахъ всего міра, а въ особенности въ понятіяхъ всей Средней Азіи рѣшителемъ судебъ одного изъ сильнѣйшихъ государствъ Средней Азіи, и есть, конечно, фактъ первостепенной важности... „Если Ширъ-али-хану будетъ отказано въ почетномъ гостепріимствѣ и въ выслушаніи его доводовъ противъ англійскихъ дѣяній, то мы потеряемъ возможность угрожать Англіи съ этой сто-

роны, ибо угроза эта возможна исключительно тогда, когда Афганистанъ на нашей сторонѣ, а отказомъ этимъ мы навсегда испортимъ наши съ нимъ отношенія.

„Все зло, какое сдѣлано намъ въ Европѣ, а въ особенности въ послѣднюю, великую и трудную эпоху жизни Россіи, есть плодъ англійскихъ происковъ...

„Имя наше здѣсь въ Азіи стоитъ высоко, чисто отъ всякихъ нареканій, тогда какъ англичане далеки отъ того уваженія, коимъ они желали бы пользоваться, но которое имъ пока не далось. Вашей свѣтлости, конечно, извѣстно, что мы стоимъ теперь на той высотѣ здѣсь, съ которой больно сходить послѣ такихъ долгихъ трудовъ, всегда правдивыхъ, всегда честныхъ, безъ уклоненій. А между тѣмъ, отказавъ афганскому правительству въ той нравственной поддержкѣ, которой оно ждетъ отъ насъ, мы рискуемъ въ конецъ уронить себя въ глазахъ всей Азіи. Мы потеряемъ то обаяніе, то уваженіе, которое составляетъ главную нашу силу.

„Появленіе въ Петербургѣ Ширъ-Али-хана на судъ государевъ есть такой случай, который, какъ мнѣ сдается, даетъ намъ возможность, не вдаваясь въ ту или другую сторону, т. е. не становя Англію къ стѣнѣ, поддержать наши добрыя отношенія къ афганскому правительству... Кажется, что англичанамъ очень хотѣлось бы скорѣе кончить борьбу съ афганцами; они будутъ торговаться донельзя, но въ концѣ концовъ они уступятъ, въ особенности, если правда, что въ Индіи не все ладно.

„Ширъ-Али-ханъ, выѣздомъ своимъ изъ Кабула, поставилъ ихъ въ большое затрудненіе, изъ котораго имъ нелегко выбраться. Жаль, если мы имъ не затруднимъ еще болѣе то положеніе дѣлъ, въ которомъ они находятся, хотя бы за то зло, которое они дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать“... (л. 212—214 дѣла).

Одновременно Кауфманъ писалъ и военному министру, но безъ вразумленій. Характерна у него слѣдующая фраза: „представляя при семъ копіи съ писемъ ко мнѣ Ширъ-Али-хана и генерала Разгонова, я возлагаю всѣ мои надежды на мудрость монарха“.

Очевидно, что афганское дѣло Кауфманъ принималъ такъ близко къ сердцу, что даже не отдѣлялъ себя отъ Ширъ-Али-хана: одинаково съ нимъ онъ возлагалъ всѣ надежды на мудрость монарха, не упоминая о мудрости его ближайшихъ совѣтниковъ.

Само собою разумѣется, что онъ тогда же написалъ письмо и къ Ширъ-Али-хану, которому совѣтовалъ, сколь возможно скорѣе, заключить миръ съ англичанами и не оставлять своего государства, „такъ какъ пріѣздъ вашего высокостепенства въ русскія владѣнія можетъ только усложнить дѣло“.

Еще 12 декабря афганское посольство было отпущено изъ Ташкента, въ сопровожденіи личнаго адъютанта Кауфмана, сотника Булацеля. Джигитъ, повезшій письмо Кауфмана къ эмиру отъ 25 декабря, съ совѣтомъ не ѣхать въ Россію, догналъ посольство за Самаркандомъ въ Ширъ-Абадѣ.

Булацель самовольно и совершенно безсмысленно велѣлъ отобрать отъ гонца это письмо и передалъ его афганскому послу. Джигитъ привезъ бы письмо къ эмиру, по крайней мѣрѣ, недѣлею ранѣе, чѣмъ посольство, ѣхавшее очень медленно. Благодаря такому усердію не по разуму совершенно неизвѣстнаго и мелкаго казачьяго офицера, вышло громадное недоразумѣніе, и наша миссія принуждена была выслушать немало оскорбительныхъ вещей. Дѣло въ томъ, что 28 декабря Кауфманъ получилъ отъ Горчакова коротенькую шифрованную телеграмму такого содержанія: „Государю угодно, чтобы вы пригласили эмира временно оставаться въ Ташкентѣ“.

Понятное дѣло, что Кауфманъ немедленно телеграфировалъ въ Самаркандъ, чтобы оттуда послали гонца, въ догонку за первымъ джигитомъ, отобрать у него письмо съ отказомъ; но письмо это было уже въ рукахъ афганскаго сановника, и не смотря на то, что второй гонецъ предъявилъ записку начальника Самаркандскаго отдѣла, требованіе это показалось Булацелю оскорбительнымъ для его самолюбія, и потому онъ прогналъ гонца. Между тѣмъ, изъ Ташкента поскакалъ нарочный, съ новымъ письмомъ отъ 29 декабря, содержавшимъ приглашеніе эмира пожаловать въ Ташкентъ, а нарочнымъ приказано летѣть во всю прыть. Тѣ и летѣли, но догнать афганское посольство не могли: джигитъ послѣдней станціи прибылъ въ Мазари-Шерифъ къ эмиру днемъ позже. Такимъ образомъ *сегодня* эмиръ получилъ отказъ, а *завтра* приглашеніе!

Первое своевольство Булацеля еще вышло удачно, такъ какъ онъ задержалъ нѣсколько лишнихъ дней непріятное для эмира письмо, и тотъ, по крайней мѣрѣ, не такъ долго страдалъ нравственно, но второй поступокъ недалекаго сотника—отказъ въ выдачѣ уже ненужнаго письма—есть вопіющее нахальство зазнавшагося проходимца. Что онъ изображалъ собою? Только *провожатаго* афганскаго посольства. А распоряжается, какъ полномочный посолъ!

Докторъ Яворскій, отправленный изъ Ташкента, 18 ноября, снова въ составъ миссіи, прибылъ въ Мазари-Шерифъ 9 декабря; выѣхалъ на встрѣчу миссіи въ Ташъ-Курганъ и вмѣстѣ съ нею, въ свитѣ эмира, воротился 5 января въ Мазари-Шерифъ. Поэтому онъ былъ свидѣтелемъ всего происшедшаго по поводу противорѣчивыхъ писемъ Кауфмана и помѣстилъ это на стр. 143—155 т. II своего сочиненія.

Черезъ три часа послѣ прибытія эмира въ Мазари-Шерифъ туда же прибыло и афганское посольство изъ Ташкента. Кемнабъ привезъ эмиру два письма Кауфмана: одно, перехваченное Булацелемъ, извѣстнаго уже намъ содержанія, а другое, врученное ему лично Кауфманомъ на прощальной аудіенціи. Оно содержало въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки: „Ваше высокостепенство просите выслать войскъ, сколько есть у меня готовыхъ... Имѣя положительное повелѣніе великаго хазрета, государя императора, я не могу выслать в. высоко-ву войска наши. Будемъ надѣяться на лучшія времена въ будущемъ. Это въ рукахъ Божіихъ“. Миссію нашу предлагалось теперь же отпустить.

Такимъ образомъ въ одинъ день бѣдный эмиръ получилъ два роковыхъ отказа: и въ гостепріимствѣ, и въ помощи войскомъ. 6 января онъ потребовалъ къ себѣ всю миссію и велѣлъ прочесть оба письма въ ея присутствіи.

Затѣмъ эмиръ обратился къ Разгонову съ вопросомъ:

— Какъ понимать все, что здѣсь писано? Значитъ ли это рѣшительный и окончательный отказъ, или нужно еще ожидать чего-либо?

Разгоновъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, поѣздка эмира въ Россію признана неудобною только въ настоящее время, и что въ Петербургъ посланъ курьеръ, значитъ, надо подождать еще...

— Судя по содержанію обоихъ писемъ,— продолжалъ эмиръ,— нужно думать, что сношенія Россіи съ Афганистаномъ прекращаются, такъ какъ мнѣ отказано не только въ военной помощи, но даже и въ проѣздѣ чрезъ Россію въ Петербургъ... Теперь генералъ Кауфманъ отпустилъ мое посольство ни съ чѣмъ, а васъ тоже отзываетъ. Что же все это можетъ означать, какъ не полный отказъ?

Не слушая реплики Разгонова, эмиръ продолжалъ:

— Видимое дѣло, что Россія въ настоящее время не можетъ вести войны съ Англіей и потому оставляетъ Афганистанъ на полнѣйшій произволъ ея... Генералъ Кауфманъ совѣтуетъ мнѣ заключить съ Англіей миръ. Да вѣдь если бы я хотѣлъ заключить съ нею миръ, то сдѣлалъ бы это и безъ чьего-либо совѣта, во всякое данное время. Но вы вспомните, что говорилъ мнѣ генералъ Столѣтовъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ не принимать англійскаго посла, и въ случаѣ войны обѣщалъ мнѣ военную помощь. Въ томъ же духѣ онъ писалъ мнѣ и изъ Ливадіи. Теперь же, когда настало время исполнить свои обѣщанія, вы мнѣ говорите совершенно противное. Гдѣ же правда? Кому же вѣрить?

Разгоновъ твердилъ все одно и то же: въ письмахъ Кауфмана рѣшительнаго отказа нѣтъ, такъ какъ въ Петербургъ посланъ

курьеръ, военная помощь теперь и не нужна, такъ какъ Англія обѣщала сохранить независимость Афганистана, миссію же нашу отзываютъ въ интересахъ самого же эмира...

Задѣтый, однако, за живое публичнымъ обвиненіемъ во лжи, онъ совершенно неожиданно прибавилъ: „Наконецъ, въ письмѣ ко мнѣ генералъ Кауфманъ говоритъ, что желательно было бы, чтобы эмиръ-саибъ не очень довѣрялъ моимъ оффиціальнымъ совѣтамъ заключить миръ съ Англіей“ (стр. 147 у Яворскаго).

Только что передъ тѣмъ Разгоновъ получилъ нахлобучку отъ Кауфмана за его „ноту“ о выѣздѣ миссіи изъ Кабула, ибо „нельзя изъ интимныхъ сообщеній дѣлать дипломатическихъ нотъ“ (стр. 105 тамъ же), а теперь вдругъ бухнулъ еще болѣе интимную фразу Кауфмана во всеуслышаніе...

Яворскій удостовѣряетъ, что еще 31 декабря эту фразу Разгоновъ прочелъ визирю (стр. 122), но въ другой редакціи, а именно: „хорошо было бы, еслибы эмиръ-саибъ не исполнилъ моихъ оффиціальныхъ совѣтовъ заключить миръ съ Англіей“. Это болѣе похоже на кауфманскій слогъ. Къ тому же Кауфманъ постоянно твердилъ о своей честности, правдивости и добивался довѣрія со стороны азіатцевъ; поэтому, конечно, онъ не могъ желать, чтобы его совѣтамъ, хотя бы и предписаннымъ ему противъ его личныхъ убѣжденій, не довѣряли! Чтобы ихъ не исполняли,—это другое дѣло: этого онъ желать могъ.

Можно представить себѣ удивленіе эмира, когда онъ услышалъ эту фразу!

— Какимъ же совѣтамъ я долженъ слѣдовать,—тѣмъ ли, которые Кауфманъ сообщаетъ лично мнѣ, или тѣмъ, которые онъ сообщаетъ вамъ?—спросилъ эмиръ.

Затѣмъ эмиръ велѣлъ принести и прочесть адресъ, полученный имъ отъ своего сына Мамедъ-Якуба, сардарей, сеидовъ, духовенства, офицеровъ и купечества. Въ адресѣ одобряется намѣреніе эмира ѣхать въ Петербургъ и составить конгрессъ для переговоровъ съ англичанами и дается торжественное обѣщаніе сохранить границы и государственный порядокъ въ томъ видѣ, какъ ихъ оставилъ эмиръ, до его возвращенія.

— Вотъ видите,—сказалъ эмиръ,—я по желанію народа поѣхалъ въ Мазари-Шерифъ съ тѣмъ, чтобы отсюда проѣхать въ Петербургъ. И вдругъ я получилъ отказъ! Вѣдь мнѣ незачѣмъ было бы и ѣхать сюда, незачѣмъ и пересылать свое семейство, еслибы я не рѣшился ѣхать въ Россію. Что же теперь я долженъ сказать моему народу, давшему свое согласіе на эту поѣздку?

Разгоновъ не нашелся, что отвѣтить на это, и молчалъ. Эмиръ заговорилъ снова:

— Когда генералъ Столѣтовъ пріѣхалъ въ Кабулъ, то я подалъ ему правую руку и сказалъ: не принесъ ли онъ опять въ Афганистанъ огня, какъ нѣкогда Виткевичъ? На это мнѣ генералъ Столѣтовъ отвѣтилъ, что онъ пришелъ затѣмъ, чтобы защитить Афганистанъ отъ обидъ Англіи. И что же вышло? Вышло то, что вотъ уже во второй разъ Афганистанъ подвергается разоренію изъ-за обѣщаній русскихъ пословъ... Я имѣлъ 20 милліоновъ дохода, государство имѣло для своей защиты 60 тысячъ войска, и мы жили мирно, не желая ничего больше. Но вотъ пришелъ русскій посолъ, надавалъ кучу обѣщаній... Я съ своей стороны отдалъ ключи отъ воротъ Индіи въ руки Россіи и подвергъ, вслѣдствіе этого, свое государство разоренію. А вы... вы сами отказываетесь теперь отъ обладанія этими ключами!

Разгоновъ опять затвердилъ свое обычное: теперь не время, надо подождать...

Но эмиръ продолжалъ, волнуясь все болѣе и болѣе:

— Теперь я обезчещенъ... Мнѣ стыдно будетъ глядѣть въ глаза своихъ друзей, въ глаза своего народа, въ глаза своихъ враговъ-англичанъ... „Что?“—скажутъ они мнѣ. — „Что, помогли тебѣ русскіе? А вѣдь ты на нихъ такъ надѣялся! ты стремился къ нимъ всѣмъ сердцемъ! И ты все это дѣлалъ, не смотря на то что мы тебя предупреждали; мы тебѣ говорили, что Россія безсильна, что никакой помощи тебѣ дать не можетъ, а напротивъ, узнаетъ все наше могущество, если только войска ея осмѣлятся переступить Аму!“... Вотъ теперь я и убѣдился на самомъ дѣлѣ, что англичане были правы... Вы передъ ними — просто школьники! Я же теперь не знаю, кто изъ васъ троихъ говоритъ ложь: вы ли, генералъ ли Кауфманъ, или генералъ Столѣтовъ!

Далѣе произошелъ эпизодъ, уже извѣстный читателямъ, насчетъ дурныхъ совѣтниковъ и вѣроломныхъ друзей Наполеона III, погубившихъ Францію. Разгоновъ поддакивалъ, не сообразивъ, что камни летятъ въ его огородъ...

На слѣдующій день, около полудня, въ помѣщеніе миссіи пришли визирь, казій и первый секретарь эмира и передали Разгонову распечатанный пакетъ. Оказалось, что это новое письмо Кауфмана съ приглашеніемъ эмира въ Ташкентъ. Хотя это извѣстіе, видимо, радовало афганцевъ, но такая быстрота и такія крайности, съ промежуткомъ одной ночи, навели ихъ на какія-то подозрѣнія... Они усомнились въ подлинности письма... Секретарь даже спросилъ визиря по-афгански: нѣтъ ли у русской миссіи печати генерала Кауфмана? Одинъ изъ нашихъ переводчиковъ понималъ уже нѣсколько по-афгански... Оскорбительное предположеніе стало извѣстно и несчастной миссіи...

Дѣло требовало разъясненія, и тутъ узнали, что все это натво-

рилъ Булацель. 11-го числа Булацель былъ отправленъ назадъ въ Ташкентъ.

Заманъ-бекъ свидѣтельствуетъ, что эмиръ говорилъ еще слѣдующее: „если Россія не можетъ помочь мнѣ войсками, не хочетъ ссориться съ Англіей, то пусть бы для виду прислала на Аму-Дарью хоть одинъ баталіонъ. Тогда я самъ отказался бы отъ помощи и объявилъ бы о томъ народу. Я бы вышелъ изъ этого дѣла съ честію, не уронивъ себя въ глазахъ своихъ подданныхъ, которые бы знали, что я отказался, а не мнѣ отказали!“

На это есть намекъ и въ послѣднемъ письмѣ Разгонова отъ 18 января (л. 249—252 дѣла). Эмиръ высказалъ ему опасеніе, что его не пустятъ изъ Ташкента въ Петербургъ и что онъ больше всего боится, какъ бы, по пріѣздѣ въ Ташкентъ или Петербургъ, ему не сказали тамъ: „устраивайте свои дѣла съ англичанами сами, какъ знаете, на условіяхъ возможно выгодныхъ для васъ“, и затѣмъ добавилъ: „тогда мнѣ ничего не будетъ оставаться, какъ лишить себя жизни“...

„Во всѣхъ его рѣчахъ,—пишетъ далѣе Разгоновъ,—сквозила одна и та же подкладка: глубоко оскорбленное самолюбіе и полная безнадежность получить отъ Россіи сколько-нибудь своевременно, хотя бы какую-нибудь фактическую, дѣйствительную помощь“.

Еще раньше, въ письмѣ отъ 27 ноября Разгоновъ приводилъ слова визиря, что „для народа нужна видимая помощь; еслибы пять или десять тысячъ русскихъ перешли Аму, то молва превратила бы ихъ въ 100,000 и подняла бы на ноги не только весь Афганистанъ, но даже Индію“.

Яворскій на стр. 177 говоритъ, что эмиръ обусловливалъ свою поѣздку въ Ташкентъ выставленіемъ въ Ширъ-абадѣ русскаго наблюдательнаго отряда въ 4 батальона.

16-го января эмиръ пригласилъ миссію къ себѣ и принялъ ее въ передбанникѣ, такъ какъ только что принималъ ванну, жалуясь на сильную боль въ лѣвой ногѣ. Онъ заявилъ Разгонову, что въ Ташкентъ не поѣдетъ, въ виду приведенныхъ уже соображеній и въ виду того, что англичане даже не думаютъ исполнять своихъ обѣщаній сохранить независимость Афганистана и забираютъ города одинъ за другимъ.

Несмотря на все краснорѣчіе Разгонова, эмиръ остался при своемъ и 18-го числа окончательно объявилъ, что не ѣдетъ изъза ноги и отпускаетъ миссію, кромѣ доктора, а вмѣсто себя посылаетъ въ Ташкентъ четверыхъ высшихъ сановниковъ.

19-го числа наша миссія уѣхала, а 10-го февраля прибыла въ Ташкентъ. Разгоновъ не вѣрилъ болѣзни эмира; самъ эмиръ полагалъ, что у него подагра. Яворскій опредѣлилъ невралгію, а въ самомъ дѣлѣ у него образовалась закупорка подколѣнной артеріи, повлекшая омертвеніе ноги, антоновъ огонь и смерть

8-го ферваля... Яворскій призналъ положеніе эмира безнадежнымъ еще 22-го января, на третій день по отъѣздѣ миссіи, но не сказалъ о томъ эмиру. Нога была холодна, какъ ледъ, ничѣмъ разогрѣть ее было нельзя и пульса нигдѣ слышно не было. Кровообращеніе въ ней прекратилось... Туземные врачи считали болѣзнь пустяками и лечили по своему. Когда, подъ конецъ, онъ предложилъ отнять разлагавшуюся ногу, они воспротивились на томъ основаніи, что „государя нельзя подвергать подобной операціи".

Съ ухудшеніемъ болѣзни, афганскіе врачи перепробовали всѣ свои средства и даже обертываніе больной ноги внутренностями только что убитаго козла; авторитетъ Яворскаго возросталъ понемногу, но „съ опозданіемъ": на каждое предлагаемое имъ средство эмиръ и его доктора соглашались только спустя два-три дня, когда уже требовалось болѣе энергичное... Во время леченія, Яворскій узналъ отъ главнаго придворнаго доктора, что эмиръ давно уже злоупотребляетъ спиртными напитками... Казій, составляя, въ этомъ отношеніи, компанію своему государю, пользовался поэтому у эмира гораздо бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ визирь и даже родной братъ эмира. Въ письмѣ своемъ къ Разгонову (л. 341—349 дѣла) Яворскій пишетъ, что 22-го января онъ предложилъ кровопусканіе, или банки, или ужъ мушку, но самъ эмиръ „и руками, и ногами воспротивился этому", а приближенные подняли гвалтъ... А 25-го эмиръ самъ уже просилъ поставить банки, пустить кровь и даже налѣпить пластырь! Но уже эти средства не дали результатовъ: кровь не шла.

За нѣсколько дней до смерти эмира Ширъ-Али-хана, въ Мазари-Шерифѣ ходили упорные слухи, что онъ уже померъ, но что сановники скрываютъ это по разнымъ причинамъ. Такъ какъ по смерти наслѣдника престола новый назначенъ не былъ, то естественно, всѣ стали перебирать принцевъ, годныхъ занять вакантный престолъ. Принцы эти засѣли по домамъ и вооружили прислугу, опасаясь нападенія со стороны другъ друга: они даже не навѣщали послѣдніе два дня умирающаго эмира.

Въ ожиданіи междоусобной рѣзни, лавки поспѣшно закрывались, купцы припрятывали и вывозили свои товары и деньги. Тотчасъ послѣ смерти эмира, старшій сынъ его Ибрагимъ и внукъ Ахмедъ собрали, сколько могли, денегъ и поскакали въ ближайшую крѣпость Тахтапуль, гдѣ каждый обратился къ солдатамъ, предлагая имъ полугодовое жалованье впередъ, если они его провозгласятъ эмиромъ. Но гарнизонъ уже былъ подговоренъ въ пользу племянника эмира Мамедъ-Гашимъ-хана и потому, когда сынъ эмира открылъ кожаные вьючные сундуки, съ золотомъ для раздачи, то солдаты набросились и расхватали деньги. Сынъ эмира ускакалъ въ Балхъ, съ уцѣлѣвшими шестью сундуками и взбудоражилъ стоявшіе тамъ 3 батальона, которые двинулись на

Тахтапуль и стали избивать грабителей. Тщетно офицеры разнимали солдатъ: всѣ они поплатились жизнью: убитъ одинъ бригадный генералъ и нѣсколько офицеровъ.

Наконецъ, братъ покойнаго эмира Нейкъ-Мамедъ-ханъ уговорилъ избрать эмиромъ регента Якубъ-хана. Тѣмъ не менѣе, пользуясь временемъ междуцарствія, солдаты стали расправляться съ нелюбимыми начальниками, офицерами и полковыми командирами...

Въ народѣ прошелъ слухъ, что эмиръ, собираясь въ Россію, передалъ всѣ свои деньги въ русскую миссію. Положеніе доктора Яворскаго и Заманъ-бека становилось съ каждымъ часомъ опаснѣе, и хотя караулъ у нихъ былъ усиленъ, но самъ караулъ, въ ночь на 10-е число, и рѣшилъ ограбить ихъ. Яворскій предложилъ караульнымъ выкупъ въ 400 рупій и перемиріе было заключено, благодаря посредничеству состоявшаго при русской миссіи Маинъ-хана, напоминавшаго негодяямъ, что русскіе ихъ гости, что за нихъ отомститъ новый эмиръ и, наконецъ, что 12 русскихъ берданокъ равняются 240 ихъ ружей, такъ какъ берданка дѣлаетъ 20 выстрѣловъ, когда афганское ружье только одинъ.

Въ полночь на 11 февраля Яворскій и Заманъ-бекъ, подъ конвоемъ наполовину изъ узбековъ-сартовъ тайкомъ выѣхали изъ Мазари-Шерифа, бросивъ складную мебель, палатки, посуду, перевязочныя средства и проч. 11 февраля они уже переправились черезъ Аму и считали себя въ безопасности.

Такъ закончились похожденія нашей миссіи, весьма поучительныя въ отрицательномъ смыслѣ и весьма печальныя по своимъ отрицательнымъ результатамъ.

Однако, о ближайшихъ путяхъ къ индійской границѣ, мы имѣли только разспросныя и довольно смутныя свѣдѣнія. Являлась необходимость изслѣдовать эти пути, ранѣе чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе. На это вызвался полковникъ генеральнаго штаба Матвѣевъ. 14 сентября 1878 года послѣдовало приказаніе Кауфмана о выступленіи экспедиціи, въ составъ которой вошли: зоологъ императорской академіи наукъ Русовъ, и. д. директора Ташкентской физической обсерваторіи астрономъ Шварцъ и прап. 1 Турк. стрѣлк. бат. Троцкій; кромѣ того 2 переводчика, 2 стрѣлка, 2 джигита и 7 казаковъ; всего 17 человѣкъ. Предполагалось изслѣдовать кратчайшій путь отъ нашихъ границъ до Индіи: чрезъ Самаркандъ, Верзаминоръ, мимо оз. Искандеръ Куля, въ Гиссаръ, Кулябъ, Бадакшанъ, и по р. Кокчи къ Индокушу. Затѣмъ одолѣть три перевала: Аграмъ, Хартизакъ и Нуксанъ, дойти до Читраля, одолѣть перевалъ Лагорійскій, спуститься въ Диръ и пройти вдоль англійской границы къ Кабулу. Назадъ же идти другою дорогой, чрезъ Баміанское ущелье. При

этомъ совершенно было упущено изъ виду, что на высокихъ горахъ снѣгъ выпадаетъ уже въ августѣ и, стало, быть перевалы будутъ недоступны.

Матвѣева снабдили открытыми листами на англійскомъ, сартовскомъ и персидскомъ языкѣ. Выступилъ онъ 21 сентября; въ Самаркандѣ узналъ, что перевалъ Мури заваленъ снѣгомъ еще въ половинѣ августа и, значитъ, въ Гиссаръ попасть нельзя. Такимъ образомъ, съ перваго же шага, пришлось измѣнить маршрутъ. 30 сентября экспедиція выступила изъ Самарканда въ Китабъ, на поклонъ бухарскому эмиру, проводящему здѣсь лѣто. По дорогѣ экспедиція утратила одного члена:—г. Русова, который счелъ себя совершенно безполезнымъ въ зимнее время и воротился въ Самаркандъ, получивъ въ конвой двухъ казаковъ. Напрасно только онъ прямо не остался въ Самаркандѣ, чтобы не отнимать напрасно часть конвоя, и безъ того незначительнаго. Изъ Куляба 22 октября посланъ былъ переводчикъ въ г. Рустакъ, съ письмомъ. Афганцы не разрѣшили переправы черезъ Амударью до полученія распоряженій отъ ихъ начальства. Матвѣевъ все-таки перешелъ ее 30-го числа, и хотя принятъ былъ съ почетомъ, но хорошихъ дорогъ ему не показывали и водили по обходнымъ проселочнымъ дорогамъ. На ночлегахъ стоянка экспедиціи окружалась афганскою цѣпью, не подпускавшею ни сартовъ, ни таджиковъ на ружейный выстрѣлъ, чтобы помѣшать имъ войти въ нежелательныя афганцамъ сношенія съ русскими. 7 ноября Матвѣевъ прибылъ въ Фейзабадъ, столицу Бадакшана. Здѣсь видѣлъ онъ 15 болоровъ (иначе кяфиры, сія-пуши), но никто ихъ не понималъ. Здѣсь онъ узналъ, что въ Читраль попасть нельзя: перевалы завалены снѣгомъ; потому свернулъ на Кундузъ, затѣмъ Ташъ-Курганъ, Мазари-Шерифъ. 23 ноября переправился черезъ Аму у Патта-Гиссара и 12 декабря прибылъ въ Самаркандъ, совершенно безполезно потративъ и время, и казенныя деньги. Жаль, что не послѣдовалъ примѣру Русова...

Другой изслѣдователь болѣе кружнаго пути, отъ Самарканда къ Герату, былъ полковникъ генеральнаго штаба Гродековъ, предложившій свои услуги Кауфману вслѣдъ за Матвѣевымъ. Онъ полагалъ, что изслѣдовать этотъ путь для насъ чрезвычайно полезно, такъ какъ разстояніе отъ Ташкента до Герата почти то же, что и до Кабула. Это и правда, да только отъ Кабула до Индіи рукой подать, а отъ Герата 1,000 верстъ, — да и занять Гератъ, конечно, легче съ Кавказа, чѣмъ со стороны Ташкента. Словомъ, можно признать, что и это изслѣдованіе пути не очень было нужно... Афганцы придерживались и съ нимъ такой же политики: вели не по большимъ дорогамъ, а по воровской тропѣ, иногда и вовсе безъ дорогъ. Предлогъ одинъ и тотъ же: избѣжать встрѣчи съ враждебными племенами, готовыми убить всякаго иностранца.

Но если изслѣдованіе воровской тропы безполезно для похода русскихъ отрядовъ, которые сюда, вѣроятно, никогда и не заглянутъ, то описаніе этого путешествія (сб. мат. по Азіи т. V) полно глубокими соображеніями и предсказаніями. Такъ онъ говоритъ, что Абдуррахманъ-ханъ, за 10 лѣтъ, обошелся намъ въ 264 т. рублей, не считая подарковъ, а съ 1878 г. прибавлено еще 9 т. р. на троихъ вновь прибывшихъ родственниковъ; поэтому хорошо бы его пустить въ Афганистанъ искать счастія. Ему, конечно, понадобятся деньги и оружіе. Ихъ слѣдуетъ дать... Со смертью Ширъ-Али-хана нашимъ лозунгомъ должно быть поставлено: своя рубашка къ тѣлу ближе. Съ водвореніемъ Абдуррахманъ хана, Афганскій Туркестанъ будетъ доступенъ изслѣдованіямъ, а въ случаѣ войны съ Индіей, это будетъ нашъ плацдармъ, гдѣ войска отдохнутъ и встрѣтятъ такое же широкое содѣйствіе какъ въ Бухарѣ.

Пророчество это, какъ извѣстно, нисколько не оправдалось.

Оба эти офицера были посланы не раньше предполагавшагося похода въ Индію, а послѣ расформированія назначеннаго для того отряда... Конечно, отъ несостоявшейся экспедиціи къ границамъ Индіи оставалось еще много денегъ, но Кауфманъ могъ бы дать имъ болѣе разумное употребленіе, хотя бы на поддержаніе нашей несчастной и голодавшей миссіи въ Кабулѣ...

ГЛАВА XIX.

Виды высшаго правительства, по письмамъ Милютина и Горчакова. Предложеніе изъ Петербурга, отправить Абдуррахманъ-хана въ Афганистанъ. Перемѣны руководителей политики: Биконсфильда, Горчакова и Шувалова,—на Гладстона, Гирса и Лобанова-Ростовскаго. Поддѣлка англичанами писемъ Кауфмана, будто бы захваченныхъ ими въ Кабулѣ. Провѣрка ихъ Кауфманомъ. „Другъ Англіи" Шуваловъ. Депеши его по афганскимъ дѣламъ. Научная граница. Политика воздержанія и политика дѣйствія. Указаніе на Мервъ, въ видѣ удара, въ отвѣтъ на ударъ. Переговоры о независимости Афганистана. Отвѣчать ли на письмо эмира государю? Депеша Горчакова 11 января 1879 г. Отвѣтъ Шувалова. Совѣтъ не трогать пока Мерва. Первыя неудачи англичанъ. Переговоры со стороны новаго эмира. Резидентъ Каваньяри. Недовольство афганцевъ. Бунтъ въ Кабулѣ. Истребленіе англійской миссіи. Робертсъ мститель. Бунтъ въ Кандагарѣ. Занятіе Кабула. Взрывъ цитадели. Казни. Отказъ эмира отъ престола. Клады. Переходъ Робертса въ лагерь. Побѣда афганцевъ на горѣ Кохъ-и-Асмай. Появленіе Абдуррахманъ-хана. Пораженіе ген. Борроуза при Мейвандѣ. Выступленіе англичанъ обратно въ Индію. Гондри и Ли-хунъ-чанъ.

Въ предъидущей главѣ достаточно выяснены взгляды туркестанскаго генералъ-губернатора на политику нашу, по отношенію къ Афганистану и Остъ-Индіи. Находя, что нашъ престарѣлый канцлеръ князь Горчаковъ не достаточно ясно понимаетъ это дѣло, Кауфманъ вразумилъ его письмомъ отъ 24-го декабря 1878 г. Курьеромъ посланъ былъ адъютантъ Кауфмана маіоръ Колесниковъ, который, какимъ-то чудомъ, умудрился проскакать отъ Ташкента въ Петербургъ (тогда Закаспійская жел. дорога и во снѣ никому еще не снилась) въ 13 сутокъ!

Получивъ письмо 7-го января, Горчаковъ доложилъ его государю и 9-го отвѣтилъ слѣдующею шифрованною телеграммою:

„Вторникъ. Получилъ письмо ваше отъ 24-го декабря. Изъ предъидущихъ сообщеній вамъ извѣстна воля государя, чтобы въ англо-афганскомъ дѣлѣ мы дѣйствовали примирительно, дабы избѣгнуть столкновенія съ Англіею изъ-за Афганистана. Въ послѣднее время, между графомъ Шуваловымъ и лордомъ Салисбюри, произошелъ обмѣнъ оффиціальныхъ писемъ, заключающихъ взаимное обязательство обратиться къ прежнимъ соглашеніямъ.

„Въ силу этихъ соглашеній, мы устранили себя, какъ вамъ извѣстно, отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Афганистана. Поэтому даже и пріѣздъ эмира въ Петербургъ не могъ бы имѣть послѣдствіемъ предоставленіе намъ роли посредника между нимъ и великобританскимъ правительствомъ. Примите его съ по-

четомъ, но, согласно телеграммѣ отъ 25-го декабря, задерживайте его въ Ташкентѣ впредь до полученія указаній. Подробности съ курьеромъ“ (л. 234 дѣла).

Такимъ образомъ Кауфману удалось выторговать хоть допускъ эмира въ предѣлы Россіи, чему прежде Горчаковъ сильно противился. Но это было уже не нужно: эмиръ умиралъ...

Обѣщанный курьеръ, тотъ же маіоръ Колесниковъ, привезъ Кауфману письмо Милютина и депешу канцлера; оба документа отъ 11-го января; прибылъ онъ 28-го января, значитъ, примѣрно черезъ 16 сутокъ. Милютинъ писалъ слѣдующее:

„Адъютантъ вашъ маіоръ Колесниковъ, прибывшій въ Петербургъ необычайно быстро (7-го января), доставилъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, отъ 24-го декабря, съ любопытными приложеніяни касательно поѣздки афганскаго эмира. Такъ какъ государственный канцлеръ получилъ тождественныя свѣдѣнія, то вслѣдствіе совмѣстнаго нашего доклада государю императору, принято было рѣшеніе, которое и сообщается вамъ вмѣстѣ съ симъ въ депешѣ кн. Горчакова. Съ этою депешею отправляется обратно въ Ташкентъ маіоръ Колесниковъ, и можно надѣяться, что сообщаемыя вамъ высочайшія указанія дойдутъ до васъ въ самое скорое время, быть можетъ, еще до прибытія въ Ташкентъ Ширъ-Али-хана.

„Считая излишнимъ повторять все то, что ваше высокопревосходительство найдете въ депешѣ госуд. канцлера, могу только присовокупить, что по общему положенію дѣлъ, намъ слѣдуетъ во что бы то ни стало избѣгать на нѣкоторое время всякаго повода къ открытому разрыву съ Англіею. Предъ этою общею цѣлью, всѣ вопросы частные, какъ бы ни были важны сами по себѣ, отходятъ на задній планъ. Впрочемъ, можно съ увѣренностію сказать, что ваше высокопревосходительство не затруднитесь сдѣлать Ширъ-Али-хану такой пріемъ и такъ представить ему положеніе дѣлъ, что пріостановка въ его путешествіи не будетъ истолкована въ смыслѣ отказа ему пріѣзда въ Петербургъ.

„На дняхъ прибылъ сюда полк. Гродековъ съ весьма интересными свѣдѣніями о проѣздѣ его чрезъ афганскія и персидскія владѣнія въ Астрабадъ. Не менѣе интересно и полученное нынѣ донесеніе полковника Матвѣева. Оба эти штабъ-офицера генер. штаба заслуживаютъ полной похвалы и поощренія. Смѣлыя поѣздки ихъ значительно пополнили наши географическія свѣдѣнія о сосѣднихъ странахъ...“ (пропускаемъ предположеніе о наградахъ ихъ).

„Вмѣстѣ съ симъ сообщаются вамъ доставленныя ген. м. Горловымъ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Афганистанѣ. Любопытно было бы провѣрить эти свѣдѣнія, особенно въ отношеніи

попытки англичанъ утвердить свое господство въ гористой странѣ, извѣстной подъ названіемъ Кафиристана. Если судить по извѣстнымъ намъ даннымъ объ этой странѣ, то какъ-то не вѣрится, чтобы англійскимъ офицерамъ, даже и съ поддержкою Магараджи, удалось проникнуть такъ далеко на сѣверъ, какъ показываетъ ген.-маіоръ Горловъ.

„Крайне досадно, что нынѣшняя запутанность азіатскихъ дѣлъ замедляетъ вашъ пріѣздъ въ Петербургъ. Надѣюсь однакоже, что намъ удастся еще свидѣться здѣсь до наступленія весны. Есть нѣсколько важныхъ вопросовъ, по которымъ было бы полезно личное совѣщаніе, особенно пока находятся здѣсь и великій князь Михаилъ Николаевичъ, и ген.-адьютантъ Крыжановскій, а также атаманъ уральскаго казачьяго войска князь Голицынъ. Въ числѣ такихъ вопросовъ можно поставить главными: 1) планъ дѣйствій на предстоящее лѣто въ Закаспійскомъ краѣ; 2) окончательное рѣшеніе участи высланныхъ въ Туркестанскій край уральскихъ казаковъ; 3) прорывъ воды Амударьи въ старое ея русло; 4) переформированіе войскъ отдаленныхъ азіатскихъ округовъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность впредь усиливать ихъ въ короткое время въ случаѣ надобности, и 5) вопросъ Кульджинскій.

„Всѣ эти вопросы теперь на первой очереди и откладывать рѣшеніе ихъ невозможно. Не говорю уже о заглохшемъ давно проектѣ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Это дѣло какъ будто обречено на застой".

„Пользуюсь случаемъ и проч. гр. Д. Милютинъ".

Въ этомъ письмѣ (на л. 261—264 дѣла) наиболѣе цѣнны подчеркнутыя нами мѣста, изъ коихъ видно, что эмира предполагалось все-таки допустить современемъ въ Петербургъ и что до поры до времени надо успокоить англичанъ, которымъ задуманъ былъ уже хорошій камуфлетъ, со стороны Закаспійскаго края, а именно занятіе Туркменской степи.

Взгляды нашего министерства иностранныхъ дѣлъ на афгано-индійскую распрю изложены довольно пространно въ депешѣ канцлера, о которой мы говорили выше. Написана она въ формѣ письма къ Кауфману, на бланкѣ азіатскаго департамента, съ надписью „весьма секретно" (л. 256—260 дѣла). Мы приведемъ этотъ документъ цѣликомъ:

„М. г. Константинъ Петровичъ.

„Я имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 24 прошлаго декабря и въ виду важности заключавшихся въ немъ сообщеній, счелъ долгомъ представить его на высочайшее воззрѣніе государя императора.

„Въ отвѣтъ на него я поспѣшилъ, по высочайшему повелѣнію, сообщить вамъ въ секретной телеграммѣ отъ 9 сего января,

въ общихъ чертахъ, указанія на тотъ образъ дѣйствій, котораго намѣренъ придерживаться императорскій кабинетъ въ англо-афганскомъ вопросѣ, при нынѣшнихъ отношеніяхъ нашихъ къ Англіи, и въ виду предстоящаго прибытія въ наши предѣлы эмира Ширъ-Али.

„Въ дополненіе къ помянутой телеграммѣ считаю долгомъ ознакомить васъ съ соображеніями министерства иностранныхъ дѣлъ, обусловливающими сказанный образъ дѣйствій.

„Нѣтъ сомнѣнія, что радушный и дружелюбный пріемъ, оказанный эмиромъ нашему посольству въ Кабулѣ, увѣренія, неоднократно высказанныя имъ членамъ посольства, о дружбѣ и безграничной преданности его императорскому правительству, налагаютъ на насъ, нѣкоторымъ образомъ, нравственную обязанность отплатить ему добромъ за добро, въ свою очередь оказать ему, при вступленіи его въ наши предѣлы, то же гостепріимство и тотъ же почетъ, какіе оказаны были имъ нашему посольству Этимъ мы дадимъ ему ту нравственную поддержку, которой онъ, какъ вы говорите въ письмѣ вашемъ, ожидаетъ отъ насъ и которая, въ глазахъ самого эмира и другихъ среднеазіятскихъ владѣтелей, послужитъ лучшимъ доказательствомъ того, что русское правительство не бросаетъ на произволъ судьбы людей, преданныхъ ему и ищущихъ у него защиты и покровительства. (На поляхъ отмѣтка Кауфмана: „какъ же не бросаетъ? никого нельзя увѣрить въ этомъ, въ виду совершающагося разгрома Афганистана“). Мы сохранимъ такимъ образомъ (отмѣтка Кауфмана: „едва ли?“) въ понятіяхъ среднеазіятцевъ значеніе державы столь же сильной и могущественной, какъ и Англія, но соблюдающей, въ сношеніяхъ съ ними, политику честную и правдивую (помѣтка Кауфмана: „но безсильную“).

„Но затѣмъ, условія настоящаго политическаго положенія и нынѣшнія отношенія наши къ англійскому кабинету требуютъ соблюденія крайней осторожности и осмотрительности въ образѣ дѣйствій нашихъ относительно эмира. Намъ не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться перспективою того первенствующаго значенія въ Средней Азіи, которое мы закрѣпимъ за собою, заручившись симпатіями афганскаго правителя и большинства населенія этой страны. Эти симпатіи азіатскаго владѣтеля крайне ненадежны, шатки и могутъ привести насъ къ такимъ политическихъ усложненіямъ, при которыхъ разрывъ съ Англіею сдѣлается неминуемымъ (помѣтка Кауфмана: „какъ бы шатки ни были симпатіи эти, но слѣдовало пользоваться ими въ данную минуту, а разъ если бы польза была извлечена отъ этой симпатіи, она послужила бы основаніемъ къ поддержанію и на будущее время добрыхъ отношеній, такъ какъ въ поддержкѣ нашей афганцамъ, видна имъ была сила и честность наша политическая, которыя

однѣ только и могутъ установить и упрочить добрыя отношенія сосѣдей, въ особенности въ Азіи, гдѣ народы, какъ бы ни были плутоваты, болѣе примитивны, чѣмъ въ Европѣ, гдѣ государственный эгоизмъ доведенъ уже до крайнихъ предѣловъ, до геркулесовыхъ столбовъ").

„Въ виду сего, а также твердо принятаго намѣренія государя императора не доводить дѣла до подобнаго исхода, благоразуміе требуетъ, прежде чѣмъ принимать на себя какія-либо обязательства предъ эмиромъ афганскимъ, выждать разъясненія многихъ обстоятельствъ, доселѣ кажущихся не вполнѣ понятными; необходимо освѣтить положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ, предшествовавшее выѣзду эмира изъ его владѣній. Изъ приложенной къ письму вашего высокопревосходительства копіи съ донесенія генерала-маіора Разгонова, отъ 6 прошлаго декабря, видно только, что эмиръ, желая выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ вторженіемъ и интригами англичанъ, объявилъ своимъ сановникамъ и народу, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ, для личнаго свиданія съ государемъ императоромъ и, не смотря на всѣ возраженія со стороны антирусской партіи, которой это крайне непріятно, остался при своемъ рѣшеніи, поручивъ управленіе государствомъ, на время своего отсутствія, сыну своему Якубъ-хану. Между тѣмъ извѣстно, что эмиръ Ширъ-Али не пользовался въ Афганистанѣ особенною любовью и расположеніемъ со стороны населенія страны (помѣтка Кауфмана: „мы знали до сихъ поръ только о несимпатіи къ нему сѣверныхъ его провинцій, гдѣ узбеки и таджики не любятъ афганцевъ"); до войны была партія, стремившаяся низвергнуть его съ престола, а преданность ему сына, лишь незадолго до войны освобожденнаго изъ заключенія, является крайне сомнительною (помѣтка Кауфмана: „до сихъ поръ онъ не измѣняетъ ему").

„При такихъ условіяхъ внезапный выѣздъ эмира изъ Кабула во время войны, въ которой, какъ можно судить на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ англійскими газетами, афганцы оказываютъ крайне вялое сопротивленіе непріятелю (помѣтка Кауфмана: „вялость сопротивленія, очевидно, происходитъ отъ неумѣлости составить планъ кампаніи, отъ неимѣнія хорошихъ офицеровъ; а войска афганскія дрались не дурно"), даетъ поводъ предполагать, что положеніе самого эмира было крайне шатко и что онъ рѣшился, можетъ быть, оставить свое государство въ предвидѣніи неминуемаго паденія своего и ѣхать въ Россію съ затаенною мыслію поддержать этимъ свое колеблющееся положеніе (помѣтка Кауфмана: „можетъ быть, но есть и на это объясненіе болѣе вѣрное. Онъ во всякомъ случаѣ не выѣхалъ въ Россію, не смотря на приглашеніе").

„Но если бы, съ одной стороны, такое предположеніе, могущее быть провѣреннымъ лишь подробными свѣдѣніями, которыя вамъ доставитъ ген. Разгоновъ, оказалось неосновательнымъ, то, съ другой стороны, кто можетъ поручиться, что сынъ эмира, Якубъ-ханъ, не воспользуется благопріятнымъ случаемъ для овладѣнія престоломъ, съ окончательнымъ утвержденіемъ его за собою, при содѣйствіи англичанъ? Въ томъ и другомъ случаѣ на нашихъ рукахъ остался бы номинальный владѣтель Афганистана, лишенный всякаго значенія въ своей странѣ и могущій сдѣлаться для насъ скорѣе помѣхою, а не орудіемъ для достиженія какихъ-либо политическихъ цѣлей (помѣтка Кауфмана: „такого рода сужденія суть, очевидно, плодъ рѣшимости, à tout prix, не вмѣшиваться въ дѣла афганскія, дабы избѣжать столкновенія съ Англіей. Если такое рѣшеніе принято императорскимъ правительствомъ, то не слѣдуетъ самихъ себя обманывать разными непослѣдовательными разсужденіями“).

„Посему, по прибытіи эмира въ Ташкентъ, если таковое неизбѣжно, необходимо будетъ, какъ я уже имѣлъ честь сообщить вашему высокопревосходительству въ секретной телеграммѣ отъ 25-го декабря, отклонить его отъ намѣренія ѣхать въ Петербургъ для свиданія съ государемъ императоромъ и стараться убѣдить его въ необходимости присутствія его, если не въ самомъ Афганистанѣ, то вблизи границъ его, для наблюденія за ходомъ событій.

„Увѣривъ его въ неизмѣнномъ благорасположеніи къ нему государя императора и готовности Е. И. В. дать ему убѣжище въ предѣлахъ Россіи, въ случаѣ неблагопріятнаго для него исхода войны, необходимо будетъ при этомъ воздержаться, однако, отъ обнадеживанія его какою-либо матеріальною помощью съ нашей стороны для продолженія борьбы. Но, судя по ходу дѣлъ и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя вы будете получать изъ Афганистана, можно будетъ дать понять ему, что путемъ дипломатическихъ переговоровъ мы будемъ стараться оказать ему поддержку въ томъ случаѣ, если бы условія мира, которыя будутъ ему предложены англійскимъ правительствомъ, оказались слишкомъ обременительными.

„Изъ препровождаемой къ вашему высокопревосходительству съ нынѣшнимъ курьеромъ переписки министерства съ посломъ нашимъ въ Лондонѣ, вы ознакомитесь вполнѣ съ положеніемъ переговоровъ нашихъ съ англійскимъ кабинетомъ по афганскому вопросу. Мы возвращаемся къ прежнимъ нашимъ обязательствамъ относительно Афганистана, потребовавъ со стороны Англіи соблюденія таковыхъ же относительно Бухары (помѣтка Кауфмана: „это-то и неправильно, это и погубило наши дѣла здѣсь на долгое время,

если какая-нибудь неожиданная случайность, ну, св. Николай Угодникъ, не поправятъ ихъ. А между тѣмъ, Англія приняла относительно насъ такой образъ дѣйствій, который развязывалъ намъ руки, и мы имѣли полное право воспользоваться расположеніемъ къ нашей дружбѣ афганскаго правительства и заключить союзъ съ нимъ и тѣмъ взять дѣла Азіи въ свои руки, какъ это сдѣлала Англія въ Европѣ.—Мы теперь потребовали отъ Англіи невмѣшательства ея въ дѣла Бухары; нечего намъ было требовать этого, ибо Бухара не Афганистанъ. Требованіе это было лишнее: Бухара въ нашихъ рукахъ и безъ этого требованія").

„По этому случаю произошелъ уже размѣнъ оффиціальныхъ писемъ между графомъ Шуваловымъ и лордомъ Салисбюри; при такомъ положеніи дѣлъ, какъ Вы и сами изволили убѣдиться, намъ невозможно уже принять на себя какое-либо посредничество и защиту интересовъ афганскаго эмира, не рискуя разстроить этого соглашенія (помѣтка Кауфмана: „а рискъ былъ великъ?").

„Во всякомъ случаѣ, мы будемъ ожидать, какой оборотъ примутъ дѣла въ Афганистанѣ и въ чемъ заключаются истинныя намѣренія англійскаго правительства, относительно Афганистана. Если въ намѣреніяхъ этихъ обнаружится стремленіе къ захвату значительной территоріи и притомъ въ тѣхъ частяхъ Афганистана, которыя находятся вблизи отъ нашихъ владѣній въ Средней Азіи, въ районѣ непосредственнаго нашего вліянія, то намъ, безъ сомнѣнія, придется принять соотвѣтственныя мѣры для уравновѣшенія нашего положенія съ тѣмъ, которое готовится занять Англія въ Средней Азіи (помѣтка Кауфмана: „какъ понимать слова: значительная территорія? Напр.: Кандагаръ, Джелалабадъ, Курумская долина... Гератъ есть ли вблизи нашей территоріи? Англичане не будутъ называть захватомъ водвореніе своихъ консульствъ въ Кандагарѣ, Кабулѣ, Гератѣ, Балхѣ, если это имъ вздумается, т. е. если найдутъ для себя выгоднымъ, а послѣдствія такой мѣры для насъ очевидны и, конечно, крайне невыгодны").

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Горчаковъ".

Итакъ, мы видимъ, что въ отличіе отъ письма Милютина, депеша Горчакова не обѣщаетъ эмиру пропуска въ Петербургъ.

Послѣ этой депеши, Кауфманъ отложилъ уже всякое попеченіе объ Афганистанѣ и не приставалъ болѣе ни къ Милютину, ни къ Горчакову. Помѣтки его на поляхъ депеши канцлера были единственнымъ его протестомъ, да и то ради собственнаго утѣшенія или въ назиданіе будущему исторіографу.

20-го февраля онъ телеграфировалъ Горчакову и Милютину о смерти Ширъ-Али-хана. 19-го марта онъ получилъ отъ начальника главнаго штаба графа Гейдена слѣдующую телеграмму:

„Производство содержанія тремъ братьямъ Абдуррахмана по три тысячи рублей въ годъ каждому Высочайше разрѣшено 27-го января. Не полагаете ли вы выдачей единовременнаго пособія въ пять тысячъ рублей Абдуррахману, замѣнить это ежегодное содержаніе. При настоящихъ обстоятельствахъ въ Афганистанѣ, не признаете ли полезнымъ, чтобы Абдуррахманъ, со своими братьями, отправился туда?“ (Л. 408 дѣла).

На это Кауфманъ отвѣтилъ 22-го марта слѣдующее: „Мнѣ непонятно, какія обстоятельства въ Афганистанѣ могутъ побуждать желать, чтобы Абдуррахманъ съ братьями отправился туда. Мнѣ пока извѣстно, что Якубъ-ханъ желаетъ продолжать борьбу и что народъ ему сочувствуетъ. Казалось бы, Абдуррахмана надо не пускать туда и холить до могущей быть въ немъ надобности“.

25-го марта пришла изъ Петербурга также шифрованная телеграмма отъ бывшаго тамъ въ командировкѣ правителя канцеляріи камергера Каблукова, такого содержанія:

„Предложеніе отправить Абдуррахмана въ Афганистанъ, кажется, внушено другомъ Англіи. Англичане пріостановились движеніемъ на Кабулъ, вслѣдствіе нападенія на ихъ тылъ, хотя отбитаго, но съ уономъ“ (л. 409 тамъ же).

На этой телеграммѣ Кауфманъ надписалъ: „я такъ и думалъ“.

Подъ названіемъ „друга Англіи“ извѣстенъ былъ бывшій посолъ нашъ въ Лондонѣ графъ Шуваловъ...

Затѣмъ въ дѣлѣ не встрѣчается уже ни одной строки Кауфмана вплоть до 31-го октября 1880 года. Къ этому времени жидъ д'Израели или Биконсфильдъ вынужденъ былъ уступить свой постъ „великому старцу“ Гладстону. Вмѣсто Шувалова, нашимъ посломъ былъ уже графъ Лобановъ-Ростовскій; вмѣсто Горчакова вѣдалъ иностранными дѣлами Гирсъ.

„Великій старецъ“ круто измѣнилъ наглую и безстыдную политику израильтянина. Это обязывало и насъ на разныя любезности. Поэтому, когда Лобанову сообщили часть переписки, будто бы захваченной англичанами, въ числѣ другихъ бумагъ эмира въ Кабулѣ, а на самомъ дѣлѣ безсовѣстно поддѣланной остъ-индскими дѣятелями, то эти документы были препровождены къ Кауфману для провѣрки.

Въ письмѣ своемъ отъ 31 октября 1880 г., на имя Гирса (л. 417—423 дѣла), Кауфманъ сообщилъ, что всѣхъ писемъ его къ покойному Ширъ-Али, начиная съ 30-го марта 1870 г. по 29-е декабря 1878 г., было 20, причемъ онъ приложилъ и копіи съ нихъ въ доказательство того, что ни въ одномъ изъ нихъ не

было даже намека на подстрекательство эмира противъ Англіи, какъ то старались доказать остъ-индійцы своими подложными документами.

Письма, къ тому же, писались иногда на трехъ языкахъ: англійскомъ, тюркскомъ и персидскомъ, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній. До посылки ген. Столѣтова въ Кабулъ, письма эти ничего важнаго и не заключали: выраженія дружбы, сообщенія о событіяхъ въ Туркестанѣ и только.

„Я былъ очень недоволенъ,—пишетъ Кауфманъ,—характеромъ корреспонденціи ген. Столѣтова съ властями кабульскими, а также и ген. Разгонова, но возвратить, остановить или исправить эти корреспонденціи я не могъ; я узналъ о нихъ слишкомъ поздно... Въ письмахъ моихъ къ Ширъ-Али-хану, даже въ это тревожное время, нѣтъ ни одного слова, которое бы не клонилось къ успокоенію его разыгравшихся страстей, и дѣлалъ я это, не смотря на горячую симпатію, которую человѣкъ этотъ возбуждалъ во мнѣ, какъ твердыми своими убѣжденіями, такъ любовью къ намъ и въ особенности къ государю императору, такъ и своими несчастіями.

„Совѣсть моя и въ этомъ отношеніи совершенно чиста и доказательства на лицо. Интрига, какая бы ни была, мнѣ не по сердцу, и я всегда и во всемъ дѣйствую на чистоту... Что касается до отставныхъ русскихъ офицеровъ изъ сартовъ, находившихся будто бы въ арміи Аюбъ-хана *), то не говоря о томъ, что снабженіе азіятской арміи русскими офицерами, которые бы руководили военными дѣйствіями или обучали эти арміи военному дѣлу, прямо противорѣчило бы моимъ личнымъ убѣжденіямъ, но и самый фактъ несуществованія сартовскихъ офицеровъ въ нашей арміи хорошо извѣстенъ военному министру. Не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ изъ сартовъ я не принялъ ни одного въ наши войска. Сарты мало способны къ военному дѣлу, и не я стану ихъ учить этому... Есть во всемъ составѣ туркестанскихъ войскъ два офицера изъ киргизъ, служащіе въ строю, которые въ отставку не выходили и не охотно бы пошли руководить азіятскими полчищами Аюбъ-хана, если бы я даже возъимѣлъ мысль посылать ихъ туда. Военному министерству хорошо извѣстно мнѣніе мое о вредѣ формировать здѣсь даже милиціи изъ туземцевъ. Съ туркестанскими войсками я готовъ идти драться съ какими угодно азіятскими полчищами, одинъ противъ десяти, но не желаю обременять наши войска и отряды туземными милиціями, которыя, съѣдая интендантскіе запасы, заготовленные для войны, не приносили бы

*) Братъ Якубъ-хана, разбившій Стюарта подъ Кандагаромъ на голову. Англичане оправдывались, что у того были русскіе офицеры изъ сартовъ.

большой пользы самой войнѣ... У насъ и нѣтъ даже того матеріала, который открытъ лордомъ Гренвилемъ въ арміи Аюбъ-хана".

Далѣе Кауфманъ пишетъ, что „со дня выѣзда Абдуррахманъ-хана изъ Ташкента, искать счастія за Аму-дарьей, я не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній, ибо около того времени пало министерство Биконсфильда". Затѣмъ онъ напоминаетъ, что зимою 1876 года, когда лордъ Литтонъ, по назначенію его вице-королемъ Индіи, выразилъ графу Шувалову мысль о полезности прямыхъ, непосредственныхъ сношеній вице-короля съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, то Кауфманъ представилъ секретную записку военному министру, въ которой высказывалъ соображенія объ „общности интересовъ нашихъ въ Азіи съ Англіею, о томъ что у насъ тамъ общіе враги—мусульманство и варварство, что успѣхъ азіятовъ надъ англичанами невыгодно отзовется и на насъ, что успѣхъ азіятовъ надъ нами послужилъ бы гибелью для Англіи. Тамъ же я говорилъ и о вредѣ снабжать арміи азіятскихъ владѣтелей усовершенствованнымъ оружіемъ и учить ихъ драться съ европейцами, и что мы должны идти рука объ руку съ Англіею въ дѣлахъ нашихъ въ Азіи".

Записка эта была тогда же сообщена гр. Шувалову для распространенія между англійскими министрами. Шуваловъ однако составилъ только краткую выписку, и то для одного графа Дерби, тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ... Въ этомъ сказалась старинная вражда его къ Кауфману, по какимъ-то виленскимъ счетамъ...

Теперь, по указанію Кауфмана, ее разыскалъ Лобановъ-Ростовскій въ дѣлахъ посольства и снова пустилъ въ ходъ уже цѣликомъ. Въ связи съ копіями всѣхъ 20 писемъ Кауфмана къ Ширъ-Али-хану эта записка возъимѣла свое дѣйствіе, и 23 января 1881 года Кауфманъ имѣлъ удовольствіе получить отъ Гирса слѣдующую телеграмму:

„Князь Лобановъ сообщаетъ, что лордъ Гренвиль вполнѣ удовлетворенъ объясненіемъ его, касательно найденныхъ въ Кабулѣ документовъ, на основаніи полученныхъ отъ васъ сообщеній. Гренвиль предполагаетъ даже распубликовать эти документы, чтобы доказать оппозиціи, что Ширъ-Али перешелъ на нашу сторону вслѣдствіе ошибочной политики министерства Биконсфильда" (л. 424 дѣла).

Этою телеграммой оканчивается дѣло и мы разстаемся здѣсь съ Кауфманомъ, котораго вскорѣ разбилъ параличъ.

Считаемъ теперь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о его политическомъ врагѣ, сильно вліявшемъ на ходъ афганскаго вопроса, благодаря занимаемому имъ посту: мы разумѣемъ „друга Англіи"—графа Петра Шувалова.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока онъ былъ шефомъ жандармовъ, онъ пользовался такимъ вліяніемъ на дѣла, такимъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Александра II, что, говорятъ, однажды позволилъ себѣ сказать, что въ Россіи царствуетъ теперь не Александръ II, а Петръ четвертый... Можетъ быть, это и сочинили его недоброжелатели, но мы слышали эту фразу не разъ и отъ многихъ въ Петербургѣ, между прочимъ и отъ Кауфмана.

Возможно, что это дошло и до государя. По крайней мѣрѣ вскорѣ затѣмъ вліяніе Шувалова стало падать.

Въ рапортахъ его къ канцлеру Горчакову и къ его помощнику Гирсу виденъ весь онъ со всѣми его понятіями и пріемами. Мы и приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ его депешъ, гдѣ наиболѣе рѣзко выражено его мнѣніе по афганскимъ дѣламъ.

Въ депешѣ отъ 26 ноября 1878 г. № 148 (л. 293—297 дѣла) онъ пишетъ слѣдующее:

„Когда англійскіе министры говорятъ о своемъ желаніи какъ можно скорѣе кончить эту, вообще непопулярную войну, не смотря на пріобрѣтенные успѣхи, когда они говорятъ, что они отнюдь не желаютъ поглощать Афганистана,—они, безъ всякаго сомнѣнія, искренни, но осуществить ихъ умѣренныя желанія теперь гораздо труднѣе, чѣмъ они думаютъ.

„Если бы оппозиція могла низвергнуть правительство, ей было легко выдти изъ затруднительнаго положенія: она отозвала бы лорда Литтона, поведеніе котораго во всемъ этомъ дѣлѣ было легкомысленно, — сердито и неосмотрительно; затѣмъ увѣдомила бы эмира, что онъ держалъ себя передъ Англіей неприлично и что нельзя безнаказанно презирать такую державу, какъ она.

„Отъ него бы потребовали принять временное посольство, принести извиненія въ Пешаверѣ; затѣмъ — миръ, купленный цѣною этой демонстраціи смиренія, и каждый возвращается во свояси.

„Правительство не можетъ поступить такимъ образомъ. Оно не можетъ отозвать Литтона, хотя и недовольно имъ: возвратясь въ Англію и не имѣя болѣе нужды щадить кого-нибудь, онъ не преминетъ напасть на свое прежнее начальство и причинитъ ему большой вредъ.

„Для этого ему достаточно будетъ только снять завѣсу со своихъ секретныхъ инструкцій, доказать, что на первый разъ ему предписывалась весьма крутая политика относительно эмира, и что затѣмъ, когда лондонскій кабинетъ смягчился, — было уже поздно сохранить хорошія отношенія къ Ширъ-Али.

„Явное противорѣчіе,—скажетъ лордъ Литтонъ,—увѣрять афганскаго государя, что Англія ничуть не угрожаетъ его независимости, и въ то же время требовать, чтобъ онъ принялъ британскаго резидента, который въ дѣйствительности свяжетъ ему

руки... Именно это требованіе и отравило, главнымъ образомъ, отношенія Ширъ-Али къ индійскому правительству. Вотъ одна изъ причинъ всего, что произошло.

„Есть еще и другая причина, которая можетъ вліять и увлекать министровъ. Она обязана своимъ появленіемъ лорду Биконсфильду, его цвѣтистому и образному слогу. Первый министръ торжественно заявилъ о необходимости научнаго исправленія границъ.

„Что онъ разумѣлъ подъ этимъ?

„Никто не понялъ, что это за научная граница такая? Меня увѣряли, будто и самъ авторъ этого выраженія не умѣлъ объяснить его своимъ товарищамъ...

„По мнѣнію компетентныхъ людей, достаточно занять нѣсколько проходовъ, утвердиться на нѣсколькихъ горныхъ вершинахъ, чтобы непреоборимымъ образомъ придти къ необходимости занятія и присоединенія всего Афганистана. Вся исторія Англіи въ Индіи и Россіи въ Туркестанѣ доказываетъ, что остановиться нельзя, когда хочешь.

„Оппозиція требуетъ прежде всего, чтобы министры отказались отъ исправленія границъ, что совершенно измѣнитъ вопросъ. По ихъ мнѣнію, исправленіе границъ поставитъ Англію въ необходимость постоянно подвигаться впередъ, вызоветъ Россію на то же самое и приведетъ ихъ, рано или поздно, къ столкновенію. Она добавляетъ, что въ случаѣ столкновенія позиція Англіи въ нынѣшнихъ границахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ она будетъ, когда Англія займетъ Афганистанъ“.

На другой день, т. е. 27 ноября, за № 149 (л. 298—299), Шуваловъ пишетъ:

„Передъ Россіей, мнѣ кажется, двѣ противоположныя политики: политика воздержанія и политика дѣйствія. Первая состоитъ въ безконечномъ продолженіи молчанія, которое я сохраняю передъ англійскими министрами, въ ожиданіи непредвидѣнной случайности, играющей, кажется, большую роль во всемъ, что происходитъ. Словомъ, въ прекращеніи заботливости объ участи Афганистана. Эта политика, естественно, устранитъ всякій поводъ къ столкновенію съ Англіей, но, кромѣ того недостатка, что оставитъ насъ во власти случайностей, она имѣетъ еще два неудобства: 1) она будетъ весьма непопулярна въ Россіи и 2) наше вліяніе въ Средней Азіи почувствуетъ неблагопріятный отпоръ и позже, въ случаѣ поглощенія Афганистана, въ немъ, такъ сказать, будетъ помѣщаться рычагъ: не Афганистанъ уже будетъ служить, какъ теперь, тампономъ между Англіей и нами, а Бухара. Неблагопріятныя послѣдствія подобной перестановки въ системѣ Средней Азіи очевидны...

„Политика дѣйствія состоитъ въ нашемъ движеніи впередъ,

въ свой чередъ. Я не думаю, послѣ разговоровъ съ ген. Столѣтовымъ, чтобы поглощеніе нами Бухары, какъ отвѣтъ англичанамъ *), было желательно. Дѣйствуя такъ, мы сдѣлали бы такую же ошибку, какъ и Англія. Мы отолкнули бы симпатіи народа и свергнемъ эмира, который, по словамъ г. Столѣтова, ничто иное, какъ русскій генералъ-губернаторъ, да еще даровой и безъ хлопотъ администраціи.

„Вотъ куда мы должны идти: въ Мервъ. Вотъ что мы должны занять рѣшительно.

„Въ нравственномъ отношеніи, мы не останемся безстрастными свидѣтелями покоренія Афганистана. Мы возвратимъ Англіи ударъ за ударъ... Въ матеріальномъ отношеніи—мы выиграемъ рѣшительную покорность текинцевъ. Если мы воздерживались до сихъ поръ отъ экспедиціи противъ Мерва, то лишь изъ уваженія къ Англіи, чтобы избѣжать столкновенія съ нею.

„Но я помню, и постоянно слышалъ, что экспедиція противъ Мерва, безъ его присоединенія, была необходима и что мы будемъ вынуждены къ этому рано или поздно... Я вывожу заключеніе въ пользу политики дѣйствія, но съ одною оговоркою: я рекомендую ее только въ томъ случаѣ, если англичане займутъ Кабулъ или Гератъ. Преждевременная угроза Мерву произведетъ послѣдствія, противоположныя тому, что мы ожидаемъ: она ускоритъ занятіе Афганистана. Въ этихъ видахъ имя Мерва не должно быть пока произносимо въ Лондонѣ оффиціально. Я говорю: „оффиціально“ потому, что съ своей стороны, я не упускаю случая ввернуть имъ словечко объ этомъ“ (буквально: de leur mettre la puce à l'oreille—запустить имъ блоху въ ухо).

Хотя это образное выраженіе и не уступаетъ любому биконсфильдовскому, и Шуваловъ, повидимому, считаетъ свою болтовню о Мервѣ полезною для Россіи, но мы не можемъ согласиться съ нимъ. У насъ виды на Мервъ держались въ глубокой тайнѣ: знали о нихъ, можетъ быть, человѣкъ 15—20 во всей Россіи; остальнымъ оффиціально было извѣстно только о рекогносцировкѣ къ Ахалъ-теке, подобной всѣмъ предшествовавшимъ, почти ежегодно, рекогносцировкамъ со стороны Каспійскаго моря. Спрашивается: отъ кого мы держали это въ секретѣ?—Понятное дѣло, отъ англичанъ, чтобъ они какъ-нибудь не пронюхали, не подняли, по обыкновенію, крика и не возбудили безплодную хотя, но тѣмъ не менѣе, непріятную переписку. И вотъ, когда въ Россіи никто ничего не знаетъ о Мервѣ,—вся Англія говоритъ о немъ... и кто же повѣдалъ ей государственную тайну?—Русскій посолъ!

Вскорѣ по полученіи въ Петербургѣ письма Ширъ-Али-хана

*) Эта мысль принадлежитъ Столѣтову. *Авт.*

къ государю, Гирсъ послалъ Шувалову слѣдующую телеграмму, одобренную и утвержденную государемъ (л. 321 дѣла).

„№ 4. Афганскій эмиръ прислалъ государю письмо, въ которомъ проситъ помощи и покровительства. Случай небывалый. Ширъ-Али ни разу не писалъ государю. Государь хочетъ этимъ воспользоваться, въ виду теперешнихъ исключительныхъ обстоятельствъ, чтобы дать эмиру въ своемъ отвѣтѣ, добрый совѣтъ покончить настоящее столкновеніе соглашеніемъ съ Англіей. Его величество поступитъ такъ только тогда, когда будетъ въ состояніи дать эмиру ручательство, что Великобританія уважитъ независимость Афганистана. Въ доказательство своего прямодушія нашъ августѣйшій государь предполагаетъ сообщить англійскому правительству текстъ своего отвѣта. Сообщите ваше мнѣніе насчетъ этого. Если бы Салисбюри принялъ эти предложенія благосклонно, то вы могли бы обѣщать ему, что послѣ энергической поддержки примирительныхъ совѣтовъ государя, наша миссія тотчасъ покинетъ Афганистанъ“.

На эту телеграмму Шуваловъ отвѣчалъ Гирсу 29 ноября депешей № 150 (л. 300—302 дѣла).

„Ваша телеграмма № 4, въ которой вы мнѣ сообщаете приказанія государя по поводу письма, съ которымъ Ширъ-али обратился къ Е. В. ускорили событія и принудили меня съ лордомъ Салисбюри затронуть вопросъ, который я бы предпочиталъ оставить въ покоѣ до конца парламентской сессіи. „Я просилъ главнаго государственнаго секретаря сохранить въ полнѣйшей тайнѣ наши предложенія, если онѣ не будутъ приняты благосклонно; затѣмъ, я прочелъ ему маленькій меморандумъ, въ которомъ я позволилъ себѣ смягчить текстъ вашей телеграммы. Въ ней говорится: Е. В. поступитъ такъ только тогда, когда будетъ въ состояніи дать эмиру ручательство“, и т. д. Я поставилъ тутъ слѣдующія слова: „Е. В. поступитъ такъ только тогда, когда получитъ ручательство“. Это смягченіе не портитъ содержанія вашей телеграммы, потому что нашъ государь, получивъ ручательство отъ англійскаго правительства, всегда можетъ передать его эмиру. Мнѣ же оно казалось необходимымъ для успѣха моихъ переговоровъ. Дѣйствительно, въ завистливыхъ глазахъ англичанъ, императоръ, гарантирующій эмиру его независимость, — это гибельный ударъ вліянію и обаянію Англіи.

„По прочтеніи моего меморандума, наступила минута взаимнаго удивленія: лордъ Салисбюри не зналъ, что наше посольство все еще въ Кабулѣ; онъ думалъ, что оно выѣхало уже два мѣсяца тому назадъ, а я, съ своей стороны, былъ крайне удивленъ, что онъ этого не знаетъ. Это обстоятельство ввело въ нашу бесѣду болѣе оживленную перемѣну. Салисбюри допускалъ пользу приготовленій, сдѣланныхъ нами до Берлинскаго кон-

гресса; но съ того момента, когда миръ былъ обезпеченъ, продолжительное присутствіе нашей миссіи не имѣло болѣе основанія. Это уже не было дружескою политикою относительно Англіи. Мы должны были бы, вслѣдствіе этого, немедленно и безъ условій отозвать ее; мы должны бы это сдѣлать, хотя бы для того, чтобы облегчить участь эмира, которую присутствіе нашей миссіи въ Кабулѣ можетъ только отягчить.

„Я отвѣтилъ, что послѣ конгресса, мы дѣйствительно отдали приказаніе о расформированіи отрядовъ и хотѣли отозвать нашу миссію, но остановились въ виду внезапнаго шума, поднятаго въ Англіи, и въ виду объявленія войны эмиру. Отзывая нашего посла въ такую минуту, мы заставили бы думать, что Англія насъ напугала. Мы были готовы, добавилъ я, возвратиться въ предѣлы политики, которой держались до инцидента. Но еще слѣдовало узнать: признаетъ ли въ ней англійское правительство, съ своей стороны, прежнее основаніе, т. е. независимость Афганистана, подъ вліяніемъ Англіи? Настоящій случай давалъ намъ возможность объясниться по этому вопросу, а какъ наше присутствіе въ Кабулѣ было такъ непріятно лорду Салисбюри, то я предложилъ ему въ эту минуту возможность окончить затрудненіе удовлетворительнымъ способомъ.

„Сговоримся,—возвразилъ маркизъ,—что разумѣть подъ этими словами: „уважать независимость эмира“? Эти слова: независимость и цѣлость“ повели въ Турціи къ столькимъ различнымъ истолкованіямъ“.

„Мы употребили слово „независимость“, — отвѣчалъ я,—не потому, что оно придумано нами, а потому, что этотъ терминъ былъ употребленъ лордомъ Дерби въ отвѣтѣ, касавшемся депеши князя Горчакова ко мнѣ отъ 11 мая 1875 г. Это онъ предложилъ основанія нашей взаимной политики въ Средней Азіи. Съ тѣхъ поръ мы понимаемъ подъ независимостію—status quo ante bellum (положеніе, какое было до войны).

„Это невозможно—возразилъ лордъ Салисбюри,—я долженъ сдѣлать исключенія изъ слова „независимость“: 1) исправленіе границы, о необходимости котораго вы слышали въ парламентѣ, и 2) отправленіе постояннаго посольства въ Кабулъ. Мы давно уже ведемъ о немъ переговоры съ эмиромъ. Оно зависитъ отъ вліянія, которое мы призваны проявить въ Кабулѣ и которое признано вами. Мы должны добиться этого путемъ пожертвованій войны.

„Тогда я обратилъ вниманіе маркиза на опасности исправленія границы и воспользовался всѣми доводами, изложенными мною въ рапортѣ отъ 26 ноября № 148.

„Разъ, что англійскій кабинетъ отвергаетъ весь проектъ при-

соединенія болѣе или менѣе полнаго, было бы неблагоразумно дѣлать и первый шагъ въ этомъ направленіи.

„Лордъ Салисбюри опровергъ весьма сильно опасенія, высказанныя мною. По его мнѣнію, занятіе нѣсколькихъ проходовъ отнюдь не ведетъ къ захвату, указанному мною. Будущее покажетъ, что онъ правъ, а я не правъ. Самыя недавнія происшествія доказали неудобства нынѣшней границы. Было необходимо ее измѣнить.

„Лордъ Салисбюри отказался, какъ я и ожидалъ, высказать мнѣніе по содержанію телеграммы вашего превосходительства, прежде чѣмъ посовѣтуется съ лордами Биконсфильдомъ и Чанбрукомъ. Я разстался съ нимъ, прося скораго разрѣшенія вопроса, потому что нашъ государь не можетъ откладывать на неопредѣленное время свой отвѣтъ эмиру".

Черезъ три дня Салисбюри отвѣтилъ Шувалову словесно, обѣщая чрезъ нѣсколько дней и письменный отвѣтъ на его меморандумъ. Словесный отвѣтъ, какъ видно изъ депеши Шувалова отъ 30 ноября № 152 (л. 303 дѣла), заключался въ слѣдующемъ:

„Англійскій кабинетъ не можетъ принять предложеніе императора. Это было бы вмѣшательствомъ въ столкновеніе, случившееся между Англіей и Афганистаномъ. Давая совѣты эмиру, его величество точно также будетъ употреблять вліяніе, отъ котораго Россія отказалась: это значило бы замѣнить англійское вліяніе русскимъ. Предложеніе—велѣть русской миссіи въ Кабулѣ поддержать эти совѣты—установитъ нарушеніе нашихъ прежнихъ обязательствъ. Г. Гирсъ говорилъ британскому послу, что отправленіе этой миссіи было временное и вызванное исключительными обстоятельствами; послѣ берлинскаго трактата эти обстоятельства больше не существуютъ и было бы желательно, чтобы миссія была отозвана безъ замедленія".

Безъ сомнѣнія, такой отвѣтъ былъ сообщенъ раньше депеши и телеграммой, иначе ничѣмъ нельзя объяснить, что на слѣдующій же день, т. е. 1 декабря, Шуваловъ получилъ телеграмму такого содержанія: „Принимаемъ актъ завѣренія Англіи, что она не посягнетъ на независимость Афганистана. Что касается англійской миссіи въ Кабулѣ, то это дѣло англійскаго правительства и Ширъ-Али, мы въ это не вмѣшиваемся. Прибавлю только для васъ, что его величество не думаетъ, чтобы такая миссія была постоянною".

Вслѣдъ затѣмъ, 2 декабря, получается въ Лондонѣ, какъ бы для предупрежденія требованій письменнаго отвѣта, обѣщаннаго лордомъ Салисбюри, такая телеграмма: „Такъ какъ англійское правительство объявило формально, что оно сохранитъ независимость Афганистана, то Разгонову дано приказаніе выѣхать изъ Кабула со свитой и вы можете обмѣняться съ Салисбюри пись-

мами, подтверждающими взаимное соблюденіе нашихъ старыхъ соглашеній. Для васъ одного: государь не будетъ отвѣчать Ширъ-Али".

Это жаль, что такое рѣшеніе сообщено только для одного Шувалова; слѣдовало бы, напротивъ, сообщить его и лондонскому кабинету,—тогда письменный отвѣтъ его становился не нужнымъ, англичанамъ не пришлось бы придумывать вѣжливыя выраженія для грубаго отказа, а государь былъ бы избавленъ отъ лишней непріятности.

Вотъ этотъ письменный отвѣтъ Салисбюри отъ 5 декабря (л. 313 дѣла):

„Я подвергъ оцѣнкѣ моихъ товарищей телеграмму вашего правительства, копію съ которой вы мнѣ сдѣлали честь прислать въ среду утромъ. Они отдаютъ полную справедливость человѣколюбивымъ намѣреніямъ, которыми руководился его величество императоръ въ этой попыткѣ положить конецъ войнѣ, а также дружественному чувству по отношенію къ Англіи, доказательствомъ котораго служитъ эта попытка.

„Но они сожалѣютъ, что находятся въ необходимости отвѣчать, что эту жертву правительство ея величества принять не можетъ. Всѣ совѣты, данные его величествомъ эмиру, насколько это касается отношеній его къ Англіи, установятъ въ ихъ глазахъ отреченіе отъ обязательства, заключеннаго Россіей,—что она признаетъ Афганистанъ внѣ сферы своего вліянія. Фактъ, что предлагаемая иниціатива допускаетъ дружескій смыслъ по отношенію къ Англіи, не лишаетъ ее, однако, характера вмѣшательства за предѣлы, на которые Россія когда-то согласилась. Мнѣ нѣтъ вовсе необходимости повторять вамъ и другія возраженія, поддерживаемыя нами на томъ же основаніи противъ неограниченнаго пребыванія русской миссіи въ афганскихъ предѣлахъ, указаннаго въ телеграммѣ, такъ какъ въ частномъ сношеніи я имѣлъ случай представить подробно вашему превосходительству точку зрѣнія правительства ея величества на этотъ предметъ".

Письмо это Шуваловъ препроводилъ канцлеру 7 декабря, причемъ сообщилъ, что съ англійскимъ правительствомъ легче сойтись насчетъ идеи, чѣмъ насчетъ способа ея выраженія...

До сихъ поръ мы знакомились только съ мнѣніями Шувалова и Салисбюри, теперь приведемъ депешу князя Горчакова къ Шувалову отъ 11 января 1879 г. (л. 322—325 дѣла). Мы приведемъ только наиболѣе интересныя мѣста.

Объяснивъ извѣстныя уже намъ причины посылки отрядовъ къ Аму-дарьѣ и посольства въ Кабулъ, Горчаковъ прибавляетъ: „Графъ Биконсфильдъ самъ призналъ честность этихъ мѣропріятій и объявилъ, что на нашемъ мѣстѣ онъ и самъ поступилъ бы такъ же".

Далѣе въ депешѣ говорится, будто формальный приказъ государя придалъ нашей миссіи характеръ акта чистой вѣжливости. „Наша миссія имѣла инструкцію отнюдь не вмѣшиваться въ отношенія эмира къ индійскому правительству и во всякомъ случаѣ давать эмиру только примирительные и успокоительные совѣты“.

Но мы знаемъ, что воевать съ Англіей, стоя на Аму-дарьѣ,— нельзя; надо дойти до индійской границы, т. е. пройти сквозь Афганистанъ, а для этого надо просить афганскаго эмира о пропускѣ нашихъ войскъ. Это и было главнымъ назначеніемъ нашего посольства. Если считать, что мы просили пропуска только изъ вѣжливости, а пошли бы и безъ позволенія, тогда другое дѣло. Наконецъ, мы привели въ своемъ мѣстѣ инструкцію, данную Столѣтову, и знаемъ, поэтому, что ея содержаніе совершенно не согласно съ тѣмъ, что говоритъ о ней Горчаковъ...

Далѣе онъ пишетъ: „когда правительство ея британскаго величества сочло необходимымъ употребить противъ кабульскаго эмира строгія мѣры, мы воздержались отъ всякаго вмѣшательства въ его распрю съ Афганистаномъ. Начальникъ нашей миссіи былъ отозванъ ранѣе начала непріязненныхъ дѣйствій“.

Мы знаемъ, однако, что Столѣтовъ отозванъ не былъ, а выѣхалъ по собственному усмотрѣнію, впрочемъ, на основаніи инструкціи, дававшей ему право отлучиться на время изъ Кабула въ Ташкентъ, для личнаго доклада о томъ, чего онъ тамъ добился. Но послѣ отъѣзда Столѣтова, начальникомъ миссіи сталъ Разгоновъ; выѣхалъ онъ не ранѣе начала войны, а послѣ первыхъ неудачъ, постигшихъ афганскія войска...

Коснувшись намѣренія эмира ѣхать въ Петербургъ и письма его по этому поводу къ Кауфману, Горчаковъ добавляетъ: „Не ожидая отвѣта на эту просьбу, онъ переправился черезъ Оксусъ и находится уже на русской территоріи“.

И это невѣрно. Эмиръ доѣхалъ только до Мазари-Шерифа, откуда до русской территоріи оставалось еще болѣе 300 верстъ. Здѣсь онъ заболѣлъ, отказался отъ поѣздки въ Россію и умеръ.

Въ заключеніе Горчаковъ говоритъ, что наше правительство согласно на измѣненіе англо-афганской границы, „но если, напротивъ, изъ-за какихъ-нибудь соображеній о достоинствѣ, безопасности или престижѣ, о которыхъ мы судить не будемъ, правительство ея британскаго величества сочтетъ себя вправѣ или почтетъ долгомъ развить послѣдствія войны и достигнутыхъ военныхъ успѣховъ, въ смыслѣ и пространствѣ, несогласныхъ съ буквой и духомъ нашихъ прежнихъ соглашеній, то вы будете уполномочены, приказомъ государя, сообщить этому правитель-

ству, что, съ своей стороны, императорскій кабинетъ будетъ считать себя возвратившимъ свою свободу дѣйствій".

До сихъ поръ мы не видѣли въ Шуваловѣ особеннаго расположенія къ Англіи: мы видѣли пока въ немъ человѣка разумнаго, знающаго завистливый характеръ англичанъ и щадящаго ихъ самолюбіе, ради достиженія того или другаго успѣха. Не нравится намъ только то, что онъ разболталъ, въ частныхъ разговорахъ, о нашихъ видахъ на Мервъ, чѣмъ воспользовался, между прочимъ, извѣстный руссофобъ Раулинсонъ, напечатавшій объ этомъ статью въ одномъ изъ журналовъ... Самъ же Шуваловъ и сообщилъ вкратцѣ содержаніе статьи Гирсу въ депешѣ отъ 2 декабря.

Но со времени полученія депеши Горчакова отъ 11 января, Шуваловъ выступаетъ уже защитникомъ англичанъ, нападая на увлеченія Кауфмана и всѣхъ, раздѣлявшихъ его взгляды. Досталось отъ него и Столѣтову, и Разгонову, и даже военному агенту Горлову.

Въ депешѣ къ Горчакову отъ 21 января 1879 г. № 6 (л. 359—368 дѣла) онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я не могу забыть, насколько были несогласны съ дѣйствительностію свѣдѣнія, доставленныя намъ въ Ливадію генераломъ Столѣтовымъ",—и перечисляетъ: прекрасная армія эмира, оружіе, хотя и недальнобойное, но въ горахъ это неважно; старшины подвластныхъ племенъ раздѣляютъ воинственныя чувства эмира; разныя племена Индіи обѣщаютъ подняться въ тылу англійской арміи; англійскому господству въ Индіи будетъ нанесенъ серьезный ударъ... „Мы видѣли, что изъ этого вышло... эти самыя радужныя мечты появились и въ бумагахъ, сообщенныхъ вамъ генераломъ Кауфманомъ. Онъ тоже продолжаетъ думать, что положеніе англичанъ въ Индіи ненадежно и что настоящая война можетъ быть для нихъ опасною...

„Ничто не подтверждаетъ подобныхъ предположеній. Событія доказываютъ противное. Когда дѣло шло о перевозкѣ индійскихъ войскъ въ Турцію, то даже здѣсь полагали, что туземцы откажутся покидать свою сторону, чтобы драться рядомъ съ англійскою арміей.

„И что же? Они отвѣчали на этотъ призывъ съ восторгомъ! Настоящая кампанія доказываетъ, что туземныя войска считаютъ ее своимъ общимъ дѣломъ съ британской арміей, которая не нахвалится ихъ помощію. Генералъ Кауфманъ, наконецъ, высказалъ вполнѣ законное желаніе, чтобы мы не потеряли нравственнаго вліянія, пріобрѣтеннаго нами въ Средней Азіи. По моему мнѣнію, мы сохранимъ его не тѣмъ, что ухватимся за дѣло Ширъ-Али, а тѣмъ, что будемъ заниматься своими собственными дѣлами и приготовляться къ дѣйствію".

Хотя совѣтъ сидѣть смирно, заниматься своими собственными дѣлами и не соваться въ чужія, Кауфманъ принялъ молча, не сдѣлавъ сбоку помѣтки, но въ его оправданіе мы должны сказать, что онъ не по своей волѣ вмѣшался въ дѣла Афганистана, а свои собственныя дѣла велъ и безъ шуваловскаго совѣта достаточно хорошо. Да наконецъ, если мы будемъ все только готовиться къ дѣйствію, то когда же начнемъ дѣйствовать?

Далѣе Шуваловъ выписываетъ изъ письма Кауфмана къ Горчакову то мѣсто, гдѣ говорится о необходимости оказать Ширъ-Али-хану почетное гостепріимство, чтобы не потерять надолго возможности угрожать Англіи съ этой стороны, и затѣмъ опровергаетъ Кауфмана такими доводами:

„Прежде всего не слѣдуетъ болѣе смѣшивать эти двѣ вещи: Ширъ-Али и Афганистанъ; теперь можно задать себѣ вопросъ: представляетъ ли еще собою эмиръ эту страну? Событія доставили намъ доказательство, что онъ не былъ такимъ государемъ, какимъ мы его считали, т. е. властелиномъ своей арміи, руководителемъ своего народа. Онъ оказался ничѣмъ больше, какъ непопулярнымъ главою федераціи племенъ, покинувшихъ его въ въ минуту опасности. Сомнительно, чтобъ онъ могъ возвратиться въ свои владѣнія, послѣ того какъ бѣжалъ оттуда, подъ предлогомъ передать свое дѣло государю... и если правда, что онъ увезъ съ собою часть своихъ сокровищъ, то онъ потеряетъ всякое уваженіе со стороны своихъ подданныхъ.

„ Итакъ, прежде всего кажется, что Ширъ-Али и Афганистанъ составляютъ двѣ вещи очень различныя“.

Теперь очередь дошла до Разгонова.

„ Я вижу, наконецъ, изъ письма Разгонова отъ 6-го декабря, что онъ дѣлаетъ апоѳеозъ изъ бѣгства эмира. Онъ выводитъ изъ этого счастливыя послѣдствія для нашего вліянія въ Кабулѣ, которое, по его мнѣнію, будетъ возростать, пропорціонально пріему, какой мы сдѣлаемъ Ширъ-Али-хану. На взглядъ генерала, пилигримство эмира есть тріумфъ для насъ и Англія дорого бы дала за такое паломничество въ Лондонъ.

„Нельзя величать паломничествомъ — побѣгъ съ поля сраженія, а во всякомъ случаѣ пораженіе, показавшее насколько нетвердо было положеніе Ширъ-Али въ Кабулѣ“.

Коснувшись сообщеній Горлова, Шуваловъ увѣряетъ, будто всѣ они недостовѣрны, такъ какъ „ничто ихъ не подтверждаетъ“, а затѣмъ объясняетъ причины ложности его свѣдѣній слѣдующими словами: этотъ отличный офицеръ, къ несчастію, страдаетъ, вотъ уже годъ, ослабленіемъ здоровья, что его и заставило покинуть Англію. Онъ добываетъ свои свѣдѣнія, вѣроятно, отъ неизвѣстныхъ агентовъ, за деньги. „Не вѣрю, будто коро-

лева и принцъ Гальскій побуждаютъ Биконсфильда идти впередъ. Весьма страстные въ восточномъ вопросѣ, государыня и вѣроятный наслѣдникъ престола не выказываютъ въ афганскомъ вопросѣ тѣхъ чувствъ, какія имъ приписываетъ г. Горловъ въ своемъ рапортѣ".

Называя далѣе свѣдѣнія Горлова о предположенныхъ къ захвату частей Афганистана апокрифическими, подложными,—Шуваловъ увѣряетъ, будто Англія ограничится присоединеніемъ Хейберскаго ущелья, Курумской долины и Кандагара.

Но мы знаемъ, что алчность англичанъ постепенно уступала, сначала представленіямъ Россіи, а потомъ успѣхамъ афганцевъ и невозможности охранять свои сообщенія. Даже и занятыя, по мирному договору, мѣстности англичане должны были бросить и ушли въ Индію!— Поэтому и свѣдѣнія Шувалова о Кандагарѣ также можно было бы назвать апокрифическими. Къ этому прибавимъ, что всѣ свѣдѣнія Горлова о составѣ отрядовъ вторженія, планѣ кампаніи и ходѣ дѣйствій вполнѣ подтвердились впослѣдствіи, а важность нѣкоторыхъ весьма секретныхъ данныхъ указываетъ, что онъ имѣлъ дѣло не съ темными личностями торгующими государственными тайнами, а съ людьми хорошо освѣдомленными.

Защитивъ такимъ образомъ и королеву, и „вѣроятнаго наслѣдника", и министровъ ея британскаго величества, раздавъ щелчки каждому, кто мѣшалъ такъ или иначе англійскому благополучію,—Шуваловъ перешелъ снова къ „политикѣ дѣйствія", снова заговорилъ о Мервѣ, снова совѣтовалъ отложить занятіе его до окончанія англо-афганской войны и заключенія мира.

„Обнародованіе условій этого мира, пока еще неизвѣстныхъ, позволитъ намъ сказать, что независимость и неприкосновенность Афганистана нарушены, а потому мы возвращаемъ себѣ нашу свободу дѣйствій и наступаемъ къ Атреку или Мерву. А разъ, что миръ подписанъ,—англійскому правительству будетъ трудно тотчасъ же разорвать его, чтобы перенести свои границы далѣе".

Обращаясь къ сообщенному ему мнѣнію Милютина, что въ настоящее время постоянное занятіе Мерва онъ считаетъ невозможнымъ, Шуваловъ говоритъ: „но тогда намъ ничего больше не остается, какъ оставаться зрителями совершающихся событій Я не принимаю въ расчетъ препятствія, указаннаго гр. Милютинымъ. Я припоминаю, что занятіе Мерва,—временное или постоянное составляло предметъ горячихъ споровъ, въ которыхъ и я принималъ участіе во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Въ то время я старался охранять наши отношенія къ Англіи; я силился объяснить генералу Франкини, кн. Святополкъ-Мирскому *) и другимъ, что поддержаніе хорошихъ отношеній съ

*) Командированные съ Кавказа для участія въ совѣщанія.

правительствомъ королевы, были, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, гораздо важнѣе, чѣмъ вопросы о вліяніи и престижѣ, которые воинствовали (qui militaient) въ пользу наступленія на Мервъ... Престижъ не пріобрѣтается даромъ; онъ требуетъ жертвъ: денегъ и крови!"

Далѣе Шуваловъ высказываетъ мысль, что теперь еще рано показывать англійскимъ министрамъ „призракъ нашей свободы дѣйствій, безъ возможности перевести его въ міръ дѣйствительности. Но дѣйствительность—это Мервъ".

Послѣднее, заключительное положеніе Шувалова состояло въ слѣдующихъ словахъ: „слѣдовало бы избѣгать въ настоящую минуту какихъ бы то ни было объясненій съ англійскимъ кабинетомъ; вмѣсто улучшенія положенія вещей, это послужитъ только къ ухудшенію".

Депеша эта была предметомъ зрѣлаго обсужденія особаго совѣщанія, въ присутствіи государя, и въ отвѣтѣ своемъ отъ 31-го января (л. 370—377), Горчаковъ сообщаетъ Шувалову, что ему разрѣшается: призрака не показывать; избрать самому благопріятный моментъ для объясненій съ министрами лондонскаго кабинета; объ экспедиціи въ Мервъ заговорить только тогда, когда англичане сами узнаютъ о нашихъ приготовленіяхъ отъ своихъ агентовъ въ Тифлисѣ или Тегеранѣ, да и то увѣрять, что это простая рекогносцировка.

Кромѣ того Шуваловъ выторговалъ въ пользу Англіи еще обѣщаніе, что если англійскія пріобрѣтенія въ Афганистанѣ ограничатся только Хейберскимъ ущельемъ, Курумской долиной и Кандагаромъ, съ правомъ содержать резидентства въ Кабулѣ, Гератѣ и другихъ мѣстахъ (! ?), то наше правительство воздержится отъ формальнаго протеста, „хотя очевидно, что при такихъ условіяхъ Афганистану оставлена будетъ только мнимая независимость".

Однако на дальнѣйшую отстрочку туркменской экспедиціи государь не согласился и приказалъ начать ее весною, независимо отъ того, кончится ли къ тому времени англо-афганская война, или нѣтъ.

Оправдывая разными доводами будущее движеніе къ Мерву, Горчаковъ, между прочимъ пишетъ:

„Мы хотимъ наконецъ обезпечить себѣ надежную базу, для дѣйствій со стороны Каспійскаго моря до центра Туркменской степи, на случай, если нападеніе, угрожающее намъ съ этой стороны заставитъ насъ развернуть свои оборонительныя силы. Эти мѣры предупрежденія намъ властно приказываются политическимъ движеніемъ Англіи въ Ср. Азіи. До сихъ поръ, имѣя передъ собою только дикарей, столь же подвижныхъ, какъ песокъ ихъ пустынь, мы были завлекаемы противъ воли впередъ, не имѣя воз-

можности обезпечить ни свои сообщенія, ни свою базу. Теперь англичане приблизились къ намъ. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ могучимъ врагомъ. Мы должны серьезно подумать объ оборонѣ".

Этими справедливыми словами мы и закончимъ выписки изъ разбираемой депеши. Одновремено съ нею и какъ бы въ дополненіе, Горчаковъ написалъ еще двѣ и въ одной изъ ихъ (на л. 383 дѣла) говоритъ слѣдующее: „Вы были извѣщены о командировкѣ капитана Напира и другихъ англійскихъ офицеровъ въ Хорасанъ и сношеніяхъ, завязанныхъ ими съ наиболѣе враждебными намъ туркменскими племенами. Мы имѣемъ въ рукахъ письменныя доказательства о сущности и цѣли этихъ сношеній... По условію нашихъ прежнихъ соглашеній, между тѣмъ какъ мы обѣщали не присоединять къ себѣ Мерва, англійское правительство обязалось употребить свое вліяніе въ Кабулѣ, чтобы отсовѣтовать эмиру всякія поощренія и всякую поддержку туркменъ. Въ настоящее время, когда въ Афганистанѣ дѣйствительно господствуетъ индійское правительство, исполненіе этого обѣщанія падаетъ прямо на него, и мы вправѣ объявить это".

Всѣ эти выписки рисуютъ намъ полную картину нерѣшительности, боязливости и уступчивости главныхъ дѣйствующихъ лицъ по веденію нашей иностранной политики. Одинъ Шуваловъ зналъ, что дѣлалъ: онъ такъ запугалъ Горчакова и Гирса англійскими министрами, что наши дипломаты совсѣмъ спасовали передъ ними. Скажетъ онъ, что чѣмъ больше мы будемъ приставать къ Англіи съ эмиромъ, тѣмъ хуже будетъ для него же и ему тотчасъ шлютъ приказъ: даже и не заикаться объ эмирѣ, пока сами англичане не заговорятъ о немъ. Прислалъ эмиръ письмо къ государю,—немедленно летитъ курьеръ въ Лондонъ съ вопросомъ: можно ли государю отвѣчать въ такомъ-то смыслѣ? Англичане запрещаютъ... Затѣмъ эмиръ собрался ѣхать въ Петербургъ, опять летитъ курьеръ въ Лондонъ, опять говорятъ тамъ: „нельзя!" Заговорили о свободѣ дѣйствій,—Шуваловъ пишетъ, что рано.

Ни одинъ англійскій министръ не въ состояніи былъ бы такъ защищать англійскую политику, какъ этотъ удивительный русскій посолъ!

Породнившись съ англійскою знатью, онъ перемѣнилъ весь строй домашней жизни на англійскій ладъ; русской прислуги не держалъ; подъ конецъ и думалъ уже по-англійски; только болтливъ былъ по-русски... Поэтому нашъ высшій кругъ, въ которомъ онъ, конечно, только и вращался во время своихъ наѣздовъ въ Петербургъ, скоро опредѣлилъ этого дипломата прозвищемъ „другъ Англіи". Прозвище это быстро облетѣло и второстепенные кружки общества, а когда другъ Англіи задумалъ купить себѣ въ Петербургѣ домъ и заплатилъ за него громадную сумму

англійскимъ золотомъ, то разсказамъ и догадкамъ не было конца...

Покончивъ съ дипломатической стороной афганскаго вопроса, перейдемъ теперь къ событіямъ въ Афганистанѣ послѣ смерти Ширъ-Али-хана и къ военнымъ дѣйствіямъ англичанъ, о чемъ впрочемъ, мы скажемъ лишь вкратцѣ.

Итакъ, Ширъ-Али умеръ въ ночь на 9-е февраля. Мы говорили уже о дракахъ между войсками, державшими сторону разныхъ претендентовъ, говорили объ избіеніи ими нелюбимыхъ офицеровъ и полковыхъ командировъ. Скажемъ здѣсь, что рѣзня прекратилась только тогда, когда братъ покойнаго эмира, сердаръ Нейхъ-Мухаммедъ-ханъ, придумалъ посылать въ полки тайныя сообщенія, будто на нихъ готовятся напасть такіе-то, и пугалъ ихъ другъ другомъ... они и засѣли въ казармы, готовясь къ отпору! Затѣмъ, по его же настоянію, войска присягнули Якубъ-хану.

Между тѣмъ, англичане наступали довольно вяло, вслѣдствіе недостатка продовольствія и падежа вьючныхъ животныхъ. По занятіи первою колонною Брауна, Джелалабада, у самой границы Кафиристана, туда были направлены войска кашмирскаго магараджи: 10 полковъ пѣхоты, 5 полковъ кавалеріи и 5 батарей, при которыхъ назначенъ состоять англійскій резидентъ въ Ладакѣ—маіоръ Бидульфъ, считавшійся военнымъ талантомъ. Такимъ образомъ колонна Брауна была обезпечена со стороны праваго фланга, но тылъ его начали трепать горцы Хейберскаго ущелья.

Похваляясь передъ кампаніей, что они окончатъ ее въ двѣ недѣли и что походъ будетъ только торжественнымъ маршемъ отъ одной побѣды къ другой, — англичане сначала быстро двинулись впередъ, очертя голову, не соображаясь съ медленнымъ ходомъ интендантскихъ обозовъ; да и шли довольно безпечно и потому безпрестанно натыкались на неожиданные сюрпризы и терпѣли уронъ. Оправдываясь въ своихъ первыхъ неудачахъ, англійскіе генералы сваливали вину и на интендантство, и на недостаточное количество своихъ войскъ (это 35,000 имъ мало), и наконецъ, на „политическихъ офицеровъ“, приданныхъ къ отрядамъ для сношеній съ туземцами и подкупа ихъ... Подкупъ игралъ большую роль и въ войну 1840—41 годовъ, и въ Когатѣ въ 1854 г. Большія надежды возлагали англичане на свое золото и теперь. Они считали даже, что вся кампанія будетъ состоять изъ ряда парадовъ и демонстрацій съ цѣлью облегчить подкупъ (рапортъ Горлова 1-го января 1879 г. № 1 на л. 282 дѣла).

Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ пояснить здѣсь, что въ Индіи англичане имѣютъ 109 полковъ пѣхоты, но

названіе полкъ не отвѣчаетъ европейскимъ понятіямъ: первые 25 нумеровъ полковъ состоятъ изъ двухъ баталіоновъ, остальные только изъ одного, за исключеніемъ № 60, который одинъ только имѣетъ 4 баталіона. Такой же составъ принятъ и въ войскахъ магараджи.

Какъ только получилось въ Кабулѣ извѣстіе о смерти Ширъ-Али, новый эмиръ, Якубъ-ханъ, повелъ переговоры о мирѣ, выѣхалъ на свиданіе съ Литтономъ въ г. Гандамакъ (на полъ-пути отъ Кабула къ Джелалабаду) и подписалъ всѣ предписанныя ему условія. Англичане пріобрѣли три округа: Курамъ, Пишн и Сиби, которые однако „будутъ считаться какъ бы отдѣленными и не должны признаваться отторгнутыми навсегда отъ территоріи Афганскаго государства. Доходы съ этихъ округовъ, за вычетомъ расходовъ на гражданское управленіе, будутъ уплачиваться его высочеству эмиру". Договоръ подписанъ дипломатическимъ чиновникомъ особыхъ порученій, маіоромъ Каваньяри, Литтономъ и Якубъ-ханомъ. Резидентомъ въ Кабулъ назначенъ Каваньяри. Англичанамъ предоставлялось также занять своими гарнизонами Гератъ и Кандагаръ.

Такой договоръ возбудилъ всеобщее неудовольствіе въ Афганистанѣ, въ особенности, когда въ Кабулѣ водворился резидентъ... Къ августу мѣсяцу англичане выслали въ Гератъ транспортъ съ новыми ружьями для своего будущаго гарнизона. Выступившій оттуда въ Кабулъ афганскій полкъ встрѣтилъ этотъ транспортъ на дорогѣ и разграбилъ его. При осмотрѣ тюковъ найдено множество экземпляровъ библіи и корана на арабскомъ языкѣ. Муллы стали увѣрять, что коранъ напечатанъ съ умышленными ошибками и что англичане, очевидно, хотятъ распространить здѣсь свою вѣру.

Между тѣмъ, кабульскіе полки, не получая давно жалованья, стали собираться передъ дворцомъ и шумѣть. Эмиръ предупредилъ Каваньяри объ опасности... 22-го августа на площадь передъ дворцомъ миссіи были выведены безъ оружія три полка для раздачи имъ жалованья за одинъ мѣсяцъ. Солдаты потребовали еще за мѣсяцъ. Имъ отвѣчали, что въ казнѣ эмира нѣтъ денегъ.

Солдаты приписали такое безденежье англичанамъ, такъ какъ до ихъ водворенія дѣла шли хорошо. Стали кидать камнями въ англійскій конвой миссіи. Конвой отвѣчалъ выстрѣлами... Солдаты побѣжали въ казармы за ружьями и началась осада... Къ вечеру деревянный дворецъ резидента былъ подожженъ.

Самонадѣянный Каваньяри ни за что не хотѣлъ послушать совѣтовъ и перейти раньше въ каменный домъ, гдѣ былъ бы гарантированъ отъ поджога и могъ бы держаться нѣсколько дней; а теперь, когда было уже поздно и дворъ былъ занятъ

нападавшими, онъ вздумалъ пробиться въ каменный домъ. Всѣ, кто пошелъ за нимъ, были перебиты. Спаслось только 22 человѣка, ходившіе за фуражемъ, да 11 человѣкъ туземной прислуги. Есть предположеніе, что они передались... Вотъ тебѣ и престижъ!

Вечеромъ, не зная еще о гибели Каваньяри, эмиръ послалъ въ Джелалабадъ къ англичанамъ извѣстіе о нападеніи солдатъ на миссію. На другой день онъ послалъ туда же увѣдомленіе, что народъ держитъ его въ осадѣ, и просилъ помощи... Самъ звалъ англичанъ на свою голову!

Въ это время пешаверская колонна, сильно пострадавшая отъ холеры, ушла уже въ Индію и только слабыя части разбросаны были вдоль Хейберскаго ущелья. Курумская колонна еще занимала гарнизоны въ присоединенной долинѣ. Южная почти вся уже была въ Индіи и 27 августа послѣдніе 2000 человѣкъ со Стюартомъ должны были покинуть Кандагаръ. Робертсу велѣно идти на Кабулъ съ 7 полками (т. е. баталіонами) пѣхоты 2½ полк. кавалеріи и 3 батареями, но изъ нихъ одинъ полкъ гусаръ и полкъ пѣхоты не могли выступить по болѣзни! Ген. Брайту, съ 6 полк. пѣхоты, 2 полка кавалеріи и 3 батареями, также приказано идти изъ Пешавера на Кабулъ. Для укомплектованія частей посланы были изъ Англіи 2,100 чел. кадровыхъ и сверхъ того еще 2 баталіона и 6 батарей. Изъ нижней Африки: 2 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ полка, съ 3 батареями.

Такимъ образомъ, хвастаясь, что противъ Россіи они могутъ выставить 30.000 войска, остъ-индійцы даже противъ Афганистана едва набрали во второй разъ только 15.000, да и то пришлось возти 8,000 изъ Англіи и Африки!

Такъ какъ, въ предшествовавшую кампанію, Робертсъ отличился наибольшею жестокостію и пріобрѣлъ незавидную славу палача, то его и выбрали мстителемъ... Колонна его должна была идти отъ Когата (въ 55 верстахъ отъ Пешавера) по прошлогодней дорогѣ. Дорога эта длиннѣе на 150 верстъ, чѣмъ отъ Пешавера, но штабъ считалъ, что на этотъ разъ пойдутъ по своей землѣ, завоеванной въ прошломъ году, и что поэтому населеніе встрѣтитъ ихъ не такъ враждебно, какъ проклятые хейберцы... Штабъ забылъ только, что азіатцы вообще народъ мстительный, а имъ было за что мстить именно Робертсу...

На этотъ разъ англичане пошли налегкѣ. Обоза почти нѣтъ. Вмѣсто негодяевъ-верблюдовъ—вьючные быки. Летучая колонна мстителя составилась изъ 3 баталіоновъ англичанъ и 5 туземныхъ, 11 эскадроновъ и 3 батарей. Впервые здѣсь былъ употребленъ и геліографъ, оказавшій англичанамъ громадныя услуги

Вице-король написалъ эмиру 26 августа, что посылаетъ къ нему на выручку сильную армію и потому проситъ оказать

ей содѣйствіе. Эмиръ отвѣчалъ, что самъ едва уцѣлѣлъ съ семьей и надѣется доказать свою искреннюю дружбу къ Англіи, наказавъ примѣрно убійцъ Каваньяри, но ни слова не сказалъ о томъ, что приглашаетъ для этого въ Кабулъ англичанъ.

Между тѣмъ и въ Кандагарѣ 24 числа взбунтовались три полка и также за невыдачу жалованья. При этомъ губернаторъ былъ убитъ. Значитъ, Стюарту своихъ хлопотъ довольно.

Робертсъ заключилъ договоръ съ гильзаями о поставкѣ вьючныхъ животныхъ за переваломъ, оставилъ въ Курумской долинѣ, для обезпеченія сообщеній, Гордона съ 4,000 человѣкъ, а самъ двинулся безъ обоза и безъ провіанта, кромѣ розданнаго на руки, чрезъ Шутургарденскій перевалъ 10 сентября. Къ 19-му всѣ части его летучаго отряда перевалили. А въ это время Гордона окружили новые англійскіе подданные и прекратили всякія сообщенія и подвозъ провіанта къ Робертсу, у котораго съѣденъ уже былъ послѣдній сухарь!

Но мститель оказался человѣкомъ рѣшительнымъ: онъ отказался отъ своей базы и бросился впередъ, къ Кабулу, чтобы оттуда связаться съ Пешаверскимъ отрядомъ и получить отъ него провіантъ. — 15 сентября вечеромъ, къ передовой части летучаго отряда, стоявшаго уже въ Куши, первомъ селеніи за переваломъ, прибылъ эмиръ Якубъ-ханъ съ сыномъ и конвоемъ въ 250 человѣкъ. Это было весьма неосторожно съ его стороны. 17-го ему устроенъ дурбаръ, т. е. торжественный пріемъ съ королевскимъ салютомъ, затѣмъ ему данъ почетный караулъ, превратившійся скоро въ стражу.., Когда онъ вздумалъ воротиться въ Кабулъ, его не пустили...

Отъ Куши до Кабула всего 75 верстъ. Чиновники эмира разосланы были по деревнямъ и доставляли англичанамъ, по пути, продовольствіе. Летучая колонна едва ползла: гильзаи обманули, получивъ впередъ деньги и не доставили вьючныхъ животныхъ въ требуемомъ количествѣ. Робертсъ идетъ по 7 верстъ въ день!—У него было только 1,500 муловъ, 800 быковъ и нѣсколько слоновъ.

24-го сентября, въ 12 верстахъ отъ Кабула, англичане наконецъ встрѣтились у Чаръ-азіаба съ афганскими войсками, дѣйствовавшими, очевидно, независимо отъ своего эмира, сдавшагося англичанамъ... Афганцы были разбиты, потерявъ 2 знамени и 12 орудій. Послѣ этого Робертсъ выпустилъ прокламаціи, въ которыхъ требовалъ, чтобы мирные, съ женами и дѣтьми, либо уходили подальше, либо явились въ англійскій лагерь, а немирнымъ и захваченнымъ съ оружіемъ грозилъ наказаніемъ. 26-го сентября Робертсъ занялъ безъ боя Ширъ-пурскій лагерь, въ 2 верстахъ къ сѣверу отъ Кабула. Тутъ, нашли 78 пушекъ, въ

числѣ которыхъ и подаренныя англичанами Ширъ-Али хану—17 орудій Армстронга.

Афганцы отступили въ Газни. Плѣнныхъ, какъ захваченныхъ съ оружіемъ, Робертсъ велѣлъ пристрѣлить... Къ 28 числу собрали уже 110 пушекъ афганскихъ. 30-го занята цитадель Бала-Гисаръ. Назначено торжественное вступленіе въ нее. Якубъ-ханъ отказался украшать собою тріумфъ Робертса и не поѣхалъ. Это ему поставлено было въ вину... Съ балкона балагисарскаго дворца прочитана была рѣчь; объявлено военное положеніе на 10 миль (т. е. 15 верстъ) въ окружности; наложена на жителей контрибуція; приказано сдать все оружіе на 5 миль въ окружности въ теченіе одной недѣли; кто не сдастъ—смерть. Головы убійцъ англійской миссіи оцѣнены по слѣдующей таксѣ: голова солдата—50 рупій (какъ разъ 30 сребрениковъ, если считать рупію въ 60 коп.), голова капитана—75, штабъ-офицера—120.

Въ цитадели найдено 85 орудій и много артиллерійскихъ запасовъ. Торжественное вступленіе въ самый Кабулъ назначено 2 октября. Якубъ-ханъ опять не поѣхалъ. Это приписано ему къ счету... Въ городѣ народъ толпился на улицахъ; лавки были открыты; фруктовщики угощали солдатъ даромъ.

Въ этотъ день афганцы напали на отрядъ, занимавшій Шуторъ-гарденскій перевалъ, и хотя были отбиты, но отрядъ отступилъ къ Кабулу. 4-го октября афганцы взорвали въ цитадели два пороховыхъ магазина съ 372 пудами пороха и до 8 милліоновъ патроновъ. При этомъ однако погибли только: 1 офицеръ и 21 солдатъ. Но какъ въ Бала-Гиссарѣ было еще до 5000 пудовъ пороху и легко могло найтись еще нѣсколько патріотовъ, готовыхъ пожертвовать собою, чтобы взорвать ненавистныхъ имъ инглизовъ, то Робертсъ вывелъ войска изъ цитадели.

Послѣ этого началось мщеніе: 8-го октября повѣшены, по приговору англійскаго суда, 5 человѣкъ, въ числѣ ихъ старшій мулла и два афганскихъ генерала.

Афганцы понемногу оглядѣлись и войска ихъ стали понемногу стекаться къ Кабулу, видя, что подкрѣпленія къ Робертсу не идутъ. Пешаверская колонна, въ которой снова открылась холера, когда ей пришлось снова посѣтить свои старыя засиженныя стоянки,—двигалась крайне медленно. Робертсъ двинулся къ ней на встрѣчу и соединился съ нею 26-го октября. За свои блестящіе успѣхи онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Всѣ министры эмира были арестованы и преданы суду. Обвиненія возбуждались и противъ эмира, хотя онъ не только не содѣйствовалъ и не сочувствовалъ жестокой расправѣ съ англійской миссіей, но даже предупреждалъ ее наканунѣ объ опас-

ности и самъ же звалъ англичанъ на [illegible]ръ, наконецъ, рѣшился отказаться отъ престола въ пользу своего сына.

Это было также не остроумно, ибо его самого тотчасъ же и посадили подъ арестъ... Чтобы смягчить своихъ палачей и защитить память отца отъ нареканій англичанъ, будто онъ увезъ всю казну свою, Якубъ-ханъ открылъ имъ мѣсто, гдѣ зарыто было два милліона рупій золотомъ. Англичане отрыли кладъ, забрали себѣ и стали рыть землю повсюду. Нашли еще и разныя цѣнныя вещи. Робертсъ доносилъ, что въ казнѣ эмира найдено до 30.000 русскихъ полуимперіаловъ и что русскаго золота много здѣсь въ обращеніи на базарѣ и у сердарей.

Итакъ, мы вонимъ объ англійскомъ золотѣ, а сами англичане вопятъ о русскомъ! 19 декабря Якубъ-хана отправили въ Пешаверъ, а затѣмъ въ Муссури, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался маніакомъ: онъ до того боялся отравы, что питался только женскимъ молокомъ. Для него держали до 30 кормилицъ и доили ихъ, какъ коровъ!

Между тѣмъ жители сдали до 4000 ружей; по разсчету англичанъ, у нихъ оставалось еще до 40 т. на рукахъ.

Казни шли своимъ чередомъ, тѣла казненныхъ сжигали, для усиленія страха, въ виду суевѣрія народа, считавшаго, что сожженный не попадетъ въ рай, за неимѣніемъ тѣла... Казнено всего до 500 чел. Таковъ былъ англійскій способъ созданія дружелюбнаго и независимаго государства!

Къ чести англичанъ надо сказать, что во многихъ англійскихъ газетахъ безпрестанно изобличали „звѣрства генерала Робертса“; разсказывали, напримѣръ, что плѣнныхъ уродовали, зажигали на нихъ платье.

Гаррисонъ напечаталъ въ журналѣ „The Fortnightly Review“ въ 1881 г. статью по этому поводу и между прочимъ выразился такъ: „нашъ офицеръ почти всегда наполовину палачъ, наполовину полицейскій сыщикъ... англійская армія, чаще всякой другой, занимается вѣшаніемъ, разстрѣливаніемъ и истребленіемъ плѣнныхъ“.

Многочисленныя казни однако не способствовали къ смягченію ненависти авганцевъ и вскорѣ начались избіенія англичанъ оптомъ и въ розницу, гдѣ только ихъ застанутъ врасплохъ. Дошло до того, что англичане вынуждены были очистить Кабулъ и перейти въ ширпурскій лагерь. Здѣсь ихъ окружили афганцы и держали въ блокадѣ со 2-го по 11 декабря. Во время одной изъ вылазокъ англичанъ изъ лагеря 2-го декабря, когда они вздумали сбить афганцевъ съ позиціи на ближней горѣ Кохъ-и-Асмай, они потерпѣли отъ афганцевъ страшное пораженіе, потерявъ до 1000 чел. и 3 орудія. Афганцами руководилъ здѣсь отличный артиллерійскій офицеръ Мухаммедъ-Джанъ.

Вслѣдствіе такого страннаго поведенія подданныхъ „дружелюбнаго государства“, англичане притянули къ Кабулу отряды, охранявшіе дорогу на Пешаверъ, отказались отъ занятія Герата и предписали Стюарту бросить Кандагаръ и идти также къ Кабулу. Но зимою, когда всѣ долины были заметены снѣгомъ, это было не легко исполнить, да и афганцы не могли долго оставаться на бивакахъ и понемногу разсѣялись. Такъ прошла зима и наступилъ 1880 годъ. Вмѣсто двухъ недѣль, англичане завязли въ Афганистанѣ на два года...

Между тѣмъ Абдуррахманъ-ханъ, получивъ берданки на свою свиту въ 250 человѣкъ и накупивъ револьверовъ въ ташкентскихъ магазинахъ, выступилъ изъ Ташкента въ ночь на 15-е декабря 1879 года. Бывшій шахрисябзскій бекъ, а въ 1896 году полковникъ нашей службы Джура-бій свидѣтельствуетъ, что Абдуррахманъ жилъ въ Ташкентѣ по сосѣдству съ нимъ и передъ отъѣздомъ заходилъ прощаться. Ничего тайнаго въ его уходѣ не было; берданки были выданы ему изъ арсенала. Шелъ онъ на Ура-Тюбе, перевалилъ черезъ горы въ Пенджакентѣ и чрезъ бухарскія владѣнія вышелъ на Аму-дарью.

Въ оффиціальномъ донесеніи объ этомъ было сказано, что Абдуррахманъ отпросился въ Фергану для свиданія съ родственниками и б ѣ ж а л ъ оттуда...

Въ февралѣ 1880 г. онъ занялъ Бадахшанъ, затѣмъ Кундузъ, гдѣ захватилъ индійскій караванъ и взялъ съ него выкупъ въ 120,000 рупій. Въ мартѣ онъ подчинилъ себѣ весь Афганскій Туркестанъ. 7-го апрѣля Робертсъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ Абдуррахманъ объявлялъ, что готовъ покориться англичанамъ и рѣшительно отрицалъ слухи о томъ, будто онъ получилъ отъ русскихъ помощь деньгами и людьми.

Когда сошелъ снѣгъ и дороги стали проходимы, Стюартъ выступилъ изъ Кандагара въ Кабулъ, съ большею частію войскъ своихъ. 8-го апрѣля онъ занялъ Газни, разбилъ два раза афганцевъ и, прибывъ въ Кабулъ, отправилъ 20-го апрѣля посольство къ Абдуррахману. Ему предложено званіе эмира. Абдуррахманъ, однако, не торопился, хотѣлъ, чтобы его упрашивали, чтобы не они ему, а онъ имъ диктовалъ условія. Поэтому онъ отказался прибыть въ англійскій лагерь на свиданіе, чтобы не очутиться въ плѣну, а на письмо отвѣчалъ, что онъ долженъ владѣть в с ѣ м и тѣми землями, какими владѣлъ его дѣдъ Достъ-Мухамедъ. Очевидно, онъ не признавалъ уступокъ, сдѣланныхъ Якубъ-ханомъ, и отдѣленія Кандагара въ особое владѣніе, что успѣли уже устроить англичане. Имъ онъ объявилъ, что его избрали эмиромъ всѣ афганскія племена.

Англичане не знали теперь, какъ и развязаться съ надоѣвшимъ имъ Афганистаномъ и какъ оттуда уйти домой, не роняя

своего достоинства. Надо же было кому-нибудь сдать, такъ сказать, подъ росписку, занятыя области, и заключить какія-нибудь условія съ любымъ афганцемъ, который сумѣлъ бы прибрать власть къ рукамъ. Договоръ съ Якубъ-ханомъ потерялъ всякую силу со времени его отреченія и заточенія въ Муссурѣ. Единственный человѣкъ, съ которымъ можно было договариваться, былъ Абдуррахманъ. Онъ ихъ выручалъ изъ затруднительнаго положенія. Соболевъ на стр. 419 т. I своего труда говоритъ: „Россія, при помощи Абдуррахманъ-хана, оказала великую услугу Великобританіи". И это совершенно вѣрно. Недаромъ Кауфманъ противился отпуску этого принца. Точно предчувствовалъ онъ, что Россія тутъ ничего не выиграетъ, а потерять можетъ много.

Англичане уцѣпились за Абдуррахмана, какъ за якорь спасенія. 10-го іюля они устроили дурбаръ въ своемъ ширъ-пурскомъ лагерѣ и объявили, что императрица Индіи Викторія признала Абдуррахманъ-хана—эмиромъ. Вскорѣ они получили печальное извѣстіе, что оставшіяся въ Кандагарѣ войска ихъ разбиты на голову 24-лѣтнимъ Аюбъ-ханомъ, братомъ Якубъ-хана. Аюбъ, дѣйствовавшій, при жизни отца, за одно съ братомъ, спасся въ Персію, а съ воцареніемъ Якубъ-хана, переѣхалъ въ Гератъ. Когда Стюартъ выступилъ изъ Кандагара, то Аюбъ-ханъ немедленно двинулся изъ Герата, чтобъ изгнать оттуда ставленника англичанъ—кандагарскаго вали. Англичане выступили ему на встрѣчу и сошлись съ нимъ, въ 62 верстахъ впереди Кандагара, у Кушкъ-и-Нахуда или Мейванда. Войска ихъ состояли изъ бригады генерала Борроуза и арміи этого вали въ 5500 чел. Дорогою войска вали заявили, что не хотятъ драться съ Аюбомъ... 2-го іюля англичане рѣшили обезоружить ихъ. Тогда вся армія вали, съ артиллеріей, подаренной ему англичанами, пошла мимо англійскаго лагеря, къ сторонѣ непріятеля. Англичане бросились преслѣдовать измѣнниковъ, но успѣли отбить только свою батарею въ 6 орудій.

15-го іюля произошелъ бой у Майванда. Бригада Борроуза была разбита на голову, потерявъ 2 знамени, 8 орудій и весь обозъ. Убито 20 офицеровъ, 400 рядовыхъ англичанъ и 800 индійцевъ. Оставшіеся въ живыхъ бѣжали безъ оглядки; старшіе офицеры впереди... Англичане сваливали свою бѣду на густой туманъ и преимущества непріятеля въ артиллеріи. У нихъ было только 12 орудій, а непріятель имѣлъ 36, да и тѣ выставилъ въ одну батарею (какъ Наполеонъ подъ Ваграмомъ) и разстрѣлялъ англичанъ. Полкъ № 66, состоявшій изъ 20 офицеровъ и 500 солдатъ, потерялъ убитыми: 13 офицеровъ и 262 рядовыхъ, а ранеными: 2 офицеровъ и 30 рядовыхъ; кромѣ того пропало безъ вѣсти изъ этого же полка 100 человѣкъ, когда они забѣжали въ безводную пустыню... Значитъ, отъ полка осталось годныхъ только

108 человѣкъ. Въ оффиціальной телеграммѣ вся убыль показана въ 1221 убитыхъ; сказано также, что всѣ патроны и заряды брошены, кинуто также 100 ружей.

Англичане такъ высоко ставили себя, сравнительно съ афганцами, что никакъ не могли помириться съ мыслію, что эти самые афганцы поколотили ихъ. Сейчасъ и пущенъ былъ утѣшительный слухъ, будто афганцами руководили русскіе офицеры! Быть побитыми русской рукой англичанамъ кажется, если не легче, то хоть менѣе обидно!—Потомъ стали говорить, что офицеры были только русской выучки, но изъ сартовъ *).

Мы приводили въ своемъ мѣстѣ возраженія на это Кауфмана.

Слѣдомъ за бѣглецами афганцы двинулись къ Кандагару и осадили въ немъ генерала Примроза. Съ 24-го іюля они повели даже траншеи. 4-го августа англичане сдѣлали вылазку и успѣли занять одну возвышенность, но все равно удержать ее за собою не могли и отступили, потерявъ напрасно убитыми: 1 генерала (Брука), 7 офицеровъ и 180 солдатъ; кромѣ того тяжело ранено 3 офицера и легко 2.

Пока вѣсть о пораженіи подъ Мейвандомъ еще шла въ Кабулъ, тамъ началось уже выступленіе англійскихъ войскъ въ Индію и какъ разъ 15 іюля, т. е. въ день пораженія Борроуза... Вѣсть дошла 25-го, а 27-го въ Кандагаръ пошелъ на помощь Робертсъ съ 9000 войска. Оставшіеся послѣдніе эшелоны выступали изъ-подъ Кабула въ Индію 30 іюля. И вотъ только теперь новый эмиръ Абдуррахманъ-ханъ пріѣхалъ въ англійскій лагерь пожелать Стюарту с ч а с т л и в а г о п у т и!

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ бы принималъ свою столицу изъ рукъ англичанъ, которыхъ какъ бы выпроваживалъ по добру, по здорову. Это несомнѣнно тонкій политикъ: явись онъ раньше, столица увидала бы его впервые въ унизительномъ для владыки положеніи второстепеннаго лица, а онъ самъ увидалъ бы палача Робертса, долженъ бы былъ подавать ему руку... Прибывъ въ англійскій лагерь тогда, когда тамъ оставалась только горсть англичанъ, онъ уже не опасался за свою свободу и даже обращался къ Стюарту съ покровительственнымъ тономъ, обѣщая ему всякое содѣйствіе относительно продовольствія въ пути и доставки вьючныхъ животныхъ. Только, дескать, проваливайте, голубчики, поскорѣе.

По соединеніи съ Примрозомъ, у Робертса образовалось 14,118 чел. войска и 12,000 прислуги. Съ этими силами онъ двинулся

---

*) Еще обиднѣе казалось имъ быть битыми вовсе не воинами, а земледѣлами-бурами съ 1898 по 1902 годъ, а въ 1903 — дикими сомалійцами Но теперь англичане уже привыкли.

1 сентября противъ Аюба, но тотъ не принялъ боя, бросилъ артиллерію и ушелъ. Англичане подобрали 32 орудія.

Тутъ дошелъ до англичанъ слухъ объ экспедиціи Скобелева къ Геокъ-Тепе. Говорили, что онъ идетъ затѣмъ къ Герату. Поэтому рѣшили не очищать Кандагара. Но къ веснѣ 1881 года, все-таки, очистили его. Постоянныя болѣзни въ войскахъ, расквартированныхъ въ новоприобрѣтенномъ Хейберскомъ ущельи, заставили англичанъ очистить и это ущелье. Они заключили договоръ съ афридіями, сдали имъ на охрану всѣ свои форты, казармы и магазины, обязались платить за охрану изрядную дань, а хранители, съ своей стороны, обязались не грабить проѣзжающихъ англичанъ и купеческіе караваны. Въ рукахъ англичанъ осталось только Курумская долина.

Такъ плачевно кончилась экспедиція англичанъ, начатая съ преждевременными побѣдными кликами и тянувшаяся вмѣсто 2 недѣль $2^1/_2$ года!

„Научная граница“ жида Биконсфильда, стоившая англичанамъ столько крови и принесшая имъ столько позора, такъ и осталась въ проектѣ, до поры—до времени.

Ближайшими послѣдствіями этой затѣи были: покореніе нами туркменъ и занятіе Мерва. Граница наша съ Афганистаномъ съ этой стороны доходитъ до г. Меручака и отстоитъ отъ Герата всего только на 130 верстъ.

Предчувствуя отсюда главную опасность, англичане рѣшились придвинуться ближе къ нашей границѣ съ противоположнаго фланга, къ сторонѣ Памира, чтобы здѣсь войти въ связь съ Китаемъ, руками котораго они также надѣются загребать жаръ. Гондри въ своей книгѣ „China and her neighbours“ (Китай и его сосѣди) разоблачилъ эти надежды: англійскіе офицеры обучатъ китайскую армію всѣмъ тонкостямъ современной тактики, и нѣтъ сомнѣнія, что „китайскіе солдаты, обученные и предводительствуемые англійскими офицерами, будутъ сражаться не хуже казаковъ“, а когда англійская армія будетъ биться съ русскою подъ Кандагаромъ, китайскій флотъ нападетъ на восточные берега Сибири...

Но отчего авторъ собирается дать намъ сраженіе подъ Кандагаромъ, а не подъ Гератомъ, на укрѣпленія котораго потрачено столько англійскихъ денегъ? Надежды на Китай едва ли основательны, послѣ того какъ маленькая Японія доказала дряблость этого стараго великана, а знаменитый китайскій воинъ и дипломатъ Ли-хун-чанъ познакомилъ всѣ европейскіе дворы, во время своего путешествія по Европѣ, съ основными началами китайской политики: „ядъ надо истреблять противоядіемъ“.

Всѣ чужестранцы считаются въ Китаѣ врагами. Ихъ надо

стравливать, чтобы они взаимно истребляли другъ друга, а самимъ между ними не вмѣшиваться. Поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно, что англичане жестоко ошибутся, разсчитывая на помощь Китая. Тѣмъ не менѣе со стороны Памира, англійская граница, послѣ занятія Канжута, Свата и Читрала, подходитъ къ нашей на 40 верстъ. Узкая полоса афганской земли впрочемъ и тутъ еще играетъ роль нейтральнаго пояса!

Начатый въ 1898 году раздѣлъ Китая едва ли дастъ англичанамъ возможность воспользоваться вооруженными силами Китая противъ насъ. Развѣ что соперничество наше въ Средней Азіи отойдетъ на второй планъ, въ виду болѣе достижимыхъ результатовъ на „дальнемъ Востокѣ“.

Англичане чуютъ и тамъ что-то, для себя, не ладное и торопятся заручиться союзомъ съ Японіей, которая годится, по ихъ мнѣнію, для роли сторожа передъ воротами Владивостока и Портъ-Артура. Ухаживаютъ теперь и за Франціей, подводная флотилія которой грозитъ надводному флоту Англіи, грозитъ отнять у нея славу „владычицы морей“.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.